

СОБОР СВЯТЫХ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

БОГОСЛОВСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАВАЕМЫЙ

Московской Духовной Академией
и Семинарией

№ 11–12

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК, ПОСВЯЩЕННЫЙ 325-ЛЕТИЮ
СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

СЕРГИЕВ ПОСАД
2010

Издание осуществлено при содействии
Фонда просвещения «МЕТА»,
Киккского монастыря (о. Кипр)
и фонда «Русское культурное наследие» (Женева, Швейцария)

Главный редактор
архиепископ Верейский Евгений,
ректор МДАиС

Редакционный совет:
игумен Дионисий (Шленов), заместитель главного редактора,
протоиерей Павел Великанов,
игумен Мелетий (Соколов),
протоиерей Леонид Грилихес,
М. С. Иванов,
А. К. Светозарский,
протоиерей Владислав Цыпин,
В. М. Кириллин,
Ю. А. Шичалин

Научный редактор
В. Л. Шленов

ISBN 978-5-87245-161-7

© Московская духовная академия, 2010
© Учебный комитет
Русской Православной Церкви, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения	15
<i>Архиеп. Верейский Евгений. Академические юбилеи</i>	23

ОТДЕЛ I. ТВОРЕНИЯ СВ. ОТЦОВ И ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

<i>Свт. Иоанн Златоуст. Слово на Пасху (Dub.) (Публикация текста и перевод с древнегреческого С. С. Кима)</i>	36
<i>Блж. Августин Иппонский. Два новооткрытых письма на Восток (Перевод с латинского, вступительная статья и примечания Е. В. Ткачева)</i>	46
<i>Свт. Кирилл Александрийский. Послание к египетским монахам (Перевод с древнегреческого, вступительная статья и примечания иером. Феодора (Юлаева))</i>	69
<i>Свт. Герман, патриарх Константинопольский. Слово в Неделю Крестопоклонную (Перевод с древнегреческого Н. Я. Бойкова [1910 г.], вступительная статья и примечания М. В. Венецова)</i>	101
<i>Прп. Никодим Святогорец. Предисловие к Пидалиону (Перевод с кафаревусы сестер Ново-Тихвинского монастыря, вступительная статья и примечания А. Г. Бондача)</i>	123

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Дореволюционный период

<i>Иерод. Родион (Ларионов). Материальная база Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII века как важный фактор развития высшего образования в России</i>	178
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. К. Магницкий</i> . Штрихи из жизни Леонтия Филипповича Магницкого, одного из первых учеников Славяно-греко-латинской академии	223
<i>Архим. Матфей (Мормыль)</i> . Литургическая наука в Московской духовной академии	242
<i>Г. Е. Колыванов</i> . Кафедра Естественно-научной апологетики Московской духовной академии (1870—1903) в лице Д. Ф. Голубинского	256
<i>Прот. Павел Ходзинский, Н. Ю. Сухова</i> . Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии	291
<i>М. С. Иванов</i> . Природа богословской науки по трудам священномученика Илариона (Троицкого)	342
<i>Л. А. Армеева</i> . Училище иконописания в стенах Троице-Сергиевой Лавры в конце XIX — начале XX века	360
<i>Н. Ю. Сухова</i> . Фонд Московской духовной академии (№ 229) в Центральном историческом архиве Москвы	396

Послереволюционный период

<i>Протоиак. Сергей Голубцов</i> . Московская духовная академия в революционный период (1917—1927)	443
<i>Прот. Александр Задорнов</i> . Профессор С. В. Троицкий и его вклад в развитие дисциплины церковно-канонического права в Московской духовной академии	510
<i>Архим. Макарий (Веретенников)</i> . Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин	537
<i>Игумен. Дионисий (Шленов)</i> . Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах	548
<i>Д. В. Сафонов</i> . Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период	623

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ III. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ДОКЛАДЫ,
СЛОВА, ПРОПОВЕДИ И РЕЧИ

Архивные материалы

- Об архивном материале и старинных рукописях,
принадлежавших бывшей Московской духовной
академии (*Публикация М. Г. Калинина*) 647

Из неопубликованного диссертационного фонда

- Д. И. Августов.* Отношение митрополита Московского
Филарета к Московской духовной академии. Глава 1.
Учебная часть (*Публикация Редакции*) 666

Воспоминания, письма, лекции

- Д. А. Марков.* Воспоминания о Московской духовной
академии начала XX века (*Публикация В. Л. Шленова*) 706

- Свящ. П. А. Флоренский.* Избранные письма
профессорам Московской духовной академии
(*Публикация игум. Андроника (Трубачева)*) 753

- Предпоследний учебный год 1909/10 профессора МДА
А. Д. Беляева: конспект лекций по догматике на
4 академическом курсе (*Публикация студентов
2-го курса библейского отделения МДА*) 766

- Конспект лекций А. П. Шостьина и еп. Феодора
(Поздеевского) по пастырскому богословию на 4
академическом курсе: 1909/10 учебный год (*Публикация
студентов 2-го курса библейского отделения МДА*) 794

- Сщмч. Яков Бойков.* Страницы из «академического дневника»
за 1919 год (*Публикация игум. Дионисия (Шленова)*) 819

- Н. И. Муравьев.* Московская духовная академия в лицах
(1943–1948) (*Вступительная статья архим. Платона
(Игумнова), публикация и примечания Редакции*) 858

СОДЕРЖАНИЕ

- К. Е. Скурат.* Памяти профессора Московской духовной академии Николая Ивановича Муравьева 899

Из портфеля «Богословского вестника»

- Диак. Н. Виноградов.* Памяти церковного историка города Москвы прот. Н. А. Скворцова (*Публикация иером. Тихона (Зимины)*) 903

- «Богословский вестник» 1945 года: новая находка на пути от дореволюционного к современному академическому журналу (*Публикация игум. Дионисия (Шленова)*) 921

Памяти усопших

- Архим. Матфей (Мормыль) (5 марта 1938 г. — 15 сентября 2009 г.) 935

- Архим. Владимир (Кучерявый) (5 июня 1940 г. — 8 января 2010 г.) 945

- Архим. Андрей (Сухоруков) (14 февраля 1937 г. — 12 февраля 2010 г.) 957

* * *

- В. П. Овсянников.* Слово памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) 963

- Долг неоплатный. (*Беседа Д. В. Сафонова с Н. Н. Лисовым, посвященная памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина)*) 982

Слова и проповеди

- Архиеп. Верейский Евгений.* Слово перед началом 2010/11 учебного года 1007

- Игум. Герасим (Дьячков).* Проповедь в неделю 20-ю по Пятидесятнице об исцелении десяти прокаженных 1012

- М. В. Венецов.* Слово на выпускном акте МДАиС (11 июня 2010 г.) 1019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ IV. КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ,
БИБЛИОГРАФИЯ ПО БОГОСЛОВСКИМ НАУКАМ

- Г. М. Кессель*. Библиографический указатель сочинений
прп. Ефрема Сирина, переведенных с сирийского языка
в серии ТСО 1023

ОТДЕЛ V. ХРОНИКА И ОТЧЕТЫ

- Собор святых Московской духовной академии: материалы к
истории создания нового иконописного образа
(*Со вступительной статьей игум. Луки (Головкова)*) 1062

CONTENTS

A List of Abbreviations	15
<i>Archbishop EUGENE of Vereya. The Academy Anniversaries</i>	23

SECTION I. THE HOLY FATHERS' WORKS AND WRITTEN CHRISTIAN RECORDS IN THE RUSSIAN TRANSLATION

<i>St John Chrysostom. An Easter Sermon (Dub.) (A publication of the text and a translation from the Ancient Greek language by S. S. Kim)</i>	36
<i>St Augustine of Hippo. Two Newly Found Letters to the East (A translation from Latin, an introductory article and notes by E. V. Tkachev)</i>	46
<i>St Cyril of Alexandria. An Epistle to the Egyptian Monks (A translation from the Ancient Greek language, an introductory article and notes by Fr Theodore (Yulaev))</i>	69
<i>St Herman, the Patriarch of Constantinople. A Sermon on Sunday of the Veneration of the Cross (A translation from the Ancient Greek language by N. Ya. Boikov [1910], an introductory article and notes by M. V. Venetskov)</i>	101
<i>St Nicodemus of the Holy Mount. An Introduction to 'Pedalion' (A translation from Katharevousa by the sisters of the New Tikhvin Convent; an introductory article and notes by A. G. Bondach)</i>	123

SECTION II. RESEARCHES, ARTICLES AND PUBLICATIONS

A Pre-Revolutionary Period

<i>Fr Rodion (Larionov). The Slavonic-Greek-Latin Academy Facilities in the First Half of the 18th Century as a Great Factor of the Development of the Higher Education in Russia</i>	178
--	-----

CONTENTS

<i>A. K. Magnitsky</i> . Some Biographical Traits of Leontius Philippovich Magnitsky, One of the First Students of the Slavonic-Greek-Latin Academy	223
<i>Fr Matthew (Mormyl')</i> . The Liturgical Studies at the Moscow Theological Academy	242
<i>G. E. Kolyvanov</i> . The Department of Natural-Scientific Apologetics at the Moscow Theological Academy (1870—1903) Represented by D. F. Golubinsky	256
<i>Fr Paul Khodzinsky, N. Yu. Sukhova</i> . Pastoral Theology within the System of Pre-Revolutionary Theological Education as Exemplified by the Moscow Theological Academy	291
<i>M. S. Ivanov</i> . The Nature of Theological Studies according to the Works by St Martyr Hilarion Troitsky	342
<i>L. A. Armeeva</i> . A School of Iconography within the Walls of the Holy Trinity and St Sergius Lavra in the Late 19 th and Early 20 th Century	360
<i>N. Yu. Sukhova</i> . The Collection of the Moscow Theological Academy (№ 229) in the Central Historical Archive of Moscow	396

A Post-Revolutionary Period

<i>Fr Sergius Golubtsov</i> . The Moscow Theological Academy in the Revolutionary Period (1917—1927)	443
<i>Fr Alexander Zadornov</i> . Professor S. V. Troitsky and His Contribution to the Development of the Subject of the Church Canon Law at the Moscow Theological Academy	510
<i>Fr Macarius (Veretennikov)</i> . Ivan Nikolaevich Shabatin, a Professor of Church History	537
<i>Fr Dionysius (Shlenov)</i> . A Thorny Path of Classical Languages at the Moscow Theological Schools	548
<i>D. V. Safonov</i> . A Survey of Archive Sources on the History of the Moscow Theological Schools in the Post-War Period	623

CONTENTS

SECTION III. HISTORICAL RECORDS, REPORTS,
SERMONS, HOMILIES AND SPEECHES

Historical Records

- A Description of the Archival Material and Old Manuscripts
Which Used to Belong to the Former Moscow Theological
Academy (*A publication by M. G. Kalinin*) 647
- Excerpts from the Stock of Unpublished Dissertations
- D. I. Augustov.* The Metropolitan of Moscow Philaret's Attitude
towards the Moscow Theological Academy. Chapter 1. The
Process of Studies (*A publication of the Editorial Board*) 666

Memoirs, Letters, Lectures

- D. A. Markov.* Memoirs about the Moscow Theological Academy
of the Early 20th Century (*A publication by V. L. Shlenov*) 706
- Fr. P. A. Florensky.* Selected Letters to the Professors
of the Moscow Theological Academy (*A publication
by Fr Andronicus (Trubachev)*) 753
- The Penultimate 1909/10 Academic Year of the Moscow
Theological Academy Professor A. D. Belyaev: an Abstract
of Lectures on Dogmatics for the Academy 4th Year Students
(*A publication by the 2nd year students of the Biblical
Department at the Moscow Theological Academy*) 766
- An Abstract of Lectures on Pastoral Theology by A. P. Shost'in
and Bishop Theodore (Pozdeevsky) for the Academy 4th Year
Students: the 1909/10 Academic Year (*A publication by the
2nd year students of the Biblical Department at the Moscow
Theological Academy*) 794
- The Priest-Martyr Jacob Boikov.* Some Pages from the 1919
'Academic Diary' (*A publication by Fr Dionysius (Shlenov)*) 819
- N. I. Murav'ev.* The Moscow Theological Academy in
Persons (1943–1948) (*An introductory article by Fr Plato
(Igmnov), a publication and notes by the editorial board*) 858

CONTENTS

- K. E. Skurat*. In Memoriam of the Moscow Academy Professor
Nicholas Ivanovich Murav'ev 899

From the Stock of the Pre-Revolutionary 'Theological Herald'

- Fr N. Vinogradov*. In Memoriam of the Church Historian
of Moscow *Fr N. A. Skvortsov* (A publication by
Fr Tychon (Zimin)) 903

From the Stock of the 'Theological Herald' (1946)

- The 1945 'Theological Herald': a Recent Discovery on the Path
from the Pre-Revolutionary to the Modern Academic Journal
(A publication by *Fr Dionysius (Shlenov)*) 921

To the Memory of the Deceased

- Fr Matthew (Mormyl')* (5 March, 1938 — 15 September 2009) 935
Fr Vladimir (Kucheriavy) (5 June, 1940 — 8 January, 2010) 945
Fr Andrew (Sukhorukov) (14 February, 1937 — 12 February, 2010) 921

* * *

- V. P. Ovsyannikov*. A Sermon in Memoriam of *Fr Innocent*
(*Prosvirnin*) 963
A Debt that can not Be Repaid (*D. V. Safonov's talk with*
N. N. Lisovoy to the Memory of docent of the Moscow
Theological Academy Fr Innocent (Prosvirnin)) 982

Speeches and Sermons

- Eugene, the Archbishop of Vereya*. A Speech before Starting the
2010/11 Academic Year 1007
Fr Gerasim (Dyachkov). A Homily on the 20th Whitsunday on
the Healing of Ten Lepers 1012
M. V. Venetskov. A Speech Delivered on the Graduation
Ceremony (11.6.2010) 1019

CONTENTS

SECTION IV. CRITICISM, REVIEWS, NOTES,
BIBLIOGRAPHY ON THE THEOLOGICAL STUDIES

- G. M. Kessel'. Translations of Some Works by St Ephraem the Syrian in the *Holy Fathers' Works* Series: a Bibliographic List 1023

SECTION V. A DETAILED CHRONICLE OF
EVENTS AND REPORTS

- The Synaxis of Saints of the Moscow Theological Academy: Some Materials to the History of Formation of a New Iconographic Image (*With Introduction of Fr Luke (Golovkov)*) 1062

СОКРАЩЕНИЯ

- БВ Богословский вестник. СП, 1892–1918 (ежемесячно); н. с. 1–. 1993–.
- БТ Богословские труды. Сборники. М., 1958–.
- ВВ Византийский временник 1–25. СПб./Л., 1894–1928; н. с. 1 (26)–. М., 1947–.
- ВиР Вера и разум. Харьков, 1884–1917 (дважды в месяц); н. с. 2000– (ежемесячно).
- ВРХД Вестник русского христианского движения. Париж, 1925–1939, 1945–; Мюнхен, 1949; Париж, 1950– (с 1953 г. с общей нумерацией); 112/113–. Париж, Н. У., М., 1974–; 164–. М., 1992– (с неопред. периодичностью, до 1974 г. под названием «Вестник русского студенческого христианского движения»).
- ВЦИ Вестник церковной истории. М., 2006–.
- ВЦОВ Всероссийский церковно-общественный вестник. Пг., 1917–1918. № 1–46 (1.1.1917–26.2.1917); 1–169 (7.4.1917–31.12.1917); 1 (3.1.1918).
- ДЧ Душеполезное Чтение. М., 1860–1917 (ежемесячно).
- ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834–1917 (ежемесячно).
- ЖМП Журнал Московской Патриархии. М., 1948–. Ежемесячно.
- МЕВ Московские епархиальные ведомости. М., 1869–; н. с. 1990–.
- МЦВ Московские церковные ведомости. М., 1880–1918 (ежемесячно).
- ПО Православное обозрение. М., 1860–1891. Ежемесячно.
- ПрибТСО Прибавления к творениям святых отцов 1–48. М.: МДА, 1843–1864, 1871, 1872, 1880–1891.
- ПС Православный собеседник. Каз., 1855–1917 (4 раза в год, 1868–1917 ежемесячно).

СОКРАЩЕНИЯ

- ПСЗРИ Полное собрание законов Российской Империи / Под ред. М. М. Сперанского. СПб., ¹1826–1830, ²1830–1884, ³1881–1916.
- ПСПр Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи в 10 тт. СПб., 1869–1916.
- ПЭ Православная энциклопедия. М., 2000—.
- ТЕВ Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1869–1918 (с неопред. периодичностью).
- ТКДА Труды Императорской Киевской духовной академии. К., 1860–1917. Ежеквартально, в 1861–1917 ежемесячно. В 1997 г. изд. возобновлено с неопред. периодичностью и с исключением из назв. слова «Императорской».
- ТСО Творения святых отцов в русском переводе 1–69 [1–77]. М.: МДА, 1843–1864, 1871, 1872, 1880–1891, 1893–1917.
- ХЧ Христианское чтение. СПб., 1821–1917; н. с. 1991— (с неопред. периодичностью).
- ЦИВ Церковно-исторический вестник 1–11. М., 1998–2004.
- ЧОИДР Чтения в Обществе истории и древностей российских 1–23, 24–264. М., 1846–1848, 1858–1918.
- ЧОЛДП Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., СП, 1863, 1865, 1867–1894, 1910–1917 (с неопред. периодичностью; 1869–1870, 1914–1917 ежеквартально; 1871–1894, 1910–1913 ежемесячно).
- АСО *Acta Conciliorum Oecumenicorum 1–4 (27 partes) / Iussu atque mandato Societatis Scientiarum Argentoratensis edenda, instituit E. Schwartz, continuavit J. Straub.* Strassburg, B., Lpz., 1914–1974.
- АРВ *Acta Patristica et Byzantina.* Pretoria, 1900—.
- ВВКЛ *Biographisch-bibliographisches Kirchenlexikon / Hrsg. v. F. W. Bautz, T. Bautz.* Hamm, Herzberg, Nordhausen, 1990—. Электр. ресурс: <<http://www.bautz.de/bbkl>>.
- ВЕТЛ *Bibliotheca Ephemeridum Theologicarum Lovaniensium.* Leuven, 1947—.

СОКРАЩЕНИЯ

- CPG *Clavis Patrum Graecorum* 1–4 / Cura et studio *M. Geerard*. Turnhout: Brepols, 1983, 1974, 1979, 1980; 5 / Cura et studio *M. Geerard, F. Glorie*. Turnhout: Brepols, 1987.
- CPGadd *Clavis Patrum Graecorum* 3a (addenda ad vol. 3) / Parata a *J. No-ret*. Turnhout: Brepols, 2003.
- CPGS *Clavis Patrum Graecorum. Supplementum* / Cura et studio *M. Geerard, J. Noret*; adiuvantibus *F. Glorie, J. Desmet*. Turnhout: Brepols, 1998.
- CSCO *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. 1903—. Кн. серия (Paris etc., затем Louvain; все старые выпуски перепечатаны в Лувене репринтно).
- CSEL *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Vindobonae, 1865—. Кн. серия.
- DHGE *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique* / Éd. par *A. Baudrillart* et al. Paris, 1912—.
- DS *Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. Doctrine et Histoire* / Publié sous la direction de *M. Viller (SJ)*, assisté de *F. Cavallera, J. de Guibert (SJ)*, avec le concours d'un grand nombre de collaborateurs. Paris, 1: 1937; 2: 1953; 3: 1957; 4/1: 1960; 4/2: 1961; 5: 1964; 6: 1967; 7/1: 1969; 7/2: 1971; 8: 1974; 9: 1976; 10: 1980; 11: 1982; 12/1: 1984; 12/2: 1986; 13: 1988; 14: 1990; 15: 1991; 16: 1994; 17 (Index): 1995.
- EO *Échos d'Orient* 1–39. Paris, 1897/1898–1942.
- GCS *Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte* 1–41. В., 1897–1941 (под названием «*Griechische Christliche Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte*»); 42—. 1953—.
- Grumel* *Les regestes des actes du Patriarcat de Constantinople* / Éd. par *V. Grumel, V. Laurent, J. Darrouzès*. Paris, 1932–1991.
- Mansi *Mansi J. D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio*, in qua praeter ea quae Ph. Labbeus et G. Cossartius... et novissime N. Coleti in lucem edidere, ea omnia insuper suis inlocis optime disposita exhibentur, quae *J. D. Mansi*... evulgavit... 1–31. Florentiae, Venetiis, 1759–1798; 32–48. Parisiis, 1902–1915; 49–53. Lpz., Arnhem, 1923–1927 (Graz, 1960–1961).
- OCA *Orientalia Christiana Analecta*. R., 1935—. Кн. серия.

СОКРАЩЕНИЯ

- ОСР Orientalia Christiana Periodica. R., 1935—.
- ОДВ The Oxford Dictionary of Byzantium 1—3 / Ed. by A. P. Kazhdan. N. Y., Oxford, 1991.
- ОrC Oriens Christianus: Hefte für die Kunde des christlichen Orients 1—8. Lpz., 1901—1911; ser. n. 1—20/22. 1911—1924 (1925); 3 ser. 1—36. 1921—1939 (1939/1941); 4 ser. 1—37. Wiesbaden, 1953; 29—65. 1981; 66—. 1982—.
- ParOr Parole de l'Orient. Kaslik, Liban, 1970—.
- РG Patrologiae cursus completus 1—161 / Accurante J.-P. Migne. Series graeca. Parisiis, 1857—1866. Кн. серия.
- REAug Revue des Études Augustiniennes. Paris, 1955—.
- REB Revue des études byzantines. Paris, 1943—.
- РLР Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Hrsg. v. E. Trapp et al. Bd. 1—12; Registerband. Wien, 1976—1996.
- РmbZ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit / Erstellt. v. R.-J. Lilie et al. Abt. 1: 641-867. Bd. 1—7. В., N. Y., 1998—2001.
- РWRE Pauly—Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Von A. F. Pauly. Stuttgart, 1839; von G. Wissowa. Stuttgart, 1890—1980.
- SC Sources Chrétiennes. Paris, 1940—. Кн. серия.
- StPatr Studia Patristica (отд. сборники с доп. продолжающейся нумерацией в общей серии TU). Oxford, В., N. Y., Leuven, 1957—.
- TLG Thesaurus Linguae Graecae. Irvine: University of California, 1972— (включая версию TLG E [CD] и TLG on-line: <<http://www.tlg.uci.edu/>>).
- TU Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur / Begründet v. O. von Gebhard, A. Harnack. Lpz., В., 1882—.

Библиографические указатели

- БУ ТСО Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском переводе» [1843—1854 гг.] / Под ред. А. Г. Дунаева, иером. Дионисия (Шленова); предисл. иером. Дионисия (Шленова) // БВ 2003. № 3. С. 276—349; Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском

СОКРАЩЕНИЯ

переводе» (1872–1917 гг.): (С приложением документов из истории ТСО) / Под ред. А. Г. Дунаева, иером. Дионисия (Шленова); предисл. иером. Дионисия (Шленова) // БВ 2005–2006. № 5/6. С. 493–627.

- БУ ДВС   *Бондач А. Г.* Библиографический указатель к «Деяниям Вселенских Соборов» // БВ 7. 2008. С. 401–436; БВ 8–9. 2008–2009. С. 507–550; БВ 10. 2010. С. 455–491.
- ИАБ   *Исихазм: Аннотированная библиография / Сост. А. Г. Дунаев и др.; Под общ. и науч. ред. С. С. Хоружего.* М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004. При ссылках указываются номер раздела и номер описания.

Литература

- Голубцов 1999*   *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия в начале XX века: Профессура и сотрудники: Основные биографические сведения (по материалам архивов, публикаций и официальных изданий). М., 1999.
- Голубцов 1999**   *Голубцов С., протодиак.* Московская Духовная Академия в революционную эпоху. [Т. 1. Ч. 3] Академия в социальном движении и служении в начале XX века. По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М., 1999.
- Голубцов 2002*   *Голубцов С. А., протодиак.* Жизнь, деятельность и научные труды профессоров [Академии начала XX в.]. Т. 2. Ч. 5. 1-я кн. 1-я пол. А–В. М., 2002. 214, XIV с.; 1-я кн. 2-я пол. Г–Ил. 481, 6, IX с.; 2-я кн. Ио–Пок. 379, XVI с.; 3-я кн. Поп–Сп. 219, XIV с.; 4-я кн. Ст–Ш. 198, XII с. (машинопись).
- Памяти почивших наставников 1914   *Памяти почивших наставников: изд. Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее 100-летнего юбилея (1814–1914).* СПб, 1914. 402 с.
- Пушков 2002*   *Пушков С., свящ.* Начальный период возрождения Московских духовных школ (1944–1964 гг.): Профессорско-преподавательская корпорация. Дисс. ... канд. богосл. СПб: МДА, 2002 (машинопись).
- Сборник 1864   *Сборник, изданный Московской Духовной Академией, по случаю празднования ее пятидесятилетия.* М.: Тип. В. Готье, 1864. 452 с.

СОКРАЩЕНИЯ

- Селянин 1994 Селянин А. История Московской Духовной Академии в первое 20-летие ее возрождения (1944–1964 гг.). Дисс. ... канд. богосл. СП, 1994 (машинопись).
- Смирнов 1855 Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855 (р1885).
- Смирнов 1879 Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814–1870). М., 1879.
- Списки студентов 1914 Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской Духовной Академии за первое столетие ее существования (1814–1914 гг.). СП: Тип. И. И. Иванова, 1914. 178 с.
- У Троицы в Академии 1914 У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М.: Тип. товарищества И. Д. Сыгина, Пятницкая ул., 1914. 772 с.

Архивы и институции

- АН Академия наук.
- ГАРФ Государственный архив Российской Федерации (быв. ЦГА-ОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства). М.
- НИОР РГБ Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.
- ОДДС Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 30 (в 31) тт. СПб.; Пг.: Синод. тип., 1868–1917.
- ОРЯС АН Сборник Отделения русского языка и словесности АН.
- РА Русский архив. М., 1863–1917.
- РГАДА Российский государственный архив древних актов. М.
- РГАНИ Российский государственный архив новейшей истории. М. (бывший ЦХСД — Центр хранения современной документации).
- РГАСПИ Российский государственный архив социально-политической истории. М., с марта 1999.
- РГБ Российская государственная библиотека (бывшая Государственная библиотека им. В. И. Ленина). М.

СОКРАЩЕНИЯ

РГИА	Российский государственный исторический архив. М.
ЦАК	Церковно-археологический кабинет МДА.
ЦАО ОЛДП	Церковно-археологический отдел Общества любителей духовного просвещения. М.
ЦГАМО	Центральный государственный архив Московской области. М.
ЦГИАМ	Центральный государственный исторический архив Москвы.
ЦИАМ	Центральный исторический архив Москвы, с 1976 (с конца XVIII в. — Московский губернский архив старых дел, с 1925 по 1930 — Исторический архив Московского губернского архивного бюро, до 1937 — Московское областное архивное управление, с 1937 — Московский областной исторический архив, с мая 1941 до 1976 — Государственный исторический архив Московской области).

Учебные заведения

БПК	Богословско-пастырские курсы (→ МДС).
ДС	Духовная семинария.
ДУ	Духовное училище.
КДА	Киевская духовная академия.
КазДА	Казанская духовная академия.
ЛДА	Ленинградская духовная академия (→ СПбДА).
МДА	Московская духовная академия.
МУЖВиЗ	Московское училище живописи, ваяния и зодчества.
ПБИ	Православный богословский институт (→ МДА).
ПСТБИ (→ ПСТГУ)	Православный Свято-Тихоновский богословский институт (→ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).
СЛА	Славяно-греко-латинская академия (→ МДА).
СПбДА	Санкт-Петербургская духовная академия.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия городов

К.	Киев
Каз.	Казань
Л.	Ленинград
М.	Москва
Пг.	Петроград
СП	Сергиев Посад
СПб.	Санкт-Петербург
В.	Berlin
Lpz.	Leipzig
N. Y.	New York
R.	Romae, Roma, Rome
Ἀθ.	Ἀθήναι, Ἀθήνα
Θ.	Θεσσαλονίκη

Условные обозначения

+	добавляет
<	опускает
p, r	репринт, reprint

АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ ЕВГЕНИЙ

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЮБИЛЕИ

В 1685 г. — 325 лет тому назад — была основана Славяно-греко-латинская академия. Более чем три века отделяют нас от создания первого высшего духовного учебного заведения России. За эти годы Академия успела пережить периоды расцвета и упадка, влияния Востока и Запада, переезды из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру и обратно, закрытие и новое рождение в муках и тревожных надеждах на будущее.

«Юноши, вступающие на новое поприще наук! — говорил первый ректор Московской духовной академии архимандрит Симеон (Крылов) 1 октября 1814 г. в торжественный день открытия Академии в Лавре. — Потщитесь вашим прилежанием, преуспевая купно в благочестии и добродетели, оправдать надежды, кои полагают в вас святая Церковь и любезное всем нам Отечество! <...> Знаменуйте убо признательность вашу к отеческому о вас смотрению ревностнейшим и неослабным течением в предлежащем вам подвиге истинного просвещения...»¹ Эти слова, хотя и кажущиеся слишком возвышенными, и поныне побуждают не сходить с узкого, но благодатного пути учения, которое и является подлинным подвигом и служением.

Основные языки преподавания, поочередно сменявшие друг друга, — греческий, латинский и русский — стали своеобразным символом многоликости Академии, ее открытости ко всему лучшему, к тому, что было создано высочайшими достижениями человеческого духа в синергии с Божественным Откровением. Оплоты классической и византийской образованности — первый и второй Рим — пали, а Москва, горделиво именовавшая себя их преемницей, должна была

¹ Цит. по: Смирнов 1879. С. 10.

лелеять Академию как драгоценную школу духа, незыблемый оплот веры и государственности. Казалось, навсегда низвергнутый волной революционных событий, Третий Рим снова духовно восстал с тем, чтобы и возрожденная Академия могла снова и снова твердить о непреходящести вечного, об идеалах Святой Руси.

Из числа питомцев, наставников и преподавателей Академии составилась целый сонм святых. По большей части это новомученики и исповедники, которые не побоялись засвидетельствовать о незыблемости своей веры в годину испытаний. Но и в более мирные времена в Академии было много труженников, самоотверженность и духовное горение которых непреложно свидетельствовало об их не всегда заметной миру святости.

Из стен Академии вышло множество архипастырей, пастырей, монашествующих и мирян, верно стоявших на свещнице служения Церкви и Отечеству. Одни из них прославились на строгом ученом поприще, другие занимались пастырским служением, а третьи миссионерствовали на необъятных просторах Руси и далеко за ее пределами. Служение Академии продолжается и поныне, но о настоящем более уместное и точное суждение вынесет будущее.

Академия всегда стремилась оставаться тем своеобразным эталоном, на который должны были равняться многие другие духовные учебные заведения России. Когда-то, в начале XIX в., ее попечению был вверен целый ряд семинарий. В конце XX — начале XXI в., когда впервые в истории функции председателя Учебного комитета и ректора Академии оказались совмещенными в лице одного должностного лица, ей пришлось принимать самое непосредственное участие в судьбах всех духовных учебных заведений Русской Православной Церкви на территории России. История повторяется, но только сейчас — в период патриаршества Святейшего Патриарха Кирилла, определившего траекторию дальнейшего развития духовного образования, — мы вступаем в ту принципиально новую эпоху, которая позволит сочетать единство учебных и ученых установок с многообразием творческих решений и подходов.

* * *

В истории и памяти Академии накопилось немало памятных дат, которые со временем неминуемо становились датами юбилейными. Но прежде, чем дать их краткий перечень, следует задуматься и задаться вопросом о предыстории юбилеев и праздников в священной истории человечества. Еще в ветхозаветные времена Господь Бог особым образом благословлял каждый пятидесятый год, объявив его юбилейным для всего народа: «И освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя»². После воплощения Христова разрешаются праздники — и, значит, юбилеи, — которые в ветхозаветной перспективе — *тьнь будущего*³, а в новозаветной — источник *воды живой*⁴. Весь литургический год — это непрерывное чередование праздничных дат, которые ежечасно и ежеминутно вводят нас в обратную перспективу бесконечной радости восьмого дня в грядущем Царствии Небесном. Конечно, академические юбилеи должны научить нас прежде всего не безделью и праздности, а доподлинно приобщить к той полноте бытия, обладая которой, наши предки умели непрестанно учить и учиться, а потому умели превращать даже свой досуг в непрестанное служение, умели сохранять абсолютную целеустремленность в горячем стремлении раскрыть и сохранить богооткровенные истины. Как будто к нам обращены слова святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, которые он произнес в 1864 г. по поводу одного из академических юбилеев: «Братие! Нам предлежит не почивать на победах мучеников и на подвигах древних отцев, но подвизаться с напряженною ревностью в охранении веры и Православной Церкви с готовностью к самопожертвованию за истину Христову, если действительно желаем умудриться во спасение себе и другим»⁵.

По сложившейся традиции, несомненно продолжающей лучшие традиции университетского образования, особо значимые юбилеи отмечались изданием памятных сборников. Как правило, данные сбор-

² Лев. 25, 10.

³ Кол. 2, 16.

⁴ Ин. 7, 38.

⁵ Филарет (Дроздов), свт. Слово на начало нового пятидесятилетия Академии // Сборник 1864. С. 19–20.

ники подразделялись на две группы: 1. Посвященные истории Академии⁶; 2. Сборники научных статей профессоров⁷ или студенческих сочинений. Такие труды успешно публиковались, разве что за исключением трех десятилетий второй половины XX в., когда профессорско-преподавательским корпорациям нескольких духовных учебных заведений, остававшихся на территории России, приходилось писать по преимуществу в стол. До революции ключевым юбилеем, стимулировавшим появление многочисленных публикаций, оказался 1914 г. Во второй половине XX в. таким юбилеем стал 1966 г., позволивший собрать достаточно большое количество всевозможных материалов. В середине XX в. было еще отчасти живо поколение, которое явственно помнило и дореволюционную Россию, и Академию, и, несомненно, могло поделиться своим богатым опытом и воспоминаниями. Это поколение и стало связующим звеном между старой и новой Академией, которое обеспечило порушенное было историческое преемство и прямую взаимосвязь между тем, что казалось безвозвратно потерянным, и тем, что еще нужно было построить.

Самой первой и основополагающей юбилейной датой стало основание Академии в 1685 г. Всего лишь трехвековой отрезок отделяет нас от времени, которое кажется максимально близким и одновременно максимально далеким. 1685 г. — это отправная точка для истории всего высшего образования в России; время еще допетровской патриархальной Руси, когда старопечатные и рукописные книги, имевшиеся в наличии, обеспечивали учебный процесс, находившийся на зыбкой грани между средневековым и новым временем. Столетний юбилей этой даты (1785 г.), который прошел без особой торжественности, был ознаменован тем, что «полному директору и протектору» Академии

⁶ Памяти почивших наставников 1914. В сборнике помещены подробные биографии 13 профессоров МДА, хотя первоначально предполагался более пространный состав сборника.

⁷ Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации в 2-х частях [Под ред. М. Д. Муретова]. Ч. 1—2. СПб, 1915. 582, 666 с. В данном сборнике, в котором «приняли участие большинство (2/3) наличных и многие из бывших членов академической корпорации» (Ч. 1. С. II), была опубликована в совокупности 31 статья.

(с 1775 г.) митрополиту Платону (Левшину) удалось в предшествующем 1784 году ввести в учебном заведении преподавание греческого языка и тем самым вывести его из надолго затянувшегося «латинского периода». В ряду праздничных событий и прочих юбилеев этой великой даты особое место занимает 1985 год, когда — незадолго до 1000-летия Крещения Руси — было торжественно отмечено 300-летие Академии. Этому событию был посвящен целый ряд конференций, семинаров⁸, выставок⁹. Впервые преподаватели Академии советского времени смогли засвидетельствовать свою любовь к Академии в форме печатного слова. С тех пор прошло всего 25 лет, и ныне уже в 325-летний академический юбилей мы оказались жителями совсем другой эпохи, которая, привыкнув к свободе, требует от нас особой чуткости, точности и ответственности за каждое слово и мысль. Данный юбилей, празднично отмеченный чуть более месяца назад в колыбели Академии — Заиконоспаском монастыре на Никольской улице¹⁰, ныне не менее торжественно отмечается в стенах исторической преемницы Славяно-греко-латинской академии — Академии московской и одновременно лаврской.

1-го октября 1814 года Академия была торжественно открыта в Троице-Сергиевой Лавре¹¹. Переезд из Москвы в Лавру оказался

⁸ См. наиболее значимое издание: БТ. Юбилейный сборник: Московская Духовная Академия. 300 лет (1685—1985). М., 1986, в котором было опубликовано 6 статей по истории МДА. В библиотеке МДА хранится машинопись: Юбилейный сборник, посвященный 300-летию Московской Духовной Академии. Ч. 1: Научно-богословская конференция, посвященная 300-летию МДА. Ч. 2: Юбилейный акт, посвященный 300-летию МДА. Загорск: СТСЛ, 1985. Ч. 1. 3, 307 с.; Ч. 2. 78 с., которая никогда не была издана.

⁹ См.: Выставка, посвященная 300-летию Московской Духовной Академии: фотоальбом. Загорск, 1985. 40 с.; Московская Духовная Академия и собрание Церковно-археологического кабинета: (буклет). М., 1986 (К 300-летию Московской Духовной Академии). 48 с.

¹⁰ Академия находилась в Заиконоспаском монастыре с 1687 до 1812 г. В недавно возрожденном Заиконоспаском монастыре 29 августа 2010 г. была отслужена торжественная служба с участием Святейшего Патриарха Кирилла и ректора МДА Высокопреосвященнейшего архиепископа Евгения.

¹¹ По этому поводу был написан ряд сочинений. См.: Сочинения на случай открытия Московской Духовной Академии, последовавшего Октября 1-го дня 1814 года, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. М.: В Синод. тип., 1815.

не только физическим перемещением из одного места в другое. Отныне Академия получила идеальные условия как для интеллектуального, так и для духовного роста. «Могучее влияние Лавры великого Сергия дало много доброго и отрадного для Академии. Своеобразные условия сообщили Академии особенный тип. Она стала чем-то вроде ученого монастыря»¹². В 1864 году — когда Академия уже вступила в свой «золотой век», ознаменованный участием в ее жизни столь великих личностей, как свт. Филарет (Дроздов) и прот. Александр Горский, — празднично отмечалось пятидесятилетие пребывания Академии в Лавре¹³. За столь незначительное время ей удалось во многом стряхнуть с себя узы схоластики, сохранив и преумножив полезный схоластический инструментарий накануне ключевых и, быть может, наиболее значимых в истории Академии реформ конца 60-х гг. XIX в. В 1914 г. Императорская Академия (получившая всего годом ранее это наименование — по поводу 300-летия дома Романовых) отметила столетие своего лаврского жития — радостно, торжественно, с привлечением лучших интеллектуальных сил, пытавшихся осмыслить прошедшее столетие как столетие историческое¹⁴. Данный юбилей стал в то же время ее недостижимым рубежом. В связи с началом первой мировой войны и последующей революцией Академию ждал ряд тяжелых, поистине апокалиптических испытаний. Однако несмотря на неистовый революционный вихрь память о данном ключевом моменте академического бытия не могла иссякнуть и впоследствии: в 1964 г. Академия праздновала свое 150-летие своего пребывания в Лавре, к

¹² Цит. по: Памяти почивших наставников 1914. С. V.

¹³ См. единственное издание, посвященное данному юбилею: Сборник 1864.

¹⁴ Самое важное издание: У Троицы в Академии 1914, в котором было опубликовано 47 статей и публикаций, посвященных МДА. Данный сборник, подготовленный силами выпускников Академии, был более оригинальным (без «перепечаток старых статей») чем сборник самой Академии «Памяти почивших наставников». 17 памятных материалов было опубликовано в: БВ. 1914. Выпуск ко дню 100-летнего юбилея. Т. 3. № 10/11. С. 209–758 (1-я пагин.). См. также: В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии: сб. статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации: в 2 ч. СПб: Тип. СТСЛ, 1915. 583, 667 с., где были опубликованы статьи разной тематики, не имеющие прямого отношения к истории МДА.

которому был приурочен ряд высокотожественных событий¹⁵, а ныне она неуклонно приближается к еще большему двухсотлетнему юбилею, празднование которого состоится в 2014 г.

И, наконец, не надо забывать, что возрождение Академии в Москве в 1944 г. несомненно стало еще одной эпохальной датой, которая повлекла за собой целый ряд юбилеев. Во второй половине 1940-х гг. показалось, что все самое тяжелое — и война, и тюрьмы — остались позади. Преисполненные исключительным оптимизмом, преподаватели Академии, рассеянные как овцы, не имеющие пастыря¹⁶, собрались под кровом своей *almae matris*, которая могла еще не столько питать их, сколько терпеливо ожидать, пока они сами возрастут в изучении и преподавании богословских наук. А потом в 1974 г. отмечалось 30-летие возрожденной Академии¹⁷, в 1996 г. — 50-летие Академии, возвратившей себе свое исходное название (в 1946 г.)¹⁸, а в 1998 г. — 50-летие Академии, вернувшейся из Москвы в 1948 г. в Троице-Сергиеву Лавру. В 1998 г. на филаретовском вечере МДА собралось около 20 выпускников Академии, которые учились в возрожденной МДАиС на том или ином курсе в 1948 г.

Были и некоторые другие памятные даты, например, в 2006 г. отмечалось 250-летие Московского государственного университета, а потому и Славяно-греко-латинской академии, от которой Университет отделился в 1755 г.¹⁹

¹⁵ Московская Духовная Академия: сб. статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре: (Труд профессорско-преподавательского состава МДАиС). Т. 1, 2, 3. Б. м., 1964. 390, 307, 226 с. (машинопись); *Остапов А., прот., Лаврентий (Постников), иером.* Юбилейная выставка 150-летия пребывания Московской Духовной Академии в Троице-Сергиевой Лавре. Б. м., Б. г. 27 с. (машинопись).

¹⁶ Ин. 10, 12.

¹⁷ Московская Духовная Академия и Московская Духовная Семинария: сб. статей профессорско-преподавательского состава, посвященный 30-летию возрожденных духовных школ. (1944—1974 гг.). Загорск, 1975. 219 с. (машинопись).

¹⁸ БВ. В честь 50-летнего юбилея возрожденной МДАиС. 1996. № 2. 168 с.

¹⁹ Материалы первой совместной конференции «Московский Государственный Университет и Московская Духовная Академия: 250 лет совместного служения России», прошедшей 6—7 декабря 2004 года в стенах Московской Духовной Академии и Московского Государственного Университета.

Помимо наиболее известных исторических юбилеев существуют также подвижные или индивидуальные юбилеи тех или иных выпускников Академии. Наша Духовная школа всегда ценила своих выпускников, которые горячо платили ей взаимной любовью и несмотря на все трудности и сложности всегда относились к ней как к навсегда родному дому, с которым не может сравниться никакое другое место на земле. Выпускник МДА протоиерей В. Мирославский, воспевая родную школу, почти что по-детски писал:

«В Лавре Троицы Святой
Все мы в школе жили
И в одежде там простой
Курс наук учили...
Весь профессорский Совет
Славно потрудился
И его научный свет
Нам звездой явился.
Всех учивших имена
Памятны нам вечно
И не скроет их волна
Времени, конечно...
Написал об этом я
В дар вам юбилейный;
Важно вспомнить нам, друзья
Славный год, идейный!...»²⁰.

За предреволюционный период пребывания в Лавре Академия подготовила 3696 выпускников²¹ (1–71 курсы с 1818 по 1916 г.), за последующее время, включая период полуподпольного существования

²⁰ Былина. Посвящается студентам 41 курса МДА в память 25 л. юбилея. Стих напечатан отдельным оттиском (4 с.) в Ярославской епархиальной типографии, распластавшейся в здании Спасского монастыря. В конце поставлена дата написания — 18 ноября 1913 г.

²¹ За столетний период 1814–1914 гг. Академию закончило 3597 выпускников, из которых после 1869 г. 110 выпускников защитили магистерские диссертации, а

Академии в Москве, — несколько сотен²² (72—82 курсы с 1917 по 1927 г.), за послереволюционный послевоенный — 1543 (1—67 курсы с 1948 по 2010 г.). За столетний период пребывания в Лавре удостоились епископского сана 102 выпускника Академии²³, а за послевоенный период (с 1948 г.) — 112 выпускников. Выпускники Академии также имели свои юбилеи — 5-летие, 10-летие²⁴, 15-летие, 25-летие со времени их выпуска и т. д. «Академия по сложившемуся уже обычаю, надеемся, предоставит в наше распоряжение на 2—3 дня церковь, зал для собраний, сводчатые спальни, всем так памятные, столовую, повара, а тем лицам, которые возьмут на себя роль евангельской Марфы, останется только заготовить продукты, необходимые для общей в течение съезда трапезы», — так однокурсники (47 курс МДА, выпуск 1892 г.) проф. патрологии св. муч. Ивана Васильевича Попова собирались отпраздновать свой 25-летний юбилей.²⁵ Один из самых больших юбилеев, отмечавшихся выпускниками Академии второй половины XX в., составляет 50 лет — именно этот юбилей отметили в 2004 году духовник Троице-Сергиевой Лавры архим. Кирилл (Павлов), бессменный регент академического хора М. Х. Трофимчук († 3 февраля 2005), протоиерей Валентин Радугин, преподававший в МДС не один год, и их многие другие однокурсники, которых Бог наградил долголетием.

Нынешний 325-летний юбилей отмечается нами особо торжественно. Академия подготовилась к нему многогранно и многообразно. С начала 2010 г. стал осуществляться ряд широкомасштабных строитель-

43 — докторские. Статистика приводится по: Списки студентов 1914. Перечни выпускников за 1914/15 и 1915/16 уч. г. см. в: ЖС МДА за 1915 г. С. 387, 388; ЖС МДА за 1916 г. С. 63, 64.

²² Точное число не известно. Согласно спискам выпускников, сохранившихся в Архиве МДА, в 1920 г. в Академии было 85 выпускников, а в 1921 — 105.

²³ Руднев М. Воспитанники Московской духовной академии в сане епископа за 100 лет существования Академии (Ко дню памяти открытия Академии 1 октября) // Прибавления к церковным ведомостям 40. 1915. 30 сентября. С. 2155—2165.

²⁴ См., напр., памятное издание: Десятилетний юбилей питомцев LV курса Московской Духовной Академии (1900—1910 гг.). М.: Русская Печатня, Триумфальная-Садовая, д. № 170, 1910. 40 с. Как правило, такие издания-описания юбилеев выходили за счет выпускников.

²⁵ Листовка, начинающаяся словами «Дорогой товарищ». Напечатана в типографии ТСЛ.

ных и реставрационных работ, в результате которых был отремонтирован центральный академический корпус, притвор Покровского храма, фасад библиотеки, а также ряд других академических помещений. Помимо внешнего созидания происходило постепенное наращивание научно-богословского потенциала Академии, готовилась международная конференция «Церковь, наука и образование в России: история и перспективы», которая состоялась 11–13 октября накануне престольного праздника Покровского храма и на которой выступило около 40 докладчиков²⁶. На портале «Богослов.ги» была организована публикация архивных и исторических материалов, посвященных юбилею. В юбилейные дни торжеств в Академии открылась киностудия, которую освятил Святейший Патриарх Кирилл. К юбилею был записан диск с церковными песнопениями академических хоров, выпущены брошюры, посвященные истории Академии, Церковно-археологического кабинета при ней и прочее.

Одними из самых значительных и долгосрочных проектов стали издательские, работа над которыми продолжалась в течение нескольких лет. Профессорско-преподавательской корпорацией МДА подготовлен богато иллюстрированный «Юбилейный том» в двух частях, посвященный систематическому изложению истории Академии со времени ее основания вплоть до настоящего времени. В данном томе сказано, в частности, о прошлом и настоящем нашего журнала, у которого есть также свои собственные памятные даты (из них наиболее значимы: 1843 г., когда была основана серия «Творения святых отцов» с «Прибавлениями», и 1892 г. — год создания «Богословского вестника» на базе «Прибавлений»).

В преддверии 325-летнего юбилея редакция «Богословского вестника» (№ 11–12) постаралась расширить кругозор читателей рядом новых публикаций, посвященных Академии. Читатель юбилейного выпуска получит более или менее систематические сведения по истории

²⁶ На конференции были организованы 4 секции: 1. Библейские науки в духовных академиях: история и перспективы. 2. Богословие в отечественной академической традиции. 3. Духовное образование: история, перспективы развития и новации. 4. Актуальные проблемы новейшей истории Церкви и церковно-государственные отношения.

преподавания в стенах Академии догматики и апологетики, пастырского богословия и литургики, классических языков; начнет лучше ориентироваться в архивах, содержащих документы дореволюционной и послевоенной Академии; живо почувствует атмосферу старой и новой Академии посредством воспоминаний, комментарии к которым претендуют на то, чтобы стать своеобразной энциклопедией академической жизни. В рамках подготовки юбилейного выпуска был составлен список всех выпускников 2-й половины XX в. В этом списке кратко прослеживается судьба тех, о которых удалось найти хотя бы самые скудные сведения²⁷. В скором времени он будет опубликован особо. В юбилейном «Богословском вестнике» рассматриваются отдельные частные вопросы из академической жизни, которые, тем не менее, складываются воедино в своеобразную, причем достаточно богатую картину. Журнал завершается списком 65 святых новомучеников и исповедников, из Академии просиявших, молитвы перед которыми будут еще более укреплять академическое ученое сообщество и братство.

Между юбилейными изданиями 1914 и 2010 г. есть принципиальная разница. Авторы дореволюционного времени жили в эпоху историческую, которую они не могли в полной мере оценить и проанализировать²⁸. Настолько привычны стали тогда для людей нравы, обычаи и институции, что они как бы перестали быть объектом исторической рефлексии. Поэтому юбилейные материалы той эпохи подчас напоминают вырванные страницы из тетради, которая именно в силу своей самоочевидности так и осталась непереписанной. В наше время, когда и эти вырванные страницы сохранились не в полной мере, невольно усматривается стремление к историческому синтезу. Потому-то в юбилейных изданиях 2010 г. столь много места уделено материалам исто-

²⁷ В процессе подготовки списка были выявлены судьбы ок. 900 выпускников. В настоящее время список дорабатывается и будет издан несколькими месяцами позже.

²⁸ Профессора МДА в 1914 г. писали, что «Академия не может в настоящее время предложить обществу истории за время своего столетнего существования... Современность не может быть предметом истории, она является предметом описания. Историк, говоря о факте, должен определять его значение. Но как можно определить значение последнего академического устава, когда он только что вступает в жизнь?» (Памяти почивших наставников 1914. С. III).

рическим, которые помогают систематически реконструировать былое, с тем чтобы этот опыт не пропал втуне, но был деятельно востребован не только настоящим, но и будущим.

Слова юбилейной комиссии 1914 г. сохраняют для нас всю свою актуальность: «<Необходимо организовать на будущее время особое учреждение> при Академии, в котором с особенною бережливостию хранились бы и своевременно открывались для всех интересующихся разного рода исторические материалы, касающиеся академической жизни, — заметки, мемуары, очерки, переписки и т. п. <...> Только при наличии такого рода материалов и возможна более или менее полная, не основанная лишь на официальных документах, история Академии <...> этого высокопросветительного учреждения христианской науки»²⁹.

Что же должна сделать сегодня Академия, чтобы стать настоящей школой будущего? Она должна научиться никогда не останавливаться на достигнутом, научиться побеждать. Три основополагающие даты Академии — это прежде всего и более всего мужественные даты. В 1685 г. Россия с трудом преодолела кризис, вызванный катастрофичным по своим последствиям старообрядческим расколом. В 1814 г. Россия только что освободилась от полчищ французских захватчиков, а в 1944 г. была близка к освобождению от немецких. Каждый раз наша Академия восставала вместе с Россией, воистину составляя с ней нераздельность — единое целое.

И ныне, в эпоху новых мировых катаклизмов и потрясений, у Академии есть или должно незамедлительно появиться свое веское слово о Боге, настоящая богословская наука, подлинное богословие. На каком бы языке ни прозвучало это слово, оно прежде всего жизненно важно. Иногда кажется, что наука в своих свободных исканиях все дальше уводит от церковного Предания и от Бога. Однако подлинная наука в живом стремлении к истине оказывается тем советником, который всегда готов давать нелিপеприятные и богоугодные советы. Истина объявляет непримиримую войну лжи. Вызов принят, и в огромной неминуемой схватке светит непреходящим светом истины академический

²⁹ У Троицы в Академии 1914. С. XI.

юбилей, обязывающий никогда не останавливаться на достигнутом, но простираться вперед к опытному познанию, действительному приобщению к непреходящему и живому соединению с Богом.

Завершу свое вступление высказыванием профессора Н. Н. Глубоковского из его итоговой статьи, опубликованной в конце юбилейного тома 1914 г. «У Троицы в Академии». Маститый профессор, в прошлом выпускник МДА, писал, что Академия отличалась тем, что никогда «не боролась по задорной воинственности», но сражалась «для ограждения наилучшей продуктивности, несла бремена невзгод не без стенаний, но и без отчаяния, работала не эгоистически и утилитарно, ибо неизменно старалась богатеть только в Бога истины»³⁰. И теперь, на пороге новой эпохи в истории нашей Академии, нам предстоит немало потрудиться, многое исправить, переосмыслить, понять прежде всего ради сохранения академической традиции в духе свободы и академической свободы в духе традиции, ради воплощения в жизни идеалов святости и подлинной учености, которая не только не порабощает и *убивает* подобно ветхой *букве*, но, как *дух*, освобождает и *животворит*³¹.

³⁰ Глубоковский Н., проф. За тридцать лет (1884–1914) // У Троицы в Академии 1914. С. 754.

³¹ 2 Кор. 3, 6.

ОТДЕЛ I

ТВОРЕНИЯ СВ. ОЦОВ И ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

СВТ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ

СЛОВО НА ПАСХУ (DUB.)

В обширном корпусе древних сочинений, дошедших до нас в рукописях под именем святителя Иоанна Златоуста († 407 г.), встречаются произведения всех жанров христианской литературы, от экзегетических до гимнографических. Чаще всего, однако, под именем великого оратора мы находим проповеди, которые, в свою очередь, разнятся по оригинальности, размеру, стилю.

Имя Златоуста служило гарантом сохранения текстов менее популярных авторов из окружения святителя, как, например, Прокла, патриарха Константинопольского¹. Иногда оно становилось пристанищем и неправославных авторов, текстам которых угрожало исчезновение, как в случае с Несторием². Парадоксом является факт существования в златоустовском корпусе сочинений Аттিকা, преемника³ Златоуста на Константинопольской кафедре⁴, и Севериана, епископа Габальского, которые играли не последнюю роль на соборе «при Дубе» в августе 403 года⁵, закончившемся осуждением и ссылкой святителя Иоанна⁶.

¹ См., напр.: *Leroy P. L'Homilétique de Proclus de Constantinople. Città del Vaticano, 1967 (Studi e Testi 247).*

² О трех проповедях Нестория под именем Златоуста см.: *Nau F. Le livre d'Héraclide de Damas, suivi du texte grec des trois homélies de Nestorius sur les tentations de Notre Seigneur. Paris, 1910. P. 333–358.*

³ После недолгого патриаршества Арсакия († 405), см. разноречивые сообщения историков: *Socr. Hist. eccl. VI, 20 (ed. W. Bright. Oxford, 1893. TLG 2057/1); Sozom. Hist. eccl. 8, 27 (ed. J. Bidez. G. C. Hansen. GCS 50. 1960. TLG 2048/1).*

⁴ См.: *Disdier M.-Th. Atticus, patriarche de Constantinople // DHGE 5. 1931. Col. 161–166.*

⁵ Акты этого собора сохраняются в кодексе 59 «Библиотеки» патр. Фотия: *Photius. Bibliothèque / Ed. R. Henry. T. I. Paris, 1959. P. 52–57 (TLG 4040/1).*

⁶ См.: *Voicu S. Sévérien de Gabala // DS 14. 1989. Col. 752–763.*

На основании определенных стилистических черт ученым порой удается возвратить тексты их подлинным авторам; для описания таких характерных литературных особенностей был предложен технический термин *stilema*⁷. За ним стоит «стилистический анализ, при котором не привлекается аргументация богословского или экзегетического порядка, так как она в большинстве случаев не исключительна для одного отдельно взятого автора, а характерна в общем для его окружения»⁸. На окончательное решение вопроса об авторстве текста из «псевдозлатоустовского» корпуса может повлиять обнаружение фрагмента исследуемого текста в цитате позднего писателя⁹ или атрибуция сочинения сравнительно редкому автору в рукописях на греческом языке или на других языках древней христианской письменности.

Но как быть, когда перед нами краткая проповедь, в которой нельзя найти почти никаких выдающихся стилистических черт; на которую не ссылается ни один из средневековых авторов; которая не сохранилась ни на одном из языков христианского Востока¹⁰; которая существует в одной только греческой рукописи (Иерусалим, библиотека св. Саввы 103, f 109v—111r) и которая все же дерзновенно носит имя великого Златоуста?

Этот вопрос останется без ответа.

Можно только сказать, что гомилия несет определенные следы древности: проповедник осуждает как своих современников «прель-

⁷ См., напр.: *Voicu S. Nuove restituzioni a Severiano di Gabala // Rivista di studi bizantini e neoellenici*. N. S. 20—21 (30—31). 1983—1984. P. 3—24. О критике такого литературно-критического подхода см. в статье: *Regluit R. F. Severian of Gabala and John Chrysostom: The problem of authenticity / Ed. A. Schoors, P. van Deun // Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Laga Septuagenarii (Orientalia Lovaniensia Analecta 60)*. Leuven, 1994. P. 135—149.

⁸ *Voicu S. Nuove restituzioni a Severiano di Gabala*. P. 7.

⁹ Богатым источником, содержащим отрывки текстов древних авторов, является «Библиотека» патриарха Фотия (*Photius. Bibliothèque / Ed. R. Henry*. T. 1—8. Paris, 1959—1977).

¹⁰ Насколько об этом можно судить по отсутствию в CPG 4853 каких бы то ни было сведений о восточных переводах. Мы не нашли *incipit* нашей гомилии также и в новом справочнике по древнегрузинской христианской литературе: *Габидзашвили Э. Переводные памятники древнегрузинской литературы. Библиография. Т. 3. Гомилети-ка*. Тбилиси, 2008 (на груз. яз.).

ценных отроков эллинских» (ἐλλήνων παῖδες, § 6), которые считают демонов богами, что, возможно, представляет собой отсылку на схожую мысль свт. Григория Богослова в 39-м слове «На святые светы явлений Господних»: «Пусть всем этим забавляются дети эллинские (ἐλλήνων παῖδες) и демоны, которые доводят их до безумия, присваивая себе Божию честь»¹¹.

В каталоге Иерусалимских греческих рукописей А. Пападопуло-Керамевса манускрипт датируется XII веком и сообщается, что он принадлежал монастырю Иоанна Предтечи на Иордане¹²; наш текст описывается под № 23¹³ с заметкой, что он отсутствует в списках сочинений свт. Иоанна Златоуста.

В издании текста мы исправили многочисленные орфографические aberrации и вынесли их в аппарат. Ниже мы публикуем греческий текст и русский перевод этой пасхальной проповеди, разделив ее на параграфы.

¹¹ Greg. Naz. Or. 39. In sancta lumina 7. PG 36, 341. Рус. пер.: ТСО 3. 1844. С. 252–271 (см.: БУ ТСО. № 39 // БВ 3. 2003. С. 289).

¹² Παπαδόπουλος-Κεραμεῦς Α. ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΙΤΙΚΗ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΗ, ἤτοι ΚΑΤΑΛΟΓΟΣ ΤΩΝ ΕΝ ΤΑΙΣ ΒΙΒΛΙΟΘΗΚΑΙΣ τοῦ ἀγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ΕΛΛΗΝΙΚΩΝ ΚΩΔΙΚΩΝ. Τ. β'. Πετροῦπολις, 1894. Σ. 175–179.

¹³ Ibid. Σ. 177.

I. Γρηγοριανὸς κείμενον

IN RESURRECTIONEM DOMINI¹

1. [109v] Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ χρυσοστόμου λόγος εἰς τὴν ἀνάστασιν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· εὐλόγησον, δέσποτα.

2. Ἀναστάσεως ἡμέρα, ἀγαπητοί, καὶ πρὸς ἀθανασίαν μετάβασις² καὶ τῶν οὐρανίων ἀγαθῶν ἢ μετάλληψις. σήμερον³ ἀγγέλων ἐπιστασίαι καὶ ἀνθρώπων ἀναγέννησις, σήμερον⁴ ἀρχαγγέλων χωροὶ καὶ πιστῶν χαρμονή, σήμερον⁵ ἀφθαρσίας εὐαγγελία καὶ ἀθανασίας προοίμια.

3. διόπερ ἀκολούθως καὶ δικαίως προσηγόρευται⁶ ἡ ἡμέρα αὕτη κυριακή, «αὕτη γὰρ ἡ ἡμέρα, φησίν, ἦν ἐποίησεν ὁ κύριος, ἀγαλλιασώμεθα καὶ εὐφρανθῶμεν ἐν αὐτῇ». κυριακή δὲ κέκληται⁷, ἐπειδὴ τὸ⁸ κυριακὸν⁹ σῶμα ἐν αὐτῇ ἀνέστη καὶ πᾶσιν τὴν ἐκ νεκρῶν ἀνάστασιν ὑπέδειξεν. τί δέ ἐστιν ἀνάστασις καὶ πόθεν τὴν προσηγορίαν ἔσχικεν; ἀνάστασις ἐστὶν ἡ τοῦ πεπτωκῶτος ἔγερσις καὶ ἡ τοῦ τεθνηκῶτος ἀνάκλησις¹⁰.

4. ἐπεὶ¹¹ τοίνυν¹² καὶ ἡμεῖς ἅπαντες διὰ τῆς παρακοῆς καὶ τῆς ἁμαρτίας ἦμεν καταπεπτωκότες¹³ καὶ τεθνατωμένοι¹⁴ ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου ἀπάτης, τούτου χάριν ἔλθῶν ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα¹⁵ καὶ πατρικὴν εὐσπλαγχνίαν, σαρκί¹⁶ παραγενόμενος [110r] οἰκονομικῶς¹⁷ καὶ μορφώσας ἑαυτὸν

¹ CPG 4853. Jerusalem, St Sabas. № 103. F. 109^v–111^r.

² μετάβασις: μεταβασεις

⁴ σήμερον: σημερων

⁶ προσηγόρευται: προσηγόρευεται (sic cod.!).

⁷ κέκληται: καικληται

⁹ κυριακὸν: κοιρηακον

¹¹ ἐπεὶ: επι

¹³ καταπεπτωκότες: καταπεπτωκωτες

¹⁴ τεθνατωμένοι: τεθνατομενοι

¹⁶ σαρκί: σαρχη

³ σήμερον: σημερων

⁵ σήμερον: σημερων

⁸ τὸ: τω

¹⁰ ἀνάκλησις: ανακλισις

¹² τοίνυν: τοινην

¹⁵ ἀγαθότητα: αγαθωτητα

¹⁷ οἰκονομικῶς: οικονομικος

ἐν οἰκείῳ σκεύει, καθῶς ἠὲδοκῆσας¹⁸, τὸν¹⁹ ὑπὲρ ἡμῶν ἀνεδέξατο²⁰ θάνατον²¹, καθῶς γέγραπται, «Χριστὸς ἀπέθανεν ὑπὲρ τῶν ἁμαρτιῶν ἡμῶν κατὰ τὰς γραφάς», ἵνα τῷ ἰδίῳ θανάτῳ ἡμᾶς τοὺς τεθανατωμένους τῇ ἁμαρτίᾳ ζωοποιήσῃ καὶ τῷ ἰδίῳ²² σταυρῷ τὸν ἡμῖν ἐπικείμενον θάνατον ἀφανίσῃ²³, ὅπως ἐλευθερωθέντες²⁴ ἀπὸ τῆς ἁμαρτίας παβῶρησιαζόμενοι²⁵ μετὰ τοῦ ἀποστόλου λέγωμεν, «ποῦ σοῦ θάνατε τὸ νίκος; ποῦ σοῦ ἄδη τὸ κέντρον;», ὅπερ ἐρμηνεύων ἐπάγγη λέγων, «τὸ²⁶ κέντρον²⁷ τοῦ θανάτου ἢ ἁμαρτία, ἡ δὲ δύναμις τῆς ἁμαρτίας ὁ νόμος, τῷ δὲ θεῷ χάρις τῷ διδόντι²⁸ ἡμῖν τὸ²⁹ νίκος³⁰ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ».

5. εὐφρανθῶμεν τοιγάρ, οἱ ἀγαπιτοί, σήμερον³¹ ἐπὶ τῇ νίκῃ καὶ τῇ ἀναστάσει³² τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἥνπερ ἐχαρίσατο³³ ἡμῖν λέγων, «ἰδοὺ δέδωκα³⁴ ὑμῖν ἐξουσίαν πατεῖν³⁵ ἐπάνω ὄφρων καὶ σκορπίων καὶ ἐπὶ πάσαν τὴν δύναμιν τοῦ ἐχθροῦ». οὐκέτι γὰρ δεδοίκαμεν αὐτὸν³⁶ ὡς τύραννον, ἀλλ' ὡς ὄφιν πατοῦμεν, ὡς δυνατὸν ἀποφεύγομεν, ἀλλ' ὡς αἰχμάλωτον³⁷ δεσμοῦμεν, ταῦτην λαβόντες³⁸ ἐξουσίαν κατ' αὐτὸν³⁹ «τοῦ πατεῖν⁴⁰ ἐπάνω ὄφρων καὶ σκορπίων⁴¹ καὶ ἐπὶ πάσαν τὴν δύναμιν τοῦ ἐχθροῦ».

6. ὄφεις δὲ καὶ σκορπίους ἐκάλεσε τοὺς δαίμονας διὰ τὸ⁴² τῆς κακίας ἰοβόλον⁴³ καὶ φύσει κακοποιούς, ἀφ' ὧν ἐρρύσατο⁴⁴ ἡμᾶς ὁ μονογενὴς υἱὸς τοῦ θεοῦ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός, ὥστε οἴδαμεν⁴⁵ σαφῶς, ὅτι δαίμωνές⁴⁶ εἰσιν καὶ ἐπιβλαβεῖς, καὶ μὴ τις νο-

¹⁸ ἠὲδοκῆσας: ἠεδωκισας

²⁰ ἀνεδέξατο: ἀνεδεξατω

²² ἰδίῳ: ἠδιω

²⁴ ἐλευθερωθέντες: ἐλευθερωθενταις

²⁵ παβῶρησιαζόμενοι: παρησιαζομενοι

²⁷ κέντρον: κεντρων

²⁹ τὸ: τω ³⁰ νίκος: νικως

³² ἀναστάσει: ἀνασταση

³⁴ δέδωκα: δεδοκα

³⁶ αὐτὸν: αυτων

³⁸ λαβόντες: λαβωντες

⁴⁰ πατεῖν: πατην

⁴² τὸ: τω ⁴³ ἰοβόλον: ιωβολον

⁴⁵ οἴδαμεν: υδαμεν

¹⁹ τὸν: τω (sic cod.)

²¹ θάνατον: θανατων

²³ ἀφανίσῃ: αφανησι

²⁶ τὸ: τω

²⁸ διδόντι: διδωντι

³¹ σήμερον: σημερων

³³ ἐχαρίσατο: εχαρισατω

³⁵ πατεῖν: πατιν

³⁷ αἰχμάλωτον: εχμαλωτων

³⁹ κατ' αὐτὸν: κατ' αυτων

⁴¹ σκορπίων: σκορπιων

⁴⁴ ἐρρύσατο: ερυσατω

⁴⁶ δαίμωνες: δαιμωνιας

μιζέτω αὐτοὺς θεοὺς εἶναι⁴⁷ ἢ εὐεργετικούς⁴⁸, ὡς ἐλλήνων⁴⁹ παῖδες ἀπατηθέντες⁵⁰ νομίζουσιν⁵¹, ἐξ ὧν ἐρρύσατο⁵² ἡμᾶς ὁ κύριος διὰ τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ καὶ ἐξήρπασεν ἀπὸ τοῦ θανάτου τῆς ἀμαρτίας, ἐνώσας ἡμᾶς εἰς τὴν ἑαυτοῦ ἀγάπην καὶ δεσποτίαν.

7. διὸ⁵³ καὶ ὁ ψαλμωδὸς⁵⁴ λέγει, «πάντα τὰ ἔθνη δουλεύσωσι αὐτῷ, ὅτι ἐρρύσατο⁵⁵ πτωχὸν⁵⁶ ἐκ δυναστοῦ καὶ πένητα, ᾧ οὐχ ὑπῆρχεν βοηθός⁵⁷. φείσεται⁵⁸ πτωχοῦ καὶ πένητος, [110v] καὶ ψυχὰς πενήτων σώσει». πένητα δὲ καὶ πτωχὸν τὸν⁵⁹ ἐξ ἐθνῶν λέγει, τὸν μηδὲ⁶⁰ κεκτημένον⁶¹ εὐσπλαγχνίας ἢ δικαιοσύνης⁶² λείψανον⁶³, διότι⁶⁴ ὁ θεὸς οὐχ ὑπῆρχεν⁶⁵ αὐτοῦ βοηθός. νὺν⁶⁶ δὲ καυχᾶται λέγων, «ὁ θεὸς μου βοηθός μου καὶ ἐλπιδίᾳ ἐπ' αὐτῷ, ὅτι αὐτὸς ρύσεται με ἐκ παγίδος⁶⁷ θηρευτῶν καὶ ἀπὸ λόγου ταραχώδους⁶⁸».

8. δοξάζωμεν τοίνυν⁶⁹ καὶ ἡμεῖς τὸν παθόντα⁷⁰ καὶ ἀναστάντα δι' ἡμᾶς καὶ ἄσωμεν μετὰ τοῦ προφητοῦ Δαυιδ λέγοντες⁷¹, «αὕτη ἡμέρα ἦν ἐποίησεν ὁ κύριος, ἀγαλλιασώμεθα καὶ εὐφρανθῶμεν ἐν αὐτῇ», ὅτι Χριστὸς ἀπέθανεν καὶ ἀνέστη, καθὼς προεῖπεν, «λύσατε⁷² γάρ, φησίν, τὸν ναὸν τοῦτον⁷³ καὶ ἐν τρισίν⁷⁴ ἡμέραις ἐγείρω αὐτόν». καὶ ἵνα δείξει⁷⁵ ὅτι οὐκ ἦν⁷⁶ παντοκράτωρ⁷⁷ ὁ θάνατος, οὔτε κατὰ πάντων⁷⁸ ἰσχύει, συνανέστησεν δὲ καὶ τοὺς προκεκοιμημένους⁷⁹.

⁴⁷ εἶναι: ἦναι

⁴⁹ ἐλλήνων: εληνων

⁵¹ νομίζουσιν: νομηζουσιν

⁵³ διὸ: διω ⁵⁴ ψαλμωδὸς: ψαλμοδος

⁵⁶ πτωχὸν: πτοχον

⁵⁸ φείσεται: φησεται ⁵⁹ τὸν: των

⁶¹ κεκτημένον: καικτημενων

⁶³ λείψανον: λιψανον

⁶⁵ ὑπῆρχεν: υπερχεν

⁶⁷ παγίδος: παγηδος

⁶⁹ τοίνυν: τυνοιν

⁷¹ λέγοντες: λεγωντες

⁷³ τοῦτον: τουτων

⁷⁵ δείξει: διξει ⁷⁶ ἦν: ιν

⁷⁸ πάντων: παντων

⁷⁹ προκεκοιμημένους: προκεκημημενους

⁴⁸ εὐεργετικούς: ευεργετικους

⁵⁰ ἀπατηθέντες: απατιθενταις

⁵² ἐρρύσατο: ερρυσατω

⁵⁵ ἐρρύσατο: ερρυσατω

⁵⁷ βοηθός: βοηθως

⁶⁰ μηδὲ: μειδε

⁶² δικαιοσύνης: δικαιοσηνης

⁶⁴ διότι: διωτι

⁶⁶ νὺν: νην

⁶⁸ ταραχώδους: ταραχοδους

⁷⁰ παθόντα: παθωνα

⁷² λύσατε: λυσαται

⁷⁴ τρισίν: τρισην

⁷⁷ παντοκράτωρ: παντοκρατορ

9. ἔχωμεν τοίνυν⁸⁰ τὰς ἐλπίδας ἄρα γε⁸¹ εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν; διόπερ τὸ⁸² πνεῦμα τὸ ἅγιον⁸³ συνεργοῦν καὶ συγχαίρον⁸⁴ τῇ ἡμετέρᾳ φύσει, εὐαγγελίζεται δὲ ἡμᾶς διὰ τοῦ προφήτου λέγον⁸⁵, «ἀναστήτω⁸⁶ ὁ θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν⁸⁷ οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ». καὶ πάλιν, «ἀνάστα ὁ θεὸς, κρίνον τὴν γῆν, ὅτι σὺ κατακληρονομήσεις⁸⁸ ἐν πᾶσιν τοῖς ἔθνεσιν⁸⁹». καὶ πάλιν, «εὐφραίνεσθωσαν οἱ οὐρανοὶ, καὶ ἀγαλλιάσθω ἡ γῆ, χαρήσονται⁹⁰ τὰ πεδία⁹¹ καὶ πάντα ἐν αὐτοῖς». εἰπέ φανερώς, διατί, ὦ⁹² προφήτα; ὅτι «κύριος ὑψιστος φοβερός⁹³, βασιλεὺς μέγας ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν».

10. τοιγαροῦν καὶ ἡμεῖς εἴπωμεν, «αὕτη ἡ ἡμέρα, ἣν ἐποίησεν ὁ κύριος, ἀγαλλιασώμεθα καὶ εὐφρανθῶμεν ἐν αὐτῇ», πιστεύοντες οὖν, ὅτι ἀνέστη⁹⁴ ὁ κύριος ἡμῶν καὶ ἔστιν καὶ ἔσται καὶ διαμένεις⁹⁵ εἰς τοὺς αἰῶνας.

11. ἐδραῖοι⁹⁶ στῶμεν τῇ πίστει ἔχοντες⁹⁷ ἐλπίδα σωτηρίας, πιστὸς γάρ ἐστιν καὶ ἡμᾶς ζωοποιήσῃ⁹⁸ τοὺς νεκρωθέντας⁹⁹ τοῖς πταισίμασιν.

12. μιμησώμεθα¹⁰⁰ τοίνυν¹⁰¹ τὴν χῆρα καὶ τῆς φιλοξενίας μὴ ἐπιλάθωμεν, τῷ πλησίον κακὸν μὴ ἀνταποδῶμεν. [111r] τῇ¹⁰² ἀγάπῃ ἐνώσωμεν¹⁰³ ἑαυτούς, ἵνα τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιωθῶμεν¹⁰⁴ καὶ τῶν ἐπηγγελμένων¹⁰⁵ ἐπιτύχωμεν¹⁰⁶ ἀγαθῶν, χάρητι καὶ φιλανθρωπία τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.

⁸⁰ τοίνυν: τοινην

⁸² τὸ: τῷ ⁸³ ἅγιον: αγιων

⁸⁵ λέγον: λεγων

⁸⁷ διασκορπισθήτωσαν: διασκορπηθητωσαν

⁸⁸ κατακληρονομήσεις: κατακληρονομησης

⁸⁹ ἔθνεσιν: εθναισιν

⁹¹ πεδία: παιδια ⁹² ὦ: ο

⁹⁴ ἀνέστη: ανεστι

⁹⁶ ἐδραῖοι: αιδρεοι

⁹⁸ ζωοποιήση: ζωοποιησαι

¹⁰⁰ μιμησώμεθα: μιμησωμεθα

¹⁰² τῇ: τι ¹⁰³ ἐνώσωμεν: ενωσωμεν

¹⁰⁵ ἐπηγγελμένων: επιγγιλεμων

⁸¹ ἄρα γε: αραγε (sic cod.!)

⁸⁴ συγχαίρον: συχαιων

⁸⁶ ἀναστήτω: αναστητο

⁹⁰ χαρήσονται: χαρισοντε

⁹³ φοβερός: φοβερος

⁹⁵ διαμένεις: διαμενεις

⁹⁷ ἔχοντες: εχωντες

⁹⁹ νεκρωθέντας: νεκροθεντας

¹⁰¹ τοίνυν: τοινην

¹⁰⁴ ἀξιωθῶμεν: αξιωθομεν

¹⁰⁶ ἐπιτύχωμεν: επιτυχομεν

II. Перевод

1. ИОАННА, АРХИЕПИСКОПА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО, ЗЛАТОУСТА СЛОВО НА
ВОСКРЕСЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА;
БЛАГОСЛОВИ, ВЛАДЫКО.

2. Воскресения день, возлюбленные, и к бессмертию прехождение, и небесных благ приобщение! Днесь ангелы внимают и люди возрождаются; днесь архангелов ликование и верующих радость, днесь о нетлении благовестие и бессмертия предвестие!

3. Потому справедливо и истинно именуется день этот «Господним», ибо «сей день, — сказано, — егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь!»¹ Назван он «Господним», так как в этот день воскресло Господнее тело и всем явило пример воскресения из мертвых². Но что такое воскресение, откуда оно берет свое название? Воскресение есть восстановление павшего и воззвание умершего.

4. Поскольку же и мы все из-за непослушания и греха были павшими и умершими по диавольскому обману, то сего ради Господь наш Иисус Христос, придя по Своей благости и по отеческой милости, явившись во плоти по домостроительству, устроив Себя в подобающем сосуде, как соблаговолил, принял за нас смерть, как написано: «Христос умер за наши грехи по Писанию»³, — чтобы смертию Своею нас, умерших из-за греха, оживить и чтобы Крестом Своим смерть, тяготеющую на нас, истребить⁴, дабы мы, освободившись от греха, дерзали с апостолом и глаголали: «Смерть, где твоя победа? Ад, где твое жало?»⁵. И он [апостол] объясняет это, продолжая: «Жало смерти — грех, а сила греха — закон; Богу же благодарение, давшему нам победу Господа нашего Иисуса Христа»⁶.

5. Итак, возрадуемся днесь, возлюбленные, о победе и о воскресении Господа нашего Иисуса Христа, которые Он подарил нам, говоря:

¹ Пс. 117, 24.

² Ср.: Деян. 26, 23, Кол. 1, 18.

³ 1 Кор. 15, 3.

⁴ Ср.: Кол. 2, 13–14.

⁵ Ср.: 1 Кор. 15, 55.

⁶ 1 Кор. 15, 56–57.

«Вот, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всякую силу врага»⁷. Ведь мы больше не боимся его [врага] как тирана, а топчем как змею, не бегаем от него как от сильного, а вяжем как пленника, получив против него эту власть «*наступать на змей и скорпионов и на всякую силу врага*»⁸.

6. Змеями и скорпионами назвал Он демонов, так как они источают яд зла и по природе суть злодеи. От них нас избавил Единородный Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, так что мы ясно знаем, что они — демоны и вредители. И пусть никто не полагает, что они боги или благодетели, как думают прельщенные отроки эллинские. От них избавил нас Господь воскресением Своим и исхитил из греховной смерти, присоединив нас к любви Своей и владычеству.

7. Потому и псалмопевец говорит: «*Вси языцы поработают Ему, яко избави нища от сильна и убога, емуже не бе помощника; пощадит нища и убога и души убогих спасет*»⁹. Убогим и нищим зовет он человека из язычников, который никогда не приобрел ни доли милосердия или справедливости, ведь Бог не был его помощником. Теперь же таковой хвалится и говорит: «*Бог мой, помощник мой и уповаю на Него*»¹⁰; *яко Той избавит мя от сети ловчи и от словесе мятужна*»¹¹.

8. Будем прославлять и мы Пострадавшего и Воскресшего ради нас и будем петь с пророком Давидом, говоря: «*Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь!*»¹² Ведь Христос умер и воскрес, как и предсказал: «*Разрушьте этот храм, — говорил Он, — и через три дня Я восстановлю его*»¹³. И чтобы показать, что смерть не была вседержительницей и что она не властна над всем, Он воскресил вместе с Собою и усопших прежде¹⁴.

9. Итак, или не иметь нам упования на Господа нашего Иисуса Христа? Ведь и Дух Святой, содействующий и сорадующийся вместе с нашей природою, благовествует нам через пророка, говоря: «*Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его и да бежат от лица Его!*»¹⁵

⁷ Лк. 10, 19.

¹⁰ Пс. 17, 3.

¹³ Ин. 2, 19.

⁸ Лк. 10, 19.

¹¹ Пс. 90, 3.

¹⁴ Ср.: Мф. 27, 52.

⁹ Пс. 71, 11–13.

¹² Пс. 117, 24.

¹⁵ Пс. 67, 2.

И еще: «*Да возвеселятся небеса, и радуется земля!*¹⁶ *Возрадуются поля, и вся яже на них!*»¹⁷ Объясни же, о пророк, почему? — «Потому что *Господь Вышний страшен, Царь велий по всей земли!*»¹⁸

10. Скажем и мы: «*Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь!*»¹⁹, веруя, что воскрес Господь наш, что Он есть, что Он будет и пребудет во веки!

11. Устоим твердыми в вере²⁰, имея надежду на спасение²¹, ибо верен Он²² и оживотворит нас, умерщвленных грехопадениями²³.

12. Будем подражать вдовице²⁴ и о гостеприимстве не забудем²⁵, ближнему не воздадим злом за зло²⁶. Присоединим себя к любви, дабы удостоиться Царствия небесного и улучшить обещанные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Публикация древнегреческого текста,
вступительная статья и перевод С. С. Кима

¹⁶ Пс. 95, 11.   ¹⁷ Пс. 95, 12.

¹⁸ Пс. 46, 3.

¹⁹ Пс. 117, 24.   ²⁰ Кол. 1, 23.

²¹ 1 Фес. 5, 8.

²² Ср.: 1 Кор. 1, 9; 10, 13; 2 Кор. 1, 18; Фес. 5, 24.

²³ Ср.: Кол. 2, 13.

²⁴ Вдовица ли это, принеся последнюю лепту (ср. Мк. 12, 42, Лк. 21, 2–4), или Сарептская вдова, гостеприимно принявшая Илию (ср.: 3 Цар. 17, 9–24, Лк. 4, 26)?

²⁵ Евр. 13, 2.

²⁶ Ср.: 1 Пет. 3, 9, Рим. 12, 17, 1 Фес. 5, 15.

БЛЖ. АВГУСТИН ИППОНСКИЙ
ДВА НОВООТКРЫТЫХ ПИСЬМА
НА ВОСТОК

Довольно обширная корреспонденция блж. Августина Иппонского насчитывает около 300 писем, адресованных им различным лицам, проживающим в подавляющем большинстве случаев в западной части тогда еще единой Римской Империи¹. И только три письма этого огромного собрания имеют адресатами епископов греческого, по языку и культуре, Востока. Одно из этих писем (Ер. 179) — к Иоанну, еп. Иерусалимскому — уже давно было известно ученому миру, остальные два (Ер. 4* к свт. Кириллу Александрийскому и Ер. 6* к Аттику Константинопольскому) были открыты относительно недавно, в конце 1970-х гг., профессором Венского университета Иоганном Дивжаком (Johannes Divjak) наряду со многими другими письмами блж. Августина.

Когда И. Дивжак просматривал рукописи муниципальной библиотеки г. Марселя, к нему в руки попал манускрипт XV в. (*Massiliensis lat.* 209), происходящий из южной Франции и содержащий текст иллюстрированных миниатюрами 29 доселе неизвестных писем, 26 из которых принадлежат блж. Августину и относятся к последним годам его жизни. Готовя к публикации эти письма, текст которых в марсельской рукописи полон лакун и ошибок, И. Дивжак неожиданно обнаружил в Парижской национальной библиотеке другой, более древний и важный манускрипт готического письма (*Par. lat.* 16861), датирующийся XI—XII вв.². На основе этих двух рукописей в рамках т. н. «Венского кор-

¹ Статистический анализ корпуса писем блж. Августина см.: *Mandouze A. Saint Augustin. L'aventure de la raison et de la grâce. Paris, 1968. P. 553–563.*

² Следует отметить, что открытие новых текстов блж. Августина не является простой случайностью, это результат систематической работы по просмотру средневеко-

пуса» было осуществлено критическое издание новооткрытых писем³. В сентябре 1982 г. в Париже по предложению того же И. Дивжака был проведен круглый стол, посвященный филологическому, историческому и богословскому анализу новой коллекции писем⁴. В настоящее время уже почти никто не сомневается в их подлинности: как по языку и по риторическому стилю, так и по содержанию они схожи и содержат многочисленные параллели с безусловно подлинными письмами Иппонского епископа⁵. Хотя новооткрытые тексты и не содержат каких-то значительных догматических данных, которые позволили бы по-новому взглянуть на богословие их автора, тем не менее, в них можно найти ряд интересных сведений о характере той эпохи, о жизни и пастырской деятельности блж. Августина. В частности, историк обнаружит в них много ценной информации, касающейся последней стадии развития донатизма, присциллианства и пелагианства на Западе, случаев апелляции к авторитету Римской кафедры, а также сведения о монашеской жизни в кругах, близких блж. Августину.

Два письма блж. Августина на Восток (Ер. 4* и 6*), перевод которых предлагается в рамках настоящей публикации, привлекают особое

вых латинских рукописей, проводившейся на протяжении более 15 лет в Вене проф. Рудольфом Гансликом (Rudolf Hanslik) и его учениками. В ходе этой огромной коллективной работы в «Журналах заседаний Австрийской Академии наук» было опубликовано 8 томов подробных описаний рукописей, хранящихся в библиотеках разных стран Европы и содержащих труды блж. Августина. См.: Die handschriftliche Überlieferung der Werke des heiligen Augustinus // Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Wien. (Bd. 1, 1 и 1, 2 — рукописи Италии, Hrgb. M. Oberleitner, 1969 et 1970; Bd. 2, 1 и 2, 2 — рукописи Великобритании и Ирландии, Hrgb. F. Römer, 1972; Bd. 3 — Польша и скандинавские страны, Hrgb. F. Römer, 1973; Bd. 4 — Испания и Португалия, Hrgb. J. Divjak, 1973; Bd. 5, 1 и 5, 2 — Германия, Hrgb. R. Kurz, 1976 и 1979).

³ *Sancti Aurelii Augustini Opera*. Sect. 2. Pars 6: Epistolae ex duobus codicibus nuper in lucem prolatae / Recensuit J. Divjak. Vindobonae, 1981 (CSEL 88). P. 3–138.

⁴ Результаты этих исследований были опубликованы Парижским центром исследований блж. Августина: *Les Lettres de Saint Augustin découvertes par J. Divjak // Communications présentées au colloque des 20 et 21 Septembre 1982. Études Augustiniennes*. Paris, 1983 (далее — Colloque 1983).

⁵ Некоторые из таких параллелей см. в предисловии к итальянскому переводу писем: *Sant'Agostino. Le lettere. Supplemento (1*–29*) / Introd., traduz., note e indici di Luigi Carrozzì*. Città Nuova Editrice. R., 1992. P. 8–10.

внимание исследователей⁶. Дело не только в том, что они представляют собой очень редкий пример обращения блж. Августина к восточным епископам, да еще к таким известным, как свт. Кирилл Александрийский и Аттик Константинопольский, что само по себе очень любопытно. Эти письма, в особенности Ер. 6*, являются также одним из свидетельств антипелагианской полемики блж. Августина, а также той роли, какую он придавал борьбе с распространением этой ереси на Востоке. Рассмотрим исторический и богословский контекст этих писем.

Обращенное к свт. Кириллу письмо (Ер. 4*), по-видимому, было не первым и не единственным письмом, которое Иппонский епископ написал своему александрийскому «брату и сослужителю». Блж. Августин раньше уже посылал, по крайней мере, одно письмо свт. Кириллу по поводу все той же пелагианской ереси. Об этом не дошедшем до нас письме упоминает главный противник блж. Августина — еп. Юлиан Экланский, сторонник пелагианской ереси. «В письме, которое ты послал в Александрию, — упрекал Августина Юлиан, — ты так сильно хвалишься этим трудом [речь идет о «Диалоге против Пелагия» блж. Иеронима], что говоришь, будто Пелагий, задавленный им [Иеронимом] тяжестью текстов Писания, будто бы не может защищать свободу воли»⁷. Ер. 4*, скорее всего, было написано блж. Августином летом 417 г. через несколько месяцев после того, как он закончил свой небольшой трактат «De gestis Pelagii», который он написал после того, как получил от свт. Кирилла Александрийского «Акты» (gesta) церковного Собора, имевшего место 20 декабря 415 г. в Диосполе Палестинском. Весной 416 г. блж. Августин сначала обратился с письмом к Иоанну Иерусалимскому, прося его прислать «Акты» Диоспольского собора, на котором был оправдан Пелагий. Не получив от Иоанна никакого ответа, Августин пишет ему второе письмо (Ер. 179) летом

⁶ См.: *Berrouard M.-F.* Les Lettres 6* et 19* de saint Augustin. Leur date et les renseignements qu'elles apportent sur l'évolution de la crise «pélagienne» // *REAug* 27. 1981. P. 264–277; *Bouhot J.-P.* Une Lettre d'Augustin d'Hippone à Cyrille d'Alexandrie (Ер. 4*) // *Colloque* 1983. P. 147–154; *Bonner C.* Some remarks on Letters 4* and 6* // *Ibid.* P. 155–164.

⁷ *Aug.* Opus imperfect. contra Iulian. 4, 88. PL 45, 1389.

того же года⁸. Однако и на этот раз Иоанн не торопится выполнить просьбу Августина, а 17 января 417 г. умирает. «Акты» Диоспольского собора посылает Иппонскому епископу через некоего монаха Иуста свт. Кирилл Александрийский, которому, по-видимому, их передал Иоанн Иерусалимский. Трактат блж. Августина «*De gestis Pelagii*», написанный им весной 417 г. сразу по прибытии Иуста, является своего рода комментарием на эти «Акты»⁹, в котором он критикует решение собора, оправдавшего Пелагия. На момент написания Ер. 4* до блж. Августина пока не дошла еще одна плохая новость: в сентябре 417 г. преемник Иннокентия I папа Зосима не стал следовать курсу своего предшественника по отношению к Пелагию и снял с последнего отлучение. (Эта новость достигнет Карфагена только в ноябре того же года.) Что касается самого свт. Кирилла, то его позиция в этом вопросе, видимо, была сходной с позицией папы Зосимы, и блж. Августин, скорее всего, догадывался об этом. О том, что в Александрийской Церкви к пелагианам и самому Пелагию проявляли если не сочувствие, то снисхождение, говорит хотя бы следующий факт: некий епископ Евсевий (о котором ничего неизвестно) в своем письме к свт. Кириллу от 418 г. напоминает о том, что Пелагий и Целестий были осуждены еще папой Иннокентием I, а он, Кирилл, принял их в общение у себя в Александрии несмотря на то, что пелагиане были осуждены всеми другими восточными Церквями¹⁰.

⁸ Из Ер. 179 видно, что это не первое письмо блж. Августина к Иоанну Иерусалимскому. См. также: *Berrouard M.-F. Les Lettres 6* et 19* de saint Augustin. Leur date et les renseignements qu'elles apportent sur l'évolution de la crise «pelagienne» // REAug 27. 1981. P. 267.*

⁹ Следовательно, название трактата лучше переводить не «О деяниях Пелагия», а «Об Актах Пелагия», поскольку в нем речь идет не столько о деяниях, совершенных Пелагием, сколько о деяниях Диоспольского собора по его вопросу. Эти «Акты» были переведены на латынь Марием Меркатором; папа Иннокентий I († 12 марта 417 г.) получил не полный их текст, а лишь краткое изложение. См.: *Aug. Ep. 183.*

¹⁰ *Euseb. Ep. ad Cyrillum 49. P. 113–115 (CSEL 35).* Речь идет о письмах из т. н. *Collectio Avellana*. Позднее, в период христологических споров с Несторием, свт. Кирилл кардинально изменил свое отношение к пелагианам и строго их преследовал. Некоторые исследователи полагают, что такое изменение было не столько переосмыслением доктрины Пелагия, сколько реакцией на связь пелагиан с учителем Нестория

Так или иначе, блж. Августин отправляет через монаха Иуста ответ свт. Кириллу, в котором благодарит его за присланные «Акты» Диоспольского собора, извещает его о составлении трактата «De gestis Pelagii» и, наконец, рассказывает, как доставщик письма, монах Иуст, был обвинен своими спутниками в том, что он якобы подделал в еретическом смысле одно выражение из этого трактата. Иуст, не чувствуя за собой вины, решил лично посетить Августина и сверить свой экземпляр трактата с оригиналом. При сверке оказалось, что в рукописи Иуста нет никакой ошибки и пререкаемая фраза действительно принадлежит блж. Августину, который и спешит объяснить свт. Кириллу ее православный смысл: он рекомендует своему собрату заботиться об Иусте и всех тех латинянах, которые, удалившись в греческую страну, рискуют впасть в пелагианское заблуждение, поскольку греческие пастыри, не зная достаточно хорошо латинский язык, не всегда могут правильно понять мысль этих «эмигрантов» и уберечь их от закоснения в ереси. Фраза, которая стала объектом пререкания, гласила: «Не все грешники наказываются вечным огнем». Блж. Августин предполагает, что она вполне православна и может смутить только пелагиан, точнее некоторых латинских монахов¹¹, поселившихся в монастырях Востока, в Александрии или ее окрестностях. На соборе в Диополе Пелагий оправдывался в том числе и тем, что «говорил согласно с Евангелием¹², где сказано, что грешники идут в муку вечную, а праведники — в жизнь вечную»¹³. Пелагий различал среди грешников «нечестивцев» (*impii*), то есть язычников, «еретиков» (*negatores*) и «отступников» (*praevanitatores*). Все они без различия обречены, по его мнению, на вечные мучения, так как их грехи невозможно ничем искупить. Блж. Иероним спрашивал Пелагия, не рановато ли тот занял место Божественного Судии, не давая вмешаться милосердию Божию¹⁴? Блж. Августин также полагал, что Пелагий слишком категоричен. По мнению

Феодором Мопсуестийским. См.: *Bonner G. Some remarks on Letters 4* and 6* // Colloque 1983. P. 156.*

¹¹ Ср. Ер. 4*, 5: *Latini sunt enim utrique et de Occidentali Ecclesia.*

¹² Мф. 25, 41–46.

¹³ *Aug. De gestis Pel. 3, 9.*

¹⁴ *Hier. Dial. Contra Pelagianos 1, 28. PL 23, 525.*

Иппонского епископа, грешники делятся на две категории: те, которые наказываются огнем и спасаются, по слову апостола, «как бы из огня»¹⁵, и те, которые обречены на вечные муки. Огонь, о котором говорит ап. Павел, это не огонь вечных мук и Страшного Суда. О том, что же это за огонь, наказываются ли им грешники в этой жизни или после смерти, Августин не говорит. Для него, однако, ясно, что ригоризм Пелагия приводит последователей этого еретика к горделивой мысли о том, что они не имеют греха, в то время как открыто исповедующие себя грешниками и молящиеся о прощении своих грехов ввергаются в бездну отчаяния. Если все грешники будут наказаны вечным огнем, то, значит, и Искупление не имеет силы, и весь род людской будет гореть в геенне, ибо все согрешили.

Второе, более обширное, письмо (Ер. 6*), адресованное преемнику свт. Иоанна Златоуста на Константинопольской кафедре свт. Атику (406—425), также связано с антипелагианской полемикой блж. Августина¹⁶. Известный августинолог Питер Браун обращает внимание на то, что к пелагианам проявляли особый интерес в Константинополе, поскольку во время гонения на свт. Иоанна Златоуста они поддерживали сторону последнего. Некоторые гомилии Златоуста были переведены на латынь пелагианским диаконом Анианом Келедским († после 419 г.) и цитировались еретиками в полемике с «традукционистами», то есть православными во главе с блж. Августином, которые утверждали, что первородный грех передается потомству через плотское соединение мужчины и женщины¹⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что

¹⁵ 1 Кор. 3, 15.

¹⁶ Известно, что свт. Атик удалил из Константинополя Целестия, одного из вождей пелагианства. Он оставил о себе память как заботливый покровитель нищих. Особенно широко его благотворительная деятельность развернулась в Никее. Хотя его имени нет в святцах Русской Православной Церкви, оно помещено под 8 января по ст. ст. в «Синаксаре» прп. Никодима Святогорца и «Полном Месяцеслове Востока» архиеп. Сергия. См.: Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 374 (первое греческое приложение).

¹⁷ Brown P. The Patrons of Pelagius, Religion and Society in the Age of Saint Augustine. London, 1972. P. 214—215. См. также: Beatrice P. F. Tradux Peccati: Alle fonte della dottrina agostiniana del peccato originale. Milan, 1978 (Studia Patristica Mediolanensia 8). P. 256.

блж. Августин обращается к свт. Агтику с письмом, главная тематика которого — вопрос отношения полов (вообще и брачных отношений в частности) в раю, до грехопадения и в нынешнем падшем состоянии человеческой природы.

Датировка этого письма остается спорной. И. Дивжак¹⁸ полагал, что оно было написано в 416—417 гг., ссылаясь на то, что предъявитель письма священник Иннокентий, о котором блж. Августин упоминает во вступлении, прибыл в Иппон летом 416 г. с письмом от блж. Иеронима и сразу же отбыл в Палестину, взяв с собой несколько писем блж. Августина, в том числе Ер. 19* к блж. Иерониму и, как предполагают, Ер. 6*¹⁹. М.-Ф. Берруар считает, что последнее письмо было написано несколькими годами позже. Ученый доминиканец ссылается, главным образом, на то, что в Ер. 6* еретики, в противовес православным (*catholices*), называются *Pelagianes*, что, по его мнению, является более поздним *terminus technicus* антипелагианской полемики. В любом случае письмо было написано до 425 г., когда умер еп. Агтик. Блж. Августин пишет это письмо примерно в то время (после 420 г.), когда пелагианский епископ Юлиан Экланский, наступая на больную мозоль, обрушивается на него с безжалостной критикой, утверждая, что Августин так и не порвал со своим манихейским прошлым и продолжа-

¹⁸ Эту датировку поддерживают Ж. Мадек и Ш. Пиетри: *Madec G. Du nouveau dans la correspondance augustinienne // REAug 27. 1981. P. 59. Pietri Ch. Les Lettres nouvelles et leurs témoignages sur l'histoire de l'Église romaine et de ses relations avec l'Afrique // Colloque 1983. P. 351.*

¹⁹ Этот священник Иннокентий довольно часто путешествовал и был своего рода курьером, доставлявшим разным лицам письма в довольно отдаленные области. Он доставил из Рима письмо папы Бонифация к Иерониму и ответ Иеронима папе (*Hier. Ер. 153*). В 419 г. отцы Карфагенского Собора послали Иннокения в Александрию с просьбой к свт. Кириллу прислать им акты Никейского Собора, касающиеся вопроса апелляции епископов к Римской кафедре. В Африке таких актов не было, в то время как папа Зосима (417—418) предъявлял их как доказательство того, что он имел право принять в общение африканского священника Апиария, которого изгнал его собственный епископ и который был раньше настоятелем монастыря, подчиненного блж. Августину. Зосима, как выяснилось, предъявлял акты Сердикского Собора 343 г., что вызвало резкий протест африканских епископов. См.: *Ер. Cyrilli. Concilia Africae 419 // Corpus Christianorum. Series Latina 149. P. 162.*

ет манихействовать в вопросе о браке, поскольку считает, что в браке через плотское соединение передается первородный грех. Оправдываясь, блж. Августин излагает свое учение по этому вопросу, проводя различие между влечением брака (*concupiscentia nuptiarum*) и влечением плоти (*concupiscentia carnis*)²⁰.

Следует отметить, что учение блж. Августина об отношении полов в раю, до грехопадения, со временем претерпевало некоторые изменения. Сначала, в период антиманихейской полемики, он полагал, что Ева в раю должна была служить Адаму лишь духовным помощником, с которой Адам должен был разделять чисто духовные радости общения с Богом²¹. Затем Августин стал полагать, что женщина была создана только для того, чтобы помогать мужчине в рождении детей²². Однако плотское общение между мужчиной и женщиной произошло лишь после грехопадения как следствие первородного греха и при отсутствии контроля со стороны воли, что и вызвало в прародителях стыд перед собственной наготой (Быт. 3, 7)²³. Юлиан Экланский начал критиковать Августина за то, что, требуя крещения младенцев, тот якобы бросает тень на брак, в результате которого эти младенцы рождаются. Если через плотское общение супругов передается, как некая болезнь, первородный грех, не следует ли признать и сам брак греховным? Чтобы ответить на этот вопрос, блж. Августин подробно разбирает тот аспект брака, который и стоял в центре внимания, а именно — плотское общение супругов. Каков был характер этого общения до грехопадения и после него?

В 420 г. блж. Августин в трактате «*Contra duas epistulas Pelagii*» предлагает своему оппоненту Юлиану выбрать одну из четырех воз-

²⁰ О негреховности брака во всех его аспектах блж. Августин еще раньше написал отдельный трактат *De bono coniugali*. Учение о связи брачных плотских отношений и первородным грехом излагается также в произведении *De peccatorum meritis et remissione* (412 г.); тогда оно не вызвало никаких нападков на Августина. В 421 г. Юлиан Экланский будет ссылаться на него в своей полемике с Иппонским епископом.

²¹ *Aug. De Gen. contra Man.* 1, 19, 30; 2, 11, 15.

²² *Aug. De Gen. ad litt.* 9, 3, 5.

²³ См.: *Aug. De nupt. et concup.* 1, 6, 7; *De grat. Christi et de pecc. orig.* 2, 33, 38–40. *De civ. Dei* 14, 16, 26.

возможностей: 1) или прародители в раю предавались плотскому общению всякий раз, когда им этого хотелось; 2) или они силою воли обуздывали свое влечение, когда плотское общение не представлялось необходимым; 3) или, наоборот, силою воли они вызывали некое влечение, когда необходимо было родить детей; 4) или вообще в них не было никакого влечения плоти, а органы, отвечающие за деторождение, полностью подчинялись воле, как руки, ноги и прочие члены тела. Мы видим, что эти же возможности рассматриваются и в настоящем письме (Ер. 6*, 6–8). Две первые Августин безусловно отвергает, третья и четвертая возможности им допускаются: до грехопадения в прародителях или вообще не было полового влечения, или оно было иным, чем сейчас, бесстрастным, «спокойным», подчиненным воле.

В современном падшем состоянии это влечение плоти приобрело страстный и греховный характер. Те люди, которые вступают в брак, «используют» это, по сути, страстное влечение в благих целях: для рождения детей — главной цели брака, согласно римскому праву. Таким образом, влечение плоти «облагораживается» и может быть названо «влечением брака», хотя это, конечно, уже не тот брак, в котором люди находились до грехопадения и который благословил Бог (Быт. 1, 28). В падшем состоянии даже в браке остается элемент страстности: вступая в плотскую связь, супруги не всегда имеют целью рождение детей и могут пользоваться законным плотским общением «нетерпимо» и «беспорядочно» (*intemperanter*). Блж. Августин предостерегает от такого понимания брака, однако, своеобразно толкуя 1 Кор. 7, 5–6, замечает, что ап. Павел по снисхождению разрешает супругам плотское общение даже тогда, когда те не ставят перед собой целью рождение потомства. Это именно снисхождение, меньшее из зол, призванное избавить супругов от невоздержания и «тяжких грехов» (*peccata damnabilia committantur*).

Все эти рассуждения о характере плотских отношений в браке и вне его нужны блж. Августину, чтобы обосновать необходимость крещения детей. Он убежден, что первородный грех (*peccatum originale*) передается человеку в момент плотского зачатия и устраняется крещением. Даже если речь идет о детях, рожденных в браке от крещенных родителей, вина (*reatus*) первородного греха входит в них и может быть

устранена духовным возрождением, в котором происходит отпущение всех грехов. Исчезает вина, но грех — это не только вина, и после крещения в человеке продолжается некое тлетворное воздействие заразы (*contagionis affectio*), сохраняется какая-то дезорганизующая, провоцирующая на грех, страстная сила, которая передается по наследству. В настоящем письме блж. Августин ничего не говорит о том, как бороться с этой силой. Можно сказать, что в этом и состоял самый острый вопрос антипелагианской полемики: каким образом сочетается в этой борьбе благодать и свобода воли человека. Это отдельная тема, рассмотрение которой не входило в задачи блж. Августина в рамках Ер. 6*.

Ниже мы помещаем перевод двух рассматриваемых писем, сделанный по изданию И. Дивжака: *Sancti Aurelii Augustini Opera. Sect. 2. Pars 6. Epistolae ex duobus codicibus nuper in lucem prolatae / Recensuit J. Divjak* (CSEL 88). Vindobonae, 1981. P. 26–29; 32–38. Нумерация параграфов соответствуют указанному изданию, предшествующие каждому параграфу заголовки принадлежат издателю и переводятся наряду с основным текстом. Каждое письмо имеет двойную нумерацию: первая цифра со звездочкой (*) соответствует порядковому номеру письма в новооткрытой коллекции И. Дивжака, число в квадратных скобках — номеру в общепринятой сквозной нумерации всех писем блж. Августина. В переводе в квадратные скобки помещены слова, не содержащиеся в латинском тексте, но необходимые для лучшего понимания смысла.

Письмо 4* [274]

БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ГОСПОДИНУ, ДОСТОУВАЖАЕМОМУ
И ДОСТОПОЧТЕННОМУ БРАТУ И СОСЛУЖИТЕЛЮ
КИРИЛЛУ, С ПРИЛИЧЕСТВУЮЩИМИ ЗНАКАМИ
ПОЧТЕНИЯ, АВГУСТИН О ГОСПОДЕ [ШЛЕТ] ПРИВЕТ.

Августин приветствует Кирилла через монаха Иуста

1. Всецело вверяю себя Твоим святым молитвам, передавая почтенности твоей покорность [моего] приветствия посредством раба Божия по имени Иуст, с которым я недавно познакомился как с добрым братом; когда он прибыл оттуда [из Александрии] сюда к нам и вознамерился вернуться от нас обратно к себе, то предоставил нам очень приятную возможность исполнить наш долг в этих знаках почтения к Твоему Блаженству. Думаю, что мне не следует умалчивать и о причине, которая побудила его отправиться к нам, ибо я узнал ее от его собственных объяснений.

В своем произведении «Об Актах Пелагия» Августин показывает, каким образом был оправдан Пелагий

2. Искренность твоя, как я полагаю, помнит, что ты прислал к нам церковные *Акты* (*gesta*), составленные в провинции Палестина²⁴, в которых Пелагий, сочтенный правоверным (*catholicus*), был оправдан, скрывшись за хитроумными словесными уловками и обманув, таким образом, наших братьев, которые председательствовали тогда в качестве судей, тогда как с противоположной стороны не было никого, кто мог бы опровергнуть его. После того как я рассмотрел и, насколько

²⁴ Собор в Диосполе Палестинском по делу Пелагия имел место 20 декабря 415 г. Собор состоял из 14 только палестинских епископов под председательством Евлогия Кесарийского. См. о соборе: *Hefele C., Leclercq H. Histoire des Conciles. Vol. 2, 1. Paris, 1908. P. 178–183.* Иоанн Иерусалимский не спешил отправлять Августину акты потому, что чувствовал в какой-то степени свою ответственность за то, что допустил в своей провинции собор, который не только не подтвердил осуждение Пелагия западными епископами, но и оправдал еретика.

мог, усердно исследовал эти *Акты*, я написал о них книгу, адресованную нашему достопочтенному брату и сослужителю нашему Аврелию, епископу Карфагенской Церкви²⁵. В ней, насколько Господь дал мне, я показал, какого образа действий придерживались правоверные (сatholici) судьи в отношении ответов Пелагия, так что оправдали его как правоверного. В действительности, многие, вовлеченные в его заблуждение, хвастались, что вслед за оправданием Пелагия также и его еретические учения были утверждены как православные постановлением кафолических епископов; и, поскольку они повсюду хвалились этим, многие, не зная, когда произошло это событие, к большому соблазну Церквей верили, что так оно и есть.

Иуст, сверив свой экземпляр с рукописью Августина, находит его точным

3. Таким образом, чтобы устранить это вышеупомянутое мнение, я тщательно составил книгу, в которой, насколько было в моих силах, показал, что, даже если Пелагий был оправдан — [оправдан] не Богом, Которого никто не может обмануть, но людьми, которых [Пелагий] смог обмануть, — тем не менее, те пагубные учения были совершенным образом осуждены, когда и сам он произнес на них анафему. А эта моя книга, которую имел вышеупомянутый раб Божий Иуст, предъявитель обращенного к Твоей Почтенности письма сего, смутила некоторых тем, будто в ней я рассуждаю о том, что не все грешники будут наказаны вечным огнем; говорили, будто это место книги, как он сам объяснил мне, не было написано мной в таких именно терминах, но им самим было подделано. Поэтому, смущенный этой мыслью, он морем приплыл к нам с этим своим экземпляром, полагая, что тот, наверное, является поврежденным, поскольку был твердо убежден, что не совершил никаких ошибок при переписывании²⁶. Сравнив же свой

²⁵ *Aug. De gest. Pel. 1, 1.* Этот трактат блж. Августина *De gestis Pelagii* был переведен на греческий язык. Его читал в IX в. патриарх Фотий (*Bibl. Cod. 54*). Вероятно, это единственное произведение блж. Августина, переведенное на греческий до Максима Плануды (конец XIII в.). См.: *Altaner B. Augustinus in der griechische Kirche bis auf Photius // Idem. Kleine patristische Schriften. B., 1967. S. 73 (TU 83).*

²⁶ *Aug. De gest. Pel. 3, 9.*

экземпляр с нашими с моей помощью, ведь я хорошо знал вопрос, он обнаружил, что обладает неповрежденной копией.

Согласно учению еретика Пелагия, все грешники наказываются вечным огнем

4. Поэтому, так как это касается нас, я подозреваю — не дай нам Бог стать недоброжелательными, но, скорее, полными любви, а не достойными презрения! — я подозреваю, что та фраза, в которой мы утверждаем, будто не все, а только некоторые грешники будут осуждены на вечную муку, не нравится тем, которые утверждают, что святые живут в этой смертной жизни без греха так, что для получения отпущения своих грехов — раз они их не имеют — святые даже не имеют нужды в молитве Господней, в которой вся Церковь взывает: *Остави нам долги наши*²⁷. Святыня Твоя, несомненно, провидит, что таковых надо исправлять, отвращая от неправого пути этого заблуждения. Ведь очевидно, что это учение происходит от нездоровой доктрины Пелагия, которая утверждает, что все грешники будут наказаны вечным огнем, так что тем, которые правдиво исповедуют, что они не без греха, не остается никакой надежды на прощение. Таким образом, в результате они или *поступают дерзко*²⁸, полагая, что их нынешняя жизнь вовсе не имеет греха, или изнывают в отчаянии как уже предопределенные на вечную кару. Однако блаженный апостол говорит: *Каждого дело огонь испытает, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня*²⁹. Но эти апостольские слова следует принимать не как слова об огне последнего суда, а надо их понимать как сказанное о том, что предшествует сему суду, как в этой жизни, так и после смерти. Тем не менее, следует всячески избегать того заблуждения, согласно которому все грешники предопределены идти в муку вечного огня, если не проводили здесь жизни, свободной от какого бы то ни было греха. Следует также следить, чтобы придерживающиеся этого мнения не оказались знатоками других учений Пелагия, не менее, а, скорее, более безрассудных, и

²⁷ Мф. 6, 12.

²⁸ Втор.17, 13.

²⁹ 1 Кор. 3, 13–15.

чтобы эта ужасная зараза не распространялась в беспечном народе³⁰ до тех пор, пока не прекратится и не уврачуется то зло, которое забота братской любви обнаружила в некоторых.

Августин побуждает Кирилла защитить Иуста и освободить верных Христовых от пелагианского яда

5. Итак, я препоручаю благочестивейшей Святости Твоей брата нашего Иуста, чтобы ты не только его защитил от клеветующих на него, но и тех, которых он не без оснований подозревал в том, что они будто бы потеряли души свои и заразились пелагианским ядом. Благоволи исправить их Твоим пастырским усердием и Твоей отеческой снисходительностью или, если необходимо, строгостью врача, или, если найдешь их здоровыми в вере³¹, благоволи освободить дух того [брата] от доставляемого этим подозрением беспокойства. Как он, так и они суть латиняне и пришли в те места из Западной Церкви, к которой и мы принадлежим. Вот почему особенно нам следует рекомендовать их Твоей Почтенности, чтобы не было впечатления, будто они избрали для себя эту страну, чтобы, избегая наказания, скрываться у греков — там, где их рассуждения о вышеупомянутых вещах менее понятны и где поэтому нелегко изобличить их заблуждения. Мы делаем это также для того, чтобы нам не печалиться о духовной смерти кого бы то ни было, но чтобы радоваться, насколько возможно, спасению всех.

³⁰ Цитата из Вергилия (*Verg. Georg. 3, 469*): et serpant dira contagia per vulgus incautum.

³¹ Тит. 1, 13.

Письмо 6* [276]

БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ГОСПОДИНУ И
ДОСТОПОЧТЕННОМУ БРАТУ И СОСЛУЖИТЕЛЮ АТТИКУ
АВГУСТИН О ГОСПОДЕ [ШЛЕТ] ПРИВЕТ.

Августин как бы отвечает на письмо Аттика, который считал его уже почившим

1. Хотя я не получил письма Твоей Святости из рук благочестивого брата и сослужителя Иннокентия³², через которого я думал получить его, тем не менее, он объяснил мне причину, по которой так вышло. Я пишу Тебе этот [ответ] так, как будто бы я получил письмо от Твоей Почтенности и исполняю долг ответить на него, находясь в добром здравии благоволением Божиим и содействием Твоих молитв. Ибо, поскольку обо мне ходил некий слух³³, как передал мне вышеназванный брат, то Ты поверил в него как в обычный для людей слух. В самом деле, что более достойно веры, чем разговоры о том, что смертный умер, ведь эта вещь, без сомнения, постигнет каждого, кто живет во плоти? Но когда от других вестников, прибывших позднее, он услышал, что я жив, и сообщил об этом Твоей любви, то Ты, как он рассказал мне, весьма обрадовался и возблагодарил Бога, хотя новость эта еще оставалась у вас неподтвержденной.

Восхваляется пастырская забота Аттика в деле исправления пелагиан

2. Поэтому, Господин, я не должен сомневаться, что Ты получишь мое письмо с радостью, однако по праву любви я с еще большим упованием и с большим усердием прошу написать мне ответ, который Ты должен был прислать мне и не прислал, хотя я и рассматриваю письмо, присланное Твоим Блаженством единодушному со мною

³² Пресвитер Иннокентий, поставщик многих писем блж. Августина, Иеронима и многих других лиц. См. о нем выше, в предисловии.

³³ Слух о том, что блж. Августин скончался.

брату³⁴ как присланное нам обоим. Из него я с радостью узнал, что Твоя Святость с пастырской заботой поступает так, чтобы не только исправлять извращенность некоторых пелагиан, но и быть бдительным против их уловок.

Влечение брака нисколько не является дьявольским

3. Подлинно, нет ничего удивительного в том, что они клеветают на правоверных (*catholicis*) всякий раз, когда усиливаются таким вот образом отразить то, что говорится с целью опровергнуть их ядовитые учения. Ибо кто из правоверных защищает от них истинную веру настолько, что отвергает брак, который благословил Творец и Создатель мира? Кто из правоверных стал бы утверждать, что влечение (*concupiscentia*) брака связано с дьявольским действием, когда именно посредством его, даже если бы никто не согрешил, стал бы распространяться род людской, чтобы исполнилось оное благословение: *плодитесь и размножайтесь*³⁵? Грехом человека, в котором все согрешили³⁶, это благословение — настолько очевидное, настолько удивительное и достохвальное, что у всех перед глазами, — нисколько не утратило действия своей благодати, проявляемое в плодovitости природы. Кто из правоверных не превозносит действие Божие в творении всякой души и всякой плоти и, при созерцании их, не воссылает песнь³⁷ Создателю, Который не только тогда, до грехопадения, *сотворил*, но и теперь еще *творит все хорошо весьма*³⁸?

³⁴ Вероятнее всего, речь идет об Аврелии Карфагенском, которому свт. Аттик направил письмо, думая, что блж. Августина уже нет в живых.

³⁵ Быт. 1, 28.

³⁶ Рим. 5, 12: *in quo omnes peccaverunt*. Толкование блж. Августином этого стиха в сравнении с экзегезой восточных отцов Церкви было предметом многих исследований. См., напр.: *Rapinchuk M. Universal sin and Salvation in Romans 5, 12–21 // Journal of the Evangelical Theological Society 42/3. 1999. P. 427–441; Poirier J. C. Romans 5, 13–14 and the Universality of Law // Novum Testamentum 38/4. 1996. P. 344–358; Weaver D. The Exegesis of Romans 5, 12 Among the Greek Fathers and Its Implications for the Doctrine of Original Sin: The 5th–12th Centuries // St Vladimir's Seminary Theological Quarterly 29/3. 1985. P. 231–257.*

³⁷ Пс. 118, 171.

³⁸ Быт. 1, 31.

Пелагиане нечестиво учат, что младенцы не имеют нужды в Крещении

4. Но они [пелагиане] в своем уже извращенном уме, в своей гибельной слепоте смешивают зло, которое вошло в природу как наказание за провинность (*merito culpa*), и добро, [изначально] присущее природе. Они восхваляют Создателя людей таким образом, что отрицают необходимость Спасителя для младенцев, будто последние не имеют никаких грехов, как утверждает их достойное осуждения учение. И они думают, что смогут подкрепить это свое нечестивое заблуждение восхвалением брака, утверждая, что и брак будет осужден, если будет осуждено рождаемое из него потомство в том случае, если оно не возродится [в Крещении]. На самом деле они не понимают, что одно дело есть благо брака — благо, которого даже после грехопадения брак не утратил, и другое дело есть первородное зло (*originale malum*), которого брак ни тогда не совершил, ни сейчас не совершает, но находит его уже совершенным и использует его благим образом, когда совершает в нем не то, что доставляет удовольствие, а только то, что приличествует³⁹. Они [пелагиане] не хотят принимать этого во внимание из-за своего заблуждения, которое они предпочитают защищать вместо того, чтобы его остерегаться.

Пелагиане не делают различия между влечением брака и влечением плоти

5. По причине этого заблуждения они не делают различия между влечением брака (*concupiscentia nuptiarum*) — то есть влечением, свойственным чистоте брака, влечением, дозволенным Законом для распространения потомства, влечением брачного союза (*vinculi socialis*), которым соединяются между собой два пола, — и влечением плоти (*concupiscentia carnis*), которая без разбора разжигается как дозволенными, так и недозволенными удовольствиями и которая, через влечение брака, умеющего использовать ее благим образом, обуздывается от удовольствий недозволенных и успокаивается на дозволенных. Против

³⁹ Игра слов: *non faciunt quidquid libet, sed tantum quod licet*.

нападения этого вожделения [плоти], воюющего против закона ума⁴⁰, восстает всякое целомудрие как тех, кто находится в браке, чтобы им использовать его благим образом, так и воздерживающихся [от брака] и посвященных дев, чтобы им воздерживаться от его использования ради чего-то лучшего и более славного. Итак, те [еретики] бесстыднейшим образом восхваляют влечение плоти⁴¹, в котором наличествует одно лишь желание соития, не отличая его от вожделения брака, в котором присутствует обязанность рождения [потомства]⁴², в то время как этого [вожделения плоти] устыдились первые люди, когда покрыли фиговыми листьями те части тела, которых не должны были стыдиться до грехопадения. Ведь они были наги и не стыдились⁴³, чтобы мы поняли, что то страстное побуждение, которого они стыдились, рождается в человеческой природе вместе со смертью. Действительно, у них была тогда причина стыдиться, когда они поняли, что им по необходимости придется умереть⁴⁴. Итак, это вожделение плоти, которое следует благоразумно и трезво отличать от вожделения брака, [пелагиане] восхваляют так, что думают, что если бы в раю никто не согрешил, то без этого вожделения нельзя было рожать детей⁴⁵ в теле, предназначенном для той [райской] жизни, так же как и сейчас они не рождаются без него в этом теле, обреченном на смерть, в этом теле, от которого апостол желает освободиться через Иисуса Христа⁴⁶.

Нелепо полагать, что в прародителях было влечение плоти

6. Таким образом, получается, что это их мнение, происходящее вследствие легкомысленного невежества, следует настолько абсурдной

⁴⁰ Рим. 7, 23.

⁴¹ Быт. 3, 6. Само по себе благо брака, неизбежно включающего в себя плотское общение супругов, не отрицалось Юлианом Экланским, он критиковал лишь различие Августином между благим влечением брака и дурным влечением плоти, не связанным с деторождением. Для Юлиана влечение плоти, вышедшее из-под контроля воли, является чем-то невинным и «естественным» (*Aug. De nupt. et concup. 2, 7, 17*), оно существовало и в раю до грехопадения.

⁴² Противопоставление и игра слов: *desiderium concumbendi et officium generandi*.

⁴³ Быт. 2, 25.

⁴⁴ Быт. 3, 19.

⁴⁵ Быт. 3, 16.

⁴⁶ Рим. 7, 24.

бессмыслице, что даже у них самих, каким бы ни было бесстыдство, делающее голову человека твердолобой, это мнение не может найти совершенно никакой поддержки. В самом деле, даже если бы в раю до грехопадения имело место это влечение плоти, — наличие которого мы чувствуем в себе как некое движение, настолько беспорядочное, что его следует или вообще удерживать от всякого рода употребления уздою целомудрия, или сводить его к доброму употреблению с помощью благости брака, хотя само по себе оно есть зло, — [если бы это влечение и было в раю], то, конечно, в месте столь великого блаженства человек или не стал бы постыдным и рабским образом служить ему, когда всякий раз при возникновении желания стал бы соединяться с супругой столь часто, не имея никакой необходимости произвести потомство, а только чтобы удовлетворить страстной похоти (*libidinis appetitus*) даже тогда, когда жена уже беременна, или же он должен был бы бороться с ним всеми силами воздержания, чтобы не оказаться вовлеченным во всем известные постыдные дела (*ad ista foeda*). Итак, пусть [еретики] выберут из этих двух [возможностей] одну, какая им понравится. Ибо, если бы человек рабски служил вожделению плоти, чтобы не оказывать [ему] сопротивления, то там [в раю] не было бы достопочтенной свободы (*honesta libertas*). Напротив, если бы он оказывал ему сопротивление, чтобы не быть его рабом, то там не было бы спокойного счастья (*pacata felicitas*). И та, и другая возможность противоречит или блаженной красоте (*beatum decus*), или красивому блаженству (*decora beatitudo*) рая⁴⁷.

Крещение устраняет преступление первородного греха, но некая склонность к возмущению и расстройству остается

7. Кто же этого не видит? Кто станет противоречить этой очевиднейшей истине, если не охваченный бесстыднейшим упрямством?

⁴⁷ Наличие страстного влечения плоти в раю до грехопадения, по мнению блж. Августина, противоречит самому понятию рая, оно «расстраивает» райское блаженство. Если человек поддается этому влечению, то его жизнь, хотя и кажется ему «блаженной», не являет собой истинной красоты (*decus*). Если же он борется с вожделением плоти, его жизнь нравственно и духовно красива (*decora*), но лишена блаженства. Только естественное бесстрастное состояние, лишённое греховного влечения плоти,

Итак, остаются два [предположения]: или там [в раю] не было такого вожделения плоти, — движение которого, против нашей воли, даже тогда, когда не надо, мы ощущаем в себе в виде мутного и беспорядочного влечения, — пусть бы даже там имело место влечение брака, которое сохраняло бы между супругами спокойную любовь; а власть ума, как отдает она приказания рукам и ногам, чтобы те действовали так, как сообразно этим членам, отдавала бы таким же образом приказания детородным органам, дабы те рождали потомство так, чтобы в раю оно зачиналось особым, удивительным способом — без разгорячений плотской страсти — и столь же удивительным способом производилось на свет — без родовых мук⁴⁸; или [второе предположение]: даже если там существовало это влечение плоти, оно, конечно же, не было таким, каким ощущают его теперь, со всей его надоедливостью и беспокойством, те, которые сопротивляются ему или целомудрием брака, или целомудрием вдовства, или целомудрием девства. Ибо оно проникает даже туда, где в нем нет необходимости и несвоевременными или же нечестивыми желаниями пытается обольстить даже сердца верных и святых. Даже если мы совершенно не соглашаемся с его неугомонными позывами, но скорее боремся с ними, все равно, движимые более святым желанием, мы хотим, чтобы их вообще, если возможно, не было в нас, как это однажды и произойдет. Это и есть то совершенство добра, которого нет еще у святых в этой жизни, как указывал на то апостол, говоря: *Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное совершенным образом, того нет*⁴⁹. Он не сказал: *сделать*, но: *сделать совершенным образом* (*perficere*), поскольку

есть подлинный рай, *beatum decus et decora beatitudo*, счастливая красота и красивое счастье.

⁴⁸ Быт. 3, 16.

⁴⁹ Рим. 7, 18. *velle adiacet mihi perficere autem bonum non invenio*. По мнению Августина, ап. Павел говорит здесь о влечении плоти, которое он чувствует в себе, но не соглашается с ним. Внимание Августина привлекает глагол *perficere* (перевод Вульгаты греч. *κατεργάζομαι* — «изготавливать», «делать», «поступать», но также «доводить до совершенства»). Апостол делает (*facit*) хорошо, когда не соглашается с влечением плоти, но не может поступать во всем совершенным образом (*non perficit*), поскольку само по себе наличие влечения, пусть даже возникающего помимо воли и подавленное, есть состояние страстное и несовершенное.

человек делает добро, когда не соглашается с теми желаниями, но не делает его совершенным образом, поскольку эти желания имеет. Ибо [апостол] говорит: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю*⁵⁰. Конечно, он не творил зла, предавая члены свои для удовлетворения злых пожеланий⁵¹, но говорил это о похотливых побуждениях самих по себе. Хотя он и не соглашался с ними и не совершал того, к чему они побуждали, тем не менее, имея их, он делал то, чего [в себе] иметь не хотел. Наконец он добавляет: *Если же делаю то, чего не хочу*, — то есть: даже если я не соглашаюсь с влечением, ибо я не хочу иметь вожделения, хотя и имею его, — *то уже не я делаю это, но живущий во мне грех*⁵². Виновость (reatus) этого греха входит (trahitur) путем рождения и устраняется (retrahitur) благодаря возрождению, в котором происходит отпущение всех грехов. Но, несмотря на это, даже после устранения вины, в подверженном тлению и смертном теле еще сохраняется какая-то ее сила, какое-то тлетворное воздействие заразы (contagionis affectio). С ним-то и должен бороться возрожденный, если преуспеет [в добродетели]. Ведь если он сможет соблюдать пусть даже не полное воздержание, а хотя бы целомудрие брака, то и он должен будет бороться с этим влечением плоти, чтобы не совершать прелюбодеяния, чтобы не предаваться разврату и не запятнать себя никакими смертоносными и нечестивыми безобразиями, чтобы, наконец, не иметь разнузданных отношений с собственной супругой, вместе с которой, по взаимному согласию, он должен будет на время воздерживаться от плотского общения, чтобы и он, и она свободно посвятили себя молитвам⁵³ и затем снова были вместе, *чтобы не искушал их сатана невоздержанием их*, — это говорит им апостол как *разрешение, а не как повеление*⁵⁴. Некоторые, неправильно поняв эти слова, стали думать, что брак был допущен в качестве позволения.

⁵⁰ Рим. 7, 19.

⁵¹ Рим. 6, 13.

⁵² Рим. 7, 20.

⁵³ 1 Кор. 7, 5.

⁵⁴ 1 Кор. 7, 5–6. Блж. Августин приводит текст ап. Павла в старолатинском переводе: hoc autem dico secundum veniam non secundum imperium, — тогда как в Вульгате: hoc autem dico secundum indulgentiam. В отличие от indulgentia (позволение), venia (снисхождение) имеет больший оттенок извинения, прощения, который всегда подразумевает наличие вины.

Но это не так, иначе — чего да не будет! — брак считался бы грехом. Ибо там, где делается снисхождение (*venia*), там, конечно, признается факт того, что прощается некая вина (*culpa*). Однако апостол, в виде снисхождения, позволяет супругам взаимное плотское общение, к которому их побуждает не забота о распространении потомства, а влечет неумеренность удовлетворения похоти. [Апостол позволяет им это], чтобы они не совершали постыдных (*damnabilia*) грехов в случае, если бы у них не было снисходительного послабления. Однако даже если некоторые супружеские пары превосходят [других] добродетелью столь великого супружеского целомудрия, что вступают в плотское общение, имея целью только рождение детей, и, будучи однажды крещены и возрождены, живут таким вот образом, — все равно, какое бы потомство ни родилось от них посредством этого вожделения плоти, которое [влечение] само по себе не является благим, но которым они благим образом пользуются посредством благого вожделения брака, [любое потомство] оказывается зараженным первородным грехом (*originale peccatum*). Он может быть устранен не иначе, как только возрождением [в крещении], он, без сомнения, сопровождает и рожденного, если и тот не возродится, так же как и крайняя плоть, которая удаляется только посредством обрезания, сопровождает сына обрезанного, если этот сын также не будет обрезан⁵⁵.

Если бы влечение плоти существовало в раю, оно было бы совершенно другим, чем сейчас

8. Итак, если в раю имело место это влечение плоти, чтобы посредством его рождались дети во исполнение благословения, данного браку и осуществляемого через умножение людей, то оно, конечно, не было бы таким же влечением, как сейчас, — влечением, способным своим

⁵⁵ 1 Кор. 7, 18–19. Впервые этот образ обрезания появляется у блж. Августина в *De pecc. mer. et rem.* 3, 18, 16. Мы встречаем его в одной из антипелагианских проповедей (*Serm.* 294, 16, 16), где к нему добавляется образ зерна, которое сеется без шелухи, а рождается в колосе с шелухой. В полемике с Юлианом Августин использует также образ культурной маслины, которая производит иногда дикие плоды (*Aug. De grat. Christi et de pec. orig.* 2, 40, 45).

движением без разбора возбуждать как к дозволенному, так и к недозволенному⁵⁶. Оно стало бы вовлекаться во многие постыдные дела всякий раз, когда было бы позволено добиться того, к чему оно испытывало бы побуждение. Поэтому против него было бы необходимо бороться, чтобы сохранить целомудрие. Напротив, оно было бы таким — если бы оно вообще существовало в раю, — что при нем плоть вообще никогда не имела бы никаких желаний, противных духу⁵⁷, но в удивительной гармонии [влечение] не стало бы преступать повеления воли, так что никогда бы не появлялось, разве только тогда, когда в нем есть необходимость. Оно никогда бы не просочилось со своим беспорядочным и недозволенным желанием в дух того, кто мыслит. Оно не имело бы ничего предосудительного, что следовало бы удерживать уздою воздержания или одолевать усилием добродетели, но, когда необходимо, с легким и согласным послушанием оно последовало бы воле того, кто стал бы его использовать. Следовательно, теперь, когда оно не таково, и есть необходимость в том, чтобы с его действием изо всех сил боролось целомудрие, [пелагиане] должны признать, что оно заражено грехом так, что под его действием устыдились те, кто раньше был наг и не стыдился⁵⁸. Пусть они не удивляются, что только Сын Девы, о Котором они не могут сказать, что Он зачат посредством этого вождения, не воспринял первородного греха. Прошу Тебя быть снисходительным к тому, что я оказался обременительным для Твоей святой мудрости многословностью сего письма, которое я написал не для того, чтобы сделать Тебя более сведущим, а чтобы опровергнуть перед Тобой их клеветнические козни.

Перевод с латинского,
вступительная статья и примечания
Е. В. Ткачева

⁵⁶ В качестве противопоставления теории Юлиана о «естественном» влечении плоти до грехопадения блж. Августин предлагает гипотезу о существовании в раю некоего плотского влечения, полностью подчиненного воле.

⁵⁷ Гал. 5, 17.

⁵⁸ Быт. 2, 25.

СВТ. КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ПОСЛАНИЕ К ЕГИПЕТСКИМ МОНАХАМ

Первая часть творений свт. Кирилла Александрийского, вышедшая в 1880 г. в составе «Творений святых Отцов в русском переводе», издававшихся при Московской духовной академии, была первым выпуском ТСО, осуществленным после восьмилетнего вынужденного перерыва (1872–1880), вызванного нехваткой денежных средств. Последняя же, 15-я часть, опубликованная в 1912 г., стала одним из последних выпусков ТСО перед оборвавшими это издание революционными событиями¹.

Почти четверть века над переводами творений святителя трудились известные профессора и преподаватели Академии. Книги «О поклонении в духе и истине» и «Глафиры», содержащие своеобразный типологический комментарий на Пятикнижие, а также «Толкование на пророка Исаию» переводили П. И. Казанский и И. Н. Корсунский, а «Толкование на двенадцать (малых) пророков» — преимущественно П. И. Казанский (при участии А. А. Жданова)². Для П. И. Казанского (1838–1913) занятия над этими переводами протекали в русле его прежних ветхозаветных изысканий³. Примечательна видная роль в этой переводческой работе проф. И. Н. Корсунского (1849–1899),

¹ БУ ТСО. № 1273–1286. Подробнее см. во вступительной статье: БВ 5–6. 2005–2006. С. 493–498.

² Указатель к журналу «Творения святых отцов в русском переводе» и «Прибавлениям к изданию Творений святых отцов в русском переводе» (1887–1891). СПб, 1912. С. 3–4; Указатель к журналу «Богословский вестник» (1-е десятилетие, 1892–1901) / Сост. К. М. Попов. СПб, 1903. С. 9–10.

³ Казанский П. И. Об историческом значении книг малых пророков // ПрибТСО 25. 1872. Кн. 1. С. 103–165 (1-я пагин.); Он же. Состояние иудейского царства при Езекии, Манассии, Аммоне и Иосии // ЧОЛДП. 1875. № 2. С. 144–172; Он же. Состояние иудеев после плена вавилонского // ЧОЛДП. 1876. № 5. С. 307–333.

блестящего знатока и многолетнего преподавателя древнегреческого языка в Московской академии, автора капитальной монографии по Септуагинте⁴. В его научной деятельности на одном из первых мест стояли исследования по исторической герменевтике Ветхого Завета⁵, так что обращение к классическим церковным толкованиям ветхозаветных книг было для него вполне закономерным.

Особенно следует отметить вклад в это общее дело проф. М. Д. Муретова (1851—1917). Он перевел толкования на книги Аггея и Малахии и был конечным редактором всех переводов толкований на пророческие книги. А самое главное, он единолично перевел «Толкование на Евангелие от Иоанна»⁶ — обширнейшее экзегетическое творение и важнейший богословский труд святителя. При этом М. Д. Муретов не только сопроводил свой перевод примечаниями филологического характера и сравнил евангельский текст в «Толковании» с доступными ему византийскими и славянскими рукописями, но и составил превосходный предметный указатель⁷. Все это гармонично сочеталось с другой основной специальностью М. Д. Муретова, поскольку он был, прежде всего, выдающимся библеистом-новозаветником.

Результатом этих трудов явился достаточно точный русский перевод важнейшей части наследия свт. Кирилла Александрийского, а именно, тех его экзегетических трактатов, которые целиком сохранились на древнегреческом языке. Поскольку при Казанской духовной академии к тому времени были не раз переизданы «Деяния Вселенских Соборов в русском переводе», а в двух из семи томов этой серии большое место занимают полемические трактаты, письма и гомилии святителя, в 1912 г. русскому читателю уже был доступен весьма представительный корпус его творений. Но наследие этого одного из самых плодотворных писателей христианской древности по-прежнему предоставляло

⁴ Корсунский И. Перевод LXX. Его значение в истории греческого языка и словесности. СПб, 1897.

⁵ Корсунский И. Иудейское толкование Ветхого Завета. М., 1882; Он же. Новозаветное толкование Ветхого Завета. М., 1885; и др.

⁶ Указатель к журналу «Богословский вестник» (2-е десятилетие, 1902—1911) / Сост. К. М. Попов. СПб, 1912. С. 9—10.

⁷ ТСО 68 (70). 1912. С. 320—539.

переводчикам обширное поле деятельности. Указанными изданиями не были охвачены многие экзегетические труды (обильные фрагменты из катен и сохранившееся преимущественно в древнем сирийском переводе «Толкование на Евангелие от Луки»), многочисленные гомилии и крупнейшие догматико-полемические трактаты.

Восполняя значительные лакуны, оставленные казанскими издателями «Деяний Вселенских Соборов», над антинесториянскими сочинениями святителя трудился выпускник Московской духовной академии 1916 г. священник Василий Дмитриев. Два сравнительно небольших трактата были им опубликованы еще в студенческие годы⁸, а переводу на русский язык трех обширных книг «О правой вере», принадлежащих к числу важнейших сочинений святителя эпохи несториянского спора, он посвятил свою выпускную кандидатскую работу, большое извлечение из которой было недавно опубликовано в нашем журнале⁹.

В последние годы благодаря тому вниманию, какое стало уделяться в Московской духовной академии изучению древних языков, в ней была возобновлена работа над переводами творений отцов Церкви, в том числе свт. Кирилла Александрийского. Новые русские переводы из его обширного наследия, регулярно выходящие в «Богословском вестнике» начиная с № 5–6 за 2005–2006 г., являют, таким образом, преемство с трудами Академии дореволюционной. Тем самым вносится и посильная лепта для подготовки полного корпуса русских переводов одного из ярчайших авторов святоотеческой письменности, интерес к которому среди исследователей XX–XXI вв. переживает необычайный подъем. В этом номере мы предлагаем вниманию читателей «Послание к монахам Египта»¹⁰ — полемический трактат, ознаменовавший начало открытой борьбы святителя с ересью Нестория.

⁸ *Свт. Кирилл Александрийский. Слово против тех, которые не хотят исповедовать Святую Деву Богородицу. Разговор с Несторием о том, что Святая Дева — Богородица, а не Христородица* / Пер. с греч. *свящ. В. Дмитриева* // Труды студентов Императорской Московской Духовной Академии. Вып. 1. СПб, 1915.

⁹ *Свт. Кирилл Александрийский. О правой вере к царицам* / Пер. с древнегреч. *свящ. Василия Дмитриева*, ред. пер. и вступит. статья *иерод. Феодора (Юлаева)* // БВ 8–9. 2008–2009. С. 68–151. К сожалению, сколько-нибудь подробными сведениями об о. В. Дмитриеве мы не располагаем.

¹⁰ Ер. 1. Ad monachos Aegypti. ACO I, 1, 1. P. 10–23. CPG 5301.

* * *

Несторий стал константинопольским патриархом в апреле 428 г. и очень скоро привлек к себе напряженное внимание «вселенной», открыв эпоху многолетних догматических споров. Знаковой чертой разразившегося «вселенского соблазна» был вопрос о возможности называть Святую Деву Богородицей (Θεοτόκος). Полагая, что это именование способно внушить ложные представления о Лице Спасителя, Несторий предложил вместо него, как более «строгое», именование «Христородица» (Χριστοτόκος), вызвав бурный протест значительной части столичного клира и мирян. Проповеди, произнесенные им в конце 428 и в начале 429 г. с целью объяснить свои воззрения пастве, только укрепили убеждение в неправомыслии нового константинопольского предстоятеля. С начала того же 429 г. против его учения публично выступил и архиепископ Александрии.

Свт. Кирилл прежде уже имел причины опровергать генетически близкое к несторианству учение «о двух Сынах»¹¹. Первыми же его сочинениями в собственно несторианской полемике стали открывающее собрание его писем «Послание к монахам Египта» и приуроченное к 429 г. 17-е «Пасхальное послание»¹². Хронологическое первенство обычно отдают «Пасхальному посланию», в котором не столь явно от-

¹¹ Наиболее обстоятельно — в «Диалоге о вочеловечении Единородного» (De incarnatione). Unig. / Éd. par G. M. Durand. Paris, 1964. SC 97. P. 188–301. СРГ 5227 (БВ 5–6. С. 85–150)). В своем месте мы излагали аргументацию его издателя Ж. Дюрана, относившего «Диалог...» ко времени до 428 г. (БВ 5–6. 67–78). Такая датировка в настоящее время считается наиболее вероятной (Loon 2009. P. 259–262).

¹² Ep. pasch. 17 / Éd. par W. H. Burns, M. Boulnois, B. Meunier. Paris, 1998. SC 434. P. 254–295. СРГ 5240. «Пасхальные послания», или «Пасхальные гомилии», — традиционные ежегодные окружные послания, в которых александрийский патриарх извещал свою паству о времени празднования Пасхи и давал те или иные догматические и нравственные наставления. Б. Менье, крупный специалист по христологии свт. Кирилла и один из издателей 17-го «Пасхального послания» в серии «Христианские источники», сопроводил данное издание специальной заметкой об особенностях христологического языка свт. Кирилла в этом сочинении (Meunier 1998. P. 297–299). «17-е Пасхальное послание» и «Послание к монахам» подробно анализируются в одной из статей выдающегося французского ученого Ж. Льебэра, специалиста по истории христологических споров и знатока богословия свт. Кирилла (Lié-

ражены особенности текущей полемики. При некоторых новых приметах христологии святитель все же представляет здесь учение противника скорее в самых общих чертах «антиохийского» дуализма. В частности, здесь ни разу не употреблено имя «Богородица», хотя Дева подчеркнута именуется вполне синонимичным именованием «Мать Бога» (Μήτηρ Θεοῦ)¹³. «Послание к монахам» же целиком посвящено защите спорного имени, а главное, оно свидетельствует о текстуальном знакомстве святителя с несколькими проповедями Нестория¹⁴. Поэтому его, как правило, датируют первыми месяцами 429 г.¹⁵, в то время как составление 17-го «Пасхального послания» относят к рубежу 428—429 гг.¹⁶

Причиной написания «Послания к монахам», по словам автора, стало беспокойство из-за возникших среди монахов споров вокруг имени «Богородица», а цель состояла в том, чтобы представить им аргументы в защиту истинной веры¹⁷. Ту же причину он указывает и в ряде более поздних посланий, уточняя, что споры были вызваны появлением проповедей Нестория в Египте, где они даже нашли у некоторых сочувственное внимание¹⁸. Нет ничего удивительного в том, что некие монахи из Константинополя оказались в египетской пустыне и принесли собой

baert 1970). Здесь он, в частности, сопоставляет их с сохранившимися фрагментами Нестория. обстоятельный разбор этих посланий, их терминологии и христологии в целом, в ряду других сочинений начального этапа несторианской полемики, представлен в новейшей капитальной монографии нидерландского исследователя Г. Луна, посвященной христологии александрийского святителя (*Loon 2009*. P. 290—316).

¹³ *Liébaert 1970*. P. 34.

¹⁴ *Liébaert 1970*. P. 35.

¹⁵ Ж. Льебэр определяет время его написания, на основании хронологической таблицы издателя соборных деяний Э. Шварца (ACO I, 1, 1. P. 6—14), январем-февралем (*Liébaert 1970*. P. 35. N. 42), Г. Лун — февралем (*Loon 2009*. P. 303), Дж. Мак-Гакин — весной 429 г. (*McGuckin 1994*. P. 245. N. 1).

¹⁶ *Liébaert 1970*. P. 27; *McGuckin 1994*. P. 32; *Meunier 1998*. P. 251; *Loon 2009*. P. 262.

¹⁷ Ep. 1, 3. ACO I, 1, 1. P. 11:12—26.

¹⁸ Ep. 2. Ad Nestorium. ACO I, 1, 1. P. 24:3—7, 9—11, 24—27. CPG 5302 (*Деяния 1910*. С. 142); Ep. 8. Ad vituperatores. ACO I, 1, 1. P. 109:7—9 (*Деяния 1910*. С. 150—151); Ep. 11, 4. Ad Caelest. parat. ACO I, 1, 5. P. 11:15—19. CPG 5310 (*Деяния 1910*. С. 159).

проповеди своего архиепископа¹⁹, особенно если учесть известную подвижность многих представителей этого сословия. Такое «вторжение» на его каноническую территорию побудило святителя вступить в открытую борьбу²⁰. При этом не исключено, что святитель, прекрасно осведомленный о событиях в столице, изначально предполагал, что его послание будут читать и там. Во всяком случае, очень скоро «некие лица» передали туда списки с него²¹, вероятно, с ведома автора.

Имя Нестория здесь, как и в «Пасхальном послании», не упомянуто и о константинопольской смуте ничего не сказано, и не только потому, что дело касалось избранного самим императором предстоятеля Поместной Церкви, относительно которого еще не было высказано соборного суждения. Эти послания предвзяли взаимную переписку свт. Кирилла и Нестория, когда александрийский архиепископ попытался в личном общении вразумить своего собрата и сослужителя²² и святитель еще намеренно не отождествлял новое лжеучение с личностью константинопольского архиепископа, оставляя ему возможность сравнительно безболезненно отказаться от него²³. Но, несмотря на братскую любовь к Несторию²⁴, он и до личного сношения с ним не считал себя вправе молчать относительно распространяемого нече-

¹⁹ Ж. Льебэр сомневается, происходили ли эти споры в действительности. Он задается вопросом, не было ли указание на них только предлогом изложить критику воззрений Нестория (*Liébaert 1970*. P. 35. N. 43). Но его сомнения никак не подкреплены документально.

²⁰ *McGuckin 1994*. P. 33.

²¹ Ер. 11, 4. АСО I, 1, 5. P. 11:19–21 (*Деяния 1910*. С. 159).

²² Первое послание свт. Кирилла к Несторию относится к середине 429 г. (*Loon 2009*. P. 262).

²³ В своем первом послании к Несторию он подчеркнуто выражает неуверенность, высказаны ли распространяемые от его лица поучения им самим или «кем-то другим» (Ер. 2. Ad Nestorium. АСО I, 1, 1. P. 24:4–6, 9–11. СРГ 5302 (*Деяния 1910*. С. 142)). А некоему «ревностному защитнику Нестория» он «как перед Богом» говорил о своем желании, чтобы Несторий «имел доброе имя» и «доказал, что распространенные некоторыми новые мнения приписываются ему по клевете» (Ер. 9. Ad quendam Nestorii studiosum. АСО I, 1, 1. P. 108:24–26. СРГ 5308 (*Деяния 1910*. С. 152)).

²⁴ «Я никому не уступлю в любви к благочестивейшему архиепископу Несторию» (*Ibid.* 108:23–24 (С. 152)).

ствия²⁵, тем более что «вселенский соблазн» уже достиг вверенных его попечению монастырей.

Главная тема «Послания к монахам Египта» — защита имени «Богородица», а исходный тезис прост до очевидности: если Христос — Бог по природе, значит, родившая Его Дева — истинная Богородица. Это своего рода «лейтмотив» послания²⁶, вокруг которого строится вся остальная аргументация. В подтверждение законности употребления имени «Богородица» приводятся места из творений свт. Афанасия Александрийского²⁷. Обращаясь к Никейскому символу, святитель подчеркивает, что здесь сказано об одном Господе Иисусе Христе — истинном Боге, рожденном от Отца и единосущном Ему²⁸. Таковы «патристические аргументы» святителя.

Следующие затем аргументы «от Писания» группируются вокруг отдельных вопросов.

Относительно имени «Христос» (Помазанник) святитель, прежде всего, замечает, что это не собственное имя Еммануила, поскольку все помазанные Святым Духом могут быть названы «христами», то есть имя «Христородица» может указывать на мать всякого «христа» и применительно к Деве недостаточно²⁹. Но ниже из значения имени «Христос» уже обосновывается Его единство, поскольку предположение, что это помазание относится или отдельно к Его Божеству, или отдельно к Его человечеству, приводит к нелепым выводам³⁰. Еще ниже раскрывается важное положение, что Христос — не бесплотное Слово, но Слово, ставшее человеком³¹.

²⁵ Ер. 2. АСО I, 1, 1. Р. 24:11–12 (*Деяния 1910*. С. 143).

²⁶ Ер. 1, 4. АСО I, 1, 1. Р. 11:28–29; *Ibid.* Сар. 5, 12:28–31; сар. 18, 19:1–2; сар. 27, 23:11–12.

²⁷ Сар. 4. 11:30–12:20.

²⁸ Сар. 9. 13:32–14:6.

²⁹ Сар. 10–11. 14:6–15:6. Ср.: *Jo. Dam. Exp. fid.* 56:47–54 / Hrsg. v. B. Kotter. В., 1973. TLG 2934/4. CPG 8043 (*Прп. Иоанн Дамаскин. Источник знания / Под ред. Д. Афиногенова. М., 2002. С. 254*).

³⁰ Сар. 15–16. 17:2–18:4.

³¹ Сар. 18. 18:34–36. Ср.: *Cyr. Alex. Scholia de incarn. unig.* АСО I, 5, 1. Р. 184:31–32 = Р. 220:9–10. CPG 5225.

Тезис о двойном рождении Сына (от Бога Отца в вечности и от Девы во времени) святитель подкрепляет примером человека, плоть которого образуется в чреве матери, дух (душа) — посылается Богом, но мать рождает не часть человека (плоть), а всего человека. Душа и тело достигают при этом «природного единства» и словно бы «смешивают» свойства³². «Антропологическая парадигма» — неотъемлемая принадлежность всех антиисторианских трактатов святителя, которую он и ранее использовал в критике христологического дуализма³³, но примечательно, насколько широко она здесь развита. Ниже посредством того же примера поясняется, как бесстрастное и бессмертное Слово страдает и умирает Своей плотью³⁴.

Обращаясь к уничтожению Христа, святитель толкует соответствующее место из апостола Павла (Флп. 2, 6—8) и отмечает, что один и тот же Христос полагается у апостола и равным Богу, и уничижившим Себя через восприятие образа раба. Стало быть, уничтожение Христа означает не вселение Слова в человека³⁵, но усвоение Им плоти, и потому есть один Господь Иисус Христос «из двух вещей», Бог и вместе человек³⁶. Далее следует развернутая критика представления о Христе как о «богоносном человеке» или «орудии Божества». В толковании еще одного места из апостола Павла (Евр. 3, 1—6) святитель показывает, в чем именно состоит превосходство Христа над величайшим из пророков, Моисеем³⁷. Наконец, приводится излюбленный святителем «сотериологический аргумент». Усвоение Словом плоти позволяет говорить о Его смерти и придает этой смерти искупительное значение. Он усваивает страдания и смерть Своей плоти, а потому Он один, равноценный всем, искупает всех Своей кровью. Слово добровольно умирает посредством Своей плоти и воскресает как Бог во плоти, обогатив человеческую природу бессмертием. Искупление и обновление

³² Слп. 12. 15:7—34.

³³ *Cyr. Alex. Comm. in Joan.* 3, 155:5—24 / Ed. by P. E. Pusey. Oxford, 1872 (1965). TLG 4090/2. CPG 5208 (Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Т. 3. М., 2002. С. 885—886); *De incarn. Unig.* 696:14—29 (БВ 5—6. С. 118); *ibid.* 704:5—10 (С. 132).

³⁴ Слп. 24. 22:1—5.

³⁵ Слп. 13—14. 16:2—32.

³⁶ Слп. 18. 18:16—22.

³⁷ Слп. 21—23. 20:17—21:31.

человеческой природы было бы невозможным, если бы Христос был «человеком» и «орудием Божества»³⁸.

Итак, в противоположность Несторию, для которого «Христос» — лишь некое «лицо единения» двух природ, остающихся фактически разделенными, святитель утверждает, что за всем, сказанным о Христе в Священном Писании и Никейском символе, стоит только один «субъект», и это никто иной как Бог Слово, ставший плотью. Но он не дает оснований заподозрить себя в каком-то «монофизитстве», даже чисто словесном. Употребленное им выражение «природное единство» (ἐνότης φυσική) описывает тот факт, что душа и тело у человека образуют вместе единое «живое существо», неизменно сохраняя природное различие. А это, в свою очередь, является примером единства Христа³⁹. Впрочем, при всей выдержанности своего богословского языка, святитель предпочитает оставаться в пределах библейских выражений и образов. В целом, это сочинение задает некий образец для последующих христологических трактатов святителя, где он также подбирает святоотеческие свидетельства, использует в качестве основания аргументации Никейский символ и важнейшее место уделяет толкованию избранных мест Священного Писания, преимущественно из посланий апостола Павла⁴⁰. Главные вопросы, затронутые здесь (помазание Христа, два рождения Сына, Его уничижение, усвоение плоти, искупительное значение Его смерти и сотериологические последствия Его воскресения), станут сквозными темами в той «лавине текстов»⁴¹, в какую разовьется полемическая деятельность свт. Кирилла в преддверии III Вселенского Собора.

«Послание к монахам Египта» имело большое значение в начальной истории несторианского спора. Появление списков с него в Константинополе сразу же вызвало сильную реакцию. Несторий был немало

³⁸ Сар. 23–26. 21:32–23:3.

³⁹ Сар. 12. 15:30–32 (ср.: *Loon 2009*. P. 311).

⁴⁰ Это хорошо видно, например, в двух его обширных книгах «О правой вере», предназначенных «царственным женам» (см.: БВ 8–9. 69–77), и в 3-м послании к Несторию (Ер. 17. *Ad Nestorium (una cum synodo Alex.)*. АСО I, 1, 1. P. 33–42 (*Деяния 1910*. С. 191–199)).

⁴¹ Выражение Дж. Мак-Гакина (*McCuskin 1994*. P. 33–34).

раздосадован его распространением в столице⁴², что в итоге привело к личной переписке Александрийского и Константинопольского патриархов. Зато «многие сановники» письменно благодарили святителя за ту пользу, какую им доставило чтение этого письма⁴³. Сторонник Нестория пресвитер Анастасий в беседах со столичными клириками, «ища единомыслия и мира», заявлял о сходстве своих воззрений с александрийским архиепископом, поскольку и тот в своем послании признал отсутствие имени «Богородица» в Никейском символе⁴⁴. Вскоре несторианами было составлено два сочинения, одно из которых прямо опровергало «Послание к монахам», а другое, без упоминания имени александрийского святителя, было обращено против его «теопасхизма»⁴⁵. Таким образом, это послание стало причиной первого серьезного столкновения свт. Кирилла с лагерем сторонников Нестория и способствовало прояснению позиций обеих сторон. Оппоненты святителя имели его в виду и позже, в ходе споров вокруг «12-ти анафематизмов». Епископ Самосатский Андрей от лица «восточных» епископов указывал святителю на мнимое противоречие его пререкаемых «глав» с этим посланием⁴⁶.

Роль «Послания к монахам» в истории позднейших христологических споров не выглядит столь представительной, как, скажем, «соборных» посланий святителя или его посланий к Суккенсу. Тем не менее, «Послание к монахам» хорошо знали и отдельные места из него продолжали обсуждать в полемике православных с монофизитами. Так, Иоанн Кесарийский указывал на дифизитское содержание «антропологической парадигмы», как она употреблена здесь свт. Кириллом⁴⁷. А в знамени-

⁴² Ер. 2. АСО I, 1, 1. Р. 23:26–24:3 (*Деяния 1910*. С. 142); Ер. 8. АСО I, 1, 1. Р. 109:7–9 (*Деяния 1910*. С. 150–151).

⁴³ Ер. 11, 4. АСО I, 1, 5. Р. 11:20–21 (*Деяния 1910*. С. 159).

⁴⁴ Ер. 10, 1. Ad апocr. Const. АСО I, 1, 1. Р. 110:4–8. СРГ 5309 (*Деяния 1910*. С. 152–153).

⁴⁵ Ibid. Р. 110:18–25 (С. 153).

⁴⁶ Apol. XII capit. contra Orient. 20. АСО I, 1, 7. Р. 38:2–7. СРГ 5221 (*Деяния 1892*. С. 27).

⁴⁷ Jo. Caes. Apol. conc. Chalced. 1, 1:446–457 (cap. 51) / Ed. M. Richard. Turnhout: Brepols, 1977. Corpus Christianorum. Series Graeca. 1. СРГ 6855.

тый христологический флорилегий V—VI вв. (*Florilegium Cyrillianum*), составленный защитниками Халкидонского Собора и оспариваемый Севером Антиохийским, вошло семь извлечений из него⁴⁸.

Это послание имеется в издании Ж. Д. Манси⁴⁹, но в патрологии Ж. П. Миня⁵⁰ воспроизведено вместе с латинским переводом по более раннему изданию Ж. Обера⁵¹. Наш перевод выполнен с издания Э. Шварца, в котором оно открывает деяния III Вселенского (Эфесского) Собора⁵². Священное Писание цитируется преимущественно по синодальному переводу, а отклонения от него отмечаются. В скобках помещены слова, отсутствующие в греческом тексте и добавленные для ясности. Переводчик выражает свою признательность иером. Тихону (Зимину), любезно согласившемуся осуществить сверку перевода и высказавшему целый ряд ценных замечаний.

⁴⁸ Flor. Cyr. 133:10—136:13 (cap. 65—71) / Ed. R. Hespel. Louvain, 1955. TLG 4147/1.

⁴⁹ Mansi 4, 587—618.

⁵⁰ PG 77, 9—40.

⁵¹ S. P. N. Cyrilli opera omnia graece et latine... *Aubertus Joannis* (ed.). Lutetiae, 1638.

⁵² АСО I, 1, 1. Р. 10—23. Кроме того, нам был доступен английский перевод в монографии Дж. Мак-Гакина (*McGuckin 1994. P.245—261*).

<ПОСЛАНИЕ КИРИЛЛА ЕПИСКОПА
АЛЕКСАНДРИЙСКОГО К МОНАХАМ ЕГИПТА>⁵³

(1) Кирилл пресвитерам и диаконам, отцам монашествующих, и тем, кто подвизаются с вами в пустынноческой жизни, укорененным в вере Божией, возлюбленным и самым желанным, о Господе — радоваться. По заведенному в Александрии обычаю прибыли сюда некоторые из ваших, и когда я выпрашивал и усиленно допытывался, стремитесь ли и вы сами, следуя по стопам непорочной жизни отцов, украшаться правой и безукоризненной верой, возвеличиваетесь ли прекраснейшим образом жизни и красуетесь ли подвижническими трудами, считая истинным наслаждением мужественное приятие на себя страданий ради добродетели, они отвечали мне, что именно так все и обстоит у вас, и прибавили, что вы соревнуете доблестным деяниям своих предшественников с еще большим любочестием. Потому я поневоле радовался, и сердце мое утешалось веселием, ведь добрую славу моих чад я считаю своей собственной, и с полным на то основанием. Так наставники гимнастов радуются крепости юношей, а когда у них появится что-то доставляющее похвалы искусству, воздевают это на свои головы, будто некий победный венок, и делают с ними чувство гордости за их мужество. И согласитесь, было бы странно, если бы мы, отцы духовные, поощряющие вас речами к доброй отваге, дабы вы, одолев движения плоти и отказываясь впасть в грех и уступать искушающему вас сатане, добыли себе награду, — если бы мы куда более, чем эти наставники, не преисполнялись боголюбивой радости⁵⁴.

(2) Поэтому, как сказал ученик Спасителя: *Прилагая к сему все*

⁵³ Такое наименование имеется в издании Ж. Д. Манси (Mansi 4, 587). В рукописях оно отсутствует, но там, где оно открывает деяния Эфесского Собора, иногда дается надписание, предпосланное всему корпусу документов, относящихся к деяниям III Вселенского: «книга первая деяний Третьего Собора»; «последование деяний против Нестория, человекопоклонника и нечестивца» (АСО I, 1, 1. Р. 10).

⁵⁴ Подобное сравнение духовного отца в его отношении к пасомым с наставниками юношей-гимнастов святитель проводит и в начале 17-го «Пасхального послания» (Ер. pasch. 17, 1:6–12).

*старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа*⁵⁵. Ведь я-то уверен, что тем, кто пожелали устремиться на славный и достойный любви путь созерцательной жизни во Христе, необходимо сперва возвеличиваться простой и неповрежденной верой и прилагать к ней добродетель, а когда это будет, тогда уже стараться богатеть познанием Таинства Христова и всецело восходить к совершеннейшему разумению. Ведь это и означает, думаю я, достичь *в мужа совершенного* и прийти *в меру его полного возраста*⁵⁶. Поэтому, решительно препоясав свои чресла приличествующим монахам воздержанием, одолевайте страсти душевные, а вместе и телесные, ибо так вы просияете, получите добрую славу и пребудете в благом уповании, уготованном святым. А прежде всего прочего да будет в вас правая и имеющая совершенное исполнение вера, поскольку именно так и вы сами, следуя благочестию святых отцов, вместе с ними упокойтесь в горних обителях и поселитесь в тех небесных шатрах, о которых помянул божественный Исаия, говоря: *Глаза твои увидят Иерусалим, град богатый, шатры не поколеблются*⁵⁷.

(3) Итак, от меня не укрылось, что в вас утверждается славная и достойная удивления жизнь и правая и безыскусная вера, да и могло ли [быть иначе]? Однако я немало встревожился, услышав, что до вас дошла обременительная молва и кто-то ходит между вами, окрадывая вашу простую веру⁵⁸, изрыгая множество пустых речей, выпытывая и выспрашивая, нужно или нет именовать Богородицей Святую Деву. И вам было бы лучше вовсе отступить от таковых изысканий и совершенно не углубляться в предметы, едва созерцаемые как бы в зеркале и гадательно⁵⁹ теми, кто достиг совершенства в рассуждении и умом непоколебим, — ведь право же, наиболее тонкие умозрения недостижимы для умов неискусенных. Но раз уж от вашего

⁵⁵ 2 Пет. 1, 5–8.

⁵⁶ Ср.: Еф. 4, 13.

⁵⁷ Ис. 33, 20.

⁵⁸ Ср.: 1 Пет. 5, 8; 2 Кор. 11, 13.

⁵⁹ Ср.: 1 Кор. 13, 12.

слуха не укрылись подобные разговоры и кто-то решил, вероятно, затеять спор и в умы неутвержденные, словно некую занозу, всадить ту пагубу, что есть в них самих, я подумал, что непременно должен хоть малое нечто сказать вам об этом. И вовсе не для того, чтобы вы ввязывались в словопрения, но чтобы вы, если кто станет искушать вас, противопоставили их пустословию истину, чем и сами избежали бы вреда от заблуждения, и другим пришли бы на помощь, надлежащими рассуждениями убеждая их, как братьев, удерживать в своих душах веру, издревле и от святых апостолов переданную Церквам как некую *многоценную жемчужину*⁶⁰.

(4) Так вот, я удивляюсь, неужели кто-то сомневается, называть или нет Святую Деву Богородицей? Ведь если Господь наш Иисус Христос — Бог, каким образом не Богородица — родившая Дева? Таковую веру передали нам божественные ученики, пусть даже они и не упомянули этого выражения; так мыслить научились мы от святых отцов. И вот вам прославленной памяти отец наш Афанасий, украшавший престол Александрийской Церкви на протяжении целых сорока шести лет, противопоставлявший плетению словес нечестивых еретиков какой-то неодолимый апостольский разум. Своими писаниями он, словно бы неким благовоннейшим миром, возвеселял поднебесную, и все свидетельствовали о правоте и точности его догматов. Он, составив для нас книгу о Святой и Единосущной Троице, в третьем ее слове и выше и ниже называет Святую Деву Богородицей, и мне необходимо будет воспользоваться его изречениями, в которых дословно имеется следующее:

«Однако такова цель и отличительная черта Божественного Писания, как неоднократно мы говорили, чтобы о Спасителе возвещалось двояко: и что Он всегда был и есть Бог и Сын, будучи Словом, сиянием и Премудростью Отца, и что напоследок, ради нас приняв на Себя плоть от Девы Богородицы Марии, Он стал человеком»⁶¹.

И далее: «Многие сделались святыми и чистыми от всякого греха:

⁶⁰ Ср.: Мф. 13, 46.

⁶¹ *Athan. Alex. Or. contra Ar.* 3, 29. PG 26, 385A:8–13. CPG 2093 (ТСО 19. 1852. С. 422).

Иеремия был освящен от матерного чрева⁶², и Иоанн *взыграл радостно*⁶³ от гласа Богородицы Марии»⁶⁴.

А ведь муж этот заслуживает доверия, и на него стоит уверенно положиться, ибо он никогда бы не сказал ничего несогласного со священными учениями. В самом деле, как может погрешать в истине муж столь блистательный и знаменитый, для всех бывший предметом удивления на святом и великом Соборе, я имею в виду созванный в свое время в Никее? Ведь ему еще не достался престол епископства, и он только числился среди клириков, однако ради пронизательности и прочих добродетелей, а также тонкого и несравненного ума в столь ранние годы он был принят блаженной памяти епископом Александром и пребывал рядом с этим старцем, словно сын с отцом, направляя его ко всему полезному и превосходно показывая путь в каждом из надлежащих свершений.

(5) Но кто-нибудь, вероятно, считает нужным, чтобы сверх этого мы подкрепили рассуждение также из самого Священного и боговдохновенного Писания, а кроме того заметит, что этот святой и великий Собор ни Матерь Господа не назвал Богородицей, ни какого-то определения на сей счет не дал вовсе. Потому давайте теперь, насколько возможно, покажем Таинство постигаемого во Христе домостроительства, каким образом возведено оно нам Божественным Писанием, а также, что хотели сказать те самые Отцы, издавая определение непорочной веры, когда поистине звучал в них Дух Святой. Ибо не они *говорили*, согласно изречению Спасителя, но *Дух* Бога и *Отца* говорил в них⁶⁵. Ведь когда таким образом откроется, что Рожденный от Святой Девы — Бог по природе, совсем никто уже, думаю я, не станет колебаться в необходимости мыслить и вслух говорить с полным на то основанием, что Она может именоваться Богородицей. Символ же веры у нас таков:

(6) «Веруем во единого Бога Отца вседержителя, Творца всех видимых и невидимых. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына

⁶² Ср.: Иер. 1, 5.

⁶³ Ср.: Лк. 1, 44.

⁶⁴ Athan. Alex. Or. contra Ar. 3, 33. PG 26, 385A:10–14 (ТСО 19. 1852. С. 427–428).

⁶⁵ Ср.: Мф. 10, 20.

Божиего, Единородного, рожденного от Отца, то есть из Его сущности, Бога от Бога, света от света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, через Которого возникло все и на небе, и на земле, ради нас, человеков, и ради нашего спасения сошедшего, воплотившегося, вочеловечившегося, пострадавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса, грядущего судить живых и мертвых. И в Духа Святого».

(7) Дело в том, что изобретатели ересей, вырывая погибельную яму и себе самим, и, конечно же, другим, впали в такую тщету помышлений, что предположили и высказали, будто бытие Сына — недавнее и будто Он приведен Богом и Отцом к существованию наравне с творениями. И эти несчастные не краснеют, хотя ограничивают временным начальствованием Того, Кто прежде всякого века и времени и, более того, является Творцом веков. А лишая Его, как, конечно, им самим кажется, равенства с Богом и Отцом и Его славы, они едва позволяют Ему обладать превосходством над остальными и утверждают, что Он — посредник между Богом и человеками⁶⁶, ни славу превосходства не получивший в удел, ни в свойственных творению пределах не оставшийся. Кем же тогда является Он, уступающий Божественному превосходству и удалившийся от свойственных творению пределов? Это совершенно непостижимо, и никакое место или понятие не усматривается между Творцом и творением. Таким образом, низвергая Его с седалища Божества, насколько, конечно, это в их силах, они, тем не менее, считают нужным именовать Его Богом и Сыном и поклоняться Ему, хотя закон открыто возглашает: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи*⁶⁷, и Бог говорит гласом Давида: *Да не будет у тебя нового бога, и да не поклонишься богу чуждому*⁶⁸. (8) Но они, оставляя в стороне истину, словно некую проезжую дорогу, устремляются в ямы и на скалы и, как говорит Соломон, *уклоняются с тропинок своего поля и собирают руками бесплодие*⁶⁹. Мы же, те, в разуме которых просиял Божественный свет, избрав образ мыслей несравнен-

⁶⁶ 1 Тим. 2, 5.

⁶⁷ Мф. 4, 10. Ср.: *Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи* (Втор. 6, 13).

⁶⁸ Пс. 80, 10.

⁶⁹ Ср.: Притч. 9, 12 LXX.

но лучший их скудоумия и следуя вере святых Отцов, утверждаем, что Сын поистине рожден из сущности Бога и Отца богоприлично и неизреченно, и что Он постигается в собственной ипостаси, будучи единым по тождеству сущности с Родившим Его, и хотя Сам Он — в Нем, но и в Себе, в свою очередь, имеет Отца⁷⁰. И мы исповедуем, что Он есть «свет от света, Бог от Бога», по природе имеющий с Ним равенство в славе и творческой мощи, *начертание и сияние*⁷¹, во всем что ни есть будучи с Ним в равных пределах и никоим образом не уступая Ему. Ибо если причислить сюда и Святой Дух, то в одну природу Божества соединяется Святая и единосущная Троица.

(9) Но боговдохновенное Писание говорит, что Слово от Бога стало плотью⁷², то есть соединилось с плотью, имеющей разумную душу, а, следуя за евангельскими проповеданиями, святой и великий Собор сказал, что рожденный из сущности Бога и Отца Единородный, *чрез Которого все и в Котором все*⁷³, «ради нас человеков и ради нашего спасения» спустился с небес, воплотился и вочеловечился, пострадал и воскрес и что в свое время придет как Судья, и он наименовал Слово от Бога «единым Господом Иисусом Христом». Так заметь же, говоря об едином Сыне и именуя Его Господом Иисусом Христом, он утверждает, что Тот родился от Бога и Отца и есть «Единородный, Бог от Бога, свет от света, Бог истинный от Бога истинного, рожденный, не сотворенный и единосущный Отцу». (10) Однако о имени «Христос» (Помазанник) можно сказать, что оно подходит не одному только Единородному, ведь мы найдем, что оно усвоено и другим. А именно, Бог сказал об избранных и освященных в Духе: *Не прикасайтесь к помазанным Моим и пророкам Моим не делайте зла*⁷⁴. Да и божественный Давид, помазанный Богом в царя рукой Самуила, называет Саула *помазанником Господа*⁷⁵. И для чего я говорю это, когда желающим легко можно увидеть, что оправданные по вере во Христа и освященные в Духе почтены таковым наименованием? И в самом деле, пророк Аввакум предвозвестил о Таинстве Христовом и о спасении через Него, говоря при этом: *Ты вышел для спасения народа*

⁷⁰ Ср.: Ин. 17, 21.

⁷³ Ср.: Евр. 2, 10.

⁷¹ Ср.: Евр. 1, 3.

⁷⁴ Пс. 104, 15.

⁷² Ин. 1, 14.

⁷⁵ Ср.: 1 Цар. 24, 7.11.

*Твоего, чтобы спасти помазанных Твоих*⁷⁶. Следовательно, имя Христа может подходить не только и не собственно Еммануилу, но и всем другим, кто бы ни был помазан благодатью Святого Духа. Это выражение произошло от соответствующего действия, и от помазания — помазанники. А что и мы сами обогащаемся этой славной и поистине достойной приятия благодатью, это подтверждает премудрый Иоанн, говоря: *Вы имеете помазание от Святого и знаете все*⁷⁷, — и снова: *Вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как Егo*⁷⁸ *помазание учит вас*⁷⁹. Но и об Еммануиле написано: *Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета*⁸⁰. Да и Божественный Давид говорит к Нему: *Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более участников Твоих*⁸¹. Тогда какое можно усмотреть преимущество в Святой Деве по сравнению с остальными, даже если сказать, что Она родила Еммануила? Ибо совсем не будет нелепостью назвать христородицей мать каждого из помазанных. (11) Однако огромное расстояние и несравнимые отличия отделяют то, что свойственно нам, от славы и превосходства нашего Спасителя. Ибо мы — служители, а Он — по природе Господь и Бог, даже когда по домостроительству Он оказался с нами и в том, что свойственно нам. Потому-то и блаженный Павел именовал Его Христом и Богом, говоря так: *Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога*⁸². Следовательно, хотя все другие, как я сказал, могут быть, и вполне законно, помазанниками (христами) через помазание, однако только Еммануил — Христос и истинный Бог, и не погрешит против истины тот, кто станет говорить, что матери других — хотя и «христородицы», однако еще не «богородицы», и только одну Святую Деву считают и называют вместе и Христородицей и Богородицей. Ибо Она родила не простого человека, подобного нам, но воплотившееся и вочеловечив-

⁷⁶ Авв. 3, 13.

⁷⁷ 1 Ин. 2, 20.

⁷⁸ «Его» (еп. Кассиан = NA): «самое сие» (син.).

⁷⁹ 1 Ин. 2, 27.

⁸⁰ Деян. 10, 38.

⁸¹ Пс. 44, 8.

⁸² Еф. 5, 5.

шееся Слово от Бога Отца. Ибо хотя и мы сами наименованы богами по благодати, однако не такой Бог — Сын, но Он — Бог по природе и истине, даже когда стал плотью.

(12) Но ты, вероятно, спросишь: «Тогда скажи мне, неужели Дева стала Матерью Божества?» И на это мы отвечаем, что, хотя родилось, несомненно, из самой сущности Бога и Отца живое и ипостасное Его Слово и Оно имеет безначальное в отношении времени бытие, вечно соприсутствуя Родившему, и в Нем, и с Ним и существуя и постигаясь, однако в последние времена века, коль скоро Оно стало плотью, то есть соединилось с плотью, имеющей разумную душу, о Нем говорят, что Оно родилось и плотски через жену. А в некотором отношении относящееся к Нему Таинство сходно со свойственным нам рождением. Ведь хотя матери тех, кто находятся на земле, по природе служат появлению на свет, имея во чреве плоть, которая мало-помалу уплотняется и посредством неких невыразимых Божественных действий развивается и достигает совершенного человеческого облика, но духа этому живому существу посылает Бог тем способом, какой Он Сам знает. Ибо Он созидает *дух человека в нем*⁸³, согласно изречению пророка. А у плоти — иное понятие (λόγος)⁸⁴, и точно так же иное у души. И хотя они стали матерями только тел из земли, тем не менее говорят, что при своем рождении они родили целое живое существо, то есть из души и тела, а не часть. И нельзя сказать, к примеру, что Елизавета хотя и

⁸³ Зах. 12, 1

⁸⁴ Можно сравнить употребление здесь термина λόγος с началом «Категорий» Аристотеля, где «понятие сущности» (λόγος τῆς οὐσίας) полагается разным у омонимов и тождественным у синонимов (*Aristot. Categ.* 1a:1–15 / Ed. L. Minio-Paluello. Oxford, 1949. TLG 86/6 (*Аристотель. Сочинения* в 4-х тт. Т. 2. М., 1978. С. 53)), как и с соответствующими местами «Философских глав» прп. Иоанна Дамаскина (*Joan. Dam. Dialectica* 32:6–7, 33:6–7 / Hrsg. v. B. Kotter. В., 1969. TLG 2934/2. CPG 8041 (*Прп. Иоанн Дамаскин. Источник знания. С. 84–85*)). Сближение λόγος с понятием «сущность» встречается у свт. Кирилла и в «Толковании на Евангелие от Иоанна». В одном из предложенных им вариантов толкования слов Спасителя: «Я соблюдаю слово (λόγος) Его», то есть Отца (Ин. 8, 55), он понимает λόγος как определение, границы (ἄρος) Божественной сущности. Сын соблюдает его в Себе, поскольку Он единосущен Отцу (*Cyr. Alex. Comm. in. Joan.* 2, 128:6–129:4 (*Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Т. 3. С. 284–285*))).

«плотородица», но не «душеродица», ведь она родила Крестителя одушевленным, и человека — как единое из двух, то есть из души и тела. Согласимся, что нечто подобное совершилось и при рождении Единородного⁸⁵. А именно, хотя Единородное Слово, как я сказал, рождено из сущности Бога и Отца Его, но коль скоро Оно, приняв плоть и усвоив Ее Себе, назвалось Сыном Человеческим и стало подобным нам, то вполне уместно, думаю я, и даже необходимо исповедовать, что Оно по плоти рождено через жену. Это совсем то же, как душа человека рождается вместе с собственным телом и считается с ним чем-то одним, хотя в сравнении с ним она и постигается и существует как иная по природе, согласно своему понятию⁸⁶. И если кто захочет сказать о матери такого-то, что хотя она «плотородица», а не «душеродица», это будет совершенное пустословие, ибо она родила, как я сказал, живое существо, искусно составленное из неподобных (друг другу частей), хотя и из двух, но одного человека. Притом каждое из этих двух остается тем, что оно есть, но они словно стекаются в природное единение и как бы смешивают друг с другом то, что является собственным у каждого.

⁸⁵ Это место стоит в явной параллели к сохранившимся греческим отрывкам 8-й гомилии Нестория. Несторий также исходит из того, что во чреве матери, собственно говоря, образуется только тело, а одушевляется оно непосредственно Богом, когда обретает человеческий облик. Потому нельзя называть мать «душеродицей», но только «человекородицей». Так и Дева — рождает собственно человека, которому сопутствует Бог Слово, и потому Она — не Богородица. В другом месте он указывает, что хотя Креститель был исполнен Духа Святого от чрева матери (Лк. 1. 15), Елизавета не может быть названа «духородицей» (*Nest. Sermo 8. CPG 5697. Loofs 1905. S. 352:6—21*). Ф. Луфс, издатель фрагментов Нестория, и Ж. Льебэр уверены, что свт. Кирилл в этом месте «Послания к монахам» подразумевает 8-ю гомилию Нестория, которая могла быть произнесена на рубеже 428–429 г., и употребление им «антропологической парадигмы» в именно таком виде является ответом на ее использование Несторием (*Loofs 1905. S. 158; Liebaert 1970. P. 40—41*). В своем более позднем «пятикнижии» «Против богохульств Нестория» святитель уже непосредственно цитирует и критикует эти фрагменты 8-й гомилии (*Cyr. Alex. Libri V contra Nest. ACO I, 1, 6, 23:31—26:10. CPG 5217*).

⁸⁶ Иоанн Кесарийский ссылается на это место, где явно полагается природное различие души и тела, доказывая дифизитское содержание употребленной свт. Кириллом «антропологической парадигмы» (*Jo. Caes. Apol. conc. Chalced. 1, 1:446—457 (cap. 51)*).

(13) А что единство у Христа является совершенно необходимым, это можно легко и без всяких усилий понять и из многого другого. В самом деле, давайте, если угодно, рассмотрим изречения блаженного Павла, тщательно и сколь возможно тонко вникая в них умом. Итак, он сказал о Единородном: *Который, будучи в образе Божиим, не счел для Себя хищением быть равным Богу, но уничижил Себя, приняв образ раба, быв в подобии человеческом и по виду став как человек, смирил Себя*⁸⁷. Так Кто же Он, бывший в образе Божиим и не считавший хищением быть равным Богу? И каким образом Он уничижил Себя, и как сошел в смирение, притом в образе раба? Так вот, если разделяющие одного Господа Иисуса Христа надвое, то есть на человека и на Слово от Бога, утверждают, будто это уничижение претерпел Тот, Кто от Святой Девы, отделяя от Него Слово от Бога, пусть прежде покажут, что Он и постигается, и был в образе Отца и в равенстве с Ним, чтобы перенести и определенное уничижение, сойдя в то, чем Он не был. Однако ничто из сотворенного, если оно постигается по собственной природе, не бывает в равенстве с Отцом; тогда почему говорится, что Он уничижился, если Он, будучи, как и мы, человеком по природе, родился от жены? Из какого, скажи мне, старшинства, большего, чем человек, Он сошел к тому, чтобы быть человеком? И как можно считать, что Он принял образ раба, будто не имея его в начале, если Он по природе причтен к служителям и находится под игом рабства? (14) Да, возражают мне, Сын по природе и истине, свободный, Слово от Бога Отца, существуя в образе Родителя и будучи равен Ему, поселился в рожденном через жену человеке, и как раз в этом и заключатся уничижение, смирение и снисхождение до образа раба. Выходит, любезнейшие, одного того, что Слово Божие поселилось в человеке, было бы достаточным для Его уничижения, и можно смело сказать, что так Он облекся в образ раба, и именно таким оказался бы у Него образ смирения? Но я слышу сказанное святым апостолом: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*⁸⁸. Слышишь, Он говорит,

⁸⁷ Флп. 2, 6–8 (пер. еп. Кассиана).

⁸⁸ Ин. 14, 23.

что и Сам Бог Отец поселится в возлюбивших Его? Так значит, мы также и Ему позволим и претерпеть подобное Сыну смирение, и воспринять образ раба, раз Он делает души возлюбивших Его святыми обителями? А что же Дух, обитающий в нас? Неужели и Он исполняет домостроительство вочеловечения, которое, утверждаем мы, совершенно одним лишь Сыном ради спасения и жизни всех? Прочь эти столь бесполезные и совершенно бессмысленные выдумки! (15) Итак, существующее в образе Бога и Отца и в равенстве с Ним Слово смирило Себя тогда, когда, согласно Иоанну, *стало плотью*⁸⁹ и родилось от жены, и Тот, Кто имеет рождение от Бога Отца, претерпел ради нас также свойственное нам (рождение). Далее, пусть они объяснят, каким образом Слово от Бога Отца мы можем считать и именовать Христом, коль скоро имя Христа дается от помазания, Кого Отец помазал *елеем радости*⁹⁰, то есть Святым Духом? Так вот, если (Он помазал) обособленно и одного только рожденного от Него Бога Слово, если это они принимают за истину, тогда они не понимают, насколько бесчестят природу Единородного и искажают Таинство домостроительства с плотью. Ведь когда Слово, будучи Богом, помазано Святым Духом, то они тем самым поневоле исповедуют, что, существуя еще в изначальные времена, Оно совершенно не имело освящения, поскольку тогда еще не было причастно тому дарованию, какое было подано Ему позднее. А нуждающееся в освящении неустойчиво по природе и не может считаться вполне свободным от греха, то есть от возможности допустить прегрешение. Выходит тогда, что Слово претерпело и изменение к лучшему. Как же тогда Он — *Тот же*⁹¹ и *не изменяется*⁹²? И коль скоро Слово, будучи Богом, в образе Отца и равенстве с Ним, помазано и освящено, кто-нибудь равным образом может сказать, поневоле доведенный таким положением вещей до потери здравого смысла, что, пожалуй, и Сам Отец нуждается в освящении. И мало того, Сын оказался большим Его, коль скоро Он освятился, будучи прежде освящения равен Отцу и в Его образе, а Отец остался в том состоянии, в каком Он всегда был, есть и будет, еще не получив вводящего в лучшее

⁸⁹ Ср.: Ин. 1, 14.

⁹⁰ Ср.: Пс. 44, 8.

⁹¹ Ср.: Пс. 101, 28; Евр. 1, 12; 13, 8.

⁹² Ср.: Мал. 3, 6.

состояние прибавления, то есть не освятился по подобию Сына. А уж большим обоим видится Дух, освящающий их, поскольку несомненно, что без всякого прекословия меньший благословляется большим⁹³. Но это бессмыслица, вздор и безумие. Ибо по природе свята единосущная Троица, свят Отец, равным образом и Сын свят по существу, а подобно этому и Дух. Поэтому, насколько это касается Его собственной природы, Само по себе Слово от Бога Отца не освятилось. (16) Ну а если кто-нибудь решит, будто один только рожденный от Святой Девы помазан и освящен, в силу чего и именуется Христом, пусть он скажет прежде, достаточно ли было помазание для того, чтобы явить помазанного равным во славе и сопредельным Богу, Который превышает всего⁹⁴. И если достаточно, если они станут говорить, что это — истина, то ведь и мы помазаны, и свидетелем этому будет божественный Иоанн: *И вы имеете помазание от Святого*⁹⁵. Тогда будем уж, пожалуй, и мы сами в равенстве с Богом, и думаю, нам совсем ничто не препятствует воссесть с Ним, как, конечно же, (восседает) и Сам Еммануил, ведь Ему сказано: *Сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих*⁹⁶. Пусть и нам поклонится святое множество вышних духов, поскольку сказано: *Когда Он вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все ангелы Божи*⁹⁷. Но мы, хотя и помазаны Святым Духом, обогащаемся благодатью усыновления и названы богами, все же не станем забывать об ограниченности собственной природы. Ведь мы — земные и причтены к служителям, а Он по природе и истинно есть Господь всего, и Он — с небес. (17) И поскольку мы избрали правые мысли, то уж не говорим

⁹³ Ср.: Евр. 7, 7.

⁹⁴ Епископ Андрей Самосатский приводит этот фрагмент «Послания к монахам» как свидетельство того, что свт. Кирилл утверждает здесь две ипостаси Христа, поскольку сначала говорит: «Само по себе Слово от Бога Отца», а затем: «Один только рожденный от Святой Девы». Это противоречит 3-му анафематизму, где святитель запрещает разделять Христа на разные ипостаси после соединения (Apol. XII capit. contra Orient. 20. АСО I, 1, 7. Р. 38:2—7 (Деяния 1892. С. 27)). В ответ святитель упрекает оппонентов за то, что они вырывают его слова из контекста и искажают их смысл. Он всегда настаивал на единстве ипостаси Христа, хотя и не отрицал различия Его природ (Ibid. cap. 27—29. Р. 39:24—40:7 (С. 28—29)).

⁹⁵ 1 Ин. 2, 20.

⁹⁶ Пс. 109, 1.

⁹⁷ Евр. 1, 6.

ни того, что Бог Отец стал плотью, ни того, что природа Божества родилась через Деву, не восприняв еще человеческого. Сводя же к единству рожденное от Бога Слово и человека, (родившегося) от Девы совершенным, мы поклонимся единому Иисусу Христу и Господу, не помещая Его за пределами Божества по причине плоти и не низводя Его до простого человека из-за подобия с нами. Так ты постигнешь, что рожденное от Бога Слово перенесло добровольное уничтожение; так смирил Себя, *приняв образ раба*, свободный по Своей природе⁹⁸; так Он *воспринял семя Авраама и приобщился плоти и крови*⁹⁹. Ибо если Его мыслить простым человеком, подобным нам, тогда как Он воспринял иное в сравнении с Ним по природе семя Авраама? И как о Нем говорится, что Он *приобщился собственной плоти, чтобы во всем уподобиться братьям*?¹⁰⁰ Ибо то, о чем говорится, что оно уподобляется чему-либо, непременно от чего-то неподобного устремляется к этому уподоблению. (18) Стало быть, Слово Божие восприняло семя Авраама и приобщилось крови и плоти, усвоив Себе тело от жены, чтобы через это единение мы познавали, что Оно не только существует как Бог, но уже и стало подобным нам человеком. Следовательно, хотя несомненно, что Еммануил — из двух вещей (*ἐκ δύοῦν πραγμάτων*), Божества и человечества, все же Господь Иисус Христос — один, единый и истинный Бог Сын и вместе с тем человек. Причем явился не человек, обоженный наравне с теми, кто (обожен) по благодати, но истинный Бог явился в человеческом образе ради нас. Но в этом удостоверяет нас и божественный Павел, говоря: *Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены, родился под законом*¹⁰¹, *чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление*¹⁰². И Кто же этот Посланный, родившийся, как сказано, *под законом и от жены*, если только Он не был, как Бог, выше закона, а когда назвался человеком, оказался и *под законом*, чтобы *во всем уподобиться братьям*?¹⁰³ Ведь Он даже уплатил вместе с Петром дидрахму, согласно закону Моисея, но при этом учил, что сво-

⁹⁸ Ср.: Флп. 2, 7–8.

¹⁰⁰ Ср.: Евр. 2, 17.

¹⁰² Гал. 4, 4–5.

⁹⁹ Ср.: Евр. 2, 14.16.

¹⁰¹ Син.: «подчинился закону».

¹⁰³ Ср.: Евр. 2, 17.

боден как Сын и больше закона как Бог, даже оказавшись под законом, как человек, говоря: *Цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? А когда Петр сказал: с посторонних, Он прибавил: Итак, сыны свободны*¹⁰⁴.

Так вот, поскольку очевидно, что Христом нельзя называть существующее вне плоти и как бы Само по себе Слово от Бога, но это наименование подходит Ему, когда Оно стало человеком, давайте-ка покажем, избирая доказательства из самих Священных Писаний, что Оно является Богом по природе, даже когда сошло в единство с собственной плотью. А уж когда это окажется истинным, тогда мы сможем называть Святую Деву Богородицей, и с полным основанием. (19) Итак, пророк Исаия указывал на Сына, едва ли уже не воплотившегося, но только еще не пришедшего, говоря: *Укрепитесь, ослабевшие руки и колена расслабленные. Утешьтесь, робкие умом, будьте тверды, не бойтесь: вот Бог наш суд воздаст и воздаст; Он придет и спасет нас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих услышат. Тогда хромой станет скакать, как олень, и ясен будет язык косноязычных*¹⁰⁵. Обрати же внимание на то, как он называет Еммануила Господом и именует Его Богом, говоря при этом в Духе, что узнал в Нем не просто человека богоносного или воспринятого в качестве орудия¹⁰⁶, но поистине вочеловечившегося Бога. Ведь именно тогда и открылись глаза слепых, и услышали уши глухих, тогда и хромой скакал подобно оленю, а язык косноязычных стал ясным. Так повелевал Дух возвещать о Нем святым апостолам, говоря: *Взойди на высокую гору, благовествующий Сиону! Возвьись с силою голос твой, благовествующий Иерусалиму! Возвьсите, не бойтесь; скажи городам Иудиным: Вот Бог ваш! Вот Господь, Господь с силою идет, и мышца Его со властью, вот награда Его с Ним и дело Его пред*

¹⁰⁴ Ср.: Мф. 17, 25–26.

¹⁰⁵ Ис. 35, 3–6.

¹⁰⁶ Свт. Кирилл и в ходе несторианского спора, и ранее позволял себе именовать тело Христа «орудием» Его Божества (Libri V contra Nest. ACO I, 1, 1. P. 46:28; De incarn. Unig. 692:17–20 (БВ 5–6. С. 111)). Но здесь он отвергает мысль, будто Сам Христос, понимаемый как обособленный от Слова «человек», становится «орудием Божества» (Ср.: Loop 2009. P. 313–314).

*Ним. Как пастырь, Он будет пасти стадо Свое, и мышцею Своею соберет агнцев*¹⁰⁷. Ибо явился нам Господь наш Иисус Христос, имея подобающую Богу силу и мышцу со властью, то есть обладая могуществом и господством. Потому Он и говорил прокаженному: *Хочу, очистись*¹⁰⁸, — прикасался ко гробу и восставлял умершего сына вдовы¹⁰⁹. Но Он и собрал агнцев, ведь Он — добрый Пастырь, положивший Свою душу за овец. Потому Он и говорил: *Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь*¹¹⁰. А начиная проповедь о Нем, божественный Креститель благовествовал всем живущим в Иудее не об орудии Божества и не о простом богоносном человеке, подобном некоторым, но о Боге во плоти, то есть о Боге вочеловечившемся, говоря: *Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему*¹¹¹. Так чьи же пути повелел он готовить, как не Христа, то есть Слова, явившегося в образе человека? И думаю, что для уверения в этом достаточно слов божественного Павла, который свидетельствует и говорит: *Что же скажем?*¹¹² *Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?*¹¹³ Тогда скажи мне, каким образом можно считать Того, Кто от Девы, Сыном Бога и Своим для Него? Ведь как для человека, да и для всякого другого живого существа своим является рожденное от него по природе, так Своим Богу может считаться и называться то, что из Его сущности. Почему тогда Своим Богу наименован Христос, Который и дан Богом и Отцом ради спасения и жизни всех? Ибо Он предан за грехи наши¹¹⁴, и Он грехи многих вознес¹¹⁵ телом Своим на древо¹¹⁶, согласно изречению пророка. Поэтому очевидно, что признание единства неизбежно показывает Божиим Сыном Того, Кто от Святой Девы, ведь тело, родившееся от

¹⁰⁷ Ис. 40, 9–11.

¹⁰⁸ Мф. 8, 3.

¹⁰⁹ Ср.: Лк. 7, 14.

¹¹⁰ Ин. 10, 15–16.

¹¹¹ Мф. 3, 3; ср.: Ис. 40, 3.

¹¹² Син.: «Что же сказать на это?».

¹¹³ Рим. 8, 31–32.

¹¹⁴ Ср.: Рим. 4, 25.

¹¹⁵ Ср.: Ис. 53, 12. Юнгеров: «понес».

¹¹⁶ Ср.: 1 Пет. 2, 24.

Нее, принадлежало не другому кому из подобных нам, но было своим для Самого Слова, сущего от Отца.

(21) Если же кто назначает Ему лишь служение в качестве простого орудия, тот и поневоле станет отрицать, что Он — истинный Сын. Действительно, возьмем в качестве примера некоего, скажем, человека, и пусть будет у него дитя, превосходно обученное искусству играть на лире. Так будет ли этот человек относить лиру и песенное орудие к числу сынов вместе с сыном? Но разве это не изрядная нелепость? Ведь в то время как орудие использовано для того, чтобы (сын) проявил свое искусство, сам-то он и помимо него остается для родителя сыном. Ну а если скажут, что (рожденный) от Девы использован в качестве пособия для того, чтобы через него совершались чудеса и просияла проповедь евангельских установлений, пусть тогда и каждый из святых пророков называется орудием Божества. И прежде всех остальных — священнотайник (ιεροφάντης) Моисей, который, простерши жезл, претворил реки в кровь¹¹⁷, разделив само море, повелевал израильтянам идти посреди волн¹¹⁸, а ударяя им в скалы, делал их источниками вод, и каменистые обрывы оказывались водными ключами¹¹⁹. Он стал и посредником между Богом и человеками¹²⁰, был служителем закона и руководил народом. Тогда выходит, что ничего сверх этого не было во Христе, и Он ни в чем совершенно не превосходил тех, кто был прежде Него, раз наравне с ними был использован как подсобное орудие в ряду других, и пустое, вероятно, произнес божественный Давид, говоря: *Ибо кто в облаках сравнится с Господом, уподобится Господу между сынами Божиими?*¹²¹ (22) Но ведь премудрый Павел объявляет Моисея причтенным к служителям, а рожденного по домостроительству от жены¹²², то есть Христа, называет Богом и Господом. А именно, у него написано вот что: *Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его. Ибо Он достоин тем большей славы пред*

¹¹⁷ См.: Исх. 7, 20.

¹¹⁹ Ср.: Пс. 113, 8. См.: Исх. 17, 6.

¹²¹ Пс. 88, 7.

¹¹⁸ Исх. 14, 21–22.

¹²⁰ Ср.: 1 Тим. 2, 5.

¹²² Ср.: Гал. 4, 4.

Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его, ибо всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший все есть Бог. И Моисей верен во всем доме Его как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; Христос — как Сын в доме Своем¹²³; дом же Его — мы¹²⁴. Так обрати же внимание, что он и сохраняет у Него пределы человечества, и относит к Нему превосходство высочайшей славы и приличествующего Богу достоинства. Ведь назвав Его Первосвященником и Посланником и притом очень настойчиво уверяя, что Он был верен Поставившему Его, (апостол) говорит, что Он был почтен более, чем Моисей, а далее прибавляет, что всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший все есть Бог. Итак, если Моисей причтен к тем, что сотворены и устроены, о Христе объявлено, что Он — Устроитель всего, хотя устроил все, как сказано, Бог. Поэтому не может быть сомнений, что Он — Бог и притом истинный. И если Моисей верен во всем доме как служитель, Христос — как Сын в доме Своем, дом же Его — мы, хотя Бог говорит пророческим гласом: *Вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом*¹²⁵. (23) Но равным образом спросят: какое можно усмотреть различие между Христом и Моисеем, если оба они родились через жен? Почему один — служитель, верный во всем доме, а другой и по природе Господь, как Сын, и в доме Своем, то есть, в нас? Но я как раз думаю, что для всякого существует очевидный ответ на это, если, конечно, иметь здравое рассуждение и *ум Христов*¹²⁶, согласно блаженному Павлу. А именно, один был человеком и находился под игом рабства, другой — свободен, как Бог и Создатель всего, хотя и претерпел добровольное уничтожение ради нас. Но даже это не отстранит Его от приличествующей Божеству славы, как и не удалит от величайшего превосходства над всем, да и каким образом? Ведь как мы, обогатившись Его Духом, ибо Он *вселился в наши души*¹²⁷, причислены к чадам Божиим, но не лишились свойственного нам

¹²³ Син.: «Его». Из дальнейшего рассуждения видно, что свт. Кирилл относит употребленное здесь местоимение *αὐτοῦ* именно к Сыну, что соответствует славянскому переводу: «в дому Своем».

¹²⁴ Евр. 3, 1–6.

¹²⁵ 2 Кор. 6, 16. Ср.: Лев. 26, 12; Иер. 31, 1. 33.

¹²⁶ Ср.: 1 Кор. 2, 16.

¹²⁷ Ср.: Еф. 3, 17.

бытия, поскольку по природе мы люди, хотя и говорим Богу: *Авва, Отче*¹²⁸, так и Сам Бог Слово, неизреченно просиявший из сущности Бога и Отца, хотя и почтил (человеческую) природу, восприняв человеческое, однако не оказался вне Своего превосходства, но даже в человечестве остался Богом. Поэтому мы не скажем, будто храм от Девы был использован в качестве орудия, но лучше, следуя вере священных писаний и изречениям святых, остановимся на том, что Слово стало плотью¹²⁹, как это и было уже многими способами объяснено выше. Таким образом Он и положил за нас Свою душу. Ведь поскольку Его смерть была спасением для мира, Он претерпел Крест, пренебрегши посярмление¹³⁰, даже будучи Жизнью по природе как Бог. Тогда как о Жизни говорится, что она умерла? (Умерла), претерпев смерть Своей плотью, дабы явить Себя Жизнью, которая вновь оживотворяет ее. (24) В самом деле, если и у нас самих рассмотреть внимательно образ смерти, не скажет ли всякий здравомыслящий, что души не уничтожаются вместе с телами от земли? Но думаю, что это ни для кого не является предметом сомнений, этим только обозначается существенное свойство (τὸ συμβεβηκός) человеческой смерти. Так понимай и в отношении Самого Еммануила. А именно, Слово было в теле от жены, как в Своем собственном, и в определенное время отдало его на смерть. И хотя Само Оно нимало не страдает в собственной природе, ведь Оно — Жизнь и животворящее, однако усваивает относящееся к плоти, дабы можно было сказать, что страдания принадлежат Ему и Один, будучи равноценен всем, умерев за всех, искупает Своей кровью поднебесную и приобретает для Бога и Отца (живущих) по всей земле. И это, как несомненную истину, возвещает блаженный пророк Исаия, говоря в Духе: *Посему Он получит в наследие многих и разделит добычу с сильными, за то, что на смерть предана была душа Его, и Он причтен к беззаконникам, и Он грехи многих понес и за беззакония их предан*¹³¹. (25) Итак, один, будучи ценнее всех, положил за всех Свою душу, и хотя по домостроительству позволил на краткое время низвести плоть до смерти, однако, в свою очередь, упразднил смерть,

¹²⁸ Ср.: Рим. 8, 15.

¹³⁰ Ср.: Евр. 12, 2.

¹²⁹ Ин. 1, 14.

¹³¹ Ис. 53, 12.

как Жизнь, которая не допускает страдания, противного собственной природе, дабы и во всех телах лишилось силы тление и отступило владычество смерти. *Ибо как в Адаме все мы умираем, так и во Христе все мы будем оживотворены*¹³². Ведь если Он человечески не претерпел страдание за всех, значит, Он и не совершил Божески того, что нужно для нашего спасения. Ибо Он, как сказано, сперва умер, как человек, а после этого ожил, поскольку Он — Бог по природе. Поэтому, если Он не претерпел *умерщвления плотью*, согласно Писаниям, то не был и *оживотворен Духом*¹³³, то есть не ожил. А если это — истина, тогда вера наша *тщета*: мы *еще во грехах наших*¹³⁴. Ибо мы *крещены в смерть Его*¹³⁵, по словам блаженного Павла, и получили *прощение согрешений Кровию Его*¹³⁶.

(26) Но если Христос — ни истинный Сын, ни Бог по природе, а лишь сообразный нам человек и орудие Божества, тогда мы спасены не в Боге. Да и как бы это могло быть? Напротив, выходит, что один из подобных нам умер за всех и был воскрешен сторонними силами. И как тогда упразднена через Христа смерть? Впрочем, я ясно слышу, что Он говорит о Своей душе: *Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее*¹³⁷. Ибо Он, не ведающий смерти, снизошел к смерти вместе с нами посредством Своей плоти, чтобы и мы с Ним взошли к жизни. Ведь Он ожил, расхитив ад, не как сообразный нам человек, но как Бог во плоти, вместе с нами и ради нас. (Человеческая) же природа обогатилась в Нем, притом первым, бессмертием, и смерть, подобно врагу набросившаяся на тело Жизни, была разбита, ибо, как она победила в Адаме, так она пала во Христе. А Тому, Кто восходит из-за нас и ради нас к сущему на небесах Отцу и Богу, чтобы небо сделать доступным для тех, кто на земле, воссылает победные песни божественный певец, говоря: *Восшел Бог при восклицании, Господь при звуке трубном. Пойте Богу нашему, пойте! Пойте Царю нашему, пойте! Пойте*

¹³² Ср.: 1 Кор. 15, 22.

¹³⁴ Ср.: 1 Кор. 15, 17.

¹³⁶ Ср.: Еф. 1, 7.

¹³³ Ср.: 1 Пет. 3, 18.

¹³⁵ Ср.: Рим. 6, 3.

¹³⁷ Ин. 10, 18.

*разумно! воцарился Бог над всеми народами*¹³⁸. Сказал же и блаженный Павел о Нем: *Нисшедший, Он же есть и восшедший превьше всех небес, дабы наполнить все*¹³⁹.

(27) Поэтому, когда Распятый — Бог истинный, и Царь по природе, и, как сказано, *Господь славы*¹⁴⁰, можно ли колебаться в том, чтобы назвать Святую Деву Богородицей? Поклоняйся Ему как единому, не разделяя надвое после единения; тогда напрасно будет насмехаться безумный иудей, тогда поистине будет он убийцей Господа, и уличен будет в том, что согрешил не против одного из подобных нам, но против Самого Спасителя всех Бога, и услышит: *Увы, народ грешный, народ, обремененный грехами, семя лукавое, сыны беззаконные! Вы оставили Господа, разгневали Святого Израилева*¹⁴¹. А дети эллинов никоим образом не станут осмеивать веру христиан, ведь мы служим не простому человеку, — да не будет! — но Богу по природе, и нам безызвестна Его слава, пусть даже Он и стал подобен нам, оставшись тем, чем и был, то есть Богом. Через Него и с Ним Богу и Отцу слава со Святым Духом во веки веков. Аминь.

ЛИТЕРАТУРА

- Деяния 1910* — Деяния Вселенских Соборов, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Т. 1. Каз., ²1910.
- Деяния 1892* — Деяния Вселенских Соборов... Т. 2. Каз., ²1892.
- Liébaert 1970* — *Liébaert J.* L'évolution de la christologie de saint Cyrille d'Alexandrie à partir de la controverse nestorienne // *Mélanges de science religieuse.* 1970. № 1. Avril. P. 27–48.
- Loofs 1905* — *Loofs F.* Nestoriana. Die Fragmente des Nestorius. Halle, 1905.
- Loon 2009* — *Loon H. van.* The Dyophysite Christology of Cyril of Alexandria. Brill, Leiden, Boston, 2009 (Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 96).
- McGuckin 1994* — *McGuckin J. A.* St. Cyril of Alexandria, the Christological controversy. Brill, Leiden, 1994 (Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 23).

¹³⁸ Пс. 46, 6–9.

¹⁴⁰ Ср.: 1 Кор. 2, 8.

¹³⁹ Еф. 4, 10.

¹⁴¹ Ис. 1, 4.

ОТДЕЛ I. ТВОРЕНИЯ СВ. ОТЦОВ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Meunier 1998 — Cyrille d'Alexandrie. Dix-septième festale (429) // Lettres festales XII—XVII / Texte grec par W. H. Burns. Traduction et annotation par M. Boulnois et B. Menier. SC 434. Paris, 1998. P. 251—299.

Перевод с древнегреческого,
вступительная статья и примечания
иером. Феодора (Юлаева)

СВТ. ГЕРМАН, ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ СЛОВО В НЕДЕЛЮ КРЕСТОПОКЛОННУЮ

В дореволюционном архиве журнала Московской духовной академии «Богословский вестник» хранятся авторские рукописи и машинописи, которые так и не были опубликованы — некоторые из-за несоответствия высокому уровню журнала, другие из-за событий революционного времени. Однако с учетом почти столетнего перерыва даже слабые публикации подлежат пересмотру, становясь своеобразными историческими памятниками своей эпохи. Среди архивных переводов святоотеческих творений имеется черновая машинопись, присланная в редакцию БВ в 1910 г. В настоящее время она хранится в НИОР РГБ. Ф. 172. К. 84. Ед. хр. 66. На титульном листе указано имя переводчика: «Бойков Николай Яковлевич, преподаватель Минской духовной семинарии», — и тема перевода: «Слово святого Германа, патриарха Константинопольского, на неделю Крестопоклонную», — со специальной пометой: «Перевод для “Богословского вестника”». После перевода имя и должность переводчика повторены, а также добавлен его адрес: «Г. Минск, Духовная семинария. Адрес на месяцы: май, июнь, июль и август. Г. Бежецк Тверской г., Спасская ул., дом священника о. Г. И. Бойкова». Несомненно, что в летние месяцы Николай Бойков возвращался отдохнуть к себе на родину в Тверскую область, принадлежа к тому же самому священническому роду Бойковых, что и его младший родственник Яков Бойков, поступивший в 1917 г. в Московскую духовную академию и продолжавший студенческий «академический дневник», по крайней мере, до 1919 г.¹ Однако, к сожалению, никакими другими сведениями об авторе перевода редакция журнала не располагает.

¹ Публикация «Академического дневника» приводится ниже. См. с. 819–857.

Вниманию читателя предлагается одно из слов, надписанное именем свт. Германа Константинопольского (ок. 650 — † 11 мая 733 г., память 12 мая)². В «Богословском вестнике» была опубликована только статья профессора МДА И. Д. Андреева³, посвященная наследию данного святого отца. Вполне естественно, что редакция журнала предполагала опубликовать и ряд переводов, тем более что на страницах журнала вышли переводы другого известного борца за иконопочитание свт. Никифора Константинопольского⁴. Однако данное слово, скорее всего, принадлежит другому Герману — патриарху Никои-Цареградскому (1222—1240)⁵. Современный греческий исследователь К. С. Ставрианос, автор монографии, посвященной Герману I⁶, пишет о том, что из трех спорных сочинений — Слов на Благовещение, на поклонение Кресту и на погребение Божественного тела Спасителя (PG 98, 320—340; 221—244; 244—289) — два последние, скорее всего, были составлены Германом II⁷.

Перевод выполнен по греческой патрологии Ж. П. Минья⁸, при сличении с текстом которой был выявлен ряд неточностей. В ряде случаев

² СРG 8002—8033.

³ Андреев И. Д. Св. Герман, патриарх Константинопольский (715—730 гг.) // БВ. 1897. Т. 2. № 5. С. 167—186; № 6. С. 305—326; БВ. 1897. Т. 3. № 9. С. 225—244 (2-я пагин.).

⁴ Сам И. Д. Андреев в 1923 г. закончил перевод трактата св. Никифора Константинопольского «Епифанид», который в настоящее время тоже готовится к публикации силами редакции журнала.

⁵ Проблема «двух Германов» была поставлена западными исследователями сначала А. Эрхардом, а потом К. Хорном (*Horna K. Analecten zur Byzantinischen Literatur. Wien, 1905. S. 31*).

⁶ Σταυριανός Κ. Σ. 'Ο Ἅγιος Γερμανός Α' ὁ Ὁμολογητῆς πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως. Βίος — Ἔργα — Διδασκαλία. Ἀθ., 2003.

⁷ С. Лагопатис, первый из греческих исследователей приписал эти два слова к Герману II (Λαγοπάτης Στ. Γερμανός Β' πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως-Νικαίας. Τρόπολις, 1914. Σ. 160—169). Кретцер, первый издатели слова на неделю Крестопоклонную, и Ф. Комбефис приписывали эти произведения перу патриарха Германа II (*Sayré F. Germain (saint) // Dictionnaire de théologie catholique 6. 1947. P. 1306—1307*), а Ж. Тиксерон и Б. Алтанер вслед за Ж. П. Минем — свт. Германа I (*Tixeront J. Précis de Patrologie. Paris, 1918. P. 414; Allaner B. Précis de Patrologie. Mulhouse, 1961. P. 723*). См.: Σταυριανός 2003. Σ. 80—82.

⁸ Греческий текст слова помещен в: PG 98, 221—244.

переводчик пользуется парафразой, делает эмоциональные или смысловые добавления⁹, иногда домысливает текст¹⁰ или, наоборот, делает более или менее значительные пропуски¹¹. При таком подходе и еще несовершенном знании греческого языка он допускает ошибки или вольности как в переводе отдельных слов¹², так и целых предложений¹³. В частности, он заменяет ед. ч. на мн. ч. в целях благозвучия. В некоторых случаях перевод следует скорее латинскому тексту, нежели греческому оригиналу. Установленные аллюзии, неправильные варианты перевода автора и другие примечания, составленные при сличении текстов, вынесены в подстрочный аппарат¹⁴. Фразы или слова, пропущенные им, включены в основной текст в угловых скобках. В примечаниях, при обозначении аллюзий, текст Священного Писания Ветхого Завета приводится по славянскому переводу, Нового Завета — по синодальному. Главы и стихи книг Ветхого Завета указываются в соответствии со славянским переводом, в случае расхождения с Септуагинтой предлагаются оба варианта.

⁹ Выражение «начиная» усиливается до словосочетания «в самом начале», добавляются слова вроде «ангел-каратель... с мечом», которых нет в греч. тексте.

¹⁰ Так напр., определенный артикль может переводиться как «изречено проклятие» или «слышим обетование».

¹¹ Без перевода остается слово *φῆρε*, стоящее перед гл. в *imper.*, которым следовало бы подчеркнуть призыв, например, с помощью «давайте же».

¹² Например, вместо «лица Владыки» переводчик пишет «лица Божия», вместо «лобзание» — «любовь» и т. д. Бывают вероятные опiski переводчика: «Вместо обещания в землю обещает» (правильно: не «обещания», а «возвращения»). Встречается и ошибочный перевод по смыслу (гл. *κατασχεδαυυμι* понимается как «совлекать», что не согласуется с контекстом).

¹³ См., напр., сноски 36, 156.

¹⁴ Без указания авторской ответственности.

СЛОВО ГЕРМАНА, ПАТРИАРХА
 КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО, НА ПОКЛОНЕНИЕ
 ЧЕСТНОМУ И ЖИВОТВОРЯЩЕМУ КРЕСТУ,
 В НЕДЕЛЮ ТРЕТЬЮ ВЕЛИКОГО ПОСТА

«Светися, светися Иерусалиме; прииде бо твой свет и слава Господня на тебе воссия»¹⁵, — так громогласно благовествует сегодня Церкви из язычников пророк Исаия, и это благовестие, как исходящее из уст, опаленных прикосновением угля Божественной Ипостаси¹⁶, светит и блистает, а как ниспускающееся с высоты небесной — разносится далеко и звучит грому подобно¹⁷. Таков ведь глас пророка: он небес достигает и землю потрясает. «Слыши небо», — взывает он, — «и внуши земле»¹⁸. Но если громоподобную силу своего возвещения пророк показывает в самом начале своих пророчеств, то теперь он как бы излучает свет ясный, и спускает огонь, прорезывающий воздух, и плавающих по морю поста призывает к пристани утешения. Возвещая вам, хочет сказать он, что близок свет воскресения, к которому вы стремитесь и во имя которого достойно подвизаетесь. Откуда же это видно? — Слава Господня воссияла на новом Иерусалиме¹⁹. Несомненно, что слава Господня — это Крест Божественный. Вот он, как утренняя заря, сияет сегодня и испускает лучи²⁰ — предвестники

¹⁵ Ис. 60, 1.

¹⁶ Ср: Ис. 6, 6–7 (И послан бысть ко мне един от серафимов, и в руке своей имяше уголь огненный, егоже клещами взят от жертвенника. И прикоснуся устам моим); 2 Цар. 22, 9 (= Пс. 17, 9) (взыде дым гневом Его, и огонь из уст Его пояст: углие возгорешася от Него).

¹⁷ Ср.: Откр. 4, 5 (от престола исходили молнии, и громы, и гласы), 6, 1 (я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом), 19, 6 (как бы голос громов сильных); 1 Цар. 7, 10 (возгреме Господь гласом великим); 2 Цар. 22, 14 (= Пс. 17, 14) (И возгреме с небесе Господь, и Вышний даде глас Свой); Иов. 37, 5 (возгремит Крепкий гласом Своим дивная).

¹⁸ Ис. 1, 2.

¹⁹ Ср.: Ис. 60, 1 (Светися, светися Иерусалиме; прииде бо твой свет и слава Господня на тебе воссия).

²⁰ Ср.: Сир. 43, 4 (трегубо солнце..., простирающее лучи).

Солнца правды²¹. А там, где память света — Света неприступного, просвещающего тех, кто пребывает²² в ночи²³ беспечности²⁴, — там величайший из праздников и торжество из торжеств²⁵.

Итак, никто да не скорбит о пище постной и да не облакает лицо мглою²⁶ уныния. *Приступите к востоку Креста и просветитесь, и лица наши²⁷ не постыдятся²⁸*. Да знаменуется на нас свет Лица Господня²⁹ и просветятся лица ваши³⁰, как солнце³¹, и далеко отбегут от нас мрачнообразные демоны, не имея сил взирать очами своими. Я же — проповедник ваш и начальник сонма благодати — молюсь, да восприму богатство света сего, да затеплится светильник³² уст моих и да возгорится на нем пламень яркий. И вот уверяет меня теплота веры, что я имею уже пламень сей.

Итак, вот огонь, вот и древо сие крестное, устам предложенное в качестве предмета похвалы. Где же затем овча, которое мы пожрем³³ на празднике во славу Божию, в снедь же вас, духовных сотрапезников наших? Бог, сильный и из камней воздвигнуть чад, верных патриарху³⁴, как некогда Исаака — из окаменевшего чрева Сарры³⁵, узрит эту нежренную жертву и живое заклание, ради вашей пользы сделал пло-

²¹ Ср.: Мал. 3, 20 (4, 2 — слав. пер.). ²² «всех, пребывающих».

²³ Ср.: Ин. 1, 9 (*Свет истинный, Который просвещает всякого человека*); Неом. 9, 19 (*столп огненный — ночью, чтобы светить им*).

²⁴ «неведения», ср.: τῆς ἀκηδίας.

²⁵ Ср.: 8-й ирмос Пасхального канона прп. Иоанна Дамаскина (Προεστωτικόν, περιέχον ἅπαντα τὰ ἐν ταῖς ἑραῖς ἀκολουθίαις. Ἅγιον ὄρος, 1997. Σ. 127) (далее — Προεστωτικόν 1997).

²⁶ «совлекает с лица мглы», ср.: τοῦ προσώπου κατασχεδαζέτω τὴν... ἀχλύν.

²⁷ «ваши», vestrae — в лат. пер., ср.: ἡμῶν. ²⁸ Пс. 33, 6.

²⁹ Ср.: Пс. 4, 7, а также стихира 1-я на литии на великой вечерни праздника Воздвижения Животворящего Креста Господня (Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Τ. Α'. Ἐν Ῥώμῃ, 1888. Σ. 156) и молитва, произносимая священником в конце 1-го часа (Προεστωτικόν 1997. Σ. 80).

³⁰ «наши», ср.: ὁμῶν.

³¹ Ср.: Мф. 13, 43 (*праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их*).

³² ἡ θρουαλλίς — досл. фитиль лампы.

³³ Ср.: Исх. 12, 21 (*помяните себе овца по сродством вашим и пожрите пасху*); Втор. 16, 2 (*да пожрешь пасху Господеву Богу твоему, овцы и говяды*).

³⁴ Ср.: Мф. 3, 9.

³⁵ См.: Быт. 17, 19; 18, 11.13; 21, 1.

дороднейшим мой бесплодный разум³⁶. Посему, когда уже *знаменася на нас свет лица*³⁷ Господня чрез начертание и изображение Креста, когда освящены очи и уста наши чрез зрение и лобызание воздвигнутого Богом орудия нашего спасения, приблизимся смело к славному месту рая. Ведь когда мы имеем на себе сие знамение, не может, в чем уверен я, воспрепятствовать нам пройти в рай меч огненный³⁸, охраняющий вход³⁹. Убоится он Света лица Божия⁴⁰ и, сократив свой пламень палящий, явит иную силу, светлую и мирную.

И действительно, не пришел наш Владыка на Крест, дабы *судить мир*⁴¹, но пришел, дабы пригвоздить ко Кресту *рукописание* падших⁴² и искупить их от древних долгов, излив в уплату за них всю кровь Свою пречистую⁴³. Теперь и меч огненный обратит свою спину к нам, за которых Сам Владыка принял по спине бичевания⁴⁴. Не может он отогнать нас, злодеев, достойных наказания⁴⁵ или как рабов непотребных⁴⁶: видит он, что *язвою Христа мы все исцелехом*⁴⁷ и что язвы, которые мы, грешники, высекали на спине нашей⁴⁸, перешли на Него Самого — безгрешного⁴⁹. И ангел-каратель не встанет с мечом⁵⁰ против уст наших.

³⁶ Ср.: «Бог, сильный и из камня воздвигнуть чад, верных патриарху, как и воздвиг Он некогда Исаака, — сию жертву нежренную и возношение живое, из окаменевшего чрева Сарры, узрит овца сие, соделав ради пользы вашей плодороднейшую неплодную мысль мою».

³⁷ Пс. 4, 7. ³⁸ В греч. тексте нет эквивалента рус. слову «огненный».

³⁹ См.: Быт. 3, 24. ⁴⁰ «Владыки» (Δεσποτική).

⁴¹ Ср.: Ин. 3, 17; 12, 47; Рим. 3, 6 (как *Богу судить мир?*).

⁴² Ср.: Кол. 2, 14; а также стихирю 2-ю на «Господи воззвах» на великой вечерни в субботу вечера 2-го гласа (Ὡκτόηχος. Ἀχολουθία τῶν Κυριακῶν. Θ., 1988. Σ. 184) (далее — Ὡκτόηχος 1988).

⁴³ Ср.: 1 Пет. 1, 18–19 (*искуплены... драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца*); Еф. 1, 7 (*мы имеем искупление Кровию Его*).

⁴⁴ См.: Мф. 27, 26; Мк. 15, 15; Ин. 19, 1.

⁴⁵ Ср.: Лк. 23, 41 (*достойное по делом нашим приняли*).

⁴⁶ Ср.: Лк. 17, 10 (*мы рабы, ничего не стоящие*). ⁴⁷ Ис. 53, 5.

⁴⁸ «высекали на спине нашей грехи», ср.: ἐπί τῶν ὠτῶν ἡμῶν οἱ ἄμαρτωλοὶ ἐτέκχησαντο.

⁴⁹ Ср.: 1 Пет. 2, 24 (*Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо*); 1 Кор. 15, 13 (*Христос умер за грехи наши*).

⁵⁰ В греч. тексте («οὐδὲ κατὰ στόμα προσπαντήσει») нет эквивалентов для рус. пер.: «ангел-каратель... с мечом».

<Такого не может и быть вовсе.> Почему же? — Потому, что уста верных славословия Кресту и славы Распятого исполняются и целиком в святом лобзании⁵¹ принимаются ангелами⁵² ради <уразумения и> веры во единого⁵³ Владыку. Кроме сего, и по другой причине любят человека чины ангельские: исправление⁵⁴ грешника и для них служит причиною торжества. Посему хотя бы от поста и дурно пахли наши уста, их запах принимается ангелами⁵⁵, как фимиам благовонный. И это ясно из противоположного состояния человека⁵⁶. Именно, когда ангел-каратель стал с мечом⁵⁷ против уст прародителей, еще вкушавших плод преслушания, хотя самый плод был ароматен, но уста издавали дурной и невыносимый запах, так как они носили на себе уже задатки⁵⁸ тления. Дерево райское и плод, сорванный с сего дерева и вкушенный, произвели во мне тягчайшие приступы рвоты и вызвали головокружение — так что, казалось, все перевернулось во мне, и я, стоя среди рая, возмыслил скрыться от Бога⁵⁹ и шум листвы принял за топот ног⁶⁰.

Но с того времени, как Христос смирил Себе и послушлив стал Отцу даже до смерти, смерти же крестной⁶¹, явился Крест деревом послушания. И вот Крест просвещает мысль, исцеляет ароматом⁶² уста, утверждает сердце и дает плод вечной жизни. И самый плод преслушания упраздняется плодом послушания. Там произошло отчуждение от Бога и удаление от древа жизни и изречено проклятие⁶³: «Возвратишиися в землю, от нея же взят еси»⁶⁴. А здесь видим мы уподо-

⁵¹ «потому с полной любовью», ср.: καὶ πάντως ἐν ἀγάπῃ φιλήματι.

⁵² Слово «ангелами» добавлено переводчиком.

⁵³ κοινὸν — досл. общего.

⁵⁴ Здесь используется греч. слово μετανοία, которое обычно переводится как «покаяние», а буквально означает «изменение ума».

⁵⁵ В греч. тексте нет эквивалента рус. слову «ангелами».

⁵⁶ «состояния человека» — разъяснение переводчика.

⁵⁷ В греч. тексте (Ἦν γὰρ ὅτε τοῖς προπάτορσι κατὰ στόμα ὑπῆρτα) нет эквивалентов для рус. перевода: «ангел-каратель... с мечом».

⁵⁸ «печать», ср.: τοὺς ἀρβαβῶνας.

⁵⁹ В греч. тексте нет эквивалента рус. словосочетанию: «от Бога».

⁶⁰ См.: Быт. 3, 8–10.

⁶¹ Фил. 2, 8.

⁶² ἀρωματίζει — досл. «делает ароматными».

⁶³ Выражение «изречено проклятие» добавлено переводчиком по смыслу.

⁶⁴ Быт. 3, 19.

бление Богу и слышим обетование⁶⁵: «*Аще вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе*»⁶⁶. Поистине вожденное обетование! Там удовольствие предшествовало и скорбь воспоследовала. Здесь, напротив, удовольствие произошло из печали, <вольного страдания> и огорчившей вкус желчи. Здесь жизнь обрадованных, избавление и непорочное удовольствие⁶⁷. Там произошло нисхождение с высоты *во юдоль плача*⁶⁸, и увлекаемая вниз природа не прежде прекратила свой поток, пока, наконец, не пристала к камню неподвижному — Христу⁶⁹ — и древу крестному, а пристав к сим несокрушимым утесам, тотчас же не остановилась и как бы оборвалась⁷⁰.

Нисхождение с высоты — таков древний путь человека⁷¹.

Но вот путь новый и наш, или, лучше сказать, путь Христа, по которому Он сам прошел наперед, как подобает человеку. Этот путь вполне прям и поднимается в гору. Возводит он на Крест и ноги огорчает постоянным стоянием⁷², весь день убеждает простираť руки к Богу⁷³, беспокоит уста, иссушая их постом⁷⁴. Впрочем, книга, в которую записаны все сии злые трудности, — это Крест⁷⁵, и кто не примет записи сей и не *последует Учителю*⁷⁶ (Учитель же есть Христос) — как раб

⁶⁵ Выражение «слышим обетование» добавлено переводчиком по смыслу.

⁶⁶ Ин. 12, 32.

⁶⁷ «отрада их и блаженство нескончаемое», ср.: ἀνάλυσις καὶ ἄχραντος ἡδονή.

⁶⁸ Пс. 83, 7.

⁶⁹ Пс. 117, 22 (Камень, его же небрегоша зяждущии, сей бысть во главу угла); Ис. 28, 16 (се, аз полагаю во основание Сиону камень многоценен, избран, краеуголен, честен), небуков. цит. в: 1 Пет. 2, 6—8.

⁷⁰ Ср.: Слово на Великую Субботу. Перевод для Бог<ословского> вестник <a>1915 г. (Авт.). Н. Я. Бойков сравнил этот фрагмент с похожей мыслью из переведенного им слова, принадлежащего Герману II Константинопольскому, «На погребение Божественного тела Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, произнесенное в день Великой Субботы», которое так и не было опубликовано. Автограф перевода хранится в: НИОР РГБ. Ф. 172 К. 84. Ед. хр. 65. Л. 10.

⁷¹ τὰ μὲν παλαιὰ ταῦτα — досл. таково древнее.

⁷² Ср.: Пс. 108, 24 (колена моя изнемогоста от поста).

⁷³ Ср.: Ис. 65, 2 (прострох рuce Мои весь день), цит. в: Рим. 10, 21.

⁷⁴ Ср.: Ин. 19, 28 (говорит: «Жажду»).

⁷⁵ «Но и разрешительную запись от всех сих нестерпимых зол дает нам крест», ср.: Πλὴν ἀλλὰ τοῦτων πάντων τῶν κακῶν πονημάτων βιβλίον ἐγγράμματον, ὁ σταυρός.
⁷⁶ Лк. 9, 23.

неключимый⁷⁷ вычеркивается из сонма учеников. Когда же при таком приготовлении нашем меч огненный не воспрепятствует благодати крестной, войдем уже разумно⁷⁸ в древнее жилище праотцев наших — рай, сорвем цветы, приличествующие времени, и, сплетя из них венок хвалений, на Крест его возложим.

Итак, некогда была блаженна жизнь наша и мы населяли насажденный Богом рай — место неисчерпаемого изобилия. Здесь раздавался голос исповедующих величие Божие и слышалось пение торжествующих. С неба неслись хвалебные гимны чинов ангельских. И снизу, от земли, как бы в ответ им, воспевал человек. Созвучно было пение, и пребывала слава в вышних, и на земли мир⁷⁹. Преизбыточествовала благодать Божия к нам. И действительно, ничего не принеся, человек поставляется чрез возложение руки Божественной царем всех земных созданий⁸⁰. Вот Ты, — говорит он, — создал еси мя и положил еси на мне руку Твою⁸¹. Почему же не сказать большего? — Прежде, нежели я был образован во утробе матери моей — земли всеродительницы⁸², Ты образуешь меня в созерцании и лишь по поводу меня одного составляешь <разумный> совет Троицы Лиц во едином Божестве⁸³, Которые суть и в Которых пребывает единоначалие Божества⁸⁴.

Все сотворивший единым хотением утверждает ради меня — существа в три локтя ростом, склоненного к земле, пешего, лишенного природного одеяния, — совет Свой <и попечение> и предусматривает: кому будет подобно грядущее создание, над кем оно будет господствовать и какой достигнет власти. Поставляет меня главою летающих над головою, четвероногих покоряет двуногому, находящихся в море⁸⁵ отдает в рабство пешему⁸⁶. Не велико сие, хотя поистине

⁷⁷ Лк. 17, 10.

⁷⁹ Лк. 2, 14.

⁸¹ Пс. 138, 5.

⁸² Ср.: Пс. 138, 13 (*восприял мя еси из чрева матери моей*); Сир. 40, 1 (*от дне исхода из чрева матери их до дне погребения в мать всех*).

⁸³ См.: Быт. 1, 26.

⁸⁴ «единое Божество», ср.: ἡ μοναρχία τῆς Θεότητος; в лат. пер.: *divina illa monarchia, et illa unica Deitatis potestas*.

⁸⁵ «плавающих», ср.: τὰ ὑποβρύχια τῆ θαλάττης.

⁷⁸ «мысленно», ср.: ἤδη διὰ τοῦ λόγου.

⁸⁰ См.: Быт. 1, 28; 2, 19–20.

⁸⁶ См.: Быт. 1, 26.

таково. Обращусь к большему. Предстатель я Вышнего — на земле поставленный и низменный, сослужитель пламенных слуг — глиняный⁸⁷. Рай — мое пребывание. В раю безмерные блага, и я — сих благ владетель. <Прежде того, как произошло грехопадение, звучат песни восхождения, а теперь — нисхождение в землю, которую сдерживают веревки вечные⁸⁸.> Дается мне и светоч ясный для охраны прекрасных сокровищ — трезвиться⁸⁹ на страже я призываюсь⁹⁰. А я — сам не знаю, почему, — заснул пред светочем сим. Вор же ночной⁹¹, сатана, позавидовал благам моим⁹². Принял он вид одного из моих домочадцев. Пришел, как друг, и оказался недругом. Хорошо выглядел совне и явился вором изнутри⁹³. И вот задувает злодей светоч мой (светоч же — Божественный закон, как угодно Давиду и Истине⁹⁴) и, повредив все насажденное Богом благодарование, уходит с добычею, облив широким потоком грязи все благонравие человека.

Посему, наг я⁹⁵ — домовладыка, посему лишен светлых одеяний и уже не устремляю взоры свои к славе небесной и к пребывающей на небесах святости. Теперь склоняются они к собственному моему сраму и о нем имеют попечение. Именно, тотчас же начинают толпой идти страсти. Впереди идет слабость живота — следствие наслаждения плодом. Ее сменяет страсть, гнездящаяся под чревом. Ведь уже самые

⁸⁷ Ср.: Быт. 2, 7 (*персть от земли*).

⁸⁸ Данное предложение, взятое в угловые скобки, пропущено переводчиком, по всей видимости, из-за неочевидности смысла: «Τὰ μὲν δὴ μέχρι τοῦτου τὰς ὡδὰς φιλᾶττοῦσι τῶν ἀναβαθμῶν, τὰ δ' ἐντεῦθεν κατάβασις εἰς γῆν, ἧς οἱ μοχλοὶ κἀτοχοὶ αἰῶνιοι.»

⁸⁹ «бодрствовать», ср.: νήφειν.

⁹⁰ Ср.: Авв. 2, 1 (*на стражи моей стану*); а также 4-й ирмос Пасхального канона прп. Иоанна Дамаскина (Προεστωτικὸν 1997. Σ. 126).

⁹¹ Ср.: Иов. 24, 14 (*в нощи будет яко тать*).

⁹² См.: Прем. 2, 24 (*завистию же диаволею смерть вниде в мир*).

⁹³ Ср.: Мф. 7, 15 (*берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные*); Ин. 10, 10 (*вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить*).

⁹⁴ Ср.: 2 Пет. 1, 19 (*мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику*); Пс. 118, 105 (*светильник ногама моима закон Твой*); Притч. 6, 23 (*светильник заповедь закона и свет*)

⁹⁵ См.: Быт. 3, 10.

листья смоквы, как говорят, по естественному свойству были началом страстного щекотания⁹⁶. Посему-то и Царственный пророк, впад в эту страсть, жалобно воспевает: «Лядвия мои наполнишася поруганий»⁹⁷. Хотя так говорит он про себя, но, скорее, вменяет себе дела прародителей. И в самом деле, не потому ли терпит поругание человек, что сатана прельстил прародителя высокими надеждами быть равным Богу⁹⁸, а затем таковой яд надежд перелил в листья смоквы? — Посему-то и Самсон терпит поругание: ослепляется он⁹⁹ ведьмою Далилою и выставляется на посмеяние иноплеменникам¹⁰⁰. Знает страстное удовольствие, как чтить его искателей.

Так я — состоящий в чине ангельском, *приложихся скотом несмысленным*¹⁰¹, устремив свое желание к чреву и склонившись к тому, что под чревом. Теперь свидетельствует о моем неразумии¹⁰² шкура овечья, однако уже не могу я наслаждаться с пастбища райского, когда Бог судил против меня, так как даже не послушал я, как слушает овца зов пастыря¹⁰³, глас Того, Кто пас меня *на месте злачне*¹⁰⁴ и ничего не лишил меня¹⁰⁵. От всякого древа райского дозволил Он есть мне, а я превзошел неразумием и животных¹⁰⁶, не положив никакого различия между вредным и полезным.

Итак, вот каковы произросшие из древа цветущего мои несчастья: из-за него я изгнан из отечества и лишен несказанного блаженства.

Но смотри, какой плод приносит мне древо сухое. Жизнь вместо смерти оно мне дарует. Облекает меня — обнаженного — во одежду светлую. Вместо проклятия источает мне благословение. Вместо возвращения¹⁰⁷ в землю¹⁰⁸ обещает сожительство с ангелами на небе¹⁰⁹. И самый жар страстей, происшедший от древа цветущего, погашает

⁹⁶ См.: Быт. 3, 7.

⁹⁷ Пс. 37, 8.

⁹⁸ См.: Быт. 3, 5.

⁹⁹ *μαϊνάς* — досл. сводящая с ума.

¹⁰⁰ См.: Суд. 12, 1 и след.

¹⁰¹ Пс. 48, 13.

¹⁰² *insipientiae* — в лат. пер.; греч. оригинал: τὴν εὐθύθειαν — имеет более богатый ряд значений: благонаравие, простоватость, бестолковость.

¹⁰³ Ср.: Ин. 10, 4 (*овцы за ним идут, потому что знают голос его*).

¹⁰⁴ Пс. 22, 2.

¹⁰⁵ Ср.: Пс. 22, 1.

¹⁰⁶ Ср.: Пс. 48, 13 (*приложися скотом несмысленным*).

¹⁰⁷ «обещания», ср.: ἐπιτροφεῖς.

¹⁰⁸ См.: Быт. 3, 19.

древо иссохшее. Можно было бы удобно сказать, что яд, излитый живым змием, уничтожает мертвая плоть змия, употребленная в качестве противоядия и исцеляющая ужаленного. И действительно, разве не живым змием я был умерщвлен в Едеме? — Но вот теперь я возведен к жизни умершем на древе крестном Христом, прообразом Которого был змий неодоушевленный, — медный¹¹⁰, от смертоносного яда свободный, Который и Сам облекается в образ змия¹¹¹. Именно мой Владыка и Бог — Христос — стал поистине человеком, однако, и облечись в поврежденное лукавым змием естество человеческое, был свободен и совершенно чист от яда греховного¹¹²; нам же, поражаемым змиями, *стерегущими пяту нашу*¹¹³, и от Него, повешенного на крестном возвышении¹¹⁴, ожидающим спасения, источает жизнь и бессмертие¹¹⁵.

Так, несомненно, предызобразило тайну крестную возношение змия медного в пустыне, и слова Моисея: *«И будет живот твой висящ пред очима твоима»*¹¹⁶, — относятся к сему змию не потому, что избрание¹¹⁷ змия имела какую-либо целебную силу, а потому, что она была прообразом Христа¹¹⁸. Подобно сему и купина не сгорала, хотя и опалялась силою огненной¹¹⁹, — не ради самой себя, но ради Марии, понесшей в смертном, но непорочном естестве огонь Божества. Здесь должно поучиться иконоборцу: достойны¹²⁰ почитания образы, хотя и имевшие грубый вещественный вид, но указывавшие на великие события¹²¹. И действительно, если статуя змия, ставшая видимою все-

¹⁰⁹ Ср.: Мф. 25, 31–34.

¹¹⁰ См.: Числ. 21, 9.

¹¹¹ «был подобен сему змию», ср.: τὸ τοῦ ὄφρατος ἐνεδύετο μόρφωμα.

¹¹² Ср.: Ис. 53, 9 (*беззакония не сотвори*); Евр. 4, 15 (*искушен во всем, кроме греха*).

¹¹³ Ср.: Быт. 3, 15.

¹¹⁴ «вознесенного на древо крестное», что соотв. лат. пер.: in sublimi crucis ligno; ср.: τὸν ἐπὶ σταυροῦ χρεμασθέντα μετέωρον.

¹¹⁵ Ср.: 3-я стихира на «Господи воззвах» на вечерне в четверток 1-ой седмицы Четыредесятницы (Τριώδιον κατανοητικόν. Ἀθ., 2001. Σ. 120).

¹¹⁶ Втор. 28, 66.

¹¹⁷ «статуя», ср.: ἵνδαλμα.

¹¹⁸ Ср.: Ин. 3, 14–15.

¹¹⁹ См.: Исх. 3, 2.

¹²⁰ «Отсюда можно видеть лишь, что Моисей, восставший против чествования изображений, считал достойными», ср.: Ἐντεῦθεν μανθάνειν ἕξεισι τὸν εἰκονομάχον... ἄξιόν.

¹²¹ «но указывавшие на великие события» — добавлено автором.

ми через возношение на древо и предизображающая восхождение на Крест Богочеловека, была так жизнедейственна для погибающих горькою смертию, то не указывалось ли сим на то, сколь спасительным и жизнедейственным будет для людей предызображаемый этою статуею вид распятого Бога? Ведь если бы медное изваяние не было прообразом Христа, оно вовсе не было <бы> изваяно и никогда не стало бы источником спасения устремляющим на него взоры свои, ибо гласит заповедь: «*Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу*»¹²².

И, в самом деле, естественно было бы недоумевать: почему, когда был изваян из золота бык и искусно выделан в виде тельца, делатели золотого изваяния¹²³ стали жертвою железного меча¹²⁴, а теперь, когда из меди изготавливается статуя змия, Бог избавляет от горькой смерти благосклонно осеяемых изображением?

Будем так смотреть. Всякая вообще смерть, наступающая не по немощи естества и не мирно, а как бы по насилию, и прежде времени разрывающая связь души и тела, есть явление позорное и отвратительное в глазах человека. А смерть чрез повешение на Кресте в особенности позорна и отвратительна для людей¹²⁵. Но прежде всех веков было предопределено, дабы на Кресте совершилось спасительное миру¹²⁶ Таинство и через Крест¹²⁷ явился *новый Адам* для воссоздания Адама ветхого и воззвания через древо к жизни умерщвленного древом¹²⁸. И так, потому что людям препятствовало принять превысшую разум тайну общечеловеческое предубеждение против умирающих злосчастною смертию, причем и сам закон Моисея называл «*проклятым*» всякого, повешенного на древе¹²⁹, и явилось необходимым древо и¹³⁰ изображе-

¹²² Исх. 20, 4; Втор. 5, 8.

¹²³ «золотое изваяние», ср.: οἱ χρυσοῦχοι.

¹²⁴ См.: Исх. 32, 27.

¹²⁵ Ср.: Втор. 21, 23 (*проклят есть от Бога всяк висий на древе*), цит. в: Гал. 3, 13.

¹²⁶ *χοσμοφελές* — досл. полезное для мира.

¹²⁷ Словосочетание: «через Крест» добавлено переводчиком.

¹²⁸ Ср.: 1 Кор. 15, 22.45.

¹²⁹ Втор. 21, 23.

¹³⁰ «и явилось необходимым в силу дивных судеб Божиих, дабы было изготовлено».

ние змия, всеми отверженного и проклятого. Посему дается сему змию сила жизнедейственная, посему он помещается над главою иудеев и они призываются от него ожидать спасения и верить, что имеет власть над жизнью это мертвое и безжизненное животное.

Да будет позволено мне, слушатели¹³¹, выяснить мысль мою и иным образом. И, в самом деле, возрастает сила Креста в уме моем, и Крест, как жезл силы, ударяя каменеподобную мысль мою, извлекает вам воду сладкую¹³². Я нахожу, что Писание часто называет иудеев, желая показать их озлобление против благодетелей их, «змиями и порождениями ехидны»¹³³. Итак, и по той причине совершается возношение змия медного в пустыне на древо, что из иудейского змееподобного колена должен был воссиять Христос, всецело свободный от яда греховного, и чрез смерть Свою, смерть крестную, стать источником вечной жизни¹³⁴ всем верующим в Него. И вот по пустыне рыскают полчища ядовитых змей, стерегут пяту путников, жалят их¹³⁵ и умерщвляют... Кто же этот змий, как не те¹³⁶, кои, по словам пророка Исаии, «сокрушают стезю ног» ходящих путем Христовым и препятствуют приходить ко Христу и получать спасение вечное, — те, кои говорят: «Еда и вы прельщены бысте, но народ сей, иже не весть закона, прокляти суть»¹³⁷? Так люди сии изостриша язык свой, яко змиин, и яд аспидов¹³⁸ наполнил уста их.

Так сказано о иудеях. Затем же пророк говорит как бы от лица тех, коим чинились препятствия на пути: «Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя, иже помыслиша заплести стопы моя»¹³⁹.

В беседе с семи-то змиями во образе человеческом Христос говорил им: «Егда вознесете Сына человеческого, тогда уразумеете, яко Аз есмь»¹⁴⁰. Именно, став мертвым через распятие на Кресте, Он даровал жизнь пораженным жалом смерти. Так изъясняются слова Писания в

¹³¹ παρόντες — досл. присутствующие, слушатели соотв. *auditores* в лат. пер.

¹³² Ср.: Числ. 20.

¹³³ Мф. 23, 33; Лк. 3, 7 и след.

¹³⁴ Ср.: Ин. 4, 14.

¹³⁵ Ср.: Быт. 3, 15.

¹³⁶ καὶ εἰσὶν ὄφτοι, а перевод соотв. *nec alii sunt, quam qui*.

¹³⁷ Ин. 7, 47–49.

¹³⁸ Пс. 139, 4.

¹³⁹ Пс. 139, 5.

¹⁴⁰ Ин. 8, 28.

отношении к нашей вере. Но они могут быть изъяснены и применительно к происшедшему после смерти Христа изменению нравов людских. Именно, когда Христос — *Начальник жизни нашей*¹⁴¹ и *богатый милостью*¹⁴² — добровольно восприял обнищание¹⁴³ и совершил все Таинства нашего домостроительства¹⁴⁴, многие тысячи злонравных иудеев, излив яд злобы и оставив стремление к лукавству, избрав вместо сего путь прямой, поднялись на высоту добродетельной жизни и к одинаковой ревности о такой жизни склонили весьма многих своих соплеменников¹⁴⁵. Свидетельствует о сем апостол Павел. Ведь некогда и сам он был *змием и порождением ехидны, дышал*, как повествует книга Деяний, *прещением и убийством на ученики Господни и сущия на пути*¹⁴⁶, поражал и убивал и имел очи свои отверстыми непрестанно и днем и ночью при преследовании служителей Господних. Но вот помрачатся очи его¹⁴⁷, так как они не прямо смотрели, а блуждали по кривому и извращенному пути¹⁴⁸, потом он изливает яд богохульства¹⁴⁹; совлекает с себя чешую (и действительно, уже самое бельмо, спавшее с глаз апостола, напоминало чешую змеиную¹⁵⁰); облекается чрез Крещение во Христа¹⁵¹; принимает всего Христа в себя; восходит к жизни по Христу; совосходит с Ним и на Крест¹⁵²; умерщвляет члены свои¹⁵³ и уже не живет¹⁵⁴; презирает плоть свою, т. е. сродников¹⁵⁵, и в умерщвленных грехом вливает жизнь бессмертную. Действительно, когда этот самый смертоносный змей жалил его члены, апостол возжелал претерпеть то, что тот угрожал ему сделать, безумно прикасаясь к сораспятой Христу плоти апостола¹⁵⁶.

¹⁴¹ Деян. 3, 15; ср.: Евр. 2, 12 (*начальника и совершителя веры Иисуса*).

¹⁴² Еф. 2, 4.

¹⁴³ «страсть», ср.: πτωχεΐαν.

¹⁴⁴ Ср.: Еф. 3, 9.

¹⁴⁵ См.: Деян. 2, 41.47; 5, 14; 11, 21.

¹⁴⁶ Деян. 9, 1—2.

¹⁴⁷ См.: Деян. 9, 8—9.

¹⁴⁸ Ср.: Ис. 53, 6 (*вся яко овцы заблудихом: человек от пути своего заблуди*).

¹⁴⁹ «злобы», ср.: τῆς βλασφημίας.

¹⁵⁰ См.: Деян. 9, 18.

¹⁵¹ Ср.: Гал. 3, 27.

¹⁵² Ср.: Мк. 8, 34; Гал. 2, 19.

¹⁵³ Ср.: Кол. 3, 5.

¹⁵⁴ Ср.: Гал. 2, 20.

¹⁵⁵ Ср.: Мф. 10, 37; Лк. 14, 26.

¹⁵⁶ Ср.: «Сему-то некогда жалившему своими устами смертоносному змию пришлось и пострадать, чтобы это могло стать действенным к другим, вкусившим сораспятой Христу плоти апостола».

Так Крест и мертвит, и живит, и не только на суше, как представлено выше, но и на воде. Именно, на Черном море начертывается только образ Креста, и этот образ спасает народ Божий и губит врагов Божиих¹⁵⁷. Это-то действие Креста было предызображено древле и <священными> пророками при содействии касавшегося мысли их перста Духа, они же предали прообразы <начертанным> символам и запечатлели в книгах священных¹⁵⁸, в полезнейшее научение потомству, дабы когда наступят деяния, не противоречили им писания, но чрез сравнение познавались символы их узнающими и так преславно прославлялся настолько Снисшедший к нам и ради нас, навлекших по своей воле бесчестие, воспринявший бесславию кажущееся¹⁵⁹.

Но прежде чем это совершилось, все пророки и праведники непрестанно проливали скорбные по праотцам слезы. <И что... ничего более?> Хама, надругавшегося над позором отца¹⁶⁰, они постоянно помещали в преисподней¹⁶¹. Давид же горестно поет по прародителям, в земле лежащим, наигрывая погребальную мелодию: «*Яко овцы, во аде положени суть, смерть упасет я*»¹⁶², — и опять: «*Яко толща земли проседая на земли, расточишися кости их при аде*»¹⁶³. Там созвучно с Давидом наигрывает Исаия, рыдает еще громогласнее и, вмняя себе, как сын, дела отцев, в словах своих: «*Вси, яко овцы заблудихом, человек от пути своего заблуди*»¹⁶⁴, — горько оплакивает всю природу Адамову. Иной поет иначе... И вот все вместе, благоговейно выставляя пред собою Давида и по его царскому сану, и по предобещанному ему Богоотечеству, возглашают моления: «*Пасыи Израиля, вонми,ставляяй, яко овца Иосифа, седяй на Херувимех, явися*»¹⁶⁵.

¹⁵⁷ См.: Исх. 14, 16–17.

¹⁵⁸ Ср., напр.: Исх. 17, 11 (егда воздвизаше Моисей руже, одолеваше Израиль); Нав. 8, 18 (рече Господь ко Иисусу: простри руку твою с копием, еже в руже твоей, на град); 3 Цар. 18, 38 (спаде огонь от Господа с небесе и пояде всеосожгаемая и дрова).

¹⁵⁹ «видимое», ср.: *дохойссав*.

¹⁶⁰ См.: Быт. 9, 22.

¹⁶¹ Ср.: Пс. 73, 14 (образ эфиопов (по преданию, потомков Хама) оказывается вовлеченным в комплекс понятий, связанных с преисподней (змеи, Левиафан, бездна)).

¹⁶² Пс. 48, 15.

¹⁶³ Пс. 140, 7.

¹⁶⁴ Ис. 53, 6.

¹⁶⁵ Пс. 79, 2.

И в самом деле, очевидно, здесь подобие истории Иосифа. Там — Египет мрачный, здесь — ад мрачнейший¹⁶⁶. Там — фараон, мучитель Израиля, здесь — сатана, неусыпный терзатель всей полноты человечества¹⁶⁷. Там трудились сыны Израиля при глине, плинфах и связках соломы¹⁶⁸, здесь плотолубцы несут горькую работу ради красной глины тела и миролюбцам предлежит всякое труждение. Есть здесь и суровый надсмотрщик, постоянно принуждающий нас к работе и сгоняющий на дела тьмы. Как бы какой баснословный лев-муравей неустанный¹⁶⁹, в одном случае он похищает, и поглощает, и ищет, кого поглотити¹⁷⁰, в другом — отнимает у нас хлеб добродетелей и заставляет довольствоваться соломой, солома же — это грех, которым поддерживается огонь неугасимый¹⁷¹. Посему-то *видя виде* Бог озлобленне¹⁷² нашей природы и возжелал по свойственному Ему человеколюбию исполнить *древний совет*¹⁷³ Свой. Предвидит это Исаия, ликует вместе с сонмом пророков и то, что слышит тайно, возглашает явно от лица Спасителя: «*Ныне воскресну, ныне прославлюся, ныне вознесуся*»¹⁷⁴. Слова сии предуказывали возношение на Крест и славу, какая дарована на Кресте Единородному Отцом. Встает Он с трона, нисходит на землю непроходимую. Из всечистых кровей девственных облачается заблудшее овца¹⁷⁵, дабы и на Него <по обыкновению> напал волк, обманутый подобием, и грешник сокрушил зубы свои¹⁷⁶, разбившись о Безгрешного¹⁷⁷.

¹⁶⁶ Ср.: Лк. 16, 23 (в аде, будучи в муках).

¹⁶⁷ Ин. 8, 44 (человекоубийца от начала); Откр. 12, 9 (сатана, оболыцающий всю вселенную).

¹⁶⁸ См.: Исх. 1, 14; 5, 6–9.

¹⁶⁹ Ср.: Иов. 4, 11 (мраволев погibe, занеже не имаяше брашна). Речь идет о выдуманном звере, который спереди имеет признаки льва, а сзади — муравья; его отец — плотоядный, а мать питается стручковыми плодами; таким образом, он рождается как бы двуприродным: с одной стороны не может есть мяса, так как это не свойственно его матери, но с другой — не ест и бобы из-за наследованной от матери природы; вследствие этого лев-муравей погибает. См.: Physiologus (red. 1) 20 / Ed. F. Sbordone. Segati, 1936 (Hildesheim, 1976). TLG 2654/1.

¹⁷⁰ 1 Пет. 5, 8.

¹⁷¹ Ср.: Мф. 3, 12; Лк. 3, 17.

¹⁷² Исх. 3, 7.

¹⁷³ Пс. 25, 1.

¹⁷⁴ Ис. 33, 10.

¹⁷⁵ Ср.: догматик 4-го гласа (Ὠχτόηχος 1988. Σ. 238).

¹⁷⁶ Ср.: Пс. 3, 8.

¹⁷⁷ Ср.: Мф. 21, 44.

Отправляется Он на поиск заблудшего овчати¹⁷⁸, ибо хотя и стал Он овчатей ради овчати, но Сам же как Бог пребывает и пастырем¹⁷⁹, созывающим овча сие на пастбище райское, откуда оно удалилось. Приходит Он, дабы деревом упразднить происшедшее от дерева повреждение и гвоздем гвозди сокрушить, т. е. орудием проклятия уничтожить происшедшее от дерева проклятие. Новая же и наша Иаиль — Церковь так я именую — почитает новый *гвоздь сий*¹⁸⁰, сокрушивший горького врага рода нашего. И вот, он стал для нее орудием спасения, а сию злую главу сокрушил, Адамову же главу, будучи вбит над нею, оживил и происшедшее от пагубного плода дерева головокружение уврачевал, восприняв на себя и упразднив проклятие¹⁸¹. И действительно, Крест есть орудие не проклятия, а благословения: *благословенно бо древо, им же бывает*¹⁸² спасение. Такие блага доставил нам Крест, явился для нас столь спасительным средством для перехода в первое блаженство.

Коль возлюблен жертвенник Твой, *Господи сил*¹⁸³, на коем пожрен Ты, как агнец, и взял грех мира: первое — как человек, второе — как Бог. Ибо, хотя и умер Ты на Кресте по немощи чрез страдания плоти¹⁸⁴, но Сам же по природе¹⁸⁵ пребываешь Господом невещественных сил, и Твоя сила Божественная совершается в немощи человеческой¹⁸⁶, поражая общего врага рода нашего. Да не принесется на жертвенник Господень *«всяк квас и всяк мед»*¹⁸⁷, — изречла где-то сенообразная Буква, и в сем изречении сокрыта мысль светлая. Именно, хотя изречено сие предписание в отношении к закону левитскому, занимавшемуся приношениями из мяс, но я вознесу его на высоту крестную и ко Кресту отнесу смысл слов. Итак, что же хочет сказать это изречение? — Христу сораспяться и с Ним умереть для мира — вот к

¹⁷⁸ Ср.: Мф. 18, 12; Лк. 15, 4.

¹⁷⁹ См.: Ин. 10, 11–16.

¹⁸⁰ Ср.: Суд. 4, 22.

¹⁸¹ Ср.: Гал. 3, 13 (*Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою*).

¹⁸² Прем. 14, 7.

¹⁸³ Пс. 83, 2.

¹⁸⁴ Ср.: 1 Пет. 4, 1 (*Христос пострадал за нас плотью*).

¹⁸⁵ «по существу», ср.: *κατὰ φύσιν*.

¹⁸⁶ Ср.: 2 Кор. 12, 9 (*сила Моя в немощи совершается*).

¹⁸⁷ Лев. 2, 11.

чему призывает нас Священное Писание. Оно как бы так говорит нам: последуйте Ведущему вас тесным¹⁸⁸ путем¹⁸⁹, повинуйтесь Ему и почитайте жертвенник Его своим старанием, не приносите на него ничего улаждающего чувственность и возбуждающего стремление к удовольствию. Ибо свойство Креста не радость, а скорбь. На Кресте произошло вкушение желчи¹⁹⁰, а не меда. Не приемлет жертвенник Христов кваса Египетского¹⁹¹: исполнен квас сей дыма и запаха гари; Крест же есть знак смирения и восстановление истинного благочестия Божия¹⁹². И не теперь, а после воскресения будет вкушение меда и наслаждение блаженством нескончаемым как награда за здешнее горькое пребывание и тесную жизнь.

Так Крест есть основание¹⁹³ мужества и похвалы, а не срама. И поистине, величайшая бывает похвала, если кто душу свою положит за други своя¹⁹⁴ и презрит смерть ради спасения многих. К этой же мысли приводит меня и то, что возложенный за нас на жертвенник сей Агнец именуется в Писании «мужеск пол»¹⁹⁵. Именуется Он так потому, что явился исправить свойственное жене стремление к душевредному удовольствию и выпрямить согбенное положение естества человеческого¹⁹⁶. Сначала обнаружилось это стремление у жены любострастной. Затем распространилось оно и на весь род мужской, соделав женственной природу мужчины, и таким образом мальи́й квас заквасил все тесто¹⁹⁷ мужское, срастворил с ним и сообщил ему свою рыхлость... Из нароста напыщенности, произведенной квасом сим, ничего и не позволено нам приносить на жертвенник — Крест Христов: Животворящий — убийца страсти¹⁹⁸. Ибо кое общение умиранию и жизни в роскоши? Кое общение желчи и удовольствию¹⁹⁹? Кое общение вину, увеселяющему сердце плотское²⁰⁰, и испитию укуса, огорчивше-

¹⁸⁸ «прямым», ср.: *τραχηίας*.

¹⁹⁰ См.: Мф. 27, 34; Пс. 68, 22.

¹⁹² «поклонения Богу», ср.: *εὐσεβείας*; лат. пер.: *religionis*.

¹⁹³ «откровение», ср.: *ἀπόθραξις*.

¹⁹⁴ Ин. 15, 13.

¹⁹⁶ «искривленное» (*ἔκλυτον*), остальные слова — вставка переводчика.

¹⁹⁷ 1 Кор. 5, 6.

¹⁹⁹ «сладоности», ср.: *ἡδονῆς*.

¹⁸⁹ Ср.: Мф. 7, 13; Лк. 13, 24.

¹⁹¹ Ср.: Исх. 13, 3; Втор. 16, 3.

¹⁹⁵ Исх. 12, 5.

¹⁹⁸ «ненавидит страсть», ср.: *παθοκτόνος*.

²⁰⁰ Ср.: Пс. 103, 15.

му чувственность²⁰⁰ То — древнего Адама и против нас; сие — нового Адама и за нас²⁰¹. То — павшего; сие — Спасшего.

Поучаюсь же и я размышлять о сем и спокойно переносить испытания. Тяжело не просто терпеть обиды, но — по справедливости. Страшно не вообще умереть, но — за грех. Что же касается иного рода смерти, смерти за истину, и что касается несправедливого страдания, то такая смерть и такое страдание заслуживают величайшего ублажения. Итак, имея в сем поклонении²⁰² древа²⁰³ якорь свой и им же управляемый, да не убоишься ты, человек, вздымающихся волн житейского моря²⁰⁴. Пусть сильно дуют духи нечистые, пусть поднимают они девятый вал искушений против челнока души твоей! Это почитание не позволит тебе быть обнаженным, научая тебя легкому и стойкому обнажению, и соделает тело твое удобоподвижным. Приобретешь ты учителя непреодолимой твердости, так что плоть твоя будет пригвождена к Распятому страхом²⁰⁵ непрестанно, и при таком своем снаряжении благополучно переплывешь пролив воздушный, и минуешь рыскающих по нему пиратов звероподобных и безжалостных — демонов, и достигнешь безмятежной пристани царствия²⁰⁶, получив прибыль нечислимую из своего предприятия.

Но, о Кресте, — ложе царское нашего Соломона²⁰⁷, кроткого и мирного²⁰⁸, миру Коего нет предела²⁰⁹ в отличие от мира Соломонова²¹⁰, ибо ветхий Иерусалим, над которым царствовал миролюбивый Соломон, и в пределах сооружался, и был ограничен во времени. О ложе, на коем упокоился, самовольно склонив главу, Царь славы²¹¹ и почил сном жизни, хотя и во время сна Он осадил неусыпного врага, разграбив дворец ада²¹². И действительно, хотя и пребывает Он во сне по за-

²⁰¹ Ср.: 1 Кор. 15, 22.45.

²⁰² «почитании», ср.: προσκύνει.

²⁰³ «Креста», ср.: ξύλον.

²⁰⁴ Ср.: 6-й ирмос канона на утрени Недели 6-го гласа (Ἐκτόγηρος 1988. Σ. 308).

²⁰⁵ Ср.: Пс. 118, 120 (*пригвозди страху Твоему плоти моя*).

²⁰⁶ Ср.: Пс. 106, 30 (*настави я в пристанище хотения Твоего*).

²⁰⁷ Ср.: Песн. 3, 7.

²⁰⁸ Ср.: 1 Пар. 22, 9; Пс. 71, 7.

²⁰⁹ Ср.: Ис. 9, 7.

²¹⁰ «в отличие от мира, Соломонова» — вставка переводчика.

²¹¹ Пс. 23, 7—10.

²¹² «разрушив твердыню адову», ср.: λαφύραγωγήσας βασιλεία.

кону смерти, но сердце Его никогда не переставало бодрствовать²¹³, все надзирая Своими промыслительными и всевидящими очами и держа вместе со Отцом и Духом. Так, сердцем называю я животворящую силу Его Божества, о ней же мы — все тело Церковное — живем и движемся и есмы²¹⁴. Тебя — пречестное ложе царское — окружают, согласно со словами Писания, *шестьдесят сильных от сильных Израилевых*²¹⁵, и эти слова о «шестидесяти» я могу отнести к верховному сонму шестикрылых. У каждого из них сияет лик, исполненный всякого совершенства, что косвенно обозначается чрез десятирицу, ибо совершенно это число. Представляя славу Твою, как скипетра царского, они сообразуются с видом Твоим и чрез уподобление Тебе достигают прославления. Опуская верхние и нижние крылья и смыкая средние, они так, крестообразно, летают с неумолчным пением хвалебных гимнов.

Узрев в сем виде славу Твою, богозритель Исаия поучает нас и другому таинству. «*И послан бысть ко мне, — говорит он, — един от серафимов, и в руке своей имаше уголь горящ, егоже клещами взят от алтаря, и прикоснуся устнам моим и рече: се, прикоснуся сие устнам твоим, и отимет беззакония твоя и грехи твоя очистит*»²¹⁶. Свойство ложа и алтаря совосшли на Тебя: свойства первого — чрез сон добровольный, коим почил и успокоился Бессмертный, свойства второго — чрез заклатие²¹⁷, за нас на Тебе принесенное, и преславное священнодействие, которое Сам Жрец <за мир> совершил над Собою. И мы веруем, что Ты — опаленный алтарь Агнца Божия. И действительно, что есть «уголь», как не Ты — дерево, опаленное всецело, ибо огонь бесстрастного Божества пожренного на Тебе Агнца Тебя неопально попалил, почему и мы, прикасаясь к Тебе <сегодня> устами своими и соединив «клещи» уст в поцелуе, принимаем огненное очищение прегрешений и передаем находящемуся внутри сего пылающего жилища человеку свет и освящение.

Но, о Кресте, — обращаясь к Тебе и опять, отказываясь оторвать²¹⁸ уста свои от любви к Тебе, — о Кресте — алтарь всечестный, сей дар

²¹³ Ср.: Песн. 5, 2 (*аз сплю, а сердце мое бдит*).

²¹⁴ Деян. 17, 28.

²¹⁵ Песн. 3, 7.

²¹⁶ Ис. 6, 6–8.

²¹⁷ «жертву», ср.: *σφαγῆν*.

²¹⁸ «не имея сил разрушить», ср.: *ἀποσπάσαι... ἀπαναιόμενος*.

моих восхвалений прими и всецело благослови, ибо *меньшее от большего благословляется*²¹⁹, а алтарь — больше дара, к нему приносимого, как освящающий освящаемое²²⁰. Итак, как алтарь, даруй мне ныне помилование, а как ложе царское, упокой слово мое, уже уставшее и уснувшее²²¹. И затем защищай и обороняй душу мою от невидимых врагов — демонов, во славу Христа — Вседетеля и Вседержителя, Который и чрез Твои шесть краев явил Свою вседержительную власть, показав, что Он владычествует над миром горним и небесным, дольным и земным, и не только земным, но и подземным (почему, по моему разумению, и было определено, дабы в основании Креста лежала глава прародителя), правыми и левыми, праведниками и грешниками. <Ибо Судья сих всех: предстоящих и бывших, — сие ведение вечного Божества.> Ибо Сам Он и был прежде, и стал быть вновь, как равно прежде Его не было бога иного²²² и за Ним не будет. Ему подобает слава, честь и поклонение с безначальным Его Отцом и всесвятым, благим и животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Перевод с древнегреческого *Н. Я. Бойкова*,
вступительная статья и примечания *М. В. Венецкова*

²¹⁹ Евр. 7, 7.

²²⁰ Ср.: Мф. 23, 19.

²²¹ Ср.: рус. пер. слова на Великую Субботу (*Авт.*) (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 84. Ед. хр. 65. Л. 7).

²²² Ср.: Исх. 20, 3; Втор. 5, 7.

ПРП. НИКОДИМ СВЯТОГОРЕЦ
ПРЕДИСЛОВИЕ К ПИДАЛИОНУ

1. ИСТОРИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ПИДАЛИОНА¹

Пидалион², один из важнейших канонических сборников Православной Церкви, был составлен прп. Никодимом Святогорцем и иером. Агапием

¹ Наша вступительная статья основывается, главным образом, на публикациях И. Никольского, которому принадлежит единственное на сегодняшний день монографическое исследование о Пидалионе (*Никольский 1888*), и митрополита Швеции и всей Скандинавии (Константинопольская Православная Церковь) Павла (Меневиоглу), автора нескольких специальных работ о данном правовом сборнике (*Μενεβίσογλου 1983; Μενεβίσογλου 1984; Μενεβίσογλου 1989; Μενεβίσογλου 1991; Μενεβίσογλου 2003; Μενεβίσογλου 2006; Μενεβίσογλου 2007*). К сожалению, одна из статей митрополита Павла (*Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Ἐκδόσεις καὶ μεταφράσεις τοῦ Πηδαλίου // Ἡ καθ' ἡμᾶς Ἀνατολή. Τ. 4. 1998. Σ. 17–34*) была нам недоступна. Из числа новейших исследований о Пидалионе надо назвать также: *Γιάγκος Θ. Ξ. Τὸ Πηδάλιον σὲ σχέσε μὲ παλαιότερες νομοκανονικῆς συλλογῆς // Κανόνες καὶ λατρεία. Θ., 2001. Σ. 163–196 (Σ. 165. Σημ. 1 — библиография по Пидалиону по состоянию на 2000 г.); Citterio E. Nicodemo Agiorita // La théologie byzantine et sa tradition / Sous la dir. de C. G. Conticello, V. Conticello. [Г.] П: XIIIe–XIXe s. Turnhout, 2002. P. 905–978 (очерк о жизни, сочинениях и богословских взглядах прп. Никодима [Р. 934–935, 969–972 — о Пидалионе] с обширной библиографией). Ни Ф. Янкос, ни Э. Читтерно не упоминают монографию И. Никольского, неизвестна она и митрополиту Павлу; между тем, эта работа во многом сохраняет научное значение, а кое в чем и превосходит труды сегодняшних ученых (см. примеч. 8, 81 к переводу предисловия Пидалиона).*

² Греч. Πηδάλιον означает «руль», «кормило». Название сборника, видимо, было придумано его авторами самостоятельно (хотя нельзя исключить, что их вдохновили на это славянские Кормчие книги).

(Леонардом)³ в 1777/78—1790 гг.⁴ Работая над Пидалионом, Агапий и Никодим пользовались каноническими рукописями из библиотек афонских монастырей⁵, а также изданиями церковно-правовых памятников, в особенности «Пандектами» Г. Беверегия и «Синодиком» иером. Спиридона (Милии)⁶. В 1790 г. авторы Пидалиона направили свой сборник в Константинопольскую Патриархию для рассмотрения и одобрения.

Получив рукопись Пидалиона, тогдашний Константинопольский патриарх Неофит VII (1789—1794, 1798—1802) созвал синод для ее обсуждения. На заседании синода возникли разногласия по поводу допустимости публикации Пидалиона: митрополиты Ларисский Мелетий и Дерконский Герасим выступили против издания сборника на общедоступном новогреческом языке, заявляя, что не следует позволять простому народу знакомиться с источниками церковного права. На это патриарх возразил, что каноны были изданы на древнегреческом языке в ту эпоху, когда этот язык был разговорным и понятным даже для простолудинов⁷. В результате большинством голосов было решено, что новый сборник, в принципе, может быть опубликован. Пред-

³ См. о нем: *Petit L. Le canoniste Agapios Léonardos // EO 2. 1898—1899. P. 204—206; Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Ὁ ἱερομόναχος Ἀγάπιος Λεονάρδος (1741—1815) // Ἡ κατ' ἡμᾶς Ἀνατολή. Τ. 3. 1996. Σ. 27—47 (последняя работа осталась для нас недоступной). В 1787 г. иером. Агапий опубликовал составленный им канонический сборник под названием «Собрание всех священных и божественных канонов»: Ἀγάπιος [Λεονάρδος], ἱερομ. Συλλογὴ πάντων τῶν ἱερῶν καὶ θεῶν κανόνων τῶν τε ἀγίων ἀποστόλων, καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων, ἅμα δὲ καὶ τοπικῶν, σὺν τούτοις καὶ τῶν λοιπῶν ἀγίων πατέρων... Ἐνετίησι, 1787. Об этом сборнике см.: Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Αἱ ἐκδόσεις τῶν ἱερῶν κανόνων κατὰ τὸν 16^{ον} καὶ 17^{ον} αἰῶνα (1531—1672). Θ., 2007 (Νομοκανονικὴ βιβλιοθήκη 21). Σ. 45—48; о его использовании в Пидалионе: *Μενεβίσογλου 2003. Σ. 736.**

⁴ *Μενεβίσογλου 2006. Σ. 448.* Совместная работа двух ученых монахов над Пидалионом началась, вероятно, по инициативе Агапия, уже имевшего опыт публикации сборника канонов (*Μενεβίσογλου 1984. Σ. 151—152*).

⁵ См.: *Μενεβίσογλου 2003. Σ. 739—742.*

⁶ Об этом см. в примечаниях к переводу предисловия Пидалиона (примеч. 8, 9, 55, 57, 74, 79, 81 и др.).

⁷ *Μενεβίσογλου 1984. Σ. 153.* См. также примеч. 33 к переводу предисловия Пидалиона.

варительно, однако, он должен был пройти своего рода экспертизу, которую синод поручил иером. Дорофею (Вулисме)⁸. В 1790—1791 гг. он изучал рукопись Пидалиона, после чего в сентябре 1791 г. представил на имя патриарха Неофита и синода подробную докладную записку⁹. (Характерно, что Дорофей в отзыве пишет об авторе — «толкователе» — Пидалиона в единственном числе, иногда называя его по имени — Никодимом; вероятно, рукопись Пидалиона была послана в Патриархию как произведение одного только Никодима Святогорца, а имя второго автора было добавлено позднее, при подготовке к публикации¹⁰.) Отзыв Дорофея в целом был благоприятным, но содержал ряд замечаний, касающихся пропуска отдельных канонов, недостаточной ясности толкований и др.

Представление о том, как выглядела первая редакция Пидалиона, дает, помимо отзыва иером. Дорофея, рукопись Athous Esphigm. 260 (Lambr. 2273), датированная 1 апреля 1793 г.¹¹. Эта рукопись является единственной, где сохранился черновой текст Пидалиона: другая рукопись (возможно, автограф иером. Агапия и/или его дар монастырю), находившаяся в пелопоннесском монастыре Великой Пещеры (ή ἐν Πελοποννήσῳ μονή τοῦ Μεγάλου Σπηλαίου), погибла при пожаре в 1934 г.¹² Митрополит Павел (Меневисоглу), исследовавший указанную афонскую рукопись¹³, установил, что текст Пидалиона в ней отличается от представленного в Константинопольскую Патриархию

⁸ Литературу о нем см.: *Μενεβίσογλου 1991*. Σ. 343. Σημ. 1. На роль Дорофея в доработке Пидалиона прямо указано в пространном названии сборника на титульном листе: «...κανόνες... ἐρμηνεύόμενοι παρὰ Ἀγαπίου ἱερομονάχου καὶ Νικοδήμου μοναχοῦ καὶ μετ' ἐπιμελείας ἀνακριθέντες καὶ διορθωθέντες φήφῃ τοῦ παναγιωτάτου... συνόδου παρὰ τοῦ σοφολογιωτάτου διδασκάλου καὶ ἱεροκλήρικου κυρίου Δωροθέου».

⁹ Сохранилась в двух рукописях: Athous Pantel. 528 (Lambr. 6035), 529 (Lambr. 6036). Опубликовано: *Μενεβίσογλου 1991*. Σ. 345—362.

¹⁰ *Μενεβίσογλου 1991*. Σ. 363—364.

¹¹ *Lambros Sr. P. Catalogue of the Greek manuscripts on the Mount Athos. Vol. I. Cambridge, 1895*. P. 194 (рукопись описана как «синтагма канонов», принадлежащая неизвестному автору).

¹² *Μενεβίσογλου 2006*. Σ. 441—444 и σημ. 6.

¹³ См. ее подробное описание: Там же. Σ. 442—448 (σ. 443 — снимок титульного листа рукописи).

только заглавием и вступительной частью (указатели канонов и др.), взятыми из канонического сборника иером. Агапия¹⁴.

В данной рукописи, в отличие от всех изданий Пидалиона, отсутствуют посвящение (ὁριερωτικὴ ἐπιστολή), 1-е примечание к предисловию (с критикой противников публикации Пидалиона), каноны Константинопольского собора 394 г., Григория Богослова и Амфилохия Иконийского, 2-й канон Афанасия Александрийского (выдержка из его 39-го праздничного послания), а также т. наз. 11-й (12-й по нумерации «печатного Пидалиона») канон Григория Неокесарийского¹⁵. Из пяти посланий, обычно помещаемых после канонов Карфагенского собора, в «печатном Пидалионе» имеются лишь два¹⁶, в рукописи же нет ни одного. Из числа изданных в Пидалионе «дополнительных правил» (Пс.-Иоанна Постника, Никифора Исповедника и Николая Грамматика) в рукописи есть только 35 приписываемых Иоанну Постнику канонов. Каноны Сердикского собора в рукописи предшествуют канонам Лаодикийского собора (fol. 519–544 и 545–573 соответственно), а не наоборот, как это имеет место в «печатном Пидалионе», где допущено отступление от хронологического порядка соборов. Толкование на Апост. 1 в рукописи отличается от имеющегося в «печатном Пидалионе»¹⁷. Интересно, наконец, что в «печатном Пидалионе» пропущено нескольких фраз в тексте канонов Антиохийского и Карфагенского соборов, а также Григория Нисского (на что обратили внимание еще издатели «Афинской синтагмы»); в рассматриваемой рукописи таких пропусков нет.

Патриарх Неофит VII, в соответствии с запиской иером. Дорофея, предложил авторам Пидалиона доработать сборник, чтобы получить

¹⁴ Там же. С. 450–455.

¹⁵ Все эти каноны были включены в «печатный Пидалион» по настоянию иером. Дорофея. См.: *Μενεβίσσογλου* 1991. С. 353–359.

¹⁶ Возможно, они были добавлены под влиянием Дорофея, упомянувшего о них в отзыве. См.: Там же. С. 358; *Μενεβίσσογλου* 2006. С. 453.

¹⁷ Дополнения (толкование слов «хиротония» и «епископ») и поправки были внесены Агапием и Никодимом в связи с замечаниями Дорофея. См.: *Μενεβίσσογλου* 1991. С. 348–351; *Μενεβίσσογλου* 2006. С. 452.

разрешение церковных властей на его публикацию¹⁸. Однако Никодим и Агапий не желали выполнять указания Дорофея об исправлении книги. В итоге он отказался участвовать в дальнейшей работе над Пидалионом и предложил передать сборник на рассмотрение дидаскалу Афанасию Парии и бывшему Коринфскому митрополиту Макарию (Нотаре), которые и дали положительный отзыв о Пидалионе¹⁹. Замечания же Дорофея были учтены авторами Пидалиона лишь частично²⁰.

Разрешение Патриархии на публикацию Пидалиона было получено, вероятно, в конце 1792 или в 1793 г. Готовя сборник к печати, Агапий и Никодим решили посвятить его «Св. Христовой Великой Церкви» (т. е. Константинопольской Церкви); текст посвящения датирован ими (в издании) 4 декабря 1793 г. Однако по неизвестным причинам обнародование Пидалиона значительно задержалось.

Первое издание Пидалиона вышло в 1800 г. в Лейпциге; тираж составил 1430 экземпляров²¹. Наблюдение за изданием было поручено иером. Феодориту, ставшему впоследствии игуменом монастыря Эсфигмен²². Феодорит, однако, внес в текст сборника ряд дополнений богословского и церковно-исторического характера (написанных в духе полемики с колливадами), не согласовав их ни с авторами, ни с Константинопольской Патриархией. Это обстоятельство крайне огорчило прп. Никодима, хотя надо заметить, что дополнения Феодорита внесены в Пидалион не как авторские мнения, а в виде примечаний, принадлежащих «другому», «иному» и т. п.²³.

¹⁸ *Μενεβίσογλου* 1991. Σ. 365–366.

¹⁹ Там же. Σ. 366.

²⁰ Дорофей, в частности, предлагал отказаться от нового изложения и нумерации карфагенских канонов, а также поместить каноны Константинопольских соборов 861 и 879 гг. после канонов прочих Поместных соборов (а не после канонов VII Вселенского Собора). Он считал неправильным то, что 87-й канон Василия Великого (согласно нумерации в издании Г. Беверегия) был включен в Пидалион в качестве «предисловия» к следующему канону и не снабжен самостоятельным номером. Эти замечания, однако, не были учтены при доработке сборника (*Μενεβίσογλου* 1991. Σ. 355–357, 360–361). Ср. примеч. 15–17.

²¹ *Μενεβίσογλου* 1984. Σ. 155. Σημ. 31.

²² Литературу о нем см.: *Μενεβίσογλου* 1989. Σ. 195. Σημ. 3.

²³ Там же. Σ. 199–200.

В грамоте патриарха Неофита VII²⁴ перечислено 15 таких дополнений²⁵. На основании патриаршей грамоты соответствующие фрагменты были удалены при подготовке второго издания Пидалиона (1841 г.). Однако существуют еще, по крайней мере, три дополнения Феодорита, которые не были упомянуты патриархом Неофитом и сохранились во всех изданиях Пидалиона. Они находятся в конце примечания к Трул. 96, в конце 4-го примечания к вступительной статье о канонах Константинопольского собора 879 г. и в конце толкования на канон Карфагенского собора 256 г.²⁶ Возможно, имеются и другие, пока не обнаруженные дополнения.

(Хотя и в грамоте патриарха Неофита, и в предисловиях к изданиям Пидалиона, и в церковно-исторической литературе говорится только о дополнениях Феодорита, им были сделаны и некоторые изъятия из авторского текста Пидалиона. Об этом пишет Никодим Святогорец в опубликованных им позднее сборниках — «Синаксаристе» и «Эртодромионе», — приводя в качестве примера свое примечание к 5-му канону Никифора Константинопольского, опущенное Феодоритом²⁷.)

На сегодняшний день Пидалион выдержал 14 изданий²⁸. 6-е издание и все последующие представляют собой перепечатку 3-го, иногда с новыми вступительными статьями издателей²⁹. Пидалион был дважды переведен на румынский язык³⁰ и один раз — на англий-

²⁴ См. примеч. 33 к переводу предисловия Пидалиона.

²⁵ См.: *Μενεβίσσογλου* 1989. Σ. 197—199 (перечень дополнений с указанием страниц первого издания Пидалиона).

²⁶ Тексты см.: Там же. Σ. 200—203.

²⁷ Там же. Σ. 203—206.

²⁸ Λειψία, 1800; Αθ., ²1841; Ζάκυνθος, ³1864; Αθ., ⁴1886 (издание предпринято с разрешения Синода Эладской Церкви; здесь были восстановлены места, пропущенные во 2-м и 3-м изданиях: посвящение и 2-е примечание к I Всел. 20); Αθ., ⁵1908; ⁶1957; ⁷1970; ⁸1976; ⁹1982; Θ., ¹⁰1982; Αθ., ¹¹1990; ¹²1993; ¹³1998; ¹⁴2003.

²⁹ Подробнее о первых десяти изданиях Пидалиона см.: *Μενεβίσσογλου* 1983; *Μενεβίσσογλου* 1984. Σ. 154—159.

³⁰ Pidalion, sau Cărma corăbiei înțelese a Soborniceștii și Apostoliceștii Bisericii a Ortodocșilor... / Trad. din greșete de mitr. Veniamin (Costachi); Îndreptate și îndeplinite de protosinghelul Neofit (Scriban). Neamț, 1844; Zosima (Târâla), arhim., Popescu H., iconomul stavrofor. Pidalion (Cărma Bisericii): Cu orânduire nouă și tâlcuiri. București, 1933 (1992). Следует отметить, что «Энхиридион» митрополита Андрея (Шагуны)

ский³¹. Встречающиеся в литературе упоминания о существовании русского или арабского переводов Пидалиона не соответствуют действительности³².

Пидалион отличается своеобразной четырехуровневой структурой (канон — толкование — указатель параллельных мест — примечания)³³ и двуязычием (каноны приводятся на древнегреческом языке, а толкования, указатели и примечания — на новогреческом). Для него характерен отказ от систематизации канонического материала по предметам правового регулирования и, соответственно, от деления на титулы и главы. В этом авторы Пидалиона порывают с традицией поздне- и поствизантийских церковно-правовых сборников. Каноны в Пидалионе упорядочены, во-первых, по юридической силе (в соответствии с византийскими представлениями об этом): основной текст сборника открывается Апостольскими правилами, за ними идут каноны 6 Вселенских и 11³⁴ Поместных Соборов, а далее — каноны 13 святых отцов. К ним примыкают, по выражению авторов Пидалиона, «правила прочих отцов, не утвержденные никаким Вселенским Собором»: каноны Пс.-Иоанна Постника и свт. Никифора Исповедника и канонические ответы патриарха Николая Грамматика. Во-вторых, в Пидалионе соборные и святоотеческие каноны сгруппированы по хронологическому признаку, хотя в нескольких случаях этот принцип нарушен: каноны Константинопольских соборов 861 и 879 г. находятся

(Şaguna A., de. *Enchiridionu, adeca Carte manuale de canóne ale unei, sântei, sobornicesci, si apostolesci Biserici cu Comentare. Sabiiu, 1871*) является не переводом Пидалиона на румынский язык (как пишет об этом еп. Никодим: *Никодим (Милаш), еп. Далматинский. Православное церковное право / Пер. с серб. М. Г. Петровича. СПб., 1897. С. 217*), а самостоятельным каноническим сборником, содержащим церковные каноны в румынском переводе и авторские комментарии к ним. Об «Энхиридионе» см.: Stan M. Andrei Şaguna and «The organic statute». Diss. Wien, 2009. P. 248–250.

³¹ The Rudder / Ed. by D. Cummings. Chicago, 1957 (1983).

³² *Никольский 1888. С. 3; Μεγεβίσουγλου 2007. Σ. 188 и σση. 53.*

³³ См. подробнее: *Μεγεβίσουγλου 1984. Σ. 159–163*, а также перевод предисловия Пидалиона.

³⁴ Помимо канонов 10 Поместных соборов, имеющихя в нашей Книге правил, в Пидалион вошло постановление Карфагенского собора 256 г. о перекрещивании еретиков.

не в конце, а в начале «поместных» канонов; каноны Сердикского и Лаодикийского соборов, как отмечалось выше, в Пидалионе «помещались местами». В конце сборника, после всех канонов, помещены трактат о препятствиях к браку и образцы некоторых церковных документов.

Пидалион в определенной степени повлиял на официальный канонический сборник Русской Православной Церкви³⁵ — Книгу правил, впервые опубликованную в 1839 г.

В Пидалионе неправильно датирован VII Вселенский Собор (783 вместо 787 г.), а также Сердикский собор (347 вместо 342 г.). Постановление Константинопольского собора 394 г. приводится в Пидалионе в форме краткого канона (разделенного на две части), а не противоположной выдержки из деяний этого собора³⁶, как во всех остальных изданиях³⁷. В сборнике насчитывается 12, а не 11, канонов Григория Неокесарийского, поскольку первый канон разделен на два. Последний канон данного святого отца (11-й, а по нумерации Пидалиона — 12-й), в действительности не принадлежащий ему³⁸, помещен без каких-либо

³⁵ История создания Книги правил остается малоизученной, однако сомнений в нормативном характере этого сборника нет. Книга правил была подготовлена в 1836—1839 гг. по предложению свт. Филарета Московского, одобренному Св. Синодом и утвержденному Николаем I. При этом перевод канонов на церковно-славянский язык был сделан на основе рукописного перевода XVIII в., выполненного по поручению Синода для официального издания, но оставшегося неопубликованным. Согласно решению Синода от 31 мая 1839 г. об издании Книги правил, часть экземпляров сборника предназначалась для бесплатной рассылки архиереям и иным представителям церковной власти в центре и на местах «для соображения и руководства при решении производящихся у них по церковным правилам дел». Книга правил была также разослана (для сведения) предстоятелям остальных Поместных Церквей (см.: Барсов Т. В. О соборании духовных законов [оконч.] // ХЧ. 1897. № 12. С. 754—766).

³⁶ См.: СРГ 8606.

³⁷ В Книге правил постановление данного Собора имеет аналогичный вид (правда, оно не разделено там на части). Митрополит Павел (Меневисоглу) считает это одним из важнейших доказательств использования Пидалиона составителями Книги правил (*Μενεβίσογλου 2007. Σ. 186—187*).

³⁸ СРГ 1765. О его происхождении см.: Бондач А. Г. Каноны Василия Великого и анонимный фрагмент из Древнеславянской кормчей // Материалы XLIII Междунар. науч. студенч. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. Ч. 1. Новосибирск, 2005. С. 19—23.

указаний на подложность. В Пидалионе издано 18, а не 15, канонических ответов Тимофея Александрийского. Во всем этом Книга правил следует Пидалиону³⁹. Впрочем, между двумя сборниками есть и различия. Так, в Книге правил отсутствует имеющееся в Пидалионе постановление Карфагенского собора 256 г. Состав, количество (147 вместо 141) и нумерация канонов, утвержденных Карфагенским собором 419 г., в Книге правил несколько отличаются от Пидалиона, а сами каноны порой приводятся в сокращенном виде⁴⁰. В первом (СПб., 1839) и третьем (М., 1862) изданиях Книги правил славянский перевод канонов напечатан параллельно с греческим оригиналом, который был заимствован из «Пандект» Г. Беверегия и Пидалиона. В случаях разночтений составители Книги правил отдавали предпочтение то первому, то второму из этих изданий⁴¹.

* * *

В настоящее время готовится к печати русский перевод Пидалиона, осуществленный монахинями Ново-Тихвинского женского монастыря (Екатеринбург). Ниже публикуется отрывок из него — перевод предисловия Пидалиона, в котором прп. Никодим Святогорец и иером. Агапий излагают принципы работы над сборником и перечисляют использованные источники, а также рассматривают некоторые теоретические вопросы церковного права. Перевод сделан с издания 2003 г. и снабжен подробными комментариями⁴².

Представляется необходимым сказать в заключение несколько слов о значении Пидалиона как источника церковного права. Известно, что в 1800 г. этот сборник был издан по официальному распоряжению Константинопольского патриарха («ἀδεία μὲν καὶ προτροπῇ καὶ

³⁹ *Μενεβίσογλου 2007*. Σ. 182–183.

⁴⁰ Там же. Σ. 184–186, 187–188.

⁴¹ Там же. Σ. 186–188.

⁴² Примечания к переводу без подписи или с пометкой *Науч. ред.* принадлежат научному редактору, с пометкой *Пер.* — переводчикам. Все эти примечания помещены в страничных сносках, пронумерованных арабскими цифрами. Примечания авторов Пидалиона пронумерованы римскими цифрами и приводятся в конце соответствующих разделов предисловия.

ἐπιταγῇ τοῦ παναγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου καὶ τῆς ἁγίας συνόδου», как значится на титульном листе). В XIX в. Пидалион имел силу закона в Константинопольской Церкви, а затем и в Эладской⁴³, однако вопрос о том, какова его юридическая сила в этих Церквях в наши дни, не вполне ясен⁴⁴. Проблема здесь не в канонах — они никем не отменены и признаются действующим источником права во всех Поместных Православных Церквях⁴⁵, — а в толкованиях и примечаниях к ним. Сохраняют ли изложенные там правовые мнения византийских канонистов и авторов Пидалиона нормативный характер? Дать однозначный ответ сложно (допустимо по-прежнему считать Пидалион в полном объеме официальным каноническим сборником⁴⁶, но тогда надо объяснить, как должны разрешаться возможные коллизии между ним и современным церковным законодательством). Как бы то ни было, на данный момент издание русского перевода Пидалиона преследует по-преимуществу научные и образовательные цели. Хотя действующим источником права Русской Православной Церкви этот сборник способен стать лишь в случае соборного утверждения, но и в настоящее время он является одним из ценнейших церковно-канонических памятников православной традиции.

⁴³ Свидетельства об этом см.: *Никольский 1888*. С. 1–2.

⁴⁴ Показательно, что при характеристике Пидалиона в современных греческих учебниках и справочниках по церковному праву этот вопрос вообще не поднимается (см., напр.: *Τρωϊάνος Σ. Ν. Παραδόσεις ἐκκλησιαστικοῦ δικαίου*. Αθ., Κομοτηνῆ, ²1984. Σ. 54; *Μπούμης Π. Γ. Κανονικὸν δίκαιον*. Αθ., ³2002. Σ. 46–47; *Παντελεήμων (Ροδόπουλος), μητρ. Τυρολόης καὶ Σερεντίου. Ἐπιτομὴ κανονικοῦ δικαίου*. Θ., ²2005. Σ. 87–88).

⁴⁵ Впрочем, о «дополнительных правилах», включенных в Пидалион, этого со всей определенностью сказать нельзя.

⁴⁶ См.: *Μενεβίσογλου 1984*. Σ. 165–166.

2. «ПИДАЛИОН ИЕРОМОНАХА АГАПИЯ И МОНАХА
НИКОДИМА»: ПРЕДИСЛОВИЕ

*Православным всей земли, которые будут читать эту книгу,
наш благоговейный поклон и во Христе братское целование*

Я должен и еллинам и варварам, мудрецам и невеждам (Рим. 1, 14)¹. Таковы слова, которые возгласил во Христе глаголющий Павел, великий учитель язычников в вере и истине². Возгласил для того, чтобы этим научить всех тех, которые предпочитают общую пользу ближних, говорить и писать не только на греческом языке, чтобы посредством его приносить пользу одним образованным и мудрым, но и говорить, и писать в то же время и на языке простом, чтобы через него равным образом приносить пользу и немудрым и простым братьям³. Ибо какую пользу, скажи мне, может получить какой-нибудь простец от чтения книги, [которая] только на греческом?⁴ Не покажется ли ему варваром⁴ написавший эту книгу и, наоборот, сам он не покажется ли автору варваром?⁴ И оба они вместе не будут ли говорить на ветер?⁴ Но если я, — говорит тот же Павел, обличая коринфян за то, что они похвалялись получением дара говорить на языках и не просили в то же время получить и дар истолковывать их для других и, следовательно, назидать Церковь, — не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий

¹ Здесь и далее ссылки на цитаты из Св. Писания, указанные в греческом издании Пидалиона, приводятся в тексте, а ссылки, добавленные при переводе на русский язык, в подстрочных примечаниях. — *Пер.*

² 1 Тим. 2, 7. — *Пер.*

³ Ко времени жизни прп. Никодима древнегреческий язык уже давно вышел из общего употребления. Его сменил новогреческий, настолько отличающийся от языка, на котором писали и говорили святые отцы первых веков, что современные Никодиму греки, не получившие специального школьного образования, не могли понимать святоотеческие сочинения. Именно это побудило прп. Никодима к переводу многих творений святых отцов на новогреческий язык. В настоящей предисловии он и объясняет эту причину. Говоря о «греческом» и «простом» языках, прп. Никодим противопоставляет древнегреческий и новогреческий языки. — *Пер.*

⁴ В данном случае под «варваром» понимается человек, изъясняющийся на незнакомом иностранном языке. — *Пер.*

для меня чужестранец (1 Кор. 14, 11). И тогда как эллин и мудрый от греческого языка получают пользу, брат простой и немудрый не назидается.

Поэтому и мы, последуя этому апостольскому учению, пожелали с помощью настоящей книги принести пользу одновременно как образованным и мудрым, так и простым и немудрым. Первым — греческим текстом божественных и священных правил: апостольских⁵, соборных и принадлежащих отдельным святым отцам, а вторым — толкованием и объяснением этих самых правил, изложенным на простом языке¹. И наоборот, образованным и мудрым мы пожелали принести пользу толкованием, предложив им объяснение тех мест, которые вызывали недоумения у древних мудрецов при чтении правил и которые не всеми могут быть с легкостью поняты; а простецам — греческим [текстом правил], побуждая их иметь к ним подобающее уважение и не считать их порождениями нашей утробы. И тем, и другим мы дарим такую книгу, которую было трудно найти из-за ее малого тиража и еще труднее приобрести из-за высокой стоимости⁶. Это стало первой и главной причиной, которая подвигла нас, братья, приступить к делу издания настоящей книги.

⁵ О происхождении Апостольских правил см. примеч. 150.

⁶ Предложение переведено буквально. И. Никольский перевел его так: «Таким образом мы тех и других обогащаем одной книгой, мы собрали и предлагаем здесь в одной книге то, что содержится в разных книгах, которые с трудом можно найти по малочисленности печатных экземпляров и еще труднее приобрести каждому для себя по дороговизне их» (Никольский 1888. С. 12; курсив наш). Следует отметить как вставку («мы собрали...»), так и то, что в этом переводе сказанное о труднодоступности относится не к Пидалиону, а к его источникам («разным книгам»). Подобный перевод лучше соответствует контексту (см. далее упоминания авторов Пидалиона о собирании правового материала из разных изданий и рукописей), но грамматически вряд ли оправдан. С другой стороны, митрополит Павел (Меневисоглу) высказал предположение, что «одной книгой» авторы «Пидалиона» назвали здесь «Пандекты» Г. Беверегия, представляя, тем самым, свой труд как новогреческую версию Беверегия (Μενεβίσσογλου 2003. Σ. 726. Σημ. 8). Однако эта гипотеза, оправдывающая буквальный перевод предложения, плохо согласуется с тем, что «Пандекты» Беверегия впервые упомянуты в предисловии не здесь, а ниже (см. примеч. 8), и названы не книгой, а «книгами» (τὰ βιβλία).

Была еще и другая, более частная, причина: невыносимо было нам, возлюбленные, видеть, что у многих духовников в большинстве непригодных рукописей номоканонов⁷ эти божественные и священные правила раздроблены на части, испорчены, имеют неверные надписания, одни правила приводятся вместо других, а объяснения толкователей приняты собственно за правила. И что хуже всего, эти объяснения в номоканонах испорчены, неправильно толкуются и учат как-то странно и ошибочно. Что родилось от этого? Плод, вне всякого сомнения, смертоносный и причиняющий душевную погибель как духовникам, дурно исправляющим [согрешивших], так и дурно исправляемым ими грешникам. Ведь, по общеизвестной пословице, кривая мера (*καυών*) кривым делает и отмеряемое (*καυονίζόμενα*). Поэтому мы, чтобы оздоровить эти смертоносные потоки, из которых братья наши напаявались, по пророку, *питаем мутным* (Аввак. 2, 15), постарались востечь к первоначальным источникам и оттуда почерпнуть сладчайшей, чистой и живоносной воды. А именно, выражаюсь яснее, постарались мы отыскать книги священных «Пандект»⁸ и не только переписать от-

⁷ По мнению И. Никольского, имеются в виду следующие правовые сборники, широко распространенные в рукописях: Номоканон Мануила Малакса (1562 г.), новогреческий перевод Прохирона Константина Арменопола (1744 г.), Алфавитная синтагма Матфея Властаря в новогреческом переводе Николая Кривопула (1498 г.) (*Никольский* 1888. С. 31–35). Однако, поскольку говорится об использовании номоканонов духовниками, речь может идти о так называемых покаянных номоканонах — руководствах по совершению Таинства Исповеди и наложению епитимий. Такие сборники (как правило, анонимные или псевдоэпиграфические) были хорошо известны в поздней Византии. Ряд покаянных номоканонов был составлен и/или издан в поствизантийский период. О происхождении и эволюции сборников этого жанра, а также об их рецепции в славянских странах см.: *Алмазов А. [И.] Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории.* Т. 1–3. Одесса, 1894 (№М., 1995); *Arranz M. I penitenziali bizantini: Il Protokanonarion o Kanonarion Primitivo di Giovanni Monaco e Diacono e il Deuterokanonarion o «Secondo Kanonarion» di Basilio Monaco.* R., 1993 (Kanonika 3); *van de Paverd* 2006; *Tsakiris V. Die gedruckten griechischen Beichtbücher zur Zeit der Türkenherrschaft.* В., N.-Y., 2009 (Arbeiten zur Kirchengeschichte 111).

⁸ Под «Пандектами» в Пидаллоне понимается свод греческих источников канонического права, изданный англиканским ученым (священником, впоследствии епископом) Г. Беверегием: *Beveregius* 1672. В т. 1 помещены апостольские правила и правила Вселенских и Поместных Соборов с толкованиями Аристина, Зонары и Вальсамона, а

туда слово в слово полный и неповрежденный греческий текст божественных правил⁹, но и перевести на более простой язык истинные греческие толкования подлинных и Церковью признанных толкователей божественных и священных правил. Прежде всего мы в большинстве случаев почти к каждому правилу перевели толкования занимающего первое место дивного и знаменитого Иоанна Зонары^{II}, затем — Феодора Вальсамона^{III}, редко — Алексея Аристина^{IV}, часто — анонимно автора^V и других^{VI}.

Наряду с толкованием мы постарались сбоку от каждого изъясняемого правила указать греческими буквами и номера всех тех правил, которые хоть сколько-то соответствуют самому толкуемому правилу. Не удовольствовавшись и этим, мы не пожалели труда и позаботились каждое из этих параллельных и согласующихся правил изложить вкратце под переводом основного правила, передавая таким образом в сжатом виде заключающийся в них смысл. Ведь читатель, если не

также арабский перевод канонов первых четырех Вселенских Соборов. В т. 2 находят-ся святоотеческие прилава с толкованиями указанных канонистов и Алфавитная синтагма Властаря; в приложении содержатся комментарии («annotationes») Беверегия к канонам. Этим изданием пользовались не только на Западе, но и на православном Востоке. — *Пер.* Авторы Пидалиона заимствовали из «Пандект» текст толкований Аристина, Зонары и Вальсамона. Кроме того, они частично использовали предисловие Беверегия к «Пандектам» и его комментарии. Традиционно (еще со времен Ф. А. Бинера, см.: *Biener F. A. De collectionibus canonum ecclesiae graecae: Schediasma litterarium. Berolini, 1827. P. 42*) считается, что «Пандекты» послужили основным источником и для текста канонов в Пидалионе. Однако проведенный И. Никольским текстологический анализ (см. примеч. 9, 81) показывает ошибочность такого мнения. В недавней работе об источниках Пидалиона вновь утверждается, что текст канонов в Пидалионе взят из издания Беверегия (*Μενεβίσσογλου 2003. Σ. 731–732*), однако лишь приведенные автором примеры (*Μενεβίσσογλου 2003. Σ. 727–731*) доказывают лишь то, что составителями Пидалиона заимствованы из «Пандект» Беверегия комментарии издателя и толкования канонистов XII в. — *Науч. ред.*

⁹ В действительности в тексте большинства канонов в Пидалионе имеются разночтения (по сравнению с «Пандектами»). Постановления Сердикского и Карфагенского соборов разделены авторами Пидалиона на каноны иначе, чем это сделано в «Пандектах» (*Никольский 1888. С. 68–75, 77–81; Μενεβίσσογλου 1984. Σ. 160–161*). Кроме того, в одном случае в Пидалионе изменена последовательность поместных соборов: Константинопольский собор 394 г. помещен перед Карфагенским, а не после него (*Никольский 1888. С. 43*).

увидит каждого правила на своем месте, из одного номера ничего не понимает, но должен часто перелистывать книгу и отыскивать место, где находятся отмеченные правила. А кто не признает это тягостным и доставляющим многое беспокойство? Поэтому мы пожелали отдельно исполнить и эту работу. Хотя этот сводный указатель в каком-то отношении и кажется излишним из-за тавтологии, он все же необходим ради удобства читающих. Ибо для читателя несравненно легче все согласующиеся правила иметь вкратце сведенными вместе, чтобы с первого взгляда видеть, каким образом они согласуются и в чем отличаются, — вместо того, чтобы перелистывать столько страниц в поисках 6-го правила, или 8-го, или, может быть, 10-го и, найдя одно, забыть другое и, значит, напрасно трудиться, отыскивая то, что трудно найти.

Итак, если многие номоканоны располагают священные правила по темам для краткости и легкости запоминания (каковы номоканоны Матфея Властаря¹⁰, Фотия¹¹ и других¹²), то и этот сборник канонов не лишен такого достоинства. Ведь почти каждое правило, имеющее ука-

¹⁰ Речь идет об Алфавитной синтагме Властаря; причисление ее к номоканонам характерно для авторов поствизантийского периода. Однако сборник Властаря качественно отличается от номоканонов, представляя собой не инкорпорацию, а кодификацию церковного права. См. подробнее: *Бондач А. Г.* Номоканон XIV титулов и Синтагма Матфея Властаря: К истории систематизации византийского церковного права // Проблемы теологии. Вып. 3. Ч. 1. Екатеринбург, 2006. С. 83–88.

¹¹ Т. е. Номоканон XIV титулов, составление которого приписывалось свт. Фотию Константинопольскому (как поздневизантийскими авторами, так и учеными Нового времени). В XIX в. в тексте данного памятника были выявлены следы по меньшей мере двух редакций, в связи с чем был поставлен вопрос об их атрибуции и датировке. Эта проблема была в основном решена В. Н. Бенешевичем, который скрупулезно исследовал рукописную традицию Номоканона XIV титулов. Он показал, что этот правовой сборник был составлен неизвестным византийским юристом в нач. VII в., после чего подвергался разнообразным изменениям (Бенешевич выделяет 8 редакций памятника). В 883 г. появляется качественно новая редакция Номоканона XIV титулов, принадлежащая, вероятно, Фотию. См.: *Бенешевич В. Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905 (Lpz., 1974).

¹² Под «другими» могут пониматься свт. Иоанн III Схоластик, патриарх Константинопольский (565–577), который традиционно считался составителем Номоканона 50 титулов (хотя в действительности вряд ли им был, см.: *Бенешевич 1914*. С. 292–321), а также составители номоканонических сборников поствизантийского периода (Мануил Малакс и др.).

затель, посвящено отдельной теме. Всегда или по большей части к правилам, первым по порядку, указатель составляется из последующих, а последующие ссылаются на первые. Изредка, впрочем, в последующих правилах отменяются предыдущие¹³.

А чтобы указатель был полным, мы собрали правила и прочих отцов, не утвержденные никаким Вселенским Собором, имею в виду правила св. Никифора^{VII}, Николая, патриарха Константинопольского^{VIII}, Иоанна Китрского^{IX}¹⁴, Никиты^X и Петра диакона и хартофилакса Великой церкви^{XI}, правила Постника¹⁵ (каковые мы поместили на греческом языке отдельно в конце правил по причине, о которой говорим там)¹⁶, и

¹³ Например, 6-м канонем Трульского Собора был фактически отменен 10-й канон Анкирского Собора.

¹⁴ Правила этого и двух следующих авторов не помещены в Пидалионе отдельно, а лишь цитируются в толкованиях.

¹⁵ Свт. Иоанн IV Постник, патриарх Константинопольский (582–595); см. о нем: *Beck 1959*. S. 423–425; *ODB 2*. 1991. P. 1049; *VBKL 3*. 1992. Sp. 394–399. Основная работа о приписанных Иоанну Постнику епитимийных сборниках (СРГ 7558–7560): *Herman E.* Il più antico penitenziale greco // *ОСР 19*. 1953. P. 71–127. Подробнее о Канонарии (СРГ 7558) и Дидакалии (СРГ 7559) см.: *van de Paverd 2006*. О Канониконе (СРГ 7560) см.: *Grumel*. № 270.

¹⁶ Авторы Пидалиона опубликовали одну из редакций Каноникона Пс.-Иоанна Постника (СРГ 7560/2), состоящую из 34 правил (в Пидалионе — 35; первое правило по нумерации Пидалиона принято считать предисловием к Каноникону, второе — первым и т. д.). Эти правила снабжены в Пидалионе толкованиями. Далее помещены 18 правил (без нумерации и толкований), содержащих епитимии за плотские грехи, и — в примечании — еще 4 правила. Большая часть данного собрания канонов впервые была издана прп. Никодимом Святогорцем в «Экзомологитарии» в 1794 г.: *Νικόδημος, μοναχός.* Βιβλίον ψυχωφελέστατον... Ἐνετίησι, 1794. Σ. 96–132 (35 канонов), 133 (первые три из четырех дополнительных канонов), 72. Σημ. 1 (четвертый дополнительный канон). Во второе издание «Экзомологитария» (Ἐνετίησι, 1804. Σ. 180–184 [ошибочная пагинация; должно быть: 204–208]) также включены 18 дополнительных канонов из Пидалиона. Здесь они приводятся с разночтениями и, начиная с пятого правила, в иной последовательности (указываем номера сначала по Пидалиону, потом по «Экзомологитарии»): 5 = 8, 6 = 9, 7 = 5, 8 = 10, 9 = 6, 10 = 7, 11–12 = 11, 13 = 12, 14 = 13, 15 = 14, 16 = 15, 17 = 16, 18 = 17. Кроме того, 34 основных канона были напечатаны в вышедшем одновременно с Пидалионом каноническом сборнике монаха Христофора: *Κανονικόν, ἤτοι οἱ θεῖοι κανόνες τῶν ἁγίων καὶ πανσέπτων ἀποστόλων, τῶν τε οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος θεοφόρων πατέρων / Ἐκδ. ὑπὸ μοναχοῦ Χριστοφόρου.* Κωνσταντινούπολις, [1800]. Σ. 312–325 (в конце добавлен еще один канон без номера, не встречающийся

включили их в указатель¹⁷. Однако мы не отметили на внешних полях их номеров. Ибо эту привилегию мы предоставили только тем правилам, которые утверждены VI Вселенским Собором¹⁸, а следовательно, имеют вселенское значение, и которые толкователями и Церковью приняты как всеобщие и истолкованы¹⁹.

Хорошо изучив не только их, но и постановления и законы императоров, в особенности Юстиниана, Дигесты^{XII}, Кодексы^{XIII}, Институции^{XIV}, новеллы^{XV} и, проще сказать, гражданские законы, — мы и из них выбрали все, что оказалось или в каком-то отношении согласным со священными правилами, или восполняющим их²⁰. Всё же противоположное правилам мы признали недействительным, как это и сами гражданские законы постановляют^{XVI}.

Наконец, мы постарались обогатить книгу и различными филологическими примечаниями²¹, которые способствуют или большей ясности

в других изданиях). И. Никольский отмечал, что в «Афинской синтагме» (*Ράλλης, Ποτλής*. Т. 4. Ст. 432—445) изданы те же правила Постника (т. е. Каноникон), что и в Пидалионе, но с некоторыми изменениями (*Никольский 1888*. С. 81—84). Однако теперь текст, помещенный в «Афинской синтагме», принято считать отдельной редакцией Каноникона (CPG 7560/3; ср.: CPGadd 7560/3).

¹⁷ В Пидалионе также приводятся выдержки из церковно-правовых актов и канонических ответов Димитрия Хоматина, Анастасия Синаита, некоторых Константинопольских патриархов поздневизантийского периода и др. Подробнее см.: *Никольский 1888*. С. 57—60.

¹⁸ Т. е. Трульским Собором, который в Православной Церкви считается продолжением VI Вселенского Собора. Однако надо иметь в виду, что большинство участников Трульского собора не присутствовали на VI Вселенском Соборе. См.: *Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692*. В., N. Y., 1990 (Arbeiten zur Kirchengeschichte 56). S. 316—320.

¹⁹ Подразумеваются каноны Константинопольского собора 861 г. («Двукратно-го») и 879 г. («Собора в храме Софии, Премудрости Божией»). В предисловиях к ним в Пидалионе отмечается, что они включены в данный сборник, поскольку приняты Церковью и толкователями и вошли в Номоканон Фотия. Что касается Трульского собора, то его каноны были утверждены VII Вселенским Собором, чьи каноны, в свою очередь, утвердил Константинопольский собор 879 г.

²⁰ Выдержки из византийского светского законодательства приводятся авторами Пидалиона в примечаниях.

²¹ Эти примечания могут иметь не только филологический, но и богословский, литургический, исторический и юридический характер. Об источниках, использованных при составлении примечаний, см.: *Никольский 1888*. С. 60—65. Классификацию и

толкования, или согласованию кажущихся противоположными правил или каким-то иным образом приносят пользу²², — чтобы с помощью всего этого сделать книгу желанной и привлекательной для всех.

Итак, предлагаемая нами братьям духовная трапеза не столь скудна и однообразна, чтобы вызвать отвращение и пресыщение у тех, кто в ней участвует, но столь разнообразна и во всем полезна, чтобы доставлять одновременно и удовольствие, и пользу. Эллин²³ и не пытливый читает только греческий текст правил и тем довольствуется. Простой и нелюбознательный читает одно толкование, и ему этого хватает. Пытливый читает еще и указатель и обретает покой. Пытливый и весьма трудолюбивый читает еще и примечание и услаждается.

В конце священных правил мы прибавили и «Учение о родстве»²⁴ как необходимое^{XVII}.

Поскольку толкование священных правил в высшей степени необходимо для общего спасения всех христиан, то сейчас после всего сказанного пора мне возгласить оное пророчество Варуха: *Эта книга повелений Божиих и закон, пребывающий во век* (Вар. 4, 1). Эта книга — святое Писание после Святых Писаний, Завет после Ветхого и Нового Заветов; вторые боговдохновенные словеса после первых и боговдохновенных словес. Она — *вечные пределы, которые положили отцы наши*²⁵, и законы, пребывающие во век²⁶ и превосходящие

подробный обзор примечаний см.: Там же. С. 166–273 (в т. ч. о примечаниях полемической направленности — с. 234–273).

²² Следует отметить, что примечания в Пидалионе не лишены и определенных недостатков. К ним можно отнести чрезмерную резкость в полемике против «латинян», необоснованную отрицательную оценку ряда комментариев Вальсамона, противоречия между примечаниями к разным канонам (*Никольский 1888. С. 274–281*; см. также примеры неоднозначных оценок качества примечаний в научной литературе: *Μενεβίσογλου 1984. Σ. 163–164*).

²³ «Эллином» прп. Никодим называет здесь человека, хорошо знающего древнегреческий язык, в отличие от человека «простого», о котором говорится далее. — *Пер.*

²⁴ В этом трактате рассматриваются — с точки зрения возможных препятствий к заключению брака — отношения кровного родства, двух- и трехродного свойства, духовного родства и родства по усыновлению. В конце также говорится об обучении и его церковно-правовых последствиях.

²⁵ См.: Притч. 22, 28. — *Пер.*

²⁶ Показательно, что выше сами авторы упоминают об отмене одних канонів дру-

все гражданские и императорские законы Дигест, Институций, Кодексов и новелл. Ибо эти последние просто изданы императорами, тогда как священные правила, как мы сказали, установлены Вселенскими и Поместными Соборами по действию Святого Духа, а императорами утверждены. Эта книга поистине, как мы ее и назвали, кормило (Πηδάλιον) Кафолической Церкви, при помощи которого Церковь управляется и находящиеся в ней матросов и пассажиров, то есть священство и мирян, в безопасности переправляет к тихой гавани Горнего Царствия. Она есть и плод, и результат, и цель, ради которой столь многие императоры несли издержки и усердно трудились, столь многие патриархи проливали пот, столь многие богоносные и духоносные архиереи съезжались с концов вселенной (хотя часто они были и старыми, и немощными), составляли Соборы, как Вселенские, так и Поместные, и столько лет изнуряли себя трудами.

Покажу все это на примере. Вседетельная Святая Троица, сотворив этот первый и вещественный мир, привела его в гармонию с помощью различных естественных правил (κα νόμας), вложенных в стихии. Благодаря этим правилам сохраняется порядок, а благодаря порядку — единство всего, и бывает, по словам Орфея, все творение единой музыкальной симфонией, которая исполняется с помощью разных правил, словно с помощью неких разнообразных и многосложных звуков²⁷. Таким же образом та же Троица, устроив и второй этот умопостижимый мир Кафолической Церкви, связала его и скрепила посредством священных и божественных правил. От них рождается благочиние патриархов, согласие архиереев, благонравие иереев, благоприличие диаконов, достопочтенность клириков, благоустройство монахов, познания духовных отцов, необходимые ради исправления [грешников],

гимн. Помимо этого, изменения в церковной жизни приводили к тому, что некоторые каноны в тот или иной период фактически прекращали действовать (частично или полностью).

²⁷ В текстах орфической традиции понятие «симфонии» встречается только один раз, причем вне связи с идеей космоса как гармонично звучащей музыки (Hymni Homerici. In Mercurium 49–54 // The Homeric hymns / Ed. T. W. Allen, W. R. Halliday, E. E. Sikes. Oxford, 1936. P. 44; рус. пер.: Античные гимны / Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988. С. 75). Видимо, авторы Пидалиона просто воспользовались одним из образов античной мистической поэзии, поместив его в нужный им контекст.

почтение к императорам, являющееся долгом для всех²⁸, и вообще у всех христиан рождается подобающее христианам поведение и устроение. И, говоря в общем, благодаря этим священным правилам земная церковная иерархия становится подобием и отпечатком иерархии небесной. Обе эти иерархии вместе делаются одной, слагаясь в единую мелодию, гармонично исполняемую на всех струнах. Изыми правила (*κανόνες*), вложенные в стихии, из материального творения, и тотчас же разрушится порядок, а по разрушении порядка все мироздание (*ὅλον τὸ πᾶν*) погибнет. Изыми и эти священные правила (*κανόνες*) из Церкви, и тотчас же следом вторгнется бесчиние, а из-за бесчиния погибнет все ее священное украшение.

Обратись, Иаков, и ухватись за нее... (Вар. 4, 2). Обратитесь, патриархи, архиереи, иереи, клирики, монахи и все прочие духовные отцы и братья во Христе, и возьмитесь за эту книгу обеими руками^{XVIII}. *Идите к сиянию навстречу свету ее* (см. Вар. 4, 2), чтобы просветиться вечным светом знания. Возрадуйтесь о словах ее больше, чем те, которые обретают многую прибыль (см. Пс. 118, 162). Ибо слова ее чисты, серебро расплавленное, испытанное в земле, семикратно очищенное (Пс. 11, 7) — или суждением семи Вселенских Соборов, или множеством раз Соборами Поместными и отдельными отцами, так как число семь Писание часто употребляет вместо «много раз». А взявшись, будьте не только читателями и слушателями этих божественных законов, но и исполнителями — *потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут*²⁹, — чтобы не послужило к смерти нарушение этих правил, ведущих к жизни, если их соблюдают.

Прибавлю же и следующее изречение Варуха: *Блаженны мы, Израиль, потому что нам известно то, что угодно Богу*³⁰. Блаженны вы, братья христиане, потому что через эту книгу вы удостоились по-

²⁸ Смысл данной фразы неясен, ведь византийских императоров, о которых говорится в канонах, к кон. XVIII в. давно не было. Возможно, здесь под «императорами» подразумевается государственная власть вообще. Тогда это место можно понимать как аллюзию на 1 Пет. 2, 17. Не исключено также, что, говоря об «императорах», авторы Пиндалиона могли иметь в виду турецких султанов.

²⁹ Рим. 2, 13. — *Пер.*

³⁰ Вар. 4, 4. — *Пер.*

знать благоугодные Богу отеческие и соборные повеления. Божественный Давид сказал, что после многих молний и смятений показались источники вод и открылись основания вселенной: *И умножил молнии и привел их в смятение, и явились источники вод, и открылись основания вселенной* (Пс. 17, 15–16). Эти слова можно с большим удобством аллегорически истолковывать в отношении предмета нашей речи. Во-первых, после того как Господь умножил святые Соборы, словно некие молнии, и ими привел в смятение и погубил зломысленных еретиков, явились эти источники духовных и животочных вод и открылись эти умопостигаемые основания вселенной, то есть Кафолической Церкви. Во-вторых, сначала божественные Соборы собирались ради ниспровержения нечестивых ересей; но, собравшись, они выносили постановления и о христианской жизни, назовет ли кто их небесными источниками, так как они напояют все лицо Церкви, или духовными основаниями, на которых созидается всякое христианское здание. Но тогда они явились и открылись, однажды придя в бытие. Сейчас же явились и открылись, как мы сказали, через толкование на более простом языке и еще больше — с помощью издания в печати.

Кто же помог тому, чтобы это великое благо, эта нужнейшая и многополезнейшая книга была отдана в печать? Преподобнейшие отцы Святой Горы Афон, в святых монастырях, скитах и келиях упражняющиеся в монашеском житии, вместе с оказавшимися на Святой Горе святыми архиереями и некоторыми другими христолюбцами. Эти поистине благословенные помимо прочих добрых дел — ведь они любезно принимают странников и всячески милуют нищих братьев — [совершили и это]: услышав об этой книге, что она необходима и в высшей степени полезна для всего рода православных христиан, все изъявили усердное желание и каждый по своей силе и произволению внесли деньги, потраченные на ее издание, чтобы этим оказать помощь и напитать братьев духовно, как кормят их и телесно. Ведь если, по Григорию Богослову, «слово Божие — хлеб ангельский, которым питаются души, алчущие Бога»³¹, то этой помощью они исполняют заповедь царицы всех добродетелей — любви. Поскольку же, опять согласно Богослову, «любовь —

³¹ *Greg. Naz. Or. 43, 36 / Éd. par J. Bernardi. Paris, 1992. SC 384. P. 206; PG 36, 545B. CPGS 3010/43. Рус. пер.: БУ ТСО. № 43. — Пер., Науч. ред.*

вещь чистая и воистину достойная Бога, дело же ее — раздаяние»³², то они двумя этими [деланиями] вместе исполняют дело облаков. Как облака берут из водной стихии легкие испарения и возвращают их, изливая обратно изобильным дождем, так и они, принимая телесную милостыню от христиан, возвращают ее им через милостыню духовную, то есть через напечатание настоящей душеполезнейшей книги, [милостыню] настолько высшую и лучшую, насколько душа лучше и выше тела. Воистину достохвальна их ревность и по справедливости да будет возвещаться во век века! Воистину братолюбное желание! Воистину богоугодное подаяние — и тем паче, что подано не от избытка, но в большинстве случаев от лишения^{XIX}. Поэтому и они по достоинству услышат от Господа то, что услышала вдова, которая от скудости своей бросила в сокровищницу в дары Богу: *Истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости* (Лк. 21, 3—4).

Итак, примите простертыми дланями эту многополезную и многоценную книгу; примите, все Церкви Христовы, это необходимое писание, следующее сразу после Святых Писаний. И ты, о народ, невежда и младенец, сидевший прежде во тьме неведения священных правил, увидь этот великий свет познания и просветись (см. Ис. 9, 2; Мф. 4, 16), ибо, говорит Давид, *разъяснение слов Твоих просвещает и врачумляет младенцев* (Пс. 118, 130). И, содейывая с ее помощью свое спасение, благодарите непрестанно и прославляйте Бога, по благодати Своей ставшего для вас источником такого блага. А воздевая к Нему в молитве руки, помолитесь за потрудившихся и делом, и словом, и передачей книг, и [их] перепиской, и наблюдением за публикацией, и иным образом участвовавших в работе над этой книгой. Прежде же всех, и во всех, и после всех помолитесь за издавших ее в печати преподобнейших отцов и прочих благочестивых [людей], чтобы они, пройдя через бурное волнение жизни в тишине, любви, согласии и множестве других добродетелей, тихо достигли гавани Горнего Царствия и улучили возделенное спасение. Будьте здоровы!^{XX}

³² Приведенные слова принадлежат не Григорию Богослову, а Клименту Александрийскому: *Clem. Alex. Paedag.* 2, 1, 7, 1 / Hrsg. v. O. Stählin. Lpz., 1905 (3B., 1976). GCS 12. S. 157; PG 8, 388B. CPGS 1376. — *Пер., Науч. ред.*

Примечания

1. Отсюда видно, сколь хладно, сколь вздорно, сколь неразумно утверждение некоторых³³ о том, что не нужно переводить божественные правила на простой язык. Что говоришь ты, человек, утверждающий это, кто бы ты ни был? Справедливо ли, [что] божественные и священные правила переведены на арабский, сирийский, эфиопский и истолкованы на латинском, итальянском, славянском, английском³⁴ и почти каждый народ из числа тех, что называют себя христианами, имеет эти священные правила в переводе на свой язык, и только народ

³³ Не называя имен, прп. Никодим указывает на митрополитов Ларисского Мелетия и Герасима (ставшего впоследствии патриархом Константинопольским, 1794—1797 гг.), которые отвергали саму идею перевода канонов на простой язык, находясь, таким образом, в оппозиции прп. Никодиму и препятствуя изданию рукописи Пидалиона. — *Пер.* О противодействии публикации Пидалиона со стороны указанных церковных деятелей говорится, в частности, в грамоте патр. Константинопольского Неофита VII, изданной в августе 1802 г. Эта грамота помещается в начале, перед предисловием авторов, во всех изданиях Пидалиона, начиная с 1841 г. Русский перевод грамоты см.: *Никольский 1888*. С. 65—66, 67—68. — *Науч. ред.*

³⁴ К кон. XVIII в. имелись — главным образом, в рукописном виде — более или менее полные переводы канонов на восточные языки: арабский (СРГ 8500/6); армянский (СРГ 8500/4); грузинский (СРГ 8500/5); коптский (фрагментарный, см.: СРГ 8501, 8522); сирийский (СРГ 8500/3); эфиопский (СРГ 8500/7). Кроме того, существовали латинские переводы — как древние (СРГ 8500/2), так и сделанные учеными Нового времени при публикации канонов (в частности, Г. Беверегием в «Пандектах») — и славянские (в составе Кормчей книги всех редакций; СРГ 8500/8). (О переводах Апостольских правил см. дополнительно СРГС 1740; о переводах святоотеческих канонов — СРГ 1569, 1639, 1765, 5378, 5379, 5977; СРГС 2102, 2106, 2107, 2520, 2678, 2900, 3034, 3148, 3230.) Из новых европейских языков каноны были частично переведены на немецкий (*Fuchs G. D. Bibliothek der Kirchenversammlungen des IV. und V. Jh. in Übersetzungen und Auszügen... Th. 1—4. Lpz., 1780—1784*). Толкования Аристина, Зонары и Вальсамона были переведены на славянский язык (Аристин и частично Зонара — в Кормчей книге сербской и русской редакций; все три комментатора — в Кормчей Евфимия Чудовского) и на латынь (в «Пандектах» Г. Беверегия впервые были одновременно помещены переводы комментариев всех этих канонистов). На латыни писали свои комментарии и исследования о канонах западные ученые XVI—XVIII в., в т. ч. англичанин Г. Беверегий и итальянцы братья П. и Дж. Баллерини. Возможно, что труды именно этих ученых подразумевают авторы Пидалиона, говоря, что «правила... истолкованы на... итальянском... английском».

православных восточных греков, на земле которых и Соборы созывались, и отцы, составившие правила, процвели, и возросли толкователи их, — справедливо ли, чтобы только этот народ терпел лишение и не имел божественных правил в переводе на собственный язык? И если раньше наш народ понимал эти правила на древнегреческом языке, поскольку знал древнегреческий, то почему тот же самый народ не должен и сейчас читать правила на простом языке, когда, за редким исключением, люди знают только простой язык? Замолчи же, о человек!

II. Расцвет деятельности Иоанна Зонары³⁵ приходится на время Алексея Комнина, около 1118 г. по Рождестве Христовом³⁶. Вначале он был великим друнгарием виглы и протасикритом³⁷, потом стал монахом, как говорят, в монастыре св. Гликерии и, будучи побужден некоторыми, как сам он рассказывает об этом в предисловии к правилам, он наимудрейшим и наилучшим образом, по сравнению со всеми бывшими после него толкователями, изъяснил божественные и священные правила святых и всехвалных апостолов, семи Вселенских Соборов и всех наших святых отцов, как свидетельствует о нем некий анонимный автор у Льва Алляция³⁸. Слог его ясен и вместе с тем изящен. Позд-

³⁵ См. о нем: *Бондач 2010*; *Бондач А. Г.* К вопросу о биографии византийского правоведа-интеллектуала Иоанна Зонары // *Вестник ТюмГУ.* 2009. № 7. С. 54–65.

³⁶ В действительности все сочинения Зонары написаны после 1118 г. (причем комментарии к канонам следует датировать сер. XII в.). В 1118 г. умер имп. Алексей Комнин, и, видимо, вскоре после этого Зонара постригся в монахи и начал заниматься литературной деятельностью.

³⁷ Великий друнгарий виглы первоначально был командующим дворцовой гвардией; с нач. XI в. так стала называться должность председателя императорского суда (см.: *Guilland R.* Recherches sur les institutions Byzantines. Т. 1. В., Amsterdam, 1967 (Berliner Byzantinistische Arbeiten 35). P. 563–587; *Γκουτζιουκώστας Α. Έ.* Ἡ ἀπονομή δικαιοσύνης στὸ Βυζάντιο (9^{ος}–12^{ος} αἰῶνες)... Θ., 2004 (*Βυζαντινά κείμενα καὶ μελέται* 37). Σ. 130–138, 184–185 et passim). Протасикрит (буквально — «первый секретарь») являлся главой императорской канцелярии (см.: *Γκουτζιουκώστας Α. Έ.* Ἡ ἐξέλιξη τοῦ θεσμοῦ τῶν ἀσηκρήτις καὶ τοῦ πρωτοσηκρήτις στὸ πλαίσιο τῆς αὐτοκρατορικῆς γραμματείας // *Βυζαντινά* 23. 2002/2003. Σ. 47–93).

³⁸ См.: *Allatius 1648.* Col. 643–644. Приведа свидетельство анонимного автора, который высоко оценивает толкования Зонары, в частности из-за их антикатолической направленности («τελευταῖος ἢ πάντων καὶ ὁ θαυμαστός Ζωναράς μοναχὸς Ἰωάννης, τοὺς θεῖους καὶ ἱεροὺς κανόνας... σαφέστατα καὶ εὐσεβέστατα ἐξηγησάμενος, καὶ οὐδαμοῦ τὸν πάπαν ὡς ὀρθόδοξον ὠνόμασεν»), Л. Алляций,

нее за его толкованиями во многом точь-в-точь последовал Вальсамон, вплоть до того, что он не только передает в собственных толкованиях их смысл, но и употребляет по большей части те же самые слова и обороты, что и Зонара³⁹. Во многих местах Вальсамон именует Зонару удивительнейшим, особенно же в толковании послания Афанасия Великого к Аммуну⁴⁰. Подобным образом и Властарь именует его превосходным⁴¹, а Аноним у Алляция называет Зонару дивным⁴². Однако толкования его сохранились не все: в «Пандектах» отсутствуют какие-либо толкования Зонары на правила Григория Нисского⁴³, Тимофея, Феофила, Кирилла⁴⁴. Наряду с толкованиями правил Зонара написал общую историю от создания мира до царствования Алексея Комнина, а также составил пространное толкование на воскресные каноны Дамаскина, находящиеся в Октоихе⁴⁵.

напротив, крайне недоброжелательно отзываясь о Зонаре, именуя его приверженцем схизмы, озлобившимся на папу и Римскую Церковь («schismati addictissimus, Papae infensissimus, Romanae Ecclesiae hoste acerrimus»).

³⁹ Перечни толкований Вальсамона с различными вариантами заимствований из Зонары (сплошно цитирование, повторение библейских цитат, ссылок на каноны и т. д.) см.: *Красножен 1911*. С. 182–184.

⁴⁰ В действительности Вальсамон называет Зонару «превосходнейшим» (ὀπερφεύεστατος). См.: *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 4. Σ. 76; PG 138, 552В.

⁴¹ *Matthaeus Blastares*. Syntagma Alphabeticum E, 11 // *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 6. Σ. 256; PG 144, 1280В. TLG 3237/1. — *Пер., Науч. ред.*

⁴² *Allatius 1648*. Col. 643.

⁴³ Данные каноны были истолкованы Зонарой, однако в рукописях, которыми располагал Г. Беверегий при издании «Пандект», эти толкования отсутствовали. Впервые они были опубликованы в «Афинской синтагме» на основании Трапезундской рукописи 1311 г. (*Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 4. Σ. 298–329). См. об этом: *Μενεβίσογλου Π. Προλεγόμενα* // PG 137. Αθ., 1994. Σ. 19–21.

⁴⁴ Согласно Ф. А. Бинеру, ссылающемуся на некоторые рукописи Венской библиотеки, Зонаре принадлежат опубликованные под именем Вальсамона комментарии к канонам Тимофея, Феофила и Кирилла Александрийских (*Biener F. [A.] Das kanonische Recht der griechischen Kirche // Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes* 28. 1856. S. 181). Это мнение было поддержано А. С. Павловым, указавшим на три аналогичные рукописи московской Синодальной библиотеки с толкованиями Зонары (*Павлов 1876*. С. 736. Примеч. 14).

⁴⁵ Полный перечень сочинений Зонары, а также сведения об их рукописной традиции см.: *Бондач 2010*.

III. Феодор Вальсамон⁴⁶ жил в царствование Мануила Комнина и в патриаршество Михаила Анхиала, который был еще и ипатом философ⁴⁷, в конце XII в., по времени позднее Зонары и Аристина⁴⁸. Он был диаконом Великой церкви, номофилаксом, хартофилаксом и протом Влахерн.

В 1203 г., в царствование Исаака Ангела и в патриаршество Георгия Ксифилина, он написал канонические ответы Марку Александрийскому⁴⁹.

После того как Константинополь был захвачен венецианцами, в 1204 г. он был хиротонисан в патриарха Антиохийского⁵⁰ и составил эпиграммы⁵¹ на упомянутого Георгия Ксифилина⁵².

⁴⁶ См. о нем: *Нарбеков В. [А.]* Толкование Вальсамона на Номоканон Фотия. Каз., 1889. С. 65–143; *Stevens G. P.* De Theodoro Balsamone: Analysis operum ac mentis juridicae. R., 1969 (Corona Lateranensis 16); *Angold M.* Church and society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. Cambridge, 1995. P. 101–122.

⁴⁷ Ипатом (буквально — «главой») философ назывался руководитель философской школы в Константинополе. См. об этой должности: ODB 2. 1991. P. 964.

⁴⁸ Вальсамон родился ок. 1140 г. и умер после 1195 г.

⁴⁹ Изданы 66 ответов Вальсамона Марку III, патр. Александрийскому: *Ῥάλληξ, Ποτλήξ*. Т. 4. Σ. 447–496 (добавлены три ответа по сравнению с изданием: *Leunclavius 1596*. Т. 1. P. 362–394). В предисловии к ответам указано, что они составлены в феврале 1203 г., однако на самом деле это произошло в 1195 г. (*Le Quien M.* Ogiens christianus... Т. 2. Parisii, 1740. Col. 488). М. Гедеон опубликовал другую редакцию текста, насчитывающую 57 ответов; в действительности она является самостоятельным произведением и принадлежит Иоанну Кастамониту, митрополиту Халкидонскому (*Grumel V.* Les réponses canoniques à Marc d'Alexandrie: Leur caractère officiel, leur double rédaction // EO 38. 1939. P. 321–333; *Grumel*. № 1184).

⁵⁰ На самом деле хиротония состоялась до февраля 1189 г., когда произошло перемещение патр. Досифея I Иерусалимского на Константинопольскую кафедру. Никита Хониат, рассказывающий о данном событии, сообщает, что Вальсамон к этому времени уже был патриархом Антиохийским (см. подробнее: *Grumel V.* Le Peri μεταθέσεων et le patriarche Constantinople Dosithée // REB 1. 1943. P. 239–249).

⁵¹ Об эпиграмме как жанре византийской литературы см.: ODB 1. 1991. P. 711 (там же указана основная библиография).

⁵² См.: *Horna K.* Die Epigramme des Theodoros Balsamon // Wiener Studien 25. 1903. S. 165–217. В этой статье опубликовано 45 эпиграмм Вальсамона. Однако имя Георгия II Ксифилина, патр. Константинопольского (1191–1198), упоминается в них лишь однажды — в названии эпиграммы 39-й, посвященной окончанию работы Вальсамона по комментированию Номоканона XIV титулов и адресованной тогдашнему

Итак, он, еще будучи диаконом (как он сам говорит об этом в предисловии к Номоканону⁵³), по повелению императора Мануила Комнина и убеждению патриарха Михаила написал схолии на кратко изложенные Фотием 14 титулов императорских законов, иначе говоря — на Номоканон святейшего Фотия⁵⁴, а на все божественные правила, апостольские, соборные и отеческие, сделал обширнейшие и многострочные толкования, сохранившиеся донныне. Его толкования обыкновенно состоят из двух частей. В первой повторяются толкования Зонары, не только по смыслу, но и дословно. Вторая часть его толкований — это гражданские законы, патриаршие определения и императорские новеллы⁵⁵.

О толкованиях этого мужа, удачны они или нет, мы сами не говорим, ради уважения к нему, хотя часто его поправляем в тех случаях, когда он уклоняется от истины и противоречит сам себе. Но пусть вместо нас свидетельствует муж мудрый Иоанн Китрский⁵⁶, который так пишет (Греко-римское право. С. 333)⁵⁷ к Константину Кавасиле Диррахийскому о Вальсамоне: «Этот священный муж, патриарх Антиохийский, старался проникать в точный смысл определений законов и правил. Однако его сочинения по вопросам каноническим и гражданским не

патриарху Георгию Ксифилу (стихотворный рус. пер. этой эпиграммы см.: *Нарбеков 1899*. С. 5–6).

⁵³ *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 1. Σ. 31; PG 104, 976A (рус. пер.: *Нарбеков 1899*. С. 41).

⁵⁴ Об этом памятнике см. примеч. 11.

⁵⁵ В комментариях Вальсамон часто приводит выдержки из светских и церковных источников права X—XII вв. и рассматривает вопрос о соотношении их с канонами. Толкования Вальсамона на каноны цитируются в Пидалионе, в основном, по «Пандектам» Г. Беверегия, но в некоторых случаях — по изданию Г. Гервета: *Hervetus 1620* (см.: *Μενεβίσογλου 2003*. Σ. 734).

⁵⁶ О нем и его юридических сочинениях см. примеч. 89, 90.

⁵⁷ Здесь и далее имеется в виду издание памятников византийского права, подготовленное немецким историком и юристом И. Леунклавием (Лёвенклау) и опубликованное после его смерти М. Фрехером: *Leunclavius 1596* (об использовании его в Пидалионе см.: *Μενεβίσογλου 2003*. Σ. 732–733). Следует отметить, что многие тексты, помещенные в этом издании, представляют собой не первую публикацию, а перепечатку с издания Э. Бонефидия: *Juris orientalis libri III / Ed. E. Bonefidius. Parisiis [Genève!], 1573*. В свою очередь, ряд документов из издания И. Леунклавия воспроизведен в 4-м и 5-м т. «Афинской синтагмы», а также в «Патрологии» Ж. П. Миня (PG 119, 725C–1300D).

всегда оказываются точными. По-видимому, от забывчивости и недосмотра в них допускаются странности, а где-то можно встретить и противоречия. Еще при его жизни я слышал в Константинополе многих знатоков закона, которые опровергали некоторые из высказанных тем мужем суждений, как несправедливо изложенные им и в толкованиях правил и законов, и в прочих сочинениях подобного рода»⁵⁸.

Кратко сказать, Вальсамон в сравнении с Зонарой — как несовершеннолетний отрок в сравнении со зрелым мужем. Впрочем, и патриарх Филофей в слове против анафематизмов Арменопула (Греко-римское право. С. 288)⁵⁹, и св. Марк Эфесский в «Томосе любви»⁶⁰ (с. 583), и Геннадий Схolariй в том же «Томосе» (с. 264) называют его мудрейшим в законах и правилах.

IV. Алексей Аристин⁶¹ также жил во времена императора Мануила Комнина — позднее Зонары, но немного раньше Вальсамона, около 1166 г. по Рождестве Христовом⁶². Став диаконом и номофилаксом Великой церкви, он составил краткое изложение (ἐπιτομή) всех свя-

⁵⁸ *Ioannes, ep. Citri. Responsum 15 // Πάλλης, Ποτλής*. Т. 5. Σ. 418; PG 119, 981BC.

⁵⁹ *Philotheus, patr. Constantinopolitanus. Refutatio scriptarum apud Armenopulum execrationum // Πάλλης, Ποτλής*. Т. 5. Σ. 128; PG 119, 896C. Документ датируется осенью 1353–1354 гг. (*Grumel*. № 2351). О сочинении Константина Арменопула, которое критикует патр. Филофей, см.: *Πιτσάκης 1971*. Σ. 27. Σημ. 48 (№ 5).

⁶⁰ Сборник документов и трактатов антикатолической направленности, изданный Досифеем II Нотарой, патр. Иерусалимским (1669–1707). Здесь и в следующей ссылке авторы Пидалиона указывают страницы этого сборника по 1-му изд.: *Τόμος ἀγάπης κατὰ λατίνων / Συλλεγείς καὶ τυποθεῖς παρὰ πατρ. Τερροσολύμων Δοσίθεον*. [Γιάσσιω,] 1698.

⁶¹ См. о нем: *Красножен 1911*. С. 96–128; *Beck 1959*. S. 657. Комментарий Аристина к канонам был написан по распоряжению имп. Иоанна II Комнина (вероятно, ок. 1130 г.).

⁶² На Константинопольском синоде 1166 г. присутствовал «великий эконо́м (одна из должностей, которые занимал Аристин. — *Науч. ред.*) Алексий» (см. акты синода: *Σάχκος Σ. Ν.* «Ο Πατήρ μου μείζων μου ἔστιν». Т. 2. Θ., 1968. Σ. 149, 155; cf. *Grumel*. № 1059). Хотя Аристин был младшим современником Зонары, толкования на каноны он написал первым (*Павлов 1876*. С. 731, 732. Примеч. 2; *Павлов А. С.* К вопросу о хронологическом соотношении между Аристином и Зонарой // *ЖМНП* 303. 1896. № 1. С. 172–199).

ценных правил⁶³, которое еще называется Номоканоном⁶⁴.

V. Анонимный толкователь. О том, что им был не Аристин и что Аноним жил позднее, свидетельствует сказанное им самим в толковании на 75-е апостольское правило о кратком изложении Аристина: «Составивший сокращение настоящего правила нехорошо его понял»⁶⁵, и в толковании на 19-е правило Анкирского собора: «Сделавший сокращение настоящего правила опустил находящееся в пространном тексте отлучение, налагаемое на того, кто нарушил обет девства, и равное отлучению второбрачных»⁶⁶. Поэтому я и удивляюсь, как Досифей⁶⁷ и другие предположили, что анонимный толкователь — это сам Аристин. Некоторые же говорят, что это был Симеон Магистр и Логофет. Итак, и анонимный толкователь составил толкования на священные правила вплоть до 84-го правила Василия Великого, в большинстве случаев более краткие, чем толкования Зонары и Валсамона, а где-то и более обширные, но всегда более обширные, чем у Аристина⁶⁸.

⁶³ В действительности Аристин написал комментарии к этому «краткому изложению». См. примеч. 68.

⁶⁴ В рукописях толкования Аристина иногда носят название Номоканона. Напр., в ГИМ греч. 319 (XII в.) толкования озаглавлены (л. 13): «*Νομοκάνονον σὺν Θεῶ, περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνους... ἐρμηνευθῆν... παρὰ τοῦ... κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Ἀριστηροῦ*» (Систематическое описание рукописей Московской Синадальной (Патриаршей) библиотеки / Сост. архим. Владимир [Филантропов]. Ч. 1. М., 1894. С. 454).

⁶⁵ *Ῥάλλης, Ποτλῆς*. Т. 2. Σ. 97; PG 137, 129A (рус. пер.: Правила св. Апостол с толкованиями. М., 1876 [р2000]. С. 151).

⁶⁶ *Ῥάλλης, Ποτλῆς*. Т. 3. Σ. 61; PG 137, 1184A (рус. пер.: Правила св. Поместных соборов с толкованиями. М., 1880 [р2000]. С. 57).

⁶⁷ Здесь, видимо, имеется в виду неизданный правовой сборник Досифея Нотары «*Νομικὴ συναγωγὴ*» (см. о нем: *Бернацкий М. М.* Досифей II Нотара // ПЭ 16. 2007. С. 79).

⁶⁸ Все данное примечание авторов Пидалиона основано на ошибочно понятом ими предисловии Г. Беверегия к «Пандектам» (см.: *Никольский 1888*. С. 56–57; *Μενεβίσσογλου 1984*. Σ. 161. Σημ. 49; *Μενεβίσσογλου 1991*. Σ. 358. Σημ. 75). Сокращенное изложение правил (канонический Синописис или Эпитома канонов) не принадлежит Аристину и было составлено гораздо раньше него — в кон. VI в. (см.: *Zachariae von Lingenthal K. E.* Die Synopsis canonum: Ein Beitrag zur Geschichte der Quellen des kanonischen Rechts der griechischen Kirche // Monatsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften. В., 1887. S. 1147–1163 [= *Idem*. Kleine Schriften. Bd. 2.

VI. Кроме того, кое-где мы сделали выборку и из Номоканона⁶⁹ мудреца среди иеромонахов Матфея Властаря⁷⁰, расцвет деятельности которого приходится приблизительно на 1335 г.⁷¹, — в своих толкованиях он следовал Зонаре, а особенно Вальсамону⁷²; из Иосифа Египетского, который сделал парафраз и толкование правил на арабском языке (он был рукоположен во пресвитера и особенно плодотворно трудился около 1398 г.)⁷³; из Номоканонов Иоанна Антиохийского и Иоанна Схоластика⁷⁴. Иоанн Схоластик⁷⁵ вначале был пресвитером в Антиохии, а потом, по словам Зонары (Досифей. Двенадцатикнижие. С. 514)⁷⁶,

Lpz., 1973. S. 247–263]; *Τρωϊάνος* 1999. Σ. 135–137). Комментарии же к Синописису (в более поздней его редакции), наоборот, были написаны Аристином, включая и те, которые в Пидалионе атрибутированы несуществующему «анонимному толкователю».

⁶⁹ Т. е. из Алфавитной синтагмы. См. примеч. 10.

⁷⁰ См. о нем: *Ильинский* 1892. С. 18–24; *Beck* 1959. S. 786–787; РLР. № 2808; ИАБ 6, 1526–1536.

⁷¹ В 1335 г. Властарь составил Алфавитную синтагму (о датировке этого сборника см.: *Ильинский* 1892. С. 24–28; *Medvedev I. P.* La date du Syntagma de Mathieu Blastarès // *Byzantion* 50. 1980. P. 338–339).

⁷² Подробнее об источниках Алфавитной синтагмы см.: *Ильинский* 1892. С. 83–160; *Τρωϊάνος* Σπ. Ν. *Περὶ τὰς νομικὰς πηγὰς τοῦ Ματθαίου Βλάσταρη // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν* 43. 1979–1980. Σ. 305–329.

⁷³ Об Иосифе Египетском, или Каирском (Юсуфе аль-Мишри), жившем в кон. XIV в., см.: *Beveregius* 1672. Т. 1. P. 19–21; *Nasrallah J.* Histoire du mouvement littéraire dans l'Église melchite du Ve au XXe s. Vol. 3. Т. 2. Louvain, Paris, 1981. P. 174–193. Иосиф составил, в частности, большой юридический сборник *Китаб аль-Магаме*. Г. Беверегий издал выдержки из него (исторические заметки о первых четырех Вселенских Соборах и арабские переводы канонов этих Соборов), снабдив их латинским переводом (*Beveregius* 1672. Т. 1. P. 683–727). Переводом Г. Беверегия и воспользовались авторы Пидалиона.

⁷⁴ На самом деле Иоанн Антиохийский и Иоанн Схоластик — одно и то же лицо. См. примеч. 79.

⁷⁵ См. о нем: *Беншевич* 1914. С. 270–283. Издание Номоканона 50 титулов, который имеют в виду авторы Пидалиона, см.: *Voellus, Justellus* 1661. Vol. 2. P. 603–660 (разночтения к этому изданию опубликованы: *Pitra* 1868. P. 416–420). Об атрибуции этого сборника см. примеч. 12.

⁷⁶ Здесь и далее под «Двенадцатикнижием» Досифея имеется в виду труд Досифея Нотары «История Иерусалимских патриархов» (в 12-ти кн.). — *Пер.* Авторы Пидалиона цитируют «Историю» по 1-му изд.: *Δοσίθεος, πατρ. Ἱεροσολύμων.* Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων... / Ἐκδ. ὑπὸ πατρ. Ἱεροσολύμων Χρυσάνθου. Βουκουρεστίω, 1715 (1723!). — *Науч. ред.*

стал апокрисиарием Анастасия Антиохийского⁷⁷ в Константинополе, Юстиниан поставил его патриархом Константинополя после изгнания патриарха Евтихия. Память его, как святого, празднуется по Минее 21 февраля⁷⁸. По словам Досифея, его различают с Иоанном Антиохийским, а по мнению других, это одно и то же лицо⁷⁹. Ведь Иоанна Схоластика также называли и «Антиохийцем», поскольку он был, как мы сказали, пресвитером в Антиохии.

Если же и мы привносим какую-то свою долю в это толкование, поскольку мы сделали не один только перевод слов, как могли бы счесть некоторые, но восполнили недостающее у толкователей, прояснили неясное, исправили противоречивое и удалили излишнее, то любители словесности узнают об этом из сопоставления (ἀπό τὴν παράλληλον θέσιν) греческого текста толкования с изложением его на простом языке⁸⁰.

VII. В «Синодиконе»⁸¹ только 17 его правил, в других источни-

⁷⁷ В действительности Иоанн Схоластик был рукоположен во пресвитера и отправлен в качестве апокрисиария в Константинополь не свт. Анастасием I Антиохийским (патриарх в 559–599 гг.), а его предшественником на патриаршей кафедре — свт. Домном III Антиохийским (патриарх в 545–559 гг.). См.: *Бенешевич 1914. С. 273–274.*

⁷⁸ В византийских минеях и минологиях память Иоанна Схоластика указывается также под 20 февраля, 25 и 30 августа (см.: *Сергий (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901 (М., 1997). Т. 2. С. 50–51, 258, 263–264; Бенешевич 1914. С. 282. Примеч. 2).*

⁷⁹ Разделение Иоанна Схоластика на двух лиц является недоразумением, основанным, вероятно, на разнице в заголовках Синагоги и Номоканона в 50 титулах в издании 1661 г. (*Voellus, Justellus 1661. Vol. 2. P. 499, 603*): «Ἰωάννου πρεσβυτέρου Αντιοχείας τοῦ ἀπὸ σχολαστικῶν οὗτος συντάττει τοὺς ὅλους κανόνας εἰς ὅ τιτλους» и «Ἰωάννου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ σχολαστικοῦ νομοκάνων» (курсив наш) (см. также: *Μενεβίσογλου 2003. Σ. 735*).

⁸⁰ О самостоятельных толкованиях авторов Пидалиона см.: *Никольский 1888. С. 133–166.* Среди них наиболее значимо толкование на канон, изданный собором под председательством сщмч. Киприана Карфагенского (но не получивший, как сказано в Трул. 2, общецерковного признания). Авторы Пидалиона всячески поддерживают содержащееся в данном каноне решение о перекрещивании всех еретиков и раскольников в случае их присоединения к Православной Церкви.

⁸¹ Здесь и далее под «Синодикомом» подразумевается двухтомное издание канонов, подготовленное местоблестителем Филадельфии Спиридоном (Милей) и вышедшее в 1761–1762 гг. в Париже (возможно, что фактически книга печаталась в Венеции). В недавнее время это издание было воспроизведено фототипически: *Πρακτικὰ τῶν Ἀγίων*

ках — 37⁸². Жил этот святой около 814 г.⁸³ Но его правила мы записали в конце и отдельно, в переводе на простой язык⁸⁴.

VIII. Его⁸⁵ правил в том же «Синодиконе» находится только 8, а в более точных [источниках] — 11⁸⁶. Он составил их при Алексее Комнине около 1084 г.⁸⁷ Вальсамон дал им толкование⁸⁸. Их мы также записали особо.

καὶ Οἰκουμηνικῶν Συνόδων. Т. 1–3. Ἅγιον Ὅρος, 1981–1986. — Пер. Первоначально «Синодикон» имел следующий заголовок: Τῶν ἁγίων συνόδων οἰκουμηνικῶν τε, καὶ τοπικῶν, νέα καὶ διαφιλεστάτη συνάθροισις, ἐν ᾗ περιλαμβάνονται καὶ οἱ κανόνες τῶν θείων Ἀποστόλων... ἔτι δὲ καὶ αἱ κανονικαὶ ἐπιστολαὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων... / Ἐκδ. ὑπὸ Σπυριδωνος Μήλια, τοποτηρητοῦ Φιλαδελφείας. Т. 1–2. Παρισίους, 1761–1762 (*Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 5. Σ. ζ). По предположению И. Никольского, основанному на анализе разночтений в Пидалионе и сопоставлении этого сборника с «Афинской синтагмой», именно издание иером. Спиридона (Милии) — а не «Пандекты» Г. Беверегия — послужило источником для текста правил в Пидалионе (см.: *Никольский 1888*. С. 91–97). — *Науч. ред.*

⁸² В БУ ТСО в качестве приложения к росписи творений свт. Никифора Исповедника помещена таблица его канонических сочинений: БВ 5–6. 2006. С. 605–609. В примечаниях к ней объясняется происхождение как этих двух, так и остальных собраний канонов Никифора. См. также таблицы сравнительной нумерации канонов Никифора в разных собраниях: Там же. С. 610–618.

⁸³ О Никифоре I Исповеднике, патр. Константинопольском (806–815), см.: *Beck 1959*. S. 489–491; *O'Connell P. The ecclesiology of St. Nicephorus I (758–828), Patriarch of Constantinople. R., 1972* (OCA 194); ; *PmbZ*. № 5301.

⁸⁴ После 37 канонов, заимствованных авторами Пидалиона, видимо, из рукописного приложения к Синтагме Властара, опубликовано еще 7 канонов с особой нумерацией, взятых из издания И. Леунклавия (*Leunclavius 1596*. Т. 1. P. 195–197). Эти же 7 канонов изданы в «Афинской синтагме» (*Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 4. Σ. 431).

⁸⁵ О Николае III Грамматике, патр. Константинопольском (1084–1111), см.: *Beck 1959*. S. 660–661; *ODB 2*. 1991. P. 1467; *BVKL 6*. 1993. Sp. 847–849.

⁸⁶ Николай Грамматик является автором нескольких юридических сочинений. В данном случае речь идет о его канонических ответах афонским монахам. Сокращенная редакция, опубликованная в Пидалионе, насчитывает 11 вопросовответов, первоначальная (пространная) — 27 (сведения об изданиях и текстологии см.: *Grumel*. № 977 [982], там же франц. резюме вопросовответов; хотя переиздание этого выпуска регест В. Грюмеля вышло в 1989 г., в нем не упомянута появившаяся незадолго до того публикация вопросовответов со слав. переводом: *Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2 / Изд. подгот. и доп. Ю. К. Бегунов, И. С. Чичуров, Я. Н. Ципанов*. София, 1987. С. 101–111). Текст вопросовответов был взят авторами Пидалиона из издания Г. Гервета: *Hervetus 1620*. P. 227–232.

⁸⁷ На самом деле — ок. 1105–1107 гг. (см.: *Grumel*. № 977 [982]).

⁸⁸ Толкования Вальсамона на правила патр. Николая Константинопольского в

IX. В рукописных кодексах сохранилось 31 его⁸⁹ правило в виде ответов к еп. Диррахийскому Кавасиле⁹⁰. Жил он немного позже Вальсамона или почти в то же время.

X. Десять его⁹¹ правил сохраняются в рукописных кодексах в виде посланий к еп. Константину⁹².

Пидалионе не изданы, хотя были использованы при составлении примечаний к этим правилам. Данные толкования опубликованы Г. Беверегием (*Beveregius 1672*. Т. 2. Pars 1. P. [I–V, последние непромуерованные страницы ч. 1]) и в «Афинской синтагме» (*Ράλλης, Ποτλής*. Т. 4. Σ. 417–426).

⁸⁹ Об Иоанне, еп. Китрском, см.: *Beck 1959*. S. 710. Он родился не позднее кон. XII в., так как упоминает в 24-м ответе (по нумерации Ж. Даррузеса, см. следующее примеч.), что, живя в Константинополе, знал Феодора Вальсамона. Ж. Даррузес предполагает, что Иоанн Китрский может быть тождественен Иоанну Хоматину, чиновнику патриаршей канцелярии и, очевидно, родственнику Димитрия Хоматина (*Darrouzès 1973*. P. 331).

⁹⁰ Канонические ответы архиеп. Диррахийскому Константину Кавасиле цитируются в Пидалионе по рукописному приложению к Синтагме Властаря, где их насчитывается до 33. Это собрание сильно отличается от 16 ответов, изданных И. Леунклавием (*Leunclavius 1596*. Т. 1. P. 323–335). По мнению А. С. Павлова, почти все ответы Иоанна Китрского (как опубликованные, так и находящиеся в рукописях Синтагмы Властаря) должны быть переатрибутированы Димитрию Хоматину, архиеп. Охридскому. Кроме того, Властарь поместил под именем Иоанна несколько канонических ответов Вальсамона Марку, патр. Александрийскому (см.: *Павлов А. С.* Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, еп. Китрский (XIII в.)? // ВВ 1. 1894. С. 493–502). Однако Ж. Даррузес обнаружил в более ранних юридических рукописях (XIII в.) четко разграниченные тексты ответов Иоанна Китрского и Димитрия Хоматина. Всего Димитрию Хоматину принадлежат восемь ответов Константину Кавасиле, тогда как Иоанну — 25. На основе этих сведений Ж. Даррузес показал действительное авторство каждого из ответов Кавасиле в рукописях Синтагмы Властаря. Только один из ответов принадлежит Димитрию Хоматину, еще девять представляют собой ответы Вальсамона Марку; автором остальных ответов является Иоанн Китрский (см.: *Darrouzès 1973*).

⁹¹ О Никите, митр. Ираклийском, см.: *Beck 1959*. S. 651–653; ODB 3. 1991. P. 1481; ВВКЛ 6. 1993. Sp. 832–833. Он родился ок. 1150 г., а умер после 1117 г. Фактически в Пидалионе использованы и юридические сочинения другого Никиты — хартофилакса и архиеп. Солунского (*Никольский 1888*. С. 57–58). Этот Никита жил в 1-й пол. XII в. См. о нем: *Beck 1959*. S. 580, 621–622; ODB 3. 1991. P. 1482; ВВКЛ 6. 1993. Sp. 823–824.

⁹² Цитаты из ответов Никиты Ираклийского Константину, еп. Памфильскому, приводятся в Пидалионе не по рукописям, а по изданию И. Леунклавия, в котором помещено только шесть ответов (*Leunclavius 1596*. Т. 1. P. 310–311). В полном объеме эти ответы были изданы А. С. Павловым, в количестве 13, со славянским переводом

XI. Сохранились 24 его⁹³ ответа во 2-м т. «Синодикона» (с. 1001)⁹⁴, которые он написал на такое же число заданных ему вопросов. Жил он около 1100 г.

XII. Дигесты — название латинское. Оно означает просто «постановление» или во множественном — «постановления»⁹⁵. А здесь имеются в виду законы Юстиниана, которые он собрал у разных народов, составив из наиболее замечательных 50 книг и назвав их Дигестами, потому что они постановляют, что должно и чего не должно делать⁹⁶.

XIII. Кодекс — слово греческое и означает «кожа»⁹⁷. Употребляется же оно собирательно вместо «кожаной книги», как здесь, ибо здесь

по Кормчей книге: Павлов А. С. Канонические ответы Никиты, митр. Ираклийского (XI–XII вв.), в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря (XIV в.) // ВВ 2. 1895. С. 160–176. Мнения Никиты Солунского также цитируются в Пидалионе по И. Леунклавию, у которого изданы 13 его канонических ответов различным архиереям и решение по делу монаха Василия (*Leunclavius 1596*. Т. 1. Р. 344–351). Позднее А. С. Павловым были опубликованы еще 17 ответов этого автора: Павлов А. С. Канонические ответы Никиты, митр. Солунского (XII в.?) // ВВ 2. 1895. С. 378–387.

⁹³ О диаконе и хартофилаксе Петре см.: *Beck 1959*. S. 659.

⁹⁴ Впервые эти 24 ответа изданы И. Леунклавием (*Leunclavius 1596*. Т. 1. Р. 395–397). Другая, более ранняя редакция сильно отличается от опубликованной (в частности, содержит только 21 ответ). Уже в XII в. она была переведена на грузинский язык. Издание оригинала и грузинского перевода этой редакции см.: *Бенешевич В. Н.* Ответы Петра Хартофилакса (кон. XI в.) // Записки Имп. Академии наук. Сер. VIII (Ист.-филол. отделение). Т. 8. 1909. № 14 (отд. отт.: СПб., 1909).

⁹⁵ Латинское «digesta» означает «систематизированный сборник» (о нюансах значения см.: *Wenger 1953*. S. 495. Апп. 50). В римской юридической литературе дигесты были самостоятельным жанром: так назывались сочинения, где в определенном порядке рассматривались институты римского права (см.: *Полдников Д. Ю.* Дигесты // ПЭ 14. 2006. С. 652). По-гречески слово «digestae» передавалось как «παυδέχται» (буквально «[книги], включающие в себя все»).

⁹⁶ Дигесты Юстиниана представляют собой не сборник «законов... разных народов», а собрание выдержек из произведений римских юристов I–III вв. н. э., составленное в 530–533 гг. Дигесты были изданы 16 декабря 533 г. и вступили в силу 30 декабря того же года. Подробнее о них см.: *Wenger 1953*. S. 576–600; *Τρωϊάνος 1999*. Σ. 81–86. Рус. пер.: Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1–7. М., 2002–2005.

⁹⁷ Греческое κώδιξ (в церковной литературе зафиксировано с IV в.) является транслитерацией латинского «codex». Ни греческое, ни латинское слово не имеют никакого отношения к коже и означают книгу или сборник сочинений.

Кодексами называется юстинианово «Двенадцатикнижие» законов, разделяющееся на три Кодекса⁹⁸.

XIV. Институции — слово латинское и означает «введение». Здесь имеется в виду книга, которая дает предварительное знание законов и которую составил Юстиниан для овладения наукой законоведения⁹⁹.

XV. Новелла — это недавно изданное постановление какого бы то ни было императора; означает гражданский закон.

XVI. Отметь, что императорские законы сокращенно изложили три великих и мудрых мужа: мудрейший Фотий, собравший воедино в 14 титулов Институции, Дигесты, Кодексы и Новеллы Юстиниана¹⁰⁰; мудрый муж Михаил, называемый Атталиатом¹⁰¹, анфипат и судья, по приказанию Михаила Дуки изложивший в 95-ти титулах эти граждан-

⁹⁸ Речь идет о Кодексе Юстиниана, который состоит из 12 книг («Двенадцатикнижие»). Первоначальная редакция этого Кодекса (Codex vetus) была составлена в 528–529 гг.; до нас дошли лишь небольшие ее фрагменты. Издание большого количества законодательных актов начиная с 529 г. и вступление в силу Дигест и Институций сделали необходимым пересмотр Кодекса. Новая его редакция (Codex repetitae praelectionis), которая обычно подразумевается при упоминании Кодекса Юстиниана, была подготовлена в 534 г., опубликована 16 ноября и вступила в силу с 29 декабря этого же года. Кодекс Юстиниана включал в себя императорские конституции 117–534 гг. — от Адриана до самого Юстиниана. Подробнее о Кодексе Юстиниана см.: Wenger 1953. S. 569–576, 638–651; Τρωϊάνος 1999. Σ. 80–81. По поводу трех Кодексов, якобы принадлежащих Юстиниану, см. примеч. 112.

⁹⁹ Институции Юстиниана были составлены в 530–533 гг., обнародованы 21 ноября 533 г. и вступили в силу (одновременно с Дигестами) 30 декабря 533 г. Они одновременно являлись официальным учебником для студентов-юристов и законодательным актом. Подробнее о данном памятнике см.: Wenger 1953. S. 600–611, 682–685, 866–867; Τρωϊάνος 1999. Σ. 86–87; Бондач А. Г. Институции Юстиниана // ПЭ 23. 2010 (С. 103–106). Рус. пер.: Институции Юстиниана / Пер. Д. Расснера. СПб., 1888 (перезд. под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М., 1998).

¹⁰⁰ В главах первой (систематической) части Номоканона XIV титулов содержатся многочисленные извлечения из данных источников (однако эти выдержки были внесены в Номоканон уже при составлении его первоначальной редакции, т. е. задолго до Фотия). Указатель всех мест из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл Юстиниана, которые цитируются (или на которые даются ссылки) в Номоканоне, см.: Нарбеков 1899. Приложение. С. 3–38.

¹⁰¹ См. о нем: DHGE 5. 1931. Col. 144–146; ODB 1. 1991. P. 229; Τρωϊάνος 1999. Σ. 208–210.

ские законы, как они находятся во 2-й кн. «Греко-римского права»¹⁰²; и мудрый Константин Арменупол¹⁰³, судья Фессалоник, сокративший их в 6 книг, которые и называются «Шестикнижием»¹⁰⁴. Из этих трех сокращенное изложение Фотия заслуживает больше одобрения, как более точное.

Кроме того, Лев и сын его Константин издали более краткую Эклогу законов Юстиниана с исправлениями в духе большего человеколюбия¹⁰⁵. Эклога содержит 73 титула и находится во 2-й кн. «Греко-римского права», со с. 79¹⁰⁶.

А поскольку, как уже сказано, мы решили со священными правилами сочетать и гражданские законы императоров, постольку не будет

¹⁰² Авторы Пидалиона пользовались юридическим сочинением Михаила Атталиота (Атталиота) «Ποίητα νομλόν» в издании И. Леунклавия, где оно было ошибочно разделено на 95 титулов (*Leunclavius 1596*. Т. 2. Р. 1–79). В действительности оно состоит из 37 титулов (см. предисловие к новому изданию: *Συῶτας 1861*. Σ. 50).

¹⁰³ См. о нем: *Beck 1995*. S. 788; *Πισάκης 1971*. Σ. 13–30; *PLP*. № 1347; *ODB 2*. 1991. Р. 902.

¹⁰⁴ Прохирон Арменупула, называемый также «Шестикнижием», был составлен ок. 1345 г. См. о нем: *Πισάκης 1971*. Σ. 30–111; *Τρωϊάνος 1999*. Σ. 286–290.

¹⁰⁵ «Эклога» (Ἐκλογή) буквально значит «выборка, извлечение». Однако неверно было бы считать Эклогу простым сокращением законодательных сборников Юстиниана. Эклога, например, внесла существенные изменения в семейное право. Другое важное отличие Эклоги состоит, как сказано в полном заглавии памятника, в «исправлениях в духе большего человеколюбия», а именно в смягчении уголовной ответственности. За многие преступления, которые по Юстинианову праву наказывались смертной казнью, согласно Эклоге должны были назначаться более гуманные, по меркам VIII в., наказания — телесные и членовредительские (отрубание руки, отрезание носа и т. п.). Подробнее об Эклоге и ее правовых новациях см.: Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер. с греч. и коммент. *Е. Э. Лушиц*. М., 1965. С. 5–38, 79–192; *Burgmann 1983*. S. 1–145; *Τρωϊάνος 1999*. Σ. 112–119. — *Пер., Науч. ред.*

¹⁰⁶ *Leunclavius 1596*. Т. 2. Р. 79–134. То, что опубликованный И. Леунклавием текст весьма далек от первоначального вида Эклоги, отметил еще К. Э. Цахариэ фон Лингенталь в предисловии к первому научному изданию Эклоги (*Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum: Ecloga Leonis et Constantini. Epanagoge [corrigendum: Eisagoge!] Basilii, Leonis et Alexandri / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal*. Lipsiae, 1852. Р. 7). Показателен хотя бы тот факт, что подлинная Эклога включает в себя 18 титулов, а не 73. Подробнее об изданном у И. Леунклавия тексте см.: *Burgmann 1983*. S. 140–143.

неуместно, если мы здесь ради любознательных изложим вкратце, откуда взяли начало эти гражданские законы¹⁰⁷.

В древнее время ни у императоров не было устойчивого положения, ни у их законов — какого-либо благочиния. Аппий Клавдий вместе с десятью другими мужами первый собрал все законы, какие были у римлян, неписанные и писанные, рассеянные тут и там и разрозненные. Кроме того, он привез законы Дракона и Солона из Афин и иные законы из других мест Греции. Отобрав из них самые лучшие, он составил 12 книг, назвав их «Двенадцатикнижие»¹⁰⁸.

После Аппия другие мудрецы во главе с Гаём¹⁰⁹ в свою очередь составили другие законоположения. И после них разные императоры написали различные законы и толкования так, как им казалось полезным для государства. Поэтому книги их законов умножились, как говорит блаженной памяти Досифей и другие, и стало их ко времени императора Юстиниана Великого более двух тысяч¹¹⁰. Юстини-

¹⁰⁷ Дальнейшее изложение (до слов «Наконец, Константин Порфирогенит»), содержащее ряд ошибок и неточностей, представляет собой, в основном, пересказ выступления Атталиата к его юридическому сборнику (*Michael Attaliotae. Opus de iure, praef.*, 1–6 // *Συγούτας* 1861. Σ. 53–55; TLG 3079/2). Отметим, что этим выступлением в свое время воспользовался (через посредство Малого синопсиса Василик — *Syn. minor* N, 1–9) и Арменопул при составлении историко-правовых параграфов Прохирона (см.: *Arm. Proch.* 1, 1, 1–8 // *Πιστάκης* 1971. Σ. 13–15). Атталиат же заимствовал свои сведения, вероятно, из Дигест (*Dig.* 1, 2, 2) и из предисловия к Эпитоме законов (*Ecloga legum in epitome, praef.* // *Jus graeco-romanum* / Ed. C. E. Zachariae a *Lingenthal.* Pars 2. Lipsiae, 1856. P. 278–281).

¹⁰⁸ Речь идет о Законах XII таблиц, составленных в 451–449 гг. до н. э. комиссией из 10 человек — децемвиров (*decemviri*); см. об этом правовом памятнике: *Wenger* 1953. S. 357–372 (в т. ч. об использовании децемвирами законов Солона и в целом греческого права — S. 365–368). Рус. пер.: Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. М., 1997. С. 4–15. Об Аппии Клавдии, главе децемвиров, см.: *PWRE* 3. 1899. Sp. 2698–2702.

¹⁰⁹ Римский юрист классического периода Гай, автор знаменитых Институций, которые легли в основу Институций Юстиниана. О Гае и его Институциях см.: *Wenger* 1953. S. 506–510, 523–524. Вопреки сказанному в Пидалионе, Гай не составлял никаких «законоположений», а занимался только изучением и преподаванием права.

¹¹⁰ О двух тысячах книг законов сказано в «Истории Иерусалимских патриархов» Досифея Нотары (см.: *Δοσίθεος, πατρ. Τεροσολύμων. Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Τεροσολύμοις πατριαρχουσάντων...* Визл. 5–6. Θ., 1982. Σ. 40). Вероятно, Досифей

ан все их собрал с помощью мудрых мужей Иоанна Патрикия Трибониана, Феофила и Феодора в 50 книг, которые назвал Дигестами, то есть «постановлениями»¹¹¹. Этот же самый император составил и три Кодекса, называемые «Григорианский», «Гермогенианский» и «Феодосиевский»¹¹², которые объединил с законами, обработанными им с помощью Фалалея, Анатолия и Исидора, и составил 12 книг, назвав их «Двенадцатикнижием Кодексов». Он составил также введение и руководство для предварительного обучения законам, которое назвал Институциями¹¹³. Оно служило как бы первоосновой для начинающих изучать законы. Он собрал в отдельную книгу и новеллы (то есть новые постановления) всех прежде него бывших императоров и свои собственные¹¹⁴, которых было 170¹¹⁵. Юстиниан не только собрал все эти

неправильно понял конституцию об издании Дигест, где говорится о «множестве законов, занимавших две тысячи книг» (Const. Omnem 1). Из конституции об утверждении Дигест видно, что Юстиниан имел в виду две тысячи сочинений римских юристов, а не императорских законов или законодательных сборников (Const. Tanta 1).

¹¹¹ Дигесты состояли из 50 больших тематических разделов, названных «книгами» (об этом памятнике см. также примеч. 96). О Трибониане и Феофиле как составителях Дигест авторам Пидалиона было известно из «Истории Иерусалимских патриархов», где, однако, на третьем месте стоит Дороеф, а не Феодор. Имя Дороефа (как и Трибониана с Феофилом) в «Истории», очевидно, взято из списка членов комиссии по составлению Дигест (Const. Tanta 9). О Феодоре же (наряду с другими профессорами права) говорится в заглавии конституции «Оппет», но без указания на его участие в работе над Дигестами. Почему он упомянут в Пидалионе вместо Дороефа, неясно.

¹¹² Кодекс Юстиниана (см. примеч. 98) перепутан с его источниками — Кодексами Григория, Гермогена и Феодосия, о которых упоминает сам Юстиниан (см.: Const. Наес; Const. Summa rei publicae 1). О трех указанных Кодексах см.: *Wenger 1953. S. 534–541*; *Сильвестрова Е. В. Lex generalis: Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. М., 2007. С. 105–125*.

¹¹³ См. примеч. 99.

¹¹⁴ На самом деле законы предшественников (не «всех», а только начиная с Адриана) и свои собственные законы первых лет царствования (до 534 г. включительно) Юстиниан собрал в Кодекс. Новеллами Юстиниана называются его законы, изданные после Кодекса; сборники новелл стали составляться уже после смерти Юстиниана. Четыре новеллы, однако, были изданы до публикации Кодекса (Nov. J. 138, 151, 152, 155 из сборника 168 новелл). — *Пер., Науч. ред.*

¹¹⁵ Существует несколько сборников (кон. VI в.), содержащих большее или меньшее количество новелл Юстиниана, однако не известен ни один сборник, который состоял бы из 170 новелл. Эпитома новелл Юлиана включает в себя выдержки из 122

законы, но и перевел их с латинского на греческий язык¹¹⁶ и истолковал их¹¹⁷, прибегнув к помощи упомянутых мудрецов, в особенности Трибониана¹¹⁸, который был насколько умен, настолько и сребролюбив¹¹⁹. Поэтому он, принимая деньги от тех, кто имел дело [в суде], или менял законы по их желанию, или оставлял законы темными и двусмыслен-

новелл; сборник *Authenticum* — 134 новеллы; Эпитама новелл Афанасия Эмесского — 152 новеллы (три из них принадлежат Юстину II). Наиболее крупное собрание состоит из 168 новелл. В их числе 155 новелл Юстиниана (три новеллы дублируются, поэтому формально получается 158 Юстиниановых новелл), четыре — Юстина II, три — Тиверия II; еще три новеллы на самом деле являются эдиктами префектов претория. Приложение к данному сборнику содержит 13 эдиктов Юстиниана. Имеется также сокращенное изложение сборника 168 новелл — Бrevиарий Феодора Гермополитанского. На основании всех перечисленных древних собраний было подготовлено сводное издание 174 новелл Юстиниана: *Imp. Iustiniani Novellae quae vocantur... ordine chronologico digestae* / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Partes 1–2. Lipsiae, 1881.

¹¹⁶ Языком византийской юриспруденции к началу правления Юстиниана еще оставалась латынь. Институции и Дигесты Юстиниана написаны по-латыни, но в них встречаются как отдельные греческие слова, так и целые фрагменты (в Дигестах — довольно большие) на греческом языке. В Кодексе Юстиниана латынь преобладает, но уже имеется значительное число грекоязычных конституций. Большинство же новелл Юстиниана написано по-гречески. Что касается утверждения авторов Пидалиона, что Юстиниан будто бы переводил свои законы с латыни на греческий язык, то оно ошибочно. Такие переводы стали появляться уже при жизни императора (напр., Парафраза Институций Феофила), но принадлежали профессорам юридических школ и имели неофициальный характер.

¹¹⁷ В действительности Юстиниан запретил комментировать свои законодательные сборники, полагая, что комментаторы могут лишь создать путаницу и исказить смысл правовых норм. Вместе с тем он оставил за собой право интерпретировать законы по запросу судей (см.: *Const. Tanta 21*). Формально можно рассматривать Новеллы Юстиниана как аутентичное толкование Институций, Дигест и Кодекса, но фактически его новеллы издавались не для комментирования законодательства, а для введения в действие качественно новых норм права.

¹¹⁸ О нем см.: *PWRE 6. 1937. Sp. 2423–2426*; *Prosopography of the Later Roman Empire 3. 1992. P. 1335–1340*.

¹¹⁹ Ошибочные сведения в этом и предыдущем предложениях (что в число Новелл Юстиниана входили законы «прежде него бывших императоров», что Юстиниан издал 170 новелл, что он занимался переводом и толкованием своих законов) заимствованы авторами Пидалиона не у Аггалиата и не из «Истории Иерусалимских патриархов» Досифея (ибо ничего подобного там не говорится), а из какого-то неизвестного источника.

ными, чтобы читающие не понимали их и впадали в разногласия¹²⁰.

Позднее Лев Мудрый, собрав все Дигесты, Кодексы, Институции и Новеллы Юстиниана и переработав их, объединил в 60 книг, которые и назвал «Шестидесятикнижием»¹²¹. Он поделил его на 6 разделов или больших частей, каждая из которых содержит множество книг¹²².

Наконец, Константин Багрянородный, сын Льва, заново пересмотрел эти законы и действующие из законов «Пятидесятикнижия»¹²³ Юстиниана и законов «Двенадцатикнижия»¹²⁴ включил в «Шестидесятикнижие» своего отца Льва, а недействовавшие опустил¹²⁵. Говорю «недействовавшие» — в том смысле, что они не были помещены Багрянородным в Василики, как это показалось разумным ему, но не всем [остальным] императорам. Ибо, как говорит мудрый Досифей (Двенадцатикнижие. С. 443), порядок, в котором выстроил законы Юстиниан, не имеет сравнения и не найдется другого, который бы ска-

¹²⁰ Противоречия и неясности в Юстиниановом законодательстве обусловлены, естественно, не личными недостатками Трибониана, а объективными причинами. По замыслу Юстиниана, его кодификация должна была основываться на классическом римском праве, но в то же время учитывать общественные реалии VI в. Это с неизбежностью вело к созданию противоречивых правовых норм. Кроме того, огромный правовой материал, накопившийся за несколько веков, был обработан кодификаторами в очень короткий срок (особенно это характерно для составления Дигест), что не могло не вызывать различные юридико-технические погрешности. — *Пер., Науч. ред.*

¹²¹ Речь идет о составлении Василик, которые до XI в. назывались просто «60 книг» (ἑξ βιβλίων). Кодификационные работы начались еще в правление Василия I Македонянина и были завершены в первые годы царствования Льва VI Мудрого (возможно, к началу 888 г.). См. подробнее об этом памятник: *Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв.: Ист.-юрид. этюды. Л., 1981. С. 63—79; ODB 1. 1991. P. 265—266; Τρωϊάνος 1999. Σ. 181—189; Сильвестрова Е. В. Василики // ПЭ 7. 2004. С. 220—222.*

¹²² О делении Василик на шесть томов сказано в предисловии Льва VI к этому законодательному своду (см. издание текста: *Schminck 1986. S. 22*).

¹²³ Т. е. Дигест. — *Пер.*

¹²⁴ Т. е. Кодекса Юстиниана. — *Пер.*

¹²⁵ Распространенное в научной литературе XIX в. мнение о принадлежности Константиноу VII Багрянородному нового издания Василик является ошибочным. В действительности новая редакция Василик (снабженная схождениями) была составлена в сер. XI в. в Константинопольской юридической школе под руководством Иоанна Ксифилина (*Schminck 1986. S. 33—54, 132*).

зал или написал лучше. Поэтому и Михаил Атталиат сказал, что Лев издал многие новеллы (по Властарю, их было 108, а другие говорят — 120¹²⁶), однако не все они вступили в силу, но только те, что восполняли недостающее в Новеллах Юстиниана и были написаны по поводу тех вопросов, о которых не говорили другие законы (Греко-римское право. С. 77)¹²⁷. Закон же, согласно Варину¹²⁸, это императорский указ, или постановление, исправляющее всякое вольное или невольное преступление; или повеление, предписывающее должное и запрещающее недолжное. Гражданские законы также называются прагматическими санкциями¹²⁹ и божественными¹³⁰ грамотами.

XVII. Его мы составили преимущественно на основании книги, называемой по латыни «Juris...», то есть «Греко-римского права».

XVIII. В особенности же архиереи и духовники или те, кому предстоит сделаться архиереями и духовниками, должны эту книгу держать в руках постоянно, и даже спать на ней, как Александр Македонский на «Илиаде» Гомера¹³¹, и читать содержащиеся в ней правила столь ча-

¹²⁶ В действительности именно Властарь сообщает, что новелл Льва VI было 120 (см.: *Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum, graef. // Ράλλης, Ποτλής*. Т. 6. Σ. 30; PG 144, 997С). Откуда к авторам Пидалиона попали сведения о сборнике 108 новелл Льва VI, нам не удалось установить. В научных изданиях новелл этого императора за основу принимается сборник 113 новелл, после которого помещаются «экстравагантные» (т. е. сохранившиеся вне основного сборника) новеллы — от двух до четырех. Подробнее о новеллах Льва VI см.: *Τροϊάνος* 1999. Σ. 161–167.

¹²⁷ Ср. *Michael Attaliotae. Opus de jure. Appendix 1, 1 // Συγούτας* 1861. Σ. 146–147.

¹²⁸ Неизвестно, о каком Варине идет речь и откуда взято приписываемое ему определение. В Дигестах упоминается римский юрист Варий Лукулл (*Varius Lucullus*), живший, вероятно, в кон. I в., однако ничего не говорится о его сочинениях (см.: *Dig.* 41, 1, 19). Определение закона, приведенное в Пидалионе, имеет некоторое сходство с тем, которое принадлежит Папиниану (*Dig.* 1, 3, 1 = *Bas.* 2, 1, 13).

¹²⁹ Греч. τόπος πραγματικός или лат. *sanctio pragmatica* — юридический термин, обозначающий, как правило, императорский указ по публично-правовому вопросу, адресованный определенной общине граждан (городу, провинции и т. д.). Подробнее о прагматических санкциях см.: *Wenger* 1953. S. 434–438 (там же литература). — *Пер.*, *Науч. ред.*

¹³⁰ Божественный и святой — титулы византийских императоров. — *Пер.*

¹³¹ Об этой привычке Александра Македонского сообщает, в частности, Плутарх в жизнеописании полководца: *Plutarchus. Alexander* 8, 2 (TLG 7/47) (рус. пер.: *Плу-*

сто, чтобы знать их наизусть. Поскольку именно эти люди являются или готовятся стать кормчими ладьи Святой Церкви, постольку они должны уметь держать ее кормило (πῆδᾶλλον) со знанием дела, то есть применять находящиеся в этой книге правила, чтобы опытным управлением избавлять грешников от бури греха.

XIX. Затраты оплатили отцы не только со Святой Горы, но и другие из разных мест, имена которых смотри в конце книги. Однако святоторцы внесли большую часть, а благодаря им и другие увидели это благо и подвиглись к нему.

XX. Имена жертвователей на издание книги смотри в конце.

*Предисловие о священных правилах вообще
Что такое правило?*

«Прави́ло» (κανών), как говорит Зонара в толковании 39-го послания Афанасия Великого, в собственном смысле слова означает деревянный брусок, обыкновенно называемый «прави́ло» (πῆχυς). Ремесленники пользуются им для того, чтобы делать ровными дерево или камни, которые они обрабатывают: они прикладывают правило к обрабатываемому материалу и, если он оказывается искривленным вовнутрь или наружу, выравнивают его и выпрямляют¹³². А отсюда, в переносном смысле, правилами называются решения и постановления как апостолов, так и Вселенских и Поместных Соборов и отдельных святых отцов, которые содержатся в настоящей книге. Вот почему и они, как прямые и ровные прави́ла, удаляют от священнослужителей, клириков и мирян всякое бесчиние и испорченность нравов и доставляют им всякое благочиние и правильность церковного и христианского устройства и добродетели¹.

тарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. подгот. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш; отв. ред. С. С. Аверинцев. Т. 2. М., 1994 (Лит. памятники).

¹³² *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 4. Σ. 81; PG 138, 564D (рус. пер.: Правила св. отец с толкованиями. М., 1884 [№2000]. С. 144). Подробнее о различных значениях (в том числе юридическом) слова «канон» Зонара пишет в толковании на воскресные каноны прп. Иоанна Дамаскина (см.: *Jo. Zon. Expositio canonum anastasimorum Damasceni*. PG 135, 424B–425A).

Примечание I

Обрати внимание: для того чтобы настоящие правила стали более доступны для понимания, должно знать следующие положения, которые обычно усматриваются во всех правилах:

1. Например, правила отличаются от определений (τοὺς ὁρους), законов, декретов и декреталий, потому что правила Соборов прежде всего содержат не догматы веры (за редким исключением¹³³), но [постановления] о благочинии и устройении Церкви. Определения же Соборов, главным образом, содержат только догматы веры. Хотя в несобственном смысле иногда и правила называются определениями¹³⁴, как это видно и из различных правил других Соборов, а наиболее из правила Карфаг. 5 (5)¹³⁵ и из его деяний¹³⁶, в которых говорится, что были зачитаны 20 определений Никейского Собора, то есть 20 его правил. От законов правила отличаются, поскольку собственно законами именуются гражданские и внешние императорские постановления. А правила — постановления внутренние и церковные, которые превосходят законы по юридической силе, о чем ниже мы скажем отдельно. От декретов правила отличаются, поскольку, как учит Грациан¹³⁷ (см. у него раздел 3¹³⁸), правила или

¹³³ Таковы, например, несколько канонов Карфагенского Собора (каноны 109–116 по нумерации «Афинской синтагмы» или 123–130 — по Книге правил), где содержатся вероучительные определения, направленные против ереси Пелагия.

¹³⁴ Помимо приведенного ниже примера с Карфагенским Собором укажем на такой факт: IV Вселенский Собор, издав 27 канонов, назвал их «оросами». Под таким названием они включены в акты данного Собора (см.: АСО 2, 1, 2. Р. 158–163; СРГ 9008).

¹³⁵ В нашем переводе первая цифра в нумерации правил Карфагенского Собора соответствует нумерации, принятой в Пидалионе. В скобках приводится нумерация по Книге правил. — *Пер.*

¹³⁶ Здесь авторы Пидалиона, очевидно, ссылаются на 1-й канон Карфагенского Собора.

¹³⁷ Католический канонист XII в., составитель так называемого Декрета Грациана — важнейшего памятника средневекового католического права. См. о нем: *Казбекова Е. В. Грациан // ПЭ 12. 2006. С. 302–305.*

¹³⁸ Имеется в виду третья дистрикция первой части Декрета Грациана. См.: *Grat. Decr. 3, 2 (Corpus iuris canonici / Ed. A. Friedberg. Pars 1. Lipsiae, 1879. Col. 4–5).* Мысль Грациана понята авторами Пидалиона неправильно: он считает декреты пап и постановления Соборов разновидностями правил.

установлены частным¹³⁹ Собором, или определены либо утверждены Собором Вселенским. А декрет — это то, что объявляет патриарх со своим Собором, не имея цели дать наставление или ответить кому-то. Правила отличаются также от декреталий, поскольку последние выпускаются папой или патриархом лично или совместно с Собором, чтобы наставить [верующих] в догматах (Досифей. Двенадцатикнижие. С. 600)¹⁴⁰.

2. Следует знать: те правила, которые не содержат ясных указаний на то, какая епитимья налагается на преступающих эти правила, по умолчанию дают свободу местному архиерею спокойно назначить таковым то, что он признает подобающим и подходящим, как говорит Вальсамон в толковании 45-го правила VI Вселенского Собора¹⁴¹. См. после правил Иоанна Постника его епитимии, которые не вошли в число правил¹⁴².

3. Следует знать, что за один и тот же грех одни правила налагают более длительные епитимии, а другие — более краткие, поскольку бóльшая или меньшая продолжительность епитимии согрешающих определяется соответственно большему или меньшему их покаянию (о чем см. и примеч. 1 к I Всел. 12), а также соответственно большему или меньшему возрастанию и усилению Церкви (см. также примеч. 1 к 13-му правилу Василия Великого).

4. Подобаёт каждому знать, что, согласно 4-й гл. 1-го титула Номоканона Фотия¹⁴³, правила излагаются не одним епископом, но общим Собором епископов, как говорит и 47-е правило Василия Великого: «Следует многим епископам собраться вместе и так изложить правило»¹⁴⁴. И 6-е правило Григория Нисского свидетельствует: «Наше

¹³⁹ То есть Поместным. — *Пер.*

¹⁴⁰ О декретах и декреталиях как правовых актах римских пап см.: *Казбекова Е. В. Декреталия // ПЭ 14. 2006. С. 344–347.* Вопреки сказанному в Пидалионе, эти акты не имеют принципиальных отличий от канонов.

¹⁴¹ *Ῥάλλης, Ποτλής.* Т. 2. Σ. 413; PG 137, 673B (рус. пер.: Правила св. Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877 [р2000]. С. 436–437).

¹⁴² См. примеч. 16.

¹⁴³ *Ῥάλλης, Ποτλής.* Т. 1. Σ. 42; PG 104, 985D (рус. пер.: *Нарбеков 1899. С. 54*).

¹⁴⁴ Здесь и далее фрагменты канонов, цитируемые авторами Пидалиона, были переведены заново, причем учитывались их дореволюционные русские переводы (ка-

мнение не столь достойно веры, чтобы иметь силу правил».

5. Мнение того, кто говорит согласно с соборными правилами, заслуживает веры, по 6-му правилу Григория Нис.

6. Тот, кто поступает в соответствии с ними, пребывает в безопасности, согласно упомянутому 47-му правилу [св.] Василия.

7. Тот, кто преступает соборное правило, должен понести, как мы сказали, епитимию, которую назначает правило, нарушенное им (согласно VI Всел. 2). Соборными же правилами являются и называются не только те, которые изложены Вселенскими Соборами, но и установленные Соборами Поместными и, кроме того, написанные некоторыми святыми отдельно. К тому же правила, составленные как Поместными Соборами, так и отдельными святыми отцами, имеют силу правил Вселенских Соборов, поскольку Вселенскими Соборами, а именно IV, VI, VII, они были проверены и утверждены. Это видно из IV Всел. 1, VII Всел. 1 и VI Всел. 2.

8. О том, о чем правила ясно не пишут, следует судить и выносить заключение на основе подобных случаев, описанных в правилах (см. еще толкование к VI Всел. 15), или на основе писаний отдельных отцов, или даже по рассуждению здравого ума¹⁴⁵.

9. Все редкие случаи, все бывающее по икономии (οἰκονομία), необходимости или дурному обычаю и, просто сказать, все бывающее вопреки правилам — не является законом, правилом и образцом для Церкви (см. толкование Апост. 68). Напротив, когда икономия и необходимость минуют, правила снова вступают в силу. См. примеч. к Апост. 46 и примеч. 3 к I Всел. 13.

10. Поскольку большинство епитимий, которые установлены правилами, относится к третьему лицу, тогда как повелевающий отсутствует, то для того, чтобы привести их в действие, обязательно требуется второе лицо (которым является Собор)¹⁴⁶. См. примеч. 1 к Апост. 3.

нонов Вселенских Соборов — в составе ДВС, святоотеческих канонов — в ТСО) и славянский перевод в Книге правил.

¹⁴⁵ Пользуясь современной теоретико-правовой терминологией, можно так сформулировать это указание Пидалиона: при наличии пробела в церковном законодательстве следует применять аналогию закона или аналогию права.

¹⁴⁶ Предложение переведено буквально. В английском переводе Пидалиона оно

11. Правила и законы были установлены относительно общих, а не частных вопросов и касаются происходящего в большинстве случаев, а не исключений¹⁴⁷.

12. Правила Вселенских Соборов имеют большую силу, чем правила Поместных, а правила Поместных — большую, чем правила отдельных святых отцов, а в особенности чем те правила, которые не были утверждены Вселенским Собором. Читай также сказанное святейшим Фотием по этому вопросу в примеч. 3 к I Всел. 13.

13. Там, где нет правила или писаного закона, сохраняется добрый обычай, который проверен правым разумом и испытан многими годами и который, не противореча писаному правилу или закону, замещает правило или закон. См. также примеч. 1 к Сердик. 1.

14. Ни правило, ни закон, ни время, ни обычай, согласно законам, не утверждают всего того, что решено и определено неправильно.

передано так: «That the most penances ordained by the canons, being of a third person, there being no one present to impose them, necessarily need the presence of a second person (which the council or synod), in order to be enforced» (The Rudder / Ed. by D. Cumtings. Chicago, 1957 (1983). P. 54. Note 1). «Повелевающий» (προσταχτικός) называется здесь лицом, уполномоченным налагать епитимии, но общий смысл от этого не становится яснее. В действительности же в этом предложении (не очень удачно сформулированном) на примере юридической ответственности показана разница между правотворчеством и правоприменением. Церковно-правовые нормы, содержащиеся в канонах и других источниках права, адресованы неопределенно широкому кругу лиц (характерно, что предписания правовых норм излагаются абстрактно: «[тот, кто совершит то или иное противоправное деяние,] да будет извержен из сана», «да будет отлучен», «да будет предан анафеме») и рассчитаны на многократное применение. Каждый раз, когда совершено правонарушение, предусмотренное какой-либо нормой права, необходимо, чтобы компетентный правоприменительный орган (в Пидалионе в качестве такового назван Собор, но возможны и другие варианты: церковный суд, епархиальный архидиакон и проч.), проведя расследование, издал акт применения права, иначе называемый индивидуальным актом (приговор, решение и т. п.). Только на основании этого акта правонарушитель может быть привлечен к юридической ответственности и подвергнут церковному наказанию, установленному соответствующей правовой нормой. Все сказанное в одинаковой мере приложимо к любым нормам церковного права и их санкциям, хотя в Пидалионе почему-то говорится только о «большинстве епитимий».

¹⁴⁷ Правила 11, 13 и 14 основаны на Алфавитной синтагме Властара (*Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum N, 7 // Πάλληξ, Ποτλήξ*. Т. 6. Σ. 400; PG 145, 64AC).

*О том, что божественные правила следует всем соблюдать
неукоснительно, ибо не соблюдающие подвергаются
приводящим в трепет епитимиям*

«Вот что, о епископы, пусть будет установлено нами для вас о правилах! Если вы пребудете в них, то спасетесь и обретете мир, а если выйдете из послушания им, то подвергнетесь наказанию и будете непрестанно враждовать друг с другом, получая подобающее воздаяние за свое непослушание» (апостолы в послесловии правил¹⁴⁸).

«Мы почли правым соблюдать правила, изложенные святыми отцами на каждом Соборе вплоть до нынешнего времени» (IV Всел. 1).

«Угодно сему святому Собору¹⁴⁹, чтобы отныне, для исцеления душ и врачевания страстей, пребывали твердыми и ненарушимыми 85 правил, принятые и утвержденные бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами и переданные нам под именем святых и славных апостолов¹⁵⁰, а также правила четырех Вселенских Соборов, перечисленных по названиям их, правила Поместных Соборов по названиям и правила отдельных отцов — поименно. И никому да не будет позволено вышеуказанные правила исказить или отменять.

Если же кто будет уличен в том, что изменяет какое-либо правило из вышеуказанных или пытается его отвергать, то будет повинен против

¹⁴⁸ Авторы Пидалона цитируют послесловие к Апостольским правилам, находящееся в конце Апост. 85. В таком виде — с послесловием — этот канон содержится в Апостольских постановлениях (Const. Apost. 8, 48 // Metzger 1985–1987. Т. 3. Р. 308–310), в Синагоге Иоанна Схоластика (Titul. 11 // Jo. Schol. Synagoga L. titulorum ceteraque ejusdem opera juridica / Ed. V. [N.] Benešević. Т. 1. München, 1937 (Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wissen., Philosoph.-hist. Abt. N. F. 14). Р. 155) и в Синтагме XIV титулов (см.: Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1906 (Лрз., 1974). С. 81–82). В «Пандектах» Г. Беверегия, в «Афинской синтагме» и в Книге правил Апост. 85 напечатано без послесловия.

¹⁴⁹ Речь идет о Трульском Соборе. — Пер.

¹⁵⁰ Так называемые Апостольские правила (CPGS 1740) в действительности являются приложением к Апостольским постановлениям (Const. Apost. 8, 47) и были составлены одновременно с ними, ок. 380 г., неизвестным церковным деятелем. См. подробнее предисловие М. Мецже к новому изданию Апостольских постановлений: Metzger 1985–1987. Т. 1. Р. 13–62; Т. 3. Р. 9–12.

этого правила и понесет епитимию, какую оно назначает, и через то, в чем преткнулся, получит исцеление» (VI Всел. 2)¹⁵¹.

«Радуясь об этом так, как тот, кто *нашел большую добычу* (Пс. 118, 162), мы с любовью принимаем божественные правила и храним в целости и без изменений их повеления, изложенные трубами Духа, всехвальными апостолами, а также святыми Вселенскими Соборами и Соборами, собиравшимися поместно... и святыми отцами нашими... И тех, кого они предают анафеме, и мы анафематствуем; тех, кого извержению, — и мы извергаем; тех, кого отлучению, — и мы отлучаем. А тех, кого они подвергают епитимии, и мы равным образом подвергаем» (VII Всел. 1).

«Итак, мы постановляем, чтобы церковные правила, изложенные или утвержденные четырьмя святыми Соборами, то есть Никейским, Константинопольским, первым Ефесским и Халкидонским, имели силу законов» (131-я новелла Юстиниана)¹⁵².

«Итак, мы постановляем, чтобы церковные правила, изложенные или утвержденные семью святыми Соборами, имели силу законов (по Вальсамону, слово «утвержденные» указывает на те правила Поместных Соборов и отдельных отцов, которые утверждены Вселенскими Соборами). Ибо мы принимаем постановления вышеназванных святых Соборов наравне с Божественными Писаниями и соблюдаем правила как законы» (Василики. Кн. 5, тит. 3, гл. 2¹⁵³; у Фотия тит. 1, гл. 2¹⁵⁴).

3-е постановление 2-го титула новелл требует «соблюдать правила семи Соборов и хранить их догматы наравне с Божественными Писаниями» (у Фотия тит. 1, гл. 2¹⁵⁵).

¹⁵¹ Авторы Пидалиона излагают данный канон в сокращенном виде (опущен перечень утверждаемых соборных и святоотеческих канонов).

¹⁵² Nov. J. 131, 1.

¹⁵³ Bas. 5, 3, 2. Эта глава основана на процитированной выше новелле Юстиниана. Мнение Вальсамона (из его комментария к Номоканону, см. следующее примеч.) добавлено авторами Пидалиона.

¹⁵⁴ Имеется в виду комментарий Вальсамона к указанному месту Номоканона XIV титулов, где цитируется интересующая авторов Пидалиона глава Василик: *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 1. Σ. 36–37; PG 104, 980В–981А (рус. пер.: *Нарбеков 1899*. С. 47–48).

¹⁵⁵ *Ῥάλλης, Ποτλής*. Т. 1. Σ. 36; PG 104, 980В (рус. пер.: *Нарбеков 1899*. С. 46). В Номоканоне действительно говорится о семи Соборах. Однако «3-е постановление

Лев Мудрый (в 5-й кн. Василик, тит. 3, гл. 1¹⁵⁶) говорит: «Принимаю семь святых Вселенских Соборов как Святое Евангелие».

«Святыми отцами было определено, что необходимо и после смерти предавать анафеме тех, которые погрешили против веры или правил» (V Вселенский Собор в послании Юстиниана, с. 392 2-го т. «Синодикона»). Смотри, как страшно это слово, любезный [друг]!

«Тем, кто пренебрегает священными и божественными правилами наших святых отцов, которые и утверждают Святую Церковь, и, украшая все христианское жительство, путеводствуют к божественному благоговению, — анафема» (Собор в Константинополе при Константине Багрянородном, с. 978 2-го т. «Синодикона», то есть «Томос единения») ¹⁵⁷.

О том, что божественные правила имеют большую силу, чем императорские законы

В 4-м деянии IV Вселенского Собора написано: «Славнейшие савонники сказали: “Божественнейшему владыке вселенной (то есть Маркиану) было угодно производить дела преподобнейших епископов не по императорским указам или прагматическим постановлениям, но по правилам, которые были законоположены святыми отцами”. Собор ответил: “Против правил прагматическое постановление не возымеет никакой силы. Пусть господствуют правила отцов”. И вновь: “Мы просим, чтобы прагматические постановления, принятые кем угодно в

2-го титула новелл» означает процитированную выше Nov. J. 131, 1, где было сказано о четырех Соборах. Это расхождение вызвано тем, что в существующих — не критических — изданиях Номоканона использованы достаточно поздние рукописи памятника, в которых выдержка из новеллы была отредактирована в соответствии с Василиками (см. примеч. 153). См. также аппарат в изданиях: *Pitra 1868*. P. 460; *Corpus iuris civilis*. Vol. 3: *Novellae / Rec. R. Schoell; absolut C. Kroll*. Berolini, 1895. P. 654.

¹⁵⁶ В Пидалионе опечатка или ошибка: процитированная далее фраза содержится в Bas. 5, 3, 2 (в конце главы), а не в Bas. 5, 3, 1.

¹⁵⁷ *Mansi 18A, 344; Πάλλης, Ποτλής*. Т. 5. Σ. 10. См. также критическое издание «Томоса единения»: *Nicolaus I Constantinopolitanus*. *Opuscula 200* [Tomos unionis] // *Nicholas I, Patriarch of Constantinople. Miscellaneous Writings / Ed. by L. G. Westerink*. Washington, 1981 (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae 20*). P. 56–84 (процитированное в Пидалионе место — p. 84); TLG 3100/2.

ущерб правилам в любой митрополичьей области, были безоговорочно упразднены, а во всем господствовали правила... все мы говорим то же. Все прагматические санкции упразднятся. Да господствуют правила. По решению святого Собора и во всех остальных митрополичьих областях пусть имеет силу то, что содержится в правилах»¹⁵⁸.

«Весь святой Вселенский Собор решил: если кто представит постановление, противоречащее тому, что определено ныне, оно недействительно» (III Всел. 8)¹⁵⁹.

«Прагматические постановления, противные правилам, недействительны» (кн. 1, тит. 2, постановление 12¹⁶⁰; Фотий. Тит. 1, гл. 2¹⁶¹).

«Ибо они, то есть правила, изложенные и утвержденные императорами и святыми отцами, приемлются как Божественные Писания. А законы были приняты или составлены только императорами, и потому они не имеют превосходства ни над Божественными Писаниями, ни над правилами» (толкование Вальсамона на вышеуказанную 2-ю гл. Фотия)¹⁶².

«Не говори мне о законах внешних, поскольку и мытарь исполняет внешний закон, но все-таки подвергается наказанию» (Златоуст. Беседа 57 на Евангелие от Матфея)¹⁶³, и еще: «Цари издают законы часто и не все с пользой» (Беседа 16 о статуях)¹⁶⁴.

Однако Властарь говорит: «Большое значение (то есть помощь. —

¹⁵⁸ Авторы Пидалиона цитируют фрагменты актов БУ ДВС № 307, 308.

¹⁵⁹ Постановление III Вселенского Собора, из которого заимствован данный фрагмент, посвящено утверждению автокефального статуса Кипрской Церкви и никак не связано с вопросом о соотношении юридической силы канонов и государственных законов.

¹⁶⁰ Имеется в виду Cod. J. 1, 1, 12.

¹⁶¹ *Ῥάλλης, Ποτλῆς*. Т. 1. Σ. 36; PG 104, 980B (рус. пер.: Нарбеков 1899. С. 47).

¹⁶² *Ῥάλλης, Ποτλῆς*. Т. 1. Σ. 38; PG 104, 981C (рус. пер.: Нарбеков 1899. С. 49). В Пидалионе цитируется так называемое «другое толкование» Вальсамона на указанную главу Номоканона.

¹⁶³ *Jo. Chrys.* In Matth. Hom. 57, 5. PG 58, 556. CPGS 4424. Рус. пер.: Златоуст. ПСТ. Т. 7. Кн. 2. С. 581. — Пер., Науч. ред.

¹⁶⁴ *Jo. Chrys.* Ad populum Antioch. (De statutis) Hom. 16, 2. PG 49, 164. TLG 2062/24. CPGS 4330. Рус. пер.: Златоуст. ПСТ. Т. 2. Кн. 1. С. 183. В тексте Пидалиона допущена опечатка: вместо 16-й беседы указана 6-я. — Пер., Науч. ред.

Авт.) божественным правилам доставляют любоблагочестивые законы: с одной стороны, соглашаясь с ними, с другой — восполняя то, что ими где-то опущено (гл. 5 буквы «К»)¹⁶⁵.

*О том, что божественные правила имеют большую силу,
чем уставы (в том случае, когда последние им противоречат),
и в особенности — чем уставы частные и местные*

Властарь говорит: «Из 131-й новеллы Юстиниана ты можешь узнать, что уставы, которые устанавливают в монастырях ктиторы, должно принимать, если они ни в каком отношении не противоречат правилам» (гл. 15 буквы «М»)¹⁶⁶.

*Двустихия на священные правила,
написанные элегическим дистихом*

Видимый мир созида в порядке и строгом, и стройном,
Троица правила всем мира стихиям дала.

Правила эти хранят нерушимость великого мира,
Строй Богозданных стихий, благозаконье во всем.

Узами правил священных скрепила и мир христианский
Троица, присно храня любящих имя Христа.

Царствует в мире гармония права священного ныне,
И отсечен навсегда грех и лукавство его.

Мудрости, Духом внушенной, любитель! Прииди и примешь
То, чего жаждал и ждал, — правил Божественных свод.

¹⁶⁵ *Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum K, 5 // Πάλλης, Ποτλής. Т. 6. С. 317; PG 144, 1356С. — Пер., Науч. ред.*

¹⁶⁶ *Matthaeus Blastares. Syntagma Alphabeticum M, 15 // Πάλλης, Ποτλής. Т. 6. С. 393; PG 145, 56AB. В оригинале Пидалиона сделана ссылка не на 15-ю, а на 16-ю главу указанного раздела Синтагмы Властаря. — Пер., Науч. ред.*

Ямбическое двустушиие на книгу

Кормило управляет кораблем любим,
А книга эта правит всюю Церковью.

*Тем, которые поступают по сему правилу,
мир им и милость (Гал. 6, 16)*

Из св. Григория Богослова

«Если всякому, сколько бы кто ни был груб и невежествен, непросительно не знать какого-либо римского закона и если нет такого закона, который бы покрывал сделанное по неведению, то не странно ли тем, кто тайноводствуют ко спасению, не знать начал спасения, хотя бы они во всем другом были и очень просты и неглубокого ума?» (Слово Великому Афанасию)¹⁶⁷.

Из Златоуста

«Я услышал и не исполнил... Разве ты не исполнил? Ты осудил себя самого: ты соблюл половину, если, не исполнив, сказал: “Я не соблюл”. Ибо осудивший себя самого за несоблюдение стремится к соблюдению» (Слово 4 о покаянии, с. 785 6-го т. издания в Итоне)¹⁶⁸.

Из св. Кирилла Александрийского

«Итак, давайте послушаем — мы, которые пренебрегаем чтением Писаний, — какой мы терпим [от этого] вред, какую нужду... Ведь никогда не достигь нам своими делами святости жизни, если мы даже не знаем законов, по которым следует жить» (см. в собрании толкований на Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 52, изъяснение выражения *Поэтому всякий книжник...* — и прочее)¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Greg. Naz. Or. 21, 24 / Éd. par J. Mossay, G. Lafontaine. Paris, 1980. SC 270. P. 160; PG 35, 1109B. CPGS 3010/21. Рус. пер.: БУ ТСО. № 21. — Пер., Науч. ред.

¹⁶⁸ Авторы Пидалиона, цитируя свт. Иоанна Златоуста, ссылаются на издание, вышедшее в Итоне (Англия): S. Joannes Chrysostomus. Opera graece / Ed. cum notis H. Savilius. Vol. 1–8. Etonae, 1612–1613. См. также: Jo. Chrys. De paenit. Hom. 8, 1. PG 49, 337. CPGS 4333, 4508. Рус. пер.: Златоуст. ПСТ. Т. 2. Кн. 1. С. 379–380. — Пер., Науч. ред.

¹⁶⁹ Cyr. Alex. Comm. in Matth. 13, 52. PG 72, 416B. CPGS 5206, CPGadd 5206.

Из св. Максима

«Много нас, говорящих, но мало делающих. Никто не должен искажать слово Божие в угоду своему нерадению, а [лучше] исповедать свою немощь и не скрывать истины Божией, чтобы вместе с преступлением заповедей нам не стать виновными еще и в неправильном толковании слова Божия» (гл. 85 «Четвертой сотницы глав о любви», с. 329 «Добротолюбия») ¹⁷⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенешевич 1914* — Бенешевич В. Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914 (Лрз., 1972).
- Бондач 2010* — Бондач А. Г. Иоанн Зонара // ПЭ 24. 2010 (в печати).
- Златоуст. ПСТ* — Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений / Пер. с греч. Т. 1–12. СПб., 1895–1906 (М., 1991).
- Ильинский 1892* — Ильинский Н., свящ. Синтагма Матфея Властаря. М., 1892.
- Красножен 1911* — Красножен М. [Е.] Толкователи канонического кодекса Восточной Церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. Юрьев, 1911.
- Нарбеков 1899* — Нарбеков В. [А.] Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2: Рус. пер. с предисл. и примеч. Каз., 1899.
- Никольский 1888* — Никольский И. Греческая кормчая книга (Пидалион) / Под ред. свящ. Н. А. Копьева. М., 1888.
- Павлов 1876* — Павлов А. [С.] О новом переводе толкований на церковные правила // ПО. 1876. Т. 1. № 4. С. 730–746.
- Allatius 1648* — Allatius L. De ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione libri III... Coloniae Agrippinae, 1648 (Farnborough, 1970).
- Beck 1959* — Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959 (1977).

Данное произведение свт. Кирилла Александрийского, сохранившееся частично (в составе катен), приводится в TLG 4090/29 по новому изданию (Hrsg. v. J. Reuss. В., 1957 (TU 61). S. 153–269), в котором опущена часть фрагментов, включая и тот, который процитирован в Пидалионе. — *Пер., Науч. ред.*

¹⁷⁰ Авторы Пидалиона указывают страницы по первому (однотомному) изданию «Добротолюбия»: Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν ὑπτιχῶν... Ἐνετίησι, 1782. См. также: *Max. Conf. Sap. de carit.* 4, 85 / Ed. da A. Cereso-Gastaldo. R., 1963 (Verba seniorum. N. S. 3). P. 232; PG 90, 1069A. CPG 7693. Рус. пер.: ИАБ 4, 1582. — *Пер., Науч. ред.*

- Beveregius 1672* — Συνοδικόν, sive Pandectae canonum ss. Apostolorum et Conciliorum ab ecclesia graeca receptorum, nec non canonicarum ss. Patrum epistolarum... / Ed. G. *Beveregius*. T. 1–2. Oxonii, 1672.
- Burgmann 1983* — Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. *Burgmann*. Frankfurt a. M., 1983 (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 10).
- Darrouzès 1973* — *Darrouzès J.* Les réponses canoniques de Jean de Kitros // REB 31. 1973. P. 319–334.
- Hervetus 1620* — Canones ss. apostolorum, conciliorum generalium et provincialium, sanctorum patrum epistolae canonicae, quibus praefixus est Photii... Nomocanon... / Ed. G. *Hervetus*. Lutetiae Parisiorum, 1620.
- Leunclavius 1596* — *Leunclavius I.* Juris graeco-romani tam canonici quam civilis... / Ed. M. *Freherus*. T. 1–2. Francofurti, 1596 (Farnborough, 1971).
- Metzger 1985–1987* — Les Constitutions apostoliques / Introd., texte crit., trad. et notes par M. *Metzger*. T. 1–3. Paris, 1985–1987 (SC 320, 329, 336).
- Van de Paverd 2006* — *Paverd F., van de.* The Kanonaron by John, monk and deacon, and Didascalia Patrum. R., 2006 (Kanonika 12).
- Pitra 1868* — Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta / Cur. card. I. B. *Pitra*. T. 2. R., 1868.
- Schminck 1986* — *Schminck A.* Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt a. M., 1986 (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 13).
- Voellus, Justellus 1661* — Bibliotheca juris canonici veteris... / Ed. G. *Voellus, H. Justellus*. Vol. 1–2. Lutetiae Parisiorum, 1661.
- Wenger 1953* — *Wenger L.* Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953 (Goldbach, 2000).
- Μενεβίσογλου 1983* — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Μία νέα ἔκδοσις τοῦ «Πηδαλίου» // Ἐκκλησία 60. 1983. Σ. 347–348.
- Μενεβίσογλου 1984* — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Ἡ κανονικὴ συλλογὴ «Πηδάλιον» // Χαριστεῖον Σεραφεῖμ Τίχα, ἀρχιεπ. Ἀθηνῶν. Θ., 1984. Σ. 147–166.
- Μενεβίσογλου 1989* — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Μὴ ἐπισημανθεῖσαι προσθήκαι τοῦ ἱερομονάχου Θεοδώρητου ἐν τῷ Πηδαλίῳ // Κληρονομία 21. 1989. Σ. 195–206.
- Μενεβίσογλου 1991* — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Ἡ εἰσηγητικὴ ἔκθεσις τοῦ Δωροθέου Βουλησιμᾶ περὶ τοῦ Πηδαλίου // Ἐπιστημονικὴ παρουσία ἐστίας θεολόγων Χάλκης 2. Ἀθ., 1991. Σ. 343–366.
- Μενεβίσογλου 2003* — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρ. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Αἱ κανονικαὶ καὶ νομικαὶ πηγαὶ τοῦ Πηδαλίου // Ὁρθοδοξία 10. 2003. Σ. 725–742.

ΠΡΠ. ΝΙΚΟΔΙΜ ΣΒΥΤΟΓΟΡΕΥ

- Μενεβίσογλου 2006 — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρο. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Χειρόγραφος μορφή τοῦ Πηδαλίου τοῦ ἔτους 1793 // Ἐπιστημονική παρουσία ἐστίας θεολόγων Χάλκης 6. Ἀθ., 2006. Σ. 439–458.
- Μενεβίσογλου 2007 — Παῦλος (Μενεβίσογλου), μητρο. Σουηδίας καὶ πάσης Σκανδιναβίας. Ἡ ρωσική κανονική συλλογή Kniga pravil (1839) καὶ τὸ Πηδάλιον // Δώρημα εἰς τὸν καθηγητὴν Βασίλειον Ἀναγνωστόπουλον. Ἀθ., 2007. Σ. 179–191.
- Πιτσάκης 1971 — Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Πρόχειρον νόμων ἢ Ἐξάβιβλος / Ἐπ. Κ. Γ. Πιτσάκης. Ἀθ., 1971 (Βυζαντινὰ καὶ νεοελληνικά κείμενα 1).
- Ράλλης, Ποτλής — Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων... / Ἐκδ. ὑπὸ Γ. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Ἀθ., 1852–1859 (1992). Τ. 1–6.
- Σγούτας 1861 — Μιχαὴλ ἀνθυπάτου καὶ κριτοῦ τοῦ Ἀτταλειώτου Ποίημα νομικόν... / Ἐκδ. ὑπὸ Λ. Λ. Σγούτα // Θέμις 8. 1861. Σ. 47–155.
- Τρωϊάνος 1999 — Τρωϊάνος Σπ. Ν. Οἱ πηγές τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου: Εἰσαγωγικὸ βοήθημα. Ἀθ., Κομοτηνή, ²1999 (1986).

Перевод сестер Ново-Тихвинского монастыря (г. Екатеринбург),
вступительная статья и примечания А. Г. Бондача

ОТДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ИЕРОДИАКОН РОДИОН (ЛАРИОНОВ)

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА СЛАВЯНО- ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Судьба Московской Славяно-греко-латинской академии в XVIII в. остается интересной областью для исследователей истории высшего образования в России и за рубежом. После удаления из новооткрытой школы ее отцов-основателей братьев Лихудов и периода неопределенности наступает новая эпоха в ее развитии, связанная с развитием европейской университетской идеи на московской почве.

Современная историография определяет университеты как «высшие учебные заведения, основанные или признанные в качестве университетов или академий равного им уровня властями той территории, где они находятся, а также выдающие дипломы, получающие признание со стороны церковных или гражданских властей»¹. Кроме того, доклассические² университеты обладают определенными свойствами: элементы самоуправления, наличие внутреннего суда (так называемой «академи-

¹ Цит. по: *Андреев А. Ю.* Начало университетского образования в России: точки зрения российской и зарубежной историографии // *Отечественная история.* 2008. № 4. С. 158.

² Т. е. те, которые были до классических университетов, появившихся прежде всего в Германии во второй половине XVIII в.

ческой свободы»), самовосполнение корпорации через выборы (типичная средневековая цеховая черта), определенная финансовая самостоятельность, а также право на производство в ученые степени³. Часто подобные учебные заведения характеризовались особенными отношениями с государством, что выражалось, например, в выполнении поручений по цензуре книг или в некоторых экономических привилегиях, таких как освобождение от различных налогов (таможенных пошлин, городских налогов, экстраординарных военных налогов)⁴. Данная статья посвящается исследованию материальной базы Славяно-греко-латинской академии. Результат поможет ответить на вопрос, действительно ли ориентировались реформаторы российского образования на европейскую модель в этом аспекте, и если да, то насколько этот финансовый фактор определял статус академии как университета. Иные параметры университетского статуса Славяно-греко-латинской академии рассмотрены в других работах⁵.

Источниковая база статьи состоит из архивных данных и опубликованных источников. Все материалы, касающиеся СГЛА, распределены между несколькими архивами. Это Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонды РГИА имеют огромную ценность, поскольку содержат архивы Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода с информацией о СГЛА. Значительная часть (прежде всего материалы по первой половине XVIII в.) были опубликованы в двух хорошо известных сериях («Описание документов и дел,

³ Андреев 2009. С. 53–57.

⁴ Там же.

⁵ Предполагается ряд следующих публикаций автора, принятых к печати: «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской академии (XVIII — начало XIX в.) // Вестник МГУ. 2010. № 4; Студенчество в Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII в. // Отечественная история. 2010; Московская академия на перепутье: от Лихудовской школы к «заведению латинских учений» (1694–1701) // Сборник докладов Международной научной конференции «Религиозное образование в России и Европе» (27–29 мая 2010). СПб., 2010.

хранящихся в архиве Святейшего Синода» и «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания») еще в конце XIX в.⁶ Фонды ЦИАМ практически не содержат информации по материальному положению Академии, а то малое, что там собрано, относится к последней четверти XVIII в. Из НИОР РГБ к теме работы имеет отношение только фонд № 277. Тем не менее, самые ранние документы датируются 1745 г. и уже были использованы С. К. Смирновым в его классическом труде по истории Академии⁷. Наиболее редкие и малоизвестные документы, касающиеся темы исследования, сохранились в фондах РГАДА. К сожалению, в РГАДА отсутствует отдельный фонд, где были бы собраны все документы, касающиеся Славяно-греко-латинской академии. Сведения о ней можно найти в фондах Заиконоспасского монастыря, Сената, Коллегии синодального экономического правления и даже Оружейной палаты.

1. АКАДЕМИЯ В ВЕДЕНИИ ПАТРИАРШЕГО ПРИКАЗА

Критики университетского статуса Академии, касаясь вопроса материального содержания, указывают на то, что финансирование на начальном этапе проводилось из Патриаршего казенного приказа, а не за счет доходов с собственности, как в Европе⁸. С учетом общих принципов финансирования духовных учебных заведений той эпохи данный вывод представляется преждевременным. Хотя Патриарший приказ финансировал Типографскую школу, бывшую средним учебным заведением, многие другие средние школы, открывавшиеся, как правило, при архиерейских домах, финансировались отнюдь не государством, а Церковью. Известен также случай, когда обеспечение средних (возможно и начальных) губернских школ осуществлялось Церковью и государством одновременно: учителя получали государственное жалование, од-

⁶ Подробнее об этих сериях и особенностях документов, в них изданных, см., напр.: Смолитч И. К. История Русской Церкви (1700–1917). Ч. 1. М., 1996. С. 43–44.

⁷ Смирнов 1855.

⁸ Подробнее на эту тему см.: Андреев 2009; Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

нако сами школы располагались при монастырях и архиерейских домах, откуда, очевидно, получали пропитание учителя и студенты. Согласно указам 1714, 1716 и 1719 г. такие школы были открыты в Москве, Новгороде, Вологде, Пскове, Ярославле, а присылкой учителей ведал Патриарший Местоблюститель преосвященный Стефан Яворский⁹.

Возможно, применительно к Московской академии следует говорить об определенных чертах уже модифицированных университетов, которые в Европе начали формироваться как раз в это время. Кроме того, тогда как в «доклассических» университетах ученики сами платили за лекции, в Академии студенты находились преимущественно на государственном иждивении, а прослойка «своекоштных» студентов образовалась чуть позже. К тому же скрупулезный анализ расходных книг Патриаршего казенного приказа позволил Б. Л. Фонкичу обнаружить два важнейших факта: 1) «как только прибывшие в Москву Лихуды открыли Богоявленскую школу и стали, подобно Тимофею (директор упоминавшейся Типографской школы. — *И. Р.*), получать вместе со своими учениками регулярные денежные выдачи из Патриаршего казенного приказа, сразу же обозначилась разница в именовании учителей Богоявленской и Типографской школ: Лихуды несколько раз называются «учителями высших наук», тогда как Тимофей характеризуется теми же самыми словами, что и в записях о нем за все предыдущее время»¹⁰ и 2) «с момента основания училища Лихудов, т. е. с 1 июля 1685 года, их ученики стали ежедневно получать по 3 деньги кормовых денег, тогда как выдача учащимся I статьи Типографской школы была уменьшена с 3 до 2 денег и оставалась на этом уровне вплоть до закрытия школы Тимофея»¹¹. Значит, Московская академия с точки зрения государства (Патриаршего казенного приказа) имела статус, превосходящий статус средней школы, т. е. фактически являлась высшей школой. Ее финансирование, как и финансирование Типографской школы, приобрело общегосударственное значение.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 455–455 об.

¹⁰ Фонкич 1999. С. 232.

¹¹ Там же.

2. ПЕРВАЯ РЕФОРМА: ПЕРЕДАЧА АКАДЕМИИ
В ВЕДЕНИЕ МОНАСТЫРСКОГО ПРИКАЗА

В 1699 г. в Москву возвращается из заграничного путешествия иеромонах Палладий (Роговский), ученик Лихудов еще по Богоявленской школе, первый москвитянин, получивший диплом доктора богословия и философии. Он стал первым ректором Академии. Второй фигурой, с которой связаны коренные преобразования в обновляемой школе, был Патриарший Местоблюститель митрополит Стефан Яворский, назначенный Петром I в 1701 г. протектором Академии. Он строит образовательный процесс, ориентируясь на малороссийскую традицию, прежде всего на Киевскую коллегию, вскоре получившую статус Академии. Через несколько лет начнется карьера Феофилакta (Лопатинского), с которым связано немало академических преобразований. Сначала он был преподавателем философии в Академии и ее префектом (1704–1706), затем — преподавателем богословия и ректором (1706–1722).

25 октября 1700 г. А. Курбатов докладывал царю об угрозе закрытия Академии: «Школа, бывшая под призрением патриарха и под управлением монаха Палладия, в разстройстве: живущие в ней до 150 человек зело скорбят, всего лишены, и учиться им невозможно: потолки и печи обвалились»¹². 16 декабря Петр I подписывает указ об упразднении Патриаршего приказа и перераспределении его полномочий между другими приказами и только что назначенным Патриаршим Местоблюстителем: «...которые дела в Патриаршем приказе были, и впредь будут в расколе, и в каких противностях Церкви Божией и в ересях: и те дела ведать Преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому»¹³. Академия была передана в ведение Яворского, который был назначен ее протектором в конце 1700 (не ранее 16 декабря,

¹² Там же. С. 164–165.

¹³ ПСЗРИ. Т. 4. № 1818. С. 87–88. По замечанию Н. Устрялова, до учреждения Синода в 1721 г. официально митрополит Стефан титуловался «Экзархом Святейшего патриаршего престола, блюстителем и администратором», хотя в переписке часто подписывался «Стефан пастушек Рязанский» (Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1863. С. 549).

когда был издан указ об упразднении Патриаршего приказа) или в самом начале 1701 г. (не позднее 11 января, когда перепуганные иезуиты стали писать о приглашении Яворским в Академию нескольких киевских учителей)¹⁴. Очевидно, что митрополит Стефан не стал бы принимать решений по Академии, если бы не имел полномочий. 29 февраля 1701 г. иезуит Фр. Эмилиан сообщает, что из Киева уже приехали монахи, «которые преподают гуманитарные науки, философию и богословие, потому что светлейший царь основал академию и общежитие для тех воспитанников, которые желают быть священниками»¹⁵. 24 января 1701 г. был восстановлен печально известный Монастырский приказ¹⁶, закрытый 19 декабря 1677 г. стараниями патриарха Иоакима. Первоначально это привело к фактическому прекращению финансирования Академии.

Тем не менее, сохранились данные от 6 апреля 1701 г. о выдаче жалования школьным учителям иеромонахам Венедикту (Лукашевичу) и Иерофею (Бартошевичу) по 10 рублей¹⁷. 28 февраля 1702 г. было выдано содержание «Латынских школ учителям иеромонаху Арафаилу с братиею 8 чел. ... по 50 руб. человеку, русских школ учителем же двум человеком, да учеником 104 чел. ... всего им учителем и учеником 657 руб. 8 ден.»¹⁸ на полгода вперед. В то время в Академии велись ремонтные работы. Так, 19 июня 1701 г. «по указу великого государя и по росписи, какову из Монастырскаго приказу в Патр<иарший> Казенный приказ за пометою дьяка Евфима Зотова Спасскаго монастыря, что за Иконным рядом, игумен Палладий, и за своею рукою принес, по которой он Палладий росписи к школьному строению покупал бревна, и доски, и скалу, и дрань, и дубины, и гвоздья, и плотником за дело давал, додаточных 4 руб. 18 алт. 2 ден.», а 29 ноября того же года была вручена денежная сумма «игумену Палладию и Ректору на строение и на починку и на всякие покупки школ, что в Китае, 1000 руб.»¹⁹. Сле-

¹⁴ Харламович 1914. С. 644.

¹⁵ Там же. С. 645.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. 4. № 1829. С. 133.

¹⁷ Харламович 1914. С. 645.

¹⁸ Забелин 1884. С. 394–395.

¹⁹ Там же. С. 394.

дует также упомянуть случай (13 февраля 1702 г.), когда государство возместило бывшему Рязанскому митрополиту Авраамиию 300 рублей «на строение каменных и деревянных его келей, которые он строил своими деньгами в Спасском монастыре, что в Китае»²⁰.

Монастырский приказ получил статус государственного финансово-го учреждения и находился под руководством бывшего астраханского воеводы графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина. Он начал проводить активную политику Петра относительно церковных вотчин, в т. ч. осуществил подворную перепись, что привело к появлению т. н. «табели 1710 года», или фактической нормы дохода и расхода²¹. После учреждения Сената 2 марта 1711 г.²² И. А. Мусин-Пушкин был назначен его главой, а Монастырский приказ под началом П. И. Прозоровского был подчинен Сенату на общих основаниях²³. Академия осталась в ведении митрополита Стефана Яворского: «... боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому велено ведать Монастырским и Дворцовым казенным приказами кроме школ учителей и учеников»²⁴.

После разрушения приказного строя в 1706 г. Монастырский приказ сохранил свою обособленность, однако с учреждением коллегий в 1711 г. в качестве центральных государственных учреждений должен был утратить свое значение. 17 августа 1720 г. его функции были переданы Штатс-конторе, Камер-коллегии и Юстиц-коллегии, а сам он был упразднен. Однако новоучрежденный Святейший Синод, после передачи в его ведение²⁵ всех церковных вотчин Петром²⁶, вновь восстановил Монастырский приказ²⁷ — для управления этими

²⁰ Там же.

²¹ *Верховский 1999*. С. 5.

²² ПСЗРИ. Т. 4. № 2328. С. 634–635.

²³ *Верховский 1999*. С. 5.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 6.

²⁵ П. Верховский отмечает, что термин «ведение» некорректен и следует говорить лишь о наблюдении за правильным пользованием церковными именьями, фактическим же собственником этих имений уже является государство (*Верховский 1999*. С. 2).

²⁶ ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 3. С. 34.

²⁷ См. соответствующий указ в: ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 259. С. 250.

вотчинами²⁸. Таким образом, в рассматриваемый период до учреждения Святейшего Синода жалование учителям и содержание ученикам Академии должно было выплачиваться из Монастырского приказа как преемника Патриаршего приказа.

Митрополит Стефан Яворский утверждал состав преподавателей: именно за его подписью отсылалась в Монастырский приказ ведомость преподавателей для выдачи им жалования: «...в имянном Великого Государя указе... велено на Москве в школах для учеников всякого чину людей быть учителем и давать тем учителем жалованье из Патриаршего казенного приказу по росписи, какову пришет Пресвященный Стефан митрополит Рязанский и Муромский»²⁹.

Таким образом, можно говорить о конце 1700 и начале 1701 г. как о периоде, когда была осуществлена первая реформа Лихудовской академии, в том числе и с точки зрения финансового управления. С этим выводом согласно большинство исследователей³⁰.

Финансирование Академии в период ее подотчетности Монастырскому приказу хорошо прослеживается в период ректорства архимандрита Феофилакта (Лопатинского). Источники свидетельствуют, что архимандрит Феофилакт не за страх, а за совесть исполнял возложенные на него ректорские функции, именно его административному таланту и ревностному служению Академия обязана своим развитием в первой четверти XVIII в. В начале содержание ректора и семи учителей составляло 100 рублей в год каждому: «...с 1700 году по 1706 год давано им Славенолатинских школ учителем осьми человеком по сту рублей человеку»³¹. Но с назначением Феофилакта на пост ректора в 1706 г. ситуация стала меняться к лучшему. В конце 1706 г. добавился один преподаватель, и общее число корпорации составило 9 человек: «В 1706 году декабря 30 дне по выписке за пометкою дьяка Ивана Иванова ко осьми человеком прибылому девятому челове-

²⁸ Верховский 1999. С. 6–7.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4. Здесь указан *terminus post quem* указа: «По справке в Монастырском приказе в прошлом 1711 году июля в 7 день».

³⁰ См., напр.: Воскресенский Г. Ломоносов и Московская Славяно-греко-латинская Академия. М., 1891. С. 13.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4.

ку дано сто рублей. И с 1707 по 1710 г. записано им девяти человек по сту рублей каждому»³². Этих денег, конечно, не хватало на самые элементарные нужды, однако после написания службы к Полтавской победе³³ царь увеличил жалование: «В ... 1710 году августа в 15 день в письме из Санкт Питербурха... по имянному Ево Великого Государя указу архимандриту Феофилакту Лопатинскому... велено давать по триста рублей в год. Да сентября в 29 день того же 1710 году... учителем Славенолатинских школ Спасского монастыря что за Иконным рядом монахом осьми и Елиногреколатинской школы иеромонаху Софронию Лихуду всего девяти человеком за труды школьного ученику к прежним окладам ко сту рублям прибавить по пятидесят рублей...»³⁴. Так же обстояло дело и в следующем 1711 г.: «...архимандриту Феофилакту 300 рублей, протчим учителем по 150 рублей, всего 1350 рублей»³⁵. Задержка произошла в 1712 г., причем ректору пришлось обращаться прямо к царю: «Державнейший Царь Государь Милостивейший! По твоему Великого Государя указу дается нам богомольцем Твоим девяти человеком учителем Славенолатинского языка Твое Великого Государя жалованье на год, осьми человеком по сту по пятидесят рублей человеку, архимандриту по триста рублей. И на прошлый 1711 год то твое Великого Государя жалованье нам богомольцам Твоим из Монастырского приказу выдано. А на нынешний 1712 год не выдано. Всемилоостивейший Государь, просим Вашего Величества да повелит Ваше Державство нам богомольцам своим девяти человеком учителем Славенолатинского языка свое государево жалование на нынешний 1712 год выдать. Вашего Царского Пресветлаго Величества нижайшии рабы и всегдашнии богомольцы учителя Славенолатинского языка. Архимандрит Феофилакт с прочими учителями»³⁶. Это письмо вызвало настоящую проверку деятельности Монастырского приказа, и в итоге Сенат приказал: «Послать в Монастырский приказ указ велеть вышеписанным учителем девяти человеком Ево Великого Государя жа-

³² Там же. Л. 4–4 об.

³³ Смирнов 1855. С. 96.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 4 об.–6.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 3.

лование по окладом в нынешнем 1712 году выдать...»³⁷. Хотя учительские оклады и были выплачены, содержание учеников было удержано, о чем в канцелярию Сената снова писал ректор: «...на нынешний 1712 по Ево Великого Государю указу из канцелярии Правительствующего Сената то вышеписанное жалованье из Монастырского приказу учителем выдано, а учеником кормовых денег прошлого 1711 году с декабря месяца по нынешний 1712 год также и на нынешний 1712 год без указу... не выдано. И о выдаче тем учеником кормовых денег Великий Государь что укажет»³⁸. 7 апреля 1712 г. письмо дошло до адресата, и на следующий день из канцелярии Сената в Монастырский приказ был направлен указ «о выдаче кормовых денег» студентам Академии³⁹. Архимандрит Феофилакт пытался упредить волокиту и в самом начале 1714 г. направил царю письмо следующего содержания: «В прошлых годах определенное Вашего Царского Пресветлага Величества жалование учителем и учеником школ Ваших Государских Славенолатинских Московских с великою трудностию и задержкою подаеца, откуда учителем и учеником немалое бывает препятие к прилежанию школьному. Того ради просим Вашего Царского Величества, да изволит Державство Ваше Свой милостивейший указ подтвердить о помянутом жаловании дабы оно без волокиты из Монастырского приказа выдавано, чтоб ученики в конец не розошлись и дело учения начатое без плода не окончилось»⁴⁰. 12 января 1714 г. в Монастырский приказ последовал указ из Сената о том, чтобы «архимандриту префекту Лопатинскому и Славенолатинских школ учителем и учеником... Его Великого Государя окладное жалованье на нынешний 1714 год выдать по прежнему из Монастырского приказу, записав в расход с роспискою, для того что без дачи жалованья оной школе в состоянии своем быть невозможно...»⁴¹.

Сохранились также сведения и о финансировании преподавания греческого языка, осуществлявшегося с переборами. В частности, сохрани-

³⁷ Там же. Л. 6 об.

³⁸ Там же. Л. 11—11 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 12—12 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 513. Л. 8.

⁴¹ Там же. Л. 9.

лась переписка Софрония Лихуда с И. А. Мусиным-Пушкиным по поводу вознаграждения учителя греческого класса Алексея Барсова. В 1718 г. Софроний Лихуд, возвратившийся в Москву, жаловался в Сенат: «Набраны ученицы из поповых, дяконовых и из церковнических детей, и ныне учатся» греческому языку, «над ними учинен быть учителем под мною из прежних моих учеников, который был над прежними учениками надзирателем Алексей Барсов, а определения тому Барсову за тот ево труд ничего не учинено, чем бы было ему кормиться будучи безпрестанно у того дела. Также и новонабранным ученикам определения о корму не учинено»⁴². В ответ 15 марта того же года последовал указ за подписью главы Сената графа Мусина-Пушкина: «Греческие школы учителю Алексею Барсову за учение греческого языка школьников, ево Великого Государя жалование давать по гривне, а учеником по четыре деньги на день человеку с Печатного двора»⁴³.

Тем не менее, реформа системы финансирования не решила самой проблемы недостатка средств. Все усугублялось тем, что реформа происходила на фоне постепенного ослабления позиций митрополита Стефана как местоблюстителя и как протектора Академии. При этом увеличивается давление со стороны различных бюрократических ведомств: «учеников по челобитью всяких чинов людей таскают в другие приказы и убытчат»⁴⁴, привлекают раньше времени на государственную службу⁴⁵, не выдают дрова на зиму⁴⁶ и пр. Апеллировать же можно было

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 174.

⁴³ Там же. Л. 177. Факт подведомственности греческой школы академическому начальству подтверждается синодальным указом ректору о переводе ученика греческой школы Анфиногена Аратова в связи с некоторым инцидентом. К сожалению, указ сохранился в очень плохом состоянии, удалось лишь реконструировать дату — начало 1722 г. (РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 26а).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170.

⁴⁵ «...В те вышеозначенные школы приеманы были ученики, и из тех вышеписанных учеников в разных годах браны в разные Ево Государевы службы, а и ныне ученики такожде взяв Ево Великого Государя жалование и не доучась в разных годах и ныне без ведома начальников отстают, и записываются в разные чины» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170).

⁴⁶ Бюрократические препоны создавали немало трудностей для Академии даже в повседневных нуждах. Например, осенью 1711 г. Монастырский приказ отказал Академии в поставке дров на основании отсутствия сенатского постановления. Рек-

только к той же самой бюрократии. Дело дошло до того, что сам ректор Феофилакт Лопатинский в начале 1718 г. вынужден был обратиться с доношением в Сенат, чтобы из многих зол выбрать меньшее и зафиксировать подведомственность Академии Монастырскому приказу, пусть и государственному органу, но зато одному, а не нескольким. Тем самым Лопатинский надеялся достичь трех целей: «о посылке Ево Великого Государя указу о защищении тех школ учителей и учеников», «о сыску тех отсталых учеников в Монастырской приказ Ево Великого Государя указ учинить в канцелярии Правительствующего Сената», «о жаловании учителем и учеником дабы не было никакой остановки и во всяких школьных нуждах в Монастырском приказе»⁴⁷. Ответ из Сената последовал неожиданно быстро 15 марта того же года: «Правительствующий Сенат, слушав сего доношения, приказал: вышеписанных школ учителей, также и школьников, которые будут в науке латинского языка росправою и судом кроме разбойных и убийственных дел ведать в Монастырском приказе, и в других приказах не ведать»⁴⁸. У ректора остается достаточно полномочий по управлению Академией, однако он в большей мере подотчетен государственным органам — Сенату, Святейшему Синоду и Монастырскому приказу, преобразованному позже в Коллегию экономии. Итак, митрополит Стефан (Яворский) больше не может выполнять свои функции протектора, и сама Академия с 1718 г. оказывается в ведении Монастырского приказа.

тор вынужден был обратиться в канцелярию Сената: «По указу Великого Государя в прошлых годах давана из Монастырского приказа в Славенолатинские школы дров в зиму по 8 сажень четырех алтынных и на прошлую зиму дано, а на нынешнюю зиму без указу Правительствующего Сената не дают». В ответ: «1711 году декабря в 19 день по указу Великого Государя Правительствующий Сенат слушав сего доношения приказал к даче вышеписанных дров послать указ в Монастырский приказ» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 1), что и было сделано (Там же. Л. 2).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 170.

⁴⁸ Там же. Л. 171. И далее: «А которые прежде сего от того учения отстали и записались в разные чины, также которые и вновь будут отставать и тех сыскивать и отсылать в те школы из Монастырского приказу с наказанием; а за прогульные дни данное им жалованья у них вычитать и жалованья тем учителем и учеником, которые учатца по прежнему Великого Государя указом давать без задержания и послать о том указ в Монастырской приказ».

В первой декаде XVIII в. Академия получала на свое содержание в среднем по 2000 рублей в год, к 1713 г. оно составило 3488 рублей, хотя и в предыдущие годы иногда достигало почти 4000 рублей⁴⁹, а в конце второй расходы на ректора, преподавателей и студентов составляли ок. 3500 рублей в год. Так, в 1720 г. из Монастырского приказа было выдано жалование «Славеногреколатинских школ учителем архимандриту Феофилакту, учителю школы греческия Софронию Лихудиеву, учителю школы богословии Гедеону Вишневскому, учителю школы риторики Гедеону Грембецкому, казначию Иосафу Туркеевичу, учителю школы пиитики Давиду Скалубе, учителю школы синтаксимы Варфоломею Филевскому, учителю школы грамматики Иосифу Арещницкому» всего 1650 рублей, а также «ученикам богословии и философии» по 8 денег на день человеку, другим ученикам — по 6 денег на день человеку, всего этих денег на содержание учеников с 1 января по 1 сентября 1720 г. было выдано 1 125 рублей 10 алтын 4 деньги, а с 1 сентября по 1 января 1721 г. — 539 рублей 6 алтын 4 деньги⁵⁰.

Как было отмечено, характерной чертой «доклассических» западноевропейских университетов являлось владение собственностью, приносящей прибыль, как правило, с недвижимости, что было дополнительным выражением академических свобод, финансовой автономией от государства. Поскольку это общее свойство университетов было выяснено исторической наукой только в новейшее время, очевидно, что вопрос о владении Академией вотчинами находился на периферии историографии XIX в. Тем не менее, источники сохранили сведения, указывающие на факты существования вотчин у Заиконоспасского монастыря и пользования доходами от этих вотчин со стороны академического начальства. Еще «Привилегия» царя Федора Иоанновича закрепляла за Заиконоспасским монастырем в качестве вотчин немалое количество недвижимости: Рязанский Иоанно-Богословский монастырь «со всеми к тому монастырю прежними надданием», знаменитое ртищевское наследие — Андреевский монастырь «ради во оном монастыре Российского рода по просвещении свободных мудростей

⁴⁹ Более подробно см.: Смирнов 1855. С. 97.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 15 об.

учения», Московский Даниловский монастырь «ради новоприходящим ученым людям пребывания», Стромьинский Троицкий приписной монастырь, Николаевский Пешношский монастырь, Борисоглебский монастырь, Медведева пустынь «со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями», Чугуевская пасека «со всеми угодьями и землею», дворцовая Вышегородская волость (для выплаты жалования преподавателям) «со всеми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всеми угодьями и с мельницами» и несколько пустошей (Насоново, Кочуково, Насина, Гондурово, малое и большое Немцово)⁵¹; однако, как было показано⁵², сама «Привилегия» в действие не вступила.

Одно из первых сведений о реальных вотчинах сохранилось благодаря земельному спору между такой вотчиной — Покровским монастырем «что на убогих домах» — и Крутицким архиереем. В этом монастыре издавна хоронили «убогих» в общих ямах, сооружая сверху специальные амбары. Гробокопатели вызывались по указанию монастырских властей из Канцелярии земских дел. Эти амбары и назывались «убогими домами», от чего получил наименование и сам монастырь. В 1712 г. землю, на которой была вырыта яма, отмежевали «на Крутицкого архиерея» и засыпали. Ректор архимандрит Феофилакт как настоятель Заиконоспасского монастыря, к которому Покровский монастырь был приписан, обратился в Синод с донесением об этом деле, на что 12 июля вышло постановление «яму с существовавшим над ней амбаром устроить по прежнему», а в Надворный суд из Монастырского приказа послать указ о решении «без волокитства»⁵³. Из этого дела мы узнаем о существовании у Академии вотчины, что является еще одним доказательством ее университетского статуса.

Ректор Лопатинский был инициатором ремонта крайне обветшавшего здания Академии⁵⁴. Еще в 1712 г. он обращался в Сенат, констатируя аварийное состояние помещений: «По указу Великого Госу-

⁵¹ Привилегия Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. В 20 частях. Ч. 4. М., 1788. С. 403–405.

⁵² См.: Фонкич Б. А. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // Очерки феодальной России. Вып. 4. М., 2000. С. 237–297.

⁵³ ОДДС. Т. 1 (1542–1721), 1868. № 380. С. 428.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 124. Л. 11.

даря учат языка славенолатинского в школах каменных, что в Китае у Иконного ряда, и тые школы по переходам стали валиться. И есть немалое опасение, дабы тые школы своим падением учителей и учеников не передавили. Да в тых же школах пол, лавки, скамьи и места учительские перегнили, печи и окончины развалились. Да в монастыре учительном тых же школ учительские деревянные кельи обветшали, стены развалились, углы обгнили, кровли обгнили же, печи и окончины и всякия внутри келейныя строения обветшали, и жить в них невозможно. И о том что Великий Государь укажет»⁵⁵. В ответ 20 августа 1712 г. последовал указ Сената в Монастырский приказ: «В тех школах и в монастыре каменное и деревянное строение починить, а если де его починить невозможно, создать вновь, из доходов Монастырского приказа»⁵⁶. Неизвестно, вызвала ли эта переписка реальное строительство, однако уже в самом начале 1718 г. ректор пишет «доношение просительное от Славенолатинских школ Его Царскому Пресветлому Величеству»: «1. В Славенолатинских училищах школы каменные валяются, и уже часть тех школ с переходами каменными упала, также де и двор школьный без починки и без очищения в запустении. 2. В Спасском училищном монастыре келии по указу в начале уставления школ данныя учителем деревянные весьма обветшали и отнюд в них жить невозможно. 3. В том же монастыре великая скудость в кельях, понеже тая обитель прежде была малая и тому часть келий того монастыря по указу отдана ради учителей; и осталось ради братии токмо четыре келии с двумя сеньми. А есть в том же монастыре вместо стены часть ряда Иконного, в которой стене и окошка на монастырь построены. 4. В прошлом 1715 году велено Вашим Царским указом отдать ризницу тамбовскую в тот же монастырь, но не есть отдана, а отдана архиерею Сербскому Скацдарийскому, обаче еще нечто осталось от той ризницы. 5. Просим Вашего Царского Пресветлаго Величества, да повелит Ваше Державство школы и двор школьный починить и очистить. Также де келии учителем построить каменные или деревянные. Часть оную Иконного ряда длиною от Монастырских до школьных во-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 25.

⁵⁶ Там же. Л. 25–26 об.

рот отдать в предреченный монастырь на келии. Останок от ризницы вышереченныя, ризы, книги и иные вещи отдать»⁵⁷. 11 февраля 1718 г. последовал указ из Сената удовлетворить все прошения Лопатинского, за исключением серебряной посуды из ризницы Тамбовского архиерея, и послать соответствующие указы в Монастырский приказ и Московскую губернию, которые были там получены 27 февраля⁵⁸. До этого, 20 января 1718 г., по ведомости за подписью митрополита Стефана Сенат велел «денежное жалованье к остаточным деньгам к 150 руб. выдать из доходов Монастырского приказу 1500 руб.»⁵⁹. Чуть позже, 31 марта 1718 г., относительно ризницы последовал даже отдельный рескрипт: «Тамбовского архиерея ризницу и сосуды церковные (приписка на полях: серебряные. — *И. Р.*) и все, что в той ризнице есть из Монастырского приказу отдать в Спасской монастырь, что у Иконного ряду, архимандриту Лопатинскому с роспискою, и о том в тот приказ послать указ»⁶⁰, — причем чтобы в Монастырском приказе об этом не забыли. Тем не менее, ремонт не сдвинулся с мертвой точки. Единственное, чего удалось достичь, — это передача части стены Иконного ряда, о чем упоминает в 1732 г. ректор архимандрит Софроний (Мигалевич) в своем письме в Сенат: «В 1718 году по имянному блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского Величества Петра Великого указу пожаловано в Спасской Училищной монастырь иконного ряду каменное строение и с лавочными местами от школьных до монастырских ворот под строение келий...»⁶¹. 11 сентября ректор опять обращается в Сенат: «А в Монастырском приказе доселе ничего не сделано, а учителем негде жить, и учеников негде учить, которые ныне по обычаю розпущены на вакации, а по вакациях собирать их невозможно ради вышеозначенной причины»⁶². Это обращение вызвало еще один бюрократический круг: Сенат отправил повторные указы в Монастыр-

⁵⁷ Там же. Л. 11–11 об.

⁵⁸ Там же. Л. 13–14 об.

⁵⁹ *Забелин* 1884. С. 395.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 530. Л. 179.

⁶¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. Л. 978.

⁶² Там же. Оп. 9. Кн. 530. Л. 19.

ский приказ⁶³. Но и они не возымели действия, так что 27 октября по просьбе Лопатинского к государю обратился протектор митрополит Стефан: «...того Спасова монастыря архимандрит Феофилакт писа ко мне богомольцу вашему, что школы не починены и кельи не перестроены и донныне...». В ответ 5 ноября Сенат, «слушав вышеписанного доношения, приказал в Монастырский приказ послать... указ велеть о строении в Москве Славенолатинских школ учинить по прежнему Его Великого Государя имянному указу от 12 февраля 1718 году, а зачем по преждепосланным указом не учинено о том, при доношении прислать в канцелярию Сената ведение»⁶⁴ и послал соответствующий указ в Монастырский приказ⁶⁵. Но все усилия были напрасны, ремонт так и не начался. Только через два года Сенат предпринял следующий шаг: последовал указ за подписью графа И. Мусина-Пушкина от 5 сентября 1720 г. к дьякам Монастырского приказа, чтобы из собранной денежной казны в размере 22 746 рублей 27 алтын 3 деньги отослать 20 000 рублей в Петербург «в Рентерею рентмейстеру князю Сонцову Засекину», остальные деньги направить на строительство каменных зданий в Заиконоспасском монастыре⁶⁶. Однако и этот указ не был исполнен. После того как протектор Академии митрополит Стефан фактически был устранен от дел и перемещен в Петербург, а ректор тщетно взывал к чиновникам, она оказалась абсолютно незащитной перед лицом бюрократии. Именно в таком состоянии ведущая российская школа встретила рождение Духовной коллегии.

3. СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ В ВЕДЕНИИ СВ. СИНОДА

С учреждением Святейшего Синода Славяно-греко-латинская академия переходит в его ведение и непосредственное подчинение. 16 февраля 1721 г. последовал царский указ: «Великий Государь Царь и Ве-

⁶³ Там же. Л. 20–23.

⁶⁴ Там же. Л. 25.

⁶⁵ Там же. Л. 26–27.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 5–5 об.

ликий Князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец указал по имянному Своему Великого Государю указу, Печатному двору и школам Славенского и Греколатинского языков, что в Москве, кроме Навигацкой школы, и Друкарне, которая в Санкт-Петербурху, и служителем при том обретающимся быть в ведении в Духовной Коллегии, и о том в Камор и в Штатс кантору и в Духовную Коллегию послать указы»⁶⁷. В тот же день из Сената были посланы указы в «Камор и Штатс Кантор Коллегию», а в Синод — ведение соответствующего содержания⁶⁸. Сенатский указ гласил: «Суд и роправу чинить по Его Великого Государя указу в Правительствующем Духовном Синоде»⁶⁹. Основываясь на этих постановлениях, Святейший Синод тогда же предписал: «Славнолатинские школы и всякое во оных правление ведать в Правительствующем Духовном Синоде; и о всяком оных школ... правлении... тако ж при школах коликое число учителей, и кто имяны и из каких чинов ученики, и в каком кто учении и трактamente, и откуда оный учителя и ученики получают, учиня реэстр, прислать в Правительствующий Духовный Синод»⁷⁰.

Ректор архимандрит Феофилакт уже в мае 1721 г. обращается в Синод за помощью в связи с катастрофическим положением Академии⁷¹. С 1718 г. практически ни одно ходатайство о ее благоустройстве не было удовлетворено. Он вновь поставил на повестку дня необходимость регулярного материального обеспечения Академии: жалование преподавателям и студентам, периодический ремонт ветхих построек, новое строительство (дренажная труба в речку Неглинную), бесперебойное отопление (поставки дров), уборка территории, вопрос академических свобод и неприкосновенности студентов, защищенность от произвола чиновников, контроль посещаемости занятий. Также был поставлен вопрос о предоставлении монастырю вотчин «по пропорции

⁶⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 764. № 16. Л. 286. Указ был неоднократно опубликован, см.: ПСЗРИ. Т. 6. № 3742. С. 358, а также ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 5. С. 35.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 764. № 16. Л. 287.

⁶⁹ Там же. № 18. Л. 303.

⁷⁰ ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 5. С. 35.

⁷¹ ОДДС. Т.1 (1542–1721). 1868. Прилож. 30. С. 314–317.

иных монастырей», «без которых в великой скудости пребывает и пребыть не может»⁷². Эта фраза указывает не на отсутствие вотчин у Академии (как было показано выше, Заиконоспасский монастырь имел приписной Покровский монастырь «что на убогих домах» по крайней мере с 1712 г.), а на их недостаточное количество по сравнению с другими монастырями и, как следствие, на недостаточный доход.

Содержание выдавалось из подведомственных Синоду структур — сначала из Монастырского приказа, затем из Камор-конторы, потом из Коллегии экономии.

Оклады учителей и содержание студентов производилось с поддержками. Создается впечатление, что если у чиновников был хотя бы маленький повод не выплачивать содержание, они это делали. На такое положение вещей не раз жаловалось академическое начальство. С 1721 г. стали выдавать жалование по третям, начиная с январской, затем майская и сентябрьская. Но поскольку школьный год совпадал с государственным, то при переходе на выплаты по третям терялась сентябрьская треть 1720 г. 24 мая 1721 г. Синод разбирал этот вопрос и запрашивал Штатс-контор-коллегию, но мнения своего так и не высказал⁷³. Известно распоряжение Монастырского приказа от 27 апреля 1721 г., адресованное «бригадиру и московской губернии вице-губернатору и Московского надворного суда вице-президенту Ивану Лукичу Воейкову» выдать из губернской казны «Спасского монастыря архимандриту Греческия школы учителю Феофилакту Лопатинскому... жалование на 1721 год на генварскую треть по окладу ево 100 рублей да Славенолатинских школ учителям 9 человекам по 50 рублей всего 450 рублей, сторожам двум по 1 рублю 16 копеек»⁷⁴, но осталось неизвестно, было ли оно исполнено.

В 1722 г. школа продолжала терпеть нужду: «1) по указу церковному, последовавшему в январе 1722 года, велено было ставить по улицам фонари со свечами, по размеру, пред всяким двором, в том числе и пред двором школьным и пред Спасским учительным монастырем, —

⁷² Там же. Прилож. 30. С. 317.

⁷³ Там же. № 284. С. 319.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 15.

но таких фонарей взять не откуда, 2) от начала Славянолатинских школ на девять палат школьных всегда давано из Патриаршаго Дворцоваго Приказу с дровянаго двора по 16-ти сажен дров, а потом неведомо для чего убавлено было 6 сажен на 1721 год; на 1722 же год в половине января еще и вовсе не было выдано, а ученикам указных для учения часов на морозе в нетопленных комнатах нельзя высидеть, 3) 16 января 1722 года префект Грембецкий подавал Св. Прав. Синода в Контору Типографских Дел доношение о выдаче учителям и ученикам жалования, о дровах, о починке школьных палат, а о достройке келей новых учительских, и силою взятых учениках... учителям весьма нечем питаться; и ученики такожде многие от учения отстают, записываясь в иные школы... и на стужи в нетопленных палатах указных часов не могут высидеть»⁷⁵. На ходатайство ректора о починке кровли «архимандричьих келей» 15 сентября 1724 г. Синод издал соответствующий указ, однако неизвестно, был ли ремонт действительно осуществлен⁷⁶.

Перебои с выплатами отмечаются и в 1724 г. 17 июля последовал указ Святейшего Синода о незамедлительном финансировании Академии среди прочих учреждений, адресованный Монастырскому приказу и Штатс-конторе⁷⁷. А 7 сентября 1724 г. Синод уведомил ректора архимандрита Гедеона о том, что посланы указы в Штатс-контору и в Монастырский приказ, предписывавшие Штатс-конторе ассигновать Монастырский приказ для незамедлительной выдачи жалования учителям и ученикам Академии⁷⁸. В то время жалование выдавалось иногда «сибирскими товарами», т. е. мехами, что вызывало явное недовольство академического начальства. На обращения ректора Синод писал 6 января 1725 г., что на совместной конференции Синода и Сената 23 марта 1724 г. решено выдавать учителям и ученикам на майскую и сентябрьскую 1723 г. трети жалование «деньгами, а не товарами без вычета четвертой части» и распорядился выдавать «на означенную сентябрьскую прошлого 1724 года треть деньгами, а не сибирски-

⁷⁵ ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 284. С. 320.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 66–66 об.

⁷⁷ Там же. Л. 61–61 об.

⁷⁸ Там же. Л. 65.

ми парчами и впредь давать по окладом вашим неотменно...»⁷⁹. Указ сходного содержания был выпущен Синодом 2 июня 1725 г.⁸⁰, видимо, в связи с нарушениями предыдущих указов.

«Духовный регламент» предусматривал казенное содержание студентов: в случае, если ученики «едини будут люди убогии, и тыи, по милости Царского Величества, препитание и одеяние и прочая нужная возимут»⁸¹. Дети же обеспеченных родителей «должны будут платить за корм и одеяние»⁸².

О содержании преподавателей, студентов и служащих можно судить по сохранившемуся обрывку ведомости, которая приблизительно датируется январем-февралем 1723 г.: ученикам и сторожам полагалось на год около 2096 рублей, всем же вместе с учителями — чуть больше 4026 рублей. Эта ведомость содержит данные о количестве учеников в разных классах: риторики — 29 человек, пиитики — 26 человек, синтаксимы — 36 человек, грамматики — 74 человека, инфимы — 20 человек, фары — 35 человек⁸³.

В конце 1725 г. в связи с интересным инцидентом была установлена процедура выплаты содержания преподавателям и студентам из Камор-конторы: «Архимандриту Гедеону да префекту иеромонаху Платону... ради лучшаго порядку в школах и прекращению излишних волокит приказных определить такую персону, от которой бы поданным за рукою учителем и ученикам к выдаче жалованья росписям, та Камор кантора могла верить и оное б жалование производила без волокиты велено вышеобъявленным Славенолатинских школ учителем Тарасию Постникову, Ивану Каргопольскому, Ивану Смилевскому, Петру Крайскому, освидетельствовав, кем надлежит, подлинно ежели они показанное во оном вашем доношении время во учении школьном превождали, на вышеозначенные прошлого 1724 года сентябрьскую..., а сего 1725 году генварскую по росчету трети заслуженное ими учительское жалование из вышеупомянутой синодального правительства

⁷⁹ Там же. Л. 83.

⁸⁰ Там же. Л. 91–95 об. (содержатся копии указов).

⁸¹ Духовный регламент. М., 1897. С. 63.

⁸² Там же.

⁸³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 40.

Камор канторы выдать всем на лицо, записав в росход по обыкновению с росписками, о которой выдаче в ревизион и в Штатс канторы в подаваемых репортах написать имянно без упущения, а впредь тех Славенолатинских школ вам ректору, префекту, учителем и ученикам из той Камор канторы дачу жалования по получаемым реестрам производить, а имянно от ректора до учеников за подписанием руки Святейшего Правительствующего Синода советника школ и типографии протектора Троице Сергиева монастыря архимандрита Гавриила а ученикам за рукою твоею ректорскою не требуя особливых указов по прежнему обыкновению неотложно...»⁸⁴. Таким образом, список учителей при выдаче содержания должен был визировать протектор Академии, а список студентов — ректор. Согласно этой схеме 20 июня 1726 г. протектор архимандрит Гавриил (Бужинский) отправляет в Каморконтору синодальный указ «о выдаче ректору и учителям Академии жалования за январскую треть 1726 года по реестру»⁸⁵. В тот же день ректор получил синодальный указ, согласно которому выплату жалования ректору и преподавателям «производить по присылаемым из Святейшего Правительствующего Синода в ту Камор кантору имянным реестрам за подписаниями членскими или синодальными обер секретаря секретарями, а ученикам по прежнему за рукою твоею ректорскою»⁸⁶. 13 июля 1726 г. жалование было выплачено согласно указу из Каморконторы: «По присланной из Штатс канторы ассигнации Ея Императорского Величества денежного жалования по расписанию и за вычетом лазаретных денег на прошедшую генварскую сего 1726 года треть выдать вам ректору 99 рублей, префекту да учителям философическому Герману Копцевичу, риторическому Софронию Мигалевичу, пиитическому Парфению Яновичу, синтаксическому Исакию Хмарнову, грамматическому Паисию Тынсовскому, инфимическому Серапиону Илевичу, фарическому Тарасу Постникову, елино-греческия Алексею Барсову по 49 рублей 50 копеек человеку 445 рублей 50 копеек, славено-российских школ учителю и учеником и сторожам 1077 рублей

⁸⁴ Там же. Л. 104–105.

⁸⁵ Там же. Л. 147–147 об.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 151.

44 копейки 1 деньга, записав в расход тебе ректору с роспискою. И о роздаче учителем и учеником онаго их жалования послать к вам указ, по которому те деньги роздавать по силе адмиралтейского регламента все на лицо с росписками, а коликое число роздано будет и за тем, что в остатке, о том по роздаче объявить при доношении и репортовать немедленно, а в расход тех остаточных денег не держать»⁸⁷. Лазаретные деньги (формировались по принципу: с каждого рубля жалования по копейке), упоминающиеся в указе, отправлялись в «Московскую гофшпиталь», где проходили лечение преподаватели и студенты, и являлись своего рода медицинской страховкой для преподавательской корпорации и студенчества. Практика «лазаретных денег» утвердилась на несколько десятилетий. На постоянной основе медицинское обслуживание проходили и преподаватели, и студенты. В разное время в «московскую гофшпиталь» на лечение были отправлены: 19 мая 1727 г. учитель Иван Папин⁸⁸, 16 декабря 1727 г. ученик Василий Смирнов⁸⁹, 5 августа 1728 г. ученик Гребешиков⁹⁰, 11 октября 1737 г. ученик Игрунович⁹¹, 18 ноября 1738 г. школьник Семион Алексеев⁹², 15 января 1740 г. ученик Василий Хлопков⁹³.

Одной из причин задержек в выплате содержания СГЛА является неразбериха с управлением церковным имуществом после смерти Петра I. 12 июля 1726 г. Екатерина I делит святейший Синод на два «департамента» (Московский и Петербургский) и упраздняет титул «Правительствующий»⁹⁴. Двоевластие привело к путанице полномочий, и, в конце концов, «Московский департамент» стал именоваться Коллегией экономии синодального правления⁹⁵. Официальный указ последовал 26 сентября 1726 г., а 23 марта 1727 г. Духовная дика-

⁸⁷ Там же. Л. 152–152 об.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 34. Л. 1.

⁸⁹ Там же. № 123. Л. 1.

⁹⁰ Там же. № 200. Л. 1.

⁹¹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 1248. Л. 1–2.

⁹² Там же. № 1363. Л. 1.

⁹³ Там же. № 3744. Л. 1.

⁹⁴ ПСЗРИ. Т. 7. № 4919. С. 673–674.

⁹⁵ Там же. № 4959. С. 697–698.

стерия уведомила ректора, что 13 марта был получен из Петербурга синодальный указ, где было написано, что 7 февраля 1727 г. в присланном из Верховного тайного совета в Святейший Правительствующий Синод указе предписывалось с 30 января 1727 г. монастырские и епархиальные доходы, которые раньше собирались в Монастырский приказ, а сейчас — в Камор-контору, собирать в Коллегию синодальной экономии. В связи с этим Синод отправляет в Москву двух своих чиновников, Кирилла Чичерина и Алексея Владыкина, которые производят инспекцию отчетности и ревизию вотчин монастырей синодальной области⁹⁶. На преодоление административного кризиса ушло время, к тому же с началом царствования Петра II Синод подумывал об упразднении Коллегии экономии и Камор-конторы, а также Духовной дикастерии и Московской синодальной конторы и о восстановлении вместо них Патриаршего разряда и Духовного приказа в ведении епископа Крутицкого, соответственно. Однако, как реформа Екатерины I, так и реакция на нее не получили завершения⁹⁷. В скором времени в попытке преодоления путаницы был представлен проект разграничения полномочий Синода и Коллегии экономии, где, в частности, значился пункт, согласно которому «содержание латинской, греческой и славянской школ в Московском Заиконоспасском монастыре учеников и учителей денежным и хлебным жалованием, также строение и починка в том монастыре» находились в ведении Коллегии экономии⁹⁸. Однако этот проект так и не получил законодательного утверждения в виде указа, и, хотя Коллегия экономии постепенно приобрела все хозяйственные и финансовые полномочия по управлению церковными именьями, неопределенность ее статуса создала почву для ее фактического подчинения Синоду, который рассматривал ее как преемницу Монастырского приказа и Камор-конторы⁹⁹. 14 декабря 1726 г. Синод требовал от Коллегии экономии решить, из какого ведомства выплачивать содержание школ¹⁰⁰. Сама Камор-контора продолжала суще-

⁹⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 176–177 об.

⁹⁷ *Верховский 1999*. С. 29–30.

⁹⁸ Там же. С. 33.

⁹⁹ Там же. С. 36.

¹⁰⁰ Там же. С. 37–38.

ствовать и официально так и не была расформирована, но сначала она фактически оказалась в ведении Коллегии экономии, которая потом постепенно перехватила ее функции. Когда это произошло, Академия стала получать содержание именно из Коллегии экономии¹⁰¹, которая, вбирая все больше полномочий, стремилась к независимости от Синода. На это потребовалось больше десяти лет, и 15 апреля 1738 г. вышел именной указ императрицы Анны Иоанновны, согласно которому Коллегия экономии переводилась в полное ведение Сената¹⁰². После этого возник парадокс: Академия находилась в ведении Синода, но содержание получала из подведомственной Сенату Коллегии экономии. Это продолжалось до 15 июля 1744 г.

Жалование за майскую треть 1726 г. было выдано из Камор-конторы 14 октября 1726 г. по специальному указу. Ректору предписывалось раздать деньги 9 учителям по 49 рублей 50 копеек, всего 445 рублей 50 копеек, а префекту иеромонаху Платону (Малиновскому), учителю славяно-российской школы, а также ученикам и сторожам — всего 847 рублей 18 алтын 2 деньги. «Прогульные деньги» следовало собрать и отчитаться перед Камор-конторой «и без указа оттуда не расходовать»¹⁰³. По аналогичной процедуре содержание за январскую треть 1727 года было выдано 7 июля 1727 года «из Коллегии экономических дел по присланной ассигнации из Камор канторы» «за вычетом лекарских денег ректору 99 рублей и на роздачу 9 учителям по 49 рублей 16 алтын 4 деньги всего 445 рублей 16 алтын 4 деньги и для роздачи ученикам префекту Платону Малиновскому 1167 рублей 18 алтын 3 деньги», всего 1712 рублей 1 алтын 5 денег, причем «прогульные деньги» также подлежали учету¹⁰⁴. В связи с задержкой выплаты жалования за майскую треть 1727 г. ректор обратился в Синод, прося утвердить приложенный реестр. В ответ 17 октября 1727 г. Синод постановил «реестр свидетельствовать преосвященному Леониду, архиепископу Сарскому и Подонскому, и впредь по третям года, свиде-

¹⁰¹ Примерно с середины 1727 г.

¹⁰² ПСЗРИ. Т. 10. № 7558. С. 458.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 165–165 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 195–195 об.

тельствуя всех на лицо, крепить его преосвященству, и для того онѣй реестр послан его преосвященству»¹⁰⁵ как управляющему Московской синодальной областью. 27 ноября Коллегия экономических дел писала ректору о задержке жалования из-за свидетельствования архиепископа Леонида¹⁰⁶, однако уже 28 ноября содержание было выплачено в объеме предыдущей трети¹⁰⁷. Оклады за сентябрьскую треть 1727 г. были выданы из Коллегии экономии только в начале 1728 г.¹⁰⁸.

Со временем Академия стала выпускать достаточно специалистов, чтобы покрыть и свои кадровые нужды. Однако на просьбы ректора архимандрита Гедеона (Вишневого) о возможном расширении штата Синод 31 августа 1726 г. отвечал: «А по присланному твоему доношению велено в Славенолатинских Московских школах учителем быть по прежнему полному комплекту осьми человеком, а более не прибавлять, того ради что дачу жалования производить тем прибавочным не из чего...»¹⁰⁹.

В связи со встречей в Москве при Триумфальных воротах императора Петра II Коллегия экономии прислала указ по поданному от префекта иеромонаха Софрония (Мигалевича) реестру о покупке новых и о починке старых одеяний (уборов) для 40 студентов и об обучении их музыке¹¹⁰.

Характерной чертой западноевропейских университетов являются различные налоговые и финансовые льготы, предоставляемые государственной властью учителям, студентам или самому учебному заведению. Намек на существование практики освобождения учеников Академии от подушного оклада содержится в ведении Сената от 24 мая 1732 г.: «В 1723 году сентября 2 дня, поповских и причетнических детей, которые в подушной оклад будут не включены и к школьному учению по местам их потребны, набирать в школы всех тех, которые

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 211–211 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 212.

¹⁰⁷ Там же. Л. 213–214.

¹⁰⁸ Там же. Л. 220.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 157.

¹¹⁰ Там же. Л. 217–217 об.

учиться могут»¹¹¹. Речь идет о том, чтобы уже освобожденных от налога детей духовенства по возможности зачислять в школы. Необходимость их исключения из подушного оклада, как и освобождение от «сборов на полки», осознавалась в связи с более чем скромными доходами и особым статусом священнослужителя, и Синод доносил об этом и в Сенат¹¹², и государю¹¹³, но однозначного решения не было принято.

Известен случай освобождения от подушного оклада студента «богословии» Ивана Левяцкого, сына священника церкви Адриана и Наталии, «что в Мещанском». Как он писал в Синод, его отец «для обучения в надежду священства отдал ево в Московскую Славеногреколатинскую академию, в которой будучи обучился он философии, а ныне обучается богословии на казенном Ея Императорского Величества коште, котораго ныне получает на корм по 4 копейки на день, а вышеозначенный отец ево, за которым он написан в подушный оклад, не току подушных за него денег платить не в состоянии, но и домашних своих за совершенную старостию в содержании пропитанием и одеждою находится ныне с недостатком, чего ради и с получаемого жалованья, из котораго едва имеет повсядневное себе ж пропитание с школьным обрядом, принужден и подушныя по третям года деньги и в рекрутския наборы с немалою тягостию и повлачением платить без доимки»¹¹⁴. В специальном ведении из Синода в Сенат указывалось, что Левяцкий «просил, дабы высочайшим Ея Императорского Величества указом повелено было ево Ивана яко по указом Ея Императорского Величества свободного и в надежду священства обучающагося из подушнаго окладу выключить, дабы ему от платежа подушных и рекрутских сборов денег напраснаго отягощения и от Московской Славеногреколатинской Академии от обучения повлачения быть не имело»¹¹⁵. Синод в

¹¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. № 14. Л. 626.

¹¹² ОДДС. Т. 1 (1542–1721). 1868. № 23. С. 231–234.

¹¹³ Например: «Высочайшие резолюции на докладные пункты Святейшего Синода» от 19 ноября 1721 г., резолюция на п. 6 (См. ПСПР. Т. 1 (1721). 1879. № 312. С. 365): «Довольно поговорить и на пример несколько экземпляров. — И. Р.) учинить к слушанию».

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 798. № 1652. Л. 1300 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 1300 об.—1301.

связи с этим делом постановил об «оном студенте Левицком, дабы он по силе имянного блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Петра Великаго 1722 года апреля 4 дня указа и состоявшихся в том же 1722 году июня 12 Правительствующего Сената да августа 10 числа Святейшего Правительствующего Синода определением, по которым таковых действительно служащих отцев детей в подушной оклад класть не велено, ктому ж оной Левицкой по силе именных же Императорского Величества указов обучается в Московской Славеногреколатинской Академии в государственную пользу уже школы богословии, и чтоб ему от онаго обучения для платежа подушных денег повлечения не было из подушнаго окладу был выключен»¹¹⁶. Характерно, что освобождение от налогового бремени ставится в прямую зависимость от студенческого статуса Левицкого. Известен также случай обращения по аналогичному поводу в Синод в 1727 г. студента Сергея Никитина, который просил исключить его из подушного оклада в связи с обучением в Академии, однако решения по его вопросу в деле не содержится¹¹⁷. Летом 1727 г. в связи с цитированным выше указом Петра I о зачислении детей церковнослужителей в Академию, не записанных в подушный оклад, даже и неволей, сын диакона Алексея Иванова церкви великомученицы Екатерины на Всполье Иаков просит зачислить его в Академию и не писать в подушный оклад, и Синод удовлетворяет его прошение¹¹⁸. Эти прецеденты могут быть приведены в доказательство того, что Академия, подобно западноевропейским университетам, имела налоговые льготы. Кроме того, дело Ивана Левицкого, хранящееся в сенатском архиве, содержит в качестве справок копии указов Петра I, определяющих порядок учета и налогообложения духовенства. Согласно одному из них от 4 апреля 1722 г., «протопопов, попов и дьяконов тех, которые ныне у церквей действительно служат, самих их, детей при переписи в подушной оклад не класть для того, что им быть при тех церквах во дьячках и в понамарях и из них же учить в школе и производить на убылые места в попы и во дьяконы»¹¹⁹.

¹¹⁶ Там же. Л. 1301–1301 об.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 185.

¹¹⁸ Там же. Л. 194–194 об.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 798. № 1652. Л. 1302.

Позже возникает прослойка так называемых «закомплектных учеников», т. е. внештатных. Это произошло в связи с указом Анны Иоанновны от 23 мая 1736 г., когда было «велено офицерским дворянским салдацким казачьим пушкарским и подъяческим и протчих служилых людей детям явитца в Москве в Сенатской канторе и из оной годных определять в службу, малолетних записывать в школы и обучать грамоте и протчим наукам, кто к чему охоту возымеет, также и воинской экспедиции и которые из дворянских детей своего собственного пропитания не имеет, таким при школах давать жалование против того как салдацким детям определено»¹²⁰. Таких «изявшихся в той Канторе недорослей прислано в Коллегию Экономии для отсылки во учение в Московскую Славеногреколатинскую Академию семьсот сорок два человека, в том числе неимущих своего собственного пропитания четырехста шестьдесят три человека, а по состоявшимся Ея Императорского Величества указом прошлых 1732 марта 6 и 1736 годов мая 6 чисел велено во всех губерниях и провинциях таким бывшим в школах закомплектным недорослям, которые своего пропитания не имеют, давать муки по одному четверику, да денег по тридцати копеек на месяц человеку из неположенных в штат доходов»¹²¹. Таким образом, «закомплектные недоросли», зачисленные в Академию, — это дети не только малосостоятельных дворян, но и прочих «служилых людей», причем они противопоставлялись, как кажется, «казенкоштным», т. е. штатным ученикам Академии, которые к тому времени набирались почти только из духовного сословия. Коллегия экономии, ставшая независимой от Синода и перешедшая в то время в ведомство Сената, отказалась выплачивать содержание «закомплектных» учеников, несмотря на просьбы академического начальства¹²².

Вопрос «откуда брать деньги» решался несколько лет, пока, наконец, Сенат 29 февраля 1740 г. не велел «в Штатс кантору послать указ велеть означенным ученикам для их крайней скудости на оной 1739 год заслуженное жалованье против прежних дач, что надлежит, выдать из

¹²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 275.

¹²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 275 об.

¹²² Там же. Л. 277–277 об.

тех же доходов, из которых прежде давано было», однако «впредь им жалованье производить ли и из каких доходов, о том сообщить еще в Правительствующий Сенат вторичное ведение и требовать как на прежде сообщенное, так и на сие ведение общаго их Правительствующего Сената определения»¹²³. Ситуация вернулась в нормальное русло только после упразднения Коллегии экономии, возвращения финансовых полномочий Синоду и определения конкретного содержания Московской академии.

В первой половине XVIII в. Академия, наряду с приписным Покровским монастырем «что на убогих домах», имела другие вотчины и, соответственно, доходы от них. К Заиконоспасскому монастырю была приписана церковь Владимирской иконы Божией Матери. На это указывает синодальное распоряжение, направленное ректору архимандриту Гедеону (Вишневному) в ответ на его донесение о инспектировании приписной к монастырю церкви Владимирской иконы Божией Матери в бытность там иеродиакона, а потом архимандрита Севского Варлаама. Этим распоряжением от 20 августа 1722 г. назначался для расследования инквизитор, которым стал один из канцеляристов Святейшего Синода¹²⁴. Владимирская церковь упоминается и в указе московской канторы Синода «об определении из числа обретающихся при Камор канторе отставных солдат для охраны Владимирской церкви, что у Никольских ворот»¹²⁵, о чем был уведомлен ректор. Покровский монастырь, «что на убогих домах», как подчиненный академическому начальству также упоминается в специальном циркуляре от 22 декабря 1722 г. «о благовесте и звоне без излишеств» с угрозой в противном случае накладывания штрафов по усмотрению Духовной дикастерии: «...и Спасского монастыря архимандриту Гедеону о исполнении вышеписанного о благовесте и о звоне у себя в Спасском и в Покровском, что на убогих домах, монастырех чинить по сему Его Императорского Величества указу неотменно»¹²⁶.

¹²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. Л. 285.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 35.

¹²⁵ Там же. Л. 182—182 об.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 791. № 11. № 1. Л. 37—38.

В качестве приносящей доход недвижимости Заиконоспасский монастырь имел «обретающиеся подле того монастыря каменные лавки» и «Серпуховской Владычен монастырь с вотчинами». 6 октября 1724 г. Святейший Синод и Монастырский приказ, «рассуждая о постройках и починках обретающегося в Москве Спасского Училищного монастыря», констатировали, что «колико с тех лавок и вотчин каких доходов в тот Спасский монастырь бывает и куда употребляются, того неизвестно», и «согласно приговорили... дать обстоятельное известие о доходах и расходах»¹²⁷. Как свидетельствуют источники, эти каменные лавки, расположенные в Иконном ряду от монастырских до школьных ворот, согласно сенатскому указу от 19 февраля 1718 г., «за приписанием тайного советника господина графа Мусина Пушкина повелено отдать» Заиконоспасскому монастырю¹²⁸. Однако соответствующей жалованной грамоты не было выдано до 1728 г., и в связи с тем, что лавки подлежали налогообложению, монастырь постоянно испытывал неудобства. Ректор архимандрит Феофилакт (Лопатинский) 5 августа 1720 г. обращался в Сенат, «чтоб на помянутый ряд для вечного владения и утверждения в оном монастыре повелено дать жалованную грамоту и оброчные в чине платежи, по окладом их збираемые в ратушу со оных лавок и с доимки, выложить, и о том бы в Московскую губернию и куда надлежит послать указы», на что из Сената 27 апреля 1721 г. в Камор-коллегию последовал указ «о даче жалованной грамоты на помянутые Иконного ряду лавки и о снятии с них оброчных и доимочных денег»¹²⁹. Однако на этот указ, как и на указы Святейшего Синода и повторный Сената в 1722 г., ответа из Камор-коллегии не последовало, так что Синод 16 августа 1725 г. грозил, что «в Правительствующий Сенат с требованием на ту коллегию надлежащая сатисфакции сообщено будет ведение»¹³⁰. Камор-коллегия оправдывалась, что в ее архиве нет сенатского указа 1718 г., а запросила 15 сентября 1725 г. свое московское отделение относительно этого указа¹³¹. Наконец, в 1728 г. жалованная

¹²⁷ Там же. № 1. Л. 64.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 100.

¹²⁹ Там же. Л. 100—100 об.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 100 об.

¹³¹ Там же. Л. 100—100 об.

грамота была выдана, однако, по сообщению ректора архимандрита Софрония (Мигалевича), «с тех лавок с <1>718 году оброчные деньги из Московской ратуши по <1>731 год с... монастыря требуетца, и таких де оброчных денег оному же монастырю платить нечем», в связи с чем ректор обращался в Сенат, «чтоб повелено было с того 1718 году по <1>731 год оную доимку с их монастыря сложить»¹³². Сенат издал удовлетворяющий донесение ректора указ¹³³, однако постановил «для рассмотрения и решения при указе отослать в Московскую губернию, а ежели той губернии затем решения учинить будет невозможно, и о том подать в Сенат доношение со мнением...»¹³⁴. По источникам не удалось установить, чем разрешилась эта бюрократическая волокита, длившаяся, как минимум, 14 лет. Тем не менее, источники фиксируют факт наличия у Академии недвижимости и, соответственно, некоторого дохода от нее. А это — характерная черта «доклассических» европейских университетов.

В связи с довольно частыми побегами студентов в Академии образовалась определенная статья «доходов». По указу Петра ученики нижних школ получали содержание по алтыну на день, философии и богословии — по 4 копейки на день. В связи с побегами образовывались так называемые «прогульные деньги», которые запрещено было расходовать под страхом штрафа и предписывалось возвращать в Камор-контору. Ректор просил эти деньги удерживать (так, за январскую и майскую трети 1724 г. осталось 49 рублей 5 алтын 2 деньги) и использовать на повседневные нужды и ремонт. Синод отдельным указом от 25 мая 1725 г. разрешил удерживать средства и не возвращать их (т. к. это ученические деньги), но предписал записывать их в приходную книгу, а расходовать на монастырские строения только после разрешения из Камор-конторы¹³⁵. Этот указ был повторен 23 июля 1725 г.¹³⁶. Вскоре эта схема заработала, однако чиновники зорко следили за образовавшимися свободными деньгами. 21 декабря 1725 г.

¹³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 781. № 66. Л. 978–979.

¹³³ Там же. Л. 976.

¹³⁴ Там же. Л. 977.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 90–90 об.

¹³⁶ Там же. Л. 96–97.

из Камор-конторы, находившейся в ведении Синода, пришел указ «по поданным за рукою префекта Платона Малиновского роздаточным о даче школьным ученикам жалованья росписям, по которым показано о той дачи остаточных и за прогульные дни у тех учеников вычетных от 1724 года да от генварской сего 1725 году трети 418 рублей 1 алтын 1 деньга, которые показаны по оным же росписям в расход на всякое монастырское строение и починки и требовано о зачете тех денег на оное строение решения велено оные остаточные и прогульные деньги на оное строение зачесть и о том к тебе послать указ, в котором написать, чтоб ты впредь оных остаточных денег ни на какие расходы без указа из Камор канторы не держал...»¹³⁷. По донесению ректора Камор-контора 2 октября 1726 г. разрешила ремонт за счет «прогульных денег»: по «доношению о покрывке над учительскими крышами кровли гонтом»¹³⁸ также о постройке вновь и починке во оных учительских келиях печей из оставших от роздачи школьником денежного жалования остаточных прогульных денег от прошлого 1725 году, а сего 1726 году от генварской трети 69 рублей 30 алтын $\frac{1}{4}$ деньга велено оные оставшиеся деньги на оное строение и починки держать вам по настоящей цене без излишества, а что построено и починено будет, о том в Камор кантору репортовать и о том послать к вам указ, о чем сей и посылается»¹³⁹. Также по донесению ректора 11 января 1727 г. Коллегия экономии синодального правления разрешила «против школьного двора крашенные столбы на них слюденые или стеклянные фонари и в них свечи купить на остаточные, которые ученики, от майской трети прошлого 1726 года не получа жалование, оставили»¹⁴⁰.

Так или иначе, но доходы с собственности были достаточно значительными. Об этом свидетельствует происшествие с приходно-расходными книгами приписного Серпуховского монастыря. После выявления некоторых нарушений в отчетности Синод 24 февраля 1726 г. определил конкретную процедуру по контролю за «денежными и хлеб-

¹³⁷ Там же. Л. 107.

¹³⁸ Гонт — деревянный кровельный материал.

¹³⁹ Там же. Л. 166.

¹⁴⁰ Там же. Л. 170.

ными расходами», целью которой было «...без упущения из тех денег и хлеба обретающихся в том вашем монастыре Славенолатинских школ учителей содержать в каком возможно довольстве без оскудения...»¹⁴¹. С учетом постоянного давления на Академию последний пассаж можно расценить как попытку быть заботливым и щедрым за чужой счет. 9 марта 1726 года на запрос ректора о ремонте Камор-кантора прислала указ: «Велено во оном монастыре учительских келий на переходах решетки железныя сделать понадлежащему и школьныя и учительския нужники очистить из показанных оными ж доношениями от роздачи ученических кормовых от майской трети 1725 году остаточных денег 52 рублей 82 копейка 1 и 1/2 деньга, а колико тех денег и на что порознь издержано, и затем в остатке будет, о том в Камор кантору репортовать без замедления обстоятельно; а школьные переходы из Камор канторы осмотреть и описать и учинить знающими людьми смету, колико како материалов надлежит быть в поставке и мастеровых людей за работу, и для того во оной монастырь послать нарочного по инструкции, чего ради и послан, а что в прошлом 1723 году по твоему ж архимандричью прошению отдано тебе от церкви Владимирския Богородицы привесов по цене на 533 рубля 53 деньга для починки при означенном монастыре Иконного ряду, из которых повелено тебе как на продажу, так и оную починку чинить со усмотрением при инквизиторе, и на сколько тех привесов продано и того строения и починки учинено будет, о том тебе объявит доношением, о чем к вам в том же 1723 году мая в 21 день да в 1724 году октября в 27 числе указы из Камор канторы посланы, и по тем указом и по ныне того не исполнено и ни о чем не репортовано, того ради оное требуемое известие прислать в Камор кантору немедленно и о том к вам послать указ, о чем сей и посылается»¹⁴². Через год, 29 мая 1727 г., на запрос ректора архимандрита Гедеона (Вишневого) о ремонте Коллегия экономических дел предписала «учинить, согласно поданному прошению о строении на оставшие и прогульные деньга за майскую и сентябрьскую трети 1726 года 94 рубля 10 алтын 1 деньга, кровель на кельях учительских и канала из погребов, но учинить без

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 115–116.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 120–120 об.

излишества с запискою, впредь прислать ведомость с учениками и их прогульными днями»¹⁴³. Действительно, приходилось отчитываться за каждую копейку, но теперь хозяйство Академии развивалось. 28 июня 1727 г. Коллегия экономических дел доносила в Полицмейстерскую контору о своем намерении за свой счет вымостить мост напротив школьного двора Заиконоспасского монастыря¹⁴⁴.

Государственная машина, целенаправленно стремившаяся к упразднению любых форм автономии, не могла содействовать и автономии первого русского университета. Так, 14 февраля 1726 г. был выпущен циркуляр, предписывавший передачу доходов с монастырских и архиерейских вотчин московской губернии на содержание лейб-гвардии полков¹⁴⁵, хотя неизвестно, насколько он коснулся Академии.

Серьезным испытанием для Академии стала потеря приписного Серпуховского монастыря. Проверка, инициированная его прежними хозяевами, выявила нарушения, и Синод 23 января 1727 г. упразднил зависимость от Спасского монастыря, велел поставить во Владычный монастырь отдельного игумена и передать ему в управление всю собственность. «...по Ея Императорского Величества указу и по согласному Святейшего Правительствующего Синода приговору велено оный Владычен монастырь от Спасского Училищного монастыря из приписки отрешить и быть ему так, как и протчие обители, которые не в приписке имеются собственно по прежнему и определить в него для церковного благолепия и всякого в нем над вотчинными крестьяны смотрения игумена человека, к тому званию достойного и искусного по рассмотрению Духовной Дикастерии, и взятых во оной Спасский Училищный монастырь из того Владычня монастыря монахов и светских служителей отпустить и протчее все, что было ни взято, отдать в тот Владычен монастырь без всякого удержания по прежнему, для того в присланных для сочинения генерального штата ведомостях показано в том Владычне монастыре церковное и протчее строение каменное и деревянное... и крестьян 195 дворов в них по нынешней от генералите-

¹⁴³ Там же. Л. 130.

¹⁴⁴ Там же. Л. 191–191 об.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 113–114 об.

та переписке мужеска полу 1322 души, денежных доходов 58 рублей, пашни 70 десятин, на которой в посеве бывает ржи и яроваго по 365 четвертей сенных покосов имеется 900 копен, столовых припасов збирается немалое число, а монахов и светских 39, в том числе монахов 20 человек, а понеже духовным регламентом определено в монастырях содержать не менее 30 братии, а во оном Владычнем монастыре толикое число тридцать человек братства по вышеозначенным доходам содержать можно и по посвящении в том Владычень монастырь игумена велеть как тот монастырь так и протчее все, что в нем ныне обретається, вотчины со всякими заводы и с принадлежностями к ним, отдать тому игумену с обычаной описью, с роспискою и Спасского Училищного монастыря архимандриту Гедеону с братией о вышеписанном ведать, и учинить по сему Ея Императорского Величества указу»¹⁴⁶. Игуменом Владычня монастыря был поставлен некто Лаврентий, по запросу которого Духовная дикастерия 31 августа 1727 г. предписала ректору вернуть имущество того монастыря согласно приложенной ведомости¹⁴⁷.

Для отопления помещений Академия нуждалась в регулярных поставках дров. С конца 30-х гг. дрова поступали из Коллегии экономии, а после ее упразднения — из Коллегии (канцелярии) синодального экономического правления. Поставка осуществлялась после письменного запроса префекта в эти учреждения. Известно, что по такой схеме дрова выдавались согласно донесениям от 11 декабря 1739 г.¹⁴⁸, 16 февраля 1741 г.¹⁴⁹, 16 октября 1741 г.¹⁵⁰.

После коронации императрицы Елизаветы Петровны, которая произошла 28 апреля 1742 г. в Москве, Святейшему Синоду было предложено провести в жизнь некоторые административные реформы. Однако, несмотря на учреждение Московской епархии и активную деятельность московских преосвященных, подведомственность Академии непосредственно Синоду сохранялась. Реальные полномочия ректора были чрезвычайно узки, невзирая на все привилегии; именно Синод

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 1. Л. 171–172 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 196–197.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 3567. Л. 1–6.

¹⁴⁹ Там же. № 5042. Л. 1–3.

¹⁵⁰ Там же. № 5284. Л. 1–5.

осуществлял административное и финансовое управление, о чем свидетельствуют разбираемые факты. В этом заключается парадоксальность академического статуса: Академия непосредственно подчинялась высшему церковному органу, а потому и была независима от прочих структур, однако сама по себе без разрешения Синода мало что решала.

С ведома Синода 2 мая 1744 г. Сенат постановил «определенному к ревизии в Московской губернии генералу-лейтенанту Хрущову в упомянутой Академии находящихся учеников как священно и церковнослужительских, так и другие всякого чина людей детей токмо переписать для ведома о том с показанием лет и сколько их из каких чинов, а к положению в подушной уклад никуда не писать, и в службу не брать, а прислать об них в Сенат особливые ведомости»¹⁵¹. Как видно, речь идет не только об учете, но и о налоговых льготах, что является еще одним свидетельством университетского статуса Академии.

Пожар в мае 1737 г., опустошивший Кремль и его окрестности, причинил немалый вред Академии и Заиконоспасскому монастырю. Церковь, кельи ректора и учителей, библиотека, часть школьных помещений выгорели. Незначительный косметический ремонт, проведенный во время летних каникул, не мог исправить положения, так что ректор архимандрит Митрофан (Слотвинский) даже ставил перед Синодом вопрос о переводе Академии в Донской монастырь. Завязалась переписка, приведшая к витку бюрократической волокиты, но ремонт так и не начинался. Только после 1747 г., когда уже вышел Высочайший указ о переводе Академии, выяснилось, что в Донском монастыре необходимо возводить дополнительные постройки стоимостью по смете архитектора И. Мичурина 52 125 рублей. В связи со значительностью суммы деньги Академии было решено не переводить, а провести капитальный ремонт зданий Заиконоспасского монастыря¹⁵². Тем не менее, еще в 1742 г. были выделены деньги на возобновление монастырской церкви, которая была освящена в присутствии императрицы Елизаветы Петровны, приехавшей в Москву

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 173–174.

¹⁵² Более подробно история пожара и последующего ремонта изложена С. Смирновым: *Смирнов 1855*. С. 89–95.

на свою коронацию. К визиту было решено устроить по петровской традиции Триумфальные ворота, а синодальный член преосвященный Амвросий архиепископ Великоновгородский и Великолукский предложил участие в церемонии 40 человек студентов Академии, которые должны были исполнить приличествующий гимн. Об этом ректора уведомила указом Московская синодального правления канцелярия: «К вшествию де Ея Императорскаго Величества должно быть из Московско́й Славеногреколатинско́й академии студентов несколько человек, убранных в пристойное одеяние и вам ректору и архимандриту для пения оным сочинить приличную песнь и ради того потребно с вами архимандритом от той Канцелярии справится, куда, какое и насколько человек платье и протчее убрание пред сего в такая случаи делано было, а между тем о сочинении помянутой песни и о избрании студентов и о надлежащем в пении обучении вам архимандриту и ректору приказать, а справку в Синодальную канцелярию от вас архимандрита и ректора объявлено для пения пристойной песни должно быть сороку человек, а какому одеянию быть, оное показано имянно: о том все делано прежде было из Коллегии Экономии»¹⁵³. В Коллегию экономии был послан указ после приготовления всего необходимого «отдать [одежду] во оную Академию кому надлежит с роспиской»¹⁵⁴. Традиция, по которой студенты встречали вступающего на российский престол монарха и участвовали в коронации, была сохранена и при Екатерине II. Известен указ Канцелярии синодального экономического правления об изготовлении новых одеяний для студентов по этому случаю от 1 сентября 1762 г.¹⁵⁵.

Из-за разрушений, причиненных пожаром, потребовалось перевести в соседний Никольский монастырь греческую школу и школу реторики. 13 сентября 1744 г. Синод велел «упомяненные во означенном Никольском Греческом монастыре две полаты, которые по общему онаго префекта того Греческаго монастыря с архимандритом согласию ко обучению означенной Академии реторики и Греческой школ студен-

¹⁵³ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 27–27 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. № 25589. Л. 1–11.

тов явились быть угодны, очистить и объявленных школ студентов в них обучать впредь до указу»¹⁵⁶.

Продолжилась практика употребления на академические нужды «прогульных денег». 31 марта 1742 г. префекту иеромонаху Порфирию (Крайскому) Синод разрешил «работным людям двенадцать рублей да на покупку накрашенных в школе богословии катедры и на дачу живописцом десяти рублей, итого двадцать два рубля употребить и из имеющихся у тебя остаточных за роздачу прошлого 1741 году на сентябрьскую треть учеником денег»¹⁵⁷. Отметим, что исполнителем поручения является не ректор, а префект, что позволяет судить о его полномочиях. Однако и эта практика имела исключения. В 1744 г. префект иеромонах Иоанн (Козлович) поручил получение денежного содержания для студентов (сентябрьскую треть предыдущего года) из Коллегии экономии учителю Герасиму Карасеву. Следствием этого и явился инцидент, потребовавший даже расследования Коллегии экономии. По донесению префекта, Карасев «именной учеников реестр написал излишних неимеющихся в той Академии учеников, и по приеме из Коллегии Экономии на всех учеников деньги запечатаны были им, Карасевым, да школы богословия учеником Андреем Уматовым», а после раздачи денег «явилось де на нем, Карасеве, в начете 99 рублей 46 копеек», «и видя де тот начет он, Карасев, в расходной книге вместо неимеющихся в той Академии и вместо имеющихся учеников, которые уже жалование получили, вторично росписывался на другом месте». На допросе в Коллегии экономии Карасев показал, что «имянные учеников реестры писал он де по приказу помянутого префекта собранных от учителей черных реестров», деньги раздавал вместе со студентом Уматовым, «с теми ж деньгами мешки печатал один оной Уматов, и хранились де те деньги во Академии за замком помянутого префекта, а за печатью того ученика Уматова», а «он де, Карасев, из тех денег себе ничего не брал, кроме того, что на пищу копеек по пяти и по десяти в день, а при роздаче ж учеником как из одного жалования вычли, так и у протчих третьей вычитали они по приказу префекта нижних школ

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 222–222 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 34.

учеников на префекта по десяти копеек, да на учеников школ богословии и философии, которые тех нижних школ учеников проучают задаваемые им от учителей уроки, по сороку копеек у каждого человека и отдавали те деньги им префекту и учеником все». Любопытная подробность — студенты старших курсов за вознаграждение помогали ученикам младших школ готовить домашнее задание. Кроме того, по неясным мотивам выделяется особая сумма «по приказу префекта нижних школ учеников на префекта по десяти копеек». Коллегия экономии приказала ректору, «чтоб вы имеющиеся в той Академии раздаточныя учеником расходные 1743 году деньги для надлежащего свидетельства и щету також и собранные от учителей о даче на сентябрьскую треть жалованья имянные черные реестры, с которых объявленной Карасев к выдаче из Коллегии Экономии оногo жалования белый реестр написал, ко усмотрению подали в Коллегию Экономии немедленно», и требовала объяснения, «за чьею печатью и замком и под чьим имянно хранением, и где в той Академии и каким подлинно случаем тот недочет явился, и для чего в поданных в Коллегию за рукою вашею имянных к выдаче того жалованья учеником реестра написаны на лицо ученики таковыя, которых в той Академии не имеется, також и нижних школ учеников на префекта по десяти школ богословии и философии на учеников по сороку копеек у всякого человека при каждой трети по какому указу и с которого году и у многих ли человек и для чего вычитается и куда те деньги употребляются»¹⁵⁸. Очевидно, что финансовая стесненность привела к злоупотреблениям, а в результате нарушители не смогли договориться и дело обнаружилось. Неизвестно, какие по делу были приняты меры.

По сложившейся практике Академия продолжала получать регулярные поставки дров для отопительных нужд из Коллегии экономии, а после 1744 г. — из Коллегии (канцелярии) синодального экономического правления. Сохранились сведения, что дрова поступали после донесений префекта от 2 декабря 1742 г.¹⁵⁹, 12 декабря 1744 г.¹⁶⁰, 18

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 189–190.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 1. № 6677. Л. 1–4.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 9305. Л. 1–3.

ноября 1746 г.¹⁶¹, 5 ноября 1747 г.¹⁶², 4 ноября 1748 г.¹⁶³, 21 сентября 1750 г.¹⁶⁴, 7 ноября 1754 г.¹⁶⁵, 12 октября 1758 г.¹⁶⁶, 29 сентября 1759 г.¹⁶⁷, 9 октября 1760 г.¹⁶⁸, 26 ноября 1762 г.¹⁶⁹.

Царствование императрицы Елизаветы Петровны принесло постепенное облегчение положения Церкви. 15 июля 1744 г. ее именным указом Коллегия экономии была упразднена и все ее функции были переданы Синоду: «Указали Мы Коллегию Экономии отставить и все доходы синодских, архиерейских и монастырских вотчин и прочая, что было в ведомстве той Коллегии, отдать в ведомство и управление Св. Синода по прежнему, со всеми расходы, на что было положено, и употреблялось из тех доходов при Вселюбезнейшем Нашем Родителе Государе Императоре Петре Великом, исключая один только Заиконоспаский училищный монастырь, с его доходы, который содержан будет на особой сумме, кроме вышеписанных доходов»¹⁷⁰. Знаменательно, что Заиконоспаский монастырь особо оговаривается в этом указе, чем лишний раз подчеркивается особое значение Академии для государства и ее высокий статус.

Таким образом, 30 июля 1744 г. Синод приказал жалование «ректору, такожде учителем, учеником и школьным сторожам на генварскую и майскую сего 1744 года трети» «выдать из имеющейся ныне наличной денежной казны», оставшейся после упразднения Коллегии экономии, и «о том в Канцелярию Синодального Экономического правления ... указ ... послан, а для ведома и что Святейший Синод в требованиях оную Академию не оставит, и где благопристойно к снабдению и удольствию оной старание иметь будет к тебе ректору послать указ, о чем сей и посылается»¹⁷¹.

¹⁶¹ Там же. № 11240. Л. 1–3.

¹⁶² Там же. № 12205. Л. 1–2.

¹⁶³ Там же. № 12948. Л. 1–3.

¹⁶⁴ Там же. № 14497. Л. 1–4.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 3. № 18236. Л. 1–3.

¹⁶⁶ Там же. № 21992. Л. 1–5.

¹⁶⁷ Там же. № 22749. Л. 1–7.

¹⁶⁸ Там же. № 23534. Л. 1–5.

¹⁶⁹ Там же. № 25837. Л. 1–5.

¹⁷⁰ ПСЗРИ. Т. 12. № 8993. С. 172–173.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 1189. Оп. 1. № 332. Л. 202–202 об.

12 октября 1744 г. Синод напомнил о необходимости решить дело о финансировании Академии, как было обещано в упомянутом указе императрицы, упомянув, что «на жалование из упомянутой бывшей Коллегии Экономии производилось на год по четыре тысячи по четыреста по пятьдесят рублей», а «ректор Порфирий Крайский о снабдении ево с префектом, проповедники и учителя, и студентов, и Руской школы учителей жалованьем, и о починке имеющихся в той Академии ветхостей (чего де для две школы Риторик и Греческую принужден бывает и выведены в Греческий Николаевский монастырь), и на дрова просит, дабы представить, где надлежит. А отнуду и по коликому числу денежной суммы она Академия на содержание свое получать имеет, о том точного Вашего Императорского Величества указа еще не воспоследовало», поэтому «всеподданнейше Синод о вышеписанном к высочайшему Вашего Императорского Величества благорассмотрению предствая, всенижайшее просит о том высокоповелительного Вашего Императорского Величества указа»¹⁷². Согласно приложенным реестрам, в Академии в то время обучалось 409 студентов, в том числе в школах богословии — 17 человек, философии — 21 человек, риторики — 41 человек, пиитики — 9 человек, в греческой школе — 18 человек, синтаксисы — 21 человек, грамматики — 27 человек, инфимы — 30 человек, фары — 120 человек, в русской школе — 105 человек. Студенты богословии и философии получали по 4 копейки на день, остальные — по 3 копейки, ученикам русской школы полагалось «по 7 хлебов на день, а прежния года давались пси, кашница, соль и квас». Там же указывались и другие нужды Академии: «На все школы до десяти сажень дров, кроме греческия, которая вновь заведена. Такожде и всякое строение и починка бывала во всех школах и в кельях учительских и во всем монастыре и мостовая против монастыря и школьного двора. Ныне же еще не имеется и келей архимандрических. Сверх же всего того библиотеку порядочно устроить всячески нужно»¹⁷³. Согласно именному указу императрицы Соляной конторе было велено выплачивать из своих доходов на содержание Академии 4 450 рублей

¹⁷² РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. № 129. Л. 1–2.

¹⁷³ Там же. Л. 3–3 об.

в год по третям¹⁷⁴. Из рапорта Соляной конторы в кабинет Ее Императорского Величества видно, что после короткой задержки, во время которой Академия получила деньги из Канцелярии синодального экономического правления, содержание стало поступать регулярно¹⁷⁵. В то же время архитектор И. Мичурин составил смету, «колико к строению вновь Московской Славеногреколатинской Академии потребно материалов и во что оныя коштовать имеют». Требовалось собственно на возведение здания 29 195 рублей 76 с половиной копеек, на постройку учительских покоев — 19 300 рублей 18 копеек, на постройку «кухонь, погребов, погребниц и нужников» — 1 045 рублей 97 копеек, на постройку при учительских покоях переходов — 831 рубль 30 копеек, вместо заборов на решетчатую ограду вокруг семинарского двора — 1 281 рубль 10 копеек. Полная сумма составляла 51 654 рублей 31 с половиной копейки плюс еще 471 рубль 50 копеек, «ежели повелено будет в семинарских палатах в нижнем апартamente строить решетки»¹⁷⁶. Полная смета совпадает с суммой, указанной С. Смирновым в связи с возведением построек в Донском монастыре, однако из дела не видно, в каком монастыре предполагалось данное строительство, в Донском или Заиконоспасском.

В рассматриваемый период была продолжена практика медицинского обслуживания студентов и преподавателей в «московской гофшпитали» за счет «лазаретных денег». Так, на лечение были направлены: 19 января 1743 г. — ученик Матвей Гладков¹⁷⁷, 2 августа 1744 г. — ученик Гавриил Челепов¹⁷⁸, 7 декабря 1744 г. — ученик Иван Вербицкий¹⁷⁹, 17 января 1747 г. — студент Алексей Левицкий¹⁸⁰, 7 апреля 1747 г. — ученик Николай Федотов¹⁸¹.

Рассмотрев все факты, имеющиеся в источниках относительно материально-финансового положения Славяно-греко-латинской ака-

¹⁷⁴ Там же. Л. 5.

¹⁷⁵ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 7–21 об.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 6901. Л. 1.

¹⁷⁸ Там же. № 8924. Л. 1.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Ч. 2. № 9288. Л. 1.

¹⁸⁰ Там же. № 11430. Л. 1–2.

¹⁸¹ Там же. № 11745. Л. 1–2.

демии, можно сделать вывод, что оно было во многом аналогично системе обеспечения западноевропейских университетов. Этот вывод является хотя и дополнительным, но очень важным и значимым свидетельством университетского статуса Академии в XVIII в. Финансовая и материально-техническая база всегда являлась одним из важнейших элементов успешного функционирования любого учебного заведения. Когда при царе Федоре Алексеевиче проект Академии только задумывался, составители Привилегии снабдили Академию (хоть и на бумаге) весьма значительными средствами, прежде всего недвижимостью — основным источником стабильного дохода в то время. Было очевидно, что успех становления первой высшей школы в России напрямую будет зависеть от объема финансирования. Если бы этот проект Симеона Полоцкого осуществился, а царь Федор Алексеевич не скончался бы скоропостижно и продолжал покровительствовать Академии, развитие высшего образования шло бы совсем другими темпами. Что касается эпохи преобразований Петра I, то император вряд ли сомневался в необходимости выделения на Академию значительных ресурсов, в том числе вотчин. Поклонник всего европейского, он не мог не знать о развитии и условиях функционирования университетов в Европе. Но вместо финансовой поддержки он продолжал только предъявлять к Академии жесткие требования, в то время как корпорация и студенты перебивались крупными из государевой казны. То, что Академия не прекратила свое существование в петровское царствование, является заслугой митрополита Стефана Яворского и ректора архимандрита Феофилакта (Лопатинского). После учреждения Святейшего Синода более чем скромное, чтобы не сказать нищенское, материальное положение Академии было зафиксировано и регламентировано, хотя у Академии уже не было заботливого покровителя. Впоследствии настоящим «хозяином» Академии стал только митрополит Платон (Левшин).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев 2009 — Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

- Верховский 1999* — *Верховский П. В.* Населенные недвижимые имущества Св. Синода, Архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909.
- Забелин 1884* — *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. Ч. 1. М., 1884.
- Фонкич 1999* — *Фонкич Б. Л.* Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х гг. XVII в. (Типографская школа). М., 1999 (Очерки феодальной России. Вып. 3).
- Харлампович 1914* — *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Каз., 1914.

А. К. МАГНИЦКИЙ

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕОНТИЯ ФИЛИППОВИЧА МАГНИЦКОГО, ОДНОГО ИЗ ПЕРВЫХ УЧЕНИКОВ СЛАВЯНО-ГРЕКО- ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Настоящая статья посвящена наименее документированному периоду жизни Леонтия Филипповича Магницкого (1669–1739) — годам его жизни в Москве и учебы в Славяно-греко-латинской академии до встречи с императором Петром I. Факт учебы Л. Ф. Магницкого в первом высшем духовном учебном России важен потому, что ему выпала честь служения в первом русском государственном светском образовательном учреждении — Математико-навигационной школе, учрежденной Петром I в 1701 г.¹ Таким образом, он стал связующим звеном между духовным и светским образованием России, явившись предтечей еще более серьезных университетских реформ и оказавшись у истоков становления высшей светской системы образования.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ Л. Ф. МАГНИЦКОГО

Происхождение свое Леонтий Филиппович Магницкий вел из города Осташкова Тверской губернии, расположенного на берегу озера Селигер, неподалеку от Нило-Столобенского монастыря². История рода Леонтия Филипповича тесно связана с Нило-Столобенской пустыней, начало которой было положено еще в 1528 г., когда на необитаемом до того острове Столбном поселился преподобный Нил, которого

¹ Бородин 1936. С. 55.

² Подробнее см.: Барсегян Т. В. Земля Истока. М.: МГУ, 2001.

так и прозвали — Столобенским. Строительство деревянного монастыря на острове Столбном было начато уже после смерти прп. Нила, в 1591 г.³ Возрастание значения этого монастыря тесно связано с устройением обители святым Нектарием — в миру Николаем Павловичем Теляшиным (1586—1667), родственником которого являлся и Леонтий Филиппович Магницкий (по рождению Теляшин)⁴. Странствиями Нектария было начато строительство каменных сооружений Нило-Столобенского монастыря, которое продолжалось почти на протяжении двух веков. Соборный храм монастыря по монументальности

³ Через три года после кончины прп. Нила была открыта монашеская обитель Нилова пустынь, первым настоятелем которой, со званием строителя, был избран монах из братии Николаевского Рожковского монастыря прп. иеромонах Герман. См.: *Успенский 1902. С. 1—13.*

⁴ Инок монастыря Нектарий Теляшин был сыном богобоязненного крестьянина патриаршей Осташковской слободы — Павла Теляшина. Настоятелем монастыря 28-летний иеромонах Нектарий Теляшин стал после смерти своего духовного наставника и основателя монастыря преподобного Германа в 1614 г. Этому времени предшествовали неурожай и голод, смутное время царствования Василия Шуйского и междуцарствие, а также разграбление литовцами в 1609 и 1610 гг. всех селений и монастырей Селигера. Среди благодетелей Нектария и благотворителей монастыря были родственники царя Михаила Федоровича бояре И. Н. Романов (родной дядя царя), И. М. Катырев-Ростовский (женат на родной сестре царя, Татьяне Федоровне) и Б. М. Лыков (женат на родной тетке царя, Анастасии Никитичне). При посредстве этих знатных особ Нектарий был представлен царю Михаилу Федоровичу. В 1636 г. игумен Нектарий был посвящен в сан архиепископа и направлен на Сибирскую и Тобольскую кафедру, но уже в 1640 г. вернулся в Нилкову пустынь. В 1647 г. по ходатайству архиепископа Нектария царь Алексей Михайлович повысил статус монастыря, подчинив его ведению Дворцового приказа. В 1666 г. после пожара архиепископ Нектарий убедил царя Алексея Михайловича в необходимости строительства каменных сооружений монастыря. В январе 1667 г. во время очередной поездки в Москву 80-летний Нектарий заболел и умер. Государь сам присутствовал на отпевании его в московском Чудовом монастыре и пешком провожал тело Нектария за пределы Москвы. Однако еще при жизни Нектария были завезены необходимые строительные материалы для сооружения каменного монастыря. А 27 мая 1667 г. при начале строительства фундамента храма «вдруг земля, прилегавшая к гробнице преподобного Нила, осыпалась сама собою, и мощи преподобного обнаружили: гроб совершенно истлел, но святые мощи оказались нетленными. Это событие последовало спустя 111 лет после преставления Нила Столобенского» (Там же. С. 12—25, 104). Рака с мощами преподобного Нила Столобенского и рака с мощами преподобного Нектария покоятся ныне в восстанавливаемом из руин Нило-Столобенском монастыре.

своей нисколько не уступает Исаакиевскому собору Санкт-Петербурга. Жизненный путь основателя этого монастыря, происходившего из простой крестьянской семьи и ставшего известным царям благодаря своей образованности, мог послужить хорошим примером Леонтию Магницкому, в свою очередь известному царю Петру Алексеевичу.

Леонтий Теляшин (Магницкий) родился 9 июня 1669 г. в городе Осташкове Тверской губернии, на землях боярина Лыкова на пустоши Трестьянка. С земли Трестьянки жители переселились на землю крестьян Пафнутьевского Боровского монастыря, расположенного по соседству со Знаменским монастырем. Заселившаяся слободка унаследовала прежнее свое имя — Трестьянка, а в 1772 г. вошла в состав города Осташкова. Первоначальными насельниками слободки были Кошелевы, Воронины, Теляшины и Сивковы⁵. Потомки родов, проживающих в настоящее время на месте бывшей слободы Трестьянки, помнят, что дом Леонтия Магницкого находился рядом с западной стеной Знаменского монастыря вблизи берега озера Селигер.

Леонтий Теляшин, «в молодых летах неславный и недостаточный человек, работою своих рук кормивший себя, прославился тем, что, сам научившись чтению и письму, был страстный охотник читать в церкви мудреное и трудное». Такие данные почерпнул протоиерей Н. А. Криницкий из статьи священника Осташковского собора Ф. Ф. Прусаветского «Совокупное географическое и историческое описание города Осташкова», которая входила в рукопись, озаглавленную: «Книга для записывания достойных памяти обстоятельств, заведенная в 1836 году сентября в 1 день Христорождественской гор. Твери церкви священником Я. Л. Морошкиным и найденная Криницким в библиотеке покойного тогда протоиерея Тверской Владимирской церкви В. Ф. Владиславлева»⁶.

Известный исследователь осташковских древностей прот. В. П. Успенский в письме к председателю Тверской ученой археологической комиссии А. К. Жизневскому писал: «Признаюсь, что во всех разных

⁵ См.: Успенский 1893. С. 14, 28; Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. М., 1906. С. 27; Андронов 1969; Серебрякова 1989.

⁶ Криницкий 1906. С. 433, 436.

бумагах местных архивов Ниловой пустыни, Могилевской пустыни, Селижарова монастыря, бывшего Осташковского уездного суда и других, виденных и читанных мною, нигде не встречалось упоминания о том, чтобы Леонтий Магницкий был родом из Осташкова. Один раз встретилось мне в статье о Ниловой пустыне, помещенной в «Журнале Министерства внутренних дел» 1843 г., что преосвященный Нектарий Теляшин (второй настоятель Нило-Столобенской пустыни) был дядя Леонтию Магницкому, но на чем это основано, не знаю». Из позднейшего печатного труда В. П. Успенского «О прошлом г. Осташкова» видно, что ему удалось обнаружить некоторые следы происхождения Магницкого из этого города. «От каких-то крестьян, — говорит он, — Пафнутьева монастыря, живших где-то близ Осташкова, вероятно, в слободе Трестьянке, вошедшей в 1772 году в состав г. Осташкова, происходил знаменитый математик царствования Петра I — Л. Ф. Магницкий»⁷.

Происхождение Л. Ф. Магницкого из г. Осташкова подтверждают также следующие два документа. «Февраля в 1 день (1701 г.) взят в ведомость Оружейной полаты осташковец Леонтий Магницкий, которому велено ради народная пользы издать через труд свой словенским диалектом книгу арифметику»⁸. Запись 1701 г. о Навигацкой школе Алексея Курбатова гласит: «Февраля в 22 день в тех же науках у вышеуказанных учителей велено быть осташковцу Леонтию Магницкому и через труд свой издать ему на Словенском диалекте, избрав от арифметики и геометрии и навигации, поелику возможно, годную к тиснению книгу»⁹.

Наименование Леонтия Филипповича Теляшиным и указание на родство его с архиепископом Сибирским и Тобольским Нектарием — Николаем Павловичем Теляшиным — ясно свидетельствует о происхождении Магницкого из рода Теляшиных, тем более, что последнее известие — о родстве его с Нектарием — оказывается не единственным, но идет из времени сравнительно давнего¹⁰.

⁷ Там же. С. 436.

⁸ Бородин 1936. С. 56.

⁹ Викторов 1883. С. 468.

¹⁰ Криницкий 1906. С. 437.

Родство Магницкого с архиепископом Нектарием (1586–1667) определяет происхождение его из патриаршей Осташковской слободы, в крестьянском сословии которой состояли отец Нектария Павел (в иночестве Петр) и мать (в иночестве Агриппина). Дядя Нектария: Исаак (в иночестве Илия), впоследствии архимандрит, и Юрий, в иночестве названный именем Герман. Братья Нектария: Богдан, Лев (в 1624 г. — священник Осташковской Воскресной церкви, а в 1638–1640 гг. — протопоп Ржевского Успенского собора), Иван, Еремей, инок Сергей (в 1624–1642 гг. — игумен Николаевского Рожковского монастыря)¹¹. Отсутствие среди братьев Нектария Филиппа (в иночестве Фирса), а также внушительная разница в возрасте (81 год) между Нектарием и Леонтием дают основание для предположения, что Нектарий приходился Леонтию двоюродным дядей, а дедом Леонтия мог быть, например, дядя Нектария — Юрий (в иночестве Герман). Другая, также косвенно подтвержденная версия, состоит в том, что Леонтий Магницкий был внучатым племянником Нектария. По этой, достаточно правдоподобной, версии дедом Леонтия был родной брат Нектария Иван. Так, в сохранившемся синодике (помяннике, т. е. книге со списками живых и умерших, поминаемых в церквях во время Литургии за особый вклад — вещами или деньгами) осташковского Житенного монастыря записан «род Иоанна Леонтиева сына Магницкого», то есть, очевидно, приходившегося сыном Л. Ф. Магницкому. В этой записи, сделанной, по мнению И. Голубева, не ранее 1761 г., перечисляется 62 имени умерших членов рода И. Л. Магницкого. Начинается эта запись именами «схимонаха Фирса, Леонтия, Марии, Иоанна...». Имя «Леонтий» встречается в записи всего один раз. В синодиках обычно не указываются родственные отношения лиц, имена которых записаны для поминовения. Нет этого и здесь. Однако можно предположить, что «схимонах Фирс» — это отец Леонтия Филипповича, в миру Филипп. При пострижении в иноческий чин постригаемому нередко давалось новое имя, первые буквы которого часто совпадали с

¹¹ Успенский В. П. Преосвященный Нектарий [Теляшин], второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. Тверь, 1882. С. 1; Успенский 1893. С. 14; Успенский 1902. С. 14.

такими же буквами мирского имени. Под следующим именем «Леонтий» разумеется сам автор «Арифметики», отец Ивана Магницкого. «Мария» — мать Ивана, Мария Гавриловна Магницкая, в девичестве Окунькова. А вот «Иоанн» — возможно, дед Леонтия Филипповича. Поминальный список принято было начинать именами умерших родителей, однако Иван Леонтьевич начинает список со своего деда — «схимонаха Фирса». Предполагаемое объяснение состоит в том, что, во-первых, Фирс был схимонахом Житенного монастыря и, вероятно, здесь похоронен. Во-вторых, Фирс как схимонах был особенно почитаем в роду Магницких, ведь схиму давали за особый монашеский подвиг. В этом случае можно также предполагать, что Фирс рано овдовел, однако в монашестве своем дожил до глубокой старости¹². Косвенно факт принадлежности схимонаха Фирса Житенному монастырю подтверждается также передачей монастырю в 1742 г. книг умершего в 1739 г. Леонтия Магницкого, по всей вероятности, его сыном Иваном. Так, в «Описи церковной» Житенного монастыря, составленной в 1744 г. и содержащей подробное перечисление книг, полученных монастырем в 1731, 1732, 1733, 1734, 1737 и 1742 г., отдельно за каждый год, имеется такая запись: «1742-го года при бытности строителя Аарона прибыло книг: 1. Триодь цветная дачи Леонтия Магницкого в дещь»¹³.

Фамилия Магницкий вовсе не была родовой родственников Леонтия Филипповича, крестьянского происхождения, но была фамилией особою, принадлежавшей исключительно одному Леонтию Филипповичу, а также его потомкам по прямой нисходящей линии, как данная ему, по преданию, самим царем Петром I за личные его достоинства, но никак не родственникам его из крестьян Пафнутьего монастыря, жившим близ Осташкова: этих последних могли называть по фамилии Магницкими исключительно только по-простонародному, т. е. потому, что простой народ имел обыкновение называть их так по родству с Леонтием Филипповичем¹⁴.

¹² Рукопись Тверского Облгосархива. № 1117. Л. 55–56; Голубев 1948. С. 27.

¹³ Фонд осташковского Житенного монастыря. Д. 2. Л. 19; Голубев 1948. С. 27.

¹⁴ Так, например, Демихов в книге долгов и товаров крестьян Иосифовой слободы в 1719 г. написал Петра Никитина с фамилией Магницкий отнюдь не по официальному усвоению ему этой фамилии. В других документах пафнутьевский крестьянин

2. ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ

«Монастырю прежде бывшей здесь Иосифовой слободы, крестьяне послали его (Леонтия) некогда в оный (Иосифо-Волоколамский) монастырь с рыбою. Там, узнав его способности, оставили для чтения. Сколько времени в оном монастыре находился, неизвестно, и каким случаем перешел из онаго монастыря в Симонов монастырь, и как почерпнул знание немецкого и латинского языков, арифметических и математических (знаний), обстоятельно всего я не знаю»¹⁵.

Криницкий объясняет появление Леонтия в Москве в Симоновом монастыре тем, что его в Иосифо-Волоколамском монастыре заметили как хорошего церковного чтеца и пригласили на это же служение в Симонов монастырь¹⁶. Объяснение может быть и более простым. Монастырь Рожковской слободки (кстати, игуменом которого в 1624—1642 гг. был Сергей Павлович Теляшин) находился неподалеку от Осташкова на берегу озера Селигер и принадлежал Московскому Симонову монастырю¹⁷. Там и заготавливали рыбу, которую зимними обозами доставляли с Селигера в Симонов монастырь. Именно так Леонтий Теляшин, скорее всего, и попал в Московский Симонов монастырь. А поскольку «здесь он прославился только тем, что, сам, научившись чтению и письму, был страстный охотник читать в церкви мудреное и трудное», он мог оказаться полезным как в церковных, так и в торговых делах¹⁸.

слободки Трестьянки Петр Никитин является с фамилией Рыжков. В 1744 г. имя Петра Никитина 53-х лет встречается в исповедальной росписи прихожан Осташковской Троицкой церкви слободки Трестьянки. Фамилия Рыжковых была родственной Л. Ф. Магницкому, но только не по отцу, но и по матери. Кроме записи Демихова, на это родство указывает еще и то еще обстоятельство, что в обрывках старинного синодика осташковского Знаменского монастыря роды Л. Ф. Магницкого и П. Н. Рыжкова помещены на одной странице (*Успенский 1893*. С. 28—30; *Криницкий 1906*. С. 436—437). Петр Никитич Рыжков был на 22 года моложе Леонтия Филипповича и, вероятно, приходился ему двоюродным братом или племянником.

¹⁵ *Криницкий 1906*. С. 437.

¹⁶ Там же. С. 438.

¹⁷ *Успенский 1902*. С. 12.

¹⁸ *Криницкий 1906*. С. 436.

Если принять, что «в младых летах» соответствует 14–16 годам, то следует сделать вывод, что в Москву Леонтий попал в 1683–1685 гг.

3. УЧЕБА В СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

Большинство биографов сходятся в том, что Л. Магницкий получил образование в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Основной довод — знание нескольких иностранных языков, которое автор «Арифметики» мог получить в Академии. Однако в Академии преподавали только латынь и греческий язык¹⁹. Среди учеников итальянского, которому Лихуды обучали вне Академии, Магницкий не значится. Немецкий и голландский ему, тем не менее, пришлось освоить самому²⁰.

Если допустить, что Магницкий в Академии не учился, то надо сделать вывод, что указанные иностранные языки Магницкий изучил самостоятельно. Но тогда почти неминуемо придется согласиться, что глубокие познания в богословии — это тоже плод его исключительно самостоятельной деятельности. В своем главном труде «Арифметике» он связывает науку со Священным Писанием, доказывая, что «приятие» «множайших и высочайших наук» «просвещает ум», «зело» (очень, много) «украшает внутренне человека», «и от разсуждения видимого здания (окружающего мира) является всемошество Божие». «Приятие наук» «являет» «чудесную его (Бога) неизследимую и неопределенную (непостижимую) премудрость», и, «познавая» творения его, человек сам, будучи сотворенным, «удивляем паче бывает». На многочисленных примерах Магницкий доказывает, как впоследствии и сам М. В. Ломоносов, что «науки» не противоречат «закону Божию»²¹. Незаурядный по умственным способностям и искусный в

¹⁹ Смирнов 1855. С. 25; Криницкий 1906. С. 438; Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968. С. 61.

²⁰ Лаврентьев 1997. С. 71–78.

²¹ Первая печатная арифметика в России // Московские ведомости. 1857. № 68. С. 306–307; № 69. С. 315–316; № 74. С. 336–337. См. также: Пекарский 1862. С. 269; Бобынин В. В. Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем.

«церковных противностях» Дмитрий Тверитинов, консультируемый протестантскими учителями из Немецкой слободы, был «весьма переговорен» только Леонтием Магницким²². В богословском диспуте 26 января 1713 г. после «крепких разговоров без умолку 11 часов» Магницкий «во всех разговорах верх получил» над Тверитиновым²³. А в Сенатском суде над еретиками, с которого было выгнано все духовенство, в трехчасовом выступлении учитель арифметики показал не только блестящее знание богословия, но также и риторики, которая, кстати, преподавалась в Академии. Это произошло 16 мая 1715 г. Тогда сам, «яко осужденный» и понуждаемый сенаторами, учитель «опасно говорил», «не взирая на лица»²⁴. Знание риторики автором «Арифметики» также подтверждают его силлабические стихи, посвященные царю²⁵.

На могильной плите Леонтия Магницкого сын его Иван написал: «Наукам научился дивным и неудобовероятным способом»²⁶. Это обстоятельство обычно используется для утверждения того, что Магницкий не учился в Академии²⁷. Действительно, знаний по астрономии, геометрии, тригонометрии и частично арифметике он не мог получить в Академии, а потому он «научился» именно этим «наукам» «дивным и неудобовероятным способом», но это вряд ли противоречит факту возможной учебы его в Академии.

По поводу обучения Магницкого в Академии сказано: «Магницкий Л. Ф. учился в Московской Академии, вероятно еще при Лихудах»²⁸. А также: «Один из лучших учеников московской Ака-

М., 1888. Т. 7. С. 271; *Галанин 1914*. Вып. 1. С. 52–56; *Галанин 1914*. Вып. 2. С. 4, 33; *Галанин 1916*. С. 20, 33, 83.

²² Описание документов 1879. Т. 2. С. СХLl, 298–300; *Соколов И. И.* Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 142; *Записка 1881*. С. 8; *Тихонравов 1898*. С. 168, 221.

²³ Описание документов 1879. Т. 2. С. 326; *Записка 1881*. С. 7–9, 49; *Тихонравов 1898*. С. 190, 289.

²⁴ *Записка 1881*. С. 45–64, 101; *Тихонравов 1898*. С. 292; *Галанин 1914*. Вып. 1. С. 60.

²⁵ *Пекарский 1862*. С. 269.

²⁶ *Андронов 1969*; *Серебрякова 1989*.

²⁷ *Депман И. Я.* История арифметики. М., 1965. С. 345.

²⁸ *Смирнов 1855*. С. 252.

демии, современник Петра, Леонтий Магницкий пишет о назначении академического образования...»²⁹. Однако в части ныне сохранившихся документов Академии Теляшин-Магницкий не найден³⁰. Открывшаяся в 1685 г. Академия состояла всего из нескольких учеников, собранных в основном из Типографской школы. В 1686 г. к ним были присоединены до 40 боярских и церковнослужителей детей и значительное число «всякого чина». Однако на значительное число учеников «всякого чина», то есть простых, архивные данные не сохранились. Отсутствие в списках и одного из первых учеников Лихудов — Кариона Истомина — объясняет принадлежность его к людям «разного чина». Среди значительного числа учеников «всякого чина» мог быть и осташковский крестьянский сын, 17-летний Леонтий Теляшин. При этом это как наиболее вероятное предположение³¹.

Родители часто направляют своих детей по жизненному пути, который они сами успешно прошли. Так и Л. Магницкий, закончивший Славяно-греко-латинскую академию, отдает в нее затем своего сына Ивана. Иван Магницкий числится учеником Академии в 1724 и 1727 г. Затем он фигурирует среди 38 студентов, преимущественно детей иностранцев, в списках за 1726—1733 гг. Университета Санкт-Петербургской Академии наук³².

Начальный жизненный путь Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765) также во многом сходен с путем Леонтия и Ивана Магницких. Оба они — Михаил и Леонтий — были из рыбацкой среды; Ломоносов, подобно Магницкому, в Москву приехал с рыбным обозом. Ломоносов в юности, как и Магницкий, «охоч был читать в церкви псалмы и каноны», оба любили «разбирать мудреное и трудное». Им было о чем поговорить, когда по прибытии в Москву в середине

²⁹ Там же. С. 177.

³⁰ Лаврентьев 1997. С. 72.

³¹ Смирнов 1855. С. 25; Брайловский 1889. С. 12; Галанин 1914. Вып. 1. С. 49; Рогов А. И. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 140.

³² Смирнов 1855. С. 252; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 111; История АН. 1958. С. 145—146; Кулябко 1962. С. 33, 34.

января 1731 г. Ломоносов сразу же явился в Навигацкую школу к тому, чей учебник стал для него «вратами учености». Михаилу Ломоносову, «вытвердившему наизусть» «Арифметику» Магницкого, «науки показалось мало» в Навигацкой школе, и он, вероятно, по научению и протекции Леонтия Филипповича поступил в Славяно-греко-латинскую академию. После Московской академии Ломоносов, так же как и Иван Магницкий, становится в 1736 г. студентом Университета Санкт-Петербургской Академии наук³³. Конечно, следует при всем этом не забывать, что М. В. Ломоносов учился в Академии уже в послепетровское время через 45 лет после ее открытия³⁴. Существует впрочем и еще одна параллель: Михайло Ломоносов, живя в «несказанной бедности», не вернулся к «достаткам» своего отца и «наук не оставил»³⁵. Так же было и с Магницким. О тяжелом положении Магницкого в Москве можно судить по сообщениям о нем Алексея Курбатова царю: «Домовного де пристанища никакова не имеет, живет с нуждою переходя в приятельских домех, также и иными потребами нужду имеет немалую».

Высокий уровень образования в Славяно-греко-латинской академии подтверждают и другие ее выпускники, такие как создатель русского фарфора Д. И. Виноградов, академик-астроном Н. И. Попов, академик-натуралист С. П. Крашенинников (1711–1755), академик-поэт В. К. Тредиаковский (1703–1769), поэт-сатирик и ди-

³³ Лепехин И. Путешествия академика Ивана Лепехина в 1771–1772 гг. Ч. 4. СПб., 1805. С. 299; Смирнов 1855. С. 238; Сибирцева И. М. К биографическим сведениям о М. В. Ломоносове // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 59; Галанин 1916. С. 31, 39, 43; Вережкин М. И. Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова // Ломоносов М. В. Сборник статей и материалов. Т. 2. М., Л., 1946. С. 56, 57; Менищуткин Б. Н. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. М., Л., 1947. С. 11; Майстров Л. Е. М. В. Ломоносов и «Арифметика» Л. Ф. Магницкого // Историко-математические исследования. М., 1976. С. 233–239.

³⁴ Галанин 1916. С. 47; Галанин 1914. Вып. 1. С. 15–36; История АН. 1958. С. 40; Кулябко 1962. С. 10, 12; Лаврентьев 1997. С. 78; Еремеева А. И. Астрономические интересы, литература и образование в истории Москвы до середины XVIII века // Историко-астрономические исследования 25. 2000. С. 164–172.

³⁵ Ломоносов. М. В. Избранная проза. М., 1986. С. 35; Лаврентьев 1997. С. 106.

пломат А. Д. Кантемир (1708—1744), первый русский доктор медицины П. В. Постников, академические переводчики В. И. Лебедев, И. И. Голубцов и А. С. Барсов, первые профессора Московского университета ученики М. В. Ломоносова Н. Н. Поповский (1730—1760) и А. А. Барсов (1730—1791). Из церковных деятелей следовало бы упомянуть Кариона Истомина (род. конец 1640-х гг. — † 1722 г.) — личного секретаря двух патриархов, типографского справщика (с 1679 г.), переводчика, начальника Печатного двора (1698 г.), духовного наставника царевича Алексея Петровича, радателя просвещения, автора первого русского букваря (1692 г.) и борца с ересями³⁶.

Итак, в период с 1683—1685 гг. по 1700 г., когда Леонтий Тяляшин находился в Москве, с достаточной степенью достоверности можно предположить, что он обучался с 1686 г. в Славяно-греко-латинской академии, а в 1700 г. был представлен Петру I в качестве «учителя детей», после чего царским указом был принят учителем в Навигацкую школу и в короткий срок подготовил к изданию фундаментальный труд — «Арифметику».

4. НОВАЯ ФАМИЛИЯ, ДАННАЯ ПО ЦАРСКОМУ БЛАГОВОЛЕНИЮ

Петр I, будучи сам человеком разносторонне образованным, очень ценил образование и в других людях. М. В. Ломоносов об этом сказал: «Был ли тогда человек учения славою знатной, которого бы Петр I не посетил и, наслаждаясь его ученым разговором, благодеянием не украсил?»³⁷. Высказываясь так, Ломоносов, возможно, имел в виду именно Магницкого. Читаем об этом у В. Н. Берха: «Петр I имел случай узнать сего достойного мужа, явил ему много милостей: пожаловал

³⁶ Карион Истомин активно выступал против «люторской, кальвинской и римской ересей», а позднее оба: и Карион, и Леонтий — осудили ересь Тверитинова (следственное дело 1713—1715 гг.): *Брайловский 1889. С. 46; Корецкий В. И. Вольнодумец XVIII века Дмитрий Тверитинов // Вопросы истории религии и атеизма 12. 1964. С. 250.*

³⁷ *Ломоносов М. В. Избранные сочинения. СПб., 1846. С. 305.*

деревнями во Владимирской и Тамбовской губерниях и приказал ему выстроить дом на Лубянке. Государь, беседуя с ним многократно о математических науках, был так восхищен глубокими познаниями его в оных, что называл его магнитом, и приказал писаться Магнитским. По семейным преданиям известно, что Петр I благословил Магнитского местным образом Николая Чудотворца, который невестка его отдала в церковь старого Вознесения, на Царицынской улице, где он, украшенный драгоценными камнями, находился до 1812 года»³⁸. В «Совокупном географическом и историческом описании г. Осташкова» Ф. Ф. Прусаветского о Леонтии Теляшине говорится, что «явился в знатных господских домах такой учитель детей, который обратил на себя внимание Самодержца Петра I», и «из уст Его Величества проименован из Теляшина Магницким, конечно, в сравнении того, как магнит естественною силою своею действует и привлекает к себе железо: так он природными и самообразованными способностями своими обратил внимание и уважение на себя»³⁹. Флерковская относит это событие к 1698 г.: «Будучи студентом академии и нуждаясь в средствах, Леонтий обучал детей из знатных семей иностранным языкам и математике. Вполне вероятно, что встреча Теляшина с Петром I произошла в 1698 г.»⁴⁰. На могильной плите это событие обозначено 1700 годом. «...Его величеству Петру Первому великому Императору и Самодержцу всероссийскому для остроумия в науках учинился знаем в 1700 г., и от его величества по усмотрению нрава, ко всем всеприятнейшего и к себе влекущего, именован прозванием Магницкий и учинен российскому благородному юношеству учителем математики...»⁴¹. Наиболее аргументированным представляется утверждение А. В. Лаврентьева о

³⁸ Берх 1825. Ч. 8. С. 413. Первое сообщение о происхождении фамилии «Магницкий» было сделано в 1825 г. В. П. Берхом, вероятно, знакомым с родным правнуком Леонтия Филипповича — видным деятелем эпохи царствования Александра I, действительным статским советником Михаилом Леонтьевичем Магницким (1778—1855).

³⁹ Крицкий 1906. С. 438.

⁴⁰ См.: Флерковская М. А. Навигацкая школа // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 215—217.

⁴¹ Андронов 1969. С. 77; Серебрякова 1989. С. 239.

том, что первая встреча Леонтия Теляшина с Петром I произошла осенью 1699 г. в Новгороде⁴².

5. НОВЫЕ ДРУЗЬЯ, УЧЕНИКИ И ПОКРОВИТЕЛИ

Хотя до настоящего времени не найдено ни одного прямого документального свидетельства о жизни Магницкого до встречи его с Петром I, один из биографов Магницкого А. П. Денисов писал: «Узнав о том, что при Московском Печатном дворе есть большая библиотека, Магницкий добился разрешения пользоваться ею и стал частым ее посетителем»⁴³, — что, вероятно, недалеко от истины. На Печатном дворе и в тесно связанной с ним Славяно-греко-латинской академии собирались многие из перечисленных выше образованных людей того времени. Из этой среды и выросли деятельные помощники петровских преобразований в области наук и образования — «библиотекарь» и издатель В. А. Киприанов († 1723 г.), директор типографии Ф. П. Поликарпов († 1730 г.), «шеф» Навигацкой школы А. А. Курбатов (1663–1721).

В 1699 г. по приглашению царя прибыл в Россию из Англии профессор математики Эбердинского университета Генри Фергарсон (в бытовом произношении Андрей Фарварсон), у которого едва ли мог полноценно учиться Магницкий⁴⁴, поскольку осенью того же года или в следующем году Петр I был восхищен познаниями Магницкого в математических науках. В феврале 1701 г. Магницкий был принят учителем в Навигацкую школу и получил указ подготовить к изданию «Арифметику». В июне 1701 г. им было написано 13 тетрадей мелким почерком текста будущей «Арифметики». А уже в ноябре 1701 г. «Леонтий Магницкий книгу арифметику издания своего явил»⁴⁵. «Арифметика»

⁴² Лаврентьев 1997. С. 83.

⁴³ Денисов А. П. Леонтий Филиппович Магницкий. М., 1967. С. 25.

⁴⁴ Так и историк А. В. Лаврентьев отрицает возможность обучения Магницкого у Фарвасона. Лаврентьев 1997. С. 79.

⁴⁵ Берх 1825. Ч. 8. С. 413; Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 17; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого.

Магницкого — это внушительная по объему книга, представляющая собой литературно-историческое произведение, настоящую энциклопедию знаний. Не представляется возможным, чтобы весьма внушительного объема «Арифметика» с «дивными» для того времени предметами, такими как алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, наблюдательная астрономия, морская навигация, география, была сочинена в столь короткий срок. Многие фрагменты ее, вероятно, были написаны ранее и уже использовались автором в частной учительской практике⁴⁶.

Из событий последующих лет, оставивших документальные свидетельства о жизни учителя арифметики, вполне можно заключить, что он, несмотря на свое незначительное положение в обществе, пользовался огромным авторитетом как в церковной среде, включая высокопоставленных архиереев, так и в кругу высших должностных лиц государства. Среди последних были такие люди, как прибыльщик (министр финансов) А. А. Курбатов, управитель Московской губернии В. С. Ершов и три самых близких к царю лица — государственный канцлер граф Г. И. Головкин, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин и светлейший князь А. Д. Меншиков. Доброе и даже сердечное расположение высоких сановников к «остро желчному» на язык учителю арифметики нельзя в достаточной мере объяснить только симпатией к нему самого Петра I, скорее наоборот. Они нашли возможным заступиться за учителя перед царем как раз тогда, когда Магницкий оказался в опале. Чтобы усмирить ревнителя православия — Л. Магницкого, — против него было сфабриковано уголовное дело. Арестованного учителя привезли из Москвы в Санкт-Петербург, где его допрашивал сам Петр I. Магницкий, «суший христианин» (по словам академика В. К. Тредиаковского), однако, не испугался и на Сенатском суде выступил против протестантских инициатив Петра I в отношении Рус-

СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 187; *Викторов 1883*. С. 468–469, 475; *Криницкий 1906*. С. 438; *Богословский М. М.* Петр Великий в Англии в 1698 г. // Труды Института истории 1. 1926. С. 427; *Бородин 1936*. С. 55–56; *Куприянова Т. Г.* Новые архивные сведения по истории создания «Арифметики» Л. Магницкого // Естественные представления Древней Руси. М., 1988. С. 281; *Лаврентьев 1997*. С. 70, 76–83, 104–105.

⁴⁶ *Галанин 1914*. Вып. 2. С. 1–10; *Лаврентьев 1997*. С. 78–83, 104.

ской Церкви. Обретение авторитета Магницким как духовно и светски образованного человека, вероятно, уходит в годы его частного учительства. Когда юный Леонтий оказался в Москве, были еще живы люди, помнившие его родственника — Нектария, архиепископа Тобольского и Сибирского, своей образованностью расположившего к себе царя Алексея Михайловича. Книжным Печатным двором с 1679 по 1687 г. ведал уже другой архиепископ Тобольский и Сибирский — Симеон. Допускаем, что такое совпадение в совокупности со многим уже сказанным могло открыть двери Печатного двора для юного Леонтия, «страстного охотника читать» «мудреное и трудное»⁴⁷. Не на пустом месте явился и Василий Анофриевич Киприанов — издатель «Арифметики», основатель первой гражданской типографии, «нижайший раб математических наук» (так он подписывался), отец которого, кстати, был также родом из Осташкова. Таким образом, знакомство Л. Магницкого с В. Киприановым могло быть очень давним⁴⁸. Это — дополнительные косвенные штрихи к жизни Л. Магницкого в Москве конца XVII века.

Подведем краткий итог самому загадочному периоду жизни Л. Магницкого в Москве в конце XVII века. «В младых летах» (примерно в 14–16-летнем возрасте) в 1683–1685 гг. Леонтий с рыбным обозом попадает в Москву, в Симонов монастырь. Его, как «страстного охотника читать в церкви мудреное и трудное», оставляют в монастыре. В 1686 г. при пополнении Славяно-греко-латинской академии значительным числом учеников «всякого чина» он, вероятно, становится ее учеником. Со временем, набрав необходимый уровень знаний, он начинает зарабатывать себе на хлеб преподаванием математики в знатных домах, все более совершенствуясь в этом предмете. Своей учительской деятельностью он опережает чаяния Петра I в отношении реформы образования. Если бы Леонтий не встретился с царем, то он так бы и остался безвестным учителем Теляшиным. Мы, однако, искренне

⁴⁷ См.: Безсонов П. А. Типографская библиотека в Москве. Исторический очерк. М., 1859. С. 47; Брайловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. Т. 5. № 5. С. 30.

⁴⁸ Куприянова Т. Г. Первая династия российских издателей. М., 2001. С. 63.

уверены в том, что встреча 30-летнего высокообразованного в «математических науках» учителя Леонтия Теляшина и 27 летнего царь-реформатора Петра I была исторически неизбежна. Семья Л. Магницкого, не имеющая до 1703 г. «домовного де пристанища никакова», живущая «с нуждою переходя в приятских домах» и «иными потребами» имеющая «нужду немалую», получила каменный дом, построенный за государственный счет⁴⁹.

Результаты деятельности Теляшина-Магницкого превзошли все ожидания. Выпускниками Математико-навигационной школы — учениками Магницкого — были географ И. К. Кириллов — автор первого «Атласа» русских земель (1736), геодезисты Ф. Евреинов и И. Лужин — именно они измерили, по указанию Петра I, точные координаты Сибири и Курильских островов (1718–1722 гг.), — геодезист крайнего Севера С. И. Челюскин (в его честь был назван мыс), участники Великой северной экспедиции (1736–1737) геодезист Д. Л. Овцын и географ С. Г. Малыгин, первый русский профессиональный астроном А. И. Красильников, Ф. И. Соимонов — действительный тайный советник, вице-адмирал, губернатор Сибири, ученый, гидрограф, картограф, географ. Соимонов стал автором первой русской печатной карты (1720), атласа и лоции (1731), а также «Описания» (1728) Каспийского моря, а также составителем атласа Балтийского моря (1738). Еще нельзя не упомянуть адмирала В. Я. Чичагова — астронома, математика, педагога и автора «Универсальной арифметики» (1757 г.), пришедшей на смену «Арифметике» Л. Магницкого, а также Н. Г. Курганова. Заочными учениками Магницкого были и изобретатель паровой машины И. Ползунов, и «выучивший почти наизусть» «Арифметику» Магницкого, неслучайно назвавший ее «вратами своей учености», М. В. Ломоносов.

«Арифметика» Л. Магницкого (1703 г.), первым читателем которой стал император Петр I, явилась прародительницей математических и астрономических учебных пособий в России. Это — шестисотстраничная книга, изданная гигантским по тому времени тиражом 2400 экземпляров в первой гражданской типографии библиотекарем и издателем

⁴⁹ Викторов 1883. С. 477, 480; Лаврентьев 1997. С. 100–102, 106–108.

В. А. Киприановым. «Арифметика» — литературно-историческое произведение, настоящая энциклопедия знаний по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, наблюдательной астрономии, морской навигации, геодезии, географии. «Арифметика» Л. Магницкого воистину стала первым пособием русских моряков и геодезистов и «вратами учености» всех образованных людей XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

- Андронов 1969* — Андронов И. К. Первый учитель математики российского юношества Л. Ф. Магницкий // Математика в школе. 1969. № 6. С. 75–78.
- Берх 1825* — В. Н. Жизнеописание учителя математики Леонтия Филипповича Магницкого // Записки государственного адмиралтейского департамента. 1825. Ч. 8. С. 413–421.
- Бородин 1936* — Бородин А. В. Московская типография и библиотека Киприановых // Труды института книги, документа и письма. Л., 1936. Т. 6. С. 54–89.
- Брайловский 1889* — Брайловский С. Н. Карин Истомин (Жизнь его и сочинения). М., 1889.
- Викторов 1883* — Викторов А. Е. Записи о Навигацкой школе // Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов (1613–1725). Вып. 2. М., 1883. С. 464–469, 474–483.
- Галанин 1914* — Галанин Д. Д. Леонтий Филиппович Магницкий и его арифметика. М., 1914.
- Галанин 1916* — Галанин Д. Д. Михаил Васильевич Ломоносов как мировой гений русской культуры. М., 1916.
- Голубев 1948* — Голубев И. Новые данные о Л. Ф. Магницком // Математика в школе. 1948. № 6. С. 26–27.
- Евтеев О. А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
- Записка 1881* — Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова. СПб.: Изд. Общества древней письменности, 1881.
- История АН* — История Академии наук СССР. Т. 1. М.-Л., 1958.
- Криницкий 1906* — Криницкий Н. А. Труды второго областного тверского археологического съезда в 1903 г. Тверь, 1906.

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕОНТИЯ ФИЛИППОВИЧА МАГНИЦКОГО

- Кулябко 1962* — *Кулябко Е. С. М. В.* Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л., 1962.
- Лаврентьев 1997* — *Лаврентьев А. В.* «Арифметики учитель» Леонтий Филиппович Магницкий // *Люди и вещи.* М., 1997. С. 69–108.
- Описание документов 1879* — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1879.
- Пекарский 1862* — *Пекарский П. П.* Введение в историю просвещения в России в XVIII столетии. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1862.
- Серебрякова 1989* — *Серебрякова Е. И.* Надгробная плита Л. Ф. Магницкого // *Памятники науки и техники.* М., 1989. С. 236–241.
- Тихонравов 1898* — *Тихонравов Н. С.* Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский // *Сочинения.* Т. 2. Русская литература XVII и XVIII вв. М., 1898. С. 156–304.
- Успенский 1893* — *Успенский В. П.* Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893.
- Успенский 1902* — *Успенский В. П.* Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни. Осташков, 1902.

АРХИМ. МАТФЕЙ (МОРМЫЛЬ)

ЛИТУРГИЧЕСКАЯ НАУКА В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ¹

Отмечая трехсотлетие бытия Московской духовной академии, мы с благодарностью вспоминаем имена многих ученых богословов, которые поистине составляют честь и славу нашей знаменитой школы, пронесшей через века знамя богословской науки и возраставшей великое множество неумолимых тружеников на ниве духовного просвещения в Русской Православной Церкви.

В день окончания наших юбилейных торжеств 29 декабря² исполняется 100 лет со дня кончины профессора Московской духовной академии Ивана Даниловича Мансветова. Его имя открывает плеяду великих тружеников-богословов, посвятивших себя служению литургической науке. Ими была создана, можно сказать, «московская» литургико-богословская школа, о становлении которой и будет идти речь.

Известно, что источники зарождения литургики как науки о православном богослужении относятся в России к середине XVII века (т. е. немного ранее основания нашей духовной школы), когда изучение богослужения нашей Церкви сводилось к истолкованию и объяснению Литургии. В 1655—1656 гг. в Москве печатается первый большой труд, известный под названием «Никоновой Скрижали»³, который был со-

¹ Доклад, прочитанный на научно-богословской конференции, посвященной 300-летию Московской духовной академии, которая состоялась 26—27 декабря 1985 года в МДА (Комаров К. М., диак. В. Цыпин, Белов В., Козлов М. Е. Празднование 300-летия Московской Духовной Академии // ЖМП. 1986. № 4. С. 15—16). Публикуется посмертно по машинописи, хранящейся в библиотеке МДА. Примечания архим. Матфея были расширены и унифицированы редакцией журнала.

² 29 декабря 1985 года состоялась Торжественный акт, посвященный 300-летию МДА (Там же. С. 18—32).

³ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. С. 82—82. № 266.

ставлен ученым греком Иоанном Нафанаилом и прислан в Москву в 1653 году Иерусалимским патриархом Паисием по просьбе патриарха Никона. Хотя Скрижаль и была важным и нужным пособием для объяснения богослужения, но она была лишь сборником разных толкований о храме и священнодействиях Литургии, и в ней не уделялось места историческому изучению предмета, отсутствовали ссылки на источники, и ничего не говорилось о происхождении и развитии церковного богослужения и обрядов.

В XVIII веке Святейшим Синодом предпринимались попытки издания новых книг о церковных обрядах и службах. Результатом их можно считать известную и в настоящее время «Новую Скрижаль, или Положительное объяснение о Церкви, о Литургии, о всех службах и утварях церковных» архиепископа Нижегородского и Арзамасского Вениамина (Краснопевкова), впервые изданную в 1803 году, которая представляет собой своеобразную литургическую энциклопедию и с 1803 по 1912 г. выдержала восемнадцать (!) изданий.

На рубеже XVIII—XIX веков начинает закладываться фундамент русской литургической науки в высших богословских школах — духовных академиях. В системе богословского образования по первоначальному академическому Уставу 1814 года литургики как отдельной самостоятельной дисциплины не существовало. Она преподавалась вместе с церковным правом или церковной историей, а с 1869 года — вместе с церковной археологией. Только с семидесятых годов XIX века литургика начинает приобретать право на самостоятельное существование.

Историю становления и развития литургической науки в Московской духовной академии можно условно разделить на три периода: первый, подготовительный — до семидесятых годов XIX века; второй — старая литургическая школа — начиная с семидесятых годов XIX века по двадцатые годы XX века; третий — новый — начиная с 1944 года до настоящего времени.

К первому периоду относятся попытки некоторых профессоров нашей Академии найти верный последовательный метод в изучении богослужения. Существовавшее ранее схоластическое символическое

объяснение богослужения, обрядов и священнодействия не удовлетворяло требованиям науки, потому что не могло правильно раскрыть истинный смысл богослужения как в целом, так и в его отдельных частях и не придавало необходимого значения месту литургического предания в жизни Церкви. Осознание того, что пренебрежение историческим генезисом при раскрытии развития того или иного процесса лишает возможности объективно понять подлинную природу вещей, привело исследователей к необходимости положить в основу изучения богослужения исторический метод исследования.

Особая заслуга в этом принадлежит ректору Академии архиепископу Филарету (Гумилевскому), которого следует считать одним из зачинателей русской исторической литургики. Появление и использование «исторического метода» в русской богословской науке, в том числе и в литургике, обусловлено деятельностью архиеп. Филарета (Гумилевского) в Московской духовной академии, который активно использовал его в преподавании догматического богословия и «сумел пробудить у своих слушателей не только интерес, но и любовь к историческим занятиям»⁴. В распространенном предисловии ко второму изданию «Исторического обзора песнопевцев» он писал: «По историческим исследованиям ясно и несомненно, что Святая Церковь относительно обрядов богослужения действовала с разумною свободою: принимала новые порядки служения по их благотворному действию на людей и потом заменяла их другими, когда видела, что прежние порядки не совсем полезны и нужны другие. <...> Теория богослужения, не опирающаяся на исторические данные, — ложная теория сама по себе и вредная по своим последствиям. Тут гуляет произвол, наводящий туманы и на ум, и на сердце. По его милости в толковании одного и того же обрядового действия, одной и той же обрядовой принадлежности встречается пять и шесть толкований разных»⁵.

Избрав исторический метод, молодая литургическая наука получила необходимый импульс для своего становления и развития. К литур-

⁴ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 365.

⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Чергиновский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Чернигов, 1864. С. 5.

гистам нашей Академии можно причислить и А. Л. Катанского, начинавшего здесь научную и педагогическую деятельность, но вскоре перешедшего в Петербургскую духовную академию⁶. В своих трудах он систематически использовал исторический метод⁷, и его «Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви» начинался словами: «Несомненно, что самое лучшее истолкование богослужения, по крайней мере для образованного общества, если не для всех, есть историческое. Все другие приемы толкования, как ни много говорят они религиозному чувству, не способны удовлетворить многих. Основа всех других толкований (кроме исторического) есть, более или менее, субъективное чувство и воззрение»⁸. Литургическая исследовательская деятельность А. Л. Катанского знаменательна и тем, что он первым из русских богословов стал заниматься вопросами сравнительной литургики.

Второй период становления нашей литургической школы начинается трудами профессора И. Д. Мансветова, который первым среди русских ученых стал автором больших исследований в области литургики⁹. Он,

⁶ Александр Львович Катанский (19 ноября 1836 г. — 12 марта 1919 г.) в 1863—1867 гг. преподавал в Московской духовной академии церковную археологию (в которую входила и литургика), перешел в Санкт-Петербургскую духовную академию в 1867 г. на кафедру догматического богословия, в 1877 г. получил степень доктора богословия за исследование «Догматическое учение о семи церковных Таинствах в творениях древнейших отцов и писателей Церкви до Оригена включительно» (СПб., 1877). Ему принадлежат и некоторые литургические исследования: «Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви» (СПб., 1868); «Очерк истории древних национальных Литургий Запада» (СПб., 1870); «К истории литургической стороны Таинства Брака» (ХЧ. 1880. Ч. 1. № 1—2. С. 98—127); «Очерк истории литургической стороны Таинства Елеосвящения» (ХЧ. 1880. Ч. 2. № 7—8. С. 92—131). Кроме того, А. Л. Катанский принимал активное участие в подготовке и издании «Собрания древних Литургий восточных и западных, в переводе на русский язык» (Вып. 1—5. СПб., 1874—1878).

⁷ Во время преподавания в Московской духовной академии сильное влияние на А. Л. Катанского оказал прот. А. Горский, во многом определивший историческую методологию его научно-богословских исследований (*Катанский 1914*. С. 179—185).

⁸ *Катанский А. Л. Очерк истории Литургии нашей Православной Церкви*. СПб., 1868. С. 3.

⁹ Биографические сведения о проф. И. Д. Мансветове, а также полную библиографию его исследований см. в работе: *Смирнов С., прот.* Проф. Московской Духов-

по словам Н. Н. Глубоковского, явился «принципиальным реформатором литургики и стал фактическим основоположником её научного бытия. Он прочно аргументировал, что в литургических изысканиях надо восходить к первоначальному зерну, из которого постепенно развивалась вся дальнейшая богослужebная система, то органическим возращанием по внутренним импульсам, то механическим напластованием по случайным внешним причинам»¹⁰.

Для чтения академических лекций И. Д. Мансветов использовал богатые рукописные материалы, к которым ранее исследователи практически не обращались. Большую часть своих работ он печатал в богословских журналах, в том числе и в «Богословском вестнике».

В 1875–1876 г. в Москве был напечатан труд архимандрита Сергия (Спасского), впоследствии архиепископа Владимирского, посвященный восточной агиологии¹¹, за который Московская духовная академия удостоила его ученой степени доктора богословия. Через некоторое время автор представил исследование в Императорскую Академию наук на соискание Уваровской премии, в связи с чем должен был последовать письменный отзыв от Московской духовной академии. Решением Совета Академии составить обстоятельный отзыв на данное сочинение было поручено И. Д. Мансветову, которому пришлось произвести обстоятельный научный анализ, тщательно просмотреть и основательно изучить рукописные литургические памятники и многие древние богослужebные книги на греческом и славянском языках, имеющиеся в московских книгохранилищах. Работа над рецензией подвигнула его к дальнейшему изучению истории православного богослужения.

Вскоре И. Д. Мансветов публикует ряд статей и монографий, из которых наиболее значимыми являются исследование о византийском

ной Академии И. Д. Мансветов: (Некролог) // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 1–13 (5-я пагин.).

¹⁰ Цит. по: Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 107–108.

¹¹ Сергей (Спасский). архим. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875; Он же. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. Святой Восток. М., 1876.

песенном последовании¹², о литургической деятельности митрополита Киприана¹³ и монография о происхождении Типикона¹⁴, которые можно рассматривать как своего рода «трилогию», где рассматриваются богослужебные вопросы греческой и русской церковной традиции в плане их отношения к Иерусалимскому и Студийскому уставу, а также к уставу Великой Церкви св. Софии в Константинополе. Работы И. Д. Мансветова убеждают, что за каждым чином или богослужебным последованием, обрядом или даже богослужебным элементом стоит тысячелетняя традиция, и поэтому к богослужению следует относиться как к одной из богатейших сокровищниц наследия Христовой Церкви, хранящей в себе апостольские начала и благодатность духа первых христиан.

Исследование истории Типикона, выполненное И. Д. Мансветовым, показало, что Типикон всегда являлся основным «регулятором» церковно-богослужебной практики и «вождем всем книгам». Кроме того, в своих сочинениях И. Д. Мансветов «прочно обосновывает необходимость в литургических исследованиях восходить к первоначальному апостольскому богослужению, чтобы наиболее полно и объективно раскрыть и уяснить литургическую жизнь Православной Церкви от ее истоков и до настоящего времени»¹⁵. Но если само богослужение и несет на себе печать глубокой древности, то по своей структуре оно никогда не было стабильным. Вот почему судьба Типикона как регулятора богослужения «неотделима, — по справедливому мнению И. Д. Мансветова, — от общего хода развития церковной службы и идет с нею рука об руку, отражая в своем движении различные перемены, которые испытывала эта последняя»¹⁶.

Начатая проф. И. Д. Мансветовым разработка литургической тематики была продолжена православными учеными — начиная с его

¹² Мансветов И. Д. О песенном последовании // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 3. С. 972–1028 (1-я пагин.).

¹³ Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882.

¹⁴ Мансветов 1885.

¹⁵ Георгиевский А. И. Выступление по докладу епископа Питирима // БТ 5. 1970. С. 227.

¹⁶ Мансветов 1885. С. 1.

современников-коллег и кончая литургистами нашего времени. К ним относятся Н. Ф. Красносельцев, А. А. Дмитриевский, М. Н. Скабалланович, прот. М. Орлов, протоиерей К. Кекелидзе, сербский литургист прот. Л. Миркович, прот. А. Шмеман, Н. Д. Успенский и многие другие.

Судя по всему, не без влияния И. Д. Мансветова в 1892 году появилась книга святителя Феофана (Говорова) «Древние иноческие уставы»¹⁷. Этим монашеским уставам в монографии И. Д. Мансветова была дана надлежащая оценка как содержательному источнику по истории богослужения золотого христианского века, когда западная и восточная половины христианского мира жили общей церковной жизнью, оказывая взаимное влияние друг на друга, когда западные уставы преподобных Кассиана Римлянина и Венедикта Нурсийского сложились по образцу и под живым воздействием обычаев Востока¹⁸. Позднее эти тексты были использованы М. Н. Скабаллановичем при рассмотрении истории развития богослужения IV–V веков¹⁹.

После кончины проф. И. Д. Мансветова его преемником по кафедре церковной археологии и литургики в нашей Академии стал Александр Петрович Голубцов²⁰. Его 25-летняя деятельность в науке оставила о нем память как об авторитетнейшем археологе-литургисте (кстати, и инициаторе создания Церковно-археологического кабинета в нашей старой школе). В своих многочисленных литургических работах и исследованиях, и особенно в монументальном двухтомнике «Из чтений

¹⁷ Феофан (Говоров), свт. Древние иноческие уставы прп. Пахомия великого, свт. Василия Великого, прп. Иоанна Кассиана и прп. Венедикта. М., 1892.

¹⁸ Мансветов 1885. С. 10–23.

¹⁹ Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1. Киев, 1910. С. 226–242, 255–258, 343–352.

²⁰ Александр Петрович Голубцов (20 ноября 1860 г. — 4 (17) июля 1911 г.). С 1887 — и. д. доцента по кафедре церковной археологии и литургики Московской духовной академии. С 1891 г. был заведующим Церковно-археологическим музеем Московской духовной академии. С 1892 г. — доцент академии по кафедре Церковной археологии и литургики. Одновременно в 1893–1896 гг. преподавал французский язык в Академии. С 1896 г. — э.-орд. профессор, с 1907 г. — ординарный профессор Академии. Курс лекций в Академии был посмертно издан его сыном Иваном в 1918 г. в двух частях под названием «Из чтений по церковной археологии и литургики».

по церковной археологии и литургике»²¹, он, следуя своему предшественнику, шел по пути исторического раскрытия содержания церковных обрядов. С глубокой обстоятельностью А. П. Голубцов описал особенности богослужебных чинов соборного и соборно-приходского служения, сохраняющегося на Руси с древних времен²².

Ему же принадлежат ценнейшие описания и публикации отечественных церковно-уставных памятников — чиновников Московского Успенского собора²³, Новгородского Софийского собора²⁴, Холмогорского Преображенского собора²⁵ и Нижегородского Преображенского собора²⁶, отличающихся богатством содержания и наглядно свидетельствующих о литургической и духовной жизни Святой Руси. С появлением в свет этого капитального труда осуществилась заветная мечта И. Д. Мансветова об издании специальной монографии о местно-русских церковных чинах, которые богаты по своему содержанию и которые поэтому могут принести большую пользу при изучении нашего чисто русского богослужебного наследия.

Во всех исследованиях проф. А. П. Голубцова показывается, что русское богослужение является не только воспроизведением греческих литургических установлений и порядков, не только отражением византийского наследия, но хранит преемство древнехристианских традиций вселенского Православия с его величественной благолепной обрядностью и глубоким богословским содержанием.

Второй период становления Московской литургической школы ознаменовался не только трудами профессоров И. Д. Мансветова и А. П. Голубцова. В конце XIX века и в первые два десятилетия XX столетия зарождалось новое «литургическое движение», которое ста-

²¹ Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. Ч. 1. Археология. Ч. 2. Литургика. СПб, 1918.

²² Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907.

²³ Голубцов А. П. Чиновники Московского Успенского собора. М., 1907.

²⁴ Голубцов А. П. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899.

²⁵ Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903.

²⁶ Голубцов А. П. Чиновник Нижегородского Преображенского собора. М., 1905.

вило своей целью восстановление литургического наследия Церкви во всей его целостности и благолепии и которое подготовило православное духовенство и благочестивый народ к противостоянию всем крайностям так называемых «богослужбных реформ» обновленческого движения. И в жизни духовных учебных заведений в указанный период начинает проявляться особый интерес к уставности богослужения, к поэтической красоте и богословию церковной гимнографии и к литургическому богословию. Именно в этом контексте появились так называемые «идеальные всенощные». Такую службу удалось совершить 10–11 ноября 1911 г. в Свято-Духовской церкви киевского Братского монастыря по инициативе профессоров Киевской духовной академии М. Н. Скабаллановича и прот. В. Д. Прилуцкого и группы студентов²⁷. Немного позже в 1915 г. подобная всенощная была отслужена в храме Владимирской духовной семинарии при ректоре архим. Павле (Борисовском) — выпускнике Московской духовной академии 1892 г.

Литургический ренессанс коснулся и нашей Духовной академии. Ярким и своеобразным его выразителем был проф. свящ. Павел Флоренский. Отец Павел Флоренский, хотя и не был литургистом в прямом смысле этого слова, так как никогда не преподавал литургику, но, будучи вдумчивым, серьезным богословом и с молодых лет став ревностным служителем алтаря Господня, всегда внимательно относился к богослужбной, литургической жизни Церкви. Он с душевной болью переживал все то, что совершалось не «благообразно» и не «по чину», и стремился привить студентам Духовной школы искреннюю, разумную любовь к православному богослужению, изъясняя его значение и глубоко проникая в самую его сущность. Это и послужило причиной появления в его обширном богословском наследии специальной литургической тематики, впоследствии получившей название «Философия культа»²⁸.

Отец Павел Флоренский не настаивал на общецерковном признании своих взглядов, но они свидетельствуют, что богословие может быть положено в основу истинной философии культа. Он сознавал,

²⁷ Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 2. Киев, 1913. С. 330–336.

²⁸ БТ 8. 1972; 17. 1977.

что исследование основ культоведения является «предприятием» бесконечно трудным и работать над ним в одиночку невозможно. «Если бы было время у нас, — говорил он своим слушателям, — нам следовало бы заново изучать и строить самую науку о культе в его внешнем сложении, делать анализы культовых форм, давать анатомию, гистологию и физиологию культа. Тогда только, собственно говоря, могли бы мы приступить к попытке философски рассмотреть явления культа...» И дальше отец Павел излагает причину, побудившую его заниматься литургической тематикой: «Никогда я не осмелился бы выступить с этими беседами перед вами, если бы не много лет положительно мучающая меня мысль: главное место церковной разрухи — невнимание, неразмышление над культом, главная задача современного богословия — изъяснение культа... То, что я могу предложить вам, это не курс лекций, но собрание тем для размышления, запови некоторые, даже не многие напевы будущей философии культа»²⁹. То, что по христианской и пастырской скромности называлось только «запевами», для науки литургического богословия представляет как раз главную направляющую веку в выяснении пути дальнейшего его развития.

В своей литургической тематике отец Павел Флоренский старался показать смысл и необходимость существования самого культа как такового. Ведь потребность в культе живет в человеке так же, как и религиозное чувство. А религиозное чувство обязательно потребует своего проявления через культ, ибо он — ответный благодарный «жест» человека Богу, Творцу всего и Отцу Небесному. За всю долгую историю жизни человечества было много разных попыток отвергнуть необходимость культа, но они изживали самих себя, и все возвращалось «на круги своя», так как существование культа есть явление общечеловеческое, явление естественное.

Цель и назначение культа состоит, по мнению отца Павла Флоренского, в том, чтобы содействовать процессу освящения всей реальности — всего того, что в человеке, и всего того, что вокруг человека: крик радости претворить в священную песнь, естественное ликование — в священное слово, стремление выразить религиозное

²⁹ БТ 17. 1977. С. 101.

чувство — в священный жест. Таким образом, с идеальной точки зрения культ не запрещает естественности движения, не стесняет его, не урезывает богатство внутренней жизни, а, напротив, утверждает это богатство в его полноте, закрепляет и «возвращает», т. е. всему естественному сначала дается просторный выход, а потом, через удаление из него всего случайного, хаотичного и через приобщение его к форме чистой человечности, возводит «до идеальной человечности, до самой природы человеческой, сотворенной по Христову подобию»³⁰. Вот почему в православном богослужении «есть что-то глубоко-глубоко близкое, что-то давно знакомое», и оно «воспринимается как припоминание родного и давно знакомого».

Культ призван блюсти равновесие человеческой личности. А это осуществляется посредством Таинств церковных, число которых, по мысли о. Павла Флоренского, соответствует числу основных функций человеческого существа. «Таинств семь потому, что семь устоев человеческой личности», а сами Таинства церковные «своею совокупностью выражают строение человека»³¹. При этом «Таинство определяется сознанием через свое обращение, через свой Обряд», который «есть часть земной действительности, своим строением возводящий дух к созерцанию Таинства»³² и «приспособляет нас к восприятию благодати, а благодать — к восприятию ее нами»³³.

Отец Павел Флоренский любил говорить на своих лекциях, что его задача как философа-богослова не излагать системы, а возбуждать мысли, ибо система — застывшая мысль, которая враждебна всякому живому углублению. Он оставил после себя океан мыслей. Благодаря его богословскому наследию литургическая наука получила возможность раскрыть еще в большей мере, чем до него, богатство предмета ее изучения — православного богослужения — через углубление его понимания и восприятия его истинной «красоты небесного праздника»³⁴.

³⁰ Там же. С. 138.

³¹ Там же. С. 144–145, 147.

³² Там же. С. 147.

³³ Там же. С. 153.

³⁴ Флоренский П. А., *свящ.* Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 3.

Здесь следует отметить, что к числу ученых литургистов, связанных с Московской духовной академией во второй период, принадлежат и В. П. Виноградов, исследовавший систему уставных чтений в византийской и славянской литургических традициях³⁵, и С. П. Муретов, изучавший формирование чинопоследования Литургии³⁶.

Третий период истории нашей литургической науки начался с возрождения Московских духовных школ в 1944 году. В это время почти сорок лет кафедру Литургики возглавлял заслуженный профессор Алексей Иванович Георгиевский³⁷, энергичная деятельность которого была направлена к сохранению и поддержанию традиций московской литургической школы. Его перу принадлежит известная книга «Чинопоследование Божественной Литургии»³⁸, получившая высокую оценку в церковных кругах. Многие его статьи на литургические темы были напечатаны в «Журнале Московской Патриархии»³⁹, в «Богословских трудах»⁴⁰ и в зарубежных церковных периодических изданиях⁴¹.

Рассматривая новый период нашей науки, следует упомянуть и о

³⁵ Виноградов В. П. Уставные чтения (проповедь книги). Вып. 1. Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. СП, 1914; *Он же*. Уставные чтения. Вып. 2. Чтения по монастырским обиходникам. СП, 1917. *Он же*. Уставные чтения. Вып. 3. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. СП, 1915.

³⁶ Муретов С. П. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава Литургии» константинопольского патриарха Филофея. М., 1895; Муретов С. П. К материалам для истории чинопоследования Литургии. СП, 1895.

³⁷ Алексей Иванович Георгиевский (14 января 1904 г. — 4 декабря 1984 г.) — заслуженный профессор Московской духовной академии. Будучи доцентом кафедры Литургики (1944–1958 гг.), в 1951 г. выпустил «Чинопоследование Божественной Литургии» — ценное практическое пособие для учащихся духовных семинарий и начинающих священнослужителей. 27 марта 1958 г. утвержден в звании профессора МДА, а в 1974 году удостоен звания заслуженного профессора.

³⁸ Георгиевский А. И. Чинопоследование Божественной Литургии. Краткое литургико-практическое пособие для учащихся духовных семинарий. М., 1951.

³⁹ См., напр.: Георгиевский А. И. Пасхальное богослужение // ЖМП. 1953. № 4. С. 54–59; Об исповеди перед причастием Святых Таин по свидетельству древнехристианской письменности // ЖМП. 1970. № 1. С. 68–73.

⁴⁰ Георгиевский А. И. Догмат о Воскресении в эпоху Вселенских Соборов // БТ 25. 1984. С. 321–336.

⁴¹ Георгиевский А. И. О церковном обряде. София: Изд. журн. «Православный миссионер», 1946. 16 с.

епископе Вениамине (Милове), который в конце 40-х годов XX века был профессором по кафедре патрологии и пастырского богословия, а также инспектором МДА⁴². Церковной общественности он больше известен как пламенный проповедник и ревностный пастырь-священнослужитель. В своих «Чтениях по литургическому богословию», впервые изданных в Брюсселе в 1977 г., епископ Вениамин систематизировал богословские идеи, содержащиеся в богослужебных текстах (песнопениях, молитвах и уставных чтениях) Октоиха, Минеи, Триоди и других богослужебных книг. В этом труде автор раскрывает церковную точку зрения на многие догматические и богословские вопросы: учение о Святой Троице, об искупительном подвиге Христа Спасителя (особенно вопросы Боговоплощения и сошествия Христа во ад), учение о Святом Духе, о почитании Божией Матери, литургическое учение об ангелах и другие.

Таким образом, в системе богословского образования Московской духовной академии всегда уделялось особое внимание глубокому изучению православного богослужения, которое, по образному выражению ректора Московской духовной академии протоиерея Александра Горского, представляет собой «цвет и плод древа жизни Церкви Христовой»⁴³.

Еще в двадцатые годы XX столетия выдающийся русский литургист проф. А. А. Дмитриевский при встрече с одним из своих учеников, молодым священником, сказал: «Я, батюшка, думаю, что для священника литургика всегда была и будет актуальной наукой»⁴⁴. Сознание этой актуальности жило во все времена существования нашей Духовной школы. Наши литургисты вместе со всеми отечественными богословами раскрыли и показали уникальную красоту православного

⁴² Вениамин (Миров), епископ Саратовский и Балашовский, родился 28 июля 1889 г, в 1920–1922 гг. обучался в Москве в Высшей богословской школе при Даниловском монастыре, где преподавали профессора МДА, с 1946–1949 гг. — преподаватель, затем профессор по кафедре патрологии МДА, читал академические курсы, в том числе и по литургии. Скончался 2 августа 1955 г.

⁴³ Катанский 1914. С. 173.

⁴⁴ Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // БТ 4. 1968. С. 87.

богослужения, объяснили, в каких формах оно выражается со времен апостольских, возвели благоговейное чувство к церковному обряду на степень сознательного к нему отношения и исторического его понимания. Их общими трудами, по словам протоиерея Александра Шмемана, «русская литургическая наука не только завоевала себе прочное и славное место в науке мировой, но был заложен прочный фундамент, без которого нельзя было бы говорить о литургическом богословии»⁴⁵.

ЛИТЕРАТУРА

Катанский 1914 — Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 г.). Вып. 1 (годы 1847—1867). Пг., 1914.

Мансветов 1885 — Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885.

От редакции

Архимандрит Матфей Мормыль († 15 сентября 2009 г.)⁴⁶ преподавал литургику и Новый Завет с 1963 по 1974 г. в МДС, а затем с 1983 г. — в МДА (с 1988 г. в звании профессора). Его перу принадлежат статьи: «Литургические традиции Троице-Сергиевой Лавры» (БТ 29. 1989. С. 194—200), «На чужом основании никогда ничего не строил...» (Московская регентско-певческая семинария: Сборник материалов 1998—1999. М., 2000. С. 66—91) и др.

С 2003 года профессором литургики является А. М. Пентковский, который, продолжая традиции И. Д. Мансветова, основное внимание уделяет изучению истории византийского богослужения. В частности, им подготовлено научное издание древнерусского перевода константинопольского богослужебного Синаксаря и ктиторского Типикона, составленного в 1034—1043 г. Константинопольским патриархом Алексием Студитом (*Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001*).

⁴⁵ Введение в литургическое богословие. Париж, 1961. С. 18.

⁴⁶ См. ниже некролог, посвященный памяти архим. Матфея. С. 935—944.

Г. Е. КОЛЫВАНОВ

КАФЕДРА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ
АПОЛОГЕТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ (1870–1903) В ЛИЦЕ
Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

*Элементарную физику читал
Дмитрий Феодорович Голубинский,
но образ и поведение этого святого человека
смуцал и очищал совесть многих¹*

Конец 60-х годов XIX века в истории духовного образования в России ознаменовался широкомасштабной реформой. В 1867 г. были приняты новые Уставы Духовных семинарий и училищ, а в 1869 году — новые Уставы Духовных академий. Преобразования способствовали развитию богословских и церковно-исторических наук в России. В то же время, как отмечает прот. Георгий Флоровский, при проведении реформы «странным образом не была понята внутренняя потребность богословской науки в изучении точных и естественных наук. Именно в те годы, когда во имя этих наук открыт был подлинный поход против христианского мировоззрения и против всякой веры вообще, было в особенности своевременно обратить самое серьезное внимание на изучение естественных наук»². Этот пробел попыталась частично заполнить Московская духовная академия. В 1870 году в Академии была создана сверхштатная кафедра Естественнаучной апологетики, просуществовавшая до 1903 года. История создания и функционирования этой кафедры неотделима от жизни ее единствен-

¹ Из вступительной статьи профессоров МДА к юбилейному сборнику: Памяти почивших наставников 1914. С. VI.

² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 362.

ного за всю историю существования преподавателя — Дмитрия Федоровича Голубинского.

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Дмитрий Федорович родился 19 мая 1832 года в Сергиевом Посаде. Отец его, известный религиозный философ протоиерей Феодор Александрович Голубинский, занимал должность профессора Московской духовной академии. Супруга протоиерея Феодора Анна Ивановна была сестрой профессора Московской духовной академии, а затем протопресвитера московского Архангельского собора В. И. Кутневича³. 22 мая 1832 г. младенец был крещен в Христорожественской церкви Сергиева Посада⁴. Всего у четы протоиерея Феодора и Анны Голубинских было девять детей, из которых пятеро умерли маленькими, а долгую жизнь прожил лишь один Дмитрий.

В детстве значительное влияние на Дмитрия оказывала бабушка по линии матери Мариамна Петровна Кутневич (в девичестве Куторга)⁵. Кутневичи родом были из Белоруссии. Отец Мариамны Петровны Петр Куторга был сподвижником и секретарем святителя Георгия (Конисского). Бабушка хорошо помнила святителя Георгия (Конисского) и охотно рассказывала внукам о прошлом. О родословии своей семьи Д. Ф. Голубинский рассказывает в своих воспоминаниях, которые он начал было писать в конце жизни⁶. Мать Дмитрия Федоровича скончалась в январе 1841 года⁷. Протоиерей С. С. Модестов, обучавшийся в Московской духовной академии с 1852 по 1856 год, ошибался, когда вспоминал: «Когда мы поступили в Академию, Феодор Александрович был уже вдовий. Супруга его не очень давно перед этим сконча-

³ Феодор Александрович Голубинский окончил Московскую духовную академию в 1818 году и был оставлен при ней бакалавром. В брак вступил в 1827 году. Священный сан принял в 1828 году.

⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 2.

⁵ Скончалась в 1847 году.

⁶ Голубинский Д. Ф. Из моих воспоминаний // ДЧ. 1901. № 12. С. 556–559.

⁷ Глаголев 1914. С. 27.

лась, так что наши старшие студенты помнят эту добрейшую старицу, необычайно радушно во всякое время принимавшую студентов, приходивших к Феодору Александровичу за книгами, нужными для сочинений, и за советами, в которых он никому не отказывал»⁸.

Дмитрий Голубинский не посещал духовное училище, получая домашнее образование под руководством отца. Именно отец оказал наиболее сильное влияние на формирование личности Дмитрия. Димитрий Федорович всегда высоко чтит своего родителя — и как отца, и как профессора, и как священнослужителя, старался во всем подражать ему. Впоследствии сам Дмитрий Федорович вспоминал об отце: «Блаженной памяти Родитель мой, Протоиерей Феодор Александрович Голубинский, тридцать шесть лет (1818—1854) преподавал философские науки в Московской духовной академии. Он усердно старался возбуждать и поддерживать в нас верность учению и постановлениям православной Церкви. Вместе с тем он заботился о развитии в нас здравых взглядов на явления видимого мира, указывая в них следы премудрости и благодати Божией. Уроки и наставления Родителя сохраняются в душе моей...»⁹.

В 1844 году в двенадцатилетнем возрасте Дмитрий Голубинский поступил в Вифанскую духовную семинарию¹⁰, а 1850 году окончил ее. Когда праздновалось столетие со дня основания Вифанской семинарии (10—11 ноября 1897 года), среди почетных гостей на этом торжестве был и профессор Дмитрий Федорович Голубинский. В своей речи¹¹ он вспоминал годы своего обучения в Вифанской семинарии. Среди своих семинарских наставников Дмитрий Федорович отметил Михаила Дмитриевича Никольского, Александра Семеновича Милованова, Александра Григорьевича Никольского, Дмитрия Васильевича Разумовского, Алексея Иосифовича Ключарева¹² и Василия Петровича

⁸ *Модестов 1914. С. 118.*

⁹ *Голубинский 1895. С. 2.*

¹⁰ В духовные семинарии поступали в то время в 14—18-летнем возрасте. 12-летний воспитанник — исключение из правил.

¹¹ Речь опубликована в «Сборнике, изданном по случаю столетия Вифанской Духовной семинарии» (СТСЛ, 1900. С. 87—92).

¹² Впоследствии Амвросий, архиепископ Харьковский. Знаменитый проповедник, духовный писатель.

Нечаева¹³. В Семинарии Дмитрий Голубинский учился прекрасно и окончил ее в первом разряде вторым по списку¹⁴.

Во время учебы Дмитрий увлекался физико-математическими науками. Во время обучения в Вифанской семинарии эти науки преподавал в ней Дмитрий Васильевич Разумовский, впоследствии протоиерей московской Георгиевской-на-Всполье церкви и профессор Московской консерватории, известный церковный композитор, исследователь церковного пения. О его преподавании Дмитрий Федорович вспоминал такими словами: «Профессор физико-математических наук Дмитрий Васильевич Разумовский, изложив другие части своей науки, обратил особенное внимание на Пасхалию и объяснял ее так отчетливо, что возбуждал в учениках большую охоту к занятиям сим предметом. Лекции по физике начал он словами Апостола о Боге: *невидимое Его вечная, вечная сила Его и Божество, от создания мира, чрез рассматривание творений видимы*¹⁵. Далее Дмитрий Васильевич объяснял нам то, как должен Священник для научения прихожан пользоваться разными явлениями видимой природы»¹⁶. Дмитрий Васильевич очень увлекался также ботаникой. В 1847 году он женился на родной сестре Дмитрия Федоровича Голубинского Марии Федоровне. Скончался же он в 1890 году. Дмитрий Федорович после кончины протоиерея Разумовского вспоминал о его исключительной доброте: «Многое из добрых дел протоиерея Дмитрия Васильевича сокрыто. Но и того, что нам известно, достаточно, чтоб иметь понятие о его совершенной нестяжательности, редкой доброте души и постоянной готовности помочь всякому нуждающемуся. Покойный директор Московской консерватории Н. Г. Рубинштейн говаривал: «Нам все равно сколько ни платить *батюшке*, — разумелся именно Д. В. Разумовский, — потому что гонорар за свои профессорские занятия в Московской консерватории он оставит у нас же на пользу недостаточных учеников...»¹⁷. Дмитрий Федорович

¹³ Впоследствии Виссарион, епископ Костромской. Известный проповедник и духовный писатель.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4943. Л. 14.

¹⁵ Рим. 1, 20.

¹⁶ Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной семинарии. СТСЛ, 1900. С. 90.

¹⁷ Памяти протоиерея Д. В. Разумовского. Б.м., 1890. С. 131.

вспоминал, что «сам испытывавший в жизни немало скорбей, протоиерей Дмитрий Васильевич умел и других утешать в скорбях. “Успокойся, оставь это без внимания”, — так иногда по своей опытности говорил он смущенному человеку, а после тот убеждался, что смущения его были напрасны и что действительно лучшим средством от случайных неприятностей было то, чтобы не обращать на них внимания»¹⁸.

Будучи воспитанником семинарии, Дмитрий Голубинский принял 26 сентября 1848 года хиротесию во чтеца¹⁹. Впоследствии ежегодно, облачаясь в стихарь, Дмитрий Федорович читал паремии на всенощной праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Он завещал похоронить себя в стихаре, что и было исполнено.

В 1850 году Дмитрий Голубинский стал студентом Московской духовной академии (19 курса). Уже приемные экзамены в Академию выявили его незаурядную способность к физико-математическим наукам. На экзамене по этим наукам он получил балл «отлично хорошо», тогда как на остальных экзаменах либо «очень хорошо», либо «хорошо»²⁰. Среди однокурсников Дмитрия Голубинского были Александр Лавров-Платонов²¹, Филарет Сергиевский²², иеромонах Михаил (Лузин)²³, будущий митрополит и экзарх Болгарский Анфим (Чальков). Обучаясь в Академии, Дмитрий Федорович наилучшие успехи, помимо физико-математических предметов, выказал во французском и еврейском языках (по этим предметам он оказался первым в итоговых списках)²⁴. Очень хорошие успехи Дмитрий Голубинский

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Д. 4943. Л. 8.

²¹ Затем профессор Московской духовной академии, принял монашество с именем Алексей, скончался в сане архиепископа Литовского. Дмитрий Федорович Голубинский является автором статьи «Памяти Высокопреосвященнейшего Алексея (Лаврова-Платонова), архиепископа Литовского», изданной затем отдельной брошюрой (М., 1891).

²² Затем профессор Московской духовной академии, ректор Вифанской духовной семинарии.

²³ Затем профессор и ректор Московской духовной академии, ректор Киевской духовной академии, скончался в сане епископа Курского, известный библиеист.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4943. Л. 24, 50.

показал также в изучении немецкого и древнегреческого языка. В это время на кафедре Физико-математических наук еще преподавал протоиерей Петр Спиридонович Делицын, занимавший эту кафедру на протяжении 45 лет (1818—1863 гг.). Протоиерей Делицын оказал сильное влияние на Дмитрия Федоровича Голубинского. Впоследствии Дмитрий Федорович опубликовал в 22 томе академического журнала «Прибавления к творениям святых отцов» «Воспоминания об академических занятиях профессора Московской Духовной Академии прот. П. С. Делицына». Вторым преподавателем этой кафедры был бакалавр Александр Николаевич Сергиевский (1850—1854 гг.).

Во время обучения в Академии Димитрий Федорович потерял своих братьев. В 1852 году от чахотки умер брат Сергей, тоже студент Московской духовной академии. На похоронах простудился младший брат Петр, учащийся Вифанской семинарии, и через три дня также скончался. Святитель Филарет Московский, узнав о новой потере о. Феодора Голубинского, писал ему:

Честнейший отец протоиерей!

С соболезнованием узнал я о новом лишении, которым угодно Господу испытать ваше родительское сердце. Что сотворим? Что иное, как разве повинимся Отцу духовом, да живи будем? Надеюсь, что так и расположен дух ваш. Да укрепится он и да сохранит в скорби столько мира, чтобы не слишком потрясена была немощная плоть. Ныне время показать плодлюбодурия, много лет вами проповедуемого, и не поколебаться лишением видимого и временного, в созерцании невидимого, во уповании вечного. Усердно молю Бога ниспослать вам свыше помощь, и утешение, и мир²⁵.

Из детей протоиерея Феодора Голубинского остались в живых лишь сын Дмитрий и дочь Мария, выданная, как выше говорилось, в 1847 году за преподавателя Вифанской духовной семинарии Дмитрия Васильевича Разумовского. Мария Федоровна скончалась в 1858 году.

В 1854 году Димитрий Голубинский окончил Московскую духовную академию пятым по списку магистром. Всего же курс окончили 49 чело-

²⁵ *Глаголев 1914. С. 29.*

век, из них 20 со степенью магистра богословия. Магистерское сочинение Дмитрий Федорович написал на тему «Обезбрачии». Оно осталось неопубликованным. В степени магистра богословия Д. Ф. Голубинский был утвержден Святейшим Синодом 31 августа 1855 года²⁶.

2. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После окончания Академии Дмитрий Федорович был оставлен при ней в должности бакалавра физико-математических наук, сменив Николая Александровича Сергиевского, рукоположенного в священники к московской церкви Петра и Павла на Басманной, занявшего затем кафедру профессора богословия в Московском университете. По воспоминаниям бывшего студента Московской духовной академии (1854–1858) Ивана Кузьмича Смирнова, «после франтоватого бакалавра, священника Ник. Ал. Сергиевского, переведенного в Московский университет профессором богословия (он был и редактором журнала “Православное обозрение”), преподавал физику с геометрией сын Ф. А. Голубинского Дмитрий Федорович, скромнейший и усерднейший производитель опытов по физике в кабинете и аудитории»²⁷.

Когда Дмитрий Федорович окончил Академию и было принято решение оставить его при ней бакалавром кафедры Физико-математических наук, его отец профессор-протоиерей Феодор Голубинский, здоровье которого к тому времени несколько пошатнулось, подал в отставку с должности профессора Академии. Поехав на родину в Кострому посетить могилы родных, о. Феодор 22 августа того же года скончался в Костроме от холеры. Незадолго до смерти он написал такое стихотворение²⁸:

²⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 4.

²⁷ Иван Кузьмич Смирнов после окончания Московской духовной академии преподавал в Томской духовной семинарии, затем перешел на службу по ведомству Министерства народного просвещения. Последние годы жизни состоял причисленным к министерству. Действительный статский советник. Духовный писатель, мемуарист. Скончался в 1912 году.

²⁸ У Троицы в Академии 1914. С. 87.

Уже мои слабеют силы,
 Язык тупеет, ноги хилы,
 Я перестал ходить
 В урочный час других учить;
 Ищу досуга сам учиться,
 Как с грешным миром распроститься...
 Полвека я наукам посвятил,
 В гостинице земной довольно погостил,
 Пора вставать и в путь собираться!
 Пора домой, не век скитаться,
 Пусть тою же, как я, тропой
 В цветник наук во след за мной
 Походит сын любезный мой!
 А я уж плуг повесил свой.

9 октября 1854 года Дмитрий Федорович Голубинский был официально зачислен на духовно-учебную службу, которой он посвятил все последующие 49 лет своей жизни. Дмитрий Федорович снял небольшой домик вблизи Ильинской церкви в Сергиевом Посаде, в котором и прожил до самой своей кончины. В 1859 году Голубинскому было назначено 90 рублей в год квартирных денег из духовно-учебного капитала²⁹. Физико-математические предметы в это время изучались не всеми студентами Академии. Студенты должны были выбирать между физико-математическими предметами и историей раскола. Голубинский преподавал очень усердно. Характерной чертой его преподавания был частая постановка опытов перед аудиторией в физическом кабинете. Все опыты он предварительно несколько раз производил в одиночестве, прежде чем производить их публично. Один из учеников Д. Ф. Голубинского протоиерей С. С. Модестов вспоминал: «Он был любимец всей академической корпорации и студентов за свою кротость и бескорыстие, человек глубоко искренне религиозный. По степенному виду, по интонации голоса и речи, неспешной и глубоко обдуманной, он вполне походил на своего знаменитого родителя»³⁰.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 10.

³⁰ Модестов 1914. С. 117–118.

10 февраля 1864 года Дмитрий Федорович Голубинский «по вниманию к отлично-усердной его службе определен действительным членом конференции Академии»³¹. 23 сентября того же 1864 года «в ознаменование совершения пятидесятилетнего юбилея Московской Духовной Академии и в воздаяние отлично-ревностной его службе при Академии удостоен звания ординарного профессора»³².

В 1862 году Д. Ф. Голубинский впервые выступил перед широкой общественностью как апологет. В этом году в Петербурге была издана переведенная с немецкого языка книга доктора Циммермана «Об электричестве и магнетизме». Дмитрий Федорович, всегда с интересом следивший за литературными новинками, не замедлил познакомиться с этой книгой и был возмущен некоторыми мнениями, высказанными ее автором. Так, Циммерман утверждал, будто «нельзя не согласиться с тем, что ковчег (кивот) был сильным электрическим аппаратом, который заряжается атмосферным воздухом чрез посредство деревянных столбиков скинии завета»³³, что «исследования великих ученых антиквариев положительно доказали, что еврейские жрецы имели некоторые сведения об атмосферном электричестве и даже применяли к достижению своих целей»³⁴. Голубинский решил опровергнуть гипотезу Циммермана и подошел к этой задаче с присущей ему тщательностью. Он даже провел в физическом кабинете Московской духовной академии опыт, показавший несостоятельность гипотезы Циммермана относительно ковчега завета. В результате появилась из-под пера Дмитрия Федоровича и была в том же 1862 году опубликована в Москве его первая книга «Разбор и опровержение ложного мнения о кивоте завета (Против книги Циммермана “Об электричестве и магнетизме”»³⁵. В своей книге Д. Ф. Голубинский показывает несостоятельность мнений о том, что в древности было многое известно об электричестве. Также он объясняет несостоятельность сравнения ковчега завета с

³¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 10.

³² Там же.

³³ Голубинский Д. Ф. Разбор и опровержение ложного мнения о кивоте завета (Против книги Циммермана «Об электричестве и магнетизме»). М., 1862. С. 1.

³⁴ Там же. С. 2.

³⁵ Опубликована также в: ПрибТСО 21. 1862. Кн. 2. С. 224–227 (1-я пагин.)

электрическим прибором, а также несостоятельность способа, с помощью которого, по мнению Циммермана, в ковчеге вырабатывалось электричество. Наконец, Дмитрий Федорович показывает несостоятельность предлагаемых немецким автором объяснений чудес, совершившихся при скинии.

В 1863 году в «Душеполезном чтении» появилась обширная апологетическая статья Д. Ф. Голубинского «Христианское размышление об устройстве земли. Вид земли, ее поверхность и внутренность. Море. Горы. Подземный огонь. Воздух». Дмитрий Федорович старался показать целесообразность устройства мира, свидетельствующую о творческом замысле Создателя. В таком же духе была написана статья «О кругообращении атмосферы», опубликованная в вышедшем в 1866 году сборнике, изданном по случаю пятидесятилетия Московской духовной академии. В последующие годы появляются в «Душеполезном чтении» статьи Д. Ф. Голубинского «Осенняя пора», «Замерзание воды», «О различии климатов», «О воздушной влаге», «Облака», «Дождь и снег». В 1865 году Дмитрий Федорович впервые в своей публицистике обращается к календарной проблеме, публикуя в «Душеполезном чтении» статью «О времени празднования Пасхи в Православной Церкви и у западных христиан».

3. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В 60-е годы XIX века на повестку дня встает вопрос о реформировании духовного образования, в том числе духовных академий. Назначенный в 1865 году обер-прокурором Святейшего Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой считал, что духовные академии в соответствии с духом времени должны быть исключительно богословскими учебными заведениями. Эту мысль он высказал, в частности, летом 1867 года ректору Московской духовной академии протоиерею Александру Васильевичу Горскому. Горский однако был убежденным сторонником мнения, что для образования богослова желательны познания в светских науках.

Поэтому он «со всею энергиею стал объяснять и доказывать обер-прокурору, сколь для полноты богословского образования необходимо преподавание в Академии светских наук». Этот спор окончился словами Д. А. Толстого: «По крайней мере, Вы не убедите меня в необходимости преподавания математики в Академиях»³⁶.

В апреле 1868 года протоиерей Александр Васильевич Горский, по воспоминаниям Д. Ф. Голубинского, «получил письмо от ректора Санкт-Петербургской Академии протоиерея Иоанна Леонтьевича Янышева и желал в ответном письме написать нечто в защиту физико-математических наук. А потому и поручил мне представить записку об этом предмете». Дмитрий Федорович вскоре представил требуемую записку, озаглавленную «О необходимости преподавания физико-математических наук в Духовных Академиях», «и после забыл о сем»³⁷. Впоследствии профессор Московской духовной академии Николай Иванович Корсунский нашел эту записку в архиве Горского и опубликовал ее в газете «День»³⁸.

В записке «О необходимости преподавания физико-математических наук в Духовных Академиях» Дмитрий Федорович убеждал, что эти науки ни в коем случае не следует исключать из академических программ. Он отмечал существенную важность физико-математических наук для целей апологетики: «Священное Писание научает нас, что рассматривание видимой природы должно вести к Богопознанию, это учение раскрывается и отцами Церкви. К Богопознанию должно вести как простое рассматривание природы, так, даже более, научное исследование ее. Много можно указать примеров, как естествоиспытатели, особенно в прежнее время, руководствовались этим взглядом на природу и раскрывали его»³⁹. Дмитрий Федорович указывал на то, что естественные науки необходимы при изучении богословия и библеистики: «Можно указать много мест из Священного Писания, при объяснении которых нужно принимать во внимание физические

³⁶ Голубинский 1900. С. 103.

³⁷ Там же. С. 104.

³⁸ День. 1894. № 41.

³⁹ Глаголев 1914. С. 119–120.

сведения. Много бывает случаев, когда исследования богословских и других наук соприкасаются с вопросами из астрономии, пасхалии»⁴⁰. Наконец, автор «Записки» указывал на то, что упразднение кафедры Физико-математических наук в духовных академиях затруднит подготовку квалифицированных преподавателей по этим предметам для духовных семинарий. Мысли, изложенные Дмитрием Федоровичем в «Записке», встретили полное одобрение со стороны протоиерея Александра Васильевича Горского.

Летом 1868 года в печати появился проект нового Устава духовных академий. Напечатан он был в издававшейся Министерством внутренних дел газете «Северная Почта»⁴¹. Этот проект не предусматривал сохранения в духовных академиях кафедры Физико-математических наук. Однако в Санкт-Петербургской духовной академии, согласно девятой главе проекта Устава, должно было открыться особое отделение физико-математических наук. Впоследствии Комитет, работавший над Уставом, отказался от идеи создания такого отделения из-за отказа обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого его финансировать.

Один из виднейших иерархов того времени святитель Иннокентий (Вениаминов) был сторонником того, чтобы в духовных учебных заведениях изучались естественнонаучные предметы. Об этом святитель писал в 1858 году в своей записке «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества». В семинариях он считал необходимым оставить преподавание медицины, «но вместо учения оной по лечебникам учить прямо анатомии, как следует, и затем отчасти и другим предметам медицинским так, чтобы всякий священник, имея достаточные и основательные понятия о составе человеческого тела и некоторых врачествах и способах врачевания, мог бы подавать правильные советы и пособия нуждающимся»⁴².

Однако изучение медицины, по мнению святителя, было бы недостаточным. «Воспитанник, выучивший анатомию, может познать толь-

⁴⁰ Там же. С. 120.

⁴¹ Северная почта. № 145, 146.

⁴² Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 3. 1865–1878. СПб., 1901. С. 377.

ко самого себя (*cognosce te ipsum*); но, по мнению моему, — пишет святитель, — этого еще мало, ему надобно еще достигать познания о Творце Своем из Его творений. Я хочу сказать, что кроме медицины в семинариях наших нужно преподавать и некоторые предметы из естественных наук, прибавив для сего два года к курсу семинарскому. Иначе воспитанники наши с обыкновенными познаниями, приобретаемыми в семинариях и даже академиях, всегда людям светским будут казаться людьми мало образованными, если еще не хуже; и это так и должно быть, потому что в нынешнем свете почти никогда не заводят речи и не желают слышать о предметах духовных и религиозных, которые воспитанники наши знают иногда превосходно. Следовательно, им негде показать себя, кроме проповеди, которые также слушаются очень немногими.

Но когда бы воспитанники наши, при своих познаниях о духовных предметах, имели бы достаточные и верные познания в науках естественных, тогда они могли не только поддерживать в обществах многие интересные разговоры, но и могли иногда направлять их в духовную пользу, особливо если притом сердце их будет избыточествовать если не любовью, то, по крайней мере, желанием добра беседующим»⁴³.

Димитрий Феодорович Голубинский был хорошо знаком с мнением святителя Иннокентия. Поэтому полученная в январе 1868 года весть о назначении Иннокентия митрополитом Московским воодушевила его. Впоследствии он вспоминал: «1868 года 10 января, при начатии учебных дел, я был у Александра Васильевича⁴⁴ и узнал, что на кафедре Митрополита Московского назначен Архиепископ Иннокентий. Вдруг пришел мне на мысль упомянутый выше проект его, и я сказал, что поэтому от него можно ожидать защиты физико-математических наук. А. В. с сочувствием принял эти слова»⁴⁵.

19 ноября 1868 года Димитрий Федорович получил от святителя Иннокентия благословение преподавать естественные науки, чтобы преподавание было направлено к апологетической цели. Впоследствии

⁴³ Там же. С. 377–378.

⁴⁴ Прот. А. В. Горского.

⁴⁵ *Голубинский 1900*. С. 103.

сам Д. Ф. Голубинский так вспоминал об этом: «1868 года 19 ноября исполнился год по кончине Митрополита Филарета. К этому дню в Лавру приехал Митрополит Иннокентий. Помянув своего предшественника, вечером Владыка был у отца Ректора. Приглашены были и все мы. Дорог и памятен для нас этот вечер! Владыка долго беседовал о миссионерстве, а потом речь перешла к физико-математическим наукам. И Митрополит, и А. В. (Горский) согласно признавали необходимость того, чтобы в Академиях продолжалось преподавание сих наук, но по сем заметили, что преподавание физики и космографии должно быть направлено к апологетической цели. Владыка сказал мне: “Эта прямая ваша обязанность”»⁴⁶. Дмитрий Федорович воспринял слова митрополита как благословение на пожизненное преподавание естественнонаучной апологетики.

8 февраля 1869 года торжественно праздновалось пятидесятилетие Санкт-Петербургского университета. Митрополит Иннокентий направил для участия в юбилейном торжестве протоиерея Александра Васильевича Горского. Горский пробыл тогда в Петербурге довольно долго. Его привлекли дополнительно к участию в деятельности Комитета по разработке нового Устава духовных академий. Среди изменений, внесенных в ранее опубликованный проект, было следующее дополнение: «С разрешения Святейшего Синода, по усмотрению нужды, могут быть вводимы и новые предметы сверх поименованных, а также вообще делаются изменения в учебной части Академии»⁴⁷. Дмитрий Федорович Голубинский вспоминал впоследствии: «Об этом параграфе говорили тогда, что своим происхождением он всецело обязан Александру Васильевичу. То есть, участвуя в заседаниях Комитета, А. В. по ходу дела видел, что преподавание математики не могло уже быть удержано в нашей Академии, как это было прежде; но он желал, чтобы открыта была кафедра Естественных наук. Для беспрепятственного достижения этой цели он предложил Комитету, чтобы в новый Устав внесен был таковой параграф. И это было принято»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 104.

⁴⁷ Устав 1869 г. § 115; Устав 1884 г. § 104.

⁴⁸ Голубинский 1900. С. 105.

Новый Устав духовных академий был утвержден императором Александром II 30 мая 1869 года. Однако введение его в действие в Московской духовной академии отложено было на год. 1869/1870 учебный год в Академии прошел по-старому. Дмитрий Феодорович Голубинский не терял надежды на возможность открытия в Академии кафедры Естественных наук⁴⁹. 1 декабря состоялся разговор между протоиереем Александром Васильевичем Горским и Д. Ф. Голубинским. Во время этого разговора Горский благословил Дмитрия Феодоровича представить проект кафедры. К концу декабря проект был представлен. Представленный проект Горский «рассмотрел внимательно и говорил, что главная цель предполагаемой кафедры должна быть апологетическая». В соответствии с этим указанием Дмитрий Феодорович исправил проект и вновь представил его во время Великого поста 1870 года. Этот проект получил одобрение Горского. Дмитрий Феодорович вспоминал впоследствии: «Александр Васильевич благословил меня отправиться в Санкт-Петербург для личного объяснения дела Митрополиту Иннокентию⁵⁰, к которому потом дал мне большое письмо. 1870 года, апреля 16 приехал я в Санкт-Петербург, а 19 вечером я явился к Митрополиту Иннокентию. В это время беседовал с ним Константин Петрович Победоносцев. Помню, с какой радостью Владыка вспоминал о совершившемся 25 января сего года открытии православного миссионерского общества. Когда окончилась их беседа, подал я Владыке письмо Александра Васильевича, который, как известно, писал мелко. А потому Владыка сказал: “Трудно мне читать его письма, конечно здесь секретов нет, прочитайте сами”. Читаю, и мне становится весьма совестно, потому что А. В. в этом письме очень хвалил меня. Владыка благосклонно принял мое дело, выслушал и чтение проекта, и со всею готовностью обещал дать средства для новой ака-

⁴⁹ В связи с грядущим упразднением кафедры физико-математических наук протоиерей Александр Васильевич Горский предложил Дмитрию Феодоровичу занять другую вакантную кафедру. Второй преподаватель кафедры бакалавр Николай Яковлевич Фортинский, преподававший с 1864 года, в связи с упразднением кафедры в 1870 году перешел на должность законоучителя 4-ой Московской военной гимназии.

⁵⁰ Митрополит Иннокентий находился тогда в Петербурге для участия в заседаниях Синода.

демической кафедры. Скоро по возвращении домой явился я к А. В., который с большой радостью встретил принесенную мною весть»⁵¹.

21 июня 1870 года состоялось заседание Совета Московской духовной академии, на котором рассматривались вопросы, связанные с преобразованием Академии по новому Уставу. На этом заседании было принято решение ходатайствовать об учреждении при Академии кафедры Естественнаучной апологетики и о назначении ординарного профессора Дмитрия Голубинского преподавателем этой кафедры.⁵² Совет Академии ходатайствовал о выделении средств на содержание преподавателя новой кафедры. На журнале заседания Совета митрополит Иннокентий «своею рукою написал, что средства будут даны»⁵³.

Летом 1870 года в Московскую духовную академию из Санкт-Петербурга «прислано было предписание передать физический кабинет в Московскую семинарию. Но А. В. (Горский) очень основательно устроил дело: часть инструментов передана в Московскую, часть в Вифанскую семинарию, а самое существенное и главное осталось у нас», — вспоминал впоследствии Дмитрий Федорович⁵⁴.

Еще 6 июня 1870 года митрополит Московский Иннокентий сделал представление Святейшему Синоду об учреждении при Московской духовной академии кафедры Естественнаучной апологетики. В представлении говорилось о том, что преподавание естественных наук необходимо, так как сейчас естественные науки — «источник сомнения и нападков на христианское учение»⁵⁵. Естественные науки предполагалось изучать выборочно, только то из них, что соприкасается с христианским вероучением. Содержание преподавателя кафедры митрополит брал на счет Московской епархии. Святейший Синод передал проект митрополита Иннокентия на рассмотрение Учебного комитета, который рассмотрел его 5 августа того же года.

⁵¹ Голубинский 1900. С. 105–106.

⁵² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 33. См. также: Голубинский 1900. С. 106.

⁵³ Голубинский 1900. С. 106.

⁵⁴ Там же. С. 106.

⁵⁵ Курляндский И. А. Иннокентий (Вениамин), митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 190.

Учебный комитет при Святейшем Синоде достаточно неблагоприятно отнесся к ходатайству митрополита Московского Иннокентия. Особенно резко против проекта выступил член Комитета И. А. Чистович. Чистович полагал, что выборочное преподавание естественных наук может нанести только вред. «Профессор, знающий только кое-что из науки, которую он преподает, был бы странен в своих собственных глазах и в глазах слушателей», — утверждал он⁵⁶. В результате Учебный комитет принял компромиссное решение и в своем отзыве на проект отметил: «Учебный комитет не может признать справедливым удовлетворить ходатайство совета Московской Духовной Академии относительно введения апологетической науки в состав академического курса преподавания... но относясь с уважением к дару Преосвященного Митрополита Московского и выраженному им желанию пополнить образование, по крайней мере, желающих того академических студентов чтением из естественнонаучной апологетики... полагал бы возможным рекомендовать Совету Московской Духовной Академии допущение приватным образом для желающих студентов чтений и бесед по естественнонаучной апологетике, с представлением их бывшему профессору Голубинскому и вознаграждением его за это из епархиальных сумм»⁵⁷.

Определением Святейшего Синода от 12 октября 1870 года было дано разрешение на открытие в Московской духовной академии сверхштатной кафедры Естественнонаучной апологетики с поручением преподавания профессору Д. Ф. Голубинскому. Расходы на жалование преподавателю взяла на себя Московская епархия.⁵⁸ Жалования ему было назначено 2 000 рублей в год. Из них одну тысячу выплачивал Перервинский монастырь⁵⁹. Вместе с тем, Дмитрий Федорович как сверхштатный преподаватель не был включен в число лиц духовно-учебного ведомства, которым предоставлялись права государственной службы. Соответственно он не имел права на чин и на чинопроизвод-

⁵⁶ Там же. С. 190.

⁵⁷ Там же. С. 190–191.

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 12, 14.

⁵⁹ Там же. Л. 17.

ство. По предмету естественнонаучной апологетики не писались сочинения, кандидатские работы, магистерские и докторские диссертации.

Позже, 2 октября 1876 года, по ходатайству святителя Московского митрополита Иннокентия (Вениаминова)⁶⁰ Святейший Синод назначил Д. Ф. Голубинскому дополнительно к получаемому от Московской епархии жалованью пенсию в размере $\frac{1}{2}$ от жалования ординарного профессора⁶¹. Святитель Иннокентий ценил Димитрия Федоровича Голубинского за его благочестие, честность и познания и неизменно давал ему благожелательную характеристику. Так, в ответ на формулярный вопрос в личном деле профессора Д. Ф. Голубинского: «Какого поведения и в должности исправен и надежен ли?» — святитель написал: «Честного, исправен, благонадежен. Иннокентий митрополит Московский»⁶².

27 сентября 1870 года митрополит Иннокентий служил в академическом Покровском храме, устроенном в этом году по его благословению, а потом разделал с ректором и профессорами Академии трапезу. Протоиерей А. В. Горский «за обедом в краткой речи выразил сердечную благодарность сему Архипастырю, дарующему средства “для полноты и широты Богословского образования”, и предложил тост за здоровье Владыки».⁶³

В конце октября в Академии был получен синодский указ о создании кафедры Естественнонаучной апологетики. «Помню, — вспоминал Дмитрий Федорович Голубинский в 1900 году, — ровно тридцать лет тому назад — погода была такая же пасмурная, как и теперь, — в сей самый праздник⁶⁴ получил я приглашение к Александру Васильевичу. Догадываюсь, для чего он зовет меня — и прихожу вечером. Он благословил меня и подал относящийся к учреждению новой кафедры

⁶⁰ Там же. Л. 45.

⁶¹ Там же. Л. 43.

⁶² Там же. Л. 9.

⁶³ Голубинский 1900. С. 106.

⁶⁴ Дмитрий Федорович Голубинский читал свой доклад «Участие протонерея А. В. Горского в деле учреждения при Московской Духовной Академии кафедры естественнонаучной апологетики» 22 октября 1900 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери.

присланный из Святейшего Синода указ, к которому приложено было о сем предмете заключение Учебного комитета. А. В. продолжал заниматься своими делами, а я молча читал сии бумаги. “Довольны ли вы?”, — спросил он меня. “Очень доволен”, — ответил я, прочитав указ. Но сам А. В. не очень доволен был тем, что Учебный комитет несочувственно отнесся к делу естественнонаучной апологетики. С 31 октября 1870 года начались мои лекции по сему предмету»⁶⁵.

Дмитрий Феодорович Голубинский всегда высоко чтит святителя Иннокентия (Вениаминова). В произнесенном 31 марта 1880 года (в первую годовщину со дня преставления святителя Иннокентия) слове на месте погребения святителя Иннокентия в Духовской церкви Лавры, Дмитрий Феодорович Голубинский говорил, в частности: «Он, объехавший вокруг земного шара, не по книгам, не по книгам только, но по опыту знакомый с разнообразными явлениями природы и действиями их, хорошо понимавший значение их для души человека, ясно видел, сколь важно учение о природе для целей богословского образования. Он самым делом оправдал свои убеждения в этом. Да, митрополиту Иннокентию обязана здешняя Академия осуществлением мысли об учреждении класса естественных наук, направленного к апологетической цели, то есть к защите от нападений неверия и к разъяснению истин христианства. И много других благодетний видела Академия от архипастыря»⁶⁶.

4. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ

Дмитрий Феодорович Голубинский преподавал естественнонаучную апологетику в Московской духовной академии до самой своей кончины. Курс его состоял из лекций по физике (с элементарными сведениями по химии) и астрономии. Главной целью своих лекций профессор ста-

⁶⁵ Голубинский 1900. С. 106–107.

⁶⁶ Голубинский Д. Ф. Памяти Московского митрополита Иннокентия. Слово на день кончины высокопреосвященного Иннокентия, митрополита Московского // ДЧ. 1880. Ч. 2. С. 107.

вил доказательство бытия Божия через показание целесообразности устройства звездного мира и системы законов физики и химии. В ежегодном отчете о занятиях профессоров обычно говорилось: «Сверхштатный преподаватель естественнонаучной апологетики, профессор Димитрий Голубинский, со студентами 1-го курса после вступления и объяснения задачи своего предмета разбирал вопросы о значении для богословия точных исследований физических явлений, о значении веры для знания и о целесообразном устройстве мира. Далее преподавал физический отдел о строении вещества и силах природы, с указанием на связь и высокий порядок в явлениях. Наконец, предлагал сведения о небесных светилах с опровержением гипотез, допускавших самообразование мира»⁶⁷. Об успехах студентов Голубинский докладывал ректору Академии в таких словах: «Студенты вообще посещают лекции по моему предмету усердно и слушают внимательно. Замечательно, что они хорошо понимают и усваивают мною преподаваемое»⁶⁸. Поскольку среди студентов Академии находились желающие изучать арифметику, то Совет Академии своим определением от 10 сентября 1880 года поручил Дмитрию Федоровичу Голубинскому заниматься с желающими и этим предметом⁶⁹. В 1882—1883 году занятия по арифметике посещали 25 студентов⁷⁰. Это было связано с тем, что выпускникам академии порой приходилось преподавать в семинариях физику и математику. Если физику они могли, помимо семинарского курса, изучать на занятиях Д. Ф. Голубинского по естественнонаучной апологетике, то их познания по арифметике (математике) ограничивались семинарским курсом. Отсюда понятен интерес студентов к дополнительным занятиям математикой.

Протоиерей Александр Васильевич Горский неоднократно посещал лекции Дмитрия Федоровича по естественнонаучной апологетике и относился к ним с большим участием. «Помню, — вспоминал Димитрий Федорович, — в его присутствии на одной лекции я объяснял

⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 94.

⁶⁸ Там же. Л. 83.

⁶⁹ Там же. Л. 68.

⁷⁰ Там же. Л. 70.

приливы и отливы в океанах; он так заинтересовался этим, что после, при свидании, завел разговор о сем вопросе. Бывал иногда А. В. и в физическом кабинете. Так, в марте 1873 года много дней стояла ясная и безоблачная погода; в один из таких дней А. В. рассматривал производимые при закрытых ставнях опыты с солнечным микроскопом, а за сим обратил особенное внимание на мои слова о том, как при помощи таковых опытов опровергается гипотеза самопроизвольного зарождения живых тварей»⁷¹.

23–30 апреля 1875 года Московскую духовную академию по поручению Святейшего Синода ревизовал архиепископ Литовский Макарий (Булгаков). Ректор протоиерей А. В. Горский рекомендовал ревизору в особенности двенадцать профессоров Академии, среди них и Д. Ф. Голубинского, согласно рекомендации Горского, «неутомимого ревностно к преподаванию своей науки, которой содержание и направление сам должен был определить тщательным изъяснением законов и их действий под управлением Промышления Божественного, охранением библейского учения о Творце мира от материалистических воззрений»⁷². Архиепископ Макарий два раза посетил лекции Д. Ф. Голубинского по естественнонаучной апологетике и остался доволен увиденным и услышанным. Протоиерей Александр Васильевич Горский оставил в своем дневнике запись, что архиепископ Макарий «говорил о представлении Д. Ф. Голубинского к уравнению оклада профессорского с прочими, о своем намерении рекомендовать учреждение класса естественнонаучной апологетике и в других Академиях»⁷³. Неизвестно, предприняли архиепископ Макарий какие-либо шаги для исполнения своего намерения.

Помимо лекций Дмитрий Федорович писал и публиковал апологетические статьи, в которых также опирался на данные естественных наук. В 1878 году он произнес на годичном акте Московской духовной

⁷¹ Голубинский 1900. С. 107.

⁷² Рекомендации ректора Академии прот. А. В. Горского о наставниках Академии, представленных ревизору преосвященному Макарию, митрополиту Московскому // У Троицы в Академии 1914. С. 484.

⁷³ Горский А. В., прот. Дневник: [3 июля 1860–28 апреля 1875 г.] / Изд. с примеч. прот. С. К. Смирнова // ПрибТСО 35. 1885. Кн. 1. С. 267–268 (1-я пагин.).

академии речь «О соотношении с условиями жизни». По-прежнему он публиковал апологетические статьи. Они появлялись как в «Душеполезном чтении», так и в других духовных журналах. Из-под его пера появились статьи «О замерзании воды в связи с учением о конечных причинах (против Тиндаля)», «О кругообращении крови», «Органы слуха и голоса», «Христианские размышления о суточных и годовых переменах на земном шаре», «О затмениях солнца и луны», «О различии климатов», «Премудрое устройство органов дыхания», «Чем держится земля в пространстве», «О изучении видимой природы в духе святой веры». Много неприятностей доставила Дмитрию Федоровичу его статья «Книга Секки “Единство физических сил” и тенденции вятского издания ее на русском языке», изданная в журнале «Православное обозрение»⁷⁴ и отдельным оттиском. Автор книги «Единство физических сил» иезуит Секка написал ее в духе христианской естественнонаучной апологетики. Однако при переводе книги на русский язык она была значительно искажена и приобрела антирелигиозную направленность. Дмитрий Федорович Голубинский в своей статье выступил против такого произвола. В результате он был обвинен либеральной прессой в иезуитизме! Был пущен слух, что он сочувствует иезуитам и переписывается с иезуитом князем Гагариным. Правдой было лишь то, что князь Гагарин действительно написал Голубинскому сочувственное письмо после выхода его статьи против вятского издания книги Секки.

В 1895 году вышло «Открытое письмо к N. N. По поводу вопросов о творении мира Д. Ф. Голубинского», изданное вскоре и отдельным оттиском. Причиной написания «Открытого письма» стало полученное редакцией академического журнала «Богословский вестник» письмо одного пожилого человека, расстроенного высказываниями внука. Внук говорил: «Люди настолько созрели и окрепли духовно, что не нуждаются ни в каких подпорках для движения вперед: единственный их руководитель — наука», что «само богословие пасует перед наукой». В ответном открытом письме Д. Ф. Голубинский подверг критическому анализу высказывания внука, доказывая его элементар-

⁷⁴ ПО. 1875. Т. 1, 2.

ное невежество в вопросах религии. Для восполнения этого пробела в образовании Дмитрий Федорович рекомендовал прочесть книги профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова. Для самого Дмитрия Федоровича никаких противоречий между естественными науками и богословием существовать не могло: «В природе, — говорил он, — мы находим естественное откровение о Творце мира, а в Слове Божием нам даровано сверхъестественное откровение; одно другому не может противоречить»⁷⁵.

Дмитрий Федорович писал также рецензии на сочинения, представленные на соискание премий. Например, в 1891 году он составил рецензию на книгу преподавателя Одесской духовной семинарии Александра Скородинского «Православная Пасхалия применительно к программе, утвержденной Святейшим Синодом для преподавания Пасхалии в Семинариях» (Одесса, 1890). За эту рецензию Д. Ф. Голубинский получил письмо с выражением признательности от лица Учебного комитета⁷⁶.

Дмитрий Федорович нередко выступал на памятных мероприятиях со словами или воспоминаниями, посвященными памяти почивших, которых он лично знал. Потом часто эти слова-воспоминания печатались в журналах и в виде брошюр. Так, появились воспоминания о протоиереях П. С. Делицине, А. В. Горском, Д. В. Разумовском, Д. Ф. Касицыне, профессоре В. Д. Кудрявцеве-Платонове, архиепископе Алексии (Лаврове-Платонове), архиепископе Амвросии (Ключареве). Неоконченной осталась его статья об алтайском миссионере архимандрите Макарии (Глухареве), с которым переписывался еще его отец протоиерей Феодор Голубинский.

Труды Дмитрия Федоровича Голубинского высоко ценились академическим начальством и митрополитами Московскими. Митрополит Сергей (Ляпидевский) указывал, что Д. Ф. Голубинский «своей отлично-усердною и полезною службою приобрел право на особенное внимание начальства»⁷⁷. В мае 1898 года не имевший никакого чина

⁷⁵ Голубинский 1895. С. 2.

⁷⁶ ЦИИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 100.

⁷⁷ Там же. Л. 81.

Дмитрий Федорович по ходатайству митрополита Московского Сергия (Ляпидевского) удостоен был чина действительного статского советника⁷⁸. Митрополит Сергий в представлении к этому чину писал о Дмитрие Федоровиче, в частности, что он «с 1877/1878 года принимал постоянное участие в комиссиях по производству переводных и выпускных экзаменов⁷⁹, рассмотрении сочинений, представленных на премии, состоял членом Ревизионного комитета по проверке экономических отчетов Академии»⁸⁰. Митрополит Сергий также указывал на то, что Дмитрий Федорович «весьма полезную деятельность проявлял в звании председателя Совета братства преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Академии, которым он состоит с 1891 года. Благодаря его стараниям значительно увеличился и неприкосновенный капитал братства; сумма же выдаваемых пособий почти удвоилась»⁸¹, «кроме того он оказывает добрый пример наставникам и студентам своею набожностью и благочестивою жизнью»⁸². Это был давно заслуженный чин. Все профессора Академий, достигшие пожилых лет, получали чин статского советника. В Академии желали, конечно, чтобы Дмитрий Федорович Голубинский был удостоен и звания заслуженного ординарного профессора. Согласно Уставу духовных академий, сверхштатный преподаватель не мог быть «заслуженным». И вот в 1901 году представление Совета Московской духовной академии и митрополита Московского Владимира (Богоявленского) было уважено Святейшим Синодом, который удостоил «Димитрия Голубинского, в виде изъятия из действующего академического Устава, звания заслуженного ординарного профессора академии в уважение его 47-летней службы при Академии в штатной и сверхштатной преподавательской деятельности»⁸³. Присланный в Академию синодальный указ о присвоении Дмитрию Федоровичу

⁷⁸ Там же. Л. 84.

⁷⁹ Интересно, что Д. Ф. Голубинский, как и его отец, на экзаменах конспектировал ответы студентов.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 81 об.

⁸¹ Там же. Л. 81 об.

⁸² Там же. Л. 82.

⁸³ Там же. Л. 86.

звания заслуженного ординарного профессора датирован 3 сентября 1901 года⁸⁴.

Одной из характерных черт Д. Ф. Голубинского было стремление постоянно пополнять, совершенствовать свои знания. Он очень много читал, как на русском, так немецком и французском языках. Кроме того, он не считал ниже своего достоинства посещать лекции коллег-профессоров. «Необходимым считалось и учить, и учиться, — вспоминал Н. Н. Глубоковский. — Вот почему не казалось ненормальностью и никого не поражало, что в свободные часы один профессор иногда бывал на лекции у другого, как это нередко случалось по отношению к В. О. Ключевскому и Ал. П. Лебедеву со стороны благочестивейшего Д. В. Голубинского, но в свою очередь и его — достойного сына своего славного отца-философа прот. Феодора Александровича — охотно посещали все студенты на уроках и на опытах, хотя он и читал небязательный предмет “естественнонаучной апологетики”, восторженно раскрывая премудрость и благодать Божию в мироздании, в устройстве и в явлениях вселенной»⁸⁵.

5. ДИМИТРИЙ ФЕОДОРОВИЧ ГОЛУБИНСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СТУДЕНТОВ

Как относились к Димитрию Федоровичу его студенты? В сохранившихся воспоминаниях бывших студентов Академии есть, в частности, и воспоминания о нем. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в мемуарах «Путь моей жизни» рассказывает: «Если дух учебного заведения в какой-то мере зависит от личности главного начальствующего лица, то личность преподавателей воздействует на учащихся независимо от предметов, которые они преподают. В Академии были преподаватели, которые запомнились не только как лекторы — специалисты своего предмета, но и как люди»⁸⁶. Рассказав далее про В. Д. Кудрявцева,

⁸⁴ Там же. Л. 86.

⁸⁵ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии 1914. С. 743.

⁸⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 43.

митрополит Евлогий продолжает: «Замечательный человек был и профессор Дмитрий Федорович Голубинский (сын знаменитого философа протоиерея Ф. А. Голубинского). Он читал естественнонаучную апологетику — предмет, который ему было поручено читать пожизненно. Это был живой святой. Он напоминал юродивого. Одевался плохо, носил костюм фасона прошлого века; был другом всей нищей братии в Сергиевском Посаде, которая ходила за ним толпой. Каждое утро он молился у гроба преподобного Сергия. Смирением он отличался необычайным.

Один студент приехал впервые в Академию, вошел в ворота и видит: невзрачный старичок... Студент ему и крикнул: “Сторож! Донеси-ка мои чемоданы!” Старичок донес. А потом на экзамене — о ужас! — он за экзаменационным столом...

Был Д. Ф. Голубинский большой любитель астрономии. В морозную звездную ночь, весь завернутый в платки, уставит, бывало, на дворе телескоп и зовет нас: “Идите, идите смотреть, луна видна, горы на ней...”

Помню, показывал он нам волшебный фонарь — портреты знаменитых людей: профессоров, ученых, святителей... а потом показал Малешота, Карла Фогта, Штрауса... и при этом сделал заключение: “Смотрите, как неверие и соединенная с ним безнравственная жизнь искажает лицо человека”. Студентам это показалось убедительным, и они разразились аплодисментами. Все над ним подсмеивались, а благотворное влияние он все же оказывал. Когда он умер, вся посадская беднота его оплакивала»⁸⁷.

История об абитуриенте, которому Д. Ф. Голубинский донес чемоданы, известна по нескольким источникам. Хорошо знавший Дмитрия Федоровича С. С. Глаголев считает ее анекдотической. «Несомненно этого не было, — пишет он, — и не потому что Дмитрий Феодорович считал унижительным оказать подобную услугу семинаристу. В этом он унижительного по своим принципам видеть не мог. А потому что этим он поставил бы потом в крайне унижительное положение этого семинариста. Теперь за скромность Дмитрия Феодоровича расплачивается

⁸⁷ Там же. С. 44.

какой-то фантастический X, а тогда из года в год имя злополучного семинариста переходило бы из уст в уста. Дмитрий Феодорович не мог допустить этого. Он держал себя *правильно* — в лучшем смысле этого слова»⁸⁸.

Вспоминает о Дмитрие Феодоровиче Голубинском и другой его студент — архиепископ Николай (Зиоров). «Был еще профессор сверхштатный, Дмитрий Феодорович Голубинский, сын знаменитого в свое время философа — протоиерея о. Фед. Голубинского. Это был старый холостяк. Жил отшельнически.... В старомодном сюртуке, с платком на шею вместо галстука, с цветным носовым платком в руках, идущий всегда торопливо, с низкими поклонами всем встречным, с речью всегда возвышенно-напыщенной, он являлся уже среди нарождавшейся молодой профессуры каким-то анахронизмом. Читал он “Естественнонаучную апологетику”. Каждую лекцию он заканчивал словами: “Итак, нельзя не видеть в этом премудрости и благодати Божией”. Случился однажды курьез: делая какой-то опыт над электрической машинкой, он никак не мог заставить упрямую машинку подчиниться его влиянию. И вот, когда, утомленный безуспешностью дела, он сказал, нагнувшись к машинке: “Тем не менее, нельзя не видеть премудрости и благодати Божией и в этом”, — вдруг какая-то пружина быстро выскочила и хлопнула Дм. Фед. по носу. Мы все расхохотались, но он, видимо, довольный и весь улыбаясь, сказал: “И все-таки опыт, можно сказать, удался!” Дм. Феодорович вечно сидел в своем физическом кабинете и делал опыты. Иногда вечером выносил телескоп и показывал нам луну и звезды. Тут тоже бывало немало смеху и забавы. Кто-нибудь из студентов на его вопрос: “Что вы видите?” — серьезно отвечает: “Вижу репейник на Марсе” или что-нибудь в этом роде. Дмитрий Фед. озабоченно берет телескоп, всматривается и начинает делать свои научные догадки»⁸⁹.

Наблюдать за небесными светилами Дмитрий Феодорович очень любил. Он охотно допускал к телескопу студентов и лаврских монахов, давая подробные объяснения. Как вспоминал С. Горский, «многие

⁸⁸ Глаголев 1914. С. 134.

⁸⁹ Николай (Зиоров), архиеп. Мои воспоминания о Московской Духовной Академии (К столетнему юбилею). Варшава, 1914. С. 7.

из его случайных слушателей были несомненно равнодушны к тайнам неба; но их привлекал к себе тот необыкновенный старик, который с такой любовью рассказывал им о каком-нибудь светиле, что невозможно было не выразить так или иначе своего сочувствия к рассказу. Помню, как один из лаврских монахов пожелал посмотреть в телескоп, но когда до него дошла очередь, то или телескоп оказался по неосторожности сдвинутым с места, или луна, которую наблюдали тогда, успела уже выйти из поля зрения; долго монах смотрел в телескоп и, наконец, отошел, произнеся со вздохом: «Дивны дела Твоя, Господи». Тут же, конечно, выяснилось, что он ничего видеть не мог, и Димитрий Феодорович тотчас же навел телескоп на луну и предложил монаху посмотреть еще раз. В этом случае характерна невинная ложь монаха, к которой он прибег, не желая, очевидно, огорчать Димитрия Феодоровича заявлением, что в телескоп ничего не видно»⁹⁰.

6. ВОПРОС РЕФОРМЫ КАЛЕНДАРЯ В ТРУДАХ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

Димитрий Феодорович Голубинский значительное внимание уделял календарной проблеме. Плодом его трудов стала серия статей «Вопрос об уравнивании года гражданского с астрономическим» в «Московских ведомостях», изданная затем отдельной книгой⁹¹. Голубинский решительно не поддерживал идею перехода на новый стиль (григорианский календарь). «Разбирая вопрос о новом стиле с разных сторон, мы не в одной из них не найдем основательных причин для перемены старого стиля на новый»⁹². «Для Церкви Православной, верной духу

⁹⁰ Горский С. Памяти Димитрия Феодоровича Голубинского // У Троицы в Академии 1914. С. 648.

⁹¹ Голубинский 1899. В библиотеке Московской духовной академии имеется экземпляр этой книги с автографом самого Д. Ф. Голубинского. Димитрий Феодорович является также автором статьи «О времени празднования Пасхи у христиан Востока и Запада», напечатанной в апрельском номере «Богословского вестника» за 1892 год (БВ. 1892. Т. 2. № 4. С. 73–88 (2-я пагин.)).

⁹² Там же. С. 62.

древних правил, принятие григорианского календаря в его полном виде является решительно невозможным», — полагал он⁹³. Вместе с тем Голубинский считал, что «более точное уравнение года гражданского с астрономическим весьма желательно»⁹⁴. В календарном вопросе он был сторонником астронома И. Медлера, который предлагал реформу григорианского календаря⁹⁵. Предложение Медлера состояло в том, чтобы превращать очередной високосный год в обычный через равный период в 128 лет⁹⁶. Это предложение давало возможность частично избежать свойственных григорианскому календарю недостатков. Дмитрий Федорович Голубинский предлагал с 1940 года (год окончания 14-го великого индиктиона) заменить юлианский и григорианский календари единым «медлеровским»⁹⁷. Впрочем, сам Голубинский отмечал, что медлеровский способ, вероятно, был известен задолго до Медлера. «Когда мы учились в Московской Духовной Академии (1850—1854 гг.), наш уважаемый профессор, преподававший сорок пять лет (1818—1863) математические науки, протоиерей Петр Спиридонович Делицын ознакомил нас с этим способом»⁹⁸. Д. Ф. Голубинский, считая желательной реформу календаря, призывал в то же время к осторожности в деле реформы, «ибо история григорианского календаря с его ошибками побуждает нас к величайшей осторожности в делах подобного рода»⁹⁹. После кончины Василия Васильевича Болотова в 1900 году Дмитрий Федорович Голубинский являлся представителем Святейшего Синода в комиссии по календарному вопросу при Академии наук.

Дмитрий Федорович считал, что «должно строго отличать вопрос об уравнении года гражданского с астрономическим от вопроса о принятии

⁹³ Там же. С. 61.

⁹⁴ Там же. С. 10.

⁹⁵ См.: *Медлер И.* Краткая астрономия / Перевод с немецкого под редакцией А. Путьты. СПб., 1862.

⁹⁶ Таким образом, каждый период в 128 лет имел бы не 32 високосных года, как в юлианском календаре, а 31 високосный год.

⁹⁷ При этом он предлагал отменить систему индиктионов и высчитывать даты празднования Пасхи каждый период в 128 лет заново.

⁹⁸ *Голубинский 1899.* С. 18. Примечание.

⁹⁹ Там же. С. 66.

нового стиля. Первое желательно, второе вредно. Ибо те в делах церковных нововведения, какие по необходимости влечет за собою новый стиль, будут смущать и соблазнять многих людей из русского народа. И раскольники обратят особенное внимание на таковые перемены, будут насмехаться над православными, укорять их в новшествах, а также в невоздержании и чревоугодии, указывая на то, что начинающийся в конце декабря мясоед увеличен, Петров же пост уменьшен почти на две недели. Люди слабые во всем этом увидят побуждение к переходу из Церкви в раскол. Даже и преданные Православной Церкви будут колебаться в мыслях и с ропотом отнесутся к нововведениям»¹⁰⁰.

7. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

Отличительными особенностями Дмитрия Федоровича были удивительное смирение, чрезвычайная набожность и исключительная добродетель. По воспоминаниям С. Горского, «Димитрий Федорович был чрезвычайно религиозен: он не пропускал ни одной службы в академической церкви, становился особняком от других профессоров, которые иногда не прочь были поговорить друг с другом во время богослужения, и весь уходил в молитву. Для всех совершенно очевидно было, что в эти минуты он совсем уходил ввысь от окружающей его обстановки, погружаясь в умирительно молитвенное созерцание. Это умиленное состояние до такой степени выражалось на его лице, что я не помню случая, чтобы кто-нибудь обратился к нему во время богослужения с каким-либо разговором. Очевидно было, что для того, чтобы заговорить с ним, надо было грубо вернуть его из области, где витал его дух, к действительности, и простая деликатность мешала сделать это»¹⁰¹. С. Фарфаровский¹⁰² вспоминал: «Изумляла... всех знавших Димитрия

¹⁰⁰ Там же. С. 72–73.

¹⁰¹ Горский 1914. С. 648–649.

¹⁰² Дед С. Фарфаровского служил священником в Сергиевом Посаде и являлся духовником Д. Ф. Голубинского, сам автор воспоминаний, учился в Вифанской семинарии.

Федоровича его удивительная, непосредственная религиозность. “Ну, Дмитрий Федорович едет в Москву или в Хотьково”, — говорил дед, увидя сгорбленную, но довольно бодрую фигуру своего друга в необычное время, т. е. утром, направляющегося к маленькому дому, надевал епитрахиль и шел навстречу Дмитрию Федоровичу. Оба шли молиться. Дмитрий Федорович на коленях слушал молебен путешественникам, затем уже шел на поезд и ехал. На другой день — путешествие его было недолгим — служился благодарственный молебен по случаю благополучного возвращения»¹⁰³.

Благотворительность Дмитрия Федоровича еще при жизни обросла легендами. Бедняки следовали за ним толпами, так что Дмитрий Федорович, не имея порой, что подать, вынужден был скрываться от них, пробираясь в нужный ему дом задаями. Помимо личной, часто тайной, благотворительности, он занимался и общественной. В 1880 году было открыто Братство преподобного Сергия Радонежского для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской духовной академии. Дмитрий Федорович с самого основания являлся членом Совета Братства и его казначеем. В 1889 году «во уважение к постоянному и плодотворному участию его в делах Братства со времени основания его последнего»¹⁰⁴ он был избран почетным членом Братства.

Первым председателем Совета братства был епископ Можайский Алексий (Лавров-Платонов). Фактически же работу Совета возглавлял товарищ председателя профессор Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов. В связи с назначением в 1885 году на Литовскую кафедру епископ Алексий сложил с себя обязанности председателя. Председателем стал Кудрявцев-Платонов. После его кончины в 1891 году председателем Совета братства избран Д. Ф. Голубинский. Вспоминая о деятельности Д. Ф. Голубинского на посту председателя Совета братства, профессор Московской духовной академии П. Цветков писал: «Дмитрий Феодорович не был человек инициативы, и во все время

¹⁰³ Фарфоровский С. Памяти профессора Московской Духовной Академии Д. Ф. Голубинского // У Троицы в Академии 1914. С. 652.

¹⁰⁴ Цветков П. Братство преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской Духовной Академии в первое двадцатипятилетие (1800–1905). СТСЛ, 1905. С. 31.

его председательствования в Совете Братства обязательным руководством для него служили пример и заветы его предшественника. При обсуждении каких-либо серьезных дел он обыкновенно ставил вопрос: «Как в подобных случаях поступал Виктор Дмитриевич?» — и то, что сделал Виктор Дмитриевич, имело решающее значение»¹⁰⁵. В то же время П. Цветков не мог не признать справедливость того, «что в 11 лет председательствования Дмитрия Феодоровича совершилось немало важного и полезного в Братстве»¹⁰⁶. После кончины Дмитрия Феодоровича Совет братства приступил к сбору средств для учреждения в Московской духовной академии именной стипендии памяти Д. Ф. Голубинского. Дмитрий Феодорович иногда, не видя возможности оказать помощь нуждающемуся из средств Братства, давал ссуду из своих собственных средств.

8. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

В 1903 году здоровье Дмитрия Феодоровича резко пошатнулось. 1 сентября он подал прошение в Совет Академии: «Вследствие расстройства моего здоровья и ослабления моих сил, а вместе и по настоятельным советам пользующих меня врачей, я нахожу необходимым для себя воздержаться от продолжительных и усиленных занятий. Посему покорнейше прошу Совет Академии дозволить мне вместо четырех лекций, которые имел я в предшествующем учебном году, ограничиться в течение настоящего учебного года одною лекциею на втором курсе и одною на первом. Причем желательно, чтобы в распределении лекций на втором курсе значилась одна лекция, а на первом, на всякий случай, две лекции. Еще покорнейше прошу Совет Академии о том, чтобы мои лекции падали на средние, а не на самые последние часы»¹⁰⁷.

Скончался Дмитрий Феодорович Голубинский 23 ноября 1903 года после продолжительной болезни. За несколько минут до своей кончи-

¹⁰⁵ Там же. С. 113.

¹⁰⁶ Там же. С. 113.

¹⁰⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 87.

ны он причастился Святых Христовых Таин. Погребли его на академическом кладбище.

9. ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

К сожалению, после кончины Дмитрия Федоровича кафедра Естественнoнаучной аполoгeтики в Московскoй духовнoй академии была упразднена. Однако упразднение кафедры не означало, что рассматриваемые этим предметом вопросы перестали изучаться в Академии. Так, в частности, вопросы естественнoнаучной аполoгeтики разбирал в своих лекциях и научных исследованиях профессор Московскoй духовнoй академии Сергей Сергеевич Глаголев¹⁰⁸. С 1892 года он занимал в Академии кафедру Введения в круг богословских наук, в 1910 году переименованную в кафедру Основного богословия. В 1896 году Глаголев защитил магистерскую диссертацию «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого» (М., 1894), в которой дал критику теории Дарвина и других эволюционистов. В 1901 году он защитил докторскую диссертацию «Сверхъестественное Откровение и естественное Богопознание вне истинной Церкви» (Харьков, 1900). Для естественнoнаучной аполoгeтики особенно значима вторая часть этого труда: «Естественное богопознание». Глаголев утверждал, что наука и религия не противоречат друг другу, что научные открытия «лишь подтверждают истинность христианства, обнаруживая все богатство и многообразие божественного творения»¹⁰⁹. В 1913 году в Москве была издана книга С. С. Глаголева «Естественнoнаучные вопросы в их отношениях к христианскому миропониманию». В этом со-

¹⁰⁸ Глаголев окончил МДА в 1889 году и был оставлен при ней профессорским стипендиатом. В 1890–1892 гг. преподавал в Вологодской ДС. В МДА преподавал с 1892 г. до ее закрытия. В годы советской власти подвергался репрессиям. Расстрелян 10 октября 1937 года. Подробнее см. статью А. Т. Казаряна: Глаголев С. С. // ПЭ 11. 2006. С. 536–539.

¹⁰⁹ Там же. С. 537.

чинении рассматриваются вопросы о существовании жизни на Марсе, теории наследственности Г. Менделя и пр. Следует отметить также книгу Глаголева «Материя и дух» (СПб., 1906).

После возрождения Московской духовной академии в советское время существование предмета «Естественнонаучная апологетика» было невозможным. Много для христианской апологетики делалось в рамках предмета «Основное богословие» профессором Алексеем Ильичом Осиповым. В его лекциях, беседах и выступлениях показывалась ограниченность компетенции естественных наук, невозможность научного доказательства небытия Бога, непротиворечие богословия и естественных наук.

В последние годы в рамках реформы духовного образования в Московских духовных школах было признано желательным ознакомление студентов с современной научной картиной мира, с методами естественнонаучных исследований и естественнонаучной апологетики. В связи с этим в 2007 году в Московской духовной семинарии введен предмет «Естественнонаучная апологетика», который преподает священник Олег Мумриков. Таким образом, через 104 года «утерянный» предмет был восстановлен, но эта реабилитация ждет своего подтверждения на более высоком уровне Академии и соотнесения с Болонскими программами, по которым, возможно, предстоит осуществлять богословское образование Русской Православной Церкви в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Глаголев 1914 — *Глаголев С. С.* Протоиерей Феодор Александрович Голубинский // Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814–1914). СПб, 1914.

Голубинский 1895 — *Голубинский Д. Ф.* Открытое письмо к NN. (По поводу вопросов о творении мира). СПб, 1895.

Голубинский 1899 — *Голубинский Д. Ф.* Вопрос об уравнивании года гражданского с астрономическим. По поводу ошибок, замечаемых в григорианском календаре. М., 1899.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Голубинский 1900 — *Голубинский Д. Ф.* Участие протоиерея А. В. Горского в деле учреждения при Московской Духовной Академии кафедры естественнонаучной апологетики // Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. СТСЛ, 1900.

Модестов 1914 — *Модестов С. С.* Из воспоминаний. Прохождение академического курса (1852–1856 гг.) // У Троицы в Академии 1914. С. 112–130.

СВЯЩ. ПАВЕЛ ХОДЗИНСКИЙ, Н. Ю. СУХОВА

ПАСТЫРСКОЕ БОГОСЛОВИЕ В СИСТЕМЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

Подготовка пастырей во все времена была одной из важнейших задач, стоявших перед Церковью. Необходимость постоянного решения именно этой задачи была одним из главных, если не самым главным стимулом развития духовного образования. Даже в наиболее тяжелые времена церковной истории не прекращалась подготовка священнослужителей. В годы гонений, разделений или межконфессиональных неурядиц, даже в скитаниях, вне своей канонической территории, Церковь всегда старалась наладить эту подготовку, устроить духовные школы. Разумеется, в подобных достаточно стесненных условиях пастырская подготовка была сопряжена со множеством серьезных проблем. Однако и в периоды относительной стабильности церковной жизни правильная организация подготовки духовенства ставила немало острых вопросов, вызывавших дискуссии и зачастую не получавших однозначного и успешного решения. Так, трудно было определить состав дисциплин, необходимых для будущего священника, — общеобразовательных, богословских и специально-пастырских, — постановку и метод преподавания, сочетание образования и пастырского воспитания, теоретической и практической подготовки. Еще большие проблемы возникали в связи с пастырской подготовкой в высшей духовной школе, имевшей серьезные научные задачи, готовившей исследователей и преподавателей. Российская духовная школа никак не была исключением — более того, в ее истории все указанные проблемы проявлялись ярко и значимо, приобретая нередко специфические формы и акценты, обусловленные особенностями развития отечественного

богословия. Данная статья посвящена истории пастырской подготовки в Московской духовной академии — одной из старейших духовных школ в России, неразрывно связанной с Троице-Сергиевой Лаврой, имеющей славные традиции, давшей Русской Православной Церкви сонм архипастырей и пастырей.

Исторический опыт успехов и ошибок пастырской подготовки в духовных школах Русской Православной Церкви требует основательного изучения и осмысления, а изучен он пока недостаточно. К специальным исследованиям по этому вопросу следовало бы отнести магистерскую диссертацию выпускника Киевской духовной академии архимандрита Иннокентия (Пустынского)¹ и несколько статей, посвященных проблемам пастырского богословия как науки и предмета преподавания². Конечно, определенный историографический вклад вносят небольшие по объему экскурсы в общих работах по истории русского богословия, истории отдельных духовных школ и персоналий, но тема явно требует к себе повышенного внимания современных исследователей.

1. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В XVIII В.

Само понятие «духовная школа» с ее основным предназначением — подготовкой кадров для священного служения — определилось в Рос-

¹ См.: *Иннокентий (Пустынский)*, архим. Пастырское богословие в России за XIX в. (Магистерская диссертация). СПб, 1899. Ср. отзыв на эту работу профессора КДА Н. К. Маккавейского, опубликованный в: ТЖДА. 1899. № 12. С. 600–624, и ответ самого автора: *Иннокентий (Пустынский)*, архим. Пастырское богословие (мысли по поводу изданной книги «Пастырское богословие в России») // ПС. 1900. № 2. С. 208.

² См.: *Соколов Л. А.* Аскетический принцип в пастырском богословии. [Рец. на:] Тихон (Цыпляковский), игум. Святое высокое служение иерея Божия — добровольное мученичество. Тамбов, 1894 // БВ. 1895. Т. 2. № 6. С. 450–458; *Маккавейский Н. К.* Пастырское богословие и педагогика в курсе наук духовных академий // ТЖДА. 1898. № 2. С. 204–224; *Коновалов Н. А.* Пастырское богословие и «пастырская аскетика»: к вопросу о научном построении системы православного Пастырского богословия // ХЧ. 1913. № 6. С. 787–812, и др.

сии только в XVIII в. Пастырские школы в той или иной форме существовали с момента принятия Русью христианства, однако говорить о какой-то специальной подобного рода программе достаточно сложно. Первоначально изучение такой программы было всего лишь одной из задач общеобразовательных учебных заведений, которые, впрочем, чаще всего предназначались для подготовки образованного духовенства. Поэтому пастырское образование состояло преимущественно из общего образования, необходимого для священника, и практической подготовки к пастырскому служению. Впрочем, ставилась такая задача и перед школами более серьезного уровня, в частности, перед Московской Славяно-греко-латинской академией, возникшей в 1685 г.

В начале XVIII в. в России стали одна за другой появляться школы, непосредственной задачей которых являлась подготовка духовенства. С одной стороны, это явление было следствием общегосударственной инициативы по развитию профессионального образования³. Неоднократные указы Петра I, призывающие архиереев учреждать в своих епархиях школы для подготовки ставленников, были закреплены в 1721 г. Духовным регламентом⁴. С другой стороны, строгое распределение народа Российской империи по сословиям, согласно замыслу Петра I, постепенно воссоединило понятия «духовной службы» и «духовного сословия» и поставило Церковь и государство перед необходимостью давать образование детям священно- и церковнослужителей⁵.

Казалось бы, подготовка учащихся к священническому служению безусловно подразумевала приспособление учебного курса школы к нуждам церковной жизни. Но введение в образовательную систему принципов, выработанных Киево-Могилянской коллегией на основе западной школьной традиции и перенесенных в начале XVIII в. в Мо-

³ См., напр.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Государство и народное образование в XVIII в. Ярославль, 1874. С. 148, 202.

⁴ См.: Регламент, или Устав, Духовной коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.) // ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 6. СПб., 1830. № 3718. С. 314–346. Ч. 2. § 8, 9, 11.

⁵ См.: Указы Петра I 1708–1718 гг. о необходимости детям священно- и церковнослужителей учиться для занятия мест при церквях, об образовании ставленников (см.: ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 4. № 2186, 2308, 2352; Т. 5. № 3171, 3175, 3182).

сковскую академию и в другие великорусские школы, ориентация на западные пособия, далекие от реальности российской церковной жизни, а также латинский язык надолго затормозили этот процесс. Хотя в латинских курсах, несомненно, присутствовала пастырская составляющая⁶, она сложнее всего воспринималась русской школой, ибо приходское служение и решение актуальных проблем русской церковной жизни весьма трудно было гармонично совместить с тогдашним латинизированным учебным богословием.

Усиление интереса к пастырскому богословию в России стало достаточно заметно ко второй половине XVIII в. С одной стороны, епархиальные архиереи старались решить проблему подготовки духовенства. С другой стороны, сами школы, независимо от структуры учебного курса и используемых учебных пособий, пытались осознать свою предназначенность прежде всего как пастырских школ. Однако прямая ориентация на приходское служение сводила пастырское богословие к практической составляющей, а потому закрывала перспективы его научного развития и ставила под угрозу богословскую ученость духовной школы, в целом реализуемую с таким трудом⁷.

⁶ «Пастырское богословие» как наука и предмет преподавания получил конкретную постановку в западных школах в XVI в. вследствие решений Тридентского (Трентского) собора (1545–1563). В течение следующих столетий было написано несколько специальных трактатов о пастырских обязанностях, внесших вклад в развитие пастырского богословия как науки. Эти трактаты и учебные курсы базировались на триаде, предложенной еще святым папой Григорием Великим (Двоесловом) в «*Liber regulae pastoralis*» (или «*Regula pastoralis*») (590–591): учительство, служение Таинствам, руководство общиной.

⁷ Следует отметить, что в это же время в католическом богословии также встала проблема сочетания практической подготовки к пастырскому служению и научного развития пастырского богословия как области научного богословия. Наиболее ярко эта проблема проявилась в Австрии, когда в процессе реформы высшей школы при императрице Марии Терезии и ее сыне императоре Иосифе в 1777 г. в Венском университете была введена дисциплина с названием «Пастырское богословие». В результате адаптации этой дисциплины сохранились традиционные составляющие пастырской подготовки (священнослужителя как учителя, совершителя Таинств и руководителя приходской общины), была предпринята и попытка осмысления пастырского богословия как самостоятельной науки и университетской дисциплины. (См., напр.: *Lechner M. Pastoraltheologie als Wissenschaft // Kirchesein in der Welt von heute. Pastoraltheologisches Lehrbuch. München, 2004. Teil 10*).

Первая попытка включить пастырское богословие в целостную богословскую систему была предпринята ректором Московской Славяно-греко-латинской академии (1769—1774) архимандритом Феофилактом (Горским), будущим епископом Переяславским и Дмитровским. В лекционном курсе, читаемом им с 1770 по 1774 г. студентам Московской академии⁸, он определял хиротонию как акт, продолжающий акт избрания Спасителем служителей Церкви. В состав этого служения входят: проповедь слова Божия, совершение Таинств и власть ключей, то есть полномочие вязать и решить грехи. Архимандрит Феофилакт указывал важнейшие качества священнослужителя (чистая совесть, понятие о Божественных вещах, искусство слова и неповрежденные члены тела) и свойства, жизненно необходимые пастырю (талантливый ум, добродетели, хорошее управление своим домом, скромные телодвижения, осмотрительную речь и опрятность одежды). Носителями священного сана, говорил он, согласно церковным канонам, не могут быть человекоубийцы, блудники, моты, ростовщики, актеры, двоеженцы и лица, запятнанные преступлением. Особое внимание автор обращал на призвание к пастырскому служению, в котором выделял субъективную и объективную стороны. Субъективная сторона состоит в искреннем желании послужить спасению других людей — искание священства недопустимо по целям корыстным и честолюбивым, оно раскрывается в таинственном призвании к пастырству Господом. Объективная сторона призвания к пастырскому служению состоит в видимом избрании ставленника иерархом Церкви с одобрения всего народа. Все приемы и средства пастырского служения определяются словами *пастырское благоразумие*. Сам архимандрит Феофилакт не скрывал, что струк-

⁸ Курс лекций был издан через 10 лет, когда автор был уже епископом Переяславским, в Лейпциге: *Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina christiana de credendis (pars 1) et de agendis (pars 2), usibus eorum, qui studio theologico sese consecraverunt addixeruntque, adornata accommodataque*. 1-е изд. Lipsiae, 1784 (Догматы Православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что должно верить (часть 1) и как должно действовать (часть 2) тем, кто посвятил себя изучению Богословия, со всеми необходимыми для того сведениями). Первая часть — догматическое богословие — была издана раньше, в 1773 г., в России на русском языке: *Догматы христианской православной веры*. М., 1773.

туру своей богословской системы он заимствовал у немецкого протестантского богослова Иоганна Франца Буддеуса⁹.

В это же самое время появился первый специальный учебник по пастырскому богословию — знаменитая «Книга о должностях пресвитеров приходских»¹⁰. Она была составлена двумя видными иерархами XVIII в.: епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским Георгием (Конисским) и епископом Смоленским и Дорогобужским Парфением (Сопковским) — кстати, однокурсниками по Киевской академии (они окончили ее в 1743 г.)¹¹. Это пособие по решению Святейшего Синода в 1776 г. было напечатано в Петербурге и разослано по всем духовным школам и православным храмам России. Авторы, базируясь на своем богословско-преподавательском, личном пастырском и архипастырском опыте, выделяли прежде всего четыре вида пастырского служения: проповедь, учительство примером личной жизни, священнослужение (совершение Таинств) и молитву. Поучения к народу авторы разделяли на вероучительные, полемические, обличительные, нравоучительные и увещательные, в зависимости от нужд паствы. При этом место учительства не ограничивалось церковью, но учительство должно было охватывать собою всякий дом прихожан. Учащий добру сам должен быть добр и жить свято, чтобы своею жизнью не разрушить созданного учительством. Пастырское тайнодействие должно сопровождаться объяснением внутренней силы и важнейшей цели Таинств прихожанам, а также требованием от них знания Символа веры. Каждому пастырю здесь заповедуется читать слово Божие, держать его в сердце с размышлением и молиться Спасителю о наставлении Духом Святым на всякую истину. Молиться пастырь должен везде,

⁹ J.-F. Buddeus (1667–1729). В лекциях архимандрита Феофилакта были использованы: *Institutiones theologiae dogmaticae*. Lpz., 1728; а также: *Institutiones theologiae moralis*. Lpz., 1711; *Historia critica theologiae dogmaticae et moralis*. Frankfurt, 1725.

¹⁰ Книга о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненная. СПб., 1776. Переизд.: М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004.

¹¹ Преосвященный Георгий до епископского служения был профессором пиитики (1745), философии и богословия, префектом (1747–1752) и ректором (1752–1755) Киевской академии; преосвященный Парфений — профессором богословия (1743), префектом (1750–1756) и ректором (1756–1759) Новгородской семинарии.

как при всех, так и наедине, за всех людей, о всех грехах их — да просят, о добродетелях их — да возрастут.

«Книга о должностях пресвитеров приходских» стала надолго значимым ориентиром для пастырской подготовки в духовных школах. Обязанности, к которым должны быть готовы кандидаты в приходские священники, определили и составляющие основы пастырской подготовки, так или иначе вводимые в учебные курсы духовных школ: гомилетическую, нравоучительную, литургическую. Разумеется, церковная реальность делала необходимым неременное включение еще одной составляющей: понимание канонических основ и церковно-государственных норм построения жизни приходской общины. Беря за основу эту систему, епархиальные архиереи и ректоры духовных школ дополняли ее, исходя из своего личного пастырского опыта и сложившихся на основе его взглядов, теми или иными элементами.

Наиболее показателен для этого периода был духовный опыт митрополита Московского Платона (Левшина)¹². Он также клал в основание пастырской подготовки в своих епархиальных школах — Московской Славяно-греко-латинской академии и Троицкой семинарии — «Книгу о должностях пресвитеров приходских». Однако преподавание по этой книге дополнялось практическими составляющими, непосредственно связанными с предстоящим пастырским служением выпускников: чтением Кормчей с толкованием к практическому применению, пасхалией, основами гомилетики и литургики, толкованием трудных мест Священного Писания с применением их к составлению проповедей. Студенты старшего богословского класса составляли проповеди, произносили их в семинарском или академическом храме и посвящались в стихарь¹³. Со временем митрополит Платон составил дополнение к «Книге о должностях пресвитеров приходских» — «Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей»¹⁴. Этот труд был, прежде всего, не

¹² Платон (Левшин) († 1812 г.), с 1775 г. архиепископ Московский; с 1787 г. митрополит Московский и Коломенский, с 1811 г. на покое.

¹³ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 312. Д. 461П/175С. Л. 2; Смирнов 1855. С. 294—296, 298; Он же. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 241—255.

¹⁴ Сокращенный катехизис для священно- и церковнослужителей (как для всег-

пособием по пастырскому богословию как таковому, а хрестоматией, вобравшей в себя догматические и литургические положения, тематические выборки из Нового Завета, апостольских и соборных правил, соотношенные со священным и церковным служением, а также формулы присяги рукополагаемых в священные степени. В таком виде была представлена пастырская подготовка в московских духовных школах к концу XVIII в.¹⁵

2. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВА 1814 Г.

В начале XIX в. было решено привести в единую систему разнообразие епархиального духовно-учебного опыта. Реформа духовного образования, произведенная в 1808–1814 гг., прежде всего разделила духовную школу на четыре соподчиненные ступени. Каждая из ступеней, кроме своего участия в общем процессе духовного образования, имела и свою непосредственную задачу. Перед двумя первыми ступенями нижней школы — приходскими и уездными духовными училищами — была поставлена задача подготовки церковнослужителей, псаломщиков и дьячков. Средняя школа, то есть духовные семинарии, готовила священнослужительские кадры. Высшая школа — четыре Духовные академии — готовили прежде всего кадры для высших духовных должностей и особых церковных служений, требующих углубленных богословских знаний, а также преподавательские кадры для средней духовной школы и для себя самих. Эта церковно-практическая ориентация разных уровней преобразованной духовной школы должна была определять состав дисциплин каждой ступени и постановку добавляющего преподавания. Пастырской школой в прямом смысле сло-

давшего их знания, так особенно для изучения, при вступлении их в церковные должности с прибавлением мест из слова Божия, правил святых Апостол и святых Отец и из Духовного регламента, особливо до священства принадлежащих. М., 1807.

¹⁵ См.: *Сухова Н. Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник ПСТГУ. 1: Богословие. Философия. 1 (25). 2009. С. 27–30.

ва стали прежде всего епархиальные семинарии — в них надлежало создать полноценную систему пастырской подготовки, стержнем которой должно было стать пастырское богословие. Перед академиями же стояли существенно более сложные задачи: подготовка преподавателей и воспитателей будущих пастырей, а также лиц, обладающих богословскими знаниями на самом современном научном уровне, для специальных церковных служений. На этом уровне пастырское служение должно было осмысляться настолько глубоко, чтобы придать надежное богословское основание и правильное направление пастырской подготовке в средней школе. Кроме того, предельно строгая централизация, заданная реформой 1808—1814 гг., подразумевала построение стабильной системы, обеспечивающей подготовку священства.

Святитель Филарет (Дроздов) явился одной из ключевых фигур на последнем этапе разработки и проведения этой реформы (1808—1814 гг.). В 1814 г. в своем известном «Обзрении богословских наук...» в качестве одной из главных составляющих структуры духовно-учебного богословского курса (*Architectonica Theologica*) святитель указывал *деятельное богословие* (*Practica*), понимая под ним практическое применение христианских догматов в жизни человека, то есть нравственное богословие¹⁶. Что же касается богословия *пастырского* (*Theologia Pastoralis*), то святитель Филарет обращал на него особое внимание, учитывая прежде всего главное предназначение *духовной* школы, но считал его неразрывно связанным с богословием *деятельным* (практическим, нравственным). При этом в *деятельном* богословии святитель выделял *христианское благоразумие*, или *деятельное знание*, — «избирать и употреблять наилучшие средства для достижения спасительных целей». Это *благоразумие*, или *знание*, имело у него как всеобщее значение, так и особое, *пастырское*. Именно этим *благоразумием* следует руководствоваться в «восприятии сего звания» и в его реализации учением, личным примером, совершением

¹⁶ Деятельное Богословие (*Practica*), являясь одной из частей Учительного Богословия, обращается к воле, «дабы повреждение ее исправить» (См.: Филарет (Дроздов), свт. *Обзрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // Свт. Филарет (Дроздов). Собрание мнений. Т. 1. С. 208*).

Таинств и благочестивых обрядов, молитвою. Таким образом, несомненно переключка с курсом архимандрита Феофилакта (Горского) и «Книгой о должностях пресвитеров приходских».

Кроме того, святитель Филарет выделял в качестве особых разделов в общепатриаршеском курсе богословие собеседовательное (Horniletica) и правительственное (Jus Canonіcum), имевшие самое непосредственное отношение к пастырскому служению. Architectonica Theologica была основана на существующих богословских системах XVIII в., но в ней были определены и перспективы дальнейшего развития «церковного блока» духовно-учебного образования. Отмеченные в ней две ключевые тенденции пастырского богословия — с одной стороны, связь с общим нравственным богословием, с другой стороны, изложение практических «должностей пресвитеров» — на несколько десятилетий определили дальнейшее развитие этой дисциплины в духовной школе.

В Московской духовной академии, преобразованной по правилам нового Устава в том же 1814 г., пастырское богословие довольно долго существовало в недрах нравственного богословия, но не выделялось особо даже в названии дисциплины. На 1-м курсе преобразованной МДА нравственное (деятельное) богословие читал в 1817–1818 гг. бакалавр Г. А. Левицкий, магистр 1-го курса СПбДА¹⁷. При отчете по ревизии МДА епископом Ревельским Филаретом (Дроздовым) в июне 1818 г. про элементы пастырского богословия просто не упоминалось. Но было засвидетельствовано, что «в некоторых уроках Богословского нравоучения... видно было обилие и порядок в понятиях», а в «некоторых уроках о Божественном праве и христианском благоразумии замечена сухость понятий, не напоенных из источника слова Божия»¹⁸. Однако сам бакалавр Г. А. Левицкий не получил одобрения, ибо «менее оказал успехов по должности, нежели обеща-

¹⁷ Григорий Александрович Левицкий (1785–1830) — магистр 1-го курса СПбДА (1814), бакалавр МДА по герменевтике (1815–1817) и нравственному богословию (1817–1818). Был членом Цензурного комитета при МДА. Оставив Академию, служил священником церкви Покрова в Левшине. В 1819–1824 гг. был профессором богословия в Московском университете.

¹⁸ См.: *Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений*. Т. 1. С. 401.

ли отличные его способности»¹⁹. Поэтому следующему курсу Академии нравственное (деятельное) богословие с элементами пастырского читал в 1819–1820 гг. магистр 1-го курса МДА иеромонах Моисей (Сахаров)²⁰. При ревизии МДА в июле 1820 г. архиепископ Тверской Филарет (Дроздов) объявил иеромонаху Моисею одобрение «за прилежание к должности и преуспеяние в познаниях»²¹. Однако в том же 1820 г. иеромонах Моисей назначен был ректором и профессором богословия Тульской ДС, поэтому Академии вновь пришлось менять преподавателя нравственного богословия. Им стал 1-й магистр 2-го курса МДА иеромонах Серафим (Азбукин), сочетавший в 1820–1822 гг. преподавание нравственного (и пастырского) богословия с герменевтикой²². Иеромонаха Серафима, переведенного затем в СПбДА, сменил его однокурсник иеромонах Евлампий (Пятницкий)²³. Он преподавал нравственное богословие семь лет (1824–1831), совмещая его не только с герменевтикой и чтением Священного Писания, как его предшественник, но и с обличительным богословием (с 1826 г.). В 1831 г. иеромонаха Евлампия назначили ректором Вифанской ДС,

¹⁹ См.: Там же. С. 443.

²⁰ Моисей (Сахаров) (1790–1830), архимандрит. Обучался в Коломенской (1797–1800) и Тульской (1800–1811) ДС, затем преподавал в Тульской ДС. Магистр 1-го курса МДА (1818), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. 1818 г. Д. 45). Бакалавр и библиотекарь МДА (1819–1820). С 1820 г. Ректор и профессор богословия в Тульской ДС и архимандрит Белевского Спасо-Преображенского монастыря; с 1826 г. преподаватель Вифанской ДС. В 1830 г. переведен в Угрешский монастырь, где и скончался.

²¹ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 2. С. 56.

²² Серафим (Азбукин) (1791?–1824), архимандрит (с 1823 г.). Выпускник Тульской ДС (1814), где преподавал (1814–1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии. Бакалавр и библиотекарь МДА (1820–1822).

²³ Евлампий (Пятницкий) (1794–1862), архиепископ. Выпускник Ярославской ДС (1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг сразу по окончании Академии. Бакалавр (1820–1826), библиотекарь (1824–1827), э.-орд. профессор (1826–1831) МДА. Член Правления (1823–1828) и Инспектор (1826–1831) Академии. С 1831 г. Ректор и профессор богословия Вифанской ДС; с 1834 г. епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии; с 1840 г. епископ Орловский и Севский; с 1844 г. Вологодский; с 1852 г. архиепископ Тобольский и Сибирский. С 1856 г. на покое.

а нравственное богословие поручили преподавать иеромонаху Платону (Казанскому)²⁴. Однако иеромонаху Платону было суждено преподавать всего два года, ибо, заподозренный в сношениях с сектантами, он был удален из Академии²⁵.

С середины 1830-х гг. пастырское богословие постепенно стало приобретать самостоятельное название в документах Академии, но в преподавании оно по-прежнему соединялось с нравственным богословием. Этот вариант соединения, предложенный еще святителем Филаретом в богословской системе 1814 г., неоднократно обосновывался: во-первых, нравственное богословие, как практическая реализация христианского вероучения, в личном и общественном отношениях возглавляется и корректируется пастырями; во-вторых, пастырское служение должно опираться на глубокое понимание задач, принципов и проблем этой практической реализации. В МДА пастырское богословие впервые было зафиксировано в качестве особой составляющей дисциплины в 1833 г.: иеромонах Филарет (Гумилевский) именовался бакалавром «пастырского и нравственного богословия» (1833–1836)²⁶. Так дисциплина называлась и в дальнейшем, хотя составляющие (пастырская

²⁴ Платон (Казанский) (1793 (1790)–1865), архимандрит. Выпускник Ярославской ДС (1816). Магистр 2-го курса МДА (1820), преподаватель Ярославской ДС (1820–1823), священник кафедрального собора, ректор Ярославских ДУ (1823–1829). В 1829 г., овдовев, принял монашеский постриг. Бакалавр (1829–1832), инспектор (1831–1833), э.-орд. профессор (1832–1833) МДА. Член московского Цензурного комитета и настоятель московского Знаменского монастыря. В 1833 г. был переведен в Нижегородскую ДС, но после дознания отправлен в Валаамский монастырь на исправление. Впоследствии был переведен в Сергиеву пустынь под Петербургом, был председателем Комитета по переводу «Апостольских правил» при СПбДА. С 1837 г. настоятель Торжковского Борисоглебского монастыря, с 1840 г. — тверского Отроча монастыря, с 1848 г. — тверского Успенского Жолтикова монастыря.

²⁵ Архимандрит Платон был заподозрен в связи с сектой хлыстов (скопцов), ибо отдал своих детей на воспитание полковнику А. Дубовицкому, принадлежавшему к этой секте (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 377).

²⁶ Филарет (Гумилевский) (1805–1866), свт. Выпускник Тамбовской ДС (1826), магистр МДА (1830), в 1829 г. принял монашеский постриг. Бакалавр (1830–1835), библиотекарь (1831–1833), инспектор (1833–1835) и ректор (1835–1841) Академии. С 1841 г. епископ Рижский, викарий Псковской епархии; с 1848 г. епископ Харьковской и Ахтырский, с 1857 г. архиепископ; с 1859 г. архиепископ Черниговский и Нежинский. Доктор богословия (1860).

и нравственная) менялись местами. После иеромонаха Филарета нравственное и пастырское богословие преподавали иеромонахи Платон (Фивейский) (1836–1842)²⁷, Агафангел (Соловьев) (1842)²⁸, Иоанн (Соколов) (1842–1844)²⁹. Иеромонах Платон одновременно с нравственным и пастырским богословием преподавал церковную словесность, а иеромонах Агафангел (Соловьев) — церковное законоведение. Довольно быстрая смена преподавателей и насыщенное сочетание разных областей богословия у каждого из них существенно осложняли формирование целостного курса нравственного богословия и, тем более, оформление пастырского богословия в его недрах. Но на преподавание этой дисциплины по понятным причинам старались подобрать выпускников Академии, принявших монашество и священный сан, а ученое монашество недолго оставляли на одном месте, поскольку это были кандидаты на ректорство в духовных семинариях. Кроме того, с середины 1820-х гг. преподавание нравственного и пастырского богословия чаще всего соединялось и в самой Академии с начальственной должностью инспектора³⁰. Сочетание было по-своему вполне логичным, однако тру-

²⁷ Платон (Фивейский) (1809–1877), архиепископ. Выпускник Вифанской ДС (1830), магистр 9-го курса МДА (1834), принял монашеский постриг вскоре после окончания Академии. Бакалавр (1834–1840), библиотекарь (1838–1841), инспектор (1841–1842) МДА, с 1841 г. архимандрит. С 1842 г. ректор Казанской ДС, с 1843 г. — Орловской, с 1847 г. — Тамбовской, с 1852 г. — Владимирской. С 1856 г. епископ Старорусский, vikарий Новгородской епархии; епископ Ревельский, vikарий Петербургской епархии; с 1857 г. епископ Костромской и Галичский, с 1868 г. архиепископ.

²⁸ Агафангел (Соловьев) (1812–1876), архиепископ. Выпускник Владимирской ДС (1832), магистр МДА (1836), в 1835 г. принял монашеский постриг. Бакалавр (1836–1842), библиотекарь (1838–1842), инспектор (1842) Академии. С 1842 г. ректор Харьковской ДС в сане архимандрита, с 1845 г. ректор Костромской ДС, с 1854 г. ректор КазДА. С 1857 г. епископ Ревельский, vikарий Петербургской епархии; с 1860 г. епископ Вятский; с 1866 г. — Вольнский, с 1868 г. архиепископ.

²⁹ Иоанн (Соколов) (1818–1869), епископ. Выпускник МДС (1838), магистр МДА (1842), при окончании Академии принял монашеский постриг. Бакалавр МДА (1842–1844), СПбДА (1844–1854), с 1848 г. архимандрит, с 1849 года член духовного Цензурного комитета, с 1851 г. инспектор СПбДА, с 1852 г. ординарный профессор. С 1855 г. ректор СПбДС, с 1857 г. ректор КазДА, с 1864 г. ректор СПбДА, с 1865 г. в сане епископа Выборгского. С 1866 г. епископ Смоленский. Доктор богословия (1853).

³⁰ Если три первых бакалавра, преподававшие нравственное и пастырское богословие — Г. А. Левицкий, иеромонах Моисей (Сахаров) и иеромонах Серафим (Азбу-

доемкая инспекторская деятельность еще более осложняла разработку новых учебных курсов и, тем более, их научное развитие. Каждый из упомянутых бакалавров составлял записки для курса нравственного и пастырского богословия, было определенное преемство, и потому начал формироваться единый подход. Так, проведя в июле 1838 г. очередную ревизию МДА, святитель Филарет (Дроздов) отметил: «Учение о пастыре Церкви преподано по урокам, частью прежде составленным, частью продолженным трудом нынешнего преподавателя»³¹. Но, тем не менее, никто из преподавателей не смог доработать эти записки для публикации. Единственным исключением можно считать иеромонаха Платона (Фивейского), которому через несколько лет после оставления Академии, в 1850–1860-х гг., удалось издать несколько пособий по нравственному и пастырскому богословию, используя свой преподавательский опыт и опираясь на старые записки³².

Таким образом, к середине 1840-х гг. пастырское богословие еще не приобрело в МДА самостоятельной основы, не были выработаны принципы и методы преподавания, соотнесение в этом курсе теоретической и практической составляющих. Обращение к общецерковному

кин), — инспекторами не были (в 1814–1816 гг. инспектором МДА был архимандрит Филарет (Амфитеатров), в 1816–1818 гг. — архимандрит Гермоген (Сперанский), в 1818–1826 гг. — архимандрит Платон (Березин)), то иеромонах Евлампий (Пятицкий) с 1826 г. и вплоть до 1831 г. совмещал преподавание нравственного и пастырского богословия с должностью инспектора. Эта традиция закрепилась: иеромонахи Платон (Казанский) и Филарет (Гумилевский) были одновременно преподавателями нравственного и пастырского богословия и инспекторами Академии. Затем — до архимандрита Сергия (Ляпидевского) — было два перерыва в этом сочетании: в 1836–1841 и 1842–1848 гг. (инспекторами, не преподававшими нравственного богословия, были архимандриты Гедеон (Виноградов) (1836–1838), Филофей (Успенский) (1838), Евсевий (Орлинский) (1838–1841), Евгений (Сахаров-Платонов) (1842–1847), Иларион (Боголюбов) (1847–1848)). Затем на десятилетие преподавание нравственного и пастырского богословия и инспекторство вновь сочетаются в лице архимандрита Сергия (Ляпидевского) (см.: *Смирнов 1879. С. 23–26, 381–384, 384–389*).

³¹ Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений. Т. 2. С. 413.

³² См.: Платон (Фивейский), архим. Православное нравственное богословие. М., 1854; переизд.: СПб., 1867; Платон (Фивейский), еп. Напоминание священнику об обязанностях его при совершении Таинства Покаяния: В 2 ч. Кострома, 1859; переизд.: М., 1861; Он же. Памятная книжка для священника, или Размышление о священнических обязанностях. М., 1860.

контексту показывает нам, что эта ситуация была характерна и для духовной школы в целом. Так, в 1845 г. особый комитет, учрежденный при СПбДА для составления конспектов по богословским наукам, представил проект конспекта по пастырскому богословию. В этом проекте была предпринята попытка придать пастырскому богословию более теоретический (научный) характер, с учетом важнейших достижений западного богословия. Однако эта попытка вызвала острую критику святителя Филарета (Дроздова), которому конспект был прислан на отзыв. Авторы брали за основу курс пастырского богословия, читаемый в 1780-х гг. в Венском университете профессором Ф. Гифтшицем³³. Святитель Филарет указывал, что пастырское богословие как дисциплина церковная должно быть основательно приспособлено к жизни Православной Церкви, «проникнуто духом слова Божия и святых отец» и образовывать будущего приходского пастыря «не только правилами благоразумия и благочиния, но истинно духовными и душевспасительными наставлениями». Поэтому полезнее было бы оставить пока в качестве основного пособия проверенное опытом сочинение «О должностях пресвитеров приходских», а для будущего составить новый конспект, избавленный от влияния неправославия³⁴. При этом святитель Филарет настаивал, несмотря на учреждение особого курса церковного законоведения, на сохранении в курсе пастырского богословия раздела об управлении приходом, изложенного применительно к опыту русской церковной жизни³⁵.

Новые курсы пастырского богословия появились лишь к началу 1850-х гг. В 1851 г. была издана система Пастырского богословия ректора КДА архимандрита Антония (Амфитеатрова)³⁶. Двумя го-

³³ Франц Гифтшюц (Giftschütz), профессор пастырского богословия в Венском университете († 1788).

³⁴ См.: Письмо святителя Филарета обер-прокурору гр. Н. А. Протасову от 9 мая 1845 г. // *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 3. С. 149–150.

³⁵ См.: Там же. С. 151–152.

³⁶ *Антоний (Амфитеатров), архим.* Пастырское богословие. Киев, 1851. См. также: *Он же.* Беседа сельского священника с прихожанами. Киев, 1854; *Он же.* О должностях приходских священников // Смоленские епархиальные ведомости. 1866. № 3; *Он же.* Пастырское послание // ХЧ. 1874. № 9.

дами позднее был издан одноименный курс инспектора и преподавателя нравственного и пастырского богословия СПбДА архимандрита Кирилла (Наумова), за который автор был удостоен степени доктора богословия³⁷.

В МДА с 1844 г. пастырское богословие получило некоторую стабильность в лице иеромонаха (с 1850 г. архимандрита) Сергия (Ляпидевского), преподававшего этот предмет вкупе с нравственным богословием на протяжении 13 лет (1844–1857)³⁸. За годы преподавания архимандрит Сергий составил подробный конспект своего курса, впоследствии — после кончины автора в сане митрополита Московского — опубликованный Академией³⁹. Сохраняя в целом традицию пастырского богословия, доставшуюся ему в наследство от своих предшественников, архимандрит Сергий составил свой курс из пяти разделов: происхождение пастырского служения и его необходимость; достоинство священника; трудности пастырского служения; призвание к пастырскому служению; приготовление к пастырскому служению. Автор сохранял в своем курсе выделение трех важнейших традиционных направлений пастырского служения, или главных обязанностей пастыря: учитель-

³⁷ Кирилл (Наумов), архим. Пастырское богословие. СПб., 1853.

³⁸ Сергий (Ляпидевский) (1820–1898), митрополит. Выпускник Тульской ДС (1840), магистр 12-го курса МДА (1820), принял монашеский постриг перед окончанием Академии. Бакалавр (1844–1851), инспектор (1848–1857), профессор (1851–1861), ректор (1857–1861) МДА. С 1861 г. епископ Курский и Белгородский; с 1880 г. архиепископ Казанский и Свяжский; с 1882 г. — Кишиневский; с 1891 г. — Херсонский и Одесский; с 1893 г. митрополит Московский и Коломенский.

Заметим, что даже в конце 1840–1850-х гг. название дисциплины в МДА не установилось окончательно. В документах Академии упоминается то «класс деятельного богословия» (определение Синода от 23–25 апреля 1848 г. о назначении иеромонаха Сергия (Ляпидевского) на должность инспектора МДА (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5189. Личное дело преподавателя иеромонаха Сергия (Ляпидевского). Л. 17)), то «класс нравственного и пастырского богословия» (формулярный список иеромонаха Сергия за 1849 г. (Там же. Л. 9–11); представление Правления МДА митрополиту Филарету от 18 октября 1857 г. с мнением о перемещении на этот класс священника Филарета Сергиевского (Там же. Л. 36)).

³⁹ Сергий (Ляпидевский), митр. Из лекций по Пастырскому богословию // БВ. 1900. Т. 2. № 8. С. 507–549; Т. 3. № 9. С. 45–58; № 10. С. 221–243; 1901. Т. 2. № 7/8. С. 518–541; 1902. Т. 3. № 9. С. 1–22.

ство вере, совершение священнодействий, церковное правительство⁴⁰. Подробно излагая, почему эти задачи встают в жизни Церкви, какими способами пастыри решают эти задачи, архимандрит Сергей старался доказать саму «необходимость служения пастырского», невозможность решать все эти задачи другими членами Церкви⁴¹. Особо следует отметить последнюю часть курса, в которой автор, говоря о приготовлении к пастырскому служению, старался убедить своих слушателей в необходимости для священника основательного богословского образования⁴². Примеры простых и неученых замечательных пастырей не являются свидетельством неважности хорошего образования — это исключения, подтверждающие правило, ориентироваться на них — это дерзость. Аргументами от Писания, Предания, исторического опыта Церкви и состояния современного общества архимандрит Сергей не только пытался пробудить ревность будущих пастырей к учению, но и стремился выстроить ценностную иерархию пастырской «учености». Так, несомненное первенство в этой иерархии по его суждению принадлежит богословскому образованию, основанному на тщательном изучении Священного Писания. Однако архимандрит Сергей настаивал, приводя святоотеческие примеры, на необходимости для пастыря светских наук, прежде всего словесности. Их изучение не самоцельно для пастыря, а должно определяться степенью полезности той или иной науки для богословия и пастырского служения⁴³. В целом же это — изложение концепции высшего духовного образования, легшей в основу реформы 1808—1814 гг., неоднократно подтверждаемой в дальнейшем Филаретом (Дроздовым) и другими деятелями духовной школы. Однако обращает на себя внимание та настойчивость, с которой автор отстаивает широту пастырского образования. Объяснение можно най-

⁴⁰ См.: *Сергий (Ляпидевский), митр.* Происхождение пастырского служения и его необходимость: (Из лекций по пастырскому богословию) // БВ. 1901. Т. 2. № 7/8. С. 531—549.

⁴¹ Там же. С. 531.

⁴² См.: *Сергий (Ляпидевский), митр.* О приготовлении к пастырскому служению: (Из лекций по пастырскому богословию Сергия, митрополита Московского): [Об умственном приготовлении] // БВ. 1902. Т. 3. № 9. С. 1—22.

⁴³ См.: Там же. С. 7—15.

ти, прежде всего обратив внимание на исторический контекст: вторая половина 1840-х и первая половина 1850-х гг. — эпоха активного расширения учебных планов духовных школ, введение новых — богословских и светских — дисциплин. Многопредметность, потеря четкости в образовательной траектории вызывали, в целом, немало недовольств и споров, и архимандрит Сергий, видимо, пытался умело выстроить апологию всех этих нововведений.

Начиная с 1857 г. и вплоть до преобразования Академии в 1870 г. и даже 4 года спустя пастырское богословие преподавал в ней протоиерей Филарет Сергиевский⁴⁴. Несмотря на долгое преподавание, протоиерей Филарет не подготовил своих лекций к печати.

Между тем, развитие богословия в академиях требовало все более четкого и основательного определения самостоятельной области пастырского богословия, круга источников, методологии, научных задач, перспектив развития. Параллельно формированию курса нравственного и пастырского богословия оформлялись и другие дисциплины, так или иначе связанные с пастырским служением. Их развитие, как уже было указано выше, весьма обостряло вопрос о самостоятельном статусе пастырского богословия как науки и учебной дисциплины. Иногда казалось, что оно «разложимо» на нравственное богословие, гомилетику, православное богослужение (литургику), церковное право и должно дополняться одной лишь церковной практикой. Поэтому при анализе пастырской подготовки в МДА тех лет следует обратить внимание на весь «пастырский» комплекс духовно-академических дисциплин.

Гомилетику, или церковное красноречие, святитель Филарет выделил еще в системе, предложенной в 1814 г. С момента открытия МДА в 1814 г. эта дисциплина преподавалась, именуясь «церковной словесностью» или «церковным красноречием»⁴⁵. Церковная словесность по

⁴⁴ Филарет Александрович Сергиевский (1831–1884), протоиерей. Выпускник МДС (1850), магистр 19-го курса МДА (1854). Бакалавр (1854–1860), э.-орд. (1860–1865), ординарный (1865–1874) профессор МДА. С 1874 г. ректор Вифанской ДС, хотя еще год преподавал в МДА. С 1879 г. настоятель московского Архангельского собора.

⁴⁵ Лекции по церковной словесности (красноречию) на протяжении 1814–1870 гг. читались последовательно 11 бакалаврами.

традиции, шедшей с XVIII в., считалась наукой прикладной, наставляющей пастыря на его поприще церковного проповедничества. Однако высшее образование требовало не только освоения практических приемов, но и ясного понятия о том, какова задача проповеди в жизни Церкви и какое место проповедь занимает в деятельности будущего пастыря. Такие курсы вырабатывались далеко не сразу. При ревизии МДА в июле 1820 г. архиепископ Тверской Филарет (Дроздов) заметил в своем отчете, что нередко «в уроках церковного красноречия понятие о церковном ораторе представлялось в виде слишком напряженном и не довольно систематическом»⁴⁶. В 1830–1840-е гг. появились отдельные попытки читать курс церковного красноречия в историческом аспекте, рассматривая последовательно проповедь в Библии, у великих учителей Церкви, в непрестанном учительстве Церкви, в ее богослужбной жизни. Понимание генезиса церковной проповеди, несомненно, было полезно будущим проповедникам, хотя исторический аспект не должен был при этом увести студентов от практического владения навыками, необходимыми будущему пастырю. Поэтому составление и произнесение проповедей занимало, как и в дореформенных духовных школах, важное место в жизни Академии: проповеди регулярно составляли и произносили преподаватели⁴⁷, но это было также неизменным заданием студентов всех курсов (обычно произносивших по три проповеди в год). Лучшие проповеди печатались, и на них учились.

Церковное законоведение, или каноническое право, несмотря на особое указание святителя Филарета в записке 1814 г., что «сия кафедра должна быть создана вновь»⁴⁸, тем не менее выделилось из общего курса богословия лишь в 1840 г. Эта дисциплина в МДА имела достаточно счастливую судьбу: после недолгого преподавания иеромонахами Евсевием (Орлинским) (1840–1841) и Агафангелом (Соловьевым) (1842) ее положение стабилизировалось. На протяжении 12 лет цер-

⁴⁶ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений. Т. 2. С. 50. Церковное красноречие в это время преподавал бакалавр Н. И. Потапов.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 177, 336, 396, 418, 444, 473 и далее.

⁴⁸ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // *Свт. Филарет.* Собрание мнений. Т. 1. С. 147.

ковное законоведение в МДА преподавал И. Н. Аничков-Платонов (1842—1854), а затем его сменил А. Ф. Лавров-Платонов, преподававший церковное право еще 8 лет после преобразования Академии в 1870 г. (1854—1878). Уже в первые годы самостоятельного существования церковное законоведение далеко вышло за границы простого толкования Кормчей. Открывавшиеся перспективы научного развития неизбежно ставили вопрос: должен ли учебный курс церковного законоведения (права) сохранить практические элементы и внести свой вклад в подготовку к пастырскому служению?

Литургика на протяжении 1814—1870 гг. так и не оформилась в самостоятельную дисциплину, она существовала в недрах церковной археологии, которая получила самостоятельное именование в МДА в 1844 г.⁴⁹ Но и эта дисциплина ставила перед собой задачу изучения чинопоследований церковных Таинств, что «отнимало» этот раздел у пастырского богословия.

В 1865 г. в курсы духовных академий была введена педагогика. Ее особая постановка в духовных школах подразумевала наличие особого раздела — «пастырской педагогики». Вопрос о том, как этот раздел будет сочетаться с пастырским богословием, так и не был решен вплоть до введения нового Устава духовных академий 1869 г. В МДА преподавание педагогики началось лишь в 1867 г. и было поручено П. И. Казанскому, которого специально для этого пригласили из Вифанской ДС⁵⁰. При этом было принято решение соединить педагогику с нравственным богословием, при этом разделив последнее с пастырским богословием. Новизна педагогики в высшей духовной школе, слабая разработанность науки как таковой и недостаточная готовность са-

⁴⁹ В течение 1844—1870 гг. церковную археологию в МДА преподавали 7 бакалавров, никто из них не оставил опубликованного курса, хотя они и составляли записки для преподавания. Но нечеткость, связанная с этой дисциплиной, наследство «церковных древностей» долго не позволяло найти надежную основу для научного развития и соотнести научные исследования с богослужебной практикой церковной жизни.

⁵⁰ Петр Иванович Казанский (1838—1913). Выпускник Владимирской ДС (1860), магистр 24-го курса МДА (1864). С 1864 г. преподаватель Ярославской ДС, с 1867 г. — Вифанской ДС. С того же года — бакалавр МДА, с 1873 г. — э.-орд. профессор. С 1897 г. в отставке.

мого П. И. Казанского к ее преподаванию⁵¹ привели к долгому периоду накопления сил без реального выхода в виде каких-либо конкретных программ, лекционных курсов и идей относительно соотношения с другими составляющими церковно-практического комплекса.

Таким образом, к середине 1860-х гг. в МДА сформировался блок предметов, так или иначе связанных с пастырско-приходской деятельностью. Внутреннее содержание этих наук не было, впрочем, достаточно определенным. Все они имели несомненное церковно-практическое значение и вводились чаще всего для подготовки преподавателей для семинарий, то есть для будущих пастырей. Но для укоренения в недрах высшей духовной школы каждая дисциплина должна была выявить свое научное значение (в понимании первой половины XIX в.). При этом была опасность, что, попадая в разряд теоретических дисциплин, они потеряют при этом практическую значимость, а это неизбежно сделает их ущербными. К середине 1860-х гг. было достаточно ясно, что настоящая пастырская подготовка должна иметь своим стержнем пастырское богословие, а оно в высшей школе подразумевает богословское осмысление пастырского служения. Самостоятельность пастырского богословия требовала гораздо более четкого определения внешних отношений с другими богословскими и церковно-практическими дисциплинами и прояснения внутреннего содержания.

3. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВОВ 1869 И 1884 Г.

Новая реформа духовных семинарий 1867 г. соединила пастырское богословие с каноническим правом. В итоге этого объединения образовался новый предмет преподавания — «практическое руководство для пастырей» (ПРП). В первые же годы после проведения реформы был

⁵¹ П. И. Казанский писал в Академии магистерскую диссертацию по Священному Писанию Ветхого Завета: *Казанский П. И. Об историческом значении книг малых пророков // ПрибТСО 25. 1872. Кн. 1. С. 103–165; Кн. 4. С. 581–636. Да и в дальнейшем по ветхозаветной экзегезе П. И. Казанский писал больше, чем по педагогике и нравственному богословию.*

составлен ряд учебных руководств по новой дисциплине⁵². Несмотря на то что духовных академий эта реформа не коснулась непосредственно, новая дисциплина требовала соответствующей подготовки преподавателей. Особого предмета ПРП в академиях вводить не стали — он был бы слишком *практическим* для высшей школы, — однако при разработке реформы духовных академий, которая началась в том же 1867 г., был поставлен вопрос: как должно быть построено пастырское богословие в Академиях и должно ли оно приобрести более *практическую* направленность?

Новый Устав Духовных академий, утвержденный в 1869 г., подразумевал в духовной школе наличие трех отделений, причем одним из них было церковно-практическое. Предложение о введении этого отделения исходило от архиепископа Макария (Булгакова), который в своем проекте подчеркнул *пастырскую* направленность этого отделения. В его учебный план предполагалось непременно включить четыре составляющие:

- 1) пастырское богословие;
- 2) науки о церковном проповедничестве (гомилетику, историю духовной словесности, общую словесность как науку вспомогательную);
- 3) науки о церковном богослужении (церковную археологию, православную литургику, литургику неправославных церквей и обществ);
- 4) науки о церковном управлении (церковное право)⁵³.

Логика была вполне понятна: три последние составляющие охватывали традиционные стороны пастырской деятельности: учительство, богослужение, управление, — первая же давала богословскую основу этого служения. Нельзя не обратить внимание на то, что этот состав

⁵² См.: Розанов П. П. Опыт курса «Практического руководства для пастырей». Киев, 1872; Хойнацкий А. Ф. Практическое руководство для священнослужителей при совершении церковных треб с указанием церковных правил и гражданских постановлений и принятых в церковно-богослужебной практике обычаев и постановлений. Ч. 1: О совершении Святых Таинств. Чернигов, 1873.; Громов П. В. Уроки «Практического руководства для пастырей». Иркутск, 1873; Хорошунев Ф. Практическое руководство для пастырей. Чернигов, 1879; Нечаев П. И. Практическое руководство для священнослужителей, или Систематическое изложение полного круга их обязанностей и прав. СПб., 1884, и др.

⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. 1. Ст. 2. Д. 1. Л. 451–452.

во многом переключался с учебно-богословской традицией немецких университетов⁵⁴. В этой традиции практическое богословие воспринималось как одна из частей богословского курса, в дополнение к систематической и исторической, и состояла из практического богословия общего, катехетики, литургики, гомилетики, пастырского богословия и церковного права. Однако в протестантской системе никак не оговаривались какие-то особые функции этой части богословия кроме обычной наряду со всеми прочими частями изучения, не указывалось и специфики в подходах и методах.

В окончательный вариант Устава в целом был включен, таким образом, проект церковно-практического отделения архиепископа Макария. Однако вследствие принятого распределения штатных кафедр «пастырская идея» была «размыта»: из пяти специальных кафедр церковно-практического отделения три относились к пастырскому направлению (пастырское богословие и гомилетика с историей проповедничества; церковная археология и литургика, церковное право), две — к словесному (теория словесности и история русской литературы, с обзором важнейших иностранных литератур, русский язык и славянские наречия)⁵⁵. Определенная логика была и в этом варианте церковно-практического отделения 1869 г.: гомилетика должна была подкрепляться общей словесностью, пастырь должен знать идеи, которые черпает общество из современной литературы. Однако вследствие бурного развития духовной журналистики в 1870-х гг. словесное направление этого отделения приобрело самостоятельную значимость, мало связанную с пастырским служением. Соединение в одну кафедру пастырского богословия и гомилетики с историей проповедничества

⁵⁴ В период разработки Устава 1869 г. обсуждалась немецкая система богословского образования, выделяющая практическое богословие в качестве одной из четырех частей учебного курса. (С. Т. Богословский факультет Королевского Берлинского университета // ХЧ. 1869. Т. 2. № 8. С. 343, 345, 349).

⁵⁵ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154 (далее — Устав 1869 г.). § 114. С. 552; Штаты // Там же. Отд. 3. С. 424–425. Нравственное богословие по старой традиции соединялось с теоретическим богословием, а не с «практическим» пастырством, поэтому его оставили в теоретическом богословском отделении (см.: Там же. § 112. С. 552).

было достаточно естественно, но при этом было дополнительным затруднением с определением собственного предмета, источников, задач и методов пастырского богословия.

Дополнительные вопросы вызывал специальный статус пастырского богословия (принадлежность к одному из отделений, а не к общеобязательным дисциплинам). Если это и можно было объяснить, имея в виду подготовку исследователей-богословов и преподавателей, то подготовка в академиях священства явно теряла свое основание. Идея авторов Устава была понятна и зафиксирована в Уставе: духовенство готовят семинарии, Академии же должны «доставлять высшее богословское образование, в духе Православия, для просвещенного служения Церкви и готовить преподавателей для духовно-учебных заведений»⁵⁶. Однако и эта формулировка ставилась под сомнение как несоответствующая главной направленности *высшей* духовной школы⁵⁷.

В учебных планах студентов всех отделений был сохранен элемент пастырской подготовки: обязательное составление одной проповеди в год. Разумеется, вполне сохранялось обязательное участие студентов в богослужении, с алтарным и клиросным послушаниями. В МДА как раз в год введения нового Устава был освящен академический храм Покрова Божией Матери, в котором не полагалось специальных причетников — это служение возлагалось всецело на студентов Академии⁵⁸.

Призыв к развитию специальных научных исследований, заявленный реформой 1869 г., введение исторического аспекта в исследования и преподавание, расширение источниковой базы, акцент на применении научно-критических методов существенно повлияли на научное развитие церковного права, церковной археологии, а также литургики и гомилетики. Кардинально изменилась и учебная постановка этих дисциплин. Несмотря на положительный эффект, связь этих дисциплин с пастырской подготовкой требовала дополнительного осмысления и немалых усилий.

⁵⁶ Устав 1869 г. § 1. С. 545.

⁵⁷ Следует, конечно, помнить, что и при действии Устава 1869 г. духовные академии подготовили немало архипастырей и пастырей, в том числе не прошедших семинарию, например, митрополита Антония (Храповицкого).

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 509. Л. 8–12.

В МДА, преобразованной по правилам нового Устава в 1870 г., пастырское богословие продолжал преподавать протоиерей Филарет Сергиевский, также принявший на себя преподавание гомилетики. В первом же учебном году преобразованной Академии (1870/71 уч. г.) студентам церковно-практического отделения был прочитан синтетический «пастырско-гомилетический» курс. После краткого очерка истории пастырского богословия протоиерей Филарет изложил «основополагающую» часть пастырского богословия, а ко второй — богословскому учению об общественной проповеди пастыря — он присоединил изложение основных начал гомилетики и «историко-критическое обозрение состояния церковной проповеди для народа на Руси вообще»⁵⁹. На следующий год курс пастырского богословия был продолжен изложением практических вопросов: частных пастырских наставлений, деятельности пастырей в народном образовании, пастырского призрения больных и умирающих⁶⁰. Однако перед протоиереем Филаретом, как и перед всеми другими ординарными профессорами, была поставлена задача: представить в течение трех лет докторскую диссертацию или же покинуть академическую кафедру⁶¹. Протоиерей Филарет не смог представить диссертацию, что косвенно подтверждало проблемы, связанные с научным развитием пастырского богословия. По истечении трехлетнего срока Совет МДА ходатайствовал в 1873/74 уч. г. перед Синодом о разрешении протоиерею Филарету оставаться на кафедре в виде исключения⁶². Синод, принимая во внимание сложности, связанные с поиском преподавателя пастырского богословия, давал такое разрешение два раза, но в 1875 г. протоиерею Филарету все же пришлось оставить Академию.

В том же 1875 г. Совет МДА пригласил на кафедру пастырского богословия и гомилетики выпускника Академии 1874 г. Василия Ки-

⁵⁹ См.: Отчет о состоянии МДА в конце 1869/70 и в 1870/71 уч. г. // ПрибТСО 24. 1871. Кн. 3. С. 546–547.

⁶⁰ См.: Отчет о состоянии МДА в 1871/72 уч. г. // ПрибТСО 25. 1872. Кн. 3. С. 476.

⁶¹ См.: Устав 1869 г. § 46. С. 547.

⁶² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 23; Там же. 1875 г. Д. 37.

парисова⁶³. Хотя тема кандидатского сочинения В. Ф. Кипарисова относилась к области церковного права («Понятие о терпимости, индифферентизме и фанатизме на основании церковных правил и государственных законов»), на 4-м курсе он изучал специальную группу предметов, включавшую пастырское богословие, гомилетику, литургику и каноническое право, поэтому отчасти мог считаться специалистом. Защитив диссертацию *pro venia legendi* по гомилетической тематике⁶⁴ и прочитав две требуемые Уставом пробные лекции («О необходимости современной проповеди» и «О необходимости гомилетики как науки»)⁶⁵, В. Ф. Кипарисов был принят на должность приват-доцента. Он и в дальнейшем продолжал заниматься научными исследованиями в области церковного права — этому были посвящены его магистерская и докторская диссертации, — стараясь при этом одновременно поднимать на должный уровень преподаваемые им дисциплины⁶⁶. Но если курс гомилетики выстроился достаточно быстро — В. Ф. Кипарисов начал читать лекции по гомилетике в первый же год своего преподавания, — то с пастырским богословием были связаны вполне понятные сложности. Вплоть до 1881/1882 уч. г. лекции по пастырскому богословию просто не читались, В. Ф. Кипарисов ограничивался достаточно

⁶³ Василий Феодорович Кипарисов (1849–1899). Выпускник Саратовской ДС (1870), магистрант практического отделения МДА 29 курса (1874). С 1874 г. преподавал греческий язык в Литовской ДС; с 1876 г. приват-доцент МДА; с 1883 магистр и доцент; с 1897 г. доктор богословия и ординарный профессор. В 1898 г. уволен по болезни.

⁶⁴ В. Ф. Кипарисов просил совета Инспектора Академии С. К. Смирнова о возможной теме диссертации, предлагая три возможные темы: 1) «Отношение Древне-Вселенской Церкви ко мнениям отдельных церковных общин и лиц церковной иерархии по вопросам вероучения и церковной дисциплины» (на основе кандидатской работы); 2) «Цензура церковной проповеди в Русской Церкви»; 3) «Предметы церковной проповеди в первые века христианства» (см.: Письмо В. Ф. Кипарисова к С. К. Смирнову от 27 июля 1875 г. // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 674–676).

⁶⁵ ЦИИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5093. Личное дело преподавателя В. Ф. Кипарисова. Л. 9.

⁶⁶ В 1883 г. В. Ф. Кипарисов защитил магистерскую диссертацию: *Кипарисов В. Ф. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и государства, с I по IX в. Вып. 1. М., 1883*. В 1897 г. был удостоен степени доктора богословия за сочинение: *Кипарисов В. Ф. О церковной дисциплине*. СПб, 1897.

обширным курсом гомилетики, построенном в виде очерков⁶⁷. Видимо, добросовестность исследователя и преподавателя не позволяла В. Ф. Кипарисову представлять студентам то, что, по его мнению, не отвечало *специальному* настрою эпохи 1870-х гг. Кроме того, сказывалось, по-видимому, и отсутствие личного пастырского опыта. Лишь в 1883/84 уч. г. лекции по пастырскому богословию были им прочитаны. Лектор включил в курс три больших раздела: 1) обзор состояния науки [пастырского богословия] на Западе и у нас; 2) главнейшие памятники святоотеческой литературы, относящиеся к учению о пастырстве; 3) о пастырстве в его общественной деятельности и в его частной жизни, преимущественно на основании святоотеческих творений⁶⁸.

Устав 1869 г. ввел еще одну форму учебных занятий — «практические лекции» для выпускного (4-го) курса по специальным группам предметов. Эти занятия должны были помочь студентам готовиться к магистерскому экзамену и к преподаванию в семинариях по дисциплинам, включенным в выбранную ими специальную группу. Среди 8 специальных групп одна была связана с пастырским направлением: гомилетика, литургика и пастырское руководство для пастырей. Включение последней дисциплины было обусловлено ее присутствием в учебных планах семинарий, однако непроизвольно составило коллизию с академическими учебными планами. Кроме того, отсутствие пастырского богословия в специальных программах магистерского экзамена ставило вопрос о научной состоятельности этой дисциплины. Следует заметить, что в МДА по «пастырской группе» специализировалось обычно немного студентов: так, среди выпускников 1883 г. эту группу избрали

⁶⁷ Так, в 1879/80 уч. г. студентам 3-го курса было прочитано три раздела по христианской проповеди разных эпох и конфессий: 1) история проповеди в Церкви Восточной в первые четыре века; 2) история проповеди в Церкви Католической в период от IX до XVI столетия; 3) история протестантской проповеди от начала Реформации до конца XVII столетия параллельно с историей католической проповеди за тот же период (см.: Отчет о состоянии МДА в 1878/79 уч. г. // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 1. С. 166; То же в 1879/80 уч. г. // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 4. С. 1125; То же в 1880/81 уч. г. // ПрибТСО 28. 1881. Кн. 4. С. 664; То же в 1881/82 уч. г. // ПрибТСО 30. 1882. Кн. 2. С. 696).

⁶⁸ См.: Отчет о состоянии МДА в 1883/84 уч. г. // ПрибТСО 35. 1885. Кн. 1. С. 418.

всего лишь четверо, в то время как словесное направление выбрало восемь студентов⁶⁹.

Однако период действия Устава 1869 г. был уже на исходе. В 1881 г. началась подготовка некоторых изменений в строе духовных академий, они вылились в новую реформу, проведенную в 1884 г. Новый Устав духовных академий 1884 г. отменил специализацию по отделениям, вернув большей части богословских дисциплин, в том числе пастырскому богословию, нравственному богословию, церковному праву, гомилетике, статус общеобязательных. При этом пастырское богословие было соединено в одну кафедру с педагогикой, а гомилетика и нравственное богословие получили отдельные кафедры⁷⁰. Среди предполагаемых служений выпускников духовных академий на первом месте в новом Уставе указывалось пастырское⁷¹.

В МДА вновь сложилась тогда непростая ситуация с замещением кафедры пастырского богословия. В. Ф. Кипарисов выбрал для дальнейшего преподавания кафедру гомилетики, П. И. Казанский избрал нравственное богословие, для кафедры же пастырского богословия и педагогики кандидата не было⁷². В 1884/85 уч. г. пастырское богословие просто не читалось, в следующем учебном году этот курс согласился прочитать В. Ф. Кипарисов, в сентябре 1886 г. кафедра была замещена выпускником Академии 1885 г. Александром Шостыным⁷³.

А. П. Шостын три первых курса своей учебы в Академии (1881/82–1883/84 уч. г.) специализировался по богословскому отделению и не слушал пастырского богословия (педагогика же была

⁶⁹ См.: ЖС МДА за 1883 год // ПрибТСО 32. 1883. Кн. 1. С. 39.

⁷⁰ См.: Устав 1884 г. § 100. С. 252.

⁷¹ См.: Там же. § 1. С. 232.

⁷² См.: ЖС МДА за 1884 год // ПрибТСО 34. 1884. Кн. 4. С. 100.

⁷³ См.: Отчет о состоянии МДА в 1885/86 уч. г. // ПрибТСО 39. 1887. Кн. 1. С. 69–70; ЖС МДА за 1885 год // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 105–106.

Александр Павлович Шостын (1862–1916) — выпускник Рязанской ДС (1881), 1-й магистрант МДА 40 курса (1885); в 1885/86 уч. г. профессорский стипендиат Академии. С 1886 г. исполняющий должность доцента МДА; с 1890 г. магистр и доцент; с 1895 г. э.-орд. профессор; с 1907 г. инспектор Академии; с 1908 г. исполняющий должность ординарного профессора; с 1911 г. заслуженный профессор.

общеобязательной дисциплиной)⁷⁴. Однако ему и его однокурсникам на выпускном курсе (в 1884/85 уч. г.) были прочитаны все дисциплины, которых они не слушали в рамках своего отделения, поэтому формально он имел право преподавать и пастырское богословие. Конечно, такое чтение проходило в экстремальном режиме, и ожидать глубоких познаний у выпускников было бы сложно. Но А. П. Шостыин представлял ежегодно проповеди, которые признавались в числе лучших, что также учитывалось Советом Академии⁷⁵. Как первый студент своего выпуска Шостыин был оставлен профессорским стипендиатом для приготовления к вакантной кафедре пастырского богословия и педагогики⁷⁶. Составляя очередной отчет за стипендиатский год, он указал, что изучал, прежде всего, историю педагогики по трудам немецких ученых (Крамера, Шмидта, Раумера, Фогеля) и статьи из многотомной педагогической энциклопедии Шмидта. Подготовка к преподаванию пастырского богословия состояла в «анализе и уяснении» новозаветного учения о пастырстве и изучении древнеотеческих пастырских произведений: бесед на пастырские послания апостола Павла и слов о священстве святого Иоанна Златоуста; некоторых слов святого Григория Богослова; пастырского правила святого Григория Двоеслова⁷⁷.

В 1886/87–1891/92 уч. г. А. П. Шостыин читал лекции по пастырскому богословию по единому плану: общее введение в науку, учение о сущности и задачах пастырской деятельности и о субъективных и объективных средствах для ее успешного выполнения; специальный отдел о пастырском попечении для лиц, недугующих физически, нравственно и умственно (пастырское посещение больных и умирающих, исповедь для недугующих нравственно, отношение пастыря к неверующим и суеверным)⁷⁸. В основу лекций А. П. Шостыин клал идею

⁷⁴ См.: ЖС МДА за 1882 год // ПрибТСО 30. 1882. Кн. 2. С. 55.

⁷⁵ См.: ЖС МДА за 1885 год // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 1. С. 82.

⁷⁶ См.: Там же. С. 105–106.

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5255. Личное дело преподавателя А. П. Шостыина. Л. 96.

⁷⁸ Отчет о состоянии МДА в 1886/87 уч. г. // ПрибТСО 40. 1887. Кн. 4. С. 264; То же в 1888/89 уч. г. // ПрибТСО 44. 1889. Кн. 4. С. 699; То же в 1889/90 уч. г. // ПрибТСО 47. 1891. Кн. 1. С. 112–113.

пастырства как «душепопечения», с точки зрения этой идеи он рассматривал все пасторологические теории. Он уделял также большое внимание пастырским идеалам святых отцов, сосредоточиваясь на пастырских словах святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова, сочинении «Об обязанностях священнослужителей» святителя Амвросия Медиоланского и «Пастырском правиле» святителя Григория Двоеслова. В последующие два года им был добавлен обзор литературы по пастырскому богословию⁷⁹.

Чтения А. П. Шостыина по педагогике были значительно более обширны, поэтому каждый год он останавливался более подробно на тех или иных разделах⁸⁰. Он излагал историю педагогики дохристианской (древних греков, древних римлян, еврейского народа) и христианской (святителя Иоанна Златоуста, Оригена, блаженного Иеронима, блаженного Августина); рассматривал западную схоластическую педагогику и первые опыты систематической подготовки (Амоса Коменского, Локка и Руссо), уделял внимание системе Песталоцци, обращал внимание на русских педагогов (Ушинского и др.). Кроме истории науки, в лекциях излагались теоретические вопросы педагогики (о цели воспитания, его объекте и субъекте) и дидактики (о воспитательном значении предметов обучения)⁸¹.

Осенью 1890 г. ректором МДА был назначен архимандрит Антоний (Храповицкий)⁸². Ректору по Уставу 1884 г. полагалось пре-

⁷⁹ То же в 1890/91 уч. г. // ПрибТСО 48. 1891. Кн. 2. С. 650.

⁸⁰ Защищенная А. П. Шостыиным в 1890 г. магистерская диссертация отвечала его старым студенческим интересам и не была связана ни с одной из дисциплин его кафедры: *Шостын А. П.* Источники и предмет догматики, по воззрениям католических богословов последнего полувека. Харьков, 1889.

⁸¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 408. Программы чтений и конспекты лекций по педагогике. Л. 1, 2.

⁸² Антоний (Храповицкий) (1863–1936), митрополит. Выпускник петербургской гимназии (1881), кандидат СПбДА (1885), при окончании Академии принял монашеский постриг. В 1885/86 уч. г. профессорский стипендиат СПбДА; с 1886 г. преподаватель Холмской ДС; с 1887 г. исполняющий должность доцента СПбДА; с 1888 г. магистр богословия и доцент; с 1889 г. исполнял должность инспектора Академии в сане архимандрита. С 1890 г. ректор МДА; с 1895 г. ректор КазДА, с 1897 г. в сане епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский, с 1902 г. — Вольнский и Житомирский. С 1911 г. доктор богословия

подавать «одну из богословских наук по своему избранию, имея не более двух лекций в неделю»⁸³. Архимандрит Антоний избрал для преподавания пастырское богословие, подчеркнув тем самым его значимость, и начал читать лекции с 1892/93 г., оставив А. П. Шостыну преподавание педагогики. В этом году архимандрит Антоний читал лекции по следующему плану: основные понятия о науке пастырского богословия, о пастырском призвании, о принятии благодати священства и о приготовлении к нему⁸⁴. В последующие годы (1893/94 и 1894/95 уч. г.) он несколько изменил план курса, обращая, прежде всего, внимание на разделы о внутренней жизни пастыря (пастырскую аскетику) и о душепопечении (управлении приходом и исповеди кающихся)⁸⁵.

Курс пастырского богословия, который архимандрит Антоний читал в эти годы в МДА, отчасти можно восстановить по его позднейшим публикациям⁸⁶. Архимандрит Антоний не был удовлетворен существующей пасторологической литературой. С его точки зрения, авторы, пытаясь указать особые, внутренние, субъективные свойства пастыря, не идут дальше обыкновенных требований, обязательных для всех христиан, или описывают внешнюю сторону пастырской деятельности. По мнению архимандрита Антония, сущность священства — нечто иное.

(по совокупности работ). С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, с 1917 г. митрополит, с 1918 г. — Киевский и Галицкий. С 1920 г. за границей, до своей кончины возглавлял Русскую Православную Церковь за границей.

⁸³ См.: Устав 1884 г. § 21. С. 235.

⁸⁴ Отчет о состоянии МДА в 1892/93 уч. г. СП, 1893. С. 18.

⁸⁵ Отчет о состоянии МДА в 1893/94 уч. г. СП, 1894. С. 17; То же в 1894/1895 уч. г. СП, 1895. С. 24.

⁸⁶ См.: Антоний (Храповицкий), архим. Два пути пастырства — латинский и православный // БВ. 1894. Т. 1. № 2. С. 258–281 (2-я пагин.); Он же. Из чтений по Пастырскому богословию. Каз., 1896; Он же. Значение молитвы для пастыря Церкви // ПС. 1897. № 5. С. 587–607; Он же. О пастырском призвании // Руководство для сельских пастырей. 1900. В дальнейшем: Антоний (Храповицкий), митр. Исповедь. Варшава, 1928; Он же. Пастырское богословие. Сборник статей и лекций по религиозным вопросам из области науки пастырского богословия (переизданная часть 2-го тома Полного собрания его сочинений). Харбин, 1935. См. также переизд.: Антоний (Храповицкий), митр. Основные начала православного пастырства // Он же. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 225–248.

Предметом пастырского богословия является точнейшее определение особой духовной настроенности пастыря, а также описание законов ее усвоения, охранения, развития и воздействия на жизнь прихода. Да, Божественная благодать, делающая возможным пастырский подвиг всецелого посвящения себя Богу и спасения ближних, дается в Таинстве священства. В нем пастырь получает утончение способности переживать скорби и радости пасомых сострадательною, болеющею о них любовью. Согласно архимандриту Антонию, дар «сострадательной любви» есть главный благодатный дар пастырства. С одной стороны, он является продолжением искупительной Христовой любви к падшему человечеству, с другой — позволяет разрешить одну из главных «антиномий» пастырского служения, возникающую из необходимости «пасти», не нарушая при этом свободы воли пасомых. Именно дар сострадательной любви, по мысли архимандрита Антония, и является здесь существенно необходимым, так как через таинственное отождествление пастырем себя со своей паствой дает возможность последней высвободить и актуализировать добрые начала души⁸⁷. Этой особой благодатью священства пастырское служение отличается от любого нравственного руководства ближними, от педагогики. Говоря о пастырском призвании, архимандрит Антоний считал его субъективными признаками желание священства, любовь к пастырству и внутренний голос Божий, а объективными — пастырскую подготовленность. Недовольство собой и искание нравственного обновления — а это свойственно русскому характеру, — подчиненные пастырской идее, развивают важные пастырские качества: «сострадание греховной немощи людей, скорбь о грешных людях и пламенеющее желание о приближении их и себя к Богу». Поэтому подготавливают к пастырству, с одной стороны, изучение слова Божия и святых отцов, с другой — и чтение «изящной литературы», особенно сочинений Ф. М. Достоевского, а также и личное наблюдение жизни.

Следует отметить, что архиепископ Антоний при обсуждении нового Устава духовных академий в 1909 г. высказывался за исключение из

⁸⁷ См. подробнее: Хондзинский Павел, *свящ.* Догмат любви // Антоний (Храповицкий), *митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 69–71.

программы духовных академий всех небогословских предметов, кроме философии и русской литературы, ибо первая учит пастыря думать, вторая — помогает в изучении жизни, людей, их характера, их поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах, часто критических. Именно в таких случаях обращаются к пастырю, и он должен понимать все столь глубоко, чтобы верно оценить ситуацию, использовать весь опыт, накопленный и богословием, и Церковью, и человечеством, и дать верный совет. Но, разумеется, для всего этого кандидату священства необходима выработка чистоты душевной, проникновение благочестием, молитва и борьба с закрытостью, которая мешает сострадательной любви. Преосвященный Антоний делал акцент на различии двух путей пастырства: латинского и православного, — включая в пастырское богословия элемент сравнительного богословия.

Архимандрит Антоний не ограничивался обязательными часами лекций, но проводил и занятия для желающих вне учебного плана. Так, в октябре 1893 г. он прочитал студентам внеклассную лекцию «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского»⁸⁸. Кроме того, пастырское воспитание велось и в личном общении. «Мы жили, согретые его любовью и лаской... Он раскрывал нам высокие и святые задачи пастырского служения. Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства как любовного и самоотверженного приятия в свою душу своей паствы, переживания вместе с нею всех горестей и радостей, всех испытаний, искушений и падений своих духовных чад и возрождения и восстания силою сострадательной любви и молитвы»⁸⁹.

Летом 1895 г. архимандрита Антония перевели ректором Казанской духовной академии. Его преемник архимандрит Лаврентий (Некрасов) также выбрал для преподавания пастырское богословие, но читал свои лекции совместно с профессором А. П. Шостыным. Их курс 1895/96—1897/98 уч. г. был построен по программе, состоящей из

⁸⁸ См.: Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды, письма, материалы. М., 2007. С. 249—278.

⁸⁹ Из воспоминаний о. Сергия Четверикова ко дню 50-летнего юбилей митрополита Антония (Храповицкого). Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Антоний (Храповицкий) и его время. 1836—1863. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 162.

двух частей: *история* христианского пастырства и *теория* пастырства. В исторический раздел было, в частности, включено: пастырство Господа Иисуса Христа; учение святых апостолов об обязанностях пастырей Церкви и их пастырская деятельность как образец для пастырей; пастырские воззрения древних святых отцов — мужей апостольских, священномучеников Ириния Лионского и Киприана Карфагенского, «Постановлений апостольских», святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, преподобного Ефрема Сирина, отцов-подвижников, преподобного Иоанна Лествичника, святителя Григория Двоеслова. В теоретический отдел включалось: понятие о науке пастырского богословия; источники и литература этой науки (западная и отечественная) со второй половины XVIII в.; основная цель христианского пастырства и вытекающая из нее обязанность частного душепопечения по слову Божию и по учению святых отцов Церкви; общие условия пастырской деятельности и средства к ее осуществлению. В этот же раздел были включены практические применения пастырской теории, то есть указанных средств к частным случаям пастырского служения человечеству: попечение о бедных и заключенных в темницах, посещение больных и умирающих; вразумление неверующих, суевренных, сектантов; наложение епитимий сообразно с индивидуальными особенностями кающихся грешников⁹⁰.

В 1898 г. архимандрита Лаврентия сменил на посту ректора МДА архимандрит (с февраля 1899 г. епископ Волоколамский) Арсений (Стадницкий). Он продолжал преподавать библейскую историю, которую преподавал еще будучи инспектором Академии. Поэтому пастырское богословие читал снова один А. П. Шостьин — с 1898/99 до 1908/09 уч. г. Он сохранил в целом старую программу курса, только постепенно расширял «святоотеческую» составляющую и практический раздел. Так, в частности, он более подробно разработал раздел о наложении пастырем епитимий «сообразно с индивидуальными особенностями кающихся грешников»⁹¹.

⁹⁰ См.: Отчет о состоянии МДА в 1895/96 уч. г. СП, 1896. С. 25; То же в 1896/97 учебном году. СП, 1897. С. 22–23; То же в 1897/98 учебном году. СП, 1897. С. 27–28.

⁹¹ См.: Отчет о состоянии МДА в 1898/99 уч. г. СП, 1899. С. 29–30 и далее.

Структура курса не может полностью передать результаты преподавания, то есть его воздействие на студентов. Ученики вспоминали о лекциях А. П. Шостына с благодарностью, обращая особое внимание на то, что обе дисциплины — пастырское богословие и педагогика — объединялись у А. П. Шостына «идеалом Христа как совершеннейшего Пастыря и неподражаемого Педагога»⁹².

Элементом пастырской подготовки студентов оставалась гомилетическая работа — ежегодное составление проповедей. Их проверял преподаватель гомиластики, поэтому В. Ф. Кипарисов, отойдя от преподавания пастырского богословия, продолжал участвовать в пастырской подготовке. Он проверял ежегодно более 200 проповедей (так, в 1886/87 уч. г. он рассмотрел и исправил 248 проповедей, в 1887/88 — 224, в 1888/89 — 213, в 1889/90 — 207, в 1890/91 — 200, в 1891/92 — 231). Проповеди писались чаще всего на тексты, заимствованные из апостольских или ветхозаветных чтений дня, за исключением проповедей на 25 сентября (память преподобного Сергия Радонежского), 30 сентября (поминовение почивших наставников), 1 октября (Покров Божией Матери, престольный праздник академического храма и актывый день МДА) и 2 октября⁹³. Лучшие из составленных проповедей после рассмотрения о. Ректором произносились в академическом храме.

На развитие пастырской подготовки в Академии в конце XIX — начале XX вв. значительно повлиял «церковно-практический» настрой эпохи. Заметное расцерковление русского народа во всех сословиях, беспокойная обстановка в учебных заведениях, оживление различных толков старообрядцев, угрожающая активность русского сектантства ставили перед духовенством особые задачи и требовали от него особой ревности и жертвенности в пастырском служении. Это служение должно было осмысляться в догматическом, каноническом, церковно-историческом, нравственно-психологическом отношениях, базироваться на изучении святоотеческого наследия, церковных традиций и опыта

⁹² См.: Попов К. М., А. Т., И. И. Профессор Александр Павлович Шостын [† 11 января 1916 г.]: Некролог с портретом и автографом // БВ. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 9 (1-я пагин.).

⁹³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 199. Л. 3.

пастырства. В те годы в Русской Православной Церкви появились замечательные пастыри: святой Иоанн Кронштадтский, святой Алексий Мечев, протоиерей Валентин Амфитеатров. Их опыт пастырства, литургического служения, духовничества не только выявлял живую реальность и тайну священства, но и ставил перед пастырским богословием ряд важных вопросов. В чем суть этого опыта, допускает ли он обобщение или связан исключительно с конкретной личностью пастыря? Если этот опыт обобщаем и может составить предмет изучения, осмысления и освоения несущих пастырское служение, то возможно ли приобщение к такому опыту академическим, «школьным» путем? Студенты Академии искали ответы на эти вопросы прежде всего в жизни. Известное посещение Академии святым праведным Иоанном Кронштадтским в 1895 г.⁹⁴ не исчерпывало общение студентов МДА с великим пастырем: ими предпринимались самостоятельные поездки в Кронштадт⁹⁵. Они встречались и с другими подвижниками и пастырями: в Лавре, в Гёфсиманском скиту, в Оптиной пустыни.

Церковно-практический настрой глубоко отразился и на МДА в целом, пробудив инициативу преподавательской корпорации. Так, в 1897 г. по инициативе МДА и митрополита Московского Сергия (Ляпидевского) в духовных академиях был сделан общеобязательным предмет истории и обличения русского раскола. При этом главным аргументом, который выдвигал Совет МДА, был «пастырский»: эти знания необходимы каждому священнику, окончившему академический курс⁹⁶.

Активизировалась также внеучебная просветительская и проповедническая деятельность студентов. Чтения лекций по дисциплинам, имеющим отношение к пастырскому служению — пастырскому богос-

⁹⁴ См.: Соколов В. А. Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским // БВ. 1895. Т. 1. № 2. С. 279–289 (3-я пагин.); Никон (Рклицкий), архиеп. Антоний (Храповицкий) и его время. 1836–1863. Кн. 1. Нижний Новгород, 2003. С. 212–218.

⁹⁵ См.: М. В. Два дня в Кронштадте. Из дневника студента: В 4 ч. // Святой Праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1998. С. 11–32.

⁹⁶ Указ Святейшего Синода от 4 января 1897 г. по ходатайству Совета МДА и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского) (См.: Отчет обер-прокурора за 1896 и 1897 гг. С. 188–189).

ловию, гомилетике, литургике, истории и полемике с расколом и сектами, — все же было явно недостаточно. Надо было вырабатывать умение применять эти знания практически, получить опыт участия и организации приходской жизни, навыки церковно-просветительской и церковно-социальной деятельности.

В 1892 г. в МДА по инициативе ректора, архимандрита Антония (Храповицкого), в МДА был создан кружок религиозно-нравственного просвещения. В 1898 г. эта традиция была продолжена ректором епископом Арсением (Стадницким). С благословения митрополита Владимира (Богоявленского) в Академии была возобновлена студенческая просветительская деятельность: проводились собеседования с народом после воскресных и праздничных богослужений в храме Академии, народные чтения религиозно-нравственного содержания со студенческим пением духовных и патриотических песен, церковно-исторические и литературно-нравоучительные чтения для детей. В народных чтениях принимало участие значительное число студентов МДА — всего до 74. Студенческое проповедничество и беседы имели отклик: в храме МДА на внебогослужебных беседах бывало до 1200 человек, что для Сергиева Посада было весьма немалым числом. При МДА активно действовала, уже с 1899 г., детская церковно-приходская школа, в которой преподавали выпускники МДА и студенты старших курсов, а законоучителями были студенты в священном сане. С 1900 г. по инициативе ректора епископа Арсения (Стадницкого) была открыта также воскресная школа для взрослых, которая через два года стала соответствовать по программам одноклассной и двухклассной церковно-приходским школам⁹⁷. В 1906 г. в Академии было предложено создать студенческое Пастырско-просветительское братство, в котором должны были найти место все начинания студентов, выработанные ими в 1890—1900-х гг.: Проповеднический, Попечительный, Издательский отделы, Отдел по организации народных чтений, бесплатная библиотека для жителей Посада, приют-школа для бедных детей⁹⁸.

⁹⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9—60 об.; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 788, 814, 890, 965; Отчет обер-прокурора за 1899 год. СПб., 1902. С. 181; То же за 1903 и 1904 годы. СПб., 1909. С. 208—211; *Евдоким, еп. 1915*. С. 31—44.

⁹⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9—60 об., 65—66; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3.

Оценка столь активной церковно-практической деятельности студентов не была достаточно однозначной. Некоторые члены профессорско-преподавательской корпорации Академии считали, что студентов следует ограждать от влияния расцерковленного общества, настраивая исключительно на традиционный духовно-учебный процесс. Другие же преподаватели считали совершенно необходимым для будущих пастырей и богословов знать все эти проблемы и учиться вырабатывать решения в трудных ситуациях, не убегая от проблем, а работая над воцерковлением общественной инициативы⁹⁹.

4. ПАСТЫРСКАЯ ПОДГОТОВКА В МДА В НАЧАЛЕ XX В.

Особый вклад в развитие пастырского богословия в духовной школе внесли события 1905–1906 гг. В отзывах епархиальных архиереев, составленных в эти годы, тема пастырского служения затрагивалась с 4-х сторон: 1) при обсуждении проблем прихода и приходской об-

Д. 611, 834, 890, 965 и др. См. также: *Евдоким, еп. 1915*. С. 294–298; *Голубцов С., протоиак.* Московская Духовная Академия в эпоху революций. М., 1999. С. 133–138. Кроме того: Христианин. 1907. № 1. С. 215–219; *Сухова Н. Ю.* Студенты высшей духовной школы в России — научный поиск и церковный порыв (1890–1900-е гг.) // *Сухова 2007*. С. 282–295.

⁹⁹ Архимандрит Антоний (Храповицкий), уже будучи ректором КазДА, в 1896 г. писал о необходимости приближать академии — как профессорам, так и студентам — к реальной церковно-общественной жизни. «Проповедь слова Божия должна была быть... живою общественною речью» (см.: *Антоний (Храповицкий), архим.* В защиту наших академий // ПС. 1896. № 11. С. 16, 39; *Он же.* О специализации духовных академий // ВиР. 1897. Т. 1. Ч. 1. С. 432). В начале XX в. некоторые преподаватели и выпускники МДА призывали к еще более активному знакомству студентов с реальной жизнью и «нравственными нуждами общества», предоставлению им возможности «самодеятельного практического участия... в церковном учительстве и церковной жизни». Отрыв академий от образованного общества оценивался как беда обеих сторон: «Не хотим знать иного мира, в котором живет интеллигенция...» «Необходимо православному богослову... чутко вслушиваться в запросы времени... глубоко, напряженно-пристально вдумываться в особенности духовных интересов, которыми живет современное общество» (см.: *Светлов П. Я., свящ.* Образованное общество и современное богословие // БВ. 1901. № 11. С. 524 (2-я пагин.); *Введенский А. И.* Запросы времени // ВиР. 1903. № 10. С. 243).

щины (в том числе, шла речь о более тесной связи пастыря и паствы, о выборности приходского духовенства); 2) при обсуждении участия духовенства в общественно-государственных организациях и органах разного статуса; 3) при обсуждении обеспечения, статуса и прав приходского духовенства; 4) при обсуждении проблем духовной школы, т. е. подготовки пастырства¹⁰⁰. Отзывы содержали огромный материал по проблемам прихода, приходского духовенства, духовного образования, требующий дальнейшей разработки.

Епархиальные архиереи сетовали на значительное ослабление духовной жизни; многие из них, особенно имевшие личный опыт приходского служения, склонны были видеть корень церковных проблем в недостаточном внимании к подготовке духовенства. Пастырей готовят формально, не стараясь пробуждать любовь к будущей пастве, будить в их сердце сопереживание, понимание смысла и главной цели пастырского пути, подвига. Следствием этого является формальная исповедь, холодное отношение к Таинствам. В центре проповеди не стоит любовь Божественная и жизнь и жертвенность из любви и благодарности к Богу. Богословие не стоит в центре пастырского служения, то есть проблемы, о которых сетовали два века назад, остаются поныне актуальными, а утилитарный настрой времени их даже усугубил. Хотя эти замечания имели непосредственное отношение к подготовке пастырей в семинариях, все укоры переносились и на подготовку учителей для будущих пастырей в академиях.

Ответом на все эти укоры стало обсуждение пастырской подготовки и пастырской настроенности в духовных Академиях при разработке нового Устава духовных Академий в 1909 г. На заседаниях комиссии, которая занималась разработкой нового Устава духовных Академий, сам вопрос о предназначенности Академий к пастырскому образованию вызвал горячую дискуссию¹⁰¹. Представителя Академий указывали на

¹⁰⁰ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: В 4 т. СПб., 1906; перизд.: В 2 ч. М., 2004. Вопрос о проблемах духовной школы был одним из обязательных, поэтому на него ответили практически все архиереи.

¹⁰¹ В состав комиссии входило пять архиереев (архиепископы Димитрий (Ковальницкий), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский), Арсений (Стадницкий) и ректор СПбДА епископ Феофан (Быстров)) и представители всех четырех академий, профессора-миряне.

идею реформы 1808—1814 гг.: собственно пастырской, *духовной* школой в «*профессиональном*» смысле слова являлась семинария, высшие же школы, Академии, имеют особые задачи: развитие богословской науки и подготовка научно-педагогических кадров. Следует ли специально готовить студентов Академий к священству? Следует ли настойчиво призывать выпускников Академий, преподающих в семинариях, к принятию сана? Архиепископы Антоний (Храповицкий) и Сергей (Старгородский) считали, что сомнения в этом вопросе — это прежде всего свидетельство неопределенности тех принципов, согласно которым живет российская духовная школа. От этой неопределенности наиболее страдает сама духовная школа, которая мечется в поисках пути, уходя от истинного, ей предназначенного. Могут ли научить и воспитать будущих пастырей те, кто сам уклонился от пастырства по нежеланию или боязни? Могут ли заниматься разработкой церковной науки те, кто не пожелал взять на свои плечи предлагаемого креста священства? Общая дискуссия конкретизировалась при обсуждении формулировки первого параграфа Устава, то есть цели духовных Академий. Преосвященные Антоний и Сергей настаивали на том, что в Уставе необходимо четко сформулировать главную цель высшей духовной школы: приготовление на служение Церкви *преимущественно в священном сане*. Подготовка к пастырству должна стать структурообразующей идеей высшего духовного образования и практическим применением теоретического богословия к жизни Церкви. Представляя пастырство лишь *одним из возможных* выходов для своих выпускников, Академии изменяли, по мнению преосвященных, своей главной задаче и лишали богословие его итоговой, результативной составляющей. А это обуславливало значительную слабость в исполнении и других задач — педагогической и научно-богословской¹⁰². Другие члены комиссии противились такой однозначности: Академии — не пастырские школы, как семинарии, а должны заниматься научным изучением богословия. Хотя, конечно, желательно, чтобы питомцы Академий стремились служить Церкви в священном сане, это не должно быть главным критерием их успешной

¹⁰² См.: Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава Духовных Академий. СПб., 1909. С. 6—8.

деятельности. Церковное служение духовной школы и практическое применение богословских знаний не столь однозначно, а упрощение в его осмыслении чревато и значительным ослаблением богословской науки, и такими негативными явлениями, как карьеризм ученого монашества, неявное насилие над искренним выбором духовного пути, умаление значимости церковного служения как такового¹⁰³.

Новый Устав 1910—1911 гг. был определенной попыткой компромисса этих точек зрения, однако не очень удачной: в результате вместо гармонии получилась эклектика. Впрочем, комплекс дисциплин, связанных с пастырской подготовкой, постарались максимально укрепить. Был подтвержден их общеобязательный статус, пастырское богословие было отделено от педагогики: пастырское богословие было дополнено аскетикой, а педагогика — дидактикой с методологией наук, преподаваемых в духовно-учебных заведениях. Однако, несмотря на самостоятельный статус пастырского богословия с аскетикой и гомилетики, на обе дисциплины полагался всего один преподаватель, то есть они вновь, как и при Уставе 1869 г., соединялись в одну кафедру¹⁰⁴.

Устав 1910—1911 гг. также ввел в учебные планы духовных академий практические занятия по большей части богословских и гуманитарных дисциплин. На практических занятиях по кафедре пастырского богословия и гомилетики — а им Устав уделял повышенное внимание — студенты должны были, кроме изучения и разбора важнейших патрологических и гомилетических произведений, составлять проповеди, учиться произносить «заранее приготовленные проповеди на память» и «экспромты»¹⁰⁵.

При перераспределении кафедр по правилам нового Устава А. П. Шостьин выбрал себе педагогику и дидактику с методологией

¹⁰³ См.: Там же. С. 8—9.

¹⁰⁴ В Уставе 1910 г. на пастырское богословие с аскетикой и на гомилетику полагался один преподаватель и 10 лекций, из которых 5 назначались на пастырское богословие с аскетикой в один год, 5 — на гомилетику в другой год. В изменениях 1911 г. на пастырское богословие с аскетикой и на гомилетику полагался один преподаватель и 8 лекций, из которых 4 назначались на пастырское богословие с аскетикой в один год, 4 — на гомилетику в другой год (см.: Устав 1910 г. § 130. С. 424; Изменения 1911 г. § 130. С. 868).

¹⁰⁵ См.: Изменения 1911 г. § 156. С. 870.

наук, преподаваемых в духовно-учебных заведениях. На кафедру пастырского богословия с аскетикой и гомилетики был избран выпускник МДА 1909 г. и профессорский стипендиат 1909/10 уч. г. Василий Виноградов¹⁰⁶. В. П. Виноградов специализировался по гомилетике, поэтому избрание это он воспринял с радостью и энтузиазмом¹⁰⁷. На его долю и выпало читать лекции по гомилетике, первая составляющая его кафедры была принята на себя — уже по традиции Академии — ректором. Но В. П. Виноградов не ограничивался одним только аудиторным преподаванием. Он возглавил проповедническую деятельность студентов: во-первых, как преподаватель гомилетики, проверяющий обязательные учебные проповеди, во-вторых, как заведующий Проповедническим отделом Пастырско-просветительского братства.

Выразителем пастырских идей нового Устава стал в МДА ректор епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский)¹⁰⁸. Для преподава-

¹⁰⁶ Василий Петрович Виноградов (1885–1968). Выпускник Вифанской ДС (1905), 1-й магистрант 64 курса МДА (1909); в 1909/10 уч. г. профессорский стипендиат Академии. С 1910 г. исполняющий должность доцента МДА; с 1914 магистр и доцент; в 1916 г. переведен в Московскую ДС; в 1917 г. восстановлен в Академии по решению Совета Академии и избран э.-орд. профессором. В 1922 г. принял священнический сан, с 1928 г. митрофорный протоиерей. В 1923–1930 гг. настоятель московской Тихвинской церкви в Сущеве; в 1942 г. служил в церкви села Федоровское Угодско-Заводского района Калужской области; во время оккупации переехал в Вильно, где вплоть до 1944 г. был ректором пастырских курсов и заместителем Свято-Духовского монастыря. Эмигрировал в Австрию, перешел в юрисдикцию Зарубежной Церкви; в 1945 г. переселился в Германию; в 1951–1967 гг. был настоятелем Свято-Михайловской церкви в Мюнхене. — *Авт.*

В 1960-е гг. в Мюнхене вышел курс академических лекций В. П. Виноградова в двух выпусках: *Виноградов В. П., протопресвитер, профессор Московской Духовной Академии (1909–1922)*. Пастырское богословие. Pastoralteologie. Из академических лекций. Вып. 1 (К 40-летию пастырского служения автора). 1962. 92 с. Вып. 2 (К 80-летию автора). 1965. 62 с. — *Ред.*

¹⁰⁷ Магистерская диссертация: *Виноградов В. П. Уставные чтения: Историко-гомилетическое исследование*. Вып. 1: Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. СПб, 1914.

¹⁰⁸ Феодор (Поздеевский) (1876–1937), архиепископ. Выпускник Костромской ДС (1896), кандидат КазДА (1900), принял монашеский постриг на последнем курсе Академии. В 1900/1 уч. г. профессорский стипендиат КазДА. С 1901 г. преподаватель Калужской ДС; с 1902 г. инспектор Казанской ДС; с 1903 г. магистр богословия; с 1904 г. ректор Тамбовской ДС в сане архимандрита. С 1906 г. ректор МДС; с

ния, положенного ректору по Уставу¹⁰⁹, епископ Феодор выбрал себе пастырское богословие с аскетикой. Это сочетание вполне отвечало богословским убеждениям владыки: «Вложена живая душа в тело и осмыслена и оживотворена самая наука Пастырского Богословия»¹¹⁰. Среди своих предшественников, составлявших курсы пастырского богословия, епископ Феодор выделял лишь преосвященного Антония, который пытался раскрыть существо пастырского богословия, его идейно-психологическую сторону. Все остальные варианты, представлявшие пастырское богословие в историческом аспекте — как историю пастырства и пастырского богословия или в виде системы обязанностей пастыря, — далеко уходили от существа пастырского служения. Поэтому пастырское богословие искало и не могло найти самостоятельной основы, а заимствовало элементы из соприкасающихся с ним наук: гомилетики, литургики, канонического права¹¹¹. Свой глубокий жизненный смысл все христианство и пастырское богословие по преимууществу обретает в духовной жизни, которая неотделима от аскетики. Более того, владыка Феодор считал, что «на аскетической почве должно быть перестроено вообще все наше Богословие: Аскетика должна быть органически связана с Богословием, в его не традиционной, а церковно-богословской постановке...»¹¹².

Концепция пастырского богословия владыки Феодора строилась на главном понятии — аскетике¹¹³. Органическая связь аскетизма и аскетики с пастырством и учением о пастырстве (как это установил новый

1909 г. ректор МДА в сане епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1 мая 1917 г. настоятель московского Свято-Данилова монастыря, с освобождением от должности ректора МДА. С 1920 г. большую часть времени провел под арестом, в лагерях или ссылках. 23 октября 1937 г. расстрелян.

¹⁰⁹ Ректор должен был читать лекции «по отделу той или другой богословской науки по своему выбору, имея, однако, не более двух одночасовых лекций в неделю, по возможности в пределах общего расписания лекций» (Устав 1910 г. § 35. С. 416).

¹¹⁰ Феодор (Поздеевский), еп. 1911. С. 13.

¹¹¹ См. там же.

¹¹² Там же. С. 51.

¹¹³ Феодор (Поздеевский), еп. 1911. См. также: Он же. К вопросу о страданиях // БВ. 1909. Т. 3. № 10. С. 286–311 (2-я пагин.); Он же. Путь духовной мудрости: Из речи на молебне перед началом учебного года в Московской Духовной Академии 1 сентября 1909 г. // БВ. 1910. Т. 1. № 1. С. 54–58 (2-я пагин.).

академический Устав сочетанием их в одну кафедру) определялся самой природой пастырского служения. А природа пастырского служения вполне определялась идеей и природой Церкви, в коей и ради коей пастырь и должен только работать и которая (т. е. идея Церкви) в системе христианского, а, следовательно, и пастырско-христианского мировоззрения занимает и должна занимать центральное место. Владыка Феодор рассказывал об аскетизме вообще и об аскетике как науке в ее составе, указывая на ценность ее материала¹¹⁴. В аскетике он выделял основоположительную часть (необходимость подвига для нравственного совершенствования и содержание самого подвига в его многообразии и сложности) и специальную часть (раскрытие самого процесса подвижничества в его основных сторонах, главных исходных моментах и проявлениях). Материалом для аскетики являются произведения христианских подвижников. Велико значение аскетики для пастырского богословия, а также для идеи Церкви в целом, для христианского мировоззрения вообще и, в частности, для мировоззрения пастыря. Органическая связь аскетизма и аскетики с пастырством и учением о пастырстве, по мнению владыки Феодора, прежде всего определяется самой природой пастырского служения. А она, в свою очередь, определяется идеей и природой Церкви, в которой и ради которой пастырь должен работать и которая занимает центральное место в системе христианского, а, следовательно, и пастырского мировоззрения. Епископ Феодор отрицал наличие особой пастырской аскетики, имеющей свои собственные положения, не сводимые к общехристианской аскетике. Точно также он отрицал сугубо пастырский характер «сострадательной любви», считая ее общехристианским даром. В этом епископ Феодор не сходил с своим наставником, будущим митрополитом Антонием (Храповицким), хотя ряд идей последнего, прежде всего связанных с резким противопоставлением восточной и западной традиций, Церкви и государства, христианства и современной цивилизации, был органично усвоен учеником. Согласно епископу Феодо-

¹¹⁴ См. в связи с этим разделом магистерскую диссертацию архиепископа Феодора: *Феодор (Поздеевский), иером.* Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина. Каз., 1903.

ру, «пастырская аскетика» предполагала не столько учение об особом внутреннем устроении пастыря, но глубокое знание им общих основ аскетического делания, которые он мог бы применить и по отношению к себе, и по отношению к пастве. Главное в деятельности пастыря — внутренняя духовная работа, спасение себя и других, возрождение и руководство их к новой благодатной жизни. Чтобы вести ко спасению других, пастырь, прежде всего, должен сам опытно переживать истину спасения о Христе в личной жизни, поэтому так необходим личный аскетизм. Иначе говоря, пастырская аскетика — это аскетика для пастыря, и вся святоотеческая традиция христианской аскетики («Добротолубие», отцы-аскеты) является основой для пастырской аскетики и пастырского богословия. Владыка Феодор подчеркивал, что опора на аскетику является характерной чертой *православного* пастырского богословия, поэтому невозможно адекватное перенесение на православную почву принципов пастырского богословия иных конфессий. Католическое богословие признаёт больше дисциплину, а не процесс духовно-аскетического творчества, протестантизм отрицает сам подвиг при спасении. В православии же аскетика может быть и должна быть наукой¹¹⁵.

Как и в предыдущие эпохи, неизменной существенной составляющей пастырской подготовки были студенческие проповеди. Однако в начале XX в. проповеди произносились не только в академическом храме, но и в других церквях Сергиева Посада и его окрестностей, а особенно активно — после создания Пастырско-просветительского братства. В архиве МДА сохранились проповеднические журналы академического Pokровского храма, а также Никольской и Михайло-Архангельской церквей г. Сергиева Посада, которые опекало Пастырско-просветительское братство при МДА¹¹⁶. В академическом журнале сохранились записи о 390 проповедях, произнесенных преподавателями и студентами Акаде-

¹¹⁵ См.: Феодор (Поздесевский), еп. 1911. С. 47.

¹¹⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 352. Расписание проповедей 1912–1913 г.; Там же. Д. 380. Расписание проповедей 1915–1917 гг.; Там же. Д. 906. Проповеднический журнал академической церкви 1907–1916 гг.; Там же. Д. 348. Проповеднический журнал Никольской Сергиева Посада церкви 1911–1917 гг.; Там же. Д. 938. Проповеднический журнал Краснояковской Михайло-Архангельской церкви 1911–1916 гг.

мии в 1907—1916 гг. Показательна и статистика этих проповедей: если в 1909/10 уч. г. сохранились записи о 103 проповедях, то в 1913/14 уч. г. — лишь о 5, причем «перелом» приходится на 1910 г.¹¹⁷ Тематика студенческих проповедей уже не ограничивается библейскими чтениями: так, в марте-апреле 1911 г. студентами был произнесен цикл проповедей о Таинствах (Крещения, Миропомазания, Покаяния, Святого Причащения, Брака); в ноябре-декабре 1913 г. — по существу цикл лекций о Божественной Литургии (о Литургии в целом, о проскомидии и Литургии оглашенных, о Литургии верных).

В проповеднических журналах «внешних» церковью зафиксировано (тема и основные тезисы) 119 проповедей, произнесенных студентами МДА в Никольской церкви в течение 1911—1917 гг., и 139 проповедей, произнесенных в Михаило-Архангельской церкви в течение 1911—1916 гг. Наиболее активно студенты проповедовали в 1912/13 уч. г.: в Никольском храме в этот год было произнесено 34 проповеди, в Михаило-Архангельском — 42. На каждый год назначался «заведующий церковью» из студентов, который занимался организацией и составлял расписание проповедей. Тематика «вольных» студенческих проповедей охватывает не только три привычных варианта, посвященные дневным Евангельским или Апостольским чтениям, нравственно-социологическим темам, празднику или святому, память которого праздновалась в это день, но и церковно-общественным или политическим событиям¹¹⁸. Среди студентов-проповедников — а всего в учебном году в каждой из церквей проповедовало от 5 до 13 студентов, каждый из которых произносил от 1 до 8 проповедей — можно выделить активную группу. Проповедническая деятельность этих студентов нередко тесно сочеталась с их научными интересами. Так, активный проповедник и «заведующий церковью» в Никольском храме в 1911/12 уч. г. Гавриил Лобов писал выпускное сочинение на тему «Фе-

¹¹⁷ В 1907/8 уч. г. есть записи о 97 проповедях, в 1908/9 — о 78, в 1909/10 — о 103; в 1910/11 — о 29, в 1911/12 — о 26, в 1912/13 — о 17, в 1913/14 — о 5, в 1914/15 — о 24, в 1915/16 — об 11.

¹¹⁸ Например: «Самодержавный государственный строй в России есть произведение веры православной», «Тяжелое положение войны с Турцией», «Может ли христианин быть воином?».

офан, епископ Тамбовский, как проповедник»¹¹⁹. Преемник Г. Лобова по заведованию Никольским храмом Николай Колчицкий (при выпуске уже священник)¹²⁰ писал кандидатское сочинение на тему «Христианское богослужение по творениям св. Иоанна Златоустого»¹²¹. Его однокурсник Александр Щукин писал кандидатское сочинение на тему «Преподобный Петр Дамаскин и его аскетические взгляды»¹²². Сочетание научного исследования и церковной практики с осознанием своего предназначения позволяло иногда даже не слишком сильным студентам писать очень хорошие кандидатские диссертации, что особо отмечалось рецензентами¹²³. Однако активное проповедничество не препятствовало и другим богословским интересам студентов. Так, один из участников проповеди в Никольском храме Аркадий Оглоблин писал выпускное сочинение на тему «История Ассирии и книга пророка Наума»¹²⁴. Любопытно, что один из самых активных проповедников и «заведующий церковью» (Никольской) Дмитрий Соловьев на 4-м (выпускном) курсе не представил официальную учебную проповедь и не сдал экзамена по гомилетике, почему и не был своевременно выпущен из Академии¹²⁵.

¹¹⁹ См. отзывы на сочинение Г. Лобова профессоров Академии В. П. Виноградова и Д. И. Введенского: ЖС МДА за 1914 год. СП, 1915. С. 362–364.

¹²⁰ Николай Федорович Колчицкий (1890–1961), протопресвитер. Выпускник Черниговской ДС (1911) и МДА (1915). С 1918 г. священник Благовещенского собора в Харькове; с 1923 г. священник храма Богоявления в Елохове, с 1924 г. настоятель этого храма. С 1956 г. председатель Учебного комитета при Священном Синоде.

¹²¹ См. отзывы на сочинение священника Н. Колчицкого профессоров Академии священника Илии Гумилевского и А. М. Туберовского: ЖС МДА за 1915 год. СП, 1916. С. 268–272.

¹²² См. отзывы на сочинение А. Щукина ректора Академии епископа Феодора и и. д. доцента Академии иеромонаха Пантелеимона (Успенского): ЖС МДА за 1915 год. СП, 1916. С. 379–384.

¹²³ Это замечание относится, в частности, к священнику Николаю Колчицкому (24-й по разрядному списку, но кандидатское сочинение отмечено как очень хорошее), отчасти — к А. Щукину (10-й по разрядному списку, сочинение оценено как очень серьезное самостоятельное исследование).

¹²⁴ См. отзывы на сочинение А. Оглоблина профессоров Академии иеромонаха Варфоломея (Ремова) и священника Илии Гумилевского: ЖС МДА за 1914 год. СП, 1915. С. 370–376.

¹²⁵ См.: ЖС МДА за 1916 год. СП, 1917. С. 62.

Проект последнего Устава духовных академий, разработанный в 1917–1918 гг., выделял в качестве одного из основных направлений специализации церковно-практическое, состоящее из пастырского богословия (с аскетикой, катехетикой и историей миссий), церковного права, истории проповедничества и гомилетики, литургики, церковной археологии и истории христианского искусства, истории старообрядчества и разбора его учений, истории сектантства и разбора его учений, истории социальных учений, педагогики с методикой преподавания Закона Божия¹²⁶. Этот проект и, в частности, проблемы церковно-практического — пастырского — направления обсуждались на заседаниях комиссии профессоров духовных Академий в мае-июне 1917 г.¹²⁷. От МДА в комиссию были избраны профессора И. В. Попов, М. М. Тареев, Н. Л. Туницкий. Каких-либо указаний и рассуждений по поводу особой постановки этих предметов, практик, связанных с их учебным освоением и применением научных достижений богословия к жизни Церкви, проект Устава не содержал, не успели этот вопрос достаточно полноценно обсудить и на заседаниях Отдела о духовных академиях Поместного Собора. Однако эта ущербность отчасти восполнялась обсуждениями актуальных проблем церковной жизни и их связи с богословской наукой. Такие обсуждения проходили не только в рамках Отдела о духовных Академиях, но также Отделов о благоустройении прихода, о единоверии и старообрядчестве, о миссиях, о богослужении и других и на пленарных заседаниях Собора.

Следует попутно отметить еще один учебный проект 1917 г., имеющий отношение к МДА, — проект Высшей церковно-богословской школы, разработанный бывшим ректором Академии епископом Волоколамским Феодором (Поздеевским) и архимандритом Гурием (Степановым)¹²⁸. В проекте Высшей церковно-богословской школы

¹²⁶ Проект Нормального Устава Православных Духовных Академий 1917–1918 гг. § 123 (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 77–78).

¹²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91. Л. 47–49.

¹²⁸ Проект Высшей церковно-богословской школы был разработан во исполнение решения Съезда ученого монашества, состоявшегося в июле 1917 г. в Троице-Сергиевой Лавре, и передан в Отдел о духовных академиях для составления мотивированного заключения (см.: Всероссийский съезд ученого монашества (7–14 июля 1917 г.). М.,

жестко критиковались существующие духовные академии как не соответствующие званию православных церковных школ и, тем более, пастырских и предлагался новый вариант таковых. Акцент ставился на изучении Священного Писания, святоотеческого наследия и агиографии, отчасти сокращалось систематическое богословие и философия, выводилась большая часть гуманитарных предметов. Но главное — особый акцент предлагалось поставить на системе воспитания студентов как будущих пастырей, специальной аскезе, реализуемой в монастырском режиме. Проект подвергся в заседаниях академического Отдела серьезной критике, но окончательный вариант отзыва был достаточно доброжелателен¹²⁹. 14 (27) декабря 1918 г. состоялось определение Высшего Церковного Управления: одобрить в принципе проект Высшей церковно-богословской школы, поручив авторам его доработать; но принять содержание этой высшей школы на счет центральной церковной казны лишь тогда, когда для этого явятся благоприятные условия¹³⁰. Однако этому проекту, как и проекту традиционных духовных академий, не суждено было реализоваться¹³¹.

Таким образом, Московская духовная академия за период своего развития с XVII до начала XX в. накопила значительный опыт, связанный с пастырской подготовкой и пастырским богословием. В этой истории, с одной стороны, отражались общие тенденции, характерные для высшей духовной школы в целом, с другой стороны, проявлялись и особые черты, обусловленные московской духовно-учебной традицией и конкретными личностями. Как кажется на первый взгляд, это был больше опыт постановки вопросов — принципиальных или случайных, ситуационных, — чем опыт положительных решений. Однако при более подробном изучении и глубоком осмыслении становится ясно, что

1917; Церковные ведомости. 1917. № 22–23. С. 146–147; ВЦОВ 68, 70–76, 80. 1917; БВ. 1917. № 6/7. С. 143–144).

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 383. Л. 9–20. Доклад «О Высшей церковно-богословской школе» Собор передал на разрешение органов Высшего Церковного Управления.

¹³⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 21. Л. 149–149 об.

¹³¹ См.: Сухова Н. Ю. Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Сухова 2007. С. 314–323.

этот мучительный поиск, хотя и не дал единого решения, не вызывавшего критики и замечаний ни в постановке пастырского богословия и сопряженных с ним дисциплин, ни в практической организации пастырской подготовки студентов, однако представил богатую палитру подходов, осмыслений. Разные варианты сочетания пастырского богословия с сопряженными дисциплинами — нравственным богословием, гомилетикой, педагогикой — позволяли более отчетливо определить место самого «пастырского стержня» в комплексе научного богословия. Каждый из учебных курсов, давая то или иное определение самого предмета изучения, методов, цели и задач, делал определенный вклад в формирование пастырского богословия как науки и предмета изучения. Сохранившиеся курсы — митрополитов Сергия (Ляпидевского) и Антония (Храповицкого), архиепископа Феодора (Поздеевского) — знаменуют основные вехи на пути развития пастырского богословия в МДА. Попытки сочетать научно-богословское образование и пастырскую подготовку обострили и углубили само понимание неразрывной связи церковного богословия и пастырского служения. И выпускники Академии, служившие Русской Церкви в архиерейском и иерейском сане на монашеском, приходском, духовно-учебном, миссионерском поприщах, засвидетельствовали плодотворность этих поисков и опытов.

ЛИТЕРАТУРА

- Евдоким, еп. 1915* — *Евдоким, еп.* Доброе прошлое Московской Духовной Академии. СПб., 1915.
- Изменения 1911 г. — Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава духовных академий // ПСЭРИ. 3-е собрание. Т. 31. СПб., 1913. № 35704.
- Сухова 2007* — *Сухова Н. Ю.* Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007.
- Устав 1884 г. — Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЭРИ. 3-е собрание. Т. 4. СПб., 1887. № 2160.

Устав 1910 г. — Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274.

Феодор (Поздеевский), еп. 1911 — Феодор (Поздеевский), еп. Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика). СПб, 1911 (*Феодор (Поздеевский), архиеп.* Смысл христианского подвига: Из чтений по пастырскому богословию архиепископа Феодора, ректора Московской Духовной Академии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995; СПб, 2000)

Филарет, свт. Собрание мнений — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. СПб., 1885—1887.

М. С. ИВАНОВ

ПРИРОДА БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ ПО ТРУДАМ СЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛАРИОНА (ТРОИЦКОГО)

В те годы, когда «на полях брани» разгоралась кровопролитная Первая мировая война и в странах Европы шла всеобщая мобилизация, Москва неожиданно услышала призывы мобилизовать интеллектуальные и духовные силы России на борьбу с тем, что представлялось сторонникам этих призывов инородным, иноземным и вредным, в двух областях: в философии и богословии.

В философии одним из первых зазвучал голос В. Ф. Эрн. В своем докладе с весьма символичным названием «От Канта к Крупшу», с которым Эрн выступил 6 октября 1914 г. на публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, он прежде всего высказал свое следующее убеждение: «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германизма предрешено *Аналитикой* Канта. Я убежден, во-вторых, что орудия Крупша полны глубочайшей философичностью. Я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Крупша»¹. «Философичность» орудий Крупша — это, как отмечает Эрн, не ирония. «Я, — продолжает он, — отношусь к этому тезису с величайшей серьезностью... Намечается глубокая связь орудий Крупша с немецкою философией. Если немецкий милитаризм есть натуральное детище Канта феноменализма (Эрн пытается доказать это на протяжении своего доклада. — *М. И.*)... то орудия Крупша суть самое... кровное детище немецкого милитаризма»². В качестве вывода Эрн предлагает следую-

¹ Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 308–309.

² Там же. С. 313.

щее заключение: «От Экарта к Канту шел великий процесс внутреннего осознания германской идеи... Метафизическая спесь, впервые явленная Экартом, проникает наиболее оригинальные отделы “Критики чистого разума”. В Гегеле она раскидывается гениальным пожаром. В истекающем кровью Ницше переходит в трагическое безумие. И это безумие, как я четыре года тому назад доказывал, — закономерно, фатально... Германское (военное. — М. И.) безумие проходит формы научные, методологические, философские и, наконец, срывается в милитаристическом буйстве»³. Это выступление Эрнста вызвало неоднозначную реакцию; некоторые критиковали его за пристрастность и необъективность выводов. Однако важно было другое: своим докладом философ пытался предостеречь российское научное общество от увлечения немецкой философией, которое приобрело такие масштабы, что затронуло не только философию, но и богословие. Так, влияние Канта, Гегеля, Ницше и других немецких философов в разной мере испытал на себе целый ряд богословов МДА, в том числе архиеп. Антоний (Храповицкий), М. М. Тареев и даже мученик Иоанн (Попов).

В том же 1914 году в актовом зале МДА речь по случаю 100-летнего юбилея Академии на тему «Прогресс и преобразование» произнес академический профессор архимандрит Иларион (Троицкий). В ней он указал, что в основе военного противостояния России и Германии лежит противоположность их духовных идеалов и восходящих к ним типов культуры. Идеал Германии, как и вообще западной Европы, — прогресс, который неминуемо приводит к войне, поскольку в основе его — борьба за существование. Идеал же «русской совести» — «преобразование, а не прогресс», а потому в своих сокровенных глубинах «наше богослужение — гимн человека из тьмы и сени смертной, из глубокой бездны греховной порывающегося к святости, к чистоте, к Богу и к Небу, на гору Преображения»⁴.

Еще через год архимандрит Иларион вновь выступает перед студентами с речью «Богословие и свобода Церкви (о задачах освободительной борьбы в области русского богословия)», где говорит о дол-

³ Там же. С. 316–317.

⁴ Прогресс и преобразование // Творения. Т. 3. 2004. С. 327, 325.

ге русских богословов также принять участие в борьбе идей, заявив: «Схоластическая крепость — это наш академический участок общего фронта»⁵.

На первый взгляд может показаться, что такой призыв обнаруживает в архиепископе Иларионе радикального реформатора, задавшегося целью освободить отечественное богословие от всего того, что он считал инородным и негативным. Что касается цели, то, надо сказать, Святитель действительно видел свою основную задачу в преодолении негативного влияния на русское богословие. Однако называть его реформатором все же не позволяет само отношение архиеп. Илариона к реформе. Дело в том, что слово «реформа» он понимал исходя из латинского *reforma*, где приставка *re-* указывает прежде всего на новое действие по отношению к слову *forma*. Ре-форма — это новая форма, заменяющая собой форму старую. Однако в своей озабоченности судьбами отечественной богословской науки Святитель как раз меньше всего думал о каких-либо формах богословия — новых или старых. Гораздо важнее для него было то, каким содержанием будут наполнены эти формы. Новизна форм вовсе не гарантирует того, что их содержание будет лучше, чем содержание старых форм. Кроме того, как попутно отмечает архиеп. Иларион, иногда одни и те же формы можно наполнить как хорошим, так и плохим содержанием.

Главным для сщмч. Илариона была не реформа богословия сама по себе, а возвращение его в русло святоотеческой богословской традиции, из которого оно выпало по целому ряду причин. Анализировать эти причины Святитель начал давно, еще будучи архимандритом и занимая должность инспектора Московской духовной академии. Отметим, что такой анализ для него никогда не был самоцелью, и проводил он его не как историк Церкви в историческом контексте. С его помощью архим. Иларион хотел вернуть утраченное, часто даже в духовных школах, понимание того, что есть подлинная богословская наука, а вместе с этим пониманием постепенно вернуть в духовную школу и благодатное богословское творчество.

⁵ Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной борьбы в области русского богословия) // Творения. Т. 2. 2004. С. 263.

О причинах, оказавших на развитие русского богословия негативное влияние, было сказано и написано много. С их кратким перечнем можно познакомиться в «Путиях русского богословия», где автор этого исследования, прот. Г. Флоровский, пишет: «В порядке подражательном русское богословие перешло все главные этапы западной религиозной мысли нового времени. Тридентское богословие, Барокко, протестантская схоластика и ортодоксия, пиэтизм и масонство, немецкий идеализм и романтика, социально-христианское брожение времен после Революции, разложение Гегелевской школы, новая критическая и историческая наука, Тюбингенская школа, ричлианство, новая романтика и символизм — все эти впечатления так или иначе в свой черед вошли в русский культурный опыт»⁶.

Соблазны русской богословской мысли архим. Иларион наблюдал прежде всего в родной ему Московской академии. В своих наблюдениях он был не одинок. Целый ряд академических ученых так же, как и он, глубоко осознавали, что отход от патристических богословских традиций в Академии существует. Одной из главных отраслей богословской науки, где такой отход проявлял себя в значительной мере, была сотериология. Архиепископ Антоний (Храповицкий) был недалек от истины, когда писал: «Прямого ответа на вопрос, почему для нас спасительны Христово воплощение, страдания и воскресение, ответа сколько-нибудь ясного, не дано еще никем (в академической науке. — М. И.)»⁷. Такому ответу, по мысли Антония, препятствовали не только юридическое понимание спасения, но и обособление нравственного богословия от богословия догматического, а также ошибочные представления о самом догмате. «Громадное большинство студентов, — писал архим. Антоний в 1892 году, — ставит догматы и добродетель в такие же отношения, в каких находится гражданский закон к внешней деятельности людей. Понятие о нравственной природе человека, о его естественном стремлении к добру... имеется у весьма немногих...; большинство же даже христианскую добродетель понимает в смысле юридическом, в смысле внешних дел, а не созидания внутреннего чело-

⁶ Флоровский 1983. С. 152.

⁷ Догмат искупления // БВ. 1917. № 7–10. С. 155.

века... Некоторые воспитанники представили дело еще более странно, определяя признание догматических истин как особенную самоцельную обязанность христианина, совершенно не связанную с усвоением евангельских совершенств нравственных»⁸. Оторванное от вероучительных корней догматики, нравственное богословие, естественно, не могло находиться в удовлетворительном состоянии. Его неоднократно пытались систематизировать, однако эти попытки оказывались неудачными. Неслучайно поэтому М. Д. Муретов по поводу преподавания этой дисциплины писал: «По нравственному богословию учили что-то общее, мудрено-философичным немецким жаргоном написанное... должно быть, по общей этике»⁹.

Несмотря на то что сотериологическая проблематика, поднятая архиепископом Антонием (Храповицким), была весьма актуальной, сам архиепископ ее удачного решения предложить не смог, о чем свидетельствует известная критика изложенного им догмата Искупления.

Не всегда удачным были и другие попытки придать богословской науке жизненность и актуальность. Предпринимая их, некоторые академические профессора, казалось бы, вставали на правильный путь, ибо в основу своих богословских концепций полагали любовь в ее онтологическом и нравственном измерении. Таким путем пытались идти профессора А. Д. Беляев, А. М. Туберовский, М. М. Тареев. В богословском исследовании Беляева «Любовь Божественная», где предлагается «опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной», «немало свежих мыслей и наблюдений», однако, как отмечает протоиерей Г. Флоровский, эта работа выполнена «под решительным влиянием немецкого спекулятивного богословия» и «рассудочного психологизма»¹⁰. Преподававший в Академии вслед за Беляевым догматическое богословие Туберовский во многом воспринял идеи своего предшественника, рассматривая при этом Божественную любовь как любовь жертвенную. Он вводит в свою богословскую концепцию такие понятия, как «самоограничение, самоотречение, са-

⁸ Протоколы Совета МДА // БВ. 1892. № 6. С. 313–314.

⁹ Муретов М. Д. Из воспоминаний студента // БВ. 1915. № 10–12. С. 759.

¹⁰ Флоровский 1983. С. 436.

мопожертвование Бога», хотя это «не означает “умаления”, “потери” и т. п. статически-количественных перемен»¹¹.

Однако эти сотериологические идеи не получили у Туберовского дальнейшего развития, которое позволило бы ему выйти на богословский уровень подлинной сотериологии. Заслугой Туберовского является его вклад в разработку т. н. «Пасхального догмата», т. е. православного учения о Воскресении Иисуса Христа.

Богословские построения на основе любви были предложены также проф. МДА М. М. Тареевым с той лишь разницей, что он разрабатывает их не на почве догматического богословия, а нравственной философии¹². Несмотря на то что в системе Тареева имеется целый ряд удачных христологических идей и выводов¹³, в целом его богословско-философская система оказалась не только несостоятельной, но и в корне противоречащей всему православному богословию. Иной она и не могла быть, поскольку для Тареева сама Церковь есть всего лишь «второстепенная или производная реальность в христианстве», а святоотеческое учение в ней — «сплошной гностицизм»¹⁴. Такая система взглядов Тареева, естественно, не могла не шокировать и не вызывать недоумения. Однако странным было и другое: в 1917 году Тареев избирается на должность главного редактора «Богословского вестника».

Все это свидетельствовало не только о проникновении в Академию идей либерализма, но и о кризисном состоянии всей академической науки. Чему такая наука могла научить и кого воспитать, пишет Иларион (Троицкий): «Теперь не то хорошо, что Богу угодно, что церковно, а то, что “прогрессивно”, “либерально”, “революционно”... “Согласно с Марксом!” — вот лучшая похвала для всякого учения, для всякого мнения. Даже святое христианское учение ценится по этим новым меркам». При этом архиеп. Иларион вспоминает одну из своих бесед со студентами, касавшуюся положения дел в Академии. Во время беседы один из студентов неожиданно спросил у будущего священномученика: «Нет,

¹¹ Туберовский А. М. Воскресение Христово. СПб, 1916. С. 174.

¹² Тареев М. М. Новое богословие // БВ. Т. 2. № 6–7. 1917. С. 35.

¹³ Туберовский А. М. Воскресение Христово. С. 88.

¹⁴ Флоровский 1983. С. 442–443.

ты скажи мне, что сделала ваша Академия для революции?» В другой раз архиеп. Илариону пришлось слушать одного, как он замечает, «оратора», который, обсуждая проблему социальной справедливости, «в похвалу святителю Иоанну Златоусту... заявил, будто великий святитель в чем-то мыслил, как Маркс, только немного похуже»¹⁵.

Все это не могло не волновать святителя Илариона, и у него были все основания призвать к «освободительной борьбе в области русско-го богословия». Поскольку богословские брожения в его время были настолько сильны, что в сознании даже некоторых церковных ученых уживались «самые противоречивые элементы»,¹⁶ архиеп. Илариону пришлось решать двуединую задачу: не только критически анализировать допущенные в богословии ошибки, но и объяснять саму природу богословской науки.

Для осуществления своей цели он выстраивает определенную шкалу ценностей, в которой на первое место ставит богословие, на второе — богословскую науку и на третье — науку вообще.

Сначала архим. Иларион обращается к древней традиции понимания богословия и отмечает, что такое понимание на протяжении весьма длительного периода было по существу одинаковым. В этом вопросе, пишет профессор, «замечается удивительное согласие христианских богословов, живших в разные времена и в разных странах»¹⁷. Согласие достигалось тем, его «в богословии древней Восточной Церкви начиная с IV века» самое важное значение имела «основная богословская идея — “идея обожения”». «Занимая центральное место в церковном богословии, эта идея, — продолжает архим. Иларион, — в одну цельную и возвышенную систему стройно сочетала христологию, сотериологию и еkkлезиологию»¹⁸. Далее академический профессор приводит целый ряд святоотеческих высказываний, подтверждающих его заключение. Приведем здесь хотя бы некоторые из них. «Слово <...> облеклось в тварное тело, <...> чтобы мы могли в Нем обно-

¹⁵ Христианство и социализм. На современные темы // Творения. Т. 3. 2004. С. 160.

¹⁶ Там же. С. 161.

¹⁷ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 287.

¹⁸ Краугольный камень Церкви // Творения. Т. 2. 2004. С. 274.

виться и обожиться»¹⁹. «Он вочеловечился, чтобы мы обожились»²⁰. «Естество наше опять возвращается в свое прежнее состояние»²¹. Для святых отцов Церкви эта идея была не только центральной. Одновременно она служила у них своего рода критерием для определения подлинности того или иного богослова. «Из IV века, — замечает архим. Иларион, — мы слышим слово того, кто первый после возлюбленного ученика Христова получил в Церкви имя “богослова” — Григория Назианзина: “Восходи посредством дел, чтобы через очищение приобретать чистое. Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию”²²»²³. Обожение и созерцание, о которых говорят отцы Церкви, предполагают наличие в человеке благодати Святого Духа, который как раз и является единственным источником подлинного богословствования. Вне этого источника нет и не может быть ни богослова, ни богословия. Чтобы показать это, архим. Иларион приводит цитату из творений еще одного богослова Церкви Христовой — преподобного Симеона Нового Богослова. Он цитирует одно из его слов с характерным названием: «Слово против тех, которые покушаются богословствовать, не имея благодати Святого Духа»: «Удивляюсь я тем немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая божеских вещей, философствуют о них и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся, — без благодати Святого Духа, дающего смысл и разум, — трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что, тогда как

¹⁹ Свт. Афанасий Александрийский. На ариан слово 2 // Творения. Ч. 2. 2СП, 1902. С. 324.

²⁰ Свт. Афанасий Александрийский. Слово о воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти // Творения. Ч. 1. СП, 1901. С. 260.

²¹ Свт. Григорий Нисский. Опровержение мнений Аполлинария (антирритик) // Творения. Ч. 7. М., 1865. С. 192.

²² Свт. Григорий Богослов. Слово 20 (о поставлении епископов и о догмате Святой Троицы) // Творения. Т. 1. СПб., 1844. С. 305.

²³ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 288.

Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и бесстрашием приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас; особенно, будучи пусты от благодати Святого Духа, просвещающего и обучающего всему. Грешим мы даже тем самым, что допускаем при таком положении своем желание говорить что-либо о Боге... Чего же ради вы, о человеки, не заботитесь паче о том, чтобы увидеть себя в лучшем состоянии, но, небрежа о своем исправлении, пытаете то, что касается Бога и божеских вещей? Нам надобно прежде прейти от смерти в живот, приять в себя свыше семя Бога Живого, родиться от Него духовно, стать чадами Ему, восприять в души свои благодать Святого Духа — и тогда уже под действием просвещения от Святого Духа приступать, беседовать о том, что касается Бога, сколько то доступно для нас и сколько просвещаемы будем от Самого Бога»²⁴.

Обратиться к пониманию богословия в древней Церкви архим. Илариона побудили его наблюдения за состоянием не только богословской науки, но и современной ему церковной жизни в России. Академический профессор с болью в сердце замечал, что не только в общественных, но и в церковных кругах на протяжении XIX века постепенно стала происходить переоценка христианских ценностей, в результате чего почти перестали говорить и писать о главной богословской идее обожения, о христианстве как религии подлинной жизни, о богословии как благочестии и т. п. «Что такое в наши дни жизнь во Христе? Да и кто говорит теперь о такой жизни?» — с горечью спрашивает архим. Иларион и продолжает: «Теперь можно слышать речь лишь об “удовлетворении религиозных потребностей” или об “отправлении религиозных обязанностей”»²⁵. В наше время «произошел разрыв между верой и жизнью... Как редко встречаются ныне люди, живущие только для Бога и Богом! Многие ли могут в наши дни искренно повторить... великие слова великого апостола: “Уже не я живу, но живет во мне Христос”²⁶? Теперь-то именно и

²⁴ Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 61 (богословское второе) // Слова. М., 1890. С. 92–93. Цит. по: Наука и жизнь // Т. 3. М., 2004. С. 289.

²⁵ Да не будут тебе божи инии // Творения. Т. 3. 2004. С. 148.

²⁶ Гал. 2, 20.

не прославляется Бог жизнью христиан. Спросите нашего современника: чем он живет, ради чего живет? Что самое главное у него в жизни? Вам укажут семью, должность, общественную деятельность, торговлю; немногие — науку, а некоторые назовут удовольствия, личное благополучие. Но скажет ли кто, что для него самое главное в жизни — Бог, Церковь, спасение души, жизнь вечная? Нет, обо всем этом, едином на потребу, почти никто не вспомнит. Христос совершенно удален из человеческой жизни, хотя многие и не решаются гнать Его открыто... Жизнь свою люди поделили между многими богами. Самая большая часть жизни отдается на сердечное служение всевозможным идолам, и только самая ничтожная ее часть уделяется на спешное и торопливое поклонение истинному Богу. Представьте себе большой дом занятого человека. В этом доме громадные конторы, кабинеты. В них проводит хозяин почти целые дни. Но где-то в углу дома — маленькая комнатка с иконами. Редко-редко торопливо заглянет туда хозяин, но тотчас выбегает оттуда и спешит к своим “делам”. Так построена вся жизнь современного христианина. Он совершенно осуетился. Целый день он занят; изо дня в день его время поглощено все без остатка. Очень редко, раз в неделю, в месяц, даже в год заглянет он в Божий храм. Его там ничто не занимает, и он спешит к своим “делам”... Говорят о том, что вера Христова вовсе не влияет на жизнь людей. Да она и не может влиять, потому что ей не дают места в жизни»²⁷.

На характеристике христианской жизни в современной ему России архим. Иларион останавливается сознательно. Он хочет вскрыть те причины, по которым утрачивалась жизненность христианства, а вместе с ней искажалось понимание как самого христианства, так и его проявлений в церковной, духовной, обрядовой, богословской сферах.

Искажение привело прежде всего к редукции христианства, которое было сведено к простому религиозному учению.

«На христианство, — пишет Иларион (Троицкий) в этой связи, — смотрят (сейчас. — М. И.) не как на новую жизнь спасенного человечества... а только как на сумму некоторых теоретических и моральных положений. Слишком много и часто стали теперь говорить

²⁷ Да не будут тебе бози инии // Творения. Т. 3. 2004. С. 147–148.

о христианском учении и забывать стали церковную жизнь»²⁸. Такое явление профессор называет «подделкой веры Христовой». На нее теперь стали смотреть «только как на учение, которое можно принимать одним умом. Христианство в смысле церковной жизни возрожденного Христом Спасителем человечества совсем почти позабыто»²⁹. Вместе с ним оказалась позабытой и специфика святоотеческого богословия. Именно поэтому архим. Иларион так подробно останавливается на понимании богословия в древней Церкви. Делает он это также и потому, что в тесной связи с богословием находится богословская наука, которую академический профессор любил и увлеченно ею занимался. Святоотеческое понимание богословия послужило архим. Илариону основным ориентиром в определении природы богословской науки и помогло избежать ошибок в оценке этой науки, какие встречаются иногда даже в церковной литературе. Главным свойством богословской науки для архим. Илариона является ее церковность. Чтобы понять это свойство, профессор сравнивает результаты научной деятельности двух ученых: светского и церковного. Первый считает свои природные дарования, называемые архим. Иларионом по-евангельски «талантами», и все то, что с их помощью приобретено и достигнуто, своим личным достоянием, своей, как он выражается, «полной собственностью». Эти таланты ученый использует для «созидания личной карьеры, личного благополучия»; они становятся для него «предметом гордости» и «личным преимуществом» перед другими людьми. Таланты же ученого, занимающегося богословской наукой, и все то, что с их помощью этот ученый приобретает, должны восприниматься и оцениваться совершенно иначе. Во-первых, христианский ученый не столько собственными усилиями приобретает свои дарования, сколько получает их от Бога³⁰. Причем получает не в качестве собственности, каковой он волен распоряжаться, как ему хочется. Раб евангельской притчи о талантах как раз был осужден за то, что переданной ему в управление частью имения он распорядился не согласно воле хозяи-

²⁸ Священное Писание и Церковь // Творения. Т. 2. 2004. С. 157.

²⁹ Христианства нет без Церкви // Там же. 2004. С. 195.

³⁰ См.: Мф. 25, 15.

на этого имени, а по собственному произволу³¹. Природные дарования — это действительно дар, который человек получил изначально от Бога. Поэтому он должен ими пользоваться согласно воле Божией и Его Промыслу — единственному началу, безошибочно руководящему жизнью и деятельностью человека³². Осуществить это он может, как неоднократно подчеркивает архим. Иларион, только в одном месте — в Церкви, основанной Иисусом Христом. Причину этого академический профессор усматривает в природе и назначении христианской Церкви. Являясь Телом Христовым, Церковь представляет собой благодатный духовный организм, все члены которого обеспечивают его жизнедеятельность. «Ни один из членов Тела, — замечает архим. Иларион, — не составляет какого-то самостоятельного и самозамкнутого бытия... Каждый отдельный член только тогда жив и действует согласно со своим назначением, когда он неразрывно связан со всем организмом Тела»³³. Эта связь, по мысли архим. Илариона, осуществляется в церковном служении. Разновидностью церковного служения является и богословская наука. Архим. Иларион неоднократно подчеркивает, что дарования, в том числе и богословские, «даются человеку» исключительно «ради причастия к церковному телу» и «употребляет он их согласно с их назначением (только тогда. — М. И.), когда обращает их на служение Церкви»³⁴. В подтверждение своих выводов академический профессор приводит свидетельства о церковном теле и видах служения в нем ап. Павла (1 Кор. 12) и некоторых святых отцов. В частности, он цитирует свт. Иоанна Златоуста: «Не ради собственного достоинства один получил больше, а другой — меньше, но для других»³⁵; прп. Ефрема Сирина: «Хотя мы имеем благодать различных дарований, однако все они даются для служений Церкви»³⁶;

³¹ Мф. 25, 14–28.

³² О церковности духовной школы и богословской науки // Творения. Т. 2. 2004. С. 96.

³³ Там же. С. 97–98.

³⁴ Там же. С. 98.

³⁵ Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 11 на послание к Ефесянам 2 // Творения. Т. 11. Кн. 1. СПб., 1905. С. 97.

³⁶ Прп. Ефрем Сирин. Толкование на послание Божественного Павла к Римлянам 12, 6–9 // Творения. Ч. 7. СПб., 1895. С. 50.

и блж. Феофилакта, который утешает того, кто, по его выражению, «обделен в даровании», т. е. имеет скромные природные способности. С учетом того, что от имеющего большие дарования в его служении потребуется и большая отдача, блж. Феофилакт замечает: «Зачем скорбеть, если Господь другим повелел трудиться больше, а его (т. е. обделенного в даровании. — М. И.) пощадил?»³⁷. Богословская наука, пишет архим. Иларион, «по моему убеждению, должна быть ancilla Ecclesiae (т. е. служанка Церкви. — М. И.), по аналогии с философией, которая для некоторых была служанкой богословия». Архим. Иларион не исключал, что такая оценка богословской науки могла вызвать у его оппонентов недоумение: «Что же это такое? Взойдя на академическую кафедру, он унижает науку, подчиняя ее Церкви и изображая ее какой-то служанкой Церкви». Отвечая предполагаемым противникам, профессор Московской духовной академии писал: «Служить Церкви вовсе не унижительно. Ancilla Ecclesiae — это настоящее место науки, которое она только и может занимать для человека, сознательно исповедующего свою искреннюю веру в Церковь»³⁸.

В служебной роли богословской науки архим. Иларион усматривает ее очень важный аксиологический статус. Чтобы понять ее достоинство, профессор обращается к следующему тексту Послания ап. Павла к Коринфянам: «Кто Павел? Кто Аполлос? Они — только служители, чрез которых вы уверовали... Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог. Посему и насаждающий, и поливающий есть ничто, а все — Бог возращающий»³⁹. Ап. Павел говорит здесь не только о том, что апостолы являются «служителями» и «сорботниками» у Бога, но и о том, что их миссия служения неспоставима с тем, как в этом сорботничестве проявляет Себя Бог. Оказывается, христианин, какое бы он служение в Церкви ни осуществлял, лишь «насаждает» и «поливает», т. е. создает условия для самого главного — для действия Бога, Который по существу является источником

³⁷ Блж. Феофилакт Болгарский. Толкование на 1-е послание к Коринфянам 12, 5. Каз., 1867. С. 153.

³⁸ О церковности духовной школы и богословской науки // Творения. Т. 2. 2004. С. 101–102.

³⁹ 1 Кор. 3, 5–7.

и совершителем всего того, что происходит в Теле Христовом. Знать об этом тому, кто занимается богословской наукой, необходимо в двух отношениях. Во-первых, в этом тексте ап. Павел определяет характер сотрудничества Бога и человека. Применительно к богословской науке можно сказать, что научно-богословская деятельность церковного ученого, сколь бы активной она ни была, всегда остается деятельностью вспомогательной и имеет лишь инструментальное значение. Богословская наука «есть величина второстепенная», не устает повторять архим. Иларион⁴⁰. Во-вторых, знание того, какую роль выполняет «служанка Церкви» в созидании Тела Христова, помогает церковному ученому не допустить «переоценки ценностей» и остаться в границах христианского смирения. В противном случае его может подстергать искушение богословским знанием. Архим. Иларион обращает внимание на это искушение с помощью предостережения того же ап. Павла: «Знание надмевает»⁴¹. Предостережение апостола, естественно, не относится к знанию как таковому. В своем обращении к коринфским христианам ап. Павел лишь хочет отметить, что в отличие от христианской любви, всегда являющейся явлением положительным, знание может не только обогащать, но и надмевать человека. Искушение богословским знанием мешает церковному ученому понять природу богословской науки, ее роль и место в церковном служении. Наибольшую же опасность оно представляет для духовной жизни ученого, поскольку его церковно-научную деятельность и его богословские знания оно может превратить, как отмечает Иларион (Троицкий), цитируя блж. Феофилакта, в «великое возношение высокоумия»⁴².

Наблюдая за развитием науки и накоплением научного знания, архим. Иларион замечал, что в его время это искушение знанием постоянно увеличивалось, хотя на это уже почти никто не обращал внимания. «Багаж» знаний постоянно возрастал, а вместе с тем возрастала и уверенность в том, что знание только обогащает и злоупотребить им

⁴⁰ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 289.

⁴¹ 1 Кор. 8, 1.

⁴² О церковности духовной школы и богословской науки // Творения. Т. 2. 2004. С. 98. Ср.: Блж. Феофилакт Болгарский. Толкование на послание к Римлянам. Каз., 1866. С. 168.

невозможно. Знание превращалось чуть ли не самоцель, отвоевывая все большее пространство в сфере человеческой деятельности. «Всезнание — вот чем желает стать наука. Нужно или не нужно знание, полезно или вредно, об этом не возникает даже и вопроса — только бы знать!.. Кажется порой, что наука послушалась лукавого совета древнего искусителя: будете как боги, знающие все»⁴³. Такое происходило везде, в том числе и в богословской науке. В связи с этим Иларион (Троицкий) стал высказывать опасение подмены «религиозной жизни богословской наукой». Бесспорно, — писал он, — богословская наука нужна для религиозной жизни, но ни в коем случае она не есть сама религиозная жизнь. Богословская наука не есть даже религиозное познание в тесном смысле этого слова. Богословская наука не есть богосознание, не есть богословие (в том смысле, какой ему придавали святые отцы. — М. И.). Рассудочно Бога не видел никто и никогда⁴⁴. Рассудочно “Бога человеком невозможно видеть”. Для этого видения есть иные методы, кроме методов научных, есть иные пути, кроме путей научного исследования. “Чистые сердцем узрят Бога”⁴⁵ — вот аксиома христианского богословия; краткая, точная, неизменная, как аксиома математическая. Эта аксиома неподражаемо глубоко раскинута и легко выражена представителями христианского богословия»⁴⁶.

Редукция христианства, сведенного к религиозному учению, о чем говорилось ранее, — это прямое следствие не только упадка духовной жизни, но и связанной с ним завышенной оценки богословского знания и богословской науки, которые сначала на Западе, а впоследствии и в России все чаще стали выступать чуть ли не синонимами христианской религии и даже христианской жизни.

В этой связи архим. Иларион в ряде своих сочинений неоднократно подчеркивает, что научно-богословское знание и христианское учение отнюдь не адекватны христианству. «Все земное дело Христа поэтому следует рассматривать, — пишет он, — не как одно только учение.

⁴³ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 283.

⁴⁴ Ин. 1, 18.

⁴⁵ Мф. 5, 8.

⁴⁶ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 287.

Христос приходил на землю вовсе не для того только, чтобы сообщить людям несколько новых истин; нет, Он приходил, чтобы создать совершенно новую жизнь человечества; т. е. Церковь»⁴⁷. Эта новая жизнь не проявляется лишь в том, что каждый, по выражению архим. Илариона, «принимает умом» и хранит «порознь», т. е. отдельно и независимо друг от друга, некое учение. Эта жизнь, — продолжает он, — «есть общая жизнь, в которой отдельные личности настолько объединяются между собой, что их единение можно уподобить единству Лиц Святой Троицы. Ведь Христос не молился о том только, чтобы сохранилось Его учение и чтобы оно распространилось по всей вселенной. Он молился о жизненном единстве всех верующих в Него. Христос молился своему Небесному Отцу об устроении или, лучше сказать, о воссоздании на земле природного единства всего человечества»⁴⁸. «У людей, — пишет Иларион (Троицкий), цитируя свт. Василия Великого, — не было бы ни разделений, ни раздоров, ни войн, если бы грех не рассек естества...». И «это — главное в спасительном домостроении (Христа. — М. И.)... — привести человеческое естество в единение с самим собой и со Спасителем и, истребив лукавое рассечение, восстановить первобытное единство, подобно тому как наилучший врач целительными врачевствами вновь связывает тело, расторгнутое на многие части»⁴⁹. «Вот такое-то единение человеческих личностей... — продолжает архим. Иларион, — и образует Церковь... На земле нет единства, с которым можно было бы сравнить единство церковное. Такое единство нашлось только на Небе. На Небе несравненная любовь Отца, Сына и Духа Святого соединяет три Лица во Единое существо, так что уже не три Бога, но Единый Бог, живущий триединой жизнью. К такой же любви, которая многих могла бы слить воедино, призваны и люди...»⁵⁰.

Делая эти и другие аналогичные критические высказывания, академический профессор, тем не менее, не умаляет роли богословской науки

⁴⁷ Христианства нет без Церкви // Творения. Т. 2. 2004. С. 201.

⁴⁸ Там же. С. 200.

⁴⁹ Свт. Василий Великий. Подвижнические уставы подвижающимся в общежитии и в отшельничестве. Гл. 18 (К соблюдающим подвижническое правило в общежитии) // Творения. Ч. 5. СТСЛ, 1901. С. 359–360.

⁵⁰ Христианства нет без Церкви // Творения. Т. 2. 2004. С. 200.

и ее места в церковном наследии. Более того, он выделяет эту науку среди всех остальных и ставит ее на первое место. Его опасение подмены религиозной жизни богословской наукой ничуть не мешает ему оценить последнюю беспристрастно и объективно. С одной стороны, богословская наука, пишет он, — такая же, «как и все прочие»; однако с другой, «она более жизненна, чем все другие науки, потому что ее предмет — не мелочи жизни, а самое существо жизни»⁵¹. «Наша богословская наука, — отмечает он в другом месте, — по преимуществу перед всеми другими касается жизни нашей, нашего спасения и гибели. Богословская наука — самая жизненная из всех наук, и ни одна из наук не может идти в этом отношении в какое-нибудь сравнение с наукой богословской»⁵². Она имеет экзистенциальное измерение, т. к. непосредственно затрагивает человеческое существование и определяет бытие человека, его настоящую жизнь и жизнь вечную, его спасение. Она не оперирует только теоретическими соображениями, а проблема мышления и знания не становится в ней основополагающей. Эта особенность богословской науки налагает свой отпечаток и на проходящий в ней познавательный процесс. Когда архим. Иларион утверждает, что «богословская наука — такая же, как и все прочие», он имеет в виду только то общее, что роднит ее с другими науками. Сюда относятся: и правильная постановка проблемы, и объективность научного исследования, и соблюдение этических принципов науки, и обоснованность полученных результатов и т. д. Все эти методы и принципы научного познания присущи всем наукам, и все их архим. Иларион, естественно, признаёт. Однако когда он говорит об особенности познавательного процесса в науке богословской, он имеет в виду то, что обычно несвойственно другим наукам. Тот факт, что богословское знание затрагивает нашу экзистенцию, уже не может определять только общую установку церковного ученого. Он влияет и на сам акт познания, поскольку в нем участвуют не только разум, не только мышление, не только интеллектуальные силы ученого, не только его научная любознательность, но

⁵¹ Наука и жизнь // Творения. Т. 3. 2004. С. 287.

⁵² О церковности духовной школы и богословской науки // Творения. Т. 2. 2004. С. 103.

прежде всего сам человек, весь человек, который ощущает реальную потребность в духовном возрождении, в преодолении внедрившегося в него злого начала. Иными словами, главный вопрос, который стоит в богословской науке и требует своего разрешения, — это не столько вопрос знания, сколько вопрос спасения. Для его решения общей методологической установки ученого недостаточно. Познавательный процесс требует от него духовной установки, являющейся самой главной предпосылкой успешности и плодотворности богословской науки, а значит и ее подлинности. «Истинное богословие, — заключим наш анализ словами самого священномученика Илариона, — должно быть благочестием»⁵³.

Этот призыв архиеп. Илариона — так же, как и высказанные им опасения и предостережения относительно развития в России церковной жизни и богословской науки, — к сожалению, в его время почти не был услышан. Первая мировая война, а затем и революция завершили начавшиеся негативные процессы в церковной жизни в России и повлекли к полному хаосу бытия. Однако кровь мучеников, к числу которых относится и архиеп. Иларион, снова стала семенем для христиан. Она в очередной раз засвидетельствовала о приоритете в Церкви живого и животворного знания, ибо христианское познание, как показали исповедническая жизнь и подвиг святителя Илариона, есть соединение со Христом, Который есть *путь и истина и жизнь*⁵⁴.

ЛИТЕРАТУРА

Творения 2004 — *Иларион (Троицкий)*, архим. Творения. Т. 1–3. М., 2004.

Флоровский 1983 — *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1983.

⁵³ Священное Писание и Церковь // Творения. Т. 3. 2004. С. 155.

⁵⁴ Ин. 16, 4.

Л. А. АРМЕЕВА

УЧИЛИЩЕ ИКОНОПИСАНИЯ В СТЕНАХ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Иконописная школа при Московской духовной академии, находящейся в Троице-Сергиевой Лавре, — это, пожалуй, единственное сегодня учебное заведение подобного типа, которое имеет давнюю и интересную историю, о чем выразительно и просто писал еще в начале XX в. известный профессор Академии А. П. Голубцов: «Среди имеющихся у нас на Руси духовных училищ живописи по давности возникновения, многолюдству учащихся, относительной благоустроенности и сравнительному достатку художественно-образовательных и еще более церковно-археологических средств одно из первых мест занимает иконописная школа Троице-Сергиевой Лавры»¹.

Теснейшим образом история этой школы связана с историей Троице-Сергиевой Лавры, приютившей в своих стенах также Духовную семинарию (несколько позже и Академию), а вместе с ней — Иконописную школу. В разные времена школа эта имела не только разные названия, но и разный статус. Вначале это был Иконописный класс при Семинарии. Потом она существовала при Лавре и именовалась различно: и рисовальной, и живописной, и иконописной.

Современный период Иконописной школы в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры начинается в 1990 г. Это была первая школа, появившаяся в Русской Православной Церкви в новейший период. По решению Священного Синода от 13 сентября 1989 г. ее образовали при Московской духовной академии.

О предыстории школы в 50–70-х гг. прошлого столетия сегодня известно достаточно хорошо. Этот отрезок времени тесно связан с име-

¹ Голубцов 1903. С. 237.

нем Марии Николаевны Соколовой (монахини Иулиании), известного иконописца и реставратора². Методические разработки М. Н. Соколовой легли в основу учебной программы Иконописной школы. Ее книга «Труд иконописца»³ и до сих пор является настольной для начинающих мастеров. Жизни и творчеству Марии Николаевны посвящены несколько широко известных изданий⁴.

Об истории же иконописной школы в стенах Троице-Сергиевой Лавры до революции известно сравнительно немного. Существуют публикации, посвященные истории иконописания в стенах Лавры, отдельным художественным направлениям, отдельным деятелям. Становлению школы в первые полтора десятилетия ее существования посвящена работа известного богослова, профессора Духовной академии Александра Петровича Голубцова «О начале, первых деятелях (1744—1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры»⁵, увидевшая свет в 1903 г. К истории школы обращается в своем труде «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» известный церковный историк Евгений Евстигнеевич Голубинский⁶. Наиболее полно интересующая нас тема рассматривается в исследовании иеромонаха Арсения «Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой Лавре»⁷, опубликованном в 1873 г. На эту небольшую по объему, но достаточно насыщенную фактами работу ссылаются практически все авторы, обращающиеся прямо или косвенно к теме иконописания в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Там рассматривается период со времени прп. Сергия до середины XIX в.

² М. Н. Соколова (1899—1981) возглавила иконописный кружок с ноября 1957 и руководила им в течение 23 лет. Организовал кружок еще в 1951—52 уч. году о. Сергий Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский, † 1982). С 1955 г. кружком некоторое время руководил преподаватель церковной археологии А. Д. Остапов, и его же стараниями была привлечена к педагогической работе М. Н. Соколова.

³ *Иулиания, монахиня (Соколова М. Н.). Труд иконописца.* СПб: СТСЛ, 1995.

⁴ *Алдошина Н. Е.* Благословенный труд. М.: МДА, 2001, и др.

⁵ *Голубцов 1903.* С. 237.

⁶ *Голубинский 2007.*

⁷ *Арсений, иеромонах 1873.*

Из современных исследователей назовем научных сотрудников Государственного Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника Л. А. Шитову⁸, О. И. Зарицкую⁹, Г. П. Черкашину¹⁰, Л. М. Воронцову¹¹ и других, занимающихся изучением различных направлений художественной деятельности Лавры. В работах этих авторов дается подробный искусствоведческий и стилистический анализ художественных произведений, вышедших из стен монастыря (живописные и эмалевые, печатные и резные иконы, серебряная утварь, мелкая пластика и т. п.), характеристики различных мастерских и производств. Наиболее близким к нашей теме является исследование Г. П. Черкашиной «Иконописное дело Троице-Сергиевой Лавры 1764–1917 гг.».

Тем не менее, при достаточном многообразии исторических сведений, с которыми мы встречаемся в названных исследованиях, ни в одном из них нет сколько-нибудь полной картины становления и развития собственно истории иконописной школы со времени ее основания в середине XVIII в. и до вынужденного закрытия в лихие 20-е гг. XX столетия. По всей видимости, пока такая задача никем из исследователей просто не ставилась. Нас же будет интересовать история лаврской¹² иконописной школы как учебного заведения, ее возникновение и становление, ее структура, социальный состав учащихся, соотношение принципов преподавания и обучения, отношение к святоотеческой традиции и художественные ориентиры в разные периоды существования школы.

⁸ Шитова Л. А. Живописная школа Троице-Сергиева монастыря в XVIII веке // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. Сб. статей под редакцией М. Красилина. М.: ГосНИИР, 2001. С. 87–99.

⁹ Зарицкая О. И. Литографская мастерская Троице-Сергиевой Лавры и ее значение для творческой деятельности монастыря в XIX веке // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 412–428.

¹⁰ Черкашина 2000.

¹¹ Воронцова Л. О некоторых особенностях Троицких икон XVI–XVII вв.: К проблеме атрибуции // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 283–308.

¹² Основной период своего существования школа была в структуре монастыря. Да, собственно, и в первый период своего существования, когда школа относилась к Семинарии, сама Семинария относилась к монастырю.

1. ИКОНОПИСНАЯ ШКОЛА В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ
ЛАВРЕ С 1746 ПО 1885 Г.

В целом, в истории дореволюционной иконописной школы, располагавшейся в стенах Лавры, можно было бы выделить четыре основных периода:

I. 1746—1764 гг.

II. 1764—1831 гг.

III. 1831—1885 гг.

IV. 1885—1918 гг.

Первый период — это время возникновения и первых шагов школы. Настоятелем Троицкого монастыря в то время был архиепископ Арсений (Могилянский)¹³, а наместником — архимандрит Иоасаф (Горленко)¹⁴. Если быть более точными, то указом преосвященного Арсения была открыта еще не школа, а класс Иконописи при Семинарии, учрежденной в Лавре в 1742 г.¹⁵ Попытки открыть этот класс были предприняты архиепископом Арсением сразу же по приезде в Лавру в 1744 г., но в силу различных причин они не увенчались успехом, и фактически открыт такой класс был только в 1746 г. В этот класс были набраны 10 учащихся семинарии, чуть позже к ним по приказу наместника Лавры архимандрита Афанасия (Вольховского) были присоединены крестьянские мальчики из лаврской вотчины — села Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии. Для обучения набранных учеников были приглашены малороссы: сначала мастер Николай Каменский, затем иеромонах Павел (Казанович), — хорошо знакомые и настоятелю, и наместнику по украинскому периоду их служения.

¹³ Арсений II (Могилянский), архиепископ Переславский, впоследствии митрополит Киевский. Был настоятелем Лавры в 1744—1752 гг.

¹⁴ Иоасаф (Горленко) — архиепископ Белгородский с 1748 г. Канонизирован в 1911 г. Был наместником Лавры в 1745—1748 гг.

¹⁵ Учредить Семинарию в Лавре предписала императрица Анна Иоанновна указом от 21 сентября 1738 г. Фактически она была открыта при Елизавете Петровне 2 октября 1742 г., при настоятеле архимандрите Кирилле III (Флоринском), управлявшем Лаврой в 1742—1744 гг.

1764 год, которым закончился первый период существования школы и начался второй, является, несомненно, переломным в жизни всей Русской Церкви. Упразднение монастырских вотчин и учреждение штатов коренным образом изменило многие внутрицерковные взаимоотношения. Семинария, а вместе с ней и Иконописный класс, сохранившиеся на счет сумм лаврских, должны были, по отобранию у монастырей имений, лишиться всех средств к содержанию. Поэтому этот период являлся, очевидно, самым сложным временем в истории существования школы. «1764 год также был настолько тяжел для семинарии, что она обречена была на закрытие; только один Платон (митрополит Платон (Левшин). — Л. А.) своим влиянием при дворе мог сделать то, что она сохранила свое существование»¹⁶. Содержание учеников в этот период сильно ухудшилось. И если при Троицкой семинарии Иконописный класс еще продолжал существовать, то при Вифанской семинарии, к которой присоединили Троицкую, о таковом уже никаких упоминаний не встречается ни в архивах, ни в воспоминаниях, ни в исторических публикациях. В это время попадают только отрывочные сведения о лаврской живописной школе. В 1780—1780-х гг. ведущим монастырским живописцем был Исидор Ленков. Ему же было поручено обучать подростков, набранных из лаврских штатнослужительных детей по указу митрополита Платона¹⁷. Обучение там, скорее всего, вернулось к средневековым методам, когда одному иконописцу поручались несколько учеников, которые, работая рядом с мастером, в меру своей наблюдательности и трудолюбия постепенно осваивали ремесло. Но ученики эти были мало востребованы, да и своей профессиональной подготовкой были мало довольны. Об этой проблеме, основываясь на архивных данных, пишет Г. П. Черкашина в вышеупомянутой работе¹⁸.

В начале XIX в. школой руководил иеромонах Афанасий¹⁹, позже ставший наместником Лавры и знавший искусство иконописания.

¹⁶ Смирнов С. К. История Троицкой семинарии. М., 1867. С. 121.

¹⁷ Черкашина 2000. С. 371

¹⁸ Там же.

¹⁹ Архимандрит Афанасий (Федоров) был наместником Лавры с 1818 по 1831 г.

Вначале он «обратил было внимание на это дело и практически руководил занимающимися этим мастерством, но потом предоставил художников самим себе. Человек до десяти занимались этим делом, но весьма неудовлетворительно. Иконы писались только для поднесения посетителям; охотников покупать их не было. Трудясь для обители, штатные получали только шесть рублей в год жалованья. Для своего содержания они занимались преимущественно малярною работою как более выгодною»²⁰.

Третий период начинается только в 1831 г. с назначением лаврским наместником архимандрита Антония (Медведева), который руководил обителью более 40 лет. Из воспоминаний современников о прп. Антонии мы знаем, что «был он одним из замечательнейших лиц православного монашества в наше время. Человек самого незнатного происхождения, он достиг такой известности, что его знала не только вся Россия, но и многие за границей, как на Востоке, так и на Западе»²¹. В течение своей жизни о. Антоний был знаком и общался со многими святыми мужами (в юности — с прп. Серафимом Саровским, в зрелом возрасте — со святителями Иннокентием и Филаретом).

По натуре своей архимандрит Антоний был человеком весьма разносторонним и деятельным, внимательно вникавшим во все стороны жизни. Будучи мужем духоносным, стремившимся к поддержанию духа истинного иночества, он понимал важность и необходимость иметь в монастыре не только иконописную мастерскую, но и школу, и приложил немало усилий к ее устройению. Открыта была такая школа в 1846 г. Сначала она находилась в Донском (ныне именуемом Варваринским) корпусе, а потом под кельями наместника. В 1849 г. для школы и мастерской было построено свое, очень удобное помещение «на западной стороне в третьем этаже близ башни, над сенями к наместничьим кельям и над Духовным собором»²². Иеромонах Арсений в своем исследовании рассказывает нам о численности учащихся и структуре

²⁰ *Казанский 1878. С. 39.*

²¹ *Толстой М. В., граф. Хранилище моей памяти. М., 1995. С. 73.*

²² *Голубинский 2007. С. 279.* Это помещение находится в Казначейском корпусе, за Лестничной башней. С 2001 г. там находится лаврская Иконописная мастерская.

школы в этот период, когда она постепенно достигла «обширных размеров и взошла на степень цветущего состояния».²³ Состояла школа из двух отделений. В первом, собственно учебном, обучалось «греческой иконописи до 60 мальчиков из разных местностей на полном монастырском содержании»²⁴. Второе ее отделение являлось фактически мастерской, где выполнялись различные заказы. Всего в этом отделении находилось до 20 человек. Руководил первым отделением иеромонах Симеон²⁵, живописец, а вторым — художник Иван Малышев²⁶. «Для более верного копирования древних икон, достопамятных по святине и древности вещей, в лаврской ризнице хранящихся»²⁷, священноначалие Лавры организовало литографскую (1843 г.) и фотографическую (1859 г.) мастерские, которые устроены были по последним достижениям науки²⁸.

2. ПЕРИОД СОЕДИНЕНИЯ ИКОНОПИСНОЙ ШКОЛЫ С МОСКОВСКИМ ЕПАРХИАЛЬНЫМ УЧИЛИЩЕМ ИКОНОПИСАНИЯ

Последний же дореволюционный период существования школы начинается в 1885 г. Он ознаменован переводом в Лавру Московского епархиального училища иконописания. Именно на этом этапе мы и намереваемся подробнее остановиться в данной работе. Период этот, к сожалению, практически не изучен, поскольку после 1918 г. и до конца XX столетия к этой теме никто не обращался. Есть только краткое

²³ *Арсений, иеромонах 1873*. С. 126.

²⁴ Там же.

²⁵ Иеромонах Симеон возглавлял школу с 1852 по 1896 г.

²⁶ Иван Матвеевич Малышев, бывший штатнослужащий Лавры, в 1859 г. удостоенный звания некласного художника живописи. В 1861 г., по сведениям иеромонаха Антония, пожалован серебряною медалью «за усердие». В 1867 г. он (как и о. Симеон) принял участие во Всемирной парижской выставке.

²⁷ *Арсений, иеромонах 1873*. С. 128.

²⁸ Знакомством с этими последними нововведениями был потрясен посетивший зимой 1859 г. Троицкую Лавру известный французский писатель и путешественник Теофиль Готье. Он описывает свои впечатления в книге «Путешествие по России» (М., 1988. С. 287).

упоминание о Епархиальном училище иконописания (в бытность его в Москве) в контексте диссертационного исследования, посвященного теме подготовки православных иконописцев в России, у А. В. Ивановой, появившемся в 2005 г.²⁹ Не пытаясь делать пока каких-либо глубоких выводов и не проводя параллелей, попробуем на основе изучения архивных материалов просмотреть основную историческую канву событий этого последнего периода.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с 1873 по 1918 г. Нижняя граница — это год учреждения в Москве Епархиального училища иконописания (подведомственного священно-архимандриту Троице-Сергиевой Лавры митрополиту Московскому), в 1885 г. переведенному в Лавру, а верхний предел — смена политического строя в стране и закрытие Училища иконописания в Лавре, которое произошло в 1918 г.

Основными источниками для изучения данного периода являются архивные материалы из 1204 фонда (опись 1) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), материалы из фондов 203, 229, 427, 1608 Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), фонда 802 Российского государственного исторического архива (РГИА).

Вполне организованный и отлаженный порядок жизни лаврской иконописной школы (чаще ее в это время называли живописной) был нарушен весной 1885 г., когда постановлением Святейшего Синода за № 763 от 5 мая этого года в Лавру из Москвы было переведено Епархиальное училище иконописания. Священноначалию Лавры нужно было за несколько месяцев подготовить помещения для жилья и занятий, подобрать учителей и инспекцию, выбрать учебные программы, подготовить образцы и многое другое. Все эти работы были благополучно выполнены, так что с 1 октября 1885 г. занятия в объединенной школе начались.

²⁹ *Иванова А. В.* Кандидатская диссертация на тему «Подготовка православных иконописцев в России: традиции и современность». СПб., 2005. С. 82.

3. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩА ИКОНОПИСАНИЯ С 1873 ПО 1885 Г.

Далее целесообразно было бы вернуться на 12 лет назад и остановиться подробнее на истории Московского епархиального училища иконописания. Полное его название, согласно Уставу, высочайше утвержденному 8 января 1873 г., звучало так: «Московское епархиальное училище иконописания и ремесел, относящихся к украшению храмов». Помещалось оно в Москве, на Ордынке («в Москве, Якиманской Части, 2 квартала под № 177, в приходе церкви Скорбящей Божия Матери»³⁰) в доме, пожертвованном специально для этого Училища потомственным почетным гражданином купцом Давидом Ивановичем Хлудовым³¹. В Уставе разъясняется ближайшая цель создания Училища: «Учреждается для бедных детей духовенства Московской епархии с целью, при добром воспитании и достаточном общем образовании, доставить им средства к жизни чрез обучение ремеслам»³². Состояло Училище в ведении Московского епархиального начальства и пользовалось всеми правами и преимуществами духовных училищ. Ближайшее заведывание этим Училищем осуществлялось особым Советом, состоящим из пяти избранных протоиереев или священников города Москвы, один из них назначался председателем Совета. Непременным членом Совета состоял также благотворитель Училища потомственный почетный гражданин Д. И. Хлудов. О том, как появилась сама идея создания такого учебного заведения, видно из прошения вышеозначенного купца Хлудова на имя Преосвященного Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского (являвшегося также и священноархимандритом Троице-Сергиевой Лавры). В этом письме, в частности, говорится о том, что «17 февраля 1871 г. в заседании Общества любителей духов-

³⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23485. Л. 5.

³¹ Давид Иванович Хлудов (1823–1886), известный церковный благотворитель, устроитель двух монастырей, нескольких церквей, начальных училищ и богаделен при монастырях и церквях. В 1857 г. — егорьевский голова, с 1879 г. — статский советник. Имел за благотворительность награды: Станислава 2 ст., Анны 2 ст., Владимира 3 ст.

³² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23489. Л. 7.

ного просвещения (при котором существовал и отдел иконоведения)³³ была высказана художником Струковым мысль об учреждении при отделе иконоведения школы иконописания с мастерской»³⁴. Всячески сочувствуя этой идее, купец Хлудов заявил об учреждении 10-ти стипендий для учащихся, а чуть позже он же выразил готовность пожертвовать собственный 3-х этажный каменный дом «с землей и со всеми принадлежностями» в вечное пользование епархиальному ведомству³⁵. Но совершая это пожертвование, Хлудов тут же оговаривает свое условие — чтобы в доме помещалась иконописная школа с мастерскими православного иконописания. Говорит об этом настойчиво, дважды. «Надеюсь, Ваше Высокопреосвященство, Вы соизволите великодушно принять мое пожертвование, испросите Высочайшее утверждение на владение домом и благоволите исполнить мое сердечное желание, чтобы не другое что, а именно иконописная школа с другими ремесленными учебными мастерскими помещалась в нем»³⁶. В ответном письме г. Хлудову (от 14 марта 1873 г.) митрополит Иннокентий обозначает две причины, положенные в основу создания Училища: «Вы первым положили начало этому заведению... Можно надеяться, что новоустроенное училище, с Божией помощью, послужит средством не только к обеспечению участи многих бедных сирот духовенства московской епархии, но и к распространению и усовершенствованию самого искусства иконописания, столь важного для Православной Церкви»³⁷.

В течение двух лет (1871—1873 гг.) шла постепенная подготовка к открытию Училища, которое состоялось 30 сентября 1873 г. Сохранились архивные документы, рассказывающие о подготовке к этим

³³ Общество любителей духовного просвещения образовано в Москве в 1863 г. При нем с 1900 г. существовал Отдел церковной археологии, образованный из двух отделов — Иконоведения и Исторической археологии, существовавших при Отделе с 1869 г.

³⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23486. Л. 6.

³⁵ Позже в своем духовном завещании он оставил для училищной библиотеки все свои книги.

³⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23486. Л. 7 (из письма купца Хлудова на имя митрополита Московского, 1871).

³⁷ Там же. Д. 23489. Л. 14.

торжествам³⁸. В актовой речи Председатель Совета Училища протоирей Алексей Ключарев «указал собранию исторический ход дела устройства училища и его значение для духовенства, представил, чем обязано в этом деле духовенство своему Архипастырю»³⁹, рассказал об истории возникновения училища. Он напомнил, что мысль об училище собственно иконописания возникла в Обществе любителей духовного просвещения; и что владыка, со своей стороны, давно желал устройства ремесленного училища для детей духовенства (особенно бедных); и что «обе эти мысли соединились и, при благотворительном участии г. Хлудова, получили свое осуществление»⁴⁰. Чуть позже мы увидим, и не раз, что эти две задачи — поддержать бедное духовенство и усовершенствовать иконописание — придут впоследствии в некоторое противоречие друг с другом и дадут повод к переводу Училища в Лавру.

Содержание Училища складывалось из нескольких сумм. Во-первых, это были именные стипендии купца Хлудова (10 стипендий по 70 рублей) и доход с пожертвованного им дома (часть которого сдавалась внаем, и за нее выручалось до 2 500 рублей). Во-вторых, это средства, перешедшие на содержание Училища иконописания после закрытия Андрониевского духовного училища (2 400 рублей). И, в-третьих, епархиальные средства и пожертвования от некоторых монастырей. В целом на содержание Училища предназначалась сумма до 10 400 рублей серебром. Это важно отметить, так как впоследствии, когда Училище переведут в Лавру, мы увидим, что там не будет уже таких средств, и это будет, в частности, одной из причин некоторого снижения уровня обучения.

Училище было устроено по типу полного бесплатного пансиона для бедных детей московского духовенства, однако в нем предоставлялась возможность обучения и для других учеников, вносивших при этом различные суммы⁴¹. Принимались в Училище дети от 12 до 16 лет (согласно Уставу) по прошениям их родителей или опекунов. Основным

³⁸ Там же. Д. 23490. Л. 9.

³⁹ Там же. Д. 23491. Л. 2–2 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Полный пансион стоил 85 руб., полупансион — 45 руб., взнос приходящих учеников — 10 руб.

требованием к поступающим было умение читать и писать, а также знание основных молитв. Наличие каких-либо художественных способностей не имело при этом большого значения. Обучение было 4-х классное (продолжалось для успешных учеников 4 года, для менее успешных — 6 лет). Разделялось оно на ремесленное и общеобразовательное. Из общеобразовательных предметов преподавались: закон Божий, русский язык с церковнославянским и арифметика в 4-х классах; чистописание в первых двух классах; география и русская история в связи со всеобщей в 3-м и 4-м классах; а в последнем классе — священная археология в отношении к иконописанию. Кроме иконописания предполагалось обучать учащихся следующим ремеслам: чеканному, позолотному, резному из дерева (иконостасному)⁴². Также по желанию ученики могли посещать другие московские ремесленные или художественные мастерские⁴³. Обучение в Училище происходило по методу, установившемуся в петербургской Академии художеств, когда существовало несколько классов: оригинальный, головной и фигурный. В первом, оригинальном классе ученики занимались копированием с образцов, с эстампов. Начинали рисовать с орнаментов, потом переходили к изучению отдельных деталей, частей человеческого тела и фигуры. В последующих классах рисовали с гипсовых слепков античных скульптур сначала отдельные части, затем голову и фигуру. На следующем этапе ученики приступали к работе с натуры, к работе красками. Писали натюрморты, портреты, фигуры. И уже в конце, на самом последнем этапе, писали иконы. Те ученики, которые проявили особые способности и желание к написанию икон, имели право, согласно Уставу, остаться в Училище еще на два года для усовершенствования в иконописи. Скорее всего, при обучении иконописи ориентировались на живописный, академический стиль. Принято было работы лучших выпускников отсылать в Академию художеств для оценки их профессорами Академии и получения соответствующего документа. Некоторые учащиеся после окончания школы поступали в МУЖВиЗ. Обучали их живописи и иконописанию известные в то время московские худож-

⁴² Устав Училища иконописания. § 24.

⁴³ Там же. § 25.

ники, например, Алексей Михайлович Колесов⁴⁴, Сергей Дмитриевич Милорадович⁴⁵. Уставом Училища предусматривалось также устройство выставок ученических работ «как для поощрения учеников, так и для приобретения внимания общества к заведению»⁴⁶.

Училище стало быстро развиваться, постепенно приобретать известность. И практически сразу же возникла необходимость в строительстве новых помещений. Дом купца Хлудова оказался слишком мал, тем более что по своему первоначальному предназначению он строился как жилой дом, потолки в котором были «недовольно высоки или и все низки, мелки и освещены частыми и небольшими окнами»⁴⁷. При открытии Училища этот дом, насколько возможно было, перестроили, приспособив под классы и мастерские. Но уже в 1874 г. Советом Училища был поставлен вопрос о строительстве нового каменного здания. В представлении Совета на имя Московского митрополита пространно объясняется необходимость постройки такого здания: «Только при построении нового здания можно вполне соблюсти условия, требуемые целью училища иконописания, а именно: устроить достаточно просторные, высокие и хорошо освещенные залы, как для занятий учеников, так и для иконостасных мастерских и выставок, положенных по Уставу Училища, дать удобные помещения для гипсовых фигур, довольно громоздких и весьма ценных, а также для образцовых икон, для ученических работ, предназначаемых в продажу, для библиотеки и т. п.»⁴⁸.

⁴⁴ А. М. Колесов (1834–1902) учился в МУЖВиЗ вместе с И. Шишкиным, В. Перовым, К. Маковским. В 1856 г. получил звание свободного художника, в 1876 г. за серию портретов — звание классного художника 3-й степени. С 80-х гг. стал заниматься иконной живописью. Впоследствии стал заведующим этого училища и преподавал в Училище иконописания.

⁴⁵ С. Д. Милорадович (1851–1943). Сын диакона, учился в Московской духовной семинарии, учился в МУЖВиЗ (1874–1878) у Е. А. Сорокина, И. М. Прянишникова, В. Г. Перова. В 1877–1878 гг. награжден малыми серебряными медалями. В 1896 г. получил звание классного (свободного) художника. В Училище иконописания преподавал 6 лет (1878–1884), 30 лет (1888–1918) преподавал рисование в Московской духовной семинарии. В 1909 г. удостоен звания академика. В экспозиции ЦАКА находится его эскиз к картине «Суд над патриархом Никоном».

⁴⁶ Устав Училища иконописания. § 28.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23505. Л 12 об.

⁴⁸ Там же. Л. 18.

Решение о строительстве рядом со старым домом нового каменного здания для «художественных классов» было принято и в течение последующих трех лет на поступающие от различных обитателей и частных лиц средства оно было выстроено. Любопытна при этом одна деталь: новое здание было построено с «обращением главного фасада на северную сторону, что почитается наиболее удобным для рисовальных зал и иконописных мастерских»⁴⁹.

Распорядок дня в Училище был достаточно насыщенным:

1. В 6.30 утра — подъем.
2. С 7 до 8.30 — утренняя молитва, сопровождаемая пением, чай и приготовление уроков.
3. С 8.30 до 11.50 — три урока по наукам, полагая на каждый по одному часу с промежутками после каждого по 10 минут.
4. В 12 — обед и отдых.
5. От 13 до 16 — урок рисования.
6. От 16 до 18 — отдых и вечерний чай.
7. С 18 до 21 — приготовление уроков по наукам и рисованию и другие домашние задания.
8. В 21 час — ужин и вечерняя молитва с пением.
9. В 22 часа — все должны быть в постели⁵⁰.

Отметим, что на занятия рисованием отводится 3 (а позже 4) часа ежедневно, и по сегодняшним меркам это не так уж и мало, хотя, как мы увидим чуть позже, и в то время для серьезной специальной подготовки этого оказалось недостаточно. Интересно сравнить этот распорядок с тем, что существовал в лаврской школе более 100 лет назад. Инструкция 1776 г. предписывала, в частности, чтобы «учащиеся ежедневно, кроме праздников, занимались 10 часов в день, с 6 до 12 часов утра, после обеда с 2 до 7 часов вечера, а воскресные и праздничные дни приходили рано поутру в церковь Богоматери и пели на клиросах»⁵¹.

⁴⁹ Там же. Л. 20.

⁵⁰ Через несколько лет, к 1881 г., расписание занятий несколько изменилось: занятия по специальности — рисованию и живописи — стали проходить в утренние часы, с 8 до 12 (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23545. Л. 11).

⁵¹ Арсеній, иеромонах 1873. С. 125.

К 1883 г., через 10 лет существования Училища, перед преподавателями и инспекцией обозначились некоторые проблемы в постановке учебного дела и назрела необходимость целого ряда преобразований. Одним из самых существенных недостатков оказалось неправильное соотношение общеобразовательных и специальных предметов. По сознанию большинства преподавателей-художников, «ученики не достигают желаемых успехов по рисованию, живописи и иконописанию главным образом потому, что этим предметам придается не то первенствующее значение, какое они должны бы были иметь согласно цели учрежденного училища»⁵². Кроме того, обучение иконописанию поставлено было более теоретически, чем практически, и «ученики не видят перед собой примера опытных мастеров, по работе которых можно было бы проследить весь последовательный порядок и приемы, употребляемые при иконописании»⁵³. Они видят перед собой только законченные работы.

К этому времени вполне явно обозначилось то противоречие поставленных при открытии Училища целей, о которых мы уже упоминали. Инспектор Училища К. Орлов в своей докладной записке пишет о том, что многие учащиеся, проявившие способности к рисованию и иконописанию, вынуждены были прекратить обучение ранее срока, по окончании одного только научного курса. И причиной тому было главным образом «желание их бедных родителей поскорее воспользоваться материальной помощью своих детей, которые по окончании научного курса, выучившись, без затруднений определялись на причетнические сельские места и оказывали им из своих скудных средств посильную помощь»⁵⁴. Такие ученики не видели перед собой возможности, закончив Училище, стать иконописцами и доставить себе тем самым средства к жизни. «Также, по-видимому, не удалось за это время достаточно организовать работу ремесленных мастерских — чеканной, позолотной и др., в которые могли бы перейти ученики, не проявившие способностей к иконописанию». Целый ряд других замечаний и предложений был

⁵² В § 1 Устава Училища о цели говорится так: «...при добром воспитании и достаточном общем образовании доставить средства к жизни чрез обучение ремеслам».

⁵³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23586. Л. 8.

⁵⁴ Там же.

высказан преподавателями в донесениях и докладных, поданных в Совет Училища. Преподавателем-художником С. Милорадовичем был предложен новый подробный проект подхода к обучению специальным предметам, порядок и правила разделения учащихся на классы и разряды в зависимости от способностей. В своем проекте он указывал на те недостатки и даже «произвол», коими заражены современные ему церковные живописцы, и призывал твердо держаться в обучении «лучших образцов церковной живописи, кои при совершенстве техники имели бы историческую правду и, по возможности, церковный характер»⁵⁵. Он неоднократно ссылался при этом на авторитетное мнение митрополита Филарета (Дроздова) и предлагал держаться древних греческих и византийских образцов, а также издать пособия и руководства для учеников и молодых иконописцев, особенно для тех, кто будет «заниматься иконописью в глуши уездных городов».⁵⁶ Художник Шпортуп также предложил свой проект, в котором подробно рассмотрел различные подходы к преподаванию рисунка. Инспектор Училища К. Орлов рекомендовал выдавать аттестаты только тем учащимся, которые пройдут шестилетний курс обучения, а всех остальных лишать этого права и выдавать им только свидетельства. Также он советовал за счет сокращения летних каникул несколько увеличить время, назначенное на рисование и иконописание. В общем, все эти предложения направлены были на то, чтобы качественно улучшить в Училище профессиональную подготовку иконописцев.

4. ПЕРЕЕЗД В ЛАВРУ: ПЕРИОД УПРАВЛЕНИЯ ИЕРОМ. СИМЕОНОМ

Московский Митрополит Иоаникий⁵⁷ в конце 1884 г. направил донесение в Св. Синод, где прямо говорилось, что Училище «за десять лет своего существования в Москве мало послужило выполнению пред-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 23568. Л. 16–23.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Митрополит Иоаникий (Руднев) был настоятелем Лавры с 1882 по 1891 г.

положенной благой цели».⁵⁸ Далее он предложил перевести Епархиальное училище иконописания в Лавру, поскольку «предположенная при открытии Училища иконописания цель удобнее может достигаться, если оно будет перемещено из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру»⁵⁹. Объяснялось это тем обстоятельством, что в Лавре давно существуют и хорошо устроены различные мастерские (и собственно иконописная, со всеми необходимыми для иконописания принадлежностями, и ремесленные мастерские — портняжные, кузнечные, токарные и фотографические), поэтому там есть куда определить учеников, оказавшихся неспособными к искусству иконописания. Видимо, отвечая на чей-то вопрос, в новом представлении в феврале 1885 г. митрополит Иоаникий объяснил, что Училище помещается уже не в доме, пожертвованном г. Хлудовым, а во вновь построенном здании. Здесь также надо отметить, что предлагая перевести Училище в Лавру, Высокопреосвященный Иоаникий решил также еще одну административную задачу: было определено в освободившиеся помещения Училища иконописания перевести женское Ризоположенское училище, до этого располагавшееся в арендуемом частном доме за дорогую плату, а также без надлежащих школьных удобств⁶⁰. Рассмотрев донесения митрополита Иоаникия, Учебный комитет при Св. Синоде определил перевести Училище в Троице-Сергиеву Лавру на изложенных основаниях. Ризоположенское училище перевели на Ордынку, переименовав его в Марииинское епархиальное женское училище с трехклассным курсом обучения взамен бывшего ранее двухклассного.

⁵⁸ Из донесения Высокопреосвященнейшего Иоаникия: «С 1873/74 по 1883 г. обучалось в означенном училище 118 человек; из них окончило курс 67; остальные 51 исключены из училища, по разным причинам, до окончания курса. Из окончивших курс, по имеющимся в Совете училища сведениям, только 7 человек продолжают заниматься искусством иконописания до настоящего времени; из остальных большая часть поступили причетниками в села, некоторые работают на фабриках, другие служат в частных конторах или канцеляриях, и т. п. В течение 10 лет от ученических работ вырублено до 3 000 рублей, между тем израсходовано за то время на содержание училища более 150 000 руб.».

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 23.

Перевод Епархиального училища в Лавру несколько всколыхнул устоявшееся течение жизни лаврской школы, но, как мы увидим, все же не внес в нее никаких принципиальных изменений. Более того, этот шаг не только не улучшил постановку обучения в Епархиальном училище, на что надеялись радетели этого перемещения, а, как мы увидим в последующее десятилетие, даже несколько снизил. Посмотрим, почему такое оказалось возможным.

Руководство лаврскими иконописцами в описываемое нами время осуществлял иеромонах Симеон. Он был смотрителем школы и преподавал живопись, которой выучился самостоятельно, а иконописи не знал. Как позже в донесении митрополиту Московскому Владимиру напишут о нем члены Совета Училища, это был человек, «случайно научившийся в монастыре живописи и упражнявшийся в ней по своей охоте, без всякого научного знания, теории и правил живописи»⁶¹. Однако надо сказать, что мастерство, приобретенное о. Симеоном «самостоятельно», было достаточно высокого уровня. С о. Симеоном тесно связана была ориентация лаврской школы на академическое письмо, именно благодаря о. Симеону были ею установлены тесные контакты с палешанами, именно он формировал ассортимент мастерской, распределял заказы и следил за качеством работ. При о. Симеоне лаврская иконописная школа (чаще ее называют в это время живописной) была достаточно известна в церковном мире. Например, известный педагог и общественный деятель XIX в. С. А. Рачинский прислал в 1882 г. в школу своего воспитанника Николая Богданова, в будущем ставшего известным художником Богдановым-Бельским. Учился Николай в школе в течение двух лет на средства Рачинского и в 1884 г. поступил в МУЖВиЗ, по окончании которого за картину «Будущий инок» был удостоен серебряной медали и звание классного художника.

В лаврскую школу в середине XIX в. стремились приехать учиться православные молодые люди даже из других стран — Сербии, Болгарии, Греции, Боснии⁶². Любопытна, например, в этой связи причина,

⁶¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 29 об.

⁶² Иеромонах Арсений в упомянутой работе пишет об учебе в Лавре грека Агафоника Андона в 1853–54 гг., болгарского монаха Феодосия Рьльского — с 1864 г.

которую Славянский комитет приводит в своем прошении с просьбой о принятии в школу боснийского художника Ристу Чайкановича, который до этого уже два года обучался иконописи в Сергиевской пустыни Петербургской епархии. «Ныне Чайканович, ознакомившись с некоторыми произведениями живописной школы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и убедившись в их превосходстве сравнительно с живописью Сергиевой пустыни, обратился в Славянский комитет с просьбой о ходатайстве перед Собором Лавры о принятии его в лаврскую живописную школу на полгода для большего усовершенствования в иконописании»⁶³. Также и монах Эллинской Церкви Михаил Пасхалому «возымел непреклонное намерение поступить в Иконописную школу, находящуюся в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, и учиться в школе впредь до надлежащего усовершенствования в церковной живописи»⁶⁴. Еще одно свидетельство о высоком уровне лаврской живописной школы можно видеть в письме сербского митрополита Михаила (от 13 августа 1880 г.). Приведем его полностью. «Ученик Лаврской живописной школы Лазарь Кржданович кончил свое учение в этой школе с успехом, что возбудило охоту у многих молодых людей учиться там же. Но, оставляя других, решился дать согласие на приезд только одному Михаилу Васильевичу, который имеет дар для живописного искусства. Посему прошу покорнейше Ваше Высокопреподобие принять сего молодого серба из Белграда Михаила Васильевича в Лаврскую живописную школу»⁶⁵.

О. Симеон писал много заказных икон для разных храмов и монастырей. Обширный перечень его работ приводит, в частности, иеромонах Арсений в указанном выше исследовании⁶⁶. Для дополнительного свидетельства авторитетности школы о. Симеона приведем здесь отрывок из благодарственного письма одного из заказчиков — генерал-адъютанта графа Д. Е. Остен-Сакена: «Зная, что художественно-иконописная школа Свято-Троицкой Сергиевой Лавры устроена и

⁶³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 12030. Л. 6.

⁶⁴ Там же. Л. 9.

⁶⁵ Там же. Л. 11.

⁶⁶ Арсений, иеромонах 1873. С. 128–129.

руководима была эстетическим незабвенным Филаретом, я ожидал превосходной работы, но исполнение превзошло мои ожидания. — Художественная живопись, отсутствие анахронизма и строгий византийский стиль достойны приношения храму благочестивой Государыни Императрицы (Иконы писались для новой церкви в имени графа на средства Императрицы)»⁶⁷. И далее: «Вменяю себе в приятную обязанность зрителю школы г. иеромонаху Симеону и всем участвовавшим в работе изъяснить совершенную мою признательность»⁶⁸.

Итак, в октябре 1885 г., по открытии Училища в Лавре, туда были 33 ученика из Епархиального училища, а 7 человек были набраны дополнительно на свободные вакантные места (всего получилось 40 учащихся, согласно Уставу). Учеников разделили на три разряда: высший, средний и низший, а для проживания выделили им Пятницкую башню. Учебные классы в это время вместе с лаврской школой находились в Казначейском корпусе, на 3-м этаже, в удобном помещении, устроенном для иконописцев еще архимандритом Антонием в 1849 г. Учащиеся бывшей лаврской школы проживали в помещениях рядом с мастерской, а жители Посада — по домам у своих родителей. Смотрителем объединенного училища остался о. Симеон, а его помощником — иеромонах Тихон. Для преподавания предметов были приглашены сергиево-посадские священники Николай Фаворский и Сергей Виноградов. Они составили Совет Училища согласно измененному Уставу⁶⁹. О. Симеон был основным преподавателем живописного мастерства, а переведенное в Лавру Училище сразу стало «одним из подразделений, занимавшихся в Троицком монастыре созданием икон»⁷⁰. В общем, в системе подготовки иконописцев сравнительно мало что изменилось. Преподавание иконописи — ради чего, в частности, и был предпринят

⁶⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 10527. Л. 11.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ § 3 измененного Устава Училища иконописания: «Ближайшее заведование Училищем поручается Совету, состоящему под председательством Наместника Лавры или одного из членов Духовного Собора Лавры, из 4-х членов: 1. Смотрителя Училища, 2. Законоучителя и двух членов по назначению Митрополита Московского» (РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ед. хр. 23771. Л. 5).

⁷⁰ Черкашина 2000. С. 381.

перевод Училища из Москвы в Лавру — так и не началось. Жизнь иконописного училища потекла при этом по несколько измененному, но давно установившемуся распорядку, и на протяжении нескольких лет в нее никто не вмешивался. Изредка приезжали некоторые иностранные подданные⁷¹. Ученики принимали участие в богослужениях⁷² и помогали о. Симеону в выполнении заказов. Единственное изменение, как выяснилось позже, проявилось в том, что значительно уменьшилось денежное содержание переведенного Училища, что через некоторое время дало о себе знать.

5. ПРОЕКТЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ УЧИЛИЩА

В 1897 г. после кончины иеромонаха Симеона для преподавания живописи был приглашен выпускник «Художественных классов»⁷³ Василий Корнеевич Бондарев с рекомендацией «лучшего по искусству и по нравственности»⁷⁴. Он продолжил занятия по установившимся при о. Симеоне правилам и оставался на этом послушании вплоть до закрытия школы⁷⁵.

В том же году сотрудники Отдела иконоведения при Обществе любителей духовного просвещения вспомнили о своем детище и обратились к Московскому митрополиту Сергию⁷⁶ с просьбой о «перенесении

⁷¹ В 1891 г. принят по прошению митрополита Черногорского Митрофана на учебу черногорец Михаил Вербица; в 1892 г. по прошению Российского консульства — румынский подданный Феодор Морозов, в 1895 г. — серб Драголюб Павлович, и т. д.

⁷² В деле № 23581. Л. 52 РГАДА (тот же фонд и опись) на поступивший через Консисторию указ Св. Синода от 13 сентября 1889 г. за № 19, предписывающий участие воспитанников духовно-учебных заведений в богослужениях — пение, чтение и прислуживание в алтаре — в целях духовно-нравственного воспитания, отмечено, что в лаврском Училище иконописания это и прежде исполнялось.

⁷³ Так одно время называлось уже упоминавшееся МУЖВиЗ.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23697. Л. 2.

⁷⁵ Через 20 лет усердного и беспорочного прохождения своих обязанностей в 1916 г. он был представлен к Высочайшему награждению — званию личного почетного гражданина.

⁷⁶ Митрополит Сергий (Ляпидевский), управлял Лаврой в 1893—1898 гг.

иконописной школы в Москву и о помещении ее в свободный корпус московского Данилова монастыря»⁷⁷. Причина, которая послужила основанием для такого ходатайства, оказалась крайне близка к той, что привела двенадцать лет назад к переводу Епархиального училища в Лавру. На основании ходатайства отдела иконоведения в своем донесении (№ 392 от 6 октября 1898 г.) Св. Синоду уже митрополит Московский Владимир⁷⁸ писал: «Училище при настоящей постановке дела не соответствует своему назначению, так как обучение в нем идет главным образом живописному искусству, а не иконописи»⁷⁹. Далее он сообщил, что отдел иконоведения желает принять Училище под свое ведение и дать ему «соответствующее направление»⁸⁰. В 1899 г. на имя Совета Училища поступил запрос из Московской духовной консистории (июль месяц, № 13) с предписанием уведомить последний о том, «с какого времени прекращено в училище преподавание иконописания и введено преподавание живописного искусства и по каким причинам?»⁸¹. Повторили очевидное и ответили, что с 1885 г., со времени перевода Училища в Лавру, «иконописание в нем никогда не преподавалось, так как училище это тогда же было поручено главным образом руководству смотрителя существовавшей уже с давнего времени при Лавре иконописной школы иеромонаха Симеона, который сам с иконописанием вообще не был знаком, а занимался только живописью»⁸².

На сегодняшний день не вполне понятно, что произошло далее, но в мае 1900 г., обсудив проблему перевода Училища в Москву в своем собрании, отдел иконоведения просил митрополита Владимира приостановить дальнейшую переписку по этому вопросу, так как отдел «пришел к заключению о невозможности, по обстоятельствам време-

⁷⁷ Корпус этот был передан Обществу любителей духовного просвещения в 1872 г. для помещения в верхнем этаже древних икон и древних церковных вещей, а в нижнем — книг епархиальной библиотеки, не находящих места в Петровском монастыре за нехваткою помещений.

⁷⁸ Митрополит Владимир (Богоявленский) управлял Лаврой в 1898—1912 гг.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 14.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Д. 23581. Л. 131.

⁸² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 17.

ни, осуществления своих предположений относительно означенного перевода»⁸³. В результате этой несостоявшейся и не вполне вразумительной пока для нас попытки обратного перевода Училища в Москву митрополит Владимир, желая составить собственное мнение о положении дела, просит предоставить ему точные сведения об Училище. Совет Училища предоставил подробный доклад, в котором излагались причины неудовлетворительного состояния данного учебного заведения. Он обратил внимание и на значительное уменьшение содержания Училища (по расчетам Совета, практически в три раза), и высказывал предположение, что это ограничение в средствах привело к тому, что Училище оставалось без преподавателя иконописи («по неимению в виду способного для сего лица и по скудости средств училища»⁸⁴) под руководством о. Симеона. «Преподавание иконописи было совершенно упущено из вида»⁸⁵ (что было еще в Москве), а также и преподавание ремесел, о которых упоминается в Уставе Училища, не было налажено. Еще одной, и достаточно немаловажной причиной неуспешности Училища, члены Совета считали то, что согласно § 18 Устава принимаются в Училище дети бедного духовенства без внимания к призванию учеников (вспомним еще раз о столкновении причин устройства Училища). Поступают такие из детей духовенства, которые «уже уволены из других училищ за неблагонадежность или оказались неспособными к учению»⁸⁶. Достаточно часто это Училище становится для таких детей просто «временным приютом и даровым пристанищем до известного возраста»⁸⁷; далее, за редким исключением, они «поступают в причетники и не прилагают в жизни тех знаний, которыми могли бы запастись в училище»⁸⁸.

⁸³ Там же. Л. 22.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 3.

⁸⁵ Там же. Л. 7 об.

⁸⁶ Там же. Л. 8.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Из окончивших курс в 1897 г.: 1. Владимир Успенский обучается в МУЖВиЗ вольнослушателем, т. к. по глухоте не может быть действительным учеником; 2. Феодор Морозов, румынский подданный, поступил по найму в одну из живописных мастерских с жалованием 60 руб. в месяц; 3. Василий Левшинский состоит учителем церковно-приходской школы и исполняет заказы по живописи; 4. Михаил Смирнов,

Также необходимо отметить, и об этом пишут члены Совета, что почивший к этому времени митрополит Сергей, предшественник преосвященнейшего Владимира, был очень обеспокоен состоянием Училища иконописания. Он сочувствовал Обществу духовного просвещения по Отделу иконоведения и поддерживал его намерение о переводе училища обратно в Москву «в видах лучшей постановки его и ближайшего надзора за ним»⁸⁹.

Отчасти прояснить положение дел может следующий интересный документ, найденный нами в том же архиве РГАДА. Это донесение епархиального наблюдателя Александра Италинского митрополиту Владимиру, инспектировавшему училища, несомненно, по благословению митрополита. Италинский, посетивший Училище 17–18 января 1901 г., присутствовал на проводимых занятиях, вел испытания учеников, осматривал все занимаемые помещения и в конце устроил общее совещание по разрешению вопросов училищной жизни, на котором собрались все члены Совета и преподаватели. Он и представил подробный доклад митрополиту, в котором дал подробный анализ положения дел в Училище.

Проверяющий отметил, что Школа иконописания является пока более благотворительным заведением, нежели строго профессиональным, учебным. Он высказал целый ряд замечаний и по общеобразовательной подготовке, и по обучению специальным, иконописным предметам, а также по административному управлению Училищем, обнаружив отклонения от Устава. Основные его претензии касались организации учебного процесса. Был, в частности, отмечен низкий уровень грамотности учеников, который оценивался ниже, чем в двухклассных школах; Закон Божий преподавался ограниченно и в механическом направлении.

Далее Италинский указал и причины такого положения. Некоторые нам уже хорошо знакомы. Это, во-первых, малоспособные и уволенные из других училищ ученики и недостаточное число учителей (из-за неимения достаточных средств). Во-вторых, невнимательное отноше-

Владимир Петропавловский, Петр Богданов состоят псаломщиками на различных приходах и выполняют частные заказы.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23720. Л. 8 об.

ние к учебным занятиям, которым посвящается мало времени (занятиям этим отводилось только два часа в день — с 5 до 7 вечера), а также отсутствие определенных программ, руководств и учебников.

Еще большие претензии были предъявлены им к специальным предметам. Проверяющий писал, что «само иконописание преподается, собственно, в формах подготовительных: ученики рисуют с гипсовых фигур, копируют рисунки, красками рисуют с манекенов, копируют и иконы; а иконописи в строгом смысле нет»⁹⁰. Касательно несоблюдения Устава Училища он обратил внимание на количество учащихся — вместо предполагаемых 40 человек учатся 57 живущих в пансионе и 25 приходящих, т. е. всего 82 человека⁹¹. И далее он сделал следующий в целом неблагоприятный для школы вывод: «Отсюда выпустить настоящих профессиональных иконописцев, как это требуется по существу школы, не удастся»⁹². Он предложил провести полную реорганизацию школы и выработать новый устав, обратить внимание и на материальную сторону дела, и на решение тех задач, которые будут положены в основу школы. Конкретно, он предложил следующие неотложные меры: ограничить число учащихся до 40 человек, не задерживать тех из них, кто не проявил способности или желания к рисованию; кроме того, увеличить количество и время учебных занятий, более грамотно распределить занятия между преподавателями и выработать расписание уроков.

В результате этого донесения и доклада Совета Училища митрополит Владимир обратился с просьбой о составлении нового проекта иконописной школы к известному знатоку древней иконы и «иконописцу-практику с сорокапятилетним опытом»⁹³, академику живописи Вик-

⁹⁰ Там же. Д. 23747. Л. 34–35.

⁹¹ Это не совсем соответствует тем сведениям, что приводит Е. Е. Голубинский (*Голубинский 2007. С. 278*). В 1902 г., по словам Голубинского, число учеников иконописной лаврской школы составляет 70 человек, из которых 40, принадлежащие к духовному званию, суть «епархиальные», представляющие собою переведенное в Лавру Училище, а 30, набранные из всяких других званий, суть собственно лаврские, представляющие собою в точнейшем смысле лаврскую школу.

⁹² РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 35.

⁹³ Там же. Л. 7.

тору Доримедонтовичу Фартусову. Уже в 1902 г. он подает проект с рядом полезных инноваций.

Прежде всего, предлагалось увеличить возраст приступающих к изучению иконописания подростков — принимать их не с 12–15 лет, как ранее, а строго с 14–15 лет, при этом смотреть, чтобы они были предварительно обучены грамоте. Принципиально важно следующее соображение В. Д. Фартусова: «Лучше выбирать таких, которые, будучи не глупыми, почему-либо к наукам ленивы и малоспособны, но зато по природной наклонности и их любви к искусству чертили разнообразные рисунки и увлекались этим»⁹⁴. Он предлагал придерживаться принципа «лучше меньше, да лучше» и иметь небольшое количество учеников, однако таких, которые впоследствии могли бы принести пользу обществу. При этом следует без сожаления увольнять бездарных учеников, учеников дурного поведения, дабы они не срамили училище. Обращает на себя внимание стиль, которым автор излагает свои мысли — очень живо, с примерами из педагогического и творческого опыта.

Следующее принципиальное требование, выдвинутое им, — это увеличение времени на изучение иконописания. Для этого уважаемый академик предложил такую, опробованную им самим и его учениками, методику — читать вспомогательные научные предметы (священную и церковную историю и др., относящиеся к иконописанию) во время технических занятий, не занимая на таковые предметы отдельного времени. Он считал, что после чтения ученики сами будут рассуждать о прочитанном и обдумывать то, что услышали, и что помешать это рисованию или писанию красками не может ни в коем случае.

Для увеличения времени Виктор Доримедонтович также предложил разрешить ученикам заниматься летом с 7 часов утра до 7 вечера (с перерывами на чай, обед и небольшой отдых), при этом он считал, что преподаватель может находиться с учащимися по 4 часа в день — 2 часа утром и 2 часа — вечером. Остальное время учащиеся занимаются самостоятельно, а преподаватель использует свободное время на свое самообразование, так как иконописцу «необходимо постоянное упражнение»⁹⁵.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 8.

Далее в проекте подробно рассматривался порядок занятий по классам — с 1-го по 4-й. Отметим, что подход к методике обучения, особенно в первых классах, остается и поныне традиционным и достаточно близким, например, к тому проекту, что был предложен художником Сергием Милорадовичем в 1883 г. Ученики, как в академическом училище, начинают с рисования с оригиналов и выполняют отдельные детали, части лица и орнаменты. Так же, как и ранее Милорадович, Фартусов предлагает с самого начала разделять учащихся по способностям. Более тщательно он предлагает оценивать и контролировать процесс обучения. Он считал, что нужно в каждом классе ежемесячно проводить экзамен и по результатам такого экзамена ставить оценки, или «номера» (№№) или категории. «Номера» ставятся за лучшие работы и далее следуют по убывающей. Переводить учеников в высшие классы нужно только соответственно их способностям. За лучшие работы им следует выдавать награды (кстати, это практиковалось в лаврском Училище иконописания⁹⁶). Наиболее интересным представляется нам то, что Виктор Доримедонтович рекомендовал высшему 4-му классу. Он полагал, что в этот класс переводятся только ученики, уже испытанные и подготовленные в рисовании и живописи, те, которым уже можно доверить самостоятельно писать заказанные Училищу иконы. Уточняются задачи такой деятельности — с одной стороны, заработать деньги для Училища (при этом небольшая сумма причиталась и ученику), а с другой, поощрить учащихся к более добросовестному отношению к делу иконописания. Согласно проекту, орнаментальные живописцы могли закончить обучение уже после 3-го класса и начать практическую деятельность в различных мастерских. Лучшие работы в иконописании предлагалось награждать медалями, «какие установлены при Академии или Училище живописи и ваяния, или званиями художника»⁹⁷. Также следовало раз в год устраивать выставки ученических работ для развития школы, поощрения учеников и ознакомления публики с деятель-

⁹⁶ Из отчетов Совета Училища следует, что за 1896/97 уч. г. удостоены денежной наградой — от 4 до 1 рубля — 20 человек; за 1898/99 уч. г. — от 3-х до 1-го рубля — 22 человека; в 1899/90 уч. г. — от 2-х до 1 рубля — 25 человек.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23747. Л. 11.

ностью Училища (впрочем, это не является нововведением: еще в первом проекте Училища от 1873 г. предполагалось устройство выставок с этими же целями). А вот учреждение при Училище особых классов рисования «для учеников и мастеров, желающих усовершенствоваться в познании классического рисования и правильного писания красками» является новым предложением: для этих классов были определены особые праздничные дни с 9 часов утра до 7 часов вечера.

В целом, проект академика В. Д. Фартусова был очень близок программам иконописного класса в Санкт-Петербургской семинарии, открытого в 1844 г., и иконописного класса при Императорской Академии художеств, учрежденного в 1856 г. В его проекте очень четко просматривается цель, достижение которой ведет к подготовке не просто ремесленников-копистов, а образованных иконописцев, иконописцев-художников, то есть таких мастеров, которые могли решать творческие задачи в рамках канонического церковного искусства. Похожие задачи обозначил чуть позже И. П. Сахаров в разработанном им проекте об устройстве «Русской школы иконописания» (опубликован в Петербурге в 1903 г.)⁹⁸, а также авторы временного положения о Высшей художественно-иконописной мастерской при Строгановском училище технического рисования⁹⁹.

6. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИКОНОПИСНОГО КЛАССА УЧИЛИЩА

Остается рассмотреть, как развивалась ситуация с введением традиционного иконописания и других изменений в оставшейся под сенью Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иконописной школе в самый последний период ее существования — с 1900-х гг. до 1918 г. Чтобы лучше понять ситуацию, вспомним в самых общих чертах социокультурную ситуацию в России в начале XX столетия.

В ту эпоху интерес к своим национальным историческим корням и традициям был необычаен. Об этом говорят, в частности, следующие

⁹⁸ Успенский 1903. С. 1.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 16–17 об.

факты. В 1901 г. был Высочайше утвержден Комитет попечительства о русской иконописи под председательством графа С. Д. Шереметьева. Управляющим делами Комитета стал известный исследователь и знаток византийского искусства Н. П. Кондаков. Комитет активно взялся за возрождение традиционного иконописания: организовал учебные иконописные мастерские в иконописных селах Владимирской губернии и в слободе Борисовке Курской губернии; он начал также выпускать периодические «Известия Комитета о русской иконописи», «Лицевой иконописный подлинник», командировал Н. П. Кондакова на Афон для сбора иконографических материалов. В самом начале века благодаря достижениям реставрации открылся лик древней иконы, что буквально потрясло и изменило художественный мир. В 1905 г. появилась возможность прикоснуться к древним иконам, сохранным старобрядцами, в 1913 г. состоялась первая публичная выставка икон. Начали формироваться первые частные собрания древнерусской живописи, философы и ученые обратились к исследованию традиционной иконописи.

К началу XX в. священноначалие Лавры и общественность в лице Отдела иконоведения, радевшего за возрождение традиции, уже подготовили почву для реорганизации лаврской иконописной школы. С помощью деятелей Комитета попечительства о русской иконописи — уже упоминавшихся графа С. Д. Шереметьева и Н. П. Кондакова, а также В. Т. Георгиевского и Д. К. Тренева — с 1905 г. началось преобразование бывшего Училища иконописания и введение преподавания иконописи. Наместник Лавры архимандрит Товия в письме графу Шереметьеву благодарил последнего за готовность содействовать введению иконописания вместо живописи в лаврском Училище: «Дай Бог, чтобы это послужило на пользу лаврскому Училищу иконописания и иконописному делу в России вообще»¹⁰⁰. По рекомендации Н. П. Кондакова в 1905 г. в Лавру прибывает иконописец-«доличник» Николай Прокофьевич Клыков из Москвы, где он трудился в мастерской известного «московского мстерца» М. И. Дикарева¹⁰¹. Клыков

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 2.

¹⁰¹ Н. П. Клыков (1861–1944) — потомственный иконописец из Мстеры, учился у отца. Преподавал в Строгановском училище, в лаврской иконописной школе. После

приступил к преподавательской деятельности с 1-го сентября 1905 г., взяв на себя, по крайней мере, на первое время, обязанности и второго преподавателя — «личника», так как в первый переходный период учащихся, приступающих к обучению иконописания, было немного¹⁰². Приискать «личника» поручено было самому Николаю Прокофьевичу; по совету Кондакова желательным было бы, чтобы оба мастера совпадали по стилю. Жалованья Н. П. Клыкову было положено 85 рублей в месяц при своем содержании и квартире, а относительно порядка преподавания иконописи ему были обещаны от Комитета «инструкции и руководства»¹⁰³. В прошении Клыкова о зачислении его на должность оговаривался порядок занятий: зимой и летом они должны продолжаться не менее 6-ти часов, в два приема — утром и вечером. Каникулы для учеников, занимающихся иконописью, положены были летом — не более одного месяца.

Возможно, из-за того что Клыков не смог подыскать себе товарища или вследствие каких-то разногласий со священноначалием Лавры, через три года, в 1908 г., для преподавания в Училище были приглашены другие мастера — иконописцы из Палеха, «лучшие по мастерству и благонадежные по поведению»¹⁰⁴ — «доличник» Павел Алексеевич Плеханов и «личник» Илья Павлович Сафонов. Их духовный отец протоиерей Николай Лихачев так рекомендовал их настоятелю Лавры в своем письме: «Оба мастера — способные иконописцы, честные труженики, благонравные по поведению и хорошие семьянисты»¹⁰⁵. Оба мастера работают в одном стиле и не вносят «пестроты и разности в своих руководствах, как взятые из разных мастерских руководители с разными взглядами на иконописные дела и с разнообразными приемами»¹⁰⁶. Плеханов раньше прибыл в Лавру и приступил к пре-

революции вернулся в Мстеру и стал одним из основоположников мстерской лаковой миниатюры.

¹⁰² Тех из учащихся, что в течение 3—5 лет обучали живописи, решили не перечислять и дать возможность закончить обучение по начатой программе.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23757. Л. 18.

¹⁰⁴ Там же. Л. 14.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

подаванию. Сафонов же вначале, под влиянием хозяина мастерской, где он последнее время трудился, не решился дать полное согласие. Потом «осознал свою нерешительность ошибкою и изъявил полную готовность послужить в лаврской мастерской с искренним усердием и любовью к делу»¹⁰⁷. Из письма Ильи Сафонова к о. наместнику видно нелицемерное и благочестивое настроение его души: «...Я семейный человек и имею 6-х детей. Быть может хоть не теперь, а после, мне Бог приведет поступить на это Святое поприще на благо и на пользу других, как некогда трудился Святой отец Иконописец Андрей Рублев. Но мы, многогрешные, совсем забываем Святость этого дела. Не так трудимся, как трудились древние Иконописцы, и относимся только с целью наживы наряду с другими промыслами. Простите меня. Не обременить бы Вас своим письмом. Остаюсь с истинным почтением иконописец Илья Павлович Сафонов. Прошу Вашего благословения и Святых молитв. Если будет угодно Вам благоволить ответом, адрес мой...»¹⁰⁸ (орфография частично изменена мной). И Павел Плеханов, и Илья Сафонов оставались в Лавре до середины 1918 г., когда было решено ввиду трудного военного времени прервать занятия в Училище иконописания¹⁰⁹.

Последние несколько лет существование Училища было нелегким. Учебный год начинался позже обычного — с октября месяца, так как большинство учащихся были вынуждены задерживаться в домах своих родителей, чтобы помочь им убрать урожай. Священноначалие Училища с пониманием относилось к этой ситуации. В донесении инспектора Училища иеромонаха Ионафана об этом говорится так: «Принимая во внимание военное время, ненастное лето, просьбу родителей и дороговизну содержания, считаю долгом донести Совету Училища, не найдет ли он возможным ходатайствовать об отсрочке занятий до 10 октября 1916 г. по примеру прошлых лет. Воспитанники, как имеющие возраст от 13 до 16 лет, много помогут своим родителям в сельском

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Л. 12.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 14. В удостоверении, выданном иеромонаху Ионафану в декабре 1918 г., написано: «С окончанием 1917/18 учебного года за неимением средств и материалов училище временно закрыто».

хозяйстве»¹¹⁰. Само Училище также испытывало нужду во многом. В другом своем заявлении на имя Совета Училища о. Ионафан пишет: «Недостаток насущного хлеба, одежды, обуви воспитанники или сами восполняют своими трудами в каникулы, или при помощи своих родственников. А совсем неимущие довольствуются тем, что дает им Лавра. Нужда насущного хлеба обостряется все более, отопление помещений крайне обременительно для Лавры, да и на содержание самой школы средства весьма ограниченные»¹¹¹. Далее он предлагает Совету Училища закончить учебный год по этим причинам ранее обычного, «на сырной седмице»¹¹².

Пока трудно вполне уверенно сказать, удалось ли поднять подготовку в Училище в первые десятилетия XX в. на новый качественный уровень и решить те задачи, которые преследовали заинтересованные лица. Похоже, что несмотря на все к тому приложенные усилия удалось справиться далеко не со всеми поставленными задачами. Например, когда в 1907 г. Комитет попечительства предложил обратить внимание на более серьезное преподавание иконографии и церковной археологии «для более правильного понимания иконописи»¹¹³ и рекомендовал в качестве преподавателя известного профессора духовной академии А. П. Голубцова, то получил довольно грустный ответ. Совет Училища посчитал, что уровень способностей учеников не соответствует уровню преподавания профессора Голубцова и что для учеников школы — при введении предложенных дисциплин — будет достаточно, если их будет читать преподаватель Закона Божия. Похоже, что поднять уровень школы, где бы готовили не простых ремесленников-иконописцев, а творчески мыслящих, образованных церковных художников, на тот исторический период все-таки не получалось. Возможно, в немалой степени этому помещали и внешние, весьма неблагоприятные революционные события 1905 г. и начавшаяся в 1914 г. первая мировая война, а политический переворот 1917 г. окончательно пресек все намечавшиеся благие начинания.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23884. Л. 2.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23900. Л. 2.

¹¹² Там же.

¹¹³ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 23788. Л. 1 (письмо Комитета к наместнику Лавры о. Товии).

Хотелось бы еще коротко остановиться на судьбе вышеупомянутого последнего инспектора Училища иконописания иеромонаха Ионафана, занимавшего эту должность последние тринадцать лет перед закрытием Училища. Иеромонах Ионафан (в миру Иван Васильевич Чистяков) родился в слободе Солдоге Кинешемского уезда Костромской епархии в семье священника местной Сретенской церкви Василия Сергеевича Чистякова в 1867 г. Он окончил Кинешемское духовное училище, потом учился в Костромской семинарии. С октября 1889 г. по январь 1897 г. состоял учителем церковно-приходских школ Костромской епархии в селе Сенной и г. Кинешма¹¹⁴. По воспоминаниям родственников о. Ионафана, он был учителем живописи и рисования¹¹⁵. Должность инспектора Иконописного училища он занимал с 1905 по 1918 г. До этого он был помощником инспектора, смотрителем, членом Совета Училища, заведовал его хозяйственной частью. После закрытия Училища о. Ионафан был назначен заведующим лаврской иконописной мастерской, а в июне 1919 г. указом Святейшего Патриарха Тихона он утвержден в должности члена Духовного собора Лавры, и в этом указе он именуется уже игуменом¹¹⁶. После упразднения Лавры игумен Ионафан некоторое время подвизался в Гефсиманском скиту, а потом оказался на родине, в Костромской епархии, где с 1931 по 1941 г. служил настоятелем храма в селе Михайловском-Озерном (в нескольких километрах от Чухломы). Эта церковь была единственной на всю большую округу и практически все верующие Чухломы и ближайших деревень были прихожанами о. Ионафана. Далее приведем слова из рапорта настоятеля Свято-Успенского храма г. Чухломы протоиерея Александра Воробьева: «Среди паствы о. Ионафан пользовался большим почитанием за свою благочестивую и духовную жизнь и преданность Святой Церкви. Местные советские власти неоднократно пытались закрыть храм в Михайловском-Озерном, накладывая на приходскую общину непосильные налоги. Верующие горячо вставали на защиту своей единственной церкви и, по крупицам собирая средства, откупались от вла-

¹¹⁴ Там же. Д. 19182. Л. 18 (из доклада Духовного Собора патриарху Тихону).

¹¹⁵ Сведения предоставлены правнучатой племянницей о. Ионафана Г. Л. Любимовой в мае 2010 г.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 19182. Л. 20. Документ № 317.

стей. Единственным способом для властей закрыть храм было арестовать его настоятеля, что и было сделано весной 1941 г. В это время игумену Ионафану было 76 лет. Старца-священника по ложному доносу обвинили в антисоветской агитации и заключили в чухломскую тюрьму НКВД. До конца следствия игумен Ионафан не дожил: 22 июня 1941 г. он был зверски умучен тюремными охранниками. У одного из тюремщиков была верующая жена, прихожанка о. Ионафана. От мужа она узнала, что ночью будут хоронить убитого в тюрьме священника. Женщина смогла проследить, куда зарыли тело мученика, и отметила это место. Впоследствии верующими могила игумена Ионафана была обихожена и по сей день пользуется благоговейным почитанием. На могиле о. Ионафана регулярно служатся панихиды, верующие прибегают к его молитвенной помощи»¹¹⁷. Верующие г. Чухломы и Чухломского района еще в 2002 г. обратились с просьбой в Костромскую епархиальную комиссию по канонизации с просьбой начать сбор сведений об игумене Ионафане. Когда уже готовилась эта статья, к нам обратилась родственница о. Ионафана — правнучка его сестры, проживающая в Москве. Оказалось, что в их семье также жива благодарная память об этом человеке, который когда-то в начале XX в. помог получить образование двум своим племянницам (как выяснилось, в том самом женском Епархиальном училище на Ордынке, переехавшем в дом купца Хлудова). С внучкой одной из этих племянниц — Галиной Львовной Любимовой — мы встретились совсем недавно в Лавре. Выяснилось, что в их семье считали, что о. Ионафан погиб на Бутовском полигоне вместе с расстрелянными там братьями Лавры и искали его фамилию среди погибших. Их семья не знала о возвращении о. Ионафана на родину, о его служении в Михайловском-Озерном, о последних годах его жизни, о его гибели в тюрьме. Сегодня мы вместе с родственниками продолжаем собирать документы и свидетельства о жизни о. Ионафана. В прошлом учебном году стараниями учащихся иконописной школы был выполнен эскиз надгробного белокаменного креста, который планируется поставить на могиле мученика в Чухломе.

¹¹⁷ Рапорт протоиерея Александра Воробьева на имя правящего архиерея Костромской епархии от 1 июля 2002 г.

Надеемся, что во вновь возрожденной иконописной школе ее преподавателям и учащимся все же удастся осуществлять те благородные цели, которые ставились их предшественниками, остановленными в своих начинаниях лихолетьем XX в. Школьная программа разделена ныне на общеобразовательный и специальный курсы. Введена двухступенчатая система образования. Помимо богословских предметов в учебную программу введены также специальные предметы: иконоведение, история церковного искусства, иконография¹¹⁸. Вторая ступень обучения — также двухгодичная — предполагает решение учащимися более сложных, творческих задач: разработку новой иконографии святого, разработку проекта иконостаса или росписи храма. Последний, 5-й год обучения, посвящен выполнению дипломной работы, которая, как правило, заключается в создании иконы большого размера, предназначенной для конкретного храма¹¹⁹. Хотелось бы думать, что те задачи, которые ставили в своих проектах И. П. Сахаров¹²⁰ и В. Д. Фартусов, желая видеть на службе Православной Церкви образованных иконописцев, и проблемы поднятия традиционного иконописания на достойный его уровень, которые обсуждали Н. П. Кондаков, Д. К. Тренев и М. И. Успенский, удастся осуществлять в современной

¹¹⁸ Параллельно, начиная с первых дней занятий, учащиеся осваивают технику и технологию традиционной иконы, выполняют сначала простые фрагменты и детали иконы — патетки, горки — и заканчивают более сложными фрагментами — многофигурными композициями. Со второго курса начинают выполнять сложные иконы под руководством преподавателя. Основной методический принцип работы в школе — это копирование образцов, изучение языка древней иконы при непосредственной работе с подлинниками. Для решения этой задачи учащимся предоставляется неоценимая возможность выезжать в музеи разных городов, где есть собрания икон, и работать непосредственно в экспозициях, созерцая и изучая иконы разных времен и стилей.

¹¹⁹ Иногда несколько учащихся выпускного курса выполняют ряд икон для иконостаса. Достаточно часто учащиеся выбирают темой своей дипломной работы житийную икону и разрабатывают сложную композицию, включающую образ святого в окружении сцен его земного жития.

¹²⁰ В своей «Программе для изучения иконописания» И. П. Сахаров, в частности, ратовал за то, чтобы «школы иконописания имели свои исключительные назначения: классическое образование иконописца, обладающего знаниями практическими и теоретическими, воспитание художника в духе нашей Православной Церкви независимого ни от каких западных влияний». Цит. по: *Успенский 1903. С. 2.*

УЧИЛИЩЕ ИКОНОПИСАНИЯ В СТЕНАХ ЛАВРЫ

иконописной школе при МДА, из стен которой выходят сегодня, будем надеяться, не ремесленники-копиисты, а образованные церковные художники, настроенные на решение сложных творческих задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсений, иеромонах 1873* — *Арсений, иеромонах*. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой Лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 119–133.
- Голубцов 1903* — *Голубцов А. П.* О начале, первых деятелях (1744–1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры // БВ. 1903. Т. 2. № 6. С. 237–258 (2-я пагин.).
- Голубинский 2007* — *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. СТСЛ, ³2007 (репринт с изд. 1909 г.).
- Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000* — Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы международной конференции 29 сентября — 1 октября 1998 г. М., 2000.
- Успенский 1899* — *Успенский В. И.* Очерки по истории иконописания. СПб., 1899.
- Успенский 1903* — *Успенский М. И.* Проект И. П. Сахарова об устройстве школы иконописания. СПб., 1903.
- Черкашина 2000* — *Черкашина Г. П.* Иконописное дело Троице-Сергиевой Лавры 1764–1917 гг. (Общая характеристика деятельности иконописной мастерской) // Троице-Сергиева Лавра в истории... 2000. С. 369–384.

Н. Ю. СУХОВА

ФОНД МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ (№ 229) В ЦЕНТРАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ МОСКВЫ

Архив Московской духовной академии, наряду с архивами многих учреждений, действовавших еще до революции, имеет непростую историю, тесно связанную с коллизиями русской истории в целом. Формирование архива МДА продолжалось на протяжении всех 105 лет пребывания Академии в Троице-Сергиевой Лавре, начиная с открытия Академии 1 октября 1814 г. по правилам первого единого Устава духовных академий¹ и кончая ее переездом в Москву летом 1919 г. под давлением экстремальных условий гражданской войны. Уже в первые годы деятельности Академии было составлено предписание «о порядке хранения документов»². По мере накопления документы формировались в дела, которые хранились в библиотеке МДА. При вступлении в должность каждый новый ректор Академии проверял наличие и порядок документов, как текущих, так и архивных, по всем областям академической деятельности. И в процессе деятельности дореволюционной МДА возникали проблемы с сохранностью академических архивных дел. Так, например, в 1836 г. при вступлении в должность ректора архимандрита Филарета (Гумилевского) выявилась пропажа некоторых дел академического архива, произошедшая в правление предыдущего ректора архимандрита Поликарпа (Гойтанникова). Новому ректору пришлось составлять специальные реестры дел полных, неполных и вовсе отсутствующих, а потом пытаться восполнить недостающие документы копиями³. И в дальнейшем неоднократно проводились ревизи-

¹ См.: Проект Устава ДУ 1814. С. 910–954.

² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 78. Л. 1–2.

³ См.: Смирнов 1879. С. 249–252.

зии академического архива и акции по его восполнению⁴. Все это свидетельствует о том, что Академия дорожила своим прошлым, отчасти зафиксированным в архивных документах.

Однако дальнейшая судьба архива МДА складывалась весьма драматично. 1 июля 1919 г. библиотека МДА перешла в ведение Библиотечного отдела Наркомпроса⁵, а 17 октября того же года коллегия Отдела научных библиотек приняла решение «библиотеку б. [бывшей. — Н. С.] Духовной академии оставить на месте, влить в нее научную часть библиотеки б. [бывшей. — Н. С.] Вифанской Семинарии и предоставить в ведение Румянцевского музея в качестве филиала»⁶. С декабря 1919 г. по июнь 1924 г. в Сергиевский филиал Румянцевского музея (в 1924 г. переименованного в Российскую публичную библиотеку им. В. И. Ленина) собирались постепенно части архива МДА, хранившиеся в доме ректора, а также присоединялись собственные книги и личные архивы выехавших из Посада профессоров Академии: протоиерея А. П. Орлова, А. Д. Беляева, архимандрита Илариона (Троицкого), А. К. Мишина, И. В. Попова, Ф. М. Россейкина, игумена Иоасафа, Н. Л. Туницкого⁷. В 1930–1931 гг. архив МДА с присоединенными архивами профессоров, а также с рукописями Лаврского собрания, Академического собрания и библиотеки Вифанской Семинарии был перевезен в Москву⁸. При этом произошло раздробление архивного комплекса на две части: одна из них оказалась в ведении Централь-

⁴ ЦИИМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 382. Л. 1–4; Оп. 3. Д. 274. Л. 1–4; Д. 985.

⁵ Согласно декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», все архивные фонды стали национальным достоянием и поступили в Единый государственный архивный фонд; а согласно декрету от 17 июля 1918 г. «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» все библиотеки были переданы в ведение Отдела библиотек РСФСР при Народном комиссариате просвещения (см.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 383–385; Т. 3. М., 1964. С. 41–42). Во исполнение этих декретов и библиотека МДА, и хранящийся в ней архив поступили в ведение Отдела библиотек РСФСР при Народном комиссариате просвещения.

⁶ Архив РГБ. Оп. 14. Д. 8. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 24, 25, 29, 41, 42, 44, 62, 63, 74.

⁸ Там же. 1926 г. Д. 10. Л. 95; 1928 г. Д. 10. Л. 21–21 об.; 22; 42–47; 49; 71; 1929–1930 гг. Д. 10/1. Л. 31–39; Д. 10/2. Л. 2–3; Оп. 23. Д. 34. Л. 22.

ного архивного управления, другая же из Загорского филиала была перевезена в основное здание Публичной библиотеки. Первая часть составила основу нынешнего фонда 229 в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ), вторая после десятилетнего хранения в помещении церкви святителя Николая в Старом Ваганькове во дворе библиотеки была разобрана и составила основу фонда 172 в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)⁹.

1. СТРУКТУРА 229-ГО ФОНДА

Фонд 229 Центрального исторического архива г. Москвы по последней официальной проверке 2001–2009 гг. состоит из 9934 дел, внесенных в 5 описей. Описи сильно разнятся по количеству зафиксированных дел: в оп. № 1 числится всего 6 дел; в оп. № 2 — 2462 дела; в оп. № 3 — 1016 дел; в оп. № 4 — 5707 дел; в оп. № 5 — 743 дела. Документы фонда относятся к деятельности МДА в период пребывания в Троице-Сергиевой Лавре (1814–1919). Однако хронологические рамки фонда шире: он включает отдельные документы, относящиеся к предшествующему периоду Московской академии до преобразования и переезда в Лавру (1802–1811), а также к последним годам деятельности Академии в Москве (1919–1921).

Распределение документов по описям тематическое; нумерация единиц хранения ведется отдельно в каждой описи. Основные документальные комплексы зафиксированы в описях № 2, 3, 4. В опись № 1 включено лишь шесть однотипных дел: книги прихода и расхода по содержанию дореформенной Московской Славяно-греко-латинской академии за 1802, 1804, 1805, 1806, 1810 и 1811 г. (Оп. 1. Д. 1–6). В опись № 5 отнесены так называемые «дела из россыпи», то есть дела за разные годы (1815–1917), по тем или иным причинам изъятые из основных комплексов и позднее, уже после их формирования, вновь включенные в состав фонда.

⁹ См об этом подробнее: *Сухова Н. Ю.* Из истории архива Московской духовной академии // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ 2001 г. М., 2001. С. 253–262.

Систематизация основных документальных комплексов фонда отражает структуру руководящих органов МДА. Для того, чтобы было понятно распределение дел между ними, следует сказать хотя бы несколько слов о самих этих органах. Отметим, что Устав православных духовных академий 1814 г., согласно которому МДА действовала с момента своего открытия в Троице-Сергиевой Лавре и до 1870 г., учреждал три руководящих органа духовной академии: Внутреннее Правление, Конференцию и Внешнее Правление. На Внутреннее Правление возлагались все учебно-воспитательные и организационные дела самой Академии. К ним относились все вопросы, связанные с обучением, поведением, жизнью студентов и преподавателей, библиотека, вспомогательные учебные кабинеты, больница и пр.¹⁰. Конференция должна была заниматься научными вопросами: проводить итоговые испытания, присуждать ученые степени, цензурировать научно-богословскую и духовно-нравственную литературу¹¹. Внешнее Правление отвечало за руководство духовными семинариями учебного округа, подчиненного Академии, а через семинарии — и духовными училищами. Руководство предусматривало широкий спектр учебно-методических и кадровых вопросов¹². Московской академии на протяжении 1818—1842 гг. подчинялись два духовно-учебных округа — Московский и Казанский, поэтому Внешнее Правление вело дела всех семинарий и училищ обоих округов. В ф. 229 выделены комплексы дел Внутреннего и Внешнего Правлений Академии (1814—1869) (Оп. № 2). Кроме того, часть документов Внутреннего и Внешнего Правлений попали в «дела из россыпи» и зафиксированы в оп. № 5. Следует отметить, что до 1837 г. в МДА действовало Общее Правление, занимающееся как внутриакадемическими вопросами, так и делами округа. Однако делопроизводство позволяет разделить большую часть дел и этих лет на внутренние и внешние. Сохранилось очень мало документов, относящихся к деятельности академической Конференции. Они даже не выделены в особый раздел, а рассеяны среди

¹⁰ См.: Проект Устава ДУ 1814. § 1—279. С. 914—937.

¹¹ См.: Там же. § 280—428. С. 938—949.

¹² См.: Там же. § 429—479. С. 949—954.

дел Внутреннего Правления (Оп. № 2), отдельные дела включены в оп. № 5 и одно дело — в оп. № 3.

В 1870 г. МДА была преобразована по Уставу духовных академий 1869 г. Согласно этому Уставу, в Академии учреждалось два руководящих органа: Совет Академии и Правление. Документы, связанные с деятельностью этих органов, сохранились и выделены в ф. 229 в отдельные комплексы (оп. № 3). Кроме того, в описи № 3 собраны также в особые комплексы учебные материалы: программы и темы сочинений (1874—1918), отзывы о магистерских, кандидатских и других сочинениях (1878—1903).

Наконец, в особую опись внесены документы, содержащие персональную информацию о студентах, преподавателях, сотрудниках и почетных членах МДА за весь период деятельности (1814—1921): личные дела и списки студентов по академическим курсам (Оп. № 4).

Особенностью фонда является его относительно слабая структурированность. Это касается, в первую очередь, документов МДА периода 1814—1869 гг. Все они отнесены к комплексу Внутреннего Правления. Однако вместе с делами собственно Внутреннего Правления в комплекс включены и уже упомянутые документы Конференции и подчиненного ей Цензурного комитета, Строительного комитета, библиотеки. Рассеяны по этому комплексу, среди других дел, конспекты и обзоры учебных и экзаменационных программ, журналы записи успеваемости и дисциплины студентов, переписка ректоров, а также многочисленные списки преподавателей. Из комплексов Совета и Правления (1870—1921) выделены, как было указано выше, некоторые специфические дела, относящиеся к учебному процессу: учебные программы (Оп. 3. Д. 395—412), темы кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3. Д. 413—432), отзывы на диссертации (Оп. 3. Д. 433—500). Однако тем не менее в общем комплексе дел Совета оставлены издательские дела и переписка ректоров, дела академической библиотеки (Оп. 3. Д. 12, 24, 34, 57, 74, 88 и др.), классные журналы (Оп. 3. Д. 35—43, 59—65, 75—78, 91—92 и др.)

2. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ: АКАДЕМИЯ И ВЫСШИЕ ИНСТАНЦИИ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Представление о многообразной деятельности МДА до реформы 1869 г. дает комплекс документов Внутреннего Правления за 1814–1869 гг. (Оп. 2. Д. 1–1262 б; Оп. 5. Д. 133, 149, 157, 495, 500–502, 504–517, 624, 723, 725–733). В Правление ежегодно поступали все предписания центрального органа духовно-учебного управления: до 1839 г. — *Комиссии духовных училищ* (КДУ), после 1839 г. — *Духовно-учебного управления* (ДУУ). На связь Академии с этими органами следует обратить внимание. Все проблемы, связанные с эпохой КДУ — а МДА находилась под ее управлением двадцать пять лет (1814–1839 гг.), — конечно, нельзя выявить по архивным делам конкретной Академии¹³. Однако поступавшие в Академию предписания КДУ свидетельствуют о широкой палитре дел, которыми занимался этот орган. КДУ руководила «ключевыми моментами» подготовки духовно-учебных кадров в академиях: отдавала распоряжение о проведении публичных испытаний студентов после окончания академического курса (Оп. 2. Д. 46, 99, 112 и далее); утверждала магистров в присужденных им степенях (Оп. 2. Д. 137, 142 и далее) и высылала печатные экземпляры дипломов, а для магистров, поступивших в духовное звание, высылала Правлению Академии магистерские кресты (Оп. 2. Д. 47, 58, 68, 114, 133, 142, 212, 289 и далее), назначала оклады магистрам и кандидатам духовного звания после утверждения их в степени (Оп. 2. Д. 38, 69, 134, 184, 236 и далее). При этом с некоторыми магистерскими сочинениями была связана переписка между КДУ и академическим Правлением «об исправлениях и дополнениях рукописей». Так, переписка об исправлении сочинений выпускников МДА 1820 г. Андрея Овсова и Петра Пятницкого (в монашестве Евлампия), предназначенных ака-

¹³ О деятельности центральных органов духовно-учебного управления при Святейшем Синоде (Комиссия духовных училищ, Духовно-учебное управление, Учебный комитет) см.: *Сухова Н. Ю.* История центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России 1807–1918 гг. // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 264–302.

демической Конференцией к степени магистра, велась около двух лет, до 1822 г. (Оп. 2. Д. 149).

КДУ занималась и распределением подготовленных кадров по духовно-учебным местам: назначала магистров и кандидатов Академии на вакантные должности в семинарии и училища (Оп. 2. Д. 96, 109, 171 и далее) и отдавала указание о выдаче им денег на проезд к месту службы и «обзаведение» (Оп. 2. Д. 51 и далее). Иногда КДУ призывала выпускников Академии на экстраординарные служения: например, в Пекинскую миссию (Оп. 2. Д. 301). При этом КДУ заботилась об улучшении учебного процесса, предписывая, например, академиям усилить внимание к преподаванию богословия (Оп. 2. Д. 472. 1837 г.). Такие указания свидетельствовали о начале централизованной кампании по совершенствованию высшего духовного образования. Так, в 1837 г. при СПбДА был учрежден комитет по пересмотру конспектов богословских дисциплин, преподаваемых в академиях¹⁴. Раз в два года, при академических выпусках, КДУ назначала в Академии ревизию (Оп. 2. Д. 132 и далее).

КДУ заботилась о пополнении библиотек духовно-учебных заведений: отдавала указание о доставке обязательного экземпляра всех книг, дозволенных духовной цензурой и напечатанных в духовных типографиях, в библиотеку Академии (Оп. 2. Д. 15, 116 и далее), о рассылке по всем духовно-учебным заведениям новоизданных книг и учебных пособий (Оп. 2. Д. 202, 203 и далее).

На КДУ был возложен и сбор информации о начальствующих, учащих, служащих в Академии и членах их семей, предписывая академическому Правлению составлять различные списки: профессоров, бакалавров и служащих Академии (Оп. 2. Д. 70 и далее); служащих в Академии и подведомственных ей семинариях (Оп. 2. Д. 373 и далее), даже «детей счетчиков, присяжных, сторожей и служащих Академии для представления их воинскому начальству» (Оп. 2. Д. 50). Кадровые перемещения и назначения также осуществлялись по предписаниям КДУ (Оп. 2. Д. 467 и далее).

¹⁴ См.: Извлечение из отчета Обер-прокурора Святейшего Синода за 1837 год. СПб., 1838. С. 58–59; То же за 1838 г. С. 40–53. См. также: *Титлинов 1909*. С. 7.

КДУ решала также хозяйственно-экономические вопросы, связанные с деятельностью академий. Ежегодно Комиссия ассигновывала суммы на содержание Академии — поступали эти суммы в академическое Правление (Оп. 2. Д. 1, 3, 8, 20, 35, 63, 92 и далее).

В 1839 г. управление духовно-учебной системой было изменено. КДУ была упразднена, «высшее заведывание духовно-учебной частью» сосредоточено в Святейшем Синоде как «едином главном духовном правительстве Империи». «Надзор за повсеместным исполнением существующих по сей части законов» был вверен обер-прокурору Синода с учреждением при Синоде особого управления, которое «несло бы на себе ответственность исполнительную по духовно-учебным делам», а именно *Духовно-учебного управления (ДУУ)*¹⁵. Это преобразование заметно отражается в документах МДА, причем именно документы конкретной Академии помогают понять реальное разделение функций в управлении духовно-учебной системой между Синодом, обер-прокурором и ДУУ. ДУУ поручало Московскому митрополиту — святителю Филарету — провести проверку Академии (Оп. 2. Д. 537 и далее), а преподавателям Академии — ревизию семинарий Московского округа (Оп. 2. Д. 598, 982 и далее). ДУУ заботилось об обеспечении учебными программами и конспектами духовных семинарий и самой Академии, поручая составлять их преподавателям Академии и литографировать рукописи в нужном количестве (Оп. 2. Д. 548, 886, 929, 1022 и далее). Через ДУУ проходили назначения выпускников Академии на духовно-учебные должности, а также некоторые другие кадровые вопросы: учреждение опеки над семьями и имуществом умерших преподавателей и служащих духовно-учебных заведений, представление преподавателей и служащих духовно-учебных заведений, не имеющих священного сана, к очередному чину и назначение им пенсий (Оп. 2. Д. 612, 739, 927 и далее). ДУУ кроме того занималось некоторыми делами высшей духовной школы, выходящими за пределы собственно Академии, прежде всего отношениями с другими высшими

¹⁵ См.: Высочайше утвержденное 1 марта 1839 г. положение о Духовно-учебном управлении при Святейшем Синоде // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 14. СПб., 1840. Отд. 1. № 12070. С. 179–183.

учебными заведениями, российскими университетами. Так, ДУУ подбирало преподавателей и выпускников Академии для преподавания богословия в российских университетах, причем не только в Московском, но и в Казанском (Оп. 2. Д. 576). После 1863 г., когда новый Устав российских университетов позволил поступление в университеты выпускников духовных семинарий, ДУУ в особых случаях вело переговоры с ректором Московского университета относительно поступления туда выпускников Академии (Оп. 2. Д. 1149).

Непосредственная связь Академии с высшей церковной властью — *Святейшим Синодом* — зафиксирована лишь в отдельных документах. Так, после 1839 г. Св. Синод утверждал решение Конференции о возведении выпускников Академии в степень магистра (Оп. 2. Д. 680, 751, 784, 1007). Св. Синод направлял воспитанников семинарий в новые церковные высшие школы — в Миссионерский институт в 1861 г. (Оп. 2. Д. 1095). И до, и после 1839 г. (до 1865 г.) Св. Синод также давал разрешение на пострижение студентов и преподавателей Академии в монашество (Оп. 2. Д. 1096)¹⁶, по указу Св. Синода ученые иноки включались в число соборных иеромонахов (Оп. 2. Д. 136, 143)¹⁷. Постриги студентов духовных академий совершались на основании Высочайше утвержденных правил о принятии в монастыри и пострижении в монашество 1832 г. Согласно этим правилам, пострижение «окончивших курс Богословских Наук и готовящихся к Учительским долж-

¹⁶ Высочайше утвержденным указом Святейшего Синода от 29 сентября 1865 г. право «разрешать пострижение желающих в монашество» было даровано епархиальным архиереям (см.: О порядке приема и пострижения желающих поступить в монашество // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 40. СПб., 1867. Отд. 1. № 42505. С. 989).

¹⁷ Попытка организовать ученое монашеское сообщество в виде «соборных иеромонахов» при крупных монастырях была предпринята еще в конце XVIII в. при Павле I. «Соборные» должны были упражняться в переводах, сочинениях, проповеди слова Божия, в преподавании наук по академиям и семинариям, а также служить в обители «собором своим службу Божию» в «первейшие» Господские праздники, «во дни рождения, тезоименитства и коронования Государского». Высочайший указ от 18 декабря 1797 г. говорил об учреждении при Киево-Печерской и Александро-Невской Лаврах и ставропигиальном московском Донском монастыре по 10 «соборных» иеромонахов, «учение свое в Семинариях и Академиях с успехом и пользою окончивших» (см.: ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 24. СПб., 1830. № 18273. § 3. С. 821–822). В XIX в. этот статус давался обычно ученым инокам, преподававшим в духовных академиях.

ностям» могло быть разрешено в 25 лет, а если они характеризовались при этом «отличным одобрением в поведении», в положенный перед постригом трехлетний иску́с могло быть вменено «время постоянного пребывания их под надзором и нравственным руководством Духовного Начальства училищного»¹⁸. Формирование ученого монашества было несомненно важной стороной жизни Академии. Так, уже первый выпуск МДА дал при выпуске целую плеяду ученых иноков: Платона (Березина Павла), Владимира (Алявдина Василия), Моисея (Сахарова Михаила), Михаила (Доброва Матфея), Анастасия (Воскресенского Афанасия), Иеронима (Нестеровского Василия), Иоанна (Вишняковского Алексея), Сергия (Извекова Павла), Амфилохия (Тумского Александра), Филарета (Райского Федора) (Оп. 2. Д. 45). И в дальнейшем каждый выпуск Академии пополнял ряды ученого монашества. На них возлагались особые надежды на развитие богословской науки, хотя духовно-учебное служение довольно быстро уводило их из стен родной Академии на должности инспекторов и ректоров других духовных школ (Оп. 2. Д. 102 и др.) Кроме того, указами Св. Синода определялись те или иные новые правила учебного процесса. Так, указом Св. Синода 1863 г. был изменен порядок рассмотрения выпускных сочинений: каждое выпускное сочинение должно было читаться последовательно и независимо тремя преподавателями Академии (по профильной дисциплине и двумя членами Конференции), а в Св. Синод отправлялись только списки рекомендованных к магистерской степени с приложением отзывов (Оп. 2. Д. 1130). Указ Св. Синода 1869 г. регламентировал меры, применяемые к выпускникам академий, не подавшим вовремя выпускные сочинения (Оп. 2. Д. 1241). Предписанием Св. Синода того же года вводились льготы на приемных и выпускных экзаменах для иностранных студентов (Оп. 2. Д. 1242).

Сложнее определить роль *обер-прокурора* в высшем духовном образовании, ибо выполнение указов Св. Синода нередко отслеживалось канцелярией обер-прокурора, а некоторые указания обер-прокурора

¹⁸ См.: Высочайше утвержденные 29 мая 1832 г. Правила о принятии в монастыри и пострижении в монашество // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 7. СПб., 1833. № 5399. § 2, 4. С. 340.

проводились зависящим от него ДУУ. Но можно выделить некоторые дела, непосредственно связанные с обер-прокурором: сбор сведений об обучающихся в Академии иностранцах (Оп. 2. Д. 1230); учреждение особого — Ломоносовского — денежного фонда для выплаты стипендий 10 лучшим студентам Академии (Оп. 2. Д. 1234); попытки принять меры для прекращения утечки духовно-учебных кадров. Последнее стало серьезной проблемой в начале 1860-х гг., и в 1864 г. в качестве попытки противодействия этому было принято решение о присуждении ученой степени выпускникам Академии только после окончания четырехлетней службы в духовно-учебной системе (Оп. 2. Д. 1155).

Переписка Внутреннего Правления с КДУ, Святейшим Синодом, обер-прокурором, ДУУ, с одной стороны, и с *Московским митрополитом*, с другой, дает возможность глубже проанализировать особое положение высших духовных школ. Выведенные Уставом 1814 г. из-под безусловного подчинения епархиальной власти, они, тем не менее, находились под постоянным начальственным наблюдением епархиального преосвященного. Им возглавлялись Конференция и Правление Академии, ему доносилось обо всех сторонах жизни Академии. Документы свидетельствуют, что эта покровительственная связь зависела теснейшим образом и от личности архиерея: на протяжении сорока шести лет управления Московской епархией святителем Филаретом (Дроздовым) практически ни одно академическое деяние или событие не проходило без его внимания или участия. Журналы заседаний Конференции и Правления, отчеты ректора о состоянии Академии и инспектора о поведении и успехах студентов, программы испытаний и итоговые списки, указания секретарю Академии содержат указания, комментарии, поощрения и выговоры святителя (Оп. 2. Д. 300, 372, 537, 1153, 1173 и др.).

3. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ: УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Однако главная ценность архивных дел ф. 229 — возможность яснее восстановить внутреннюю жизнь МДА. Особенно важно это для

истории Академии 1814—1870 гг., ибо в тот период печаталось довольно мало внутренних документов.

Прежде всего, интерес представляют документы, связанные с введением *новых дисциплин* и устройением новых классов. Так, по архивным документам можно проследить активный процесс выделения из общего богословского курса новых самостоятельных предметов. В 1840 г. получило статус самостоятельной дисциплины каноническое право — его поручили преподавать инспектору Академии архимандриту Евсевию (Орлинскому), с возложением на него обязанности составления программы (Оп. 2. Д. 542, 583). Следует заметить, что выделение этой новой дисциплины было поддержано святителем Филаретом, ибо он еще в 1814 г., будучи ректором СПбДА, отмечал неразработанность канонического права в российской духовной школе и необходимость особого внимания к этому предмету¹⁹.

В том же 1840 г. в Академии был также введен новый учебный курс Патристики (Оп. 2. Д. 584). На примере этого курса можно заметить, что сам процесс введения новых богословских дисциплин был обусловлен двумя причинами. С одной стороны, подготовка пастырей в семинариях требовала усиления тех или иных составляющих богословского курса, а академии готовили прежде всего преподавателей для семинарий. С другой стороны, само высшее духовное образование нередко ставило перед необходимостью специально развивать те или иные области богословия, как например, изучение святоотеческого наследия. В 1839 г. во всех семинариях было введено преподавание Историко-богословского учения об отцах Церкви. Правление МДА, признав необходимым знакомить студентов с этим вновь введенным в семинариях предметом, с благословения Московского митрополита поручило преподавание патристики бакалавру герменевтики иеромонаху Евгению (Сахарову-Платонову) и вышло с соответствующим представлением к обер-прокурору. Св. Синод указом от 16 июля 1841 г. не только под-

¹⁹ См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. Т. 1. СПб., 1885. С. 146—149.

твердил инициативу МДА, но и распорядился ввести патристику и в двух остальных академиях (Оп. 2. Д. 584. Д. 1–2 об.). Место патристики в учебных планах менялось, учебные программы были нетверды, первоначально не было определено даже самостоятельное значение ее как предмета изучения (Оп. 2. Д. 683. Л. 2–4).

С 1830-х гг. началось общее усиление интереса к церковно-исторической науке. Общий настрой «историзма», особый интерес к свидетельствам Священного Предания, а также влияние немецкой исторической науки побудили к историческому рассмотрению различных сторон церковной жизни. Развитие церковно-исторической науки имело несомненные практические причины: насущные церковные проблемы и накопление исторических источников, попадавших в академии. В 1841 г. КДА выделила русскую церковную и гражданскую историю в самостоятельную дисциплину. Опыт был достаточно удачным, и в 1843 г. Святейший Синод предложил всем остальным академиям выработать соображения по этому вопросу. Ответ последовал положительный, но комбинации указывались различные: русская церковная история присоединялась то к общей церковной истории, то к русской гражданской истории (Оп. 2. Д. 675. Л. 4–6). В частности, в МДА класс русской церковной истории был открыт в 1864 г. (Оп. 2. Д. 1132).

В документах ф. 229 отразилась одна из главных учебных проблем тогдашней высшей духовной школы — многопредметность, связанная с сочетанием в духовных академиях богословских и общеобразовательных дисциплин. Присутствие небогословских дисциплин в учебных планах академий было обусловлено, с одной стороны, педагогической задачей — подготовкой преподавателей для семинарий, с другой стороны — значением небогословских дисциплин для богословия. Так, еще до открытия МДА по правилам Устава 1814 г. (в 1810 г.) была предпринята попытка разделить изучаемые предметы на обязательные и выбираемые в качестве вспомогательных. К последним были отнесены физико-математические и историко-географические дисциплины²⁰. Однако в 1844 г. по инициативе Правления СПбДА физико-

²⁰ См.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 67–69.

математические дисциплины были сделаны обязательными для всех студентов, ибо физика «необходима для уразумения тех истин философии, которые должны прояснить свойства и законы материального мира и при том сама по себе излагает такие познания, которые ныне, по общему понятию, считаются необходимыми для всякого образованного человека» (Оп. 2. Д. 675. Л. 2). Кроме того, автоматически были предложены, также в качестве общеобязательных, историко-географические дисциплины. Правление МДА согласилось с этим предложением, однако с дополнительной ремаркой: такое расширение учебного плана возможно лишь при сокращении продолжительности лекций с двух до полутора часов. Причем за счет такого увеличения изучаемых предметов Правлением МДА предлагало ввести в высшем отделении Академии дополнительно церковную археологию и учение о вероисповеданиях, ересь и расколах, а также выделить из церковной истории библейскую (Оп. 2. Д. 675. Д. 4–6). Все это было приведено в исполнение.

Таким образом, устоявшееся в историографии мнение о том, что духовно-учебные изменения 1840–1850-х гг. проводились по инициативе обер-прокурора или некомпетентных лиц, привлекаемых обер-прокурором или ДУУ, нисколько не подтверждается²¹. Во-первых, предложения о выделении новых дисциплин из действующих курсов поступали от академических Правлений, во-вторых, централизованное введение этих дисциплин проводилось только после обсуждения предложения во всех остальных академиях. Это был творческий процесс формирования структуры высшего духовного образования с учетом его многозадачности. Хотя все же, разумеется, отсутствие единой концепции невольно сказывалось на учебных планах.

В 1867 г. по указанию ДУУ в Академии была введена кафедра педагогики (Оп. 2. Д. 1212). Эта дисциплина признавалась необходимой для духовных академий, выпускники которых преподают в духовных и светских школах, становятся пастырями. Впрочем, эта дисциплина имела непростую судьбу в истории духовной школы. Предложения от академий о введении педагогики поступали и раньше, однако введена

²¹ См., напр.: *Титлинов 1909. С. 2–4, 154–155.*

она была только во второй половине 1860-х гг., когда к выпускникам академий как преподавателям и священникам стало предъявляться немало претензий.

Так как увеличение числа преподаваемых дисциплин вело к перегрузке преподавателей, поскольку штат не увеличивался, иногда пытались сократить или совместить ранее преподаваемые дисциплины или перераспределить членов корпорации. Так, введение патристики в 1841 г. привело к прекращению преподавания библейской археологии, которую сочли менее важной (Оп. 2. Д. 603). Чрезвычайно разросшийся к концу 1850-х гг. состав предметов подвигал на совмещение, например, преподавания греческого языка с патристикой, латинского языка со словесностью (Оп. 2. Д. 1047, 1051).

Среди материалов Внутреннего Правления немало *учебных*: конспекты и обзоры учебных программ (Оп. 2. Д. 175, 219, 256, 297, 306 и далее), отчеты преподавателей о прочитанных лекциях (Оп. 2. Д. 848 и др.). Несмотря на свою фрагментарность, эти материалы представляют значительный интерес, ибо не так часто издавались учебные программы и конспекты в ранний период деятельности Академии, да и сохранилось их все же очень мало. Они отчетливо отражают не только состояние российского учебного богословия на этапе его становления, но и сам творческий процесс, подвижнические труды деятелей отечественной духовной школы. Документы ф. 229 позволяют уловить преобладающую тенденцию начала 1860-х гг. — повышенное внимание к научной деятельности академий. Так, в 1864 г. Академия получила предписание предоставить сведения об ученых трудах преподавателей и студентов самой Академии и духовно-учебных заведений округа (Оп. 2. Д. 1152).

В документах ф. 229 вполне отразилась и специфическая проблема русской духовной школы — *язык преподавания*. Еще в 1819 г. КДУ разослала по академиям предписание, разрешающее преподавать богословие как на латинском, так и на русском языке (Оп. 2. Д. 1481). Однако в целом переход в преподавании на русский язык был процессом сложным и долгим. Отметим, что дольше всего латынь держалась в лекциях по философии: если конспекты по философии для

выпускных испытаний до 1841 г. пишутся на латинском языке, то с 1842 г. — на русском (Оп. 2. Д. 585. Л. 66 об. — 67 об.; Д. 599. Л. 44–46). Конспект по философии для внутренних испытаний еще в 1854 г. был подан на латинском (Оп. 2. Д. 960). Экспромты в 1840-х гг. писались в равном количестве на русском и латинском языках (Оп. 2. Д. 604. Л. 1–1 об.; Д. 648. Л. 25–25 об.).

Особое внимание надлежит обратить на документы, связанные с проведением *внутренних и публичных испытаний* и их результатами. Отработка основных идей Устава 1814 г. в МДА проводилась еще на примере первого набора (1814–1818). Ежегодные испытания этих первых студентов преобразованной МДА — после окончания одногодичного, двухгодичного, трехгодичного учебных курсов, наконец, итоговые (публичные) испытания — позволяют проследить постепенное формирование самой идеи высшей духовной школы, а именно, соотношения в ней богословской и небогословской составляющих (Оп. 2. Д. 7, 13, 28, 46). Документы, связанные с проведением испытаний в последующие годы, ясно показывают, как отрабатывалась эта форма учебной работы. На испытаниях проверялись результаты учебной деятельности преподавательской корпорации, состоятельность студентов, их готовность к дальнейшей научно-богословской, духовно-учебной и церковно-просветительской деятельности (Оп. 2. Д. 99, 100, 112, 176, 278, 308, 312 и далее). Преподаватели представляли («сдавали») конспект по прочитанному материалу, причем если на внутренние испытания выносилось чаще всего все, что было пройдено за полгода (Оп. 2. Д. 599. Л. 1–24; Д. 648. Л. 12–25; Д. 960. Л. 1–29 об.), то на публичные — только один из разделов предмета (Оп. 2. Д. 585. Л. 66 об. — 67 об.; Д. 599. Л. 44–46). Святитель Филарет, неизменно участвовавший в итоговых испытаниях МДА, а нередко и во внутренних (Оп. 2. Д. 604. Л. 4), очень строго относился как к программам испытаний, так и к процессу их проведения (Оп. 2. Д. 300). Устные испытания гармонично дополнялись письменными экспромтами. Необычной для современного образования кажется система оценок 1840-х гг.: «отлично хорошо», «весьма хорошо», «очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «порядочно» (Оп. 2. Д. 607. Л. 22–23).

После итоговых испытаний выпускники покидали Академию, однако связь с ней не терялась. В ф. 229 сохранилось много дел, связанных с распределением выпускников, выдаче им денег на проезд и на обзаведение, установлении им классных окладов, а также на пересылку магистерских и кандидатских дипломов, магистерских крестов духовенству (Оп. 2. Д. 38, 51, 69, 96, 109, 134 и далее). Эти документы представляют немалый интерес для истории высшей духовной школы и выявления ее места и значения в Русской Православной Церкви. Кроме того, они помогают детально восстановить некоторые подробности раннего периода деятельности многих значительных церковных личностей.

В ф. 229 сохранились записки инспектора о поведении студентов, их возвращении из отпуска, исповеди и причащении, регулярно представляемые в академическое Правление и Московскому митрополиту (Оп. 2. Д. 11, 29, 44, 71, 98, 167 и далее). Эти записки часто довольно однотипны и не содержат конкретной информации. Однако иногда в них содержатся любопытные сведения из студенческой жизни. Кроме того, эти записки являются непосредственным свидетельством одной из самых сложно реализуемых сторон жизни Академии — духовного воспитания. Этот вопрос в свое время вызывал немало дискуссий, в частности, пререкаемой была сама система оценок по поведению, которые обычно выставлялись на основании записок инспектора и вносились в аттестаты и дипломы выпускников. В 1822 г. было решено избирать из числа студентов последних курсов «старших» для наблюдения за порядком. Для них Правлением была утверждена специальная инструкция (Оп. 2. Д. 139), которая впоследствии несколько раз уточнялась (Оп. 2. Д. 406, 605). Одной из обязанностей старшего было собирать студентов на общее чтение утренних и вечерних молитв (Оп. 2. Д. 605. Л. 5—5 об.).

В комплексе Внутреннего Правления содержатся многообразные кадровые материалы: формулярные списки преподавателей и служащих, курсовые и разрядные списки студентов; материалы, связанные с перемещениями преподавателей по службе. Эти документы представляют немалый интерес, ибо позволяют дополнить жизнеописания многих архиереев, священников, церковных деятелей, причем часто малоизвестными подробностями.

4. ДОКУМЕНТЫ ВНУТРЕННЕГО ПРАВЛЕНИЯ:
МАТЕРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Весьма показательны материалы, связанные со знаменитой академической *библиотекой*, также содержащиеся среди дел Внутреннего Правления. Основная часть архивных библиотечных документов попала в ф. 172 ОР ГБЛ, однако и в ф. 229 ЦИАМ содержится немало дел, свидетельствующих об активной деятельности библиотеки. Многочисленные дела о получении и выписке книг, журналов и учебных пособий (Оп. 2. Д. 15–17, 116, 121, 144 и далее) красноречиво свидетельствуют о значении обширной и тщательно подобранной библиотеки для высшей духовной школы и развития богословия. Поскольку МДА оказалась наследницей библиотек Московской Славяно-греко-латинской академии и Троицкой семинарии, в первые годы деятельности Академии в Троице-Сергиевой Лавре в нее поступало немало книжных пожертвований от высших учебных заведений (университетов, Демидовского лицея) и частных лиц, причем книги накапливались довольно быстро (Оп. 2. Д. 123–124, 179–181 и далее). Поэтому нередко ветхие книги исключались из библиотеки (Оп. 2. Д. 103), а лишние экземпляры рассылались по подведомственным семинариям и училищам (Оп. 2. Д. 101, 104 и далее). Академия старалась обеспечивать своих профессоров, бакалавров и студентов литературой, необходимой для их занятий, поэтому была введена система выписки и закупки книг по конкретным преподавательским заказам (Оп. 2. Д. 281 и далее). Хорошие библиотеки и возможность их регулярного пополнения всегда были сильной стороной высших духовных школ.

Значительную часть дел Внутреннего Правления МДА составляют *финансово-хозяйственные документы*. Ежегодная штатная сумма, поступающая до 1839 г. из Комиссии духовных училищ, а после 1839 г. — из Духовно-учебного управления, тратилась на содержание студентов (Оп. 2. Д. 31, 53, 55 и далее), выплату жалованья преподавателям и служащим (Оп. 2. Д. 30, 40, 82 и далее); содержание академических библиотеки (Д. 74 и далее), больницы (Оп. 2. Д. 22–23, 61 и далее) и канцелярии (Оп. 2. Д. 359 и далее); строительство новых академических зданий и реконструкцию старых (Оп. 2. Д. 4,

5, 86, 614—617 и далее) и на мелочные расходы (Оп. 2. Д. 2, 6, 27, 36, 80 и далее). Были также и особые расходы, имевшие отношение к подведомственным Академии духовно-учебным округам. Так, преподаватели-ревизоры, отправлявшиеся на очередной осмотр семинарий и училищ, получали прогонные деньги из академической суммы — правда, с последующим возмещением из дополнительных сумм КДУ (Оп. 2. Д. 158, 598, 982 и далее). Можно было бы проследить и собственные заботы Академии по увеличению финансовых возможностей: например, внесение остатков ежегодной денежной суммы в сохранный банк Московского воспитательного дома, а позднее — в Опекунский совет для приращения процентов (Оп. 2. Д. 161, 314), распоряжение суммами, пожертвованными на содержание неимущих студентов. На содержание духовных воспитанников жертвовали разные лица: был старый капитал графа Остермана, завещанный в пользу сирот, обучающихся в Академии; благотворительные капиталы митрополитов Михаила (Десницкого) и Серафима (Глаголевского), генерал-поручицы Римской-Корсаковой; одноразовые пожертвования московского купечества и иных лиц (Оп. 2. Д. 230, 237, 1233, 1485, 1522; Оп. 5. Д. 675). Правление Академии, чувствуя ответственность за эти суммы, старалось распорядиться ими наиболее разумно.

Бытовая сторона академической жизни, возможно, не столько интересна для исследования, но определенный колорит и полноту *общезития* она передает. В фонде сохранились частые отчеты штаб-лекаря (в дальнейшем врача) о состоянии здоровья студентов и служащих Академии (Оп. 2. Д. 21, 22, 60 и далее), обстановке в академической больнице, закупке медикаментов (Оп. 2. Д. 23, 61 и далее). Штрихи к общей жизни добавляют даже такие экзотические документы, как дело о приобретении материалов для пошива форменной одежды для студентов Академии (Оп. 2. Д. 260) или о найме цирюльника для обслуживания студентов (Оп. 2. Д. 159) и др.

Определенный интерес представляют достаточно хорошо сохранившиеся *материалы Строительного комитета* (Оп. 2. Д. 593—594 и далее) и нескольких специальных комитетов, учреждаемых в Академии по поводу каждого крупного строительства или перестройки. Так, в первые годы академического пребывания в Лавре проводилась

кампания по ремонту зданий, переданных Академии, строительству залы собраний и нового корпуса для Академии (Оп. 2. Д. 5, 86); в 1834—1837 гг. строилась академическая больница (Оп. 5. Д. 133, 149, 157; Оп. 2. Д. 615); в 1841—1842 гг. — новый одноэтажный дом для служащих Академии и двухэтажный — для преподавателей («бакалаврский корпус») (Оп. 2. Д. 557, 558, 614, 616, 617). Иногда проводились экстренные ремонты академических зданий по особым случаям: например, перед приездом лиц царской фамилии (Оп. 2. Д. 587, 888, 1069 и далее). Журналы заседаний этих комитетов, договоры о подрядах, закупке материалов, денежные отчеты, прошения о дополнительных деньгах свидетельствуют, как непросто было дело построения русского духовного образования не только в духовном, интеллектуальном, учебном, организационном отношении, но и в материальном.

5. ДЕЛА АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Как отмечено выше, в фонде сохранилось крайне мало дел, относящихся к деятельности академической Конференции (1818—1869). Тем не менее, отдельные документы можно обнаружить в комплексе дел Внутреннего Правления (Оп. 2. Д. 296). Несколько документов, связанных с деятельностью Конференции, попали в «дела из россыпи» (Оп. 5. Д. 503, 716—721), а одно дело присоединено к документам более позднего периода (Оп. 3. Д. 504). Эта плохая сохранность документов Конференции — результат многократных перемещений академического архива. В период деятельности дореволюционной Академии документы Конференции составляли значительный пласт — 910 дел (Оп. 3. Д. 985. Л. 3; Д. 274. Л. 3—4)²². Кроме того, в фонде есть также документы, связанные с напечатанием журналов Конференции и их рассылкой в семинарии и училища Московского духовно-учебного округа (а в 1818—1842 гг. — и Казанского) (Оп. 2. Д. 117, 278, 474, 613). Сами журналы Конференции сохранились лишь за отдельные

²² Часть документов Конференции попало в ф. 172 НИОР РГБ, но значительная часть, видимо, утеряна.

годы (Оп. 2. Д. 296). Однако имеется несколько документов, связанных с учреждением Конференции в МДА в 1818 г. перед первым выпуском преобразованной Академии (Оп. 5. Д. 716–717). Интересно дело 1827–1828 гг., связанное с попыткой Конференции расширить состав своих членов-корреспондентов, которые должны были доставлять Конференции «полезные сведения обо всех открытиях, относящихся к духовной учености» (Оп. 5. Д. 718. Л. 1–10).

Однако к сфере деятельности Конференции относились и упомянутые выше дела по производству выпускных испытаний воспитанников с приложением программ и конспектов для этих испытаний, а также дела, связанные с возведением в академические ученые степени студентов и выпускников Академии. Среди этих дел есть очень интересные, связанные с особыми случаями *присуждения ученых степеней* или диссертациями, вызвавшими неоднозначные мнения членов Конференции или же замечания Московского митрополита. Так, например, дело о сочинении выпускника-кандидата Академии 1832 г. Ивана Покровского «Рассуждение о том, в каком состоянии было учение о Святой Троице в Ветхом Завете», представленном им в 1834 г. на соискание степени магистра богословия (Оп. 2. Д. 392). Или история знаменитого сочинения выпускника Академии 1836 г. Николая Руднева «О ересьях и расколах в Российской Церкви» (Оп. 2. Д. 609). Оно писалось не только как выпускное, но и как представляемое на соискание премии графа Н. П. Румянцева, предложенной МДА еще в 1817 г. Затем это сочинение многократно рецензировалось, исправлялось, дополнялось, пока, наконец, в 1838 г. не получило одобрение и не было напечатано²³. Интерес представляет не только сама история, но и тщательное обсуждение понятий «ересь» и «раскол» рецензентами, а также отнесение к этим понятиям тех или иных проблемных явлений в истории Русской Церкви. Для истории русского богословия важны и рекомендации к публикации лучших сочинений выпускников Академии: «Взгляд на историю Российской Церкви» иеродиакона Платона (Фивейского) (1834), в будущем архиепископа Костромского; «Рассуждение о подражании языческих философов христианам пер-

²³ См.: Руднев Н. О ересьях и расколах в Российской Церкви. М., 1838.

вых веков» Василия Соколова (1834) (Оп. 2. Д. 393); «Историческое рассуждение о постах Православной Восточной и Католической Церкви» иеромонаха Алексия (Соловьева) (1834) (Оп. 2. Д. 474); «О крестных ходах Православной Церкви» Ивана Аничкова (1842); «О поведении первенствующих христиан в отношении к язычникам» Дмитрия Левицкого (1842) (Оп. 2. Д. 613); «Св. Димитрий, митрополит Ростовский» Василия Нечаева (1848), в будущем — архиепископа Костромского и Галичского Виссариона (Оп. 2. Д. 838)²⁴.

К материалам Конференции следует отнести и дела, связанные с *Цензурным комитетом*, подотчетным Конференции. Документы, свидетельствующие об активной деятельности этого Комитета, и сохранившиеся отчеты о рассмотрении отдельных сочинений, переводов, предполагаемых новых учебных пособий позволяют оценить уровень духовной литературы тех лет и представляют палитру связанных с ней проблем: выработка русской богословской терминологии, отношение к иностранным богословским сочинениям и т. д. (Оп. 2. Д. 116, 870; Оп. 5. Д. 721). По «цензурным» делам можно отчасти проследить и формирование комплекса духовно-учебных пособий, как богословских, так и вспомогательных: словари и грамматики древних языков (Оп. 5. Д. 719–720).

Еще одно направление церковно-просветительской деятельности Академии — *церковная проповедь*. Профессора и бакалавры МДА, профессора Вифанской ДС и священники Радонежского ДУ регулярно, согласно составленному расписанию, читали в МДА проповеди собственного сочинения (Оп. 2. Д. 177, 336, 396, 418, 444, 473, 493, 564 и далее). Ректор и инспектор Академии иногда назначались для чтения проповеди в особые торжественные дни в московском Большом Успенском соборе, например, во время празднования тезоименитства или восшествия на престол Императора (Оп. 2. Д. 527, 1062).

²⁴ См.: Платон, *иеродиак*. Взгляд на историю Российской Церкви. М., 1834; Соколов В. О подражании языческих философов христианам первых веков. М., 1834; Алексий (Соловьев), *иером.* Историческое рассуждение о постах Православной Восточной и Католической Церкви. М., 1837; Аничков И. О крестных ходах Православной Церкви. М., 1842; Левицкий Д. О поведении первенствующих христиан в отношении к язычникам. М., 1842; Нечаев В. Св. Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849.

6. ДЕЛА ВНЕШНЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Комплекс материалов Внешнего Правления (Оп. 2. Д. 1263–2447; Оп. 5. Д. 1–132, 134–148, 150–156, 158–494, 496–499, 518–623, 625–632) дает представление обо всей «четырёхуровневой» системе духовных школ, преобразованных и иерархически связанных по Уставу 1809–1814 гг. Академия, возглавляющая эту систему в пределах Московского учебного округа, несла попечительные и контрольные заботы о девяти семинариях²⁵ и через них о нескольких десятках уездных и приходских училищ. В 1818 г. по новому Уставу были преобразованы духовные семинарии и училища Казанского духовно-учебного округа, однако Казанская академия оказалась неготовой к открытию по новому Уставу, поэтому управление Казанским духовно-учебным округом было возложено на МДА (Оп. 2. Д. 105, 153). Материалы Внешнего Правления Академии свидетельствуют, сколь обширны были подчас эти заботы и насколько подробно приходилось входить членам Правления в самые мелкие проблемы семинарской и училищной жизни. Особенно тесна и действенна эта связь была в эпоху КДУ (1814–1839), в эпоху же ДУУ (1839–1867) попечение это отчасти стало более формальным.

Среди дел Внешнего Правления присутствуют документы, связанные с открытием и закрытием новых училищ и классов (Оп. 2. Д. 1424, 1505; Оп. 5. Д. 3–12), введением новых предметов в семинарский и училищные курсы. Сохранилось также довольно много учебных материалов: конспектов и учебных программ семинарий и училищ, дел об обеспечении семинарий и училищ учебными пособиями и пополнении их библиотек.

Как и в делах Внутреннего Правления, в комплексе Внешнего Правления наличествует много *финансово-экономических документов*, связанных с распределением сумм, ассигнованных на содержание семинарий и училищ из училищных капиталов, а также пожертвованных

²⁵ В Московский учебный округ входило восемь епархий; Московской Академии подчинялись таким образом, соответственно, девять семинарий: Московская, Вифанская, Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская и Ярославская.

частными лицами, монастырями и различными обществами (Оп. 2. Д. 1263, 1266, 1268, 1287 и далее). Регулярно в Правление МДА поступали экономические отчеты учебных заведений о расходах штатных сумм и пожертвований. Дела о постройках, перестройках, ремонтах свидетельствуют о непростой жизни провинциальных семинарий и училищ. Среди финансовых дел — регулярные отчеты семинарских Правлений в Правление МДА о количестве распроданных венчиков и листов с разрешительной молитвой (Оп. 2. Д. 1553, 1575 и далее).

Значительную часть комплекса составляют *дела о начальствующих, учащих и служащих*: документы, связанные со служебными перемещениями (Оп. 2. Д. 1300, 1313, 1314, 1316, 1330, 1345, 1348, 1365 и далее), предоставлением профессорам и преподавателям духовно-учебных заведений Московского и Казанского округов мест священников и протоиереев (Оп. 2. Д. 1289, 1332), увольнением их, переводом из духовного звания в светское. Сохранилось много послужных списков преподавателей, документов об утверждении в ученых степенях, назначении класных окладов, вручении магистерских и кандидатских дипломов, магистерских крестов, повышении в чинах, о представлении к наградам. Журналы заседаний Внешнего Правления сохранились почти за все время его деятельности, это дает возможность проследить последовательное решение всех проблемных вопросов и во многом восстановить историческую канву формирования системы духовного образования. Так, например, в 1818 г. в связи с преобразованием казанских духовно-учебных заведений КДУ проводит многочисленные должностные перемещения преподавателей и служащих МДА, СПбДА и семинарий Московского, Санкт-Петербургского и Казанского духовно-учебных округов (Оп. 2. Д. 1425). В первые годы формирования духовно-учебной системы особенно ярко проявляется ее централизация и единство: в каждый набор студентов в МДА или СПбДА попадали воспитанники духовных семинарий всех преобразованных духовно-учебных округов (Оп. 2. Д. 1466, 1578).

Не менее в своем роде интересны *материалы об учащих*: отчеты об успехах и поведении воспитанников, годовые ведомости, результаты испытаний, разрядные списки. В частности, неимущих выпускников духовных училищ, имевших способности, помещали на бурсацкое или по-

лубурсацкое содержание в духовные семинарии (Оп. 2. Д. 1473, 1478).

Сохранились дела, связанные с дальнейшей судьбой выпускников духовных семинарий: распределением их на вакантные должности учителей в уездные и приходские училища (Оп. 2. Д. 1552 и далее), возведением в священнический сан, предоставлением священнических мест (Оп. 2. Д. 1337 и далее; Оп. 5. Д. 260, 414). Были особые места служений, замещение которых требовало внимания не только семинарского начальства и Внешнего Правления МДА, но и КДУ и ДУУ. Так, особое специальное дело было посвящено поиску кандидата на место священника церкви Казанского прихода Яренского уезда, поскольку там необходимо было знание зырянского языка. Наконец, среди воспитанников Вологодской ДС был все же найден такой (Иван Самсонов) (Оп. 2. Д. 1772).

Следует обратить внимание еще на предписания КДУ (ДУУ) об отправлении выпускников семинарий для продолжения образования в светские высшие учебные заведения: Санкт-Петербургский педагогический институт, Медицинскую академию, Московский университет (Оп. 2. Д. 1284, 1322, 1390, 1391, 1444, 1467, 1580). С одной стороны, само это явление было продолжением старой традиции — заполнения новых учебных заведений семинаристами, с другой стороны, свидетельством совместимости духовных школ с другими учебными заведениями. Однако нередко подобные кампании истощали духовно-учебную систему.

Особый интерес в делах Внешнего Правления представляют *отчеты о ревизиях семинарий и училищ*, хотя они сохранились в основном фрагментарно. Ревизии проводились регулярно, но окончательное оформление отчетов часто затягивалось (нередко они входили в дела Правления через год или два после проведения ревизии, в делах Правления сохранились даже укоры митрополита Филарета неторопливым ревизорам). Отчеты чаще всего (особенно до 1839 г.) были очень подробные — не формальные, но конкретные, с приведением фактов, с рекомендациями к возможному исправлению замеченных недочетов.

7. ДЕЛА СОВЕТА АКАДЕМИИ

В 1867 г. духовно-учебные округа были упразднены, а руководство семинариями и училищами было передано новому духовно-учебному органу при Святейшем Синоде — Учебному комитету (Оп. 2. Д. 1206)²⁶. Было упразднено и Внешнее Правление в Академии.

В 1869 г. был принят новый Устав православных духовных академий, внесший существенные изменения во все стороны жизни и деятельности высшей духовной школы (Оп. 2. Д. 1239)²⁷. На новый управляющий орган Академии — Совет — были возложены дела, связанные с научной и учебной деятельностью преподавателей и студентов, воспитательные вопросы, библиотека, а также цензура академических изданий²⁸, в то время как Правление должно было заниматься финансовыми и хозяйственными вопросами²⁹.

Главным принципом высшего духовного образования стала специализация: преподавателей — по кафедрам и по отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому), студентов трех младших курсов — по тем же отделениям, студентов выпускного курса — по группам предметов³⁰. Научную ревность преподавателей и студентов должна была укреплять модифицированная система научно-богословской аттестации, включавшая обязательное представление магистерских и докторских диссертаций в виде монографий и их публичную защиту³¹. МДА была преобразована по правилам этого Устава летом 1870 г. Академия еще дважды подвергалась преобразова-

²⁶ См. также: Высочайше утвержденное 14 мая 1867 г. Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 42. СПб., 1871. № 44570. С. 496–498; Высочайше утвержденный 14 мая 1867 г. Устав Православных Духовных Семинарий // Там же. № 44571. С. 498–511.

²⁷ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // ПСЗРИ. 2-е собрание. Т. 44. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556.

²⁸ См.: Там же. § 85–103.

²⁹ См.: Там же. § 104–109.

³⁰ См.: Там же. § 46–48, 50, 110–122, 133–138.

³¹ См.: Там же. § 138–139, 141, 144–145.

ниям — в 1884 и в 1910—1911 гг.³². В 1884 г. были упразднены отделения и произошло особое устроение выпускного курса, в 1910—1911 гг. структура учебного курса также была отчасти изменена. Однако эти преобразования нисколько не меняли управляющих органов Академии, поэтому в ф. 229 весь период после 1870 г. представлен единими комплексами документов.

Жизнь Академии после преобразования 1870 г. представлена документальными комплексами Совета (Оп. 3. Д. 1—394), Правления (Оп. 3. Д. 501—988), а также особо выделенными учебными материалами, темами кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3. Д. 395—432), отзывами о магистерских, кандидатских и других сочинениях (Оп. 3. Д. 433—495). Дела Совета и Правления в описи зафиксированы в хронологической последовательности с разделением по годам (1870—1919), учебные программы и конспекты — по предметам (Оп. 3. Д. 395—412), темы сочинений — по годам (за 1889—1918 гг., Оп. 3. Д. 413—432), отзывы о сочинениях — по фамилиям рецензентов (или по их монашескому имени) в алфавитном порядке.

Отметим, что из материалов Совета можно было бы также выделить в особые комплексы *классные журналы* различных курсов (1—4), а до 1884 г. — и отделений (богословского, церковно-исторического, церковно-практического), сохранившиеся за отдельные годы.

По документам этим видно, как на практике перераспределились решаемые вопросы среди управляющих органов Академии. В частности, в делах Совета — распределение и расписание уроков за текущий учебный год, правила о сроках и порядке производства испытаний, отчеты об их проведении и ведомости с результатами этих испытаний, отчеты преподавателей Академии о прочитанных лекциях и научных работах (иногда с приложением черновиков и подробных пояснительных записей), дела о диспутах, устраиваемых согласно новому Уставу при защите

³² См.: Устав 1884 г. С. 232—261; Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // Там же. Т. 30. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274. С. 414—431; Высочайше утвержденные 29 июля 1911 г. изменения действующего Устава Духовных Академий // Там же. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1914. № 35704. С. 868—870; Высочайше утвержденные 26 августа 1911 г. изменения в Уставе Православных Духовных Академий // Там же. № 35802. С. 961—966.

магистерских и докторских диссертаций и о возведении в ученые степени. Совет Академии был теснейшим образом связан непосредственно со Святейшим Синодом: в фонде содержатся указы Св. Синода Московской академии, иногда — особые, по каким-либо неординарным событиям: например, реорганизация Академии 1869—1870 гг., введение нового Устава в 1884 г. и в 1910—1912 гг., события 1905 и 1917 г. Однако довольно тесна и связь с Московским архиереем, значительно усилившаяся после 1884 г.: регулярные донесения ректора Академии Московскому митрополиту о состоянии Академии, о ходе учебных занятий и всех событиях академической жизни, докладные записки инспектора митрополиту о поведении студентов, внутренней жизни и всех ее нарушениях. Сохранились и донесения Московского митрополита Святейшему Синоду об академических занятиях, приемных, текущих и выпускных испытаниях, о составе новых академических курсов.

К сожалению, далеко не все дела Совета сохранились одинаково полно за разные годы. Есть года до крайности «скудные». Например, за 1895 г. в описи 3 зафиксировано лишь три дела, а этот год был, надо сказать, весьма беспокойным для Московской академии: прошла ревизия, повлекшая за собой критические замечания, выявились несогласия профессорско-преподавательской корпорации с ректором (Оп. 3. Д. 252. 1896 г.). Однако некоторое восполнение этих пробелов можно произвести даже внутри ф. 229 — среди дел, не попавших в основные тематические комплексы и внесенных в опись № 5: так, там можно найти 26 дел, относящихся к 1895 г. и существенно проясняющих происходившее в это время в Академии (Оп. 5. Д. 655—680). Очень бедны материалами годы 1905, 1909—1912 (по 2—3 д.), 1915—1917 (по 5 д.), 1918—1919 (по 1 д.). Однако сохранились по большей части журналы заседаний Совета³³ и годовые Отчеты о состоянии Академии.

³³ По Уставу 1869 г. журналы Академии, как и отчеты о состоянии Академии за истекший учебный год, должны были печататься отдельными выпусками и в приложении к академическому периодическому изданию. Однако в ПрибТСО — органе Академии до 1892 г. — эти ценные источники по истории МДА печатались нерегулярно. Лишь с 1892 г., когда был основан журнал «Богословский вестник», все эти документы стали легко доступны. Но ценность архивного варианта журналов заседаний — в некоторых замечаниях, частных мнениях, не вошедших в печатный вариант.

Несомненно, особый интерес представляют документы, относящиеся к «реформенным» годам жизни Академии, то есть периодам введения в жизнь новых Уставов. Так, радикальные изменения, введенные Уставом 1869 г., определили для Совета Академии четырехлетний период (1870—1874) творческой работы по подбору кадров, составлению правил по порядку испытаний на ученые степени и звания, по рассмотрению сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней, избранию преподавателей, формированию приват-доцентуры (Оп. 3. Д. 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10). По всем этим вопросам регулярно представлялись отчеты Московскому митрополиту, а также велась переписка с Учебным комитетом и Святейшим Синодом.

Не менее сложным был переход Академии на Устав 1884 г. Хотя он и внес меньше организационной новизны, чем Устав 1869 г., однако изменения учебного процесса — упразднение отделений, специальная постановка выпускного курса — повлекли за собой много различных проблем. Надо было в течение года прочитать всем студентам 4-го курса все то, что они не изучали на своем отделении, принять экзамены, перераспределить преподавателей (Оп. 3. Д. 165—169). Для студентов третьего и второго курсов «переходного периода» Совет Академии по распоряжению Святейшего Синода составил особое учебное расписание. Совет МДА, воспользовавшись идеей увеличения общеобязательного курса, решил проявить свою инициативу и включить в него естественно-научную апологетику, которую Академия учредила в 1870 г., впрочем, безуспешно — эта кафедра так и осталась в статусе епархиальной (Оп. 3. Д. 167. Л. 14—14 об.). После кончины ее бессменного руководителя профессора Д. Ф. Голубинского († 23.11.1903) кафедра эта не замещалась³⁴, хотя члены корпорации МДА и выдвигали свои предложения о более определенной постановке апологетики, а также о конкретном содержании учебной программы. Был даже разработан проект «реформы естественно-научной апологетики», однако он не получил утверждения. Вскоре сама кафедра была упразднена с заме-

³⁴ См. выше специальную статью Г. Е. Кольванова «Кафедра Естественно-научной апологетики Московской духовной академии (1870—1903) в лице Д. Ф. Голубинского». С. 256-290. — Ред.

ной ее на кафедру Истории и обличения русского сектантства как более актуальной для текущих нужд Московской епархии (Оп. 3. Д. 315).

Хотя учебный курс после 1869 г. определялся действующим Уставом духовных академий и был в целом достаточно стабильным, некоторые изменения все же проводились. Так, по ходатайству Совета МДА и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского) указом Святейшего Синода от 4 января 1897 г. предметы Истории и обличения русского раскола, а также Изучения и разбора западных исповеданий были сделаны общеобязательными, причем не только для МДА, но и для всех остальных академий (Оп. 3. Д. 249. Л. 2—4).

Следует обратить особое внимание на документы, выявлявшие недовольство академических корпораций неудачными положениями действующих Уставов. Хорошим примером здесь является докладная записка 1894 г. Совета МДА митрополиту Московскому Сергию (Ляпидевскому) «о существующем и желательном порядке замещения должности ординарного профессора» (Оп. 3. Д. 238). Согласно Уставу 1884 г., все кафедры в Академии подразделялись на восемь групп, на каждую из которых была положена одна вакансия ординарного профессора³⁵. Таким образом, имеющий докторскую степень преподаватель не мог получить ординатуру, даже если таковые были праздными, но принадлежали группам, не включавшим его кафедру. Впрочем, ходатайство Совета МДА, поддержанное советами других академий, имело успех: указом 1895 г. должности ординарных профессоров стали доступны всем преподавателям, имеющим докторскую степень³⁶.

Среди учебных материалов, кроме привычных программ и конспектов лекций, немалый интерес представляют *отчеты профессорских*

³⁵ 1) по наукам богословским (введение в круг богословских наук, богословию догматическому и нравственному); 2) Священному Писанию с библейской историей; 3) пастырскому богословию, педагогике, гомилетике и истории словесности; 4) церковному праву, литургике и патристике; 5) церковной истории — общей и русской, истории западных исповеданий и истории русского раскола; 6) философии; 7) гражданской истории — общей и русской; 8) языкам — русскому и церковнославянскому, еврейскому с библейской археологией, греческому и латинскому (см.: Устав 1884 г. С. 232—261. § 106).

³⁶ Ф. 797. Оп. 65. Отд. 1. Ст. 2. Д. 38. Об изменениях в Уставе Духовных Академий. 1895 г. Л. 1—7.

стипендиатов МДА³⁷. Некоторые отчеты печатались в журналах Совета Академии. Однако, поскольку они были слишком обширны, довольно скоро их перестали печатать, ограничиваясь включением в журнал Совета отзыва научного руководителя на представленный отчет. Поэтому-то большая часть стипендиатских отчетов является пока достоянием архивных фондов. Так, например, сохранился отчет профессорского стипендиата МДА 1889—1890 уч. г. Н. Н. Глубоковского (Оп. 3. Д. 210. Л. 1—20 об.); его однокурсника С. С. Глаголева (Оп. 3. Д. 211. Л. 1—20 об.); стипендиатов 1890—1891 уч. г. В. Н. Мышцына (Оп. 3. Д. 210. Л. 21—39 об.) и А. А. Спасского (Оп. 3. Д. 218. Л. 18—28); стипендиата 1891—1892 уч. г. М. М. Тареева (Оп. 3. Д. 218. Л. 1—18)³⁸. Особый интерес представляет отчет одного из последних профессорских стипендиатов МДА — священника Евгения Кобранова, который пребывал в статусе стипендиата два учебных года: 1916/17 и 1917/18 (Оп. 3. Д. 390). За это время он прошел стажировку на Восточном факультете Петроградского университета, получив признание специалистов — гебраистов, востоковедов, археологов. В деле содержатся отзывы о работе священника Евгения академиков Н. Я. Марра и И. Ю. Крачковского, профессоров Б. В.

³⁷ Институт профессорских стипендиатов был введен в духовных академиях Уставом 1884 г. (см.: Устав 1884 г. С. 232—261. § 54—56).

³⁸ За стипендиатский год всем указанным выпускникам МДА удалось закончить магистерские диссертации или существенно продвинуться в их написании: *Глубоковский Н. Н.* Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность: Церковно-историческое исследование: В 2 т. М., 1890; *Глаголев С. С.* О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого. М., 1894; *Мышцын В. Н.* Учение св. Апостола Павла о законе дел и законе веры. СПб, 1894; *Спасский А. А.* Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского, с кратким предварительным очерком его жизни. СПб, 1895; *Тареев М. М.* Искушение Господа нашего Иисуса Христа. М., 1900. В дальнейшем все они стали докторами (Глубоковский, Глаголев и Тареев — богословия, Мышцын — церковного права, Спасский — церковной истории) и профессорами: Н. Н. Глубоковский — профессором СПбДА по кафедре Священного Писания Нового Завета; С. С. Глаголев — профессором МДА по кафедре основного богословия; В. Н. Мышцын — профессором МДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; М. М. Тареев — профессором МДА по кафедре нравственного богословия; А. А. Спасский — профессором МДА по кафедре церковной истории.

Тураева и П. К. Коковцева³⁹. Год специальных занятий давал возможность лучшим выпускникам закончить свою магистерскую диссертацию и подготовить материалы для курса лекций. Отчеты стипендиатов представляли собой серьезные обзоры историографии и источников по предмету их специализации, что само по себе могло быть полезным вкладом в русскую богословскую науку. Обсуждение планов занятий и отчетов стипендиатов позволяло Совету Академии выработать определенные критерии, которым должен был отвечать кандидат на ту или иную кафедру.

Особым направлением деятельности ученых МДА являлось их участие в общенаучных проектах, съездах и конференциях. Так, в 1902 г. Совет МДА обсуждал перспективы участия представителей духовных академий в деятельности Русского археологического института в Константинополе (РАИК) (Оп. 3. Д. 287). РАИК действовал начиная с 1894 г., однако на первом этапе существования его связи с духовными академиями не были достаточно тесными, хотя уже при самом учреждении института подразумевались стажировки в нем стипендиатов из российских университетов и духовных академий. Возможности, предоставляемые пребыванием на Востоке, в немалой степени интересовали преподавателей многих кафедр: церковной истории, церковной археологии и литургики, древней и новой гражданской истории, канонического права, патристики, греческого языка, русской церковной и гражданской истории, Священного Писания. Наиболее активно откликнулись на последовавшее предложение профессора кафедр церковного права Н. А. Заозерский и церковной истории А. А. Спасский (Оп. 3. Д. 287. Л. 4–8 об.). Однако им все же казалось более полезным отправлять на стажировки не профессорских стипендиатов — вчерашних выпускников, — а преподавателей, уже определившихся со своими научными и педагогическими интересами, способных использовать посещение христианского Востока значительно более плодотворно.

³⁹ С 1917 г. — священник церкви Девяти мучеников Кизических у Горбатого моста и помощник заведующего музея классического Востока; в 1921 г. принял постриг с именем Евгений; в дальнейшем он был наместником Новоспасского монастыря, затем епископом Муромским, викарием Владимирской епархии; епископом Балашовским, викарием Саратовской епархии; епископом Ростовским, викарием Ярославской епархии († 1937).

Представители МДА регулярно участвовали в Археологических съездах начиная уже с 1-го съезда, состоявшегося в 1869 г. в Москве. В 1897 г. представители академий приняли участие в подготовке 1-го съезда художников и любителей художеств (вопрос об иконописании). В конце 1902 г. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук начало подготовку съезда славянских филологов и историков. Духовным академиям было предложено прислать представителей на съезд, планируемый на сентябрь 1904 г. и, при желании, принять участие в изданиях и исследованиях по славянскому языкознанию, истории, литературе, этнографии (Оп. 3. Д. 131).

Следует упомянуть и *дела, связанные с научно-богословской аттестацией*, прежде всего — с ее проблемными вопросами. Большая часть аттестационных документов включена в ежегодные журналы Совета. Однако в фонде сохранились и специальные дела по присуждению ученых степеней, представления митрополита Московского Синоду с ходатайствами Совета об утверждении в ученых степенях и утверждающие указы Синода (Оп. 3. Д. 230, 236, 240, 247 и далее).

Значительная часть документов этого периода посвящена студентам, их учебе и *воспитанию*. С 1880-ми гг. связаны воспитательные проблемы. Кон. 1883 — нач. 1884 гг. принесли в жизнь духовных академий новую полосу нестроений. В КДА один из студентов был арестован за хранение революционных сочинений и бомбы, предоставление ночлега членам террористической фракции; в результате, Синод разослал всем духовным академиям призыв к особой бдительности относительно поведения студентов (Оп. 3. Д. 191. Л. 4–7). Опасения были не напрасны: в конце 1890 г. нестроения охватили МДА, в сентябре 1895 г. попытки нового ректора — архимандрита Лаврентия (Некрасова) — устрожить дисциплину вызвали возмущение студентов, что было последней каплей, после которой был прислан ревизор П. И. Нечаев (Оп. 3. Д. 191). Однако эти дисциплинарные возмущения еще укладывались в рамки «студенческих», более серьезная ситуация сложилась в 1905 г., что тоже запечатлено в документах фонда (Оп. 3. Д. 324).

Со второй половиной 1880-х гг. связана еще одна «студенческая» проблема — *безработица выпускников духовных академий* (Оп. 3. Д. 191. Л. 1–3 об.). Проблема избытка выпускников духовных академий

представляла большое затруднение для духовного ведомства: безработные кандидаты богословия добивались учительских мест в духовных училищах, соглашаясь на оклады, положенные выпускникам семинарий (450 руб. в год), но эти места были закреплены за выпускниками семинарий. Своекостных студентов при поступлении в духовные академии заставляли давать подписку, что не будут искать мест по духовно-учебному ведомству. 4 мая 1887 г. состоялся указ Святейшего Синода о сокращении штата казеннокостных студентов духовных академий на 60 мест в каждой. Прилагались силы к сокращению числа своекоштных студентов: они создавали дополнительные проблемы, деятельность их не имела перспектив. Советы духовных академий иногда нарушали уставной § 113, но обер-прокурор К. П. Победоносцев, несмотря на сетование отвергаемых абитуриентов, был непоколебим: отказы объяснялись «избытком кандидатов на духовно-учебные должности».

Особый интерес представляет *студенческая просветительская и проповедническая деятельность* (Оп. 3. Д. 611, 834, 890, 965 и др.) Эта деятельность студентов вызывала неоднозначную реакцию в корпорациях духовных академий. Одни преподаватели были готовы руководить студентами в этой деятельности, считая ее положительным явлением, приближением студентов к реальной жизни и подготовкой к будущему служению. Другие были недовольны отвлечением студенческого внимания от плановых учебных занятий. Тем не менее, просветительские и проповеднические опыты студентов Академии требуют особого исследования.

8. ДЕЛА ПРАВЛЕНИЯ АКАДЕМИИ

Академическому Правлению по Уставу 1869 г. были отданы в ведение дела в основном хозяйственные (после 1884 г. — и некоторые воспитательные), однако сохранившиеся документы показывают, что вниманию Правления подлежало и устройство выпускников Академии, назначенных на преподавательские места в семинарии, и оснащение специальных кабинетов. Правление вело переписку с Синодом и Московской духовной консисторией по вопросам учреждаемых стипендий,

расылки академических изданий, назначения и выплаты пенсий бывшим преподавателям и служащим Академии и их семьям. Правление собирало, составляло и сообщало сведения о числе учащихся, служащих и учащихся в Академии, о вакантных местах, замещаемых выпускниками, о поступивших в монашество преподавателях и студентах, данные о вновь поступивших и выпускниках. И, конечно, решало все множество вопросов хозяйственных: приход и расход денег, выдача прогонных и подъемных сумм, ремонт и перестройка академических зданий, выплата жалования и расходы по содержанию, содержание больницы и расходы на медикаменты и многие другие. Разрешение этих вопросов можно проследить по сохранившимся журналам собраний Правления.

Обратим внимание на дела академической Покровской церкви (Оп. 3. Д. 509, 573, 598, 607, 619 и далее). По ним можно восстановить состав клира Покровской церкви, устроенной в 1870 г. на иждивение почетного блюстителя Академии А. Толоконникова. Настоятелем церкви, согласно установлению, был ректор Академии; кроме того, в клир входило от двух до четырех священников из наставников МДА и Вифанской ДС по их желанию и усмотрению епархиального преосвященного. Особых диаконов при церкви не полагалось — эти обязанности должны были выполнять студенты-диаконы, как и особых причетников — эти обязанности также несли студенты.

С делами Покровской церкви связаны и сохранившиеся проповеднические журналы Покровской церкви (Оп. 3. Д. 906, 908, 937, 968), а также Красюковской Михаило-Архангельской церкви (Оп. 3. Д. 938).

Интерес представляют дела, связанные с учреждением при Академии именных стипендий: имени В. М. Ундольского в 1870 г. (Оп. 3. Д. 503), имени протоиерея А. М. Невоструева в 1873 г. (Оп. 3. Д. 529), имени профессоров-протоиереев Ф. А. Голубинского и П. С. Делицына в 1874–1875 гг. (Оп. 3. Д. 536а), имени епископа Орловского Макария (Миролюбова) в 1874 г. (Оп. 3. Д. 539), имени протоиерея А. В. Горского и епископа Никодима (Казанцева) в 1877–1878 гг. (Оп. 3. Д. 570), имени Юрия Самарина в 1878 г. (Оп. 3. Д. 571), имени профессора КазДА Н. П. Соколова в 1881 г. (Оп. 3. Д. 605), имени

протоиерея И. В. Рождественского и А. И. Хлудова в 1883 г. (Оп. 3. Д. 628), имени митрополита Московского Иоанникия в 1890 г. (Оп. 3. Д. 698а), имени архимандрита Павла (Прусского) и профессора Н. И. Субботина в 1894 г. (Оп. 3. Д. 740), имени митрополита московского Сергия (Ляпидевского) в 1898 г. (Оп. 3. Д. 787), имени Василия Феолога в 1900 г. (Оп. 3. Д. 811), имени протоиерея А. С. Ильинского в 1900 г. (Оп. 3. Д. 812), в память столетия Тульской епархии имени А. Е. Косташа и имени епископа Тверского в 1901 г. (Оп. 3. Д. 825), имени епископа Ставропольского Агафодора в 1904 г. (Оп. 3. Д. 866), имени Пятикрестовских и Покровских в 1905 г. (Оп. 3. Д. 879), имени протоиерея Алексея Соболева в 1909 г. (Оп. 3. Д. 923), имени архиепископа Казанского и Свияжского Иакова (Пятницкого) в 1914 г. (Оп. 3. Д. 956). Эти «стипендиальные» дела важны не только с фактологической точки зрения. В стипендиях, учреждаемых бывшими выпускниками Академии или в их память, в стремлении поддержать последующие поколения «академиков» проявлялась непрерывная традиция, связанная с особым феноменом духовной школы. Стипендии, учреждаемые лицами, не учившимися в МДА, свидетельствуют о неразрывной связи Академии со всей русской культурой, образованием. Кроме того, в фонде сохранились списки стипендиатов Лавры и переписка с учрежденным Собором Троице-Сергиевой Лавры по поводу этих стипендий (Оп. 3. Д. 520, 538, 561, 585, 627 и далее).

О просветительской стороне деятельности МДА свидетельствуют дела, связанные с учреждением при Академии Первой, а затем Второй церковно-приходских школ в 1899–1900 гг. (Оп. 3. Д. 788, 814, 890, 965). Инициатива по созданию этих школ принадлежала ректору Академии епископу Арсению (Стадницкому) (1898–1903), который считал необходимой составляющей высшего духовного образования такой «прикладной» вид просвещения.

Следует обратить внимание на дела последних лет, хотя их сохранилось немного: учреждение в Академии лазарета для больных и раненых воинов, его судьба после 1917 г. (Оп. 3. Д. 979); передача в ведение Академии Пятницкой и Введенской церквей и переписка по этому вопросу с Сергиево-Посадским Советом рабочих депутатов и

другими организациями в 1920—1921 гг. (Оп. 3. Д. 984). Хотя эти дела фрагментарны, они помогают прояснить обстановку первых послереволюционных лет, которые стали последними годами деятельности дореволюционной Академии.

9. УЧЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Учебные программы и темы кандидатских и семестровых сочинений (Оп. 3) представляют несомненный интерес — и исторический, и методический, и научный. К сожалению, сохранились они не за все годы (по большинству предметов это 1874—1915 гг., но часто и за эти годы конспекты лекций фрагментарны). Эта общая проблема плохой сохранности академического архива нашла отражение в журналах заседаний Совета, где звучат неоднократные призывы к преподавателям: сдать в Совет задержанные конспекты читаемых курсов, обновить конспекты по давно измененным курсам и пр.

Отзывы о магистерских, кандидатских и других сочинениях сохранились крайне плохо. Иногда это просто черновая записка или ее фрагмент, в некоторых же делах — по 1—2 отзыва, хотя, конечно, каждый преподаватель давал существенно большее количество рецензий⁴⁰.

10. ЛИЧНЫЕ ДЕЛА

Большую ценность ф. 229 составляют сохранившиеся личные дела начальствующих, преподавателей, служащих и студентов Академии. Они зафиксированы в описи № 4. Сохранилось 4 923 личных дела студентов (Оп. 4. Д. 1—4923) и некоторые отдельные личные доку-

⁴⁰ Отзывы наставников на студенческие кандидатские работы с 1887 г. начали печататься в издаваемых «Журналах Совета МДА», а начиная с 1892 г. регулярно печатались в «Богословском вестнике» (в номерах следующего за выпуском года), отзывы на магистерские и докторские диссертации можно найти в журналах заседаний Совета Академии. Отзывы за более ранние годы были бы, конечно весьма ценны, и их плохая сохранность обедняет наше знание.

менты 1851–1916 г. монашествующих студентов, фамилии которых идентифицировать не удалось (Оп. 4. Д. 4924). Дела расположены в описи в алфавитном порядке по фамилиям, без разделения по курсам. Монашествующие студенты, фамилии которых определены, также помещены в этом порядке по фамилии, а не по монашескому имени. В эту же опись включены списки студентов по курсам (Оп. 4. Д. 4925–5001), упорядоченные по номерам выпусков (1–77). Сохранилось 254 личных дела преподавателей (Оп. 4. Д. 5002–5256): в описи они расположены в алфавитном порядке, монашествующие по монашескому имени, — а также личные дела преподавателей академической церковно-приходской школы (Оп. 4. Д. 5257–5263), служащих Академии (Оп. 4. Д. 5333–5540), служащих библиотеки и издательства (Оп. 4. Д. 5541–5562), причта академической Покровской церкви (Оп. 4. Д. 5563–5571) и отдельные личные дела почетных членов МДА (Оп. 4. Д. 5573–5697) и почетных членов академической Конференции (Оп. 4. Д. 5698–5901).

Насколько полно сохранились личные дела академического архива? Прежде всего — по количеству: конечно, это не все дела, которые заводились, хотя по количеству их больше, чем число зафиксированных выпускников МДА⁴¹. Точные статистические расчеты провести практически невозможно, ибо в фонде есть личные дела студентов, не окончивших Академию, некоторым лицам соответствует два личных дела, иногда, напротив, документы нескольких лиц попали в одно дело. Но некоторые лакуны определить можно. Во-первых, отсутствует бóльшая часть личных дел первого академического набора (1814–1818): из 64 выпускников только 14 имеют личные дела в ф. 229, и документы еще четверых рассеяны по чужим личным делам однофамильцев.

⁴¹ С открытия МДА по правилам Устава 1814 г. в Троице-Сергиевой Лавре до преобразования 1870 г. Академию окончило 1326 выпускников, с преобразования 1870 г. до 1914 г. — еще 2318. Курсы 70–74 (выпуски 1915–1919 гг.) в общей сумме дали около 300 выпускников. Таким образом, с открытия в Троице-Сергиевой Лавре до переезда в Москву в 1919 г. Академию окончило около 3950 выпускников (точнее подсчитать невозможно, ибо студенты нередко подавали выпускные работы через год или два после официального окончания Академии) — и никак не более 4000. В оп. № 4 ф. 229 сохранилось 4923 личных студенческих дела.

Во-вторых, сохранились далеко не все личные дела студентов наборов 1916 и 1917 г. (75 и 76 курсы), отсутствуют личные дела набора 1918 г. (77 курс), уже не говоря о том, что совсем нет никаких данных о 78, 79 и 80 курсах, поступивших в Академию в 1919, 1920 и 1921 г. после переезда Академии в Москву⁴². В-третьих, отсутствуют некоторые личные дела и из «срединных», вполне стабильных курсов⁴³. Самыми «благополучными» по сохранности личных дел являются выпуски 1870—1880-х гг. Так, сохранились все личные дела студентов 30 курса (1875). Среди личных дел следующего 31 курса (1876) отсутствует только одно — дело иеромонаха Рафаила (Никольского). Среди личных дел следующего 32 курса (1877) есть всего лишь две потери — личные дела двух первых магистрантов богословского отделения Митрофана Муретова и Павла Платонова. Да и то некоторые студенческие документы М. Д. Муретова попали в его преподавательское дело (Оп. 4. Д. 5130).

Преподавательские личные дела сохранились более полно, хотя и в них есть некоторые потери. В меньшей степени дошли до нас личные дела почетных членов — Конференции (избирались с 1820 по 1869 г.) и Академии (с 1870 по 1918 г.). Так, сохранилось лишь 4 дела почетных членов Конференции, хотя только в 1820 г. в Московскую Конференцию было определено 6 почетных членов, за все же годы существования Конференции и звания ее почетных членов в таковом звании пребывало 35 человек. Почетных же членов Академии с момента

⁴² В «Отчете о состоянии МДА за 1919—1920 и 1920—1921 уч. г.» имеются данные о количестве зачисленных на первый курс Академии в 1919 г. (50 человек: 46 студента и 4 вольнослушателя), 1920 г. (30 человек: 25 студентов и 5 вольнослушателей) и 1921 г. (65 студентов и 13 вольнослушателей) (опубл. в: ВРХД 147. 1986. С. 196—205). Конечно, об этих учащих уже нельзя, наверное, говорить как о студентах Академии в полном смысле этого слова, ибо полноценного академического курса никто из них уже не прослушал.

⁴³ Например, отсутствует личное дело студента 68 курса Владимира Пылаева и некоторые другие. Полная сверка сохранности личных дел по спискам курсов планируется в дальнейшем. Однако работа эта осложнена тем, что некоторые личные дела монашествующих студентов не содержат фамилии: например, д. 1699 — личное дело иеродиакона Кирилла, фамилия не установлена. Кроме того, выше упомянутое д. 4924 содержит отдельные личные документы на монашеские имена без указания фамилий.

учреждения сего звания в 1869 г. и до 1914 г. было избрано 172 (из них 5 были почетными членами Конференции), за последующие годы добавилось еще несколько почетных членов Академии⁴⁴.

По внутреннему состоянию дела сохранились с разной степенью полноты. В личные дела вшивались и послужные (формулярные) и наградные списки, но не всегда регулярно. Однако в этих личных делах встречаются и ошибочно попавшие документы — другого лица, соименного или однофамильного. Некоторые ошибки замечены и зафиксированы (указанием в описи или внутри самого дела), часть же ошибок не выявлена и требует внимательного рассмотрения. Так, в личном деле профессора А. П. Лебедева (Оп. 4. Д. 5106) есть документы, относящиеся к священнику Алексею Лебедеву (выпускник МДА, близкий по времени к Алексею Петровичу Лебедеву). В деле профессора И. В. Попова (Оп. 4. Д. 5166) имеются документы, относящиеся к иеромонаху Порфирию (Попову) и к К. М. Попову, библиотекарю Академии.

Сохранившиеся дела преподавателей достаточно полно отражают все события, изменения, перемещения по службе, научную и преподавательскую деятельность (это, к сожалению, не относится к последним годам). Личные дела ученого монашества отражают основные вехи на этом пути служения: пострижение в монашество, рукоположение во иеродиакона, иеромонаха, окончание Академии, получение магистерского креста, причисление к числу соборных монахов Донского монастыря или Александро-Невской Лавры, преподавание, часто — инспекторство, затем, возможно, ректорство. Такие документы содержатся, например, в объемном деле иеромонаха (архимандрита) Сергия (Ляпидевского), ректора МДА, будущего митрополита Московского (Оп. 4. Д. 5189. Л. 1—120). Дело ошибочно расширено: в него попали документы выпускника МДА 1818 г. иеромонаха Сергия (Извекова) (Оп. 4. Д. 5189. Л. 1—2) и выпускника МДА 1876 г. иеромонаха Сергия (Соколова) (Там же. Л. 94—105, 118—119), ректора МДА протои-

⁴⁴ См.: *Смирнов 1879*. С. 411—412; *Н. В. Почетные члены Московской Духовной Академии за первое столетие ее существования (1814—1914 гг.)* // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 868—892 (1-я пагин.).

ерея Сергия Смирнова (Там же. Л. 109), инспектора МДА иеромонаха Сергия (Страгородского), будущего патриарха (Там же. Л. 111–117). Но и документы, относящиеся к самому будущему митрополиту Сергию (Ляпидевскому) (Там же. Л. 3–93, 106–108), дают возможность проследить основные вехи его духовно-учебной деятельности.

Личное дело профессора-мирянина Василия Петровича Виноградова позволяет проследить основные вехи этого варианта духовно-учебного служения (Оп. 4. Д. 5038). В нем 33 листа, в дело попали и элементы, обычные для студенческого дела: свидетельства о рождении, о явке к воинской повинности, о приписке к призывному участку. Но подробно отражен и собственно преподавательский путь: утверждение в статусе и. д. доцента, прошения о выписке книг для научных занятий, дела по защите магистерской диссертации и утверждение в должности доцента, в очередных чинах и наградах, рецензии на чужие диссертации, студенческие работы, формулярные списки, проблемы 1917 г. — удаление из МДА в МДС, затем возвращение по особому ходатайству Совета Академии. Наконец — записка, связанная с переездом МДА летом 1919 г. в Москву (Оп. 4. Д. 5038. Л. 29–32).

Недостаток послужных (формулярных) списков в личном деле можно иногда восполнить «краткими формулярами», объединенными в отдельный комплекс (Оп. 4. Д. 5264–5332). Сохранились списки за отдельные годы 1816–1853 и ежегодно за 1870–1916 гг. (без 1874, 1886–1888, 1890–1892, 1902 гг.).

Студенческие личные дела иногда разочаровывают скудостью документов. В основном, личное дело студента было сориентировано на момент поступления его в Академию. Поэтому, как правило, в деле есть так называемый «набор абитуриента», то есть: 1) свидетельство об окончании семинарии, 2) метрическое свидетельство о рождении и крещении, 3) справка о состоянии здоровья, 4) приписное воинское свидетельство, 5) сопроводительное направление от ректора семинарии (для посланников семинарий) или заявление с просьбой о допуске к вступительным экзаменам (для волонтеров). В некоторых делах этот «абитуриентский набор» обогащен какими-либо специфическими документами. После поступления студента в Академию личное дело часто велось лишь 1–2 года, туда могли попасть оценки, полученные

в процессе обучения, некоторые документы — прошения, заявления. Так, например, личное дело студента 67 курса (1908—1912 гг.) Сергея Сахарова (в будущем — епископ Ковровский Афанасий) (Оп. 4. Д. 3638) содержит переписку ректора Владимирской семинарии (которую окончил владыка Афанасий) с Советом МДА с просьбой устроить для питомца семинарии, болевшего во время вступительных экзаменов в Академию, отдельные испытания; личное дело студента 65 курса (1906—1910 гг.) Мирона Ржепика (Оп. 4. Д. 3430) содержит переписку с выяснением обстоятельств присоединения Мирона Ржепика, принявшего при рождении католическое крещение, к православии; личное дело студента 74 (1915—1919 гг.) курса Григория Климова (Оп. 4. Д. 1712) содержит ходатайство перед Советом МДА преосвященных Киевского и Харьковского о принятии в Академию выпускника Волынской семинарии, не принадлежащей к Московскому учебному округу, Григория Климова.

Однако ведение некоторых личных студенческих дел продолжалось даже по окончании воспитанниками Академии. Так, личное дело Андрея Марковича Адамовича (Оп. 4. Д. 18) велось 48 лет, а дело Петра Филипповича Гонорского (епископа Поликарпа) (Оп. 4. Д. 987) даже 57 лет. Конечно, эта длительность не имеет отношения к процессу обучения в Академии, но в дело попали документы последующих лет (так, например, у Гонорского в дело попала переписка его родственников с Правлением МДА после смерти епископа Поликарпа с просьбой дать документы, подтверждающие постриг Петра Филипповича с именем Поликарп, для получения наследства). В личном деле студента Дмитрия Петровича Брянцева (50 курс; Оп. 4. Д. 458) хронологические рамки расширены его перепиской с Советом МДА по поводу работы на соискание ученой степени магистра богословия, посланной Дмитрием Петровичем через десять лет после окончания Академии, когда он уже был преподавателем Рижской семинарии (в описи ошибочно помечено, что хронологические рамки личного дела Брянцева — 14 августа 1841 г. / 12 февраля 1908 г., что представляется совсем невероятным; однако на самом деле начальная дата — 1891 г., год поступления, и на титульном листе личного дела эта дата отмечена верно).

Приведем пример «классического» студенческого личного дела, которое велось в течение всего обучения в Академии. Александр Петрович Голубцов (студент 41 академического курса, впоследствии профессор Академии) (Оп. 4. Д. 978): в личном деле имеется полный «набор абитуриента», переданный в Совет МДА из Костромской ДС с посланником Семинарии Александром Голубцовым, и документы, связанные с окончанием: академический диплом, свидетельство о явке к воинской повинности. Кроме того, в деле имеется несколько документов, связанных с последующей преподавательской деятельностью Александра Петровича: подача магистерского сочинения, командировка на Археологический съезд, сведения о семье; видимо, правильнее было бы этим документам находиться в преподавательском личном деле Александра Петровича (Оп. 4. Д. 5052).

По личным делам можно проследить, как реализовывались на практике те или иные официальные постановления. Так, например, личные дела студентов, поступивших в Академию в 1917–1919 гг., свидетельствуют о реализации новых правил, принятых в мае 1917 г., — разрешение поступать в духовные академии без экзаменов выпускникам семинарий 2-го разряда⁴⁵ (Оп. 4. Д. 4148 и др.).

Очень важны *личные дела иностранных студентов*. Начиная с 1850-х гг. в Академии учились студенты из братских Православных Поместных Церквей (греки, болгары, сербы, черногорцы, сирийцы). Само обучение этих посланцев в российских академиях и получение ими дипломов и ученых степеней свидетельствовало об общеправославной значимости российской системы духовного образования и научно-богословской аттестации, о единстве православной богословской науки. Подготовка и аттестация духовно-учебных и научно-богословских кадров для других Поместных Церквей были также проявлением готовности Русской Православной Церкви и православного Российского государства оказать этим Церквам братскую помощь в богословском образовании, отвечая при этом за научную компетентность выпускников. Однако в этих личных делах можно найти немало интересного для истории Русской Православной Церкви. Так, по делам студентов-

⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1917 г. Д. 78. О реформе Духовных Академий. Л. 3.

славян Ефрема Бойовича, Стефана Иовича, Светислава Давидовича, Луки Иовича и других можно проследить деятельность состоящей при Министерстве иностранных дел Комиссии по образованию в России южных славян, Славянского благотворительного комитета, Попечительства над славянскими учащимися (Оп. 4. Д. 422, 1545, 1093, 1547)⁴⁶. В личных делах студентов из Сирии и Палестины Спиридона Абуты, Искандера (Александра) Кезмы, Пантелеимона Жузе, Якова Хабиб-Ханани, Панайота Савабини и других немало интересных фактов, дополняющих историю отношений Русской Православной Церкви с Антиохийским и Палестинским Патриархатами (Оп. 4. Д. 1676, 1330, 4602, 3583)⁴⁷.

В некоторых личных делах студентов отсутствует даже «набор абитуриента» (иногда имеется расписка о выдаче этих документов на руки по какому-либо поводу, иногда нет). Некоторые же дела (особенно последних лет), напротив, содержат документы, связанные с окончанием Академии: диплом об окончании Академии, запрос с места предполагаемой службы, характеристика распределяемого. Есть личные дела монашествующих, содержащие документы, связанные с постригом, иногда — и с последующим рукоположением в священник сан, порой — только эти документы, и без указания мирского имени. Так, в личном деле Садковского (иеродиакон Игнатий, мирского имени нет) (Оп. 4. Д. 3591) лишь один документ — диплом об окончании Академии, выданный на монашеское имя, с указанием возраста (23 года) и происхождения (сын священника из Московской губернии). В личном деле Соловьева (монах Поликарп, мирского имени

⁴⁶ Ефрем Бойович окончил МДА в 1879 г. кандидатом-магистрантом; Стефан Иович — в 1894 г. со степенью кандидата; Светислав Давидович — в 1902 г. со степенью кандидата; Лука Иокич так и не окончил Академию.

⁴⁷ Первый сирийский посланец в МДА Спиридон Абуа окончил МДА в 1856 г. в звании действительного студента; Александр Кезма в 1883 г. стал сотрудником новоучрежденного Православного палестинского общества (ППО) в Святой Земле, уволился из МДА и вскоре стал одним из главных деятелей образовательной системы ППО в Палестине; Пантелеимон Жузе перешел в 1895 г. в КазДА, в дальнейшем стал известным историком-востоковедом, арабистом, знатоком ислама; Яков Хабиб-Ханани окончил Академию в 1895 г. со степенью кандидата богословия; Панайот Савабини — в 1897 г. в звании действительного студента.

нет) (Оп. 4. Д. 4107) — два документа: диплом об окончании МДА, выданный на монашеское имя (25 лет, сын священника из Рязанской губернии), и диаконская присяга кандидата богословия монаха Поликарпа. Аналогичны личные дела Марчнева (иеромонах Иоанн) (Оп. 4. Д. 2316), Мачуковского (иеродиакон Вениамин) (Оп. 4. Д. 2331) и некоторые другие. Конечно, в данных случаях установить имя, данное при крещении, несложно, проверив списки соответствующего курса (ибо постриг чаще всего принимали в академические годы, а не до поступления).

Несмотря на указанные пробелы и недостатки, личные дела и преподавателей, и студентов представляют большую ценность, часто являясь почти единственным источником наших знаний об этом периоде жизни интересующего нас человека.

К личным делам в ф. 229 примыкают *списки 1–77 академических курсов* (Оп. 4. Д. 4925–5001). Дело курса обычно содержит, кроме Ф.И.О. студента (или монашеского имени и фамилии для поступивших уже в монашеском звании, что встречается редко), сведения о том, какую семинарию окончил поступивший (или светское учебное заведение, если речь идет о периоде после 1911 г.), прислан для поступления семинарским Правлением или является волонтером (с 1911 г. поступали также лица из белого духовенства), результаты приемных испытаний, избранная специализация (или отделение в 1870–1884 гг., или группы предметов), выбранный для изучения новый иностранный язык, списки с оценками по всем предметам за все четыре курса, назначенные рецензенты для курсового (кандидатского) сочинения, долги духовному ведомству за казенное содержание (для «казеннокоштных»), номера академического диплома и прочих документов (метрической справки, свидетельства о правах личного почетного гражданства, свидетельства о воинской приписке), адрес местожительства (если студент жил на квартире в Посаде) и адрес, по которому следует выслать диплом (обычно родителей). Для белого духовенства, поступающего в Академию (согласно указу 1911 г.), в списке курса содержатся указания на храм, в котором служил священник, и данные о семье (жена, дети, их возраст). Иногда какие-либо данные из этого набора отсутствуют, особенно это касается последних лет (список 77 курса содержит лишь

Ф. И. О., даже без указания на оконченную семинарию). Несмотря на скудость сведений, в некоторых случаях эти курсовые списки очень ценны. Так, только из них можно узнать имена студентов последних трех наборов — 1916, 1917 и 1918 г. (Оп. 4. Д. 4999, 5000, 5001).

* * *

Таким образом, несмотря на то, что фонд 229 представляет собой лишь часть архива МДА и многие стороны деятельности Академии в нем освещены крайне фрагментарно, он представляет собой большую ценность. История МДА за все время пребывания Академии в Лавре хронологически «покрыта» тремя исследованиями: протоиерея Сергия Смирнова, диакона Александра Киселева и диакона Сергия Голубцова⁴⁸. Однако несмотря на добросовестность этих исследователей, требуется более подробное изучение всех документов, связанных с историей Академии. Монография протоиерея Сергия Смирнова написана современником происходящих событий и членом корпорации. Исследователь наших дней по-иному может оценить те или иные события, уловить связи и закономерности, которые не может видеть современник. Диссертационные исследования диаконов Александра Киселева и Сергия Голубцова не учитывают всей полноты архивных документов. Конечно, они дополняются последующими исследованиями протоиерея Сергия Голубцова и тематическими исследованиями других авторов. Но архивные источники остаются востребованными далеко не в полной мере.

Особенно востребованы документы фонда 229 в наши дни, когда, с одной стороны, история духовной школы является одним из доминирующих направлений в церковно-исторических исследованиях, с другой стороны, духовно-учебные преобразования требуют опоры на реальную традицию. Кроме того, в связи с подготовкой жизнеописаний новомучеников и исповедников особую важность имеют

⁴⁸ См.: Смирнов 1879; Киселев А., диак. История Московской Духовной Академии 1870—1900: В 3-х т. Дисс. ... канд. богосл. Загорск: МДА, 1974; Голубцов С., диак. История Московской духовной академии 1900—1919: в 3 т. Дисс. ... канд. богосл. СПб: МДА, 1977.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

биографические данные конкретных личностей, учившихся и преподававших в духовных школах, — эти сведения являются достоянием архивов духовных школ.

ЛИТЕРАТУРА

- Проект Устава ДУ 1814 — Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава Православных Духовных училищ // ПСЗРИ. 1-е собрание. Т. 32. СПб., 1830. № 25673.
- Титлинов 1909* — *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX веке: В 2 вып. Вып. 2: Протасовская эпоха и реформы 60-х годов. Вильно, 1909.
- Устав 1884 г. — Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты Православных Духовных академий // ПСЗРИ. 3-е собрание. Т. 4. СПб., 1887. № 2160.

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ПРОТОДИАКОН С. А. ГОЛУБЦОВ

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1918)¹

1. ПОСЛЕДНИЕ ДВА УЧЕБНЫЕ ГОДА В ТРОИЦЕ- СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

1. МДА в 1917/18 уч. году

Приближался новый учебный год. На основании циркулярного Указа Св. Синода от 10 августа 1917 года Советом было решено начать учебный год 1 сентября и закончить первое полугодие к 1 ноября, возобновить учебу 12 марта и закончить к 10 июня 1918 г.² Однако 25 августа во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» от Совета МДА было помещено следующее уточнение и извещение:

Учебные занятия начнутся 4 сентября... Ввиду исключительных обстоятельств (занятие части академии офицерской школой и пр.) общежитие при Академии в 1917/18 уч. году будет функционировать лишь частично;

¹ Данная статья является извлечением из не опубликованного полностью труда протоиерея Сергея Голубцова († 1 августа 2006 г.) «Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 2. Уставы. Жизнь и научная деятельность профессуры в Академии и вне ее» (С. 196–236). За предоставление данного тома, отсутствующего в библиотеке МДА, приносим искреннюю благодарность младшему брату почившего Н. А. Голубцову.

² Решением Совета от 21 августа было определено принять увеличенное число студентов на 1-й курс (в связи с намерением Синода увеличить число воспитанников в каждой Академии до 600 чел.): 96 семинаристов, из них 36 — второго разряда; и еще 12 выпускников из светских средних учебных заведений. Среди последних был и Сергей Волков, оставивший замечательные воспоминания об Академии (*Волков 1964*).

именно: казеннокоштным студентам будет предоставлено в Академии помещение с отоплением, освещением и небольшим штатом прислуги; питание столом они должны будут организовать сами на артельных началах, при содействии Правления и эконома, причем стипендии за осенние месяцы будут им выданы в два срока: в начале сентября и в начале октября (каждый раз по 36 р. 70 коп., т. е. по расчету за два месяца). Все прочие студенты имеют помещаться на частных квартирах в Сергиевом Посаде.

А указом Св. Синода от 2 октября 1917 г. было разрешено перейти в Московскую духовную академию некоторым студентам Петроградской духовной академии, ввиду тяжелых обстоятельств желающим продолжать обучение в Московской академии (с согласия Правления этой Академии и по просьбе Петроградской) при условии получать стипендии на руки и жить на частных квартирах. При этом оценки, полученные в этих академиях, будут считаться действительными и в Петроградской академии, где занятия планировалось начать лишь 1 ноября (начались же 17 ноября на 2—4 курсах³).

Учебный год начался 3 сентября 1917 г., отслужили молебны (сначала в академическом храме, затем — перед мощами прп. Сергия), а уже через неделю 10 сентября на заседании Совета под руководством исполнявшего с 1 мая обязанности ректора архим. Илариона происходили выборы нового ректора сроком на 5 лет. Был избран проф. А. П. Орлов⁴, обладавший мягким, покладистым характером, что удовлетворяло чаяниям обоих течений (радикального, возглавлявшегося теперь Та-

³ См.: ВЦОВ 146. С. 3.

⁴ Вероятно, наиболее желательной, особенно для монашествующих, кандидатурой на пост Ректора был архим. Иларион, но, по словам С. Волкова, одно обстоятельство помешало этому, так как будучи еще инспектором, он взял из жалости к себе в келейники одного несчастного парнишку, чуть ли не односельчанина, по имени «Васька», который оказался весьма недостойным этого положения, поскольку был пьяница, сквернослов и распутник и нещадно обкрадывал Илариона, а «тот, по своей доброте, все терпел, а добр Иларион был исключительно. Я редко потом встречал столь добрых до самозабвения людей, — вспоминает С. А. Волков (см.: Волков 1964. С. 376—378). — Глаголев говорил мне впоследствии, что из-за Васьки Иларион не был избран Ректором Академии после удаления еп. Феодора. Васька надеялся на это избрание. Ходил по ректорской квартире после отъезда еп. Феодора в сопровождении своих

реевым, и консервативного, лидером которых раньше был архим. Феодор), которые надеялись перетянуть его со временем на свою сторону.

Анатолий Петрович Орлов (25 марта 1879 — позднее 1946 г.?) — сын многодетного священника Ярославской епархии, Даниловского уезда, села Рыбниц, расположенного на Волге, километрах в 30-ти от Ярославля (вниз по течению).

Окончил в Ярославле Духовное училище и Семинарию и прислан в Московскую академию, которую окончил в 1904 г. первым магистрантом, написав кандидатскую работу («Учение св. Илария Пиктавийского о Святой Троице»), высоко оцененную И. В. Поповым⁵. Оставленный профессорским стипендиатом, он продолжал разрабатывать свою тему и этому посвятил свой стипендиатский отчет. В сентябре 1905 г. после пробных лекций он занял вакантную кафедру Истории и разбора западных исповеданий, по которой до него временно продолжал читать ушедший за штат в 1904 г. проф. В. А. Соколов. В июне 1908 г. Орлов успешно защитил магистерскую работу на ту же тему («Тринитарные воззрения...»). С 31 августа 1909 г. выехал в Германию на год «для живого знакомства с духовным строем характеризуемых (им на лекциях. — С. Г.) конфессиональных обществ, при наблюдении их жизни, богослужения, проповеди, церковно-просветительной деятельности, а также для прослушивания курсов по их богословию в Берлинском и Мюнхенском Университетах», — как сказано в его прошении о командировке.

О его личности и о его лекциях, к сожалению, не осталось воспоминаний. Очевидно, и то и другое не особенно выделялось над средним уровнем.

Относительно компромиссного в характере А. П. Орлова мы можем напомнить историю с голосованием за кандидатуры И. М. Громогла-

прихлебателей и намечал, что и как он в ней устроит, когда Иларион будет ректором. Слухи об этом разнеслись по всей Академии, и профессора пришли в ужас при мысли, что в случае ректорства Илариона Васька будет обворовывать не только личные доходы Илариона... Поэтому Иларион и не был избран ректором, хотя почти все профессора не только глубоко уважали, но и любили его...»

Другой кандидатурой — для профессоров левого крыла — был профессор М. М. Тареев. Сошлись на компромиссе — А. П. Орлове.

⁵ ЖС МДА за 1904 г. // БВ. 1905. Т. 1. № 3. С. 129–134 (4-я пагин.).

сова и Н. Д. Кузнецова в 1911 г. при еп. Феодоре. А. П. Орлов подал свой голос за обоих.

Научных трудов у него не много, и они небольшие, но требовали, конечно, работы богословской мысли — это статьи о христологии Илария Пиктавийского⁶, Оригена, о сотериологии Ансельма Кентерберийского⁷ и Петра Абеляра⁸ (в 1915 и 1916 г.), а также перевод с французского «Истории древней Церкви» Л. Дюшена⁹ — совместно с И. В. Поповым¹⁰.

А. П. Орлов был семейным человеком, имел трех сыновей (1910, 1913 и 1914 г. рождения), из которых младший скончался в 1917 г., с остальными его супруга выехала по причине голода из Посада в Тамбовскую губернию в конце осени 1918 г. или в начале 1919 г., куда выехал и сам А. П. Орлов на 2-х месячный отпуск¹¹ 2/15 января 1919 г., вернувшись, однако, лишь 15 апреля.

Через месяц он был назначен настоятелем московской Троицкой на Арбате церкви¹² с сохранением ректорства в Академии. На обоих постах он был очевидно лишь до 1922 г., так как в этом году кончался срок

⁶ Орлов А. П. Христология Илария в связи с обзором христологических учений II–IV вв. СПб, 1909. Богословию свт. Иларию посвящена также работа А. П. Орлова «Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского» (СП, 1908). — *Ред.*

⁷ Орлов А. П. Сотериология Ансельма Кентерберийского. СПб, 1915. — *Ред.*

⁸ Орлов А. П. Сотериология Петра Абеляра (в связи с антропологическими его воззрениями) // БВ. 1916. Т. 1. № 3/4. С. 537–550 (2-я пагин.); Т. 2. № 5. С. 74–94 (3-я пагин.); № 6. С. 253–274 (2-я пагин.); 1917. Т. 1. № 1. С. 77–113 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹ Дюшен Л. История Древней Церкви / Пер. с 5-го франц. изд. под ред. проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. Т. 1. М., 1912. — *Ред.*

¹⁰ Ему же, очевидно, принадлежит труд о св. Иларии Пиктавийском, опубликованный в «Богословских трудах» № 4–7 в 1970-х годах. (В «Богословских трудах» данное сочинение приписано проф. И. В. Попову: Попов И. В. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 4. 1969. С. 127–168; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский (учение Илария в сочинениях, написанных во время ссылки и после нее) // БТ 5. 1970. С. 69–151; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 6. 1971. С. 117–150; Он же. Св. Иларий, епископ Пиктавийский // БТ 7. 1971. С. 115–169. — *Ред.*)

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5143. Л. 29.

¹² Там же.

его выборного ректорства в Академии, а по храму — он был привлечен к процессу по делу об изъятии церковных ценностей. О последующих годах жизни нет документальных сведений. По рассказам очевидцев тех лет, в конце 20-х гг. он был настоятелем, якобы, храма Казанской иконы Божией Матери, что на большой Калужской площади, в 1932–1934 гг. — в храме Иоанна Воина на Якиманке, в 1936 г. — в Кашире, и будто его видели¹³ в Воронежской епархии в 1946 г.¹⁴ ... Возвратимся, однако, к 1917 г.

5 октября ректор был рукоположен в диакона, 8-го — во священника, 9-го — возведен в сан протоиерея.

29 октября состоялось избрание на 4 года помощника ректора, как теперь стал именоваться инспектор. Таковым (19-ю голосами «за», 2-мя «против») был избран о. архим. Иларион («почти единогласным избранием»¹⁵), 17 октября сложивший с себя эту обязанность как наложенную на него распоряжением свыше еще в 1913 г., когда он был назначен инспектором.

Из других событий внутриакадемической жизни наступившего полугодия отметим, что 1 октября 1917 г. был торжественно отпразднован

¹³ По словам Ариадны Александровны Шостыной, ездившей туда и разговарившей там с одним священником на академические темы. Священник сказал, что незадолго перед этим Орлов куда-то выехал оттуда.

¹⁴ Только в 1991 г. от иеромонаха Дамаскина Орловского, занимающегося выяснением судеб репрессированного духовенства по архивам КГБ, стало известным, что в 1922 г. приговоренный к расстрелу о. Анатолий был действительно помилован и приговорен к пяти годам строгой изоляции. Но уже в 1924 году он вновь арестовывается за участие в собрании московских католиков (абрикосовцев) и осуждается на три года высылки. 15 апреля 1931 г. он был вместе с другими лицами опять арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде 8 апреля выслан в Северный край (в Котлас) вместе с выпускником МДА 1900 г. прот. Ф. Н. Алексинским (служил в Страстном монастыре до 1928 г., затем в церкви Знамения в Каретном, затем в Подмосковье), с церковным композитором священником Г. Я. Извековым, прот. Александром Леонтьевичем Соболевым. Последний арест А. П. Орлова последовал в сентябре 1937 г. в Тарусе; в это время он служил неподалеку в с. Кузьмищево на Оке. По решению Тройки НКВД Тульской области от 9 декабря 1937 г. по ст. 58-Ю он был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 21 декабря того же года (*Голубцов С., протоиак. МДА дореволюционного периода. Т. 2. С. 304а*).

¹⁵ *И. В. [Попов И. В.] Живая жизнь. В Академии // БВ. 1917. Т. 2. № 10–12. С. 434 (2-я пагин.).*

годовой акт с участием святителей: Тихона Московского, Арсения Новгородского (бывшего ректора МДА) и Серафима Орловского (Остроумова), участвовавших в богослужении¹⁶.

На акте проф. М. М. Богословский прочел речь на тему «Реформа духовной школы при Александре I и основание МДА 1-го октября 1814 г.». Официальная часть была завершена музыкальной. Хором студентов были исполнены «С нами Бог» знаменного распева (Кастальского), «Се ныне благословите Господа» (Ипполитова-Иванова), «Срадуются с нами» В. Д. Металлова (помощника проректора Академии).

18 и 19 ноября (ст. ст.) по случаю 50-летия со дня кончины московского митрополита Филарета состоялись в Академии торжественное богослужение и акт, на котором присутствовал и нареченный патриарх Тихон¹⁷ с сонмом святителей¹⁸. Патриарху был преподнесен диплом

¹⁶ 1 октября 1917 г. А. Д. Беляев отметил в своем дневнике: после службы — чай в комнатах ректора с конфетами, но сахару — немного и белый ситный хлеб — маленькими ломтиками. Затем в актовом зале блестящая речь М. М. Богословского (подготовленная еще к несостоявшемуся юбилею в 1914 году, а затем несколько им доработанная, «но нового в ней нет ничего», по замечанию А. Д. Беляева), законченная при сдержанных рукоплесканиях и пением «С нами Бог». После акта — обед (различная рыбная закуска, пирог — «полубелый, закладный, не чета прежним пышным пирогам. Суп — без мяса, легкий; вареная курица с картофелем; пирожное — сливочное, фрукты, вина не было»). За обедом два раза говорил новый ректор, выражая надежду на нравственную связь с новым Московским митрополитом и на его помощь Академии (очевидно, в субсидии на издание журнала). Митрополит отвечал и обещал просьбу выполнить. Речь Глаголева о том, что задачей Академии было провозглашение Евангелия, А. Д. Беляев, относившийся к нему отрицательно, назвал невразумительной и нелогичной.

Хорошую, ясную и четкую речь произнес В. А. Соколов — о достоинствах прежней Академии, которые надо беречь (преданность науке, чистой христианской вере, взаимное доверие и доброжелательность, внимание преподавателей к учащимся). Профессор Казанской духовной академии И. М. Покровский рассказал о том, как Е. Е. Голубинский учил его работать с архивами, высказал уважение к А. В. Горскому, Филарету Черниговскому и другим, назвал Казанскую академию дочерью Московской. Далее митрополит Тихон произнес слово на тему: «Род приходит и род проходит, земля же пребывает. Меняются люди, поколения, уставы и направления, а Академия пребывает». Митрополит Арсений рассказал о своем служении в Академии, отметил, что впервые на академическом обеде присутствуют жены преподавателей.

¹⁷ Митрополит Московский Тихон был выбран в Патриархи после Литургии и молебна в храме Христа Спасителя 5/18 ноября 1917 г. посредством жребия, вытянутого

почетного члена Академии и приветственное поздравление от корпорации. Были заслушаны выступления о значении митрополита Филарета для МДА (А. П. Орлов), для богословия (М. М. Тареев), для библистики (Д. И. Введенский) и о его личности (А. Д. Беляев).

За отводом с начала отчетного 1917/18 уч. г. части академических зданий¹⁹ для размещения сокращенных офицерских курсов Военной электротехнической школы, эвакуированных из Петрограда²⁰, закрытием по этой и другим, чисто экономическим, причинам общежития для казеннокоштных студентов и полупансионеров, переходом значительной части дел (по воспитательной части) в ведение академического Совета и, наконец, за занятием с половины марта месяца 1918 г. поч-

Зосимовским старцем иеромонахом Алексием (Соловьевым) из 3-х записок с именами кандидатов — Тихона, Антония (Храповицкого) и Арсения (Стадницкого), — предварительно избранных Поместным Собором большинством голосов 31 октября путем 3-х голосований. 1-м кандидатом был выбран Антоний — 159 голосов из 304 присутствовавших, 2-м был избран Арсений — 199 голосов (при 2-м голосовании Антоний был уже исключен из списков), 3-м — Тихон — 162 голоса (когда первые двое были исключены из списка).

7 ноября нареченный патриархом Тихон выехал в Лавру и был там до 20 ноября. 21 ноября в Успенском соборе Кремля была совершена интронизация нареченного Тихона в «Патриарха Московского и всея России» по специально разработанному чину (см.: ВЦОВ 143. 1917 от 13 ноября).

¹⁸ Под святителями протодиака. С. Голубцов подразумевает архиереев. — *Ред.*

¹⁹ Подобное ущемление было уделом большинства духовно-учебных заведений. Как свидетельствует один документ (см.: ЦГИАМ. Ф. 802. Оп. 17. Д. 18), по состоянию на 30 июня 1917 г. из общего числа 59 духовных семинарий 40 было занято военно-медицинскими учреждениями, из 185 духовных училищ занято было 60, из 74 епархиальных училищ занято 25. В связи с этим Учебный комитет ставил вопрос о прекращении занятий.

²⁰ Занятия помещений Академии «Сокращенными офицерскими курсами» (заведующий — капитан Каклюгин) Петроградской Офицерской электротехнической школы началось в августе 1917 г. (23 августа комиссар Сергиева Посада П. Королев дает письменное предписание освободить для этой школы инспекторский корпус и 4 комнаты и аудитории со ссылкой на отношение Московского губернского распорядительного комитета от 22 августа 1917 г. и на циркуляры Главного Штаба 1914 г. № 201 и приказа МВО № 881 1915 г.) (подробнее: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 4).

В январе 1918 г., как отмечал А. Беляев, в Академии жили всего около 20 студентов (в 21-м номере под инспекторской квартирой, в больнице, в канцелярии и несколько человек — на квартирах). С нового года в Академии пищу себе готовили только

ти всех академических помещений Центральным военно-техническим управлением (переименованным впоследствии в «Главное военно-инженерное управление») работа Правления Академии, сократившись в своем объеме, приняла в отчетном году совершенно особый характер сравнительно с годами предшествующими. В 1917 г. главной заботой академического Правления стало изыскание средств на выдачу жалования и пенсий членам академической корпорации, на содержание студентов, низших служащих и оставшихся в распоряжении Правления Академии зданий²¹.

В 1917/18 уч. г. Советом Академии был введен в действие новый учебный план, утвержденный Синодом в 1917 г., согласно которому число общеобязательных предметов сокращалось, при этом они должны были изучаться на первых двух курсах. На старших курсах читались лишь специальные предметы по 5 группам: 1) библейской, 2) богословско-философской, 3) церковно-исторической, 4) богословско-словесной, 5) церковно-практической²².

Начало 1918 г. было ознаменовано событиями особой важности. 21 января (ст. ст.) был опубликован декрет об отделении Церкви от государства и от школы. Относительно духовно-учебных заведений было постановлено отобрать их здания и предоставить гражданским школам.

электротехники, отказавшие с 1 января в продовольственной помощи студентам из-за нехватки припасов (см.: НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 7. Л. 1).

В первой декаде марта свободные еще помещения Академии (актовый зал, комнаты ректора) занял, по словам Беляева, приехавший из Петрограда штаб Электротехнической школы (или курсов).

В Академии иногда не бывало нефти, и электрика не работала, и все здания погружались во тьму. А с ноября 1918 г. при входе в Академию было повешено красное полотно с белыми буквами: «Электротехнические курсы Красной Армии».

²¹ Подробнее о финансовом положении Академии см.: *Голубцов* см.: Голубцов. По вопросу состояния духовных академий планировалось на 28 декабря 1917 г. Собрание делегатов духовных академий при Петроградской духовной академии, отложенное на 7 января 1918 г. (ст. ст.); но неизвестно, состоялось ли оно. Туда были избраны от МДА: архим. Иларион, э.-орд. профессора: Н. Л. Туницкий, Ф. М. Россейкин и В. П. Виноградов.

²² Новый учебный план и проект расписания лекций был обсужден в начале сентября на Совете, и замечания Совета были направлены в Отдел Церковного Собора, занимавшийся духовными академиями (см.: Отчет МДА за 1917/18 уч. год. С. 6–7).

В ответ на это группа членов Собора, в числе которых были профессор Н. Д. Кузнецов и А. Д. Самарин, бывший ранее обер-прокурором, обратились с протестом в соответствующие правительственные органы. В ответ народный комиссар Елизаров заявил, что «Совет комиссаров» вовсе не имел в виду нанести какой-либо вред Церкви, а хотел лишь отделить ее от государства и что декрет может быть изменен, поскольку эти изменения не будут противоречить принципам отделения²³.

В первом полугодии 1918 г., как следует из вышесказанного, лекции начались 12 марта²⁴. Вторая сессия (для не успевших сдать предметы в 1-ю сессию по тем или иным причинам) имела место с 31 июня по 4-ое августа 1918 г.

Семестровые сочинения студенты представляли лично или присылали по почте до начала 1918/19 уч. г. Все студенты IV курса (за исключением 2-х оставленных на второй год и одного безвестно отсутствовавшего) сдали выпускные испытания и получили степень кандидата (20 человек) и звание действительного студента (9 человек). Студенты первых трех курсов, хотя в большинстве своем (60 %) и сдали устные испытания, но не смогли представить всех письменных работ

²³ Церковные ведомости 1918. № 78. Статья «Депутация Собора у народных комиссаров».

²⁴ С. А. Волков пишет, что «регулярно читались лекции, студенты писали семестровые и кандидатские сочинения».

Ранее, в конце сентября 1917 г., по просьбе студентов из опасения потери помещения Академии Совет решил закончить учебный год к 15 января 1918 г., но очевидно, что опасность миновала и учебные занятия возобновились в марте.

Еще 29 октября (1917 г.) было заслушано уже 2-ое по счету прошение всех студентов не делать зимнего перерыва 1917/18 уч. г., а закончить весь учебный год уже в половине декабря. Студенты мотивировали свое заявление нарастающими трудностями продовольственного снабжения, транспортного сообщения и проблемами общежития при занятии Академии офицерской школой. Совет соглашался с ними, но ввиду ожидания дополнительных субсидий со стороны митрополита и Синода на ноябрь-декабрь не мог дать окончательного ответа. Даже когда митрополит Тихон поддержал ходатайство Совета, Московская Консистория еще медлила санкционировать отпуск сверхсметных ассигнований из подведомственных ей церковных учреждений. Академия, как сообщил Ректор, вынуждена была занять 25 000 руб. под вексель у сергиево-посадского купца Гавриила Васильевича Когтева сроком на 3 месяца из расчета 9% годовых. Из этой суммы было выдано содержание служащим Академии за октябрь и авансом студентам за январь и февраль 1918 г. (см.: ЖС МДА за 1918 г. НИОР РГБ. Ф. 172. К. 47. Ед. хр. 1).

(по 2 письменные работы на этот год) и потому решением Совета от 7 (20) августа 1918 г. были «условно» переведены на следующие курсы с обязательством сдать задолженности в 1918/19 уч. г.

Окончили в 1918 г. по первому разряду:

1. Свящ. Соловьев Сергей Михайлович,
2. Соколов Николай,
3. Иеромонах Вассион (Пятницкий),
4. Свящ. Трубачев Зосима,
5. Свящ. Залевский Николай,
6. Орлов Сергей,
7. Свящ. Розов Константин,
8. Свящ. Теологов Василий,
9. Введенский Николай,
10. Иеромонах Панкратий (Гладков),
11. Свящ. Введенский Димитрий,
12. Садилов Николай (сдал осенью 1918 г.²⁵).

По второму разряду:

13. Свящ. Поликарпов Валентин,
14. Зубарев Павел,
15. Иванов Павел,
16. Свящ. Стрекалов Николай,
17. Ильинский Николай,
18. Шамилов Филипп,
19. Свящ. Кораблев Павел,
20. Иеродиакон Гавриил (Мануйлов), болгарин.

Действительными студентами:

21. Свящ. Базилевский Николай,
22. Белтов Николай,
23. Вижевский Димитрий,
24. Свящ. Киселев Пимен,
25. Копылов Евгений,

²⁵ ЖС МДА № 8 за 1918 г.

26. Ломакин Николай,
27. Свящ. Окунев Тихон (утв. 20.08),
28. Свящ. Порубин Михаил,
29. Шувалов Павел.

На 2-й год оставлены:

30. Кедров Александр (не явился осенью для сдачи экзамена),
31. Свящ. Расторгуев Андрей — согласно прошению²⁶.

2. МДА в 1918/19 уч. году

В 1918/19 уч. г. ожидалось крупные изменения в духовных академиях, так как вопрос о реформе духовно-учебных заведений обсуждался в V отделе Предсоборного Присутствия и на Соборе 1917–1918 г. Собором был одобрен новый Устав Академий²⁷, и определением от 7 (20) апреля 1918 г. было предоставлено ВЦУ ввести его в действие с начала 1918/19 уч. г., но, как показали события, он не смог быть не только введен, но и напечатан.

25 июня был издан Указ Ректору Московской духовной академии о правилах приема в число студентов на 1918/19 уч. г.²⁸

Святейший Патриарх и Священный Синод в соединенном присутствии с Высшим Церковным Советом имели суждение... Постановлено: 1) ...принимаются воспитанники, окончившие курс православных духовных семинарий как по первому, так и по второму разряду без поверочных испытаний; 2) ...воспитанники, окончившие лишь 4 класса духовных семинарий, и выпускники средних светских учебных заведений принимаются лишь по сдаче поверочных испытаний по предметам, определяемым Советом Академии; 3) ...не изучавших в средней школе древних языков обязать сдать экзамен по ним в течение первого года обучения.

Указ подписали: митрополит Агафангел
за секретаря — А. Полянский.

²⁶ См.: ЖС МДА № 7 и № 8 за 1918 г. (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8. Л. 39–40 и др.); Отчет МДА за 1917/18 уч. г. С. 18–19.

²⁷ См.: Церковные Ведомости. 1918. № 7–8.

²⁸ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3.

На обороте Указа (то есть его экземпляра, поступившего в МДА) карандашом намечены предметы испытаний и члены, очевидно, приемной комиссии, принимающие испытания:

...Письменные: основное богословие (на общеподготовительную тему): С. С. Глаголев, о. П. А. Флоренский; история русской литературы: Н. Л. Туницкий, о. И. Смирнов.

Устные: 1) по церковной истории — общей и русской (в объеме гимназического курса), для семинаристов — из общей церковной истории по программе духовных семинарий — отделы о гонениях на христиан и история Вселенских Соборов; 2) по веро- и нравовоспитанию (в объеме гимназических курсов) и основному богословию (по семинарской программе).

1) о. Ректор, о. Д. А. Лебедев, Н. И. Серебрянский.

2) М. М. Тареев, В. Н. Страхов, А. М. Туберовский.

Вопросы предстоящего нового учебного 1918/19 года были рассмотрены Советом на заседании 13/26 июня 1918 г.

I. Совет постановил:

1. Произвести приемные испытания для воспитанников, окончивших только 4 класса духовных семинарий или окончивших средние учебные заведения, в период с 31 июля по 4 августа (ст. ст.) (с 13 по 17 августа н. ст.) по следующим предметам:

а) письменно — по основному богословию и истории русской литературы;

б) устно (для семинаристов) — по основному богословию и общей церковной истории (гонение на христиан и Вселенские Соборы);

в) устно (для светских) — по веро- и нравовоспитанию и по церковной истории — общей и русской.

2. Без поверочных испытаний принять выпускников семинарий по 1-му и 2-му разрядам согласно указу Св. Синода от 12/25 июня (№ 1749).

3. Представление внутриакадемической Комиссии о студентах, возвращающихся в Академию из армии, с перечнем мер (в том числе и чтений лекций в утренние и вечерние часы), чтобы эти студенты могли ускоренно

(на 1 год раньше) закончить курс, то есть взятые с 1-го курса могли окончить Академию за 3 года, и т. д.²⁹.

II. Совет определил ходатайствовать перед Синодом об утверждении свящ. И. М. Смирнова в должности э.-орд. профессора согласно единому согласному избранию его в эту должность членами Совета.

III. Отказать в необоснованной просьбе прот. Василию Васильеву утвердить его в степени магистра за сочинение «История канонизации русских святых» (М., 1893 г.), рассмотренное Е. Голубинским и В. Ключевским (см. отзывы за 1 и 2 марта 1894 г.) и прошедшее удовлетворительную защиту 4 декабря 1894 г., но оставленное без исправлений, рекомендованных рецензентами, по причине далекой от центров службы автора и потому, что в 1897 г. Е. Голубинский защитил одноименную работу³⁰.

Среди принятых в Академии осенью 1918 г. отметим категорию окончивших ранее высшие учебные заведения в количестве 9 человек: Болдескул Константин, Вишневицкий Александр, Дурылин Сергей — известный искусствовед впоследствии, Козлов Александр, Костылев Сергей, Олсуфьев Георгий, Страхов Петр, Токарев Николай, Чернохостов Борис.

Среди принятых 25 семинаристов-перворазрядников было 9 из МДС и среди них иеродиакон Аристоклий, вероятно тот самый, который вскоре стал иеромонахом Пантелеимоновского подворья, известным духовником. Тогда же было принято еще 11 второразрядников и 9 окончивших 4–5 классов семинарии. Всего 54 человека. Но, как сказано в журнале Совета № 10 от 10/23 сентября, это был результат 2-ой секции поверочных испытаний. Однако среди просмотренных документов нет списка принятых в результате 1-й сессии.

Ввиду того, что для чтения лекций едва удалось освободить лишь четыре небольшие комнаты в разных корпусах, что в распоряжении

²⁹ 13/26 июня 1918 г. было рассмотрено прошение почти 30 студентов, состоявших на службе в армии, об обратном приеме студентов 70–76 курсов. Среди них значится и Петр Голубцов 74 курса. Тогда же были приняты студенты Киевской духовной академии — Николай Кожевников на 2 курс, студент Казанской духовной академии Петр Енишин — на 1 курс. 13 октября (н. ст.) зачислено еще 5 студентов из армии.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8. Л. 33.

Правления имелся лишь небольшой запас дров на зимние месяцы, и тяжелых бытовых условий студентов, в большинстве своем размещенных на частных квартирах в Посаде, Совет определил 7/20 августа сократить 1918/19 уч. г. таким образом, что:

- а) чтение лекций начать с 9 (22) августа³¹, а закончить к 1 (14) ноября;
- б) выпускные (устные) и переводные экзамены закончить не позднее 1 (14) декабря;
- в) для чтения лекций выделить не только утренние (с 9-ти до 2-х часов), но и вечерние (с 4-х до 9-ти), а для профессоров, занятых на Соборе — и в воскресные дни с 11.30 до 2-х часов дня;
- г) студентам I—III курсов назначить лишь по 2 семестровых сочинения к 25 сентября и 1 ноября (ст. ст.);
- д) сроком подачи курсового сочинения назначить 15 (28) апреля 1919 г.

Тогда же приняты еще 5 студентов, демобилизованных из армии³².

1 сентября³³ начался новый учебный 1918/19 год³⁴ в стесненных обстоятельствах не только со стороны бюджета, но и в буквальном смысле, так как уже значительная часть Академии была занята посторонней организацией³⁵, отношения с которой были вполне терпимыми.

В распоряжении Академии вскоре остались лишь «Чертоги», храм, правое крыло инспекторского корпуса; в больничном корпусе больница

³¹ С. А. Волков, писавший свои воспоминания через несколько лет, не совсем точно передает дату начала занятий и степень стесненности со стороны Электротехнических курсов.

³² См.: ЖС МДА № 8 за 1918 г. НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 8.

³³ Это по С. А. Волкову, а по документам: с 31 июля приемные испытания, с 22 августа (н. ст.) — лекции.

³⁴ Далее следует краткая хроника событий академической жизни в освещении, главным образом, со стороны С. А. Волкова и архивных документов.

³⁵ С. А. Волков указывает лишь об изъятии 4-го этажа из ведения Академии, тогда как Отчет МДА за 1917/18 уч. г. сообщает, что часть академических зданий была отведена Военной электротехнической школе еще в начале 1917/18 уч. г., а в марте 1918 г. почти все академические здания были уже заняты Центральным военнотехническим управлением. Электротехническая школа (по другим данным, бывшая офицерская) была эвакуирована из Петрограда в начале 1918 г. Она же еще называлась Электротехническим отделом советской Высшей инженерной школы.

и аптека помещались внизу, а верх был занят Д. В. Рождественским, В. Д. Металловым и некоторыми студентами.

По плану, представленному о. Ректором Высшему Церковному Управлению, учебный год должен был начаться 31 июля ст. ст. производством приемных испытаний, с 9 августа предполагалось начать чтение лекций, к каковому сроку «все профессора Академии, рассыпавшиеся по разным концам России в поисках более сносных <условий> для скромного профессорского бюджета существования, возвратятся к месту службы и вынуждены будут вместе со своими семьями подвергнуться всем невзгодам полугодовой жизни. Между тем, академическая касса совершенно пуста, нет средств для выдачи жалования и пенсий за июль нового стиля, не говоря уже о дальнейших месяцах наступающего 1918/19 учебного года», — так говорилось в представлении о. Ректора Высшему Церковному Управлению³⁶. Ранее Высшее Церковное Управление смогло отпустить 20 000 рублей на приобретение дров на осень 1918 г. и 20 000 рублей заимобразно из суммы свечного завода на выплату жалования за май-июль. В ответ на указанное выше представление ВЦУ постановило отпустить вместо прописанных 35 000 за июль-август пока 15 000 рублей.

На вторую половину 1918 г. ВЦУ своим постановлением от 3 сентября отпустило 207 050 рублей, обеспечив худо-бедно продолжение занятий с 9 августа по 1 декабря (так они планировались).

6/19 сентября последовал Указ (№ 23) ректору МДА протоиерею А. П. Орлову следующего содержания:

Св. Патриарх, Св. Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви, в соединенном присутствии от 4–17 сентября 1918 г. имели суждение о положении духовно-учебных заведений в связи с обнаружением народным Комиссариатом Юстиции инструкции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от Государства³⁷.

Справки³⁸: 1. № 33–35 означенной инструкции. 2. Положение о Пастырских училищах, утвержденное постановлением Соединенного Присутствия от 17–30 мая с. г.

³⁶ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 981. Л. 2.

³⁷ Известия. 30 августа 1918 г. № 186.

³⁸ То есть основания для решения.

Постановлено:

1. За последовавшим в силу (упомянутой) инструкции закрытием духовно-учебных заведений, за исключением специально-богословских, с 1/14 сентября с. г. считать всех начальствующих, преподавателей д. у.³⁹ заведений <...> находящимися за штатом, и ввиду прекращения с 1 января с. г. отпуска из казны кредитов на содержание тех же заведений признать, что всякие обязательства по выдаче какого бы то ни было содержания или вспоможения личному персоналу означенных учебных заведений со стороны Высшего Церковного Управления равным образом прекращаются.

2. ...а) Присвоить Пастырским училищам название Пастырско-богословских училищ;

б) ст. 17 Положения от 17–30 мая читать так: ...В Паст<ырско>-богословские училища тех епархий, где не открыты пастырско-богословские курсы, принимаются без экзамена: в III класс — воспитанники дух<овных> семинарий, окончившие 4 класса; в IV класс — окончившие 5 классов духовных семинарий. С примечанием: упомянутые воспитанники духовной семинарии, окончившие с успехом Пастырско-Богословские училища, допускаются к экзамену для поступления в духовные академии.

в) в ст. 18-й возраст поступающих в 1 класс училища вместо 16-летнего установить 18-летний.

г) в ст. 19-й... исключить из числа предметов русский язык, литературу и вместо гражданской истории ввести библейскую историю с географией, взамен логики и начатков философии — историю христианской философии, вместо психологии — христианское учение о душе, взамен дидактики — методику преподавания Закона Божьего.

Для занятий во внеклассное время вместо греческого языка — изучение греческого текста Библии, богослужебных книг и святоотеческих творений. (Далее дается рекомендация о распределении предметов по классам.)

Относительно состава преподавателей считать необходимым, чтобы они были в духовном сани за исключением отдельных лиц, допущенных с разрешения Высшего Церковного Управления.

В тех епархиях, где нет возможности открыть Пастырско-Богословские

³⁹ То есть духовно-учебных.

училища, открыть Паст<ырско>-Бог<ословские> курсы для семинаристов, желающих довершить богословское образование.

Указ подписали: м<итрополи>т Агафангел.
секретарь: Емельянов».

1 октября 1918 г. состоялся традиционный академический акт⁴⁰, на котором присутствовал Святейший Патриарх Тихон, он же совершал Литургию в академическом храме.

Занятия шли своим чередом, хотя число студентов сократилось чуть ли не в 2 раза⁴¹. Часто лекции пропускались профессорами из-за занятости их в Москве в различных организациях или по какой-либо иной причине⁴².

⁴⁰ Актовую речь произнес прот. Н. В. Лысогорский на тему «Чем объяснить веру в себя, как в “Сына Божия”, современного вождя секты “Новый Израиль” В. С. Лубкова и обожествление его другими» (см.: БВ. 1918. № 10–12).

⁴¹ Так, на Совете 10 декабря 1918 г. (н. ст.) решили удовлетворить просьбу окончивших 4 курс иеромонаха Андрея (Демьяновича) и Антония Юнака: выдать им на руки дипломы об окончании Академии как сдавшим все устные экзамены и представившим все сочинения в связи с отъездом за пределы республики (на юг и юго-запад). Петр Добров (студент 4 курса) просил оставить его на 2-ой год в связи с невозможностью пока продолжать курс учения. Александру Уметскому разрешили держать выпускные экзамены осенью сего 1919 года (может быть сего 1918 г.?).

⁴² 10/23 сентября 1918 г. (это последний журнал за 1918 год, очевидно и последнее заседание Совета) ректором было заявлено на Совете о том, что Н. Л. Туницкий (уехавший с 3 августа ст. ст. на неделю на Украину) и А. К. Мишин (уехавший в Воронежскую область) для сопровождения семей, не возвратились в Академию и не приступили к августу и до того дня к исполнению своих обязанностей, и о них ничего неизвестно, хотя полученные ими в свое время двухнедельные отпуска давно истекли (Ф. 172. Оп. 48. Д. 8. Л. 48). На Совете 6 ноября (н. ст.) 1918 г. было подытожено, что по служебным обязанностям наибольшее число пропущенных лекций у В. П. Виноградова (12 лекций), а по обстоятельствам отпуска, <предоставленного в связи с> военным временем: <у> Н. Л. Туницкого — 15 лекций; А. И. Алмазова — 12 лекций; Ф. М. Россейкина — 11 лекций (в прошении на имя Ректора, зачитанном 10 декабря (н. ст.) на Совете, Ф. М. Россейкин объяснил, что он был в отсуствии 4 недели вместо 2-х, но что сверхурочными лекциями по истории Греко-Восточной Церкви и по немецкому языку он почти восполнил пропущенное); А. К. Мишина — 20 лекций (французский язык).

В октябре месяце по болезни пропустили: <М. М.> Богословский — 15 лекций; <свящ. И. В.> Гумилевский — 13 лекций; Ф. К. Андреев — 10 лекций. По нахождению в отпуске: <Н. Л.> Туницкий — 21 лекции, <А. К.> Мишин — 15 лекций. По нахождению под арестом: Д. Введенский — 2 лекции.

		I курс		II курс
Понедельник	1.	9.00–9.50		
	2.	9.50–10.40		
	3.	10.40–11.30		
	4.	11.30–12.20	Основ. богосл.	
	5.	12.20–1.10	– –	
	6.	1.10–2.00	– –	
Вторник	1.		Ист. Рус. Церкви	Церк. Право
	2.		– –	– –
	3.		– –	– –
	4.			
	5.		Евр. язык	
	6.		– –	
Среда	1.		Ист. Др. Церкви	
	2.		– –	
	3.		– –	
	4.		Греч. яз.	
	5.		– –	
	6.		– –	
Четверг	1.		Фр. Яз.	Англ. яз.
	2.		– –	– –
	3.		– –	– –
	4.			
	5.			
	6.			
Пятница	1.		Догмат. богосл. (ауд. №21)	
	2.		– –	
	3.		– –	
	4.			
	5.			
	6.			
Субб	1.		Ист. филос.	
	2.		– –	
	3.		– –	

⁴³ Цифры в скобках обозначают: <II – ая <библейская> кафедра, 1 – библейская <группа>; 2 – богосл<овско>-филос<офская> гр<уппа>, 3 – церк<овно>-истор<ическая> <группа>, 4 – богосл<овско>-слов<есная> <груп-

АКАДЕМИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1917–1927)

В МДА НА 1918–1919 г.⁴³
К. 15. Д. 15)

III курс		IV курс	
		Педагогика (5)	
		– –	Библ. ист. (1)
Библ. арх. (II)	Ист. преп. (4,5)		– –
– –	– –	Осн. богосл. (2)	
– –	Гомилетика (5)	– –	
Ист. Зап. Ц. (3)	Ист. р. л–ры (5)	Церковное право	
– –	– –	– –	
– –	– –	– –	
		Русская гражданская история	
Сист. философия (2 семинар)		– –	
– –			
Церк. арх. и ист. хрис. (3,5)		Ветх. богосл. (1,2)	Ист. Р.Ц. (3,5)
– –		– –	– –
П	А	Т	Р
			О
			Л
			– –
			– –
Новый Завет (II)		Христ. этика*	
– –		– –	
– –		– –	
Догматическое богословие (2)			
– –			
Догмат. богосл. (ауд. № 21)			
– –			
– –			
Ист. фил. (2)	Ист. р. раск. (3, 5)		
– –	– –		
	– –		

па>, 5 — церк<овно>-практ<ческая> <группа>.

Указаны и помещения: библиотека, «Синод», под храмом, № 21, т. е. всего 4 аудитории.

1 полугодие закончилось в ноябре 1918 г. Об этом свидетельствуют рукописные экзаменационные программы, имеющиеся у ряда профессоров в их документах, собранных К. М. Поповым⁴⁴.

Относительно продолжения занятий весной 1919 г. имеется следующий документ — журнал № 2 заседания Правления Академии от 2 марта 1919 г.:

...Слушали: 1. а) Указ и. д. ректора архимандриту Илариону Св. Патриарха, Св. Синода и ВЦС от 15/28 января 1919 г. за № 21:

Св. Патриарх, Св. Синод и ВЦС в соединенном присутствии 8/21 января 1919 г. слушали:

1) доклад ректора МДА от 31 декабря 1918 г. за № 1080 об открытии учебных занятий в МДА в марте сего года для студентов I курса в Москве, для студентов IV курса в Сергиевом Посаде, для студентов 2 и 3 курсов в том или другом месте в зависимости от общих условий времени и в частности от обстоятельств академической жизни.

2) ходатайство ректора от 18/31 декабря за № 876 об утверждении сметы...

3) донесение Вашего Высокопреподобия от 9–23 января за № 55 о распределении занятий по чтению публичных лекций, составлению брошюр и попутным занятиям.

Постановлено: Ввиду полной невозможности по крайней краткости времени, назначенного на прохождение курса, вести с пользой для дела учебные и ученые занятия со студентами, ввиду незначительного количества самих студентов и крайней дороговизны их содержания и признавая полезным и необходимым, особенно в настоящее тревожное для православной Церкви

⁴⁴ Так, у Д. В. Рождественского день экзамена помечен 2-м ноября (очевидно, ст. ст.), у Ф. М. Россейкина — 16/29 ноября 1918 г. Рукописные и сокращенные по объему программы лекций на 1918/19 уч. г. и отчеты некоторых преподавателей за осенний семестр 1918 г. можно найти в деле № 10 по ф. 172 (К. 48), а именно: Н. Туницкого, А. Туберовского, Вл. Страхова, Н. Протасова, игумена Варфоломея, М. Тарева, священника Ильи Гумилевского, протоиерея Дмитрия Рождественского. В частности, последний отмечает, что лекции читались с августа по октябрь. Отчет написан 8/21 ноября 1918 г.

время, привлечь академические силы к защите учения Св. Церкви от нападения на нее со стороны различных лжеучителей и людей неверующих:

1) учебных занятий <...> в марте сего года не открывать⁴⁵;

2) привлечь профессоров духовных академий: а) к чтению публичных лекций на религиозные темы в г. Москве, б) к составлению популярных брошюр в опровержение лжеучений... в) к составлению ученых трудов, необходимых в деле уяснения учения Православной Церкви... например, Толковой Библии, ее толкования св. отцами и учителями, библейского словаря и продолжения православной Энциклопедии, начатой проф. Лопухиным и продолженной проф. Глубоковским по образцу немецких изданий Герцога и Гаука.

3) проект распределения занятий между профессорами академии, по чтению публичных лекций, составлению брошюр и научным занятиям в общем принять. Для детального обсуждения сего проекта образовать Комиссию под председательством митрополита Новгородского Арсения в составе членов: прот. П. А. Миртова, А. Г. Куляшова, Вашего Преподобия, Н. Д. Кузнецова с предоставлением ее председателю права приглашать сведущих лиц; о последующем же доложить Вашему <Преподобию> Церковному Управлению в ближайший срок.

4) прилагаемую при сем смету размером на 157 271 руб. на содержание Академии в первую половину 1919 года утвердить, о чем и послать Указ Высокопреподобию января 15/28 дня 1919 г. № 21⁴⁶.

Указ ВЦУ от 5 апреля того же года извещал о прекращении ассигнований на Академию из Церковной казны начиная с июля месяца и напоминал о долге профессоров исполнить возложенное на них поручение Высшего Церковного Управления относительно религиозно-апологетической деятельности⁴⁷. Указ был доложен Правлению Ака-

⁴⁵ Прим. автора: Поскольку этот указ был зачитан в Академии лишь 2 марта, а студенты уже съехались, то, очевидно, занятия были начаты и длились всего около месяца, так как они закончились, согласно С. А. Волкову, после 5-й недели Вел. Поста, т. е. где-то 5–7 апреля 1919 г. (н. ст.).

⁴⁶ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 982. Л. 4–5.

⁴⁷ Там же. Л. 8.

демии на заседании его 16 апреля. Одновременно предлагалось Правлению представить отчет о состоянии Академии по учебной части за 1917/18 г. и по хозяйственной части за 1917 и 1918 г.

Получали ли преподаватели жалование до июня месяца, в действительности не известно. Известно лишь, что указом от 10/23 июня 1919 г. Высшее Церковное Управление отпустило сумму лишь в 5 000 рублей на содержание Административно-хозяйственной комиссии и дома (какого — не сказано) и что согласно Журналу Правления № 5 от 12 августа 1919 г. в его распоряжении было всего около 1000 рублей⁴⁸.

Сам же учебный 1918/19 год был «скоростижно закончен после пятой недели Великого Поста»⁴⁹ (Пасха в 1919 г. приходилась на 20 апреля (н. ст.)). Кое-кто из профессоров провел некое подобие зачетов типа собеседований. Студентов «условно» перевели на следующий курс до выяснения дел осенью 1919 г. Всех разогнал начавшийся голод⁵⁰. Остались только монашествующие, часть которых жила в «Синоде»⁵¹ (северное помещение на верху «Чертогов»), в больничном корпусе⁵² и в инспекторском корпусе до тех пор, пока Администрация могла выделять топливо, и был открыт академический храм.

Особенностью весеннего семестра 1918/19 уч. г. было то, что он проходил в отсутствие ректора А. П. Орлова, получившего 15 января 2-х месячный отпуск для устройства семьи — жены с 2-мя детьми, уехавших еще осенью в Усмановский район Тамбовской губернии. Из-за разрухи он смог вернуться в Посад лишь 15 апреля. В его отсутствие Академию возглавлял инспектор — архим. Иларион. Но и он одно время был отстранен от деятельности (с 10 апреля), и обязанности ректора тогда были возложены на засл. проф. С. С. Глаголева⁵³. Кол-

⁴⁸ Подробнее о финансах Академии и о деятельности Правления см. в: *Голубцов 1982. С. 100–112.*

⁴⁹ См.: *Волков 1964. С. 209.*

⁵⁰ Не только голод, но и изгнание Академии из ее зданий.

⁵¹ Сейчас — это комната ЦАК, граничащая с библиотечкой кабинета, бывшей в первые годы новой Академии канцелярией.

⁵² Верхний этаж Академия освободила ещё в конце февра<ля> (слово закрашено, видимо, автор намеревался сделать исправление. — *Ред.*).

⁵³ Из письма профессора С. Глаголева Н. Глубоковскому от 3 мая 1919 г.:

«...Невесел у нас праздник (Пасхи). О. Илариона арестовали, он теперь пребывает

лектив ходатайствовал об освобождении Троицкого. Ввиду краткости этого семестра и перечисленных обстоятельств первое заседание Совета состоялось только 11 июня (н. ст.) 1919 г., то есть в Духов день, дня через 2 после возвращения архим. Илариона.

На заседании Совет был поставлен в известность, что ректор прот. А. П. Орлов указом Епархиального совета был назначен настоятелем Троицкой, что на Арбате, церкви с сохранением академической должности. Почти все заседание Совета было посвящено будущему учебному году, а из дел прошедшего семестра можно отметить лишь признание степени кандидата 2-го разряда Николаю Белтову, действительному студенту выпуска 1918 года, подавшему курсовое сочинение С. И. Соболевскому на тему «Перевод хорошим русским языком и подробный филологический разбор жития прп. Арсения Великого»⁵⁴.

Итоги 1918/19 уч. г. были подведены на втором заседании Совета 12/25 июня 1919 г. под председательством А. П. Орлова. Были заслушаны отчеты о преподавании в 1918/19 уч. г. и доклад и. о. секретаря Совета игумена Иоасафа об успехах студентов и отзывы о курсовых сочинениях 15-ти студентов из общего числа в 45 человек. Из пятнадцати следующие одиннадцать причислены к категории кандидатов богословия первого разряда:

1. Монах Ермоген (Голубев)⁵⁵,

в Бутырской тюрьме, дел за ним никаких на самом деле нет... Нет у нас и церкви. Академическая запечатана. Перешли было в церковь Иоанна Предтечи. Но там тесно и холодно. Теперь переходим в Трапезную. Умиравшая Академия блуждает. Событие в Сергиевом Посаде — это вскрытие мощей преподобного Сергия (11 апреля. — С. Г.). В газетах — все ложь. Мощи во всяком случае есть. Прикадывался, грешен, и я. Народ валом валит...

Что будет у нас с богословской наукой? Положим, что у нас ее почти не было, но все-таки — теперь ведь заглушаются даже и слабые ростки. Но я уповаю на милость Божию. Все образуется. Трудно было пережить эту зиму. Нам грозил мрак (керосина не было), холод и голод. Но мрак и холод преобладали. Остался голод. Господь даст, явится и питание» (Склярова 1994. С. 265).

⁵⁴ Отзыв рецензента приложен к ЖС МДА № 1 за 1919 г. См.: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 20.

Курсовое сочинение Н. Белтова готовится к публикации в «Богословском вестнике». — Ред.

⁵⁵ Впоследствии известный архиепископ.

2. Баратов Алексей,
3. Свящ. Чернецов Петр,
4. Свящ. Никольский Никита,
5. Свящ. Иванов Виктор,
6. Свящ. Красотин Павел,
7. Свящ. Ремов Александр,
8. Протопопов Александр,
9. Вознесенский Павел,
10. Иеромонах Андрей (Демьянович),
11. Свящ. Юнак Анатолий.

По второму разряду:

12. Свящ. Евстратов Василий,
13. Покровский Василий,
14. Чистяков Александр,
15. Климов Григорий.

Действительных студентов:

16. Бекренев Георгий,
17. Воронцов Алексей,
18. Свящ. Гусев Николай,
19. Свящ. Добролюбов Виктор,
20. Свящ. Орлов Николай,
21. Попов Александр (Влад. д. с.),
22. Свящ. Предтечевский Сергей.

Об остальных студентах, имевших еще семестровые задолженности помимо курсового сочинения, судить позднее:

23. Уметский Александр (написал курс. соч.),
24. Свящ. Ансеров Иоанн,
25. Введенский Иоанн,
26. Свящ. Гиацинтов Александр,
27. Свящ. Голубев Александр,
28. Диякон Даниловский Владимир,
29. Золотарев Николай,
30. Свящ. Ивановский Феодор,

31. Кораблев Константин,
32. Лебедев Василий,
33. Лебедев Виктор (Волог.),
34. Лебедев Николай,
35. Свящ. Милютин Сергей,
36. Побединский Василий,
37. Свящ. Синьковский Димитрий,
38. Соболев Михаил,
39. Трешневский Зиновий,
40. Свящ. Успенский Алексей (Калуж.),
41. Свящ. Успенский Алексей (Яросл.),
42. Уморов Александр,
43. Свящ. Часовников Николай,
44. Свящ. Чистяков Михаил,
45. Свящ. Гиляревский Вячеслав.

Вассиан Пятницкий, профессорский стипендиат, был по просьбе своей и проф. Е. Воронцова оставлен без сохранения содержания стипендиатом и на 1919/20 уч. г.

Тогда же был заслушан отзыв о стипендиантском отчете свящ. Евгения Яковлевича Кобранова, в течение двух лет (1916–1918) изучавшего восточные языки в Петроградском Университете, где он овладел пятью языками (арабским, еврейским, сирийским, эфиопским и армянским) и основами семи языков (ассирийского, древнесемитского, коптского, грузинского, санскритского, персидского, авестского), что, по словам И. Попова, делает честь его трудолюбию и жажде знания и что превышает человеческие силы...

И. Попов оценивает это как хороший фундамент для будущего патролога и для изучения памятников негреческого Востока. Кроме того, Кобранов занимался дальнейшей разработкой своего курсового сочинения «Догматико-философская система Оригена» и другими вопросами.

Некоторым итогам ушедшего 1918/19 уч. г. была посвящена и часть 3-го заседания Совета 6 октября 1919 г. в Академии, когда по докладу игумена Иоасафа было решено:

1. Свящ^{енника} Константина Любомудрова и Покровского Виталия, сдавших все экзамены и сочинения, перевести на 3 курс.

2. Принимая во внимание неблагоприятные для учебы условия:

а) перевести на следующий курс условно (до сдачи задолженностей):

29 студентов 1 курса,

18 студентов 2 курса,

31 студента 3 курса;

б) 53 студента 4 курса,

48 студентов 3 курса,

45 студентов 2 курса,

вовсе не явившихся в Академию в 1918/19 уч. г., оставить на второй год;

в) 23 студентам 4 курса, ранее поименованным⁵⁶, предоставить возможность ликвидировать свои семестровые задолженности в наступающем учебном году.

Казенное питание прекратилось с прекращением лекций. Получали в день по карточкам полфунта плохого хлеба и добывали, кто где мог, кое-какие продукты.

Студенческая библиотека была передана в ведение С. А. Волкова и вскоре была обращена во вторую городскую библиотеку. Религиозные книги были выделены и не выдавались.

На 6-й неделе Великого Поста⁵⁷ курсантами Военно-электротехнических курсов, образованных при Военно-электротехнической академии, был занят, закрыт и опечатан академический храм, так как в соответствии с декретом как домовый храм он должен был быть закрытым, а Академии комиссаром Лавры был предоставлен маленький надвратный храм св. Иоанна Предтечи, не вмещавший всех прихожан, поэтому приходу бывшего академического храма по договоренности с Лаврой была предоставлена Трапезная церковь прп. Сергия на период с Великого Четверга до Фоминой, а затем «академический» приход

⁵⁶ См. выше с. 466-467.

⁵⁷ Это по словам С. А. Волкова. «Отношение» же комиссара Электротехнических курсов о прекращении богослужения в академическом храме датируется 20-м ноября 1918 г. (Ф. 172. К. 127. Ед. хр. 8. Л. 37).

перешел в Пятницкую и Введенскую церкви⁵⁸ вне стен Лавры. Вскоре и все здания были отобраны.

Бывшая фундаментальная библиотека была объявлена филиалом библиотеки Румянцевского музея, и книги из нее, за исключением религиозных, выдавались научным работникам и преподавателям средних школ. Ее заведующим до 1933 г. оставался К. М. Попов⁵⁹.

Так весной 1919 г. закрылась в Сергиевом Посаде Московская духовная академия.

3. Научно-богословская деятельность Академии

Обращаясь к рассмотрению учебной и научной жизни Академии за последние два года, отметим, что в составе кафедр в Сергиево-Посадский период ректорства проф. прот. Анатолия Петровича Орлова произошли следующие незначительные изменения.

Преподаватель по 2-й каф. Патрологии иеромонах Пантелеимон (Успенский) по болезни (чахотка) отбыл для лечения на Новый Афон в июле 1917 г., где скончался 1 мая 1918 г., о чем в Академии по причине тогдашних военных событий на юге страны узнали лишь в январе 1919 г.

Лишь через год — с начала 1918/19 уч. г. — его заменил окончивший в 1918 г. Академию священник Сергей Михайлович Соловьев (племянник Владимира Соловьева и внук историка С. М. Соловьева), поступивший в Академию в 1915 г. после окончания Университета в 1911 г., поэт и переводчик древних классиков. Поскольку сведений о Пантелеимоне не было, то в начале первого полугодия, по крайней мере, он преподавал безвозмездно, так что вынужден был 21 октября

⁵⁸ Подробнее см. в разделе, посвященном храму (там же).

⁵⁹ О подвиге этого энциклопедиста-библиотекаря и его жены О. Н. Поповой по сохранению книг см.: Волков 1964. С. 284–298 и др.; Голубцов С., протоиерей. Московская духовная академия дореволюционного периода. Т. 2. Ч. 5. Кн. 3. М., 1990. С. 1–22.

См. также 5-й и 6-й разделы статьи игум. Дионисия (Шленова) «История библиотеки Московской духовной академии» (5. Последний «взлет» при К. М. Попове перед закрытием; 6. Библиотека МДА после закрытия), публикуемой в Юбилейном томе, посвященном 325-летию СГЛА (в печати). — *Ред.*

1918 г. просить единовременное пособие для своей семьи⁶⁰ и о зачислении в штат Академии.

Временно сверхштатный э.-орд. проф. Илья Михайлович Громогласов, формально лишь восстановленный в Академии, замещал по кафедре Церковного права в осенний семестр 1918 г.⁶¹ Александра Ивановича Алмазова, весной 1918 г. уехавшего в Симбирскую губернию, вернувшегося в Москву лишь 28 октября (из-за военных действий в ряде районов) и, по-видимому, не приступавшего в Академии к чтению лекций в этот семестр из-за ослабления сердечной деятельности⁶².

Преподаватель систематической философии и логики Ф. К. Андреев берет продолжительный отпуск в декабре 1917 г. (по уходу за больным братом в Петрограде) до конца учебного года. Возможно, что его заменяет по кафедре о. Павел Флоренский. Вообще он часто уезжает на родину, и вероятно, что в 1919 г. он уже не преподает в Академии.

Находившийся на пенсии заслуженный профессор по кафедре Догматического богословия Александр Дмитриевич Беляев возобновил, очевидно, преподавательскую деятельность в Академии с осени 1918 г., но по какой кафедре — неизвестно⁶³. Причиной этому послужило, конечно, прекращение выплаты пенсии с ликвидацией старой казны.

Научные достижения последнего периода деятельности Московской академии, приходящегося на голодные годы, годы разрухи и замирания ее деятельности, конечно, невелики.

Докторской степени была удостоена на Совете лишь одна работа, и то постороннего лица — проф. прот. (в 1913—1918 гг.) Киевского

⁶⁰ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5221. Л. 1.

⁶¹ А точнее лишь 2 месяца: октябрь—ноябрь (по словам Ректора, в черновике прошения, поданного Святейшему Патриарху).

⁶² См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5005.

⁶³ Об этом косвенно свидетельствует справка от Правления Академии за подписью и. д. Ректора архим. Илариона: «Беляев Ал<ександр> Дм. ни на какой службе, кроме академической, в течение 1918 г. не состоял и доходов, кроме академического жалованья, не получал» (ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5020. Л. 47). Позднее (в 1988 г.) просмотренный нами его дневник не подтвердил этой версии. Под «жалованием», по-видимому, надо понимать его пенсию, которую выплачивали из академической казны (до августа 1918 г.).

университета (с 5 сентября 1913 г.) Николая Боголюбова⁶⁴ 15 октября 1917 г. на тему: «Философия религии. Ч. I. Историческая. Т. 1. Киев, 1915 г.».

О докторских работах сотрудников МДА известно лишь то, что э.-орд. профессор Д. А. Лебедев 10/23 июня 1919 г. подал в Совет Академии прошение о рассмотрении на указанный предмет своего сочинения в двух экземплярах «Список епископов Первого Вселенского Собора в 318 имен. К вопросу о его происхождении и значении для реконструкции подлинного списка Никейских отцов. Петроград, 1916 г.». Об этом 12/25 числа было доложено на Совете о. ректором А. Орловым⁶⁵.

Э.-орд. проф. прот. Евгений Воронцов, по воспоминаниям С. А. Волкова, еще в 1913–1914 гг. завершал свой докторский труд из области еврейской филологии и интересовался через посредство иеромонаха Вассиана (Пятницкого), ездившего в Германию, возможностью его напечатания в Лейпциге на латинском, предпочтительно, языке для более широкой научной аудитории. Но это намерение из-за войны не было осуществлено и труд остался, вероятно, в рукописи⁶⁶.

⁶⁴ Окончил МДА в 1896 г., магистр МДА (1900), член Собора 1917 (Вестник ЛДА 1990. 2, 49). С 1925 г. — в Нижнем Новгороде, репрессирован в 1928–1931 гг. (За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917–1956. Кн. 1. А—К. М., 1997. С. 170).

⁶⁵ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5108. Л. 13. Далее следует машинописный текст в скобках («Но кому передана работа на рассмотрение — не сказано, и была ли она рассмотрена на Совете и присуждена ли степень — неизвестно») с карандашной заметкой «то, что в скобках, изъять». После слова «неизвестно» стоит следующая ссылка: «Внесенные в Совет на рассмотрение в качестве докторской работу э.-орд. профессора Д. А. Лебедева 12/25 июня передали на отзыв С. И. Соболевскому и И. В. Попову, а поданную тогда же в качестве магистерской — работу кандидата СПб ДА выпуска 1896 г. архимандрита Леонида (Скобеева) под названием “История возникновения и окончательного развития партий (сект) фарисейской и саддукейской в после пленный период богоизбранного народа до Рождества Христова” передана на отзыв протоиерею Е. А. Воронцову и Д. И. Введенскому. Но были ли присуждены степени, неизвестно. Впрочем, Скобеев значился магистром МДА».

⁶⁶ В «Богословских трудах» № 4–7 был опубликован труд «Св. Иларий, епископ Пиктавийский» под авторством И. В. Попова. Не видя рукописи, мы можем лишь предположить, что в действительности этот труд должен принадлежать А. П. Орлову, который работал над тринитарными и христологическими воззрениями этого святы-

М. И. Бенеманский (бывший член МДА) сделал заявку на степень доктора⁶⁷.

Магистерской степени были удостоены два преподавателя Академии, Александр Михайлович Туберовский и священ. Иоанн Михайлович Смирнов, и священник московской церкви свт. Николая в Толмачах о. Михаил Фивейский.

О работе А. М. Туберовского «Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата» отзывы проф. М. Д. Муретова и э.-орд. проф. Павла Флоренского были заслушаны на Совете еще 2 мая 1916 г.⁶⁸.

Ректор еп. Феодор высказал особое мнение⁶⁹ о необходимости исправления диссертации не в предполагаемом втором, а уже в первом ее издании; к этому присоединились почти все присутствовавшие, в том числе и М. Д. Муретов, ранее придерживавшийся другого мнения⁷⁰. В результате диссертацию возвратили для переделки, и магистерский коллоквиум состоялся лишь 10 октября 1917 г. и был самым, очевидно, продолжительным в истории Академии, так как длился целых два дня. Первый день, когда председательствовал гость — архиеп. Арсений (Стадницкий), ушел на слушание отзыва о Павла

теля, и упомянутый труд, вероятно, является докторской работой А. П. Орлова, отданной на просмотр (или сохранение) И. В. Попову — его постоянному рецензенту и сотруднику; тем более что в публикации нет никаких ссылок на печатные труды А. Орлова, чего нельзя и допустить, если бы этот труд принадлежал И. В. Попову.

⁶⁷ 18/31 января 1918 г. в Совет была внесена его работа «Закон градский: Значение его в русском праве. Приложения». М., 1917 г. Она дана была на отзыв проф. А. И. Алмазову и И. М. Громогласову (НИОР РГБ. Ф. 172). Неизвестно, рассмотрена ли она (С. Г.).

⁶⁸ См.: Приложение № 5 к ЖС МДА за 1916 г.

⁶⁹ См.: Приложение № 6 к ЖС МДА за 1916 г.

⁷⁰ А. Беляев отметил, что 2 мая профессором Муретовым был прочитан огромный на 3 часа отрицательный отзыв. Отзыв Флоренского был менее резок. Ректор потребовал переделки сочинения до 1-го издания, Муретов — до 2-го издания (после защиты). Ректор заявил, что он отзывы Муретова и Флоренского не читал, но отзыв Муретова, по словам Беляева, подозрительно совпал с предыдущими отзывами. Позицию Муретова А. Беляев (патронировавший Туберовского) довольно пристрастно оценил как позицию «пасквильанта и пакостника» (см.: НИОР РГБ. Ф. 26, дневник Беляева).

Флоренского⁷¹. Следующий день начался выступлением М. Тареева⁷² со своим отзывом, при этом, отмечает С. Волков⁷³, он и Флоренский не сидели, как это было принято для оппонентов, за одним столиком у Елизаветинской изразцово́й печи напротив диссертанта, стоявшего на кафедре, но Флоренский пересел за общий стол с профессорами, подобно и Тарееву в предыдущий день.

«Тареев начал свой отзыв с указания тех разделов и отдельных мыслей диссертации, которые он считал неправильными, — продолжает С. Волков. — Таковых оказалось немало, хотя все и считали Туберовского его единомышленником. Но потом Тареев перешел к обсуждению принципиальных проблем, заговорил о характере русского богословия, отмечая его положительные стороны, а также и недостатки. Отчасти это были те же мысли, что были им опубликованы в статье “Новое богословие”... <Он> ставил (этому богословию) в заслугу стремление к предельной ясности, использование методов критического мышления, уклонения от “модных” в последние годы псевдомистических течений, вроде теософии и антропософии». Тут он дважды в резком тоне задел о. П. Флоренского и его книгу «Столп и утверждение Истины», что побудило Ф. К. Андреева⁷⁴ «обратиться к председателю — о. Ректору — о недопустимости подобных выпадов. Дело кончилось тем, что о. Павел, сказав, что он считает Туберовского достойным степени магистра, покинул актов́ый зал, за ним вышли монахи и священники, а

⁷¹ Флоренский сначала проанализировал сочинение с филологической стороны, затем — по сути. Туберовский имел довольно бледный вид не только от его критики, но и потому, что в те дни страдал желудком, так что в 8 час. 45 мин. вечера заявил, что он больше не в состоянии продолжать диспут. Флоренский не возражал, так как почти все сказал (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 120).

⁷² Вместо умершего 11 марта 1917 г. М. Муратова оппонентом был назначен М. Тареев, который в частности указал, что «ограничивать богопознание только областью мистического разума, не давая места практически нравственному познанию, воле, — односторонне и неверно, что 7-я глава поэтóму пуста содержанием, а 5-ая заимствована у него, Тареева — по мыслям и даже словам, что любовь Божия вполне проявляется в здешней жизни, а у Туберовского лишь в царстве славы, на что Туберовский ничего не мог ответить (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 129–130).

⁷³ См.: Волков 1964. С. 193.

⁷⁴ В те годы горячего почитателя о. Павла Флоренского.

также светские профессора, принадлежащие к антитареевской группе, затем Ректор, начавший что-то было говорить, и, наконец, и остальные профессора. Последним медленно вышел и Тареев. В это время раздалась шумные аплодисменты со стороны студенчества, наполнявшего зал. Я и тогда не мог понять, кому студенты выражали свое сочувствие, Флоренскому или Тарееву⁷⁵... Диспут прервался».

...Кое-как он закончился в профессорской⁷⁶ и А. М. Туберовскому, глубоко расстроенному случившимся инцидентом, была присуждена степень магистра, а вскоре и 2-я академическая премия митрополита Макария (290 р.) за лучшие магистерские сочинения.

Магистерская работа преподавателя церковно-славянского и русского языков священника Иоанна Михайловича Смирнова⁷⁷ с названием «Синайский патерик в древне-славянском переводе, в 3-х частях» (СП, 1917) была разработкой его кандидатского сочинения о том же Патерике в славянско-русском переводе, получившего высокую оценку рецензента И. Л. Туницкого, который отметил «значительную и многообещающую эрудицию» автора, хорошо знающего болгарский, чешский и сербский языки, их историю и палеографию, но не проследившего преемственность различных редакций Патерика⁷⁸. Рукопись же магистерской диссертации, защищенной 25 апреля 1918 г., была подана еще 4 июня 1915 г., что свидетельствует, по-видимому, о доработках по указанию рецензентов. Диспут окончился успешно, хотя С. Волков и сообщает, что С. И. Соболевский на защите представил «скрупулезный анализ ошибок в переводе греческих текстов диссертантом; самый тон, каким он говорил, показывал отношение рецензента к магистранту, как

⁷⁵ Волков 1964. С. 196.

⁷⁶ А. Д. Беляев излагает концовку диспута иначе: после скандала Ректор закрыл заседание Совета и пригласил Совет в свои апартаменты, но Тареев ушел домой. Было сначала предложено отсрочить на месяц окончание диспута, пока улягутся страсти, но потом решили послать депутации к Тарееву и Флоренскому и убедить их помириться: Тарееву извиниться перед Флоренским, а тому — принять извинение. Депутации добились успеха и вечером того же дня с 7 до 8 часов диспут был продолжен и окончен признанием защиты удовлетворительной (НИОР РГБ. Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 132).

⁷⁷ Окончил МДА в 1911 г. 5-м по списку, предварительно 8 лет в 1899–1907 г. прослужив на приходе.

⁷⁸ ЖС МДА за 1911 г. // БВ. 1912. Т. 2. № 4. С. 387 (4-я пагин.).

к малознающему ученику. Соболевский прямо-таки поучал, и в его слегка шепелявом говоре чувствовалась солидная доза иронии»⁷⁹.

О диспуте свящ. Михаила Фивейского, солидного уже протоиерея⁸⁰, настоятеля московского храма свт. Николая в Толмачах, на тему «Духовные дарования в первоначальной христианской Церкви, 1 Кор., 12–14 гл.» (М., 1907), состоявшемся 7 декабря 1917 г., С. Волков вспоминает, что диссертант держался очень уверенно и не только отражал нападения первого рецензента свящ. Вл. Страхова, но прибегал к «контрнападениям», засыпая, между прочим, рецензента обилием цитат на английском языке, который, несомненно, знал очень хорошо. Это несколько смущало рецензента, который, по-видимому, не слишком быстро воспринимал английские фразы в устном произношении. Но после Страхова выступил архим. Иларион... и на залпы английских цитат отвечал такими же, дополняя их обилием ссылок на греческие, латинские, немецкие и французские тексты, тоже в подлинниках. Произошел подлинный ученый “поединок”, в котором, как говорили потом,

⁷⁹ Волков 1964. С. 189. Рецензию С. И. Соболевского см.: Изв. ОРЯС АН. 1918. № 23. Кн. 2. С. 289–295.

А. Беляев в своем дневнике отмечает, что диспут тянулся с 2-х часов дня до ночи. С. И. Соболевский остановился на филологических мелочах, а Н. Л. Туницкий поставил в вину автору то, что диспутант, напечатавший греческий подлинник и перевод его, взял лишь позднюю версию перевода, опустив промежуточные. Смирнов аргументировал это тем, что позднейшие славянские переводы более совершенны. Защита была признана удовлетворительной. Диспутант получил звание магистра и должность доцента, а через месяц 13/26 июня и должность э.-орд. профессора как состоящий на епархиальной службе с 1899 г., в Академии с 1912 г. (единогласно).

⁸⁰ Окончил 4-м по списку историческое отделение МДА в 1880 г., так что в 1917 г. ему было около 62 лет. Фивейский подавал сочинение на магистерскую степень еще в 1902 и 1907 гг., но оно не получило тогда одобрения обоих рецензентов. См.: ЖС МДА за 1902 г. // БВ. 1904. Т. 1. № 2. С. 423–441 (4-я пагин.); ЖС МДА за 1907 г. // БВ. 1908. Т. 2. № 7/8. С. 367–379 (6-я пагин.).

15 мая 1917 г. Советом было постановлено (вновь) допустить священника М. П. Фивейского до магистерской защиты; были прочитаны справки о том, что еще в 1902 г. (19 декабря) ему было дозволено напечатать работу с исправлением, а в 1907 г. (20 декабря) — допустить к защите, и заявление Фивейского о том, что в 1911 г. его оппонент уклонялся от диспута (ЖС МДА № 6 от 15 мая 1917 г.; НИОР РГБ. Ф. 172. К. 47. Ед. хр. 1. Л. 42).

не было ни победителя, ни побежденного⁸¹. По словам А. Д. Беляева, диспут М. Фивейского длился с 6 1/2 до 12 1/2 часов вечера. Дело с диссертацией тянулось около четверти века. Одной из причин было и отрицательное отношение к этому сочинению и его автору покойного проф. М. Д. Муретова, с которым автор был несогласен в сравнительной оценке «Пира» Платона и песни любви у апостола Павла. Автор — известный переводчик Гейки⁸², Едергейма⁸³, Фаррара⁸⁴, Брюса и других западных богословов и автор широко распространенных «Священной Истории Ветхого Завета» и «Священной истории Нового Завета» и других книг. На диспуте Фивейский подвергся нападкам священника Страхова и особенно архимандрита Илариона, который признал достойным степени не книгу, а диспутанта. Последний весьма бойко и хорошо защищался, ловко парируя выпады против него Илариона, вроде такого, например: «Вы смаху пишете». — «Это Вы смаху говорите», или: «Неприятное впечатление от книги». — «Это Ваш субъективный взгляд, а вот ученый итальянец по-латыни написал о моей книге: очень ученая и ценный вклад в русскую богословскую литературу».

Все же защиту признали удовлетворительной⁸⁵. Но на Совете 13 января 1918 г. против присуждения магистерства Фивейскому вновь ратовал преимущественно Иларион («Монахов даже и косвенно не тронь...» — заметил А. Д. Беляев).

В 1918–1919 гг. в составе корпорации оставалось лишь два «не остепенившихся» пока преподавателя: только что зачисленный в штат свящ. Сергей Михайлович Соловьев по кафедре Патрологии и Федор Константинович Андреев, исполнявший с 1913 г. должность доцента по кафедре Философии и Логики. О первом из двух ничего не известно в

⁸¹ См.: Волков 1964. С. 190.

⁸² Гейки К. Жизнь и учение Христа / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. Т. 1–4. М., 1893. — Ред.

⁸³ Эдершейм А. Жизнь и время Иисуса Мессии / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. Т. 1. М., 1898. — Ред.

⁸⁴ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. СПб., 1904; Он же. Жизнь и труды Святого Апостола Павла / Пер. с англ. свящ. М. П. Фивейского. СПб., 1905. — Ред.

⁸⁵ Подробнее см. у А. Д. Беляева: Ф. 26. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 153; там же и о семье Фивейского.

плане подготовки диссертации, это и понятно; второй же — Ф. К. Андреев — подал 23 июня 1916 г. (как сообщил Ректор 20 августа того года⁸⁶) рукопись своей магистерской диссертации под названием «Из истории религиозных и философских исканий ранних славянофилов. Юрий Федорович Самарин и его друзья». Рецензентами были назначены проф. С. С. Глаголев и П. А. Флоренский (от Ректора). К сожалению, ни отзывов этих лиц, ни о судьбе этой работы официально нет никаких известий.

Иеромонах Пантелеимон готовил диссертацию по прп. Симеону Новому Богослову, но в каком состоянии была работа и какова ее судьба, неизвестно. Вполне возможно, что он захватил ее с собой, когда уехал в октябре 1917 г. лечиться на Новый Афон от чахотки, где и скончался от нее 1 мая 1918 г. Им были переведены и изданы «Божественные Гимны преподобного Симеона Нового Богослова» (СП, 1917), удостоенные половиной академической премии митрополита Макария за 1917/18 уч. г. по предложению проф. И. В. Попова.

Другой половиной той же премии была удостоена работа Н. Л. Туницкого «Греческое пространное житие св. Климента Словенского»⁸⁷, перевод с греческого.

Из прочих, уже немногочисленных, по условиям времени, но значительных работ, вышедших из-под пера профессоров Московской Академии в последний период, можно отметить:

- статьи по поводу миссионерства (в том числе и о 5-м Всероссийском съезде) — И. Айвазова, бывшего в 1911–13 гг. преподавателем в Академии;
- многочисленные работы проф. М. Богословского по истории России эпохи Петра I, включая исследования феодальных и юридических взаимоотношений сельского и городского населения и на-

⁸⁶ См.: ЖС МДА за 1916 г. // БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 91 (5-я пагин.).

⁸⁷ Отзыв остался в рукописи ЖС МДА за 1918 г. См.: НИОР РГБ. Ф. 172. К. 48. Ед. хр. 11. Л. 2–3, 4, 5, где находится и отзыв Ф. М. Россейкина, выдвинувшего работу Туницкого не только за кропотливый труд по собиранию и комментированию древних изданий жития, но и за введение в научный оборот Охридского списка. Есть еще рецензия С. Н. Булгакова (Русская мысль. 1917. № 5–6. Отд. II. С. 131–134).

- чальных реформ Петра I, завершившиеся посмертным изданием в 4-х томах книги «Петр I» (до 1700 г.) в 1940—1946 гг.⁸⁸;
- иеромонаха Варфоломея (Ремова) — статьи в «Богословском вестнике» о жизни в Академии в 1917 г., о митрополите Филарете — там же в 1918 г.⁸⁹ (также и проф. Д. И. Введенского⁹⁰);
  - статьи В. П. Виноградова под рубрикой «Живая жизнь» в «Богословском вестнике» за 1917 г. и подписью «Василий Можайский»⁹¹, статья о митрополите Филарете как проповеднике⁹²;
  - сборник «Из чтений по церковной археологии и литургике» в 2-х частях покойного профессора А. П. Голубцова, который подготовил и издал его сын Иван Александрович Голубцов в 1918 г.; в сборник вошло, помимо некоторых напечатанных ранее автором статей, много неиздававшегося материала⁹³;
  - речи и статьи по вопросам церковных реформ: И. М. Громогласова, Н. Д. Кузнецова, А. И. Покровского, Н. А. Заозерского, архим. Илариона («Почему необходимо восстановить патриаршество?» — речь на Соборе, и его же: по вопросам о воссоединении Церквей⁹⁴ и мнение его о догматике по вопросу Тайны искупления⁹⁵ и Н. Д. Протасова (в том числе об участии женщин в церковной жизни и их богословском образовании);

⁸⁸ Подробно в «Известиях Российской Академии наук». Серия 6. Т. 14 (1920 г.) и т. 15 (1921 г.) или в т. 3 настоящего труда.

⁸⁹ *Варфоломей [Ремов], иером.* Памяти великого святителя. I. Труд пред Господом // БВ. 1918. Т. 1. № 1/2. С. 5—16 (1-я пагин.). — *Ред.*

⁹⁰ *Введенский Д. И.* Памяти великого святителя. 6. Митрополит Филарет как библеист // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 98—109 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹¹ *Можайский В.* Живая жизнь: Новая эпоха церковно-общественной жизни // БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 123—135 (1-я пагин.); № 8/9. С. 269—275 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹² *Виноградов В. П.* Значение митрополита Филарета в истории русской проповеди // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 110—144 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹³ Данный сборник составлен на основании лекций И. Д. Мансветова, автограф которых хранится в библиотеке МДА. Публикацию фрагмента лекций готовит А. М. Пентковский. — *Ред.*

⁹⁴ *Иларион (Троицкий), архим.* Единство Церкви и всемирная конференция христианства // БВ. 1917. Т. 1. № 1. С. 3—60 (2-я пагин.). — *Ред.*

⁹⁵ Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 24.

- статьи в 1917 г. по вопросам церковного календаря и пасхалии и в «Православном календаре на 1924 г.» проф. Д. А. Лебедева;
- актовые речи 1917 и 1918 г. М. Богословского о «Реформе духовной школы при Александре I и основании Московской Духовной Академии»⁹⁶ и Н. Лысогорского о вожде «Нового Израиля» В. С. Лубкове;
- речи о митрополите Филарете проф. А. Орлова, М. Тареева в «Богословском вестнике» 1918, 1–2;
- мемуарные статьи (в том числе о В. С. Маркове и Н. Ф. Каптерева) В. А. Соколова и С. М. Соловьева — в «Богословском вестнике» за 1917 и 1918 г.;
- статьи С. М. Соловьева «Гете и христианство»⁹⁷, «Национальные боги и Бог истинный»⁹⁸;
- богословские статьи и книги Михаила Тареева «Новое богословие», «Церковь и богословие»⁹⁹, статьи по историческому материализму и идеологии социализма;
- «Материалы для истории жизни и деятельности учеников Кирилла и Мефодия» (СП, 1917), также как и «Книги 12 малых пророков с толкованиями в древне-славянском переводе», изданные Н. Л. Туницким¹⁰⁰;

⁹⁶ См.: БВ. 1917. Т. 2. № 10/11/12. С. 356–384 (2-я пагин.); 1918. № 10–12.

⁹⁷ БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 238–266. № 4/5. С. 478–522 (2-я пагин.).

⁹⁸ Христианская мысль. 1917. 3–4.

⁹⁹ БВ. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 1–53 (1-я пагин.). № 8/9. С. 168–224 (2-я пагин.); № 10/11/12. С. 316–331 (2-я пагин.).

¹⁰⁰ В Известиях ОРЯС АН. 1921, XXVI. — *Авт.*

Публикация, указанная протодиаком С. Голубцовым, содержит рецензии на упомянутые работы Н. Л. Туницкого (*Соболевский А. И. Ис коуриловице // Изв. ОРЯС Рос. АН 1921. Т. 26. Пг., 1923. С. 240–243; Михайлов А. В. Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия // Изв. ОРЯС РАН 1921. Т. 26. Пгр., 1923. С. 243–251*). Сами работы Н. Л. Туницкого были опубликованы в Известиях ОРЯС РАН в 1918 г.: Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе. Вып. 1. Книги Осии, Иоила, Амоса, Авдия и Ионы / Приготовил к печати Н. Л. Туницкий. СП: Изд. ОРЯС РАН, 1918. VIII, 76 с.; Материалы для истории жизни и деятельности учеников св. Кирилла и Мефодия. Вып. 1. Греческое пространное житие св. Климента Словенского. СП: Изд. ОРЯС РАН, 1918. С. 1–144. — *Ред.*

- мемуарные статьи 1917 г. о П. Флоренского об архим. Серапионе (Машкине)¹⁰¹, Владимире Францевиче Эрне¹⁰², Ф. Дм. Самарине¹⁰³, а также: «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (1919), «Храмовое действо как синтез искусств» (1918/1922), «Опись панагий Троице-Сергиевой Лавры XII—XIX вв.» (1923).

О научной деятельности профессоров Академии в области богословских проблем в ближайшие годы после закрытия Академии в Посаде конкретно, как правило, ничего не известно; по-видимому, и не до нее было в эти годы. В архивах Академии сохранились, однако, донесения лишь некоторых профессоров на имя архим. Илариона, поданные в начале января 1919 г. в соответствии с вышеприведенным указом Синода о научной деятельности в защиту православия и религии.

В частности, архимандрит Варфоломей (Ремов), работавший, очевидно, с 1916 г. над подготовкой к изданию книг пророков Аввакума и Софонии для Комиссии по научному изданию Славянской Библии¹⁰⁴, выражал свою готовность принять участие в работах по составлению

¹⁰¹ Флоренский П., свящ. Данные к жизнеописанию архим. Серапиона (Машкина): Хронологическая схема жизни архимандрита Серапиона [Машкина] // БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 331–337 (2-я пагин.); Ельчанинов И. Н., Флоренский П. А., свящ. Данные к жизнеописанию архим. Серапиона (Машкина): Родословие архимандрита Серапиона. Идеологическое древо архимандрита Серапиона. Родословное древо Машкиных // БВ. 1917. Т. 1. № 2/3. С. 338–354 (2-я пагин.). — Ред.

¹⁰² Флоренский П. А., свящ. Памяти В. Ф. Эрна // Христианская мысль. 1917. № 11/12. С. 70–74. — Ред.

¹⁰³ Флоренский П. А., свящ. Памяти Ф. Д. Самарина. СП, 1917. Оттиск из «Богословского вестника». См.: Кожевников В. А., Трубецкой Н., Мансуров П. Б., Флоренский П. А., свящ., Новоселов М. А., Андреев Ф. К., Булгаков С. Н. Федору Дмитриевичу Самарину († 23/X—1916) от друзей // БВ. 1916. Т. 3. № 10/11/12. С. 543–581 (2-я пагин.). — Ред.

¹⁰⁴ 29 сентября 1914 г. Совет Академии был извещен о проекте проф. СПбДА Н. Елисеева научного издания славянского перевода Библии (в течение 60 лет!) под наблюдением Комиссии из членов Петроградской духовной академии (ЖС МДА за 1914 г. // БВ. 1915. Т. 2. № 7/8. С. 582–584 (4-я пагин.).

Официально Комиссия была открыта 28 января 1915 г. при Петроградской духовной академии. В ее состав Советом этой Академии были приглашены и профессора из МДА: Г. А. Воскресенский, М. Д. Муретов, С. И. Смирнов, доценты: В. Н. Страхов, Н. Л. Туницкий, иеромонах Варфоломей (Ремов), И. М. Смирнов и стипендиант

истолкований на книги Святого Писания Ветхого Завета или богословского словаря¹⁰⁵;

- проф. Дм. Ив. Введенский занимался по поручению Школьно-просветительского отдела Высшего Церковного Совета составлением программы по Библейской истории для пастырских училищ, и о научной деятельности нет упоминания в его записке от 8/13 января 1919 г.;
- э.-орд. проф. Е. Воронцов предполагал в 1919 г. работать над историей Библии и еврейского культа во внебиблейские времена и древнееврейского брака, как он писал в своей записке на имя архим. Илариона¹⁰⁶;
- проф. С. Глаголев, по-видимому, в начале 1919 г. не имел определенных научных планов, поскольку в своей записке от 7/20 января выражал «готовность работать во всех примерно-предложенных родах деятельности и применительно к потребностям современности»¹⁰⁷;
- свящ. Д. В. Рождественский предполагал принять на себя (может быть, и совместно с другими) из области научных работ: грамматические комментарии к избранным отделам Ветхого Завета, либо сопоставление текстов его греческой и масоретской редакций, либо пересмотр русского синодального перевода Библии, или, наконец, «дать указания для составления Новой Толковой Библии», более доступной, чем в издании Лопухина¹⁰⁸;

М. К. Струменский (см. статью Н. Л. Туницкого об этом: БВ. 1915. Т. 1. № 4. С. 865–875 (2-я пагин.)).

Позднее ряд ученых Московской Академии взял на себя обработку и издание некоторых из библейских книг, в частности: И. М. Смирнов — книгу пророка Захарии, С. И. Смирнов — книгу Руфь (Известия Библейской комиссии. 1916. № 1. Пг., 1916. С. 3, 4).

¹⁰⁵ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5033. Л. 7.

¹⁰⁶ См.: Там же. Д. 5040.

¹⁰⁷ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5047. Л. 80.

¹⁰⁸ См.: Там же. Д. 5179. Л. 11–12.

- свящ. И. М. Смирнов, надо полагать, был занят подготовкой к изданию книги пророка Захарии для Комиссии по научному изданию Славянской Библии, что он выбрал еще в 1916 г.¹⁰⁹;
- свящ. Вл. Страхов предлагал свои услуги в истолковании Священного Писания Нового Завета¹¹⁰;
- проф. М. Тареев усиленно работал над исследованием по истории русского богословия по поручению Св. Синода от 28 февраля 1914 г., которое было уже почти готово к печати, и выражал готовность к написанию брошюр апологетического содержания или к участию в составлении богословского словаря.

4. Судьбы преподавателей и профессоров после закрытия Академии

С. А. Волков, вспоминая первые годы после закрытия Академии в Сергиевом Посаде и некоторых профессоров, живших там, пишет, что монашествующие Иларион, Варфоломей, Иоасаф и игумен Вассиан продолжали жить в инспекторском корпусе. Правда, Иларион почти все время проводил в Москве, а в его квартире жили Иоасаф и брат архимандрита Илариона — архимандрит Даниил, ректор чуть ли не Вифанской семинарии, тоже закрытой...¹¹¹, а после выселения мона-

¹⁰⁹ Известия Библейской комиссии. 1916. № 1. Пг., 1916. С. 4.

¹¹⁰ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5225. Л. 13.

¹¹¹ Здесь С. А. Волков допустил ряд неточностей: <во-первых>, архимандрит Даниил не стоял во главе Вифанской семинарии; во-вторых, архимандрит Иларион жил, по-видимому, в Лавре лишь до осени 1919 г.; в-третьих, он и его помощники занимали не инспекторский корпус, а Успенский, о чём можно заключить из того, что в июле 1919 г. комиссар Электрокурсов Родионов просил комиссара Лавры А. Ф. Волкова способствовать очищению двух квартир <захваченного> Электрокурсами Успенского корпуса, которые занимали инспектор Академии архимандрит Иларион, его помощники — игумен Иосиф, экононом и служители и где проводились какие-то спевки духовного характера.

13 августа А. Ф. Волков напомнил архимандриту Илариону просьбу комиссара Электрокурсов освободить занимаемые им помещения.

8 октября 1919 г. комиссар Лавры предписал архимандриту Илариону освободить «верхние помещения; помещение же канцелярии Академии освободить — как только будет подыскано помещение для нее в другом месте» (ЦГАМО. Ф. 2609, 1, 10. Л. 21, 24, 29).

хов из Лавры они — в частности, Варфоломей и Вассиан, стоявшие во главе академического храма, — устроились на частной квартире в доме наследников покойного проф. МДА П. С. Казанского. После закрытия храма в Чертогах его церковному совету была передана часть ризницы и икона Покрова Божией Матери¹¹².

Вскоре архимандрит Иларион, иеромонах Иоасаф и протоиерей Д. В. Рождественский уехали в Москву¹¹³.

В академической библиотеке иногда можно было встретить <М. М.> Тареева, <П. А.> Флоренского, <С. С.> Глаголева и особенно часто Евгения Воронцова¹¹⁴, ясную и спокойную жизнь которого, как книжного затворника, нарушили революция и закрытие Академии... «Исчезла обеспеченность... Надо было выйти из ученого затвора и окунуться в повседневную жизнь... все это потрясающе подействовало на него, — сообщает С. А. Волков. Летом и осенью 1919 г. он бродил по улицам Посада, небрежно одетый в один подрясник, часто с раскрытой головою; подобно “человеку из земли Уц”¹¹⁵, он о чем-то размышлял и разговаривал сам с собою. Он производил впечатление помешанного... Но кризис разрешился. Воронцов почувствовал тщету всего земного. Мысли и настроения Экклезиаста всецело овладели им. Он разочаровался в своей науке, находя, что она нужна лишь узкому кругу специалистов, тогда как душа человека требует иного знания... Он роздал свою богатую библиотеку своим ученикам. Книги по ориенталистике — Соколову, впоследствии, кажется профессору Ленинградского университета, гебраистику — архим. Вассиану (Пятницкому). Чаще стал бывать в академическом храме... состав чтения его изменился. Вместо филологических, исторических и археологических монографий и талмудических трактатов он уже брал творения отцов Церкви, сочинения мистиков, философов, богословов, а затем без конца книги по астрономии, геологии, биологии, антропологии и социологии... Вме-

¹¹² Подробнее см. в разделе, посвященном храму (там же).

¹¹³ Волков 1964. С. 209.

¹¹⁴ Там же. С. 240–250.

¹¹⁵ Ср.: Иов. 1, 1. Имеются в виду облеченные в поэтическую форму размышления Иова о горечи и непостижимости жизни. Сам характер сравнения связан с ориенталистскими интересами о. Евгения Воронцова. — Ред.

сто целой квартиры (в 4-м Доме Советов, как стал называться последний дом, построенный Лаврой), которую он раньше занимал один со старушкой-домоправительницей (он был целибат), у него была только теперь одна маленькая комната, метров в 10... Часто у него бывал студент последнего (77-го) курса Борис Когтев, из богатых сергиевских купцов, и помогал о. Евгению продовольствием...»¹¹⁶.

В речах о. Евгения, по словам С. А. Волкова, «были скорбные мысли Иова, горькая мудрость Когелета — то же отчаяние и разочарование в человеческих силах и особенно в знании... Затем его сильно волновала мысль о необходимости биологически и антропологически обосновать и тем самым как бы “оправдать” религию в глазах современных людей. Не думаю, чтобы он стал вполне православным и церковным человеком... Скорее всего, он оставался теистом в самом глубоком смысле, а в Православии видел конкретную форму выявления духовных и душевных сущностей. Его проповеди в Пятницкой церкви поражали своей необычностью, даже парадоксальностью. Они были глубоки и очень интересны... Многие ригористы находили в них ереси и соблазны»¹¹⁷.

...О своих планах на 1919 год он писал в Совет Академии в 1919 г., что помимо вышеупомянутых нами трех научных работ он мог бы прочитать лекции по археологии культа и быта, но по состоянию здоровья просил, чтобы лекции состоялись в Посаде¹¹⁸. Наверно поэтому его не привлекли к чтению лекций в Москве, о чем у нас речь впереди, и лишь позже в 1923—1924 гг. Е. А. Воронцов принял, очевидно, приглашение прочитать курс лекций в открывшейся тогда Московской богословской академии (обновленческой)¹¹⁹, возглавленной архим. Евдокимом (Мещерским).

¹¹⁶ Ср.: Волков 2000. С. 130—132. — Ред.

¹¹⁷ Ср.: Волков 2000. С. 132, 131. — Ред.

¹¹⁸ См.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5040, даты нет.

¹¹⁹ См.: Христианин. 1924. Июнь. № 1. С. 25—26. В другом месте С. А. Волков сообщает, что о. Евгений не собирался ездить в Москву в Академию или в Румянцевский музей, где ему предлагали даже быть заведующим отделом восточных книг и рукописей (Волков 2000. С. 132—133. Из воспоминаний видно, что о. Евгений сам рассказывал об этом С. А. Волкову. — Ред.).

В отношении С. С. Глаголева С. А. Волков упоминал, что хотя в связи с закрытием Академии жизнь профессора надломилась, но «не столь болезненно и трагично», как у Воронцова. «Ее переселение в Москву и недолговременное, в течение 1919/20 сокращенного учебного года, скитание по московским монастырям в чаянии более постоянного убежища нарушили его привычную жизнь профессора¹²⁰. Некоторое время он продолжал принимать живое участие в делах Всероссийского Церковного Собора, но потом, в связи со сложившимися тяжелыми обстоятельствами и общей и личной жизни¹²¹, он как-то отошел от церковных дел... Религия его интересовала, главным образом, как предмет богословского, философского и исторического изучения, а не как область практики... Официальное положение ординарного профессора Академии удерживало его в свое время в определенных рамках, и его ирония и скепсис не переходили пределов салонного и кабинетного остроумия. Теперь же... он позволял себе многое высказывать правдиво и при этом очень резко перед своими слушателями-гостями. Злой и насмешливый язык его не щадил никого. Доставалось и гражданским, и духовным деятелям... безжалостно и едко колот их своей иронией, но надо сказать, что эта ирония никогда у него не распространялась на самые положения веры. Он смеялся над людьми, их глупостью или подлостью, над нелепыми делами и словами... Иногда у него прорывались высказывания в духе теизма или агностицизма, но он тут же добавлял “возможно, что я заблуждаюсь”.

¹²⁰ В Москве С. С. Глаголев преподавал, очевидно, и позже, в 1923–1924 гг. по крайней мере, иначе об этом не знал бы Н. П. Педашенко.

В записке от 7/20 января 1919 г, поданной архим. Илариону, исполнявшему за отъездом на 2–3 месяца протоиерея А. П. Орлова обязанности ректора, С. С. Глаголев выражал «готовность работать во всех примерно предложенных родах деятельности применительно к потребностям современности» и предлагал чтения по темам:

- 1) основные вопросы религиозной веры (20 лекций),
- 2) атеизм в прошлом и настоящем (4 лекции),
- 3) Церковь как царство счастья (4 лекции) (см.: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5047. Л. 80).

¹²¹ С. А. Волков имеет, очевидно, в виду то, что его жена Людмила Николаевна, преподавательница в Академической школе-приюте в 1907–1915 гг., покинула его и Посад и уехала в Вологду, на родину. Возможно, причиной разлада была подверженность С. Глаголева «русскому недугу».

Энергичный и бодрый, несмотря на немолодые уже годы, он старался найти для себя место в современности. Вскоре в Сергиевом Посаде организовался Институт народного образования, и Глаголев стал его заведующим. В нем он сгруппировал около себя много умных и талантливых людей: П. А. Флоренского, М. М. Тареева и П. В. Нечаева — из Академии, бывшего попечителя Московского Учебного Округа А. Тихомирова, переводчика “Многообразия религиозного опыта” Джемса — М. Н. Шика и его жену Н. Д. Шаховскую, И. Ф. Огнева (из Московского университета) и других. Но они, как и сам Глаголев, недолго удержались в Институте. После этого Глаголев некоторое время был преподавателем математики на Электрокурсах, помещавшихся в здании Академии, потом — в железнодорожной, а затем и в общеобразовательной школе 2 ступени»¹²². Такова была деятельность проф. С. Глаголева в 20-х гг.

М. Тареев оставался до переезда в Москву в 1927 г. в Посаде, где, как было сказано, одно время он преподавал в Институте народного образования. В основном же занимался дома интересовавшими его вопросами христианской философии и педагогики. К сожалению, его рукописи, очевидно, безвозвратно погибли из-за небрежного их хранения в его семье, особенно его рукопись по истории русского богословия, которая в январе 1919 г. была, по его словам, почти готова к печати. Тогда же он извещал и. о. ректора о том, что «он готов прочесть общедоступные лекции или систематические курсы на темы: а) краткая система русского богословия; б) о церковности; в) о социализме; г) апологию христианского мировоззрения или д) философию счастья; либо принять участие в подготовке брошюр апологетического содержания или в составлении богословского словаря»¹²³.

В Москве же, на академических курсах, М. Тареев не преподавал.

В Посаде, помимо Е. Воронцова, С. Глаголева, М. Тареева, оставались в 20-е гг. еще о. Павел Флоренский, П. В. Нечаев, К. М. Попов, Д. И. Введенский и иеромонах Варфоломей (Ремов), вскоре, однако, переехавший в Москву.

¹²² Ср.: Волков 2000. С. 145–146. — Ред.

¹²³ См. его личное дело в: ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4.

Об о. Павле Флоренском, читавшем первое время на академических курсах в Москве и, вероятно, в Даниловском монастыре у еп. Феофора и сотрудничавшем в Комиссии по охране Лавры, а также ряде государственных научных учреждений, см. в «Богословских трудах», № 23¹²⁴, и у С. А. Волкова.

П. В. Нечаев сотрудничал с С. С. Глаголевым в Институте народного образования, а затем до 1923 г. в Сергиевском педагогическом техникуме, где преподавал психологию и логику.

Д. И. Введенский, как пишет С. А. Волков¹²⁵, быстро переквалифицировался и стал заниматься промысловой кооперацией по части игрушек, ему «не требовались книги из фундаментальной академической библиотеки и для его личных интересов».

5. «Траурные события»

Прежде чем перейти к истории Академии в Москве, отметим траурные события, случившиеся в среде, увы, уже постепенно распадавшейся академической корпорации. Ввиду общей разрухи и прекращения издания «Богословского вестника» обстоятельства смерти и погребения и мест захоронения многих из профессоров и сотрудников Академии остались неизвестными. В большинстве случаев причиной, вызвавшей или ускорившей смерть, были голод, истощение организма, сыпной тиф и другие болезни.

В 1918 г.:

13 января (н. ст.) в 7 часов утра на 71-м году скончался заслуженный профессор Академии, член-корреспондент Академии наук и депутат IV Государственной думы Николай Федорович Каптерев. Отпевание совершено в академическом храме. Погребен Николай Федорович на Вознесенском кладбище¹²⁶.

¹²⁴ Андроник (Трубачев), и.-д. К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского (1882–1943) // БТ 23. 1982. С. 264–279; Он же. Указатель трудов священника Павла Флоренского (1901–1982) // Там же. С. 280–309. — Ред.

¹²⁵ Волков 1964. С. 94–96, 269.

¹²⁶ Его останки при ликвидации кладбища, насколько помнится, были перенесены на другое кладбище. В отпевании (15 января) участвовали: Ректор, проректор (Ила-

23 марта (н. ст.)¹²⁷ на 70-м году жизни скончался другой заслуженный профессор и член-корреспондент Академии наук Григорий Александрович Воскресенский, покинувший Академию весной 1905 г.

1 мая вдали от родных мест, в возрасте всего 31 года на Новом Афоне от чахотки скончался преподаватель Патрологии по 2-ой кафедре иеромонах Пантелеимон (Успенский), уехавший туда на лечение в октябре 1917 г.

20 декабря¹²⁸ на 70-м году жизни скончался заслуженный профессор Василий Александрович Соколов, ушедший из Академии еще в 1905 г. и затем работавший в ведомстве императрицы Марии Федоровны преподавателем в Воспитательном доме в Москве¹²⁹. Отпет в церкви Успения на Остоженке.

В 1919 г.:

21 января в Посаде в возрасте 46 лет скоропостижно (от заворота кишок) скончался помощник Инспектора и исполнявший обязанности помощника секретаря Совета и Правления Валентин Дмитриевич Металлов¹³⁰. Отпет, очевидно, в академическом храме и погребен на академическом кладбище.

рион), игумен Варфоломей и священники Рождественской и Вознесенской церквей. Перед отпеванием ректор сказал речь (шаблонно — отметил Д. Беляев). Профессоров было всего одна треть. На кладбище пошли немногие — было очень морозно (днем — 17, вечером — 24).

¹²⁷ У В. Н. Бенешевича в его «Скорбной летописи» (см.: Русский исторический журнал. 1921. № 7) приводится, вероятно ошибочно, другая дата — 18 июля.

¹²⁸ В. Н. Бенешевич указывает 19 декабря.

¹²⁹ Свой дом в Посаде Соколов при переезде в Москву продал проф. П. И. Цветкову, супруга которого организовала в этом помещении частную женскую прогимназию. Этот дом на Комсомольской улице [№ 19?] до сих пор цел. См. план в: Голубцов С., *протодиаг.* Московская духовная академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 1. Приложение. Альбом чертежей и планов. М., 1982. Ф. 23 (машинопись).

¹³⁰ По словам А. Беляева, он умер в Земской больнице после 2-х сложных операций от заворота кишок. Приходился племянником известному магистру-археологу, московскому священнику. На погребении 23 января были архимандрит Иларион, Варфоломей, Глаголев, Введенский, библиотекарь Попов, Евгений Воронцов, эконо́м Всехсвятский и 2–3 студента. — *Авт.*

Я. Бойков посвятил В. Д. Металлову некролог, написанный в прозе и стихах. См. ниже публикацию: *Сщмч. Яков Бойков*. Страницы из «академического дневника» за 1919 г. С. 836–837. — *Ред.*

30 мая в 8 часов 15 минут утра в возрасте 54 лет на своем посту скончался бывший врач Академии и Вифанской семинарии Сергей Николаевич Успенский по мнению А. Беяева лучший посадский врач, чей «надорванный организм не вынес тяжкой формы заболевания (сыпным тифом), так как он работал в такой обстановке, когда не заразиться было чудом», как сказано в некрологе¹³¹.

В ночь со 2 на 3 июля у себя на родине в селе Леонтьеве¹³² Ярославской губернии в возрасте 68 лет скончался заслуженный профессор церковного права Николай Александрович Заозерский. Очевидно, он там же и был погребен.

25 декабря¹³³ в возрасте всего 51 года умер от сыпного тифа и воспаления легких в тяжелых материальных условиях профессор по кафедре Истории русского раскола Московской Академии и профессор (с 1 октября 1918 г.) Московского университета Николай Васильевич Лысогорский. Погребен на кладбище Скорбященского монастыря.

В 1920 г.:

2 февраля¹³⁴ на 71-м году жизни скончался заслуженный профессор Академии по кафедре Догматического богословия Александр Дмитриевич Беяев, ушедший из Академии на пенсию в 1911 г. и возвратившийся в нее в 1918 г.

15 марта в возрасте 60 лет оборвалась жизнь еще одного профессора Академии и Московского университета Александра Ивановича Алмазова.

¹³¹ См.: Трудовая неделя. СП, 1919. № 24 (47).

¹³² Согласно архивным данным К. М. Попова.

¹³³ Дата указана по К. М. Попову. Н. В. Бойцов приводит другую дату — 6 декабря 1918 г. В. Н. Бенешевич называет неопределенно 1920 год.

¹³⁴ Дата приведена по К. М. Попову, но в то же время в одном месте у меня помечено, что это по старому стилю. Так ли это? В. Н. Бенешевич указывает другую дату — 29 октября 1919 г. (Русский исторический журнал. 1921. № 7. С. 229–261).

II. АКАДЕМИЯ В МОСКВЕ В 1920-Х ГОДАХ

1. Письменные и устные свидетельства

После прекращения деятельности Московской духовной академии в Сергиевом Посаде (весной 1919 г.) из-за перехода ее помещений в ведение Военной электротехнической академии и «красно-курсантов», Совет МДА решил перенести ее деятельность в Москву, где легче было подыскать помещения для чтения лекций. По вопросам организации Академии в Москве было, по-видимому, не одно заседание ее Совета. Об одном из них упоминается в письме от 10 июня 1919 г., которое было направлено в Академию профессором В. П. Виноградовым. Извиняясь за невозможность быть на заседании Совета 11 июня из-за неотложной операции руки по случаю заражения крови, он вносит свои предложения по сохранению жизнедеятельности Академии:

1. Сохраняя юридически свое пребывание в Посаде, Академия временно переносит свои занятия в Москву.
2. Академия содержится на взносы слушателей в размере 300 руб. с каждого, что составит около 60 тыс. руб. в год при 200-х слушателях.
3. Преподавателям устанавливается полекционная зарплата.
4. Учебные планы должны быть максимально сокращены.
5. Необходимо образование специальной комиссии по организации этих курсов в Москве.
6. Согласен участвовать в этой комиссии¹³⁵.

Действительно, именно 11 июня и была организована Комиссия из профессоров Академии, как предлагал В. П. Виноградов. Председательствовал в Комиссии ректор-протоиерей А. П. Орлов. Комиссия подыскала было помещение. Было отпечатано (типографским способом) и объявление о переносе деятельности Академии в Москву и о начале учебного года с 27 сентября 1919 г., при этом сообщались лишь адреса ректора Академии — протоиерея А. П. Орлова: М., Арбат,

¹³⁵ ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5058. Л. 30–31.

Спасо-Песковская площадь, д. 1, кв. 1, — и помощника ректора (фамилия не указывалась): М., Сретенка, д. 27–29, кв. 1¹³⁶. Комиссия из профессоров МДА по организации чтения лекций в Москве в начале октября 1919 г. предложила ограничить число предметов до десяти и ввести предметную систему оплаты профессоров¹³⁷. Но в Москве сразу найти просторное помещение, достаточное для Академии, оставшейся, практически, без всяких средств к существованию и не пользовавшейся, очевидно, никакой субсидией, оказалось невозможным, также не на что было содержать ни канцелярии, ни профессоров. Кроме того нужно отметить, что все канцелярские служащие Академии жили в Сергиевом Посаде во главе с Ник. Дм. Всехсвятским; их также не на что было содержать. По выражению покойного С. А. Волкова, Академия после 1919 г. напоминала «бедствующий остров». От этого московского периода деятельности «старой» Академии не осталось почти никаких официальных документов (или, по крайней мере, они не найдены). Но что этот период существовал, об этом есть бесспорные свидетельства, как письменные, так и большей частью устные, увы, немногих свидетелей тех лет, которых еще застал автор настоящей работы, среди них были и слушатели, и преподаватели.

Среди письменных свидетельств отметим:

- а) «Доклад Совету Академии Комиссии по организации в Москве учебных занятий в 1919/20 учебном году», где предлагаются принципы построения учебных курсов, оплаты профессоров и административного аппарата¹³⁸.
- б) Диплом кандидата богословия, выданный К. М. Попову решением Совета Академии от 9 февраля 1922 г. за подписью

¹³⁶ Т. е. указывался адрес церкви Троицы на Листах (см., напр., «Сорок сороков»), где служил прот. Вал. Ник. Страхов. Таким образом, он упоминался здесь впервые как помощник Ректора, хотя в Сергиевом Посаде таковым являлся архимандрит Иларион.

¹³⁷ Подробнее см. в приложении «Доклад комиссии...».

¹³⁸ А также решения Совета МДА и Указы ВЦУ и Синода во главе с Патриархом по этим вопросам, которые обнаружены позднее, в 1988 году. См.: *Голубцов 1988*. С. 246–250.

- ректора — прот. А. П. Орлова, проректора З. К. Страхова и и. о. секретаря Совета — В. Н. Страхова, подтверждает, что В. Н. Страхов с начала московского периода занял должность проректора (вместо архимандрита Илариона, который, очевидно, был обязан жить при монастыре, но лишь приезжал читать лекции). Документ говорит и о том, что имели место заседания Совета, что велись хотя бы краткие протоколы решений Совета, что ректором оставался А. П. Орлов. От профессоров подписан: И. В. Поповым, М. М. Богословским и С. И. Соболевским.
- в) В архиве Патриархии в деле «Списки священнослужителей по епархиям 1932/44» среди служивших в храме преподобного Пимена упоминается прот. Стефан Маркович Марков, который, как сказано в этом деле, «прослушал курсы богословия МДА в 1924 г.».
- г) У А. А. Шостьиной находятся два документа, выданные ее матери, удостоверяющие, что муж последней А. П. Шостьин служил в Академии, где преподавал педагогику. Справки даны на предмет предоставления Шостьиной пенсии по линии социального обеспечения. Эти документы подписаны Вл. Ник. Страховым как проректором Академии, скреплены печатью старой Академии (со стертым гербом) и датируются 10 января 1927 г. и 8 апреля 1927 г.
- д) В архиве Флоренских есть документ — прошение о. Павла Флоренского на имя Святейшего Патриарха Тихона, очевидно, не поданное, от 8 сентября 1924 г. об освобождении его от академических занятий со студентами. Причиной послужило какое-то его столкновение с ректором-протоиереем Владимиром Страховым, который, по словам о. Павла, «только полупризнается (ректором. — С. Г.) ради мира, а на самом деле подлежит расследованию после изгнания преосвященного Феодора». В 1926 г. о. Павел рассматривал кандидатскую работу священника церкви «у Соломенной сторожки» в Москве — о. Василия Надеждина «О природе символа в произведениях новейших русских писателей — Андрея Белого и Вячеслава Иванова». Правда, подана работа ректору Николаю Чукову (будущий

Ленинградский митрополит Григорий), который, как известно, в 1923–1928 гг. был ректором Ленинградских богословских курсов¹³⁹.

Среди устных свидетелей, ныне покойных, упомянем:

1) протоиерея Бориса Уткина; 2) Владимира Ивановича Смирнова (из храма святого пророка Ильи Обыденного); 3) Макария Никифоровича Гончарова (старосты того же храма); 4) протоиерея Николая Педашенко, преподававшего очень немного на этих курсах по протекции И. В. Попова, знакомого ему по Московскому университету; 5) Ив. Ив. Шапошникова, друга о. Владимира¹⁴⁰. Возникает вопрос, почему о московском периоде Духовной академии почти ничего не знал ее мемуарист — С. А. Волков, лично общавшийся с некоторыми из ее профессоров? Ответ мы видим только в одном, что ему не особенно, может быть, доверяли, поскольку, как он сам пишет, кто-то распустил ложный слух, что он является родственником комиссара Лавры А. Волкова, у которого ему приходилось бывать по делам переселения Академии и храма, и ему «тогда немало досаждали посадские знакомые и просто прихожане храма — не родственник ли он?», тем более что именно С. А. Волков был назначен заведующим второй городской общедоступной библиотеки, в которую была превращена бывшая студенческая библиотека, находившаяся последнее время в двух нижних залах фундаментальной. Это назначение также, очевидно, насторожило профессоров. И, наконец, третье соображение, которое могло иметь место, это то, что С. А. Волков, человек исключительной начитанности и знаний, к тому же поставленный у книжных сокровищ, ничего не мог бы для себя особенного почерпнуть на тех довольно-таки краткосрочных и неустойчивых курсах, в которые выродилась Академия в Москве, хотя он закончил лишь 2 курса.

По воспоминаниям бывших воспитанников МДА этого периода, лекции читались в следующих местах:

¹³⁹ Сведения об о. Павле предоставлены о. Андроником Трубачевым.

¹⁴⁰ См. о них в машинописном некрологе С. А. Г. «Протоиерей Московского храма Ильи Обыденного, Вл. Ив. Смирнов», составленном автором этого труда.

1. В церкви Грузинской иконы Божией Матери (она же церковь святой Троицы в Никитниках — ныне музей, памятник архитектуры); настоятелем был выпускник МДА 1908 года о. Сергей Голощапов, который предоставил высокие подклети своего храма в качестве аудитории для слушателей Академии. По воспоминаниям Н. С. Педашенко, здесь читали лекции (в начале 20-х годов, по-видимому, до 1924 г., когда началась реставрация храма и службы прекратились) Варфоломей (Ремов), С. С. Глаголев, архим. Иларион (Троицкий), И. В. Попов, священник В. Н. Страхов, священник П. А. Флоренский, проф. И. П. Четвериков (бывший проф. Киевской духовной академии), Н. С. Педашенко, А. П. Орлов. Конечно, не все указанные лица читали здесь столь долго, некоторые — лишь первые годы.

2. В храме Святой Троицы на Листах (на Сретенке, 27–29), где настоятельством прот. В. Н. Страхов — проректор МДА.

3. В храме Иоанна Воина на Божедомке близ Екатерининской площади (ныне пл. Центрального дома Советской Армии).

4. В зале 2-го этажа дома на углу Мясницкой (теперь ул. Кирова) и Златоустовского переулка (ныне Пионерской), где потом был магазин «Фарфор».

5. На квартире проф. И. В. Попова в Денежном переулке, д. 15 (теперь улица Веснина).

6. В Высоко-Петровском монастыре во время настоятельства там епископа Варфоломея (Ремова). Впрочем, здесь в начале 20-х годов читалось всего 3–4 предмета, и, как кажется, больше для духовных детей о. Варфоломея, стремившихся получить богословскую подготовку, нежели для студентов МДА. Ф. И. Уделов в своей книге о Павле Флоренском упоминает об этом монастыре как о помещении, где в «1921 г. на короткое время начала опять функционировать Московская Духовная Академия» и где он слушал о. П. Флоренского. Такого рода замечание Ф. Уделова говорит, с одной стороны, о том, что он не знал, возможно, о богословских курсах, читаемых в других местах Москвы, или, с другой стороны, возможно, о каком-то официальном утверждении Академии в стенах Петровского монастыря и, стало быть, о перемещении сюда, вероятно, целого ряда академических курсов на какое-то время.

Ив. Ив. Шапошников († в августе 1985 г.), посещавший иногда эти курсы, утверждает, что они были примерно в 1922–1924 гг., но не позже, и что сам епископ Варфоломей не читал, а читали прот. Владимир Страхов (из церкви Троицы на Листах), проф. Ив. Вас. Попов, архим. Иларион, прот. Анатолий Орлов.

*2. Отчет о состоянии Московской духовной академии
за 1919/20 и 1920/21 уч. г.*

Достоверные сведения об Академии в Москве стали известны лишь в 1986 г., когда был опубликован «Отчет о состоянии Московской духовной академии за 1919/20 и 1920/21 <уч.> г.»¹⁴¹.

Далее с небольшими изменениями помещаем сведения из этого отчета.

1) Начало и место академических занятий

После целого ряда организационных собраний и мероприятий Исполнительная комиссия под руководством о. А. П. Орлова смогла открыть Академию в Москве.

Перед началом занятий в 1919/20 уч. г. был отслужен 27 сентября / 10 октября в Князе-Владимирской церкви Епархиального дома молебен, который совершил Его Святейшество Святейший Патриарх Тихон. Занятия до ноября проходили в помещении Усачевской биржевой артели (Мясницкая, д. 8). 1 октября 1919 г. был отпразднован годичный академический акт в присутствии Его Святейшества Святейшего Патриарха Тихона, членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета и представителей столичного духовенства. С ноября 1919 г. академические лекции происходили в новом помещении названной артели — в Спасо-Глинишевском переулке, д. 4. Вследствие закрытия Усачевской биржевой артели Академия с весны 1920 г. перенесла свои занятия в Епархиальный дом, где они проходили до августа 1920 г. В 1920/21 уч. году академические занятия происходили с октября по 15 мая с перерывами на рождественские и пасхальные каникулы сначала в храме святого Иоанна Воина на Божедомке, а с 1-го января 1921 г. — в храме Святой Троицы на Листах. Со 2/15 августа

¹⁴¹ См.: ВРХД 147. 1986. С. 196–205.

того же года Московская духовная академия помешалась в Высоко-Петровском монастыре, и здесь, надо полагать, она находилась, может быть с некоторым перерывом¹⁴², до самого закрытия этого монастыря, которое последовало, согласно устному сообщению Николая Николаевича Милютина¹⁴³, где-то в 1927–1928 гг., когда монастырская община во главе с ее настоятелем епископом Варфоломеем перебралась на 1, 5–2, 5 года в церковь прп. Сергия в Козицком переулке на Б. Дмитровке (ныне Пушкинской улице), а оттуда — в церковь Рождества Богородицы в Путинках (теперь на улице Чехова). В двух последних местах, по словам Н. Милютина, лекций уже не было, хотя с общиной продолжали общаться некоторые бывшие студенты Академии. Это, конечно, не исключает, что деятельность Академии была продолжена в других местах, в частности в церкви Святой Троицы на Листах, где

¹⁴² Мы должны это предположить ввиду ранее приведенного утверждения И. И. Шапошникова, что занятия здесь были в 1921–1924 гг. Кроме того, как нам кажется, в отчете речь идет о перемещении основного, может быть «административного центра», Академии, что не исключает существования лекционных помещений в других местах.

¹⁴³ Николай Николаевич Милютин (род. в 1903 г.), окончил юридическое отделение ФОНа (при Университете) в 1924 г. В 20-е годы он посещал этот монастырь, где у него было много знакомых и друзей. Среди последних был Александр Александрович Эшлиман (кажется, дядя о. Николая Эшлимана) — студент МГУ и одновременно Московской духовной академии в Петровском монастыре. Все, что знал и запомнил Н. Н. Милютин, он получал со слов этого своего друга. Из преподавателей Николай Николаевич запомнил: епископа Илариона (Н. Завет), епископа Варфоломея (В. Завет), И. В. Попова (патристика), И. М. Громогласова (церковное право), П. А. Флоренского (апологетика?). Последнего Н. Н. Милютин здесь в Петровском монастыре не видал, а лишь слышал о нем, что он преподает.

Из учившихся Н<иколай> Н<иколаевич> запомнил только следующих лиц: И. Ширинского-Шихматова, 2) Андрея Безрукова, в монашестве Филарета, также подвергшегося репрессии и сосланного потом на Дальний Восток, 3) Б. И. Полянского, в монашестве Германа, погибшего потом в Соловках, 4) и <еро>-м<онаха> Алексия (Сергеева), ставшего потом епископом Курским, затем Кашинским, а тогда выполнявшего роль осведомителя, по мнению большинства членов Общины Высоко-Петровского монастыря, арестованных 21 февраля 1935 г., 5) уже упомянутого А. Эшлимана, родители которого, чувствуя, что надвигаются еще худшие времена, упросили патриарха Тихона запретить постриг этого молодого человека, который ушел на светскую работу и умер в 1985 г.

священствовал о. Владимир Страхов, возглавлявший Академию. Деятельность о. Владимира была пресечена в конце 1931 г., а Академия (или ее курсы) могли прекратить свое существование гораздо раньше.

2) Состав Академии

а) Почетные члены Академии

Ко второй половине 1918 г. почетными членами Академии состояли 45 лиц: 23 духовных и 22 светских. Из числа почетных членов Академия лишилась 16 членов: 1) Высокопреосвященного Агафодора, архиепископа Ставропольского; 2) Высокопреосвященного архиепископа Никона, бывшего Вологодского; 3) Высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Рязанского; 4) Высокопреосвященного Алексия, бывшего Владимирского; 5) Высокопреосвященного Палладия, архиепископа Астраханского; 6) Преосвященного Мисаила, епископа бывшего Олонецкого; 7) Великой княгини Елисаветы Феодоровны; 8) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии Л. А. Катанского; 9) заслуженного ординарного профессора Московской духовной академии В. А. Соколова; 10) заслуженного ординарного профессора той же Академии А. Д. Беляева; 11) заслуженного ординарного профессора той же Академии Н. А. Заозерского; 12) протоиерея Н. Я. Фортинского; 13) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии И. С. Пальмова; 14) заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Ф. А. Курганова; 15) заслуженного ординарного профессора Киевской духовной академии А. И. Петрова и 16) заслуженного ординарного профессора Петроградской духовной академии И. Г. Троицкого.

6/19 ноября 1920 г. академическим Советом избран в звание почетного члена Академии Высокопреосвященный Евсевий, митрополит Крутицкий, в уважение его долголетнего и плодотворного архипастырского служения Церкви Христовой.

К началу 1921/22 уч. г. почетными членами Московской духовной академии состояли 30 лиц: 17 духовных и 13 светских.

б) Служащие Академии. Перемены в их составе

К началу 1919/20 уч. г. на службе при Академии состояли: ректор Академии э.-орд. профессор протоиерей А. П. Орлов; проректор

э.-орд. профессор архимандрит (впоследствии епископ) Иларион; 9 ординарных профессоров (из них 1 заслуженный), 14 экстраординарных профессоров (из них 1 заслуженный и 6 — сверхштатных), один доцент, один и. д. доцента и один лектор. Прочих должностных лиц было два: исполняющий обязанности секретаря Академии и исполняющий обязанности эконома Академии. Сверх сего: 2 сверхштатных э.-орд. профессора (И. М. Громогласов и А. И. Покровский) и один доцент сверх штата (Д. Г. Коновалов) состояли членами академического Совета с правом решающего голоса. Всех служащих при Академии было 33 лица.

В личном составе и служебном положении состоящих на службе при Академии лиц за отчетные годы, помимо указанных выше¹⁴⁴, произошли следующие перемены.

Проректор Академии э.-орд. профессор архимандрит Иларион вследствие назначения его епископом Верейским, викарием Московской епархии, был освобожден от должности проректора Академии с 21 апреля 1920 г. На должность проректора Академии Советом в собрании 2/15 мая 1920 г. был единогласно избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля за № 1791) э.-орд. проф. архим. Варфоломей, а затем вместо него (вследствие

¹⁴⁴ См.: Голубцов 1988. С. 249–250.

Из письма С. Глаголева Н. Гл-му от 23 июня 1920 г.:

«Умерло у нас с начала революции 10 человек: М. Д. Муретов, иеромонах Пантелеймон, Н. Ф. Каптерев, Г. А. Воскресенский, Б. А. Соколов, А. В. Ремезов, Н. В. Лысогорский, А. И. Алмазов, А. Д. Беляев. Остальные как будто живы. Недавно на мое имя Иверскою общиною было прислано 50 тысяч рублей профессорам и членам академической семьи. По подсчету у нас оказалось всего в Посаде 9 человек: Введенский Д. И., Воронцов Е. А., Всесвятский Н. Д., Лебедев Д. А., Нечаев П. В., Попов К. М., Тареев М. М., Флоренский П. А. Многие устроились в Москве. Некоторая часть (Россейкин, Туницкий, Смирнов) отброшена к периферии страны...

Цены у нас все растут, но все-таки у нас пока никто не умер с голоду... Арестован еп. Феодор. Причин ареста не знаю. Иларион наш стал епископом, но гастролирует в Москве... Библиотека наша цела. Значит, в сущности, и Академия» (Склярова 1994. С. 282).

От 27 июля 1920: «У нас пока жить можно — тепло, светло и дают кое-что из питания. Но надвигающиеся осень и зима заставляют задумываться» (Склярова 1994. С. 285).

назначения архим. Варфоломея епископом Сергиевским, викарием Московской епархии) на должность проректора Советом Академии в собрании 2/15 августа 1921 г. единогласно был избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (сообщение от 21 августа / 3 сентября за № 1285) э.-орд. профессор протоиерей В. Н. Страхов.

На освободившуюся за смертью ординарного профессора А. И. Алмазова кафедру церковного права Советом Академии в собрании 21 апреля / 4 мая 1920 г. единогласно был избран э.-орд. профессором по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 21 июля / 3 августа за № 2154) член Высшего Церковного Совета, сверхштатный профессор Академии И. М. Громогласов.

На освободившуюся за смертью ординарного профессора Н. В. Лысогорского кафедру Истории и обличения русского раскола Советом Академии в собрании 12/25 мая 1920 г. единогласно был избран в звании и. д. доцента по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1909 г. епископ Никанор (Кудрявцев).

Определением Совета Академии от 12/25 мая 1920 г. постановлено было открыть при кафедре Библейской археологии и еврейского языка вследствие болезненного состояния э.-орд. проф. прот. Е. А. Воронцова две приват-доцентуры: одну по еврейскому языку и вторую по библейской археологии. Приват-доцентом по кафедре еврейского языка в том же собрании Совета единогласно был избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня / 2 июля 1920 г. за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1914 г. приват-доцент Петроградского государственного университета М. Н. Соколов.

Вследствие призыва исполняющего обязанности секретаря Совета игумена Иоасафа и исполняющего обязанности эконома Академии священника К. П. Любомудрова в тыловое ополчение исправление обязанностей казначея Академии поручено ректору Академии протоиерею А. П. Орлову, а исполнение обязанностей секретаря Совета — профессору (а впоследствии и проректору) прот. В. Н. Страхову.

Профессора Академии — протоиерей Д. В. Рождественский, Ф. М. Россейкин¹⁴⁵, Н. Л. Туницкий, священник А. М. Туберовский, священник И. М. Смирнов, Ф. К. Андреев и сверхшт. э.-орд. профессор А. И. Покровский вследствие их отъезда из Москвы участия ни в Совете, ни в чтении лекций не принимали.

Сверх того, к преподаванию в Академии с разрешения Высшего Церковного Управления были допущены следующие лица:

- 1) С. Г. Рункевич — по русской церковной истории,
- 2) прот. В. Металлов — по теории и истории церковного пения,
- 3) прот. Н. Г. Попов — по истории Византийской Церкви,
- 4) А. А. Покровский — по истории древнеславянской церковной письменности,
- 5) акад. А. И. Соболевский — по истории русского языка,
- 6) В. Т. Георгиевский — по истории христианского искусства и
- 7) свящ. С. И. Голощапов — по христианской систематической философии.

3) Деятельность Совета и Исполнительной комиссии

В течение отчетных лет Совет Академии имел 6 собраний: одно — торжественное 1 октября 1919 г., в день акта, и 5 обыкновенных. Последние были посвящены приему студентов и вольнослушателей, рассмотрению и утверждению программ и учебных планов, замещению вакантных кафедр, присуждению ученых степеней.

В степени кандидата богословия утверждены Советом Академии в 1919/20 г. 4 студента, а в 1920/21 г. — 8 студентов, окончивших полный академический курс.

Исполнительная комиссия за отчетные годы имела 23 собрания. Ее деятельность состояла в организации учебных занятий, в подыскании соответствующих помещений, в выработке учебных планов, в изыскании средств на содержание Академии.

¹⁴⁵ Не исключено, что они присоединились к корпорации в последующие годы, так же как С. Глаголев и Н. Д. Кузнецов или сторонние Академии лица: Николай Степанович Педашенко, выпускник Московского Императорского университета, читавший гражданскую историю в 1923 г., и Иван Пименович Четвериков, бывший профессор Киевской духовной академии по кафедре Психологии (по словам Н. С. Педашенко).

Учебные занятия в Академии за отчетные годы происходили следующим образом. В течение первого семестра 1919/20 уч. г. Академия вела преподавание по традиционной курсовой системе с подразделением студентов на соответствующие группы. Но затем, ввиду выяснившегося неудобства этой системы при крайнем малолюдстве студентов, так как некоторые группы состояли из 2–3 слушателей, Академия перешла к преподаванию по предметной системе. Лекции читались всем студентам без различия курса зараз, с таким расчетом, чтобы в течение 4 лет каждый студент имел возможность прослушать полный цикл академических наук. Принимая во внимание крайне тяжелые базовые условия, не благоприятствующие требованиям нормального академического образования, а также отсутствие некоторых профессоров, Исполнительная комиссия определила минимум того, что должен сделать студент Академии для получения степени кандидата богословия. Студент для этого должен прослушать и сдать экзамены по 14 общеобязательным предметам (Ветхий Завет — две кафедры; Новый Завет — две кафедры; основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, пастырское богословие, гомилетика, литургия, общая церковная история, русская церковная история, церковное право, патрология) и 10 групповым предметам по выбору студентов из прочих наук, читаемых в Академии; написать 5 семестровых сочинений, четыре проповеди и кандидатское сочинение.

Применительно к этому общему плану преподавания в 1919/20 уч. г. при двух семестрах читались лекции: по Священному Писанию Нового Завета (1-й и 2-й кафедрами), по истории древней Церкви, по истории Русской Церкви, по церковному праву, по литургике, по нравственному богословию, по пастырскому богословию, по Священному Писанию Ветхого Завета (2-я кафедра), по библейской истории, по истории и обличению западных исповеданий, по еврейскому языку, по новозаветной филологии, по религиозной психологии, по славянской палеографии, по теории и истории церковного пения. В 1920/21 уч. г. при одном семестре (с октября по май) — по Священному Писанию Нового Завета (1-й и 2-й кафедрами), по патрологии, по истории христианского искусства, по систематической христианской философии, по истории древнеславянской церковной литературы, по истории Ви-

зантийской Церкви, по гомилетике, по истории и обличению западных исповеданий.

Средства на содержание Академия получала, с одной стороны, от высшей церковной власти в виде неперiodических субсидий, с другой — от тарелочного сбора по московским церквам, который, с благословения Его Святейшества, был произведен за богослужениями 14 сентября 1919 г. и 14 сентября 1920 г. В 1919 г. этот сбор дал 98 747 рублей. Установить сумму церковного сбора за 1920/21 уч. г. в настоящее время не представляется возможным вследствие ареста проф. В. П. Виноградова, заведовавшего (в качестве члена Московского епархиального совета) этим сбором. В 1919/20 уч. г. поступили в Академию пожертвования: от Святейшего Патриарха Тихона — 10 000 р., и в 1920/21 г.: от епископа Печерского, vicария Нижегородского Варнавы — 3 000 р., от Высокопреосвященнейшего митрополита Евсевия — 50 000 р. и от Святейшего Патриарха Тихона — 200 000 р. Исполнительная комиссия разрабатывала смету, определяла способы приема, хранения и расходования сумм.

Особенную заботу Исполнительной комиссии составляло устройство «академических» всенощных как практической школы богослужения и проповедничества. Эти всенощные удалось организовать в 1920/21 уч. г. в храме святого Иоанна Воина на Божедомке. В служении этих всенощных и в проповедовании за ними Слова Божия принимали участие и профессора, и студенты.

4) Занятия наставников Академии

Занятия наставников состояли в чтении лекций по программам, представленным в начале учебного года и утвержденным Советом, в ведении практических занятий, чтении студенческих сочинений и проповедей.

Ректор Академии прот. А. П. Орлов в течение осеннего и зимнего семестра прочитал группе студентов 3 и 4 курсов: 1) об основных моментах развития русской богословско-исторической науки о католичестве; 2) о католическом догмате главенства и непогрешимости папы; 3) о Филиокве и о непорочном зачатии Богоматери; 4) о католической сотериологии. В течение весеннего и летнего семестров того же года

было прочитано общему курсу студентов Академии: 1) об основных исторических факторах Реформации; 2) о религиозно-реформаторском развитии М. Лютера; 3) о главнейших догматах лютеранства. В 1920/21 г. о. Ректором были введены практические занятия по истории и обличению западных исповеданий, каковые занятия состояли, с одной стороны, в чтении и разборе студентами рефератов по вопросам западно-христианской истории и идеологии, а с другой стороны, в чтении и комментировании символических книг католического и лютеранского исповеданий.

Проректор Академии протоиерей В. Н. Страхов в 1919/20 уч. г. прочитал студентам вводные сведения о жизни св. ап. Павла и его посланиях; в 1920/21 г. вел толкование 1-го послания к Коринфянам и по библейскому богословию прочитал об антропологии ап. Павла.

Проф. епископ Иларион прочитал в 1919/20 уч. г. историю новозаветного канона и текста, а в 1920/21 вел толкование Евангелий.

Проф. епископ Варфоломей в 1919/20 уч. г. читал о пророческих книгах Ветхого Завета.

Проф. протоиерей Д. А. Лебедев в 1919/20 уч. г. прочитал историю гонений на христиан и первых 4-х Вселенских Соборов.

Проф. Н. И. Серебрянский в течение зимнего семестра 1919/20 уч. г. прочитал о домонгольском и монгольском периоде русской церковной истории.

С. Г. Рункевич в течение летнего семестра того же года прочитал о главнейших явлениях русской церковно-исторической жизни синодального периода.

Проф. М. М. Тареев в 1919/20 уч. г. в зимнем семестре прочитал старый курс по христианской этике. Содержанием его было раскрытие общей идеи религиозной нравственности, распадающейся на две области: 1) духовная реальность (христианский опыт), которая служит предметом христианской философии, и 2) объективная (социально-историческая, в христианстве церковная) практика, которая составляет тему собственно этики. В свете этой идеи был затем рассмотрен в общих чертах весь план нравственного богословия. По всем основным вопросам этого богословия было показано расхождение между старой

схоластической наукой и новым русским богословием в лице его лучших представителей — еп. Феофана, еп. Иннокентия, протопресвитера Янышева и других.

Проф. Д. И. Введенский в 1919/20 уч. г. прочитал 1) начальную историю мира и человека по данным Библии и общей истории; 2) мир послепотопный; 3) историю Судей; 4) ветхозаветные пророчества в связи с историей Царей.

Проф. И. М. Громогласов в течение 1919/20 уч. г. прочитал об основах церковного строя, о церковном устройстве, об имущественном и внешнем праве Церкви.

Проф. П. П. Соколов по религиозной психологии в течение 1919/20 уч. г. прочитал о главнейших явлениях религиозно-душевной жизни человека в связи с новейшими исследованиями в области экспериментальной психологии.

Проф. протоиерей И. В. Гумилевский прочитал в 1919/20 уч. г. о культе вообще и о Литургии.

Проф. И. В. Попов в течение 1920/21 уч. г. прочитал о литературе мужей апостольских и христианских апологетов, кончая Оригеном.

Преподаватель В. Т. Георгиевский в том же году прочитал о древнехристианском искусстве, искусстве византийском до падения Константинополя и о древнерусской иконописи.

Проф. С. И. Соболевский в том же учебном году преподавал основные сведения по греческой этимологии и вел филологический анализ отрывков из Евангелий.

Проф. академик А. И. Соболевский в течение летнего семестра 1919/20 уч. г. прочел общий курс истории древнеславянского языка.

Преподаватель священник С. И. Голошапов в 1921/22 уч. г. прочитал гносеологию и о космологической проблеме.

Преподаватель протоиерей Н. Г. Попов в том же году прочитал о правовом положении Церкви в Византийском государстве, о религиозно-нравственном состоянии византийского общества, о духовном просвещении, о миссии, о борьбе Константинопольской Церкви с папством.

Преподаватель протоиерей В. Металлов в 1919/20 уч. г. прочитал курс истории богослужебного пения вообще и православно-русского в частности.

Приват-доцентом М. Н. Соколовым в том же году была изложена грамматика древнееврейского языка и прочтены библейские тексты из книг Бытия и Исхода по хрестоматии Коссовича.

Сосредоточивая свое внимание на учебном деле, наставники Академии в то же время занимались церковно-просветительной деятельностью. Так, ректор Академии протоиерей А. П. Орлов участвовал в нескольких религиозных диспутах в фабрично-рабочих клубах г. Москвы, провел ряд бесед на религиозно-общественные темы в различных московских храмах и в благочинническом собрании 1 и 2 отделений Пречистенского сорока прочел реферат на тему «Христианско-социальное движение на католическом и протестантском западе».

Проректор протоиерей В. Н. Страхов участвовал в нескольких религиозных диспутах на фабриках и в рабочих клубах г. Москвы и прочитал целый ряд публичных лекций на общую тему «Религия и коммунизм» в храме Святой Троицы на Листах и в других храмах г. Москвы, а также провел ряд бесед и на другие религиозно-общественные темы, например: «Наука и знание», «Православное учение о спасении», «Есть ли Бог», «Происхождение религии», «О мощах», «О воскресении Христа».

Особенно широкие размеры имела церковно-просветительная деятельность профессора епископа Илариона. Он принимал участие во многих религиозных диспутах на фабриках, заводах и в разного рода учреждениях, прочитал много публичных лекций на религиозно-богословские темы.

Проф. В. П. Виноградов прочитал публичные лекции во многих храмах г. Москвы.

Проф. И. М. Громогласов состоял членом Высшего Церковного Управления, равно как принимал участие в чтении лекций в храмах г. Москвы.

5) *Состав учащихся, их учебные занятия и церковно-просветительная деятельность*¹⁴⁶

В состав студентов Академии на основании § 16 «Временных правил для православных Духовных Академий» зачислялись без проверочных испытаний воспитанники духовных семинарий 1-го и 2-го разрядов и окончившие курс в высших светских учебных заведениях, а с обязательством выдержать дополнительные экзамены в течение первого академического курса — окончившие 4 класса духовных семинарий и светские средние учебные заведения (бывшие гимназии, реальные и коммерческие училища, кадетские корпуса и теперешние трудовые школы).

В 1919/20 уч. г. зачислено было 50 человек, из них 46 в качестве студентов и 4 — вольнослушателей. В 1920/21 уч. г. зачислено 30 человек: 25 в качестве студентов и 5 — вольнослушателей.

На втором курсе к началу 1921/22 уч. г. насчитывается 11 человек, на третьем — 11, на четвертом — 9. На первый курс в августе 1921 г. принято 65 студентов и 13 вольнослушателей.

Учебные занятия студентов состояли в слушании и усвоении лекций, участии в практических занятиях, писании семестровых и кандидатских сочинений, составлении проповедей. Ежедневно лекции читались пять дней, по 4 лекции каждый день; они начинались в 6 часов и заканчивались в 9 часов вечера. Чтобы оценить труд студентов для одного только посещения лекций, нужно иметь в виду следующее: почти все они должны были на советской службе проводить время от 10 до 4 часов. Затем, наскоро пообедав дома или же прямо от службы, они являлись в Академию и возвращались домой около 10—11 часов. Рассеянные по разным местам Москвы, некоторые на расстоянии одного часа и более ходьбы от Академии, они при отсутствии трамвайного сообщения должны были не только уходить, но и приходиться пешком.

¹⁴⁶ В архиве МДА сохранились списки студентов МДА 75 курса (1916—1920 гг.; 85 человек) и 76 курса (1917—1921 гг.; 105 человек), изданные типографским способом. Данные списки протодиаконом Сергием Голубцовым не упоминаются. — Ред.

3. Самые последние свидетельства

Последние достоверные, но весьма скудные сообщения об Академии относятся к октябрю 1922 г.: в письме от 17/30 октября епископ Зарайский Варфоломей (Ремов) сообщал епископу Илариону в Архангельск, где тот находился в ссылке, что 15 октября нового стиля (в воскресенье. — С. Г.) 15 студентов и преподавателей после Литургии «с чаем и самогоном отметили Академический праздник». Это были: Глаголев, Попов, Введенский, Соколов, Нечаев, Коновалов, Четвериков и Георгиевский, помимо, конечно, самого епископа Варфоломея и ректора отца Вл. Страхова. Упомянут среди собравшихся читать лекции протоиерей Дм. Лебедев («История Христианской Церкви») и епископ Никандр («История христианского богослужения»). Просили П. Лапина (из Казанской духовной академии) читать Догматику, но он, кажется, отказался.

Самый последний документ датируется 5/18 октября 1927 г. Это диплом об окончании Академии по первому разряду Василием Федоровичем Надеждиным, после окончания Московской духовной семинарии в 1916 г. поступавшего в МДА, в 1918 г. уехавшим в провинцию, в 1920 г. сдававшим экзамены, но предоставившим сочинение, очевидно, гораздо позже, т. к. решение о присвоении степени кандидата последовало 10–23 мая 1926 г. Диплом подписан: исполняющим должность ректора проректором протоиереем Вл. Страховым, ординарным профессором С. С. Глаголевым и С. И. Соболевским, э.-орд. профессором епископом Варфоломеем и священником Павлом Флоренским, причем фамилию последнего нельзя разобрать. За секретаря Совета — тот же В. Страхов. По данным И. И. Ковалевой, предоставившей нам этот документ, о. Василий был женат с 1921 г. и служил в церкви у Соломенной сторожки в Москве до 1929 г., когда был сослан в Кемь, где умер от тифа и гангрены 19 февраля 1930 г., оставив 5 человек детей.

В отношении истории МДА в Москве представляет некоторый интерес и доклад патриарху Тихону епископа Платона Руднева, епископа Богородского, от 1 октября 1923 г.

При служении моем в Никольском единоверческом монастыре при погребении епископа Богородского Никандра Кудрявцева († 30 октября

1923 г.) оказалось, что при данном монастыре состоит священник Сергей Голощапов, мне хорошо известный еще с Академии.

Св-к Голощапов окончил Академию 15 лет назад (1908 г.) профессорским стипендиатом, а затем состоял преподавателем Московской духовной семинарии и в настоящее время состоит преподавателем Московской духовной академии по кафедре Истории философии.

До сих пор он награжден лишь камилавкою.

Долгом считаю ходатайствовать о награждения его наперсным крестом.

23 ноября 1923 г.

Подписи еп. Платона

И. о. председателя Московского еп<архиального> совета

Члена еп<архиального> совета

И. д. секретаря¹⁴⁷.

Надо добавить, что священник Сергей Голощапов, очень возможно, был самым последним преподавателем МДА в Москве, так как его сын и одна из сотрудниц музея-храма в Никитниках считают, что в этом храме о. Сергей Голощапов служил в 1926—1928 (29) гг. и читал лекции студентам, по словам священника Николая Педашенко (но последний относил это к 1920—1923 гг.).

Заслуживает внимания и список должностных лиц «...особо послуживших делу восстановления нормального порядка церковного управления и церковной жизни с июня 1923 г. — времени освобождения Патриарха Тихона».

Среди них упомянут профессор Московской духовной академии протоиерей Илья Громогласов, награжденный палицей, о чем ему послано извещение 30 ноября 1923 г., и заведующий учебной частью прот. С. И. Г., награжденный митрой. Фамилия не прочитывается, но начинается буквой «Г». Предположить кого-либо иного не представляется возможным, кроме Голощапова¹⁴⁸.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 240. Л. 117.

¹⁴⁸ Там же. Д. 243. Л. 10, 18.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков 1964* — *Волков С. А.* Воспоминания о Московской духовной академии, 1917–1920 гг. Загорск, 1964 (машинопись). Опубликовано: *Волков С. А.* Возле монастырских стен. М., 2000 (*Волков 2000*).
- Голубцов 1982* — *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия дореволюционного периода: строительство и хозяйственно-экономическая деятельность Правления Академии (1870–1919 гг.): ист. исслед. Т. 1. Ч. 1. М., 1982 (машинопись).
- Голубцов 1988* — *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 2: Уставы, жизнь и научная деятельность профессуры в Академии и вне ее. М., 1988 (машинопись).
- Склярова 1994* — *Склярова М.* Сосуд избранный. История Российских духовных школ в ранее непубликовавшихся трудах... СПб., 1994.

ПРОТ. АЛЕКСАНДР ЗАДОРНОВ

ПРОФЕССОР С. В. ТРОИЦКИЙ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

История церковного права в российских духовных школах все еще ждет своего исследователя. Ее особенностью является то обстоятельство, что русские канонисты работали одновременно и в духовной, и в светской образовательной системе, перенимая не только методологию последней, но и, в общем-то, ее мировоззренческие установки. Это относится, прежде всего, к таким корифеям канонической науки, как А. С. Павлов (профессор Императорского Московского университета по кафедре права), Н. С. Суворов (преемник Павлова по кафедре), В. Н. Бенешевич (исследовавший канонические источники в качестве профессора Петербургского университета и, некоторое время, Петербургской духовной академии). Объясняется это не столько инертностью научной среды в духовных школах рубежа XIX—XX веков, сколько стремлением вписать канонику в общий контекст правовых представлений той эпохи, которая отражалась как раз в деятельности университетской профессуры.

Отношение в России к праву вообще и церковному в частности в этом смысле нельзя назвать соответствующим каким-либо древним (византийским) или новым (эпохи европейского модерна) образцам. Часто выделяемые самим правоведами черты национального правосознания¹ не укладываются в обычные юридические схемы. В колебани-

¹ См., в частности: *Новгородцев П. И.* О своеобразных элементах русской философии права // *Сочинения.* М., 1995; *Поляков А. В.* Может ли право быть неправым. Некоторые аспекты дореволюционного российского правопонимания // *Правоведение.* № 4. 1997. С. 83–101.

ях между правовым идеализмом и разного рода правовыми теориями, восходящими к позитивизму, русская юридическая наука так и не сумела выработать должного понимания взаимоотношения гражданского и канонического права, их взаимовлияния при сохранении собственного значения.

Тем интереснее рассмотреть деятельность в этом направлении ученого, чей научный путь совершался на протяжении почти семидесяти лет в нескольких странах. Выдающийся русский специалист по каноническому праву Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) был профессором Юридического и Богословского факультетов Белградского университета, приват-доцентом Новороссийского университета и преподавателем русского Парижского богословского института, а также профессором Московской духовной академии. Последней ступени его академической карьеры и посвящена предлагаемая публикация.

1. БИОГРАФИЯ С. В. ТРОИЦКОГО

Уроженец Томска, С. В. Троицкий являлся выпускником не Московской, а Санкт-Петербургской духовной академии. Выбор Троицкого в пользу Духовной академии вполне понятен для тверского семинариста, увлеченного церковной наукой. Более неожиданным кажется первоначально его решение одновременно пройти курс Санкт-Петербургского археологического института. Однако и этот шаг Троицкого вполне обоснован. Лекции по истории русского права в этом институте читали выдающиеся русские юристы В. М. Грибовский и Н. Н. Дебольский (рано умерший). Можно с большой долей уверенности утверждать, что именно институтская практика весьма пригодилась Троицкому в его работах о «Законоправиле» св. Саввы и других канонических памятниках послевоенного периода. При этом параллельное обучение в высшем богословском учебном заведении и в институтских стенах не было в то время чем-то экстраординарным. Из современников Троицкого, прошедших тот же путь, можно вспомнить имена церковного композитора протоиерея Михаила Лисицына, искусствоведа Алек-

сандра Успенского и даже известного советского драматурга Константина Тренева.

Если Археологический институт многое дал Троицкому в смысле практическом, то Санкт-Петербургская духовная академия помогла ему начать восхождение по лестнице как научной, так и административной карьеры. Рубеж столетий стал для невской академии временем перехода от школы к традиции. В XIX веке речь могла идти разве что о направлении в общей линии развития российского богословия. Теперь стало вполне возможным выделять именно *петербургскую традицию*, как в выборе богословской проблематики, так и в самих подходах к ее решениям.

До своей эмиграции С. В. Троицкий успел немного поработать в знаменитом Новороссийском университете в Одессе, приват-доцентом которого он был зачислен 18 марта 1919 года. В предреволюционное время деканом юридического факультета был знаменитый правовед-международник П. Е. Казанский, поборник создания особых правовых кодексов стран будущего (по окончании мировой войны) славянского союза. Традиции этого университета касались и церковной науки — здесь начинал свою карьеру А. С. Павлов, учился Г. В. Флоровский и одновременно с Троицким преподавали историк А. П. Доброклонский и знаменитый Н. П. Кондаков. Разумеется, гражданская война не способствовала серьезной научной и преподавательской работе. Вообще, если она в Новороссийском университете и продолжалась, то скорее всего по инерции, как о том свидетельствует коллега приват-доцента Троицкого Н. П. Кондаков в своих воспоминаниях². 25 января (ст. ст.) 1920 года неизбежность сдачи города красным войскам сделалась

² В этих воспоминаниях замечания Кондакова о научной традиции Новороссийского университета весьма ядовиты: «В течение 20 лет я мог достаточно наблюдать, как печально действовало на многих способных к научным занятиям профессоров самое их пребывание в Одессе, вследствие отчуждения от той научной среды Москвы или Петербурга, которая их образовала... Таким путем Одесский университет, имевший, собственно говоря, по своей новизне и отсутствию в самом городе той культурной заправки наших провинций, вроде Казани или Харькова, все шансы сохранять известную свежесть интеллигентной среды, распространявшейся из русских центров, давал полный пустоцвет на других факультетах, кроме естественного» (Кондаков Н. П. Воспоминания и думы. М., 2002. С. 164).

очевидной. Союзники белых вывезли на своих миноносцах лишь малую часть беженцев, в числе которых находился и Троицкий. Его путь пролегал в только что образованное Королевство сербов, хорватов и словенцев, ставшее в 1929 году Королевством Югославией.

Уже через три месяца после эмиграции С. В. Троицкий назначен «гонорарным», т. е. почетным профессором юридического факультета Белградского университета. Постепенно устраивается жизнь на новом месте; немного упрочив свое положение, Троицкий вызывает к себе жену и детей. Спустя четыре года его диплом русского магистра богословия был засчитан Советом Белградского университета в качестве докторского. Университет был основан в Белграде в феврале 1905 года на базе Великой школы и первоначально включал в себя три факультета: философский, технический и юридический. После войны и образования союзного государства открылся второй юридический факультет того же университета в Суботице.

Здесь, в Суботице, на венгерской границе, особо теплые отношения сложились у Троицкого с М. П. Чубинским, который еще в бытность профессором-криминологом Санкт-Петербургского университета опубликовал работу о необходимости сербо-хорватского союза. Как и Троицкий, Чубинский принимал самое активное участие в выработке правовой системы нового государства, в том числе Уголовного кодекса. Деканами юридического факультета в разное время также были русские юристы — историк права профессор Г. В. Демченко и сам Троицкий. Немало на факультете было и русских студентов, преимущественно из числа тех восьми тысяч русских беженцев, что осели в Воеводине.

Неоднократно С. В. Троицкий выезжал и в другие места русского рассеяния. В 1929 и 1931 годах он преподавал канонику в русском Богословском институте в Париже, расстаться с которым пришлось после незаконного присоединения митрополита Евлогия к Константинопольскому Патриархату. Интересно, что на этом посту сменил Троицкого его знакомый по Белграду Н. Н. Афанасьев.

В 1937 году, после т. н. «конкордатского кризиса», Троицкий был назначен «гонорарным» профессором Богословского факультета по кафедре церковного права. Хотя указ об открытии факультета последо-

вал одновременно с образованием Университета, свою работу он начал лишь в 1920 году — не без помощи русских эмигрантов, преподававших здесь богословские дисциплины. Среди них, помимо Троицкого, был его коллега по Одессе Александр Доброклонский (преподавал с 1920 по 1937 г.), а также знакомый по Киеву историк протопресвитер Феодор Титов, бывший деканом факультета с 1927 года и до своей смерти в 1935 году. Первый декан факультета протопресвитер Стефан Димитриевич сумел даже вывезти в 1924 году из Советской России большое количество богословской литературы из разоренных семинарских и академических библиотек.

На факультете Троицкий проработал вплоть до 1943 года. Здесь он обрел единственного сербского ученика-преемника — им стал известный канонист протоиерей Благодат Гардашевич (1908—1993), написавший немало работ в память своего русского учителя. Здесь же русский профессор встретил начало войны. 12 апреля, в канун Пасхи, немцы были уже в Белграде³. В роковой 1941 год Троицкий, помимо общегосударственной, переживает и личную трагедию. На второй день бомбежек Белграда умирает его жена Лидия. Сам он в это время находился в Суботице, и два его сына, буквально под ударами, занимались похоронами.

Бачка, та часть Воеводины, где преподавал Троицкий, была оккупирована венграми, после чего юридический факультет был закрыт и Сергею Викторовичу пришлось перебраться в Белград. Однако связей с Суботицей никогда не порывал. Именно там он познакомился со своей второй женой. Елизавета Дмитриевна Панайотова (урожденная Нечаева) была в свое время студенткой Троицкого на юридическом факультете; муж ее, музыкант, также умер в начале войны. В 1944 году они поженились. Елизавета Дмитриевна сумела наладить послевоенный быт русского профессора, что позволило ему заниматься и далее наукой. Троицкие жили теперь в Белграде на Врачаре (улица Аваль-

³ Одним из последствий авианалетов на югославскую столицу стал разгром уникальной Библиотеки Сербии, хранившей сотни экземпляров «сербуль» и других старопечатных славянских книг. Однако не совсем верно винить в ее гибели одних немцев — библиотека горела в течение недели, т. е. до самого вступления вермахта в Белград, однако заняться ее спасением горожанам оказалось недосуг.

ска, 15), рядом с недостроенным тогда собором св. Саввы, фундамент которого покоится на месте сожжения турками мощей сербского перво-святителя. Здесь Троицкий продолжал поддерживать дружеские отношения с другими русскими учеными — прот. Владимиром Мошиным и знаменитым византинистом Георгием Острогорским. Угловой кабинет последнего в Институте византологии Сербской Академии наук, выходящий на Кнез-Михаилову улицу, был свидетелем их бесед о византийском влиянии на судьбу южных славян и борьбе между языческим эллинским и православным греческим наследием в самой России.

В 1945 году Троицкий официально выходит на пенсию, но уже через три года становится сотрудником Сербской Академии наук и искусств. В этом качестве он стал секретарем Комиссии по издательству «Законоправила»⁴ св. Саввы и членом более общей Комиссии по издательству источников сербского права. С этим связаны его поездки по стране: в Сараево, Герцег Нови, Дечанскую лавру. Интерес к сербским каноническим источникам не был у него только умозрительным. Изучение «Законоправила», отличие его текста от греческого первоисточника позволяло Троицкому яснее сформулировать свой ответ на проблему взаимоотношений Церкви Константинопольской и славянских Поместных Церквей. А то, что Церкви эти получили в то время новый полюс притяжения в лице Московского Патриархата, было вполне очевидно.

В военные годы Русская Церковь, своей патриотической деятельностью доказавшая, по словам Троицкого, «истинность слов *Послания* митрополита Сергия 1927 года о том, что Русская Церковь никогда не была с противниками русского государства»⁵, частично нормализовала свое положение в этом государстве. Сделать это было тем более

⁴ В русской литературе труд свт. Саввы часто неверно называется Кормчей, в то время как сам сербский перво-святитель мыслил свой труд аналогом именно греческого Номоканона. Только на Руси этот канонический сборник получает название Кормчей, каковое название переходит и на греческий труд уже нового времени — «Пидалион» прп. Никодима Святогорца (см. выше специальную публикацию, подготовленную сестрами Ново-Тихвинского монастыря совместно с А. Г. Бондачем. С. 123–177. — *Ред.*).

⁵ *Троицкий С. В.* О сабору Руске Православне Цркве // Гласник (службени лист Српске Православне Патриаршије). 1944. № 10–12. С. 94.

сложно, что те принципы, на которых разрабатывались основы высшего церковного управления в 1917 году, к сороковым годам в советской России фактически работать уже не могли.

Главной заботой патриарха Алексия I, помимо упрочения положения Церкви, стало примирение русской церковной диаспоры, к которой он не раз обращался с посланиями начиная с первых лет своего высокого служения.

Как вспоминает в опубликованной части своих мемуаров известный палеославист прот. Владимир Мошин, «к русской белградской церкви советская власть проявила большое внимание. Отец настоятель с остальным духовенством стали ходатайствовать о принятии ее под юрисдикцию Московской Патриархии, что было сравнительно быстро осуществлено. Церковь эта стала Белградским подворьем Московской Патриархии и была передана под защиту советского посольства в Белграде. Реальная связь осуществлялась путем нескольких приездов советских церковных представителей... Внутренняя жизнь церкви не претерпела изменений: она осталась под управлением о. Иоанна Сокаля с прежними его тремя священниками, среди которых я был младшим. Тогда же все мы стали ходатайствовать о возвращении в советское гражданство, что и было утверждено в 1947 году»⁶.

Троицкий, получивший двадцать лет назад югославское гражданство, менять его на советское не стал. Но тем не менее и он оказался в числе приглашенных Московским Патриархатом занять профессорскую должность в преобразованной из Богословского института в полноценное учебное заведение Духовной Академии. 20 мая 1947 года Троицкий был официально зачислен профессором МДА, каковым и пребывал до весны следующего года⁷. Однако полностью на 1949 год контракт этот продлен не был.

⁶ Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина // *Косик В. И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века)*. М., 2000. С. 182.

⁷ Троицкий был утвержден профессором МДА по кафедре Церковного права, о чем имеется запись в Журнале заседания Учебного комитета от 10 июля 1947 г. Совет Академии принял назначение Учебного комитета, но при этом высказал свое недоумение по поводу того, что Учебный комитет решал академические вопросы без сорного согласия академической корпорации. При этом Совет к самому профессору

Видимо, первоначальный проект привлечения эмигрантов из Югославии был более широким и включал имя не одного Троицкого. В открытке, посланной Троицкому в его номер в гостинице «Москва» настоятелем русского храма в Белграде прот. И. Сокалем, тот интересовался о перспективах своего вызова в Москву для преподавательской деятельности. О. Иоанн также сообщал ему новости о предполагавшемся визите сербского патриарха Гавриила в Россию: «Патриарх собирается в Москву, но когда еще не выяснено. Вы, конечно, знаете, кто тормозит. Думаю, что в конце концов Патриарх победит. Говорят, будто Собор постановил ехать»⁸.

Сербский патриарх Гавриил был занят в это время внедрением нового Устава Сербской Православной Церкви, принятого чуть ранее в связи с законом об отделении Церкви от государства в новой Югославии. Он попадет в Москву только через год, в июле 1948, а преподавание Троицкого прекратится слишком быстро.

Причиной тому был разрыв СССР с Тито, а не общее разочарование Сталина в проекте «русского Ватикана». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что другие приглашенные преподавать эмигранты остались в России — например, вернувшийся с Дальнего Востока еп. Димитрий (Вознесенский), отец будущего первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета.

То, что Сталин отказался поддержать Тито в его послевоенных притязаниях на Триест, сыграло свою роль в конфликте Белграда с Москвой. Кроме того, умелое лавирование во время войны партизан между немцами, итальянцами, усташами и четниками, дабы по одиночке разбить всех, рождало у Тито мысль о продолжении подобного лавирования и в будущем противостоянии между Западом и Востоком, становившемся все более очевидным начиная с фултонской речи Черчилля.

Троицкому никаких претензий не имел. Более того, из протокола Совета становится известно, что Троицкий «был избран на кафедру Церковного права и утвержден Его Святейшеством еще в начале минувшего учебного года (см.: ЖС МДА № 2 от 12.11.1946 г.)» (ЖС МДА № 46. 1947. С. 7). — *Ред.*

⁸ И. Сокаль — С. Троицкому. Письмо от 11.6.1947 // Архив автора. Прот. И. Сокаль — впоследствии архиепископ Черниговский Иннокентий.

С 1948 по 1953 годы все контакты между Москвой и Белградом были прерваны, а сторонники СССР были заключены в концлагерях адриатических островов Голи Оток, Св. Гргур и других. Все югославы, имевшие какие-либо контакты с Москвой, находились под наблюдением, подвергаясь явным и неявным репрессиям. Особенно это касалось, конечно, граждан Югославии русского происхождения. С этим связано было, отчасти, и прекращение лекционного курса Троицкого в МДА. С этим же, видимо, оказалась также связана и смерть его сына Виктора, при неясных обстоятельствах погибшего в 1950 году.

Десятилетие самого острого конфликта между Югославией и Советским Союзом окончилось только с венгерскими событиями. Как ни велика была обида Тито на Москву, антивенгерские традиционные настроения номинального хорвата взяли над ним верх. Кроме того, в будапештских антикоммунистических выступлениях слишком явно просматривалось желание нарушить тот европейский баланс, который с таким трудом устанавливался в постсталинское время.

В следующий раз Троицкий попадает в Россию только после окончания активной фазы противостояния Москвы и Белграда. Летом 1956 года он был командирован Сербской Академией наук и искусств для изучения хранящихся в московских и ленинградских библиотеках рукописей Кормчей.

В 1958 году он снова приезжает — на этот раз в связи с празднованием 40-летия восстановления русского патриаршества. Здесь он оказался в сфере внимания митрополита Николая (Ярушевича). Председателю ОВЦС был остро необходим специалист по «восточному вопросу», каковым Троицкий в то время, безусловно, являлся. Позднее, когда новый председатель Отдела, молодой архиепископ Никодим (Ротов) будет готовить поездку патриарха Алексия на Ближний Восток, Троицкий делается его главным консультантом. Эта осенняя поездка 1960 года была важным дипломатическим успехом Русской Церкви, не давшей перехватить инициативу по представительству всех православных Поместных Церквей одному только Константинополю. Итогом поездки стало проведение нескольких совещаний, участие в которых приняло большинство Православных Церквей. Одним из них стала Родосская конференция 1961 года.

Выяснению вопроса греческих притязаний Троицкий посвятил ряд статей, опубликованных в 50-е годы в «Вестнике Русского Западно-Европейского Экзархата»: «Теократия или цезаропапизм», «Неудачная защита неправды», «Каноны и восточный папизм», «Византийские номоканоны, их сербские коррективы и дело патриарха Никона», «Из истории спора Старого Рима с Новым», «Халкидонский Собор и восточный папизм».

В связи с подготовкой Родосской конференции Троицкий вновь находится в России с 28 сентября по 14 октября 1961 года. Время было достаточно тревожным: усиливается конфронтация СССР с Западом, в августе завершается строительство Берлинской стены, в сентябре в Белграде проводится саммит представителей неприсоединившихся стран под почетным председательством Джавахарлала Неру. Естественно, что в такой ситуации международная активность Русской Церкви все более приобретает государственное значение (неслучайно в том же году, 7 декабря, Русская Православная Церковь стала участницей Всемирного Совета Церквей).

Сергей Викторович еще до совещания, проходившего в последнюю неделю сентября, консультирует делегацию Русской Церкви (куда входили архиепископы Никодим (Ротов) и Василий (Кривошеин), а также прот. Виталий Боровой), предупреждает их о «подводных камнях» в отношениях с Фанаром и в целом проводит ту же линию, что отразилась в указанных выше работах. И не зря: как свидетельствует владыка Василий, председатель ОВЦС «твердо противостоял притязаниям Константинополя на почти что “папский” примат, на его попытку монополизировать дело подготовки и созыва Собора»⁹.

После успеха конференции сам Святейший Патриарх инициировал присуждение Московской духовной академией Троицкому докторской степени, обратившись к нему с предложением подготовить необходимые для соискания документы — список научных трудов и краткую биографию. В ответном письме, называя себя «покорным и до глубины души благодарным послушником», Сергей Викторович пишет не о признании своих заслуг, но о церковной пользе этого шага: «Думаю, что

⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Н. Новгород, 1998. С. 282.

присуждение мне докторской степени придало бы бóльший авторитет защищаемой мною церковно-политической идеологии в глазах широкой публики и что есть более оснований для присуждения степени доктора церковного права, чем богословия, так как профессором церковного права я был 27 лет (на двух факультетах в Югославии, в Париже и в Москве) и главные мои труды были посвящены этой науке»¹⁰.

Правда, не обошлось и без курьезов. В том же письме С. В. Троицкий писал: «20 октября отец протоиерей Виталий (Тарасьев, настоятель Свято-Троицкого храма в Белграде. — *Прот. А. З.*) передал мне Ваше милостивое письмо от 15 октября, Вашу фотографию и орден св. Владимира с грамотой... Орден св. Владимира я получил уже 45 лет тому назад, а именно 6 мая 1916 года, но, конечно, не звезду, как теперь, а маленький крестик»¹¹. Курьез заключается в том, что накануне революции Троицкий получил доставивший ему личное дворянство четвертый по значению орден Российской империи, а сейчас — «нагрудный знак», которым награждали (в те годы) представителей Поместных Церквей в память о юбилее русской церковной автокефалии. До Троицкого первым русским церковным деятелем, получившим эту награду, стал летом того же года сам патриарх Алексий.

В своем представлении о присуждении Троицкому докторской степени, зачитанном на заседании Ученого совета МДА 29 декабря 1961 года, проф. А. Георгиевский отметил, что «вся жизнь Сергея Викторовича — это подвиг и пример служения своей Матери, Русской Православной Церкви, о чем ярко свидетельствуют его жизнь и труды на пользу св. матери Церкви и богословской науке»¹².

Постановление Академии о присуждении степени доктора, утвержденное патриархом Алексием в последний день 1961 года, явилось не только признанием заслуги С. В. Троицкого в проведении столь важной для Русской Церкви в преддверии Второго Ватиканского со-

¹⁰ Письмо С. В. Троицкого Святейшему Патриарху Алексию I от 18.11.1961 // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

¹¹ Там же.

¹² Представление проф. А. И. Георгиевского и доц. В.И. Талызина о присуждении ученой степени доктора церковного права профессору Сергею Викторовичу Троицкому // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

бора Родосской конференции, но и закономерным итогом всего его служения.

Получив на Пасху 1971 года поздравление из МДА, Троицкий пишет в ответ ее ректору о том, как «до глубины души был обрадован, получив поздравление от Академии, которая и ранее оказывала мне высокую честь, даровав редкую степень доктора церковного права, хотя я преподавал это право в ней только два года»¹³.

Все 60-е годы Троицкий, несмотря на преклонный возраст и нездоровье, продолжает трудиться над анализом сербских источников права. Так, 20 июня 1964 года совет Сербской Академии наук и искусств специальным постановлением разрешает выдать Сергею Викторовичу на дом архивные материалы, «имея в виду слабое здоровье профессора Троицкого, не позволяющее ему работать в академическом архиве»¹⁴.

Он умер 27 ноября 1972 года. Через три дня в русской Иверской часовне на белградской Новом кладбище патриарх Герман совершил отпевание. Позднее вдова профессора передала в Московскую духовную академию курс его лекций, альбом фотографий Петербургской академии начала века и фотографии патриарха Алексия I с его автографами.

2. СОДЕРЖАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЛЕКЦИЙ С. В. ТРОИЦКОГО

Говоря о вкладе Троицкого в каноническую науку, следует вспомнить слова Н. Н. Глубоковского о том, что дореволюционное церковное право в России имело «наибольшее количество достаточно законченных специальных пособий авторитетного происхождения», но при этом не имело «вполне согласного решения даже и некоторых основных вопросов»¹⁵. Однако с точки зрения научной методологии послевоен-

¹³ Письмо С. В. Троицкого ректору МДА епископу Дмитровскому Филарету от 15.4.1971 // Архив МДА. Личное дело проф. С. В. Троицкого.

¹⁴ Годишњак Сербской Академии наук и уметности за 1964 г. Београд, 1968. С. 112.

¹⁵ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 99.

ного времени (маркированной трудами Куна, Лакатоса, Фейерабенда и т. д.) отсутствие «вполне согласного решения» не может считаться признаком теоретической ущербности. Напротив, это служит поливариативности такого решения (критерий принципиальной «фальсифицируемости» вместо неопозитивистской «верифицируемости» у К. Поппера), что почти всегда благотворно для научного развития.

О содержании лекций Троицкого в МДА можно судить по их конспекту, сделанному А. Бувеским¹⁶. Ученый успел коснуться лишь тех принципиальных тем, относительно которых Глубоковский и констатировал отсутствие согласия в русской канонике. Эти темы — определение понятия церковного права, Церковь как объект права и принципиальность ее отделения от государства, соотношение церковного права с богословскими и юридическими науками, источники церковного права и его отличие от права канонического.

Относительно последнего вопроса Троицкий выказывает неожиданную категоричность, считая «каноническое право» понятием с меньшим объемом, относящимся лишь к содержанию Фотиева Номоканона. В отличие от этого, «церковное право» включает в себя и законодательство, не включенное в Номоканон XIV титулов редакции 883 года. Впрочем, здесь он разделяет мнение Н. Суворова, считавшего предпочтительным и более правильным и точным понятие именно церковного права для обозначения совокупности норм, которой определяются современные церковные отношения¹⁷. Характерно, что и сегодняшние нормативные учебники православного церковного права авторов-преемников кафедр Троицкого в этом вопросе не приходят к согласию. Русский ученый традиционно указывает на тождество понятий: «Он <А. Павлов> справедливо отождествляет каноническое и церковное право»¹⁸. Сербский исследователь предпочитает второе название, ведь оно «намного шире, так как церковное право охватывает и каноническое право, хотя каноническое право старше и из него развилось право церковное»¹⁹.

¹⁶ Троицкий. Лекции.

¹⁷ Суворов 2004. С. 6.

¹⁸ Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2009. С. 86.

¹⁹ Перий Димшио, свящ. Црквено право. Београд, 2006. С. 19.

Само же церковное право определяется Троицким как «совокупность правовых норм, регулирующих устройство и жизнь Церкви»²⁰. «Регулирующие нормы» в этом определении заимствованы из расширенной им знаменитой античной формулировки («право есть творчество в области доброго и равного»), звучащей теперь так: «Право есть совокупность социальных норм эквивалентного характера»²¹. В самой этой формуле нет ничего необычного, новизна заключается в ее обосновании.

Дореволюционное каноническое право в России, делая необходимые оговорки о церковной составляющей своего предмета, тем не менее относила его к юридическим наукам и по своей форме, и, что особенно важно, по источнику своего формирования. «Все указанные заимствования из богословских наук, — говорит Павлов, — не изменяют характера нашей науки как юридической. Она имеет дело исключительно с *правом Церкви*, все чисто богословские элементы в своем содержании подчиняет *юридической* точке зрения, излагает их только с *юридической стороны*»²². Необходимость права в Теле Христовом традиционно объяснялась фактом внешних условий церковного *организма*, воспринимаемого с этой стороны в качестве *организации* — со своим иерархическим устройством, правилами и т. д. Именно внешняя жизнь Церкви как организованного целого необходимо предполагает существование в ней порядка, согласного с ее внутренним существом и жизненным назначением.

Тот же Павлов так формулирует представление о связи богословия и права в канонике: «Догматическое понятие о Церкви как духовном царстве Божьем на земле, в котором господствует воля Божья и действуют таинственные силы божественной благодати, — это понятие не входит в круг предметов, подлежащих рассмотрению в науке церковного права. Последняя имеет дело с Церковью как с внешним человеческим союзом, имеющим свою особенную организацию и стоящим в известных отношениях к другим человеческим союзам»²³.

²⁰ Троицкий. Лекции. С. 12.

²¹ Там же.

²² Павлов 2002. С. 17.

²³ Там же.

Именно с таким представлением и порывает Троицкий, когда предлагает свое *метафизическое* основание учения о Церкви и через него определяет значение права. Из экклезиологии для права важно положение о Боге как надличном Бытии, в Котором три Лица соединены в одном Существо и Которое является вечною Любовью. Именно это «служит метафизическим основанием для учения о Церкви как организации, которая соединяет в едином надличном бытии все разумные существа между собою и с Богом, делая их причастными божественной жизни»²⁴. Понятна ограниченность каноники в раскрытии форм такого бытия, но необходимо подчеркнуть и то, что без этого фундамента сама эта наука не имеет существования. В обычном противопоставлении права и морали также мало смысла, ибо даже любовь и делаемая во имя любви жертва своих интересов, считает Троицкий, все же имеет своей исходной точкой право, а не мораль. В самом деле, человек может жертвовать другому только свое, а не чужое, что было бы кражей, а не жертвой.

Само право уподобляется поэтому алавастровому сосуду²⁵, необходимому для принесения чистого мира христианской любви. Без этого сосуда можно было бы ожидать лишь «гибели мирной», отсюда и дается приведенное выше определение церковного права как совокупности тех норм, что помогают этого избежать.

Именно этот радикально экклезиологический подход отличает Троицкого от предшествующей традиции в российской науке церковного права. Разумеется, это не отменяет того, что по своему предмету эта наука стоит в связи с науками богословскими, а по своей природе — с юридическими. Более того, это самостоятельная ветвь права, параллельная опирающемуся на государственную власть праву светскому, но не входящая ни в одну ветвь этого права — публичного, частного или общественного.

Такая независимость определяется для Троицкого специфическим пониманием *источников* церковного права. В известной монографии предшественника Сергея Викторовича по академической кафедре

²⁴ Троицкий. Лекции. С. 8.

²⁵ Ср.: Мф. 26, 7.

Н. Заозерского²⁶ подчеркивалось «иносушие» церковной власти в противовес гражданскому «кратосу», обладающему принудительным характером. Такой кратологический подход вызвал в свое резкое неприятие у Н. Суворова, считавшего его «анархическим отрицанием всякой церковной власти, на основании будто бы Евангелия, которое учит не властвовать, а служить и повиноваться», в то время как «с точки зрения юридической всякое правительство, в том числе и церковное, есть властвование»²⁷.

Имплицитно Троицкий разделяет взгляд Суворова, считая материальными источниками церковного права и волю Основателя Церкви, и волю самой Церкви, но и волю государственной власти. При этом два последних источника обязательны только тогда, когда согласны с первоисточником, волей Божией. Именно здесь Троицкий переносит традиционное для православного догматического богословия учение о естественном и сверхъестественном Божественном откровении в раздел источников права своей науки.

Божественное право открывается человеку естественным образом через человеческую природу, так как ей присуще сознание основных правовых норм. Историческим примером такого *естественного Божественного* права можно считать право римское. Сверхъестественное откровение в праве дано через Христа и Божиих избранников. Такое *положительное Божественное* право есть «совокупность правовых отношений, открытых Богом людям чрез Иисуса Христа и святых... Единственным источником познания позитивного Божественного права является Священное Предание, сохраненное двумя способами — путем устной и письменной передачи»²⁸.

Вторым же источником церковного права является воля самой Церкви. Она выражается в церковном законотворчестве, являющемся прерогативой православного епископата — носителя церковной власти — и церковных органов, действующих *по полномочию* носителей такой законодательной власти (область статутарного права). Кроме

²⁶ См.: Заозерский Н. О церковной власти. СП, 1894.

²⁷ Суворов 2004. С. 181–182.

²⁸ Троицкий. Лекции. С. 47.

того, выражением церковной воли служит согласный с Божественным правом церковный обычай.

Наконец, особое внимание уделяет Троицкий воле государственной власти как источнику церковного права. Этот вопрос, разумеется, не носил для него лишь теоретического характера. Канонисты синодальной эпохи колебались в этом вопросе от осторожного признания у Павлова²⁹ полной свободы и самостоятельности, которые Церковь должна иметь в своей области (в том числе и законотворчестве), до категорического отстаивания Суворовым³⁰ обладания императором (византийским или российским) верховной законодательной церковной властью.

Троицкий указывает на такой немаловажный фактор, как отсутствие у Церкви собственной территории. Поскольку же ее общины располагаются там, где суверенная гражданская власть принадлежит какому-либо государству, то она не может игнорировать волю этого государства как в своей внутренней организации, так и в вопросе юридического статуса на территории этого государства. Как он подчеркивал еще в своих белградских лекциях, «такое значение государственная воля имела в Церкви во все эпохи, даже в период гонений, когда государство смотрело на церковь как на *collegium illicitum*»³¹. Даже в это время Церковь в своем имущественном праве пользовалась установлениями римского права в этой области.

3. ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ С. В. ТРОИЦКОГО

Подобное понимание влияния государства на организацию церковной жизни складывалось у Троицкого далеко не сразу. Проделанный им путь от синодального чиновника до профессора МДА был связан и с расставанием со старыми представлениями о таком влиянии. Во многом этому способствовала необходимость выработки ясной канонической позиции в период церковных нестроений в эмиграции.

²⁹ Павлов 2002. С. 347.

³⁰ Суворов 2004. С. 458–461.

³¹ Троицки С. Церквено право. Т. 1. Београд, 1937. С. 73.

Этот эпизод биографии русского канониста сыграл важную роль в истории его преподавания в МДА, и потому остановимся на нем несколько подробнее. Тщательно изучавшие поведение Троицкого во время эмиграции спецслужбы не смогли впоследствии обвинить его в какой-либо антисоветской деятельности. Церковная позиция Троицкого также была далека от вовлеченности в политические баталии и передается им самим в известных словах: «Всех я признаю, но ничьих ошибок не одобряю»³². Он видит ошибки в поведении всех сторон конфликта, а сами эти ошибки коренятся в привычной аналогии между территориальным делением государственным и церковным: «Стремление сохранить, во что бы то ни стало, непрерывное единство церковного управления, этот своего рода церковный империализм, и является главной причиной современных церковных нестроений»³³. Именно поэтому карловчане претендуют на управление *всеми* заграничными русскими епархиями, в то время как митрополит Сергей претендует на то же самое, глядя из Москвы, хоть и сам «неволью становится орудием большевистских планов в отношении к эмиграции», а митрополит Евлогий, «не решившись превратить в свою епархию во временно самостоятельный митрополичий округ с полнотой иерархической власти, пошел навстречу запоздалой мегаломании Константинополя»³⁴.

Необходимо различать правомерность размежевания и неправедный раскол и не выдавать за каноническую или догматическую верность сохранение во что бы то ни стало исторически образовавшихся церковных организаций.

Если принимать за основную церковную единицу митрополичий округ, то как при этом оценивать дробление крупных церковных организаций? Как вполне естественное, считает Троицкий. Более того, характер соборных постановлений свидетельствует о крайнем нежелании увеличивать и укрупнять церковные территории. Норма, некий эклизиологический атом, считает русский канонист, — это епархиальный епископ и собор епархиальных епископов в числе не менее трех, под

³² Троицкий С. В. Размежевание или раскол? Париж, 1932. С. 6.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Там же.

председательством митрополита. Все остальные формы территориальной организации Церкви не являются ни необходимыми, ни догматическими. Тем самым, размежевание может быть признано справедливым в случае а) большего блага Церкви, б) способности отделяющейся части к самостоятельной жизни и в) наличия всецерковной рецепции.

Поскольку же, подчеркивает Троицкий, вопрос теперь потерял значение только внутрисоссийского, а касается всей полноты Православных Поместных Церквей, должен быть найден сугубый беспристрастный защитник канонического порядка. Таковым для Троицкого является Сербская Церковь. Разрешая на своей территории существование Карловацкого церковного управления, именно она должна взять на себя посредничество в улаживании возникшего нестроения.

Троицкий подчеркивает, что нет *ни одного* акта русской высшей церковной власти, который мог бы «послужить основанием для существования Русского Высшего Управления в Карловцах, тогда как актов о закрытии этого Управления было издано этой властью уже несколько. Теория же, производящая авторитет Карловацкого Управления от Собора русских епископов за границей, построена на сыпучем песке, ибо Собор малой части епископов известной Церкви не в праве ни нарушать распоряжения Высшего Управления своей Церкви, ни учреждать Высшее Управление на территории другой автокефальной Церкви»³⁵. В этом смысле Карловацкий синод есть лишь каноническое подразделение Сербского синода. Для Троицкого это — позиция канониста Сербской Поместной Церкви, входящего в структуру самой этой Церкви, но участвующего (хотя бы как прихожанин белградского Свято-Троицкого храма) и в жизни одного из ее подразделений — Русского Карловацкого синода. При этом ни при каких изменениях отношений между Сремскими Карловцами, Москвой и Фанаром Троицкий не ставил даже вопроса о правомочности и легальности статуса митрополита Сергия.

Свою оценку правового положения оказавшихся вне своих епископий русских архиереев Троицкий строит на объяснении канонической нормы территориального устройства церковной организации. Церковное право в этом вопросе исходит из принципиальной невозможности

³⁵ Там же. С. 131.

для епископа расстаться со вверенной ему кафедрой — как в смысле добровольного перемещения, так и узурпации. Подспудной причиной любого перемещения некоторые правила (например, Сард. 1 и 2) прямо называют честолюбие.

Однако, «безусловно запрещая имеющим свои епархии епископам оставлять их навсегда с целью получения другой епархии и ограничивая право их даже временно покидать свои епархии, каноны совершенно иначе относятся к тем епископам, которые не могут занять своих кафедр или лишились их “не по своей вине”»³⁶. К таковым Троицкий относит и русских архиереев, составивших Заграничный синод. Подобно византийскому епископату эпохи мусульманской экспансии, они могут занять и другие кафедры, но не самочинно, а по приглашению местной церковной власти (Антиох. 16).

Более того, в церковной истории имелись исключительные случаи (тем не менее, предусмотренные канонами) переселения епископа в пределы другой Церкви вместе со своей паствой. В таких случаях вынужденный к переселению в силу обстоятельств епископ сохраняет в чужой епископии титул своей епархии (согласно Трул. 36) и права священнодействия, но не управления (Антиох. 18). Он же может занять вдовствующую кафедру в этой митрополии, принимая ее титул и теряя все права в отношении бывшей своей кафедры.

Наконец, в случае, схожем с историей русской церковной диаспоры, епископ сохраняет за собой и на новой территории все внутренние и внешние права церковного управления. Согласно 39-му правилу Трульского Собора, такой архиерей «возглавляет собою независимую от местной церковной власти Церковь — автокефальную, если он был автокефальным на прежней территории, и подчиненную высшей церковной власти на прежней территории, если он таковым на прежней территории не был»³⁷.

Именно последней канонической возможностью и должен был, по мысли Троицкого, воспользоваться Карловацкий синод. Но вместо того, чтобы нормализовать свой канонический статус, члены сино-

³⁶ Троицкий С. В. О правах епископов, лишившихся кафедр без своей вины. Београд, 1922. С. 8.

³⁷ Там же. С. 18.

да предпочли мифологизировать статус политический. В конце 1921 года митрополит Антоний открыл в резиденции сербского патриарха в Сремских Карловцах первый всезаграничный Русский церковный Собор. Его заседания, в которых участвовали 13 епископов, два десятка священников и почти семьдесят мирян, проходили в актовом зале местных гимназии и семинарии. Собор принял сформулированные епископом Вениамином (Федченковым) тезисы «борьбы с социализмом», в которых указывалось, что «между христианством и социализмом существует полное противоречие при поверхностном мнимом сходстве», а мерами против него должно стать участие в борьбе против социализма всех христианских исповеданий и других религий.

Подобную политизацию церковной жизни Троицкий справедливо связывал с инерцией синодального периода. Опасность для Зарубежного синода, по мысли Троицкого, исходила от неизжитого цезарепапизма: «После революции византийская идея царя-помазанника послужила мотивом для Зарубежной Русской Церкви сделать на Карловацком соборе 1921 года чисто политическое постановление, что дало повод советской власти смотреть на Церковь как на организацию, враждебную ей, что имело страшно тяжелые последствия для Русской Церкви в самой России»³⁸.

В конце 30-х годов Троицкий считал вполне возможным признание Русской Церкви югославским государством в качестве самостоятельной религиозной организации. Этому не могло препятствовать ни существование на территории этого государства Сербской Православной Церкви, ни зависимость личного состава этой Церкви от иностранной (московской) власти, ни ее малочисленность. Можно сослаться и на международное право, ведь «Сен-Жерменский договор дает Русской Церкви как религиозному меньшинству права, которые югославянская Конституция обеспечивает только признанным религиозным организациям, и этим обязывает государственную власть причислить ее к таким организациям»³⁹.

³⁸ Троицкий С. В. Теократия или цезаропапизм // Вестник Русского Западно-европейского Патриаршего экзархата 16. 1953. С. 206.

³⁹ Троицкий С. В. Правовое положение Русской Церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде 17. 1940. С. 100.

Тем же иерархам, кто склонялся к своеобразному правовому нигилизму и считал нормальным ее неустроенное в государственном смысле положение, Троицкий напоминал, что «легализация Русской Церкви, поскольку ее права будут тогда обеспечены самой государственной Конституцией, даст ей даже большую свободу и независимость, чем она имеет в настоящее время», когда все равно она подчиняется законам государства, но при этом ее права «всецело зависят от изменчивого благоволения носителей государственной власти»⁴⁰. Лишь впоследствии, с избранием первоиерархом Карловацкого синода митрополита Анастасия (Грибановского), положение изменилось в сторону раскола. И только тогда это слово прозвучало в названии известного памфлета Троицкого⁴¹. Но и ситуация, подчеркнем, в послевоенных церковных делах изменилась принципиально.

Отделение Церкви от государства Троицкий считал принципиально необходимым, понимая этот принцип как *независимость* церковного бытия от преходящих государственных форм. «Вне государственной суверенности стоят наука, искусство и вся область личных свобод, поскольку они предоставлены государством суверенитету индивидуума. В эту область входит и свобода веры и совести. В этой области суверенно не государство, а личность, индивидуум, сознание и совесть»⁴². Религиозная организация таких индивидуумов также должна быть свободна от вмешательства государства. Тем самым свобода веры и совести должна вести к сепарации Церкви и государства.

На таком фоне ссылка в лекциях на декларируемое сто двадцать четвертым параграфом десятой главы сталинской конституции отделение Церкви от государства в СССР с целью обеспечения свободы совести выглядит не курьезом, но желательным для автора положением дел. Основанная независимо от государственной власти Церковь не может иметь единственным источником собственного права только государственное законодательство. При этом не нарушается и единство правовой системы в государстве, так как суверенность власти неделима

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960.

⁴² Троицкий. Лекции. С. 19.

лишь по сущности, а не по компетенции, иначе такая власть будет тотальной, а не суверенной (Троицкий приводит здесь в пример Гитлера, хотя можно сослаться на практически любой европейский режим предвоенной поры). Не может и само государство быть религиозным, так как «носителем веры может быть только личность и Церковь, но не государство, которое по своей природе арелигиозно»⁴³.

Взгляды Троицкого на место права в Церкви рождались им в неявной полемике с еще одним своим кафедральным преемником (в Парижском богословском институте) — прот. Н. Афанасьевым. Догматическое учение о Церкви, считает Афанасьев, воплощается в исторических формах церковной жизни. Однако это воплощение никогда не бывает полным, а всегда лишь относительным, поэтому исключается возможность некоей идеальной канонической формы. Признание существования такой идеальной формы означало бы недолжную абсолютизацию относительного, каковым является историческая ткань Церкви. Таким образом, соотношение между историческим бытием Церкви и ее сущностью таково, что историческое бытие есть та форма, в которой пребывает сущность⁴⁴. Место церковного права в такой перспективе достаточно проблематично. На подобные обвинения Троицкий отвечает указанием на слова Самого Спасителя об исполнении Им закона (Мф. 5, 17). Поэтому юридическая аксиома о необходимо правовом характере любого общества применима и к Церкви.

Профессор Троицкий соединяет предшествующую традицию с той, которую должна отстаивать церковно-правовая наука в современных духовных школах. Это — экклезиологическое понимание права, определяющее и общий характер этого предмета, и его специфику. К этому ученому как живому отражению русской церковной истории XX века можно по праву отнести слова комментатора к Фотиеву Номоканону. Он стоит в одном ряду с теми, кто «словом канонов — планет и звезд

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ В развернутом виде эти взгляды выражены прот. Н. Афанасьевым в работах: Каноны и каноническое сознание // *Путь* 39. 1933. С. 81–92; Неизменное и временное в церковных канонах // *Живое предание: Православие в современности*. Париж, 1937. С. 92–109.

неподвижных от века, Как и законами, мира стези озарившими ясно, Божий завет осветили разумным своим объяснением»⁴⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ
*CURRICULUM VITAE*⁴⁶

Троицкий Сергей Викторович, сын наставника Томской духовной семинарии Виктора Ильича Троицкого, родился 14 (26) марта 1878 г. в г. Томске, в 1891 г. окончил Духовное училище, в 1897 г. — Духовную семинарию в г. Твери, в 1900 г. — Петербургский Археологический институт со званием действительного члена Института (диплом от 10 мая 1900 г. № 269), в 1901 г. — Петербургскую духовную академию со степенью кандидата-магистранта (дипл. № 1250), 27.5.1913 г. в Киевской духовной академии получил степень магистра богословия — диплом № 1851, нострификованный 2.4.1924 Советом Белградского университета как докторский. 29 декабря 1961 года Советом Московской духовной академии удостоен степени доктора церк. права.

С 1.9.1901 г. — надзиратель, с 17.3.1902 до 12.5.1915 г. — преподаватель Александро-Невского духовного училища в Петербурге, с 29.9.1906 г. причислен к Канцелярии обер-прокурора Св. Синода с назначением членом редакции «Церковных Ведомостей», а в 1917 г., во время Собора Русской Церкви, назначен помощником редактора этого журнала, в 1909 г. — член Комиссии при Учебном комитете Св. Синода по древним языкам, в 1910 г. — член Сопещения по вопросу об организации Русской Церкви за границей, 17.3.1910 г. командирован с научной целью в Болгарию, Сербию и на Афон, в 1912 г. назначен членом Издательской комиссии Училищного совета

⁴⁵ Пер. с греч. *Д. П. Шестакова // Нарбеков В.* Номоканон патр. Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2. Каз., 1899. С. 1.

⁴⁶ Текст публикуется по экземпляру, хранящемуся в библиотеке г. Панчево (Сербия), сверен с вариантом, хранящимся в Архиве МДА (разночтения отмечены в сносках).

и командирован в Германию для изучения издательского дела в Католической Церкви, 16.5.1913 г. командирован на Афон по делу ереси имябожников, а 18.2.1914 г. — в Москву по тому же делу, 19.11.1913 г. назначен членом и делопроизводителем Издательского совета при Св. Синоде, 12.5.1915 г. назначен чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, в 1917 г. командирован на Кавказ по делу о созыве Собора Русской Церкви, а во время Собора состоял делопроизводителем его канцелярии (1917—1918) и в 1918 же году был начальником кодификационного отдела канцелярии Собора Русской Церкви в Киеве. В 1919—1920 гг. был приват-доцентом Новороссийского университета по кафедре церковной истории.

25.1.1920 г. эмигрировал в Югославию, где с 24.4.1920 г. был гонимый, с 30.12.1922 г. — экстраординарный и с 26.2.1929 г. — ординарный профессор юридического факультета Белградского Университета (до 6.4.1941 г. в Суботице и до 6.11.1945 г. в Белграде) по кафедре церковного права, а вместе с тем в 1937—1943 годах — гонимый профессор Богословского факультета в Белграде по той же кафедре. В учебном 1934/35 г. был деканом юридического факультета в Суботице. В 1938 г. был членом Конференции представителей университетов Югославии по составлению Устава юридических факультетов. 28.10.1937 г. Министерством Просвещения назначен членом-заместителем Комиссии для производства экзаменов на звание профессора, а 22.2.1941 г. Министерством Юстиции назначен членом Комиссии для составления проекта закона о смешанных браках⁴⁷. Начиная с 1948 г. работал в качестве сотрудника Сербской Академии Наук, в изданиях которой поместил несколько своих научных работ, в 1950 г. был командирован Академией в Сараево и Герцеговину, а в 1951 г. в Дечанскую лавру для изучения старославянских рукописей, с 21.10.1951 г. до 1961 г. был членом Комиссии Академии по изданию Кормчей св. Саввы, а с 24.6.1952 г. — и секретарем этой Комиссии, 5.12.1953 г. избран членом Отдела для издания источников сербского права XIX века.

⁴⁷ Приписано от руки на сербском: «Призионисан 6.11.1945 г. одлуком Мин. Просвете бр. 4086».

3.12.1925 г. Архиерейским Собором Сербской Церкви был избран ее экспертом по каноническим вопросам и в этой должности принимал участие в составлении проекта Закона о Сербской Православной Церкви, ее Устава и брачных правил, в ее защите от попытки Константинопольской Церкви подчинить себе епархии и приходы Сербской Церкви вне Югославии, в борьбе против решения югославянского правительства заключить конкордат с Ватиканом, в защите Сербской Церкви против претензий немецкого оккупатора, в подготовке ее участия на Родосской конференции и т. п.

Вне Югославии С. Троицкий в 1928 г. и 1930 г. преподавал церковное право в Русском богословском институте в Париже (но прекратил связь с Институтом, когда он самочинно перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии)⁴⁸. В апреле и мае 1929 года в качестве эксперта по каноническим вопросам защищал в судах США имущество более 100 приходов Русской Православной Церкви от посягательства «митрополита» Живой церкви Кедровского. С 20 мая 1947 года и в 1948 г. служил профессором по кафедре церковного права в Московской духовной академии и в эти же годы состоял членом Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии⁴⁹. В июле и августе 1956 г. по поручению Сербской Академии Наук изучал в Ленинской библиотеке и Историческом музее в Москве и в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде рукописи Кормчей, о чем представил доклад Академии, опубликованный в «Гласнике Академии» (1957. Кн. VIII, 2. С. 233–240).

С 2 по 28 мая 1958 г., по приглашению Московской Патриархии, был в Москве и Загорске, где в это время праздновалось сорокалетие восстановления Патриаршества в Русской Церкви, и работал в библиотеках Ленинской (рукописи Устюжской, Иоасафовской и Троицкой Кормчих) и Исторического Института (рукописи Кормчих Ефремовской и Уваровской), а также и в редакции «Журнала Московской Патриархии».

⁴⁸ Взятая в скобки фраза зачеркнута, но присутствует в экземпляре Архива МДА.

⁴⁹ В экземпляре Архива МДА добавлено: «но в 1949 году был лишен возможности продолжать там службу по политическим причинам».

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

С 28 сентября до 14 октября 1961 г., по приглашению Председателя Отдела внешних сношений Патриархии Архиепископа Никодима в связи с Родосской Конференцией, был по церковным делам в Москве, Загорске и Ленинграде и работал в Редакции «Журнала Московской Патриархии».

Начиная с 15 июня 1962 года состоял «сполашним сарадником» (внештатным сотрудником) Исторического института Сербской Академии наук и уметности (искусств)⁵⁰.

ЛИТЕРАТУРА

Павлов 2002 — Павлов А. С. Курс церковного права. СПб., 2002.

Суворов 2004 — Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004.

Троицкий. Лекции — Троицкий С. В. Лекции по Церковному праву. Машинопись. 113 с. (Архив МДА).

⁵⁰ На более раннем экземпляре Архива МДА стоят подпись и дата: «Троицкий. 7.12.1961. Белград».

АРХИМАНДРИТ МАКАРИЙ (ВЕРЕТЕННИКОВ)

ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК
ПРОФЕССОР ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
ШАБАТИН

В начале нового 1972/73 уч. года, когда я поступил в Семинарию, в Духовной школе произошло немало перемен. 3 сентября в Елоховском соборе была совершена хиротония доцента Академии архимандрита Анатолия (Кузнецова) во епископа Виленского и Литовского. На престольный праздник Покрова Пресвятой Богородицы в академическом Покровском храме инспектор архимандрит Симон (Новиков) был рукоположен во епископа Рязанского и Касимовского. Вместо него обязанности инспектора стал исполнять иеромонах Александр (Тимофеев). Осенью архимандрит Евлогий (Смирнов) стал экономом объединенного хозяйства Лавры и Академии. 11 октября новым наместником Троице-Сергиевой Лавры стал архимандрит Иероним (Зиновьев).

Так одних Господь призывал к высшему служению в Церкви, а в то же время других призывал в иной мир. Мне навсегда запомнилось, как однажды в конце воскресной Литургии в академическом храме отец Александр объявил печальную новость — о кончине профессора Академии Ивана Никитича Шабатина. После этого была совершена панихида по почившем, пели три академических хора. Это было 5 ноября 1972 г. Почтенный профессор скончался на 74-м году жизни. Он родился в 1898 г. в городе Боброве Воронежской губернии в семье служащего. Первоначальное образование получил в Воронежский первой гимназии, которую окончил в 1916 г. с серебряной медалью.

В 1916 г. он стал работать в газете «Воронежский телеграф», чтобы было чем прокормиться, и одновременно изучал богословские дисциплины в объеме Духовной семинарии. В 1917 г. по благословению архиепископа Воронежского и Задонского Анастасия наш будущий

профессор экстерном сдал экзамен за курс Духовной семинарии. Затем он поступил в Дерптский университет, который в те годы был эвакуирован в Воронеж. Окончить его не удалось, в 1919—1921 гг. Шабатин служил в Красной армии. Однако демобилизован был из армии по болезни и затем поступил в Киевский университет. В 1923 г. окончил исторический факультет Киевского университета, затем год проходил спецсеминар по историческому источниковедению при Академии наук УССР.

Еще будучи студентом университета, занимался педагогической работой в средних школах и на рабфаках Киева. Затем в 1924—1926 гг. преподавал историю классово́й борьбы в институте в г. Белая Церковь и одновременно был заведующим Окружным архивным управлением в г. Белая Церковь. Кроме того, в 1925—1928 гг. служил преподавателем истории эпохи феодализма на Высших трехлетних педагогических курсах. Затем он преподавал в Житомирском пединституте и был заведующим Краевым историческим архивом в г. Житомире (1928—1929 гг.). В мае 1929 г. был избран действительным членом Исторического общества Нестора Летописца при Украинской академии наук. В мае—июне 1929 г. в качестве эксперта был включен в состав делегации, работавшей в Паритетной советско-польской комиссии по распределению архивных фондов между СССР и Польшей. В 1930 г. он был заведующим Крымцентрархива¹. В 1931 году И. Н. Шабатин впервые расшифровал ряд документов на половецком языке, хранившихся в Киевском архиве древних актов.

После этого мы видим И. Н. Шабатина в Белоруссии. Он заведует кафедрой исторических наук в Центральном институте повышения квалификации кадров народного образования БССР в Минске (1932—1934 гг.). В 1932 г. по представлению Института истории АН БССР был удостоен звания профессора. Старший научный сотрудник, заведующий сектором вспомогательных исторических дисциплин в институте истории АН БССР (1932—1934 гг.). В 1933—1934 гг. руководил аспирантурой при Академии наук БССР по историческому

¹ В это же время он публиковал рецензии на Бюллетени, издававшиеся архивными управлениями Сибири, в Казахстане, на Северном Кавказе.

источниковедению, а также был научным консультантом Центрального архивного управления БССР².

Заместитель начальника Центрального архива управления Крыма по научной части в 1929–1932 гг. Профессор истории СССР до XIX столетия в Крымском пединституте в Симферополе: 1934–1937, 1940–1941 гг. Руководитель лекторской группы Всесоюзного комитета по делам искусств в Москве в 1937–1940 гг.

В годы войны он уже профессор, заведующий кафедрой Исторических наук в Педагогическом институте в Костроме (1941–1946 гг.). Затем был консультантом и заместителем директора по научной части в Костромском краеведческом музее. Иван Никитич имел различные поощрения на гражданской работе: благодарности, денежные премии, медали.

Начиная с 1944 года в «Журнале Московской Патриархии» появились его публикации. Как свидетельствует А. И. Георгиевский, его друг А. А. Савич отзывался с большой похвалой о трудах нового автора. Затем митрополит Крутицкий Николай пригласил его преподавать в Московских духовных школах. С 12 сентября 1946 года И. Н. Шабатин в звании профессора стал читать лекции по истории Русской Церкви, истории славянских Церквей и Конституции СССР. Проникнутый благочестивым настроением, он написал прошение о монашеском постриге, которое, однако, не было принято Святейшим Патриархом Алексием I³. Это было время становления Духовной школы, возобновления ее

² О И. Н. Шабатине в это время упоминает М. Ф. Шумейко (*Шумейко М. Ф. Подготовка историков-архивистов в Беларуси: история и современность // Архівізнаўства. Археалогія. Джерэлознаўства. Вып. 5. Кіев, 2002. С. 161–171*).

³ В архиве Духовной академии сохранилась резолюция Святейшего Патриарха Алексия I от 12.2.1947, положенная на прошение о постриге И. Н. Шабатина: «Монашеству предшествует искус, что, по-видимому, неизвестно И. Н. Шабатину. В данном случае этим предварительным искусом может быть длительное прохождение прямой должности — чтения лекций по истории Церкви, во время которого выяснится для нас личность ищущего монашества, до сего времени нам очень мало известная, а также и степень его готовности явить и теперь и в будущем полное послушание — главную добродетель иночества...» (Разное. ЖС ПБИ за 1944–1947 гг. С. 90). Видно, что мотивацией для отказа были не личные недостатки профессора, а незнакомство с ним Первоиерарха Русской Церкви. Из других писем и рапортов выясняются еще

учебного процесса, а в 1948 г. последовал переезд ее из Новодевичьего монастыря в Москве в Троице-Сергиеву Лавру.

За время преподавания профессор составил ряд конспектов по историческим дисциплинам, по которым учились студенты Семинарии и Академии. Он был научным руководителем у студентов, писавших курсовые работы при окончании Академии, а также проверял семестровые сочинения. «При оценке рецензируемого сочинения употреблялось такое правило: вначале, при первом чтении, говоря образно, нужно было “пыль веков от хартий отряхнуть”, затем более подробно проанализировать содержание сочинения и тогда, как уже следовало хозяину своего дела, со спокойной совестью дать соответствующий письменный отзыв».

Преподавательская деятельность профессора сочеталась с интенсивной научной деятельностью. «Во имя служения Русской Церкви на поприще изучения ее истории Иван Никитич не знал усталости. К примеру сказать, что на исследование вопроса, касающегося даже детали какого-либо отдельного факта из русской церковной действительности, он тратил уйму времени. Он изучал и пересматривал все, что относилось к тому или иному церковно-историческому вопросу, привлекал, когда нужно, рукописи и архивные материалы, чтобы получить хотя бы крупицу желаемых результатов», — отмечает профессор А. И. Георгиевский. Автографы профессора написаны мелким «дореволюционным» почерком. Свои многочисленные труды он печатал сам «двумя пальцами», как говорил о себе профессор.

На торжественных академических актах, в праздник Покрова, он дважды произносил речи: в 1959 году на тему «Киевская и всяя Руси Митрополия в 1378—1390 гг. (от кончины святого Митрополита

дополнительные подробности относительно пострига, который был предложен Шабатину митрополитом Крутицким Николаем, который и пригласил его преподавать в Московской духовной академии. Настроенный на принятие монашества, профессор просил Святейшего Патриарха назначить день пострига на среду 20 марта ст. ст. 1947 г.: «... в память преп. Никиты наречь мне имя “Никита”, под коим я в качестве псевдонима работаю в церковной печати». В двух прошениях рядом с именем «И. Н. Шабатин» указывался данный псевдоним с фамилией «Никита Волянский» (Там же. С. 91—93). — *Ред.*

Алексия до вступления на Митрополию Митрополита Киприана)»; и в 1967 году — «Пятьдесят лет возрождения Патриаршества в Русской Православной Церкви».

В 1968 г. он подал прошение на имя ректора с просьбой освободить его от уроков в четвертом классе Семинарии, где изучался Синодальный период, с поручением этих уроков профессорскому стипендиату А. И. Просвирину⁴. В поздравительном — по случаю 70-летия профессора — письме, датированном 7 июня 1970 г. и за подписью ректора, инспектора и секретаря Совета, говорится: «Мы счастливы отметить, что на протяжении более двадцати лет Вы, один из старейших членов академической корпорации, отдаете свои богатейшие знания и огромный педагогический опыт нашим учащимся и своими научными трудами вносите вклад в церковно-историческую науку. Все мы знаем и глубоко уважаем Вас как человека большой души и прекрасного товарища».

В 1970 г. на праздник апостола Андрея (память 30 ноября/13 декабря) Одесская духовная семинария отмечала 25-летие своего возрождения. «Приветственный адрес от Московских духовных школ прочитал профессор И. Н. Шабатин. В дар Одесской семинарии Московская духовная академия передала старинную икону Божией Матери «Знамение»⁵. Это было время, когда после кончины патриарха Алексия I Патриаршим Местоблюстителем был Крутицкий митрополит Пимен. Позднее Совет Московской духовной академии выразил благодарность профессору И. Н. Шабатину за «участие в работах по подготовке и проведению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года», на котором был избран патриарх Пимен. Преподавательская и научная деятельность профессора была отмечена Патриаршими наградами: Святейший Патриарх Алексий I наградил его орденом князя Владимира II степени, патриарх Пимен — Патриаршей грамотой.

По воспоминаниям супруги профессора, Елены Алексеевны, в общении с людьми он зажигал всех своим весельем, «рассказывая о встречах с друзьями 30-х годов — Е. Петровым и И. Ильфом. Зная

⁴ Позднее он принял монашество — архимандрит Иннокентий († 12.7.1994).

⁵ *Агафангел, архим.* Юбилейный годичный акт в Одесской духовной семинарии // ЖМП. 1971. № 2. С. 18.

в совершенстве украинский и белорусский языки, любил литературные произведения братских народов. Был лично знаком с Павло Тычиной и Александром Корнейчуком, Расулом Гамзатовым». Иван Никитич «любил Малый театр, в 20-е и 30-е гг. работал по совместительству художественным руководителем Южной группы советских цирков, возглавлял театры, был поэтом — некоторые из его стихотворений, положенные на музыку, до сих пор известны».

Профессор очень любил Духовную академию и все ее руководство «за прекрасное управление» и называл — РИС. Это — Ректор архиепископ Филарет, Инспектор архимандрит Симон и Секретарь протоиерей Алексей Остапов. Незадолго до свой кончины, на праздник Воздвижения Креста Господня, И. Н. Шабатин молился в московском храме пророка Илии в Черкизове. После Литургии он общался с А. И. Георгиевским. Заслуженный профессор затем вспоминал: «Иван Никитич чувствовал себя превосходно и, как всегда, был добродушен и остроумен, однако ритм нашей беседы как-то неожиданно прерывался из-за возвращения Ивана Никитича к одному и тому же вопросу: кто будет преемником по его кафедре и как он сожалеет, что никого не подготовил в преемники».

5 ноября 1972 года И. Н. Шабатин скончался. Его отпевание в Новодевичьем монастыре возглавил Ректор Академии архиепископ Дмитровский Филарет. «Отпевали покойного в Новодевичьем монастыре, куда направились на автобусе двадцать человек учащихся, в том числе иподиаконы, певчие. Чин отпевания возглавил архиепископ Филарет в сослужении академического духовенства»⁶. В надгробном слове от лица учащихся диакон Зотик Якимчук, студент четвертого курса Академии, отметил: «В свои преклонные годы Иван Никитич был необыкновенно оптимистичен, прост и общителен. Постоянным спокойствием веяло всегда от его облика. Долгую жизнь прожил Иван Никитич Шабатин и до своего смертного часа сумел сохранить молодость своей души. Это подсознательно нами, студентами, чувствовалось. Не потому ли так поразило нас всех известие о его отшествии ко Господу».

⁶ Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. СПб, 2005. С. 365.

24 ноября 1972 г. состоялось заседание Совета Академии, посвященное почившему профессору И. Н. Шабатину. Администрация, профессора, преподаватели, учащиеся, родные Ивана Никитича, сотрудники Духовной школы собрались в актовом зале Академии. Ректор Академии, архиепископ Филарет, в самом начале подчеркнул значение в своей жизни И. Н. Шабатина: «Он был моим учителем с 1-го класса Семинарии. Он мой коллега, товарищ и советник по многим вопросам — педагогическим, научным. И для большинства членов нашего ученого совета он прежде всего наставник». Секретарь совета Академии протоиерей Алексей Остапов зачитал некролог почившего профессора. О его трудах сделал сообщение преподаватель священник Вадим Смирнов, поделился своими воспоминаниями о почившем профессор А. И. Георгиевский. По мнению К. Е. Скурата, многочисленные труды Ивана Никитича «сплетают ему лавровый венок». К молитве как дару любви к почившему профессору призвал Алексей Ильич Осипов. Выступили также профессорский стипендиат, клирик Болгарской Церкви иеромонах Иосиф и от лица студентов — иеромонах Елевферий (Диденко). Исполняющий обязанности инспектора иеромонах Александр зачитал телеграммы, присланные в Академию с соболезнованием в связи с кончиной профессора И. Н. Шабатина. После речи архиепископа Питирима все пропели «Вечную память» новопреставленному.

В некрологе, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии»⁷, приведена обширная библиография почившего профессора. Это его статьи, опубликованные в «Журнале Московской Патриархии», в «Православном вестнике», в «Вестнике Русского Западно-европейского Патриаршего Экзархата» и в «Stimme der Orthodoxie». Указаны также статьи, опубликованные в греческой «Религиозно-нравственной энциклопедии», перечислены отзывы на докторские и магистерские диссертации, а также актовые речи в Академии. Следует также отметить, что некоторые свои статьи профессор публиковал под псевдонимом «Никита Волнянский».

⁷ Светлой памяти профессора Ивана Никитича Шабатина // ЖМП. 1973. № 1. С. 21–23.

В личном академическом деле профессора И. Н. Шабатина имеется библиография, составленная им самим, которую приводим ниже, сохраняя по возможности авторский стиль.

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ И ПОДГОТОВЛЕННЫХ
К ОПУБЛИКОВАНИЮ РАБОТ И. Н. ШАБАТИНА

1. На церковно-исторические темы:

1. Памяти скромных патриотов // ЖМП. 1944. № 3. С. 42–44.
2. Русское православное духовенство в Отечественной войне 1812 г. // ЖМП. 1944. № 5. С. 32–35.
3. Еще о великом патриоте Земли Русской Патриархе Гермогене // ЖМП. 1944. № 8. С. 19–23.
4. Преподобный Сергей Радонежский // ЖМП. 1944. № 9. С. 23–26.
5. Созвездие великих ревнителей объединения Руси // ЖМП. 1945. № 4. С. 11–18.
6. Великий христианин, просветитель XVI века Максим Грек // ЖМП. 1945. № 6. С. 57–64.
7. Преподобный Нестор летописец — отец истории Руси // ЖМП. 1945. № 9. С. 56–65.
8. Незабвенный поборник Православия в Белоруссии (Памяти архиепископа Георгия Конисского) // ЖМП. 1946. № 2. С. 20–29.
9. Архиепископ Феофан Прокопович и его время // ЖМП. 1946. № 3. С. 38–43; № 4. С. 61–72.
10. Великая общерусская святыня. Троицкая Сергиева Лавра в прошлом и настоящем // ЖМП. 1946. № 5. С. 28–36; № 6. С. 33–39.
11. Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий // ЖМП. 1946. № 7. С. 35–47.
12. Великий благовестник XVIII века святитель Тихон Задонский // ЖМП. 1946. № 8. С. 38–49.
13. Митрополит Иосиф Семашко и его деятельность (рукопись в редакционном портфеле ЖМП).

14. Всероссийский Патриарх Никон (рукопись в редакционном портфеле ЖМП).
15. Русь — хранительница Православия. Эволюция идеи «Москва — третий Рим» в ее церковном истолковании (рукопись в редакционном портфеле ЖМП).
16. Возможности теоретических рецидивов обновленчества (К вопросу о живучести лжетеоретических корней). Рукопись.
17. Святыни Костромы (рукопись в редакционном портфеле ЖМП).
18. Классик украинской поэзии Тарас Шевченко как православный христианин (рукопись объемом 6—7 печатных авторских листов).

*II. На темы исторического источниковедения
и архивоведения:*⁸

1. Некоторые итоги опыта систематизации архивов в необычных условиях. — Научная статья // Архівна справа: на укр. яз.: сборник. 1927.
2. Архивные фонды «Казенных палат» как историко-экономический источник. Научная статья // Архівна справа: на укр. яз.: сборник. 1928.
3. Научная систематизация архивных материалов, отложившихся в безрегистрационных системах. Брошюра. 1929.
4. Принципы и приемы использования архивно-документальных материалов в театральной и кино-драматургии. Серия научных статей // Архівна справа: сборник. 1929—1930.
5. Как нам удалось установить и дешифровать документы XII века на половецком языке. Рукопись стеклографически размноженная. 1931.
6. Особенности состава и приемов научной разборки классификации архивных материалов периода гражданской войны. Брошюра. Симферополь. 1930.
7. Перспективное планирование научной обработки архивных фондов. Научная статья // Архивное дело: журнал. 1929.
8. Архивы Крыма как источник по истории украинского народа. Научный обзор // Архівна справа: на укр. яз.: сборник. 1930.
9. Восстание декабристов в свете новых архивных данных. Научная ста-

⁸ Перечень не полон, не менее 10 работ не учтены за неимением под руками сведений. — Прим. И. Н. Шабатина.

- тя // Академический юбилейный сборник Украинской Академии наук. 1926.
10. Новые архивные материалы по истории украинской культуры и народного быта XVII—XVIII вв. Отдельная книжка. 1928. То же: ²1935.
  11. Против «тезисов» голландской школы архивоведения. Текст доклада на международном историческом конгрессе в Варшаве (14.9.1936).
  12. Наша новая система классификации архивных материалов XVI—XIX в. Научная статья // Архивное дело: журнал. То же // Польский архивный журнал. То же // Французский архивный сборник. То же // Голландский архивный журнал. 1932—1933.
  13. Курс археографии (для исторических факультетов государственных университетов). Минск, 1941. Книга напечатана в 1941 г. в Минске, 20/VI 1941 г. вышли только сигнальные экземпляры, остальной тираж погиб при бомбежке Минска 22 и 23/VI 1941 г.
  14. Приходские летописи, клировые ведомости и книги южно-русских епархий как исторический источник. Отдельный оттиск из: Труды Волинского научного общества краеведения. 1929. Т. 2.
  15. Работа с фамильными и вотчинными архивами. Оттиск из: Труды Крымского общества истории, археологии и этнографии. Т. 24. 1931.
  16. Источниковедение позднего западноевропейского и русского средневековья. Стенограмма факультативного курса, читанного в Тамбовском, Симферопольском и Минском пединститутах и Средне-Азиатском университете в 1935—1937 учебном году.

III. На темы гражданской истории:⁹

1. Эпизоды из истории русско-польских отношений XVIII в. // Сборник Украинской Академии наук. За 100 лет. 1925.
2. О происхождении фамилий восточно-православного духовенства. Осталось в рукописи.
3. Очерки по истории сахарной промышленности на Киевщине. Брошюра на украинском языке. 1926.

⁹ Перечень не полон, ряда небольших по объему работ — не помню, и авторских экземпляров нет под руками, вследствие гибели моей библиотеки в Симферополе. Да и подробный перечень, составленный в 1943 г., похищен вместе со многими документами при пожаре у меня личных вещей в 1945 г. Со временем восстанавливаю. — *Прим. И. Н. Шабатина.*

4. Октябрьская революция и гражданская война на Белоцерковщине. Брошюра на украинском языке. 1927.
5. Восстание Черниговского полка в 1825 г. Исторический очерк // Глобус: журнал. 1927.
6. Борьба за Крым со второй половины XVIII в. до 1920 г. В переводе на татарский язык. 1930—1931. 10 печатно-авторских листов.
7. Партизанская борьба весной 1919 г. на Керченском полуострове. Брошюра. 1931.
8. Крым в 1919—1920 гг. Научно-популярная статья // Революция в Крыму: сборник. 1934.
9. Черносотенные погромы 1905 г. на Волыни. Историческая статья // 1905-й г. на Украине: сборник.
10. Система хозяйственного и финансового устройства Гетманской Украины (XVI—XVII в.). Осталась в рукописи. Частично опубликована (примерно ¼ часть) в «Ученых записках Одесского Университета. 1934—1939».
11. Очерки по истории г. Житомира. Брошюра. 1930—1931.
12. Краткий очерк по истории г. Евпатории. Брошюра. 1932.
13. Очерки по истории Костромской области. Печатается.
14. Ярославцы в борьбе за Родину. Научно-популярная брошюра в 3-х небольших вып. 1944.
15. Костромской льнокомбинат им. Ленина за 80 лет. Печатается.

*Можно отметить также некоторые статьи,
не указанные автором:*

1. З минулого і сучасного архівної справи КримАССР // Радянський архів. 1931. Кн. 3 (18). С. 16—28.
2. К учреждению полицейского надзора над А. Желябовым // Бюллетень Центрального архивного управления Крымской АССР. 1931. № 1. С. 29—30.
3. Попечительный комитет об иностранных поселенцах южного края России // Бюллетень Центрального архива Украины Крымской АССР. 1932 № 2 (8). С. 19—25.
4. Картотека архивных материалов Крымцентрархива по истории гражданской войны // Центральный архив Украины Крымской АССР. 1932. № 3 (9). С. 16—28.

ИГУМ. ДИОНИСИЙ (ШЛЕНОВ)

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ В МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

Научный анализ по необходимости разрушает литературное целое... Оттого одно чтение искусно выбранных отрывков дает учащимся более живое понятие об изучаемом авторе, чем многотомное исследование о нем...¹

Св. муч. Иоанн (Попов)

С 1685 года, времени основания Славяно-греко-латинской академии, древние классические языки стали неотъемлемой частью высшего духовного образования в России, а в дальнейшем — и многих отраслей светского образования; они преподавались в духовных училищах и семинариях, в академиях, а также в гимназиях² и университетах³. В России в различные исторические эпохи по-разному относились к древним языкам: в XVII—первой трети XIX в. они были живыми языками преподавания, со второй трети XIX в. вплоть до революционных потрясений начала XX в. — мертвыми языками, на которых, тем не менее, осуществлялось глубочайшее приобщение духовной культуре прошлого, во второй половине XX в. им пришлось влачить жалкое существование в условиях временного торжества воинствующего атеизма,

¹ ЖС МДА за 1901 г. // БВ. 1902. Т. 1. № 2. С. 59 (3-я пагин.).

² Подробнее о преподавании классических языков в гимназиях см. в книге: Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII—XX вв. М., 2002.

³ См., напр.: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории России. М., 2009, — где, в частности, упоминается о преподавании И. В. Л. Мельманом греческой и латинской словесности на философском факультете Московского университета в конце XVIII в. (см. с. 354–355).

идеологи которого планомерно пытались уничтожить вместе с духовностью Православия и классическое образование. В нашей статье более подробный акцент будет сделан как раз на преподавании классических языков в Московской духовной академии в наименее изученную советскую эпоху⁴, но для более рельефного представления об этом необходимо сделать хотя бы краткий экскурс в дореволюционное время.

I. ТРАДИЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ ДО 1917 Г.

1. Древние языки в XVIII в.

Одной из самых сильных сторон духовного образования новоустроенной Академии стала его трехчастная иерархическая схема, согласно которой учащиеся должны были сначала изучить филологические дисциплины, затем философские и лишь на третьем, самом высшем, уровне заняться изучением богословия⁵. Данная схема достаточно ясно была прописана уже в Духовном регламенте Петра I⁶. Филологическая подготовка включала в себя систематические занятия грамматикой,

⁴ Насколько известно, по данному вопросу не существует ни одной публикации. В архиве МДА хранится неопубликованная машинопись Н. Н. Ричко «Учебное дело Московской духовной академии с 1955 по 1964 учебный год», в которой даются краткие данные о преподавании классических языков в указанный период (греческий язык: с. 206–212; латинский язык: с. 212–219).

⁵ Ср. подобный план занятий в начале XIX в., когда семинарский курс разделялся на словесные, философские и богословские науки, на изучение которых отводилось по 2 года (Проект Устава 1814. С. 46–47).

⁶ Общий план духовного образования в XVIII в. по Духовному регламенту:

1. Фара. Здесь учили читать и писать по латыни.

2. Инфима. Первые грамматические правила славяно-русского и латинского языка.

3. Грамматика. Первая часть латинской грамматики. Вся славянская. Вместе с географией и историей.

4. Синтаксима. 1 год. Латинский синтаксис. В младших классах занимались переводами Цицерона, Горация и других классических авторов. Катехизис. Арифметика. География и история.

5. Пиитика. 1 год. Русское и латинское «стихотворное учение». Практические упражнения.

пиитикой и риторикой, в результате чего ученики могли не только читать оригинальные тексты, но и самостоятельно составлять их для публичного произнесения. Грамматика уже в младших классах приводила учащихся к чтению серьезных авторов эпохи золотого века латинской литературы; «пиитика» научала их восприятию наиболее сложного поэтического текста; а риторика приобщала традиции античного образования: во второй половине XVIII в. на уроках риторики ученики читали Цицерона, Лактанция и блж. Иеронима, а также речи митрополита Платона (Левшина) и М. В. Ломоносова⁷. В результате в последнем богословском классе они способны были заниматься изучением Священного Писания, творений отцов и постановлений Соборов по греческому подлиннику или, по крайней мере, по их латинскому переводу.

Весь XVIII и начало XIX в. — это время доминирования в школьном обиходе латинского языка, грамматику которого успевали преподавать уже в духовных училищах. Впоследствии знание латыни еще отшлифовывалось за счет постоянного слушания лекций на латинском языке и общения. Однако и преподавание греческого языка во второй половине XVIII в. трудами, прежде всего, митрополита Платона было существенно улучшено⁸. В конце XVIII в. греческий язык становится отдельной дисциплиной, занимающей полноценное место в учебном плане⁹. Еще в 1778 г. по Именному указу в семинариях было усилено преподавание греческого языка и принято «за правило — через три

6. Риторика. 2 года. Красноречие. Практические упражнения.

7. Философия. 2 года. Логика. Физика. Метафизика. Политика.

8. Богословие. 4 года. Священное Писание. Изучение сочинений святых отцов и постановлений Соборов (ср.: *Смирнов 1855*. С. 181).

⁷ См.: *Смолич 1996*. С. 417. Подробнее о программе предметов семинарии 2-й пол. XVIII в. см.: Там же. С. 408—409.

⁸ В 1724—1740 гг. греческий язык преподавался в Греческой школе при Московской духовной академии, с 1738 г. вместе с древнееврейским — в самой Академии. В 1777 г. митрополит Платон организовал в Московской академии два класса греческого языка: для начинающих и для продолжающих (*Смолич 1996*. С. 413). О самостоятельном изучении греческого митр. Платоном (Левшиным) см.: *Смирнов 1855*. С. 256, 257.

⁹ Достаточно типична программа Рязанской духовной семинарии, о которой см.: *Анцев 1889*. С. 119.

года замещать вакантные места на церковной службе преимущественно знающими этот язык»¹⁰. В 1784 г. Св. Синод повелел углубленно изучать в академиях и семинариях греческий язык, сразу же оказавшийся в привилегированном положении: «Из числа языков греческий предпочтительнее другим в оных преподаваем быть долженствует...» — и предоставил особые права «знатокам оного»¹¹. С 1798 г. по определению Св. Синода этот язык стал обязательным для всех студентов академий¹².

2. Базовые курсы древних языков в училищах и семинариях по реформам духовного образования XIX в. — начала XX в.

Преподавание богословских дисциплин, со второй трети XIX в. полностью перешедшее на русский язык¹³, нисколько не уменьшило любви к древним языкам, которые с середины XIX в. стали основополагающим элементом богословского образования на всех его этапах. Исключительная важность изучения древних языков была самоочевидна для большинства преподавателей и учащихся духовных учебных заведений вообще и Московской духовной академии в частности. Так, по мысли знаменитых профессоров МДА Н. Ф. Каптерева, А. П. Голубцова,

¹⁰ По предписанию Синода ученики должны были «не только по-гречески читать, но писать, говорить и переводить совершенно, для чего и учителей определять достойных и знающих, а в списках учащихся и учащихся обозначать, кто из них и как знает греческий язык» (Цит. по: *Агнцев 1889*. С. 118, 119).

¹¹ См.: *Корсунский И.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. СПб., 1894. С. 3, 4.

¹² ПСЗРИ. Т. 25. СПб., 1798. № 18726. См.: *Смирнов 1855*. С. 308.

¹³ Переход преподавания с латыни на русский язык произошел в конце 1830-х гг. Латынь, статус которой был приравнен к другим предметам, по Уставу 1840 г. стала изучаться на 1-м и 2-м курсах семинарий (по 3 и по 2 урока соответственно) (*Смолич 1996*. С. 431). Еще в 1834 г. свт. Филарет (Дроздов) на отчете ректора МДА архим. Филарета (Гумилевского) о ревизии Вологодской ДС написал в поддержку русского языка: «...требовать непременно преподавания богословия исключительно на латинском значило бы требовать неудобного и незнакомым языком останавливать распространение богословских познаний, тогда как и кроме сего владычество в православном богословии латинского языка, прежде языческого, а ныне папистического и протестантского, есть явление недовольно сообразное с духом и целию духовных училищ Церкви восточной» (Дела академ. правления 1834. № 31. Цит. по: *Смирнов 1879*. С. 96)

А. А. Спасского и И. Д. Андреева, «без греческого языка развитие богословских и многих небогословских наук, преподаваемых в Академии, безусловно невозможно»¹⁴.

Внутренняя необходимость знания древних языков для занятия богословскими предметами отразилась в достаточно мирном и позитивно разворачивавшемся ходе реформ духовного образования в XIX — начале XX в., когда греческий и латынь оставались на первом месте в качестве важнейших дисциплин как по числу отводившихся на преподавание древних языков часов, так и по серьезному отношению к ним¹⁵.

Местом начальной, но уже достаточно основательной языковой подготовки оказывалось училище, а семинария должна была максимально закрепить у учеников достигнутые ими навыки. По Уставу М. М. Сперанского и архиеп. Рязанского Феофилакта Русанова (1808 г.) в программу духовных училищ был включен начальный курс классических языков¹⁶: в низшем отделении училища проходила не только грамматика, но также производилось систематическое чтение глав из Евангелия и отрывков из классических авторов¹⁷. По рапорту учителя высшего отделения Касимовского училища студента Николая Восходова от 2 ноября 1823 г., «в течение прошлого октября месяца с учениками высшего отделения пройдено мною: из Корне-

¹⁴ Из Донесения специальной комиссии о результатах предварительного обсуждения вопроса о командировании кандидатов и магистров духовных академий для ученых занятий в Русский археологический институт в Константинополе. См.: ЖС МДА за 1901 г. // БВ. 1902. Т. 3. № 12. С. 326 (5-я пагин.).

¹⁵ Когда митрополит Рязанский Симон в нач. XIX в. был спрошен: «На латинские школы по скольку часов полагать?» — то ответ был таков: «На латинские школы, кои не токмо основание полагают, но и самое здание выводят учености, поелику все знания в подробности оными преподаются, полагать на грамматические классы и на риторику по два часа с половиною, в кое время учитель должен с учениками упражняться в школе; а на философию и богословие по два часа» (Цит. по: *Аглицев 1889*. С. 127).

¹⁶ См.: *Смолич 1996*. С. 422.

¹⁷ Прот. Иоаким Краснов, преподаватель низшего отделения Касимовского духовного училища (Рязанская губерния), в своем отчете за 1823/24 уч. г. отмечал, что помимо занятий морфологией и синтаксисом, а также помимо чтения статей из учебной книжки г-на Каченовского из Нового Завета прочитаны первые три евангелиста целиком и 4 главы от Иоанна, «притом все евангелисты кроме Иоанна также с этимологическим и синтаксическим разбором повторены» (РязГА. Ф. 626. Д. 4. Л. 70 об.)

лия Непота¹⁸ переведены мною полководца Эпаминонда две главы и весь Пелопид. Повторен Алкивиад весь¹⁹... Переведены две главы из Цицерона о должностях²⁰. Три главы из Бредеровой грамматики²¹ и римской истории. Заданы были четыре перевода с русского языка на латинский. Сверх сего задаваемы были мелкие переводы в классе с русского языка на латинский...»²².

По реформе 1808—1814 гг. в семинариях преподавались греческий, латинский, древнееврейский, французский и немецкий языки²³, причем древние — обязательно, а современные — факультативно. Данная разница между древними и новыми языками неоднократно подтверждалась последующими Уставами²⁴. Предполагавшийся уровень преподавания

¹⁸ Ср.: *Cornelius Nepos. De vita excellentium imperatorum: Ad usum gymnasii moscensis.* [Mosquae]: Ex typographia Universitatis, 1762. [32], 187, [46] с.

¹⁹ Перечисляются названия биографий знаменитых греческих полководцев.

²⁰ Ср.: *M. Tullii Ciceronis Libri tres de officiis: с объяснениями рускими слов, речений и мест, могущих затруднять ученика, особливо средних классов, в выражении сочинителя.* В пользу учащихся латинскому языку и словесности. М., 1814. XII, 13—385. [1] с.

²¹ *Bröder Chr. G. Practische Grammatik der lateinischen Sprache.* Frankfurt a. M.; Lpz., 1793 (1787). 24, 491 S. Рус. пер.: Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем, изданная по Бредеру Николаем Бошанским, профессором Императорского Царскосельского Лицея. СПб., 1834. 225, 80 с.

²² РязГА. Ф. 626. Д. 4. Л. 103. Впоследствии в течение всего XIX в. уровень духовных училищ оставался достаточно высоким. В том же РязГА находим программы по греческому языку: 1-е Рязанское уездное и приходское училище за январскую треть 1842 г. — в низшем отделении прочитаны 3 главы ев. Марка (РязГА. Ф. 1280. Д. 187. Л. 80, 80 об.); Зарайское духовное училище (1860/61) — на высшем отделении переведены 11 глав из Деяний апостольских, 10 глав из посланий ап. Павла (РязГА. Ф. 1280 Д. 359 Л. 98 об.); Скопинское духовное училище за сентябрьскую треть 1866 г. — в высшем отделении сделан этимологический разбор 5 глав послания к Евреям (РязГА. Ф. 1280. Д. 411. Л. 24.); Касимовское духовное училище в 1884/5 уч. г. — на 3-м году обучения помимо чтения из хрестоматии Носова и из Анабасиса Ксенофонта, переводов с русского на греческий учениками были экспромтом прочитаны большие отрывки из Евангелия от Луки и Деяний св. апостолов (РязГА. Ф. 1280 Д. 165. Л. 333).

²³ Эти же языки преподавались и в Академии: *Смолич 1996. С. 422.*

²⁴ По Новым правилам 1840 г. иностранные языки должны были изучаться факультативно, что, впрочем, не предполагало добровольности. По Уставу 1884 г. в семинариях классические языки почти что не сократились, в то время как остальные языки

языков в семинариях виден из проекта 1814 г.: «В семинарском учении надлежит только продолжать чтение труднейших Авторов на том и на другом языке. Но чтение сие должно быть продолжаемо неослабно. Здесь должны они навикнуть идиотизмам сих языков и уметь не только литературно их переводить, но перелагать самые красоты их на язык Российский»²⁵. Конечно, в реальной жизни семинаристы не всегда оказывались на высоте не только из-за своей лени, но и по причине недостаточно обеспеченной учебной базы и не совсем последовательной программы²⁶. В одной из семинарий, подведомственных Московской духовной академии, в 1820 г. по учебной книге М. Т. Каченовского²⁷ в низшем отделении учащиеся переводили отрывки из греческих авторов («Гиерокла, Эзопа, Елиана, Полиена, Плутарха, Страбона и Секста Эмпирика»²⁸), в среднем — из Диогена Лаэртция, Стобея, Геродота²⁹ и, наконец, из свт. Иоанна Златоуста³⁰, а в высшем — уже из «Энциклопедии» афинского священника Иоанна Патусы³¹ «Сон» Лукиана и

(французский, немецкий, еврейский) было решено изучать вне классного времени, т. е. факультативно. Обязательное изучение современных языков было восстановлено Уставом 1910/11 г. для семинарий. Иногда древние языки назывались предметами второй группы, но это означало только то, что они относились к группе предметов практических, для усвоения которых требовалась живая связь учителя с учениками, т. е. семинарские занятия.

²⁵ Проект Устава 1814. С. 55.

²⁶ См., например, замечания проф. МДА Ф. А. Голубинского о постановке изучения классических языков в Тульской и Рязанской ДС. В частности, было отмечено: «В переводах с российского языка на латинский и греческий нередко привходят ошибки от того, что некоторые нужные правила не помещены в грамматиках латинской и греческой, употребляемых в училищах» (Смирнов 1879. С. 76–78).

²⁷ Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842). См.: Каченовский М. Т. Учебная книжка древняго греческаго языка / Изданная иждивением и трудами доктора философии и свободных наук при Императорском Московском университете Михаила Каченовскаго. М., 1807. VI, 250 с. В современной библиотеке МДА имеется более позднее издание: М., 1827. 316 с.

²⁸ Скорее всего, по «Учебной книжке» М. Каченовского. Ср.: Каченовский 1827. С. 1–56.

²⁹ См.: Там же. С. 93–95; 96–105.

³⁰ См.: Там же. С. 131–179.

³¹ По данной «Энциклопедии» преподавали и в Московской духовной академии. См. ниже, с. 563.

«Разговоры с царством мертвых»³². Таким образом, как видно по данной программе, учащиеся могли только в середине курса прикоснуться к чтению святоотеческого текста, который являлся всего лишь одним из вспомогательных средств для усвоения греческого языка.

Самой серьезной реформой духовного образования оказалась реформа 1867–1869 гг., проводившаяся под эгидой только что утвержденной (14 мая 1867 г.) высшей инстанции — Учебного комитета. В результате были созданы наиболее благоприятные условия для изучения классических языков: увеличено число часов, повышено качество преподавания, оптимизирована последовательность чтения классических и христианских авторов. Согласно реформе, древние языки стали занимать в четырехлетней программе духовных училищ наибольшее место: греческий преподавался 18 уроков в неделю за все годы обучения, а латинский — 22³³. Перевес латинского над греческим в училище компенсировался обратным перевесом в семинарии, где на греческий было отведено 20 уроков в неделю за все годы обучения, а на латынь — 15. Поскольку продолжительность каждого урока составляла 1 час 15 мин.³⁴, можно легко соотнести число уроков с реальным астрономическим временем: на греческий в семинарии было определено 25 часов в неделю, а на латынь — ок. 17,5 часов³⁵. Типичная программа семинарии того времени состояла из чтения классических авторов (в

³² Имеются в виду «Разговоры в царстве мертвых» (в переводе С. С. Сребрно-го). Ср. более старый перевод: *Разговоры между мертвыми / Выбранные из Лукиана Самосатского и с латинского языка переведенные*. [М.], 1773. 120 с. См.: РязГА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 29. Л. 130–132 об.

³³ По числу часов с древними языками сопоставима только арифметика (11) и русский язык со славянским (11). Священное Писание вместе с катехизисом и литургией составляют вместе 12 часов.

³⁴ «Каждый урок должен продолжаться непременно час с четвертью» (Устав 1867. § 131).

³⁵ Для сравнения: в современной МДС греческий язык изучается три года по 4 часа в неделю, т. е. в «терминологии» сер. XIX в. 12 часов в неделю. Но поскольку продолжительность академического часа составляет всего лишь 35 минут, данную итоговую цифру следует уменьшить вдвое. Таким образом, если в семинарии конца 60-х гг. XIX в. на греческий язык отводилось 20 уроков (25 часов) в неделю, то в 2010 г. греческий преподается всего лишь 6 уроков (7 часов) в неделю за все годы обучения.

течение первых четырех лет) и параллельного чтения Священного Писания и отцов Церкви на двух последних курсах семинарии. Классических авторов читали всегда: чаще всего больше, чем христианских, иногда наравне с ними (1914 г.), иногда и в меньшем объеме³⁶. Всем было очевидно, что чтение классиков — неизбежный этап, оправданный с точки зрения учебного процесса, без которого трудно, если вообще возможно, достичь глубокого понимания святых отцов³⁷.

Табл. № 1. Расписание занятий по древним языкам в духовных училищах по реформе 1867 г. (Общее число предметов — 11)

ДУ: класс	1-й	2-й	3-й	4-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греч.	—	4 ³⁸	5	9	18	1	540
Лат.	8	5	5	4	22	2	840
Рус. яз. с церковнослав.	4	3	3	1	11	1	420

«При изъяснении Священного Писания Нового Завета (в V и VI классах) воспитанники под руководством преподавателя должны прочитывать Евангелия и Апостольские Послания по-гречески»³⁹, — это примечание 1-е к Уставу 1867 г. повергло преподавателей семинарий в недоумение, как за такое ограниченное число часов прочитать весь

³⁶ Например, в Рязанской ДС до 1823 г. читали на греческом по преимуществу классиков, а с 1823 г. до 1840 г. — святых отцов (*Аглицев 1889. С. 223*).

³⁷ Приведем мнение Александра Надеждина, преподавателя латинского языка Рязанской ДС: даже на последнем году изучения латыни «чтение латинских отцов Церкви с целью ознакомления с их писаниями, требующее от переводящих значительного знакомства с латинским языком, по недостаточности сего знания со стороны учеников, на настоящий год (1868) отложено. Посему и в оставшуюся половину настоящего учебного года предполагается перевод того же автора (Горация)». См.: Учебные программы семинарий. Дек. 1867 — февр. 1868 г. (РязГЛ. Ф. 1280. Д. 408. Л. 78).

³⁸ Здесь и далее указывается число уроков в неделю.

³⁹ См.: Устав Православных Духовных семинарий. Б.м., 1867. С. 23–24. Такое стремительное расширение классических языков происходило при непосредственной поддержке Государя; недаром на подлиннике данного Устава он написал: «Бысть по сему» (Там же. С. 1).

Табл. № 2. Расписание занятий в духовных семинариях по реформе 1867 г.
(Общее число предметов — 21)

ДС: курс	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греч.	5	5	5	5			24	2	1800 (имеется в виду на двоих)
Чтение отцов Церкви по-гречески					2	2			
Лат.	4	3	4	4			15	1	1080
Франц. (по выбору самих воспитанников)	2	2	2				6	—	300
Нем.	2	2	2				6	(это входило в нагрузку других преподавателей)	300
Евр.							2 (вне классного времени)	—	150
Изъяснение Священного Писания	2	2	3	3	3	3	16	1	1240

Новый Завет: «Так, <...> в Посланиях Апостольских и Апокалипсисе св. Иоанна Богослова 148 глав — читаем в докладной записке того времени, — а классов, отведенных для прочтения на греческом языке — 110...»⁴⁰. Таким образом, ни у кого не вызывало сомнения, что Священное Писание можно читать целыми книгами, интересовала только техническая сторона дела, а именно, как прочесть положенные тексты в указанное число часов.

Из программы видно, что в старших классах семинарии читали также святых отцов по-гречески, и на это чтение было отведено специальное время в рамках особого предмета. Однако далеко не во всех семинариях смогли достаточно эффективно внедрить эту систему. Поскольку изучение грамматики древнего языка прекращалось уже за два года до окончания семинарии, семинаристы вместо отшлифовки грамматики на богатом и интересном практическом материале очень быстро теряли полученные с таким трудом грамматические знания. К такому выводу пришла комиссия Церковно-практического отделения, изучавшая результаты вступительных экзаменов в Московскую духовную академию в 1876 г.⁴¹. Значительно лучшее знание греческого несомненно связано с тем, что он оставался на последних курсах в виде чтения новозаветных текстов, хотя такое практическое знакомство («по навыку в языке они могут переводить греческую речь») оказывается недостаточным в виду слабости грамматических знаний. Из той же области причина худшего знания латыни: «В последних двух классах семинарии этот язык не преподается»⁴².

Таким образом, можно отметить, что по Уставу 1867 г. усвоение классических языков в духовном училище и семинарии проходило за 8 (латынь) и 7 (греческий) лет со средней нагрузкой около 5 часов, или уроков, в неделю по каждому языку и завершалось чтением Священного Писания (по 3 часа в неделю) и святых отцов (по 2 часа в неделю) на двух последних курсах семинарии.

⁴⁰ Учебные программы семинарий. Дек. 1867 — февр. 1868 г. (РязГА. Ф. 1280. Д. 408. Л. 74).

⁴¹ См.: ЖС МДА за 1876 г. М., 1877. С. 261–262.

По Уставу 1884 г. древние языки полностью сравнились по числу часов в училищах (16 уроков в неделю на каждый язык) и семинариях (14 уроков в неделю каждый язык) с небольшим перевесом в пользу училища⁴³. Также было восстановлено преподавание грамматики греческого и латинского языков на двух последних курсах семинарии по 1 уроку в неделю — за счет чтения Священного Писания и отцов Церкви, которое, к сожалению, было впоследствии упразднено. По сравнению с Уставом 1867 г. несколько сократилось не только число уроков, выделявшихся на древние языки, но и продолжительность урока, составившая 1 астрономический час⁴⁴. Данная тенденция к сокращению древних языков будет прослеживаться и в дальнейшем.

Табл. № 3. Классические языки в духовных училищах по реформе 1884 г.⁴⁵
(Общее число предметов — 11)

ДУ: класс	1-й	2-й	3-й	4-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греч.	—	5	5	6	16	1	1140
Лат.	—	5	6	5	16	1	1140

Табл. № 4. Классические языки в духовных семинариях по реформе 1884 г.
(Общее число предметов — 20)

ДС: курс	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греч.	4	4	2	2	1	1	14	1	1020
Лат.	4	4	2	2	1	1	14	1	1020

Тем не менее, идея чтения авторов и Священного Писания в оригинале на семинарском курсе всегда поддерживалась выдающимися профессорами и учеными, например профессором Н. Н. Глубоковским,

⁴² См.: Там же.

⁴³ Несмотря на сокращение классических языков согласно Уставу 1884 г., по объему они занимают второе место после предмета «Священное Писание» (19 часов в неделю) (Уставы 1888. С. 95–96).

⁴⁴ «Урок должен продолжаться непременно час» (Устав семинарий 1884 г. § 123).

⁴⁵ Классические языки по объему занимают второе место после предмета «Русский язык с церковно-славянским», который преподавался 19 часов в неделю за все годы обучения (см.: Уставы 1888. С. 162).

который в 1896 г. для занятий чтением Нового Завета в оригинале предложил ввести по уроку в неделю в двух последних классах семинарии⁴⁶, или профессором М. Д. Муретовым⁴⁷.

Древние языки оказались в дальнейшем наиболее сокращенными по Указу Св. Синода от 3 сентября 1906 г.: общее число уроков (суммарно по всем курсам) по каждому языку сведено до 10 в неделю за все годы обучения и в училищах, и в семинариях. Но даже в таком случае, несмотря на то что в 5-м и 6-м классах семинарии все языки стали преподаваться факультативно⁴⁸, общее число обязательных часов было, тем не менее, достаточным для того, чтобы приобрести навыки чтения текста за время учебы. Программа по греческому и латинскому языкам Рязанской духовной семинарии за 1914/15 уч. г. достаточно показательна: на первых трех курсах семинаристы читали греческих и латинских классиков, а на 4-м помимо классиков — 3-е слово «О священстве» свт. Иоанна Златоуста и Гимны свт. Амвросия Медиоланского и свт. Григория Великого⁴⁹.

⁴⁶ При этом, по словам Н. Глубоковского, «...крайне нежелательно, чтобы эти уроки — подобно еврейскому и новым языкам — были положены на незанятое время и предоставлялись свободному выбору желающих, причем самый предмет покажется неважным или излишне обременительным, как “сверхсметный”. Он (т. е. Новый Завет, читаемый по-гречески) должен быть обязательным для всех и приходится в штатное время» (см.: ЖС МДА за 1896 г. // БВ. 1897. Т. 1. № 3. С. 29–30 (5-я пагин.)).

⁴⁷ М. Д. Муретов считал совершенно невозможным читать вводные курсы по Ветхому Завету без опоры на оригинальный текст. Слова М. Д. Муретова о невозможности перегрузки от усиления еврейского языка столь же подходят к оправданию классических языков: «Существенного обременения для студентов при введении этой меры последовать не должно, потому что увеличение лекционных часов... вознаграждается существенным облегчением, которое доставляется знанием еврейского языка при занятиях Священным Писанием обоих Заветов...» (ЖС МДА за 1889 г. // ПрибТСО 44. 1889. Кн. 3. С. 29 (4-я пагин.)).

⁴⁸ Уставы Православных Духовных Семинарий и Училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 г., с относящимися к ним постановлениями Священного Синода. СПб., 1908. С. 145.

⁴⁹ См.: Отчеты о предметах в Рязанской духовной семинарии за 1914 г. (РязГА. Ф. 1280, Д. 808. Л. 14–15 (латынь), 12 (греческий)).

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ...

Табл. № 5. Классические языки в духовных училищах по указу Св. Синода от 3 сентября 1906 г. (Общее число предметов — 12)

ДУ: класс	1-й	2-й	3-й	4-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греческий			5	5	10	1	900
Латинский		4	3	3	10	1	900

Табл. № 6. Классические языки в духовных семинариях по указу Св. Синода от 3 сентября 1906 г. (Общее число предметов — 19)

ДС: курс	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	Итого	Число преподавателей	Годовое содержание (руб.)
Греч.	3	3	2	2			10	1	900
Лат.	3	2	2	3			10	1	900

Табл. № 7. Учебный план Рязанской духовной семинарии за 1914/15 г.

РязДС: курс	1-й	2-й	3-й	4-й
Лат.	Цезарь, «О галльской войне» (кн. 6, гл. 13, 14); блж. Иероним, «О знаменитых мужах» (гл. 25, 26)	Цицерон, «Против Катилины» (гл. 1–13); свт. Киприан Карфагенский, «О смертности» (гл. 1–8)	Цицерон, «Тускуланские рассуждения» (гл. 1–8); Лактанций, «Божественные установления» (кн. 6, 10)	Овидий, «Метаморфозы» (отрывок), «Календарь» (Янус и Арион) [«Фасты»] Свт. Амвросий Медиоланский, Гимны; Свт. Григорий Великий, Гимны
Греч.	Ксенофонт, «Анабасис» (кн. 5, гл. 1, 2 выборочно); Лк. 17.	Платон, «Апология Сократа» (гл. 11–17); Деян. 7 и 26	Платон, «Критон» (гл. 11–17); Евр. 1–3	Свт. Иоанн Златоуст, «О священстве» (кн. 3, гл. 6–12), Пасхальное слово. Перевод Херувимской песни и других богослужебных песнопений

Ситуация предреволюционного времени оказалась далеко не самой благоприятной для древних языков, как можно судить по не очень утешительным отчетам о вступительных экзаменах в Академию⁵⁰. Интересно при этом заметить, что падение интереса к древним языкам, особенно проявившееся в 1907, 1908 и 1909 г., достаточно точно совпадает

⁵⁰ См. ниже: Табл. № 10. Вступительные экзамены в Московскую духовную академию. Примечания экзаменационной комиссии. С. 569–572.

по времени с расшатыванием учебной дисциплины в связи с революционными веяниями той эпохи и со значительным ослаблением усердия к богословской науке⁵¹. Один из великих русских филологов Сергей Иванович Соболевский, приглашенный на привилегированных условиях⁵² преподавать в Московскую духовную академию в 1909 г., после проведения очередных вступительных экзаменов пришел к выводу о том, что «преподавание латинского и греческого языков в духовных училищах и семинариях стоит не на должном уровне»⁵³. Профессорский глас вопиющего в пустыне: «...без знания греческого языка так же нельзя быть грамотным христианином, как грамотным русским — без знания русского литературного языка»⁵⁴, — тем не менее оказался услышанным хотя бы в Московской академии и в ближайшие предреволюционные годы принес свои, хотя и скромные, но весьма достойные результаты⁵⁵.

3. Преподавание древних языков в дореволюционных академиях

Переезд Славяно-греко-латинской академии в Троице-Сергиеву Лавру ознаменовался открытием класса еврейского языка 23 октября

⁵¹ По замечанию представителей Учебного комитета. См.: ЖС МДА за 1909 г. // БВ. 1910. Т. 1. № 2. С. 311 (4-я пагин.).

⁵² Ректор МДА еп. Феодор (Поздеевский) успешно ходатайствовал перед митрополитом Московским и Коломенским Владимиром в представлении от 3 октября 1909 года о возможности оставаться жить в Москве, не переезжая в Сергиев Посад: «И думается, что профессор Соболевский, как состоящий уже ординарным профессором Университета, имеет более права, нежели те профессора Академии, кои состоят штатными преподавателями только в Академии, на исключительное разрешение ему, не в пример прочим, проживать в Москве. Лекции его все падают на один день, и он без ущерба для дела может на этот один день приезжать в Посад» (ЦИАМ. Ф. 2296. Оп. 46. Д. 5210. Л. 2—2 об.). С. И. Соболевский был избран э.-орд. профессором Советом Академии 10 декабря 1909 г. (ЦИАМ. Ф. 2296. Оп. 46. Д. 5210. Л. 12).

⁵³ ЖС МДА за 1909 г. // БВ. 1909. Т. 3. № 12. С. 205 (4-я пагин.).

⁵⁴ Там же. С. 203.

⁵⁵ Также и проф. Н. Н. Глубоковский подчеркивал: «...важность новозаветной и вообще священно-библейской греческой филологии, почему-то обойденной в академическом преподавании, не подлежит ни малейшему спору, а ее практическая польза в

1814 г.⁵⁶, который студенты стали изучать наряду с древнегреческим. О значимости латинского языка, который в ту эпоху не преподавался⁵⁷, историк Академии С. К. Смирнов писал, сравнивая старую московскую Академию с новой лаврской: «Старые учебники вместе со схоластикой пали окончательно: на развалинах ее, как свидетель ее минувшей славы, остался один язык латинский; но и тот — освобожденный от уз, навязанных ему схоластикой»⁵⁸. Первым преподавателем греческого стал Г. К. Огиевский, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии⁵⁹. До 1823 г. древнегреческий язык студенты высшего и низшего отделений Академии изучали по «Энциклопедии» Иоанна Патусы⁶⁰, а затем — по специально составленной хрестоматии⁶¹. В низшем отделении более изучали грамматику и греческие диалекты, в высшем — особенности языка Нового Завета и святоотеческих сочинений. В аудитории читались как сочинения классических авторов (Гомера, Геродота, Фукидида), так и святых отцов (свт. Василия Великого, Иоанна Златоуста, Исидора Пелусиота), а в качестве упражнений на дому учащиеся письменно переводили целыми книгами поучения свт. Кирилла Иерусалимского, некоторые творения отцов-каппадокийцев и пр.⁶²

Однако в данный период языки как древние, так и новые занимали в учебном плане Академии далеко не первенствующее место. На низ-

семинариях несомненна...» (ЖС МДА за 1896 г. // БВ. 1897. Т. 1. № 3. С. 28 (5-я пагин.)). Академическое преподавание, ориентированное на классику, не устраивало профессора. Подробнее о разнице Уставов 1884 и 1911 гг. см. ниже, с. 566–567.

⁵⁶ См.: Смирнов 1879. С. 59–61.

⁵⁷ См.: Там же. С. 171.

⁵⁸ Там же. С. 65.

⁵⁹ В период с 1814 до 1870 г. сменилось 24 преподавателя греческого языка, список которых см. в: Смирнов 1879. С. 404–407.

⁶⁰ Ἐγκυκλοπαίδεια φιλολογικὴ εἰς τέσσαρας τόμους διηρημένη Πρὸς χρῆσιν τῶν φιλολόγων καὶ φιλομαθῶν τῆς Ἑλληνικῆς Γλώττης συναρμολογηθεῖσα / Παρὰ τοῦ ἐν Ἱερουσάλαιμ αἰδεσιμωτάτου καὶ λογιωτάτου Ἰωάννου Πατουσάτου ἐξ Ἀθηνῶν νῦν δὲ τὸ τρίτον μετατοπωθεῖσα, καὶ ἐπιμελῶς διορθωθεῖσα. Τ. 1–3. Ἐνετίησιν, 1778 (Πετρόπολις: ἐν τυπογραφίᾳ τῆς Ἀκαδημίας, 1811–1822).

⁶¹ Ср.: Учебная греческая книга, составленная из отличных сочинений отцов, содержащая в себе I. Защищения. II. Учение умозрительное. III. Учение деятельное. IV. Поучения. М., 1825. 458 с.

⁶² Смирнов 1879. С. 61–62.

шем отделении греческий язык преподавался 8 уроков в неделю за все годы обучения, на высшем — 6⁶³, в то время как самые важные предметы — философия и богословие — преподавались по 50 и по 45 уроков соответственно. «Прочие предметы считались второстепенными, а языки стояли еще ниже во мнении студентов и даже начальства»⁶⁴. Однако, общий удельный вес уроков греческого языка оказывается не таким уж и маленьким: в период с 1814 по 1844 г. в МДА греческий изучали 14 часов в неделю за все годы обучения⁶⁵, а в период с 1844 по 1862 г., возможно, ему уделялось еще большее время — с учетом того, что продолжительность одной лекции составила 1,5 часа⁶⁶.

С начала 1845 г. новый преподаватель греческого языка Сергей Константинович Смирнов (с 1878 г. — протоиерей и ректор МДА) стал читать для студентов низшего отделения Академии историю греческой литературы, искусно сочетая теоретические занятия с практическими⁶⁷. С этого времени занятия греческим языком приняли значительно более систематический и вдохновенный характер. Тончайшему знатоку греческого языка С. К. Смирнову выпала особо почетная миссия преподавать греческий в период действия Устава 1869 г. (вплоть до 1884 г.) Таким образом, он преподавал греческий язык в течение почти что 40 лет и по сути дела возродил данный предмет в Академии⁶⁸.

⁶³ По вторникам и субботам: Там же. С. 168.

⁶⁴ Там же. С. 170.

⁶⁵ Для сравнения: в современной Академии греческий изучается 4 академических часа (или чуть больше 2-х астрономических часов) в неделю за один год обучения, чего явно недостаточно.

⁶⁶ Смирнов 1879. С. 169. В октябре 1862 г. продолжительность урока сократилась до 1 ч. 15 мин.

⁶⁷ Там же. С. 62.

⁶⁸ Подробнее о преподавании греческого С. К. Смирновым см.: Муретов 1914. С. 153–169, где описывается его программа в сравнении с программами начала 40-х гг. XIX в.

Табл. № 8. Расписание занятий в МДА в период после 1814 г.⁶⁹

Отделение	Философское	Богословское
Предметы		
Богословие	—	45 ⁷⁰
Философия	50	—
Толкование Св. Писания	10	9
Церковная история	—	33
Всеобщая словесность	36	—
Церковная словесность	—	33
Всеобщая история, математика и физика	36	—
Греч.	8	6
Евр., нем., франц.	8	6
Повторения по богословию	—	3
Повторения всеобщей истории, математики и физики	4	—

Устав 1869 г. весьма положительно сказался на становлении научных традиций академий благодаря введению специализации, когда все дисциплины были распределены по трем отделениям: богословским, церковно-историческим и церковно-практическим. Классические языки, несмотря на то что их преподаватели были приписаны к церковно-практическому отделению⁷¹, а также один из современных преподавались на всех отделениях в равном объеме как общеобязательные предметы. При поступлении в Академию абитуриенты могли записаться на греческий или на латинский язык, так как по Уставу 1869 г. в академиях вообще и Московской духовной академии в частности стал преподаваться один из древних языков по выбору⁷².

⁶⁹ По расписанию, присланному из Комиссии духовных училищ в сентябре 1814 г.: Там же. С. 168.

⁷⁰ Указываются учебные часы, скорее всего, равные астрономическим.

⁷¹ Устав Православных Духовных Академий 1869 г. // Устав Духовных Консисторий. Первый полный, с объяснениями, сборник всех действующих по духовному ведомству узаконений под ред. Ф. В. Ливанова. М., 1874. С. 443.

⁷² Греческий или латинский, а древнееврейский обязательно.

По Уставу 1869 г. 4 курс МДА должен был быть посвящен изучению одной из 8 специальностей, в число которых входило продолжение изучения одного из классических языков (« греческий или латинский язык и (т. е. вместе — *И. Д.*) Св. Писание или вообще один из богословских предметов»)⁷³. К сожалению, по признанию очевидца данной реформы М. Д. Муретова, «это новое для Академии и трудное дело с уставом 1884-го года так и завяло, не успев расцвести»⁷⁴.

Через несколько лет с 1878/79 уч. года было введено преподавание двух языков с указанием проводить не менее двух лекций в неделю по каждому из них⁷⁵, причем обязательное изучение этих языков было распространено и на студентов 4 курса МДА⁷⁶. При продолжительности лекции в 1 астрономический час⁷⁷ общая часовая нагрузка в неделю за все годы обучения составила 6 часов по каждому языку. Однако после того как, согласно Уставу 1884 г., один древний и один новый язык стали относиться к группе предметов по выбору, параллельное преподавание языков было прекращено. Поскольку переход на «обновленную» систему осуществлялся постепенно, в Московской духовной академии два языка полноценно преподавались одновременно студентам всех курсов только в течение трех лет — с 1880 по 1883 г. Этот весьма краткий промежуток времени оказался, тем не менее, достаточно важным и для богословия как своеобразный переходный этап, связывающий собою воедино профессию «золотого века», начавшегося при протоиерее Александре Горском, с рядом заслуженных профессоров Академии, коим суждено было дожить до самого ее заката.

⁷³ *Муретов 1914*. С. 167.

⁷⁴ Там же. С. 168.

⁷⁵ Данное решение достигалось за счет прибавления одного дополнительного часа.

⁷⁶ Выпускники Академии, готовившиеся к преподаванию древних языков в семинариях (пример см. в: *Муретов 1914*. С. 159, где говорится о том, как академисты получали теоретические сведения об Исократе с учетом того, что они будут заниматься в семинарии практическим чтением этого автора), изучая один язык, должны были слушать лекции и по другому языку (в качестве подготовки к сдаче испытания на степень магистра): ЖС МДА за 1878 г. М., 1879. С. 67.

⁷⁷ «Лекции по каждому предмету распределяются Советом так, чтобы в первых трех курсах было не менее 20, а в четвертом не менее 12 лекций в неделю, каждая лекция по часу» (Устав академий 1884 г. § 120).

Табл. № 9. Расписание греческого и латинского языков в МДА с 1878 по 1884 г.

МДА: курс	Язык	I	II	III
1878/79	Греч.	2 лекции (пн., пт.)	1 лекция* ⁷⁸ (вт.)	2 лекции* (вт., пт.)
	Лат.	2 лекции (вт., чт.)	1 лекция* (вт.)	2 лекции* (ср., пт.)
1879/80 ⁷⁹	Греч.	2 лекции (вт., пт.)	2 лекции (вт., сб.)	2 лекции* (вт., пт.)
	Лат.	2 лекции (вт., чт.)	2 лекции (пн., пт.)	2 лекции* (ср., пт.)
1880/81 ⁸⁰	Греч.	2 лекции (вт., пт.)	2 лекции (вт., пт.)	2 лекции (вт., пт.)
	Лат.	2 лекции (вт., чт.)	2 лекции (чт., пт.)	2 лекции (ср., пт.)
1881/82 ⁸¹	Греч.	2 лекции (вт., сб.)	2 лекции (вт., пт.)	2 лекции (вт., чт.)
	Лат.	2 лекции (вт.)	2 лекции (чт., пт.)	2 лекции (ср., пт.)

По Уставу 1911 г. классические языки были распределены по четырём академиям следующим образом: в Санкт-Петербургской и Московской осталось преподавание греческого языка, а в Казанской и Киевской — латинского. В МДА все общеобязательные предметы были распределены по 17-ти кафедрам, из которых последняя была посвящена преподаванию древнего языка⁸². Для того чтобы выполнить новую многопредметную программу, более сконцентрированную на преподавании богословских дисциплин, продолжительность лекции в этом же году еще более сократилась с 1 часа до 50 минут. Выпускник МДА 1907 г. Сергей Знаменский, преподававший латинский язык в

⁷⁸ Звездочкой отмечено преподавание по программе с изучением одного языка по выбору.

⁷⁹ ЖС МДА за 1879 г. // ПрибТСО 26. 1880. Кн. 2. С. 170–172 (4-я пагин.).

⁸⁰ ЖС МДА за 1880 г. // ПрибТСО 27. 1881. Кн. 1. С. 154–156 (4-я пагин.).

⁸¹ ЖС МДА за 1881 г. // ПрибТСО 29. 1882. Кн. 1. С. 161–163 (5-я пагин.).

⁸² См.: ЖС МДА за 1911 г. // БВ. 1912. Т. 2. № 4. С. 391–392 (4-я пагин.).

течение трех лет (1908—1911), был уволен за штат⁸³. Таким образом, последние предреволюционные годы Московской духовной академии были ознаменованы преподаванием одного только древнегреческого языка — подобно тому, как было в первой половине XIX в.

4. Вступительные экзамены в МДА

Отправной точкой для изучения классических языков в Академии, естественно, был весь тот багаж знаний, который абитуриенты получали в семинариях или, в более редких случаях, в других учебных заведениях и с которым они приходили на вступительные экзамены в Академию. В лучшие для классических языков годы уровень подготовки абитуриентов был достаточно высоким, например, на вступительных экзаменах в МДА в 1882 г. из 123 студентов «балл менее 3» получили по греческому 5 абитуриентов, по латинскому — 4⁸⁴, а в 1901 г. из 64 абитуриентов лишь 9 получили тройки⁸⁵.

На вступительных экзаменах выпускники семинарий читали латинских и греческих классических авторов. На экзамене по латинскому языку от экзаменовавшихся требовалось достаточное знание латинских слов, грамматики, а также подобающий навык в чтении латинских писателей⁸⁶. Для чтения предлагались неадаптированные отрывки из произведений «О природе богов» и «Речей против Катилины» Цицерона, из «Энеиды» Вергилия и пр. На вступительных экзаменах по греческому языку поступающим предлагались отрывки из творений свт. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста и из сочинений «языческих классиков» — Гомера и Платона. Любое место средней сложности из классических и христианских авторов абитуриенты должны были прочесть *с листа*.

⁸³ Там же. С. 397.

⁸⁴ ЖС МДА за 1882 г. // ПрибТСО 31. 1883. Кн. 1. С. 119 (4-я пагин.).

⁸⁵ ЖС МДА за 1901 г. // БВ. 1902. Т. 3. № 12. С. 344 (5-я пагин.).

⁸⁶ ЖС МДА за 1886 г. // ПрибТСО 39. 1887. Кн. 1. С. 119 (4-я пагин.).

Табл. № 10. Вступительные экзамены в Московскую духовную академию

Уч. год	Язык	Предложенный материал	Примечания экзаменационной комиссии
1888/89 ⁸⁷	Греч.	«Письма» Синесия, еп. Птолемаидского, свт. Василия Великого и ритора Ливания	«Из 32 человек 22 дали отличные или очень хорошие ответы и только 2 — неудовлетворительные».
	Лат.	Стихи из 1, 3 «Посланий» II книги Горация	«Некоторые из экзаменовавшихся дали очень хорошие ответы. Большая же часть экзаменовавшихся обнаружила недостаточный навык в чтении латинских писателей, а иные — даже слабое знание грамматики латинской».
1890/91 ⁸⁸	Греч.	Отрывки из «Бесед» свт. Василия Великого и Иоанна Златоуста	Из 40 человек 34 дали отличные или очень хорошие ответы, ответов на балл «2» вообще не было. Отвечавшие проявили следующие недостатки: «слабое знание грамматической и лексической сторон языка, затруднение в установке конструкции речи подлинника, неточность перевода...»
	Лат.	«О природе богов» Цицерона, «Энеида» Вергилия	Картина почти такая же как в 1888/89 уч. г.
1891/92 ⁸⁹	Греч.	Отрывки из сочинений Оригена, свт. Афанасия Великого и Иоанна Златоуста, Лукиана	Из 70 человек 58 дали отличные или очень хорошие ответы и только 1 (болгарин) — неудовлетворительный. «Недостатки... по преимуществу состояли в слабом знании этимологических и синтаксических правил грамматики, словопроизводства, значения таких простых и часто употребляющихся слов, как напр. <i>ἁγάθος, δόξαται...</i> ».
	Лат.	Речи Цицерона против Катилины и «Энеида» Вергилия	«Многие из экзаменовавшихся обнаружили значительное знакомство с вокабулярием и грамматикой латинского языка, а иные даже и некоторый навык в самостоятельном чтении латинских писателей».

⁸⁷ ЖС МДА за 1889 г. // ПрибТСО 45. 1890. Кн. 1. С. 366–367 (4-я пагин.).

⁸⁸ ЖС МДА за 1890 г. // ПрибТСО 47. 1891. Кн. 1. С.232–233 (4-я пагин.).

⁸⁹ ЖС МДА за 1892 г. // БВ. 1893. Т. 2. № 5. С. 261 (4-я пагин.).

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Уч. год	Язык	Предложенный материал	Примечания экзаменационной комиссии
1893/94 ⁹⁰	Греч.	Отрывки из творений прп. Макария Египетского, свт. Григория Богослова, Григория Нисского и Кирилла Иерусалимского	Из 112 поступавших отличные и очень хорошие ответы дали 108 человек, неудовлетворительных ответов не было. «Недостатки... были, по-прежнему, следующие: сбивчивое понятие о некоторых, особенно глагольных, формах, смешение значений слов подбозвучных (напр., <i>κίνησις</i> и <i>κένος</i> с одной и <i>ὄθεν</i> и <i>ὄτε</i> с другой стороны), незнание значения слов довольно употребительных (напр., <i>ἐντολή</i> , <i>οὖν</i> , <i>ἀόρατος</i> и подобное), затруднение в установке конструкции речи подлинника и в переводе...».
1894/95 ⁹¹	Лат.	«Энеида» Вергилия	«Почти все... выказали в большей или меньшей степени умение скандовать латинские стихи. Но далеко не все оказались в состоянии уразуметь смысл и дать точный перевод данных им стихов. Иные из испытуемых обнаружили, кроме малого знания латинских слов, даже недостаточное знакомство с правилами латинской грамматики».
1895/96 ⁹²	Греч.	Отрывки из св. Иустина Мученика, Климента Александрийского, свт. Афанасия Великого, Григория Нисского и Кирилла Иерусалимского, прп. Макария Египетского и из «Илиады» Гомера	Из 52 поступавших 38 дали отличные и очень хорошие ответы. «Недостатки... были, как и в прежние годы, по большей части следующие: неудовлетворительное знание значений некоторых слов, иногда довольно употребительных (напр., <i>ἀκόλουθῆς</i> , <i>τυφλώττω</i> , <i>ὀπάρχω</i>), смешивание значений слов, близких между собою по начертанию или по произношению (напр., <i>βλέπω</i> и <i>βλάπτω</i> , <i>ἔκτισε</i> и <i>ἔκτησε</i> , <i>χριστός</i> и <i>χρηστός</i>), затруднение в установке членов в предложениях и в точности передачи греческой речи на русском языке, и подобное...»

⁹⁰ ЖС МДА за 1894 г. // БВ. 1895. Т. 2. № 5. С. 240–241 (4-я пагин.).

⁹¹ ЖС МДА за 1895 г. // БВ. 1896. Т. 3. № 9. С. 354–355 (6-я пагин.).

⁹² ЖС МДА за 1896 г. // БВ. 1897. Т. 3. № 8. С. 254–255 (4-я пагин.).

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ...

Уч. год	Язык	Предложенный материал	Примечания экзаменационной комиссии
1905/6 ⁹³	Греч.	Чтение Ксенофонта	«Все экзаменовавшиеся по греческому языку дали хорошие ответы. Средний бал выше “4-х”. В переводе и разборе сочинений Ксенофонта не затруднялись. Слабую сторону ответов составляли ошибки в спряжении греческих глаголов, особенно неправильных».
	Лат.	«Энеида» Вергилия	Из 39 человек на отлично (баллы «5» и «5–») ответило 7 человек. Не было ни неудовлетворительных, ни почти вполне хороших ответов.
1906/7 ⁹⁴	Греч.	Чтение отрывков из Платона	«Экзаменовавшиеся в текущем году по греческому языку переводили отрывки из сочинений Платона и разбирали грамматические особенности подлинного текста вполне удовлетворительно».
	Лат.	«Энеида» Вергилия	«Лишь немногие обнаружили хорошее знание латинского языка, и это хорошее знание нужно, по-видимому, приписать или их выдающимся филологическим способностям, или особенно благоприятно сложившимся для изучения латинского языка обстоятельствам».
1907/8 ⁹⁵	Греч.	Не указано	«Экзаменовалось всего пять человек, все они дали удовлетворительные ответы. Общий недостаток — нетвердое знание спряжений греческих глаголов, особенно неправильных. Синтаксические особенности греческого текста, даже элементарные, разбирались с большими затруднениями».
	Лат.	«Энеида» Вергилия	«Некоторые из испытуемых оказались в состоянии справиться с данной им задачей, т. е. перевести данные стихи из Энеиды без значительных затруднений. Но значительная часть проявила и недостаточное знание лексики, и неумение разобраться в соотношении и управлении

⁹³ ЖС МДА за 1905 г. // БВ. 1906. Т. 2. № 5. С. 268–269 (4-я пагин.).

⁹⁴ ЖС МДА за 1907 г. // БВ. 1908. Т. 2. № 6. С. 232 (4-я пагин.).

⁹⁵ ЖС МДА за 1908 г. // БВ. 1909. Т. 1. № 4. С. 228–229 (5-я пагин.).

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Уч. год	Язык	Предложенный материал	Примечания экзаменационной комиссии
			отдельных слов и целых фраз, и, вообще, недостаточный навык в самостоятельном чтении латинских текстов...
1908/9 ⁹⁶	Греч.	Текст Евангелия от Иоанна с объяснениями свт. Кирилла Александрийского	По греческому языку из 80 человек экзаменовалось всего 6, они «оказались не в силах перевести ни евангельский, ни тем более святоотеческий текст». Причины — «незнание самых употребительных слов... почти полное грамматическое невежество».
	Лат.	Вопросы по грамматике, синтаксису и лексике, предлагались также для чтения «метрические строки», видимо, из «Энеиды» Вергилия	«Чтение латинских метрических строк оказалось удовлетворительным у многих, но зато были случаи неумения не только скандовать, но и просто читать латинский текст. Некоторые забыли значение самых употребительных латинских слов вроде <i>gravis, serpens, turba, ingens, vulnus, pius, immensus</i> ».
1909/10 ⁹⁷	Греч.	Отрывки из «Пастыря» Ерма, из «Учения двенадцати апостолов», из 10-й гомилии Оригена на книгу пр. Иеремии, из текста греческих Литургий	«Общим недостатком у экзаменовавшихся выступало слабое знание слов, общим достоинством — способность толковать грамматические формы. Знание грамматики имело решительный перевес над познаниями в области лексики. Лучшие ответы отличались от худших не столько в области грамматического анализа текста, сколько в сравнительном знании греческого вокабулярия».
	Лат.	«О Галльской войне» Цезаря	Из 34 человек 16 дали отличные или очень хорошие ответы, трое получили балл «2½». «Недостатки заключались преимущественно в незнании этимологии и семасиологии самых употребительных латинских терминов... Часто смешивали значение слов, сходных по звуковому составу... Один переводил выражение <i>leni vento</i> — “когда взошла луна” (очевидно имея в виду слова <i>luna</i> и <i>venio</i>)».

⁹⁶ ЖС МДА за 1909 г. // БВ. 1909. Т. 3. № 12. С. 202–203 (4-я пагин.).

⁹⁷ ЖС МДА за 1910 г. // БВ. 1911. Т. 1. № 1. С. 288–289 (5-я пагин.).

В дореволюционной Академии освобождение от вступительных экзаменов по древним языкам было редкой мерой, в основном в виде крайнего снисхождения применявшейся к студентам иностранного происхождения, которые не имели возможности их выучить ранее по объективным обстоятельствам⁹⁸. В правилах поступления в Академию делалась специальная оговорка об инородцах, которым разрешалось поступление в Академию без экзамена по языкам с условием сдать языки за время пребывания в Академии⁹⁹.

5. Занятия классическими языками в МДА

В конце XIX — начале XX в. духовные академии вообще и Московская в частности ориентировались на требования Устава 1884 г.: целью изучения классических языков полагалось «ознакомление с грамматическими и литературными формами древних языков по лучшим классическим писателям», посему необходимо было, чтобы «с филологией классических языков в Академии соединялась еще и словесность греков и римлян»¹⁰⁰. По программам П. И. Цветкова, бессменного преподавателя латыни на протяжении нескольких десятилетий (1870—1905), видно, насколько он был увлечен классическими идеалами, однако в академическом курсе для христианской латыни не оставалось места. Преподаватели греческого языка — известнейшие эллинисты той эпохи прот. С. К. Смирнов и И. Н. Корсунский — были в значительной большей степени ориентированы на греческий язык христианских

⁹⁸ Напр., выпускник Тифлисской семинарии Ф. Жордания не имел языков по старой программе, а после введения новой в 1872 г. не сумел их одолеть. Совет Академии решил зачислить его с обязательным изучением одного языка, без удовлетворительного знания которого переход на 4 курс был невозможен (ЖС МДА за 1875 г. М., 1876. С. 128—129). Подобного рода снисхождение было оказано двум сербским иеромонахам: их приняли в МДА без экзаменов по древним языкам, но с обязательным условием изучения одного из них (Там же. С. 130).

⁹⁹ От Совета Императорской Московской Духовной Академии. О приеме воспитанников в состав нового (74) академического курса [1915/16 уч. г.]. С. 2 // Архив МДА. Документы старой МДА, относящиеся к учебной части. № 146. Л. 6 об.

¹⁰⁰ Устав Православных Духовных Академий, Высочайше утвержденный 2 апреля 1910 года. СПб, 1910. С. 67.

авторов. Годы их преподавания по праву можно назвать «золотым веком» гармоничного сочетания классики с христианской традицией. Позднее в Уставе 1910 г. предполагался по существу решительный отказ от классики: «Для христианского богословия важно знать не древних авторов классических народов языческого периода их жизни, а лингвистический материал Нового Завета, отцов Церкви, церковных песнопений»¹⁰¹. Однако основная тенденция преподавания языков — от акцента на классицизме в сторону большего внимания к изучению собственно церковной святоотеческой традиции — осталась, к сожалению, в полной мере нереализованной из-за насильственного закрытия Академии в 1919 г.

В академиях для классических языков всегда выделялись специальные часы — не более 2-х раз в неделю как минимум на протяжении 2 лет. При этом, несмотря на целый ряд недочетов семинарского преподавания, в академиях никогда не возвращались к повторению или изучению элементарной грамматики, однако всегда велись занятия по трем основным направлениям или хотя бы по одному из них:

- 1) история литературы на данном языке с чтением характерных мест из разных авторов;
- 2) чтение одного автора классического или христианского с подробным историко-филологическим комментарием;
- 3) изучение греческого языка как языка христианской письменности (греческий новозаветный, богослужебный¹⁰² или «святоотеческий»).

Кроме того, иногда могла читаться история языка или преподавался курс палеографии¹⁰³.

М. Д. Муретов оставил живое описание занятий по греческому языку в Академии сер. 70-х гг. XIX в., которые проводил С. К. Смирнов. «Лекции <С. К. Смирнова> начинались критикою Эразмова произведения и казались очень занимательными по своим доводам. Особо

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Напр., в феврале 1880 г. С. К. Смирнов написал курс «О греческом богослужбном языке» (*Муретов 1914*. С. 162).

¹⁰³ Когда в 1869 г. была введена специализация, древние языки преподавались в одно и то же время на всех трех отделениях, так как знание вышеназванных направлений считалось важным в равной степени для всех.

ярко помнится фигура С. К.<онстантинови>ча, изображавшего бляние овцы. С большим любопытством слушались также лекции об Олимпийских играх. Половина лекции, минут 20 или 15, посвящалась переводу студентов из хрестоматии»¹⁰⁴. «При переводе делался грамматический разбор и обращалось внимание на корнеслов (только греческий, а не сравнительного языкознания). Перевод сопровождался нередко очень интересными историческими и археологическими пояснениями, напр<имер>, о литургиях и пр. Но особенное мастерство, доходившее до виртуозности, С. К—ч проявлял в уменьи какую-нибудь трудно переводимую апокопическую фразу, несвойственный русскому языку оборот, оригинальный термин передать на русский язык, так сказать, с адекватною точностью в значении слов, их количестве, расположении, нередко даже в самом корневом звукоподражании»¹⁰⁵. «Последний экзамен по греческому языку. Экзаменовал инспектор С. К. Смирнов. Спрашивал перевод с греческого *à livre ouvert* какого-то отца, кажется, Кирилла Александрийского, по хрестоматии, в порядке текста и вызывая по алфавиту. В партах были и лексиконы, и грамматики. Зная очередь и следя за текстом, нетрудно было наперед подготовиться к переводу своего отдельца»¹⁰⁶.

Общие подходы и установки, которые в течение многих лет отрабатывались С. К. Смирновым, во многом были продолжены его преемниками. Отдельные вопросы из программы по греческому языку на 2-м курсе МДА за 1889/90 уч. г. ярко иллюстрируют ориентацию на классицизм, которая еще более усилилась согласно Уставу 1884 г.: «1. Биография Пиндара. Лирические произведения его. 2. Олимпийские игры. Их учреждение и место совершения. 3. Порядок Олимпийских игр. 9. О диалекте ионическом. Древне-ионический и новоионический диалект. 10. Гомеровский вопрос. Мнение Вольфа и воль-

¹⁰⁴ Муретов М. Д. Из воспоминаний студента Московской Духовной Академии XXXII курса (1873—1877 г.) // БВ 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 700.

¹⁰⁵ Муретов 1914. С. 165—166.

¹⁰⁶ Муретов М. Д. Из воспоминаний студента Московской Духовной Академии XXXII курса (1873—1877 г.) // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 10/11. С. 661—662 (1-я пагин.).

фианцев. Разбор этого мнения (письменность в век Гомера). 35. Речи Демосфена вообще и против Лентина в частности»¹⁰⁷.

Табл. № 11. Программы МДА по классическим языкам с 1872 до 1914 г. (выборочно)

Программы по греческому языку

МДА: курсы	I	II	III
Орд. проф. С. К. Смирнов (1872/73 уч. г.) ¹⁰⁸	<i>Теория:</i> История греческой литературы (с орфиков до ионийцев). <i>Практика:</i> переводы из классиков	Об историках и драматиках. Переводы из классиков	О языке новозаветном, богослужебном, новогреческом. Переводы из отцов Церкви, новогреческой литературы
Проф. И. Н. Корсунский (1892/3 уч. г.) ¹⁰⁹	История греческого языка с его словесностью	Об историках и драматиках. На всех курсах читались отрывки из произведений греческих писателей языческих и христианских разных периодов истории языка и всех его диалектов	О языке новозаветном, богослужебном, новогреческом
Проф. М. Д. Муретов (1901/2 уч. г.) ¹¹⁰	Курс греческой палеографии с практическими упражнениями в чтении и совместном переводе рукоп. шрифтов IV–XVII вв. с манускриптов преимущественно библейских, патристических и литургических (по снимкам, частично по подлинникам акад. библиотеки)	Практическое чтение из Филона Александрийского (на I–III курсах)	Грамматика новозаветного греческого языка

¹⁰⁷ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 146. Ед. хр. 1. Л. 100. Конспект чтений по греческому языку и его словесности для 2 курса в 1889/90 уч. г.

¹⁰⁸ Годичный акт в МДА 1 окт. 1874. М., 1875. С. 19, 20. См. также: Годичный акт в МДА 1 окт. 1875. М., 1875. С. 22.

¹⁰⁹ Отчет МДА за 1891/92 уч. г. // БВ. 1892. Т. 3. № 11. С. 288–289 (2-я пагин.).

¹¹⁰ Отчет МДА за 1901/2 уч. г. // БВ. 1902. Т. 3. № 10. С. 35 (4-я пагин.).

И. д. доцента Д. Г. Коновалов (1902/3) ¹¹¹	История греческого языка и письма в связи с систематическим курсом греческой диалектологии и палеографии	История греческой поэзии. Параллельный практический курс — комментарий «Поэтики» Аристотеля	Лекции по истории греческой прозы. Художественный перевод «Картин» Флавия Филострата
Орд. проф. С. И. Соболевский (1914/15) ¹¹²	Вторая апология св. Иустина Философа, гл. 1—8. Краткий курс греческого синтаксиса	Слово свт. Василия Великого «Против ростовщиков». Краткая история греческого языка по статье преподавателя Космύ	

Программы по латинскому языку

	I	II	III
Доц. П. И. Цветков (1872/3 уч. г.)	Перевод Тита Ливия (2 кн.), Цицерона (2-я филиппика)	Речи против Катилины Цицерона, «Метаморфозы» Овидия	«Сатиры» Горация и курс древней римской литературы и литературы эпохи Цицерона
Доц. П. И. Цветков (1876) ¹¹³	Лекции о древнеримской религии. Объяснение речи Цицерона «О назначении Гнея Помпея полководцем»	Объяснение избранных мест из «Метаморфоз» Овидия	«Сатиры», «Послания» Горация и курс древнеримской литературы
Доц. П. И. Цветков (1877) ¹¹⁴	Римские религиозные древности. Речь Цицерона «За Милона»	Объяснение избранных мест из «Метаморфоз» Овидия	История римской литературы в послеклассический период. Объяснение «Посланий» Горация
Проф. П. И. Цветков (1892/93) ¹¹⁵	«Об ораторе» Цицерона	«Георгики» Вергилия	«Сатиры» Горация
Проф. П. И. Цветков (1899/1900) ¹¹⁶	«Фасты» Овидия	«Георгики» Вергилия	«Сатиры» Горация

¹¹¹ Отчет МДА за 1902/3 уч. г. // БВ. 1903. Т. 2. № 11. С. 41 (5-я пагин.).

¹¹² Отчет МДА за 1914/15 уч. г. // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 40 (3-я пагин.).

¹¹³ Отчет МДА за 1875/76 уч. г. С. 20, 21.

¹¹⁴ Отчет МДА за 1876/77 уч. г. С. 27.

¹¹⁵ Отчет МДА за 1891/92 уч. г. // БВ. 1892. Т. 3. № 11. С. 287 (2-я пагин.).

¹¹⁶ Отчет МДА за 1899/1900 уч. г. // БВ. 1900. Т. 3. № 11. С. 27 (4-я пагин.).

В последние предреволюционные годы из двух классических языков в программе Московской духовной академии оставался только греческий, преподававшийся Сергеем Ивановичем Соболевским. Из трех вышеуказанных направлений Сергей Иванович избрал наиболее полезное для студентов в языковом отношении второе — практическое чтение христианских греческих авторов. Из года в год студенты переводили несколько избранных произведений: на 1-м курсе, как правило, они изучали 1-ю или 2-ю «Апологию» Иустина Философа¹¹⁷, а на 2-м — слова «Против ростовщиков» свт. Василия Великого¹¹⁸ и/или Григория Нисского — последнее по ходатайству С. И. Соболевского было издано отдельной брошюрой¹¹⁹. Внутри сложившегося круга авторов время от времени делались перестановки: слово «Против ростовщиков» св. Григория читалось и на 1-м курсе МДА, а «Слово к юношам» свт. Василия и «Диалог с Трифоном Иудеем» св. Иустина (из учебной хрестоматии Ловягина) — на 2-м. На экзаменах Сергей Иванович требовал свободное чтение и перевод данных текстов с листа¹²⁰. Особое внимание С. И. Соболевский обращал на греческий синтаксис, иллюстрируя более сложные случаи из вышеуказанных авторов доходчивыми примерами из греческой христианской гимнографии. В качестве показательной иллюстрации можно привести отрывок из первой лекции по греческому языку в 1913/14 уч. г., кратко законспектированной дежурным студентом:

¹¹⁷ См.: *Сапожников Н.* Греческий язык. 2-я апология св. Иустина Философа и мученика. Слова и перевод. Учебная тетрадь. 1912 (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 470. Ед. хр. 12).

¹¹⁸ Слово свт. Василия студенты изучали по следующему учебному изданию: *Saint Basile. Nomélie contre les usuriers* (Paris, 1882. 54 p.), — которое хранилось в библиотеке МДА в достаточном количестве экземпляров.

¹¹⁹ Первоначально его читали по учебной книге, изданной французским издательством Ашетт (Hachette) (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 146. Ед. хр. 1. Л. 63).

¹²⁰ См.: Программа греческого языка для студентов 1 курса (40 билетов из Григория Нисского) (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 146. Ед. хр. 1. Л. 63); Программа по греческому языку 2 курса (27 билетов из св. Василия и 14 из Иустина Философа) (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 146. Ед. хр. 1. Л. 69). На экзамене студентам доставалось от 1 до 3 страниц текста, с которым они работали в течение учебного года.

11 сентября 1913 г. Лекция 1.

Κατὰ τῶν τοχιζόντων — слово св. Григория Нисского...

О временах — в греческом языке есть (3) несколько прошедших и несколько будущих.

Настоящее греческое употребляется как русское. Но есть так называемое настоящее историческое = *praesens historicum*. Пример: «и незаконным судиям Тебе праведного Судию предает» — καὶ ἀνόμοις κριταῖς σε τὸν δίκαιον κριτὴν παραδίδωσι.

Прошедшее время. У нас прошедшее двух видов: 1) несовершенное, аорист; 2) прошедшее совершенное и давнопрошедшее. Первая пара означает действие, а вторая и будущее III — состояние за действием. Аорист употребляется, когда действие закончено. Мы не обращаем внимание на длительность, а в *imperfect* 'е мы подчеркиваем длительность или повторяемость... В *imperfect* 'е может быть действие неокончено (мы пытались, но не сделали).

(1) Попытка действий — *imperf. de conatu*.

Прошедшее несовершенное — вид несовершенный, а аорист — вид совершенный.

Χριστὸς ἀνέστη — вид совершенный, аорист, а

а) ὅτε οἱ ἔνδοξοι μαθηταὶ ἐφοτίζοντο Ἰούδας ἐσχοτίζετο = *imperf. de conatu*.

«Егда славнии ученицы просвещахуса, Иуда омрачашеся».

б) ὑπὸ ἀστέρως ἐδιδάσκοντο — вид несовершенный — прошедшее несовершенное: «звездой учухуса».

(2) *Imperf.* = действие повторяющееся.

ἐνεδιδύσκετο πορφύραν καὶ βύσσον «Одевался в порфиру и виссон» (ежедневно)

Аорист может обозначать длительное действие, когда упоминается количество времени длительного (он царствовал 3 года), а он царствовал — *imperfect*.

«Мария пребыла с нею три месяца» по-русски несовершенный <вид>, а <по->гречески аорист.

ἔμεινεν (μένω)... Μαριὰμ σὺν αὐτῇ ὡς μῆνας τρεῖς. Этот аорист — *aoristus summarius*.

Аорист может обозначать начало действия. По-русски обозначается приставкой: «он замолчал».

Замолчал весь народ = ἐσίγησεν δὲ πᾶν τὸ πλῆθος.

Ἰούδας φιλαργυρίαν νοσήσας = «Иуда заболевши сребролюбием», т. е. начало действия. Это аорист = aoristus ingressivus = аорист начинательный...

Дежурный Н. Авилкин,
студент 1-го курса И.М.Д.А.¹²¹.

Хотя без знания классических языков невозможно было закончить Академию и стать дипломированным академическим богословом¹²², их преподавание не всегда велось на достаточно высоком уровне. «Понятно, что латинский язык был для нас и мертвою и мертвящею буквой, и мы по необходимости ушли в нем недалеко, не обладая большой практикой путем штудирования авторов», — писал Н. Глубоковский в 1896 г.¹²³ Единственный способ преодолеть нерадивое отношение к учению, с точки зрения того же Глубоковского, заключается в том, «чтобы не морить учеников на механическом затверживании грамматических правил и случайных вокабул, а знакомить их практически на возможно большем чтении классиков, чтобы древние языки усвоились достаточно и с любовью к ним, но не с душевною тяготою»¹²⁴.

¹²¹ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 161. Ед. хр. 11. Л. 1—2. Императорской Академия стала именоваться в 1913 г. — в честь 300-летия дома Романовых. Все сокращения из записки С. И. Соболевского раскрыты без поясняющих скобок.

¹²² Лишь в крайнем случае студентам из Японии, выпускникам Семинарии при Русской духовной миссии, по просьбе св. епископа Николая (Касаткина) было разрешено вообще не сдавать классических языков с правом получения ученых степеней, но без предоставления им «прав службы в пределах Российской Империи наравне с лицами, получившими ученые богословские степени на основании действующего Устава Духовных Академий» (ЖС МДА за 1890 г. // ПрибТСО 46. 1890. Кн. 3. С. 24 (4-я пагин.)).

¹²³ ЖС МДА за 1896 г. // БВ. 1897. Т. 1. № 3. С. 30 (5-я пагин.).

¹²⁴ Там же.

6. Из истории преподавания языков
в Академии после ее закрытия

Последующая судьба Академии и ее учебные планы наиболее подробно описаны протодиаконом Сергием Голубцовым¹²⁵. Поскольку нарушился процесс изучения классических языков в семинариях, в Московской духовной академии неизбежно были максимально ослаблены требования по языкам как на вступительных экзаменах, так и в учебном процессе, поскольку начинать приходилось почти что с нулевого уровня¹²⁶. В дополнение к сведениям о готовности ряда преподавателей принять участие в жизни Академии в 1919 г., которые приведены выше в статье о Сергия¹²⁷, публикуем рапорт преподавателя греческого языка С. И. Соболевского:

В Совет Московской Духовной Академии. В ответ на предложение о. Ректора от 29 декабря/11 января за № 16 имею честь сообщить следующее:

Я желаю участвовать во всех занятиях, которые будут установлены Советом, и исполнять все возложенные на меня труды по мере моих сил и знаний.

В частности от себя я мог бы предложить Совету на выбор следующие свои труды:

I. Публичные отдельные лекции на разные вопросы, например:

1. Суд над Иисусом Христом с исторической и археологической точки зрения.

¹²⁵ См. выше статью протодиака. С. Голубцова «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 443–509).

¹²⁶ Указом Святейшего Патриарха Тихона и Св. Синода от 12/25 июня 1918 г. были установлены новые правила приема студентов в духовные академии. В частности, здесь отмечалось: «Те из поступающих в академии лиц, кои не изучали в средней школе древних языков, обязываются сдать экзамен по этим языкам в течение первого года обучения в академии» (От Совета Московской Духовной Академии. Об осенних переводных и выпускных испытаниях студентов Академии и о приеме в состав нового (LXXVII) академического курса. С. 2 // Архив МДА. Документы старой МДА, относящиеся к учебной части. № 146).

¹²⁷ См. выше: «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 480–482, 484, 485).

2. Необходимость знания греческого языка для правильного понимания Священного Писания.

3. Внешний вид древней христианской книги.

II. Краткие систематические курсы общедоступного характера (для не знающих греческого языка) (они могут быть разбиты и на отдельные публичные лекции без системы, т. е. могут быть отнесены к отделу I):

1. Домашний быт древних евреев в дни земной жизни Иисуса Христа.

2. Домашний быт древних христиан.

III. Краткие систематические курсы специального характера (для знающих древние языки):

1. Библейский греческий язык.

2. Церковные песнопения (авторы, их метрика, язык).

3. Чтение и толкование в подлиннике (греч. или латинск.) какого-нибудь небольшого христианского сочинения или церковных песнопений.

4. Чтение в подлиннике и толкование Евангелия.

IV. Научные труды:

1. Комментированное издание в подлиннике (греч. или лат.) кого-либо из отцов Церкви.

2. Участие в комментированном издании Священного Писания, в богословских словарях и подобном.

3. Комментированное издание в подлиннике избранных церковных песнопений (вроде хрестоматии).

3/16 янв. 1919 г. Проф. С. Соболевский¹²⁸.

Из этого сообщения видно, что, осознавая неподготовленность аудитории, С. И. Соболевский по неизбежности предлагал свои профессиональные услуги равно как знающим, так и не знающим древние языки. Однако, все научные предложения по условиям времени не могли быть реализованы. Оставалось преподавание. «Учебник древнегреческого языка» С. И. Соболевского, вышедший в 1948 г.¹²⁹, стал свя-

¹²⁸ ЦИАМ. Ф. 2296. Оп. 46. Д. 5210. Л. 20–20 об.

¹²⁹ На кафедре классической филологии МГУ хранится устное предание о том, что на издание учебника С. И. Соболевского были выделены большие государственные средства, поскольку после окончания Великой отечественной войны И. В. Сталин

зующим звеном между старой и — как будет показано ниже — новой Академией, которой пришлось возрождаться совсем в других условиях во второй половине XX в.

II. ПРЕПОДАВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

1. Создание новой традиции преподавания

В советское время говорить о сколько-нибудь серьезном преподавании языков вне классических кафедр университетов практически не приходилось. В результате даже те малые возможности в изучении древних языков, которые открылись перед духовными школами после возобновления их деятельности в послевоенное время, оказались просто несопоставимыми по сравнению с теми, что были до революции. Характерно, что в конце 1940-х гг. в иерархии из 24 учебных предметов, преподававшихся в МДАиС, древние языки были поставлены после предмета «Государственное устройство СССР» на предпоследнее место перед новыми языками¹³⁰. В общих чертах произошло следующее:

1) Преподавание грамматики в основном переместилось в Академию, так как семинарских часов для успешного усвоения грамматики было недостаточно.

2) Серьезное чтение авторов или текстов Священного Писания было полностью исключено из программы Семинарии, а уровень возобновленных в Академии практических языковых занятий оказался значительно ниже не только уровня дореволюционных семинарий, но и некоторых духовных училищ.

поддерживал государственный проект возрождения классической филологии. Однако, хотя учебник был напечатан огромным тиражом, проект так и не был реализован. Говорят и о том, что учебник С. И. Соболевского вместе с древнегреческо-русским словарем И. Х. Дворецкого печатался с помощью захваченных у немцев шрифтов, которые потом пустили на металлолом.

¹³⁰ Положение о Православных духовных академиях (Приложение к ЖС МДА за 1948/49 уч. г. (машинопись)).

3) Значительно понизились требования к качественному чтению текста: учащиеся, если и читали тексты, то не с листа, а после кропотливой подготовки, выискивая каждое слово по словарю или пользуясь словарным списком, составленным учителем.

Учителя, сколь бы многими знаниями они ни обладали, не могли передать их своим ученикам. С другой стороны, еще находились люди старой выучки, изучившие языки до революции. Более молодым оставалось терпеливо изучать древние языки, прилагая к тому ряд дополнительных, порой совершенно самостоятельных усилий. Конечно, в те годы были не только внешние причины, препятствовавшие изучению древних языков, но и внутренние, поскольку в условиях тотального уничтожения Церкви приходилось думать не столько о решении научно-богословских задач, сколько о необходимости спасти малое стадо Церкви.

Данная непростая картина подтверждается как расписанием занятий, так и учебными программами того времени.

2. Расписания занятий и преподавательские штаты

При более детальном изучении в преподавании классических языков в данную эпоху были свои маленькие взлеты и падения. Поскольку профессорско-преподавательскую корпорацию новооткрытых духовных школ составили люди, прошедшие дореволюционную богословскую школу, первоначально ни у кого из них не возникало даже вопросов о целесообразности изучения языков. Так, например, в 1959 г. в своем вступительном слове перед защитой магистерской диссертации преподаватель латинского языка Н. М. Лебедев произнес проникновенные слова, которые не вызвали ни у кого возражения: «Латинский язык, можно сказать, сродни духовной школе. Нельзя ее представить без изучения латинского языка — иначе будет лишь пастырская школа, готовящая только требоисполнителей»¹³¹. Но с учетом неизбежного разрыва в духовном образовании между дореволюционной и послевоенной

¹³¹ Далее Н. М. Лебедев говорил о традиции преподавания классических языков в дореволюционной школе, о неудовлетворительности учебников советского времени и пр.

духовной школой и нулевого языкового уровня абитуриентов требовалась огромная коррекция при разработке учебного плана по языкам. Вплоть до начала 1960-х гг. еще ощущался определенный подъем и действительное стремление всей корпорации к правильной постановке преподавания классических языков. Однако после того как в Семинарии были сведены к минимуму сначала часы, отводившиеся на преподавание латинского языка (1961 г.), а потом и греческого (1967 г.), наступил наиболее трудный и малорезультативный период¹³² — вплоть до конца 1990-х гг., когда была постепенно начата языковая реформа при участии новооткрытого при МДАиС Греческого кабинета.

В период с 1944 до конца 1990-х гг. греческий язык в МДАиС преподавали 11 человек: Б. В. Вадковский (1944—1951), В. А. Сретенский (МДС 1948/9), И. Н. Хибарин (1949—1951), А. И. Иванов (1951—1954), М. А. Старокадомский (сентябрь 1956 г.), Н. Н. Ричко (1956—1964), К. Е. Скурат (ноябрь 1958 — январь 1959), А. В. Ушков (2-я пол. 1958/59), Б. А. Нелюбов (1961—наст. время), Д. П. Огицкий (1964—1973), А. А. Матвеев (1973—2000). Латинский язык преподавало почти в два раза меньшее число лиц — а именно 7 человек: Б. В. Вадковский (1944—1948), В. А. Ивановский (1948/9), Н. М. Лебедев (1949—1963), Н. П. Доктусов (1949—1951), свящ. П. Мороз (1-я пол. 1963/64), И. В. Воробьев (2-я пол. 1963/64—2008), А. М. Осипович (1970—1972). При этом преподавателями с наибольшим стажем работы стали те, кто начал работать в начале 1960-х гг. — Б. А. Нелюбов и И. В. Воробьев. Н. М. Лебедев также проработал довольно значительное число лет, пытаясь отвоевать

¹³² В конце 1960-х гг. проф. И. Н. Шабатин писал: «И еще одно научно-квалификационное пожелание: древние языки — латинский, греческий и еврейский — у нас преподают лица без специальной подготовки, следовало бы обеспечить им возможность получения такой подготовки по общему языкознанию и научных курсов по соответствующим языкам в объеме университетских курсов филологического факультета МГУ. Это и им доставит радость, и для дела будет полезно. В прежних академиях эти языки преподавали специалисты-филологи» (Проект предложений для Совещания Ректоров ДА и ДС совместно с Учебным Комитетом при Свящ. Синоде на тему: О наиболее неотложных мерах по радикальному улучшению работы духовно-учебных заведений Русской Церкви. С. 11 // Архив МДА. Из архива профессора Шабатина. Папка № 4. С. 70).

лучшие рубежи для своего любимого предмета. Некоторые преподаватели совмещали преподавание языков в Академии и Семинарии, другие преподавали только в одной из этих учебных структур. Несомненно, что преподавание в Академии было значительно более серьезным и престижным: достаточно типично, когда начинающий преподаватель языков после предварительной стажировки в Семинарии переходил в дальнейшем преподавать в Академию. К сожалению, при всех подобного рода назначениях и перестановках знания далеко не всегда были единственным решающим фактором. Следует при этом учесть и то, что только первый преподаватель Б. В. Вадковский на протяжении нескольких лет параллельно преподавал древнегреческий и латинский языки, в то время как все последующие преподаватели вплоть до начала языковых реформ были или «эллинистами», или «латинистами».

Расписания занятий классическими языками в течение первых десятилетий возрожденных Духовных школ тоже менялись — значительно чаще, чем какого-либо другого предмета. Нам удалось установить, по крайней мере, семь различных расписаний, по которым велось преподавание до 1998 г.: первое из них действовало в течение 1-го года (1944/45), второе и третье — в течение двух лет (1945—1947; 1947—1949), четвертое — 12 лет (1949—1961), пятое — 6 лет (1961—1967), шестое — ок. 13 лет (1967— кон. 1970-х гг.) и седьмое — около 18 лет (конец 1970-х гг. — 1998). Все эти расписания характеризует то, что на классические языки в Семинарии выделялось не более одного занятия в неделю, а в Академии — максимум два. Прослеживается также тенденция постепенного сокращения преподавания классических языков в Семинарии, хотя устроители Православного богословского института и лелеяли надежду о возрождении дореволюционного уровня и, значит, о постепенном увеличении языковой нагрузки, минимизированной только с учетом особых миссионерско-просветительских задач той эпохи.

Для более детального представления об истории преподавания классических языков в советскую эпоху представляется целесообразным составить своеобразную «хронику» основных событий. Главными источниками такой хроники являются хранящиеся в современном акаде-

мическом архиве¹³³ отчеты Совета МДА, журналы заседаний Совета, а также отдельные личные дела преподавателей.

* * *

В журнале № 2 общего собрания советов Православного богословского института и Богословско-пастырских курсов от 9 июня 1944 г. при обсуждении и одобрении программ по преподававшимся в течение 1943/44 уч. года предметам была одобрена и «программа по Греческому и Латинскому языкам», представленная их первым преподавателем доцентом Борисом Васильевичем Вадковским¹³⁴: «Представленные наставниками Института программы по предметам 1-го курса Института одобрить и принять к проведению в жизнь Института...»¹³⁵. Классические языки должны были преподаваться с нуля в институте, соот-

¹³³ Об архиве и его структуре см. ниже в статье Д. В. Сафонова «Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период» (С. 623–635).

¹³⁴ Борис Васильевич Вадковский (1884–1964). Родом из села Малышево (Мордовия). Племянник митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского, † 1912 г.). Б. В. Вадковский признавался, что «любовь к греческому обнаружил во время учебы в духовной семинарии (?) и гимназии» (Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 1). Впоследствии, обучаясь в Московском университете на физико-математическом факультете (1905–1911), дополнительно изучал греческий язык на историко-филологическом факультете. В 1912–1914 гг. преподавал естествознание в Воронежском сельско-хозяйственном училище, а в 1914–1918 гг. — греческий и церковно-славянские языки (наряду с другими дисциплинами) в Балашовском ДУ и в семинарском классе при нем. 1922 по 1941 г. преподавал в средней школе г. Москвы «преимущественно математику, а также географию и естествознание». С 1943 по 1945 г. работал библиографом в Институте усовершенствования учителей, а затем в Педагогической академии. В докладной записке о предоставлении места преподавателя греческого языка в Богословском институте на имя архиепископа Саратовского и Сталинградского Григория писал: «Продолжаю заниматься греческим языком и до настоящего времени, читая преимущественно Новый Завет, а потом и классиков» (Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 1). С 15 июня 1944 г. назначен доцентом по кафедре Греческого языка Богословского института. По свидетельству митрополита Питирима (Нечаева), Б. В. Вадковский, влюбленный в свой предмет, идеалистически был уверен в том, что студенты полностью разделяют его чувства (*Питирим (Нечаев)*, архиеп. В единении традиции и актуальности // БТ. Юбилейный сборник. М., 1986. С. 33). Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 38–39.

¹³⁵ ЖС ПБИ и БПК № 2 от 9 июня 1944 г. С. 1, 2 (машинопись).

ветствовавшем нормам высшего образования, а не на курсах, уровень которых приравнивался к уровню духовного училища¹³⁶. В журналах не сохранился, к сожалению, точный учебный план 1943/44 уч. года, на основании которого можно было бы судить о месте классических языков в учебном плане Института.

Через несколько месяцев на заседании «объединенного совета» Института и Курсов от 6 сентября 1944 г. в преддверии 1944/45 уч. года было принято решение сократить иностранные языки на первом курсе следующим образом: «Оставить в плане 1-го курса церковнославянский, греческий и английский языки и перенести в план следующего курса изучение древнееврейского, латинского и немецкого языков»¹³⁷. 23 декабря 1944 г. состоялся первый в истории возрожденных Духовных школ зачет по греческому языку наряду с зачетами по другим предметам. В ведомости успеваемости студентов ПБИ за 1-е полугодие 1944/45 уч. года из 17 студентов двое сдали зачет на 5¹³⁸, а остальные — на 4, 3 или даже 2¹³⁹. В июне¹⁴⁰ 1944/45 г. экзамен по греческому принимали доцент Б. В. Вадковский и ассистент Н. П. Доктусов.

Б. В. Вадковский в своих отчетах от 10 июня 1945 г. о преподавании классических языков достаточно четко обозначил предполагавшуюся программу занятий, которая уже была реализована на первых двух курсах: греческий/латинский язык «изучается в институте в течение четырех лет при двух часах в неделю на каждом курсе»¹⁴¹.

¹³⁶ На том же собрании было решено сохранить «пятибалльную» систему оценок на курсах и «словесную» в Институте (Там же. С. 2). В перечне предметов, преподававшихся на курсах (общая нагрузка — 26 часов в неделю), классических языков нет (ЖС ПБИ и БПК № 2 от 15 июня 1944 г. С. 2 (машинопись)).

¹³⁷ ЖС ПБИ и БПК от 6 сентября 1944 г. С. 2 (машинопись).

¹³⁸ В. Николаев и В. Скворцов.

¹³⁹ ЖС ПБИ № 16 от 4 января.

¹⁴⁰ 13 июня в среду // ЖС ПБИ № 23 от 18 мая 1945 г. С. 1.

¹⁴¹ Архив МДА. Программы по греческому. С. 4; Программы по латинскому. С. 4–7 (автографы).

Табл. № 12. Расписание древних языков
в Богословском институте (1944/45 уч. г.)

Курс	I	II	III	IV
Греч. (часы в нед.)	2	2	2* ¹⁴²	2*
Лат.	2	2	2*	2*

По проекту преобразования Курсов в Семинарию, а Института — в Академию, утвержденному 18 сентября 1945 г. Святейшим Патриархом Алексием I (на проекте рукою патриарха было написано «Бог благословит»), оба древних языка должны были преподаваться по 1 уроку¹⁴³ в неделю на II и III выпускном курсах предполагаемой Семинарии и по 1 уроку на каждом из трех курсов предполагаемой Академии, ровно столько же времени планировалось и для новых языков¹⁴⁴. Первый послевоенный 1945/46 уч. г. отличался тем, что учащиеся после трехлетней Семинарии поступили на первый курс Академии. В этом году древние языки впервые вернулись в семинарскую программу, хоть при этом и в достаточно усеченном виде. В «объяснительной записке» по поводу преподавания классических языков от 28 марта 1946 г. Б. В. Вадковский продолжал характеризовать преподавание греческого в МДАиС как единый цельный курс, рассчитанный на три года. Сам Б. В. Вадковский в 1946/47 уч. г. не преподавал по состоянию здоровья¹⁴⁵.

¹⁴² Звездочкой отмечены часы по предполагавшейся программе, которая осталась нереализованной из-за создания на базе Института и Курсов Московских духовных академии и семинарии.

¹⁴³ Б. В. Вадковский в программе 1945/46 уч. г. указал «1 час» (л. 45–46), хотя и раньше, и позже он указывал минимальное время — 2 часа. Скорее всего, в данном случае имеется в виду астрономический час, соответствующий 2-м часам учебного времени.

¹⁴⁴ Утвержденные учебные планы Семинарии и Академии // ЖС ПБИ № 3 от 19 сентября 1945 г. С. 2, 3. Древние и новые языки занимают предпоследнее и последнее место в списке предметов соответственно.

¹⁴⁵ Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 5–6; Пушков 2002. С. 39.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Табл. № 13. Расписание древних языков в МДАиС (1945–47 гг.)¹⁴⁶

МДС: класс	1-й	2-й	3-й
Греч. (часы в нед.)		2	2
Лат.		2	2
МДА: курс	I	II	III
Греч.	2	2	–
Лат.	2	2	–

В 1947/48 и 1948/49 уч. г. греческий язык преподавался уже в значительно большем объеме — по 2 часа на каждом из 4-х курсов Семинарии¹⁴⁷, которая стала четырехгодичной, а латинский — на первых двух курсах Семинарии¹⁴⁸; в те же годы греческий и латинский¹⁴⁹ языки преподавались по 2 часа на первых двух курсах Академии, а еврейский — 2 часа на первом курсе МДА¹⁵⁰.

Табл. № 14. Расписание древних языков в МДАиС (1947–49 гг.)

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й
Греч. (часы в нед.)	2	2	2	2
Лат.	2	2	–	–
МДА: курс	I	II	III	IV
Греч.	2	2	–	–
Лат.	2	2	–	–
Евр.	2		–	–

¹⁴⁶ В 1945/46 уч. г. языки преподавались только на 1-м курсе МДА, а в 1946/47 — на 1-м и на 2-м.

¹⁴⁷ Вадковский Б. В. Программа по греческому языку в МДС // Архив МДА. Программы по греческому. С. 8–14 (автограф). Под подписью дата — 10 октября 1947 г.

¹⁴⁸ См. программу Б. В. Вадковского // Архив МДА. Программы по латинскому. С. 10 (машинопись).

¹⁴⁹ Из ЖС МДАиС остается неясно, преподавался ли в Академии латинский язык в 1948/49 уч. г.

¹⁵⁰ Учебный план 1948/49 уч. г. // ЖС МДАиС № 1 от 11 октября 1948 г. С. 10.

В 1948/49 уч. г. «на преподавание свободных в Семинарии часов латинского языка пригласить кандидата богословия Киевской духовной академии Ивановского В. А.»¹⁵¹, который был весьма посредственным и едва знающим свой предмет преподавателем, почему и преподавал только в течение данного года. Л. Н. Парийский нелюбезно писал о В. А. Ивановском: «В прошлом году <...> у них был такой преподаватель латинского языка, который открыто признавался, что 50 лет тому назад он знал латинский язык, но теперь все забыл. И его уроки являлись сплошной пародией изучения латинского языка...»¹⁵². В этом же году греческий преподавал В. А. Сретенский¹⁵³ (наряду с английским, русским и Конституцией СССР) и Б. В. Вадковский (6 часов в МДС и 4 в МДА)¹⁵⁴.

В следующем 1949/1950 уч. г. согласно новому учебному плану, выработанному на заседании смешанной комиссии из профессоров Московской и Ленинградской духовных академий 3–7 октября 1949 г., предполагалось время, отведенное для изучения иностранных языков в Семинарии, сократить на два часа¹⁵⁵. Однако в действительности был

¹⁵¹ Доклад секретаря Совета Н. И. Муравьева о распределении учебных предметов между профессорами и преподавателями // Там же. С. 11.

¹⁵² Архив МДА. Дело переписки Патриарха Алексия I. Л. Н. Парийский говорил об этом со слов прот. Алексея Остапова. По свидетельству Л. Н. Парийского, тогдашний ректор Академии прот. Александр Смирнов (1949–1950 гг.) считал, что «латинский язык — такой легкий предмет, что всякий преподаватель может взять его для увеличения заработка, и поэтому не следует приглашать новое лицо».

¹⁵³ В. А. Сретенский, скорее всего, участвовал в написании программы по греческому для МДА еще в предшествующем году: под автографом программы Б. В. Вадковского помимо подписи самого автора стоит подпись В. А. Сретенского (*Вадковский Б. В.* Программа по греческому языку (автограф) // Архив МДА. Программы по греческому. С. 17–18). Хотя под подписью дата не указана, по почерку можно предположить, что программа для Академии была написана в то же время, что и для Семинарии (10 октября 1947 г.).

¹⁵⁴ ЖС МДАиС № 1 от 11 октября 1948 г. С. 12; Отчет МДА за 1947/48 уч. г. С. 2.

¹⁵⁵ Об этом сообщил Н. П. Доктусов в дополнение к речи В. С. Виноградова: «По урокам греческого, латинского, английского языков и церковного пения уменьшено на 2 ч. по каждому предмету» // ЖС МДАиС № 2 от 17 октября 1949 г. С. 3. Но проф. прот. Т. Д. Попов предложил не спешить с принятием новых программ (Там же. С. 3).

сокращен только греческий (он стал преподаваться со второго класса Семинарии), а латинский был передвинут с младших курсов на старшие. При этом предполагалось сократить греческий и на 3-м курсе Академии¹⁵⁶. Однако вскоре в Академии греческий и латынь были снова возвращены в программу третьего курса, что вызвало противодействие со стороны учащихся, принятое во внимание высшим академическим начальством. На заседании Совета 17 октября 1949 г. последним пунктом было заслушано соответствующее прошение студентов «о временном изменении учебного плана»: «В программу 3-го курса в текущем учебном году включены снова греческий и английский языки, которые были нами окончательно сданы в прошлом учебном году и по заявлению преподавателей этих дисциплин программа (по которым) нами была закончена». Далее говорилось о возникшей в связи с этим перегруженности 4-го курса, которая создавала «большие затруднения в подготовке кандидатской работы». В качестве альтернативы учащиеся предлагали перенести с 4-го курса на 3-й церковную археологию и еврейский — вместо греческого и латинского¹⁵⁷. В целом Совет Академии одобрил студенческую просьбу, временно согласившись на перенос на более ранний курс только еврейского языка.

Таким образом, с 1949/50 уч. г. греческому стало отводиться по 2 часа на 2-м, 3-м и 4-м курсах Семинарии и столько же на первых трех курсах Академии, а латинскому — по 2 часа на 3-м и 4-м курсах Семинарии и по 2 часа на первых трех курсах Академии. В данном уч. году И. Н. Хибарин¹⁵⁸ преподавал греческий во 2-м, 3-м и 4-м классах

¹⁵⁶ В личном деле Б. В. Вадковского ясно указано: «В настоящее время отменяется преподавание греческого языка в 1-м классе Семинарии и на 3-м курсе Академии» (26 октября 1949 г.) (Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 12).

¹⁵⁷ ЖС МДАНС № 2 от 17 октября 1949 г. С. 6—7. См.: *Селянин 1994*. С. 41.

¹⁵⁸ Иван Николаевич Хибарин (1892 — † 5 декабря 1977 г.). Еще до революции закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился на естественном отделении физико-математического факультета. В 1920-е, 1930-е гг. занимался научной работой в учебных заведениях г. Москвы в основном по второй специальности. Преподавал латинский язык в 1 Медицинском институте (1943—1945). Хотя обладал огромной эрудицией, преподавал порученные ему языки (английский и греческий) бессистемно. В результате в 1952 г. освобожден от преподавания греческого. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 206—208.

Семинарии и на 1-м курсе Академии¹⁵⁹, Б. В. Вадковский — на 1-м и 2-м курсах Академии¹⁶⁰. Н. М. Лебедев преподавал латынь в 3-м классе Семинарии¹⁶¹, а Н. П. Доктусов — в 4-м классе Семинарии и на первых трех курсах Академии¹⁶².

Табл. № 15. Расписание древних языков в МДАиС (1949–1961 гг.)

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й
Греч. (часы в нед.)	—	2	2	2
Лат.	—	—	2	2
МДА: курс	I	II	III	IV
Греч.	2	2	2	—
Лат.	2	2	2	—

В журнале № 9 от 8 июня 1950 г. сохранились отзывы преподавателей на новый проект программы, в частности, достаточно пространственный отзыв И. Н. Хибарина на программу по греческому языку и краткий отзыв доцента Н. Доктусова на программу по латинскому языку. Первый подверг программу преподавания греческого достаточно жесткой критике, которая заседанием Совета была принята¹⁶³, второй внес в нее только ряд незначительных корректив.

¹⁵⁹ Хибарин И. Н. // Отчет МДА за 1949/50 уч. г. С. 37.

¹⁶⁰ Вадковский Б. В. // Там же. С. 36. Здесь же указано, что он занимался переводом «части греческого текста» сочинения Михаила Пселла *De omnifari doctrine*, критически изданного Л. Г. Вестерлинком в г. Ниймеген (Голландия) в качестве диссертации (Utrecht, 1948). См. программу в: Архив МДА. Программы по греческому. С. 139–140. Возможно, что время для научных занятий появилось в связи с уменьшением учебной нагрузки Б. В. Вадковского в 1949/50 уч. г. Подробнее см.: Пушков 2002. С. 39.

¹⁶¹ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1949/50 уч. г. С. 37.

¹⁶² Доктусов Н. П. // Там же. С. 30. Большое внимание Н. П. Доктусов обращал на преподавание Священного Писания Нового Завета и на подготовку магистерской диссертации. Преподавание церковно-славянского (в 1-м и 2-м классах Семинарии) и латыни велось по остаточному принципу.

¹⁶³ «Постановили: 2. Отзывы о программах по Св. Писанию Нового Завета, Библейской Истории, Догматическому и Нравственному Богословию, Практическому руководству для пастырей, Русской Церковной Истории, Истории и обличению раскола и сектанства, Церковному пению и Греческому языку — утвердить и программы

И. Н. Хибарин писал:

Программа ставит трудно разрешимую цель — пройти всю грамматику греческого языка, далеко не в сокращенном объеме, в течение трех лет при двух недельных часах. Всего в распоряжении учащихся и учащихся будет 150—170 часов. Такое количество времени явно недостаточно для серьезного усвоения учащимися курса грамматики греческого языка. Один урок в неделю — это уже само по себе мало благоприятствует серьезному, хотя бы элементарному изучению языков. А кроме того, довольно много времени (и это необходимо!) приходится уделять на опрос, на упражнение в чтении и письме, на работу со словарем. Притом надо помнить, что в ряде Духовных Семинарий число воспитанников в каждом классе достигает 40 человек. Все это вместе взятое очень затрудняет серьезное усвоение объемистого курса грамматики греческого языка.

Для устранения нежелательных последствий можно было бы предложить начинать изучение греческого языка с 1-го класса; это, конечно, увеличило бы бюджет времени. Но и при этом объем курса грамматики необходимо несколько сократить. И во всяком случае это необходимо сделать, если оставить по-прежнему, т. е. начинать изучение греческого языка со второго класса. Прохождение греческого языка в Духовных Семинариях должно иметь цель — дать элементарное, но законченное и цельное, знакомство с греческим языком, научить умению хорошо прочесть греческий текст, дать достаточный минимум греческих слов (и в первую очередь специфических церковно-богословских), показать важное значение греческого языка для православного богослужения и богословия. Более полное, углубленное ознакомление с грамматикой греческого языка перенести на первые три курса Духовных Академий.

Было бы очень полезно отнести на прохождение греческого языка в Духовных Семинариях большее количество часов, чем предусмотрено типовой программой¹⁶⁴.

по перечисленным предметам признать типовыми только после изменения их в соответствии с указаниями отзывов» (ЖС МДАиС № 9 от 8 июня 1950 г. С. 28).

¹⁶⁴ Там же. С. 23, 24.

В свою очередь Н. П. Доктусов отметил:

Программу по латинскому языку для 4-го класса Духовной Семинарии можно рассматривать только как максимальную. При слабом составе учащихся 4-го класса и при сокращении часов, вследствие праздничных дней, в которые должны бы были проводиться занятия по латинскому языку, как это имело место в нынешнем году, объем программ должен быть сокращен опущением пунктов 1, 8 в морфологии и некоторых синтаксических конструкций в пункте 2-м¹⁶⁵.

Таким образом, И. Н. Хибарин ясно зафиксировал основные проблемы преподавания греческого языка на уровне семинарии, однако в ту эпоху было необычайно трудно преодолеть сравнительно недавно сложившиеся, но уже довольно устойчивые стереотипы. Хотя он ратовал за «усиление навыков правильного и быстрого чтения и перевода легких страниц святоотеческой литературы или книг Св. Писания»¹⁶⁶, это пожелания так и остались из области несбыточных desiderata.

В отличие от И. Н. Хибарина Н. П. Доктусов занимал более защитительную позицию, которую ему пришлось выработать в ответ на критику Учебным комитетом постановления преподавания латинского языка в 1949/50 уч. г. как «ненормальной и требующей коренной переработки» (17.7.1950)¹⁶⁷. В ответ он писал об отсутствии учебных пособий и о том, что ему приходится составлять «хрестоматию по латинскому языку для Семинарии и Академии»¹⁶⁸. В действительности Н. П. Доктусов латынью интересовался мало, что документально подтверждается письмом того же времени Л. Н. Парийского Святейшему Патриарху Алексию I¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Там же. С. 24.

¹⁶⁶ Хибарин И. Н. // Отчет МДА за 1949/50 уч. г. С. 38.

¹⁶⁷ См. аргументированную критику в: ЖС МДАиС № 1 от 14 сентября 1950 г. С. 2–4.

¹⁶⁸ Там же. С. 61–62.

¹⁶⁹ 23 июня 1950 г. Л. Н. Парийский писал патриарху Алексию I: «Вчера состоялся магистерский диспут Доктусова Н. П. Хвалили его все: особенно проф. Шабатин и Муравьев. Д. И. Боголюбов махал рукой и бубнил: довольно, хватит... Из сообщения о жизни Доктусова выяснилось, что он в свое время писал кандидатскую диссертацию о Священном Писании Нового Завета. Был профессорским стипендиатом по

В 1950/51 уч. г. расписание древних языков, как и в последующие годы вплоть до 1960/61 включительно, оставалось без каких-либо изменений¹⁷⁰. В 1950/51 уч. г. начинал преподавание греческого в Семинарии и на первом курсе Академии И. Н. Хибарин, на 2 и 3 курсе Академии — Б. В. Вадковский. Н. М. Лебедев продолжил преподавать латинский в Семинарии, а Н. П. Доктусов — в Академии¹⁷¹.

В следующих 1951/52, 1952/53 и 1953/54 уч. г. греческий в МДАиС преподавал доцент (впоследствии профессор) Алексей Иванович Иванов¹⁷² (параллельно он преподавал историю греко-восточных и славянских Церквей), а латинский — Н. М. Лебедев¹⁷³. В отчете за 1952/53 уч. г. в целях улучшения преподавания Н. М. Лебедев предлагал «заменить сдвоенные занятия древними языками одночасовыми в течение каждой учебной недели, примерно один час — в начале недели, другой — в середине ее, причем оба эти дня второй час занятий

кафедре Священного Писания Нового Завета. Следовательно, его основная специальность — Священное Писание Нового Завета. В Академии он занимает две штатных кафедры: кафедру Священного Писания Нового Завета и кафедру Латинского языка, вопреки общему порядку и пользе учебного дела. Из автобиографии выяснилось, что после Академии он прослушал где-то годовичные курсы по русскому языку и литературе и был преподавателем русского и славянского языков. О преподавании им латинского языка до Московской Академии в пространном до мелочей жизнеописании не было ни звука. Тем не менее, А. П. Смирнов сказал Лебедеву, чтобы, пока не поздно, выберите себе дополнительные уроки по богословским предметам, а не добивайтесь уроков латинского языка в Академии: все равно в Совете Вас забаллотируют, а за Доктусова подадут все голоса. Кстати сказать, Н. М. Лебедев назначен штатным преподавателем кафедры Латинского языка и, следовательно, имеет полное право на предоставление ему всех уроков латинского языка в Академии и Семинарии. Лебедев составил сборник “Хрестоматия избранных нравоучительных латинских изречений и выражений”, написал статью о падежах при глаголах в латинском языке, готовит хрестоматию по латинскому языку для духовных школ» (Архив МДА. Дело переписки Патриарха Алексия I). Биографическую справку о Н. П. Доктусове см. в: *Пушков 2002*. С. 52–58.

¹⁷⁰ При этом английский преподавался в той же пропорции, что и латинский, а древнееврейский по 2 часа на первых двух курсах Академии // *ЖС МДАиС* № 9 от 8 июня 1950 г. С. 30–31.

¹⁷¹ Там же. С. 33–34.

¹⁷² А. И. Иванов (род. в 1890 г.), выпускник Петроградской духовной академии. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 177–184.

¹⁷³ *ЖС МДАиС* № 1 от 13 сентября 1951 г. С. 28.

по древним языкам посвящать греческому языку»¹⁷⁴. Однако, в то время это самоочевидное улучшение в методике преподавания языков не было реализовано.

18–23 июля 1953 г. в Москве проходило ректорское совещание, на котором был поставлен вопрос и о преподавании древних языков. 29 сентября 1953 г. Учебный комитет прислал в МДА «программы по греческому и латинскому языкам, выработанные в соответствии с постановлениями ректорского совещания...»¹⁷⁵.

В учебном плане, утвержденном Святейшим Патриархом Алексием 5 ноября 1955 г. и подлежащим введению с начала 1956/57 уч. г., расписание древних языков осталось без изменений¹⁷⁶. В 1956/57 уч. г. латинский в МДАиС продолжал преподавать Н. М. Лебедев¹⁷⁷. На занятие должности преподавателя греческого языка, которая в начале данного года оставалась вакантной¹⁷⁸, подал прошение выпускник еще дореволюционной Киевской духовной академии (1914 г.) и преподававший греческий язык в Тифлисском (1914–1915), а затем в Черниговском духовном училище (1915–1917), кандидат богословия Михаил Агафангелович Старокадомский: «Прошу предоставить мне работу преподавателя Греческого языка во вверенной Вашему руководству Духовной Семинарии и Духовной Академии»¹⁷⁹. «Кандидатура М. А. Старокадомского в Совете не встретила возражений: он избирается на кафедру Греческого языка в Духовную Семинарию и Академию единогласно»¹⁸⁰. Однако М. А. Старокадомский, впоследствии известный профессор патрологии и апологетики, преподавал греческий только в течение одного месяца¹⁸¹. С 6 октября 1956 г. преподавате-

¹⁷⁴ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1952/53 уч. г. С. 87–88.

¹⁷⁵ Архив МДА. Программы по греческому. С. 47.

¹⁷⁶ ЖС МДАиС № 1 от 7, 8, 10, 12 сентября 1956 г. С. 18.

¹⁷⁷ Распределение предметов // ЖС МДАиС № 8 от 18, 19, 20 июня 1956/57 уч. г. С. 31.

¹⁷⁸ ЖС МДАиС № 1 от 7, 8, 10, 12 сентября 1956 г. С. 22.

¹⁷⁹ Прошение от 31 августа 1956 г. // ЖС МДАиС № 1 от 7, 8, 10, 12 сентября 1956 г. С. 30.

¹⁸⁰ ЖС МДАиС № 1 от 7, 8, 10, 12 сентября 1956 г. С. 32.

¹⁸¹ Михаил Агафангелович Старокадомский (1889–1973), выпускник Екатеринбургской ДС (1910 г.) и КДА (1914 г.). В 1940-е гг. получил вторую специальность

лем греческого в Семинарии и Академии значится Н. Н. Ричко¹⁸², один из самых образованных и эрудированных преподавателей Академии¹⁸³. Помимо греческого языка основная сфера научно-богословских интересов Н. Н. Ричко заключалась в изучении древнееврейского языка и библейской филологии, которая на стыке гебраистики и эллинистики имела особо большое творческое поле¹⁸⁴. В любом случае, в

по географии. Сразу же после ухода на пенсию (1956 г.) подал прошение о зачислении в МДА в качестве преподавателя греческого, однако из-за отсутствия взаимопонимания с председателем Учебного комитета протопр. Н. Ф. Количиким реально стал преподавать только со следующего учебного года — уже не греческий, а патрологию. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 244–250.

¹⁸² ЖС МДАиС № 1 от 7, 8, 10, 12 сентября 1956 г. С. 24 (повторный экземпляр). У Н. Н. Ричко карандашом приписан к древнееврейскому греческий язык. Дата 6 октября 1956 г. упоминается в более полном варианте отчета Н. Н. Ричко о преподавании древнегреческого языка в МДАиС, хранящемся в его личном деле: С. 6 (машинопись).

¹⁸³ Николай Николаевич Ричко (1924 — † 2 мая 1972 г.), родом из Белоруссии. Выпускник Минской духовной семинарии (1947–1951) и МДА (1951–1955). По окончании Академии назначен заведующим библиотекой. Удостоен степени кандидата богословия за сочинение на тему «Орден базилианцев и его значение в истории Унии на Украине и в Белоруссии». В связи с назначением преподавателем греческого языка в Семинарии и Академии (1956) был освобожден от должности заведующего библиотекой. В последние годы жизни трудился над написанием магистерского сочинения «Полный курс лекций по древнееврейскому языку для студентов Духовных Академий». Еврейский язык Н. Н. Ричко начал изучать еще в детстве, имея возможность общения с соседями-евреями, в то время как греческий он стал серьезно изучать уже в духовных учебных заведениях. См. также: *Пушков 2002*. С. 191–194.

¹⁸⁴ В личном деле Н. Н. Ричко сохранилась его собственноручная записка под названием «Проблемы богословия в области филологии. Древнегреческий и древнееврейский языки» в 11 пунктах. Приведем некоторые из них:

«1. Тщательное изучение подлинного языка ветхозаветных книг в связи с языком перевода LXX и точное установление орфографической и смысловой разницы двух текстов Библии времен св. ап. Павла...

3. Написание толковых словарей и особых грамматик для Ветхого и Нового Завета с полным отображением особенностей еврейского и греческого языков...

9. Установление причины различия языка отдельных евангелистов в связи с еврейской филологией.

10. Разрешение вопроса неточной цитации Священного Писания некоторыми святыми отцами в их творениях.

11. Пересмотр и уточнение русского и церковнославянского переводов Библии на основе лучших памятников подлинного библейского текста».

1957/58 уч. г. весь греческий преподавал Н. Н. Ричко, а латинский — Н. М. Лебедев по такому же расписанию¹⁸⁵. Последнему пришлось с сожалением констатировать в годовом отчете: «Ученики 4-го класса значительно меньше уделяли внимания языкам, в том числе и латинскому, очевидно, не понимая значения изучения языков»¹⁸⁶.

В связи с болезнью Н. Н. Ричко в следующем 1958/59 уч. г. ныне здравствующему заслуженному профессору Академии Константину Ефимовичу Скурату было поручено преподавание 4 часов греческого на одном из старших курсов МДА — с ноября 1958 г. по январь 1959 г. включительно¹⁸⁷. К. Е. Скурат, по его устным воспоминаниям, так полюбил преподавание, что ему было очень трудно расстаться с греческим после возвращения своего коллеги и друга¹⁸⁸. Со второй половины того же года уроки греческого языка на 2-м и 3-м курсах МДС были переданы А. В. Ушкову¹⁸⁹, профессору весьма преклонных лет, очевидцу возрождения МДАиС в послевоенные годы.

В 1-й половине 1957 г. Святейший Патриарх Алексий дал новый импульс к развитию образования в духовных академиях и, в частности, к улучшению постановки преподавания языков. В проекте «Инструкции по организации методической работы в Духовных Семинариях» предполагалось создать четыре «предметные Комиссии», тематически соответствующие во многом 4-м современным кафедрам. Четвертая Комиссия по языкам «состоит из преподавателей: Греческого языка, Латинского языка, Еврейского языка (где имеются Духовные академии), Церковно-славянского языка, Русского языка и новых иностранных языков»¹⁹⁰.

¹⁸⁵ Распределение предметов // ЖС МДАиС № 9 от 18, 19, 20 июня 1956/57 уч. г. С. 324–326.

¹⁸⁶ См.: Отчет МДА за 1957/1958 уч. г. С. 122.

¹⁸⁷ К. Е. Скурат был даже утвержден в должности преподавателя греческого патриаршим распоряжением от 20 ноября 1958 г.

¹⁸⁸ По воспоминаниям К. Е. Скурата, они вместе с Н. Н. Ричко провели детские годы в одном селе в Белоруссии, затем вместе учились в Минской ДС, вместе поступили в МДА.

¹⁸⁹ «Вследствие временного освобождения Н. Н. Ричко от преподавания» // ЖС МДАиС № 7 от 10 апреля 1959 г. С. 3.

¹⁹⁰ ЖС МДАиС № 8 от 18, 19, 20 июня 1956/57 уч. г. С. 10.

Одной из важнейших вех в сохранении интереса к современным иностранным языкам стало обсуждение и решение вопроса «о переводе иностранных богословских книг на русский язык», который был поставлен на заседании Совета Академии от 10 апреля 1957 г. В результате долгих обсуждений было решено поручить перевод книг (в списке приводится 20 наименований книг)¹⁹¹ преподавателю английского языка В. Ю. Вульфурту и двум работникам епархиального управления Краснодарского края¹⁹².

Переосмысление отношения к языкам отчасти принесло свои плоды и для древних языков: в том же 1957/58 уч. г. стали выдвигаться темы курсовых сочинений на следующий уч. г. и по «кафедре древних (еврейского и греческого) языков», создателем и «душой» которой оставался Н. Н. Ричко. Из трех тем две были по гебраистике, а одна предполагала комплексное знание как греческого, так и еврейского и славянского языков: «Филологический анализ молитвы св. пророка Аввакума в сопоставлении с греческим LXX и славянскими переводами»¹⁹³. В 1958/59 уч. г. по той же Кафедре было выдвинуто уже 6 новых тем¹⁹⁴. Кандидатские сочинения по древним языкам разрабатывались вплоть до конца 1960-х гг., хотя они и занимали самое последнее место среди работ по другим дисциплинам¹⁹⁵.

Самые большие изменения в учебном плане по классическим языкам произошли в 1961 г. В 1961 г. было принято решение об «улучшении» преподавания древних и иностранных языков в Академии и Семинарии¹⁹⁶. В результате с 1961 г. объем древних языков увеличился на II, III курсах до 4 часов¹⁹⁷, тогда как с 1949 г. греческий и латынь препода-

¹⁹¹ Из них большая часть на английском языке, значительно меньшая — на французском.

¹⁹² ЖС МДАиС № 9 от 18, 19, 20 июня 1956/57 уч. г. С. 51–55.

¹⁹³ ЖС МДАиС № 10 от 16 мая 1958 г. С. 23.

¹⁹⁴ ЖС МДАиС № 8 от 24 апреля 1959 г. С. 7–8.

¹⁹⁵ Сарычев В. Д. Об ученых трудах Академии // Московская Духовная Академия: сб. статей, посвященных 150-летию пребывания в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре: (Труд профессорско-преподавательского состава МДАиС). Т. 1. 1964. С. 288 (машинопись).

¹⁹⁶ Архив МДА, ЖС МДАиС от 17 октября 1961 г. № 5. *Селянин* 1994. С. 57.

¹⁹⁷ См.: *Селянин* 1994. С. 90.

вались по 2 часа на I, II, III курсах Академии, но при этом обязательное изучение трех языков со II курса заменилось выбором одного из них¹⁹⁸. В МДС греческий язык стал изучаться по два часа в неделю с I класса до III включительно, а латинский остался только на IV курсе, причем в самом минимальном объеме. Внешне данная ситуация напоминает аналогичный переход с обязательного изучения двух языков на изучение одного по выбору согласно Уставу 1884 г., однако уровень предварительной языковой подготовки студентов 80-х гг. XIX в. и студентов 60-х гг. XX в. был настолько разным, что проводить дальнейшие параллели было бы крайне затруднительно.

В Академии трудное положение сложилось у Н. М. Лебедева, которому пришлось вести многолетнюю борьбу со студентами, пытавшимися провести новую концепцию преподавания латинского языка — слушать лекции по истории латинского языка и литературы без грамматического опроса по заданному тексту¹⁹⁹. По словам Лебедева, «такое “шитое белыми нитками” желание (особо ленивых и малоуспешных студентов курса) как неосновательное не могло быть удовлетворено в интересах дела...»²⁰⁰.

В 1961/62 уч. г. Б. А. Нелюбов²⁰¹ начал преподавать греческий язык на 2-м курсе Академии. На всех остальных курсах и классах греческий временно продолжал преподавать Н. Н. Ричко²⁰², который со следующего года намеревался отказаться от греческого языка в пользу древнееврейского²⁰³.

¹⁹⁸ Таким образом, к примеру, латинский язык стал преподаваться на 1-м курсе всем студентам, а на 2-м и 3-м курсах МДА — латинской группе студентов (ср.: Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1962/63 уч. г. Пагинация отсутствует).

¹⁹⁹ См.: Отчет МДА за 1957/58 уч. г. С. 122.

²⁰⁰ См.: Отчет МДА за 1958/59 уч. г. С. 136.

²⁰¹ В этом году он написал стипендиатский отчет по новогреческому языку «Обзор литургического труда Пан. Н. Трембела “Три Литургии по афинским кодексам с литературным переводом предисловия». 2 марта 1962 г. прочел пробную лекцию «О значении греческого языка для богословия» (Нелюбов Б. А. // Отчет МДА за 1961/62 уч. г. С. 193—194).

²⁰² Ричко Н. Н. // Отчет МДА за 1961/62 уч. г. С. 148—150.

²⁰³ Ричко Н. Н. Учебный процесс. С. 209 (машинопись).

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Табл. № 16. Расписание древних языков в МДАиС (1961–1967 гг.)

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й
Греч. (часы в неделю)	2	2	2	
Лат.	–	–	–	2
МДА: курс	I	II	III	IV
Греч.	2	4	4	–
Лат.	2	4	4	–
Древнеевр.	2	4	4	–

В 1962/63 уч. году уже на всех курсах Академии греческий язык преподавал Б. А. Нелюбов, использовавший в качестве практического материала болгарский учебник А. Милова и А. Михайлова, который был наиболее современным из доступных тогда учебных руководств²⁰⁴. В этом году были написаны два курсовые сочинения по греческому языку²⁰⁵.

В 1963/64 уч. году Н. М. Лебедев ушел на пенсию²⁰⁶, вместо него латинский язык поручили преподавать свящ. П. Морозу вместо преподававшихся им ранее гомилетики и Священного Писания Ветхого Завета²⁰⁷. Однако из-за назначения П. Мороза на административное послушание²⁰⁸ в середине того же года латинский был передан помощнику инспектора, кандидату богословия 1963 г. Ивану Васильевичу

²⁰⁴ Милев Ал., Михайлов Ап. Учебник по гречки език за Духовните училища. София, 1956. 292 с. См.: Нелюбов Б. А. // Отчет МДА за 1962/63 уч. г. Пагинация отсутствует.

²⁰⁵ Осипов А. Перевод чинопоследования Утрени и Вечерни по служебнику Греческой Церкви 1951 года издания в сравнении с русским Служебником синодального издания; Савенко П. Перевод Литургии св. Василия Великого и Преждеосвященных Даров по служебнику Греческой Церкви 1951 года издания в сравнении со славяно-русским служебником синодального издания.

²⁰⁶ Отчет МДА за 1963/64 уч. г. С. 3.

²⁰⁷ ЖС МДАиС № 1 от 9 сентября 1963. С. 25.

²⁰⁸ Вскоре свящ. П. Мороз был назначен помощником заведующего Сектором начального обучения прот. Алексея Остапова (ЖС МДАиС № 3 от 10 октября 1963 г.), а затем переведен в Одесскую духовную семинарию (Отчет МДА за 1963/64 уч. г. С. 5. П. 27).

Воробьеву²⁰⁹. Греческий по 2 часа на первых трех курсах Семинарии продолжал преподавать Н. Н. Ричко²¹⁰, а в Академии — Б. А. Нелюбов (по тому же расписанию, что и латинский)²¹¹.

В 1964/65 уч. году латинский язык в МДАиС был поручен И. В. Воробьеву, который преподавал его по учебнику С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова²¹². В середине этого же года²¹³ вместо Н. Н. Ричко преподавание греческого в Семинарии было поручено Д. П. Огицкому, который еще в конце 1940-х гг. учил Н. Н. Ричко греческому в Минской духовной семинарии. Таким образом, заслуженный учитель, которого близкие друзья в шутку называли «новым Оригеном»²¹⁴, стал преподавать греческий вместо своего ученика.

В 1965/66 уч. году латинский язык в МДАиС полностью был поручен И. В. Воробьеву, бессменному преподавателю латыни вплоть до самой своей смерти в 2009 г.²¹⁵, а греческий (вместе с западными исповеданиями) в Семинарии преподавал Д. П. Огицкий²¹⁶, в то время

²⁰⁹ Воробьев И. В. // Отчет МДА за 1963/64 уч. г. С. 231–234.

²¹⁰ В Академии вел древнееврейский. См.: Ричко Н. Н. // Отчет МДА за 1963/64 уч. г. С. 178–180.

²¹¹ См.: Нелюбов Б. А. // Отчет МДА за 1964/65 уч. г. С. 228–230.

²¹² Воробьев И. В. // Отчет МДА за 1964/65 уч. г. С. 211.

²¹³ С 27 января — временно, а с 17 февраля — постоянно (Огицкий Д. П. // Отчет МДА за 1964/65 уч. г. С. 209).

²¹⁴ Согласно воспоминаниям К. Е. Скурата, так именовал Д. П. Огицкого Н. Д. Успенский, которого Огицкий в свою очередь величал Скабаллановичем.

²¹⁵ Иван Васильевич Воробьев (8 августа 1933 г. — 14 ноября 2008 г.) [Некролог] // БВ 10. 2010. С. 444–454.

²¹⁶ Дмитрий Петрович Огицкий († 1994) стал преподавать греческий с 1956 г. Один из ярких и талантливых преподавателей. Род. 26 октября 1908 г. в семье священника Гродненской епархии. В 1927 г. по окончании Виленской духовной семинарии поступил на Богословский факультет Варшавского университета. В 1932 г. удостоен степени магистра богословия за сочинение «Исторический обзор состава православных богослужений первых трех дней Страстной седмицы». Преподавал в Виленской (1932–1939), Минской (1947–1950, 1961–1963) и Ставропольской (1951–1960) духовных семинариях. В октябре 1963 г. приглашен в аспирантуру МДА для чтения лекций по современному католичествому, с 1965 по 1976 г. — преподаватель МДАиС. Впоследствии жил в стесненных обстоятельствах в Белоруссии, не преподавал, но только иногда приезжал в Москву для участия в заседаниях Синодальных комиссий.

как на первых трех курсах Академии греческий вел Б. А. Нелюбов²¹⁷. То же расписание сохранялось и в следующем учебном году²¹⁸.

В 1967/68 уч. году произошло сокращение греческого языка в Семинарии по образцу латинского до 2 часов в неделю в 4-м классе (сдвоенные часы). Предполагалось, что потеря 4-х часов будет отчасти компенсирована добавлением 2 часов на 1-м курсе МДА, однако только в конце 1970-х гг. все древние языки стали преподаваться по 4 часа в неделю на всех трех курсах. Пока что три древние языки в Академии продолжали изучаться в обязательном порядке на 1-м курсе, а со 2-го — один по выбору. Сокращенный до предела греческий в Семинарии так и продолжал преподавать Д. П. Огицкий²¹⁹, которому в 1968/69 уч. г. пришлось преподавать в 4-м классе МДС одновременно и для тех, кто изучал греческий и 1 год, и 2 года²²⁰. В начале 1970-х гг. при МДА усиленным изучением греческого языка занимался Анатолий Алексеевич Матвеев²²¹, ученик Бориса Александровича Нелюбова. Впоследствии А. А. Матвеев начиная с 1973/74 уч. г. в течение многих лет преподавал греческий язык в Семинарии²²².

Табл. № 17. Расписание древних языков в МДАиС (1967/68—1970-е гг.)

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й
Греч. (часы в неделю)	—	—	—	2
Лат.	—	—	—	2

²¹⁷ Распределение предметов и часов занятий между наставниками на 1965/66 уч. г. // ЖС МДАиС № 1 от 26 августа 1965 г. С. 28—31.

²¹⁸ Распределение предметов и часов занятий между наставниками на 1967/68 уч. г. // ЖС МДАиС № 1 от 26 августа 1967 г. С. 5—7.

²¹⁹ ЖС МДАиС № 1 от 26 августа 1969 г. С. 30.

²²⁰ Огицкий Д. П. // Отчет МДА за 1968/69 уч. г. С. 195.

²²¹ В 1971 г. А. А. Матвеев был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре греческого языка. В 1971/72 уч. г. он изучал греческую палеографию, отсутствовавшую в программе Академии, а в 1972/73 г. продолжил углубленное изучение грамматики древнегреческого языка под руководством Д. П. Огицкого (Матвеев А. А. // Отчет МДА за 1972/73 уч. г. С. 253—257).

²²² По крайней мере, на первых порах по конспекту, составленному Д. П. Огицким. См.: 1-й отчет А. А. Матвеева за 1973/74 уч. год // Отчет МДА за 1973/74 уч. г. С. 274.

МДА: курс	I	II	III	IV
Греч.	2	4	4	—
Лат.	2	4	4	—
Древнеевр.	2	4	4	—

В 1970/71 г. в Семинарии латинский язык было поручено преподавать А. М. Осиповичу²²³, который продолжал вести данную дисциплину и в следующем году²²⁴. С 1973/74 уч. г. вся латынь в МДАиС снова была «возвращена» И. В. Воробьеву.

С конца 1970-х гг. древние языки в Академии стали изучаться по выбору уже с 1-го курса, на котором они были усилены еще 2 часами. Но на протяжении многих лет расписание занятий по классическим языкам более не изменялось. Основные преподаватели греческого и латыни: Иван Васильевич Воробьев и Борис Александрович Нелюбов — при всей своей любви к классическим языкам не могли существенно поднять уровень преподавания языков, обусловленный тесными рамками расписания, несистематическими начальными знаниями и, порой, отсутствием достаточного личного контакта с учащимися²²⁵.

Табл. № 18. Расписание древних языков в МДАиС (1970-е гг.—1998)

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й
Греч. (часы в неделю)	—	—	—	2
Лат.	—	—	—	2
МДА: курс	I	II	III	IV
Греч.	4	4	4	—
Лат.	4	4	4	—
Древнеевр.	2	4	4	—

²²³ См.: Осипович А. М. // Отчет МДА за 1970/71 уч. г. С. 221—223.

²²⁴ Осипович А. М. // Отчет МДА за 1971/72 уч. г. С. 259.

²²⁵ В частности, из-за того, что в Семинарии занятия проводились с учащимися всего класса без деления на языковые группы. Языковой уровень поступающих в Академию крайне неоднороден, что представляло (и представляет) одну из главных проблем академического курса. В истории МДС был прецедент освобождения от изучения древних языков тех воспитанников Семинарии, которые недостаточно владели русским языком. См.: Отчет МДА за 1973/74 уч. г. С. 212.

3. Содержание преподавания

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Начиная с 1944/45 уч. г. общая программа преподавания греческого языка — насколько можно судить по отчетам первого преподавателя Б. В. Вадковского — была построена следующим образом²²⁶. В первых классах Семинарии учащиеся получали элементарные сведения по морфологии, они изучали при этом фонетику, 1-е и 2-е склонения, настоящее время в изъявительном и повелительном наклонениях, и, наконец, в 4-м классе — 3 склонение. Только в Академии они начинали знакомиться с простейшим синтаксисом (употребление других наклонений, функции падежей и пр.). Так, страдательный залог проходилась ими только на II курсе Академии и то только для настоящего времени — для сравнения можно отметить, что в настоящее время данная тема проходит на втором месяце изучения греческого языка в Семинарии. За первые два года обучения учащиеся прочитывали 11 новозаветных стихов (Ин. 1, 10—17; 4, 24; Мф. 5, 21; Откр. 22, 6). В Академии II курс заканчивался чтением «отдельных предложений из Нового Завета, соответствующих изучаемым разделам грамматики», т. е. и здесь учащиеся не имели ни малейшей возможности приступить к чтению связных текстов²²⁷. Важной формой работы студентов стало

²²⁶ В фонде библиотеки Московской духовной академии сохранились тетради Н. Н. Ричко, учившегося в те годы в Минской духовной семинарии (1947—1951 гг.), — впоследствии известного профессора МДА. В тетради за курс 4-го класса 1947/48 г. сохранились записи, точно передающие программу и методологию преподавателя Минской ДС Д. П. Огицкого (1947—1950). В то время Д. Огицкий преподавал с особым воодушевлением: учащиеся читали сочиненные им тексты на церковно-исторические и богословские темы, много переводили с русского на греческий. Изучение греческого начиналось по следующему тексту: *Ὡλέτομεν τὸ ἅγιον βῆμα. Ἀχοῦομεν τὸ Πιστεύω... Λέγω εὐσεβῶς Κύριε φύλαττε ἡμᾶς*. Учащиеся обращали особое внимание на слова греческого происхождения. Так, слово «филология» означает «дружба со словом. Этим именем обозначаются словесные науки. Языки, грамматики». В качестве переводов с русского на греческий предлагалось перевести: «Крест Господень», «молитва друга», «свет Божий» и пр. Николай Ричко и по греческому, и по латинскому языку имел результаты не «отличные», а только «хорошие».

²²⁷ Помимо отрывков из Священного Писания и церковных песнопений, чтение

заучивание молитв наизусть²²⁸. При этом Б. В. Вадковский в отзыве на программу по греческому, составленную деканатом ЛДА, писал: «За недостатком времени предлоги лучше не заучивать, а отыскивать по словарю»²²⁹. Основным пособием Б. В. Вадковского был «Курс греческого языка» М. Григорьевского (Ч. 1. Этимология. Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1910)²³⁰.

В последующие годы академическая программа по греческому оставалась в пределах Литургии св. Иоанна Златоуста и евангельского текста, основным учебным руководством служил учебник С. И. Соболевского, изучавшийся, конечно, далеко не в полном объеме. Так, в 1949/1950 и в 1950/51 уч. г. И. Н. Хибарин во 2-м классе Семинарии прошел 1-е, 2-е склонения существительных, а настоящее время глагола вместе с имперфектом и аористом — только в 3-м. При этом, как в 4-м классе Семинарии, так и на 1-м курсе Академии проходилась одна и та же грамматический материал²³¹. В 1950/51 уч. г. Б. В. Вадковский, преподававший греческий на 2-м и 3-м курсе МДА, на 2-м курсе помимо грамматики занимался «переводами и разбором Евангельских чтений», а на 3-м использовал «примеры из учебника Соболевского, а для заучивания наизусть — молитвы»²³².

В последующие три года (1951—1954) учебная программа А. И. Иванова по греческому состояла в основном «в изучении грамматики, чтении и разборе греческих фраз из учебника Соболевского, заучивании наизусть молитв и в чтении и переводе некоторых отрывков из Евангелия»²³³. Программа по греческому языку в 1956 г. имела следующие важнейшие недостатки: из-за малого учебного времени 3-е склонение начато было только на 5-м году обучения (т. е. уже на 2-м курсе Академии), в МДАиС

других текстов вообще не предполагалось. См.: Отчет МДА за 1947/48 уч. г. С. 18; Вадковский Б. В. // Отчет МДА за 1947/48 уч. г. С. 178, 178 об. (автограф).

²²⁸ Среди молитв назван тропарь на Рождество Христово. См.: Отчет МДА за 1948/49 уч. г. С. 32.

²²⁹ Вадковский Б. В. Замечания к программе от 14 марта 1949 г. // Архив МДА. Программы по греческому. С. 82.

²³⁰ Архив МДА. Программы по греческому. С. 61.

²³¹ См.: Отчет МДА за 1950/51 уч. г. С. 50.

²³² Вадковский Б. В. // Отчет МДА за 1950/51 уч. г. С. 49.

²³³ Ср.: Иванов А. И. // Отчет МДА за 1952/53 уч. г. С. 89.

читались тексты одинаковой сложности (начало Литургии св. Иоанна Златоуста до Трисвятого и отрывки из Евангелия), так как из-за поступивших из других семинарий со слабым греческим в Академии приходилось практически начинать заново²³⁴. Отсутствие разницы в построении академического и семинарского языкового курса приводило к обеднению и фактическому обесцениванию академической программы. «Глаголов нечистых (на согласные основы) А. И. Иванов не касался даже на третьем курсе. Сильные (вторые) времена также оставались в стороне. Литургийный текст для чтения и грамматического анализа вовсе не предлагался слушателям», — писал следующий преподаватель Н. Н. Ричко, преисполненный определенной доли разочарования²³⁵.

Особо сбалансированной представляется программа по греческому, по которой преподавал сам Н. Н. Ричко. После освоения элементарных азов в 1-м классе МДС (1-е и 2-е склонения, спряжения чистых глаголов) во 2-м делался акцент на всех типах 3-го склонения, а в 3-м классе — на усвоении глагольных форм и основных синтаксических законов²³⁶. «Тексты во всех классах переводились только религиозного содержания»²³⁷. В Академии «при тех же часах курс грамматики был доведен до второго спряжения (по морфологии) с усвоением значительной части синтаксиса»²³⁸. Однако при ограниченном учебном времени и разном уровне учащихся изучение греческого в Академии продолжало дублировать семинарский курс. Чтение текстов 1956/57 уч. г. на 3-м курсе МДА не впечатляет: «2-я глава Евангелия Матфея, 9-я глава Евангелия Иоанна и начало Литургии св. Иоанна Златоуста до Сугубой ектении включительно». «К переводам всем курсам в течение учебного года давались слова в виде словаря с анализом сложных грамматических форм. Главным учебным руководством служил учебник древнегреческого языка С. И. Соболевского»²³⁹.

²³⁴ См.: Отчет МДА за 1956/57 уч. г. С. 136–142.

²³⁵ Ричко 1966. С. 207.

²³⁶ Ричко Н. Н. // Отчет МДА за 1963/64 уч. г. С. 178–180.

²³⁷ Там же. С. 180.

²³⁸ Ричко 1966. С. 208.

²³⁹ Ричко Н. Н. // Отчет МДА за 1956/57 уч. г. С. 142.

Д. Ф. Огицкий специально составил пособие, в котором очень подробно разработаны вводные темы по фонетике, орфографии и начальным азам греческого языка (элементарные формы глагола и 1-го, 2-го склонений), которое было сочтено идеальным для своеобразного языкового ликбеза²⁴⁰. Это пособие печаталось на специально приобретенной Д. Ф. Огицким в начале 1966/67 уч. г. пишущей машинке с греческим шрифтом и размножалось фотографическим способом²⁴¹. «Упор делался на текстовые иллюстрации к грамматическому материалу. Тексты приходилось составлять самому», — под таким своеобразным лозунгом велось преподавание греческого в ту эпоху²⁴².

Однако в целом ситуация оставалась столь же бесперспективной: из-за предельно малого учебного времени, выделявшегося на классические языки, даже на третьем году обучения приходилось продолжать заниматься элементарной грамматикой. В 1964/65 уч. году «главное внимание было обращено на глагольные формы настоящего времени и имперфекта; пройдено слитное спряжение»²⁴³. С 1966/67 уч. г. программа по греческому языку, максимально сокращенная в Семинарии до одного сдвоенного урока в неделю на 4-м курсе, не могла продвигаться сколько-нибудь дальше фонетики, орфографии, элементарных форм спряжения глагола, 1-го и 2-го склонений. Тем не менее, в отчете за 1969/70 уч. г. Д. П. Огицкий указывал, что учащимися были проработаны «9 греческих текстов, насыщенных церковно-богословским и литургическим лексиконом»²⁴⁴. Впоследствии данная программа еще

²⁴⁰ См.: Отчет МДА за 1971/72 уч. г. С. 183.

²⁴¹ Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1966/67 уч. г. С. 194. «Приобретенная мной в начале этого учебного года пишущая машинка с греческим шрифтом и обучение одной из машинисток правилам греческой орфографии и технике работы на греческой машинке значительно облегчали задачу обеспечения учащихся греческим текстовым материалом». До этого «греческие тексты размножались преподавателем под копирку» (Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1965/66 уч. г. С. 195). В течение долгого времени данное пособие было самым важным на заочном секторе МДС.

²⁴² Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1966/67 уч. г. С. 194.

²⁴³ Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1964/65 уч. г. С. 210.

²⁴⁴ Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1969/70 уч. г. С. 188. Сходный отчет представлялся и в последующие годы. Ср.: Огицкий Д. Ф. // Отчет МДА за 1970/71 уч. г. С. 169.

более урезалась вплоть до одного только 1-го склонения и элементарных форм настоящего времени²⁴⁵.

В последующие годы в Академии греческий вел Борис Александрович Нелюбов. Программа по греческому 1969/70 уч. г. достаточно характерна. Учебный год на 1-м курсе МДА, начавшийся с повторения элементарной грамматики, заканчивался изучением «собственных» и «несобственных» предлогов; на 2-м курсе изучали, в частности, сильные времена и степени сравнения прилагательных; на 3-м — глаголы 1-го и 2-го классов, а также синтаксис как простых, так и сложных предложений²⁴⁶.

Методика Б. А. Нелюбова была отражена в специальном пособии, изданном в 1996 г.²⁴⁷. Однако учебник С. И. Соболевского продолжал оставаться незаменимым, что признавали и сами академические преподаватели. В конце 1963/64 уч. г. Н. Н. Ричко и Б. А. Нелюбов составили дополнительный хрестоматийный материал для заочного сектора с ориентацией именно на этот учебник²⁴⁸.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК

Первоначально латинский язык преподавался приблизительно в том же ключе, что и греческий. На 1-м курсе Богословского института помимо алфавита и правил о постановке ударения Б. В. Вадковский успевал пройти склонения имен существительных, степени сравнения прилагательных, наречия, формы глагола *sum*, на 2-м — сначала составное глагольное сказуемое (с глаголом *sum*), а затем простые глаголы четырех спряжений, с которых обычно начинается изучение латинской

²⁴⁵ Матвеев А. А. // Отчет МДА за 1973/74 уч. г. С. 274.

²⁴⁶ Отчет МДА за 1969/70 уч. г. С. 204–206.

²⁴⁷ Нелюбов Б. А. Методическое пособие по греческому языку для духовных школ Русской Православной Церкви. М., 1996. 84 с. В конце приведена краткая хрестоматия, «состоящая из текстов Священного Писания, православного богослужения и творений святых отцов» (с. 53–83).

²⁴⁸ «Приложение. Хрестоматийный материал (тексты, слова и письменные задания) по древнегреческому языку для заочного сектора Московской Духовной Академии к учебнику С. И. Соболевского “Древнегреческий язык. Москва, 1948”».

грамматики. Примеры для упражнений преподаватель заимствовал из учебника Д. Троицкого²⁴⁹ и хрестоматии С. И. Соболевского²⁵⁰.

Н. И. Ивановский, преподававший латынь в 1-м и 2-м классе МДС в 1948/49 уч. г., во 2-м классе только приступал к элементарному синтаксису (*ablativus absolutus, accusativus cum infinitivo*), занимался также с учащимися переводом пасхального евангельского чтения и 5-й главы Евангелия от Матфея²⁵¹. В конце второго года изучения учащиеся выучивали наизусть две молитвы — *Pater noster* и *Ave Maria*²⁵².

Пожалуй, самым известным латинистом в первые послевоенные десятилетия оказался Николай Михайлович Лебедев, имевший опыт преподавания латыни и ранее²⁵³. Как правило, его первый урок был посвящен опросу, а второй — объяснению нового материала, отчасти по учебнику, который по необходимости «перекраивался» («с разметкой учебника»), отчасти — «с краткой записью в тетради»²⁵⁴ как теории, так и упражнений²⁵⁵. Хотя в первые годы своего преподавания Н. М. Лебедев использовал учебник С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова, введенный по указанию И. В. Сталина как базовый школьный

²⁴⁹ Троицкий Д. Руководство к изучению латинской этимологии для 2-го и 3-го классов духовных училищ. М., 1892. IV, 105 с.; Руководство к изучению латинского синтаксиса для 3-го и 4-го классов Духовных училищ. М., ³1895. [4], 119 с.; Соболевский С. И. Хрестоматия для переводов с латинского языка на русский. Ч. 1. М., 1938. 288 с.

²⁵⁰ Вадковский Б. В. Программа по латинскому языку в Православном Богословском институте // Архив МДА. Программы по латинскому. С. 4–7.

²⁵¹ Элементарные сведения, чтение и разбор евангельских мест и молитв с заучиванием последних. См.: Отчет МДА за 1948/49 уч. г. С. 33.

²⁵² Преподавателя по латинскому языку В. Ивановского краткая докладная записка о выполнении программы // Отчет МДА за 1948/49 уч. г. С. 168.

²⁵³ Н. М. Лебедев (1879 — † 9 сентября 1967 г.) родился в Калуге, закончил Калужское духовное училище (1894) и семинарию (1900), а также Санкт-Петербургскую академию (1904) кандидатом богословия (ЖС МДАиС № 9 от 20 мая 1959 г. С. 3–4). Впоследствии преподавал латинский язык в Екатерининской женской гимназии (1913–1917), в средних медицинских школах (1932–1944) и в фармацевтическом институте (1947–1949) (Там же. С. 4). Более подробно см.: Пушков 2002. С. 145–149.

²⁵⁴ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1951/52 уч. г. С. 47.

²⁵⁵ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1950/51 уч. г. С. 47.

учебник по латыни²⁵⁶, постепенно он пытался перейти к преподаванию по собственным учебным пособиям²⁵⁷. Перевод богословских терминов или особые богословские значения, которые отсутствовали в словарях, студенты записывали под диктовку прямо на лекциях²⁵⁸. В качестве учебного материала Лебедев изготовил 14 стенных таблиц по грамматике латинского языка²⁵⁹ и, в конце концов, после долгих перипетий²⁶⁰ защитил учебник по латинскому языку в качестве магистерской диссертации на диспуте, состоявшемся 20 мая 1959 г.²⁶¹.

²⁵⁶ Кондратьев С. П., Васнецов А. И. Учебник латинского языка для 8–10 классов средней школы. М., 1948. 320 с.

²⁵⁷ В отчете о преподавании латыни Н. М. Лебедев писал: «Примеры, даваемые в этом учебнике, по своему содержанию зачастую далеки от профиля нашей духовной школы» (Отчет МДА за 1952/53 уч. г. С. 86).

²⁵⁸ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1952/53 уч. г. С. 87.

²⁵⁹ Пожертвованы Академии согласно прошению Н. М. Лебедева от 4 октября 1957 г. // ЖС МДАиС № 2 от 12 ноября 1957 г.

²⁶⁰ Параллельно Н. М. Лебедев предполагал подготовить хрестоматию по латинскому языку и даже просил Совет Академии утвердить данную хрестоматию как магистерскую диссертацию. Однако после того, как Совет счел более целесообразным составление учебника по латыни, Лебедев подал в качестве магистерской диссертации «Учебник по латинскому языку для духовных семинарий (по утвержденной программе)». Хотя в рукописном эпиграфе *feci quod potui, faciant meliora potentes* автор ясно намекал на максимум предпринятых усилий по написанию работы, на защите разразилась бурная дискуссия, в которой помимо благосклонных голосов рецензентов прозвучали нелицеприятные отзывы Н. Н. Ричко, иером. Питирима (впоследствии митрополита) и К. М. Комарова. В результате патриарх Алексей I не утвердил данную магистерскую работу, прошедшую через Совет, которая по его оценке «представляла собой как бы черновик сочинения со многими поправками» (ЖС МДАиС № 10 от 5–6 июня 1959 г. С. 3). Весь текст резолюции, подписанной Управляющим делами Московской Патриархии архим. Никодимом (Ротовым), см. в: ЖС МДАиС № 10 от 5–6 июня 1959 г. С. 2–5. При повторной защите помимо благосклонных отзывов Н. И. Муравьева и М. А. Старокадомского прозвучал критический и исполненный горечи отзыв Н. Н. Ричко, завершившийся словами пророка Иезекииля: *dixi et animam levavi* (Иез. 33, 9) (ЖС МДАиС № 9 от 20 мая 1959 г. С. 38–61). После проведенного тайного голосования (8 голосов «за», 5 «против») диссертация была наконец-то защищена (ЖС МДАиС № 9 от 20 мая 1959 г. С. 87). Однако Н. Н. Ричко, очевидец и активный участник событий, остался при своем мнении: «...второй защиты не состоялось: ученая степень была присуждена без защиты, хотя и вторые отзывы были отрицательного характера, причем по существу дела» (Ричко Н. Н. Ученый процесс. С. 215–216).

²⁶¹ Список трудов Н. М. Лебедева по латыни показателен для той эпохи: 1. Учеб-

К учебнику прилагалась также малая хрестоматия, состоявшая из отрывков, заимствованных только из Священного Писания²⁶². Первоначально составитель предполагал защитить в качестве магистерской работы более просторную хрестоматию, план которой в незавершенном виде сохранился в журналах академического совета:

I. Молитва.

II. <Избранные места> из Библейской Истории.

III. Отрывки из Свящ. Писания Ветхого Завета.

IV. Отрывки из Свящ. Писания Нового Завета.

V. Избранные места из латинских христианских писателей (с краткой биографией каждого автора, с указанием важнейших его произведений, основного содержания труда, выдержки из которого приводятся, и с характеристикой особенностей языка писателя).

VI. _____

VII. Краткие назидательные статьи.

VIII. Отрывки из римских классиков:

а) Ю. Цезарь — _____

О друидах и религии галлов (_____ VI, 14, 16–17)

О религии германцев (_____ VI, 21)

б) М. Т. Цицерон.

1) Отрывок из первой речи против Катилины.

2) Отрывок из соч. _____

Приложения:

1. Латинские пословицы и изречения.

2. О римских цифрах.

3. Римские имена.

4. Латинско-русский словарь (слов, встречающихся в хрестоматии)²⁶³.

ник латинского языка для духовных семинарий. 2. Методическая записка по преподаванию латинского языка в духовных семинариях. 3. Падежи в латинском языке. 4. О размещении в латинском языке слов в предложении и предложений. 5. Отношение В. И. Ленина к латинскому языку (ЖС МДАиС № 9 от 20 мая 1959 г. С. 4–5).

²⁶² Однако отрывки из святоотеческой литературы в данную хрестоматию не вошли. В словаре приведено до 2 500 слов (Муравьев Н. И. // ЖС МДАиС № 9 от 20 мая 1959 г. С. 30).

²⁶³ ЖС МДАиС № 8 от 12–15 июня 1953 г. С. 35–36.

Хотя вместо хрестоматии автору пришлось защищать учебник со значительно более краткой подборкой текстов²⁶⁴, представляется, что сам план хрестоматии во многом отражает реальный план, по которому Н. М. Лебедев вел свои занятия со студентами. Еще в 1949/50 уч. г., когда он только начинал свои занятия со студентами, «для упражнения в чтении был избран текст 1 гл. Библии»²⁶⁵. По учебной программе нетрудно понять, какие христианские авторы пользовались особым благоволением преподавателя. В Академии Н. М. Лебедев читал со студентами оригинальные тексты по следующей программе: как правило, за курс Академии прочитывалась по объему 1 глава евангельского текста и отрывки из 9-й гл. «Божественных установлений» Лактанция (1 курс), «О славных мужах» блаж. Иеронима, а также отрывки из «Исповеди» и «О граде Божием» Августина (2 курс), слов 21-го на Рождество и 39-го на Четырдесятницу свт. Льва Великого и из сочинений папы Дамаса (*De cognomentis Salvatoris*) (3 курс). Лебедев заставлял семинаристов и академистов учить латинские изречения, пословицы и поговорки, по его словам, «в достаточном количестве»²⁶⁶. В 1961/62 уч. г., когда учащиеся Академии получили возможность изучать древние языки по выбору с большим количеством часов, в чтении академистов на 1-м курсе входили следующие произведения: *Te Deum* и *De officiis* Амвросия Медиоланского, *De vero cultu* Лактанция; на 2-м — помимо вышеуказанных — *De paenitentia* Тертуллиана; на 3-м — *Regula pastoralis* свт. Григория Двоеслова²⁶⁷. Очевидно, что в своей программе по латыни Н. М. Лебедев пытался ориентироваться на дореволюционную Академию, но при отсутствии базы в Семинарии он не мог при этом сделать кардинального шага вперед²⁶⁸.

²⁶⁴ Главным инициатором изменения темы выступил Н. П. Доктусов при поддержке других членов корпорации (ЖС МДАиС № 8 от 12–15 июня 1953 г. С. 36–37).

²⁶⁵ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1949/50 уч. г. С. 37.

²⁶⁶ См.: Отчет МДА за 1956/1957 уч. г. С. 117, 118.

²⁶⁷ Лебедев Н. М. // Отчет МДА за 1961/62 уч. г. С. 130–132.

²⁶⁸ По свидетельству современника и коллеги Н. М. Лебедева Н. Н. Ричко, в преподавании первого были весьма серьезные недочеты: «...все перечисленные авторы переводились буквально по несколько строчек. Остальное время тратилось на усвоение наизусть латинских пословиц и поговорок без всякой связи с грамматическим материалом» (Ричко Н. Н. Учебный процесс. С. 217).

И. В. Воробьев собственного пособия не оставил. Он основывался на учебнике С. П. Кондратьева и А. И. Васнецова, хотя в его распоряжении имелись и другие, более совершенные пособия. «Лучший же учебник латинского языка С. И. Соболевского оставался и остается в стороне, по нему почему-то не учат. Не учат и по вновь написанному учебнику Н. М. Лебедева»²⁶⁹, — с горечью констатировал Н. Н. Ричко о языковой ситуации того времени. За 2 часа на 4-м курсе Семинарии И. В. Воробьев успевал преподавать фонетику, простейшую морфологию и синтаксис²⁷⁰. В целом он придерживался систематического принципа подачи материала: вся морфология была строго распределена между тремя курсами Академии. На 1-м курсе проходились все пять склонений, *praesens*, *imperfectum* и *perfectum* действительного и страдательного залога; на 2-м делался особый акцент на 3-м склонении, изучались числительные, оставшиеся времена глагола; на 3-м — герундий и герундив, функции падежей, наклонения и виды придаточных предложений²⁷¹. При этом хотя и утверждалось, что «грамматика рассматривается лишь как средство, необходимое для целей перевода и понимания латинского текста», она оставалась главной целью учебного процесса, в котором неизбежно страдала практика. В качестве практического материала переводились в достаточно ограниченном количестве «отдельные места из Евангелия, молитвы, церковные песнопения, фрагменты из творений западных святых отцов и учителей Церкви и сочинений классиков римской литературы»²⁷². В начале 1990-х гг. наряду с переведенным с польского самоучителем Л. Винничук²⁷³ И. В. Воробьев очень ценил болгарский учебник для духовных семинарий проф. Александра Милева²⁷⁴.

Святейший Патриарх Алексий I (Симанский), пристально следивший за возрождением прерванной традиции духовного образования, в

²⁶⁹ Ричко Н. Н. Учебный процесс. С. 213.

²⁷⁰ Воробьев И. В. // Отчет МДА за 1966/67 уч. г. С. 228.

²⁷¹ Воробьев И. В. // Отчет МДА за 1971/72 уч. г. С. 254—256.

²⁷² Там же. С. 255.

²⁷³ Винничук Л. Латинский язык. Самоучитель для студентов гуманитарных факультетов Университетов и Педагогических ВУЗов [Предисл. А. Ч. Козаржевского]. М., 1985. 327 с.

²⁷⁴ Милев А. Латински език за духовните училища. София, 1976. 340 с.

одном из своих докладов выразил суть накопившихся проблем в области изучения классических языков: «Наши воспитанники загружены изучением правил еврейской, латинской и греческой грамматик, правил склонений и спряжений славянского языка, не научившись в то же время читать ни по одному из этих языков не то что правильно, но и вообще... Преподавание иностранных языков, древних и новых... является нашим слабым и даже больным местом. Много трудов — и полное отсутствие положительных результатов. Несомненно, знание языков необходимо для просвещенного пастыря, но его-то и не дает устаревшая установка преподавания языков в нашей школе... Не следует ли поставить дело изучения языков на практическую почву, как, например, в гражданских школах изучения иностранных языков?»²⁷⁵. Данные слова, сказанные в 1953 г., являются не только полезным обличением недочетов того времени, но хорошим предостережением на будущее.

III. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ситуация с преподаванием языков в МДАиС стала меняться к лучшему после того, как Московская духовная семинария в 1998 г. перешла на новые программы. Преподаватели и сотрудники Греческого кабинета, которым было поручено ректором МДАиС архиепископом Евгением осуществить реформирование преподавания классических языков, должны были построить систему преподавания с принципиальным учетом двух моделей: 1) дореволюционной — с сильным преподаванием классических языков, во многом обеспечившей и высокий уровень развития богословия; и 2) послевоенной — только с начальным уровнем языковой подготовки.

Поскольку ни полное возвращение к дореволюционным программам, ни сохранение сложившегося положения вещей не было приемлемым, потребовалось создание и осуществление некоего нового компромиссного варианта, основывающегося на принципах, которые были

²⁷⁵ ЖС МДАиС № 2 от 12 сентября 1953 г. С. 4–5.

сформулированы руководителем Греческого кабинета (автором данной статьи) на ректорском совещании 1998 г.

В частности, предполагалось, что оптимальная семинарская программа по древним языкам должна строиться с учетом следующих рекомендаций.

1) Целесообразно преподавать полный курс грамматики (морфология и синтаксис в основных чертах) уже в начальных классах семинарии с тем, чтобы освободить старшие классы семинарии и тем более Академию от занятий только грамматикой. Для изучения грамматики латинского языка необходимы, как минимум, 2 года, а греческого — 3 года (при минимальной нагрузке хотя бы 4 учебных часа в неделю).

2) Для начального этапа обучения предлагается материал упражнений, повествующих о культуре, истории и обычаях Древней Греции и Рима, который хоть в малой степени восполнит незнание учащихся с данными областями и приблизит их культурный кругозор к святоотеческому. Кроме того, в качестве дополнительного материала для упражнений должны использоваться отрывки из оригинальных текстов (в основном Нового Завета, патристических и литургических памятников).

3) Следующий важнейший этап — это чтение связанных оригинальных текстов, как минимум, в течение года. Устойчивые практические навыки работы с оригинальными классическими, библейскими и святоотеческими текстами формировались в течение 4–6 лет в дореволюционных семинариях, данный этап может быть отчасти сокращен, но никак не упразднен.

4) Программа по древним языкам, включая чтение оригинальных текстов, должна быть обязательной для каждого семинариста исходя из следующих соображений: 1. Выпускник семинарии сможет прочесть любое место из Священного Писания (со словарем); будет в состоянии пользоваться святоотеческой литературой в качестве источника для проповеднической деятельности, миссионерской и педагогической работы. 2. Если не внести древние языки в общеобязательную программу, то при поступлении в Академию нельзя будет требовать их знания. Опыт преподавания (причем не только современный, но и XIX в.) показывает, что занятия языками, пусть даже очень насыщенные, но не продолженные (хотя бы с перерывом в один

год), в значительной степени забываются. В таком случае в Академии придется не только продолжать, но по сути дела начинать грамматику заново.

5) Единственный способ минимизации усилий семинаристов по изучению древних языков с исключительно пастырской ориентацией — это проект двух факультетов, богословского и пастырского, хотя и тот и другой не должны пренебрегать научной направленностью. Ориентироваться можно не только на соответствующие отделения богословских факультетов в Греции, но и на разные классы дореволюционных семинарий (например, параллельный и епархиальный).

6) И наконец, соображение общего характера, подсказываемое опытом преподавания древних языков. Так называемая «неспособность к древним языкам» в 99 случаях из 100 возникает не в результате действительной неспособности к изучению таковых, а в процессе непонимания настоятельной необходимости их изучения для получающих высшее духовное образование. Это временное непонимание было часто свойственно эпохам реформ духовных школ, обычно предшествовавших их расцвету. При изучении древних языков в отличие от современных используются и развиваются не подражательные способности и не только память, но прежде всего способность ясно мыслить и анализировать, от которой едва ли нужно «освободить» грядущих пастырей и богословов.

По сути все эти предложения сводились к тому, чтобы в изучении классических языков не опускаться ниже определенного уровня, когда обучение становится бессмысленным. Практикующему преподавателю языков хорошо известно, что на начальной стадии изучения любого нового языка для овладения грамматикой и основным словарным запасом необходим кропотливый труд (который варьирует в зависимости от способностей обучающегося и от трудности самого языка, но в среднем должен составлять хотя бы один час в сутки). В силу специфики преподавания классических языков — меньшего числа видов занятий²⁷⁶

²⁷⁶ Учащийся не может посмотреть фильм на древнем языке, послушать радиопередачу или почитать газету. Хорошей практикой для изучающего древнегреческий является участие в богослужении византийской традиции, однако богослужебный греческий — это всего лишь один, наиболее легкий, пласт языка.

и объективной трудности (строй мысли древних отличается от современного) — от учащегося неизбежно требуется значительно больше усилий. Несколько упрощая, можно сказать, что если для изучения современного иностранного языка нужно на начальном этапе не меньше 4 часов аудиторных занятий в неделю (и столько же домашних), то для изучения латинского тому же студенту потребуется не меньше 6 часов (с тем же условием), а для греческого, аналогично, — около 8 часов в неделю только аудиторных занятий. Этот «минимальный» языковой стандарт, на который ориентируется классическое отделение филологического факультета Московского университета, со временем мог бы быть более востребованным и в системе духовного образования.

Не без труда новые рекомендации и подходы были в целом не только учтены, но и в значительной степени реализованы в программе преподавания классических языков в Московской духовной семинарии и отчасти в Академии. Последующие события были нами отдельно описаны в статье «Греческий кабинет» для юбилейного академического тома²⁷⁷, где кратко сказано и о двух семинарах (25—27 августа 2001 г.; 29 и 30 мая 2003 г.), и о заграничных мероприятиях, и о возобновлении проведения вступительных экзаменов в Академию (начиная с лета 2003 г.). В процессе перехода на новые программы удалось подготовить ряд учебных и методических материалов²⁷⁸ (в частности, только что вышла из печати «Хрестоматия по латинской христианской литературе» с богатым диапазоном христианских текстов²⁷⁹), организовать преподавание классических языков в уменьшенных группах (от 8 до 15 человек), создать оптимальное расписание, когда классические языки для лучшего усвоения стали преподаваться в разные дни недели с однодневным или двухдневным интервалом. На базе Семинарии удалось на 1-м курсе Акаде-

²⁷⁷ См.: Дионисий (Шленов), игумен. Греческий кабинет // Юбилейный том, посвященный 325-летию СГЛА. Ч. 2. М., СПб, 2010. С. 139—147.

²⁷⁸ Древнегреческий язык / Сост. Н. К. Малинаускаене, иером. Дионисий (Шленов), иером. Тихон (Зимин). Ч. 1, 2: Начальный курс. М., 2002, 2003. 206, 288 с.; Колотовкин Н. И. Учебник латинского языка для высших духовных учебных заведений. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 2002. 399 с.

²⁷⁹ Хрестоматия по латинской христианской литературе со словарем / Автор-составитель игумен Дионисий (Шленов). СПб, 2010. 420 с.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

мии продолжить чтение святоотеческих текстов на более углубленном уровне, хотя академическая программа по классическим языкам, сокращенная до одного года обучения, могла бы быть расширена.

Табл. № 19. Расписание древних языков в МДАиС (1999—наст. время)²⁸⁰

МДС: класс	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
Греч. (часы в неделю)	—	—	4	4	4*
Лат.	—	4	4	4*	4*
МДА: курс	I	II	III		
Греч. ²⁸¹	4	—	—		
Лат. ²⁸²	4	—	—		
Древнеевр. ²⁸³	2	4	4		

Табл. № 20. Современная программа занятий по латинскому языку на 4-м и 5-м курсах МДС

№	Наименование темы	Кол-во часов
<i>5 семестр</i>		
31	Чтение Священного Писания Нового Завета (7 глав Ев. от Марка)	20
Чтение фрагментов из латинской христианской литературы:		
32	Акты Сциллитанских мучеников	2
33	Минуций Феликс	4
34	Свт. Кириан Карфагенский	8
35	Лактанций	10
36	Свт. Амвросий Медиоланский	12
37	Контрольные работы	4
<i>6 семестр</i>		
38	Блж. Иероним.	10
39	Блж. Августин.	10

²⁸⁰ Расписание вводилось постепенно. В 1999/2000 уч. г. по новым программам стал учиться 2 курс МДС. Звездочкой отмечены занятия, от которых освобождаются слабые учащиеся.

²⁸¹ Преподается обязательно на богословском и библейском отделениях, а на церковно-историческом и церковно-практическом отделениях по выбору.

²⁸² Преподается на церковно-историческом и церковно-практическом отделениях по выбору.

²⁸³ Преподается только на библейском отделении.

40	Свт. Лев Великий	10
41	Свт. Григорий Великий	10
42	Тертуллиан	10
<i>7 и 8 семестры</i>		
43	Чтение полного текста произведений латинской патристики по выбору преподавателя. Примерный перечень трактатов: 1. Блж. Августин. О согласии евангелистов 2. Блж. Августин. О христианском учении 3. Блж. Иероним. Толкование на Евангелие от Матфея 4. Свт. Лев Великий. Догматическое послание к Флавиану 5. Свт. Григорий Двоеслов. Толкования на книгу Иова (Moralia)	90
44	Повторение грамматики (подготовка к экзаменам)	20

В заключение нельзя не поблагодарить директора Греко-латинского кабинета в Москве Юрия Анатольевича Шичалина, без помощи которого реформа классических языков в стенах Московских духовных школ едва ли смогла бы начаться. В конце 1990-х—начале 2000-х гг. Ю. А. Шичалин вел факультативные занятия в МДА, которые постепенно превратились в полноценные курсы, приближенные по своей программе к программе классических отделений университетов. По словам Святейшего Патриарха Кирилла, «греческий и латинский языки, античная культура во многом являются базисными для всей европейской цивилизации... Идеально было бы, чтобы все мы вначале овладевали этим базисным образованием, а потом уже становились физиками, математиками, архитекторами и так далее». Несмотря на самоочевидную невозможность такого образования для всех, Святейший Патриарх полагает, что «принцип классического образования» должен быть сохранен²⁸⁴. Описывая годы своего ректорства в СПбДА, он констатировал: «Мы не имели учителей, которые бы относились к поколению наших отцов, мы имели учителей, которые относились к поколению наших дедов... Возник вопрос огромной важности: как поднять уровень, как найти людей, знающих хорошо греческий, латинский, которые могли бы читать отцов в подлиннике, которые могли бы реально заниматься экзегетикой, а не пересказом дореволюционных конспектов лекций! ...

²⁸⁴ *Святейший Патриарх Кирилл*. Мы должны овладевать базисной культурой народа: стенограмма речи, произнесенной 24 марта 2009 г. перед студентами вузов Калининградской области (<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=181990>).

Я думаю, что нам нужно серьезно думать о повышении научного уровня учебных заведений, о создании сильной классической филологической основы богословских исследований, о формировании новой школы богословов, экзегетов, патрологов, религиозных философов...»²⁸⁵.

Данный подход оказывается принципиально важным для сохранения традиции преподавания классических языков в духовных учебных заведениях Русской Православной Церкви, в которых — с учетом возможного перехода на Болонскую систему — классические языки снова оказались на перепутье. Пока что очевидно одно: полноценное созидание будущего совершенно невозможно без тщательнейшего учета опыта прошлого — как положительного, так и отрицательного. Можно только надеяться, что приведение учебного процесса в единообразие с образовательными стандартами как в России, так и за рубежом в целом положительно скажется и на классических языках, суть и цель изучения которых должны сохраниться при изменении *ad meliora* некоторых формальных особенностей и методологических установок.

ЛИТЕРАТУРА

- Аглицев 1889* — *Аглицев Д.* История Рязанской духовной семинарии. Рязань, 1889.
- Каченовский 1827* — *Каченовский М. Т.* Учебная книжка древнего греческого языка. М., 1827.
- Муретов 1914* — *Муретов М. Д.* Протоиерей Сергей Константинович Смирнов // Памяти почивших наставников 1914. С. 139–274.
- Проект Устава 1814* — Проект Устава Духовных Семинарий. Ч. 1. СПб., 1814.
- Ричко 1966* — *Ричко Н. Н.* Учебное дело Московской духовной академии с 1955 по 1964 учебный год. 1966 (Архив МДА. Машинопись).
- Смолич 1996* — *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Т. 8. Ч. 1. М., 1996.
- Уставы 1888* — Уставы Православных Духовных Семинарий и Училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 г. СПб., 1888.

²⁸⁵ *Местоблюститель патриаршего престола Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Приветствие участникам XIX Богословской конференции ПСТГУ. Цит. по видеозаписи: <http://www.mospat.ru/archive/43922.htm>. Ср. в печатном издании: XIX Богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. М., 2009. С. 7.

Д. В. САФОНОВ

ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

История Московской духовной академии во второй половине XX в. изучена значительно меньше, чем история ее дореволюционной предшественницы. Единственными исследователями оказались выпускники МДА, которые в свое время защитили обзорные диссертации по тем или иным периодам истории Академии¹. Самый известный историк дореволюционной Академии протоиерей Сергей Голубцов описал только последние годы Академии, которая ютилась после своего закрытия в Лавре при храмах или монастырях г. Москвы вплоть до конца 20-х гг. XX в.² В настоящей статье предпринята первая попытка дать обзор источников по послевоенному периоду (до середины 1980-х гг.), который отнюдь не претендует на полноту.

1. АРХИВ И БИБЛИОТЕКА МДА

Значительный объем документов по истории МДА хранится в стенах самих московских духовных школ. Самым большим и до сих пор плохо изученным комплексом документов по истории МДАиС является архив МДА. В декабре 1959 года при МДА утверждается должность архивариуса³, 1 декабря 1962 г. был основан архив, а 30 января 1963 г.

¹ Пушков 2002; Селянин 1994.

² Голубцов С., протоиерей. Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 1. Ч. 2: Уставы, жизнь и научная деятельность профессуры в Академии и вне ее. М., 1988 (машинопись). С. 156—196. См. выше публикацию данного фрагмента, с. 443—509.

³ Селянин 1994. С. 70.

утверждено «положение об архиве Московских Духовных Академии и Семинарии»⁴.

В частности, в первом разделе положения отмечалось:

В архиве хранятся документы, относящиеся к жизни Академии и Семинарии за все годы их существования... Документы архива хранятся для их научного изучения и необходимых справок... Сотрудники архива производят научно-техническую работу по обработке поступивших в архив документов. Она состоит из следующих этапов:

- 1) определение принадлежности документа к тому или иному отделу;
- 2) систематизация;
- 3) определение ценности документа;
- 4) описание;
- 5) составление справочного аппарата⁵.

Таким образом, архив Академии мыслился как полноценный научно-богословский отдел не только с прикладными, но и с теоретическими задачами. Согласно положению, предполагалось деление архива на 10 основных отделов и 3 дополнительных — исторический, изобразительный и звуковой⁶. Исторический отдел особо важен для истории Академии, поскольку «в него входят все документы и материалы по старой (дореволюционной) Академии и Семинарии»⁷.

В настоящее время документы архива делятся на следующие группы:

1) Документы учебно-методической и научно-богословской деятельности Академии. Это диссертации, сборники лекций, учебные планы, программы и т. д.

Здесь можно найти лекции всех ведущих профессоров послевоенной Академии, а также лекции неизвестных авторов. Отдельно собраны программы по разным предметам с 1945 до середины 1960-х гг. В составе данной группы содержатся такие раритеты, как лекции по церков-

⁴ ЖС МДА № 6 от 30 января 1963 г.

⁵ Там же. С. 219–220.

⁶ Там же. С. 222.

⁷ Там же. С. 228.

ному праву, прочитанные в МДА С. В. Троицким, или описание архивных рукописей МДА, выполненное библиотекарем К. М. Поповым.

2) Материалы Совета Академии: журналы заседаний Совета Академии и Семинарии; резолюции Святейшего Патриарха на бумагах Совета; распоряжения, указания, сообщения Ректора Академии; выписки из Журнала Совета; документы по составу Совета; документы о присуждении ученых степеней; годовые Отчеты, отчетные доклады, документы по заседаниям Совета, документы секретаря Совета, списки окончивших Академию и Семинарию.

Документы данной группы подробнейшим образом иллюстрируют внутреннюю жизнь Академии и являются важнейшим историческим источником для создания систематической истории послевоенной Академии. Особо значимы Журналы Совета и годовые Отчеты, которые часто взаимодополняют друг друга. Журналы предоставляют обильный материал для истории как научно-богословской жизни Академии, так и по ряду дисциплинарных вопросов. В Отчетах традиционно продолжали помещаться рапорты преподавателей об учебной и научно-богословской работе в течение года. В течение первых 15-ти лет составители данных материалов ориентировались на дореволюционные образцы, впоследствии же материалы стали излагаться более сухо. В частности, здесь можно найти материал по истории преподавания различных предметов, по административно-хозяйственной деятельности Академии и пр.

3) Личные дела профессорско-преподавательского состава, о которых подробнее будет сказано ниже.

4) Документы о студентах и абитуриентах МДАиС: личные дела окончивших курс Академии и Семинарии; личные дела поступающих в Академию и Семинарию; личные дела исключенных из Академии и Семинарии; личные дела ушедших по собственному желанию из МДАиС; списки учащихся Академии и Семинарии; журналы воспитательских совещаний; книги распоряжений относительно учащихся Академии и Семинарии; расписания послушаний учащихся.

5) Документы, посвященные Академическому храму: расписание богослужений, хоров, документы о торжественных богослужениях, описание ризницы, финансовая отчетность, описи инвентаря храма.

6) Документы библиотеки МДА: документы по личному составу сотрудников библиотеки, документы, характеризующие книжный и рукописный фонд, докладные записки о поступлениях в библиотеку, в том числе пожертвованиях и покупках, отчеты о работе библиотеки, опись инвентаря, данные о посещениях библиотеки, докладные записки заведующего библиотекой.

Данный архив особо ценен для истории библиотеки до начала 1970-х гг., когда библиотека МДА стала вести свой собственный архив.

7) Материалы Церковно-археологического кабинета: документы по личному составу, описи предметов, фондов, библиотеки, инвентаря; документы о поступлениях, посещениях, выставках, новых экспозициях, отчеты, докладные записки заведующего и помощника заведующего. В самом ЦАКе хранятся рисунки, гравюры, фотографии, иллюстрации, относящиеся к жизни Академии и Семинарии, а также поздравительные адреса, грамоты и т. д.

В Историческом отделе Архива сохранился также значительный ряд материалов, касающихся дореволюционной Академии и Семинарии: студенческие сочинения, лекции преподавателей (включая период после 1917 г.), творческие рукописи, переводы и пр. В частности, здесь хранится часть уникальной картотеки библиотеки, составленной библиотекарем К. М. Поповым.

Важное место среди академических материалов занимают документы, отражающие деятельность самого главного устроителя послевоенной Академии — Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского), о которых предполагается рассказать подробнее.

Письма патриарха Алексия в Совет по делам РПЦ в черновых вариантах частично сохранились в МДА. Имеются также копии некоторых писем главы Совета Г. Г. Карпова и его заместителя С. К. Бельшева.

В 1945 г. патриарх Алексий ходатайствовал перед Советом о возвращении здания МДА в Троице-Сергиевой Лавре. 4 сентября 1945 г. глава Совета Г. Г. Карпов в своем письме патриарху писал: «Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомом Союза ССР уведомляет Вас, что Ваше ходатайство о предоставлении здания бывшей Московской Духовной Академии в Троице-Сергиевской лавре

(гор. Загорск), а также об открытии находящегося в той же Лавре Успенского Собора, с перенесением мощей Сергия Радонежского из Троицкого собора в Успенский собор, Совнаркомом СССР удовлетворено. Сроки освобождения указанных выше помещений и передачи их в распоряжение Московской Патриархии будут установлены позднее, о чем Вы также будете уведомлены»⁸.

1 марта 1948 г. патриарх Алексей обратился в Совет по делам РПЦ с просьбой помочь в конфликте с Историческим музеем, который требовал арендную плату за пользование Трапезным храмом Новодевичьего монастыря, где размещалась МДА. Патриарх привел текст, подготовленный Советом МДА, в котором говорилось: «Музей собирается передать дело в суд, который будет искать оснований для того или иного решения в правовом положении Церкви и в постановлениях Правительства, относящихся к Трапезному храму и другим зданиям, переданным Московской Патриархии. Представим себе, что суд встанет почему-либо на сторону Музея. Тогда возникнет прецедент для того, чтобы взимать арендную плату и за Митрополичьи покои, и за Ректорский корпус в Троице-Сергиевой Лавре, а также за всякое подсобное помещение при любом храме...»⁹.

Патриарх повседневно заботился о благе Московских духовных школ, постоянно обращаясь к Г. Г. Карпову с различными просьбами. 4 марта 1952 г. он писал: «Московская Духовная Академия и Семинария в 1949 г. возбудили ходатайство перед Советом по делам Русской Православной Церкви о снижении тарифа за пользование электроэнергией для помещений, занимаемых общежитием и аудиториями. Тогда же Совет по делам Русской Православной Церкви ответил, что пересмотру тарифа будут подлежать не только Московская Духовная Академия и Семинария, но и все духовно-учебные заведения, находящиеся в ведении Московской Патриархии. При Академии и Семинарии нет своего храма, где производилась бы продажа свечей или совершались бы требы. По всем статьям обложения Московская Духовная Академия и Семинария сравнены со светскими вузами, и только за

⁸ Архив МДА. Дело переписки Патриарха Алексея I. Л. 2.

⁹ Архив МДА. Папка № 219498. Отд. 1. Л. 15–16.

пользование электроэнергией Академия приравнивается к помещениям религиозного культа... Московская Патриархия настоящим просит ходатайствовать перед Советом по делам Русской Православной Церкви о возбуждении им просьбы перед надлежащими инстанциями о пересмотре теперешнего повышенного тарифа за электроэнергию учебных и подсобных помещений Академии и Семинарии и о взимании уравнительного тарифа с прочими вузами»¹⁰.

16 марта 1953 г. патриарх Алексей еще раз обратился в Совет к заместителю председателя С. К. Бельшеву с ходатайством о пересмотре повышенного тарифа на электроэнергию учебных и подсобных помещений МДАиС, а также о передаче МДА книг изъятой библиотеки старой МДА, хранящихся в церкви св. Климента в Москве¹¹.

Особой заботой Святейшего Патриарха было устройство домового храма при МДА. 10 января 1953 г. он просил об этом в связи с пожаром в Доме культуры, расположенном в помещении храма¹². 27 мая 1953 г. Патриарх обратился в Совет с просьбой передать помещение храма, занятое Домом культуры: «Московская Духовная Академия и Семинария просит меня ходатайствовать перед Советом о возбуждении в надлежащем порядке вопроса о передаче помещения бывшего академического храма в распоряжение Московской Духовной Академии... Прошу Совет оказать содействие к получению Академией пустующего в настоящее время помещения»¹³. В письме Патриарх также напоминал, что имелось постановление Совета об обязательном освобождении к 10 декабря 1947 г. помещения храма при МДА. В октябре 1954 г. был подписан акт о передаче помещения храма загорским Домом культуры. Восстановительные работы в помещении храма удалось начать только 30 декабря 1954 г., окончились они 20 мая 1955 г.¹⁴.

¹⁰ Там же. Отд. 4. Л. 7.

¹¹ Там же. Отд. 1. Л. 34.

¹² Алексей I, патриарх. Письма. С. 681.

¹³ Архив МДА. Папка № 219498. Отд. 4. Л. 8; Алексей I, патриарх. Письма. С. 696.

¹⁴ Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах. СПб, 2005. С. 153.

28 декабря 1953 г. Патриарх просил содействия Совета в передаче МДА библиотеки бывшей Ярославской духовной семинарии, находившейся в Ярославском государственном педагогическом институте. Патриарх подчеркивал «крайнюю бедность и недостаточность Академической библиотеки»¹⁵.

Патриарх добился передачи Академии ряда помещений в Троице-Сергиевой Лавре. 24 сентября 1955 г. в телеграмме на имя Патриарха, копия которой сохранилась в архиве МДА, Г. Г. Карпов писал: «Сегодня должны передавать академии Бакалаврский и две трети инспекторского корпуса[.] Ближайшее время будет освобожден библиотечный[.] После их ремонта [и] освоения вернемся к больничному[.] где живут семьи»¹⁶.

21 августа 1956 г. Г. Г. Карпов сообщил в письме Патриарху, что в 1956—1958 гг. все помещения, указанные Патриархом, будут освобождены¹⁷. В прилагаемом списке освобождаемых помещений значились «водяная крепостная башня и часть южной крепостной стены, примыкающей к ней», а также другие помещения¹⁸. Взамен освобождаемых помещений на средства Патриархии были построены 8 тыс. квадратных метров жилой площади для расселения 1 150 человек¹⁹.

14 января 1963 г. датировано письмо о притеснениях со стороны местных властей возвращению семинаристов к обучению после военной службы²⁰. Речь шла о случаях отказа в прописке со стороны Загорского отдела милиции.

Телеграммы от руководства МДА на имя патриарха Алексия направлялись по особым поводам в случае нахождения Патриарха на отдыхе и лечении в Одессе.

Так, 24 сентября 1955 г. в телеграмме за подписью ректора МДА прот. К. Ружицкого и инспектора проф. Н. П. Доктусова сообщалось о начале передачи зданий МДА: «Дело передачи корпусов Акаде-

¹⁵ Архив МДА. Папка № 219498. Отд. 4. Л. 9.

¹⁶ Архив МДА. Дело переписки Патриарха Алексия I. Л. 5.

¹⁷ Архив МДА. Папка № 219494. Отд. 2. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 26.

²⁰ Архив МДА. Папка № 219098. Ч. 4.

мии начато[.] Бакалаврское здание освободят от жильцов [к] первому октября[.] Две трети инспекторского здания тоже свободно[.] Библиотечное здание пока находится [в] ведении Министерства просвещения[.] остальная площадь занята тридцатью пятью семьями[.] выселение которых обещают закончить не ранее весны[.] По согласованию с Г. Г. Карповым мы занимаем с освоением под свои нужды те места[.] где не имеется проживающих»²¹.

В МДА хранятся также машинописные копии *дневниковых записей патриарха Алексия*. В своих дневниках Патриарх часто обращался к теме московских духовных школ, в частности, записывал свои впечатления о филаретовских вечерах, которые по его инициативе стали проводиться в МДА с 1951 г. и на которых он неоднократно выступал сам²². Чаще всего свои речи Патриарх посвящал личности свт. Филарета, митрополита Московского. Об одном из таких вечеров Патриарх отметил в дневнике: «Впечатление прекрасное»²³. Святейший Патриарх неизменно присутствовал на филаретовских вечерах, если не находился за рубежом.

26 ноября 1964 г. Патриарх записал: «В два часа дня — Владимир Алексеевич Куроедов, Петр Власович Макарецов и митрополиты Пимен и Никодим были у меня, и мы искали кандидата в Ректора Московской Духовной Академии — набрали на епископа Филарета Венского, но решили не спешить с назначением. Тем не менее, меня очень смущает отсутствие бесспорного кандидата на эту должность»²⁴.

В библиотеке МДА хранятся также *дневниковые записи* и «Хроника важнейших событий церковной жизни начиная с 1943 г.» прот. А. Остапова, который в 1955 г. окончил МДА, а затем вплоть до своей смерти в 1975 г. был секретарем Ученого Совета. Данные ма-

²¹ Архив МДА. Дело переписки Патриарха Алексия I. Л. 5.

²² В 1952 г. Патриарх Алексий обратился к собравшимся на вечере с беседой о пастырстве. См.: *Патриарх Алексий I. Дневниковые записи*. Машинопись. Т. 2 (1951–1955). С. 96.

²³ В 1957 г. филаретовский вечер состоялся 15 декабря и был отмечен большим докладом Патриарха о святителе Филарете (*Патриарх Алексий I. Дневниковые записи*. Машинопись. Т. 3. С. 110).

²⁴ *Патриарх Алексий I. Дневниковые записи*. Машинопись. Т. 4. С. 231–232.

териалы содержат много уникальных сведений о повседневной жизни МДА в эти годы. Например, в «Хронике» сообщается, что 19 октября 1948 г. состоялось «начало занятий в старом здании в Лавре»; 23 октября «Патриарх посетил и осмотрел Академию»; 24 октября «Патриарх литургисал с ректором в Троицком соборе. Произнес слово наставникам и учащимся и благословил Академию и Семинарию образом Покрова Божией Матери».

Журналы Совета МДА, один экземпляр которых хранится в архиве МДА, другой — у секретаря Ученого Совета МДА, являются одним из самых важных источников об учебном процессе и внутренней жизни МДА. В журналах фиксировались и выступления патриархов на годовых актах. В 1944–1947 гг., когда московские духовные школы размещались в Новодевичьем монастыре, существовал Малый Совет, куда входили члены администрации Богословского института и курсов: ректор института прот. Т. Д. Попов, проректор и заведующий пастырско-богословскими курсами проф. С. В. Савинский, инспектор института доцент А. В. Ведерников и секретарь Совета института доцент А. И. Георгиевский. С сентября 1947 г. начали вестись журналы собственно Совета МДА.

В журналах подробно фиксировались годовые акты, проходившие в конце каждого учебного года. На годовом акте по окончании второго учебного года летом 1946 г. в возрожденных Московских духовных школах Святейший Патриарх Алексей I говорил о том, что возглавить Московскую духовную академию должен был епископ Ростовский Серафим (Шарапов) с титулом епископа Волоколамского, как и было прежде до революции 1917 г., а инспектором предполагалось назначить протоиерея Н. В. Чепурина²⁵.

В журналах подробно отражался ход и итоги диспутов по защите диссертаций. Так, в журнале № 9 от 6 мая 1970 г. отражена защита митрополитом Никодимом (Ротовым) диссертации на соискание степени магистра богословия на тему «Иоанн XXIII, папа Римский»²⁶.

²⁵ Пушков 2002. С. 70.

²⁶ Диссертация, сохранившаяся в библиотеке МДА, представляет собой два тома общим объемом 657 страниц. Диссертация имеет пять глав, первые две главы («Очерк

Решением Ученого Совета МДА от 15 апреля 1970 г. митрополиту Никодиму была присуждена ученая степень магистра богословия. На защите присутствовал личный секретарь митрополита Никодима иеромонах Кирилл (Гундяев)²⁷ (ныне — Святейший Патриарх). В журнале Совета полностью приводится речь самого митрополита Никодима, его оппонентов и другие документы, связанные с защитой.

Помимо сшитых в сборники по номерам и годам машинописных журналов заседаний Совета в архиве МДА имеются другие документы. Отдельные журналы заседаний Малого Совета хранятся вместе с распоряжениями, докладными записками, прошениями, письмами за 1944—1947 гг. Отдельными делами хранятся Отчеты о состоянии МДАиС за каждый учебный год, начиная с 1947/1948 уч. года. В качестве приложения к Отчету за указанный учебный год помещены Положение об Учебном комитете, Положение об ученых степенях, званиях и порядке их присуждения, Положение о духовных академиях. В приложении к журналу заседаний Совета от 8 июня 1950 г. помещено Положение о московской заочной духовной семинарии и московской заочной духовной академии.

Имеются дела, сформированные по тематическому признаку. Так, дело № 48 за 1956 г. касается приема новых помещений для МДАиС в Троице-Сергиевой Лавре, отдельно хранится журнал работ по восстановлению Покровской церкви Московской духовной академии, датированный 20 мая 1955 года. 3 февраля 1954 г. состоялось объединенное собрание Академии и Лавры, протоколы которого также оформлены в отдельное дело.

В архиве МДА также хранятся *письма Л. Н. Парийского* патриарху Алексию²⁸. Будучи секретарем Учебного комитета Московской

жизни папы Иоанна XXIII до вступления на римский престол» и «Понтификат папы Иоанна XXIII») и предисловие составляют первый том, второй — оставшиеся главы («Социальная деятельность папы Иоанна XXIII», «Папа Иоанн XXIII и Второй Ватиканский собор», «Миротворческое служение папы Иоанна XXIII») и библиография.

²⁷ Журнал Совета МДА № 9 от 6 мая 1970 г. С. 48.

²⁸ Лев Николаевич Парийский (1892—1972). В 1911 г. окончил СПбДС, в 1915 г. — СПбДА, кандидат богословия. С 1915 г. преподавал в Калужской и Минской ДС. В 1922 г. арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы по делу митро-

Патриархии, Л. Н. Парийский, оставаясь в Патриархии во время летних выездов Патриарха в Одессу, в своих письмах на его имя сообщал немало важной информации, касающейся МДА.

В письме от 17 сентября 1949 г. он сообщал о реакции прот. Александра Смирнова на решение Патриарха назначить его ректором МДАиС: «Он принял его как голос Божий через Вас и загорелся желанием в полном послушании Вашему Святейшеству служить в Академии, именно служить, а не начальствовать».

2 октября 1949 г. датируется письмо профессора Л. Парийского митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову) по поводу Отчета духовных учебных заведений за 1948/1949 учебный год²⁹.

23 июня 1950 г.: «Среди писем и телеграмм я нашел Ваше телеграфное распоряжение об объявлении Ректором Академии резолюции о запрещении оставлять 10 учеников в Москве на летнее время для обслуживания Академического храма». Он также сообщал об успешном магистерском диспуте Н. П. Доктусова и его нежелании уступать преподавание латинского языка Н. М. Лебедеву.

Личные дела преподавателей и сотрудников МДА в настоящее время остаются практически неизвестными исследователям. Из диссертантов МДА к ним систематически обращались А. Селянин³⁰, свящ. С. Пушкив³¹ и А. Щербаков³².

В 1961 г. отрекся от монашества и священства преподаватель литургики в МДС, старший помощник инспектора игумен Павел (Пе-

полита Вениамина. В 1930-е гг. — псаломщик и регент различных храмов Ленинграда. С 1941 по 1944 г. — бухгалтер Князь-Владимирского собора. С мая 1944 г. — секретарь Патриаршего местоблюстителя митрополита Алексия, бухгалтер Патриархии. В 1945—1950 гг. — секретарь Патриарха, регент хора его домово́й церкви. До 1952 г. был секретарём Учебного комитета при Св. Синоде и редакции ЖМП. С 1950 г. — инспектор ЛДА, доцент, с 25.1.1951 г. — профессор, магистр богословия. С 1967 г. на пенсии.

²⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 35. Т. 6. Л. 43.

³⁰ Селянин 1994.

³¹ Пушкив 2002.

³² Щербаков А. Митрополит Мануил (Лемешевский) и его борьба с обновленчеством. Дисс. канд. богосл. СПб, 2005.

тров). В момент написания заявления об отречении 26 ноября 1961 года он исполнял обязанности инспектора. В записке на имя Ректора он написал: «Настоящим довожу до вашего сведения, что дальнейшее свое пребывание в духовной школе по своему убеждению считаю невозможным. Прошу считать меня свободным от занимаемых мною должностей преподавателя и старшего помощника Инспектора. Ставлю также в известность, что от сана священства и от чина игуменства отказываюсь»³³. Личное дело не содержит материалов, проливающих свет на причины этого поступка. Из него видно, что он принял сан диакона целибатом в 19-летнем возрасте от руки митрополита Мануила (Лемешевского), будучи трактористом с образованием 7 классов. Всего под давлением властей из стен МДС ушло в 1961/62 учебном году 4 человека³⁴.

Личные дела профессорско-преподавательской корпорации МДА содержат значительный объем информации о научной и преподавательской деятельности Академии. Для примера коснемся *личного дела архим. Иннокентия (Просвирнина)*. В деле отражен ход работы автора в различных архивных и музейных хранилищах для написания кандидатского сочинения об Оптиной пустыни. Здесь содержится также отчет о работе в 1971/72 уч. г. — тематический план лекций по истории РПЦ синодального и новейшего периода в МДС, где расписана тематика каждого занятия. Безусловный научный интерес представляет машинописный вариант неопубликованной статьи «Русская рукописная традиция Священного Писания». В деле хранятся материалы, касающиеся магистерской диссертации «Русская патристика (Научная классификация славянских источников в русской рукописной традиции)»³⁵, которую писал о. Иннокентий. Имеется переписка о. Иннокентия с ректором архиеп. Александром (Тимофеевым), проливающая свет на обстоятельства ухода о. Иннокентия из МДА в 1986 г.

³³ Архив МДА. Личное дело игумена Павла (Петрова). Цит. по: *Пушков 2002*. С. 242.

³⁴ *Голубцов 2004*. С. 44.

³⁵ Некоторые материалы, написанные о. Иннокентием по этой теме, опубликованы в книге: *Иннокентий (Просвирнин), архим.* Блаженны чистые сердцем: Сб. статей / Сост. О. В. Курочкиной. М., 2008. С. 105–209.

Личные дела архим. Иннокентия и других преподавателей Московских духовных школ содержат много ценных и пока совершенно не введенных в научный оборот сведений по истории московских духовных школ и ждут своих исследователей, прежде всего диссертантов МДА.

2. АРХИВЫ ЦНЦ «ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» И МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Материалы по истории МДАиС содержат также архивы других церковных учреждений.

Архив ЦНЦ «Православная энциклопедия» содержит личные дела архиереев, умерших до 1961 г. Среди этих владык есть те, кто занимал административные должности и был преподавателем в МДАиС. Личное дело епископа Саратовского и Балашовского Вениамина (Милова) содержит документы о назначении архимандрита Вениамина инспектором МДАиС³⁶.

В архиве имеется фонд патриарха Алексия (Симанского), который содержит материалы по истории МДА. 5 июня 1965 г. датировано обращение к Святейшему Патриарху Алексию I от выпускников МДА (VII выпуск), среди которых был прот. Алексей Остапов (1930–1975), с просьбой молитвенно почтить 10-летие академического выпуска. На данном обращении Патриарх сделал рукописную приписку³⁷. В этом фонде сохранилось приветствие Патриарха на 10-летие VII выпуска МДА³⁸. Здесь же находится богато иллюстрированный альбом, датированный 1955 г., подаренный патриарху Алексию I выпускниками VII выпуска МДА, с материалами, подготовленными прот. А. Остаповым и другими выпускниками академии³⁹. Здесь же хранятся материалы прот. А. Остапова: отчеты о его работе в 1955–1972 учебных годах, отзывы на работы профессорских стипендиатов и др.⁴⁰

³⁶ Архив ЦНЦ ПЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10.

³⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 50.

³⁸ Там же. Л. 51.

³⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17.

⁴⁰ Там же. Л. 166–298.

Архив Московской Патриархии содержит материалы заседаний Священного Синода, на которых принимались решения относительно важных вопросов жизни Московских духовных школ. Здесь же хранится переписка администрации МДАиС с Московской Патриархией, а также материалы Учебного комитета, многие из которых имеют прямое отношение к МДА. Заседания Учебного комитета проходили в помещении Патриархии в Чистом переулке. В них принимало участие обычно 5–6 человек: председатель, его заместитель, ректор и инспектор МДА, представитель ЛДА, представитель Хозяйственного управления Московской Патриархии и секретарь. Журнал заседаний Учебного комитета утверждал Святейший Патриарх.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ

В государственных архивах преимущественно хранятся материалы государственных органов, контролировавших деятельность духовных школ в советский период.

Наибольшее количество документов по истории Московских духовных школ, которые стали динамично возрождаться с 1944 года, находится в фонде *Совета по делам РПЦ* (Ф. 6991), хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В фонде хранится целый комплекс документов, так или иначе связанных с историей МДАиС.

В фонде сохранились записи бесед председателя Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров (СНК) СССР Г. Г. Карпова с иерархами об организации московских духовных школ⁴¹. Здесь же хранится постановление Совета от 28 ноября 1943 г. об открытии в Москве Богословского института и Курсов⁴², а также докладная записка Г. Г. Карпова В. М. Молотову об открытии Института и Курсов в Москве от 5 мая 1944 г.⁴³.

⁴¹ Одицов 2005. С. 324–326.

⁴² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 17.

⁴³ Одицов 2005. С. 350–355.

Ежегодно Совет направлял в СМ СССР справки о количестве учащихся в духовных школах РПЦ, среди которых всегда можно найти статистические данные по МДАиС.

Советом по делам РПЦ регулярно направлялись в ЦК КПСС и в другие партийные органы докладные записки, некоторые из которых касались Московских духовных школ. Докладные записки, справки о работе духовных академий и семинарий, прежде всего МДАиС, сохранились за следующие годы деятельности Совета по делам РПЦ: 1945–1952, 1956, 1958–1963.

Доклад председателя Совета Г. Г. Карпова об основных итогах работы Совета за 1946 г., подготовленный для партийного руководства, содержит указание на принятое решение о перемещении МДА в Лавру: «В частности, Патриарх ставит, а Совет считает желательным, чтобы в ближайшее время Московской Патриархии была полностью передана Троице-Сергиевская лавра, где, после соответствующего ремонта, было бы возможно разместить Московские духовные академию и семинарию»⁴⁴.

13 марта 1947 г. заместитель председателя Совета С. К. Бельшев представил А. А. Жданову доклад «О состоянии духовных учебных заведений Московской Патриархии», в центре внимания которого была МДА: «Духовная школа стремится ставить богословскую науку так, чтобы для будущих пастырей она была бы руководящим началом жизни»⁴⁵. Особо отмечалось, что в духовные школы привлекаются люди по призванию: «В духовные учебные заведения идут учиться те, кто сознательно стремится к углублению своего христианского мировоззрения и кто готов посвятить свою жизнь служению церкви»⁴⁶. С. К. Бельшев указывал, что Патриархии удалось подобрать квалифицированный преподавательский состав: «В части деловой характеристики профессорско-преподавательского состава можно сказать,

⁴⁴ Одинцов М. И., Чумаченко Т. А. Работа Совета по делам Русской православной церкви носила политический характер... // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты (Вып. 2). М., 2005. Цит. по: <<http://www.rusoir.ru/print>>.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 60–61.

⁴⁶ Там же. Л. 72.

что значительная часть преподавателей обладает большой эрудицией, хорошо знает свои предметы и умело преподносит их учащимся, пользуется у них авторитетом»⁴⁷. Доклад Бельшева свидетельствует о том, что учебный процесс в духовных школах во многом определялся самими преподавателями: «До сего времени Учебным комитетом Московской Патриархии не разработаны и не утверждены единые программы по всем предметам, которые преподаются в духовных учебных заведениях. В силу этого преподавание ведется применительно к учебным планам, преподанным патриархией, но по усмотрению самих преподавателей»⁴⁸. В докладе охарактеризован состав преподавателей и учащихся МДА. Говорится о возрасте, образовательном уровне преподавателей МДА и о содержании курсов: «В Московской духовной академии и семинарии преподаватели составляют подробные конспекты своих лекций или даже полный текст лекций. По таким предметам, как логика, психология, апологетика, основное богословие, преподаватели пользуются старыми учебниками, приспосабливая их к современным требованиям школы».

В документах фонда сохранились материалы, связанные с попыткой Патриархии пригласить для преподавания в МДА русских эмигрантов. Учебный комитет и Патриарх ходатайствовали через Совет по делам Русской Православной Церкви перед Правительством пригласить из-за границы русских профессоров-богословов: 1) протопресвитера Георгия Шавельского из Болгарии; 2) профессора С. В. Троицкого из Белграда; 3) протоиерея Сергея Четверикова из Праги; 4) профессора В. Н. Лосского и 5) профессора Н. А. Полторацкого из Парижа⁴⁹. Однако только С. В. Троицкий смог, и то ненадолго, приехать для преподавания в МДА⁵⁰.

В ряде случаев главы Совета по делам религий направляли свои письма непосредственно ректору МДА. В архивном фонде Совета

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 80. Л. 176–177.

⁴⁹ Там же. Л. 153.

⁵⁰ См. выше специальную публикацию прот. А. Задорнова «Профессор С. В. Троицкий и его вклад в развитие дисциплины церковно-канонического права в Московской духовной академии» (С. 510–536).

имеется поздравление в адрес ректора Московской Духовной Академии по поводу ее 300-летия от председателя Совета К. М. Харчева⁵¹.

Справки о состоянии духовных школ, составлявшиеся в Совете, представляют особый интерес для восстановления истории духовных школ. Регулярно в таких справках фиксировался состав поступающих в МДА.

К началу 1946/47 уч. г., по данным Совета по делам РПЦ, на первом курсе МДА числилось 8 человек, на втором — 6. В МДС: на 1 курсе — 85 человек, на втором — 13, на третьем — 30, на четвертом — 19⁵².

В 1947 г. была составлена справка о студентах МДАиС. Согласно справке Совета по делам РПЦ, к 1 января 1947 г. в МДАиС числилось 17 преподавателей. В Академии училось 14 студентов, в Семинарии — 130 (следует заметить, что в течение первого семестра 1946/47 уч. г. число студентов Семинарии сократилось на 17 человек)⁵³.

Материалы о МДАиС вносились в общие справки по духовным школам в СССР⁵⁴, включавшие сведения об учебных программах, преподавателях и студентах⁵⁵. Согласно справке Совета, подписанной Г. Г. Карповым в 1956–1957 гг., Академии были переданы библиотечный корпус, который освободил Заочный педагогический институт, а также другие принадлежащие в настоящее время МДАиС корпуса, крепостные стены, баня и т. д.

В справках по годам отражалось изменение количества учащихся, особенно обращалось внимание на количество выпускников Академии и Семинарии. По данным Совета, количество выпускников Московской духовной академии с 1977 года по 1982 год оставалось практически неизменным — от 15 до 21 человека, число выпускников-семинаристов за этот же период удвоилось — с 48 до 90 человек⁵⁶. По состоянию на 1 января 1982 года в Московской духовной семинарии обучалось 364

⁵¹ ГАРФ Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2257. Л. 127. Цит. по: *Маслова 2005*. С. 184.

⁵² Архив МДА. Папка № 219498. Отд. 4. Л. 5–5 об.

⁵³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 142.

⁵⁴ См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 123. Л. 332.

⁵⁵ См., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 89.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2458. Л. 25.

студента, а в Академии — 126⁵⁷. Особенно внимательно Совет отслеживал обучение в стенах МДА иностранных студентов.

Имеется большой объем писем, направленных патриархом Алексием (Симанским) в Совет по делам РПЦ. Часть из них уже опубликована. Отправленные варианты писем сохранились в фонде 6991 ГАРФ.

В письмах патриарха Алексия в Совет по делам Русской Православной Церкви тема московских духовных школ звучала постоянно. 15 августа 1945 г. он обращается в Совет, предлагая вернуть Церкви Троице-Сергиеву Лавру, чтобы получить «возможность воссоздать в Лавре центр богословской науки»⁵⁸. 16 сентября 1948 г. Патриарх писал с отдыха: «Не знаю, как идет дело ремонта Академии. Я дал Савинскому твердые установки в отношении всецелого перемещения учеников в Загорск»⁵⁹.

В 1950 г. Патриарх добился предоставления отсрочки от призыва студентам семинарий и Академий, о чем свидетельствует его переписка с Г. Г. Карповым⁶⁰. Остро нуждаясь в хорошо подготовленных кадрах, патриарх Алексий от имени Церкви обращался в Совет с просьбой ходатайствовать перед правительством о предоставлении отсрочки от призыва в ряды Советской Армии учащимся академии и четвертого курса семинарии. П. Г. Чередняк в беседе с патриархом Алексием 20 октября 1958 г. сообщил о результатах рассмотрения его просьбы. Патриарху разъяснили порядок призыва учащихся духовных академий и школ в армию. Было сказано, что в 1958 году слушателям Московской духовной академии не будет предоставлена отсрочка от призыва; что касается учащихся четвертого класса, то Совет будет ходатайствовать о предоставлении таковой до 1959 года¹⁸⁴. С 1959 г., с началом хрущевских гонений, отсрочка от призыва в армию перестала даваться даже учащимся выпускных курсов, в семинарию стали приниматься только отслужившие абитуриенты. Таким образом, обучение в духовных учебных заведениях не давало студентам никаких преимуществ перед студентами светских учебных заведений, в то время как армии отво-

⁵⁷ Там же. Л. 90.

⁵⁸ Алексий I, патриарх. Письма. С. 69.

⁵⁹ Там же. С. 402.

⁶⁰ Там же. С. 546–547.

дилось особое место в деле отрыва молодежи от Церкви вообще и от поступления в семинарии в частности. О тех, кто ушел в армию, писали через военкоматы заместителям по политчасти, давая указание провести с молодыми людьми воспитательную работу, чтобы они не захотели продолжать обучение в семинарии после армии⁶¹. В начале 60-х годов, пытаясь найти выход из этой ситуации, власти, в частности органы милиции, стали чинить различные препятствия, вплоть до категорического отказа в восстановлении прописки тем из воспитанников духовных учебных заведений, которые желали продолжить свое обучение с момента демобилизации из рядов Советской Армии⁶².

В ГАРФ хранятся и внутрицерковные документы, направленные в Совет в качестве приложений к письмам Патриарха. Так, вместе с сообщением Патриарха о пожаре в Доме культуры, находившимся в Покровском храме МДА, от 10 января 1953 г., приложен об этом подробный рапорт инспектора Н. Доктусова⁶³.

В фонде Совета сохранилась докладная записка уполномоченного по г. Москве и Московской обл. А. А. Трушина от 28 марта 1956 г., в которой он сообщал, что в кабинете ректора МДАиС прот. К. Ружицкого была вывешена в рамке под стеклом запись патриарха Алексия, оставленная им в книге отзывов МДА: «Недавно я посетил так называемый Бакалаврский корпус, который долгое время занимал советский Государственный педагогический институт и довел его до полного разрушения. Сейчас приходится только удивляться тем, как это хозяйственное управление смогло в такой короткий срок восстановить это здание не только в прежнее состояние, как оно было до 1917 г., но даже значительно лучше...». А. А. Трушин назвал эту запись «порочащей советские органы» и потребовал у ректора немедленно снять ее, что и было сделано⁶⁴.

Еще летом 1958 г. Совет по делам РПЦ в порядке рекомендаций разработал ряд мероприятий по ограничению деятельности Православ-

⁶¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1646. Л. 168.

⁶² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 488. Л. 1.

⁶³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 100. Л. 71–72; *Алексий I, патриарх*. Письма. С. 682–683.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 177.

ной Церкви. Совет представил на рассмотрение ЦК партии «Предложения по духовным учебным заведениям». Они включали в себя предложения, «которые необходимо поставить перед патриархией», и меры по ограничению приема в духовные школы и материального обеспечения семинарий и академий⁶⁵. Еще в 1959 г. Совет направил в ЦК КПСС следующие предложения, касающиеся духовных учебных заведений: не разрешать духовным учебным заведениям делать набор в академии и семинарии в течение всего учебного года; не принимать в духовные учебные заведения лиц, имеющих специальное среднее или высшее образование, что отвлекает известную часть людей квалифицированного труда из материальной сферы производства, являющегося основой существования всякого общественного строя⁶⁶.

С 1959 г. архивные документы инспекторского отдела Совета содержат множество указаний о недопущении того или иного лица к поступлению в Духовные школы.

К 1961 г. относится переписка, касающаяся семинариста Мелетия Романенко, который в письме на имя В. А. Куроедова протестовал против гонений на его семью в связи с его поступлением в МДС. Старший инспектор Совета М. Овчинников писал ректору МДАиС о необходимости его отчисления, вскоре он был отчислен, однако после этого восстановлен по указанию Патриарха⁶⁷.

В 1961 г. было значительно усилено налогообложение преподавателей МДАиС — как священников, так и мирян: налог составил более половины дохода. В документах Совета отразилась и работа властей по недопущению в МДС части абитуриентов. В 1961 г. в МДС во все 4 класса было подано 101 заявление, но «в результате проведенной партийными и советскими организациями работы удалось предотвратить поступление в МДС 41 юноши»⁶⁸. В 1962 г. до экзаменов в Семина-

⁶⁵ Цит. по: Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 27; Маслова 2005. С. 116. См.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1543. Л. 152–160, 164–169.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1541. Л. 108–109.

⁶⁷ См. об этом: Матюшин С., диак. История одного отчисления. Семинарская быль времен «хрущевской оттепели» // Встреча. 2000. № 2 (12). С. 41–47.

⁶⁸ Там же.

рию было допущено 53 человека (из 89 человек, подавших заявления), из них было зачислено 50.

В Совет по делам РПЦ поступали копии журналов Учебного комитета, иногда снабженные комментариями работников Совета. Например, на журнале № 1 за 1961 г. имеется запись: «Подсказать Ружицкому о нецелесообразности принятия экзаменов заочно», «заочный сектор ликвидировать!»⁶⁹.

Согласно статистике, которая велась в Совете, в период с 1948 по 1962 г. в Академии были защищены 12 магистерских и 216 кандидатских диссертаций⁷⁰.

С начала 1970-х гг. давление на духовные школы со стороны Совета по делам религий начинает ослабевать. Количество выпускников Московской духовной академии с 1977 по 1982 г. оставалось практически неизменным — от 15 до 21 человека, а вот число выпускников-семинаристов за этот же период удвоилось — с 48 до 90 человек⁷¹.

В 1980-е гг. контроль за духовными школами со стороны Совета продолжал осуществляться. Поздравление в адрес ректора Московской духовной академии по поводу ее 300-летия от председателя Совета К. М. Харчева раскрывает причину пристального внимания Совета к духовным учебным заведениям: «Совет по делам религий поздравляет Вас с 300-летием Московской духовной академии. Она играет заметную роль в жизни Русской Православной Церкви. Здесь созданы необходимые условия для подготовки церковных кадров, для воспитания у будущих священнослужителей, богословов и деятелей церкви патриотических чувств и высоких качеств. Академия стала местом проведения межрелигиозных встреч глав и представителей церквей и религиозных организаций СССР, международных миротворческих форумов. Совет по делам религий выражает надежду, что Московская духовная академия и ее воспитанники будут и впредь активно участвовать в патриотической миротворческой деятельности, направленной на сохранение мира, на благо социалистического Отечества»⁷².

⁶⁹ Там же. Д. 310.

⁷⁰ Там же. Д. 312.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2458. Л. 25.

⁷² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2257. Л. 127.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) хранит документы КПСС, куда поступали отчеты Совета по делам религий и откуда инициировались меры, направленные на ужесточение положения духовных школ. Документальные материалы Секретариата ЦК КПСС хранятся в РГАНИ за период с октября 1952 по 1991 год. Документы Секретариата ЦК КПСС в фонде представлены протоколами, постановлениями и материалами к ним; занимался Секретариат и вопросами, относящимися к жизни духовных школ. Кроме того, все выезды зарубеж, в том числе преподавателей МДА, должны были получить одобрение в специальной партийной комиссии по выездам.

Совет по делам религий направлял в ЦК КПСС отчеты о своей деятельности, в том числе касавшейся духовных школ. Так, в одном из отчетов говорится, что уполномоченные Совета в процессе зачисления новых учащихся следили за тем, чтобы не превышались лимиты, установленные для первых курсов⁷³.

Архив митрополита Григория (Чукова), который являлся председателем Учебного комитета, хранится в ГАРФ в составе личного дела митрополита Григория. Этот фонд недавно был подробно описан О. Н. Копыловой⁷⁴. Документы фонда содержат сведения о состоянии московских духовных школ, поступавшие в Учебный комитет.

24 января 1951 г. датировано письмо митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпову с представлением копии отчета о проведенной в декабре 1950 г. ревизии Московских Духовных академии и семинарии⁷⁵.

Фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ по Москве и Московской области содержит много важной информации по истории МДАиС. Фонд, хранящийся в ЦГАМО, остается практически не-

⁷³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 704. Л. 2–3.

⁷⁴ См.: Копылова О. Н. Личный архив митрополита Григория (Чукова) в материалах Государственного архива Российской Федерации // ВЦИ. 2006. № 1. С. 200–250.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 35. Л. 43.

исследованным⁷⁶. В 1943 г. уполномоченным был назначен 31-летний Алексей Алексеевич Трушин, который занимал эту должность несколько десятилетий.

В документах фонда отражена хозяйственная сторона жизни Академии. Согласно одному из документов, хранящихся в фонде, 9 декабря 1948 г. Министерство торговли СССР дало на места указание об отпуске продуктов питания в порядке мелкого опта для столовой МДА и МДС на 217 человек⁷⁷.

МДА была приоритетным направлением деятельности А. А. Трушина. В 1964 г., согласно воспоминаниям прот. А. Остапова, он вместе с сотрудником ОВЦС Б. С. Кудинкиным провел в МДА несколько дней после смерти ректора прот. К. Ружицкого⁷⁸. А. А. Трушин собирал материалы на преподавателей и членов администрации МДАиС. Изучение фонда уполномоченного, безусловно, даст много ценных сведений об истории МДА в советский период.

Лакуны в послевоенной истории Московских духовных школ, неизбежно — в связи с обстоятельствами времени — еще весьма значительны. В процессе работы над подробным биобиблиографическим словарем преподавателей и сотрудников послевоенной МДАиС (а в более отдаленном будущем — и выпускников⁷⁹), возможно, будут выявлены новые архивы и книгохранилища, содержащие информацию об истории Московских духовных школ. Помимо архива МДА, отдельные сведения об Академии содержатся в архивах других духовных учебных заведений РПЦ, прежде всего в архиве СПбДА. В настоящее время стоит задача выявления архивных документов по истории МДА в ведомственных, региональных, частных архивах как в России, так и за рубежом.

⁷⁶ Из известных нам исследователей к материалам фонда обращался только протодиакон С. Голубцов. См.: *Голубцов 2004*. С. 5–65.

⁷⁷ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 5. Д. 1. Л. 236.

⁷⁸ *Остапов А., прот.* Дневник. 1964. Машинопись. С. 181–188. Цит. по: *Пушков 2002*. С. 271–272.

⁷⁹ Ниже опубликованы списки выпускников послевоенной МДА.

ЛИТЕРАТУРА

- Голубцов 2004* — Голубцов С., протод. Церковная Московия в 1935–1965 гг. // Церковно-исторический вестник 11. 2004. С. 4–71.
- Маслова 2005* — Маслова И. И. Эволюция вероисповедной политики Советского государства и деятельности РПЦ в 1953–1991 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005.
- Алексий I, патриарх. Письма* — Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров — Совете Министров СССР 1945–1953 гг. / Под ред. Н. А. Кривовой, отв. сост. Ю. Г. Орлова. Т. 1. М., 2009.)
- Одинцов 2005* — Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.). М., 2005.

ОТДЕЛ III

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. ДОКЛАДЫ. СЛОВА,
ПРОПОВЕДИ И РЕЧИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ОБ АРХИВНОМ МАТЕРИАЛЕ И СТАРИННЫХ РУКОПИСЯХ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ БЫВШЕЙ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

От публикаторов

При разборе книг в хранилище Московской духовной академии нашлся машинописный текст на пожелтевшей бумаге с истрепанными краями, озаглавленный так, как указано в названии публикации¹. Перед нами интереснейший документ — первая в истории Московской духовной академии попытка представить целостное описание всего академического рукописного фонда. Хотя в 1899 г., в самом конце XIX в., Ревизионная комиссия под руководством ученого библиотекаря (в прошлом) и эллиниста профессора МДА И. Н. Корсунского указывала: «Совершенно необходимо составить хотя какое-либо описание иностранных (греческих, латинских и проч.) рукописей, имеющихся в библиотеке, но не имеющих доселе для себя никакого описания»², — это описание в целостном виде так и не было выполнено. Парадокс состоит в том, что только после прекращения существования не только Академии как таковой, но и ее библиотеки, перевезенной в 1930-е гг. в фонды нынешней Российской государственной библиотеки, появилась первая обзорная статья, публикуемая ниже. При приемке рукописей некий сотрудник рукописного отдела, скорее всего, питомец еще дореволюционной филологической школы, выполнил данное описание.

¹ Слова «бывшей Московской духовной академии» написаны карандашом вместо зачеркнутого «Троице-Сергиевской Лавры».

² Записка датируется 19 января 1899 г. НИОР РГБ. Ф. 172. К. 38. Ед. хр. 19. Л. 3 об.

Впоследствии академический фонд, которому был присвоен 173-й номер, был достаточно подробно описан Л. В. Тигановой и другими сотрудниками НИОР РГБ в машинописном каталоге, состоящем из 4-х выпусков³. В процессе кропотливой работы над данным каталогом, которая продолжалась в течение 20 лет (1965–1985 гг.), многим рукописям были присвоены новые шифры, ряд рукописей был отредактирован. Однако некоторые единицы хранения из данного фонда были значительно ранее описаны бессменным библиотекарем МДА первой трети XX в. Константином Михайловичем Поповым. В архиве Академии сохранился автограф К. М. Попова под названием «Архивные рукописи из библиотеки Московской Духовной Академии»⁴ с дополнительной пометой «Из архива К. Попова». Поскольку автор ссылается на статью А. С. Орлова «Домострой», опубликованную в «Русском филологическом вестнике» в 1916 г.⁵, очевидно, что он закончил свой указатель не ранее данного срока. Эпитет «архивные», скорее всего, указывает на место хранения — дореволюционный архив

³ Собрание рукописных книг Московской духовной академии. Фундаментальное. Ф. № 173. I / Дополнения: Л. В. Тиганова; описания славяно-русских рукописей: Л. В. Тиганова, Н. Б. Тихомиров (№ 195.2, 589.2, 590.2, 592, 600), Н. А. Щербачева (№ 80, 183, 591, 593–599); описания иностранных рукописей: К. А. Майкова (лат. яз.), Б. Л. Фонкич и М. В. Подмарькова (греч. яз.), Л. Х. Вильскер (№ 368 — древнееврейский яз.). М., 1975, 1985. 322 с.

Собрание рукописных книг Московской духовной академии. Дополнительное. Ф. № 173. II / Описание составили: Л. В. Тиганова, Л. Х. Вильскер (№ 118, 175, 208–209), К. А. Майкова (№ 18, 53–54, 56, 59, 67, 86, 138, 176, 196), Б. Л. Фонкич (№ 147, 149–164, 201–204), И. М. Кудрявцев (№ 74, 120. II), Е. П. Маматова (№ 84, 91–110), М. И. Занд (№ 222), З. Г. Самодурова (№ 148), Н. В. Зейфман (№ 225), Ю. А. Неволин (художественное оформление рукописей). М., 1965. 254 с.

Описание рукописей собрания Московской духовной академии (по временному каталогу). Ф. № 173. III / Рукописи обработали Л. В. Тиганова, К. А. Майкова (на лат. яз.), Ю. А. Неволин (худ. особенности), Я. Н. Щапов (№ 87, 108). М., 1966. 106 с.

Собрание рукописных книг МДА (Прочие). XVI в. — 1918 г. Ф. № 173. IV / Рукописи обработали Л. В. Тиганова, Ю. А. Неволин (худ. особенности), К. А. Майкова (на лат. яз.), Б. Л. Фонкич (№ 98). М., 1966. 130 с.

⁴ Общий объем рукописи (в конце добавлено несколько машинописных листов с рукописными вставками) составляет 187 страниц.

⁵ Русский филологический вестник 76. 1916. № 3. Вып. 1. М., 1916.

Московской духовной академии, где, как и в современном архиве, хранились не только личные дела и другие документы из текущей жизни Академии, но и некоторая часть ценного рукописного фонда. Описание рукописей К. М. Попова ценно особой степенью подробности⁶, его составитель находил место и для удовлетворения присущего ему тонкого чувства юмора⁷.

Так или иначе, при публикации данного описания в примечаниях был учтен и указатель фонда 173, выполненный сотрудниками НИОР РГБ⁸, и описание «Архивных рукописей» К. М. Попова⁹. Все примечания к данной публикации были составлены М. Г. Калининым, которому редакция журнала выражает свою искреннюю благодарность.

* * *

Просматриваемый и разбираемый рукописный материал Загорского филиала представляет собою¹⁰ 1) часть архива МДА и Виф<анской> Семинарии и 2) рукописи б<иблиотек>ки МДА¹¹, представляющие собой¹² часть бывшей библиотеки Московской духовной академии, в которую влились личные библиотеки этой Академии, Т<роице->С<ергиевой> Лавры и другие различные рукописные книги.

⁶ Особо стоит отметить предельную внимательность К. М. Попова к графическим особенностям рукописей: греческие и славянские диакритики переданы с максимальной точностью.

⁷ Так, например, рецензируя сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, К. М. Попов замечает, в частности, такое выражение: «попу не славить чтоб святую неделю». При рассмотрении полуустава XVII в. («Прохладный Вертоград») он обращает внимание на следующие указания: «...аще хощеши чтобы лице и тело чисто и гладко стало... аще хощеши чтобы власы желты были, аще хощеши брови черны имети или власы на главе... аще хощеши в кой день пьяное питье питии и чтобы в тот день пьяну не быти...».

⁸ В примечаниях обозначен как «опись РГБ».

⁹ В примечаниях обозначено как «опись К. М. Попова».

¹⁰ Далее дописано карандашом.

¹¹ В машинописи: «М.Д.А.». В данной публикации все аббревиатуры унифицированы в соответствии с современной орфографией.

¹² Дополнение карандашом закончено. Далее текст приводится по исправленному карандашом. В оригинале машинописи: «часть бывших библиотек Троице-Сергиевской Лавры, ее духовных учебных заведений и личных библиотек <...>телей ее и этих учебных заведений».

Т. к. основание Лавры Сергием относится к XIV веку, то начиная с этого времени и должны были перейти нам в наследство старинные рукописи (в виде богослужебных и других книг духовного содержания). Эти рукописи должны были положить начало библиотеке Лавры.

Однако, ряд пожаров, во время которых особенно пострадали рукописи XII—XVI вв., неаккуратное¹³ хранение и другие причины препятствовали этому.

Эта библиотека, о которой известный палеограф Е. Ф. Карский уже в 1828 году отзывается как о довольно ценном собрании рукописей, «составилась отчасти через списывание книг в монастыре, отчасти из вкладов»¹⁴. Кроме того, рукописи покупались. Так, например, Горский упоминает о нескольких наиболее крупных пожертвованиях, давших лаврской библиотеке 85 рукописей. Что касается списывания, то во время наибольшего расцвета книжной образованности на Руси, который специалисты относят к XV—XVII вв., в Лавре была своя целая школа мастеров, любителей книжного дела. В Отделе Рукописей еще ранее сохранились образчики работы этой школы.

В конце XVII-го века после приезда в Москву из Кефалонии высоко образованных для того времени греков Иоанникия и Софрония Лихудов, прослушавших курс наук у себя на родине, а также в Падунском университете, ими были основана (по примеру западных академий) академия, под названием эллино-греческой.

Лихуды пользовались покровительством В. Голицына (говорившего на греческом языке). При его содействии было положено начало библиотеке этой академии (существовавшей до 1816 года, когда она была разделена между библиотеками организованной впоследствии Троицкой семинарии и Перервинской семинарии)¹⁵. В распоряжение (эллино-греческой) академии была предоставлена царская библиотека.

Среди старинных рукописей лаврской библиотеки сохранилась рукопись XVII-го века под № 343 «Слова и житие св. Филиппа митрополита». Эта рукопись, как о том свидетельствует надпись по листам, принадлежала царевне Наталье Алексеевне. Возможно, что это эк-

¹³ В машинописи: «не аккуратное».

¹⁴ Горский.

¹⁵ Скобки доставлены карандашом.

земляр из царской библиотеки, случайно сохранившийся от страшного пожара 1737 года, во время которого погиб остаток библиотеки московских царей вместе с царским дворцом.

От этого периода литературной и педагогической деятельности Лихудов в академии остался ряд манускриптов (главным образом, на греческом и латинском языках), среди которых сочинения самих Лихудов составляют 20 номеров¹⁶. Эти автографы входят в собрание библиотеки МДА. Большинство из них XVII века, например:

1) «Акос» — сочинение на греческом языке, написанное обоими братьями в качестве полемического против латинствующей партии Сильвестра Медведева¹⁷.

2) Комментарий Аристотеля (№ 301¹⁸, 303¹⁹, 311²⁰ и т. д.). Венеция, 1689 г.

3) Софрония «Предварительные изыскания к прагматической физике» № 302²¹.

¹⁶ Далее одно слово карандашом: «Перечень».

¹⁷ В описи РГБ — «Акос, или Врачевание, противоположаемое ядовитым угрызениям змиевым», — соч. братьев Лихудов, «переведшагося со еллинскаго на славенский диалект Николаем Симеоновым, Алексием Кирилловым и Феодором Поликарповым, учениками вышереченных учителей» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 480. С. 297). В описи К. М. Попова — «*Άκος*, или Врачевание» (№ 480. С. 103).

¹⁸ «Введение в физику» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 301. С. 159–160). Содержание: 1. «Введение в физику». 2. «Изложение и исследование первой книги «Физики» философа [т. е. Аристотеля]». 3. «Изложение и исследование 2-й книги «Физики» философа, [написанное] по обычаям философов нашего времени». 4. «Изложение и исследование 3-й книги Аристотеля». 5. «Изложение 4-й книги «Физики» Аристотеля». 6. «Изложение 5-й книги «Физики» Аристотеля». 7. «Изложение 6-й книги «Физики»». 8. «[Изложение] 7-й книги «Физики» философа». 9. «Изложение и исследование 8-й книги «Физики» философа». 10. «Краткая выписка».

¹⁹ В описи РГБ — «Комментарии Герасима Влаха к сочинениям Аристотеля» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 303. С. 165). Содержание: 1. «Комментарий Герасима Влаха к сочинению Аристотеля «О возникновении и разрушении»». 2. «Комментарий к сочинению Аристотеля «О небе»» (в рукопись также влетена тетрадь из какого-то сочинения по астрономии).

²⁰ В описи РГБ — «Восемь книг о физике или о послушании природы, по-гречески и по-латыни» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 311. С. 167).

²¹ В описи РГБ — «Цветник философский в вопросах и ответах, соч. Софрония Лихуда из Кефаллени, иеромонаха и доктора философии» (в оригинале — *Philosophi-*

4) Его же «Введение в прагматическую логику» (№ 300)²².

5) «Обличение ересей Лютера и Кальвина»²³.

К этому же периоду относится энергичная педагогическая деятельность²⁴ Стефана Яворского, из библиотеки которого мы имеем № 245²⁵ 1697—1698 гг. и его же богословский трактат на латинском языке (№ 278)²⁶.

Усиленно пополняться библиотека академии, называвшейся теперь уже Славяно-Латинской, начала благодаря Петру I, который обратил особенное внимание на заведение библиотек. Несмотря на то что

aeque ac Theologiae doctoris. — М. К.). (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 302. С. 161).

²² Приведенное название является сокращенным переводом греческого надписания, относящегося только к первому сочинению Софрония, включенному в рукопись (Л. 1—55). В описи РГБ общее название рукописи — «Философские сочинения Софрония Лихуда» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 300. С. 157—158). Содержание: 1. «Логика в 3 книгах». 2. «Введение в логику Аристотеля». 3. «Изложение и разбор “Введения в категории Аристотеля” Порфирия». 4. «Изложение и разбор “Категорий” Аристотеля». Данная рукопись представляет собой черновик, с которого сделана точная копия, хранящаяся под номером 299 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 299. С. 157).

²³ В описи РГБ — «Богословско-догматическое сочинение Софрония и Иоаннкия Лихудов» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 275. С. 126).

²⁴ Порядок слов по исправленному карандашом.

²⁵ Это трактат Феофана Прокоповича. В описи РГБ — «Курс догматического богословия, читанный Феофаном Прокоповичем в Киево-Могилянской академии в 1708—1710 гг.» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 245. С. 106—108). В конце рукописи, помимо прочих документов, помещено письмо Стефана Яворского «к духовному лицу с извещением о получении богословского сочинения <...>, прочтении его и сделанных замечаниях. Автограф 1719 апр. 29» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. С. 107).

²⁶ В описи РГБ — «Пolemические богословские трактаты, составленные почтенным отцом Стефаном Яворским в Киево-Могилянской коллегии» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 278. С. 129—130). Содержание: 1. «Контроверза 1-я о Церкви и ее членах». 2. «Трактат богословский poleмический о Боге Троицином и об исхождении (в оригинале «исхождениях», имеется в виду рождение Сына и исхождение Духа. — М. К.) Его». Стефан Яворский является также автором «Ответа на рукописание учителей богословов парижских дому сорбонского о примирении Церкви Великороссийской с церковью французскою» (вторая часть документа под общим названием в описи РГБ «Переписка сорбонских и русских богословов о примирении Церквей» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 118. С. 39—40); в описании К. Попова № 118 «Переписка богословов парижских дому сорбонского о примирении Церкви Великороссийской с французскою». С. 33).

после пожара 1737 года уцелела лишь малая часть этой библиотеки, библиотека все время разрасталась.

Пока разобрано в Отделе Рукописей 157 номеров этой библиотеки, в том числе № 275 (О расстриге Гришке).

В 1742 году основана Троицкая-лаврская семинария, имевшая свою «знатную» библиотеку, для нужд которой лавра передала много рукописей. В 1761 году 24 рукописи возвращены в Лавру. В библиотеке семинарии состояло 190 рукописей (согласно каталогу 1762 г.). Часть из них не сохранилась, часть перешла в библиотеку МДА, часть возвращена лавре. Эта библиотека также пополнялась пожертвованиями и покупками. Так, приобретена рукопись XVII-го века отца известного сатирика Антиоха Кантемира — князя Дм. Кантемира — под названием: «<Невыразимый образ священной науки, соч. Дмитрия Кантемира, господаря молдавского>²⁷» № 256²⁸. Находится в Отделе Рукописей, также, как и другое его сочинение № 277²⁹ «<Объяснение кн. Дмитрием Кантемиром неясных мест славянского катехизиса, изданного анонимным автором под названием “Первое учение отроком”>³⁰».

В 1761—1814 гг. ректором семинарии³¹ был митрополит московский Платон, он нашел библиотеку в плохом состоянии и принял ряд энергичных мер к сохранности находящегося в ней материала. От этого времени сохранилось несколько каталогов этой библиотеки, которые нахо-

²⁷ Сведения отсутствуют в машинописном тексте.

²⁸ В описи РГБ — «Невыразимый образ священной науки, соч. Дмитрия Кантемира, господаря молдавского; т. 1» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 256. С. 116—117). Содержание: 1. «Дмитрий Кантемир, господарь молдавский, Иеремии Какавеле, наставнику своему, — письмо с посвящением написанного труда». 2. «Богословско-физические священные основы». 3. «Священное сотворение вселенной». 4. «Постепенность творения». 5. «О времени». 6. «О жизни». 7. «Объяснение внешнего вида (точнее перевести — “свойств”. — М. К.] священной науки».

²⁹ В описи РГБ — «Объяснение кн. Дмитрием Кантемиром неясных мест славянского катехизиса, изданного анонимным автором (Феофаном Прокоповичем в 1720 г.) под названием “Первое учение отроком”» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 277. С. 129).

³⁰ Сведения отсутствуют в машинописном тексте.

³¹ Слово «семинарии» зачеркнуто или подчеркнуто карандашом.

дятся в отделе. В начале XIX века библиотека и ее рукописи перешли в библиотеку МДА.

В таком же состоянии находилась и библиотека С<лавяно->Греко-латинской академии. Рукописи расхищались, учета не было. Митрополит привел библиотеку академии за время своего ректорства (1775—1814 гг.) в «цветущее состояние», заставив завести учет, введя новые правила пользования книгами, сделав распоряжение о сборе розданных книг. Лишь благодаря его заботам много рукописей сохранилось и дошло до нас. В 1816 году, после раздела библиотеки, 37 рукописей было передано в лаврскую семинарию, остальные, как сказано выше, в Перервинскую.

В 1816 году в библиотеку МДА поступило несколько рукописей на древних языках от бывшего ректора Троицкой семинарии М. Смирнова, в том числе Ирмологий, сочинение Феофана Прокоповича и др. С 1842—1862 г. библиотекарем МДА работал А. В. Горский³². Им приобретено множество богословских и исторических книг. Он прочитывал все вновь поступающее, оставляя на книгах свои критические заметки. Каждую книгу он знал как свои пять пальцев. По его ходатайству в 1859 г. в библиотеку МДА было передано 236 номеров рукописей Иосифова Волоколамского монастыря³³, которые вместе с ранее поступившими в б-ку МДА рукописями Троицкой духовной семинарии и составили основное ядро библиотеки МДА. В 1854 г. он же добился получения 240 рукописей из Московской Синодальной библиотеки (из числа отобранных у раскольников), в том числе богослужебных XVI и XVII в.³⁴, подлинника XVII в., значительного числа сборников XVII и XVIII в.³⁵, преимущественно полемического характера; рас-

³² В описи К. М. Попова указана рукопись Горского № 16 (указатель разрядов с 7086 по 7113 г.). Рукопись XVII в., принадлежала князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому (Архивные рукописи Московской духовной академии. Из архива К. М. Попова. С. 1).

³³ *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной Академии. М., 1882. 315, XIV с. Ранее изд.: ЧОИДР. 1881. Т. 118, 3. 315, XIV с.

³⁴ В описи К. М. Попова № 249 (С. 154—157), № 318 (С. 158), № 332 (С. 159).

³⁵ В описи К. М. Попова № 362 (С. 163), № 382 (С. 164—165), № 384 (С. 166—167), № 387 (С. 168), № 413 (С. 175—177). В описи РГБ № 53 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. С. 20), № 56 (Там же. С. 20—21), № 57 (С. 22), № 61 (С. 24—

кольничьих стихов³⁶, писем, картин. Почти все это находится теперь в Отделе Рукописей. С 1856 года получено было за 10 лет всего 354 рукописи, в том числе и № 138³⁷ — писания Максима Грека XVI века, «Измарагд»³⁸, «Паляя»³⁹, «Потребник» — все XVI века. 6 сборников с автобиографией протопопа Аввакума; Саввы Романова — повесть о стрелцком бунте, 3 книги; «Щит»⁴⁰; «Меч духовный»⁴¹, «Исторический словарь» — Павла Любопытного⁴².

В 1835, 1837 и др. годах митрополит Филарет передал в библиотеку МДА портфель со своими научными работами и письма (№ 10)⁴³. По

25), № 63 (С. 25–26), № 64 (С. 26–27), № 69 (С. 29), № 71 (С. 29–30), № 83 (С. 34–36), № 85 (С. 37), № 92 (С. 44), № 97 (С. 47–48), № 100 (С. 48–49), № 104 (С. 51), № 105 (С. 51–52), № 106 (С. 52–53), № 123 (С. 68–69), № 126 (С. 70), № 127 (С. 71), № 159 (С. 83–84; это богослужебный сборник, в отличие от предыдущих, носящих полемический и назидательный характер).

³⁶ В описи К. М. Попова № 388 (С. 169), № 474 (С. 183), № 432 (С. 185–187). В описи РГБ № 50 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. С. 19).

³⁷ В описи РГБ — «Сборник слов Максима Грека». (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 138. С. 75).

³⁸ В описи РГБ — «Измарагд» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 135. С. 74) и рукопись с тем же названием в фундаментальном собрании (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 46. С. 12–13).

³⁹ В описи РГБ — «Паляя толковая» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 120. С. 66). Рукопись датирована XVI веком. Рукопись с тем же названием того же века зарегистрирована под № 136 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. С. 75).

⁴⁰ Рукописи с таким названием значатся в описи РГБ (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 60 (1–3). С. 23–24; № 65 (2–3). С. 27). Есть основания предполагать, что о рукописи № 60 автор нашего описания говорит отдельно (см. примеч. 45, 48).

⁴¹ Книга с таким названием зарегистрирована в описи РГБ в собрании МДА (по временному каталогу) под номером 107 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. С. 53). Полное название: «Книга глаголемая меч духовный. Алексея Самойловича».

⁴² В описи РГБ — «Исторический словарь староверческой церкви и Каталог, или Библиотека, староверческой церкви, сочинения Павла Любопытного» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 49. С. 19). Похожая рукопись — №169 «Каталог, или Библиотека, староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного. В Санкт-Петербурге 1829 года» и «Исторический словарь староверческой церкви... Сочинен в Петрополе П[авлом] Л[юбопытным]. 1828» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. С. 86).

⁴³ В описи К. М. Попова для номера документа оставлено место, которое так и не было заполнено (С. 105). Описание: «Портфель (корешок с картонными крышками, оклеенными мраморной бумагой), F⁰ (39×25), с двумя отделениями внутри <...>. Передан в библиотеку митрополитом Филаретом на хранение в начале 50-х годов. Содержит главным образом бумаги, касательно раскола, в частности единоверия» (С. 105). На

его смерти библиотека МДА получила 90 рукописей его бывшей личной библиотеки⁴⁴. Почти все это в Отделе Рукописей. Среди них: «382 раскольничьих ответа на вопросы»⁴⁵, «О браке» (№ 64)⁴⁶, «О титуле на Кресте» (№41), «Прохладный вертоград» — лечебник XVII века (№ 8)⁴⁷, «Ответ бедного старообрядца против беседы глаголемому старообрядцу» (№ 60)⁴⁸. Всего в Отделе Рукописей подобрано 69 номеров⁴⁹.

с. 105—116 описи Попова дается подробный перечень и описание бумаг (32 единицы).

⁴⁴ В описании прот. А. Горского указаны рукописи библиотеки митр. Филарета № 1 «Литургия» (Архивные рукописи Московской духовной академии. Из архива К. М. Попова. С. 2), № 3 (С. 3), № 4 «О Церковных хорах» (С. 4—5), № 5 (С. 6).

⁴⁵ В описи РГБ данной рукописи соответствует № 60 «Цит веры. ("Ответы древняго благочестия любителей на вопросы придержащихся новодогматствующаго иерейства") — приписывается поморцу Тимофею Андрееву. В трех книгах» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 60 (1—3). С. 23—24). В описании рукописи отмечено: «Все сочинение содержит 382 вопроса с ответами» (С. 24).

⁴⁶ В описи РГБ не найдено, однако в рукописи № 56 (МДА. № 81) «Сборник старообрядческий» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 56. С. 20—21) первая из статей носит название «О тайне честного брака» (С. 21).

⁴⁷ Архивные рукописи Московской духовной академии. Из архива К. М. Попова. № 459. С. 99—100. Дана приписка: «Рукопись библиотеки митр. Филарета № 8». Подробное изложение содержания.

⁴⁸ В описи РГБ под данным номером значится вышеуказанная рукопись «Цит веры...». Не исключено, что речь идет об одном и том же документе. Единый номер был присвоен трем частям рукописи только в 1966 г.; в библиотеке МДА последние имели различные числовые обозначения — 82, 60а, 60 соответственно. Предисловие к сочинению (первая часть документа, № 82) начинается следующими словами: «Понеже творец сих трех сот и осмидесяти двух вопросов...» — что соответствует тому условному названию, которое было дано рукописи составителем нашего описания («382 раскольничьих ответа на вопросы»; естественно, что это не истинное название книги). Вторая и третья части (№ 60а и № 60) были описаны как отдельный документ «Ответ бедного старообрядца...» под № 60.

Помимо документов, указанных в нашем описании, отметим также описанную К. М. Поповым рукопись № 45 библиотеки митр. Филарета (для указания номера фундаментальной библиотеки оставлено пустое место, которое так и не было заполнено) — «Изъяснение беззащитнаго старообрядца, почему не имеет возможности принять таинства и вероисповедания единоверческой Церкви, и о несогласии ея с грекороссийскою Церковью» (Архивные рукописи Московской духовной академии. Из архива К. М. Попова. С. 125).

⁴⁹ Далее в новом абзаце карандашом зачеркнуто первое предложение и поставлен знак вопроса ручкой: В 1866 году в МДА поступила библиотека А. И. Хлудова.

После 1870 года — года преобразования МДА — поступила библиотека и рукописи бывшего воспитанника академии К. И. Невоструева. Разобрано 54 номера. 7 номеров — XVI века, 6 номеров — XVII, 33 номера — XVIII, 8 номеров — XIX. Вслед за тем⁵⁰ — рукописи А. В. Горского (всего есть 33 номера), 3 номера — XVI в., 10 номеров — XVII, 5 номеров — XVIII, 15 номеров — XIX в. В том числе: № 57 — «История Казанская», скоропись XVII века; № 41 — «Книга бытия» XVII в. 154 листа без начала и конца в пергамене; № 37 — «Перепись всех книг в казне во обители Пречыстия Богородицы и по церквам⁵¹ и по кельиам⁵²» — скоропись XVI века — 132 листа «Савинского монастыря»; № 40 — Писцовый наказ 1685 года — 172 листа; № 21 — Сочинение Стефана Яворского XVIII века.

В 1842 году от А. Н. Муравьева поступила рукопись сатиры А. Кантемира и греческий Апостол на пергамене XI века⁵³; портфели, содержащие переписку с ним [А. Н. Муравьевым] восточных патриархов; после смерти графини А. Орловой-Чесменской — письма, архив и биография Юрьевского архимандрита Фотия. Имеется в Отделе.

В 1853 году врач МДА Высоцкий сделал пожертвование в библиотеку. Рукописи с его подписью встречаются на разборе.

Рукописное отделение *Фундаментальной библиотеки* состояло из 235 русских рукописей, большею частью из библиотеки Троицкой семинарии, в которую они были переданы в разное время из библиотеки лавры. По делам 1781 года их было 207 номеров. Пока разобрана 171 рукопись. Здесь можно отметить:

- 1) «Слова» митрополита Платона, собственноручно им писанные⁵⁴.
- 2) Катехизис — его же автограф⁵⁵.
- 3) Пятикнижие XII века, лист, писанный на еврейском языке, на

⁵⁰ Карандашом неразборчиво добавлено: «[...] библ-ка и».

⁵¹ В машинописном тексте: «церквам».

⁵² В машинописном тексте: «покельнам».

⁵³ Обе книги находятся в Отделе <рукописей>. — *Авт.*

⁵⁴ В описи РГБ — «Сборник слов Платона (Левшина), митрополита Московского», автографы к. XVIII в. (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 84. С. 26).

⁵⁵ В описи РГБ — «Катехизис. Соч. Платона, митрополита Московского», автограф 1757 г. (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 85.1. С. 27).

пергамене. Принесено в дар академии архимандритом⁵⁶ Херсонским Гавриилом⁵⁷.

4) Сибирская история от завоевания Сибири Ермаком, кончая 1690 годом, скоропись. Вклад С. А. Головина 1744 года.

5) Сказание об осаде Троицкого монастыря А. Палицына, XVII в.⁵⁸;

6) Несколько экземпляров систем богословия, философских и по классам риторики и поэзии на латинском языке, излагавшихся студентам Киевской, Московской Славяно-греко-латинской, Петербургской академий⁵⁹.

7) Книги (рукописные) из библиотек <Паисия> Величковского и Стефана Яворского.

8) № 335 — Латинско-славянский словарь⁶⁰; № 345 — Русско-латинский лексикон 1700 года⁶¹.

9) Ряд летописцев⁶².

⁵⁶ Ошибка. Гавриил являлся архиепископом.

⁵⁷ В описи РГБ Л. Х. Вильскером дано очень подробное описание этого исключительно ценного памятника библейского текста (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 368. С. 218–283). Пятикнижие было подарено караимами Архиепископу Херсонесскому Гавриилу (дарственная надпись датирована 13 сентября 1835 г.), возможно, в связи со стремлением избежать распространения на караимов ограничительных законов, действовавших против евреев (Там же. С. 225).

⁵⁸ В описи РГБ рукопись указана в Дополнительном собрании МДА (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 3. С. 2).

⁵⁹ В описи К. М. Попова № 238 (С. 74–86, дан подробный перечень всех разделов).

⁶⁰ В описи РГБ — «Словарь латинско-славянский, составленный в Москве в 1700 году» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 335. С. 192).

⁶¹ В описи РГБ — «Лексикон латино-русский» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 345. С. 201).

⁶² В описи РГБ — «Троицкий список Новгородской первой летописи» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 85.2. С. 27), рукопись ранее находилась в собрании МДА (Прочие); составной сборник «Ермолинская летопись» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 195.2. С. 80а–80г); «Иоасафовская летопись» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 196.2. С. 81), «Сборник исторический», состоящий из летописных записей (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 201. С. 83); «Летописец келейный Дмитрия Ростовского» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 65.1. С. 18); рукописи с тем же названием под номерами 65.1 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. С. 18), 71 (Там же. С. 22) и 161 (Там

Часть рукописей фундаментальной библиотеки:

а) имеет наклейки «по дополнительному каталогу»⁶³ (№ 165 слл.⁶⁴): одна рукопись — XIV века⁶⁵, одна — XV в.⁶⁶, три — XVI⁶⁷, 15 ркп. — XVII в., 43 — XVIII в., 98 — XIX в., 3 — XX в.⁶⁸.

же. С. 65); в рукописи «Луцидариус» после основного текста содержится «Краткое ведение об народе славенороссийском и московском, выписано из древних летописцев 1725 года» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 180.1. С. 74); «Каталог или летописание из бытности архиереев российских, где могло от которых изобрестися в писанин, а явно из книг летописцев российских...» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 122. С. 42); «Временник Георгия Амартола» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 100. С. 30).

⁶³ Соответствующие рукописи в НИОР РГБ были перемещены в собрание МДА (Дополнительное).

⁶⁴ В машинописном тексте: 165 №№.

⁶⁵ В описи собрания МДА (Дополнительного) не найдено.

⁶⁶ В описи собрания МДА (Дополнительного) не найдено.

⁶⁷ В описи РГБ XVI веком датированы следующие рукописи собрания МДА (Дополнительного): № 32 «Сборник слов и патериковых повестей» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. С. 16–17), № 48 «Евангелие тетр» (Там же. С. 25), № 120.1 «Сборник церковных песнопений (Стихирь, Октоих <...>, Ирмологий <...>, песнопения Обихода и др.)» (Там же. С. 186).

⁶⁸ В описи РГБ XX веком датированы следующие рукописи собрания МДА (Дополнительного): № 165 «В стране священных воспоминаний». Описание путешествия преподавателей и студентов Московской духовной академии в 1900 г. на Афон и в Палестину. Под редакцией ректора МДА, епископа Волоколамского Арсения» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. С. 216; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 518); № 174.2 «Письмо Антония, епископа Волынского и Житомирского, ректору Московской духовной академии Арсению, епископу Волоколамскому, присылке писем Леонтия (Лебединского)» (Там же. С. 218–219; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 527); № 198 «Лекции по церковной археологии (?)» (Там же. С. 224–225. Рукопись датирована к. XIX — нач. XX в. По нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 551); № 210 «Государство и церковь. Флориана Рис, священника ордена иезуитов», — перевод с нем. студента 69 курса Святослава Никитича Дьякова» (Там же. С. 249; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 563), № 212.2 «Письмо священника Александра Киселева, тульского епархиального наблюдателя, библиотекаря Библиотеки МДА Константину Михайловичу Попову» (Там же. С. 250; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 565); № 218 «Обращение Московского митрополита Макария (Невского) к духовенству по случаю незаконного удаления его обер-прокурором Синода В. Н. Львовым на покой» (Там же. С. 252; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 571); № 219 «Акафист Гермогену, патриарху Всея Руси. Соч. Ильи Гумилевского» (Там же. С. 252; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 572); № 220 «Служба Гермогену, патриарху Всея Руси. Соч. Ильи Гу-

б) Часть имеет карандашную пометку, обведенную кругом «по временному каталогу №...». Таких пока разобрано свыше ста: рукопись № 191 о духоворах — XIX в., о беспоповдах — № 43, 47, 52; № 198 — копии материалов о скопцах и других еретиках, заключенных в Соловецком монастыре, скоропись XIX века, 184 листа; также № 197⁶⁹ о том же. Симеон Денисьевич «Российский вертоград» — раскольничье сочинение о чудесах и пытках раскольников 1820 года; «Российский Виноград» — ученики бр<атьев> Денисовых 347 листов 1899 г. на гектографе⁷⁰; № 137 «Вопросы профессоров Совестдралу⁷¹» XVIII—XIX в. 4 листа. Духовные стихи; Слова Максима Грека, полуустав XVI века, 236 листов (№ 138)⁷²; рукопись № 93 XVII в., скорописью «Книга, глаголемая буквы иж вначале от грамматикии о

милевского» (Там же. По нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 573); № 223 «Протоколы № 1–34 заседаний Комиссии по реформе духовных академий» (Там же. С. 263; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 576); № 225 «Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 года», подготовленная к печати С. Н. Дурьлиным, Ю. А. и М. Ю. Олсуфьевыми» (Там же. С. 253–254; по нумерации дополнительного каталога МДА № 235/578); № 226 «Синодик Троице-Сергиева монастыря 1575 г. Список 1923 г. рукой Ю. А. Олсуфьева» (Там же. С. 254; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 579); № 231 /1–2/ «Схема византийских основ теории творчества (в частности — теории иконы)» — философское сочинение неуставленного автора» (Там же. С. 254; по нумерации фундаментальной 6-ки МДА № 584).

⁶⁹ В описи РГБ — «Открытие богомерзкой и зловерной скопческой ереси, почерпнутое из донесений сих самых раскаявшихся скопцов. Сочиненное ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря архимандритом и кавалером Досифеем 1834 года» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 197. С. 95) и «Объяснения» с раскаянием, поданные архимандриту Соловецкого монастыря Досифею в 1826–1830 гг. содержащимися под охраной в монастыре сектантами и старообрядцами» (Там же. № 198. С. 95–96).

⁷⁰ В описи РГБ зарегистрирована рукопись XVIII в., содержащая произведение Семена Денисова «Виноград российский» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. № 43. С. 23–24). Эта рукопись числилась в собрании МДА (Раскольничьи) и по описи РГБ была помещена в собрание МДА (Прочие). Полное название: «Виноград российский и История о отцах и страдальцах соловецких».

⁷¹ Совестдрал — герой лубочной «плутовской» повести «Похождения хитрого и забавного шута Совестдрала Большого Носа» (пер. с польского, М. 1781), имевший большую популярность в России XVII—XVIII в. Указанное в описи произведение — одно из многочисленных подражаний «Совестдралу».

⁷² См. примеч. 37.

просодииах. О еже како во с<вя>тых кн<и>гах каиаж во пословица писати и гла<гола>ти»⁷³. В досках, в коже. Хронографы XVII в. № 74, 75⁷⁴; Пчела № 97⁷⁵ XVII в. Лусидариус⁷⁶ (Зерцало⁷⁷) № 33 XVII в.; Илья Минятий XVII в. (№ 137)⁷⁸; Пролог Никона Черногорца XVI в. (№ 94)⁷⁹; Азбука крюкового чтения, рукопись № 151⁸⁰.

В *дополнительном каталоге* должны быть отмечены: рукопись 1513 года Дорофея Аввы «Послание к брату, просившему послати се-моу обретена слова»; № 86 сочинение Феофана Прокоповича 1751–1759 г.⁸¹; дополнителън. № 22 сочинения Г. Сковороды «Наркисс»,

⁷³ В описи РГБ — «Книга глаголемая алфавит, содержащий в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах непреложены на русский язык» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 93. С. 44–45). Перед текстом грамматические статьи: «Книга глаголемая буквы, иже в начале от грамматики о просодиях» (надписане, приведенное автором публикуемой описи как заглавие рукописи), «О осми частех слова» и «Предисловие к лексису — неудобь разумеваемым речем» (Там же. С. 45).

⁷⁴ В описи РГБ — «Хронограф сводный с извлечениями из Степенной книги», датирован началом XVIII в. (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 73. С. 30–31), «Хронограф особого состава» (Там же. № 74. С. 31) и «Хронограф русский 2-й редакции» (Там же. № 75. С. 31). Две последние рукописи датированы XVII в.

⁷⁵ В описи РГБ — «Сборник повестей (в том числе патериковых), изречений и слов» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 97. С. 47–48). Первая статья данного сборника носит заглавие «Пчела».

⁷⁶ В машинописном тексте: Лусидариус.

⁷⁷ В описи РГБ (Ф. 173) в разделе «По временному каталогу» (Оп. 3) под № 121 зарегистрирована рукопись, озаглавленная «Зерцало богословия. Кирилла Транквилиона» (С. 66–67). В разделе «Фундаментальное собрание МДА» зарегистрированы 2 рукописи XVIII в. «Луцидариус» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. № 180.1–2. С. 74–75).

⁷⁸ В описи РГБ — «Изъяснение начала и притчины схизмы или раскола Западной церкви с Восточною. Камень соблазна с пятию несогласующими разностями, сочиненныя благолюбивейшим Кернихским и Калавритским, что в Пелопонисе, епископом Илиею Минятием Кефалонитяном» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 137. С. 75).

⁷⁹ В описи РГБ — «Пандекты Никона Черногорца» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 94. С. 45–46). См. также в Фундаментальном собрании № 56 «Пандекты и Тактикон Никона Черногорца» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 1. С. 15) и в собрании МДА (Прочие) рукопись № 22 (бывшую № 123 в собрании МДА (Раскольниковы)) (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 15–16).

⁸⁰ В описи РГБ — «Азбука крюкового чтения» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 151. С. 81).

⁸¹ В описи РГБ — «(Феофан Прокопович. Наставление по реторике). Перепи-

скоропись начала XIX века⁸²; № 175 Самарянское изображение скинии⁸³. Древняя рукопись цветными красками на пергаменте, на древнесамарянском⁸⁴ языке; № 4 — вpletено: «О набеге крымского хана Гирея» 5 листов⁸⁵. — 16x20, 25.

в) часть без всяких помет и без номеров (пока просмотрено 74 номера). Интересны: Послания патриарха Иосифа датскому королеви-чу 1644 г. Гевелиус: Селенография XVII в. (Описание луны); Житие Иоанна Златоуста XV века.; копия доносов Фотия Александру I о тайных обществах; автограф Тихона Задонского.

Затем, следует упомянуть о 26 раскол<ьничьих> рукописях библиотеки М<осковской> Синод<альной>⁸⁶ (2 — XVI в., 4 — XVII, 8 — XVIII в., 12 — XIX в.). Здесь отмечаем Четвероевангелие⁸⁷ XV—XVI в. п<олу> уст<ав>⁸⁸; Одно — XVI в., 309 листов⁸⁹.

сано в сентябре 1750 студентом Василием Семеновым» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 86. С. 38).

⁸² В описи РГБ — «Наркисс. Разглагол о том: Узнай себе» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 22. С. 11).

⁸³ В описи РГБ — «Изображение Скинии Завета» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 175. С. 219).

⁸⁴ «Текст на самаритянско-еврейском и самаритянско-арамейском языках. Приписка на арабском языке» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 175. С. 219).

⁸⁵ В описи РГБ — «Житие Саввы Сербского и Житие Андрея Юродивого» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 4. С. 2). В описании указано: «В конце — отрывок из “Повести о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси”, продолжен отрывком из “Нового летописца” и завершен 1646 г. рассказом об установлении празднования дня Донской Богородицы (в оригинале — со строчной буквы. — М. К.) при Алексее Михайловиче»[?] — что и есть, собственно говоря, рассказ о нашествии хана Гирея.

⁸⁶ В описи К. М. Попова отмечены следующие раскольничьи рукописи Московской Синодальной Библиотеки («раскол. М. С. Б-ки»): № 10 (С. 126), № 102 (С. 127–128), № 110 (С. 129), № 111 (С. 130), № 119 (С. 131), № 129 (С. 132), № 134 (С. 133), № 136 (С. 134–136), № 137 (С. 137), № 141 (С. 138), № 142 (С. 139), № 143 (С. 140–141), № 144 (С. 142), № 147 (С. 143–144), № 154 (С. 145–147), № 167 (С. 148), № 169 (С. 149).

⁸⁷ В машинописном тексте слово напечатано со строчной буквы.

⁸⁸ В описи РГБ данная рукопись числится в собрании МДА (Прочие) (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. № 13. С. 12–13) и датируется сер. XVI в.

⁸⁹ В описи РГБ числится в собрании МДА (Прочие) (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. № 12. С. 11–12).

В состав библиотеки МДА особо входят пять номеров рукописей Вологодской духовной консистории⁹⁰. 2 рукописи XVI в.⁹¹ и 3 — XVII в.⁹². Мое внимание привлек сборник XVI в. на 227 листах⁹³.

Особо выделены раскольничьи рукописи, из которых просмотрено 44⁹⁴. Среди них несколько старинных служебных книг и житий XVI века. Любопытна рукопись под № 35 «Предисловие алфавиту иностранных речей иже обретаются во с<вя>тых книгах непреложных на русский язык»⁹⁵ — скоропись XVII века (91 лист) в досках, в коже. Здесь же: духовные стихи № 116; житие Трифона Печенгского п<олу> уст<ав> XVI в., 37 л. 10x16, рукопись без конца. Большая редкость. Ключевский видел всего один такой экз. в Соловецкой б-ке (№ 125); иконописные подлинники № 117, 119; евангелия, сборники, жития и т. д. XVI века, № 1, 2, 3, 106, 111, 100, 6, 8, 121, 104. Из этого собрания две рукописи — XV в., 9 — XVI, 12 — XVII, 15 — XVIII, 8 — XIX в.

⁹⁰ Рукописи Вологодской духовной консистории помещены в каталоге РГБ (Ф. 173) в раздел «Прочие» (Оп. 4). В общей сложности их 11. До составления описи РГБ данные рукописи были зарегистрированы как «МДА. Вологодские», их было 9 (№ 1, 3–10). В новой описи рукописи № 1 собрания «МДА. Вологодские» представлена как два отдельных документа (№ 1–2 раздела «Прочие»), аналогично рукописи № 6 (№ 6–7 раздела «Прочие»). См.: НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. № 1–11. С. 1–11.

⁹¹ В описи РГБ XVI веком датированы следующие рукописи Вологодской консистории (общим числом 4): № 1 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 1–2), № 5 (С. 5), № 6 (С. 6), № 11 (С. 10–11).

⁹² В описи РГБ XVII веком датированы следующие рукописи Вологодской консистории (общим числом 6): № 2 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 2), № 3 (С. 2–4), № 4 (С. 4–5), № 8 (С. 6–8), № 9 (С. 8), № 10 (С. 9–10).

Одна рукопись датирована XIX в. — № 7 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 6).

⁹³ Это № 1 по описи РГБ («Сборник сказаний, апокрифов и исторических произведений»). См.: НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 1–2.

⁹⁴ В описи РГБ зарегистрировано 34 рукописи, числившихся ранее как «МДА. Раскольничьи». 32 из них включены в собрание МДА (Прочие), Ф. 173, Оп. 4; две рукописи (их старые шифры — Раск. 409 и Раск. 466) включены в Ф. 172 под № 409 и 466. В собрании МДА (Прочие) раскольничьи рукописи МДА зарегистрированы под № 12–43 (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 11–24).

⁹⁵ В описи РГБ зарегистрирована рукопись XVII в., озаглавленная «Книга глаголемая алфавит, содержащий в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах непреложны на русский язык» (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 3. № 93. С. 44–45. См. также № 118.1 (С. 65) с тем же заглавием).

Неопределенно, из какого собрания № 52. Рукопись XIX века на 259 л. «История восстания Яицких казаков под руководством Пугачева. Осада Оренбурга и копия некоторых официальных документов 1772–1775 г.» Размер 16,5х20. В картонном переплете⁹⁶.

Материал рукописей. Главным образом бумага; более всего на бумаге «голландской», если рукопись XVII века, с марками шута, с амстердамским гербом с двумя львами, которые держат щит, стоя на задних лапах. Большинство позднейших русских рукописей XVIII века с филигранями в виде крупных букв или со знаком «про патриа». На границе XVIII–XIX вв. медведь, подсиненная бумага. В рукописях XVI в.: рука, перчатка, буква «Р» (лат.); XIV–XVI в. — голова быка; свинья — XV–XVI в. (германская бумага); кувшин — XIV–XVII в. (на итальянской бумаге) и т. д.

Одно письмо XIX в. на материи (белой) — 2 л.

Несколько рукописей на пергаменте: № 368 еврейское Пятикнижие XII века; «типик» на греч. языке — XI в.; рисунок скинии на самарянском языке — время не определено⁹⁷; богослужебная книга на греч. языке. Пока по характеру письма сделан подсчет 466 рукописям: устав — 4, полуустав — 109 1/2, скоропись 346 ...⁹⁸ <полу>устав, переходящий в скоропись — 6.

По языку: на греч. — 29, лат. — 156, восточн. — 2, новых языков — 10, славянск. — 435, подсчитано 632.

По векам: XI — 1, XII — 1, XIV — 1, XV — 4, XVI — 38, XVII — 105, XVIII — 231, XIX — 347, XX — 5. Подсчитано 733 рукописи.

Рукописи имеют ряд особенностей: на многих есть надписи по листам владельцев (как, например, вышеуказанная рукопись царевны), монастырей, церквей, духовных лиц: патриархов, митрополитов, попов, дьяков, солдат, купцов и т. д. Часть имеет вкладные, запродажные надписи и т. д. с обозначением времени сделки. Некоторые надписи очень обширны, многочисленны и интересны.

⁹⁶ Последние 2 абзаца перечеркнуты карандашом.

⁹⁷ Л. Х. Вильскер датировал изображение сер. VII (!) в. (НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2, № 175. С. 219).

⁹⁸ Фрагмент машинописи утрачен.

Интересна приписка в рукописи № 30 Невоструева в «сборнике тропарей и кондаков» на листе 140 (обр.) и в рукописи № 9 его же. «Устав церковный» (Преподобного отца нашего Феодора Студийского о книгах).

В некоторых рукописях имя автора зашифровано каким-либо секретным образом. Например, № 154 рукопись М<осковской> С<инодальной> Б<иблите>ки «Рука богословя перваго Вселенскаго Собора иже в Никеи...»⁹⁹ на 80 л. XVII в. 9,5x15¹⁰⁰.

Эти рукописные собрания, из которых в Отделе пока разобрано свыше 900 рукописей, привлекали к себе наших специалистов: историков, археологов, палеографов и т. д., которые с большим интересом работали над ними. Например: в 1828 году над рукописями лавры работал М. М. Строев, затем неоднократно Л. Ф. Бычков, Срезневский И. И.; Костомаров, Погодин, Шевырев, Буслаев, Тихонравов, Григорович, Невоструев (вместе с А. В. Горским, отношение которого к этому делу охарактеризовано выше и выпустивший в свет с Невоструевым образцовое описание рукописей Синодальной библиотеки), Ундольский, ряд иностранцев. Наконец, многие рукописи изучались Обществом Ист<ории> и Др<евностей> Р<оссийских> — академиками Соболевским, Карским и др., обрабатывались и издавались ими.

После рассмотрения свыше 900 рукописей можно сделать вывод: большинство книг — духовного содержания: богослужебные, святоотеческие творения, Священное Писание, его толкование, ...¹⁰¹

Публикация М. Г. Калинина

⁹⁹ Это рукопись из бывшего собрания МДА (Раскольниковы), старый шифр — Раск. 154. В описи НИОР РГБ зарегистрирована под № 40 в собрании МДА (Прочие). См.: НИОР РГБ. Ф. 173. Оп. 4. С. 23. Полное название: «Рука богословя перваго Вселенскаго Собора, иже в Никеи 318 святых отец о обхождении пасхи по солнечному и лунному кругу в 532 лета». Запись имени владельца, согласно описанию, «частью обрезана»: «Сия книга дому Ив... Василь... ..чинов ев... служителя его Ива <на> Никитина сины Шар...».

¹⁰⁰ Согласно данным описи РГБ, 15,0x9,0.

¹⁰¹ Далее машинописный текст утрачен.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО
ДИССЕРТАЦИОННОГО ФОНДА

Д. И. АВГУСТОВ

ОТНОШЕНИЕ МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО ФИЛАРЕТА
К МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

ГЛАВА 1. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

От публикаторов

Среди материалов, хранящихся в 172 академическом фонде НИОР РГБ, бóльшую часть занимают дореволюционные курсовые работы, писавшиеся выпускниками Московской духовной академии на протяжении XIX и в начале XX в. вплоть до революции. По мере совершенствования постановки учебного процесса уровень работ возрастал, хотя он продолжал варьировать в зависимости от более или менее требовательных установок научных руководителей и от способностей учащихся. Часто диссертации наиболее способных студентов дорабатывались до магистерских работ, каждая из которых по Уставу 1869 г.¹ и по «Положению об испытаниях на ученые степени», утвержденному Св. Синодом 29 августа 1874 г., затем, как правило, издавалась. Иная более печальная участь ожидала «средние» работы, которые, несмотря на подчас высокие оценки преподавателей, явно не претендовали на то, чтобы быть когда-нибудь доработанными и изданными. Тем не менее, некоторые из них содержали по-своему редкую и ценную информацию, а также профессиональную методологию. К такого рода работам впол-

¹ Согласно Уставу, в предметы занятий Совета Академии стало входить «Одобрение сочинений к напечатанию и изданию» (Устав и штаты Православных Духовных Академий, Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. § 86, 10).

не относится и сочинение выпускника 68 курса Академии Дмитрия Ивановича Августова на тему «Отношение митрополита Московского Филарета к Московской духовной академии» (общим объемом 200 страниц), защищенное им в 1913 г.

«Филаретовская» тематика всегда имела особое значение для Московской духовной академии, неслучайно возросшей и возмужавшей под омофором свт. Филарета (Дроздова) (26 декабря 1782 г. — † 19 ноября 1867 г.). «Знаменитому архипастырю, бывшему в начале XIX века членом Комиссии духовных училищ, Академия в значительной мере обязана своим возникновением в виде донныне существующей высшей духовной школы, так как его перу принадлежит представленный весной 1814 г. в Комиссию духовных училищ проект “О преобразовании Московской Духовной Академии”. На него же по учреждении Академии четыре раза возлагалось в 1814—1821 гг. производство ревизии Академии. Наконец, заняв в 1821 г. Московскую кафедру, Филарет до самой кончины в течение сорока шести лет был высшим руководителем Академии. Его отношение к Академии не ограничивалось только надзором; это было руководство и управление в самом тесном смысле слова; митрополит вникал в мельчайшие детали учебной, ученой и хозяйственной жизни Академии, и непосредственная администрация последней имела значение лишь исполнительного органа, осуществлявшего строгие и точные распоряжения владыки»². Однако при жизни московского святителя еще рано было писать исчерпывающую историю Академии, а после его смерти одним из самых крупных памятных событий, актуализировавших историческую память Академии, стал юбилей ее столетнего пребывания в Троице-Сергиевой Лавре (1814—1914 гг.). Несомненно, что именно к этому юбилею и была написана курсовая работа Д. Августова³. Впереди был еще один юбилей — 1917 г., когда

² Из отзыва на диссертацию Д. Августова М. Богословского (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 1).

³ Об этом прямо указывается в отзыве М. Богословского: «Сочинение студента Августова вызвано интересом к истории Академии, который возбуждается приближающимся юбилеем этой школы (1 окт. 1914 г.)» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 1). Помимо курсовой работы Д. Августова, был написан ряд других «юбилейных» студенческих работ, как, например, Дмитрия Крылова «Духовные предста-

Академия, несмотря на революционную смуту, нашла в себе силы почитать 50-летие со дня кончины великого святителя⁴.

О самом авторе нам практически ничего не известно. Среди личных дел преподавателей, выпускников и служащих дореволюционной Академии его личное дело отсутствует. В юбилейном списке выпускников 68 курса (1909—1913 гг.), где Д. И. Августов помещен ближе к концу под 40-м номером, указано только, что он поступил в МДА волонтером из Рязанской духовной семинарии, а закончил МДА кандидатом⁵.

Курсовая работа Д. Августова, как указано на титульном листе, была подана 5 мая 1913 г. преподававшему русскую гражданскую историю ординарному профессору М. М. Богословскому⁶, который оценил ее высшим баллом 5, а также исполняющему должность доцента Н. Д. Протасову, впоследствии профессору по кафедре Церковной археологии⁷. Последний, хоть и написал весьма не лестный отзыв с упреками

вители богословской науки в Московской Духовной Академии за столетний период ее жизни» (отзывы еп. Феодора (Поздеевского) и иером. Пантелеимона (Успенского) в: ЖС МДА 1914 // БВ. 1915. Т. 2. № 5. С. 329—336 (3-я пагин.)). Еще в одном «юбилейном» сочинении Николая Сергиевского (59 курса) «Деятели на поприще изучения древне-русской письменности, вышедшие из Московской Духовной Академии» упоминалось и о св. Филарете (во 2-й гл.) (отзывы Н. Л. Туницкого и Ф. М. Россейкина в: ЖС МДА 1914 // БВ. 1915. Т. 2. № 6. С. 430—435 (2-я пагин.)).

⁴ Тарсев М. М. [Памяти великого святителя: К годовщине пятидесятилетия со дня блаженной кончины Филарета [Дроздова], митрополита Московского. 1867—Ноября 19—1917]. 5. Митрополит Филарет как богослов // БВ. 1918. Т. 1. № 3/4/5. С. 81—97 (2-я пагин.); Введенский Д. И. Памяти великого святителя. 6. Митрополит Филарет как библист // Там же. С. 98—109 (2-я пагин.); Виноградов В. П. 7. Значение митрополита Филарета в истории русской проповеди // Там же. С. 110—144 (2-я пагин.); Леонид (Краснопевков), еп. Дмитровский. Письмо пресвященного Леонида к князю В. А. Долгорукому о митрополите Филарете [Дроздове] // Там же. С. 81—83 (3-я пагин.); Филарет (Дроздов), свт. Полное собрание резолюций / Под ред. прот. В. С. Маркова // БВ. 1918. Т. 1. № 3—5. С. 97—128 (4-я пагин.).

⁵ Списки студентов 1914. С. 159.

⁶ Михаил Михайлович Богословский (13 марта 1867 г. — 20 апреля 1929 г.), ординарный профессор Академии (с 1912 г.) и Московского университета (с 1915 г.), читавший в Академии с 1908 по 1919 г. русскую гражданскую историю.

⁷ Николай Дмитриевич Протасов (20 марта 1886 г. — 29 января 1940 г.), э.-орд. (1917 г.) профессор МДА по кафедре Церковной археологии.

в нелитературности и в отсутствии ревности, которой отличался сам свт. Филарет, в конце признал за работой и определенные достоинства. «... Нужно сознаться, что всякий автор — сын своего века прежде всего; и г. Августов также пошел за небрежным отношением к литературной стороне сочинений, которое постепенно, но твердо укореняется, к сожалению... Конечно, в этом сказывается самое простое и естественное желание поскорее разделаться с взятой темой, которая не представляет для автора никакого, в большинстве, интереса, так же случайна, как билет лотереи⁸... Г. Августов — плохой историк, потому что на него великая историческая личность митрополита Филарета не оказала никакого впечатления именно со стороны самого ревнивого отношения к ученой работе, в которой весь человек выливается перед читателем со всеми даже едва заметными недостатками. Оттого-то и нет в сочинении г. Августова огня, задора и силы авторского слова, когда читатель забывает считать страницы... Что касается материальной стороны настоящего сочинения г. Августова, то нужно сказать, что это — труд добросовестный. Автор изучил хорошо дела академического Правления и Конференции за 1815—1870 гг., подлинные сочинения митрополита Филарета, которые имели отношение к теме, воспоминания современников и пр. ... В заключении... автор дает совершенно правильную

⁸ И далее: «На самом деле, что сказать о сочинении, которое при самой простой, определенной, не представляющей даже в методологическом отношении никаких затруднений, теме лишено литературной обработки? Конечно, можно и нужно сказать одно: автор хотел поскорее покончить с своей работой. Такое отношение положительно преступно, потому что оно вообще говорит о небрежности человека, о нежелании вдумчиво отнестись даже к серьезному делу, на основании которого делается характеристика. Во французских школах в сочинениях на степень принимается во внимание все, что сколько-нибудь говорит вообще о человеке, и не редкость встретить, что автору возвращают его работу как недоделанную, потому что у него хромает стилистика. Легкое отношение к последней неизменно ведет и к общей неразборчивости. Автору нужно было сказать, что Гиляров хорошо знал Гегеля, и он ссылается, как на авторитет, на передовую статью в № газеты “Утро России” от X/13 сего года (стр. 52)... Это — научный прием? Разве автор никогда не слышал, как пишутся все газетные статьи вообще и, в частности, передовые? Разве автору неизвестно, что в каждой газете существует такое лицо, которое о чем угодно и когда угодно должно написать в 10 минут? Разве неизвестно автору, что сотрудник газеты иногда прямо диктует наборщику? Рецензенту стыдно за автора...» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 3—4).

картину тесного союза великого Архипастыря с им созданной и воспитанной Школой»⁹.

Оригинальная рукопись диссертации и отзывы хранятся в НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 2–3. Помимо введения и заключения диссертация состоит из четырех основных глав: 1. Учебная часть (С. 33–81), 2. Административная часть (С. 82–117), 3. Хозяйственная часть (С. 118–144), 4. Ученая часть (С. 144–192). Работая над юбилейным выпуском «Богословского вестника», редакция журнала сочла уместным опубликовать первую главу данной диссертации, посвященную постановке учебного процесса в Московской духовной академии под неусыпным контролем свт. Филарета. При подготовке публикации были по возможности унифицированы и перепроверены ссылки на источники. Д. Августов достаточно вольно цитировал текст, иногда приспособлявая цитату под свои нужды, подчас без соблюдения научной этики. Добавления, внесенные редактором, выделены угловыми скобками¹⁰; в особых случаях в подстрочном аппарате указываются правильные варианты цитируемого текста. 1-я глава из диссертации Д. Августова публикуется в современной орфографии и пунктуации.

ГЛ. 1. УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ

С 1814 года, года своего преобразования, Академия московская стала высшим учебным заведением. Прежняя Славяно-греко-латинская академия не была таковой, что видно уже из того, что новая Академия приняла в состав своего первого курса воспитанников уже прошедших курс старой Академии. Старая Академия по своему образовательному цензу почти равнялась семинариям. Не такой стала новая. Она заняла положение высшей школы, по отношению к ним [семинариям] стала последней инстанцией высшего духовного образования. В то время как в прежнее время учительские должности в семинариях занимали те же семинаристы, окончившие курс лучше других, то теперь это образо-

⁹ НИОР РГБ. Ф. 172. К. 164. Ед. хр. 3. Л. 4.

¹⁰ Добавления самого Д. Августова в цитатах также поставлены в скобки.

вание стало <полагаться> недостаточным. Эти лучшие должны были пройти еще новую школу, изучить дело в новой лучшей постановке и тогда только получали право быть профессорами и преподавателями. Такой-то высшей учебной школой и явилась Московская духовная академия. Прямая цель ее была — дать высшее богословское образование учащимся и через это образовывать особый кадр людей для преподавательской деятельности. Отсюда же выходило и ученое монашество, занимавшее впоследствии высшие административные должности в духовной сфере. Такие цели требовали тщательного выполнения дела. Нужно было подготовить людей вполне достойных нести возлагаемые на них сначала надежды, а потом обязанности, иногда высокие и очень ответственные.

Необходимо сказать несколько слов о постановке учебного дела в Академии.

Существенная черта <отличия> преобразованной Академии от старой Славяно-греко-латинской — это новая постановка учебного дела. Несмотря на упадок схоластики в первой четверти XVIII в., в старой Академии преподавание оставалось еще чисто школьным. Преподаваемые науки вмещались в тесные рамки, где уже был дан готовый материал. Далее этих пределов ходу свободной мысли не было. От учащегося не требовалось самостоятельной деятельности, вдумчивости, восприятия сущности <предмета>. Он должен был принять то, что дано, и при том в той же форме, в какой дано. На всякий даже утонченный вопрос ему дан был ответ в книге, далее которой он не должен был простирать своего любопытства, считая достаточным то, что ему уже дано. Предлагался какой-нибудь вопрос из богословия. Давался и ответ. В ответе приводились места Священного Писания с удержанием схоластических приемов. Смысл данного места Писания почти не уяснялся и не толковался. Только в <самых> важных случаях старались объяснить, и то сводом мест параллельных из того же Священного Писания. Прямым следствием такой сухой и безжизненной учебной постановки явилось то, что мысль крепко была связана путями формы и уже не могла излиться свободно в форме или живого размышления, или строго ученого самостоятельного рассуждения. Последнее-то и положено было в основание преподавания в новообразованной Ака-

демии. Старые учебники вместе с схоластическим преподаванием были отброшены как совершенно непригодные. Начинается сознательная, умная, самостоятельная, ученая работа. Вера в непреложность того, что дано в определенной книге, исчезла. Нужны были веские, более точные доказательства того, что дано, а этого возможно достигнуть только путем исследования. Учащегося не заставляют принимать без всяких соображений то, что дают. Нет, принять должны только тогда, когда самими ими признана будет истинность, истинность разумная того, что преподается, а это достигается только самодеятельностью учащегося. Таким образом, научность постановки преподавания со стороны преподающих и сознательная самодеятельная работа со стороны учащихся — вот те начала, на которых основана была новая школа. Мы не будем говорить о том, как эти начала проникали в сферу каждой науки. Нам нужно только указать, что, будучи преобразователем и основателем Московской академии, Филарет и в дальнейшем поддерживал и развивал эти основные начала и принципы учебного дела.

Первыми профессорами МДА были ученики Филарета, студенты первого выпуска СПбДА. Та закваска, которую они получили в бытность свою в Академии, тамошняя постановка дела, где Филарет стоял сначала в качестве профессора, а потом и ректора, была перенесена ими в Московскую академию. Первые преподаватели должны были каждый создавать свой метод, свою особую программу предмета. А это, в свою очередь, зависело от взгляда известного профессора на данную науку. Им приходилось быть новаторами, приходилось пролагать и указывать пути в дотолее неведомой области. Много сил и энергии требовалось от этих тружеников науки, чтобы с честью выполнить возложенное на них дело. Дело в том, что они не могли иметь патентованных учебников и руководств — книг классических, чтобы их положить в основу своих чтений, не могли иметь, потому что их не было. Собственно говоря, и были трактаты о тех же предметах и на данные темы, но различие между изложенным и тем, что были намерены изложить, было велико. Что было написано — было схоластично, а теперь нужно было бежать этого всеми силами. Задача каждого преподавателя и состояла в том, чтобы выбрать то, что можно было взять из старого и прибавить уже из своих сведений то, что нужно было из нового. Это нужно было,

чтобы составить то, что требовалось в настоящее время. Можно было взять из схоластики ценное, придать новые формы, подвести новые основания, главное же — осмыслить и тогда только предложить для сознательного восприятия и усвоения своими слушателями. Трудна была эта задача. Не всем под силу было скоро и правильно с успехом выполнить ее. И на первых порах видим колеблющиеся шаги многих, видим промахи и недостатки. Ошибались, но это было так естественно, так легко первое время. Вот здесь-то особенно сказалась помощь и руководство Филарета. Как это ни странно, нужно признать факт: Филарет, который сам после говорил, что он «малому учен был и худо учился», обладал энциклопедическими познаниями, не говоря уже о предметах академического курса, где он кроме математики и физики <во всем> мог быть назван специалистом. Своей обширной ученостью, главное же — уже установившимся учебным опытом он скоро и легко улавливал хорошие и недостаточные стороны преподавания. Он хвалит первые, указывает на вторые, и в этих указаниях был намечаем путь, по которому бы следовало идти. Вот его отзыв о последней ревизии пред вступлением на Московскую кафедру: «По части богословия толковательного приметен недостаток новейших филологических пособий, нужных для точнейшего определения внешнего смысла Священного Писания и для защищения оногo от перетолкований. Академическому правлению предлежит попечение пополнить сей недостаток выпискою некоторых новейших по сей части книг, при употреблении коих, впрочем, твердо держаться надлежит апостольского правила: *вся искушающе добрая держите, от всякия злыя вещи отгребайтесь*¹¹. Часто у новейших немецких толкователей искусная филология прикрывает худую богословию... Систему полемической богословии полезно будет пополнить статью о расколах, возникших и продолжающихся в Церкви Российской, и о способе обличать оные.

Класс церковной истории, по-видимому, не простер своих изысканий далее учебной книги... В уроках церковного красноречия понятие о церковном ораторе представляется в виде слишком напряженном и не довольно систематическом. Впрочем, сие, конечно, усовершится

¹¹ 1 Фес. 5, 21–22.

при продолжающейся ревности и возрастающей опытности учащего. <...> В уроках всеобщей истории с одобрением надлежит заметить направление к тому, что называют философией истории и т. д.»¹². Комментарии излишни. Почти каждая наука подверглась его критическому замечанию. Почти в каждой нашлись те или иные промахи, и он указывает <их>, рекомендуя в то же время и средства к исправлению. Тут и выписка новых книг, здесь и требование большего усердия от профессора, здесь же и новая постановка дела. Так было, когда Филарет только в качестве ревизирующего в два года раз посещал и обозревал Академию. Еще интенсивнее и ревностнее стали его заботы, когда он стал непосредственным главным ее начальником. Уже одно то, что он почти все время своего 46-летнего управления был назначаем единственным ее ревизором, показывает силу этого надзора. Впрочем, теперь уже эти ревизии были совершенно излишни. Академия и так всегда, во всякое время была под взором Владыки — он был как бы постоянный ее ревизор.

Средствами для постоянного руководства учебною частью Академии было, во-первых, затребываемые ежегодно пред испытаниями конспекты преподавателей, во-вторых, испытания, в-третьих, студенческие сочинения. (Здесь не упоминаются посещения лекций профессоров, ибо это особенного значения на ход учения не могло иметь при их редкости.)

В то же время Филарет бдительно следил за работами и деятельностью учащихся. Студент занимающийся, трудящийся, жаждущий знания — только такой студент нужен был в Академии. Для таких Филарет являлся первым помощником. Первым делом его было искоренение схоластического зазубривания. Он не терпел заучивание готовых фраз, когда голова не работала своими разумными способностями, а действовала только механической памятью. «Преподавателям подтвердить, — пишет он, — чтобы преподавание направляли не к выученным ответам

¹² 5 июля 1820. Донесение архиепископа Тверского Филарета Комиссии духовных училищ о состоянии Московской Духовной Академии // Собрание мнений и отзывы Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам / Издание под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 2. СПб., 1885. С. 49—50.

по памяти, но к основательному познанию предметов и рассудительным ответам всякому вопрошающему, ибо нет ничего тщетнее и слабее, как ученость, приобретенная наслышкою; посему первое правило учебного управления — стараться возбуждать собственные силы, давать им случай и удобность действовать самостоятельно»¹³. «Правление, — пишет он в другой раз, — говорит по-русски: выучить или изучить урок, т. е. вынуть его из книги, перенести в голову учащегося. Но также ли по-русски говорит инспектор: заучить урок, заключить, затворить, запечатать его в книге, чтобы он не перешел в голову ученика? То ли хочет он сказать?»¹⁴ Филарет понимал выучивание урока как усвоение мыслей данного трактата, а не заучивание форм, в которых они выражены. Как бы мысль ни была выражена на лекции, в учебной книге, достаточно уметь изложить ее своими словами, чтобы заслужить похвалу митрополита. И чем проще излагалось, чем более самостоятельности проявлял в своем ответе студент, тем выше ценился и ответ. Это особенно проявлялось, как мы это увидим далее, на испытаниях, где обязательно всегда присутствовал сам Филарет.

Отсутствие классических книг [т. е. стандартных учебников] сильно отзывалось на успехах студентов во время их подготовки. Приходилось записывать то, что читалось профессором. Такие записи очень осложняли дело учения тем более, что почти за каждым профессором приходилось вести записи. Филарет решил удалить эти трудности, и результатом такого решения было следующее его предложение академическому правлению: «Для некоторого, — писал он, — уменьшения затруднений и для приблизительного, по крайней мере, движения, к составлению учебных книг, не может ли быть употреблена следующая мера:

1) поставить в обязанность преподавателям при окончании курса представлять Конференции большую или меньшую часть своих уроков, удовлетворительно обработанную, а по окончании другого курса — другую;

¹³ Резолюции Московского митрополита Филарета по разным делам Устава Духовных консисторий и по управлению Духовно-учебными заведениями. Орел, 1889. С. 609.

¹⁴ Там же.

2) Конференции рассматривать сии уроки и, поколику окажутся полезными и нужными для преподавания в будущем учебном курсе, литографировать или печатать оные под свою ответственность, для внутреннего употребления Академии, к облегчению студентов от письма;

3) экземпляр таких уроков представлять Епархиальному Архиерею, по долгу своей службы обязанному иметь наблюдение за чистотою учения»¹⁵.

В продолжение учебного года все занятия студентов состояли в слушании лекций и писании сочинений. Сочинения считались самым важным показателем развитости и успехов воспитанника, поэтому и ценились очень высоко. Обстоятельства сложились так, что написание сочинений занимало большую часть времени студентов. Отсюда и вышло то, что студенты все свое время почти тратили на писание этих сочинений. Лекции посещались неохотно, да <студенты> <воспитанники> особенно к тому и не понуждались. Все зависело от того, как читает профессор и какой предмет читает. Математику, хотя ее читал известнейший профессор Петр Спиридонович Делицын, из нелюбви к самому предмету, совсем почти не посещали. Гиляров-Платонов в своих воспоминаниях говорит, что его лекции всегда посещали двое или трое. Таким числом профессор, впрочем, был доволен, большего числа и не желал, а посетителей не из усердников науки, по собственным словам, не жаловал. Тем внимательнее был он зато к себе и к доске с мелом в уверенности, что немногие <присутствующие> слушатели его действительно уже слушают¹⁶. Так же мало посещались лекции и другого знаменитого профессора Ф. А. Голубинского. Но были преподаватели, слушать которых собиралось почти все студенчество. Вообще же профессора не обижались такими отношениями к ним студентов. Они видели в них взрослых, вполне созревших людей, с установившимися вкусами и воззрениями. Такой взгляд на учащихся со стороны преподавателей установился исторически и основание имел, если можно так выразиться, в корне академического учебного строя.

¹⁵ Журнал Конференции 1846. 18 октября.

¹⁶ Гиляров-Платонов 1886. Т. 2. С. 337.

На первый курс Санкт-Петербургской академии, положившей начало «новому образованию», поступили слушателями не только студенты старой Академии, но и учителя и даже префект (Кутневич). С бывшим префектом, т. е. вторым из начальствующих лиц семинарии, да и с учителями, несколько лет учительствовавшими, можно ли было обращаться, как с безусыми мальчиками, только пересевшими с одной ученической скамьи на другую? Учащиеся здесь стали учителями новой Академии, и неужели могло измениться обращение с учащимися здесь, если с ними самими так ранее обращались? Да и в эту Академию [т. е. Московскую] во все время поступали в число студентов и учителя, и вдовые священники, и иеромонахи. Такие единицы, не переводящиеся никогда, клали отпечаток почтенности на весь состав учащихся. Академия представлялась не таким учреждением, в котором доканчивают учебное воспитание, а учреждением, куда поступают для самообразования под руководством старших люди, уже окончившие школу, уже приобретшие право располагать собою, не нуждающиеся в надзоре, а добровольно себя ограничивающие в видах занятия наукою. Такая постановка дела породила особенную патриархальность в отношениях старших — профессуры — к младшим — студентам. До чего доходила патриархальность в отношениях, можно судить по такому случаю. Классы немецкого языка, который преподавал Ф. А. Голубинский, почти совсем не посещались студентами. Бывали случаи, когда на лекцию являлся один. Тогда профессор обыкновенно присаживался к слушателю на его скамью. Однажды единственным слушателем оказался студент <И. В.> Б<еляев>. Б<еляев> нюхал табак и для удобства, чтоб не лазать за табакеркою, насыпал табак на бумажку на парте, откуда и пользовался. Голубинский тоже нюхал табак, но при переселении с кафедры на скамью забыл там свою табакерку. Разбирало его при виде, как слушатель его откуда-то угощается. Не переставая объяснять писателя и углубляться в особенности периода литературы, он тоже отправил руку по направлению, куда и слушатель, надеясь снабдить нужным щепоть столь же незаметно: шарил, шарил и сдернул своим широким рукавом бумажку. Она полетела с содержимым на пол. До крайности смущенный, он признался в искушении, которому не мог

противостоять, и горячо начал просить прощения за свою неловкость и за огорчение, причиненное, как он полагал, своему слушателю¹⁷.

Этот Ф. А. Голубинский и товарищ его П. С. Делицын — первые ученики Академии, воспитанники первого академического курса и первые же профессора, вышедшие из своей родной Академии, — были носителями академических преданий с самого времени ее основания. Проникнутые духом братства, равенства, тесного единства учителей с учениками, как это началось с основания Академии, они свято берегли и охраняли эти заветы всю дальнейшую свою службу. С самого основания они были как бы два столпа академического предания, столько проводившие на своем веку и ректоров и инспекторов, скольких епископов и архиепископов считавшие своими учениками. Тон, заданный старшему двоицею профессоров, своего рода родоначальниками Академии, не мог не поддерживаться другими. Дико было бы, когда какой ректор или инспектор, их бывший ученик, взял бы на себя важность выше меры. Не говорим уже о сослуживцах профессорах. В академическом мире отсюда и пошло это общее уравнение, <сложилось> своего рода братство. Особенно тесно было это единение в среде профессуры. Как ни как, а студенчество только четыре года связано было с Академией. [...] А здесь на всю жизнь люди связаны одним общим родным делом. И трудно себе представить, как тесно сживались друг с другом, делались как бы членами одной семьи. Как тяжело и грустно было, когда какому-либо члену приходилось по каким-либо обстоятельствам расстаться со всеми. Приведем несколько коротеньких выдержек из переписки бывшего ректора Евсевия Орлинского с проф. А. В. Горским.

Евсевий отправился на место своего нового назначения — ректора СПбДА: «Тяжело было мне оставить Москву, и очень тяжело было мне провести вторую половину сего дня...» — и заканчивает письмо: «Незабвенной братии... Феодору Александровичу и Петру Спиридоновичу, и всем и всем... Всех благодарю за братскую, навсегда памятную любовь для меня»¹⁸. В другой раз писал: «Друг мой! Добрый друг

¹⁷ Там же. С. 337–338.

¹⁸ См.: Письмо от 27 утра февраля 1847 // Письма Ректора 1886. С. 699, 702–703.

мой! Благодарю, благодарю вас! Еще раз поблагодарите при случае от меня незабвенного брата и друга, Отца Наместника за его братскую любовь в день радости о Христе. Получив ныне письмоцо Ваше, дважды прочитал его, и каждый раз оно исторгало у меня слезу любви при мысли о минувшем, не умирающем в душе моей... Да, нельзя мне так не вспоминать: здесь ничего подобного этому минувшему не встретил я в день всеобщей радости... Везде форма и форма... Егору Васильевичу (Амфитеатрову) скажите мою усердную благодарность за любовь, за все... буду отвечать с любовью, с охотой... как только найду возможность»¹⁹. «Часто, очень часто вспоминаю я прежнее сообщество, такое благородное, доброе, мудрое... Так бы иногда и перенесся к Вам хотя на день или на вечер, хотя бы к Федору Александровичу на тот вечер, когда мы совокупно воспевали Сретенские ирмосы!»²⁰. И это почти в каждом письме. Нечего, конечно, говорить, что он жил жизнью той Академии, ее нуждами, потребностями, интересами, радовался, когда там была радость, и проливал искренние слезы, когда случалось какое-либо несчастье. Естественно, что и студенчество как младший член этого «академического братства» имело скорее любовные отношения к старшим, чем страх подчиненных учащихся. Уже было указано, что братские отношения от старших к младшим были установлены издревле и строго охранялись и поддерживались в дальнейшей жизни Академии. Много содействовала этому, между прочим, постепенность, с какою пополнялся состав профессоров свежими силами из бывших студентов. Новый бакалавр, кто бы он ни был, монах или светский, четыре года пред этим и спал, и ел вместе со своими теперешними слушателями. Близкие ему год назад навещают его и теперь как товарища, и он с ними обращается как товарищ, делится своими преподавательскими планами. Они, со своей стороны, сообщают ему свои студенческие мысли и ожидания. По мере продолжения преподавательской деятельности бакалавр, а потом профессор теряет мало-помалу студентов-товарищей, которые, уже окончив курс, или разъехались, или обратились в сослуживцев. Но связь со студентами не теря-

¹⁹ Письмо от 8 апреля 1847 // Там же. С. 706–707, 710–711.

²⁰ Письмо от 3 октября 1848 // Там же. С. 806.

ется, поддерживается. Особенно много помогало этой поддержке так называемое землячество. Единство, <обретенное в> семинарии, <не забывалось,> связь между ее питомцами продолжалась и в Академии. Старший студент, знакомый с младшим еще по семинарии, вводит его в свою очередь к своему знакомому земляку, бакалавру и профессору, а там, между тем, подбывают новые бакалавры, недавно сошедшие со скамьи, которым студенты доводятся товарищами в тесном смысле. Образовывалась непрерывная цепь. И верховный начальник Академии митрополит Филарет строго блюл, чтобы она не разорвалась. Из чужих академий он допускал преподавателей только как исключение, а в начальники — ни одного. Это его великая заслуга перед Академией. Он не позволил вторгнуться чужой властной руке в эту тесную семью, не дозволил коснуться чужой руке с целью осквернить, разорить и разрушить то, что установлено и созидалось целыми десятилетиями. Не хотел внести раздора и смуты в <...> высшую духовную школу. Естественно, что при таких отношениях старших и младших последним должна быть предоставлена полная свобода их самостоятельности. Если Академия представлялась, как учреждение, куда поступали для самообразования под руководством старших люди, уже окончившие школу и приобретшие право располагать собою, то иных отношений нельзя и представить. Каждая личность свободно могла избирать то, что нравится, и все силы положить именно на изучение любимого предмета. В самом деле, мы видим здесь студентов — специалистов по известным избранным наукам, видим лиц, всецело отдавшихся самообразованию. Это и ценно было в Академии, что она не нивелировала личностей, не комкала их, насильно не уродовала, а, давая широкий простор исканиям и запросам каждого, являлась первой способницей и помощницей в достижении намечаемой цели. «На мой взгляд, — писал один питомец, — жизнь академическая много превосходит семинарскую жизнь. Семинария, как письмена, убивает нас, а Академия, как дух, животворит. Да, душа получает простор, живость, силу в Академии, а в семинарии давит ее страх, отдаленность наставников, каждодневные уроки»²¹. «Академии же моя вечная благодарность и призна-

²¹ Тихомиров 1898. С. 318.

тельность, — пишет другой, — что давала простор моей внутренней жизни. <...> На целые месяцы уезжал я в Москву в течение учебного курса, чтобы изучением писателей, которых не находил в академической библиотеке, заполнить оказавшиеся пробелы... Воспоминания об этом не могут меня не трогать...»²²

Цельные и сильные духом личности могли выходить и выходили из этой школы с такой постановкой учебного дела. Выносили в жизнь не верхушки и отрывки познаний, бессистемные, разбросанные и смешанные, — нет, основательные, крепкие и устойчивые знания и убеждения, за целостность и неприкосновенность которых они могли заплатить дорогой ценой.

Еще при самом основании Академии в марте 1816 года студенты основали ученое общество под названием «Ученые беседы». Один из видных членов этого общества (секретарь <его>) Ф. А. Голубинский писал после, что «к составлению сего общества подало случай приятное обыкновение, общее между всеми почти занимающимися науками, беседовать между собою о предметах своих упражнении»²³. Часто в часы досуга студенты любили с дружеской свободой и откровенностью говорить, что каждый думал о предметах их учения, иногда читали друг перед другом свои сочинения и судили о них. Находя удовольствие в сих беседах, они, впрочем, заметили в них тот недостаток, что как время их, так иногда и предмет не были определены, и для того намерились назначить постоянные правила для того и другого. Размышление об этих правилах, вместе с тем и примеры обществ в некоторых университетах между учащими и учащимися учрежденные, подали им мысль об образовании подобного общества. После взаимных совещаний по этому делу были выработаны сообща правила, которые и были представлены тогдашнему инспектору Филарету (Амфитеатрову). Устав был утвержден, и общество открылось. Предметами рефератов и беседований были темы богословско-философского характера. Насколько серьезно поставлено было дело, видно из того, что когда в журнале, издававшемся при Московском университете (в «Вестнике Европы»),

²² Гиляров-Платонов 1886. С. 347.

²³ Смирнов 1879. С. 175.

последних немецких философов (Канта, Фихте, Шеллинга) называли почти сумасшедшими, а сочинения их — немецкой галиматей, юные студенты удивлялись невежеству и нелепости суждений университетского журнала²⁴. Конечно, не точка зрения на предмет удивляла их, ибо взгляды могут быть разные, а незнание предмета, о котором судят. Без сомнения, отрицательные взгляды на философию и религию были хорошо известны, но основательное изучение философии приучило их — не менее университетских глубоко-благочестивых и строго православных христиан (что видно по их рефератам и по другим работам) — к терпимости к чужим взглядам и мнениям. Заложенные так основательно первоначальные знания каждый мог развивать в дальнейшей жизни, ибо путь был указан, и путь верный. И выходили из Академии люди, о которых с великим почтением отзывались такие личности, как Погодин. «Сблизился я с наше<ю Троицкою> Академие<ю>, — писал он своему другу Шевыреву, — в которой множество людей перво-классных. Вообрази, что <там> переведено почти все из новой немецкой философии, и Шеллинг известен <там> так, как и в голову не попадетя какому-нибудь интригану Давыдову» (проф<ессор философии в> Моск<овском> Универ<ситете>)²⁵. А вот другой отзыв о питомце Академии Н. П. Гилярове-Платонове: «На студенческой скамье с первого курса он изучал философию и увлекся господствовавшим тогда Гегелем. Все фолианты этого философа прочитал в подлиннике. Несмотря на все тогдашнее увлечение гегельянством, таких усердных исследователей этой системы было немного. Несколько позднее было установлено как факт, что в Москве всего Гегеля прочитал только один <человек>, кроме Гилярова, — А. С. Хомяков»²⁶.

Показателем такой работы и деятельности студентов были их сочинения. Здесь проглядывается действительно серьезный и упорный труд. Отчасти это объясняется тем, что сочинения имели решающее значение

²⁴ Лаголев С. С. Протоиерей Феодор Александрович Голубинский. СПб, 1898. С. 5.

²⁵ Смирнов С. И. Александр Васильевич Горский (Биографический очерк) // БВ. 1900. № 11. С. 428 (2-я пагин.). (Письмо Погодина Шевыреву датируется 1830 г. — Ред.)

²⁶ Утро России. 1912. 13 окт., передовая сторона.

при суждении об успехах учащихся, отчасти же тем, что здесь каждый мог действительно самостоятельно работать в том или ином направлении, дать простор и свободу своей мысли. Много приходилось прочитывать. А так как на отечественном языке было очень мало трудов по богословским и философским вопросам, то приходилось все время обращаться к иностранным языкам. Поэтому при самом поступлении в Академию старались изучить основательно хотя бы один из новых языков (древние, особенно латинский, хорошо усваивались еще в семинарии). Было как-то принято считать лучшими такие сочинения, которые были испещрены цитатами отцов Церкви или же классических и лучших новейших писателей. Сочинения такого рода показывали обширное знакомство с литературой по данному вопросу. Понятно, что требовалось много времени для чтения источников и для выписки мест из разных книг. Поэтому писать приходилось долго. И, несмотря на назначаемые определенные сроки, подавались сочинения не вовремя. Студенты засиживались по ночам, не посещали лекции, чтобы к сроку выполнить работы. И начальство вполне им сочувствовало. Ректор Филарет Гумилевский, обходя студенческие комнаты во время классов, если видел студента занятым сочинением, не делал ему даже замечания²⁷.

На основании академического Устава сочинения, писанные студентами, непременно должны были внимательно быть рассматриваемы наставниками. При этом просмотре встретившиеся погрешительные места должны были исправляемы. А где такие исправления было неудобно сделать, там против этих мест должны на полях делать замечания, чтобы автор видел свою ошибку. По рассмотрении всего сочинения рецензент должен был подписать под ним свой отзыв и этот отзыв скрепить своим именем²⁸. Все это затем шло на просмотр митрополиту. Филарет требовал, чтобы относительно выбора предметов для сочинений и распределений тем между студентами была наблюдаема строгая разборчивость. «Предметы для сочинений студентов, — писал он, — должны быть избираемы с осмотрительностью. Студенты не довольные в познаниях и в способностях воображения должны быть упраж-

²⁷ Смирнов 1879. С. 170—172.

²⁸ Журнал Конференции. 14 октября 1833.

няемы в сочинениях меньшего пространства, а к сочинениям большего пространства могут приступать те, которые довольно утвердились в познаниях и могут многосложный состав просторного сочинения обнимать соображением в целом и частях и наблюдать правильное отношение всех подробностей к главному предмету и цели сочинения»²⁹.

Особенное же внимание обращал Владыка на сочинения курсовые, представляемые на соискание ученых степеней. Эти сочинения обыкновенно рассматривались Филаретом совместно с Конференцией после экзаменов.

Кончался учебный год. Начинались подготовки к испытаниям. Студентам, даже и наставникам приходилось очень много работать. Нужно было привести в надлежащий порядок то, что было прочитано за весь год. Воспроизвести и усвоить, чтобы свободно можно было не только отвечать это самое, но на этом основании уметь построить новое заключение. И работать приходилось. Готовились по большей части по запискам, сдаваемым перед экзаменами наставниками. «У нас экзамены, — писал своему другу иеромонах Савва (впоследствии архиепископ Тверской), — это то же, что бывало в Муроме приезд преосвященного и даже гораздо более. Еще недели за три началась предуготовительная работа. Признаюсь, моей бедной памяти не легко обошлись эти три недели»³⁰. Филарет строго относился к экзаменам. «Нужно строже производить их, — говорил он. — Недостаток строгости экзаменов был одной из причин, которые вызвали преобразование Духовных училищ»³¹³². Придерживаясь такого взгляда, он требовал особенной тщательности от наставников как в подготовке к экзаменам воспитанников, так и на самих экзаменах. Столь же строгие требования предъявлялись им при спросах и экзаменующимся.

Экзамены бывали обычно два раза в году: перед праздником Рождества Христова и перед окончанием учебного года. Первые называ-

²⁹ Там же.

³⁰ Тихомиров 1898. С. 330.

³¹ В цитируемом тексте: «духовно-учебных заведений». См. следующее примечание. — Ред.

³² Григорий, архимандрит. Из моих личных воспоминаний о святителе Филарете Московском // ДЧ. 1869. Ч. 16. № 3. С. 79.

лись частными, последние же — публичными. Но эти публичные в свою очередь предварялись такими же частными — предварительными испытаниями. Кроме того, через каждые два года бывали выпускные, отличавшиеся особенной торжественностью. Обыкновенно пред такими экзаменами рассылались приглашения почетным членам академической корпорации — почтить своим присутствием эти испытания. Не воспрещался доступ и совершенно посторонним лицам. Никодим Казанцев рассказывает, что в бытность свою еще семинаристом он был постоянным посетителем таких испытаний³³.

Частные экзамены носили домашний характер. Это было нечто вроде репетиций, которые производились студентам по полугодиям. Правда, на них ставились отметки, после составлялся разрядный список, но такие же разрядные списки были уже у каждого профессора составлены на основании успехов, оказанных студентами в продолжение учебного года. Собственно, судьба студентов решалась на испытаниях публичных и, главным образом, на выпускных. Дни испытаний обыкновенно назначались Конференцией, но обязательно должны были получить утверждение Владыки, который часто их изменял. Нужно было подробно представить ему, сколько и по какому предмету назначено задач для письменных работ; кто из членов Конференции и наставников Академии и по какому классу назначен для присутствия на испытаниях в качестве депутата. Представлялись конспекты предметов, прочитанных в продолжение года. Все это рассматривалось, критиковалось и иногда изменялось Владыкой. На представлении Академии о внутреннем испытании в 1829 году с 11 по 18 июня Филарет писал: «Какая нужда так рано оканчивать внутренние испытания. Ведь есть еще две недели (кончался год в начале июля) для совершения оных, ибо открытое предполагается 2 июля»³⁴. И сроки были назначены иные. В 1830 году на предварительном испытании по богословию деятельному и истолковательному был назначен депутатом ректор (Поликарп <Гайтанников>). Филарет счел это неудобным, хотя и не ректор читал лекции по этому отделу богословия. «Ординарный профессор богос-

³³ Казанцев 1877. Ч. 3. С. 2–6.

³⁴ Дела Конференции. 1824. № 93.

ловия, — писал он в резолюции, — по всем ее частям, как начальник сей кафедры, есть ответчик и потому не может быть депутатом Конференции и ревизовать сам себя, как он учил и как руководствовал своих помощников»³⁵. И депутат был назначен другой. Иногда Филарет сам назначал своих депутатов из членов Конференции. Но особенно подвергались его просмотру представляемые к экзаменам конспекты. Требовалось ясно, точно, по возможности сжато высказать главные положения прочитанного в году, особенно останавливаясь на важном и иногда совершенно пропуская второстепенное. По этим конспектам приходилось отвечать на испытаниях. Поэтому некоторые наставники старались составить их так, чтобы по ним можно было дать лучшие ответы. Иногда применялись при составлении некоторые приемы своего рода, отчего мог терять конспект в общем впечатлении. Филарет требовал обстоятельно изложенного конспекта безо всяких ухищрений, которые, если замечал, тут же обличал. «Конспект слишком отрывочный, — писал он об одном, — вообще имеет неприятный вид. Он ведет к подозрению, что хотят немного выучить на память и прочитать. Если испытания на показ терпимы были по нужде в ожидании усовершеннения учения, то пора уже быть испытаниям более совершенным. По крайней мере, богословский конспект, который теперь отрывочнее философского, должен получить несколько большую полноту. Странно, что в отрывочном конспекте словесности не могли пропустить сатиры и элегии, как будто это крайне нужно для Академии. Исправить»³⁶. Особенно строгие требования Владыка предъявлял к конспектам, когда они представлялись к нему пред публичными экзаменами. Обыкновенно такие конспекты печатались. Поэтому Филарет особенно внимательно просматривал их и чаще заставлял переделывать и даже переписывать вновь. Дело в том, что присутствующим на публичных испытаниях гостям обыкновенно раздавались эти конспекты, и они, сообразуясь с последними, могли предлагать вопросы экзаменуемым. Поэтому нужно было так составлять, чтобы область была не слишком узкой, однообразной, специальной, чтобы изложено было доступно и опреде-

³⁵ Дела Конференции. 1830. № 7.

³⁶ Дела Конференции. 1838. № 50.

ленно, чтобы не могли спросить на основании конспекта же из другой области. «Статьи, — писал раз Филарет, — для открытого испытания берутся слишком короткие. Это стесняет испытующего и испытуемого, располагает к буквальному повторению уроков по опасению сократить испытание. Не лучше ли назначить несколько предметов предположением, что в свободных ответах сократятся подробности. Советую рассудить о сем»³⁷. «По некоторым предметам назначенное обозрение очень мало, — писал он в другой раз, — и статьи такие, которые почти не дают случая испытующим войти в дело и усмотреть ход науки»³⁸. Замечания Владыки касались даже внешнего вида конспектов, формы выражения. Вообще, все они испещрялись разного рода значками и пометками, которые все должны были быть приняты к сведению в Академии. «Обозрение предметов, — писал он на предоставленной программе, — советуется еще пройти оком испытания, дабы выражения не довольно определенные или неясные предохранить от неточности и от сомнений»³⁹. «Взвесив еще раз некоторые выражения в конспекте, не могут ли быть заменены более беспрекословными»⁴⁰. Такие замечания можно найти почти во всех резолюциях митрополита относительно экзаменационных программ, особенно же в предопределенных к напечатанию конспектах.

Начинались экзамены.

Митрополит Филарет любил посещать экзамены, испытывать познания студентов и в то же время умение преподавать, ориентироваться в своих предметах и самих профессоров. Поэтому ежегодно посещал публичные испытания. Он серьезно был обижен, когда в бытность его в Петербурге, по личным счетам, митрополит Серафим приказал не приглашать его на экзамены СПбДА. «Петербургская Академия, — писал он своему викарию⁴¹, — не по важности не зовет на экзамены,

³⁷ Дела Конференции. 1842 (Смесь).

³⁸ Дела Правления. 1834. № 137 (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 103. Ед. хр. 7. — Ред.).

³⁹ Журнал Конференции. 29 мая 1842.

⁴⁰ Дела Правления. 1848. № 4.

⁴¹ В цит. тексте указаны имя викария (Еп. Иннокентий) и дата письма (30 декабря того же года). — Ред.

а по Александро-Невской политике. Я имел бесстыдство говорить и Владыке, и членам Академии, что <я>, быв сделан почетным [членом] определением Комитета⁴² Духовных училищ, оставлен в то же время и действительным членом Академии, и потому поступают против определения К<омитета> Д<уховных> У<чилищ>, не приглашая меня никогда на экзамены^{43,44}. И здесь в Москве, несмотря ни на погоду, ни на состояние дорог, особенно до проведения железной дороги, Филарет считает своим долгом посетить экзамены. Зато испытания уже на самом деле были испытаниями, а не простой формальностью, где все зависело бы от случайности и счастья. Он как-то сразу умел определить, тверды ли студент в своих познаниях, сознательно ли, обдуманно ли тот передает или же механически усвоенное памятью. Главным его требованием от экзаменаторов было: «При испытании наблюдать, чтобы испытуемые отвечали из ума и знания, а не слепо из учебных книг и записок»⁴⁵. А студенты, чтобы знали, что «знание главных истин, готовое к ответу всякому вопрошающему⁴⁶, есть первое на потребу, которое может быть украшено и дополнено знанием подробностей»⁴⁷. Поэтому-то главная суть испытаний при Филарете заключалась именно в исследовании умения ориентироваться, выражать свои мысли. Ответ состоял не в изложении только лекций, но в ответах на вопросы по поводу этих лекций. Спрашивал, главным образом, сам Филарет, но требовал вопросов и от экзаменаторов. «Что же вы молчите? — сказал он раз по адресу сидящих профессоров. — Я пришел слушать не одних экзаменующихся, а и самих экзаменаторов»⁴⁸. Таким образом, экзамены студентов в то же время были испытаниями и наставников. Филаретовских экзаменов боялись. Боялись студенты, едва ли не более их боялись и профессора. Окруженный ореолом ученого, богословского авторитета, облеченный

⁴² В цит. тексте: «Комиссии». — *Ред.*

⁴³ В цит. тексте: «на Конференцию». — *Ред.*

⁴⁴ Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 278.

⁴⁵ Дела Правления. 1842. № 70.

⁴⁶ Ср.: 1 Пет. 3, 15. — *Ред.*

⁴⁷ Дела Правления. 1842. № 70.

⁴⁸ Григорий, архим. 1869. С. 82.

высшей духовной властью, сам — личность недюжинная, он поневоле заставлял ожидать свое присутствие с каким-то трепетом. Если прибавить к этому еще его строгость, некоторую бесцеремонность в обращении даже с высшим начальством Академии, понятно будет то невольное чувство страха, которое закрадывалось каждый раз при посещении Владыки вообще, а при испытаниях в особенности. Каково же должно быть состояние новичка-студента, который, еще и не выдавши знаменитого митрополита, уже наслушался о нем всевозможных рассказов? Немудрено поэтому, что некоторые, выходя к столу пред лице грозного Владыки, буквально бледнели и дрожали от страха. «Я был в испуге, дрожал всем телом и, конечно, был бледен», — рассказывает Никодим Казанцев о своем первом дебюте пред Владыкой на экзамене⁴⁹. Собственно говоря, все эти страхи были преувеличены. Владыка слишком строго никогда не обращался на экзамене со студентами. Наоборот — старался казаться возможно доступнее, ободрял, когда видел, что студент слишком трусит. «Не пугайся, монах, — сказал он дрожащему Казанцеву, — нам должно бояться Бога, а не людей»⁵⁰. Он старается выводить из затруднения сбивающегося студента. Ставит наводящие вопросы и почти никогда не делает выговора воспитаннику, плохо отвечавшему. Наоборот, или дает подумать, собраться с мыслями, или же как-либо найдет случай смягчить тягостное положение срезавшегося. Случаев к тому было много. Владыка задавал каждому из отвечающих вопросы. Конечно, не всякий мог на всякий вопрос ответить. В таких случаях спрашивался сосед (к столу вызывалось по три студента). В случае неответа митрополит обыкновенно обращается ко всей аудитории с вопросом: «Кто скажет?» Поэтому и тот, кто плохо ответил у стола, мог после отличиться на таких вопросах. Тот же Никодим Казанцев, прорезавшийся на испытании у стола, рассказывает, что далее он стал внимательно слушать вопросы Филарета с тем, чтобы дать хоть на один порядочный ответ. «Мне это отчасти удалось. Филарет спросил: “Был ли рай и ад до пришествия Христова?” По притче Христовой о богатом и Лазаре, которую иные толкователи почитают

⁴⁹ Казанцев 1877. Ч. 4. С. 11.

⁵⁰ Там же.

за историю, надобно подумать, что и до Христа были и рай, и ад в разделении. Между тем ветхозаветные праведники, умирая, обыкновенно говорили “иду во ад”. Да и раю быть до искупления, кажется, не можно». Казанцеву удалось из всех разрешить этот вопрос и через это заслужить похвалу митрополита. «Я позабыл свой конфуз и свое горе»⁵¹. Один воспитанник ответил на вопрос, не решенный его соседом, и удачно отвечал еще на два, когда ушел уже от стола. Филарет похвалил его, а на следующий день прислал ему книгу с соботвенноручной надписью: «Московской Академии воспитаннику Василию Протопопову, заслужившему одобрение на испытании»⁵². Вообще, от таких ответов много зависело. Пользуясь неограниченностью власти, Филарет иногда на основании подобных ответов производил даже перемещение в разрядном списке. «Когда воспитанник, — рассказывает арх<им.> Григорий, — <точно и> складно выражался, вообще удовлетворял его разумным и основательным ответом, <Владыка> говорил: “Ты порядочно отвечаешь”, — или: “Хорошо” (это высшая похвала в устах Филарета), — <и> иных значительно повышал и даже вносил из второго разряда в первый»⁵³. Вообще, с уверенностью можно утверждать, что к студентам Владыка был на экзаменах очень снисходителен и милостив. Поэтому вполне можно принять слова преосвященного Саввы: «Мы на экзаменах видели в Святителе Филарете не того строгого и грозного судью, о котором так много слышали»⁵⁴, а простого и снисходительного отца»⁵⁵. Правда, бывали случаи резкостей с его стороны, но это редко, и виною действительно бывало поведение студента. Так, один раз он настоял, чтобы один студент был зачислен в общем списке гораздо ниже занимаемого им места за то, что тот допустил со своей стороны грубость по отношению к экзаменовавшему его профессору»⁵⁶.

⁵¹ Там же.

⁵² *Григорий, архим. 1869. С. 80.* В цит. тексте: «Семинарии». В данном случае диссертант приспособливает цитату к теме своего исследования без больших стеснений. — *Ред.*

⁵³ *Григорий, архим. 1869. С. 80.*

⁵⁴ В цит. тексте: «каким он являлся здесь в прежнее время». — *Ред.*

⁵⁵ *Тихомиров 1898. С. 330.*

⁵⁶ *Смирнов 1879. С. 194.*

Гораздо строже относился Владыка к экзаменаторам. Быть может, он здесь придерживался того принципа: кому дано больше, с того более и взыщется. Отвечал студент плохо, возлагалась вина и на наставника, что плохо преподавал. Сбивался воспитанник — наставник должен во всякое время и умело помочь, иначе сам мог очутиться в неловком положении. Не может разрешить заданного митрополитом вопроса — должен решить его наставник, и бывали казусы и очень не редко, когда пред всей собравшейся публикой профессору приходилось краснеть и конфузиться, не зная, как ответить на данный вопрос. К этому нужно прибавить некоторую бесцеремонность в отношении к наставникам со стороны Филарета во время экзаменов, когда он пред всеми обличал тот или иной недостаток преподавания или изложения лекций. Приходилось только молчать и краснеть, ибо всякого рода возражения влекли за собой только больший гнев Владыки. А сцены иногда разыгрывались неприятные. Никодим Казанцев рассказывает такой случай. Однажды на публичный экзамен, который уже начался, вошел наместник Лавры. Наместник Лавры — как-никак величина, даже и для академических властей порядочная. Все встали — даже и экзаменаторы. Наместник сделал шага два от двери, отвесил Филарету глубокий поклон. Филарет молча, левой рукой указал наместнику, где сесть. Когда тот сел, сели и все. Тогда Филарет начал свою строгую и гневную речь: «Зачем вы вскочили? Пришел наместник Лавры: и для него надобно бросать дело и всем вскочить? — Велик человек — наместник Троицкой Лавры! Мы занимаемся делом, наместник пусть, если хочет, послушает, взявши себе тихонько место... Вот вы хорошо научили учеников своих льстить, а дело делать учите не так усердно»⁵⁷. Конечно, особенной лестии здесь и не было. Как обычно, воспитанники встали при приходе старшего важного лица. А между тем пришлось выслушать такую реплику начальствующим — и это перед публикой. Чаще всего Филарет нападал на наставников за неумело составленные лекции. Особенно в этом отношении не везло инспектору Академии арх. Евлампию (Пятницкому). Лекции свои он излагал обычно тяжелым неудобовразумительным языком. Они

⁵⁷ Казанцев 1877. Ч. 3. С. 8.

состояли из длиннейших периодов, всюду справленных обширными текстами Священного Писания. На экзамене один студент стал излагать доставшийся ему билет, не приводя помещенных там текстов. Евлампий часто останавливал его и требовал произнесения их. Когда тот молчал, он сам произносил тексты и в конце сказал: «Доказывайте изречениями Священного Писания ваше рассуждение, дабы иначе не подумали, что вы рассуждаете произвольно, без оснований». Филарет прослушал все это и затем заговорил, обращаясь к Евлампию: «Священным Писанием надобно доказывать полную истину, а не часть ее... <иначе>⁵⁸ вы сделаете глупость, потому что будете доказывать слова, а не мысль, которая еще не известна. Посему вы напрасно сбивали с толку студента⁵⁹ и навязывали ему вашу бессмыслицу: он не захотел ее предлагать; он умнее вас»⁶⁰. В другой раз тому же Евлампию, который назвал полемическое богословие «воительным», с иронией сказал: «Отчего же вы не назвали его солдатским богословием?»⁶¹. Конечно, он прав был в своих замечаниях, но такая резкость, такое обращение при учащих и даже при посторонней публике не могли не огорчать наставников. Не избегали таких столкновений даже уважаемые самим Филаретом авторитеты. Горский в своем дневнике рассказывает о таком случае. К экзамену по церковной истории представлена была история распространения и угнетения христианства после апостолов до Константина Великого. Когда отвечали о препятствиях к его распространению и с самого начала указывали на разнообразное направление духа империи и духа христианского общества, Филарет начал свои замечания. «Что такое дух? Могли ли вы сами обнять и исследовать дух христианства? Могли ли вместить это в головы Ваших студентов? Ныне странное направление в истории. Смотрят на <человечество>, как на одного человека, и усваивают ему то одно, то другое общее направление. Прекрасный взгляд <на историю> Боссюетов.

⁵⁸ Д. Августов словом «иначе» заменил следующую фразу: «Если скажете: “Чем чище действие по намерению”, — и затем тотчас придадите изречение Священного Писания...». — *Ред.*

⁵⁹ В цит. тексте: «монаха (указывая на меня)». — *Ред.*

⁶⁰ *Казанцев 1877. Ч. 4. С. 11.*

⁶¹ *Ср.: Смирнов 1879. С. 194.*

Впоследствии другим не захотелось все сводить к христианству: они выдумали каждому веку своих представителей, каждому народу свою идею. Все это пустяки!»⁶². Как видно, Филарет был противник новейших взглядов и методов истории. Он признавал только один фактор в истории: волю Провидения, управляющего царствами и сердцами людей. Конечно, как истинный ученый Горский не мог держаться подобного взгляда. Его исследования были построены при свете новейших научных изысканий и на основании совершенно иных принципов и методов. Далее в изложении причин гонений митрополиту не понравилось, что они оправдывались законами римской империи и потому были как бы законным делом. Он, со своей стороны, признавал только одну причину их: религиозное языческое суеверие.

«Вот Вы кажется главное-то и упустили, — обращается он опять к Горскому, — слона-то и не приметили. Главною причиною гонений против христианства было языческое суеверие. А Вы о нем — ни слова». «Я отвечал <на это>, — пишет Горский, — что об этом сейчас будет сказано. Причины религиозные поставлены в третьем разряде препятствий к распространению христианства». «Вашим разрядам, — сказал Владыка, — конца не будет». Действительно, непосредственно за этим стали излагать и эти причины⁶³.

И такие случаи были нередки. Еще чаще Филарет делал короткие замечания преподавателям. Иному из них он во время же ответа говорил: «Хорошо, спасибо». Другим: «У тебя худо отвечают», — смотря по ответам экзаменуемых, или же делалось замечание всей корпорации. «<Митрополит Филарет>, — писал П. С. Казанский своему брату арх. Платону, — двукратно говорил ректору (Алексию)⁶⁴, что ученики семинарии лучше отвечают, чем воспитанники⁶⁵ Академии»⁶⁶.

⁶² Дневник 1884. Запись от 2 июля 1837. С. 133.

⁶³ Там же. С. 135.

⁶⁴ Фактическая ошибка. В то время был ректором не еп. Алексей (Ржаницын) (1847–1853), а архим. Сергей (Ляпидевский) (с 4 октября 1857, † 11 февраля 1898). — *Ред.*

⁶⁵ В цит. тексте: «ученики». — *Ред.*

⁶⁶ *Беляев А. А., прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном // БВ. 1904. Т. 1. №

Экзамены обыкновенно продолжались долго. Особенно в этом отношении были тяжелы испытания выпускные, или ревизорские. Здесь Владыка как бы получал отчеты за все годы учения студента в Академии. Он хотел тщательно испытать, с какими знаниями выходит человек в жизнь, к чему он более способен и способен ли к чему. Поэтому эти экзамены продолжались обычно несколько дней, и каждый день владыка занимался часов по 6—8. Об этом отчасти уже упоминалось, когда говорилось о ревизии Академии Филаретом. Удивительно, как это Филарет, особенно в последние годы, будучи совсем стариком, мог высиживать так долго и, главное, выслушивать с неослабным вниманием. А это так и было. Несмотря на всеобщее утомление, владыка чувствовал себя как будто прекрасно, не допускал даже простых обмолвок в речи отвечающего, не говоря уже о каких-либо крупных ошибках. Свящ. Миловский рассказывает, что на окончательном экзамене митрополит перебирал их выпускной курс два дня по восьми часов сряду. «Мы, молодые люди, утомлялись до крайности, а он, видно, не утомлялся. Ни одной ошибки не пропустит не только в мыслях, но даже и в словах: удивительный человек»⁶⁷. Немудрено, что молодежь не могла высиживать всего испытания, выходили иногда, хотя Филарет и не любил этого. На одном экзамене, когда некоторые воспитанники вышли из экзаменационной залы, митрополит, обратясь к Ректору, сказал, но так, чтобы все слышали: «Молодые люди не хотят сидеть, а мы, старички, посидим»⁶⁸.

Конечно, не железный был и Филарет. Не обходилось даром и ему столь долгое занятие. «Еще не провел я здесь дня без усталости, — писал он своему викарию. — Одно из экзаменических заседаний продолжалось пять, другое — шесть часов. Вчера <шестого июля> шесть часов проведено за пересмотром сочинений и поверкою разрядных списков»⁶⁹. «Филарет для экзамены академические, — вспоминает Казанский, — утомился на них, заседая неподвижно от 5 до 7 часов ежедневно».

3. С. 566—590 (2-я пагин.). С. 583.

⁶⁷ РА. 1893. Кн. 3. С. 45.

⁶⁸ Григорий, архим. Некоторые изречения и резолюции митрополита Московского Филарета // ДЧ. 1871. Ч. 2 б. № 6. С. 71.

⁶⁹ Смирнов 1879. С. 189.

Все это считал он своим долгом. Хотел сам — и детально узнать, как же выучили воспитанников и с чем они выйдут на тернистый путь жизни. Он умел определять не столько по ответам, сколько по виду внешнему, по привычке держать себя, отвечать. А раз составивши мнение, Владыка его не менял. Пронизывая своим острым взглядом испытуемого, проводя его через цепь своих вопросов, он уже знал человека, уже составлял о нем мнение, которое потом готов был отстаивать. Наоборот, если ему не приходилось самому быть на испытаниях, самому лично все осязать, он не хотел ни за что отвечать. Вся ответственность возлагалась на начальство и учащихся Академии. Это, конечно, не из каких-либо опасений, каких-либо неприятностей, а скорее из принципа, ибо таковы были взгляды Владыки. И он держался их крепко. Когда в 1824 г. Филарету, не бывшему по болезни на экзаменах, представили для подписи разрядные списки студентов, он положил такую резолюцию. «Не быв, по болезни, на испытаниях и других опытов не имея, не имею оснований <я> подписать разрядных списков»⁷⁰. Что это был не каприз, видно из мнения представленного по этому поводу комиссии Духовных училищ. «Моя обязанность, по § 396, была подписать, а по выражению, дважды употребленному в определении Ком<иссии> Дух<овных> уч<илищ>, засвидетельствовать разрядные списки. Засвидетельствовать свойственно свидетелю. Свидетель не иной может быть, как очевидец. Очевидцем испытания, по болезни, я не был. Следственно, не имел основания подписать разрядных списков или засвидетельствовать их во всех подробностях»⁷¹.

Но вот кончались публичные испытания. Конференция собирается в полном составе для окончательных суждений. Здесь составляется окончательный разрядный список. Здесь присуждаются ученые степени. Здесь же прочитываются, по крайней мере, лучшие сочинения студентов. Митрополит Филарет только за редкими исключениями, уже по каким-либо очень уважительным причинам, пропускал подобные

⁷⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам / Издание под редакцией пресвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Том дополнительный. СПб., 1887. С. 13.

⁷¹ Там же.

заседания. Он считал своим долгом, одной из важнейших обязанностей присутствовать на этом решающем совещании. Здесь главное внимание он сосредоточивает на сочинениях, представленных студентами. Он видел в них лучшее, сравнительно с устными ответами, доказательство развитости и трудоспособности студента. И Филарет придавал огромное значение этой работе. Бывали случаи — и нередко, — когда уже в составленном окончательно разрядном списке по его настоянию производились перемены и перестановки студентов в местах, занимаемых ими в списке, и именно из-за сочинений. Так был перемещен в 1848 году на второе место по настоянию митрополита известный Гиляров-Платонов, впоследствии бакалавр Академии. В 1850 году на подобном же заседании в присутствии Филарета определено: студента В. Холминского, занимавшего в разрядном списке студентов четвертое место, так как сочинение его оказалось имеющим преимущественное достоинство в сравнении с сочинениями воспитанника, поставленного выше его в том списке, записать третьим⁷². Уже это одно показывает, как серьезно относился к таким работам Филарет и как ценил их. Он не любил сочинений слишком обширных, когда хотели удивить именно размером. «Надобно не так много писать, — говорил он. — Рассуждение — не книга, и толстота тетради не есть верх совершенства»⁷³. «Некоторые сочинения, — писал он в предложении на имя академического правления, — очень длинны. Сие более изнуряет, чем усвершенствует малосильного сочинителя и затрудняет наставника во внимательном рассмотрении сочинения. Надлежит от посредственно успевших требовать не слишком обширных сочинений и тщательным разбором и критикой оных раскрывать и образовывать способность к соображениям более обширным»⁷⁴.

Лучшие сочинения студентов обыкновенно предназначались к напечатанию. Таковые подвергались особенно строгой критике со стороны митрополита. Он требовал особенно тщательного исправления их от Академии, но многое, в конце концов, выправлял и сам. Обычно

⁷² Журнал Конференции. 1850. Глава 3.

⁷³ Дела Правления. 1842. № 48.

⁷⁴ Там же.

пред самым напечатанием сочинения представлялись к нему для окончательной редактировки. И бывали случаи, что одобренные со стороны академической профессуры сочинения забраковывались им. В последнем случае требовалось внести серьезные поправки, иногда совершенно переработать сочинение, и только тогда, вновь просмотренное митрополитом, сочинение печаталось. В 1828 году, получив от ректора сочинение «О праздниках первенствующей Церкви» и просмотрев его, Филарет дал такой отзыв: «Предупреждая, сколько от меня зависит, последствия медленности, я тотчас приступил к рассмотрению всего⁷⁵ сочинения и нашел оное не только слабо обдуманым и слабо писанным, но и слабо цензорванным. Посему поспеваю предложить академическому правлению следующее: 1) замечания, сделанные мною, поколику время позволило, на первую часть сего сочинения, объявить сочинителю и требовать, по сему образцу, исправления всего сочинения; 2) если будет достаточно исправлено: о. ректору с помощниками своими по классу богословскому вновь процenzоровать оное тщательно»⁷⁶. В другой раз были представлены два сочинения. Ректор в представлении писал между прочим, что «оба сии сочинения окончены, пересмотрены и по возможности очищены от погрешностей». Не так посмотрел на них Филарет. На этом представлении он дал такую резолюцию: «Ни того, ни другого рассуждения не могу признать достаточно приготовленными для напечатания <ни для прочтения в публичном собрании>. Рассуждения о мученичестве (второе) и теперь бесконечно обширно и — как в отношении к логике, так и в отношении к словесности — слабо. Это — принужденное скопление слов и выражений, исторических обстоятельств, выписок, а не систематическое произведение ума, которого бы все части были направлены к определенной цели. Я прочитал около половины оного (дочитать не имею ни времени, ни терпения), но не встретил еще ничего, что прямо и с силою было бы направлено к указанной во вступлении цели»⁷⁷. В 1836 году митрополит писал ректору Академии Филарету: «Возвращаю вам рассуждение о толковании

⁷⁵ В цит. тексте: «сего». — Ред.

⁷⁶ Смирнов 1879. С. 211–212.

⁷⁷ Там же. С. 212.

Священного Писания по теории приспособления. Самая тема изложена неудачно, так и далее. Говорить о сем на русском не безопасно, чтобы, вместо разрешения возникших сомнений, не пробудить сомнений, которых не знали. И если бы решиться говорить, то надобно не так, как в сем рассуждении. Сочинитель и противников неверно изображает, и отвечает им неудовлетворительно. Надлежало бы говорить о сем ближе к примерам: рассуждения более общие, более невпопад приходят»⁷⁸. Вслед за этим письмом ректор получил от митрополита другое письмо с рецензией на сочинение о постах Православной Церкви. Филарет писал: «В рассуждении о постах не нравится мне вступление. Что это такое, что всякий юноша ставит себя защитником Церкви против ее врагов? Для юноши нескромно, для Церкви оскорбительно, и цели сочинения неблагоприятно. Прежде нежели назидаете учением о посте, вы уже смутили читателя мнением, что его отвергают и что он требует вашей защиты. Не простее ли было бы начать тем, что некоторые, соблюдая посты, не довольно знают начало и важность сего установления, а другие, не довольно зная сие, позволяют себе небрежение о сем установлении, и потому надобно показать истину, чтобы вразумить неведущих и возбудить небрежных? Свидетельства о посте собраны хорошо, но не везде хорошо употреблены. Говорить, что пост есть учреждение апостольское и что он утвержден Димитрием и Виктором на Соборе, значит противоречить себе, если не объяснить сего тем, что апостольское учреждение было в примере, а не в писанном правиле, и потому подверглось разнообразию в исполнении. Подобная борьба свидетельств между собою не раз встречается. В одной статье говорится, что пост составляет семь недель, без субботних и воскресных дней, и что сорок дней кончатся прежде страстной седмицы; и даже не сказано, что это два разные счета. В одном примечании мясоястие сырной недели осуждается и пост среды и пятка сей недели называется еретическим; справедливо и то и другое, но надлежало сказать о сем так, чтобы не было вида сбивчивости и противоречия. Непощение в воскресные и субботные дни требует объяснения: чтобы не вздумали есть мяса в четыредесятницу. Чтобы в пост прекращаемы были все до-

⁷⁸ Там же. С. 213–214.

машинные упражнения, это не походит на дело; и даже странно, что сочинитель сказал сию странность и не позаботился о доказательстве. На одной странице Златоуст определяет три поста, а Лев — четыре: и сие рассказывается так, как будто тут нет никакого разноречия. Вскоре приводится в примечании свидетельство Иеронима, где мнение о трех четырехдесятницах приписывается монтанистам, и сочинитель не позаботился, чтобы св. Златоуста отличить от монтанистов. Что празднование Успения Божией Матери учреждено при Маврикии, не самоправно ли сказано? Легко ли вдруг определить никогда не известный праздник? Не вероятнее ли, что он праздновался и прежде по преданию, но или не повсеместно, или не с полным уважением, и оттого подтверждение, которое вы называете новым учреждением.

Что за слово: “годовой”? “Седмичный” говорим от слова “седмица”. Неужели “годовой” — от “годица”? От “года” — “годовой”.

“Годичные времена”. Что такое? И среда и пяток разве не годовые времена, как заключающиеся в году, подобно четырехдесятницам? Надобно говорить определеннее.

Конец слова: рассуждение богато свидетельствами и будет очень хорошо, и может быть напечатано с пользою, если исправятся недоговорки и несоображения сочинителя»⁷⁹.

Мы с намерением привели полностью эту длинную рецензию. Она служит показателем того, с какой тщательностью просматривались владыкой подобные сочинения. Он не хотел выпустить в свет необработанного, темного, запутанного и неясного произведения. Ведь через это было бы положено темное пятно на всю Академию, на ее работы в области научной. Чего могла не досмотреть ученая корпорация Академии, то не проходило так, побывав в руках Филарета. Кто знает, от скольких неприятностей избавлена была Академия, школа с известным ученым направлением, благодаря такому строгому цензору владыки.

Классическим образцом такого пуританизма, строгости в требованиях действительных достоинств, является курсовая работа студента Николая Руднева⁸⁰. Как выдающийся труд она была представлена ака-

⁷⁹ Там же. С. 215—216.

⁸⁰ «О ересьях и расколах в Российской Церкви». — Ред.

демической корпорацией на соискание премии, назначенной канцлером графом Румянцевым. Согласилась с этим и Петербургская академическая конференция, отзыв которой также требовался для получения премии. Но когда дело дошло до митрополита, он, просмотрев внимательно работу, нашел в ней много недостатков и решительно воспротивился как против напечатания, так и против выдачи сочинителю премии. Любопытна дальнейшая история этого дела. Сочинение много раз поправлялось и дополнялось, даже печаталось, но потом опять перепечатывалось по причине недостатков, и все по настоянию Филарета. Начавшееся в 1837 году дело кончилось только в 1842 году, когда книга была напечатана в окончательной редакции и автору была выдана премия⁸¹. Благодаря такому строгому цензурированию⁸², во-первых, со стороны профессуры и, во-вторых, со стороны Владыки, получались действительно образцовые рассуждения. Да и вообще, такие строгости заставляли подтягиваться и самих студентов, осмотнительно употреблять даже выражения и тщательнее отделять их.

Но зато ничем нельзя было более обидеть митрополита, как плохим отзывом о сочинении, уже прошедшем его цензуру. Тогда он уже сам со всей своей авторитетностью становился на его защиту. «Слышится, — писал раз он митрополиту Григорию, — что академическое рассуждение о третьей книге Ездры подверглось осуждению преосвященного Саратовского как будто бы оскорбляющее достоинство священных книг. Поелику наши суждения не удостоиваются доверия, то в защиту нашу укажу на суждение Римской Церкви. Аббат Бержье, известный защитник православных христианских учений против неверия, говорит, что сия книга содержит погрешности, что ее писал не Ездра и что она не уважается как в греческой, так и в латинской Церкви. Наш сочинитель говорит о ней с большим уважением, нежели Бержье»⁸³.

В другой раз был такой случай.

⁸¹ Смирнов 1879. С. 222—229.

⁸² В тексте: «цензорованию». — Ред.

⁸³ Филарет (Дроздов), свт. Письмо к Григорию, митрополиту Новгородскому Санкт-Петербургскому // Материалы для истории Русской Церкви (ЧОДП. 1877. № 12. С. 176).

Преосвященному Кириллу, архиепископу Подольскому, бывшему ректору Академии, присутствовавшему в Синоде, дано было поручение прочитать восемь сочинений студентов Московской духовной академии. Конечно, все они были уже просмотрены Филаретом. Болезненный высокопреосвященный Кирилл просил состоявшего при нем архимандрита Никодима (Казанцева), который и рассказывает этот случай, перечитать все эти сочинения и составить на каждое примечания. Никодим составил, но дал очень нелестные отзывы о всех сочинениях и указывал только ошибки и недостатки, опуская совершенно достоинства сочинений. На основании таких отзывов Кирилл и составил свой отзыв для представления Синоду. В нем он строго осуждал начальство Академии за представление столь несовершенных сочинений, а также и за то, что их несовершенства не отмечены читавшими их наставниками. В таком виде дело поступило в Синод. «В одно из ближайших заседаний назначено было слушание этого дела. Обер-секретарь читает присутствию дело: сперва рапорт преосвященного Кирилла, потом замечания на сочинения студентов. Члены Синода изумились. Напряженное молчание. Светские вытянулись с сардонической улыбкой, ожидая бурной сцены между митрополитом Филаретом и архиепископом Кириллом. Филарет действительно видимо раздражался, не раз останавливал читающего, делал обращения к высокопреосвященному Кириллу, старался смягчить фразы, требовал объяснений. Такая сцена раздражений длилась долго. Наконец Филарет, чтобы прекратить смущение, сказал: “Позвольте мне взять это дело и пересмотреть. Может быть, вместе с преосвященным Каменец-Подольским мы найдем способ дать ему мирное окончание”. Филарет сидел рядом с Кириллом. От нетерпения толкал Кирилла в бок, говоря тихонько: “Что ты говоришь? Против кого? Позабыл свою родину”.

Приехавши из Синода, Преосвященный Кирилл рассказывал мне все это, изумляясь, — продолжает Никодим: — “Ну, брат! Я сегодня в Синоде вытерпел такую бурю, какой и не помню в жизни. Московский Владыка пришел в великую досаду за наши с тобой замечания на сочинения московских студентов”»⁸⁴.

⁸⁴ Казанцев 1877. Ч. 16. С. 67.

Этот случай показывает, как дорожил Филарет честью своей Академии, как для него было неприятно, когда хотели посрамить ее питомцев.

По окончании всех выпускных церемоний служился молебен, иногда самим Филаретом, причем последний всегда обращался к окончившим курс с речью. Это было последнее напутственное слово Владыки пред вступлением их в мир — мир, полный соблазнов и искушений, горя и страданий. Владыка по опыту знал, как нужно осторожно идти, ибо много порогов на пути, тем более, что большинству из окончивших приходилось выступать самим уже в роли учителей. «Поздравляю вас, — говорил он курсу 1854 года, — с окончанием учебного поприща и вступлением не поприще службы. Вы теперь должны учить других. Но помните, <что> из школы зрелыми мужчинами не выходят. Вам и по выходе отсюда нужно будет еще продолжать свое образование и умственное, и нравственное»⁸⁵.

И это было последним наставлением Владыки питомцам, разлетающимся во все концы обширного Русского Отечества.

Смотря по тому или иному состоянию учебного дела в Академии, выявившегося из академических испытаний и вообще из ревизии, Филарет часто присылал по окончании ревизии свои отзывы и замечания на имя академической корпорации. Цель их, главным образом, — исправление замеченных по учебной части недостатков. Вместе с тем в них же подчеркивались и хорошие стороны, за что владыка высказывал свою похвалу. «1). По классу богословскому с одобрением усмотрено, что когда, по немаловременном продолжении испытания на латинском языке, для удобнейшего занятия посетителей потребовано, чтобы студенты далее говорили на русском, они, несмотря на неожиданную перемену языка, продолжали излагать требуемые истины без приметного затруднения. 2). По классу философскому в вопросах учащих и в ответах учащихся замечена точность, которая, показывая, что учащие с особенною силою владеют вниманием учащихся, может быть поставлено в пример некоторым <другим> классам»⁸⁶.

⁸⁵ Смирнов 1879. С. 202.

⁸⁶ Полное собрание резолюций Московского митрополита Филарета / Под ре-

Чаще указывались промахи и недостатки. «Некоторые замечания, — писал он в одном предложении, — сделанные мною во время испытания и рассмотрения сочинений студентов, не бесполезным почитаю предложить академическому правлению для соображения и руководства на будущее время... 3). По классам словесности желательно видеть более указания примеров и разбора образцов изящной словесности. 4). По классу всеобщей истории рассмотрение происшествий древней истории в отношении к Провидению Божию составило занимательную часть испытания: только по образу изложения, который состоял наиболее в разборе пророчеств, оно едва не переходит из пределов истории в пределы герменевтики. 5). В рассмотрении (стр. 80) сочиненных студентами проповедей частью <примечена> невнимательность, пропускавшая без замечания погрешности, частью <неумеренное> снисхождение, которое, осыпая похвалами слабые сочинения, более могло прельщать, нежели поощрять сочинителей.

... 7). Некоторые сочинения не довольно успешных сочинителей очень длинны. ... 8). Некоторые сочинения представлены в разных видах неоконченной работы. Некоторые — без всяких признаков того, что были рассмотрены наставниками. В некоторых видна только часть сочинения, обещанного во вступлении. От одного студента представлено два обширных расположения одного сочинения, а самого сочинения нет. У одного не только рассуждение не дописано до конца, но и последний в рукописи период не дописан до точки. Не так все сие должно быть при окончании курса»⁸⁷.

В другой раз писал: «При окончании в сем году академического курса не мог я оставить без внимания того, что не только при предварительном, но и при окончательном испытании студентов не было в виду сочинений, обыкновенно требуемых от студентов для получения степени магистра или кандидата. Это был значительный недостаток при окончательном составлении разрядных списков. Это недостаток и для соображения при назначении студентов на должность. Вследствие

дакий протопресвитера Московского Большого Успенского собора В. С. Маркова. Вып. 2. Т. 2. М.: Издание редакции «Душеполезного чтения», 1903. С. 106.

⁸⁷ Смирнов 1879. С. 203.

позднего представления студентами сочинений длится рассмотрение оных и замедляется представлением студентов к ученым степеням. Таким образом, они своим опаздыванием причиняют затруднение начальству и самим себе. Предлагаю ныне и впредь внушать студентам высшего отделения, чтобы сочинения для получения высшей ученой степени составляемы были благовременно и представляемы к началу предварительного испытания или, по крайней мере, в продолжение оног⁸⁸.

И такие предложения бывали почти ежегодно. Не любивший делать половины, Филарет, наблюдая за постановкой учебного дела Академии, делал это тщательно и добросовестно, вникая во всякую мелочь. Он перестраивал все по-своему, как ему казалось, лучшим <способом>. Может быть, он и сам впадал в ошибки. Но, в общем, нельзя не заметить постепенного и постоянного усовершенствования в академическом учении со времени вступления на кафедру Московскую владыки Филарета. Уже в 1827 году он сам писал к Гавриилу, епископу Рязанскому: «Слава Богу, сей курс представляет больше зрелости против прежних»⁸⁹. Эта усовершенствованность росла прогрессивно во все дальнейшее долгое управление святителем Академией и подготовила, скорее, создала тот блестящий и славный период состояния Академии, который принято называть «Академией Горского».

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ

Архив Московской духовной академии. Дела Правления и Конференции за 1815–1870 гг.⁹⁰

Гиляров-Платонов 1886 — Гиляров-Платонов Н. П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. М., 1886. Т. 2.

⁸⁸ Дела Правления. 1853. № 72 (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 113. Ед. хр. 25. — *Ред.*).

⁸⁹ *Филарет (Дроздов), свт.* Письмо от 22 июня 1822 (Материалы для биографии митрополита Московского Филарета. Письма к Гавриилу архиепископу Тверскому) // ЧОЛДП. 1871. № 4. С. 47.

⁹⁰ В настоящее время часть дел Правления находится в НИОР РГБ. Фонд 172.86.9–10; 172.90.3–122.8. — *Ред.*

- Григорий, архим.* 1869 — *Григорий, архим.* Из моих личных воспоминаний о святителе Филарете Московском // Душеполезное чтение. 1869. Ч. 1 б. № 3. С. 76—86.
- Дневник 1884 — Дневник А. В. Горского / Примечания прот. С. К. Смирнова // ПрибТСО 34. 1884. Кн. 3. С. 84—144 (1-я пагин.).
- Казанцев 1877 — Архиепископ Никодим (Казанцев).* О Филарете, митрополите Московском, моя память / Предисловие и примечания архимандрита Григория. Кн. 2. М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1877.
- Письма Ректора 1886 — Письма Ректора Петербургской Духовной Академии, Епископа Евсевия, к А. В. Горскому (1847—1850) // ПрибТСО 37. 1886. Кн. 2. С. 699—855 (1-я пагин.).
- Сборник 1883 — Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского. Т. 1—2. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1883.
- Тихомиров 1898 — Архиепископ Савва (Тихомиров).* Хроника моей жизни. Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1. СПб, 1898.

Публикация Редакции

Д. А. МАРКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

От публикатора

Он прожил жизнь по общей мерке совсем не маленькую. Когда заканчивал писать свои воспоминания (в 1965 г.), ему недавно перевалило за 76 лет. Был уже давно пенсионером, но притом — доктором филологических наук и действительным членом Государственного географического общества. И смерть была вовсе не за горами — умер он 12 апреля 1968 г., как раз в новоиспеченный день космонавтики.

Дмитрий Аркадьевич Марков родился в г. Ветлуге 5 ноября 1879 г.¹ Время не располагало к откровенности — отца своего он в автобиографии называет чернорабочим, мать — прачкой. Если дело обстояло именно так, можно только еще больше расположиться к автору и царской России, в которой ему довелось жить. Окончив Ветлужское начальное училище, он поступил в Ветлужское уездное. Учился хорошо, из класса в класс переходил с похвальными листами. По завершении училища некоторое время работал писцом в Уездном съезде, а затем видим его с 1894 г. учащимся Новинской (сам он называет ее Новиковской) учительской семинарии, находившейся в Ярославской губернии, километрах в шестидесяти от г. Рыбинска, которую окончил с похвальным отзывом. 18-ти лет поступил учителем Ветлужского начального училища. Получал в месяц 25 рублей и еще 5 рублей за частный урок. На иждивении его находились мать и трое детей, из чего напрашивается вывод, что отца уже не было в живых. В 1899 г., успешно

¹ Все биографические сведения о Д. А. Маркове приводятся по статье: *Молодцов 1995*.

выдержав экзамен на должность учителя уездного училища, он был назначен преподавать в г. Кологрив Костромской губернии, а еще через год поступил в Московский учительский институт. Дальнейший его путь и поступление в 1903 г. в Московскую духовную академию живо описаны в воспоминаниях, следует только отметить, что ему пришлось досдавать богословские предметы в Холмской семинарии, а учился он на именную стипендию Г. И. Хлудова (265 рублей в год). Уже во время учебы Д. А. Марков обнаружил особые литературные дарования как автор хроники о паломническом путешествии студентов МДА на Ближний Восток². Окончил он МДА в 1907 г. 32-м кандидатом среди 49-ти окончивших³, где-то почти середине второй половины. Трудно даже представить себе, что учился он на год раньше П. А. Флоренско-го, почему и глядел на него своим вполне независимым взглядом.

По окончании Академии он преподавал русский язык и словесность в Виленском учительском институте, а с 1909 г. — историю в Феодосийском учительском институте. С 1913 г. Дмитрий Аркадьевич становится директором Саратовского учительского института, где проработал в общей сложности свыше четырех лет. В те годы он начинает систематически публиковаться в основном по исторической и краеведческой тематике⁴. В 1917 г. он уже в Петрограде на должности «штат-

² Марков Д. А. Экскурсия студентов Московской духовной академии на Ближний Восток: Из дневника студента. М., 1908. 111 с.

³ Списки студентов 1914. С. 139.

⁴ Приведем список дореволюционных печатных трудов автора, которые удалось найти в каталоге РГБ:

1. Личность блаженного Августина и его «Исповеди». [Симферополь]: Тавр. губ. тип., [1911]. 26 с. Оттиск из: ТЕВ. 1911. № 19—20, 21, 22.

2. Записки по методике истории и географии. М., 1912. [4], 141 с. (Со 2-го изд. загл.: Записки по методике истории.) (То же. ²1913. 159 с.; ³1915).

3. Причины, ход и значение Отечественной войны. Симферополь, 1912. 23 с. Оттиск из: ТЕВ. 1912. № 27—28.

4. Сборник вопросов и задач по всеобщей истории: (С прил. хронологии): (Пособие для учащихся и учащихся). I: Древняя история. М., 1913. 91 с.

5. Триста лет под скипетром державного Дома Романовых: Речь, произнес. 21 февр. 1913 г. на соединенном торжественном акте Феодосийского учительского ин-та и жен. гимназии В. М. Гергилевич. Симферополь, 1913. 10 с. Оттиск из: ТЕВ. 1913.

6. Державный дом Романовых и Таврида. Симферополь, 1913. 60 с. Оттиск из:

ного преподавателя и наблюдателя» Петроградской торговой школы при обществе для распространения коммерческих знаний. Должно быть, здесь ему пришлось не только стать очевидцем, но и оказаться в эпицентре революционных событий большевистской смуты, о чем нет сведений.

В следующем 1918 г. он возвращается в родную Ветлугу и, можно сказать, навсегда остается в ней. Казалось, что Ветлуга, расположенная на северо-востоке Нижегородской области, окруженная со всех сторон хвойными лесами и лишенная железнодорожного сообщения, станет достаточно безопасным для жизни местом. Однако вскоре и до этого края докатилась волна репрессий. Как пишет М. А. Лапшина: «В июле 1919 г. ежедневно из Ветлуги на станцию Шарья отправляли до 1000 человек. За два месяца работы эта комиссия расстреляла 15 человек»⁵.

В Ветлуге Дмитрий Аркадьевич организовал педучилище и был его первым директором, основал Научное общество по изучению местного края. Время еще долго оставалось суровым и нелицеприятным. Сохранились обрывочные сведения, но и их вполне достаточно, чтобы живо представить себе общую обстановку: «Д. А. Марков, занимавший должность заведующего музеем с сентября 1933 года, уехал из Ветлуги, и И. И. Разумов вернулся в музей. Но работал он недолго. 7 ноября 1937 года директор музея и еще шесть человек ветлужан были аресто-

ТЕВ. 1913. № 17–25.

7. Тетрадь для самостоятельных работ по изучению истории местного края: (Для учащихся ст. классов, учителей начальных училищ и любителей старины). М., 1916. 52 с.

8. Родная история: Учебник для высших начальных училищ и младших классов сред. учеб. заведений: (Сост. применительно к новой примерной программе, напеч. в: ЖМНП. Ноябрь. 1915 г.). М., 1916. XVI, 212 с.

Впоследствии автор продолжал публиковать свои труды в серии «Ветлужский край» и в других периодических, в основном местных изданиях. Часть его неопубликованных трудов хранится в Ветлужском музее, Кировском областном архиве и в архиве Санкт-Петербургского отделения Академии наук. Подробнее см.: *Молодцов 1995*. С. 96–97.

⁵ Лапшина М. А. Гражданская война в Костромской губернии (1918–1919 гг.) <<http://kostromka.ru/kostroma/land/04/lapshina/>>.

ваны как участники “повстанческой группы, существовавшей с 1918 года, по заданию которой среди населения проводилась антисоветская агитация и подготовка к восстанию на случай войны СССР с капиталистическими странами” (формулировка обвинения из дела “тройки” УНКВД от 14 декабря 1937 года). По этому обвинению вся группа была приговорена к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 8 января 1938 года в городе Горьком»⁶.

Д. А. Марков некоторое время спустя обнаруживается вновь в г. Ветлуге, на этот раз учителем русского языка в средней школе. В июне 1938 г. его арестовали, однако в ноябре 1939 г. не только выпустили, но и дело прекратили, что означает только то, что совсем наугад брали, на всякий случай, такая уж была разнарядка.

Далее следует полоса сравнительно благополучного времени, насколько это было возможно. В 1941 г. Д. А. Марков защитил кандидатскую диссертацию по теме «Говоры среднего Поволжья» в Московском институте истории, философии и литературы. После защиты Д. А. Марков преподавал в Темниковском учительском институте, Киргизском и Орловском пединститутах, Орехово-Зуевском учительском институте, Московском Ленинском пединституте и последние годы — в Московском областном пединституте.

В 1962 г., незадолго до ухода на пенсию, он защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Лексика романа Мельникова-Печерского “В лесах”».

Автор единственной заметки, посвященной жизни и творчеству Д. А. Маркова, В. М. Молодцов познакомился с ним совершенно случайно, примерно в 1958 г., во время поездки в Москву. «Д. А. Марков приезжал в Нижний Новгород, чтобы найти издательство и на свои средства издать “Словарь ветлужских слов”, так как иным путем не мог пробить публикацию этой работы. Испытывая финансовые затруднения, он решил продать домик в г. Ветлуге. А домик его стоял на Братской площади. Он был удивительно красивый, украшенный ажурной резьбой. Приходится сожалеть, что у нас в музее нет фотографии

⁶ Щеглова А. Н. К 90-летию Ветлужского краеведческого музея. Старейший музей области. <http://www.museum.nnov.ru/unn/managfs/index.phtml?id=8009_16>.

этого дома. В 80-е годы дом снесли, сад выкорчевали, и на его месте построили безликое здание торгового центра»⁷. Одним словом, «порассохлись ведерочки», да «повылилась вода...»⁸.

Воспоминания Д. А. Маркова, одного из последних оставшихся в живых в конце 1960-х гг. выпускников МДА, обнаруживающие добрую его память, отнюдь не могли претендовать в свое время на печатание. Он и сам извиняется отчасти за некоторую их фрагментарность и небрежность: «Прошу меня извинить, что я не продумал их, даже стилистически не отработал их». Тем не менее, воспоминания достаточно литературны, их автору удалось передать самое главное — дух и настрой эпохи и постепенно погрузить читателя в своеобразный «полузабытый» мир Московской духовной академии начала XX в. Автор описывает вступительные экзамены, учебный процесс, дает характеристики своим однокурсникам и преподавателям, иногда прослеживая их дальнейшие судьбы. Очевидно, что он пишет по памяти, в которой до мельчайших подробностей запечатлелись характерные сцены из академической жизни.

В конце воспоминаний указаны место и дата их окончания: «Москва, 21 ноября 1965 г.». Очевидно, что они были написаны к 20-летию юбилею возрожденных МДАиС, торжественно отмечавшемуся в 1965/66 уч. году. Машинописный вариант воспоминаний сохранился в архиве Московской духовной академии. Воспоминания Д. А. Маркова были известны протоиереев Сергею Голубцову, который изредка ссылался на них в своих трудах. При публикации воспоминаний были опущены незначительные фрагменты, не имеющие прямого отношения к истории Академии (они обозначены <...>), а также произведена минимальная стилистическая правка.

«У меня еще была встреча с профессором С. С. Глаголевым, — пишет Д. А. Марков под конец своих воспоминаний, — в квартире моего товарища по Академии В. Н. Страхова. Сергей Сергеевич нам передал о себе, что он преподает в “железке” (это было в 1925 году) — в

⁷ Молодцов 1995. С. 95.

⁸ Марков Д. А. Частушки, собранные в Ветлужском уезде Костромской губернии // Казанский университет. Известия общества археологии, истории и этнографии. 23. Каз. 1907. Т. 23. № 1–6. С. 131.

железнодорожной школе. На прощание он мне сказал: “Желаю встретиться при лучших обстоятельствах”. Будем надеяться, что академический юбилей 2010 г. и стал теми «лучшими обстоятельствами», в силу которых стала возможна «встреча» Дмитрия Аркадьевича Маркова и описываемых им лиц с небезразличными к истории Академии нашими современниками.

* * *

1. ВСТУПЛЕНИЕ

С кем я только ни говорил из окончивших Московскую духовную академию, все отзываются о ней с большой любовью и радостью. И есть о чем вспоминать о ней. Она мила и дорога сердцу каждому ее окончившему за воспитание и образование, за Троице-Сергиевскую Лавру. Особенно близка и дорога для меня Академия, потому что мне с большим трудом досталось поступление в нее. В Академию поступали окончившие духовную семинарию по первому разряду, <поступали> по конкурсу.

Я был студентом Московского учительского института и в Академию не мог поступить. Обучаясь в институте на последнем курсе в 1903 году, я к моей великой радости прочитал в газете «Русское Слово» постановление Св. Синода о разрешении окончившим средние учебные заведения держать экзамен по богословским предметам при духовных семинариях, затем держать вступительный экзамен в Академию. Мне в одно лето и пришлось сдавать три трудных экзамена: 1) по окончании Учительского института, 2) при духовной семинарии по богословским предметам⁹, 3) приемные экзамены при Духовной академии. Самый трудный из этих экзаменов — приемный экзамен в Академию.

⁹ В списке выпускников указано, что Д. А. Марков поступил в Академию волонтером Московского учительского института с припиской: Холмская семинария (Списки студентов 1914. С. 139). Поскольку данная Семинария находилась в Холмской епархии (Польша), приоткрывается еще одна неизвестная страница из жизни автора — пребывание в Польше в рабочей командировке или специальная поездка в Холмскую семинарию, процедура экзаменов в которой могла носить более упрощенный характер.

2. ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В АКАДЕМИЮ

2.1. Письменные экзамены

Приемные экзамены в Академию назначались в 1903 году с половины августа и разделялись на письменные и устные. Письменные — по философии, тема «Можно ли понятие искренности возводить в безусловное требование» (проф. А. И. Введенский¹⁰). Накануне экзамены, поступающие, готовились по учебнику философии Кудрявцева¹¹. Преосвященный ректор Академии еп. Арсений¹² в академическом садике спросил меня, что я читаю. Ректор сказал мне, что тема будет светского характера. Второй письменный экзамен у нас был по нравственному богословию, тема «Евангелие как основа жизни», сочинение на эту тему нам было довольно легко писать, потому что перед экзаменами была в продаже книжечка свящ. Григория Петрова¹³. Тему

¹⁰ См. о нем ниже примеч. 87.

¹¹ Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов (1828—1891). Религиозный философ. Родился в семье полкового священника. Разъезжая с родителями по стране, сменил много учебных заведений, учился в Варшавском духовном училище, Волынской, Могилевской и Черниговской духовных семинариях. В 1848 г. поступил в Московскую духовную академию. За успешную учебу был удостоен именной стипендии митрополита Платона, в связи с чем получил право носить почетную фамилию Платонов. Окончив Академию, остался преподавать на кафедре философии метафизику, историю древней и новой философии. В 1873 г. защитил докторскую диссертацию «Религия, ее сущность и происхождение». Виктор Дмитриевич скончался в 1891 г. вскоре после своей супруги Капитолины Васильевны. Из текста видно, что А. И. Введенский, став преемником В. Д. Кудрявцева-Платонова, продолжал преподавать во многом с ориентацией на его лекции.

¹² Вступительные экзамены в Академию, описанные Марковым, были последними в период ректорства еп. Арсения. В том же 1903 г. он переведен на самостоятельную Псковскую кафедру.

¹³ Григорий Спиридонович Петров (1866—1925). Родился 26 января (6 февраля) в г. Ямбурге Санкт-Петербургской губернии. Учился в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1891 г. рукоположен во священника. Профессор богословия Политехнического института и участник Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. С 1906 г. занимается бурной общественной деятельностью. Умер в эмиграции. Книга о Григория, название которой точно совпадало с заявленной на экзамене темой по нравственному богословию, пользовалась большой популярностью и неоднократно переиздавалась. В 1903 г. вышло уже 14-е издание (*Петров Г. С., иер.* Евангелие как основа жизни. СПб., ¹⁴1903. 126 с.).

давал проф. Тареев¹⁴. Третьим экзаменационным сочинением была проповедь на текст «Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается». Во время проповеди можно было перед собой держать Новый Завет, но мы, экзаменующиеся, встали в тупик: никто из нас не знал цитаты текста. Тема дана была профессором инспектором архимандритом Евдокимом¹⁵. Когда он проходил мимо меня, я спросил цитату, и я получил ответ на ухо: Рим. 14, 22. Все воспрянули духом и стали писать проповедь. Вот и все письменные экзамены. Я написал сочинения на тройки с плюсом. Вспоминаю маленькую подробность: во время проповеди, когда наблюдал за нами помощник инспектора Дмитрий Кузьмич¹⁶ (фамилию не помню), после того, когда я сходил «ради тоя малыя нужды», Д<митрий> К<узьмич>, отдавая мне черновик проповеди, шепнул, что такое-то выражение неподходяще для проповеди, и я исправил. После обедни, когда мы прикладывались к кресту, о. инспектор тихо говорил нам отметки за сочинения. Мы удивлялись изумительной его памяти. Так закончили мы письменные испытания. Переходим к устным экзаменам.

2.2. Устные экзамены

Устные приемные испытания производились: 1) по догматическому богословию, 2) по Священному Писанию Нового Завета, 3) по церковной истории всеобщей, русской, истории западных исповеданий¹⁷. По догматическому богословию экзаменовал проф. Беляев¹⁸.

¹⁴ См. о нем ниже, примеч. 101–103.

¹⁵ В этом же году Евдоким (Межерский) стал ректором МДА. См. о нем ниже воспоминания Маркова, который имел опыт общения с ним не только в период учебы, но и значительно позже во времена революционной смуты.

¹⁶ Дмитрий Кузьмич Чистилин (род. 13 мая 1877 г.), сын мещанина из г. Путивля Курской губернии. Выпускник МДА 1901 г., с 1902 по 1907 г. — помощник инспектора МДА, затем инспектор Могилевской и Кишиневской (с 31.07.1910) ДС, а с 16 октября 1910 г. — инспектор народных училищ Петроковской губернии (Польша).

¹⁷ Для каждой из названных церковно-исторических дисциплин назначался отдельный экзамен, см. об этом ниже.

¹⁸ Александр Дмитриевич Беляев (23 июля 1849 г. — 2 февраля 1920 г.). Про-

По Священному Писанию Нового Завета — проф. М. Д. Муретов¹⁹, по всеобщей церковной истории — проф. Спасский²⁰, по русской — ректор еп. Арсений, по истории западных исповеданий — проф. В. А. Соколов²¹. Спасскому я отвечал плохо. Спрашивал он всех очень серьезно и требовательно. Ректор спросил меня об ереси жидовствующих и хлебопоклоннической ереси. По общей церковной истории общий балл мне был поставлен два с половиной, по догматическому богословию — пять, по Священному Писанию Нового Завета — четыре.

Экзамены закончились благополучно для всех и для меня. Все экзаменуемые были приняты в Академию в количестве 50 человек (точно не помню). Все мы радовались и поздравляли друг друга. 30 человек были приняты на казенные стипендии, а остальные — на частные. Я переведен был на казенную стипендию на втором курсе. Отец инспектор поймал меня в столовой, поздравил с поступлением в Академию, добавил, что с меня нужно взять взятку. «Неужели и в Академии взятки берут?» — спросил я. «Нам Бог укажет, какую взятку с вас взять», — получил я в ответ. (Это намек на монашество)²².

фессор МДА, преподавал догматическое богословие с 1876 по 1911 г. Подробнее см. ниже, примеч. 92.

¹⁹ Митрофан Дмитриевич Муретов (1851—1917). Родился в семье священника Рязанской губернии, выпускник Рязанской ДС. 1-й магистрант Богословского отделения 32 курса (1873—1877). По окончании Академии преподавал в Вифанской семинарии. С 1878 — в МДА на кафедре Священного Писания Нового Завета. Магистерская диссертация: Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885. Доктор богословия. Подробнее см.: Голубцов 1999. С. 62—64; Голубцов 2002. Кн. 2. С. 176—217.

²⁰ Анатолий Алексеевич Спасский (Сотерский) (9 марта 1866 г. — 8 августа 1916 г.), профессор МДА. Марков оставил о Спасском краткие, но весьма уважительные воспоминания. См. ниже, примеч. 98.

²¹ Василий Александрович Соколов (17 августа 1851 г. — 20 декабря 1918 г.). См. о нем ниже, примеч. 100.

²² Имеется в виду вышеупомянутый архимандрит Евдоким. Архим. Иосиф (Петровых) (1872—1937), впоследствии митрополит, стал следующим инспектором МДА (1903—1906). В 1981 г. прославлен РПЦЗ. См. ниже публикацию, подготовленную игум. Лукой (Головковым), «Собор святых Московской духовной академии: материалы к истории создания нового иконописного образа» (С. 1066, особ. примеч. 7).

3. <МОИ ОДНОКУРСНИКИ>

После приемных экзаменов нам предложили записаться на одно из двух отделений: словесное или историческое. Я записался на словесное отделение. Перед началом лекции был отслужен молебен у раки преподобного Сергия, а потом молебен в академическом храме с речью Ректора.

Начались лекции. Радостная, торжественная минута. Но прежде чем говорить об этом, назову своих товарищей по курсу²³.

1. Марков Д. А. (автор этих воспоминаний)²⁴.

2. Знаменский Сергей Павлович²⁵. Оставлен при Академии по кафедре Латинского языка. Окончил курс Академии первым. Впоследствии устроен был мною преподавателем Саратовского учительского института.

3. Троицкий Сергей Семенович²⁶. По окончании Академии сразу назначен был преподавателем 1-й Тифлисской гимназии. Был убит учеником гимназии.

²³ Далее следует перечень выпускников 62 курса МДА (1903–1907). Он сверен с книгой: Списки студентов 1914. С. 138–140. Похоже, что автор ею не располагал.

²⁴ Дмитрий Аркадьевич Марков (род. в 1879 г.), волонтер из Московского учительского института. 32-й кандидат курса. Подробнее о Д. М. Маркове см. во вступительной статье к публикации.

²⁵ Сергей Павлович Знаменский (родился 19 ноября 1882), прислан Пензенской семинарией, сын ее преподавателя. 3-й магистрант курса. Оставлен при Академии сверхштатным профессорским стипендиатом. Преподавал латинский язык в МДА (1908–1911). 1 сентября 1911 г. уволен за штат из-за закрытия кафедры латинского языка. Сохранились воспоминания С. Н. Постникова о его поступлении в МДА в 1910 г.: «26 августа экзамен по латинскому языку, профессор — Сергей Павлович Знаменский. По латыни я ничего не ответил и получил 2,5. Латинский, греческий и прочие языки всегда были моим несчастьем» (Встреча 1997. 2 (5). С. 19). С 1 ноября 1913 г. преподаватель русского языка в Саратовском учительском институте, после закрытия которого работал в школе. См.: Голубцов 1999. С. 43–44; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 395–400. О преподавании классических языков в МДА см. выше статью игум. Дионисия (Шленова) «Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах», где сказано и о дореволюционной эпохе (С. 548–622, особ. 562–580).

²⁶ Сергей Семенович Троицкий (8 августа 1881 — 2 ноября 1910 г.), волонтер из Костромской семинарии, 9-й магистрант курса. Дружил со священником Павлом Флоренским, с которым вместе создали библиотеку в селе Толпыгино Нерехтского уезда

4. Троицкий Петр Семенович²⁷, брат Сергея Семеновича. По окончании Академии служил в Костромском епархиальном училище, я хотел его устроить преподавателем Саратовского учительского института, но он сам отказался от этого предложения и поступил инспектором народных училищ.

5. Недумов Виктор²⁸. Я хотел его устроить преподавателем Свислоческой учительской семинарии, но он оттуда сбежал. Местечко Свислочь ему не понравилось, он его называл «Сволочь». Кажется, он устроился в Черниговской духовной семинарии.

6. Соболев Христофор Павлович²⁹. Он ездил на театр военных действий во время Японской войны.

7. Яковлев Иван Иванович³⁰. Он и Соболев — оба из Новгородской духовной семинарии, грубоваты, не отвращались «от чаши питья

Костромской губернии — на родине С. С. Троицкого. Трагическая смерть С. С. Троицкого произошла 2 октября 1910 г. См. о нем: Сборник, посвященный памяти Сергея Семеновича Троицкого: († 2-го окт. 1910 г.). Тифлис, 1912. 150 с., где был опубликован ряд материалов: *Зурабова Н.* Памяти безвременно и безвинно погибшего Сергея Семеновича Троицкого: (Мысли и впечатления одной матери) (С. 1—10); *Троицкий П. С.* Памяти моего дорогого брата Сергея Семеновича Троицкого: (Биогр. очерк) (С. 11—18); *Ильинский В.* Христианская кончина: (Посвящается памяти моего Друга и брата по духу С. С. Троицкого, убитого в г. Тифлисе 2 нояб. 1910 г.) (С. 49—64); *Хренов А. К.* Воспоминания о С. С. Троицком крестьянина Хренова (С. 71—87); *Anthemis.* Другу по «Икару» Сергею Троицкому (С. 133—137; автор указан в конце текста); *Гаибов И., Гамкрелидзе С.* Памяти незабвенного учителя (С. 143—145).

²⁷ Петр Семенович Троицкий (1883—1952), волонтер из Костромской семинарии, 7-й магистрант курса. Впоследствии упоминается как краевед.

²⁸ Виктор Александрович Недумов, волонтер из Вифанской семинарии, 16-й магистрант курса.

²⁹ Христофор Павлович Соболев (23 сентября 1881 г. — 23 июля 1938 г.), из Новгородской семинарии. Родился в д. Тердомля Новгородской губернии в семье священника. На русско-японской войне выполнял мирную роль псаломщика походной церкви и брата милосердия. В связи с поездками на Дальний Восток (БВ. 1904. № 12. С. 26) закончил МДА на год позже своих сокурсников 11-м магистрантом 63 курса (в 1908 г.). Впоследствии проживал в г. Красноярске. Без определенных занятий. Арестован 30 апреля 1938. Обвинение по ст. 58—10 УК РСФСР. Приговорен 26 мая 1938 тройкой УНКВД Красноярского края к высшей мере наказания. Расстрелян 23 июля 1938 в г. Красноярске. Автор брошюры: *Соболев Х. П.* Редкое событие. Красноярск, 1916. 9 с.

³⁰ Иван Иванович Яковлев, прислан Новгородской семинарией, 29-й кандидат курса.

горького». Не надеясь написать проповедь на экзамене, говорил: «Ну хоть поедим, да и поедем домой».

8. Туберовский Александр Михайлович³¹. Симпатичнейший человек. Оставлен при Академии по кафедре догматического богословия. Защищал магистерскую диссертацию. После закрытия Академии А. М. Туберовский занял место своего отца — священника. Передаю шуточный разговор между мною и А<лександром> М<ихайловичем>: «Я вам желаю, А. М., доброго здоровья и в делах ваших — скорого и счастливого успеха». По долгом обдумывании и размышлении <он ответил>: «Я вам желаю того же самого». Его спросили: «Какое монашеское имя он взял бы при пострижении в монашество?» Он не задумываясь ответил: «Иегудиил».

9. Бех. В монашестве Стефан³². Сначала послушник Мехрищевской обители, бывший земский начальник, в монашество постригал его ректор свят. Арсений. Какова его судьба, мне неизвестно.

³¹ Александр Михайлович Туберовский (8 марта 1881 г. — 23 декабря 1937 г.). Сын священника с. Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губернии. Волонтер из Рязанской семинарии. 2-й магистрант курса. Оставлен при Академии профессорским стипендиатом. В 1917 г. защитил магистерскую диссертацию и избран э.-орд. профессором (1917) по кафедре Догматического богословия. В 1919 г. выехал на родину в с. Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губернии, где в 1922 или 1924 г. принял священство, образцово вел хозяйство, применял новейшие достижения агрономии, переписывался с И. М. Мичуриним. Служил в местном храме до своего ареста 26 сентября 1937 г. Был женат на Т. Д. Третьяковой, окончившей Московский университет, детей не было (Голубцов 1999. С. 96–97; Голубцов 2002. Кн. 4. С. 81–96).

³² Иеромонах Стефан (Валериан Стефанович Бех) (13 сентября 1872 г. — 26 марта 1933 г.). Родился 13 сентября 1872 г. в Житомире, а по другим сведениям — в Санкт-Петербурге. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1897). На основании указа Св. Синода от 26 ноября 1876 г. за № 3779 принят в августе 1897 г. в число студентов 1-го курса Академии без экзамена. В ноябре 1898 г., по переводу на 2-й курс, уволен из Академии по прошению. Земский врач Яренского уезда Вологодской губ. (с 1.7.1899), законоучитель церковно-приходской школы (с 1901 г.). В сентябре 1903 г. вновь принят в число студентов 2-го курса МДА, на котором и пробыл 2 года. 44-й кандидат курса. Пострижен в монашество (20 декабря 1903), рукоположен во иеромонаха (5 ноября 1906), окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1907), Помощник смотрителя Соликамского духовного училища (с 1908 г.), помощник смотрителя Мингрельского духовного училища (с июля 1911 г.), смотритель Бежецкого (с 1913 г.) и Каргопольского

10. Горлицын, священник о. Владимир³³. По окончании Академии был законоучителем Феодосийского учительского института, потом назначен был помощником смотрителя какого-то духовного училища.

11. Гумилевский Илья Федорович³⁴. Оставлен при Академии при кафедре гомилетики. Был священником в храме Христа Спасителя. Защитил магистерскую диссертацию. По закрытии Храма Христа Спасителя был священником на Арбате у Николая Явленного.

12. Василий Михайлович³⁵ (фамилии не помню). Внук епископа Григория Семипалатинского, потом на покое настоятеля Донского монастыря³⁶. О своем дяде Василий Михайлович рассказывал, что

(1914—1918) духовных училищ. Преподавал в Военно-морском училище (1918). Иеромонах, затем игумен, архимандрит Александро-Невской Лавры (1918—1920). Арестован в 1919 в Петрограде, вскоре освобожден. Хиротонисан во епископа Ижевского викария <ария> Сарапульской епархии (9 октября 1921). Выступил против обновленчества. Арестован в Ижевске 9 ноября 1922, постановлением комиссии НКВД по административным высылкам (от 27 декабря 1922) сослан на 3 года в Нарымский край. До 1926 г. в заключении (в 1923 г. уволен на покой). После освобождения временно управлял Вятской епархией (весна 1926). Затем жил в Ленинграде, служил в церкви Алексия человека Божия (с лета 1926), в церкви Преображения Господня при лейб-гвардии Гренадерском полку (с 21 сентября 1927). С середины 1920-х гг. принадлежал к катакомбной Церкви, был близок к иосифлянам. Считался старцем-прозорливцем. Арестован в Ленинграде в 1929 г. и по постановлению ОСО КОГПУ сослан на 3 года в Северный край. В ссылке в с. Помоздино Усть-Куломского р-на Коми-Зырянской АО. Вновь арестован 7 сентября 1932. Скончался во время следствия.

³³ Владимир Иванович Горлицын, священник, волонтер Владимирской семинарии, 39-й магистр курса.

³⁴ Илья Васильевич (а не Федорович) Гумилевский (20 июля 1881 г. — 7 декабря 1965 г.), протоиерей, прислан Московской семинарией, 6-й магистр курса, в 1913 г. магистр богословия. Э.-орд. профессор МДА по кафедре Литургики (1912—1919), священник с 1907 г. С 1914 г. служил в храме Христа Спасителя, с 1922 г. — протоиерей при церкви Лазаревского кладбища, затем — в храме Флора и Лавра на Зацепе, в 1928 г. арестован и сослан, затем — за штатом. После жил под опекой и на средства одной из верных духовных дочерей — ученого-химика — в доме по Афанасьевскому переулку в Москве, практически никуда не выходя (Голубцов 1999. С. 38—39; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 329—336).

³⁵ Василий Михайлович Петров, волонтер Уфимской семинарии, 25-й кандидат курса.

³⁶ Григорий (Полетаев Лев) (1831 — 15 июня 1914 г.), епископ Омский и Семипалатинский (1895—1900). После того, как был уволен по прошению от управления епархией, назначен членом Московской синодальной конторы и настоятелем Донской

он писал интересные резолюции, например, на прошении одного священника, который часто переходил с места на место: «Торчи, как кол. Епископ Григорий». На прошении одного архимандрита, который строил козни против епископа Григория: «Разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий». Сам Василий Михайлович был ленив и неповоротлив. «Ну что, Василий Михайлович, семестряк начали?» «Начал». «А что сделали?» «Да я ведь в мыслях начал». Когда подходила очередь на экзамене к его ответу, то его будили. Но человек он был благодушный, незлобивый.

13. Страхов Владимир Николаевич³⁷. Оставлен при Академии при кафедре Священного Писания. Кроме того, он был священником на Сретенке у Троицы на Листах. Был женат на дочери московского священника — красавице³⁸. Был сослан в Вологду³⁹.

14. Садовский⁴⁰. Из Тверской семинарии. Помню, что он знал хорошо латинский язык, поэтому он хорошо разбирался и во французском языке.

иконы Божией Матери Московского монастыря. В 1906 г. уволен на покой и жил в Новоспасском монастыре, на кладбище которого похоронен. См. о нем статью: *Заславский В. Б., Липаков Е. В.* // ПЭ 12. 2006. С. 579–580).

³⁷ Владимир Николаевич Страхов (8 июля 1883 г. — 17 февраля 1938 г.), прислан из Вифанской семинарии, 1-й магистрант курса. Оставлен при Академии профессорским стипендиатом, в 1911 г. — магистр богословия. Доцент (1911), э.-орд. профессор (1912) по 2-й кафедре Священного Писания Нового Завета. Проректор с 4 мая 1920 г., а с апреля 1922 г. ректор МДА до 1925–1928 гг. Священник московской Троицкой на Листах церкви (1917–1930) и ее настоятель, авторитетный пастырь и проповедник. Более достоверными представляются сведения о его расстреле в Ульяновске (бывшем Симбирске) 17 февраля 1938 г. (*Голубцов 1999*. С. 90–92; *Голубцов 2002*. Кн. 4. С. 1–14). Таким образом, В. Н. Страхов был, скорее всего, последним ректором подпольной Академии, о чем Марков не упоминает.

³⁸ Был женат на Ксении Владимировне Соколовой — дочери священника Рождественского монастыря. Дети: Сергей, Евгений.

³⁹ Был арестован под новый 1931 г. и оказался в ссылке в Архангельске, а затем по ходатайству его духовных детей через Е. Пешкову о. Владимир, болевший туберкулезом в третьей степени, был переведен в Ульяновск. В Вологде мог оказаться по дороге в Архангельск.

⁴⁰ По-видимому — Александр Васильевич Садилов (род. в 1882 г.), волонтер из Тверской семинарии, 19-й магистрант курса, впоследствии протоиерей.

15. Туляк⁴¹. Из Тульской семинарии. Ни фамилии, ни отчества не помню. Помню, что он был с милым лицом и красивой бородкой, любил ухаживать за девушками. Кстати сказать, что в Сергиевом Посаде была нелестная характеристика студентов Академии: аллилуйники, лампадки, кадьники, кутейники, а старых дев, дочерей священников Рождественской церкви, величали «просфорками».

16. Дмитрий Павлович⁴² (фамилии не помню). Из Костромской семинарии, любил выпить.

17. Соколов Дмитрий Федорович⁴³. Из Ярославской семинарии. Любил рассуждать, нервничать, спорить.

18. Пятикрестовский Иван Михайлович⁴⁴. «Москвич». По окончании Академии работал в Наркомпросе. Его спрашивали, почему фамилия у него Пятикрестовский, а не Четырехкрестовский, Трехкрестовский и проч.

19. Процеров — «Афанасьевич», а его звали Прохоров⁴⁵. Он про себя говорил: «Афанасьич обрежася верою». Кандидатское сочинение писал о протопопе Аввакуме В. О. Ключевскому⁴⁶. На память Авва-

⁴¹ Из Тульской семинарии был Петр Филиппович Исаев (26-й кандидат курса).

⁴² Дмитрий Павлович Павловский, волонтер из Костромской семинарии, 47-й действительный студент курса.

⁴³ Дмитрий Федорович Соколов, прислан из Ярославской семинарии, 10-й магистрант курса.

⁴⁴ Иван Михайлович Пятикрестовский, волонтер из Московской семинарии, 37-й кандидат курса. Свою фамилию Петрикрестовские получили от своего предка Стефана, первого священника в их роду. Он был крестьянином, уроженцем погоста Пяти Крестов под Коломной (на этом месте сейчас построен поселок Цемгигант). По преданию, кресты были поставлены в память пяти братьев, погибших в Куликовской битве. При поступлении в Коломенское духовное училище Степана спросили: «Чей ты? Откуда?» Он отвечал, что Яковлев, а живет в Пяти Крестах. Поскольку в тот год уже двое Яковлевых были зачислены в училище, решили назвать Степана Пятикрестовским (см.: <<http://nhram.ru/Pages/HistKrestovski.htm>>).

⁴⁵ Николай Афанасьевич Процеров, волонтер из Рязанской епархии, 31-й кандидат курса.

⁴⁶ Точная тема диссертации: «Происхождение старообрядческого раскола и его первоначальная история по воззрениям проф. Н. И. Субботина» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 356. Ед. хр. 7. 123 с.). Диссертация защищена в 1907 г., оппонентом выступил И. Громогласов (см. его отзыв в НИОР РГБ Ф. 172. К. 356. Ед. хр. 8). О В. О. Ключевском см. ниже, с. 727–731.

кума С. П. Знаменский⁴⁷ написал поздравление Афанасьевичу: «С дорогим именинником поздравляю Вас, боголюбивый Афанасьевич!» По окончании Академии Процеров работал преподавателем в Рязанском епархиальном училище.

20. Чистяков Василий Федорович⁴⁸. Будучи студентом на 4-м курсе, уже имел невесту. По окончании Академии назначен был преподавателем Коломенской мужской гимназии, как мне передавали.

21. Смирнов⁴⁹. Из Рязанской семинарии. Скромный, тихий, бесцветная личность.

22. Варжанский⁵⁰. Из Житомирской семинарии. По окончании Академии женился на дочери священника и получил место епархиального миссионера в Московской епархии.

23. Гаврилюки⁵¹. Из Житомирской семинарии. Оба низкого роста,

⁴⁷ См. о нем выше, примеч. 25.

⁴⁸ Василий Федорович Чистяков (1884–1936), прислан из Костромской семинарии, 11-й магистрант курса. Перед арестом преподавал литературу в Ярославле. Автор брошюры: Памяти старца [послушника Сергея Дмитриевича Малинина]: (По личным воспоминаниям). СП, 1914. 14 с. Оттиск из: БВ. 1914. Т. 1. № 4. С. 793–804 (3-я пагин.).

⁴⁹ Алексей Васильевич Смирнов, волонтер из Рязанской епархии, 38-й кандидат курса.

⁵⁰ Николай Георгиевич (Юрьевич) Варжанский (25 ноября 1881 г. — 5 сентября 1918 г.), волонтер из Вольнской епархии, 40-й кандидат курса. После окончания МДА стал московским епархиальным миссионером-проповедником, в 1907 г. женился на Зинаиде Неофитовне Любимовой, дочери протоиерея. С 1914 по 1915 г. служил в канцелярии Св. Синода. На Священном Соборе Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. был делопроизводителем отделов О внешней и внутренней миссии и О церковной дисциплине. Арестован на квартире протоиерея И. И. Восторгова 2 июня 1918 г. и проходил по его делу. Перед расстрелом на Николае Юрьевиче была икона Божией Матери «Взыскание погибших», на обороте которой он написал письмо жене и детям. Похоронен в Москве на Калитниковском кладбище. Автор ряда книг и брошюр антисектантской направленности, в том числе двух учебников: «Доброе исповедание: (Православ. противосектант. учеб. для катехизации народа, ред. высокопреосвященнейш<им> Антонием, архиеп. Вольнским)» (Почаев, 1910. 352 с.) и «Образец здорового учения: (Крат. учеб. по сектоведению)» (М., 1912), которые выдержали несколько переизданий.

⁵¹ В списках выпускников находим только Александра Васильевича Гаврилюка, присланного из Вольнской семинарии, 24-го кандидата курса. Из Вольнской семинарии курс МДА закончили также Петр Александрович Ляковский (в монашестве

подвижные. Оба производили впечатление Бобчинского и Добчинского.

24. Владимир Иванович Саратовец⁵². Из Саратовской семинарии. Высокого роста. По окончании Академии назначен был директором одной частной гимназии.

25. Соколов Дмитрий Иванович⁵³. Иподиакон при ректорах епископах Арсении и Евдокиме. По окончании Академии был законоучителем мужской гимназии.

26. Глаголев⁵⁴. Был склонен к монашеству.

27. Раич⁵⁵ — серб.

Памфил, принял монашеский постриг в 1907 г., впоследствии епископ и священномученик) (5 октября 1883 г. — 10 января 1936 г.) (27-й кандидат курса) и Александр Иванович Равицкий (33-й кандидат курса).

⁵² Владимир Иванович Ремезов, волонтер из Саратовской семинарии, 23-й кандидат курса. «Родился в Саратовской губ., Балашовский уезд, с. Завьялово; учитель 1-й Турковской школы. Проживал: г. Турки. Приговорен: революционным военным трибуналом 9-й армии Южного фронта 27 сентября 1919 г. к 3 годам тюрьмы, обв.: за контрреволюционную деятельность» (<<http://lists.memo.ru/d28/f81.htm>>).

⁵³ Дмитрий Иванович Соколов, волонтер из Вифанской семинарии, 17-й магистрант курса.

⁵⁴ Вячеслав Федорович Глаголев, прислан из Тульской семинарии, 8-й магистрант курса.

⁵⁵ Любомир Николаевич Раич (11 февраля 1882 г. — 14 февраля 1956 г.), серб, волонтер из Вифанской семинарии, 34-й кандидат курса. Принят в число студентов по утвержденному Его Высокопреосвященством определению Совета Академии от 29 сентября 1903 г. Впоследствии — правящий архиерей Карпаторусской автономной Православной Церкви Владимир. Родился в Сербии. Учился в России в московских духовных Семинарии и Академии. После возвращения в Сербию более 30 лет преподавал Закон Божий в школах. В 1937 году был пострижен в иночество Сербским Патриархом Варнавой. 30 октября его рукоположили в епископы. В хиротонии участвовали Сербский Патриарх Гавриил, митрополит Анастасий (Грибановский) — Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, епископы Досифей (предшественник еп. Владимира на Подкарпатской Руси, а затем замученный хорватскими усташами (прославлен в лике святых в 2002 г.)), Бачский Иринеи и Абацкии Симеон. В марте 1939 г. территория епархии была оккупирована Венгрией. Новые власти, запретив Владимиру поддерживать связь с Белградом, хотели переподчинить епархию Константинопольской Патриархии. После нападения Венгрии и Германии на Югославию Владимир 11 марта 1941 г. был арестован в Мукачево и заключен в резиденции католического епископа в г. Вац (Венгрия), а 19 июля 1941 г. выслан в Белград. После окончания второй мировой войны Мукачево вошло в состав СССР, а Прешов — в со-

28. Попович⁵⁶ — болгарин. Интересовался философией, был активным участником философского кружка.
29. Добромислов⁵⁷. Ничем особенным себя не проявил.
30. Харитонов⁵⁸. Скромный молодой человек, держал себя в стороне.
31. Пятницкий⁵⁹. Сын о. диакона церкви, что в Охотном ряду в Москве.
32. Владимирец⁶⁰. Из Владимирской семинарии. Блондин высокого роста.
33. Вишневецкий⁶¹.
34. Андреев⁶².
35. Молчаливый, неговорун (так и звали его)⁶³. Все эти люди были незаметные.

став Чехословакии. 22 октября 1945 г. Владимир присутствовал на заседании Синода РПЦ в Москве, на котором зачитал письмо председателя Синода Сербской Православной Церкви, митр. Скопленского Иосифа (Цвийовича) и выразил собственное согласие на передачу Мукачевской епархии в ведение РПЦ. Во время визита в Москву он встретился с Председателем Совета по делам религий Г. Г. Карповым для обсуждения открытия подворья СПЦ в Москве и возможности обучения сербских студентов в МДА. 20 мая 1947 г. он был избран епископом Рашско-Призренским. Похоронен в г. Призрен.

⁵⁶ Георгий Харлампиевич Поп-Харалампиев, болгарин, волонтер Самоковского богословского училища. Принят в число студентов по утвержденному Его Высокопреосвященством определению Совета Академии от 20 сентября 1903 г., 13-й магистр курса.

⁵⁷ Анатолий Алексеевич Добромислов, волонтер из Московской епархии, 42-й кандидат курса.

⁵⁸ Михаил Михайлович Харитонов, прислан из Воронежской семинарии, 49-й действительный студент курса.

⁵⁹ По-видимому, Нил Петрович Пятницкий, волонтер из Московской епархии, 29-й кандидат 61 курса (1902–1906).

⁶⁰ По-видимому, Иван Яковлевич Ключарев, волонтер из Владимирской семинарии, 28-й кандидат курса.

⁶¹ Евстафий Васильевич Вишневецкий, присланный из Могилевской епархии, 20-й магистрант курса.

⁶² По всей видимости, Владимир Яковлевич Андреев, прислан из Воронежской семинарии, 35-й действительный студент 61 курса (1902–1906).

⁶³ Личность установить невозможно.

36. Березкин⁶⁴. По окончании Академии пошел в священники.

Остальных я не помню или не знаю⁶⁵.

О всех своих товарищах я могу сказать только одно хорошее. Все они были вежливые, деликатные, трудолюбивые. Мы все друг друга называли по имени и отчеству. Правда, были редкие случаи грубости, выпивки «зелена вина».

Студенты все время были заняты хождением на лекции, писанием «семестряков», посещение лекций у нас было необязательное. Ходили на лекции только к знаменитостям: к Ключевскому, Введенскому, Глаголеву, Спасскому, Соколову В. А., Соколову П. П., Муретову и др. Студенты занимались самообразованием, много читали, библиотека у нас была хорошая, кроме академической была студенческая, выпи-

⁶⁴ Иван Михайлович Березкин, волонтер из Московской семинарии, 43-й кандидат курса. Родился 13 апреля 1882 года в с. Орлово Московского уезда Московской губернии в семье диакона. В августе 1893 г. Иван закончил одноклассную церковно-приходскую школу при Троицкой церкви в с. Фаустово Бронницкого уезда Московской губернии, в которой служил диаконом его отец. В 12 лет мальчик осиротел, и его второй семьей стала семья фаустовского священника Александра Григорьевича Зверева, настоятеля Троицкой церкви. С 1893 по 1897 г. учился в московском Донском духовном училище, с 1897 по 1903 г. — в Московской духовной семинарии, а с 1903 по 1907 г. — в Московской духовной академии, которую закончил со степенью кандидата богословия. Кандидатская работа была посвящена разбору богословских сочинений французского ученого А. Зинэ. Иван Михайлович женился на дочери о. Александра Григорьевича Зверева, Любови Александровне. 26 (29) декабря 1907 года епископом Белгородским Иоанником был рукоположен в сан иерея. О. Иоанн служил в Белгороде в Свято-Евгениевской церкви при мужской гимназии, одновременно преподавал Закон Божий в Белгородской мужской гимназии с 1 января 1908 г. и в старших классах женской гимназии. В 1918 году о. Иоанн остался без работы и без прихода. В ноябре 1925 г. приходская община вместе с о. Иоанном была причислена к Вознесенской церкви в Варсонофьевском переулке в Москве, со временем он стал ее настоятелем. Затем о. Иоанн служил в церкви Троицы в Листах, священномученика Панкратия. В 1934 г. церковь закрыли, а о. Иоанн после допросов на Лубянке был сослан в Рузу. В 1937 году, сразу после совершения Литургии, о. Иоанн был арестован. Осужден тройкой при УНКВД по Московской обл. на 10 лет, умер в лагере под Куйбышевом осенью 1942(43) г.

⁶⁵ Остаются, судя по спискам студентов, 13 человек: В. А. Семидалов, А. А. Селиванов, К. Ю. Мянд, свящ. Н. А. Часоводов, А. В. Белявский, С. А. Виноградов, П. И. Курбатов, С. П. Пономарев, Н. А. Богданов, С. П. Величкин, П. М. Владимирский, Х. Ф. Иванов, И. И. Рудаков.

сывали книги из заграницы, даже по желанию студентов. Некоторые студенты в совершенстве знали древние языки: коптский, арабский, — увлекались философией, астрономией, математикой и проч.

Все время студенты употребляли на писание семестровых сочинений — три в году. Мы их называли «семестряками». Темы давали профессора и не особенно разъясняли их, не жевали, заставляли писать самостоятельно, скупо указывали пособия. Если нужные книги находились на руках профессоров, то можно их было попросить и взять. У каждого студента находилась <полка->лестница с книгами для писания семестровых. Я писал семестровые на следующие темы: «Судьбы еврейства по разрушении Иерусалима» (по библейской истории, проф. иеромонах Иосиф⁶⁶), «Драмы Зудермана» (теория словесности и история западной литературы, проф. Городенский⁶⁷), «Взгляд Пуанкаре на отношение разума к действительности», «Введение в круг богословских наук» (проф. Глаголев⁶⁸), «Проблемы идеализма и реализма» (2 сборника, проф. Тихомиров⁶⁹), «Личность блаженного Августина по его “Исповеди”» (проф. Попов⁷⁰), «Эстетические понятия в Ветхом Завете» (проф. Мышцын⁷¹) и др. Три из этих семестров оценены — 4, три — 4 с половиной.

«Семестряки» в Академии имели большое значение, они приучали работать студентов самостоятельно, что и подготавливало их к плодотворной практической деятельности. Писание кандидатских диссертаций на 4-м курсе еще более усугубляло значение самостоятельных письмен-

⁶⁶ См. о нем ниже, примеч. 114.

⁶⁷ Николай Гаврилович Городенский (8 мая 1871 г. — 27 февраля 1936 г.). С 1896 по 1902 г. исполнял должность доцента Академии по кафедре Нравственного богословия, затем по кафедре Теории словесности и истории иностранных литератур (1902—1910), доцент с 1903 г. и э.-орд. профессор с 1905 г. В 1903 г. защитил магистерскую работу «Нравственное сознание человечества». В августе 1910 г. уволен из Академии. Преподавал на Тифлисских высших курсах, в Московском университете, а затем в Кубанском пединституте в Краснодаре (1927—1932 и 1934—1935 гг.) (Голубцов 1999. С. 34—35; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 287—311).

⁶⁸ См. о нем ниже, примеч. 91.

⁶⁹ См. о нем ниже, примеч. 127.

⁷⁰ См. о нем ниже, примеч. 105.

⁷¹ См. о нем ниже, примеч. 126.

ных работ в Академии. Лично для меня эти работы в жизни сыграли большую роль. Я написал методику истории, учебник, тетрадь для самостоятельных работ по изучению местного края, несколько статей для журналов. Написал кандидатскую и докторскую диссертацию. Спасибо сердечное тебе, родная Академия, за твое воспитание и образование!

4. ПОСТИГШЕЕ МЕНЯ ГОРЕ НА 1-М КУРСЕ АКАДЕМИИ

После трех трудных экзаменов я почувствовал себя нервно потрясенным. Не успел я порадоваться как следует, как вызывает Ректор и объявляет печальную для меня новость. Попечитель Московского учебного округа извещает, что я должен уплатить за полученное мною образование в Учительском институте 300 рублей, в противном случае я должен пойти работать учителем в городское училище. Денег у меня нет. Итак, я должен покинуть Академию. Я упал духом и слег в постель. Я хорошо подружился на первом курсе со студентом Александром Михайловичем Туберовским, который созвал сходку студентов 1-го курса, на которой постановлено было поддержать меня и помочь мне и расплатиться за полученное образование из бельевых студенческих денег по шести рублей с каждого студента. А. М. Туберовский сразу после сходки подошел к моей постели и объявил радость для меня. Деньги были внесены. В 1905—1906 годах у нас не было занятий. В это время в сергиево-посадском городском училище я был учителем, а в женской гимназии преподавал физику и космографию. У меня получились деньги, и я имел возможность расплатиться со своими товарищами. Душевно благодарю своих товарищей за оказанную ими мне помощь. Я остался в Академии и благополучно окончил ее без всяких потрясений существующих основ.

5. О ПРОФЕССОРАХ АКАДЕМИИ

С величайшей благодарностью я вспоминаю профессоров Академии. Это были старшие, лучшие наши товарищи. Мы их уважали, люби-

ли. Они называли нас по именам и по отчеству, читали лекции, давали дружеские советы во время писания сочинений, приглашали к себе на собеседования.

Приступаем к воспоминаниям о профессорах.

Вспомним сначала о В. О. Ключевском, А. И. Введенском, С. С. Глаголеве, А. А. Спасском, В. А. Соколове, П. П. Соколове.

1. Василий Осипович Ключевский⁷². Это гордость, душа, краса Академии. Он учился в Пензенской духовной семинарии. По окончании 4-го класса задумал поступить в университет. Начальство семинарии чинило ему препятствия в этом, но Пензенский епископ не стеснял его. Дядя Ключевского пред отъездом спросил его: «Ну, на что ты поедешь?» Юноша ответил ему: «С верой в Бога и с надеждой на Вас». Дядя помог ему. Ключевский благополучно поступил в университет. Сначала он терпел большую нужду, перебивался частными уроками. После защиты магистерской диссертации (о древнерусских житиях святых) он был назначен доцентом Московской Духовной Академии. Мы подчеркиваем, что карьера Ключевского началась в нашей Академии, а потом уже он был назначен и в университет.

В Академии В<асилия> О<сиповича> любили студенты и профессора. Он был несравненный профессор. В аудиторию он входил быстро, вернее, вбегал в нее и быстро приближался к кафедре. Он производил впечатление сельского дьячка. Садился на кафедру. Прядь его волос на голове постоянно ниспадала, и ее то и дело приходилось поправлять. Эта прядь покрывала шрам на лбу профессора. Нередко он «шмыгал» носом, так и хотелось ему подать носовой платок. Он читал по записям, напечатанным на машинке. Начинал лекцию обычно так: «В прошлый раз мы...» Он был заика, но незаметно скрадывал заикание. Читал он так увлекательно при слабоватом голосе, что заставлял переживать то, о чем он читал, заставлял плакать, смеяться, горевать.

Василий Осипович был творец художественных исторических ха-

⁷² Василий Осипович Ключевский (16 января 1841 г. — 12 мая 1911 г.), выдающийся русский историк. Заслуженный (1897) ординарный (1882) профессор (1879) по кафедре Русской гражданской истории (1871–1906) (Голубцов 1999. С. 52–54). Далее указаны прототипы его высказываний, приведенных по памяти, в случае их нахождения.

рактистик великорусского племени, Андрея Боголюбского, царя Ивана Грозного, Бориса Годунова, царей Михаила, Алексея, Петра, Елизаветы, Екатерины и др.

Характеризуя великорусское племя, историк не забыл упомянуть нарядную, первостатейную купеческую бороду лопатой, не забыл и великорусский нос, покоящийся на широком основании⁷³.

На лекции об Иване Грозном приходили не только студенты, но и профессора. Замечательны были отдельные выражения и афоризмы Василия Осиповича об Иване Грозном: «От земли отрекшийся и с землей боровшийся»⁷⁴. Когда царь Иван переселился в Александровскую слободу, то говорил о себе приbedниваясь: «Скитаюсь по странам, где Бог укажет»⁷⁵. А сыну своему Феодору говорил: «Феденка, тебе не царем быть, а пономарем»⁷⁶. В минуты тяжелых нравственных и физических переживаний и тоски жаловался: «Тело болезнует, дух изнемог, раны душевные и телесные умножались, и нет врача, который бы меня исцелил». Бедный страдалец, царственный мученик. А что это значит, что этот мученик заставлял мучиться и страдать крестьян, переселяя их в студеную зимнюю пору из Московской области в Новгородскую, а из Новгородской — в Московскую!⁷⁷

⁷³ «Типичский великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния» (*Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М., 1987. С. 299*).

⁷⁴ «Современники прозвали опричнину “тьмой кроменной”, говорили о ней: “... яко ночь, темна”. Это был какой-то орден отшельников, подобно инокам от земли отрекшихся и с землей боровшихся, как иноки борются с соблазнами мира» (*Ключевский 1988. Т. 2. С. 169*). Это было сказано все же не об Иване Грозном, а об опричниках.

⁷⁵ «И вот царь, гласила грамота, “от великой жалости сердца”, не стерпев всех этих измен, покинул свое царство и пошел поселиться где-нибудь, где ему Бог укажет» (*Ключевский 1988. Т. 2. С. 164*).

⁷⁶ Похоже, что у В. О. Ключевского в опубликованных текстах нет этих слов. Однако сами они были достаточно распространены. См., напр.: «Недаром ходили слухи, что царь, жалея о старшем сыне, говаривал иногда Феодору: “Пономарем бы тебе родиться, Федя, а не царевичем!”» (*Толстой А. К. Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1902. С. 347*).

⁷⁷ «Кажется, ничего не могло быть формальнее и бездушнее духовной грамоты древнего московского великого князя с ее мелочным распорядком движимого и недвижимого имущества между наследниками. Эту духовную он начинает возвышенными богослов-

В<асилий> О<сипович> повторяет слова, хорошо идущие к месту, приводимые летописцем об обители преподобного Сергия: «Сначала в обители преподобного Сергия все было худостно, нищенско, сиротинско»⁷⁸.

В<асилий> О<сипович> повторяет слова летописца о Борисе Годунове, что он был «бескнижен-безграмотен». Едва ли это так. Вероятно, «бескнижен» надо понимать, что Борис мало разумел силу Священного Писания⁷⁹.

О царе Алексее В<асилий> О<сипович> говорит, что царь употреблял в своем лексиконе ту русскую, изысканную, художественную брань, которою награждает незлопамятное русское добродушие⁸⁰.

Продолжаем высказывания В<асилия> О<сиповича>.

В царствование императрицы Екатерины Второй было больше пролито вина, чем крови.

скими размышлениями и продолжает такими задушевными словами: “Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня, ждал я, кто бы восскорбел со мной, и не явилось никого, утешающих я не нашел, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь”. Бедный страдалец, царственный мученик — подумаешь, читая эти жалобно-скорбные строки, а этот страдалец года за два до того, ничего не расследовав, так, зря, бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город с целой областью (Новгород), как никогда не громили никакого русского города татары» (Ключевский 1988. Т. 2. С. 180). Слова В. О. Ключевского в изложении Д. А. Маркова завершаются свободным поясняющим рассказом, свидетельствующим о том, что цитирование производится по памяти.

⁷⁸ «Как выразился разочарованно один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного величественного игумена, “все худостно, все нищетно, все сиротинско”; в самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли пальми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братии столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной раске игумена; чего ни хватись, всего нет, по выражению жизнеописателя; случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба» (Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1991. С. 70).

⁷⁹ «Хотя и замечали с удивлением, что это был первый в России бескнижный государь, “грамотичного учения не сведый до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе”» (Ключевский 1988. Т. 3. С. 22, 23).

⁸⁰ «Алексей был мастер браниться тою изысканною бранью, какой умеет браниться только негодующее и незлопамятное русское добродушие» (Ключевский 1988. Т. 3. М., 1988. С. 305).

Завет жизни по В. О. Ключевскому: «Жить значит любить ближнего, т. е. помогать ему жить, больше ничего не значит жить, и больше не для чего жить»⁸¹.

О молодежи В<асилий> О<сипович> говорил: «Нам нет нужды опасаться, что жизненный путь наших детей по выходе из школы будет скудно усыпан печалью. У нашей молодежи того и другого пола много сердца, а было бы сердце, печали найдутся»⁸².

В. О. <Ключевский> приезжал из Москвы в Академию по понедельникам на две последние лекции, по вторникам читал две первые лекции и уезжал в Москву. Супруга его⁸³ давала ему на дорогу и на питание 1 рубль денег, но и те он пропивал на сергиево-посадском вокзале, как говорит предание, с Ильёй Громогласовым⁸⁴ (читал историю русского раскола). В деньгах В<асилий> О<сипович> не нуждался. Он был желанным гостем в монастырской гостинице и у профессоров, у них была установлена очередь, когда В<асилий> О<сипович> к ним должен прийти в гости.

Однажды случилось прийти в гости В<асилию> О<сиповичу Ключевскому> к многочадному профессору Александру Павловичу Голубцову⁸⁵. При входе в гостиную В. О. заявил, чтобы на стол не накрывать. По истечении некоторого времени хозяева стали накрывать на рояль. «Это что вы делаете?» — «Вы просили нас, чтобы мы не накрывали на стол, поэтому мы накрываем на рояль». И обычным образом было устроено угощение. А В<асилий> О<сипович> спросил Александра Павловича: «А я знаю, о чем Вы думаете? Помните, на экзамене по русской истории я поставил вам минус к 5. Вот Вы о нем и думаете».

В<асилий> О<сипович> любил Академию, любил Сергиев Посад, прогулки в Посаде. Приблизившись к шлагбауму, он сказал: «Что, унизиться или не унижаться?» Катаясь с горы, один раз ребята сшибли

⁸¹ Ключевский В. О. *Добрые люди древней Руси*. СПб, 1902. С. 20.

⁸² Ключевский В. О. *Два воспитания // Русская мысль*. 1893. № 3. С. 85, 99.

⁸³ Анисия Михайловна Ключевская (Бородина) (1837 — 21 марта 1909 г.), жена Ключевского, скоропостижно скончалась на ступеньках храма Христа Спасителя.

⁸⁴ См. о нем ниже, примеч. 123.

⁸⁵ См. о нем ниже, примеч. 121.

его с горы, и ему это очень понравилось. На масленице В<асилий> О<сипович> катался на карусели и доставал шилом кольцо.

«А что ваш сын делает?» — спрашивают <у> В<асилия> О<сиповича>. «На велосипеде катается. Он ведь у меня пустоцвет»⁸⁶.

В<асилий> О<сипович> любил беседовать с одним монахом, который сообщал, что когда он был светским, то пользовался большим успехом у женщин. В<асилий> О<сипович> заметил, что на его лице (лицо, побитое оспой) и до сих пор сохранились признаки былой красоты.

2. Профессор Алексей Иванович Введенский⁸⁷. Он пользовался большим успехом среди студентов. Его аудитория всегда была полна слушателями. Читал он очень хорошо метафизику. Его фигура была внушительная, привлекательная. Он был сотрудник «Московских ведомостей»⁸⁸. К нему обращался с просьбой о напечатании моей работы «Экскурсия студентов Московской Духовной Академии на Ближний Восток». Работа была напечатана в журнале «Душеполезное чтение» за 1907–1908 гг.⁸⁹ и издана отдельной книгой, 111 стр. А<лексей> И<ванович> разрешал проблемы вечности и неустанно вспоминал цену ценного⁹⁰.

⁸⁶ Борис Васильевич Ключевский (1869–1944). По указанию протоиерей. Сергия Голубцова, был репрессирован (Голубцов 1999. С. 53).

⁸⁷ Алексей Иванович Введенский (псевдоним: А. Басаргин; 14 мая 1861 г. — 23 февраля 1913 г.). В 1887 г. Советом Московской духовной академии был избран на кафедру Истории философии. В качестве магистерской диссертации представил работу на тему «Вера в Бога, ее происхождение и основание. Положительное решение вопроса в связи с историко-критическим изучением» (М., 1891), а докторской — на тему «Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий. Т. 1. Основные вопросы философской истории естественных религий. Религии Индии» (М., 1902). В 1892 г. по решению Совета Академии занял вакантную после смерти В. Д. Кудрявцева-Платонова кафедру Метафизики и логики (1892–1913), которая с 1910 г. стала именоваться кафедрой Систематической философии и логики (Голубцов 1999. С. 22–24; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 1. С. 135–150).

⁸⁸ Постоянный сотрудник «Московских ведомостей» с 1892 г.

⁸⁹ Марков обращался к А. И. Введенскому как к редактору «Душеполезного чтения», в данной должности он состоял с 1902 по 1907 г.

⁹⁰ Ср.: Мф. 27, 9. Очевидный намек на его особую любовь к философии.

3. Профессор Сергей Сергеевич Глаголев⁹¹. Читал «Введение в круг богословских наук», читал очень хорошо, студенты уважали его, с удовольствием посещали его лекции. Лекции его были серьезны, напечатаны на машинке, насыщены сведениями по математике, биологии, этнографии. <...>

4. Профессор Беляев⁹². Читал догматическое богословие. Его магистерская диссертация («Любовь божественная»)⁹³ и докторская («О неверии и безбожии»)⁹⁴ считались выдающимися. Носил парик.

5. Профессор Павел Петрович Соколов⁹⁵. Читал хорошо психоло-

⁹¹ Сергей Сергеевич Глаголев (9 октября 1865 г. — 2 октября 1937 г.), ординарный профессор Академии по кафедре Введение в круг богословских наук (1892—1919), с 1910 г. именованной кафедрой Основного богословия. 5 июня 1937 г. арестован в Вологде и расстрелян (*Голубцов 1999*. С. 30—31; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 2. С. 215—255).

⁹² Александр Дмитриевич Беляев (23 июля 1849 г. — 2 февраля 1920 г.), заслуженный (1901) ординарный (1891) профессор (1893) по кафедре Догматического богословия (1876—1911). С 1899 г. — доктор богословия. Председатель Братства прп. Сергия (1907—1911). Помимо двух диссертаций его главные печатные труды: «Биографический очерк ректора Московской духовной академии протоиерея Александра Васильевича Горского» (1876); «Современное состояние вопроса о значении расовых особенностей семитов, хамитов и афетитов для религиозного развития этих групп народов» (М., 1881); «Очерки современной умственной жизни» (Харьков, 1889); «Характеристика археологии» (ВиР. 1889. № 16. С. 162—195; № 18. С. 247—280; № 21. С. 407—424); «О покое воскресного дня» (Харьков, 1891); «Истинное христианство и гуманизм. По поводу воззрений на христианство графа Л. Н. Толстого и Вл. С. Соловьева» (СП, 1893); «О соединении церквей. Разбор энциклики папы Льва XIII от 20 июня 1894 г.» (СП, 1897); «Буры и кальвинизм» (ТСЛ, 1901) (*Голубцов 1999*. С. 17—18; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 1. С. 80—115). См. ниже публикацию: Предпоследний учебный год 1910/11 проф. МДА А. Д. Беляева: конспект лекций по догматике на 4-м академическом курсе. С. 766—793.

⁹³ *Беляев А. Д.* Любовь божественная: Опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной. М., 1884. 417 с.

⁹⁴ Название указано по памяти. См.: *Беляев А. Д.* О безбожии и Антихристе. Т. 1: Подготовка, признаки и время пришествия Антихриста. СП, 1898. XXXII, 1034, II с. (О безбожии и антихристе: в 2-х ч. Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь, 1996).

⁹⁵ Павел Петрович Соколов (21 ноября 1863 г. — 1 декабря 1923 г.), э.-орд. (1906) заслуженный (1914) профессор по кафедре Психологии (1889—1919), лектор французского языка (1896—1906). С 1919 г. преподавал в МГУ (*Голубцов 1999*. С. 86—87; *Голубцов 2002*. Кн. 3. С. 139—148).

гию. Студенты посещали его лекции с удовольствием, читал серьезно с применением новых методов и аппаратуры. Под его руководством с французского языка переведена была на русский язык психология Фонсегрива⁹⁶. Продвижению его вперед мешала ему какая-то неприятность. П<авел> П<етрович> преподавал французский язык. В журнале «Психология и философия» была напечатана его статья «Вера (психологический этюд)». Потом эта статья вышла отдельной книгой в 120 страниц⁹⁷. Когда Академии разрешено было давать ученые степени, тогда эта книга была поставлена на защиту магистерской диссертации, и П. П. получил магистра. Книга называлась в быту Академии «Верочка», а самого автора называли «Поль». Он был иногда довольно ядовитый. Однажды на его лекции двое студентов разговаривали, П. П. обращается к ним: «Простите, может быть, я вам мешаю?» — «Нет, ничего, ничего». П. П. имел нехорошую привычку растопыривать перед собой носовой платок и плевать в него, как в мишень. (Это во время лекции.)

6. Профессор Спасский⁹⁸. Читал всеобщую церковную историю. Читал очень хорошо в отношении содержания и стиля. Это был выдающийся профессор в Академии как ученый и профессор, лектор. Его докторская диссертация о первом Вселенском Соборе⁹⁹ — вы-

⁹⁶ Жорж Фонсегрив (1852–1917), профессор философии в Лицее Бюффона. Приводим полные библиографические данные книги: *Фонсегрив Ж. Элементы психологии* / Пер. с 3-го французского издания студентов Московской духовной академии под ред., с изм. и доп. П. П. Соколова. СПб, 1900. [2], XIV, 351 с. Данная книга выдержала по крайней мере два переиздания (²1903. [2], XVI, 376 с.; ³1906. XVI, 384 с.).

⁹⁷ *Соколов П. П. Вера: Психологический этюд*. М., 1902. 120, [1] с.

⁹⁸ Анатолий Алексеевич Спасский (10 марта 1866 г. — 8 августа 1916 г.). Род. в селе Поддубенском Вологодской губернии. Выпускник МДА 1890 г., после чего преподавал в Каменец-Подольской ДС. С 1893 г. перешел в МДА на должность приват-доцента по кафедре Новой гражданской истории (1893–1895). Защитил магистерскую диссертацию на тему «Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского» (СП, 1895; переизд.: СПб., 2005). Ординарный (1907) профессор по кафедре Истории древней Церкви (1895–1915), редактор «Богословского вестника» (1898–1903) (*Голубцов 1999*. С. 89–90; *Голубцов 2002*. Кн. 3. С. 179–186).

⁹⁹ Более точная тема докторской диссертации А. А. Спасского: «История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1: Тринитарный вопрос: (История учения о Св. Троице)» (СП, 1914. [4], 648, II с. (М., ¹⁹⁹⁵)).

дающееся событие в научном мире. Лекции его были безукоризненны, серьезны, стилистически обработаны, увлекательны. Студенты к нему относились с большим уважением, но боялись его, он был строг и взыскателен. В Академию он поступил из Вологодской духовной семинарии. Припоминаю его обращение к студентам на первой лекции: «Милостивые государи и преподобные отцы!» (Вероятно, не без иронии).

7. Профессор Василий Александрович Соколов¹⁰⁰. Читал историю западных исповеданий, читал очень хорошо. Большой знаток своего предмета, знал хорошо английский язык. Когда приезжали в Академию англичане-богословы, то он был прекрасным переводчиком. Он производил впечатление европейски образованного человека. О студентах он говорил Ректору так: «Сами возраст имут и глаголют». Он был отменно вежлив и деликатен. Его несправедливо называли «водолеем».

8. Профессор Тареев¹⁰¹. Читал нравственное богословие. Как ученый и профессор был выдающийся, был на подозрении¹⁰². К студентам он был строг. На экзамен он нам давал свою книгу «Цель и смысл жизни»¹⁰³. Боже сохрани, если кто из студентов будет отвечать по

¹⁰⁰ Василий Александрович Соколов (17 августа 1851 г. — 20 декабря 1918 г.). Окончил Московскую семинарию (1874). С 1881 г. преподавал в МДА, ординарный (1898) заслуженный (1900) профессор по кафедре Истории и разбора западных исповеданий (1893—1904). Защитил магистерскую диссертацию «Реформация в Англии» (1881), затем докторскую «Иерархия англиканской Епископальной церкви» (СП, 1897). Редактор журнала «Богословский вестник» (1893—1898). После выхода в отставку жил в Москве и работал инспектором учебных заведений по Ведомству Марии Федоровны (Голубцов 1999. С. 85—86; Голубцов 2002. Кн. 3. С. 123—138).

¹⁰¹ Михаил Михайлович Тареев (7 ноября 1867 г. — от 20 мая до 4 июня 1934 г.), ординарный (1905) профессор по кафедре Нравственного богословия (1902—1919). Редактор «Богословского вестника» (1917—1918). В 1919—1923 гг. преподавал педагогику в Военно-электротехнической академии в Сергиевом Посаде, а до 1927 г. вел педагогику в Педагогическом техникуме. Скончался от ракового заболевания кишечника (Голубцов 1999. С. 92—93; Голубцов 2002. Кн. 4. С. 15—62).

¹⁰² Скорее всего, имеются в виду либеральные воззрения М. М. Тареева в области догматики. Подробнее см. выше статью М. С. Иванова «Природа богословской науки по трудам священномученика Илариона (Троицкого)». С. 347.

¹⁰³ Данная книга была издана годом ранее и, судя по воспоминаниям, имела в глазах М. М. Тареева большую ценность: Тареев М. М. *Цель и смысл жизни*. М., 1902. [2], 148 с. Оттиск из: Вера и Церковь. 1901. В 1903 г. книга была переиздана в Сергиевом Посаде (СП, 1903. 159 с.).

другой книге, больше тройки не поставит. В советское время он читал педагогику на педкурсах и составил учебник с марксистской точки зрения. Его сын — знаменитый московский хирург¹⁰⁴.

9. Иван Васильевич Попов¹⁰⁵. Профессор патологии — пользовался большим авторитетом и уважением как профессор и ученый. Лекции читал скучновато, слишком по-ученому. Имел солидные печатные труды, особенно из них выделяется труд «Личность блаженного Августина»¹⁰⁶. Как человек Иван Васильевич был очень хороший. Однажды он пригласил несколько студентов к себе. Принял он нас очень просто в русской рубашке, подпоясанной поясом. Пили чай без конца. Шутили, остряли, смеялись и еле-еле расстались. Записи его лекций были слишком серьезны для нас. В советское <время> он приглашен был в Московский университет профессором. В конце концов он был сослан.

До сих пор мы называли самых выдающихся профессоров Академии. Теперь перейдем к профессорам среднего достоинства, как их представляли студенты.

10. Ректор Академии, епископ Арсений¹⁰⁷. Доктор церковной истории. Назначен из ректоров Новгородской духовной семинарии, читал

¹⁰⁴ Евгений Михайлович Тареев (1895–1986), советский терапевт, член Академии медицинских наук (1948), Герой Социалистического Труда (1965), лауреат Ленинской премии (1974) и Государственных премий СССР (1946, 1983), заслуженный деятель науки РСФСР (1948).

¹⁰⁵ Иван Васильевич Попов (17 января 1867 г. — 8 февраля 1937 г.), профессор (1898) по 1-ой кафедре Патологии (1893–1924), редактор журнала «Богословский вестник» (1903–1906). Арестован в 1924 г., когда собирал сведения о репрессированных епископах, и 1925–1927 гг. провел на Соловках. 9 октября 1937 г. арестован в с. Игнатово Пировского района Красноярского края и расстрелян. Прославлен в сонме новомучеников Российских (Голубцов 1999. С. 71–74; Голубцов 2002. Кн. 3. С. 1–27). См. ниже публикацию, подготовленную игум. Лукой (Головковым), «Собор святых Московской духовной академии: материалы к истории создания нового иконописного образа». № 64 (С. 1083).

¹⁰⁶ Попов И. В. Личность и учение блаженного Августина. Т. 1: Ч. 1. Личность блаженного Августина. Ч. 2. Гносеология и онтология блаженного Августина. СПб, 1916 (перизд.: Попов И. В. Труды по патологии. Т. 2. Личность и учение блаженного Августина. СТСА, 2005).

¹⁰⁷ Арсений (Стадницкий) (1862–1936), митрополит Ташкентский. В миру — Авксентий Георгиевич Стадницкий, родился 22 января 1862 г. в селе Комарово

библейскую историю — 1-я лекция, три другие читал иеромонах Ио-сиф. Ректор читал ясно, понятно, доступно. Как ректор он был недо-ступен и грубоват.

На одной из сходов мы постановили послать к ректору делегатов от каждого курса и сказать ему, что студенты не довольны его грубо-стью, недоступностью, что на экзаменах он обрывает студентов. Тог-

Хотинского уезда Кишиневской губернии в семье сельского священника. Родом мол-даванин. В 1880 г. окончил Кишиневскую духовную семинарию и был назначен учите-лем Единецкого духовного училища. Выпускник Киевской духовной академии 1885 г., по окончании которой назначен в Кишиневскую духовную семинарию преподавателем греческого языка, затем — церковного пения и гражданской истории. В 1895 г. за-щитил магистерскую диссертацию на тему «Гавриил Бонуласк-Бодони, экзарх Мол-довлахийский и митрополит Кишиневский» и назначен инспектором Новгородской духовной семинарии. По принятии монашества 30 декабря рукоположен 31 декабря во иеродиакона. 1 января 1896 года рукоположен во иеромонаха и определен на долж-ность инспектора Новгородской духовной семинарии, а затем определен ректором той же семинарии с возведением в сан архимандрита и настоятеля монастыря св. Анто-ния Римлянина в Новгороде. 10 января 1897 года назначен инспектором Московской духовной академии и исправляющим должность ординарного профессора по кафедре Библейской истории. С 13 марта 1898 года назначен ректором МДА. 28 февраля 1899 года хиротонисан во епископа Волоколамского, третьего викария Московской митро-полии, с оставлением в должности ректора. В 1903 году переведен на самостоятельную Псковскую кафедру.

В 1904 году защитил диссертацию на степень доктора богословия на тему «Исто-рия Молдавской епархии и их святителей со времени основания государства и до на-ших дней» и утвержден в степени доктора Церковной истории. В 1907 году возведен в сан архиепископа и в этом же году был избран членом Государственного Совета от монашеского духовенства. Указом Святейшего Синода от 5 ноября 1910 года Ар-сений назначен архиепископом Новгородским и Старорусским. В августе 1917 года на Всероссийском Поместном Соборе был одним из трех кандидатов в Патриархи вместе с митрополитами святителем Тихоном и Антонием. 29 ноября 1917 года возведен в сан митрополита.

Был арестован в ноябре 1919 года в Москве. Затем арест последовал в Новгороде в 1920 году. В 1922 году митрополит Арсений был привлечен к суду вместе с патри-архом Тихоном по ложному обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценно-стей. Почти год находился в заключении. Через 5 дней после освобождения был вновь арестован и отправлен в ссылку в Ашхабад (1925–1926) и Ташкент (1926–1936). 11 августа 1933 года митрополит Арсений был уже формально освобожден от управ-ления Новгородской епархией и назначен митрополитом Ташкентским. Скончался 10 февраля 1936 года в Ташкенте и был похоронен на городском Боткинском кладбище (Голубцов 1999. С. 14–17; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 1. С. 55–79).

да ректор попросил собраться студентов в большой аудитории, чтобы объясниться со студентами. Вошел ректор, сопровождаемый двумя помощниками-инспекторами. Пропели «Царю небесный». Ректор заложил руки назад, стал ходить взад и вперед и говорить: «Вот вы меня обвиняете в том, что ректор груб, ректор недоступен, ректор на экзаменах обрывает студентов. Кто мягко стелет, спать бывает жестко, а кто жестко стелет, спать бывает мягко. Я стелю жестко, и спать бывает мягко. А что касается брючного вопроса, то мы его уладим». Так приблизительно говорил ректор. А потом пропели «Достойно есть» и разошлись мирно, без шума.

Раз в год ректор посещал «занятные комнаты» студентов и расспрашивал, как они живут, как занимаются, в чем нуждаются и т. д. Ректор посещал и профессоров. Вообще отношения между профессорами и администрацией были хорошие. В конце 1903 года Ректор был назначен епископом Псковским и Порховским. Совершена была прощальная обедня, за протодиакона был красавец студент 4-го курса иеродиакон Алексей Симанский, нынешний Патриарх. Епископ Арсений произнес прочувствованную прощальную речь. Со словом прощания он обращался к профессорам, студентам и певчим: «Простите и вы, сладкоголосые лики!» Ректор оставил по себе хорошую память, несмотря на его грубоватость и недоступность. К лаврским монахам он относился строго. Он запретил монахам носить цветные подрясники, но в то же время он дружелюбно относился к ним. Так, однажды один лаврский монах гулял в академическом садике и заметил ректора, испугался и опрометью побежал из садика. Заметив это, ректор вдогонку беглецу во всеуслышание сказал: «Отец, гуляйте, гуляйте всегда, ныне и присно и во веки веков!»

Из Пскова епископ Арсений переведен был в Новгород архиепископом и назначен был членом Государственного Совета. За собой он потянул и любимца своего Алексея Симанского, которого довел до викарного епископа (кажется, Старорусского). Дальнейшая судьба самого архиепископа Арсения такова. В 1917 году он был выдвинут кандидатом на пост Патриарха вместе с архиепископом Тихоном Ярославским и архиепископом Антонием Вольнским. Архиепископ Арсений Новгородский был сослан в Ташкент, где и скончался.

11. Вместо Арсения ректором Академии назначен был инспектор Академии архимандрит Евдоким¹⁰⁸. Он был из инспекторов Новгородской духовной семинарии. Архим. Евдоким читал гомилетику. Особенно профессорскими дарованиями он не блистал, он был магистром, а не доктором. Его магистерская диссертация — «Св. апостол и евангелист Иоанн Богослов»¹⁰⁹. В «Богословском вестнике» им были напечатаны статьи, одна из них «Иноки на служении миру»¹¹⁰. Им издавался журнал «Христианин»¹¹¹, который пользовался известностью. После ревизии Академии ректор епископ Евдоким был переведен викарным епископом в Тулу к епископу Парфению¹¹². Журнал «Христианин» вы-

¹⁰⁸ Евдоким (Мещерский, Василий Иванович) (1 апреля 1869 г. — 1935). Пострижен в монашество по окончании МДА в 1894 г. В 1898 г. — инспектор, а с 1903 г. — ректор МДА. 4 января 1904 г. был хиротонисан во епископа Волоколамского. С 1 августа 1909 г. — епископ Каширский. В 1914 г. возведен в сан архиепископа и назначен на кафедру Алеутскую и Северо-Американскую. С 1919 г. — архиепископ Новгородский. В 1922 г. ушел в обновленческий раскол, умер, не воссоединившись с Церковью (Голубцов 1999. С. 40–42; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 340–374). См. о нем ниже, примеч. 113.

¹⁰⁹ Евдоким (Мещерский). Св. апостол и евангелист Иоанн Богослов: Его жизнь и благовестьные труды: Опыт библейско-исторического исследования. СПб, 1898. XXIII, 481 с. (21911. XVI, 487 с.).

¹¹⁰ Евдоким (Мещерский), архим. Иноки на службе ближним // БВ. 1902. Т. 3. № 11–12. С. 305–358, 576–635 (2-я пагин.).

¹¹¹ Журнал «Христианин» выходил с 1907 по 1915 г.

¹¹² Парфений (Левидский) (28 сентября 1858 г. — 1921 г.), архиепископ Полтавский и Переяславский. Родился в с. Пleshивце Годаевского уезда Полтавской губернии. Окончил Полтавскую духовную семинарию. В 1884 году окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 14 августа 1884 г. — помощник смотрителя Переяславского духовного училища. В январе 1894 г. пострижен в монашество, 26 января рукоположен во иеромонаха и назначен смотрителем Звенигородского духовного училища. В этом же году определен инспектором Вифанской духовной семинарии. В 1895 году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Вифанской духовной семинарии. С 1897 года — ректор Московской духовной семинарии. 10 октября 1899 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 8 июня 1901 г. — первый викарий той же епархии. 16 марта 1902 г. — сверхштатный член Московской синодальной канторы и викарий той же епархии. С 1 декабря 1904 г. — епископ Подольский и Брацлавский. С 15 февраля 1908 г. — епископ Тульский и Белевский. 6 мая 1911 г. возведен в сан архиепископа. С 1917 года на покое. С 1920 года — архиепископ Полтавский и Переяславский. Им проредактировано, по поручению Академии наук, четвероевангелие на украинском языке в переводе Морачевского.

двинул его. Будто бы царица Александра читала его. Возможно, что поэтому епископ Евдоким и был назначен архиепископом Алеутским и Северо-Американским. В 1917 году он прибыл в Москву на Церковный Собор и в Америку уже не возвратился, управлял епархиями Костромской и Горьковской. В г. Горьком я заходил к нему на подворье. Встретил я его в виде скромного монаха в сером подряснике. Он доволен был своим положением. Власть не чинила ему препятствий. Он свободно совершал крестные ходы с иконой Оранской Божией Матери. По его словам, известность его доходила до Кремля. Потом скоро я услышал, что он сделался митрополитом «живиком» и жил уже на митрополичьем подворье на Самотеке. Когда я был в Москве, то я зашел к нему. Он хвалился, что на сторону «живиков» перешли епископ Симбирский Вениамин и др., просил передать епископу Ветлужскому Григорию, чтобы он изменил свою ориентацию и перешел бы к «живикам». За какую-то провинность он был разжалован и назначен в Одессу, но туда не поехал. А потом я слышу: митрополит Евдоким снял сан и на Кавказе торгует арбузами¹¹³. Так судьба играет человеком. А ведь он был хороший душевный человек (в мире Мещерский).

12. На место инспектора архим. Евдокима поступил проф. Иеромонах Иосиф¹¹⁴ (в мире Петровых). Профессорскими способностями

¹¹³ О последних годах жизни обновленческого митрополита Евдокима (Мещерского) имеются следующие сведения: «Уйдя на покой, владыка поселился в Хосте: там он служил в небольшой церкви без диакона и даже без псаломщика; обходясь без старосты, он сам иной раз продавал свечи. Еще худшие времена наступили для владыки в 30-е годы: небольшой храм, в котором он служил, был закрыт. Владыка вынужден был заняться подпольной юридической практикой — писанием исковых заявлений. Когда и эта возможность заработка отпала — местные судебные органы энергично запротестовали — митрополиту было предложено снять с себя сан, на что он, разумеется, не мог согласиться. Не пошел он также на примирение с Синодом. В последние годы его жизни жители Хосты видели почтенного старца, который, сидя в городском сквере, торговал конфетами и пряниками. Это был митрополит Евдоким, когда-то известный в Русской Церкви своими барскими замашками» (*Краснов-Левитин А. Э., Шауров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты: (20-е — 30-е гг. XX в.). М., 1996. С. 469).

¹¹⁴ Иосиф (Петровых) (15 декабря 1872 г. — 20 ноября 1937 г.), архимандрит, впоследствии митрополит и новомученик. С 1903 по 1906 г. был инспектором МДА. Сверхштатный э.-орд. профессор по кафедре Библейской истории (1900—1906). Защитил в 1903 г. магистерскую диссертацию «История Иудейского народа по ар-

ми он не особенно отличался, читал библейскую историю с большим употреблением прилагательных в превосходной степени: величайший, громаднейший, великолепнейший и проч. Дикция его была с произношением северновеликорусского наречия на О, как у новгородцев. Его магистерская диссертация — «История Иудейского народа по Иосифу Флавию»¹¹⁵. Из печатных трудов его мы знаем брошюрку «Как воспитывается неблаговоспитанность»¹¹⁶. В «Душеполезном чтении» он помещал заметки «Из дневника инока»¹¹⁷, в которых изливал свои искренние чувствования: «Приди же Желанный, приди Вожденный, приди Несравненный!» С назначением инспектором иеромонах Иосиф возведен был в архимандриты. При этом ректор епископ Евдоким сказал прочувствованное слово. Еще на школьной скамье архимандрит Иосиф отличался скромностью, аккуратностью, прилежанием, хорошей успеваемостью, но он был некрасивый юноша.

Когда мы писали Иосифу семестр и пришли к нему за советом, то застали его в убогой монашеской келье, на письменном столе лежал гроб, длиною более аршина. Грустно и страшно было смотреть на это печальное зрелище. Архим. Иосиф с радостью и удовольствием сделал нам указания по сочинениям и указал нам брошюру «Как воспитывается неблаговоспитанность», просил и нас напечатать нечто подобное. Студент-священник, старше курсом меня, показывал мне подарок — книгу арх. Иосифа «История Иудейского народа по Иосифу Флавию» с надписью: «Грешному иерею Алексию от еще более грешного иеромонаха Иосифа».

Припоминаю очень некорректный поступок одного студента по адресу инспектора Иосифа. Это было в 1906 году во время революционных дней, когда Академия была временно закрыта, большинство студентов разъехалось по домам, меньшинство оставалось в Академии

хеологии Иосифа Флавия» (СП, 1903). С 1926 г. — митрополит Ленинградский. В 1937 г. арестован при облавах на клириков и расстрелян под Чимкентом (*Голубцов 1999*. С. 47–49; *Голубцов 2002*. Кн. 2. С. 6–13).

¹¹⁵ Более точное название: «История Иудейского народа по археологии Иосифа Флавия» (см. предыдущее примечание).

¹¹⁶ Как «воспитывается» неблаговоспитанность // Божия Нива. 1904. № 4 (28).

¹¹⁷ А. И. В объятиях отчих: Дневник инока. [СП,] ³1905–1914.

и пользовались приютом <и> пропитанием здесь. Один раз вошел инспектор в столовую и сказал студентам: «Что это вы не учитесь и не занимаетесь, даром хлеб едите, даром проедаете народные средства». Студент громадного роста, с большой шевелюрой, громовым басом ответил: «Г<оспода>, не слушайте его, он ведь дурак». Само собой разумеется, что неприятно было выслушать такой реприманд. И чем дальше, тем хуже было положение инспектора. И он, видимо, пришел к такому выводу, что ему невозможно было оставаться в Академии, и решил удалиться, перейдя в западный удаленный бедный монастырь. В канцелярии Академии он оставил свое прощание с Академией. В нем он говорил, что одиннадцать лет он пробыл в родной Академии и удаляется из нее, не сделав прощальных визитов профессорам, за что и просит прощения.

Архимандрит Иосиф долго жить в Яблочинском монастыре не мог, потому что монастырь был настолько беден, что архимандрит Иосиф не имел возможности помогать матери. Тогда, по-видимому, при содействии архиепископа Арсения архимандрит Иосиф получил назначение в Ростов Ярославский викарным епископом. Здесь ему не посчастливилось, с церковной кафедры он произнес недопустимые слова: «Православные, доколе будем терпеть...» Так окончилась карьера епископа Иосифа.

Мы охарактеризовали архиепископа Арсения, епископа Евдокима, епископа Иосифа. Все они выходцы из Новгородской духовной семинарии, всех троих жизненный путь в конце был неудачный. Продолжаем характеристику профессоров.

13. Профессор Воскресенский¹¹⁸. Член-корреспондент Академии наук, выдающийся ученый, славист, уважаемый профессор, студенты мало посещали его лекции, потому что его лекции совпадали с лекциями В. О. Ключевского. Имел 6 дочерей-красавиц и всех выдал замуж за академистов.

¹¹⁸ Григорий Александрович Воскресенский (27 января 1849 г. — 23 марта 1918 г.), заслуженный (1901) ординарный (1896) профессор (1883) по кафедре Русского и церковно-славянского языков с палеографией и историей русской литературы (1875—1905) (Голубцов 1999. С. 28—29; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 1. С. 190—207).

14. Профессор Заозерский¹¹⁹. Читал церковное право, пользовался большим авторитетом, лекции читал с акцентом на О. Студенты с уважением относились к нему и посещали его лекции.

15. Профессор Петр Иванович Цветков¹²⁰. Знал очень хорошо латинский язык, преподавал безукоризненно до самозабвения. Студенты плохо посещали его лекции. Я часто один приходил на его занятия; больше двух человек на его лекциях не бывало. Предание гласит, что Петр Иванович читал один раз лекцию студенческой шинели. Но человек он был замечательно хороший. Это был человек вежливости, деликатности. Я значился в списках изучающим латинский язык.

16. Профессор Александр Петрович Голубцов¹²¹. Читал литургику и церковную археологию. Кроме Академии, он преподавал в Училище живописи, зодчества и ваения, в Академии он заведовал церковно-археологическим музеем. Уважаемый профессор, студенты охотно посещали его лекции. Читал он интересно с наглядными пособиями историческим методом. Сам профессор внушал нам следовать этому примеру. Александр Павлович был очень скромный и любящий студентов человек. Он нередко был заступником обездоленных людей. Возвращаясь летом с места своей родины, он зашел в Костромскую

¹¹⁹ Николай Александрович Заозерский (12 апреля 1851 г. — 2 июля 1919 г.), заслуженный (1903) ординарный (1895) профессор по кафедре Церковного права (1878—1911). Был редактором журнала «Богословский вестник» с декабря 1909 г. по сентябрь 1912 г. (*Голубцов 1999. С. 42—43; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 375—394*).

¹²⁰ Петр Иванович Цветков (19 августа 1845 г. — 31 января 1914 г.), заслуженный (1896) ординарный (1891) профессор (1878) по кафедре Латинского языка и его словесности (1870—1908) (*Голубцов 1999. С. 108; Голубцов 2002. Кн. 4. С. 130—136*). Автор переводов и исследований гимнографической литературы: К истории христианских гимнов на Западе. М., 1876; Аврелий Пруденций Клемент: исследование с приложением повседневных и мученических гимнов Пруденция в русском переводе. М., 1890; Песни св. Романа Сладкопевца на Страстную Седмиду в русском переводе. М., 1900. См. также: *Муретов М. Д. Отзыв о переводе песней св. Романа проф. П. И. Цветковым. СП, 1903*.

¹²¹ Александр Павлович Голубцов (20 ноября 1860 г. — 4 июля 1911 г.), ординарный (1907) профессор (1896) Академии по кафедре Литургики и церковной археологии (1887—1911), у него было 10 детей (*Голубцов 1999. С. 33—34; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 262—286*).

духовную консисторию, чтобы ходатайствовать за одну дьяконицу. Секретарь консистории наотрез отказался удовлетворить ходатайство Александра Павловича, который неопровержимо доказал правоту своего ходатайства. Секретарь, рассердившись, спросил: «Да кто вы такой?» «Профессор Московской Духовной Академии Александр Голубцов», — последовал ответ. «Виноват, пойдите ко мне в кабинет».

Сын Александра Павловича Голубцова ныне — архиепископ Сергей Новгородский¹²².

17. Доцент Илья Михайлович Громогласов¹²³. Читал историю русского раскола, кроме того, в Академии он преподавал английский язык. Это был даровитый человек. По дикции он подражал В. О. Ключевскому. Был на подозрении. Ушел из Академии при ректоре епископе Феодоре. Служил священником в Москве. После произнесенной им речи над гробом патриарха Тихона был сослан.

18. Доцент Коновалов¹²⁴. Преподавал греческий язык, магистерскую диссертацию писал по сектоведению, был на подозрении, уволен из Академии. В советское время был профессором греческого языка в Московском университете и в Институте истории философии и языка.

¹²² Сергей (Голубцов Павел Александрович) (16 апреля 1906 г. — 16 июня 1982 г.), архиепископ Новгородский и Старорусский (с 1956 г.)

¹²³ Илья Михайлович Громогласов, прот. (20 июля 1869 г. — 4 декабря 1937 г.), э.-орд. (1909) профессор Академии, преподававший Историю и обличение русского раскола старообрядчества (1894–1911). С 1911 г. — преподаватель русской литературы и всеобщей истории в Московской женской гимназии Л. Н. Громогласовой. Член Всероссийского Поместного Собора (1917–1918). В 1922 г. рукоположен во священника и служил до 1925 г. в храме Воскресения в Кадашах. После своей речи над гробом патриарха Тихона был арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Сургут на р. Обь. Жил после выхода из ссылки в Твери, где служил священником. В 1937 г. арестован и приговорен к расстрелу. Подробнее см.: *Голубцов 1999*. С. 35–38; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 2. С. 312–328.

¹²⁴ Дмитрий Григорьевич Коновалов (4 октября 1876 г. — 1947 г.), доцент по кафедре Греческого языка (1902–1909). С 1909 г. преподавал латинский язык в 1-й Московской мужской гимназии. После революции преподавал греческий и латинский языки в Институте философии, литературы и истории. В последние годы занимал должность управляющего домом Центральной комиссии по улучшению быта ученых (*Голубцов 1999*. С. 54–55; *Голубцов 2002*. Кн. 2. С. 69–107).

19. Профессор Городенский¹²⁵. Читал теорию словесности и историю иностранной литературы. При мне он был недолгое время. Я писал ему семестряк, за что получил оценку 4.

20. Профессор Мышцын¹²⁶. Читал Священное Писание Ветхого Завета. Я писал ему семестряк на тему «Эстетическое понятия в Ветхом Завете», оценку получил 4 с половиной. У него были какие-то недоразумения по женской части. Он перешел на службу в Ярославский Демидовский лицей.

21. Профессор Тихомиров¹²⁷. Читал историю философии. У него были недоразумения по женской части, перешел на службу в Нежинский педагогический институт.

¹²⁵ Николай Гаврилович Городенский (8 мая 1871 г. — 27 февраля 1936 г.). С 1896 по 1902 г. исполнял должность доцента Академии по кафедре Нравственного богословия, затем по кафедре Теории словесности и истории иностранных литератур (1902—1910), доцент с 1903 г. и э.-орд. профессор с 1905 г. В 1903 г. защитил магистерскую работу «Нравственное сознание человечества». В августе 1910 г. уволен из Академии. Приват-доцент Московского университета по философии (1907—1922). В 1919—1926 гг. преподавал в учебных заведениях Сергиева Посада, затем — на Тифлиских высших курсах, в Московском университете, а затем в Кубанском пединституте в Краснодаре (1927—1932 и 1934—1935 гг.). Подробнее см.: *Голубцов 1999*. С. 34—35; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 2. С. 287—311.

¹²⁶ Василий Никанорович Мышцын (21 января 1868 г. — 2 августа 1936 г.), э.-орд. профессор (1898) по кафедре Священного Писания Ветхого Завета (1894—1906). В 1906—1927 гг. преподавал в ярославском Демидовском юридическом лицее, преобразованном после революции в Институт народного образования. В 1927 г. вышел на пенсию и переехал в Сергиев Посад. В 1934—1936 гг. преподавал на курсах при Педтехникуме. Скончался от крупозного воспаления легких (*Голубцов 1999*. С. 64—65; *Голубцов 2002*. Кн. 4 С. 218—277).

¹²⁷ Павел Васильевич Тихомиров (3 января 1868 г. — 1920-е гг.), и. д. доцента по кафедре Еврейского языка и библейской археологии (1895—1898), затем доцент и э.-орд. профессор по кафедре Истории философии (1898—1906). С 1906 г. профессорствовал в Нежине и в Киеве (*Голубцов 1999*. С. 95—96; *Голубцов 2002*. Кн. 4. С. 69—75). Под «недоразумениями по женской части» имеется в виду «некоторое и весьма безобидное увлечение женой Тихомирова со стороны Мышцына» (*Голубцов 2002*. С. 101—102), приведшее к увольнению обоих профессоров из Академии и вызвавшее конфликт в преподавательской корпорации (так называемое «дело Тихомирова—Мышцына», см.: *Голубцов 2002*. С. 101—103, 251—267). Подробнее см. ниже в публикации игум. Андроника (Трубачева): *Свящ. П. А. Флоренский*. Избранные письма профессорам Московской духовной академии (Письмо 1. Примеч. 3). С. 755.

22. Профессор Андреев¹²⁸. Читал всеобщую гражданскую историю, читал очень хорошо, увлекательно, перешел на службу в Петербургский университет.

23. Профессор Николай Федорович Каптерев¹²⁹. Читал древнюю историю, выдающийся профессор, его труды о патриархе Никоне и Алексее Михайловиче считаются выдающимися¹³⁰. Был на подозрении. О нем и профессоре Андрееве я мало знаю, потому что был на словесном отделении.

24. Профессор Александр Павлович Шостьин¹³¹. Читал пастырское богословие и педагогику. Прозвище его «Палкин», не пользовался среди студентов любовью и уважением. Я писал ему кандидатское сочинение на тему «Воспитание целомудрия», одно мне он дал указание — писать на основании св. отцов. Лекции его были скучны и неинтересны.

¹²⁸ Иван Дмитриевич Андреев (21 июня 1867 г. — 28 июня 1927 г.), э.-орд. профессор по кафедре Новой гражданской истории (1899—1907). Редактор журнала «Богословский вестник» в 1906—1907 г. С 1907 по 1924 г. — профессор Санкт-Петербургского университета, в 1925—1927 гг. — профессор Высших богословских курсов в Ленинграде. Скончался от солнечного удара (*Голубцов 1999*. С. 11—12; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 1. С. 29—45).

¹²⁹ Николай Федорович Каптерев (8 июля 1847 г. — 13 января 1918 г.), заслуженный (1898) ординарный (1896) профессор (1883) по кафедре Древней гражданской истории (1874—1906) (*Голубцов 1999*. С. 50—52; *Голубцов 2002*. Кн. 2. С. 14—68).

¹³⁰ *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. СПб, 1909, 1912 (переизд.: М., 1996); *Он же.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; *Он же.* Суждение большого московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей: (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // БВ. 1892. № 10; *Он же.* Царь и церковные Московские Соборы XVI и XVII столетий. СПб, 1906.

¹³¹ Александр Павлович Шостьин (23 мая 1862 г. — 11 января 1916 г.), заслуженный (1911) профессор (1896) по кафедре Пастырского богословия и педагогики (1886—1916) (*Голубцов 1999*. С. 110—111; *Голубцов 2002*. Кн. 4. С. 137—155). Подробнее см. выше: *Ходзинский Павел, прот., Сухова Н. Ю.* Пастырское богословие в дореволюционных духовных академиях на примере МДА. С. 318—320; Конспект лекций А. П. Шостьина и еп. Феодора (Поздеевского) по пастырскому богословию на 4 академическом курсе: 1909/10 учебный год. С. 794—818.

25. Профессор Дмитрий Федорович Голубинский¹³². Читал естественнонаучную апологетику. Это был человек не от мира сего, ему на земле принадлежало царство небесное. Студенты его любили и уважали. Во время лекции Д<митрий> Ф<едорович> нюхал табак. Табакерка стояла на кафедре. Студенты подходили и нюхали и вынюхивали весь табак, а Д<митрий> Ф<едорович> возражал: «Все ли действительно вынюхивали, или, может быть, что-нибудь оставалось в табакерке». Замечательны были его похороны. Профессора производили речи в аудиториях и в академическом храме.

26. Доцент Воронцов¹³³. Читал еврейский язык и археологию библейской истории, читал он великолепно, с жаром, до самозабвения. В пылу увлечения преподаванием, как говорит предание, у него съехали даже брюки. Он любил студентов, и студенты его любили и уважали. Аудитория его всегда была полна. Впоследствии он был священником.

27. Голубинский Евгений Евсигнеевич¹³⁴. Член Академии наук. Я не слушал его, он уже был на пенсии, ученый, знаток русской церковной истории. Родом костромич, из Кологривского уезда. В Духовное училище проводили его в «лапотоцках»: «Лапти мои да лапотоцки мои, лыковы коренья». Он так увлечен был научными занятиями, что визитеры в Пасху заставляли его в одном белье среди книг и рукописей.

На этом мы заканчиваем изложение сведений о профессорах на основании своих личных наблюдений. Интересующихся этим вопро-

¹³² Дмитрий Федорович Голубинский (19 мая 1832 г. — 23 ноября 1903 г.), заслуженный (1901) ординарный (1864) профессор по кафедре Естественно-научной апологетики (сверхштатно) (1870—1903). Умер осенью в год поступления Д. А. Маркова в МДА (*Голубцов 1999*. С. 31—33; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 2. С. 256—261). См. о нем выше специальную статью Г. Е. Кольванова «Кафедра Естественно-научной апологетики Московской духовной академии (1870—1903) в лице Д. Ф. Голубинского».

¹³³ Евгений Александрович Воронцов (21 января 1867 г. — 31 октября 1925 г.), э.-орд. профессор (1910) по кафедре Еврейского языка и библейской археологии (1900—1919). Рукоположен во священника в 1909 г., удостоен сана протоиерея в 1919 г., был настоятелем академической Введенской церкви в Сергиевом Посаде (*Голубцов 1999*. С. 27; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 1. С. 178—189).

¹³⁴ Евгений Евсигнеевич Голубинский (28 февраля 1834 г. — 7 января 1912 г.), профессор (1881) по кафедре Истории Русской Церкви (1861—1895). В 1902 г. был избран в члены Академии наук.

сом мы отсылаем к Православной русской энциклопедии Лопухина, к историческим очеркам о Московской духовной академии, например «У Троицы в Академии», Смирнова и др.

6. ОБ АКАДЕМИИ ВООБЩЕ

Теперь мы обратим внимание на другие стороны в жизни Академии. Особенно торжественно и радостно встречался у нас академический праздник Покров Пресвятой Богородицы. Накануне праздника приезжал московский митрополит. К профессорам он ходил на лекции. В 6 часов вечера начиналась торжественная всенощная с акафистом Пресвятой Богородицы. Богослужение совершалось во главе с митрополитом, с лаврским духовенством и приезжими московскими священниками. На другой день совершалась торжественная обедня с проповедью, которую произносил по традиции первый студент 4-го курса. После молебна духовенство во главе с митрополитом направлялось в студенческую столовую, где трапезу благословлял митрополит. На трапезе «утешение было велие» с возлиянием пива и меда («пивомедие и медопивие»). А духовенство с митрополитом следовало на трапезу к ректору. После трапезы все шли в актовъй зал слушать актовую академическую речь М. Д. Муретова на тему «Новозаветная песнь любви». Глубокосодержательная, прочувствованная речь произносилась в течение четырех часов. Она напечатана была в «Богословском вестнике» на 64 страницах¹³⁵. Профессора и гости продолжали трапезничать у ректора, а студенты продолжали свою трапезу. Я побоялся остаться с товарищами и ушел к знакомым. Мне сообщили, как происходило студенческое торжество с выпивкой, с произнесением речей на латинском, греческом, арабском, болгарском, сербском и других языках. На торжество 1-го курса приглашены были студенты 2, 3, 4 курсов. С 1-го

¹³⁵ Муретов М. Д. Новозаветная песнь любви сравнительно с «Пиром» Платона и «Песнью Песней»: [Актовая речь] // БВ. 1903. Т. 2. № 11. С. 461–499 (2-я пагин.); Т. 3. № 12. С. 559–612 (4-я пагин.) (переизд.: Муретов М. Д. Новозаветная песнь любви // Платон: Pro et contra. СПб., 2001. С. 419–437; речь также была переиздана в сборнике работ ученого: Муретов М. Д. Избранные труды. М., 2002).

курса шли последовательно на 2, 3, 4 курсы с возлиянием Бахусу. Некоторые профессора после ректорской трапезы заходили к нам. Профессора Тихомирова качали. Некоторые упившиеся студенты смеялись или плакали, горевали или тужили, что они остались без отца, без матери. В комнатах, на лестницах были следы выпивки. На другой день должны быть лекции. У нас на 1-м курсе должна быть лекция ректора по библейской истории. Нас в аудитории было человек пять. Вошел преосвященный. Перед началом лекции мы пели: «Царю Небесный». А тут и петь некому. Студент Варжанский неистовым голосом прочитал молитву. Ректор сказал: «Кто еще не вытрезвился, того прошу выйти вон!» Никто не вышел, да и выходить некому. Лекция прошла благополучно. Прочитали «Достойно есть», и ректор вышел, не говоря ни слова.

Жизнь опять вошла в норму. Это было раз в году.

У нас в Академии был философский кружок. Собрания кружка были не особенно часты. С докладами неоднократно выступал студент Флоренский¹³⁶. У него доклады были написаны на длинной ленте, состоящей из четырех частей листа. Один раз делал доклад Алексей Иваныч Введенский о Гартмане. По докладу выступали со спорными вопросами студенты нашего курса Знаменский и болгарин Попович. Выступление Знаменского не понравилось Алексею Иванычу. В работе кружка принимал участие П. В. Тихомиров.

Особенно оживленно проходили защиты диссертаций. На защите студенты приходили все, приезжали из Москвы профессора, любители, интересующиеся, духовенство. Возникали жаркие споры. Интересна была защита диссертации ректора Вологодской духовной семинарии протоиерея Малиновского¹³⁷ на книгу «Догматическое

¹³⁶ Павел Александрович Флоренский (9 января 1882 г. — 8 декабря 1937 г.), прот., профессор (1914) по кафедре Истории философии (1908–1919). С 1912 по 1917 г. — редактор журнала «Богословский вестник». Расстрелян (Голубиов 1999. С. 104–107). См. ниже публикацию игум. Андроника (Трубачева): *Свящ. П. А. Флоренский. Избранные письма профессорам Московской духовной академии*. С. 753–765

¹³⁷ Николай Платонович Малиновский (18 ноября 1861 г. — 28 января 1917 г.), прот. В 1885 г. окончил МДА. С 1885 г. преподавал в Харьковской духовной семинарии. С 1894 г. — инспектор Ставропольской духовной семинарии. В 1902–1906 гг. —

богословие»¹³⁸. Оппонентами были Алексей Иванович Введенский и С. С. Глаголев. Мы были очень удивлены, что Алексей Иванович Введенский, видный человек, джентльмен, допустил во время отзыва на диссертацию о Малиновского резкое замечание: «Ваша книга — это дерево, это кость. Вашей-то бы книгой да по Вашей голове». Но защита прошла благополучно. О. Малиновский был удостоен ученой степени магистра богословия.

Для нас, студентов, были интересны приезды иностранных богословов. Ректор в таких случаях приглашал профессоров и студентов. Правда, студенты в беседах не были активны, но нам интересно было послушать, что будут говорить наши профессора и иностранные представители. На беседах видную роль как переводчик играл В. А. Соколов — ученый по истории западных исповеданий. У нас был библиотекарь Ватикана. С английскими и американскими епископами и богословами интересны были высказывания о воссоединении Церквей. Английская церковь всегда тяготела к нашей Русской Церкви. Наши студенты в Лавре в Троицком соборе наблюдали, как английский епископ благословлял простой народ.

В нашу академическую жизнь внесено было большое оживление устройством экскурсии на Ближний Восток: Константинополь, Палестина, Египет, Греция. Мы путешествовали в количестве 50 человек, нас сопровождали 4 профессора. Во главе экскурсии был Ректор епископ Евдоким. Экскурсия была разрешена Св. Синодом. Все монастыри по пути следования экскурсии должны были давать нам питание и оказывать всяческую помощь. Хорошо было путешествовать, когда нам был готов и стол, и дом. Экскурсия была описана мною

ректор Каменец-Подольской духовной семинарии, в 1906—1916 гг. — ректор Вологодской ДС. С 19 октября 1916 г. на покое. Скончался от склероза сердца.

¹³⁸ 9 апреля 1904 г. защитил магистерскую диссертацию. Полное издание догматической системы прот. Н. П. Малиновского: Православное догматическое богословие: В 4-х т. Т. 1—4: СПб., 1908—1909 (к 3 и 4 т. имеются «Замечания и поправки» критического характера, составленные проф. архим. Иларионом (Троицким)). См. также: Очерк православного догматического богословия. СПб., 1911 (М., 2003). См. также: Малиновский Н. П., прот. Речь перед защитой магистерской диссертации: Православное догматическое богословие (Ч. 1 и Ч. 2) // БВ. 1904. № 6. С. 248—253 (2-я пагин.).

в книге «Экскурсия студентов Московской Духовной Академии на Ближний Восток». Москва, 1908. 111 стр. Экскурсия имела большое значение воспитательное и образовательное. Очень жаль, что не все студенты могли принять участие в ней — главным образом, по недостатку средств.

По окончании Академии 15 человек студентов предприняли экскурсию в Петербург. Эта экскурсия была для нас очень полезна. Мы хорошо познакомились с достопримечательностями города, с рекой Невой, музеями, театрами и проч. Познакомились с Петербургской Духовной Академией, с ректором духовной семинарии, свящ. Григорием Петровым.

В Петербургской семинарии мы сдружились с преподавателями. Они нас знакомили с митрополитами, архиереями петербургскими. <...>

Студенты совершали экскурсии в Москву на храмовые праздники в гости. Здесь студенты высматривали и невест. В Москву студенты ездили в музеи, в театр, на лекции.

Лекции у нас оканчивались в 2 часа дня. После лекций в 2 часа был у нас обед, <также в течение дня были> утренний чай, вечерний чай по желанию, ужин в 8 часов вечера. Каждому студенту на месяц выдавалось по полуфунту чаю и по пяти фунтов сахара. В преддверии в столовую пред обедом на стене иногда вывешивались объявления любопытного характера, например: «Орехово-Зуево, невеста 20 лет, приданого 20 тысяч рублей, играет на рояли, двух женихов отшила». В раздевалке вывешивались объявления с предложением мест на работу, напр<имер> директорá средних учебных заведений предлагали занять должность законоучителя.

Утром нам давали булки по выбору. По средам и пятницам и в посты стол был постный. Скоромный стол давался большим.

Кормили нас хорошо, одевали и обували также хорошо. Одежда была форменная. На два года давался мундир, тужурка и брюки на один год, выдавали сапоги, калоши. Бритьё было казенное. При окончании Академии выдавался сюртук.

После обеда мы шли гулять по Вифанке, мимо собственных домов профессоров М. Д. Муретова, В. А. Соколова, Н. Ф. Каптерева, за-

тем направлялись по линии железной дороги. По направлению с нами гуляли пенсионеры, преимущественно военные сергиево-посадские жители и монахи. В зимнее время некоторые студенты катались на коньках на Лаврском пруду.

Немногие студенты имели частные уроки. Я имел частные уроки. Одного готовил в учительский институт, одного репетировал гимназиста, одного послушника готовил на учителя церковно-приходской школы, по выдержании экзамена он поступил диаконом на приход.

Немногие студенты ходили в гости к профессорам и частным знакомым. Счастливы были те студенты, которые были в гостях вместе с В. О. Ключевским. Эти студенты рассказывали нам о нашем любимом профессоре.

Студенты всегда получали любезный прием в гостях у дочерей покойного профессора Корсунского. Здесь находили приют и студенты-учащиеся в Академии, и окончившие Академию. В гости сюда приходили и профессора Академии. Все гости принимались с радостью, почетом и уважением

Я считаю себя счастливым человеком, что бывал в гостях у Корсунских.

Последний вопрос, который я хочу затронуть в своих «Воспоминаниях», это вопрос о нашем решении собираться в Академии через пять лет. Мы кончили Академию в 1907 году. Значит, первая встреча наша должна была состояться в 1912 году. Она и состоялась, и она последняя была. На встречу нас приехали из 45 человек 12 человек. Одни из них были преподавателями духовных семинарий и епархиальных училищ, помощниками инспекторов семинарии, <оказался> и преподаватель Учительского института. Не все мы были радостны и веселы. Служба на нас наложила печать неудовольствия и горя. Мы отслужили молебен у преподобного Сергия и в академическом храме. Обедали в складчину. Делились между собою радостью, горем, печалью и решили опять встретиться через пять лет и «духом любви не разлучатся».

На сергиево-посадском вокзале я совершенно случайно встретился с профессором в отставке В. А. Соколовым. Он сообщил мне, что работает инспектором по ведомству Марии Федоровны, а я сообщил ему,

ОТДЕЛ III. ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ЛЕКЦИИ

что работаю преподавателем Учительского института. Обменявшись впечатлениями, мы простились с ним с искренним пожеланием здоровья и радости в жизни.

У меня еще была встреча с профессором С. С. Глаголевым в квартире моего товарища по Академии В. Н. Страхова. Сергей Сергеевич нам передал о себе, что он преподает в «железке» (это было в 1925 году) — в железнодорожной школе. На прощание он мне сказал: «Желаю встретиться при лучших обстоятельствах».

Я кончаю свои «Воспоминания». Прошу меня извинить, что я не продумал их, даже стилистически не отработал их. Благодарю сердечно родную Академию, профессоров, товарищей за все доброе.

Москва, 21 ноября 1965 г.

ЛИТЕРАТУРА

Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 2–3. М., 1988.

Молодцов 1995 — *Молодцов В. М.* Ветлужский краевед Д. А. Марков // Ветлужская старина. Вып. 1. Кострома, 1995. С. 95–97.

Публикация *В. Л. Шленова*

СВЯЩ. П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА ПРОФЕССОРАМ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

История Московской духовной академии пока не изобилует исследованиями и публикациями. Среди немногочисленных исследований выделяются работы протодиакона Сергия Голубцова. Начав заниматься историей МДА еще на студенческой скамье, он продолжал заниматься этой темой всю жизнь († 1 августа 2006 г.). Труды его можно охарактеризовать с двух сторон: 1) тщательность, унаследованная от нескольких поколений Голубцовых-ученых, 2) необычайная либеральность взглядов, усвоенная им в годы юности как протестное движение души против официального идеологизма.

Вследствие такого сочетания труды протодиакона Сергия никак нельзя «обойти», но читать их приходится, зачастую меняя плюс на минус, а минус на плюс. Чего стоит пассаж из послесловия к книге «Московская духовная академия в эпоху революций»:

«Действительная история Академии в начале этого века, как показано, была весьма бурной, наполненной целом рядом конфликтов. Причины их были, во-первых, в малоуспешных попытках профессоров добиться некоторой независимости от неквалифицированного руководства со стороны синодально-иерархической власти при царизме, во-вторых, в том, что многие из них в своем поведении руководствовались вовсе не евангельскими заветами служения истине, что подчас требовало определенного мужества, а “видами начальства” и корыстными мотивами, иногда и не очень тщательно закамуфлированными, в-третьих, в неумелом или недостойном руководстве Академией.

И это, к сожалению, относится и к некоторым из архиереев и ректоров Академии, в первую очередь, к архиеп<ископу> Антонию Храповицкому и его многим протезе, среди которых был и еп<ископ>

Феодор. Они в своих честолюбивых и абсолютистских устремлениях, прикрытых церковными лозунгами и одеяниями, злоупотребляя своим служебным начальственным положением, не останавливались перед применением разных рычагов (продвижение по службе, премии, присвоение ученых степеней) в давлении на подведомственных им членов корпорации, вплоть до беспардонных обвинений своих оппонентов в нецерковности или даже политической нелояльности. «Академия — это я», — таково было их кредо, по словам известного ученого богослова, выпускника Академии профессора Н. Н. Глубоковского, опубликовавшего свой памфлет в юбилейном сборнике «У Троицы в Академии» в 1914 году¹. Только февральская революция 1917 года, поддержанная большинством студенчества и профессуры, как и большинством городского населения России, положила конец деспотии еп. Феодора и подобных ему лиц².

Разгребать подобные «антифеодоровские» завалы из работ протоиерея Сергея Голубцова необходимо не по принципу «наши — не наши», а на основании конкретных документов. Главный недочет его исследований заключался, на мой взгляд, в том, что первопричину конфликтов в Академии он полагает в противостоянии политического характера (прогрессивный — реакционный), а вовсе не церковного (либерально-протестантствующие — церковные). При этом такие профессора «старой» Академии, как А. П. Голубцов, И. В. Попов, А. Д. Беляев, оказались втянутыми в конфликт на стороне «прогрессивной» партии по основаниям, органически чуждым им самим. Фактически «прогрессисты» сыграли на их некоторой собственной, исторически обусловленной наивности и использовали тем самым их церковный и научный авторитет в своих целях, отнюдь, как мы теперь хорошо понимаем, не безобидных.

Публикуемые ниже 4 письма священника Павла Флоренского в значительной степени относятся к его повседневной академической жизни. Однако они в некоторой мере дополняют и уточняют картину взаимоотношений профессоров МДА, а также со всей отчетливостью

¹ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии 1914. С. 751.

² М., 1999. С. 250.

выявляют его собственную позицию. Все публикуемые письма находятся в Архиве священника Павла Флоренского.

1. ПИСЬМО П. А. ФЛОРЕНСКОГО П. В. ТИХОМИРОВУ
14 ОКТЯБРЯ 1906 г.³

Многоуважаемый Павел Васильевич!

Одним из профессоров нашей Академии мне сделан запрос в том смысле, как бы я отнесся к предложению занять кафедру по Ист<ории> филос<офии>.

Одним из факторов, определяющих мое решение, являетесь Вы, Павел Васильевич. Правда, Вы не связаны с Академией официальными связями, но нравственная связь с человеком, с которым я имел общение два года, не может быть игнорируема. Конечно, я не решаюсь спрашивать Вас о Ваших планах на будущее, однако Вы не сочтете, — думается мне, — неожиданным, если я позволю себе обратиться к Вам

³ Письмо П. А. Флоренского П. В. Тихомирову публикуется по оригиналу, который был возвращен П. В. Тихомировым П. А. Флоренскому вместе с конвертом. Конверт без штемпелей, на конверте рукой П. А. Флоренского написано: «Москва. Павлу Васильевичу Тихомирову. Левшинский пер., Церковный дом». Сохранился также черновик письма.

Уход П. В. Тихомирова из Московской духовной академии был вызван тем, что его жена перешла жить к В. Н. Мышцыну. Тихомиров поставил Мышцыну требование покинуть Академию не позднее 10 декабря 1905 г. Мышцын, признав себя виновным, согласился уйти из Академии, но затем стал утверждать, что он имел в виду не немедленный уход, а переход на другую службу, что требовало неопределенного времени. Тогда П. В. Тихомиров 19 декабря 1905 г. подал прошение, в котором говорилось, что по не зависящим от него обстоятельствам он вынужден покинуть Академию. Но в течение января-октября 1906 г. и Тихомиров и Мышцын продолжали оставаться в корпорации МДА. До окончательного решения вопроса чтение лекций по истории древней философии было поручено И. В. Попову, а по истории новой философии — Н. Г. Городенскому. В конфликт был втянут Совет МДА, и естественно, что студентам (в том числе П. А. Флоренскому, который в сентябре 1906 г. перешел на 3-й курс) в общих чертах была известна эта история. Дело кончилось тем, что указами Синода Тихомиров был уволен согласно его прошению 20 сентября 1906 г., а Мышцын — 22 ноября (по прошению от 18 октября 1906 г.).

Подробное описание «дела Мышцына—Тихомирова» (ЦГИАМ. Ф. 796, оп. 187, д. 380, л. 1—102) см.: Голубцов 1999*. С. 113—124.

с просьбою высказаться по указанному в начале письма предмету, а именно: как Вы посмотрели бы на поставленный вопрос. Мне лично прежде всего желателен (повторяю, я не смею просить о полной откровенности) прямой ответ, насколько обсуждаемая кафедра затрагивает Ваши интересы, Ваши намерения, и, затем, насколько правильным Вы находите это предложение, в его отношении ко *мне* именно. Итак, я полагаю для себя обязательным осведомиться, 1, с Вашим субъективным мнением как П<авла> В<асильевича> Т<ихомирова>, и 2, с объективным, как профессора философии.

Если Вы и не сочтете возможным удовлетворить мою просьбу, то, во всяком случае, извините за вопросы и поверьте, что, задавая их, я имею в виду Вас как цель, а не как средство. Добавлю только, что если Вы сочтете необходимым, то Ваш ответ останется между нами.

П. Флоренский
1906. X. 14
Сергиевский Посад

2. ПИСЬМО П. А. ФЛОРЕНСКОГО ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ

1906 г.⁴

Дорогой Василий Иванович!

Среди дрязг и неприятностей в *alma mater* доселе никак не мог написать Вам. Жить с кажд<ым> днем жизни становится тяжелее и тяжелее, потому что и раньше (как Вы знаете) я был одинок в Акад<емии>

⁴ Публикуется по черновику письма, сохраненному П. А. Флоренским у себя. Корреспондент письма П. А. Флоренского мне неизвестен. Могу лишь предположить на основании того, что письмо Василию Ивановичу было вложено в конверт письма П. А. Флоренского П. В. Тихомирову, что Василий Иванович — отец Павла Васильевича Тихомирова.

Значительная часть письма посвящена «делу об увольнении Ключевского». 5 сентября 1906 г. В. О. Ключевский (1841–1911) подал прошение об уходе на пенсию. Ему было 65 лет. Совет Академии просил его продолжить преподавание. Эта просьба была донесена до В. О. Ключевского особой депутацией (Ректор Академии епископ Евдоким вместе с проф. А. П. Голубцовым и И. Д. Андреевым) на московскую

в своих воззрениях на необходимость держать в центре всех мыслей Церковь⁵, а ныне это одиночество неизмеримо растет. А к полному отсутствию церковности присоединяется еще у некотор<ых> отсутствие простой порядочности, и поэтому не только столкновения из-за главного (Церкви) тяжело, но и столкновения из-за вторичного принимают характер каких-то даже дразг.

Вы, вероятно, знаете ту душную атмосферу профессорской, которая образовалась от истории с Мышцыным. Сюда присоединилась еще новая история с Ключевским и проч., и проч. Среди товарищей завелась компания, которая поставила себе какие-то таинственные цели и добивается их всяческими средствами, не исключая и иезуитских. А когда кто-ниб<удь> пытается противодействовать — пускается в ход клевета, доносы и т. п. Лично я ничего этого не боюсь, но ужасно

квартиру. Но поскольку В. О. Ключевский до 21 сентября 1906 г. не начал преподавание и пропустил 8 лекций, Совет постановил «дать ход делу об его увольнении». Пять членов Совета (Голубцов, Попов, Андреев, Городенский и Смирнов) начали борьбу за оставление В. О. Ключевского в Московской духовной академии. Это выразилось в различных заявлениях на Совете, выступлениях в газете «Русские ведомости» и «Век», посылкой своего особого мнения митрополиту Московскому Владимиру и т. д. Однако большинство Совета поддерживало отставку В. О. Ключевского. В связи с этим встал вопрос о приглашении на Совет т. н. «младшего состава корпорации» — и. д. доцентов, которые бы голосовали «за Ключевского». Началась агитация среди студентов, которые организовывали сходки и забастовки лекций, требовали учесть их мнение на Совете.

Считалось, что уход В. О. Ключевского ослабит «либеральность» Академии и усилит ее консерватизм и «церковную реакционность». Вопрос о возрасте В. О. Ключевского и возможности его поездок из Москвы в Сергиев Посад, а также вопрос о значимости его ученой деятельности оказались на периферии общественной борьбы вокруг его имени. Подробно об этом см.: *Голубцов 1999**. С. 23–28, 89–91. Таковы обстоятельства, связанные с увольнением В. О. Ключевского.

С. Голубцов пишет, что студент П. А. Флоренский был «лидером наиболее боевого первого курса Академии и по своему образованию (в 1904 г. он окончил Московский университет, где было сильное революционное брожение), и по возрасту, и по тогдашнему своему настроению» (*Голубцов 1999**. С. 10); «одним из лидеров студентов в их антимонархическом движении» (Там же. С. 107), членом «Христианского братства борьбы» (Там же. С. 109). Все это не соответствует действительности, и данное письмо еще раз свидетельствует о том, что П. А. Флоренский был чужд политической борьбы и политических интересов даже внутри Академии.

⁵ Зачеркнуто: «... в центре всего христианство, православие, Церковь...».

противно жить в такой среде. Вот, напр<имер>, по поводу истории с Ключевским, которого из товарищей никто не знал, верно, было этой компании в частности высказано предложение выразить негодование Совету. Я тоже не знал этой истории, и потому, не высказываясь ни за, ни против, предложил товарищам узнать в точности дело, прежде чем предпринимать подобный решительный шаг. Против этого, конечно, ничего нельзя было возразить по существу, но на другой день на меня налетает один из профессоров — сторонников Ключевского — и сильно оскорбляет. Оказывается, ему уже доложено, что «образовалась партия, желающая удаления Ключевского, и во главе ее стоит П. Ф.» и т. д.

Точно так же насчет политики. Эта самая компания упорно желает вовлечь Академию в политическую борьбу, да еще, как видится, под флагом определенной партии. Мне противна всякая партия в политике, а тем более противно внесение политических раздоров во внутреннюю жизнь Академии. Я стараюсь отклонить от Академии подобные задачи, и так же Серг<ей> Сем<енович>⁶. А в результате появляются слухи, будто мы именно создаем какую-то политическую партию в Академ<ии>, тогда как мы просто хотим быть христианами и заниматься своим делом. От кого исходят эти слухи — не знаю, но думаю, что именно от этих же подпольных сил (соцдемократов академическ<их>), которые хотят разом и отомстить, и откинуть от себя подозрения.

И таких вещей, да и не со мною одним, сколько угодно.

Ну простите, Вас<илий> Ив<анович>, что хнычу — и все про себя. Только одно хочется: либо поселиться в деревне, либо уйти в один из палестинских монастырей, особенно последнее. Право, какие⁷ уеду, наконец. Нельзя жить среди скверностей...

⁶ Сергей Семенович Троицкий (8 августа 1881 г. — 2 ноября 1910 г.) — самый близкий друг П. А. Флоренского в Академии, с которым он жил в одной комнате с сентября 1906 г. См. о нем выше в «Воспоминаниях о Московской духовной академии начала XX века» Д. А. Маркова (Примеч. 26) (далее — *Марков. Воспоминания*).

⁷ Так в тексте черновика. Вероятно, не зачеркнут первоначальный вариант.

3. ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

И. В. ПОПОВУ ПОСЛЕ 7 МАРТА 1916 г.⁸

Обращаюсь к Вам как к своему бывшему наставнику, а не к С. И. Смирнову, не потому, что этот последний оскорбил меня, а главным образом потому, что считаю его вообще неспособным рассуждать по существу.

Мой вопрос к Вам о том, неужели Ваши, Ваших единомышленников разговоры и вопли о свободе совести, о терпимости и т. д. — одна только маска, прикрывающая вожделения власти и кулака? Вам лично я до сих пор верил; но теперь, кажется, надо разувериться и в Вас, если судить о Вас по Вашим друзьям. Почему только за собою они признают право на убеждение и на свободу совести, а всякому другому, с ними расходя-

⁸ Письмо священника Павла Флоренского И. В. Попову публикуется по недатированной (что очень редко) копии, оставленной свящ. Павлом Флоренским себе. И. В. Попов (1817–1938 гг., прославлен как мученик на Архиерейском Соборе 2000 г., память 26 января) — профессор (1898) кафедры Патрологии МДА, преподавал в Сергиевом Посаде с 1893 г. до закрытия МДА в 1919 г. Редактор журнала «Богословский вестник» (1903–1906). С 1906 г. — член Предсоборного Присутствия, с 1917 г. — член Комиссии по реформе высших духовных школ. В 1917–1918 гг. — член Предсоборного Совецания и Собора Русской Православной Церкви. Продолжил преподавание в МДА в 1920-е гг.

Датируется письмо исходя из того, что диссертация А. И. Покровского «Соборы Древней Церкви эпохи первых трех веков христианства» рассматривалась в Совете МДА 7 марта 1916 г. В этой диссертации А. И. Покровский проводил идеи об участии мирян в церковном управлении. Несмотря на отрицательный отзыв рецензента А. И. Алмазова и отрицательное мнение ректора МДА епископа Феодора большинством голосов Совета А. И. Покровскому была присуждена степень доктора богословия. Однако Синод не утвердил решения Совета МДА (*Голубцов 1999**, С. 102). Вероятно, это было связано не только с низким качеством диссертации (что признавал и И. В. Попов в письме к архиепископу Арсению (см.: Там же. С. 59)), но и с общей «либерально-церковной» позицией А. И. Покровского, о чем и упоминал свящ. Павел Флоренский. Так, на съезде одного из союзов в своем выступлении он признавал «возможным изменять каноны и уставы церковные помимо Вселенских Соборов “сообразно нарастающим потребностям народа”» (Там же. С. 39). В 1909 г. А. И. Покровский был уволен из МДА и преподавал в Московском, а затем Новороссийском университетах.

После увольнения епископа Феодора с поста ректора МДА, 4 мая 1917 г. Совет МДА просил Синод вернуть уволенных ранее профессоров, в том числе и А. И. Покровского, восстановить их в званиях и должностях. Ходатайство это было удовлетворено.

щемуся, готовы заткнуть горло ругательством, а если бы была сила, то и чем-нибудь подействительнее? Я, в данном случае, имею в виду Совет в отношении диссертации А. И. Покровского. Прежде всего, смею Вас уверить, что я был бы против нее, хотя бы был и в единственном числе. Признать ее для меня значит оплевать самое дорогое. И тут дело не в диссертации, а в Покровском, много лет оплеывающем Церковь, о чем я знаю из сообщений людей мне близких, и теперь желающем получить степень доктора кан<онического> права, чтобы к себе как общественной единице прибавить десяток нулей и стать в глазах общества крайним судиею в делах канонических. Почти год тому назад я говорил Н. Г. Высоцкому в Москве против дис<сертации> Покровского и в выражениях гораздо более резких, чем сейчас. Если бы он искал степень доктора психологии или еще что, то мне было бы все равно, получит он ее или нет. Но дать ему степень докт<ора> канн<онического> права — это значит совершить предательство в отношении к Церкви. Если бы мы были не в Дух<овной> Акад<емии>, а в Штабе, то за деяние, подобное присуждению степени докт<ора> канн<онического> права — вручение корпуса заведомому врагу, — Вас надо было бы повесить. Но пусть я ошибаюсь, пусть А. И. Покровский — преданнейший слуга Церкви. Однако почему Вы не хотите признавать даже субъективной правоты? Никого, кроме Бога, я никогда не боялся и не боюсь. А если Ваши друзья желают объявлять войну, то я принимаю этот вызов; но пусть знают, что если война — так война. Ни для кого я не предаю того, чем дорожу больше всего и ради чего оставил людей, которых любил больше всего. Но надо знать, что же из двух.

А в частности, именно о диссертации, скажу, что если бы она была в 10 раз толще и если бы Вы не могли сделать против нее ни одного возражения, то я все равно (и независимо от моих церковных убеждений) неумение различать науки нормативные от наук описательных считаю невежеством столь существенным, что оно не искупается какой угодно усидчивостью в изучении источников. Между тем, это смешение основных задач и методов научной работы у нас господствует, и ему под видом объективности всячески покровительствуют.

Ваш покорный слуга,
священник Павел Флоренский

4. ПИСЬМО СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
А. И. ВВЕДЕНСКОМУ <ОК. 21 МАЯ> 1912 г.⁹

Глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Отправляя к Вам сочинения студ<ента> С. А. Голованенко, я не могу удержаться от некоторой «исповеди» пред Вами в чувствах и состояниях, которые Вы, как несравненно более меня опытный и в жизни, и в науке, конечно, испытали, так что меня поймете. Мне хотелось бы, чтобы эта моя «исповедь» осталась между нами и, в особенности, чтобы о ней не знал сам Голованенко. Но поверьте моему слову, что я не только не имею в виду «убеждать» Вас в достоинстве Голованенко, чтобы оставить при Академии, но даже сам, в глубине души, не знаю, хочú ли я, чтобы его оставили, — не знаю потому, что при современных условиях, когда всегда можно ожидать всяких неожиданностей и когда положение науки стало каким-то двусмысленным, самое пребывание Голованенко в Академии может неблагоприятно отразиться на развитии его духовных сил. Он еще юн и летами, и душою, и то, что нам, старшим его, просто тяжело, то ему может быть невыносимо. (Одно из важнейших обстоятельств, которые я имею в виду, — это какая-то неопределенность Академии и по ее Уставу, и по ее составу: никак

⁹ Письмо священника Павла Флоренского А. И. Введенскому публикуется по первоначальному варианту, оставшемуся у самого свящ. Павла Флоренского в качестве «копии» (в конце данного письма приписка карандашом: «Послано в измененном виде. П. Ф.»).

А. И. Введенский (1861–1913) — профессор МДА по кафедре Метафизики и логики (1892–1913). Один из учителей священника Павла Флоренского. См. о нем выше: *Марков. Воспоминания* (примеч. 87).

Хронология письма определяется по дате отзыва свящ. Павла Флоренского о кандидатском сочинении студента 67 выпуска МДА Сергея Голованенко на тему «Проблема опыта (опыт научный и опыт общечеловеческий)» 21 мая 1912 г. (БВ. 1912. Т. 3. № 12. С. 220–224 (3-я пагин.); 1913. Т. 1. № 2. С. 225–226 (3-я пагин.)).

С. А. Голованенко (7 октября — кон. 1930-х гг.²) окончил Якутскую духовную семинарию. После окончания МДА в 1912 г. был направлен преподавателем в Ярославскую духовную семинарию. Будучи там преподавателем, С. А. Голованенко стал активным автором «Богословского вестника». Ему принадлежат статьи:

1. Православие и культ предков // БВ. 1914. Т. 2. № 5. С. 83–109 (2-я пагин.).
2. Имманетизм и христианская философия. О реал-философских предпосылках Н. Ф. Феодорова // БВ. 1914. Т. 2. № 7/8. С. 569–592 (2-я пагин.).

не можешь выяснить себе, какова, собственно, задача Академии и что именно надо делать).

Голованенко явился ко мне, уж не знаю по чьему наущению, сейчас же по приезде в Академию из далекого Якутска. Не могу сказать, что именно заставило меня обратить на него особое внимание, тем более что его тогдашние воззрения (провинциальный идеализм с либеральным налетом) весьма мало совпадали с моими тогдашними воззрениями, резко аскетическими. Но в силу каких-то причин он привязался ко мне, постоянно приходил ко мне беседовать о разных «мировых вопросах», так что привязался к нему и я. Но, повторяю, как бы близко ни подходили его взгляды к моим формально, в существе они были различны: у него — жизнерадостность, у меня — резиньяция, у него — идеализм, у меня — аскетизм. В спорах я не щадил его, но по совести могу сказать, что сделал, что мог, чтобы «воспитать» его так, чтобы мог дать за него, как за ученика, ответ пред Богом. Вы, старый наставник, знаете лучше моего, что чувство ответственности за ученика, особенно за ученика даровитого, — не шутка и что воспитание дает не одни радости, а гораздо больше трудов и скорбей. А не допускать некоторых

3. Тайна сыновства: (О христианстве Н. Ф. Феодорова) // БВ. 1915. Т. 1. № 3. С. 498—516 (2-я пагин.).

4. Проект или символ? (О религиозном проективизме Н. Ф. Феодорова) // БВ. 1915. Т. 2. № 6. С. 294—314 (1-я пагин.).

5. К суждению о христианстве Н. Ф. Феодорова: (Полемика с Петерсоном) // БВ. 1916. Т. 1. № 1. С. 119—135 (2-я пагин.).

6. Памяти Г. Р. Державина († 8.7.1816 г.) // БВ. 1916. Т. 2. № 7/8. С. 582—586 (1-я пагин.).

7. К истории перевода святоотеческих творений (Переводы Ярославской семинарии) // БВ. 1916. Т. 3. № 10/11/12. С. 536—542 (2-я пагин.),
— а также более 10 рецензий.

По рассказу А. М. Флоренской, во время подавления Ярославского мятежа С. А. Голованенко был взят в число заложников и лишь чудом избежал расстрела (21 июля 1918 г.). После революции он преподавал в Ярославском педагогическом институте, с конца 1934 г. — профессор по кафедре Языкознания в Северном (Вологодском) краевом институте (см.: *Голубцов 1999**. С. 31).

С. А. Голованенко был одним из наиболее любимых и преданных учеников священника Павла Флоренского и сохранял связь с ним до начала 1930-х гг., а его ученики поддерживали связь с семьей Флоренских в послевоенные годы.

«вольностей», затягивать удила — это значит рисковать уничтожить и работу нескольких лет, которая — поверьте — для меня равнялась бы не одной диссертации, по крайней мере в смысле чувства ответственности. Глупая, «толстовская» история, в которой Голованенко, однако, вовсе не был зачинщиком, а лишь одним из многих участников¹⁰, — эта история стоила мне нескольких бессонных ночей.

Вы спросите, о чем я старался. Менее всего о том, чтобы «приготовить» «профессора», а исключительно о том, чтобы помочь развиться «человеку», т. е. <с моей точки зрения>¹¹, сознательному и убежденному борцу за христианство, который был бы во всеоружии и в которых мы, наша Русская Церковь, так нуждается теперь. Теперь я внутренне убежден, что Голованенко стоит на правильном пути и сам сможет прийти туда, куда ему должно прийти, чего ему я от души желаю. Но повторяю, я не знаю, следует ли желать, чтобы его оставили при Академии или не следует, тем более что я уверен, что и помимо Академии он не затеряется. Что же касается до интересов Академии как учреждения, то помимо меня есть столько старших меня, которые отвечают пред Богом за ее состояние, что я внутренне спокойно даю себе «отпуск» в этом отношении и особенно не задумываюсь над тем, что все равно не в моей власти, да, в сущности, и не в Вашей, и даже не в Советской¹². Вот почему я нимало не задаюсь вопросом, «оставят или не оставят при Академии Голованенко?» Считают его подходящим — хорошо, если оставят, считают неподходящим — пусть не оставляют, это не важно, но мне в высшей степени тяжело, когда этот «прагматический» вопрос осложняется подозрительностью и какою-то неприязненностью к личности. Мне думается, что *вообще* нет нужды бояться крутых мер, если они сознаются необходимыми; но если дело не так серьезно, чтобы употребить крутую меру в отношении к студенту, то тогда надо употребить «крутые» усилия, чтобы *внутренне* победить

¹⁰ Группа студентов Московской духовной академии послала вдове Л. Н. Толстого телеграмму соболезнования в связи со смертью супруга. Выяснилось это совершенно случайно при обыске у С. А. Голованенко, который был тогда студентом 3-го курса (Голубцов 1999*, С. 31).

¹¹ В тексте: «для меня».

¹² Имеется в виду Совет Академии.

его. Отчего ж не выгнать студента, если он безнадежен; но если он не безнадежен, если он еще студент, то окружить его атмосферой недоверия — это значит возбуждать недоверие к себе. Но Голованенко, не будучи изгнанным, прожил все четыре года у нас именно в положении человека под тайным надзором, и для него, при его гордости и его юношеской прямолинейности, особенно в первые годы, такое положение было невыносимо. Ради Бога не подумайте, будто я сколько-нибудь отношу это к Вам: тогда я не стал бы писать Вам своих наблюдений в течение курса его обучения; когда я видел, как он страдает от этого своего положения, я не раз втайне желал, чтобы его исключили из Академии и тем положили конец этому облаку, нависшему, но не разражающемуся.

Теперь, несколько слов о самом сочинении. Мне трудно судить его, потому что основные идеи его — мои идеи; я не знаю, что думает о себе Голованенко, но я воспринимаю его как ученика, и ученика не только своего, но и всей нашей, общей мне, и Вам, и нашим учителям школы философии. Почти о каждом из вопросов этого сочинения я разговаривал с Голованенко и разъяснял их на лекциях и практических занятиях. Но это я говорю не для умаления заслуг Голованенко, а к тому, чтобы пояснить, почему я лишен возможности судить его. Однако, ни одно место его сочинения не есть заимствование; везде усвоение органическое, применение к частным случаям, самостоятельное обоснование. Одним словом, он ученик в лучшем смысле слова, как всякому должно быть в свое время учеником, но явно становящийся на свои ноги. Характерным для Голованенко является и выбор темы, ибо далеко не все то, о чем мы говорили и что я старался доказать ему, воспринято и, тем более, воспринято в одинаковой мере. Тут определенно сказывается свой философский темперамент.

А с другой стороны, если принять во внимание, до чего мало — чтобы не сказать «ничего» — усваивали в такой же промежуток времени другие мои ученики, то делается весьма наглядным и «емкость» Голованенко, и его добросовестность.

С внешней стороны сочинение оставляет желать многого. Общая структура обдуманна, по-моему, хорошо, но самое изложение велось с такою быстротою (начал писать Голованенко свое сочинение после

ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА ПРОФЕССОРАМ АКАДЕМИИ

Пасхи), что оказывается весьма необработанным: повторения, недостаточная связность речи, конспективность... Этому способствовали еще и переписчики. По крайней мере, относительно глав <пропуск места для 2—3 слов> сам Голованенко, прочтя их впервые после того, как сочинение было переплетено, приходил в отчаяние и весьма расстраивался.

[Далее приписано позднее карандашом:]

Послано в измененном виде. П. Ф.

Публикация игум. Андроника (Трубачева)

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД 1909/10
ПРОФ. МДА А. Д. БЕЛЯЕВА:
КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО ДОГМАТИКЕ НА
4 АКАДЕМИЧЕСКОМ КУРСЕ

Проф. Александр Дмитриевич Беляев (23 июля 1849 г. — 2 февраля 1920 г.) стал приват-доцентом кафедры Догматического богословия МДА по окончании Академии в 1876 г., заняв место почившего ректора прот. А. В. Горского¹. Предпоследним годом его преподавания был 1909/10 уч. год, вскоре после которого он ушел за штат². Те долгие годы, когда он беспрерывно преподавал в МДА (1876–1911), были временем расцвета русского догматического богословия. К началу его деятельности на этом поприще уже были опубликованы классические труды архим. Антония (Амфитеатрова), митроп. Макария (Булгакова) и архиеп. Филарета (Гумилевского)³. А в годы его преподавания вышли в свет масштабные догматические системы еп. Сильвестра (Малеванского)⁴ и прот. Н. Малиновского⁵. В 1904 г. проф. А. Д. Беляев был официальным оппонентом на магистерском

¹ Голубцов 2002. С. 81.

² Сухова 2002. С. 586.

³ Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви с присовокуплением общего введения в курс богословских наук. К., 1848; Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. 1–5. М., 1849–1853; Филарет (Гумилевский), архиеп. Православное догматическое богословие. Т. 1–2. Чернигов, 1864.

⁴ Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов). Т. 1–5. Киев, 1884–1897 (перезд.: СПб., 2010). Первоначально печатался в ТКДА за 1877–1891 гг.

⁵ Малиновский Н., прот. Православное догматическое богословие. Т. 1–4. СПб., 1909–1910. Сравнительный анализ указанных трудов см.: Никитина С. В. Пять основных догматических систем РПЦ второй половины XIX — начала XX века: Понимание догмата, задач догматики и богословского метода (<<http://pstgu.ru/download/1269938666.Nikitina.doc>>).

диспуте прот. Н. Малиновского, представившего на защиту в МДА первую часть своего «Православного догматического богословия»⁶.

Сам А. Д. Беляев своего полного печатного курса не оставил, хотя обширным первоначальным очерком его системы может считаться его знаменитая магистерская диссертация «Любовь Божественная»⁷. Полагая в основу учения о сотворении мира и спасении человека одно начало Божественной любви, он стремился здесь к внутреннему единству и «органичному» характеру догматики, восполняя тем самым лишь «внешнюю» систематическую стройность традиционных курсов. Особое внимание он уделял психологической стороне жизни Спасителя и Его «кеносису»⁸. Несмотря на первоначально восторженную оценку диссертации⁹, позднее она вызывала очень серьезные нарекания. Во многом подводя итоги критике этого труда, прот. Г. Флоровский ставил в вину А. Д. Беляеву излишнюю склонность к нравственному толкованию догматов, пренебрежение к святоотеческим творениям, расщепочный психологизм и преувеличенную заостренность внимания на внутренней борьбе Спасителя в Гефсиманском саду. Он видел в книге А. Д. Беляева первый в русском богословии опыт нравственного психологического толкования догмата искупления, характерного позднее для митроп. Антония (Храповицкого) и других русских религиозных мыслителей¹⁰. Определенный разрыв с традиционной догматикой дал основания одному современному исследователю причислять автора диссертации к творцам «нового богословия»¹¹.

⁶ См.: М. Б. [= Бенеманский М. И.] Из академической жизни: Магистерский диспут Ректора Подольской Духовной семинарии протоиерея Н. П. Малиновского: [Православное догматическое богословие. Ч. 1 и 2, 1-я половина. Харьков, 1895; Ставрополь, 1903] // БВ. 1904. Т. 2. № 6. С. 254–273 (3-я пагин.); Беляев 1904. С. 594–602.

⁷ Беляев А. Любовь Божественная: Опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной. М., 1880.

⁸ Сухова 2002. С. 586.

⁹ Голубцов 2002. С. 86; Сухова 2002. С. 586.

¹⁰ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 436–437. Ср.: Голубцов 2002. С. 83–86; Сухова 2002. С. 586–587.

¹¹ Асмус В., прот. О кандидатской диссертации св. Андроника // Андроник (Никольский), архиеп. Древнецерковное учение об Евхаристии, как жертве — в связи с вопросом об искуплении. М., 2008. С. 285.

В первые годы преподавания А. Д. Беляев во многом следовал методологии и содержанию своего печатного труда. Так, по словам А. П. Шостыгина¹² — одного из первых слушателей его ранних лекций, «освещая догматы», А. Д. Беляев «исходил из одного высшего начала — любви Божией». «Догматика в его изложении представляла собой не ряд параграфов и рубрик, подтвержденных библейскими текстами и выдержками из святоотеческих творений, а живой и внутренне объединенный организм богооткровенной истины»¹³. Однако есть основания полагать, что со временем происходит все более заметный поворот А. Д. Беляева к традиционному богословию. Об этом ярко свидетельствует уже его докторская диссертация «О безбожии и антихристе»¹⁴, с ее глубоким проникновением в святоотеческую мысль и решительным неприятием богословского либерализма. Меняется и сам характер его преподавания. По воспоминаниям учеников, в его лекциях зазвучала «обычная догматика, в ее схоластических формах и сухих определениях, со ссылками на всевозможные подлинники»¹⁵. Примечательна и его, в целом благожелательная, оценка первой половины выдержанного в традиционном духе «Православного догматического богословия» прот. Н. Малиновского¹⁶, особенно если сравнить ее с той убийственной критикой, которую пришлось вынести автору последней русской «школьной» догматики позднее, на докторской защите в МДА. Видимо, с известной долей условности можно говорить о формировании «второй догматической системы» проф. А. Д. Беляева, отмеченной его постепенным обращением от либеральных тенденций в богословии к более традиционным подходам. Но если о содержании его «первой системы», как мы уже отметили, можно судить по его маги-

¹² Подробнее о деятельности А. П. Шостыгина см. выше в статье прот. Павла Ходзинского и Н. Ю. Сухой «Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии» (С. 312–320) и в «Воспоминаниях о Московской духовной академии начала XX века» Д. А. Маркова (С. 745).

¹³ Голубцов 2002. С. 81.

¹⁴ Беляев А. О безбожии и антихристе. СПб, 1898.

¹⁵ Краткие воспоминания о Московской духовной академии в период 1876–1880 г. // У Троицы в Академии 1914. С. 184–185.

¹⁶ См.: Беляев 1904. С. 601–602.

стерской диссертации, то какими-то подробными материалами, касающимися его поздних лекций, мы не располагаем. В печатном виде они не выходили, а обширный архив А. Д. Беляева¹⁷ был нам недоступен.

Настоящая публикация отчасти восполняет этот пробел. Ниже предлагается курс лекций 1909/10 уч. г., прочитанный проф. А. Д. Беляевым незадолго до ухода за штат в связи с пенсионным возрастом. Данный курс лекций печатается в конспективном варианте — по записям дежурных студентов¹⁸, которые в конце каждой лекции «авторизировались» подписью преподавателя. А. Д. Беляев преподавал на 4 курсе Академии. Записи по догматике сохранились в тетради наряду с записями по пастырскому¹⁹ (лекции А. П. Шостьина и еп. Феодора (Поздеевского)) и нравственному богословию (лекции М. М. Тареева), а также по русской гражданской истории (лекции М. Богословского). По счастливой случайности, данная тетрадь находится в библиотеке МДА, в то время как большая часть подобного рода учебных материалов в основном оказалась в НИОР РГБ. Следует отметить, что публикуемые материалы представляют собой только часть курса (1-е полугодие 1909/10 уч. г. с 4 сентября по 12 декабря) — продолжение должно было записываться в следующей тетради, судьба которой неизвестна. К счастью, в архиве МДА сохранилась папка с разными материалами из жизни дореволюционной Академии, включая отдельно напечатанную в типографии Троице-Сергиевой Лавры программу лекций по догматике за тот же самый учебный год. Эта программа,

¹⁷ Архивы: НИОР РГБ. Ф. 26 [Личный фонд А. Д. Беляева]; Ф. 172. Д. 180. 3 [Отзыв на канд. работу Б. «Современное состояние вопроса о значении расовых особенностей семитов, хамитов и иафетитов в деле их религиозного развития»], Д. 180. 7 [Студенческая работа Б. «О внимании»]; ЦГИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 254 [Личное дело студента А. Д. Беляева], Д. 5020 [Личное дело преподавателя А. Д. Беляева] (Сухова 2002. С. 588).

¹⁸ Лекции проф. А. Д. Беляева конспектировали следующие дежурные студенты: В. Александровский, В. Архангельский, А. Бабаков, свящ. Н. Баронов, С. Благовещенский, М. Беляев, С. Волков, А. Волков, свящ. А. Вьюнов, В. Вязовский, А. Горский, Д. Вышеславцев.

¹⁹ См. ниже публикацию лекций по пастырскому богословию из той же самой тетради: Конспект лекций А. П. Шостьина и еп. Феодора (Поздеевского) по пастырскому богословию на 4 академическом курсе: 1909/10 учебный год. С. 794—819.

по сути, является точным планом тех записей, расшифровка которых предлагается ниже²⁰.

Иеромонах Феодор (Юлаев)

ЛЕКЦИИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВИЮ

1. ПРОГРАММА

(1.)²¹ 1. Понятие о христианских догматах как предмете догматического богословия. Существенные черты христианского догмата. Понятие о догматическом богословии. Задачи этой науки.

(2.) 2. Образцы церковного вероучения: а) символы веры, б) соборные вероопределения, в) исповедания веры.

(3.) 3. Догматическая система Оригена: «О началах».

4. Догматика в период Вселенских Соборов.

5. Догматическая система св. Иоанна Дамаскина: «Точное изложение православной веры».

(4.) 6. История догматики на Западе в средние века.

7. История протестантской догматики.

8. История католической догматики со времени Реформации.

9. История догматики в Греции со времени отделения Запада от Востока и в России.

(5.) 10. Естественный способ богопознания по учению — а) Священного Писания, б) отцов Церкви. Значение естественного способа богопознания.

(6.) 11. Учение Священного Писания и святых отцов об откровенном способе богопознания.

²⁰ Расшифровка текста осуществлена А. А. Чепой, А. А. Васильевым, И. Г. Приходько и М. Г. Калининим. Примечания составлены иеромон. Феодором (Юлаевым) и М. Г. Калининим. Тексты конспектов переданы в современной орфографии и пунктуации.

²¹ В скобках приводится та нумерация, которая сделана от руки карандашом на печатном экземпляре программы. Трудно сказать, сделана ли эта правка нумерации самим А. Д. Беляевым или кем-то другим. Судя по содержанию лекций, цифры в скобках отражают новый, менее дробный, тематический план при сохранении исходного лекционного материала (некоторые разделы объединены в более общие, которые и были пронумерованы карандашом).

(7.) 12. Учение о существе Божиим и о свойствах Божиих Священного Писания и отцов Церкви.

(8.) 13. Бог есть дух. Свойства Бога как духа: разум с его свойствами — самосознанием, всеведением, премудростью; воля с ее свойствами — свободой, святостью, всемогуществом; чувство и его главное свойство — любовь.

14. Понятие о единстве Бога. Истина единобожия в Ветхом Завете. Рационалистические мнения о ветхозаветном монотеизме. Учение о единобожии Нового Завета. Рациональные доказательства истины единобожия.

(9.) 15. Учение о Святой Троице Ветхого Завета. Указания в Ветхом Завете: а) на множественность лиц в Боге; б) на троичность лиц; в) на каждое лицо в отдельности.

(10.) 16. Учение о трех лицах Божества Иисуса Христа.

(11.) 17. Учение о трех лицах Божества апостолов Петра, Павла и Иоанна.

(12.) 18. Аналогический способ познания догмата о Св<ятой> Троице. Логический способ оправдания учения о Св<ятой> Троице (Ансельм).

19. Учение о Сыне Божиим Иустина Мученика.

20. Учение о Святой Троице Тертуллиана.

(13.) 21. Арианское и православное учение о Святой Троице в IV веке.

II. ЛЕКЦИИ

(1.) 1. Понятие о христианских догматах как предмете догматического богословия. Существенные черты христианского догмата. Понятие о догматическом богословии. Задачи этой науки²²

4 сентября

Предмет догматического богословия — вечная истина. Необходимость для человека Богом данной истины. Недостаточность собственных сил человека для достижения абсолютной истины. Иллюстрация

²² Рубрикация лекций составлена редакцией на основании приведенной учебной программы А. Д. Беляева.

этого положения. Значение абсолютной истины для самостоятельности человеческого духа. Изменчивость догматического богословия как внешней формы для выражения абсолютной истины²³. Попытки пап установить определенную и неизменную систему догматического богословия. Оценка этих попыток. Содержание богословствующей деятельности. Понятие о догматическом богословии. Различные названия догматического богословия.

5 сентября. Две лекции

<Лекция 1>. Понятие о слове *δόγματα*. Различные значения этого слова у классических и церковных писателей. Установка основного понятия «догмат» как вероопределения Церкви. Неправильность понимания *δόγματα* у Макария²⁴. Различные определения к слову «догмат» и их значение. Вопрос о непостижимых и смешанных догматах.

²³ Изменяемость внешних форм изложения догматического богословия (как человеческой науки) при неизменности догматов — принципиальное положение А. Д. Беляева. В своей заметке по поводу магистерского диспута прот. Н. Малиновского он (в защиту диссертанта) указывает на безопасность нравственного и философского раскрытия догматов (особенно в учебных курсах) и чрезмерного увлечения догматиста собственными мыслями, когда учение Священного Писания и Церкви отодвигается на второй план. Тем не менее, ниже он пишет: «Говоря это, я отнюдь не желаю, чтобы новые догматики были копиями старых. Почти все мои возражения как в отзыве, так и на диспуте отмечали дурные плоды рабской зависимости от догматических систем и других пособий книги о. Малиновского. Могут быть даже пролагаемы новые пути в построении и раскрытии догматик, как и других богословских и небогословских наук». «Догматы, как истины божественные, неизменны и неприкосновенны. Но уяснение и раскрытие их в сознании людей, силою разума и чувства, всегда подвергалось переменам и всегда будет подлежать им». «Богословие — дело человеческое и как таковое имеет достоинства и недостатки, а потому и должно быть совершенствуемо» (*Беляев 1904*. С. 601).

²⁴ Очевидно, речь идет о митроп. Макарии (Булгакове), который дает следующее определение: «Под именем христианских догматов разумеются откровенные истины, преподаваемые людям Церковью как непререкаемые и неизменные правила спасительной веры» (*Макарий, митрополит Московский и Коломенский*. Православно-догматическое богословие. Т. 1. СПб., 41883. С. 7). Чрезмерная краткость студенческой записи в этом месте оставляет только догадываться, что вызвало критику проф. А. Д. Беляева и возражал ли он против самого этого определения или против предложенного митроп. Макарием филологического разбора слова *δόγματα*.

Лекция 2. Вопрос о праве отдельных лиц иметь свои мнения в области догматики. Различие между ересью и частным неправильным мнением. Ересь есть упорное непризнание определенной истины. Вопрос о возрастаемости <количества> догматов. Положительное решение этого вопроса. Условия такого решения: согласованность со Св<ященным> Писанием и голос Вселенской Церкви. Теория развития догматов. Мнение митр<ополита> Филарета <Московского>, высказанное в письме к <архиепископу> Иннокентию <Херсонскому> (напечатано в «Хр<истианском> чт<ении>» в <18>84 г.)²⁵. Западное происхождение этой теории и повод к ее появлению. Отсутствие у католических богословов обстоятельного раскрытия указанной теории. Силлабус и энциклика <«Pascendi Dominici Gregis»> папы Пия <X> от 3 июля и 8 сентября²⁶ 1907 года против модернизма. Непоследовательность пап в решении вопроса о развитии догматов. Отношение протестантизма к вопросу. Принципиально — протестантизм не может допускать развитие догматов. Практически — он широко пользуется правом устанавливать новые вероопределения. Пример Лютера.

11 сентября

На двух лекциях по догматическому богословию студенты слушали разбор мнений, высказанных в русской литературе по вопросу о развитии догматов. Изложено было мнение В. С. Соловьева и разобраны его ссылки на *Διδαχὴ τῶν δώδεκα Ἀποστόλων*²⁷.

²⁵ «Будьте вернее в мале, если хотите быть поставлены над многим. Некоторые сочинения ваших студентов хороши и православны; но в иных говорят, например, что догматы *развились* в течение нескольких веков, как будто их не преподали Христос, апостолы, священные книги или бросили тайно малое семечко. Соборы *определяли* догматы известные и определением ограждали от лжеучений вновь возникающих, а не догматы развивали вновь. Говорят, что догматы развиты *удачно!* Что *церковь во втором веке утвердила человечество И<исуса> Х<риста>*, как будто оно в первом веке не утверждалось и не было известно! [курсив автора. — Ред.]» (ХЧ. 1884. Ч. 1. С. 200).

²⁶ В конспекте ошибочно: «7 сентября».

²⁷ Очевидно, речь идет о работе В. С. Соловьева «Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении Церквей» (М., 1886). В. С. Соловьев обращается к

12 сентября

1. История догматического богословия: <свято>отеческое, средневековое и новое. Характеристические особенности богословия каждого периода. Отеческое, или патристическое, богословие и наиболее видные представители его: Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и его огласительные и тайноводственные слова. Краткий обзор слов обоего рода.

(3.) 3. *Догматическая система Оригена: «О началах»*

2. Ориген и его догматическое сочинение «О началах». Иероним и его взгляд на догматическое сочинение Оригена. Учение Оригена о Боге Отце, Сыне и Святом Духе. Учение о существах разумных: ангелах и людях, добрых и злых; возвращение всех к добру. Учение о безначальности мира. Цель творения — благодать Божия. О добре и зле, о падших духах; возвращение к добру через освящение. Учение Оригена о нравственной свободе и ответственности за свои поступки; выбор во всем. Ориген допускает учение о промышлении и искуплении. Учение о Лице Иисуса Христа и Его существе. Конечный взгляд Оригена на дело промышления и искупления как собрание всех около Бога. Учение Оригена о мирах, рае, блаженстве и мучении. Конечный результат спасения: «Бог — всяческая во всех». Источники учения Оригена по его собственному мнению. Священное Писание и нравственное учение Церкви о Боге, о Сыне Божиим, о Святом Духе, о душе человека, свободной воле, о диаволе, о мире и его конце. О Священном Писании, об ангелах,

«Дидахи» как свидетельству недогматического сознания I века христианства. По мнению философа, изложенная в «Дидахи» «вера в Господа пришедшего и еще имеющего прийти есть вера живая и конкретная, чуждая всяких отвлеченных определений. Истина Христа еще не расчленилась в церковном сознании на особые догматы о Его личных и природных отношениях к Божеству и к человечеству» (С. 39). Догмат, таким образом, понимается не как раскрываемое, но как существенно изменяемое вероучительное положение. А. Д. Беляев неоднократно полемизировал в печати с В. С. Соловьевым. См. его работы: По поводу статьи Вл. Соловьева «Россия и Европа» // ВиР. 1889. Т. 1. Ч. 1. № 5; Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания»] // БВ. 1892. Т. 2. № 6. С. 439–459 (2-я пагин.); № 7. С. 39–57 (2-я пагин.); Т. 3. № 9. С. 361–380 (2-я пагин.); № 10. С. 1–22 (3-я пагин.); БВ. 1893. Т. 1. № 3. С. 397–430 (2-я пагин.).

о солнце, звездах и пр. Влияние языческой философии на мировоззрение Оригена. Взгляд Оригена на веру и знание (гносис), предпочтен <ие> второму. Господство философии Платоновой, об идеях²⁸. Идеалистический полет мысли, заблуждения Оригена. В нем видят предшественника Ария и Пелагия. Причины, приведшие к выработке столь оригинального мирозерцания. Мнение о нем <Э. де> Прессансе²⁹.

18 сентября

4. *Догматика в период Вселенских Соборов.*

5. *Догматическая система св. Иоанна Дамаскина: «Точное изложение православной веры»*

Лекция 1. Обзорение дальнейшей истории догматического богословия в святоотеческий период. Догматическая система Феодорита Кирского «Сокращенное изложение божественных догматов». Догматика Иоанна Дамаскина; ее отношение к раннему и последующему догматическому богословию.

Лекция 2. План и разделение на части богословской системы Иоанна Дамаскина. Краткий обзор содержания догматики Иоанна Дамаскина. Оценка догматики Дамаскина. Взгляд свв. отцов на богословствование. Общие замечания о догматическом богословии в святоотеческий период.

(4.) 6. *История догматики на Западе в средние века*

19 сентября

Лекция 1. История богословия со времени отпадения Западной Церкви от союза с Церковью Восточной. Схоластика и мистика на За-

²⁸ При всем очевидном влиянии платонизма на систему Оригена, само учение об идеях подвергалось александрийским учителем критике: «Мы сказали, что изображение этого мира трудно для нас, с той целью, чтобы не подать кому-нибудь повода думать, будто мы признаем существование каких-то образов, которые греки называют *ἰδέαι*, мы совершенно чужды того, чтобы признавать бестелесный мир, существующий только в воображении ума и в игре представлений, и я не понимаю, как можно утверждать, что Спаситель из этого мира или что туда пойдут святые» (О началах 2. 3. 6).

²⁹ Подразумевается фундаментальный труд Э. де Прессансе «Histoire des trois premières siècles de l'église chrétienne» (Paris, 1858–1877. V. 1–6; ²1887–1889).

паде. 1-й период схоластического богословия: Ансельм Кентерберийский, <Пьер> Абеляр, Гуго <Сен-Викторский>, Петр Ломбард. Их сочинения. 2-й период схоластического богословия: Фома Аквинат.

Лекция 2. <Иоанн> Дунс Скотт. 3-й период схоластического богословия.

Недостатки и достоинства схоластического богословия. — Мистическое богословие. Понятие о мистике и мистическом богословии. Бернхард Клервоский.

2 октября

Мистики средних веков церковного направления. Богословие мистиков после Бернарда. Иоанн Бонавентура — мистик XIII века. Метафизическое направление учения Бонавентуры. Сочинения его. Мистический способ понимания Писания. Последующие мистики: <Ян ван> Райсбрюк, <Генрих> Сузо, Иоганн Таулер (XIV в.³⁰). Фома Кемпийский и его книги: «Подражание Христу» и новая — «О жизни и страданиях Г<оспода> И<исуса> Христа» (мистическая пис<ьменность> XV в). Мистик<и> XIV–XV в. Иоанн < Дунс Скотт>. 3 пункта его уч<ени>я и 3 вида богословия (б<огословие> символич<еское>, собств<енное> и мистическое).

Мистики пантеистического направления. <Мейстер> Экхарт и ученик его <Иоганн> Таулер (XIII–XIV вв.). Отношение средневекового мистичес<еского> учения к Реформации (протест<антизму>). Связь Реформации, мистики и протестантизма. Отличие и сходство Рационализма и Мистицизма в религиях. Мистики: Ио<анн фон> Стаупиц и <Гансфорт> Вессель (XV и XVI в.).

[7]. 8. *История католической догматики со времени Реформации*

Лекция 1. Деление богословской западной науки после Реформации на католическую и протестантскую. Схоластическое богословие сохранилось в богословии католического Запада.

Лекция 2. Борьба Римско-Католической церкви против протестантизма (полемика) в XVI в. На догматику Меланхтона написал опро-

³⁰ В конспекте: «XIII–XIV вв.».

вержение <Иоганн> Эк<к>. Деяния Тридентского собора. Символические книги Католической церкви. Судьба римско-католической догматики в XVII веке. Подражание системе Фомы Аквината в Испании. Индекс запрещенных книг. Богословие XVII в. в Италии. Богословие XVII века во Франции: <Жак Бенинь> Боссюэт, <Франсуа> Фенелон, <Готфрид> Арнольд³¹. Дионисий Петавий³². Его труд <«О богословских догматах»>. Упадок богословской науки во Франции в XVIII столетии вследствие упадка веры. Уничтожение древней Сорбонны. Богословие во Франции в XIX стол<етии> и в Германии.

3 октября

Лекция 1. Догматическое богословие в католичестве школы <Г.> Гермеса. Философский характер этой системы. Гермесово «Введение в <христианское католическое> богословие». Цель этого богословия и содержание этого учения. Появление книги Гермеса в 1819 г. (первой части и через 10 лет <в 1834 г.> второй части <«Христианская догматика»>³³). Содержание той и другой части. Односторонность и ошибки метода Гермеса. Судьба учения Гермеса. Модернизм в католичестве как новое явление последнего времени. Понятие о модернизме. Отзыв о католическом богословии на <Шестом> психологическом конгрессе в Женеве³⁴ в июне сего года.

[8]. 7. История протестантской догматики

Лекция 2. Религиозно-церковное движение, или раскол, в Римско-Латинской церкви в XVI столетии. Реформация Лютера. Чего хотел Лютер? Сила оппозиции протестантства. Стремление протестантов почерпать свое новое учение из первенствующей Церкви. Неустойчивость такого стремления. Измена первенствующей Церкви. Отрицания протестантов. Принятие из учения Августина таких пунктов, каких

³¹ Немецкий pietист XVII — нач. XVIII в. Неясно, почему он вошел в этот список. Возможно, немецкий богослов был попутно упомянут А. Д. Беляевым и включен студентом в конспект лекции.

³² В конспекте ошибочно: «Бетания».

³³ В конспекте: «1-й ч. и через 10 л. 2-й ч.».

³⁴ Зачеркнуто: «на психологическом конгрессе в Женеве».

не было в учении первенствующей Церкви. Отрасли протестантизма в Западной и Восточной Европе. Взаимные отношения протестантов разных зап<адно>-евр<опейских> государств. Протестантская догматика. Ее разделение на протестантскую³⁵, англиканскую и реформатскую. Символические книги протестантизма. Меланхтон и его догматика < («Locī communes theologicī») >. Последующие изменения в догматике Меланхтона. Догматика Меланхтона как основа последующих догматических систем. Взаимные споры сектантов. Стремления к объединению догматических систем. Схоластичность протестантской догматики XVII ст<олетия>. Три ее направления: 1) строго-лютеранское, 2) симплицистическое и 3) учение о спасении <нрзб.>. Последующее развитие протестантской догматики. Переходный период догматики с конца XVII ст<олетия> вследствие появления протестантизма. Библейское, историческое и философское направление догматики. Представители этих направлений и их труды.

9 октября

1. Протестантское богословие в XVIII веке. Философское его направление, вырождающееся в рационализм. Характеристика рационализма. Посредствующее направление богословия чувства. Шлейермахер. Его биография и общие религиозные воззрения. «Glaubenslehre» Шлейермахера и содержание его догматики.

2. Влияние Шлейермахера на современников и на последующие времена. Срединное положение Шлейермахера между церковным богословием и рационализмом. «Левые» и «правые» представители школы Шлейермахера.

10 октября

Рационалистическое направление богословия в XIX ст., связанное с философией. Влияние германских философов Канта, Фихте Старшего, Шеллинга и Гегеля на богословие протестантское. Незначительное влияние этих философов на богословие в России³⁶. Изложе-

³⁵ Имеется в виду: «лютеранскую».

³⁶ Ср.: «В Берлине он [Шлейермахер. — Ред.] соперничал по силе своего влияния даже с Гегелем, — совершенно и давно забытым, но всемогущим в свое время Гегелем

ние и разбор учения рационалистов <Юстуса> Липсиуса и <Отто> Пфлейдерера, <Алоиза Эмануэля> Бидермана. Изложение и разбор богословия Ал<льбрехта> Ричля.

Взгляды Ричля на религию, богопознание, миропознание, на христианство, задачу, <нрзб.>, смерть и <нрзб.> богословия.

16 октября

Рационализм протестантской Германии, пределы его распространения. Баденский синод и его постановление. Вопрос об Апостольском Символе. Прения церковников и либералов. Победа последних и отвержение Символа. Конфирмационная формула. Влияние решения Синода на общество и его значение. Церковная протестантская догматика. Догматические сочинения <Готтфрида> Томасиуса³⁷, <Рудольфа> Баксмана³⁸ и др. Догматика <Кристофа Эрнста> Лютарда³⁹ — Compendium <der Dogmatik>. Источники. Реформатская догматика Кальвина — Institutiones...<Religionis Christianae>. Вера в предопределение.

9. История догматики в Греции со времени отделения Запада от Востока и в России

История догматики на Востоке в Греции и славянских землях. Разработка преимущественно догматов, отличающихся от католических. Догматика средних веков — Евфимия Зигабена (XI—XII в.⁴⁰), Симеона Солунского (XV в.), <ее> полемический характер. Исповедание

[курсив наш. — Ред.]» (Беляев 1904. С. 600—601). Подобные суждения А. Д. Беляева, безусловно, преувеличены. Влияние Гегеля на современных А. Д. Беляеву и последующие религиозно-философские и богословские направления (от В. С. Соловьева до А. Ф. Лосева) было огромным.

³⁷ Christi Person und Werk. Darstellungen der evangelisch-lutherischen Dogmatik von Mittelpunkt der Christologie aus. Bd. 1—4. Erlangen, ²1856—1862 (по дореволюционному каталогу МДА № 4571). В конспекте: «Thomasius».

³⁸ Ueber die Grenzen protestantischer Lehrfreiheit auf Kanzel und Katheder. Bonn, 1865. (по дореволюционному каталогу МДА № 5263). В конспекте: «Сахман'а».

³⁹ В конспекте: «Lutard'а». В оригинале фамилия немецкого богослова пишется «Luthardt».

⁴⁰ В конспекте ошибочно: «XIII в.»

веры Досифея, патриарха Иерусалимского, 1672 года. Деятельность Евг<ения> Булгариса в Ватопедском монастыре. Источник — Викентий Дамадос. <Среди> догматических учений система Анфима, патр<иарха> Констант<инопольского>. Западное влияние. Догматика Николая <нрзб.> Полемика со Шлейемахером. Содержание догматики. Деятельность Богословского факультета. Догматика <З.> Роси⁴¹.

Славянские Земли. Юг и ю<го>-з<апад>. Изобретение славянской азбуки и перевод богослужебных книг св. Кириллом. Исповедание веры, представленное папе Иоанну VIII. 3 части: 1 — о Св<ятой> Троице, 2 — Воплощение Сына Божия, 3 — краткие исповедания. Ученики: Савва, Константин Болгарский, Климент Величский <(Охридский)>, его школа и литературная деятельность. Симеон, кн<язь> Болгарский. Деятельность по просвещению Болгарии. Григорий Мних и его переводы.

Состояние богословия на Руси. Полемич<еское> соч<инение> Иосифа <Волоцкого> «Просветитель». <Митрополит> Даниил <Московский>; «Соборник» его. Монах Зиновий Отенский: «Истинное показание <к> вопросившим о новом учении», «Послание многословное к вопросившим на зломудрие Косого»⁴². Перевод догматики И<оанна> Дамаскин<а> (кн. Курбского). Кн. К<онстантин> Острожский; Академия; учителя; направление в Академии, Киевское училище (впосл<едствии> Академия). Науки в Киевском училище; ректор Мелетий Смотрицкий; «...» Кирилл Транквилион, Захарий Копыстенский: «Палинодия»⁴³, «О правдивой единост<и>...»⁴⁴. Петр Могила. Его труды по устройству училища. Киево-могилянская академия. Исаия Козл<овский> «Правосл<авное> исповед<ание> веры». «Малый Катихизис» <(«Собрание короткой науки об артику-

⁴¹ Догматическая система Православной Соборной Церкви. Афины, 1903 (на греч. яз.).

⁴² В конспекте: «Многословное послание против зломудрия Косого».

⁴³ Другое название этого произведения: «Книга обороны Кафолической Святой Апостольской Восточней (Восточной — Ред.) Церкви».

⁴⁴ Полное название: «Книга о правдивой единности православных христиан Церкви Восточной, там же и против апостатов и о их живой уни».

лах веры»⁴⁵) > П. Могилы. Прочтение академий. Курсы по богословию в XVII в.⁴⁶. Характер этих лекций.

23 октября

Киевское богословие XVII и XVIII веков. Феофан Прокопович, Стефан Яворский.

24 октября. Две лекции

Киевское богословие XVIII в. — преподавание богословия; его низкое состояние и средства к его поднятию. Самуил Миславский⁴⁷, Ириней Фальковский⁴⁸ — их догматические труды. Указ Синода о полном курсе богословия. Св. Димитрий Ростовский, Амвросий Московский, Симон Тодорский, Иаков Блонницкий, Манасия Максимович, Иакинф Карпинский. <Их> догматические труды. Богослов XIX века — Иннокентий Борисов — его сочинения и содержание, общая идея их. Взгляд проф. Ястребова на сочинения Иннокентия⁴⁹. Димитрий, арх<иеп>. Херсонский, — его сочинения, Макарий Булгаков — его сочинения, их характер. Догматика Сильвестра.

Состояние богословия в северо-восточной Руси XVII в. — в Москве. Попытки основания школ, основание Академии, преподавание в них, лица, могущие быть преподавателями. Симеон Полоцкий. Братья Лихуды. Сильвестр Медведев. Еллинский характер преподавания в Академии. Перемена направления — влияние киевских ученых. Палладий Роговский, его сочинения (<«Исповедание веры»>). Влияние

⁴⁵ Заглавие на языке оригинала: «Zebranie krotkiey nauki o artykulach wiary prawoslawno katholickey chrzescianskiey».

⁴⁶ В конспекте: «в XVI в.».

⁴⁷ К догматическим трудам митрополита Самуила (Миславского) относятся: «Догматы православной веры» (на латинском и русском; Киев, 1760), «Начальные трактаты богословских лекций Феофана Прокоповича» (изд. в Кенигсберге и Москве в 1773—1776 гг. в 7-ми частях).

⁴⁸ Труд епископа Ириней (Фальковского) «Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae theologiae compendium» (1802) — сокращенный вариант догматической системы Феофана (Прокоповича).

⁴⁹ См.: Ястребов М. Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов) как профессор богословия Киевской духовной академии // ТЖДА. 1900. № 12. С. 522—566.

Стефана Яворского на устройств<о> Академии. Оставшиеся системы богословия от XVIII века. Их характер, их план, приемы, метод. Влияние схоластики. Влияние лютеранства — Феофан Прокопович как инициатор нового направления. Система Кирилла Флоринского, ее отличительные черты.

30 октября. Две лекции

Перемены в преподавании догмат<ического> богословия в Моск<овской> Д<уховной> Ак<адемии> во второй половине⁵⁰ XVIII века. Система <епископа> Феофилакта Горского⁵¹ до нач<ала> XIX в. М<итрополит> Филарет. Катихизис. Отзывы Симеона, арх<иепископа> Ярославского, и катихизис в его первой редакции. Другие труды м<итрополита> Филарета. Библейский характер его богословия. Аналитическо-критический метод. М<итрополит> Филарет вовсе не был склонен к мистицизму. Арх<иепископ> Филарет Черниговский. Его «Догматика» в 2-х томах. Его «Церковная история» и «Патрология». Недостаточная обработанность его трудов. Проф. СПб. Унив<ерситета> <прот. Феофор> Сидонский — философ и богослов⁵². Еп<ископ> Иоанн Смоленский⁵³. Светские богословы: Хомяков; славянофильское в<оз>зрение на Православие.

Учение о Боге: о Самом в Себе. Бытие Божие. Области философские и богословская в учении о бытии Божиим. Задачи богослова-догматиста по вопросу истины бытия Божия; первое место — это истины в догматических системах; апологетические и дидактические задачи систематизатора-догматиста; места Священного Писания с тем и другим характером, направленное главным образом против политеизма.

⁵⁰ В конспекте: «в $\frac{1}{2}$ ».

⁵¹ «Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata seu doctrina christiana de credendis et agendis» (Lpz., 1784; СПб., 21818). До сих пор не издан главный труд еп. Феофилакта — «Гармония и толкование на все Священное Писание».

⁵² По записям студентов был издан курс богословских лекций прот. Ф. Сидонского «Генетическое введение в православное богословие» (СПб., 1877).

⁵³ Иоанн (Соколов), епископ Смоленский, известен как выдающийся канонист. Видимо, А. Д. Беляев упоминает о нем как о толкователе правил Вселенских Соборов (см.: *Иоанн (Соколов), архим.* Опыт курса церковного законоведения. Вып. 1–2. СПб., 1851).

Научно-философские точки зрения на эти места Священного Писания как доказательства бытия Божия; точка зрения Канта, критический разбор скепсиса в учении о бытии Божиим. Общность и вечность веры в бытие Божие как доказательство бытия Божия. Противная точка зрения на учение о бытии Божиим, критический разбор ее. Трудность философского доказательства бытия Божия пред практическим атеизмом. Взгляды пантеистов на доказательства (космологические) бытия Божия. Важность этих доказательств с объективной стороны.

(5.) 10. *Естественный способ богопознания по учению — а) Священного Писания, б) отцов Церкви. Значение естественно-го способа богопознания.*

(6.) 11. *Учение Священного Писания и святых отцов об откровенном способе богопознания*

Возможность богопознания. Познание Бога для человека возможно и доступно; спорность вопроса о степени познания Бога: пантеисты, гностики, ариане и новые философы (Гегель) по вопросу о степени познания Бога. Противоположные точки зрения на степень познания Бога: еретики — Маркион⁵⁴ и современные деисты и позитивисты — отрицали возможность познания Бога; развитие этой точки зрения до атеизма.

31 октября

1. Возможность богопознания. Способы богопознания. Богоуподобление. Недостаточность рационалистического познания о Боге. Мистическое богопознание. Ограниченность человеческого богопознания. Исторический обзор учения о богопознании. Учение отцов Церкви о богопознании: философия, природа. Опровержение учения гностиков о внешнем знании Бога.

2. Учение апологетов о бытии и единстве Бога. Учение о богопознании Тертулиана. Учение о том же предмете Иринея Лионского; его

⁵⁴ У Маркиона это учение приобретало весьма специфичную форму в контексте его еретического богословствования: абсолютную непознаваемость он приписывал Богу Нового Завета, и в этом видел Его отличие от «демиурга», Бога Ветхого Завета (ср.: *Евсевий Кесарийский. Церковная история* 4, 11).

склонность к учению о непознаваемости Бога. Учение некоторых отцов о посреднике между Богом и человеком, имеющее аналогию у неоплатоников и Филона. Учение о богопознании против Аэция и Евномия у каппадокийских отцов. Григорий Богослов и его мистическое учение.

6 ноября

Лекция 1. Святоотеческое учение о богопознании. Взгляды Григория Богослова, Иоанна Дамаскина. Бог непостижим и для ангелов, но человеку <нрзб.> познать в себе. <нрзб.> значение богопознания; доступное и недоступное человеку в богопознании. Мы знаем, что Бог не есть, но не знаем, что есть. <нрзб.> утвердительно учения о Боге (название светом говорит, что Он не есть тьма). <нрзб.> высота их отеческого учения о богопознании. Богословский характер <нрзб.> учения. Предчувствие у них философского знания и знание <нрзб.> литература. Два рода возражений против возможности богопознания. Смысл учения ап<остола> Павла о познании Бога верою. Мнение Якоби о познании нашим рассудком. <нрзб.> Отношение Бога к миру как причины к результату. Смысл применения категорий к познанию Бога. Познание Бога чрез посредство мира. Разбор возражений о сверхчувственности Бога как препятствия к богопознанию. Выражение этого <нрзб.> у Григория Богослова. Неосновательность утверждения позитивистов о возможности познания только чувственного. Мнение по этому вопросу проф. Кудрявцева. Необходимость принципа неврожденности знания о Боге. <нрзб.> богопознания как доказательство этого положения. Учение Спенсера о вездесущей и всепроникающей силе. Утверждение Толстого, что Бог есть, и ничего более⁵⁵. Возражения Канта о возможности богопознания. Неосновательность его утверждения о невозможности познания вещи в себе.

⁵⁵ «Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве. Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется с проявлением (жизнями) других существ, тем больше он существует». Эти знаменитые слова умирающий Л. Н. Толстой продиктовал своей дочери Александре Львовне за пять дней до времени произнесения данной лекции, 1 ноября 1909 г. (см.: Беседа писателя Вячеслава Репина с епископом Вашингтонским и Сан-Францисским Василием (Родзянко) // Новый мир. 1998. №7. С. 150–158.).

Присутствие объективного элемента в нашем познании. Отсутствие религиозности и испорченность человеческой природы как условие отрицания возможности богопознания. Моральное и философское значение богопознания.

Лекция 2. (7.) 12. Учение о существе Божиим и о свойствах Божиих Священного Писания и отцов Церкви

О существе и свойствах Божиих. Его <(данного вопроса)> трудность. Свидетельства об этом у Цицерона. Попытки решения вопроса «что есть Бог». Попытки религиозные и философские. Отождествление Бога с природой в натуральных религиях. Взгляд Анаксагора. Бог по учению Сократа, Платона, Аристотеля и Фихте Старшего. Фаталистическое представление быт<ия> <нрзб.> Шеллинга и Гегеля. <нрзб.> их <нрзб.> отсутствие религиозной идеи. Подтверждение этой мысли в «Исповеди» блж. Августина. Невозможность для человека полного познания о Боге вне откровения. Смысл имени «Сущий». Свидетельства Откровения о духовности существа Божия. Опровержение антропоморфитов у св<ятых> отцов IV в. Указания на беспредельность и вездесущие в опровержение антропоморфитов. Учение о Боге как личном Духе. Учение о Боге как Отце в Ветхом и Новом Завете. Понятие о Боге как личном, безусловном и всепроникающем Духе. Невозможность приписать этим определениям безусловную полноту.

7 ноября

Невозможность определения существа Божия. Смысл богословских и философских определений существа Божия. Определения святоотеческие. Определения в богословии схоластическом. Определения в новейшее время. Определение у Ньютона в сочинении «О принципах». Вопрос о <б> именах Божиих. Книга «О <б> именах Божиих», приписываемая Дионисию Ареопагиту. Определение имени Божия у Григория Богослова. Теологический смысл имени Божия. Прогресс, переживаемый им [именем] на пути своего развития³⁶. Теологические,

³⁶ Судя по всему, подразумевается изменяемость в употреблении имен Божиих в

или собственные, имена Божии. Смысл и значение имени «Иегова». Имя «Иегова» как историческое. Определение в этом имени сущности Божией. Новозаветная терминология имен Божиих. Смысл названия Θεός. Латинское имя Deus. Смысл слова «Бог». Принципы в определении свойств Божиих. Свойства существа и природы: единство, вечность, беспредельность, неизменяемость. Истинность, святость и блаженство. Бог в отношении к миру. Вездесущие, всемогущество и благодать. Беспредельность. Ее сущность. Свидетельства Писания об этом свойстве. Вечность. Определение и смысл этого свойства. Вечность мира, ангелов и людей в сравнении с вечностью Божией. Неизменяемость. Положит<ельные> свойства существа Божия: самобытность и самодовольство. Определение самобытности.

13 ноября

(8.) 13. Бог есть дух. Свойства Бога как духа: разум с его свойствами — самосознанием, всеведением, премудростью; воля с ее свойствами — свободой, святостью, всемогуществом; чувство и его главное свойство — любовь

1. Свойства Бога как личного духа: божественное самопознание, результат к<оторо>го есть то, что Бог есть истина; божественная воля; ее абсолютная свобода. Свойства божественной свободы воли; святость Бога; понятие о божественной необходимости; блаженство Бога — созерцание Себя к<a>к существа всесовершеннейшего.

По отношению к миру Бога как бескон<ечного> Духа — вездесущие Бога, вечность, бесконечность, откровение Божие, понимаемое в сем широком смысле. Всеведение Божие — вечное. В учение о всеведении Божиим входит как составная часть — учение о предведении Божиим.

истории Священного Предания. Так, важнейшее для Ветхого Завета имя YHWH в новозаветной Церкви перестало занимать центральное положение, заменившись греческими переводами χύριος (с др.-евр. 'ādōnāy, которым в после пленную эпоху стали заменять при произношении имя YHWH (что также является примером изменчивости в употреблении имени Божия)) и более редким ѡυ. Собственно, об этом и говорится ниже (ветхозаветная и новозаветная «терминология имен Божиих»). А. Д. Беляев не мог понимать изменения в употреблении имен Божиих как «прогресс», развитие к более совершенному.

2. Возможно ли существование божественного предопределения и предведения при свободе существ? Подробный разбор мнений, отрицающих сие. Установление решения вопроса в положительном смысле.

Премудрость Божия. Всемогушество и правда Божия к <a>к выражения воли Божией по отношению к миру. Отношение Бога к миру по сердцу — любовь⁵⁷.

14. Понятие о единстве Бога. Истина единобожия в Ветхом Завете. Рационалистические мнения о ветхозаветном монотеизме. Учение о единобожии Нового Завета. Рациональные доказательства истины единобожия

Единство существа Божия. Совершенство Божие есть единство. Бог к <a>к существо бесконечное есть существо и единичное. Раскрытие этой истины св. отцами (онтологическое, космологическое и антропологическое) на основании разума. Свидетельства В<етхого> З<авета> и Н<ового> З<авета> о догмате единства Божия.

20 ноября

Лекция 1. Монотеизм у евреев и вообще у первобытных народов. Возражения против сего со стороны некоторых ученых и основания к тому. 1. Теория Ренана (его «Всеобщая история и сравнительная» система семитических⁵⁸ языков» <(1855)> и статья «О постоянной

⁵⁷ В Ветхом Завете упоминание (само по себе довольно редкое) о «сердце Бога» может использоваться для указания на отношение Бога к человеческим преступлениям (см.: Быт. 6, 6; Плач. 2, 7), на то, что традиционно называют «правдой Божией». В этом смысле выражение, записанное студентом, очень показательное: справедливый божественный гнев, передаваемый в Писании различными символами, по сути своей, ничем не отличается от божественной любви и не противостоит ей, ибо различие свойств в Боге есть только дело человеческого разума и немислимо при божественной простоте (ср. Ос. 11, 8, где под образом «сердца» Божия говорится и о праведном гневе, и о жалости, и о любви, ср. также Быт. 8, 21). Мы не знаем точно, что подразумевал А. Д. Беляев под словами «отношение Бога по сердцу» и адекватно ли студент записал слова профессора (в монографии «Любовь божественная» такого определения любви Божией не дается), однако с точки зрения библейской образности они открывают широкую перспективу для глубокого, несхоластического выражения богословских идей.

⁵⁸ Следует отметить, что именно Ренан ввел термин «семитские языки» (исходя из библейского повествования Быт. 10, 22–31).

наклонности семитов к монотеизму»), объясняющая монотеизм семитических народов их индивидуально-расовыми (инстинкт к монотеизму) и топографическими особенностями (пустыня, располагающая к мысли к единообразному, к единству). 2. Рационалистическая теория, отрицающая строгий монотеизм евреев и утверждающая, что Бог евреев был «един» лишь в смысле их национального бога, не исключающего существование у народов и иных столь же национальных древних богов. 3. Рационалистическая теория религиозного прогресса у народов от политеизма к монотеизму.

Лекция 2. Разбор третьей из указанных теорий. Догмат о Св<ятой> Троице. — История догмата. Ветхозаветные свидетельства о Троице, их характер; отношение к ним новозаветных учителей и отцов Церкви. Состояние вопроса о троичности в первом христианстве. Естественность последовательности в сообщении человечеству понятий о Божестве от более простых до более сложных — от единства до троичного единства. Новозаветные свидетельства о Троичности Лиц.

(9.) 15. Учение о Святой Троице Ветхого Завета. Указания в Ветхом Завете: а) на множественность лиц в Боге; б) на троичность лиц; в) на каждое лицо в отдельности

27 ноября

Ветхозаветное учение в его подготовке к новозаветному учению о Свят<ой> Троице: борьба иудеев с языческим политеизмом; единство как субстрат: в троичности Божества. Важность момента единства Божества в его отношении к моменту троичности и в его исторической последовательности. Важность ветхозаветного учения о Боге Едином. Троичность Божества в предведении некоторых ветхозаветных праведников как награда за их праведность. Связь хр<истианс>кого догмата Св<ятой> Троицы и ветхозаветного обетования о Мессии; прикровенное учение о Св<ятой> Троице в Ветхом Завете как связь его с Новым Заветом. Места в Священном Писании Ветхого Завета, в которых фактически обнаруживается откровенное учение о троичности в Божестве: а) множественность в Боге⁵⁹,

⁵⁹ Очевидно, подразумеваются грамматическая форма множественного числа в некоторых изречениях Бога (Быт. 1, 26; 3, 22; 11, 7).

б) Богоявление⁶⁰, в) учение о слове, мудрости и духе и г) мессианские места. Выводы <из> этих мест в связи с учением свят<ых> отцов по этому вопросу и рационалистическими мнениями⁶¹.

(10.) 16. Учение о трех лицах Божества Иисуса Христа.

(11.) 17. Учение о трех лицах Божества апостолов Петра, Павла и Иоанна

28 ноября

Лекция 1. «Дух Божий» в Свящ<енном> Писании Ветхого Завета при свете новозаветного учения.

Учение о Святой Троице в Новом Завете. Учение о Сыне Божиим у еванг<елиста> Иоанна. Логос как имя Сына Божия в отношении Его к миру и в его внутреннем (имманентном Божеству) значении по первой части Евангелия Иоанна. Значение слова «Единородный» в приложении к словам «Сын Божий» по Евангелию Иоанна. Учение о Сыне Божиим у прочих евангелистов и в апостольск<их> посланиях; послания к Филип<п>ийц<ам> и Колос<с>ян<ам> к<а>к типичные места в учении о Сыне Божиим как Боге.

Лекция 2. Слово Θεός в тесном и широком его значении. <Слово Θεός> на языке Свящ<енного> Писания. Слово Θεός в употреблении Самого Ис<уса> Христа; рационалистические мнения по этому поводу. Божеское поклонение и божеские свойства, приписываемые Сыну Божию в Новом Завете. Места Свящ<енного> Писания Нового Завета, свидетельствующие о Божестве Духа Свят<ого>; ссылки богодухновенных писателей Нового Завета на места Свящ<енного> Писания Ветхого Завета, свидетельствующие о Божестве Свят<ого> Духа. Личность Свят<ого> Духа по учению Свящ<енного> Писания Нового Завета; единство Свят<ого> Духа по учению Свящ<енного> Писания Нового Завета. Места Свящ<енного> Писания, свидетельствующие о всех трех Лицах Свят<ой> Троицы в совокупности.

⁶⁰ Возможно, подразумевается богоявление Аврааму в дубраве Мамре (Быт. 18, 1–2).

⁶¹ В конспекте: «рационалистических мнений».

4 декабря. Две лекции

Учение о Святой Троице в Новом Завете. Свидетельство евангельской крещальной формулы «крестяще во имя Отца и Сын <a> и Св<ятого> Д<уха>». Указание на Троичность Лиц в Боге в прощальной беседе И<исуса> Христа с апостолами. В Посланиях апостольских указание на троичность видно в приветствиях апостолов христианам: приветствия ап<остолов> Иоанна, Петра, Павла; другие свидетельства о троичности Лиц в Боге в посланиях апостолов: в послании ап<остола> Иоанна. Учение Слова Божия о премирном бытии Сына и Св<ятого> Духа. Примирение кажущихся противоречий в учении о Св<ятой> Троице. История догмата о Св<ятой> Троице. Учение Иустина Муч<еника> о Сыне Божиим.

(13.) 21. Арианское и православное учение о Святой Троице в IV веке

5 декабря

Неправильные мнения о Св<ятой> Троице в первые века христианской Церкви. Антитринитарии и монархиане: динамисты и модалисты. Савелианство. Опровержение этих неправильных мнений о Лицах Св<ятой> Троицы отцами и учителями Церкви.

Арианство. Источники для изучения этой ереси: сочинения православных и ариан. Мнения о происхождении арианской ереси. Сущность арианского учения о Сыне Божиим по отношению к Отцу. Полуарианство. Характерные черты полуарианства. Учение Церкви Хр<истовой> о Сыне Божиим на Никейском Соборе.

11 декабря. Две лекции

Догмат Свят<ой> Троицы в IV веке. Арианские споры. Никейское исповедание. Евсевий Кесарийский и Афанасий Великий в учении о Сыне Божиим. Учение о Святом Духе во второй половине IV века. Несостоятельность учения полуарианства по вопросу о Свят<ом> Духе. Григорий Богослов о Свят<ом> Духе. Три взгляда на лице Св<ятого> Духа: модалисты, ариане и православные по Григорию Богослову. Василий Великий в учении о Свят<ом> Духе. Постепенность и осторожность свят<ых> отцов в раскрытии догмата о Св<ятом> Духе. Об-

винение православных в троебожии. Поместные восточные и западные Соборы в учении о Свят<ом> Духе. Второй Вселенский Собор в Константинополе 381 г. Постановления Собора о Свят<ом> Духе.

На Западе: св<ятые> Иларий и Августин — учителя и исповедники догмата о Св<ятой> Троице. Сочинения св. Илария о Св<ятой> Троице: содержание и достоинство сочинения. Сочинение бл<аженного> Августина о Святой Троице. Причины, вызвавшие написание сочинения. Общее положение бл<аженного> Августина о Св<ятой> Троице в его сочинении, раскрытие и доказательство этого положения. Его учение о *Filioque*.

Символ св. Афанасия, время и место происхождения этого Символа. Постановление Английской Палаты относительно этого Символа.

12 декабря

Лекция 1. Философские термины *οὐσία*, *ὑπόστασις* и пр<очие> в учении отцов Церкви о Свят<ой> Троице. Василий Великий и Григорий Богослов в употреблении этих терминов. Переход этих терминов в славянский язык: *ὑπόστασις* в значении «лицо», «состав», «с<в>ойс<т>ва»; *φύσις* — «с<во>йство», «естество»; *οὐσία* — «существо», «сущность»; *ἰσοούσιος* — «единосущный», и пр. Еретические и вообще рационалистические выражения против церковной формулы в учении о Троице — с логической точки зрения. Мнимый субординационизм в церковном учении о Святой Троице. Возражение против церковной формулы со стороны неточности реального различия Лиц Троицы. Аналогия, указываемая отцами Церкви во внешней природе, уясняющая нашему сознанию тайну Св<ятой> Троицы: река, дерево, свет, три измерения в пространстве, времени, звуке⁶² и пр. Категория аналогий из области души: память, воля, чувства и пр. Учение (аналогия) Лессинга о Троице.

Лекция 2. Антитринитарии нового времени в среде протестантства. Мистики в учении о Троице. Лейбниц и Вольтер по этому же предмету; Спиноза как пантеист. Кант, низводящий Лица в Боге к свойствам.

⁶² Видимо, имеется в виду тройственная последовательность «мысль-слово-голос».

Шеллинг и Гегель как пантеисты в учении о самооткровении идеи. Латинское учение — «Filioque»; Максим Грек в борьбе с этим учением⁶³; Адам Зерникав⁶⁴ и его трактат о «Filioque»⁶⁵. Феофан Прокопович о трактате Зерникава⁶⁶. Кохомский⁶⁷ и Сильвестр в учении о Свят<ом> Духе. Макарий об исхождении Свят<ого> Духа против латин<ян>; зависимость работ поздних писателей от Адама Зерникава и частью от Феофана Прокоповича. История спора о Filioque. Феодорит и Кирилл Александрийский в учении об исхождении Свят<ого> Духа. Максим Исповедник. IX век (начало) как начало споров о Filioque (по Адаму Зерникаву). Время прибавления Западной Церковью к Символу веры Filioque. Отсутствие Filioque в Символе Западной Церкви в течение первых восьми веков. Инициатива Испанской Церкви в этом учении.

⁶³ См.: Сочинения прп. Максима Грека в русском переводе. Ч. 2. Догматико-полемические его сочинения. СТСЛ, 1910 (Следующие творения: «Против латинян о том, что не следует ничего ни прибавлять, ни убавлять в Божественном исповедании непорочной христианской веры» (с. 134–154); «Продолжение того же слова (Часть 2-я)» (с. 155–190); «Против Николая латинянина — слово об исхождении Святого Духа» (с. 191–201); «Послание к многоучительному Николаю немчину» (с. 202–205); «Ответ Николаю латинянину» (с. 308–322)).

⁶⁴ Известен также как Адам Черниговский (Zernikaw — немецкий вариант этого прозвища).

⁶⁵ «De processione Spiritus Sancti a suo Patre». Трактат представляет собой выписки из творений св. отцов, связанные с вопросом об исхождении Святого Духа. Трактат был составлен в 1682 г., но издан только в 1774 г. в Кенигсберге с исправлениями митр. Самуила (Миславского) (см. примеч. 47) и переиздан в 1776 г. там же. Греческий комментированный перевод трактата Адама Зерникава был выполнен Евгением Булгарисом (упоминается в лекции А. Д. Беляева от 16 октября) и издан в Петербурге в 1797 г.

⁶⁶ Феофан Прокопович изучал рукопись Адама Зерникава, которая хранилась в библиотеке Киевской духовной академии, и использовал ее при написании собственного трактата о Filioque «De processione Spiritus Sancti» (трактат был издан в Готе в 1772 г. архим. Дамаскиным (Семеновым—Рудневым); издание на рус. языке: «История о начати и происхождении раздора между греками и римлянами об исхождении Святого Духа (М., 1773).

⁶⁷ По данному вопросу С. В. Кохомский написал отдельное историческое исследование «Учение Древней Церкви об исхождении Святого Духа» (СПб., 1875).

ЛИТЕРАТУРА

Беляев 1904 — Беляев А. Д. IV. Поправки и дополнения к статье: Из академической жизни: Магистерский диспут Ректора Подольской Духовной семинарии протоиерея Н. П. Малиновского // БВ. 1904. Т. 2. № 7/8. С. 594–602 (4-я пагин.).

Сухова 2002 — Сухова Н. Ю. Беляев Александр Дмитриевич // ПЭ 4. 2002. С. 586–588.

Вступительная статья иером. *Феодора (Юлаева)*,
публикация текста и примечания
студентов 2-го курса библейского отделения МДА

КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ А. П. ШОСТЬИНА И ЕП. ФЕОДОРА (ПОЗДЕЕВСКОГО) ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВИЮ НА 4 АКАДЕМИЧЕСКОМ КУРСЕ: 1909/10 УЧЕБНЫЙ ГОД

Пастырское богословие — одна из ключевых дисциплин духовного образования — имела свою определенную «траекторию» в учебных планах Московской духовной академии, о чем достаточно подробно сказано в статье свящ. Павла Ходзинского и Н. Ю. Суховой¹, опубликованной выше на страницах юбилейного «Богословского вестника». Далее вниманию читателей предлагается конспект лекций по Пастырскому богословию по тетради с записями дежурных студентов² за 1909/10 уч. г. Как известно, большая часть подобных тетрадей по разным предметам академического курса оказалась в 172-м фонде НИОР РГБ. Однако данная тетрадь — из того малого числа учебных документов дореволюционной эпохи, которые хранятся в библиотеке Московской духовной академии. К сожалению, записи лекций обрываются на 9 февраля. Эти записи особо ценны тем, что по ним можно в значительной степени реконструировать реальное содержание занятий по Пастырскому богословию в предреформенный 1909/10 уч. год — накануне соединения предмета Пастырское богословие в одну кафедру с аскетикой. Под лекциями стоят попеременно подписи двух

¹ См. выше статью: «Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии» (С. 291–341).

² К числу дежурных студентов относились 14 человек: В. Александровский, П. Даниленко, А. Доброхотов, В. Архангельский, А. Бабаков, свящ. Н. Баронов, С. Благовещенский, М. Беляев, С. Волков, А. Волков, свящ. А. Вьюнов, В. Вязовский, А. Горский, Д. Вышеславцев. Имена дежурных студентов при публикации текста не указываются.

лиц, авторизовавших записи студентов, — профессионального пасторолога А. П. Шостыина и ректора МДА еп. Феодора (Поздеевского). Они являются малым, но довольно ценным дополнением к лекциям еп. Феодора, прочитанным им в следующем учебном году и изданным по записям студентов³.

Уже первые слова предлагаемой публикации дают представление о характерной особенности курса проф. А. П. Шостыина: предельная внимательность к западным (католическим и протестантским) пасторологическим системам и осмысление их в свете православной святоотеческой традиции. В этом отношении курс А. П. Шостыина резко выделяется на фоне остальных русских систем Пастырского богословия (даже в курсе такого выдающегося церковного ученого, как архим. Киприан (Керн), содержится лишь несколько ситуативных упоминаний трудов зарубежных авторов⁴). Отсутствие интереса к западным исследованиям, казалось, могло бы быть объяснено чисто практическим характером пастырского богословия; тем более, теоретическая основательность проф. А. П. Шостыина и широкий охват предмета курса заслуживают особого внимания⁵.

В процессе подготовки данной публикации были установлены и указаны в подстрочном аппарате основные труды западных пасторологов, имена которых упоминаются в курсе лекций. Почти что вся иноязычная литература, которую использовал А. П. Шостыин, имелась в академической библиотеке. В примечаниях после библиографических ссылок в

³ Феодор (Поздеевский) 1911. В то время как данные лекции посвящены по преимуществу аскетике, лекции предшествующего года более относятся к пастырскому служению.

⁴ См.: Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение. Из курса лекций по Пастырскому богословию. Париж, 1957. С. 7—15.

⁵ В этом отношении характерна контрастность между курсами еп. Феодора и проф. А. П. Шостыина, очевидная из содержания конспективных записей студентов: в лекции от 9 сентября, прочитанной А. П. Шостыиным, дается разбор слов свт. Иоанна Златоуста о священстве; в следующих двух лекциях, прочитанных еп. Феодором, говорится о недостаточности исторического построения Пастырского богословия, и все внимание уделяется деятельности и нравственному облику пастыря в современных условиях. Далее следует лекция А. П. Шостыина, в которой продолжается исторический обзор пасторологических систем.

круглых скобках приводятся соответствующие номера книг по печатному каталогу дореволюционной библиотеки МДА⁶.

ЛЕКЦИИ ПО ПАСТЫРСКОМУ БОГОСЛОВИЮ
НА IV КУРСЕ МДА ЗА 1909/10 УЧ. ГОД⁷

2 сентября 1909 года

Обзор курсов по Пастырскому богословию Кершбаумера⁸, Рейхенбергера⁹, Краусса¹⁰ и Ахелиса¹¹. Два представления о субъекте пастырской деятельности как два начала для построения Пастырского богословия. Понятие о задачах науки Пастырского богословия. Отсутствие определенной области для исследования в науке Пастырского богословия. Ее содержание рассматривается другими богословскими науками. Анахронизм курса арх. Кирилла¹² в науке русского Пастырского богословия. Пастырское душепопечение как единственный пред-

⁶ Систематический каталог книг библиотеки Московской Духовной Академии. Т. 2: Богословие. Вып. 4. Литургия, Гомилетика, Пастырское богословие / *Сост. И. Корсунский*. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1887. С. 678–691, 751–752 (Пастырское богословие).

⁷ Расшифровка конспективных записей осуществлена А. А. Васильевым, А. А. Чепой, И. Г. Приходько и М. Г. Калинин, который осуществил также сверку упоминаемых в тексте лекций авторов с каталогом дореволюционной библиотеки и составил ряд примечаний.

⁸ *Kerschbaumer A.* Lehrbuch der katholischen Pastoral. Wien, 1863 (№ 7915); *Idem.* Paterfamilias. Eine Pastoral in Beispielen für alte und junge Seelsorger. Schaffhausen, 1867 (№ 7919).

⁹ *Reichenberger A.* Pastoral-Anweisung nach den Bedürfnissen unsers Zeitalters. Т. 1–3. Wien, 1821–1835 (№ 7887). В конспекте ошибочно: «Реннингера».

¹⁰ *Krauss A.* Pastoraltheorie. Tübingen, 1904.

¹¹ *Achelis E.* -С. Praktische Theologie. Freiburg, 1898.

¹² Епископ Кирилл (в миру Василий Николаевич Наумов; 25 декабря 1823 г. — 10 февраля 1866 г.). Окончил Калужскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. За диссертацию «Пастырское богословие» (*Кирилл (Наумов), архим.* Пастырское богословие. СПб., 1853 (№ 7938)). Об этой книге см.: «Пастырское богословие» архимандрита Кирилла // *Иннокентий (Пустынский)*. Пастырское богословие в России. СПб, 1899. С. 124–142) в 1855 г. получил степень доктора богословия. В 1857 г. возведен в сан епископа Мелитопольского и назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме.

мет науки. Источники науки: Священное Писание. Взгляд ученых на Иисуса Христа как на Идеал (Нитч¹³) и пример для подражания Пастыря (Блеки¹⁴). Неосновательность взгляда Нитча. Материальное и формальное значение Священного Писания для науки Пастырского богословия.

А. Шостын

9 сентября

На лекциях по Пастырскому богословию студенты познакомились с содержанием «Защитительного слова о бегстве» св. Григория Богослова и первых двух слов «О священстве» св. Иоанна Златоуста.

А. Шостын

22 сентября

Недостаточность исторического построения системы Пастырского богословия. Необходимость раскрытия его по существу, со стороны внутреннего его содержания. «Дар пастырства». Сила, любовь и целомудрие как выразители этого дара. Предмет Пастырского богословия.

Еп. Феодор

6 октября

Необходимые условия для успешной пастырской деятельности — выработка христианского мировоззрения на почве веры и личных переживаний. Несколько руководящих факторов для выработки пастырско-христианского мировоззрения: истинное понятие прогресса как личностно-нравственного усовершенствования, с опровержением модной теории

¹³ *Nitzsch C. I. Praktische Theologie. I Bd. Einleitung und Allgemeine Theorie des kirchlichen Lebens. II Bd. Das Kirchliche Verfahren oder die Kunstlehren. Bonn, 1847–1851 (№ 7898). Во второе издание (Bonn, 1857–1863) была добавлена третья часть: Die eigenthümliche Seelenpflege des evangelischen Hirtenamtes mit Rücksicht auf die innere Mission (№ 7899).*

¹⁴ *Blaikie W. G. Unser Herr als Lehrer und Seelsorger. Eine biblische Pastoraltheologie / Mit einem Vorworte von Dr. Fr. Brandes. Gütersloh, 1885 (№ 8488); Idem. For the work of the ministry. A manual of homiletical and pastoral theology. London, 1885 (№ 7932). В конспекте ошибочно: «Блекки».*

прогресса как улучшения общественных условий, социальных, экономических и культурных; взгляд на историческую жизнь с христианской точки зрения. Основное различие деятельности истинно-христианской и подобной же деятельности общественного деятеля.

Еп. Феодор

7 октября

Лекция 1

Беглый повторенный обзор содержания первых двух слов Златоуста. Содержание третьего слова — о высоте нравственного облика пастыря, вытекающей из важности и святости Таинств Евхаристии, Покаяния, Крещения, — по нравственному облику пастырь должен быть подобен ап. Павлу. Об искушениях пастырю. О беспорядках, происходивших в то время при избрании пастыря, и предостережение нашим современникам, вытекающее отсюда. О необходимости попечения о девственницах, призрения вдовиц и о судебных делах. Содержание 4-го слова. Основная мысль: обязанность церковного учительства. Частная мысль: опровержение мнения, что пастырю не необходима высокая образованность. Урок для нашего времени. Об условиях успешности слова пред собранием.

Лекция 2

Содержание 6-го слова. Основная мысль: сопоставление подвига священнического с подвигом иноческим. Частные мысли: существо подвига священнического и условия его прохождения, трудности пастырства. Общая характеристика сочинения Амвросия <Медиоланского> «De officiis» с указанием плана. Сходство и различие между этим сочинением и сочинением Цицерона «De officiis». Изложение содержания сочинения Амвросия с сопоставлением мыслей Амвросия с мыслями Цицерона для указания их основного различия. Критический обзор мыслей в сочинении Амвросия «De officiis».

А. Шостьин

13 октября

Вопрос о том, как мыслить пастыря как общественного деятеля, может быть решен на почве анализа идеи церковной общественно-

сти. Идея Церкви в учебнике раскрывается с догматической стороны, церковно-практически, где задача как-то опускается, между тем эта сторона и должна быть раскрыта в Пастырском богословии. Природа внутренней жизни церковной, общественной иная, нежели государства. Установление взгляда на Церковь как на новое общество, как на воссоздание в настоящих условиях действительности того состояния человечества, в каком должно быть человечество по плану создания человека. В различии церковной жизни от государственной Церковь как носительница новой жизни должна иметь законы, соответствующие ее природе, то есть каноны. Противоречие в самом принципе и исторической жизни государства: подавление личности и базирование на личности. Восстановление человека как единого организма. Восстановление личности достигается только в церковной общественности. Послание к Ефесеям 4, 22¹⁵ характерно для показания жизни Церкви. Пастырь должен усвоить себе взгляд на церковную общественность как на единственное свое поприще.

Еп. Феодор

14 октября

Две лекции

Свт. Григорий Двоеслов. Классификация духовных состояний пасомых и соответственные пастырские наставления.

Значение для современного пастыря отличительных черт в учении о пастырстве восточных и западных св<ятых> отцов.

А. Шостын

3 ноября

Идея церковной общественности. Отличие церковной общественности от политической. Жизнь первобытного человека как идеал человеческой жизни. Ее нарушение в грехопадении и ее восстановление Христом. Церковь — организация истинной жизни государства как

¹⁵ [И Он поставил одних Апостолами, других — пророками, иных — Евангелистами, иных — пастырями и учителями,] к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова...

порождения греха. Идея жизненного значения Церкви и ее отцов и священных писателей.

Еп. Феодор

4 ноября

Лекция 1

Пастырское богословие после Григория Двоеслова. Его литургический и аскетический характер. Его положение в католичестве и протестантстве. Возвышение его в XVIII в. Возникновение кафедр Пастырского богословия. Господство натурализма. Дух времени. Содержание пастырских проповедей. Католические системы Пастырского богословия. Определение Пастырского богословия у Питтрофа как собрания практических приемов пастырства и уравнение молодого пастыря с опытными. Упреки Питтрофа св. отцам Церкви в общем характере их сочинений о пастырстве. Проникновение рационализма в русскую литературу Пастырского богословия и борьба с ним митрополита Филарета. План и схема католических систем того времени. Зай^лер¹⁶ и его заслуги для науки Пастырского богословия. Предмет Пастырского богословия и его определение — как пастырское служение самой Церкви. Амбергер и его «Курс Пастырского богословия»¹⁷. Основная идея его — богочеловеческое служение Церкви. Его научные достоинства. Отрицание практицизма в Пастырском богословии. Пастырская жизнь Церкви и ее определение. Пастырская деятельность Церкви — 3 ее категории соответственно 3 служениям Христа. Бенгер¹⁸. Его идея Пастырского богословия как возвращения к прежнему практическому идеалу. Поль¹⁹ как последователь Альбергера. Последователи Бенгера. Раскрытие мысли Альбергера о богочеловеческой деятельности

¹⁶ Sailer I. M. Vorlesungen aus der Pastoraltheologie. Bd. 1–3. München, 1820 (№ 7886).

¹⁷ Amberger J. Pastoraltheologie. Von der Grundlegung. Regensburg, 1850 (№ 7902); *Idem.* Bd. 1–3. Regensburg, N. Y., 1866–1870 (№ 7903).

¹⁸ Benger M. Pastoraltheologie. Bd. 1–3. Regensburg, 1861–1863 (№ 7913); *Idem.* Compendium der Pastoraltheologie. Regensburg, 1868 (№ 7921).

¹⁹ Pohl F. Pastoraltheologie oder: die Wissenschaft von den gottmenschlichen Thätigkeiten der Kirche. Ein Handbuch. Paderborn, 1862 (№ 7914).

Церкви. Определение этой мысли автором. Его неустойчивость. Невозможность приложения эпитета «богочеловеческий» ко всей совокупности деятельности Церкви. Отступления проповедников от учения церковности как признак этого.

Лекция 2

История Пастырского богословия в протестантизме. Их [протестантских пасторологов] задача — определение поведения и деятельности пастыря. Печальные результаты такого построения системы для жизни. Предмет Пастырского богословия по Шлейермахеру. Развитие мысли Зай<л>ера. 3 группы богословия по Шлейермахеру. Система Марейнеке²⁰ и Нитча²¹. Система Винэ²², Краусса²³. Их недостаток — рассмотрение деятельности пастыря, а не Церкви. Пастырское богословие на Руси. Частные наставления епископов священникам. Их отрывочность и бессистемность. Книга «О должностях пресвитеров приходских»²⁴ как систематическое изложение обязанностей пастыря. Спорный вопрос о ее авторе. Ее разделение и содержание: 4 части. Принцип деятельности пастыря — приспособление к индивидуальной жизни человека.

А. Шостын

11 ноября

Опыты библейского построения Пастырского богословия на Западе: 1. труд Блеки²⁵. Содержание этого труда. Задача его — дать за-

²⁰ *Marheineke P.* Entwurf der praktischen Theologie. В., 1837 (№ 7893). В конспекте ошибочно: «Марейнике».

²¹ См. примеч. 13.

²² *Vinet A. R.* Théologie pastorale ou théorie du ministère évangélique. Paris, 1850 (№ 7900); нем. перевод: *Pastoral-Theologie oder Lehre vom Dienst am Evangelium / Nach der Pariser Ausgabe vom Jahre 1850 deutsch bearbeitet, mit kritischen Anmerkungen vom lutherischen und deutschen Standpunkte, von Herm. Gust. Hasse.* Grimma, 1852 (№ 7901).

²³ См. примеч. 10.

²⁴ Книга о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненная. СПб., 1776. Переизд.: М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004. Подробнее см. выше в статье прот. Павла Ходзинского и Н. Ю. Суховой «Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии» (С. 296–297, а также с. 300, 305).

²⁵ См. примеч. 14.

конченное учение о пастырстве на основании слова Божия и примере Христа. По существу ничего оригинального этот труд не представляет в отличие от других западных систем. Слабая сторона сочинения Блекки — увлечение примерным методом, открывающее широкую дверь субъективизму. 2. Пастырское богословие Бека²⁶ с его экзегетическим методом в изучении библейского пастырского материала. Строго научный объективный метод толкования Писаний с филологическими изысканиями — это главное достоинство системы Бека. Страдает она неполнотой и тенденциозностью экзегезиса. Произвол в пользовании экзегезисом, печальные последствия его для книги Бека.

А. Шостьин

18 ноября

Лекция 1

Пастырское богословие. Сущность частного пастырского душепопечения по убеждению ап. Павла. Принцип пастырской попечительности — приспособление к положению и ситуации пасомых. Верность апостольскому принципу в воззрениях и деятельности отцов и учителей Церкви древне-восточной и западной: Иероним, Исидор Пелусиот, Григорий Богослов, Григорий Двоеслов — его «Пастырское правило». Границы применения этого принципа. Верность ему отечественных отцов и учителей Церкви — Никанор Херсонский. Необходимость частного пастырского душепопечения ввиду недостаточности для всеобщего назидания паствы общественной проповеди и литургисания. Возможность для пастыря частного душепопечения при наличии невыгодных для сего внешних условий. Объекты частного душепопечительства для пастыря — «овцы двора его»: а) верные и б) неверные. Необходимость внутренней миссии — §8 «Устройство миссий» и 3-ий миссионерский съезд «в Казани в 1897 г.»²⁷. Мнения по этому вопросу западных авторитетов, напр. Шлейермахер,

²⁶ Beck J. Pastorallehren des Neuen Testamentes, hauptsächlich nach Matth. 4–12 und Apostelgesch. 1–6 / Herausgegeben von B. Riggenbach. Gütersloh, 1880 (№ 7975).

²⁷ См.: Промогласов И. М. Третий Всероссийский миссионерский съезд: (Факты и впечатления) // БВ. 1897. Т. 4. № 10. С. 114–149 (2-я пагин.); № 11. С. 267–285 (2-я пагин.); № 12. С. 508–554 (2-я пагин.).

Гюффель²⁸ и др<угие>... в), г), — грешники преимущественно и вообще все верующие. Протестантская идея всеобщего пастырства — священства — в вопросе о субъектах частного пастырского душепопечительства и отношение к ней науки правосл<авного> пастыр<ского> богословия. Попутный вывод о задачах науки из представлений о пастырстве в первые времена его существования. Примеры пастырства в лице апостолов, неизменность их практики у подражателей их дела.

Лекция 2

Условия успешности пастырского служения. — а) Внутреннее призвание к пастырству, (и в связи с сим) — <б)> вопрос о сущности и необходимости пастырского призвания, разноречивые решения его. Установка условий успешности пастырского служения на основании посланий ап. Павла. — 1 Тим. 3 гл.²⁹ и Тит. 2³⁰. Объяснительный анализ данных источников.

А. Шостын

24 ноября

Превосходство церковной общественности перед гражданской. Легкость ига жизни облегчается христианством или, что то же, церковной общественностью, что должно лежать в основе деятельности пастыря. Тщетность стремлений гражданской общественности облегчить иго жизни человека при отсутствии той любви как живой действенной силы (духовной), которую принес на землю Спаситель. Сравнительные оценки христианского и философского языческого (стоического) взгляда на жизнь и на страдания и превосходство первого. Христианская и языческая (или, что то же, гражданско-общественная) этика: отсутствие и самая невозможность при отсутствии «духовной силы», любви и целомудрия в языческом обществе. Сошествие Святого Духа как момент начала церковной общественности в самих апостолах, у к<ото>рых доселе, несмотря на постоянное и тесное общение с Ии-

²⁸ Hüffel L. Ueber das Wesen und den Beruf des evangelisch christlichen Geistlichen. Ein Handbuch der Praktischen Theologie in ihrem ganzen Umfange. Bd. 1—2. Giessen, 1835 (№ 7891).

²⁹ См.: 1 Тим. 3, 1—13.

³⁰ В качестве параллели к 1 Тим. 3, 1—13 следует указать Тит. 1, 6—9.

сусом Христом, при отсутствии «духовной силы», не было церковной общности. Момент сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы как воссоздание единства всего человечества в сравнении с гражданской общностью как механическим античным (интеллектуальным) единением. Вавилонское столпотворение как образ этого гражданского воссоединения человечества.

Еп. Феодор

25 ноября

Лекция 1

Понятия о пастырских обязанностях, выводимые из 3 гл. послания апостола Павла к Тимофею. Трезвенность и целомудрие как духовные качества пастыря. Благочиние как внешнее качество пастыря, чтобы внешняя непристойность пастыря не могла быть причиной гибели души человека. Страннолюбие как необходимое качество пастыря. Историческое значение этого качества в деле распространения христианства и важность его с этой стороны во всякое время. Неуместность пирушек (пьянства) при странноприимстве. Необходимость качества самообладания пастыря (чтобы пастырь не был бийцей и сварливым) в смысле воздержания от физических насильственных поступков. Свобода пастыря от скверноязычия (мшелоимства). Различные способы понимания и толкования слова «мшелоимец». Кротость, назавистливость и несребролюбие пастыря. Административная способность пастыря как его необходимое качество при прохождении пастырского служения. Умение пастыря управлять прежде всего собственным домом как первая подготовка к более трудному делу управления Церковью. Частные черты этого управления. Пастырь не должен быть ни новоначным (по Златоусту), ни новокрещеным (по Феофилакту); понимание слова *υεοφωτος* в более широком значении слова, в смысле недавнего обращения христианина от порочной жизни. Всеобщее уважение (внешнее) как качество кандидата-пастыря.

Лекция 2

Вопрос о призвании священства в нашей литературе. Различие взглядов на этот предмет. Взгляд архимандрита Антония <(Амфите-

атрова)>³¹. Условия этого призвания: духовное происхождение; хорошее поведение, выданное духовной школой [т. е. рекомендация], внутреннее предрасположение, воля епископа. Отрицательный отзыв на эти условия <В. Ф.> Певницкого³²; несогласие некоторых из этих условий (первого) с постановлением Трульского Собора³³. Неудовлетворительность понимания проф. Певницким сущности призвания в священство. Положительные и отрицательные требования, по Певницкому, от кандидата в священство и их несостоятельность. Детальный разбор их: отсутствие критичности в кандидате священства; твердость воли, проявляемая кандидатом священства в его повиновении ближайшему начальству; общая неясность, неопределенность и непоследовательность в понимании Певницким сущности призвания к пастырству. Внутреннее искреннее влечение к пастырству как действительное и необходимое условие призвания к пастырскому служению, ибо функции пастыря могут быть осуществляемы пастырем, во многих случаях, только при сердечном расположении к ним пастыря; необходимость отсутствия в стремлении к священству мотивов честолюбивых и корыстных. Действительные мотивы служения пастыря: любовь пастыря ко Христу и к человечеству, указание Самим Иисусом Христом в известном призвании апостола Петра к этому служению: «*Симоне Ионин, любиши ли Мя*»³⁴. Свидетельства святых отцов по этому вопросу и книги «О должностях пресвитеров церковных». Любовь к ближнему, указанная книгой «О должностях пресвитеров церковных», как мотив к пастырскому служению; свидетельства Священно-го Писания Нового Завета по этому вопросу.

А. Шостын

³¹ Пасторологическая система архим. Антония: *Антоний (Амфитеатров), архим.* Пастырское богословие. К., 1854 (№ 7937).

³² Пасторологическая система В. Ф. Певницкого изложена в его труде: *Певницкий В. Ф.* Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. К., 1885 (№ 7990).

³³ Правило 33 («определяем, чтобы отныне не было позволено желающим производить кого-либо в клир обращать внимание на род производимого, но, испытывая, достойны ли быть причисленными к клиру по определениям, положенным в священных правилах, пусть производят их по-церковному, несмотря на то, произошли ли они от священных предков или нет» (Деяния Соборов 1996. С. 283)).

³⁴ Ин. 21, 15–17.

1 декабря

Взаимоотношение Церкви и государства. Различные формы этого взаимоотношения. Невозможность заместить Церковь государством. Воспитывающее влияние Церкви на государственную и общественную жизнь.

Еп. Феодор

8 декабря

Взаимоотношение между церковною и государственною общественностью. Мнения русских светских мыслителей по этому вопросу и, в частности, бывш<шего> архим<андрита> Феод<ора> Бухарева³⁵.

³⁵ См.: *Феодор (Бухарев), архим.* О православии в отношении к современности. СПб., 1860. Еп. Феодор неоднократно обращался к системе архим. Феодора — в частности, в уже упоминавшихся лекциях по аскетике (см.: *Феодор (Поздеевский) 1911. С. 75–77*) и в отзыве на кандидатское сочинение С. Писова «Архимандрит Феодор Бухарев и его богословские воззрения» (напечатан в сб.: *Арх. Феодор (Бухарев): pro et contra / Сост., вступит. ст., примеч. Б. Ф. Егорова, примеч. С. В. Серебренникова; примеч., библиогр., указ. А. П. Дмитриева.* СПб., 1997. С. 582–584). Благодаря достаточно подробным лекциям по аскетике мы можем восстановить ход рассуждений еп. Феодора об архим. Феодоре (Бухареве) и в целом о проблеме взаимоотношения Церкви и общественности: «Есть мыслители, коим особенно хочется возвести естественный исторический культурный рост человечества в самодовлеющую ценность, а христианство поставить и признать за начало, освящающее все человеческое. Жалко как бы расстаться с этим капиталом и продуктом человеческой самости, вменить в уме ты все ради Христа, как сделал это Апостол. Конечно, для этого нужно почувствовать абсолютную ценность того смысла жизни, какой вносит христианство; нужно иметь ум уже Христов и воспринимать факт греховности человека и падения как реальный факт громадной значимости в смысле постановки его жизни на совершенно иной путь, не соответствующий идее человека, а скорее типу чисто животного существования, и более ничего. Вот почему глубоко ошибаются даже такие серьезные христианские мыслители, как Феодор Бухарев (бывший архимандрит), первый яркий выразитель и проповедник христианской общественности, с его основным положением, чисто христологическим: “Христос, приняв естество человеческое, тем самым освятил его и вместе все человеческое, приобщив его к Божественному в Своем Лице”. Это правда, но отчасти: Христос воспринял человеческое естество — и только, а не социальные и иные всякие человеческие отношения и не продукты культуры или общественности. Им Он только подчинился, как изволивший жить среди нас, как подчиненный всему телесному и внешнему; но их же, как и самое естество человеческое, Он должен претворить и изменить, оживив и освятив в Себе это естество человеческое и насадив как бы новый корень

Самодовлеющее значение Церкви. Можно ли признавать за государственной общественностью какую-либо ценность³⁶?

Еп. Феодор

9 декабря

Две лекции

Любовь к ближнему как составной элемент призвания к пастырству. Сущность и свойства этой любви. Самоиспытание готовящегося к пастырству как необходимый элемент призвания к пастырству. Телесные недостатки в новозаветном священстве. Способность индивидуального распознавания: диагностика и терапевтика (интеллектуальное служение). Способность к нравственному служению: непорочность пастыря. Порок (страсть) как препятствие к пастырству. Твердая воля к сознанию себя способным управлять Церковью.

жизни человеческой для создания новой твари («во Христе нова тварь» — 2 Кор. 5, 17), и новой общности, и новой (говорим человеческим языком за немощь плоти нашей, как и Апостол, — Рим. 6, 19) культуры на новой закваске, как Он и Сам говорил, что Царство Небесное подобно квасу (Мф. 13, 33; Лк. 13, 21). <...> Если грех можно сравнивать с какой-нибудь внутренней болезнью, напр<имер> чахоткой, то все люди, кои бы стали чахоточные по наследству, но считают это уже нормой, посему и жизнь их выражалась и выражается в явлениях, свойственных больной жизни. Эгих больных проявлений жизни не может признать и узаконить здоровый человек, а разве только на время подчиниться им с какою-либо целью, напр<имер>, чтобы их оздоровить. <...> И если Христос Спаситель подчинился на земле болезням смерти, страданию, государственному строю, то это не значит, что Он осыятил этот продукт больной жизни человека и установил за ним ценность нормальности, а значит только, что Он проявил Свое высокое смирение, дабы возвести человечество к лучшему, как говорили св<ятыя> отцы, «благобытию», чтобы воссоздать жизнь как Царство Божие, небесное, а не как государство земное» (Феодор (Поздеевский) 1911. С. 75–76).

³⁶ Ср.: «Что касается правового положения Церкви в государстве, то для христиан и для нас, рассуждающих о сущности христианской церковной жизни, не так важно это внешнее правовое положение Церкви в государстве. Пусть даже это правовое положение вовсе не благоприятно по юридическому смыслу для Церкви, мы (христиане-спасающиеся) не должны придавать особенного значения этому факту и его значению для дела спасения, исключая разве того, что можно искренно сокрушаться об упадке в представителях власти живой веры и веры в особое значение христианства как исключительной религии, как единой основы жизни и истины...» (Феодор (Поздеевский) 1911. С. 74).

Приготовление к пастырству. Его необходимость. Приготовление Иисусом Христом умственно и нравственно учеников к делу проповеди. Приготовление апостолами избранных на пастырство. Слова апостола Павла о трех годах учений пастырей ефесских³⁷. Необходимость приготовления к пастырству по воззрениям отцов Церкви также считалось обязательным.

Приготовление самим Господом Иисусом Христом к общественному служению: умственное и нравственное. Особенно поучительно для нас нравственное приготовление.

Три факта: 1) беседа в храме 12-летнего отрока³⁸, 2) крещение от Иоанна³⁹, 3) искушение в пустыне⁴⁰. Частное рассмотрение евангельских фактов.

А. Шостьин

15 декабря

Задача пастыря Церкви в отношении мирской жизни: он страж новой церковной общечеловечности, охранитель от поглощения иными началами общественной жизни, блюститель идеи Единого Истинного Бога и истинно-христианской жизни. Допустимость участия пастыря Церкви в делах государственной общечеловечности как представителя нравственно-христианского сознания, оберегателя интересов Церкви и совести против покушений на их извращение. Пастырь в охранении и осуществлении цельности нравственного закона среди церковного общества. Призыв к совершенствованию личности как средство улучшения общественной жизни. Пастырь как обличитель противохристианского направления жизни. Общественный идеал есть идеал нравственного совершенства.

Еп. Феодор

³⁷ Ср.: 1 Тим. 2, 6, 10, где говорится о необходимости испытаний для кандидата в священство. Прямого указания на трехлетнее обучение в посланиях ап. Павла нет.

³⁸ См.: Лк. 2, 46–47.

³⁹ См.: Мф. 3, 13–17; Мк. 1, 9–11; Лк. 3, 21–22.

⁴⁰ См.: Мф. 4, 1–11; Мк. 1, 12–13; Лк. 4, 1–13.

13 января 1910 года

Лекция 1

Необходимость приготовления к пастырскому служению по самому существу этого служения. Истинные задачи, которые должно преследовать в подготовке пастырей, и неуместность в совмещении в пастыре различных культурных сил. Обмирщение пастырских идеалов. Средства, рекомендуемые немецкими пасторологами для ближайшего ознакомления с душами пасомых. Учреждение викариатства. Более верный путь для ознакомления с духовным состоянием пасомых — посещение пастырем домов их в различных случаях.

Лекция 2

Примерный образ жизни пастыря как средство для соответствующего воздействия на пасомых. Нормальные взаимоотношения пастыря и пасомых как необходимое условие для усовершенствования христианского общества. Познание прихода и доверие прихода к пастырю. Необходимость ближайшего знакомства пастыря с душами прихожан для вернейшего руководства их к усовершенствованию. Вред переводов пастырей с прихода на приход. Средства воздействия пастыря на пасомых, положительные и отрицательные. Желательность материальной независимости пастыря от пасомых в целях избежания унижения пастырского достоинства. Пастырская мораль, или особенная этика, существует ли для пастырей? Необходимость воздерживания пастырем от соблазнительного для пасомых поведения, хотя бы по существу непредосудительного.

А. Шостын

19 января

Новогоднее пожелание слушателям⁴¹ нового неба и новой земли⁴², в которых живет правда. Правда — как осуществление в жизни своей плана Творца и смысла своего бытия. Пожелание счастья, но не во внешнем, земном смысле благоукрашения жизни земными утехами, в виде богатства напр <имер>. Взгляды св <ятых> отцов на скорби, тру-

⁴¹ Далее слово: «достигнуть» зачеркнуто.

⁴² Ср.: Откр. 21, 1; Ис. 65, 17.

ды и лишения жизни как на необходимый элемент человеческой жизни по определению Бога. Богоборческий характер культуры человеческой. Задача пастырства: личный подвиг пастыря и осуществление Царства Божия на земле.

Еп. Феодор

20 января

Лекция 1

Средства для познания пастырем своих прихожан и приобретения доверия этих последних к своему духовному отцу:

3. Посещение пастыря в праздники Рождества Христова, Богоявления, Пасхи и др.

4. Посещение для исполнения различных молитвословий и треб.

Важность этих посещений для создания и укрепления добрых отношений между пастырем и пасомыми. Удобство для пастырских бесед существующего обычного угощения пастыря в дни праздников. Пример Спасителя, пользовавшегося нередко предлагаемыми Ему трапезами для преподания Своих наставлений⁴³. Беседы Господа в доме Симона-фарисея⁴⁴ и др. Приложимость этих примеров и для наших дней и наших пастырей.

1. Посещения неофициальные, нарочитые. Редкость их у нас. Их обязательность для пастыря. Пример апостола Павла, учившего непрестанно со слезами не только всенародно, но и по домам⁴⁵. Правило св. Василия о посещениях пастырем домов своих прихожан. 3-е слово св. Иоанна Златоустого, свидетельствующее о сознании в его время необходимости пастырских, почти ежедневных, посещений. Указания о посещениях домов прихожан у бл. Иеронима и св. Григория Двоеслова. Предписания посещения домов прихожан книги <Амвросия Медиоланского> «О должностях пресвитеров»⁴⁶. Содержащиеся там

⁴³ См.: Мф. 9, 10–18; Лк. 19, 5–27.

⁴⁴ См.: Лк. 7, 36–50, а также Мф. 26, 6–13, Мк. 14, 3–9.

⁴⁵ См.: Деян. 20, 18–21.

⁴⁶ Свт. Амвросий высказывался против посещения пастырями домов прихожан как небезопасного для отношений священнослужителя с его духовными чадами и для нравственности самого священника. «Вы ищите визитов для отдыха и приятного вре-

указания цели и задач этих посещений. Итог: эти посещения — прямой долг и неперемнная обязанность каждого пастыря. Их польза для того, чтобы узнать нравственное состояние пасомых, почему некоторыми западными пасторалистами они полагаются в основу пастырского душепопечения.

Положение этого дела — пастырских посещений домов прихожан — в инославных исповеданиях. Взгляд Кальвина — *visitatio domestica ordinata vel stata*⁴⁷. Постановления по этому вопросу реформатских соборов и синодов. Причины такого отношения — отсутствие исповеди у реформатов. У лютеран эти посещения вызывают скептическое отношение как напоминающие иезуитскую практику (институт исповеди у лютеран удержан). Poleмика с реформатами по этому вопросу.

Распространенность этих посещений в католичестве. Несостоятельность объяснения этой распространенности еп. Бориса, имеющей свою причину, по мнению владыки, в непонятности католического богослужения и скудости реформатского⁴⁸. Основание его — в древнецерков-

мяпрепровождения. Почему же свободное от церковных занятий время не употреблять нам на душеполезное чтение? Почему не посетить Христа, не побеседовать с Христом, не послушать Христа? <...> Что нам в посещении чужих домов?» (*Амвросий Медиоланский, свт. О должностях. С. 37*). Далее свт. Амвросий уточняет круг тесного знакомства священнослужителя: «Лучше всего для нас иметь знакомство с пожилыми и вообще с людьми испытанных правил честности и заслужившими всеобщее одобрение. Сколько обращение с равными нам по возрасту приятнее, столько со старшими безопаснее и полезнее, ибо при опытности в жизни старших и советах их нравственность младших возвышается, облагораживается и украшается добрыми качествами, как цветами благовонными» (Там же. С. 39).

⁴⁷ Ср.: «Научение <...> предполагает не только общественную проповедь, но и ставления отдельным христианам. Поэтому св. Павел призывает эфесян в свидетели того, что не пропустил ничего полезного, уча всенародно и по домам (Деян. 20, 20). <...> А чуть ниже он говорит, что не переставал со слезами увещевать каждого из них (Деян. 20, 31)» (*Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т. 3. М., 1999. С. 54*).

⁴⁸ *Борис, архим. 1892. С. 39*. Архим. Борис писал: «...Наши пастыри и не нуждаются в особых систематических визитациях своих приходо́в с целью проведения своих добрых влияний на пасомых, каковая потребность ощущается священниками Запада. Особенности православного богослужения, как нельзя более приспособленного к религиозным нуждам и потребностям народа в связи со своеобразным складом исторической и общественно-экономической жизни последнего как народа по преимуществу консервативного, оседлого, постоянного в своем образе жизни и занятиях, ставят па-

ной практике⁴⁹.

Круг лиц, нуждающихся в пастырском посещении.

Способы посещений. Неприемлемость требования Кальвина, чтобы эти посещения были регулярны. В таком случае они легко могут перейти в тяжелую повинность, которую будут стараться только отбыть. Да кроме того, эти посещения могут быть и ненужны в то время, когда по расписанию они должны иметь место. Необходим повод, в котором, впрочем, никогда не может быть недостатка. Болезнь, смерть, выздоровление, семейное торжество — все может служить достаточной причиной для пастырского посещения и назидательной беседы. Вопреки мнению цитированного выше еп. Бориса, пастырь может и должен посещать своих пасомых и в дни праздничного разгула, когда паства особенно нуждается в отрезвляющем голосе пастыря. Пример свт. Тихона Задонского, явившегося со словом увещания в подобную толпу, шумно справлявшую языческий праздник Ярилы⁵⁰.

стыря в тесную и постоянную связь со своими пасомыми» (Там же. С. 39). Впрочем, эта убежденность не мешает архим. Борису сделать резонное замечание: «Пастыри, пренебрегающие обязанностью посещения пасомых, иногда приходят в недоумение, видя, что при всех их усилиях и стараниях паства их не только не увеличивается, но с каждым годом все более и более уменьшается в своем составе. <...> Многие прихожане, тщетно ожидая, когда пастырь обратит надлежащее внимание на их духовные нужды и не чувствуя тесной связи с ним, которой он не позаботился установить, легко отпадают от Церкви» (Там же. С. 29, 30).

⁴⁹ Вопреки замечанию А. П. Шостыина, архим. Борис осознавал важность и этого фактора: «Древняя практика восточных и особенно западных Церквей видела в посещениях одну из существеннейших обязанностей пастырского служения, исполнявшуюся в определенное время и имевшую формально-религиозный характер, так как посещения эти начинались беседою о религиозных предметах и оканчивались всегда молитвою. И мы совершенно далеки от желания сколько-нибудь унизить этот серьезный взгляд на пастырские посещения, освященные веками» (*Борис, архим. 1892. С. 21*).

⁵⁰ См.: Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа воронежского, всея России чудотворца. Ч. 1. СПб., 1862. С. 45–50. Святитель Тихон, «въехав в самую средину бесчинствующей толпы, начал обличительное и трогательное слово. Устыженный присутствием Святителя, народ прекратил свои игрища. Многие от стыда тотчас разбежались по домам, другие, обличаемые совестью, оставались выслушать слова Пастыря. Одушевляемый пастырскою ревностью, он обличал, умолял, советовал и потом, с угрозою отлучения от Церкви, повелел прекратить это игрище и успел заставить народ при себе же разломать все игрищные и торговые шалаши. <...> Этот успех

Лекция 2 (продолжение)

Важность для пастыря, посещающего своих прихожан, настроения этих последних. Пастырь не должен презирать и обходить своим посещением и тех, кто по-видимому не особенно расположен и к пастырю, и к даже к самой Церкви и религиозным вопросам.

4. Школа как средство пастырского воздействия на паству. Ограниченность этих средств по кругу лиц, подлежащих влиянию, но преимущество по основательности воздействия, могущего создать целое поколение с желательным настроением и мировоззрением. Необходимость поэтому самого ближайшего участия пастыря в жизни и деятельности школы. Он должен создать школу, если ее нет; взять руководство ею на себя, если она существует. Если к этому почему-либо нет возможности, влияние на детей — всегда во власти пастыря и составляет долг пастыря, поскольку дети — часть его паствы и часть самая важная, так как от впечатлений детства зависит настроение во всю жизнь. Отсюда и книга о должностях пресвитеров⁵¹ и правило VII Вселенского Собора⁵² поручают воспитание детей именно заботам пастырей. Естественно, что школа должна быть истинной школой, где бы воспитывался истинный христианин, на всякое благое дело уготован. Пригодность для сего дела школы церковной, где священник является полным хозяином и руководителем, чего нельзя сказать о школах других типов, где хозяином является учитель — лицо светское, часто индифферентное Церкви и церковным уставам, как показывает сама жизнь.

Задачи церковной школы как учебно-воспитательного учреждения, где бы наряду с учебным делом стояло на должной высоте и воспитательное. Необходимость для церковных чинов и школ и церковно-школьных деятелей — следить и применять у себя новейшие методы

Святителя Тихона тем более замечателен, что нельзя сказать, чтобы в жителях Воронежа он находил почву благоприятную для сеяния слова Божия» (Там же. С. 46, 50).

⁵¹ Ср.: «...Воспитывать сирот и пристраивать их — все это дела христианского милосердия и щедрости душ», подобающие прежде всего пастырям Церкви (*Амвросий Медиоланский, свт. О должностях. С. 171*).

⁵² Правило 10 («лучше пусть он занимается обучением детей <...> и пусть читает им божественные писания, потому что для этого он и получил священство» (*Деяния Соборов 1996. С. 613*)).

обучения, чтобы учебное дело стояло не ниже, но даже, если можно, и выше, чем в школах других типов.

Должное отношение церковной школы к интересам учащихся и их родителям. Школа должна считаться с тем, что иногда ребенок нужен и дома, и потому наставник имеет право желать дать своим детям лишь минимум знаний. Стремление светских учителей вопреки этому законному желанию дать непременно максимум знаний, вследствие чего они усиливают занятия, увеличивают количество учебных часов и прочее, что вредно отражается, прежде всего, на здоровье учащихся, в особенности слабых в умственном и физическом отношениях; во-вторых, нередко служит причиной того, что питомцы начинают презирать земледельческий труд, считая себя склонными к более высшим профессиям, и портятся нравственно. Мнение Спенсера по этому вопросу⁵³.

А. Шостьин

26 января

Значение личного отношения пастыря к дару священства. Служебное значение этого дара у пастыря.

Общий источник и природа этих качеств — сострадательной любви и целомудрия у пастыря и пасомых. Целомудрие и совесть пастыря находится под покровительством Бога. Лишение дара священства как видимый знак внутреннего лишения благодати. Доказательства:

⁵³ Спенсер считал опасным ускоренное интеллектуальное развитие учащихся. «...После веков, имевших целью развитие одной физической силы, настал век, когда культура ума стала единственной заботой, — когда детям давали в руки, в возрасте от двух и до трех лет, учебники и когда достижение познаний считалось единственной необходимостью. <...> Мы ныне приходим к убеждению, что тело и ум имеют одинаковое право на наши заботы и что все это целое должно быть тщательно развиваемо. Система насилования ума отброшена многими, скороспелок не поощряют. Люди начинают видеть, что быть хорошим животным составляет первую необходимость успеха в жизни. Нанлучшие мозги оказываются малопригодными, если мало жизненной энергии для их работы. Следовательно, получение одного в ущерб другому источнику считается ныне безумием, часто подтверждаемым случаями несостоятельности юных фениксов. Таким образом, мы открываем мудрость поговорки, что один из секретов воспитания есть знание, “как поумнее терять время”» (Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое / Пер. М. Гловацкой. М., 1900. С. 92–93).

1) апостол Павел и коринфский кровосмешник⁵⁴; 2) психологическое доказательство: священство, по апостолу, есть дар Божий для служения Церкви⁵⁵ — «неключимый» должен быть лишен этого дара⁵⁶. Необходимость для пастыря «аскетики», которая должна способствовать развитию чуткой совести у пастыря. Борьба идейная в век апостольский: подмена чистоты христианского учения мудростью века сего⁵⁷. Опасность моральная: помрачение чуткой христианской совести. Апостольские послания имеют в виду сохранить чистоту христианского сознания и нравственную сторону христианской жизни. Нравственное освящение христианских догматов апостолами.

27 января

Влияние пастыря на пасомых через посредство пасомых и школьных учителей. Примеры призывания общественных сил на служение Церкви: пример Господа, апостола Павла (Евр. 10⁵⁸ и послание к Солунянам⁵⁹), Послание Иакова⁶⁰, отцов Церкви: Иоанн Златоуст (беседа в субботу Лазаря), необходимость в содействии пасомых (бедность, болезни, нравственные пороки, пропаганда вредных учений). Преимущество коллективной работы. Формы пастырского воздействия: частые беседы, формальные церковные соборы или общества, братства крупных районов и приходские. Приходские попечительства. Его обязанности: 1) нужды приходской церкви, причта, 2) богадельни, божницы. Инициатива в устройстве должна принадлежать священнику. Непозволительно обращение священника к содействию власти без крайней нужды (Иоанн Златоуст). Но когда нравственные меры совершенно не действуют, тогда правила Поместных Соборов разрешают обратиться к власти (Антиох<ийский>, Двукр<тный> Констант<инопольский>,

⁵⁴ См.: 1 Кор. 5, 1–13.

⁵⁵ См.: 1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; ср. также: Рим. 12, 6–7.

⁵⁶ Ср.: 1 Кор. 5, 5, 13.

⁵⁷ Ср.: 1 Кор. 2, 6; 3, 18.

⁵⁸ См.: Евр. 10, 24–25; 32–34.

⁵⁹ См.: 1 Фесс. 4, 9–10; 5, 14; ср.: 2 Кор. 8, 1 — 9, 12; Рим. 15, 26; 1 Кор. 16, 1–3.

⁶⁰ Ср.: Иак. 1, 27 — 2, 9.

Карфаг<енский> пр<авила> 69, 72, пр<авило> 104 (по поводу донатистов — ссылка на ап<остола> Павла), Двукрат<ный> (9 пр<авило>), Антиох<ийский> (5 пр<авило>).

А. Шостьин

3 февраля

Таинство Исповеди.

Таинство исповеди как средство врачевания души христианской. Исповедь — функция пастырская, а не судейская. Такого взгляда на исповедь держались: Киприан <Карфагенский>, Иоанн Златоуст и другие. По Киприану: покаяние — это духовное врачевание, совершитель — духовный врач, который приписывает различные лечебные средства.

Иоанн Златоуст в Таинстве Исповеди видит главным образом не судейскую сторону, но, главным образом, духовно-лечебную.

Вселенские Соборы, как например, второй Трульский Собор, смотрели на исповедь как на духовно-лечебное средство.

Древняя христианская Церковь так смотрела на исповедь, так смотрит и современная православная Церковь: исповедь называет лечебницей; обязанность духовника сравнивает с обязанностями врача. Итак, исповедь производит лечебное действие на душу и совесть кающихся.

Католичество всегда смотрело на Таинство Исповеди как на средство изыскания и суда.

При исповеди как лечебном средстве духовнику нужно принимать во внимание различие грехов и греховное состояние.

Различия по этому пункту у восточных и западных отцов Церкви. У первых (запад<адных>) <акцент —> на объективном различии грехов (по отношению к окружающим). У вторых (восточ<ных>) — на субъективном различии грехов (по отношению к согрешающим). Следы католичества в православном учении Петра Могилы.

Лекция 2

Четыре средства для выполнения пастырского душепопечения: домашние посещения, призыв общества, школьные посещенья и ис-

поведь. Три категории как объекты душепопечения: страждущие болящие, погруженные в пороки и гибнущие в заблуждениях.

Первое средство соответствует первой категории.

Посещение и умирающих как важнейшая обязанность пастырского душепопечения. Примером служат Сам Спаситель и апостолы, посещающие больных и страждущих⁶¹.

Апостолы заповедовали посещения своим преемникам⁶².

Златоуст Иоанн, Блаженный Августин посещение больных считали одной из главных своих обязанностей.

Это вытекает из самого существа дела: а) прикованные к одру лишены возможности получить назидание; б) как страждущие, больные по преимуществу нуждаются в ободрении и утешении Словом Божиим.

Психологическое состояние умирающего — склонность к раскаянию, самоуглубление и примирение с Богом.

Посещение больных приносит пользу священнику: как школа, где приобретает мудрость, и как средство узнать приход.

Изучать католических и протестантских пасторалистов. Нужно ли посещать больных, если священника не приглашают?

Последний вывод: пастырь посещает больных, не дожидаясь приглашения со стороны болящего.

А. Шостыин

9 февраля

Постоянные попытки «подделать» христианство. Современные «подделки». Христос пришел грешных спасти — это борьба со грехом и должна быть задачей христианской жизни. Подмена этой сущности христианства в настоящее время. Перенесение интересов из области

⁶¹ Ср.: Мф. 4, 23, 9, 35; 10, 8; Мк. 6, 13; Лк. 7, 21; 8, 2; 10, 9. Здесь говорится об исцелении в общем смысле (в большинстве же случаев дается пояснение, что больных приносили ко Христу и апостолам, см.: Мк. 6, 55; Лк. 4, 40; Деян. 5, 15). О посещении в Евангелии говорится в связи с воскресением дочери Иаира (Мк. 5, 23–24, 38; Лк. 8, 41–42, 51) и исцелением тещи Петра (см.: Мк. 1, 30; Лк. 4, 38). В книге Деяний говорится о посещении ап. Павлом отца Публия, начальника острова (см.: Деян. 28, 8).

⁶² Ср.: Иак. 5, 14; Евр. 13, 3.

ОТДЕЛ III. ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ЛЕКЦИИ

моральной в область экономическую и социальную. Восстание на Христа, стремление обезличить Христа. Интерконфессионализм.

Еп. Феодор

Публикация подготовлена
студентами 2-го курса библейского отделения МДА

ЛИТЕРАТУРА

Амвросий Медиоланский, свт. О должностях — Свт. Амвросий Медиоланский. О должностях священнослужителей Церкви Христовой / Издание П. Поспелова. К., 1875.

Борис, архим. 1892 — Борис, архим. Записки по пастырскому богословию. Вып. 4. К., 1892.

Деяния Соборов 1996 — Деяния Вселенских Соборов. Т. 4. СПб., 1996.

Феодор (Поздеевский) 1911 — Из чтений по пастырскому богословию (аскетика): Записи студентов Московской Духовной Академии в 1910—1911 году. СПб, 1911.

СЦМЧ. ИАКОВ (БОЙКОВ)

СТРАНИЦЫ ИЗ «АКАДЕМИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА» ЗА 1919 ГОД

В истории Московской духовной академии одним из наименее изученных периодов остается период гонений и закрытия в 1919 г. Выше на страницах юбилейного «Богословского вестника» публикуется машинописное исследование историка Академии протодиакона Сергея Голубцова, которое на сегодняшний день можно считать самым подробным по данной теме¹. Предлагаемая ниже публикация фрагментов из «Академического дневника» Иакова Бойкова является еще одним важным дополнением.

Рукописный автограф «Академического дневника» был найден в 2008 г. клириком Тверской епархии протоиереем Петром Дубяго, который приобрел его в букинистическом магазине г. Тверь и передал в дар в библиотеку Московской духовной академии. Данный дневник имеет следующие «выходные» данные:

«Академический дневник»

Журнал ученый

философский, литературный, публицистический
издаваемый при Московской Духовной Академии

Студентом II-го курса Яковом Бойковым

№ 33. Месяца Февраля 24 дня 1919 года

1908 Год издания одиннадцатый 1918 г.

*«Буди верен даже до гроба
и дам ти венец живота»².*

¹ См. выше статью протодиак. С. Голубцова «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 443–509).

² Ср.: *Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота* (Откр. 2, 10).

г. Бежецк. Тверской губ.

Печат. 9 октября 1918 г.

В нижнем левом углу титульного листа помещена символическая картина, на которой изображен орел с распростертыми крыльями, восседающий на круге. В центре круга — человеческий глаз в треугольнике. Круг обрамляют справа и слева две благословляющие руки, одна из них почти что упирается в подножие креста, с которого свешивается змея с исходящим из уст жалом. Автор с исключительной изобретательностью обрамил все содержимое титульного листа восьмигранной рамкой, почти каждая из граней которой имеет свой своеобразный рисунок.

Данный титульный лист является единственным источником информации по истории «Академического дневника», более ранние выпуски которого, насколько известно, не сохранились и никем не упоминаются. Неизвестно, кто и при каких обстоятельствах начал издавать дневник в 1908 г. и какие лица из числа студентов Московской духовной академии были редакторами-издателями первых 32 выпусков. На титульном листе 33-го выпуска снизу выцветшими темными чернилами указана страница 4356. Таким образом, за 11 лет студентами Академии было написано 4355 страниц рукописного текста. В 2010 г. в библиотеку Академии о. Петром был передан еще один № 35 (Т. 20) с тем же самым оформлением титульного листа, датируемый 1 марта 1919 г. Несмотря на то что данный номер вышел всего лишь через месяц после 33-го, он перестал носить «академический» характер: Я. Бойков, оторванный от Академии и волею судеб оказавшийся в своем родном Бежецке, стал получать сведения об Академии по слухам и волей-неволей более заинтересовался освещением в прессе революционных и военных событий. Таким образом, по независящим обстоятельствам журнал из историко-богословского превратился в публицистический общественно-политический орган.

Объем 33-го номера «Академического дневника» составил 119 страниц (с. 4356—4474), а 35-го — всего лишь 25 (4703—4728). Очевидно, что автором по крайней мере трех номеров (включая несохранившийся 34-й³), а также, возможно, нескольких предшествующих был

³ Объем 34-го номера должен составлять 227 страниц (с. 4475—4702).

Яков Бойков (1896–1943), у которого присутствовал особый вкус к сочинительству. Впоследствии Иаков претерпел мученическую кончину († в Североуральском лагере 19 апреля 1943 г.; память 6/19 апреля) и был прославлен в сонме Новомучеников и исповедников Российских, заняв свое место в Соборе 65 святых Московской духовной академии⁴. Единственное житие свщмч. Иакова написано иером. Дамаскиным (Орловским)⁵, его большую часть составляют протоколы допросов и лагерные письма узника своим родным — супруге Марии и дочери Вере.

Сведения, собранные о Дамаскиным, особенно те, которые посвящены студенческим годам жизни, можно существенно расширить, если обратиться к личному делу Я. Бойкова, которое хранится в ЦИАМе в составе 229-го фонда МДА (Оп. 4. Д. 423). В основном в этом деле хранятся документы, которые требовались для поступления Я. Бойкова в Московскую духовную академию. Из более личных документов, входящих в досье автора, приоткрываются дополнительные подробности для жития Я. Бойкова. Так, из копии метрической книги выясняется дата рождения и крещения («Июля 8 родился, 10 — крещен») и имя совершившего крещение священника («Таинство Крещения совершил Бежецкой кладбищенской церкви Спасской священник Иоанн Преображенский»⁶). Адрес постоянного проживания Я. Бойкова следующий: «Гор. Бежецк. Тверской губ., Спасская улица, дом протоиерея Якова Бойкова...»⁷. 21-летнему абитуриенту в Академию была предоставлена дополнительная отсрочка от армии «до 1 октября 1917 г. на поступление в высшее учебное заведение для продолжения образования»⁸. Ниже публикуются наиболее значимые документы.

⁴ См. ниже публикацию игум. Луки (Головкова) «Собор святых Московской духовной академии: материалы к истории создания нового иконописного образа». № 57. С. 1082.

⁵ Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 3. Тверь, 1999. С. 103–119 (далее — Дамаскин, иером. 1999).

⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 423. Л. 4. Здесь же отмечено: «Причитающийся гербовый сбор уплачен июля 19 дня 1917 г.». Иоанн Преображенский, священник — строитель Спасо-Кладбищенской церкви в г. Бежецк, захороненный с южной от нее стороны.

⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 423. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 3.

1. <Направление из Тверской духовной семинарии в Московскую духовную академию от 8 августа 1917 г.>

«В Совет Московской духовной академии

Правление Тульской духовной семинарии, назначив согласно циркулярному отношению Учебного комитета при Св. Синоде от 4 июля сего года за № 1973 в состав нового курса Московской духовной академии воспитанника Якова Бойкова, поставляет своим долгом препроводить при сем следующие документы сего воспитанника: 1) аттестат за № 833 об образовании, 2) метрическое свидетельство за № 6761 о времени рождения и крещения, 3) выданное Бежецким воинским присутствием от 4 мая сего года за № 1642 свидетельство о предоставлении отсрочки по отбыванию воинской повинности до 1 октября сего года для поступления в высшее учебное заведение и 4) две засвидетельствованные фотографические карточки. Что касается требуемой семинарским уставом подписки воспитанника Бойкова при поступлении его в Духовную академию, то подписка эта будет доставлена в Совет Академии дополнительно в непродолжительном времени.

О получении препровождаемых документов Правление семинарии покорнейше просит Совет Академии не оставить уведомлением.

Ректор Семинарии архим. <нрзб.>

Секретарь С. Соколов»⁹.

2. «Подписка

Я, нижеподписавшийся, студент Тверской духовной семинарии Яков Бойков, окончивший семинарский курс в сем 1917 году и Педагогическим собранием Правления Семинарии назначенный в состав нового курса Московской духовной академии, дал настоящую подписку в том, что, во 1-х, по прибытии в названную Академию не буду отказываться от поступления в оную и, во 2-х, по окончании академического курса не буду отказываться от поступления на духовно-учебную службу.

Студент Тверской духовной семинарии

Яков Бойков

5 августа 1917 г.»¹⁰.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 6.

3. «Аттестат

Воспитанник Тверской духовной семинарии, сын священника Покровской тюремной церкви в гор. Бежецке Тверской епархии Якова Бойкова — Яков Бойков, родившийся в восьмой день месяца июня тысяча восемьсот девяноста шестого года, по окончании полного курса учения в Бежецком духовном училище поступил в августе месяце 1911 года в Тверскую духовную семинарию, в коей обучался по июнь месяц тысяча девятьсот семнадцатого года и при поведении отличном оказал успехи:

<1> отличные

по Изъяснению Св. Писания — (5)

Общей церковной истории — (5)

Истории Русской Церкви — (5)

Введению в православное богословие — (5)

Богословию догматическому — (5)

Богословию нравственному — (5)

Богословию обличительному — (5)

Истории и обличению старообрядчества — (5)

Практическому руководству для пастырей — (5)

Гомилетике — (5)

<2> очень хорошие

Литургике — (4)

Русской словесности — (4)

Истории русской литературы — (5)

Всеобщей гражданской истории — (4)

Русской гражданской истории — (4)

Алгебре — (4)

Геометрии и Пасхалии — (4)

Тригонометрии — (4)

Физике — (5)

Космографии — (4)

по Начальным основаниям и краткой истории философии — (5)

Логике — (5)

Психологии — (5)

Дидактике — (5)

<3> хорошие

по языкам: Греческому — (3)

Латинскому — (4)

Немецкому — (4)

Французскому — “не обучался”

Еврейскому — “не обучался”

церковному пению — (3)

По окончании полного курса учения в Семинарии Яков Бойков причислен Педагогическим собранием семинарского Правления с утверждения епархиального архиерея к первому разряду воспитанников оной и удостоен звания студента Семинарии со всеми преимуществами (по пар<аграфу> 177 Устава П<равославных> д<уховных> с<еминарий> 22 авг<уста> 1884).

И. Д. Ректора Семинарии протоиерей М. Березин

Инспектор Семинарии <нрзб.>, член правления <нрзб.>, секретарь <нрзб.>»¹¹.

Таким образом, уровень абитуриента Якова Бойкова был достаточно высоким: в его семинарском аттестате проставлено 16 пятерок, 10 четверок и только 2 тройки — по греческому языку и церковному пению. Он имел отличные оценки по всем основным предметам семинарского курса, в то время как на общеобразовательные предметы он обращал меньшее внимание.

Следующие два документа проливают свет на обстоятельства преждевременного ухода Я. Бойкова из Академии и переселения на родину в Бежецк.

4. «Его Высокопреподобию

Отцу Ректору Московской духовной академии

Протоиерею Анатолию Петровичу Орлову¹²

¹¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 423. Л. 2–2 об.

¹² Анатолий Петрович Орлов (25 марта 1879 г. — 21 января 1937 г.), ректор Академии с 10 сентября 1917 г. до апреля 1922 г., с рукоположением в сан священника и возведением в сан протоиерея. Подробнее см. выше в статье *протоиак. С. Голубцова* «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 444–447, а также с. 464, 471–472 (примеч. 66)).

Студента II курса
Якова Бойкова

прошение.

Прибыв в Академию 30-го июля сего года на осенние переводные экзаменационные испытания и для учебных занятий в текущем 1918/19 академическом году, я имел возможность прожить в Сергиевом Посаде и учиться в течение двух месяцев единственно вследствие совершенно случайно сложившихся для меня благоприятных условий. Я жил в Лавре у одного лица, принявшего участие в моей судьбе, и имел возможность, благодаря доброте этого же лица, пользоваться для занятий его келией и готовым столом из лаврской столовой. Но и при всем том я вынужден был задолжать на покупку хлеба 683 руб. Дальнейшее пребывание в Сергиевом Посаде грозит мне увеличением долга, относительно которого я не знаю, буду ли в состоянии его выплатить.

Ввиду означенных затруднений закончить учебный год и выдержать переводные испытания, назначенные на ноябрь месяц с. г., я не в состоянии. Посему покорнейше прошу Ваше Высокопреподобие разрешить мне отпуск до осенней сессии переводных экзаменов. Сентября 28 дня 1918 года.

Студент II курса
Московской духовной академии
Яков Бойков»¹³.

5. «В канцелярию Московской духовной академии

Препровождая при сем семестровое сочинение по христианской этике на тему «Христианская любовь и аскетизм»¹⁴, прошу канцелярию направить оное для прочтения профессору Тарееву и о получении семестра меня уведомить по адресу: г. Бежецк, Спасская ул., дом № 34. Впрочем, для означенной цели мною прилагается конверт с надписанным адресом и бумагой.

1919 года марта 20 дня.

¹³ Ф. 229. Оп. 4. Д. 423. Л. 8.

¹⁴ Данная тема входит в список из 10 тем для 2-го (1918/19) семестра по христианской этике, опубликованных ниже.

Студент II курса Московской духовной академии
Яков Бойков»¹⁵.

Данное прошение датировано 20 марта 1919 г. и было написано уже после последнего известного нам выпуска «Академического дневника». Быть может, сочинение об аскетизме должно было войти в очередной том дневника — по образцу 33 тома, в котором было опубликовано несколько авторских сочинений. Однако после последовавшего вскоре закрытия Академии на шестой седмице Великого поста 1919 г. издание «Академического дневника» потеряло всякий смысл.

Краткая канва дальнейшей жизни свщмч. Иакова такова. В 1923 г. Иаков, рукоположенный в сан священника, стал служить в храме св. вмч. Екатерины в селе Закрупье, где и пребывал вплоть до 1930 г. Следующим местом его служения стало село Кирилловское Максатихинского района (1930—1931), а затем до 1938 г. — село Княжево, недалеко от Бежецка. 10 февраля 1938 г. о. Иаков был осужден и сослан в исправительно-трудовой лагерь (Екатеринбургская обл.) на 10-летний срок. 19 апреля 1943 г. он умер в лагере от голода и истощения. Старший брат о. Иакова священник Иоанн (род. в 1891 г.) тоже умер в лагерях от тяжелой работы и туберкулеза († вскоре после 28 июля 1934 г.)¹⁶.

* * *

В состав наиболее пространного «Академического дневника» (№ 33) входят: 1. Материалы из истории МДА. 2. Студенческие сочинения Я. Бойкова и, возможно, других неустановленных лиц. 3. Дневниковые записи технического характера¹⁷. 4. Материалы, посвященные созданию Бежецкой богословской библиотеки (образцом для которой, несомненно, послужила библиотека МДА) и первым гонениям советской

¹⁵ Ф. 229. Оп. 4. Д. 423. Л. 9.

¹⁶ Дамаскин, иером. 1999. С. 119—129.

¹⁷ Приведем наиболее интересные записи:

№ 70129 «Ассигновать из наличных сумм 2 руб. на благотворительность»;

№ 70130 «Ассигновать из наличных сумм на нужды Библиотеки»;

№ 70153 «Нами покупаемых газет впредь для прочтения не отдавать».

власти на Церковь в Бежецке¹⁸. Ниже предлагается фрагментарная публикация отрывков из «Академического дневника» (№ 33 и 35), которые были тематически перегруппированы и разделены на три части:

I. Материалы, относящиеся к жизни Академии.

II. Избранные сочинения Я. Бойкова.

III. Круг студенческого чтения Я. Бойкова в 1918/19 уч. г.

При публикации прописные буквы оригинала¹⁹, а также оформление текста (написание дат, числительных, библиографические ссылки и прочее) были унифицированы согласно общим принятым в «Богословском вестнике» правилам. Рубрикация текста, отчасти сделанная автором, была уточнена и расширена редакцией без указания авторской ответственности.

¹⁸ Опубликовано под заголовком «Из дневника новомученика Якова Бойкова» в: *Брагин В. И.* Так погибли Бежецкие церкви. (Книга — покаяние). СПб.: Общество памяти иг. Таисии, 2008. 784 с. С. 778—783. В дополнение к данной публикации приведем маленький фрагмент из 35-го выпуска «Академического дневника»: «За последнее время в городе Бежецке и уезде свирепствует эпидемия сыпного тифа, который косит жертвы целыми сотнями. Тиф развивается на почве голода, недоедания и крайне тяжелых жизненных условий, создаваемых войной, анархией и экономической разрухой. Медицинские силы бессильны справиться с разрастающейся эпидемией, которая весной, вероятно, примет ужасающие размеры» (С. 4727).

¹⁹ В сочинении Я. Бойкова «Евангельский теогенизм» были оставлены некоторые авторские прописные буквы, несущие особую смысловую нагрузку.

1. ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

1. Расписание Учебных занятий в 3-ю академическую сессию
1918/19 уч. года²⁰

- Вс. 1) Практическая работа по истории педагогики.
2) Переписка лекционного материала.
- Пн. 1) Практическая работа по истории педагогики.
2) Французский язык.
- Вт. 1) Практическая работа по истории педагогики.
2) Французский язык.
- Ср. 1) Практическая работа по педагогике.
2) Переписка лекционного материала.
3) Очередные дела.
- Чт. 1) Практическая работа по педагогике.
2) Переписка лекционного материала.
3) Очередные дела.
- Пт. 1) Практическая работа по педагогике.
2) Переписка лекционного материала.
3) Французский язык.
- Сб. 1) Практическая работа по педагогике.
2) Переписка лекционного материала.
3) Французский язык.

2. Список лиц академической администрации и профессоров,
читавших лекции на 2-м курсе Московской духовной академии в
1918/19 <уч.> году

Ректором Московской духовной академии в 1918/19 уч. году состоял первый выборный ректор со времени введения автономии академии протоиерей Анатолий Петрович Орлов.

Обязанности проректора исполнял архимандрит Илларион.

²⁰ Данное «расписание», скорее всего, отражает индивидуальный график занятий Я. Бойкова, переехавшего в Бежецк. Со второго полугодия занятия практически прекратились. Подробнее см. выше в статье протоиерей С. Голубцова «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 464).

Помощниками проректора состояли в 1918/19 уч. году: Иеромонах Иоасаф²¹ и Валентин Дмитриевич Металлов²² (он же помощник Секретаря). Обязанности Секретаря Академии исполнял Николай Дмитриевич Всехсвятский²³.

Профессорские обязанности на 2-м курсе Академии в минувшем году исполняли следующие лица:

Михаил Михайлович Тареев, проф. христианской этики.

Иван Васильевич Попов, проф. патрологии (I каф.).

Свящ. Сергей Михайлович Соловьев, прив.-доц. патрологии (II каф.).

Свящ. <Александр Иванович> Алмазов, проф. церковного права.

Павел Петрович Соколов, проф. психологии.

Петр Васильевич Нечаев, проф. истории педагогики.

Свящ. Дмитрий Васильевич Рождественский, проф. Свящ. Писания В<етхого> З<авета>.

Архимандрит Иларион, проф. Свящ. Писания Н<ового> З<авета>.

3. Учебные предметы, преподаваемые на 2-м курсе Московской духовной академии в 1918/19 уч. году²⁴

Богословские:

1. Священное Писание Ветхого Завета;
2. Священное Писание Нового Завета;
3. христианская этика.

²¹ Иоасаф (Шишковский Алексей Стефанович) (19 мая 1888 г. — 15 декабря 1935 г.), иеромонах, впоследствии архиепископ (со 2 мая 1921 г. — епископ Кашинский), помощник инспектора (1913—1919).

²² О нем см. ниже два краткие некролога, опубликованные в двух выпусках академического дневника, с. 836—837.

²³ Николай Дмитриевич Всехсвятский (22 января 1865 г. — 6 ноября 1922 г.), секретарь Совета и Правления Академии (1896—1919).

²⁴ Ср. с «распределением лекций в МДА на 1918—1919 г.», опубликованным выше в статье протоиак. С. Голубцова «Московская духовная академия в революционный период (1917—1927)» (С. 460—461). В данном «распределении» указано всего три предмета: Церковное право, Патрология и Христианская этика. Не удивительно, что далее Я. Бойков приводит темы сочинений по этике.

Церковно-исторические:

4. патрология (I кафедра)^{*1};

5. патрология (II кафедра);

6. церковное право^{*2}.

Философские:

7. психология;

8. история педагогики.

Примечание 1. Патрология (I кафедра) до блаж. Августина не была читаема в 1917/18 учебном году на 1-м курсе и потому включена в цикл предметов 2-го курса, в виде <исключения> из общего правила академического Устава.

Примечание 2. По церковному праву в 1918/19 учебном году не состоялось ни одной лекции.

4. Сведения о семестровых сочинениях

Темы для 2-го (1918/19) семестра по христианской этике.

1. Св. Димитрий Ростовский как богослов.

2. Догмат и религиозный опыт.

3. Христианская любовь и аскетизм.

4. Биологическое значение религии (Джеймс и проф. Дроцкий²⁵).

5. Религия и анархизм.

6. Религия и этика в социализме.

7. Воля добрая и воля злая.

8. Литературный спор между Гоголем и Белинским, Достоевским и Градовским²⁶ и оценка его с христианско-философской точки зрения.

9. Чувство природы, его воспитание и воспитательное значение.

²⁵ По-видимому, Матвей Михайлович Троицкий (1 августа 1835 г. — 22 марта 1899 г.), психолог, философ, профессор Московского университета. Издал книгу «Наука о духе, общие свойства и законы человеческого духа. Т. 1—2» (М., 1885—1888), которая представляла собой обширный очерк теории познания и была энциклопедией психологического и теоретико-познавательного характера.

²⁶ Александр Дмитриевич Градовский (13 декабря 1841 г. — 6 ноября 1889 г.) — известный профессор права Санкт-Петербургского университета и публицист. Польмизируя с Ф. М. Достоевским, ставившим особый акцент на личном начале, настаивал на важности условий общественной и политической жизни.

10. Современное политическое положение России перед нравственным сознанием²⁷.

5. Известия об академической жизни

О преобразовании Московской духовной академии в Богословский факультет Московского университета

Исковеркать учебный устав Московской духовной академии на светский образец или даже и совсем закрыть ее не позволили современным деятелям «народного просвещения» громадная просветительная роль, какую играла Академия в течение целого века, и исторические традиции, сила которых успешно борется даже с именем Карла Маркса. Но все же Академия в том виде, в каком она находится сейчас, — бельмо в глазу большевиков. Нужно ее так или иначе реформировать. Предполагают преобразовать ее в Богословский факультет Московского университета. Будет ли заключаться эта реформа только в перемене названий или коснется существенных сторон академического строя — остается пока неизвестным.

Экзаменационная сессия в Академии

С 1-го ноября в Академии начались экзамены для студентов всех курсов. Экзамены держат очень немногие студенты. На 2-м курсе всего около 20—25 человек и <лекции читаются> не систематически по всем предметам, а лишь частично по отдельным предметам.

Содержание Академии в 1918/19 учебном году

На содержание Академии в течение второго полугодия с 1-го октября по 1-е декабря израсходовано 207 тысяч рублей. А всего в течение 1918/19 акад<емического> года до 500 тыс. руб. Сумма эта составила частью из специальных церковных средств, частью из пожертвований частных лиц.

Стипендии за 2-е полугодие

1500 руб., назначенные на пособие студентам Духовной академии за 2-е полугодие 1918/19 учебного года, распределены на 158 чел<овек> студентов, собравшихся в Академию, и почти все розданы. В отношении правоспособности на получение стипендии студенты разделены на 4 группы.

²⁷ Академический дневник 33. С. 4358—4360.

Освобождение студентов от призыва на военную службу

Приказом Главнокомандующего Московского военного округа тов. Муретова студенты духовных академий уравниены в правах по отношению к воинской повинности с учащимися светских школ и др <угих> высших учебных заведений.

*Профессор И. М. Громогласов*²⁸

На арену академической деятельности вновь выступил «либеральный» проф. И. М. Громогласов, в свое время удаленный еп. Федором из Академии за либеральные тенденции. И. М. Громогласов занял кафедру Церковного права. Одновременно с занятиями в Академии он читает лекции на недавно организованных в Москве, по мысли В. Черткова²⁹, Курсах свободно-религиозного образования.

Материальное положение студентов Академии

Надежды занять свои помещения с уходом Главного высшего инженерного управления под интернат не оправдались для студентов Московской духовной академии. Им по-прежнему пришлось ютиться по разным углам и подвалам и там же слушать лекции. На место инженерного управления академические помещения заняла Офицерская техническая школа.

Академик³⁰.

Далее следует «Отчет о состоянии фундаментальной библиотеки за истекший 1918-й год»³¹ в г. Бежецке, означающий, что Я. Бойков в течение всего 1918 г. поддерживал тесную связь со своим отечеством. Поскольку отчет не имеет прямого отношения к МДА, мы опускаем его и приводим здесь некоторые сведения из 35-го выпуска «Академического дневника», отчасти дополняющие и уточняющие общую картину 1918 года.

²⁸ Илья Михайлович Громогласов (20 июля 1869 г. — 4 января 1937 г.), э.-орд. (1904) профессор Академии, преподававший по кафедре Истории и обличения русского раскола старообрядчества (1894 — май 1911 г.). 27 мая 1917 г. восстановлен в звании сверхштатного э.-орд. профессора МДА. Арестован 2 ноября 1937 г. в Твери и приговорен к расстрелу.

²⁹ Владимир Григорьевич Чертков (22 октября 1854 г. — 9 декабря 1936 г.) — лидер толстовства как общественного движения, близкий друг Л. Н. Толстого, редактор и издатель его произведений, общественный деятель.

³⁰ Академический дневник 33. С. 4374–4375.

³¹ Там же. С. 4392–4399.

6. Известия из академической жизни (продолжение)

Относительно Московской духовной академии получены 27-го января с. г. следующие известия:

1) Экзаменационные испытания, закончившие необычайно сокращенный и редкий по трудности учебных занятий 1918/19 учебный год, в ноябре прошлого года сошли благополучно. По крайней мере, так отзываются экзаменовавшиеся студенты. Так, например, студент 2-го курса Н. И. Громогласов пишет: “Экзамены сошли для всех державших весьма благополучно, даже по Этике, хотя Тареев наставил порядочно троек. Профессора на экзаменах относились весьма деликатно. Тем не менее, приходится констатировать, что были случаи откладывания экзаменов до осени. Что касается семестровых сочинений, то обнаруживается, что дело с их изготовлением у студентов подвигается очень туго. Например, на 2-м курсе некоторые студенты еще не подавали проф. С. И. Соболевскому³² первого семестрового сочинения по греческому языку”.

2) Второе известие, касающееся строя учебной жизни, кажется менее достоверным. Оно гласит, будто бы в декабре истекшего 1918 года Совет профессоров постановил с 1-го марта ст. ст. 1919 года начать новый учебный год и произвести приемные экзамены для лиц, поступающих в Академию, и переводные испытания для тех студентов старших курсов, которые не имели возможности держать экзаменов в установленное время³³. Впрочем, последние могут экзаменоваться в марте по <желанию>, но последним сроком по-прежнему, по-видимому, должно считать осень 1919 года. Что касается “нового” учебного года, то он по постановлению г <оспод> профессоров назначается для студентов,

³² Сергей Иванович Соболевский (25 августа 1862 г. — 6 мая 1963 г.) — филолог-классик, переводчик, преподаватель. Брат А. И. Соболевского. Подробнее о нем и его преподавании греческого в МДА см. выше статью игум. Дионисия (Шленова) «Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах» (С. 562, 578–583).

³³ Хотя согласно Указу Св. Патриарха Тихона от 15/28 января 1919 г. за № 21 было принято обратное решение не начинать второе полугодие, ради студентов, вернувшихся с каникул, занятия продолжались в течение всего марта месяца. Подробнее см. выше в статье протоиерей С. Голубцова «Московская духовная академия в революционный период (1917–1927)» (С. 463, особ. примеч. 45).

не прослушавших ос<еннего> курса лекций, и, таким образом, имеет значение дополнительного <учебного> года.

Из Московской духовной академии сообщают, что предположение об устройстве вторичного чтения лекций в марте месяце с. г. действительно было высказано Святейшим Патриархом Тихоном, который имел в виду этим путем пополнить число студентов на всех курсах Академии, крайне сократившееся ввиду неприезда очень большого числа студентов в сентябре. Но вряд ли можно думать, что это предположение осуществится: дороговизна в Сергиевом Посаде все растет, профессора разъехались; и хотя бы студентов созвали при подобных условиях — никто не рискнет на верную голодовку³⁴.

~o~o~o~

Большевики отнимают последние помещения, принадлежавшие Академии: больницу и канцелярию. Если в будущем 1919 учебном году состоятся занятия, то неизвестно, где они будут проходить³⁵.

7. Памяти В. Д. Металлова студенческие некрологи

В двух номерах «Академического дневника» № 33 и 35 были опубликованы два прозаических некролога и два стихотворения, посвященные одному из последних администраторов Академии В. Д. Металлову. Скорее всего, первый прозаический некролог был написан однокурсником Я. Бойкова (в конце подпись «студент 76 (1917–1921) курса»), а стихи (в конце подпись «Я. Б.») и второй прозаический некролог (из журнала № 35) — самим Яковом. Следует отметить, что студенты, пораженные революционными катаклизмами, отметили только мужественную и самоотверженную позицию Металлова (который не покинул родной Академии перед лицом опасности), ничего не сказав о его научно-богословских трудах и интересах.

1) 10-го января сего 1919 года скончался помощник проректора и секретаря Совета Московской духовной академии Валентин Дмитриевич Металлов³⁶. Покойный происходил из духовного звания и состоял

³⁴ Я. Бойков из отдаленного Бежецка не мог правильно указать срок закрытия Академии.

³⁵ Академический дневник 35. С. 4703–4706.

³⁶ Валентин Дмитриевич Металлов (4 июня 1872 г. — 21 января 1919 г.). В 1893 г. Валентин Дмитриевич окончил Пензенскую духовную семинарию и направлен в Акаде-

некоторое время нештатным учителем в одном из духовных училищ. В 1907 году по особому ходатайству В. Д. Металлов поступил в число студентов Московской духовной академии и по окончании курса он служил преподавателем в одной из семинарии до 1914 года, когда был назначен Помощником Инспектора в родную Академию. Здесь В<алентин> Д<митриевич> одновременно заведовал академической Канцелярией и был помощником секретаря. Время служения покойного в Академии совпало с самыми тяжелыми для него годами; потрясающие события революционного времени, гонения на Академию со стороны современной правительственной власти сильно подействовали на нервы В<алентина> Д<митриевича>; голод и тяжелые условия жизни окончательно подорвали его здоровье, и 10-го января он сошел в могилу.

Покойного Валентина Дмитриевича Металлова характеризует необычайная отзывчивость к нуждам учащегося молодого поколения, участливость и доброта ко всем и каждому. Валентин Дмитриевич никому из студентов не отказывал в товарищеском благожелательном совете и посильной помощи. Особенно участвуя был он по отношению к вновь поступающим “неоперившимся” еще студентам. Ему были дороги интересы нашей — ныне страдающей и униженной — *almae matris*. Этой последней покойный продолжал беззаветно служить в дни ее тяжелого испытания, ей он отдал все свои силы и таланты, какие имел. Когда волны враждебной бури, революционного террора грозили затопить совершенно наш академический корабль, скромный труженик не бежал постыдно с тонущего корабля, как многие профессора с громкими именами, оставался твердо стоять на своем посту, употребляя все возможные усилия к спасению рухнувшего положения Академии, ободряя угнетенных питомцев академии, которым выпал жребий

мию, но по болезни остался дома. Был с 1894 г. псаломщиком в Воздвиженской церкви г. Н. Ломова, надзирателем (1895) Краснослободского духовного училища, учителем пения и регентом (1905) в том же училище. С 1912 г. учился в МДА, защитил кандидатское сочинение «Преподобный Максим Грек и его мирозерцание» (1916 г.). По окончании Академии исполнял обязанности помощника инспектора, а с 1917 г. был помощником Секретаря Совета и Правления МДА. Скончался скоропостижно от заворота кишок и погребен на академическом кладбище. На академическом акте 10 октября 1917 г. студенческим хором исполнялась его композиция «Срадуются с нами».

учиться в годину бедствий; утешая плачущих, хлопоча по делам угнетаемой академии... Честно <оставался> на своем посту неустанный и доблестный труженик и сошел в могилу среди забот и волнений. Все знавшие его помянут его добрым словом и пожелают ему упокоения в Царствии Божием, ради которого он <нес> свой крест. Нам же на его могиле вспоминаются слова: “*Буди верен даже до гроба, и дам ти венец живота*”³⁷, — тот завет, который исполнил покойный Валентин Дмитриевич в своей многотрудной жизни.

Студент 76 (1917–1921) курса
Февр<аля> 17 дня 1919 г.³⁸

2) 10 января с. г. скончался помощник проректора Академии и секретарь Совета Валентин Дмитриевич Металлов. Покойный был питомец Московской академии и отличался необычайно деликатным отзывчивым и участливым характером по отношению к студентам. Доброе товар<ищеское > отношение покойного В<алентина> Д<митриевича> создает ему добрую вечную память. Отдав Академии свою молодость в лучшие дни ее существования, покойный не оставил ее и в дни наступившего для всей России тяжелого разорительного лихолетья. Он умер честно на своем посту, стремясь поддержать порядок в Академии среди полной разрухи, употребляя последние усилия, чтобы спасти челнок церковного образования во время грозы и бури. Он отдал свою жизнь до конца Богу. Вечная память честному труженику³⁹.

3) Стихотворения

На могилу М<еталлова>
Там, где тернии роз
Сплелись любовно с вьюном,
Там, где песни и пляски стрекоз
Еле звучно шурушали кругом,
Часто сидел одинокий, задумчивый он...
Теперь его нет там.

³⁷ Откр. 2, 10.

³⁸ Академический дневник 33. С. 4431–4432.

³⁹ Академический дневник 35. С. 4706.

Он видит цветы не такие,
И слышит он звуки иные,
Те песни и звуки — есть
Такт и гармония мирам.

Жертва

В долине глубокой,
Где рос лишь явор одинокий,
Где лишь ветерок шаловливо шептал,
Где между гор ручеек говорливо журчал,
Сложил из каменных груд
Жертвенник скромный,
Таинственно-строгий, Друид;
Ароматный и нежный
Возносится жертвенный дым,
Курятся ветви алои и розы.
То радостно-светлые грезы,
То грустно-таинственных дум
Рой за роем озаряет чело мудреца.
Бледный лик и строгие взоры жреца
Как будто подернуты дымкой печали.
Ему мыслится жизни безмерный обман,
Ему видится зла буревой океан.
Он зовет к себе гномов и духов,
Дабы совершить очищение жертвы...
Он верит, он знает...
Когда последний луч солнца погаснет,
С горных вершин сойдет к нему
Веянье легкое — дух Божества,
И откроет все тайны и цели,
И сдернет завес с колыбели,
Где — рождество Бытия...

Я. Б.⁴⁰

⁴⁰ Академический дневник 33. С. 4390—4391.

II. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ ЯКОВА БОЙКОВА

Каждое из двух публикуемых ниже сочинений по-своему передает дух эпохи. Волна революционных потрясений, вызывавшая естественное чувство отторжения и неприятия варварских методов и принципов обезличенной и безбожной жизни, в то же самое время заставляла переосмысливать все жизненные устои и научно-богословские подходы и искать золотую меру в соотношении нового и старого, живой мистики, которая «всегда была пророчеством, двигательным прогрессом все более глубоких духовных переживаний», и менее подвижной традиции, или «историческо-консервативного элемента религии». Первое сочинение, посвященное обоснованию «мистического» принципа Богородства, или теогенизма, было написано под влиянием проф. МДА М. М. Тареева, который преподавал в 1918/19 уч. г. христианскую этику на 2-м курсе МДА и был, пожалуй, для Я. Бойкова самым авторитетным преподавателем. Скорее всего, автор не успел подать его на проверку, и оно так и осталось в полной безвестности на страницах «Академического дневника» под № 33. Следует отметить, что из всех других включенных в Дневник сочинений оно носит наиболее богословский характер. Заметка «О счастье» является своеобразной проповедью окружающим людям, которые во имя материалистических и гедонистических идеалов сокрушали до основания последние устои своего бытия.

1. Евангельский теогенизм⁴¹

С точки зрения общей и психологической, то, что разумеется под именем Евангельского теогенизма, есть один из видов религиозного переживания — определенное настроение; причем к этому настроению, как, впрочем, и ко всякому техническому обнаружению религиозного чувства, эмпирическая психология, без сомнения, отнесется критически. Она усмотрит в теогенизме беспочвенную иррациональность,

⁴¹ Академический дневник 33. С. 4411–4429. Термин «теогенизм», калькой которого является «Богородство», Я. Бойков позаимствовал у своего учителя проф. М. М. Тареева (см. ниже на с. 848 прямую ссылку на книгу Тареева «Основы христианства. Т. 2. Жизнь и учение Христа» (СП, 1908), которая и вдохновила автора на написание данного сочинения). Данный термин имеет своим основанием слова ап. Иоанна, комментарием которых, по сути дела, выступает вся теория теогенизма: «Верующим во имя Его дал власть быть чадами Божиими, которые <...> от Бога родились (ἐκ θεοῦ ἐγεννήθησαν)» (Ин. 1, 12–13); «Всякий рожденный от Бога (ὁ γεγεννημένος ἐκ τοῦ Θεοῦ), не делает греха» (1 Ин. 3, 9); «Любящий рожден от Бога (ἐκ τοῦ θεοῦ γεγέννηται)» (1 Ин. 4, 7).

бесплодную, искусственную культуру интимно-религиозного чувства, экстатическое погружение в мир сверхчувственный; эволюционная и рационалистическая философия усмотрит в Евангельском теогенизме также один из видов религиозного самообмана чувствительных индивидов, отвлеченную мистику. Но это не остановит нас в исследовании основ Евангельского теогенизма в анализе его внутренне-сокровенных и обильных духовно моментов. Почему же отрицательная критика не должна нас останавливать? Потому, отвечаем мы, что явления христианской и религиозно-нравственной культуры имеют самобытную ценность, абсолютное значение, необычайную духовную глубину. Все это ставит христианство вне круга научного суждения и широко популярного понимания. Начиненные пошлым остроумием стрелы земной критики не долетают до высот христианского ведения.

Христианство и до сих пор представляет <собой> мир в мире, неразгаданный, недоступный пониманию людей материалистически настроенных. <Будучи> эллином безумие⁴², «безумием» осталось христианство для большей части человечества и спустя 1900 л<ет> своего существования, и немногие находят в нем явление духов и силы⁴³ и Божию премудрость⁴⁴, а тем более — немногие могут устраивать свою жизнь сообразно с духовным характером христианства. Поэтому мы имеем право обойти молчанием невежественное, на наш взгляд, суждение тех, кто игнорирует духовные ценности вообще, и обратиться непосредственно к исследованиям теогенизма с точки зрения христианской критики.

Итак, что же такое Евангельский теогенизм с точки зрения христианской этики? Теогенизм — явление чрезвычайной сложности для нас, не умеющих иначе оценивать факты религиозной теософии, как сразу с нескольких точек зрения: психологической, исторической, философской и т. д. и т. д. В словах Евангелия <теогенизм> имеет очень простую структуру. Теогенизм — Богорожденность христианской души, открываемая любовью и благодатью Божией, и в то же время

⁴² См.: 1 Кор. 1, 23.

⁴³ Ср.: 1 Кор. 2, 4.

⁴⁴ См.: 1 Кор. 1, 24; 2, 7.

теогенизм, Богородство, глубочайший духовный результат внутренне-истинно-религиозного Богорождения — внутренне-осозательный опыт религиозного творчества. Иными словами, теогенизм (как, впрочем, и все Евангельское содержание) — существенная часть вечного Евангельского <ско> круга. В теогенизме (как, впрочем, и во всяком духовном настроении, порождаемом Евангелием, и во всяком искреннем опыте жизни по Евангелию) источник и конечный пункты связуются одной неразрывной цел<ью>, характеризуются некоторой гармонией и целостностью. По данным, исходящим из недр глубочайшей христианской мистической теософии, Богорожденность — акт Божественной воли; в этом смысле понятие Богорожденность очень близко к понятию предопределения или Богоизбранничества. Фаталистический элемент в некотором смысле — неотъемлемый специфический элемент всякого религиозного сознания, религиозная свобода воли пышно расцветает лишь под знаком первичного любовного призвания. Чтобы конечное приобщилось к Бесконечному, нужно принудительное зовущее томление любви⁴⁵, нужно, выражаясь богословским языком, «порождающее влияние Божественной благодати». Истинная индивидуальная свобода полностью дается лишь в религиозно-традиционной абсолютности вечной жизни. Но в том и антиномия с точки зрения здравых рассудочных рациональных понятий, что для расцвета истинной свободы при свете абсолютного миропонимания нужна неволя — первый толчок возрождающей Божественной благодати. Великое благо — жизнь, но и жизнь не расцветает без семени. Поэтому *никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец, пославый Мя, привлечет Его*⁴⁶.

Таким образом, Евангельское Богородство в первичных истоках своих есть факт а) иррациональный — недоступный обычному пониманию и критике здравого человеческого мышления, обычно не перелетающе-

⁴⁵ Это первая принципиальная ступень мистического опыта, описанного о. Иаковом под именем теогенизма, теряется среди многочисленных предварительных замечаний, оправдывающих изучение этого опыта вопреки рационалистической критике. О. Иаков подходит к одному из центральных вопросов христианской мистики — вопросу о пламенной духовной любви, описания которой содержатся, в частности, у Оригена, свт. Григория Нисского и прп. Симеона Нового Богослова.

⁴⁶ Ин. 6, 44.

го через частокол земной действительности, б) ирреальный — духовный, — касающийся неизведанных глубин духовной жизни, и наконец в) индивидуально-религиозный, в котором истинный индивидуальный религиозный опыт начинается соприкосновением с Бесконечным. Это соитие с Бесконечным, рождая веру в этически-духовном смысле, оплодотворяет человека и делает его чуждым для мира и греха, который в мире.

Но этим не ограничивается понятие Евангельского теогенизма. Теогенизм — явление более глубокое. Теогенизм не только начало, но и конец. Начинаясь влиянием Бесконечного, теогенизм в дальнейшем своем развитии отражает абсолютное содержание Бесконечного в аспекте интимно-духовной жизни. Верующий в известном состоянии глубоких религиозных достижений чувствует себя близким Богу — Сыном Божиим, — он чувствует себя в общении с Богом, «Своим Отцом Небесным»⁴⁷. Это общение, давая богорожденному полноту духовного блаженства, делает для него доступным Евангельскую Абсолютность; исполнение того в Евангелии, что для других представляет обязанность, для него — дело. Дело любви и свободы. Итак, общение с Богом — исходный пункт Евангельского Богородства и конечная его цель. Чувство абсолютного вмещается в интимном опыте личной религиозной жизни. Это подразумевается понятием Евангельского Богородства. Индивидуальный религиозный опыт, личное сознание абсолютного разрывает грани плотяности и переносит человека в мир абсолютных переживаний Евангельской нравственной жизни. Это разрывание граней, это обожествление, или «святость», — существенный пункт в содержании Евангельского Богородства. Простор абсолютности, чувства непосредственного общения с Божеством сообщает Богорожденному силу свободы, могущества независимости от тленной

⁴⁷ Выражение «*Отец ваш/наш Небесный*» в обращении к ученикам Христа 12 раз встречается в Новом Завете. См.: Мф. 5, 16. 45. 48; 6, 1. 9. 14. 15. 26. 32; 7, 11; 18, 14; Мк. 11, 25. Ср. также: Мф. 13, 43; 23, 9; Лк. 11, 13. См. также Мк. 11, 26 — стих, отсутствующий в критическом издании Nestle—Aland, и Еф. 3, 14—15, который в критическом издании читается следующим образом: «...*пред Отцем, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле*» (в византийском тексте: «...*Отцем Господа нашего Иисуса Христа...*»).

плоти, от связывающих пут земности. *Познайте истину, и истина сделает Вас свободными*⁴⁸. С этой точки зрения, Евангельское Богородство как факт христианской нравственной жизни:

- 1) мистическое по своему содержанию,
- 2) абсолютное по своей сверх-земной цели и
- 3) свободно-интимное переживание внутренней духовной жизни.
- 4) Так как все эти признаки Богородства требуют необычайного подъема духовных сил, то оно доступно для немногих, иными словами, оно — обнаружение Евангельского аристократизма.

5) С общей универсально-религиозной точки зрения Евангельское Богородство носит пророчески прогрессивный характер; оно — динамический элемент христианской религии. Имея в виду такое значение Евангельского теогенизма, мы, собственно говоря, допускаем повторение, ибо, прилагая к понятию Богородства термин «мистическое», мы уже этим указали на его пророчески-прогрессивный динамический характер, на его лично-духовное содержание. Мистика христианской религии всегда была пророчеством, двигательным прогрессом все более глубоких духовных переживаний, соединяясь в то же время с историческо-консервативным элементом религии, с тем, что мы называем «религиозным реализмом» <и что> носит священнически-народный характер. Поэтому в ниже приведенной цитате проф. Тареев, быть может, не подозревая, говорит о мистике, мистическом элементе в христианской религии:

«Истинная религия не только священнически-консервативна, но и пророчески-прогрессивна, не только имеет элемент статический, но и динамический, не только стихийно народный, но и лично-духовна. Священно-народная стихия составляет историческую основу, с которой религия идет вглубь личности. Глубина религии дается лишь в личном творчестве. Этому религиозному творчеству личности нельзя положить никаких пределов в области субъективной жизни, ему можно поставить лишь внешний предел, ограничивающий его социальное обнаруж<ение>».

Мало того, только здесь, в личной сфере, религия достигает своей

⁴⁸ Ср.: Ин. 8, 32.

высшей силы, абсолютного содержания. Такова и есть христианская религия. Если вообще религия <имеет> стихийно консервативную основу, то, в частности, христианство, в своих особенностях, в своей индивидуальной ценности, есть религия, но наиглубочайше лично-духовная»⁴⁹.

Наконец, мы не исчерпали вполне всего понятия Евангельского теогенизма, если бы не указали еще на б) его творческую жизненную силу, действительную с этической точки зрения.

Таково общее понятие Евангельского теогенизма на философских и богословских основах. Посмотрим теперь, в каких словах выражается теогенизм самим Евангелием? Какова его оригинальная сущность по его подлиннику? Глубина Евангельского теогенизма в том, что понятие общения с Богом выражается там всегда сыно-отеческими отношениями: родство и рождение, избранничество — вот символы, которые характеризуют в Евангелии интимную близость верующей личности к Богу. *«Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего»*⁵⁰ (*μείνατε ἐν ἐμοί, καὶ γὼ ἐν ὑμῖν. καθὼς τὸ κλῆμα οὐ δύναται καρπὸν φέρειν ἄφ' ἑαυτοῦ, ἐὰν μὴ μένη ἐν τῇ ἀμπέλῳ, οὕτως οὐδὲ ὑμεῖς, ἐὰν μὴ ἐν ἐμοὶ μένητε. ἐγὼ εἰμι ἡ ἀμπελος, ὑμεῖς τὰ κλήματα. ὁ μένων ἐν ἐμοὶ καὶ γὼ ἐν αὐτῷ, οὗτος φέρει καρπὸν πολύν, ὅτι χωρὶς ἐμοῦ οὐ δύνασθε ποιεῖν οὐδέν*).

Таким образом символизируется в Евангелии общение духовной личности с Богом. В тайниках религиозной жизни царит полная гармония, органическое единство рождающего и рождаемого: *ἐγὼ εἰμι ἡ ἀμπελος, ὑμεῖς τὰ κλήματα*. Это общение в духовно-нравственной жизни личности с Абсолютом входит целиком в понятие Евангельского теогенизма, причем это единство только одно — имеет творческую силу, ибо «без Меня не можете творить ничего».

⁴⁹ Тареев М. М. Основы христианства. Т. 2. Жизнь и учение Христа. СП, 1908. С. 20.

⁵⁰ Ин. 15, 4–5.

Далее, не менее ярко в Евангелии выражается другое свойство понятия Богорожденности — свобода: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал Вам все, что слышал от Отца Моего»⁵¹ (*...ὁμᾶς δὲ εἶρηκα φίλους, ὅτι πάντα ἃ ἤκουσα παρὰ τοῦ πατρὸς μου ἐγγύωρισα ὑμῖν*). Итак, богорожденные обладают духовной свободой. Интимная близость богорожденных — источник зрения Бога — в то же время является источником абсолютной свободы. Христианская религия провозгласила уже не номистическое религиозно-реальное рабство, но свободу Богосыновних отношений. Юридические отношения Судии и судимого отныне заменяются творческим мистическим единением верующих во Христа душ с Богом, почему они становятся «детьми Божиими». Но абсолютность требует великих духовных дарований. Не всякий поэтому может быть свободным сыном Божиим, но только тот, душа которого освещена Светом Невечерним, кто услышал голос Божий. Таково понятие предопределяющего Богоизбранничества, которое также характеризует Евангельский теогенизм. «Не вы меня избрали, но Я вас избрал»⁵², «*а как вы не от мира, но* Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир»⁵³ (*οὐχ ὑμεῖς με ἐξελέξασθε, ἀλλ' ἐγὼ ἐξελεξάμην ὑμᾶς; ὅτι δὲ ἐκ τοῦ κόσμου οὐκ ἐστέ, ἀλλ' ἐγὼ ἐξελεξάμην ὑμᾶς ἐκ τοῦ κόσμου, διὰ τοῦτο μισεῖ ὑμᾶς ὁ κόσμος*). В этом Богоизбранничестве заключается аристократизм Евангельской религии, ввиду чего она не может быть истиной популярного понимания. Евангельская свобода, безграничная глубь абсолютных переживаний личности не укладывается в точно размеренные рамки всегда несколько пошловатой житейско-социальной морали. Ненависть мира — обычный удел богорожденных, ибо тут не может быть никакого компромисса. Свет и тени <есть> не свет, а сумерки; равным образом и сделки Евангельской абсолютной свободы со связанностью земных мелочных переживаний не есть выражение Евангельской этики, а слабая и тщетная попытка курицы подражать полету орла.

⁵¹ Ин. 15, 15.

⁵² Ин. 15, 16.

⁵³ Ин. 15, 19.

Интимно-реальное и практически-социальное обнаружение Евангельского Богородства — любовь. От Бога рожденный не может не иметь любви, не жить, не дышать только в атмосфере любви, причем — любви не только мистической, наиглубочайше внутренней, но и любви универсальной, всеобъемлющей, ибо *Бог есть Любовь*⁵⁴. *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас; нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*⁵⁵. *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви*⁵⁶. Для свободы богорожденного то, что «заповедь» для рабов, — дело любви. «*Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; потому узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой*»⁵⁷ (...ἐν τούτῳ γνώσονται πάντες ὅτι ἐμοὶ μαθηταὶ ἐστε, ἐὰν ἀγάπην ἔχητε ἐν ἀλλήλοις).

Итак, вот те слова Евангелия, которые ясно свидетельствуют, что там, где Богообщение, там, где Богорожденность, там не может не быть любви. Впрочем, эта любовь неразрывно связана с верой. Сыны Божии должны иметь такую же свежесть и непосредственность религиозно-нравственного чувства, как дети. В восприятии вечной жизни нужна наивность в мистическом смысле. «*Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него*»⁵⁸ (ἀμὴν λέγω ὑμῖν, ὃς ἐὰν μὴ δέξηται τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ ὡς παιδίον, οὐ μὴ εἰσέλθῃ εἰς αὐτήν).

Но, без сомнения, апофеоз Евангельского теогенизма заключается в апостольских посланиях Иоанна. Здесь теогенизм продуман до конца, и последнее слово его открывает нам бесконечную перспективу религиозно-мистического опыта. *Возлюбленным, возлюбим друг друга, яко любви от Бога есть, и всяк любяй от Бога рожден есть*

⁵⁴ 1 Ин. 4, 8.

⁵⁵ Ин. 15, 12–13.

⁵⁶ Ин. 15, 10.

⁵⁷ Ин. 13, 34–35.

⁵⁸ Лк. 18, 17.

и знает Бога⁵⁹. Жизненный нравственно реальный первичный акт Евангельского Богородства — любовь по апостолу Иоанну. Любящему открыты тайны ведения Божия: *καὶ πᾶς ὁ ἀγαπῶν ἐκ τοῦ Θεοῦ γεγέννηται καὶ γινώσκει τὸν Θεόν. Ὁ μὴ ἀγαπῶν οὐκ ἔγνω τὸν Θεόν, ὅτι ὁ Θεὸς ἀγάπη ἐστίν*⁶⁰. В любви и через любовь совершается универсальный акт рождения верующих для Бога, Богоподражательной силой любви мы приобретаем нравственно-творческую силу и становимся сынами Божиими — акт лично-духовного, интимно-религиозного опыта. «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши»⁶¹. Как, с одной стороны, Богорожденность открывается в любви, так, с другой стороны, она открывается в святости. Божественная благодать на известной ступени в эволюции внутреннего духовного опыта так пронизывает, проникает все сокровенные глубины индивидуального существа, что оно делается как бы органически неспособным ко греху. Интимность духовного опыта почти адекватна святости. Пусть это — «абстрактная мистика», пусть — «искусственная культура экстатически-религиозных состояний», по заявлению некоторых quasi-богословов: величайший факт нравственной действительности христианства остается ненарушимым фактом для «друзей Божиих», рабам же никогда не понять ни психологии абсолютной свободы, ни источников бытия освобожденных. Итак, в любви — соитие до совершенной духовной близости Бога и человека: «Бога никого никогда не видел: если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас»⁶² (...ἐὰν ἀγαπῶμεν ἀλλήλους, ὁ Θεὸς ἐν ἡμῖν ἐστίν⁶³...). «Всякий рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, по-

⁵⁹ 1 Ин. 4, 7.

⁶⁰ 1 Ин. 4, 8.

⁶¹ 1 Ин. 4, 9–10

⁶² 1 Ин. 4, 12

⁶³ ἐστίν поставлено ошибочно вм. μένει.

тому что рожден от Бога»⁶⁴ (Πᾶς ὁ γεγεννημένος ἐκ τοῦ Θεοῦ ἁμαρτίαν οὐ ποιεῖ, ὅτι σπέρμα αὐτοῦ ἐν αὐτῷ μένει καὶ οὐ δύναται ἁμαρτάνειν, ὅτι ἐκ τοῦ Θεοῦ γεγέννηται).

В этой цитате обращает особенное внимание слово σπέρμα — то семя духовного рождения, которое делает нас чадами Божиими, то семя, которое дает плод сокровенно-блаженнейшего общения. Что такое это σπέρμα, узнаём из стиха 13-го гл. 4 того же послания Иоанна: «Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаём из того, что Он дает от Духа Своего»⁶⁵ (ἐν τούτῳ γινώσκουμεν ὅτι ἐν αὐτῷ μένομεν καὶ αὐτὸς ἐν ἡμῖν, ὅτι ἐκ τοῦ πνεύματος αὐτοῦ δέδωκεν ἡμῖν). Это на языке Богословия — «духовное осеменение благодати Божией». Это же σπέρμα богоизбранничества полагает вражду между богорожденным и стихийно-природным миром. Смотрите, какую любовь дает нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его⁶⁶. В силу этой Богорожденности человек не может предаваться миру: Не любите мира, ни того, что в мире; кто любит мир, в том нет любви Отчей⁶⁷. Такова эта вражда между миром и праведником, в которой в конце концов рожденный от Бога побеждает мир⁶⁸. Симптом, и существенное содержание, и этическая ценность, и надземная цель Евангельского теогенизма есть любовь.

Мы указали путь, по которому должен идти анализ нравственной идеи Евангельского теогенизма, предшествующей многим другим идеям в общей концепции Евангельских духовных истин (напр., идеи Царства Божия и Церкви и др.). Теперь мы должны остановиться еще раз на внешних условиях Евангельского теогенизма — или, что в сущности одно и то же, Евангельского совершенства. Может ли кто-либо исполнением заповедей, религиозным буквализмом, юридической точностью отношений к Богу, регламентацией Евангелия в ряд «предписаний» ощутить в своем сердце благо Богородства? На это должно ответить категорическим отрицанием. Аристократизм богорожденных — в жи-

⁶⁴ 1 Ин. 3, 9.

⁶⁵ 1 Ин. 4, 13.

⁶⁶ 1 Ин. 3, 1.

⁶⁷ 1 Ин. 2, 15.

⁶⁸ Ср.: 1 Ин. 5, 4.

вом, не рабском, а сыновнем творчестве религиозной жизни. И если в Евангелии говорится: *Ἔσεσθε οὖν ὑμεῖς τέλειοι, ὡς ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος τέλειός ἐστιν*⁶⁹, — то здесь ἔσεσθε отнюдь не имеет повелительной силы социально-практического предписания, предполагая свободное живое творчество избранных. Призыв обращен ко всем, но факт духовного возрождения можно наблюдать в сфере этики. Здесь можно только повторить общую Евангельскую фразу «Много званых, но мало избранных»⁷⁰.

«В смысле внешнего предписания, — как совершенно справедливо говорит проф. М. М. Тареев, — заповедь безусловно не имеет места в пределах Евангельской религии, богосыновство решительно немислимо в качестве внешнего идеала. Новозаветное усилие не выходит из пределов, доступных повивальному искусству, поскольку в Царстве Отца Небесного сеет только Христос и возвращает только Бог, а человек не знает, как семя растет. Вышедшая из недр ветхозаветной религии, аристократической религии богоизбранного народа, Евангельская вера существенно аристократична: это религия избранных, а не религия толпы. Лишь аристократизм этот не есть аристократизм природно-национальный — Евангельское богоизбранничество, — это не благородство, а богородство, теогенизм⁷¹. Евангельская религия — это религия от Бога рожденных, отмеченных Его печатью»⁷².

Последние слова приводимой цитаты как будто делают намек на участие фаталистического элемента в понятии Евангельской Богорожденности. Допустимо ли это участие с точки зрения Евангельской абсолютной свободы? На этот вопрос можно без околичностей дать положительный ответ, поскольку, вообще говоря, в понятии Сверхъестественного Откровения не исключается момент Божественного предопределения к нравственному совершенству и к причастию Божественной жизни. Притом не нужно забывать, что религиозный фатализм

⁶⁹ Мф. 5, 48.

⁷⁰ Мф. 20, 16 <и> пар<аллельные> др<угие места> [Мф. 22, 14; Лк. 14, 24].

⁷¹ Ин. 1, 13: «*Иже не от похоти плотския, ни от похоти мирския, но от Бога родишася (ἐκ θεοῦ ἐγεννήθησαν)*». — Авт.

⁷² Тареев М. М. Основы христианства. Т. 2. Жизнь и учение Христа. СПб, 1908. С. 180.

не исключает понятия свободы воли человека, а отрицает способность этой воли определять действия. Человек, безусловно, <причастен к> свободе, и предопределение Провидения касается тех, кто выразил хотя бы малейшее желание к святости, совершенству или Богообщению; по мистическому суждению «предопределенные» также остаются свободными, ибо они настолько близки сущности рождающей, что воля Рождающего — их воля, стихия абсолютности — <их> стихия. Но человек, вообще говоря, остается свободен всегда, но воля его, обращающаяся в пределах только природно-жизнейских, удаляется от истинной свободы надмирной и роковым образом обращается в неволю. Между тем, религиозное принуждение, на первый взгляд кажущееся нарушением свободы воли, открывает сферу истинной межэмпирической свободы. Впрочем, сущность вопроса о свободе воли едва ли разрешима как в области философской, так и в области Богословской без определенного компромисса, так как это понятие антиномично. Станж, однако, полагает, что религиозный фатализм не совсем исключает свободу воли. «Фатализм, — говорит он, — представляет определенный вид религиозного убеждения, по которому судьба человеческая предопределена для всякого, так что человек сам не в состоянии изменить ее. Человек никогда не может избежать своего жребия, как бы он ни напрягал к этому свои усилия. Однако, то, что этой теорией фатализма <сохраняется> возможность свободы воли, можно видеть без околичностей. Понятие фатализма состоит только в том, что он стремится выразить силу Бога против силы человеческой воли. Он отрицает поэтому не свободу воли, а способность воли определять действия»⁷³.

⁷³ «Unter Fatalismus versteht man eine bestimmte Art der religiösen Überzeugung, nach welcher das Schicksal des Menschen ein für allemal feststeht, so dass der Mensch selbst an seinem Schicksal nichts ändern kann. Der Mensch mag sich noch so sehr anstrengen, niemand kann seinem Geschick entgehen.

Indessen dass mit dieser Fatalismus die Möglichkeit der Willensfreiheit nicht widerlegt wird, lässt sich ohne weiteres einsehen. Denn die Bedeutung, welche der Fatalismus hat, besteht nur darin, dass er die Macht Gottes gegenüber der Macht des menschlichen Willens zum Ausdruck bringt. Er negiert deshalb auch nicht die Fähigkeit des Willens zu Carl Stange» (<Stange C.> Einleitung in die Ethik. Lpz., 1901. S. 194). — *Авт.*

Полное библиографическое описание см. ниже в списке книг, взятых из академической библиотеки, под № 12 (С. 853).

Таким образом, вопрос относительно участия предопределяющего сверхъестественного момента в понятии Евангельского Богородства можно считать поддающимся положительному решению, хотя <не> без некоторых оговорок.

Из предшествующего опыта анализа этически-христианского понятия теогенизма видно, что оно находится в полной гармонии с общим глубинным теософским синтезом христианской религии. Иными словами, теогенизм и как понятие Христианского Богословия, и как определенный феномен этической жизни представляет нечто координированное со всеми частями систематического Евангельского учения — нечто неотрывное от прочих принципов Евангелия. Выяснилось, что теогенизм по существу своему — мистического характера, что он — результат Евангельской абсолютности и акт действенного лично духовного опыта. Равным образом, достаточно ясно показано и то, что в общей схеме христианской религии теогенизм и как понятие абстрактной теологической мысли, и как религиозно-реальное настроение относится к пророчески-прогрессивным, а не статическим элементам религиозного творчества. Поэтому, как и абсолютная Евангельская любовь, теогенизм должен составлять существенную часть в Богочеловеческой концепции христианского богословия. Это находится в совершенном согласии с принципиально историческим содержанием христианства. «Христианство в истории религий то же, что разум в природе: христианская антитеза иудейству есть антитеза бесконечного — конечному, абсолютного — условному, свободного — стихийному, творческого и вечного — временному и ограниченному. Это есть наиболее поучительная антитеза, наивысшая ступень религиозного развития, это откровение с характером поистине божественным. В Евангелии историческая стихийно-природная основа религии соединилась с абсолютным творчеством религиозной личности, из шири и дали истории перешла в бесконечную глубину внутренней личной жизни»⁷⁴. Этими словами мы и закончим наше настоящее исследование.

Яков Бойков.

⁷⁴ Тареев М. М. Основы христианства. Т. 2. Жизнь и учение Христа. СПб, 1908. С. 27.

2. О счастье⁷⁵

Дайте человеку хотя капельку сознания счастья, и в нем пробудится мощь к свободному и прекрасному творчеству. Он все может понять, все может создать, все может исполнить. Он горд в этот момент и самонадеян и смел. Могуществу его нет предела.

Но счастье не вещь, которую можно поднять на дороге. Иногда это — бремя. Иногда его нужно добиваться тяжелым трудом. Счастлив только тот человек, который имеет определенную цель жизни, жизнь которого наполнена идейным содержанием.

И без веры в цель жизни, в оправдание жизни счастье невысказано. В науке ли, в религии ли, в искусстве ли счастье дается верой. Вера — точка опоры для счастья. С этой опорой можно повернуть весь мир. Но счастье только духовно. Его дает только мирозерцание, проводимое в жизнь, и подчиняющееся не временной, а вечной цели.

Итак, кто имеет надмирную цель и своими действиями осуществляет приблизительно эту цель в мире, творчески преобразуя мир, тот счастлив, ибо его жизнь оправдана. Горе неоправданным жизням.

Февр<аля> 24 дня 1919 г.

⁷⁵ Тема счастья была достаточно популярной среди студентов Академии той эпохи. Ср. тему одного из последних студенческих переводов в 1918 г.: «Прокл, или О счастье [Мария Неаполитанца]», представленного И. Донцом, скорее всего, в качестве текущего сочинения (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 240. Ед. 14).

III. КРУГ СТУДЕНЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ: КНИГИ,
ПРОЧИТАННЫЕ Я. БОЙКОВЫМ В 1918/19 уч. г.⁷⁶

1. Книги, взятые для занятий из академической фундаментальной Библиотеки:

1. Медведков А. П. Краткая история <русской> педагогики <в культурно-историческом освещении для самообразования и специально-педагогического характера школы. Пг., ³1916. VI, [2], 247 с.>

2. Наторп П.⁷⁷ Социальная педагогика: <Теория воспитания воли на основе общности / Пер. А. А. Громбаха с 3 доп. нем. изд. СПб., 1911. XXVI, [2], 360 с.>

3. Эббингаус Г.⁷⁸ <Основы>⁷⁹ психологии / Пер. с 2 нем. изд. Г. А. Котляра; под ред. проф. В. С. Серебrenикова и Э. Л. Радлова. СПб., 1912. [6], 392, 268 с.

4. Юнгеров П. <А.>⁸⁰. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги <Каз., 1902. XV, 591, III с. (²1910. 524, III с.>.

5, 6. Суворов Н. <С.>⁸¹. Курс церковного права. <Т. 1, 2. Ярославль, 1889–1890>.

7. Спенсер Г. Основания науки о нравственности. <СПб., 1880. [6], 361 с.>

8. Гижицкий Г.⁸² Основы морали. Одесса: Междунар. б-ка, 1895. 111 с.

⁷⁶ Следует обратить внимание на преобладание в круге чтения студента Я. Войкова современных ему авторов.

⁷⁷ Пауль Наторп (1854–1924), немецкий философ и педагог, один из основоположников социальной педагогики, видный представитель Марбургской школы неокантианства.

⁷⁸ Герман Эббингауз (1850–1909), немецкий психолог, представитель ассоциативной психологии, положивший начало экспериментальному изучению высших психических функций.

⁷⁹ В академическом дневнике 33 «очерк».

⁸⁰ Павел Александрович Юнгеров (1856–1921), библист, специалист по Ветхому Завету, противник отрицательной библейской критики.

⁸¹ Николай Семенович Суворов (1848–1909), законовед, выдающийся специалист по церковному праву.

⁸² Георг Гижицкий (1851–1895) — немецкий философ, профессор Берлинского университета, основатель журнала «Ethische Kultur».

9. Luthardt C. E.⁸³ Die Antike Ethik in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Lpz., 1887.

10. Stange <C.>⁸⁴ Das Frömmigkeitsideal der modernen Theologie. <Lpz., 1907>.

11. Gass W.⁸⁵ Die Lehre vom Gewissen. <B., 1869>.

12. Stange C. Einleitung in die Ethik. <Bd. 1: System und Kritik der ethischen Systeme. Lpz., 1900; Bd. 2: Grundlagen der Ethik. Lpz., 1901>.

Итого из фундаментальной библиотеки Московской духовной академии взято 12 книг.

2. Книги, взятые для семестра у иеродиакона Лавры Геласия:

1. Творения Исаака Сириянина.
2. Творения св. Иоанна Златоуста.

Итого всего 2 книги.

3. Книги, взятые у Н. П. Бойкова:

1. Немецко-русский словарь Макарова.
2. Греческо-русский словарь Вейсмана.
3. История древней философии Виндельбанда. 1 т.
4. История новой философии Виндельбанда 2 т.

Итого 4 книги.

4. Учебные книги по разным предметам II-го курса, необходимые для экзаменационных испытаний, приобретенные на свои средства:

1. Тареев М. М. Основы Христианства. 2 т. Цена 4 руб. 50 коп⁸⁶.

⁸³ Кристоф Эрнст Лютард (Luthardt) (1823–1902), немецкий евангелический богослов ортодоксального направления. Профессор систематической теологии в Марбургском (с 1854) и Лейпцигском (с 1856) университетах. Полное заглавие его книги: «Die antike Ethik in ihrer geschichtlichen Entwicklung als Einleitung in die Geschichte der christlichen Moral».

⁸⁴ Карл Штанге (7 марта 1870 г. — 5 января 1959 г.), лютеранский богослов.

⁸⁵ Вильгельм Гасс (28 декабря 1813 г. — 21 февраля 1889 г.), протестантский богослов и философ.

⁸⁶ Тареев М. М. Основы христианства: Система религиозной мысли. СПб, 1908–1910. Т. 1: Христос. 368 с.; Т. 2: Евангелие. 366 с. Т. 3: Христианское мировоззре-

2. *Рубинштейн М.* <М.>. История педагогических идей <в ее основных чертах. М., 1916. VI, 267 с.> 3 руб. 50 коп.⁸⁷.

3. *Муретов М.* <Д.> Четвероевангелие. <Сравнительные особенности канонических евангелий по их содержанию, главным мыслям и изложению>. СП, 1915. 39 с.> 2 руб.⁸⁸.

4. *Попов И. В.* Св. Иоанн Златоуст и его враги <([†] 14 сент. 407 г. — 14 сент. 1907 г.)>. СП, 1908. 96 с.> 50 коп.

5. *Соколов В.* <А.>, св<ящ.>.⁸⁹ Леонтий Византийский: <Его жизнь и литературные труды: Опыт церковно-исторической монографии. СП, 1916. VIII, 488 с.> 7 руб.

Итого собственно учебных книг, необходимых для экзаменационных испытаний, куплено 5 экземпляров на сумму 17 руб. 50 коп. Все означенные книги вместе с другими неучебного значения книжками и брошюрами сданы в Бежецкую фундаментальную библиотеку.

5. Чтение книг:

Толстой Л. Н. Единая Заповедь [о любви]. Петроград: изд. Черткова, 1917⁹⁰.

Толстой Л. Н. Конец века [о предстоящем общественном перевороте]. Петроград: изд. Черткова, 1917⁹¹.

Полянский И., прот. Записки миссионера. <Кн. 12.> Бракоборы⁹².

ние. 318 с.; Т. 4: Христианская свобода. 421 с.; Т. 5: Дополнительный. Религиозная жизнь. 281 с.

⁸⁷ Моисей Матвеевич Рубинштейн (1880–1953), выдающийся отечественный психолог, философ, педагог, организатор высшего образования.

⁸⁸ Митрофан Дмитриевич Муретов (1851–1918), библист и переводчик святоотеческих творений, заслуженный (1903), ординарный (1893) профессор МДА по кафедре Священного Писания Нового Завета, доктор богословия (1893). См. о нем выше в воспоминаниях Д. А. Маркова.

⁸⁹ Василий Александрович Соколов (1851–1918), заслуженный (1900) ординарный (1898) профессор (1885) МДА по кафедре Истории и разбора западных исповеданий, доктор богословия.

⁹⁰ В РГБ имеется следующий экземпляр: *Толстой Л. Н.* Единая заповедь. Воронеж: Истин. свобода, 1917. 31 с.

⁹¹ Ср.: *Толстой Л. Н.* Конец века // Полное собрание сочинений. Т. 36. Л., 1936. С. 231–277. В РГБ издание 1917 г. отсутствует.

⁹² Против беспоповцев, отрицавших брак.

<М., ³1912. 36 с.>⁹³

Полянский И., прот. Записки миссионера. <Кн. 13.> Притчи о мастере, инструменте и о ключах⁹⁴. <М., ³1912. 32 с.>

Стахеев <Д. И.>. Сочинения. Т. 5. Повести: «Походы на доходы», «Неделя страстей». Рассказы: «Зимний вечер», «Ужасная ночь», «Старушки».

Полянский И., прот. Записки миссионера. <Кн. 13.> Фанатизм и лукавство. <М., ³1912. 38 с.>

Полянский И., прот. Дедушка Евсей страннический. М., 1912.

Наторп П. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности / Перевод Громбаха. СПб., 1911 г.⁹⁵.

Дурново Н. Всероссийская проповедь масонства. М., 1909. <35 с.>

Денисов Л.⁹⁶ Неизбежный путь жизни христианина. <Из творений св. отцов>. М., 1914.

Апраксин С. <А.>⁹⁷ Аскетизм и монашество. <СПб., 1905. [2], 79 с. Оттиск из: Миссионерское обозрение, № 12—16 за 1904 г.>.

Медведков А. П. Краткая история педагогики⁹⁸.

Ленский В. <Я.>⁹⁹ Белые крылья. Романы. 1-я часть. <М.: Моск. кн-во, [1914]. (1916)>.

<Горский, Александр Васильевич, прот.>¹⁰⁰ Историческое описание Св.-Троицкой Сергиевой Лавры. <СТСЛ, 1902. 160 с.>

Новоселов М. <А.>¹⁰¹ Психологическое оправдание христианства.

⁹³ Прот. Иоанн Полянский — епархиальный миссионер, автор двух серий книг: «Записки миссионера. Беседы со старообрядцами» (не менее 17-ти выпусков), «Церковные беседы миссионера, или Проповеди против беспоповцев» и ряда других брошюр, в которых в основном велась полемика со старообрядчеством.

⁹⁴ О перстосложении.

⁹⁵ Автор уж упомянул данную книгу выше.

⁹⁶ Еп. Арсений (Денисов Леонид Иванович, 1866—1942), церковный историк и духовный писатель.

⁹⁷ У Я. Бойкова указано: Врач.

⁹⁸ Упомянута выше.

⁹⁹ Ленский, Владимир Яковлевич [псевд.] (1877—1937). Роман Ленского вышел в двух частях.

¹⁰⁰ Я. Бойков не приводит имя автора, поскольку оно не указано в данном издании.

¹⁰¹ Михаил Александрович Новоселов (1864 — после 1938), духовный писатель, публицист.

<Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира и разрешения их в христианстве. М., 1912. 86 с. (Религ.-философская б-ка 28.)>

Никон (Рождественский), архим.¹⁰² За кого говорит история? <К вопросу о монашестве. М., 1902. 28 с. Оттиск из: ДЧ. 1903. № 12>.

Кожевников В. <А.>¹⁰³ О значении христианского подвижничества в прошлом и настоящем. <М., 1910 (Религ.-философская б-ка 22, 23)>.

Всего за октябрь месяц 1918 года прочитано 17 книг.

6. Чтение книг. Декабрь 1918 года.

Stange C. Frömmigkeitsideal der modernen Theologie. <Lpz., 1907>.

Прп. Исаак Сириянин. Слова подвижнические / Перев<од> под редакцией проф. <С. И.> Соболевского. Сергиев Посад, 1912.

«Отечник»: сборник избранных изречений Св. Отцов еп. Игнатия Брянчанинова.

Тур Е.¹⁰⁴ Катакомбы (вторично проч<итано>). Ром<ан> из хр<истианского> жизни первых веков¹⁰⁵: <Для детей сред. и ст. возрастов. СПб., ¹⁵1914. 365 с. (Пг., ¹⁶1917)>.

Св. Иоанн Златоуст. Сочин<ения>. Т. 3. Изд. СПб. Дух<овной> Академии.

Попов И. В. Св. Иоанн Златоуст и его враги.

Соколов В. <А.>, свящ. Св. Леонтий Византийский: опыт церковно-исторической монографии.

Муретов М. <Д.> Четвероевангелие.

Юнгеров П. <А.>. Общее <историко-критическое> введение в свящ<енные> ветхозаветные книги. Каз., <²>1910.

¹⁰² Никон (Рождественский, Николай Иванович) (1851–1919), архиепископ Вологодский и Тотемский; церковный и общественный деятель, богослов, известный церковный публицист, инициатор Троицких изданий («Троицкое слово», «Троицкий цветок», «Троицкий листок»), редактор духовных книг.

¹⁰³ Владимир Александрович Кожевников (1852–1917), историк культуры, философ, публицист, ученик Н. Ф. Федорова и издатель его сочинений.

¹⁰⁴ Тур, Евгения [псевд.] (1815–1892). Подлинное имя автора — графиня Е. В. Салиас.

¹⁰⁵ Точнее: Повесть из первых времен христианства.

СТРАНИЦЫ ИЗ «АКАДЕМИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА» ЗА 1919 ГОД

Спенсер Г. Основания науки о нравственности¹⁰⁶.

Журнал «Исторический вестник» за 1912 г. М<еся>ца: Ноябрь и Декабрь.

Всего за Декабрь месяц 1918 года прочитано двенадцать (12) книг различного содержания.

Прод<олжение> смотреть в журнале «Академический дневник» № 35.

Публикация игум. Дионисия (Шленова)

¹⁰⁶ Последние 5 книг указаны выше.

Н. И. МУРАВЬЕВ

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ЛИЦАХ (1943–1948)

«Лишь у немногих знаемое воспоминание переходит в понимающее созерцание. Человек как будто уходит из настоящего и живет в прошлом. То, что уже достигло своего конца, продолжает жить как элемент содержания образованности»¹. Эти слова К. Ясперса, выдающегося христианского мыслителя XX века, в полной мере характеризуют мировоззренческий облик профессоров послевоенной Академии, пожелавших оставить для ее истории свои личные воспоминания, свои мемуары. Именно им было присуще то «понимающее созерцание», которое придает ценность и привлекательность их описаниям лиц и событий минувшего века. На свое академическое призвание они смотрели как на высокую и исключительную привилегию, ниспосланную свыше даром судьбы по неисповедимому изволению Божию. Всецело погруженные в стихию своей профессорско-преподавательской деятельности, они переживали свою соотнесенность с событиями церковной жизни, свою сопричастность к действию всеблагого Божественного Промысла, ведущего каждого отдельного человека и весь мир в его вселенском охвате к высшей конечной цели. Размышления над событиями личной и общей церковной жизни, рождаясь на грани времени, непрестанно переходящего в вечность, облакаются в форму воспоминаний и мемуаров, становятся достоянием местного предания и истории. Один из ярких примеров личных воспоминаний о жизни Академии — мемуары проф. Н. И. Муравьева.

Выпускник Киевской духовной академии, Н. И. Муравьев волей исторических судеб оказался насильственно отторгнутым от служения Церкви, к которому стремился с юных лет, будучи человеком Церкви по

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 362.

своему рождению и призванию. Жизнь человека в России после переворота 1917 года никак не способствовала углублению в среду высших и вечных ценностей. Она была всецело наполнена мятежным и неугомонным стремлением к гордому гуманистическому самоутверждению с его безотчетным стихийным порывом в неизвестное и туманное будущее. Предложенное обществу мировоззрение выявило свою ничтожность и совершенную несостоятельность в обнаружившемся бессилии и неспособности постижения таинства бытия. В забвении Бога, в попрании священных вековых преданий, в мифологически окрашенном революционном экстазе люди добровольно претерпевали материальную нужду и идеологический гнет. В социалистической стране не принято было жить в материальном достатке и иметь отличный от общественного сознания свободный и независимый взгляд на мир. Великая Отечественная война окончательно лишила людей покоя и созерцательности. Но она несла с собой и значительное религиозное пробуждение. В огне боев рождались искры веры, воскресали заветы благочестивых предков, облекались в броню надежды на Бога благословения и напутствия матерей. На гром войны Русь отозвалась звоном прежде молчаливых колоколов.

В воспоминаниях проф. Н. И. Муравьева о послевоенном возрождении Академии нашла аутентичное отражение та перемена, которая произошла в устроении немалой части народа, вновь осознавшего себя народом православным, народом Божиим. Возвращение Церкви ее великих исторических святынь, открытие храмов, возобновление богослужения, воссоздание системы пастырско-богословского образования — все это вызвало в православном русском народе прилив религиозного воодушевления и творческого энтузиазма, рождая настоящий ренессансный подъем. Под пером проф. Н. И. Муравьева зримо и значимо воскресает историческая пора послевоенной академической жизни. Из тени исторического забвения выступают образы современников и участников возрождения Академии — Святейших Патриархов Сергия и Алексия, Высокопреосвященнейшего митрополита Григория (Чукова). Неторопливой и степенной, но все же быстро сменяющейся чредой проходит перед читателем плеяда ректоров, профессоров Академии и церковных деятелей эпохи — первого ректора Н. В. Чепурина, затем С. В. Савинского, протоиерея Тихона Попова,

проф. Н. П. Доктусова, проф. Д. И. Боголюбова, пользовавшегося большим уважением в Академии проф. прот. Вениамина Платонова, проф. В. С. Вертоградова, превосходного специалиста в области библистики протопресвитера Николая Колчицкого, ответственного секретаря Патриархии Высокопреосвященнейшего митрополита Ермогена, прекрасного знатока истории западных исповеданий профессора протоиерея Александра Ветелева, дослужившего до времени ректорства епископа Владимира (Сабодана), филолога и литургиста проф. А. Н. Георгиевского, замечательного церковного публициста А. В. Ведерникова и многих других.

Одни из них (как например С. В. Савинский) закончили Киевскую духовную академию, другие (Вертоградов, Ветелев, Доктусов) — Казанскую. Все они были теми немногими носителями старой академической традиции, кто, как колосья после жатвы, уцелел от жестоких и беспощадных репрессий в годы революционного лихолетья. На их утомленные суровым жизненным подвигом плечи была возложена миссия передачи священных церковных традиций новым поколениям богословов и пастырей. Они, как добровольно сформированная команда, объединенная религиозным энтузиазмом и единодушием, повели корабль церковной русской науки после десятилетия стихийных потрясений и бурь в открывающийся простор исторической перспективы, в котором богословие Церкви, возложив на себя смелость в решении метафизических и этических проблем, оказалось вновь призванным пролагать для мира путь следования за *начальником и совершителем веры Иисусом* (Евр. 12, 2). Каждый из них воспринял свое служение в Академии, как всплеск прибрежной волны, за которой он ощущал напор целого океана неисчерпаемой мудрости пророков, апостолов и отцов в ее манифестации в многовековом духовном опыте Церкви. Каждый из них явил новый род любви к своему предмету, новую самоотверженность к своему призванию, новое благоговение и преклонение перед непостижимым таинством Церкви. Вся среда их профессиональной преподавательской деятельности была пронизана целостным видением Церкви и ее богозаповеданной спасительной миссии в мире. События и судьбы, призвание и служение, деяния и умонастроения — все, вплоть до самых сокровенных эмоциональных переживаний, оценивалось ими в свете христианской веры, в

свете богооткровенных источников и живого православного Предания. Примером христианской жизни, личным религиозным подвигом, учением, словом, писанием, наставлением профессора Академии служили утверждению в нашей русской жизни вечных евангельских идеалов, незыблемых устоев христианской веры и благочестия, служили сиянию славы Божией, и поэтому, словно в праздник Торжества Православия, в воспоминаниях проф. Н. И. Муравьева в их адрес явно и имплицитно, но всегда тепло и искренно звучит постоянный рефрен: «Вечная память, вечная память, вечная память!»

В панораме лиц из жизни послевоенной Академии сам Николай Иванович занимал не последнее место. Однако он со смирением в своих воспоминаниях отметил: «О себе я пропускаю. Пусть обо мне напишет друг летописца»². Восполняя очевидную лауну, ниже мы приводим краткую биографию Н. И. Муравьева, составленную на основании его двух автобиографий-автографов из личного дела, хранящегося в архиве МДА³.

Николай Иванович Муравьев родился на праздник Введения во храм Божией Матери 21 ноября 1891 г. в семье священника села Константиново Рязанской области (бывший Раненбургский уезд Рязанской области). Своё образование будущий профессор получил сначала в Раненбургском духовном училище, а затем — в Рязанской духовной семинарии, после окончания которой в 1911 г. поступил в Киевскую духовную академию. Здесь особое внимание Николай Иванович уделял изучению истории, о чём свидетельствует его академический диплом, где оценка отлично стоит напротив каждой дисциплины, прямо связанной с историей. Поэтому неудивительно, что темой его итоговой работы, которая увенчала окончание Киевской академии в 1915 году, становится исследование «Великие Четвья-Минеи Макария, митрополита Московского и всея Руси, как церковно-исторический и литературный памятник». Такая тема могла удовлетворить как благочестивый, так и научный настрой души Н. И. Муравьева.

² Архив МДА. Личное дело Н. И. Муравьева. С. 11.

³ См. также опубликованные ниже воспоминания К. Е. Скурата «Памяти профессора Московской духовной академии Николая Ивановича Муравьева».

Сразу же после окончания Академии Николай Иванович был мобилизован в армию, где участвовал в Первой мировой войне до 1917 года. На фронте он получил тяжелую травму — отравление газами — и до конца жизни страдал эмфиземой легких. В конце 1917 г. он был демобилизован, имея звание народного учителя, что позволило ему, вступая на гражданскую службу, в 1918 г. занять должность заместителя заведующего отделом внешкольного образования при Рязанском губернском отделе народного образования. Одновременно с этим Н. И. Муравьев преподает литературу и русский язык в средне-специальных школах. Однако так жил Николай Иванович совсем недолго — в августе 1919 г. он был мобилизован в ряды Красной Армии и далее участвовал в гражданской войне в качестве командира роты военнопленного батальона. Прослуживши 3 года, он был демобилизован в 1922 году.

В период с 1922 по 1935 г. Н. И. Муравьев служил в различных отделах, занимая должности по части бухгалтерии и экономики. Возможно, именно это могло повлиять на желание начальства назначить его казначеем Духовной академии в 1949 г. Однако от предложенной должности Николай Иванович смиренно просил его освободить по причине нехватки времени на научные занятия. С 1935 г. он работал преподавателем литературы и русского языка в Авиационном институте, а затем с 1942 по 1945 г. был старшим инспектором финансирования народного хозяйства при Кировском райфинотделе г. Москвы.

В 1944 году, наконец, исполняется давнее желание Н. И. Муравьева и его принимают на должность преподавателя общей церковной истории в Московский богословский институт, который уже в 1946 году был реорганизован в Духовную академию. Помимо истории древней Церкви он преподавал с 1949/50 уч. года патрологию на 2-м курсе Академии и с 1948 г. состоял секретарем Ученого Совета. Немалую часть времени занял его труд о Коптской Церкви. В 1951 г. Муравьев берется за исследование, которое поручил ему Совет Московской духовной академии. Почти сразу ему пришлось встретиться со скудостью материала по истории Коптской Церкви и полным отсутствием сведений о современном ее состоянии. Однако во многом помог митрополит Николай (Ярушевич), к которому он обратился с просьбой запросить

Александрийскую Патриархию о современном им состоянии Коптской Церкви. Через 3 года диссертанту присуждается звание доцента, а 5 марта 1958 года в Московской духовной академии состоялся магистерский коллоквиум, где Николай Иванович защитил диссертацию на тему «Коптская Церковь. Возникновение, история, вероучения»⁴, и наконец ему были присуждены ученая степень магистра богословия и звание профессора Академии.

Научные и учебно-педагогические интересы Н. И. Муравьева были достаточно многогранными. Так, в 1951 г. он предложил Совету Академии издать лекции по патрологии профессора КДА С. Л. Епифановича «в качестве учебного руководства» для студентов МДА — и через два года в библиотеку МДА поступил машинописный труд в трех томах⁵. Также он написал конспект по византологии⁶, которую он преподавал в Академии.

С 1948 по 1958 г. Николаю Ивановичу к преподавательской нагрузке добавляется должность секретаря Совета Московской духовной академии. В этот период он также пишет статьи, которые периодически помещались в «Журнале Московской Патриархии».

Однако в 1961 г., в связи с резким ухудшением здоровья, профессор Н. И. Муравьев подал прошение об освобождении его от академических должностей. Но даже после своего ухода из Академии Н. И. Муравьев не переставал интересоваться всеми сторонами жизни любимой Школы, всегда с радостью готов был написать рецензию на очередную работу, что делал с необычайной аккуратностью и тактом педагога до-революционного склада. Именно на это время (декабрь 1961 г.) приходится написание воспоминаний, предлагаемых вниманию читателя.

⁴ М., 1957. 282 с. (машинопись).

⁵ В своей докладной записке от 18 июня 1951 г. Н. И. Муравьев писал: «...Предлагаю печатать в форме учебника, машинописными страницами по частям:

Часть первая — Введение.

Часть вторая — Мужья апостольские.

Часть третья — Апологетическая и Полемическая Литература.

Часть четвертая — Христианская наука (III в.)» (Архив МДА. Личное дело Н. И. Муравьева. С. 27). В ноябре 1953 г. Н. И. Муравьев сдал машинопись в библиотеку МДА (Там же. С. 40).

⁶ Конспект по Византологии для 4 курса Академии. М., 1960. 111 с.

Смерть всеми уважаемого профессора совпала с праздником Рождества Предтечи и Пророка Иоанна. 7 июля 1963 года Н. И. Муравьева не стало. Отпевание было совершено в Успенском храме Новодевичьего монастыря Преосвященным Алексеем, епископом Таллинским (впоследствии Святейшим Патриархом Алексием II) вкуче с академическим духовенством. Пели местный и академический хоры. Проникновенное прощальное слово перед гробом покойного профессора Николая Ивановича Муравьева произнес преподаватель Академии игумен Симон (Новиков), впоследствии митр. Рязанский и Касимовский († 1 сентября 2006 г.).

Архим. Платон (Игуменов)

Публикация воспоминаний Н. И. Муравьева осуществляется по рукописному автографу, хранящемуся в архиве МДА, в котором содержится значительное количество по преимуществу церковно-исторических трудов профессора. Особое место среди них занимает папка с воспоминаниями и дневниками, в которой интересующая нас тетрадь помечена 4-м номером. В других тетрадях содержатся краткие дневниковые записи в основном 1930-х гг., отражающие преподавание автором русского языка в советских средних учебных заведениях, а также значительно более личные и лирические записи времени второй мировой войны. В «военной» тетради также содержатся и некоторые заметки об открытии Академии, которые, однако, значительно уступают по объему и содержательности публикуемым ниже воспоминаниям.

Надо учесть, что по обстоятельствам времени едва ли предполагалось печатание воспоминаний, скорее, это были памятные заметки для самого себя, в которых поэтому далеко не всегда можно в полной мере установить контекст высказывания. При публикации воспоминаний повторы были исключены, некоторые части перегруппированы, а также сделаны необходимые дополнения по стилю и по смыслу. За расшифровку и подготовку рукописи к печати особая благодарность выражается студенту 1-го курса МДА С. Н. Кирсанову. Заголовки разделов были добавлены редакцией журнала.

Редакция

МЕМУАРЫ. АКАДЕМИЯ С 1943 г.

Посвящается светлой памяти моей любимой
жены и друга Ольги Сергеевны Муравьевой,
скончавшейся в ночь с 22 на 23 октября 1961 г.

«Минувшее проходит предо мною..., волнуясь как море-океан»⁷

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Весною 1943 года на углу Новокузнецкой улицы и Вешняковского переулка неожиданно я встретил епископа Куйбышевского Алексия⁸ в статском платье с чемоданчиком в руке. Мы обрадовались друг другу. Епископ Алексей шел с синодального заседания (это было еще при жизни Блаженнейшего митрополита Сергия (Старгородского), потом Святейшего Патриарха) и в качестве новости сообщил, что Синод постановил снова восстановить в РПЦ духовно-учебные заведения. Правительство разрешило, и «всероссийский» староста [М. И. Калинин] способствует этому начинанию. Тут же я получил инструкцию, к кому обратиться с прошением, и день, когда можно было видеть архиепископа Саратовского Григория⁹, которому было

⁷ Прочитированы слова монаха Чудовского монастыря летописца Пимена из поэмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»:

«На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?»

(Пушкин А. С. Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 276).

⁸ Алексей, архиеп. Куйбышевский и Сызранский (в миру Палидин Василий Михайлович, 1881–1952) — архиерей Русской Православной Церкви; назначен на Куйбышевскую кафедру в 1942 г. Принимал активное участие в сборе пожертвований для фронта: в епархии было собрано свыше 12 млн. рублей; участник Архиерейского Собора 1943 г. (Ермаков П. Ю. // ПЭ 1. 2000. С. 670–671).

⁹ Григорий, митр. (в миру Николай Кириллович Чуков; 1870–1955) — архиерей Русской Церкви; с 7 сентября 1945 г. — митр. Ленинградский и Новгородский, по-

поручено ведать организацией восстановления духовно-учебных заведений.

Я в то время служил на светской работе, а именно, занимал должность финансового инженера при Кировском <нрзб.> (Павелецкий вокзал). Занятый другой работой, все же интересовался церковной жизнью и все еще мечтал с неудовлетворенным желанием работать на педагогическом поприще в духовной школе. И вдруг это желание осуществляется; меня охватывает какой-то восторг и радость. Мне предстало прежнее переживание, с которым забыты были все страхи войны и налетов, и во мне осталась только тяжесть работы прошлых лет — лет только что окончившего студента. Кроме того, я получил предупреждение, чтобы я поторопился, ибо есть уже кандидаты на преподавательскую должность. Вечером я вернулся домой и рассказал Леле, которая тоже была в восторге и тайно мечтала об изменении материально-духовной нашей жизни в лучшую сторону. (Кратко об избрании Патриарха, изменение курса церковной политики.)

В назначенный день [8 сентября 1943 г.] я пришел в Патриархию (Чистый <пер., д.> 5), где назначено было собрание членов Синода на предмет избрания Святейшего Патриарха после смерти Патриарха Тихона¹⁰. На этом собрании я встретил <Алексия,> епископа Куйбышевского, и архиепископа Григория. С последним я беседовал довольно

стоянный член Св. Синода. В 1895 г. окончил СПбДА со степенью кандидата богословия, в 1897 г. рукоположен в сан иерея, в 1907 г. возведен в сан протоиерея. В 1942 г. принял монашество с именем Григорий, хиротонию в епископа и возведен в сан архиепископа Саратовского. Занимал Саратовскую кафедру в период с 14 октября 1942 по 26 мая 1944 г. По поручению Патриарха Сергия подготовил проекты организации духовных школ и положения о Православном Богословском Институте и богословско-пастырских курсах (Александрова-Чукова Л. К. // ПЭ 12. 1997. С. 592—596).

¹⁰ Со слов «где назначено...» фраза надписана над зачеркнутой: «куда снова собрались... Сейчас не могу сказать, по каким вопросам собирались они: т. к. был зимой занят собор».

Упоминание о смерти патриарха Тихона кажется анахронизмом, однако оно подчеркивает, что после Святейшего Патриарха Тихона у Русской Церкви не было ни одного Патриарха в течение 18-летнего периода. Воспоминания начинаются с описания событий, происходивших весной 1943 г., в то время как Местоблюститель Патриаршего престола Сергей был избран на патриаршество позднее — 8 сентября 1943 г.

долго. Он очень любезно принял меня, и разговор его как бывшего педагога был интересным и содержательным. Я просился в духовные училища, а Его Высокопреосвященство просил меня и в институты. Итак, значит, просьба моя была принята. Я шел домой окрыленный, тем более что дома меня ждала супруга, <нрзб.> сочувствующая моей радости.

Я уже узнал, что техническим исполнителем и помощником архиеп. Григория был Сергей Васильевич Савинский¹¹ — бывший преподаватель догматики и инспектор Черниговской духовной семинарии, магистр богословия, начальник и учитель управляющего делами Патриархии прот. Н. Ф. Колчицкого¹². Н. Ф. Колчицкий рекомендовал С. В. Сав<инского> как строгого и требовательного учителя догматики. Помещался он один с печатной машинкой где-то под лестницей в Патриархии. Я у него часто бывал за справками о ходе дела по открытию Высшего духовного учебного заведения, справлялся по телефону. Мы с ним кончали одну Академию — Киевскую. Это еще более нас сближало. В большинстве случаев отсрочка открытия, по его словам, объяснялась ремонтом зданий, отданных Новодевичьему монастырю. Первоначально был отдан Лопухинский корпус и свободные помещения при церкви¹³. Церковь же была занята под какое-то складочное помещение. <...> Так в справках прошел 1943 год и наступил 1944. За это время я предпринял энергичную попытку освободиться от гражданской службы, которая увенчалась успехом с большим трудом в июне месяце 1944 г.¹⁴

За этот отрезок времени мы все жили в приподнятом настроении: кончилась страшная война, <за>кончились внутренние раскольничьи выступления, наступал внутренний и внешний порядок, возникали новые надежды, происходила переоценка ценностей.

Все эти явления обрушились на нас сразу: мы не успели после бомбежек и голода еще прийти в себя. Поэтому принимали все осторож-

¹¹ См. о нем ниже, примеч. 29.

¹² См. о нем ниже, примеч. 43.

¹³ В рукописи сверху стоит непонятная надпись.

¹⁴ Из дневниковой записи Н. И. Муравьева: «С 1 октября 1945 г. я освободился от гражданской службы по инвалидности» (Архив МДА. Дневники Н. И. Муравьева. Тетрадь 3. С. 59).

но. Сначала не была хорошо поставлена информационная часть, отчего первыми изъявившими желание учиться были ближайшие люди. Принимали исходя из наличия мест, не считаясь с подготовкой¹⁵. В результате среди принятых были пожилые люди и молодые, одни начитаны в религиозной литературе, другие — простецы, но все <с> благочестием искренним и с<о> страшным желанием учиться. Так, я помню одного из поступивших с немецкой фамилией (забыл фамилию). Он прислуживал у епископа в соборе и так ревностно, что пришел на службу накануне своей смерти. Многим <тем не менее> отказали.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ХРАМА

Вскоре же после открытия Академии <в 1945 г.> была отдана Музею трапезная церковь Успения Пресвятой Богородицы¹⁶. Кроме этого здания была передана надвратная церковь Преображения Господня — церковь в стиле XVIII столетия, бывшая короткое время академической церковью. <Успенская> церковь <прежде> была занята каким-то учреждением под склад. Это событие вызвало взрыв патриотизма не только <среди> членов Академии, но и всего общества. Я был лично свидетелем, как с одним кондуктором-женщиной случился припадок истерики при неожиданном ударе монастырского колокола. А уже когда, по случаю открытия церкви, затрезвонили «во вся тяжкая», так все пассажиры трамвая пришли в восторг. Действительно, трогательно <было> слышать музыку колоколов после вынужденного их долгого молчания: большие ассоциации вызывает исторический колокольный звон. Честь первого удара принадлежала Алексею Ивановичу Георгиевскому.

После этого стал на очереди вопрос чистки помещения церкви, приведения <ее> в порядок и пригодность для богослужения. Академическое начальство во главе с ректором энергично взялись за это дело. В

¹⁵ М. Х. Трофимчук дополняет: «Но после первого курса половину воспитанников пришлось отсеять» (*Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах*. СПб, 2005. С. 13) (далее — *Трофимчук 2005*).

¹⁶ «Успенскую церковь Новодевичьего монастыря Патриарх Алексий освятил 29 декабря 1945 г.» (*Трофимчук 2005*. С. 15).

поисках мастеров видна благодетельная рука Господня. Среди первых студентов, поступивших во вновь организованную Академию, кажется, в числе второго приема оказался молодой человек по специальности реставратор, сын профессора старой Московской духовной академии Голубцова Александра Петровича¹⁷, Павел. Этот молодой человек, глубоко религиозный, на приемном экзамене на вопрос экзаменатора-профессора, почему он избирает в настоящее время изучение богословских наук, ответил: «Потому что богословие, по выражению древнего отца Церкви, есть наука наук»¹⁸. Церковность его этим была обнаружена сполна. В настоящее время он архиепископ Новгородский¹⁹ и до сих пор занимается иконографией. Именно ему академическое начальство поручило ремонт и реставрацию церкви. В качестве рабочих призвали студентов, одушевленных религиозным чувством служить своему академическому храму. Вся эта работа проходила в приподнятом настроении не за страх, а за совесть. Оплата работников была мизерная. Шли больше из благочестивых убеждений. Среди участников царило светлое духоносное вдохновение. Эта же артель потом реставрировала в Загорске здание Духовной академии. С каким замечательным христи-

¹⁷ Александр Петрович Голубцов (1862–1911). Профессор церковной археологии и литургики в дореволюционной Московской духовной академии, доктор богословия. См. о нем выше в воспоминаниях Д. А. Маркова.

¹⁸ Ср. у прп. Иоанна Дамаскина в «Исповедании православной веры» (3, 18).

¹⁹ Сергей, архиеп. (в миру Павел Александрович Голубцов; 29 апреля 1906 г. — 16 июня 1982 г.). Сын профессора МДА Александра Петровича Голубцова. По окончании Сергиево-Посадской единой трудовой школы 2 степени получил специальность реставратора. В 1928 г. принимал участие в сохранении величайшей святыни — главы прп. Сергия Радонежского — от поругания. В 1930–1933 гг. отбывал ссылку в Северном крае. До начала второй мировой войны работал в учреждениях Москвы художником-оформителем. По окончании военной службы в звании сержанта 6-го учебного запасного автополака поступил в Богословский институт по благословению своего духовника схиархимандрита Илариона (Удодова). Работу по реставрации Покровского храма осуществлял в 1946 г. во время учебы в Семинарии. В последующие годы занимался реставрацией Царских чертогов (1948 г.) и Троицкого собора (1950–1952) Лавры. Выпускник МДА (1951 г.). Преподавал в Академии церковную археологию, древнееврейский язык и Новый Завет. 30 октября 1955 г. хиротонисан во епископа Старгородского. Управляет Новгородской епархией до 1967 г. С 1968 г. до 1982 г. пребывал на покое в Троице-Сергиевой Лавре, похоронен на территории некрополя Свято-Духовской церкви. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 169–174.

анским терпением они переносили неудобства <...> — пыль, грязь, холод и проч<ее>. Ни одной жалобы, ни одной ссоры или доноса. На свою работу они смотрели как на послушание церковное, которое выполняли с молитвой и неленостно. Но зато и работа была отличная. Нужно было удивляться, как студенты, никогда не бравшие в руки скальпель, смогли так чисто очищать и так прекрасно восстанавливать красивую старину!

Одновременно шла работа в поисках иконостаса, так как подлинный иконостас был сломан и неизвестно куда девался. Нашли подходящий в случайных хранилищах (остался от какой-то закрытой церкви), его предоставил не то Музей, не то Совет по делам Православной Церкви. Иконостас приспособлен был к нашему храму тем же студентом П. А. Голубцовым и поставлен товарищеской артелью. Я помню освящение храма в 1945 году, в котором принял участие Святейший, прот. о. Н. Колчицкий, прот. Вениамин <Васильевич Платонов и> проч<ие лица>. С этих пор храм стал числиться при Богословском институте, и на первый раз все даже шло в пользу Института. Кем это было санкционировано, я не знаю, документов письменных на этот счет я не видел. Потом пришлось отвечать за ведение дел нам же.

Всеми хозяйственными делами ведал малый совет, состоящий из трех лиц: проректора С. В. Савинского, инспектора А. В. Ведерникова и секретаря А. И. Георгиевского. Они сделали воззвание по церквям через благочиния о жертвовании в храм облачений. Призыв не оказался бесплодным. В скором времени скопилась целая ризница. Вообще, академическое начальство старалось сблизить приходское духовенство с Академией. <В то время> членом правления Академии был о. Александр Скворцов. Эта идея была хороша, но она мало кем сознавалась.

Охвативший Академию внутренний религиозный подъем захватил также и общественность. За богослужением церковь переполнена, сборы были огромны. Они являлись, как жертва Богу. Среди денег попадались ценности: кольца, браслеты, серьги, драгоценные камни, золото в монетах старого времени. Конечно, такие ценности были исключением, но все же они служили показателем духовного роста народа.

Я уже упомянул, какое впечатление произвел первый удар могучего колокола, молчавшего на колокольне много лет. А с каким настроением

приходили граждане на богослужение! Надо было видеть! Богослужение в академической церкви всегда шло с великим подъемом. Служило академическое начальство и студенты. Пели два хора: правый и левый. За ящиком стоял староста, назначенный ректором с благословения Святейшего, — профессор Доктусов. Церковь была наполнена молящимися и любопытствующими. Все кругом радовались и ликовали, и не было видно и заметно какой-либо политики. Было вокруг пасхальное время!

По обстоятельствам времени в духовную школу в большинстве своем поступали молодые люди, умеющие только креститься и без всяких <даже> примитивных познаний в богословии, не умеющие читать по церковно-славянски. Они слышали в самих себе голос Божий, призывающий их на службу Церкви. Впоследствии они научились чтению. Другую категорию составляли те, кто хорошо знал чтение на церковно-славянском. На вопрос, где учились читать по церковно-славянски, отвечали: у бабушки, у матери. Таким образом, женщины — искони самые близкие воспитательницы. Впрочем, такая картина повторяется до сего дня. Церковь давала дальнейшее воспитание. Вот почему главное внимание атеистов обращено на поступающих в школу (препятствия для поступающих: специальная агитация, ущемления гражданского характера, беспорядки в Церкви). В церкви совершалась служба ежедневно, и в ней по очереди участвовали в качестве чтецов и певцов все учащиеся. Руководили ими более или менее опытные участники из самих же учащихся под контролем учителя пения. Кроме того, классы Семинарии частично помещались в комнатке, примыкающей к церкви непосредственно: это позволяло учащимся заходить <в нее> между уроками. Итак, Церковь и школа, их идеальное взаимоотношение получило удовлетворительное выражение.

3. САМЫЕ ИНИЦИАТИВНЫЕ ЛИЦА

По порядку следует сказать о начальстве Богословского института и Пастырских курсов. Как я <уже> сказал выше, организационный период Института технически проводил Сергей Васильевич Савинский. На этом фронте, в сущности, он был один: он следил за ремонтными

работами, он составлял сметы, он набирал преподавателей, он же сам был преподаватель и воспитатель. К нему я часто обращался за справками о начале занятий. Он был пожилым человеком, страдающим астмой. Как преподаватель С. В. Савинский был строг, его боялись ученики. С ним и с его семьей я познакомился, и мы с Лелей два года жили вместе <с ним> на даче. <Но> об этом потом.

Сергей Васильевич так и остался на своем месте: он был назначен проректором Института.

Мне помнится один из организационных актов Сергея Васильевича. Как-то весной 1944 года я получил извещение прибыть на организационное собрание в Патриархию. На собрании в комнате заседания я застал, кроме самого Сергея Васильевича, несколько незнакомых мне людей: полуслепого старца прот. Т. Д. Попова²⁰, прот. о. Андрея Расторгуева²¹, служивших в церкви Воскресения в Сокольниках; Н. П. Доктусова²², А. И. Георгиевского²³ и А. В. Ведерникова²⁴. Со всеми ними я познакомился потом, а сначала никого не знал. Помнится, мы мало рассуждали об организации Института, ибо все уже предрешиено было свыше. А вот занятие места секретаря <хорошо> помню. Тогда я не понимал, о каком секретаре речь идет — о секретаре собрания или о секретаре Института? Я почему-то думал, что речь идет о секретаре настоящего собрания²⁵. Сергей Васильевич объявил: «Не желает ли кто занять эту должность?» А. И. Георгиевский с готовностью сам пересел на место рядом с Сергеем Васильевичем, возбудив во мне недоумение, почему ему нравится эта скучная работа. Оказывается, что с этого времени А. И. <Георгиевский> охотно занял высокое место секретаря Института. Мне казалось тогда, что это место смог бы занять А. В. Ведерников, но <он> прозевал пересесть, А. И. <Георгиевский> оказался попроворнее. В дальнейшем они работали дружно между собой

²⁰ См. о нем ниже, примеч. 67.

²¹ Андрей Расторгуев (1893–1970), протоиерей, бывший обновленческий архиепископ, настоятель храма Воскресения в Сокольниках. См.: Пушков 2002. С. 64–65.

²² См. о нем ниже, примеч. 57.

²³ См. о нем ниже, примеч. 40.

²⁴ См. о нем ниже, примеч. 36.

²⁵ В рукописи слово «Совета» исправлено на «наст<оящего> собрания».

и даже с некоторой трогательностью. Биографии обоих мало известны. Известно только, что они <оба> кончали некий скоро открывшийся и быстро закрывшийся Институт слова²⁶. Какие они представляли диссертации и какие они проходили средние учебные заведения, тоже слабо известно. Впрочем, относительно А. И. <Георгиевского> известно, что он обучался в Перервинской духовной семинарии, <в> которой окончил 3 класса. Словом, оба не имели богословского образования, но имели горячую ревность по вере и влияние на текущую жизнь Академии. Центром такого влияния находим трех лиц — С. В. Савинского, А. И. Георгиевского и А. В. Ведерникова. Они управляли, пользуясь покровительством митрополита Николая.

Первым ректором Института (Академии) был назначен миссионер Н. В. Чепурин²⁷, бывший миссионер харьковский, а потом петроградский. Карьера его шла по пятам миссионера Д. И. Боголюбова²⁸, с которым он вместе служил. Мы мало его знали, но видели, что он был хороший знаток <учебного дела>. На заседание Совета он приходил в кожаном пальто и кожаной фуражке. <Впоследствии> протоиерей

²⁶ Институт живого слова был открыт в Петрограде в 1918 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом (1882–1962). Он просуществовал до 1924 г.

²⁷ Николай Викторович Чепурин (1881 — 7 февраля 1947), протоиерей, профессор. Родился в Харьковской губернии. В 1902 г. окончил Харьковскую духовную семинарию. В 1903 г. принял сан священника и занялся миссионерской деятельностью среди сектантов на приходе в селе Павловка (Сумский уезд Харьковской губернии). В частности, в результате успешного диспута ему удалось вернуть в лоно Православной Церкви известного толстовца и сектанта князя Хилкова. С 1911 г. назначен епархиальным миссионером-проповедником в Новгородской епархии. В 1916 г. окончил СПбДА. С 1919 по 1928 г. — проректор богословского института в Петрограде, где читал лекции по гомилетике и апологетике. В 1927 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Анимистическая теория происхождения религий». С 1930 г. в течение 15 лет находился в тюрьмах, ссылках и лагерях. В 1946 г. был призван патриархом Алексием на должность инспектора, а затем (с 23 октября) — ректора МДА, правда всего на три месяца. «Во время запричастного стиха (1 октября 1946 г.) отец Николай обратился к учащимся с приветствием и назиданием. В этом слове он указывал на сущность монастырского подвига, который состоит в том, чтобы все свои силы, все свое существо принести в жертву Пастыреначальнику, волю Которого призван исполнить каждый христианин, а священнослужитель в особенности» (*Трофимчук 2005. С. 17–18*). См. также: *Пушков 2002. С. 86–91*.

²⁸ См. о нем ниже, примеч. 34.

<Николай> Чепурин переоделся в духовные одежды и принял вид, приличествующий своему сану и должности. Кажется, на прежней службе он работал инженером. Он был болен сердцем и от этого быстро скончался. Мне с ним пришлось один раз встретиться и говорить. Он ознакомился с моими записками по общей церковной истории, порадовался моей работе и сказал: «Я вижу, вы работаете успешно, надо это все отдавать в печать». Жаль, что прослужил недолго. Говорят, что в последнее время своей жизни он, гуляя по монастырю, часто плакал, как бы предчувствуя свою скорую смерть. После кончины <прот. Николая Чепурина> мы долго еще видели его матушку в качестве продащицы свечей, просфор в академической церкви. Она жила в полуподвальной комнате под алтарем академической трапезной церкви, где потом временно размещалась академическая библиотека.

Вторым лицом в академической корпорации был проректор С. В. Савинский²⁹. По субординации С<ергей> В<асильевич> — второе лицо, а фактически он должен быть признан первым лицом. Он бывший инспектор и преподаватель Черниговской духовной семинарии. В революционное время С<ергей> В<асильевич> оказался в Москве и работал по счетному делу, откуда его вытащил покойный протопресвитер Колчицкий, его ученик по духовной семинарии. В это время жил он очень скромно. В Патриархии первоначально он был занят один канцелярской работой по ремонту помещений Новодевичьего монастыря, отданных правительством под духовно-учебные заведения. Старое здание Академии в Свято-Троицком Сергиевом м<онасты>ре в Загорске

²⁹ Сергей Васильевич Савинский, прот. (1877—1954). Родился в Ярославской губернии в семье сельского священника. Окончил Киевскую духовную академию (1900). Преподавал догматическое богословие в Черниговской духовной семинарии (1901—1918). В 1907 г. Киевская духовная академия удостоила его звания магистра богословия. В первый период своей преподавательской деятельности С. В. Савинский много публиковался в церковной периодической печати. Принял активное участие в возрождении Московской духовной академии. Первоначально с 1 декабря 1943 г. — проректор Богословского института и заведующий Пастырско-богословских курсов. «Тогда он еще не был в сани. Вид у него был очень строгий, аккуратный: темно-серый костюм, галстук, маленькая бородка — настоящий профессор» (*Трофимчук 2005*. С. 21). В скором времени (с 23 октября 1946 г.) — инспектор, а затем — ректор Московской духовной академии (7 февраля — 28 октября 1947 г.). Рукоположен в сан пресвитера 31 августа 1947 г. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 78—85.

было в то время запущено и занято жильцами. Кроме этого, среди административных лиц шел спор. Одни, как например С. В. Савинский, А. И. Ведерников и другие из преподавателей, настаивали остаться в городе [Москве] и никуда не переезжать и здесь располагаться. Другие во главе со Святейшим стояли на восстановлении старой Академии как с внешней, так и с внутренней стороны. Последняя партия имела преимущество. Начиная примерно с 1946 г. идет в Загорске спешная ремонтная работа, в которой активное участие принимал С<ергей> Васильевич. С. В. <Савинский> был прекрасный преподаватель: <он> хорошо владел предметом, <был> хладнокровный, объективный и твердый; а среди студентов пользовался репутацией «строгого». Кроме прямых своих обязанностей он работал в качестве церковного старосты, или казначея; по крайней мере, служил по этой линии сначала: часто его можно было видеть считающим горы бумажных денег. Часто мы мобилизовались в помощь ему. Сначала я со своей семьей был близок к нему. В его семье была жена, дочь и внучка Светлана. Мы с ним жили на даче в Сходне в одном доме. Года через три он принимает сан священника. Он ходил на урок в Новодевичий монастырь и потом ездил в Загорск с чемоданчиком, в котором укладывались ряса и прочие священнические принадлежности. Умер он в августе месяце 195<4> г. от удара сердечного. Я был на похоронах. Он скончался на своей служебной дороге. Он не был эффективным, но был тихий спокойный труженик и ценный³⁰ работник. Сергей Васильевич был человеком твердого характера. На уроках догматики он выпрашивал все полагающие <ся> тексты Св. Писания буквально и наизусть по ц<ерковно>-славянски. На баллы он был справедлив (пятерок было мало). Он был таким же и в мирное время, когда служил еще в Черниговской духовной семинарии. Студенты его боялись. За последнее время он часто ослабевал: засыпал в вагоне, на уроке, на экзамене.

Последние дни его омрачились разладом в коллективе преподавателей. Случай с рецензией на сочинение <П. В.> Гнедича³¹ отделил

³⁰ Слева на полях и снизу под словом в рукописи повторно написано: «ценный».

³¹ Петр Викторович Гнедич (2 января 1906 г. — 19 августа 1963 г.), протоиерей, профессор МДА. Род. в семье юриста. Окончил Туапсинский промышленный техникум, в 1927–1930 гг. учился на Высших литературных курсах в Москве, в

С. В. <Савинского> от остальных профессоров, и как-то само собой создалась в корпорации иная ориентация. Гнедич — студент IV <курса> 1-го выпуска. Человек развитый, но неизвестно, что он кончал. По анкете, не подтвержденной документами, он с севера спускался на юг. И здесь в Новороссийске, в свое время, учился у Н. П. Доктусова. Мнения о себе высокого. Он был в хороших отношениях с проректором С. В. Савинским и инспектором А. В. Ведерниковым. Благодаря последнему Гнедич закончил Академию в три года, перепрыгнув через один (3-й) курс. По окончании Богословского института он тут же на-

1930—1932 гг. окончил 2 курса Калининского педагогического института. Работал библиотекарем в научных библиотеках, бухгалтером в ряде учреждений. Являлся членом общины сщисп. прот. Сергия Мечева при храме во имя свт. Николая в Кленниках, был духовным сыном сщмч. Василия Надеждина. 15 апреля 1932 г. арестован в Москве «как активный член маросейской общины». Постановлением Секретного политического отдела ОГПУ от 22 апр. 1932 г. обвинялся в участии в «контрреволюционной организации Истинно-православная церковь» (по ст. 58 п. 11 УК РСФСР). «Я принадлежу к Православной Церкви, — отвечал он следователю. — Отношение советской власти к Православной Церкви, как то: закрытие храмов, монастырей, отображение мощей, икон, высылка духовенства — я считаю ошибочным, потому что вызывает подозрениями Церкви в контрреволюционных замыслах, основанных на отношении Церкви к власти до революции, которых в настоящее время я не знаю. В Москве я посещал разные храмы, чаще был: у Николая Чудотворца в Соломенной сторожке, в Николе Явленном на Арбате, у Георгия на Неполье и у Николая в Кленниках... Никаких разговоров контрреволюционного характера и, в частности, разговоров о том, что советская власть производит гонения на религию и духовенство, я нигде и ни с кем не проводил...» (ЦА ФСБ. Д. Р-39811. Л. 82 об.—83). Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ 16 мая 1932 г. Гнедич был приговорен к 3 годам ссылки, которую отбывал в Алма-Ате. После освобождения в 1938 г. Гнедич поселился в Новгороде. В 1946—1949 гг. обучался в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия за сочинение с обзором русской богословской литературы, посвященной догмату искупления. Работа получила высокую оценку протоиерея С. Савинского. (Диссертация была частично издана в «Богословских трудах»: «Догмат Искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (первая половина XX столетия)» (БТ 37. 2002. С. 128—152) и полностью — издательством Сретенского монастыря «Догмат Искупления в русской богословской науке (1893—1944)» (М., 2007. 496 с.)). В 1949 г. был рукоположен во иерея (позже — протоиерей), некоторое время служил в Ташкентском кафедральном соборе. В 1950—1951 гг. по приглашению Ленинградского митрополита Григория (Чукова) работал в ЛДА помощником библиотекаря, затем был доцентом по кафедрам догматического богословия и гомилетики. Одновременно служил в Троицкой церкви на проспекте Обуховской обороны в

чал писать магистерскую³² диссертацию по догматическому богословию у С. В. Савинского, точно не помню на какую тему, но знаю, что библиографического характера, вроде краткого обзора литературы о спасении. Рецензенты Савинский и прот. Ветелев³³ стали на его сто-

Ленинграде, в 1955 г. полностью перешел на приходскую работу. Много проповедовал, интенсивно занимался литературно-богословскими трудами. Опубликовал ряд статей в ЖМП, в 1956–1959 гг. подписывал их псевдонимом свящ. П. Викторов. 11 июня 1962 г. защитил магистерскую диссертацию «Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (1893–1944)», 17 июня утвержден в степени магистра богословия. В 1962 г. был приглашен в МДА, прочитал курс лекций по патрологии и византиноведению, получил звание профессора. Похоронен на Охтинском кладбище в Ленинграде. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 223–225.

³² Вместо зачеркнутого слова «кандидатскую».

³³ Александр Андреевич Ветелев (24 ноября 1892 г. — 28 июня 1976 г.), протоиерей, профессор МДА. В 1907 г. окончил Нижегородское духовное училище, в 1913 г. — Нижегородскую духовную семинарию, направлен в Казанскую духовную академию. Будучи студентом, состоял членом философско-богословского кружка, посещал лекции по истории философии в Казанском университете. В 1917 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия (кандидатское сочинение «Н. И. Новиков, жизнь и мировоззрение»). В 1917 г. призван в действующую армию, в течение года служил матросом на Черноморском флоте. В 1920 г. женился на М. Е. Пчельниковой. В 1921 г. окончил Высший социально-юридический институт в Севастополе, до 1923 г. работал преподавателем средней школы в Севастополе. В 1923–1924 гг. заведовал ФЗУ в поселке Растяпино (впоследствии г. Дзержинск) Нижегородской губернии, в 1924–1930 гг. являлся заведующим школой «городка для беспризорных детей» в г. Пушкино близ Москвы. В 1924–1929 гг. учился на вечернем отделении факультета русского языка и литературы Московского педагогического института. В 1930–1935 гг. преподавал в средней школе в Москве, в 1935–1943 гг. — в средней школе в г. Щёлково Московской области. В 1943–1944 гг. по трудовой мобилизации работал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1944–1945 гг. — преподаватель средней школы № 87 г. Москвы. С сентября 1945 г. Ветелев преподавал гомилетику в Московском православном богословском институте. 6 марта 1946 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием I рукоположен во диакона, 10 марта — во священника. В 1949 г. защитил магистерскую диссертацию, представив в совет МДА курс лекций по гомилетике. С 1949 г. преподавал в МДА патрологию, с 1951 г. — пастырское богословие, с 1953 г. — литургику. В 1957 г. оставил преподавание в МДА, чтобы всецело посвятить себя пастырскому служению (служил в московских храмах: Успенском (в Новодевичьем монастыре), Пимена Великого в Новых Воротниках, Покровском на Лышниковой горе, Знаменском у Рижского вокзала) и работе над докторской диссертацией. В 1965 г. вернулся к преподавательской деятельности, читал в МДА курсы гомилетики и нравственного богословия. 26 декабря 1967 г. Ветелев защитил доктор-

рону. А Святейший, информированный, кажется, прот. Колчицким, разгневался и нашел мнение Гнедича неправославным. И не допустил к защите. Академический Совет разделился на две неравные части. На одной стороне в числе защитников Гнедича были проф. прот. С. В. Савинский, прот. доцент Ветелев, свящ. Карчевский, А. В. Ведерников (к тому времени уволенный со службы) и, кажется, всё. На другой стороне — все остальные. Мне представляется, что последняя партия была главной партией; она стояла за строгое, почти буквальное возрождение старой школы — Духовной семинарии и академии. Реформа касается только самого метода преподавания. Идеал рисовался — создание культурного студента-богослова. Идеал первой партии — омоложение персонала учебного и какая-то расплывчатая свобода в богословских мнениях. Душою такого движения, по моему мнению, был Гнедич, который много говорил о своей работе, которая должна была сделать якобы что-то новое в догматике. С<ергей> В<асильевич> поддерживал это движение, а потому чувствовал себя неловко со мной и др<угими> товарищами. В сущности, это был хороший, отличный проректор. Вечная память!

Один из известных профессоров, уважаемый профессорами и студентами, был бывший синодальный миссионер Дмитрий Иванович Боголюбов³⁴. В это время он был уже священником. Я с ним встречался

скую диссертацию «Божественная Литургия», в приложении к которой был помещен сборник годичных поучений (ок. 200). Скончался после продолжительной болезни, похоронен на Ваганьковском кладбище. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 28–35.

³⁴ Дмитрий Иванович Боголюбов (17 февраля 1869 г. — 22 июня 1953 г.). Родился в семье псаломщика. В 1890 г. окончил Самарскую семинарию. В 1894 г. окончил МДА, магистрант, тамбовский епархиальный миссионер. С 1898 г. — харьковский епархиальный миссионер, с 1903 г. — петербургский епархиальный миссионер. В 1913 г. — инспектор Ставропольской семинарии. С 1914 г. — инспектор Воронежской семинарии. Принимал участие в заседаниях Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1922 г. — иерей, приходской священник в Москве. В 1943 г. участвовал в возрождении духовных школ. Патриарх Сергей хотел назначить его ректором Богословского института, но председатель Совета Карпов воспротивился, сославшись на антисоветское выступление Боголюбова на Соборе 1917–1918 гг. Был профессором истории раскола в Московском православном богословском институте, а затем — в МДА. Участвовал в Поместном Соборе 1945 года. В 1947 г. — магистр богословия. С 1951 г. на пенсии, духовник Троице-Сергиевой Лавры. «Видели

во время активного выступления обновленцев <против> Патриаршей Церкви на С.³⁵, где он возглавлял крыло православных. Это любопытное собрание достойно отдельного освещения. Это был старик горячо верующий, прекрасный богослов и оратор. Он преподавал в Семинарии историю Ветхого и Нового Завета. Изредка — старообрядчество или сектантство. Он был в таком старческом периоде, когда люди засыпают на лекциях. Чтобы не уснуть на уроке, он пел с целым классом молитвы. <Наряду со своими разносторонними интересами> он был страшный любитель пения. В молодости он был регентом студенческого хора в академической церкви. Все это воскресало у него на этих уроках импровизированного пения. Пел он со студентами хорошо. Интересно прожитая жизнь, интересные встречи с известными людьми мира прошлого делали его частные беседы интересными. Впрочем, в деле пересказа прошлой жизни неподражаемым рассказчиком была супруга Д. И. <Боголюбова> Екатерина Васильевна. Она увлекалась рассказами, особенно теми, где заметно ее участие. Я очень жалею, что в свое время не записал <ни> одного рассказа. Около него всегда можно было видеть студента, добровольно исполняющего обязанности послушника: подавал <нрзб.> палку, приезжал утром с академической машиной за ним, ездил в баню. Студент смотрел на это как на подвиг. Среди студентов он пользовался большим авторитетом.

Анатолий Васильевич Ведерников³⁶ — инспектор, молодой человек

вы рожь? — спрашивал он. — Полный колос всегда наклонен вниз, а пустой держится прямо. Так и люди: скромные — это полные колосья, а надменные — те, что стоят прямо» (*Трофимчук 2005*. С. 19). Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 21–27; *Матюшин С., диак.* // ПЭ 5. 2002. С. 457–458.

³⁵ Не ясно, что имеется в виду.

³⁶ Анатолий Васильевич Ведерников (19 октября 1901 г. — 30 октября 1992 г.). В 1921–1924 г. учился в Институте слова, защитив кандидатское сочинение «Природа поэтического образа». С 1927 г. начал заниматься педагогической деятельностью в вузах г. Москвы. С мая 1942 г. работал завучем и педагогом Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории, с 1943 г. — преподаватель консерватории. С самого начала существования Богословского института занимал должность его секретаря и инспектора (1944–1946). Преподавал историю русской религиозной мысли. В 50-х и начале 60-х гг. — ответственный секретарь редакции ЖМП. Подробнее см.: *Полищук Е. С.* Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) // ЖМП. 1993. № 6. С. 103–112; *Пушков 2002*. С. 40–45; *Матюшин С.,*

лет 30³⁷, энергичный, веселый, горячо верующий, но верующий в духе «богоскательства». Ему не удалось сделать карьеры: его скоро (примерно в 1948–1950 гг.)³⁸ Святейший уволил без указания причины по телефону из Крыма³⁹. Он имел дело с Гнедичем, о. Н. Колчицким, С. В. Савинским, <занимался> ремонтом Академии в Лавре.

Алексей Иванович Георгиевский⁴⁰ — преподаватель церковного устава и литургики, теперь профессор. Молодой <тогда> человек, хороший друг А. В. Ведерникова, потом они разошлись. Окончил три класса духовного училища в Перерве, а потом — Институт живого слова. Хороший знаток церковного устава и библиофил. Очень близко

диак. Ведерников Анатолий Васильевич // ПЭ 7. 2004. С. 366–367.

³⁷ Должно быть, Анатолий Васильевич очень молодо выглядел. В действительности ему было уже более 40 лет.

³⁸ А. В. Ведерников был уволен в 1948 г. Формально он был отстранен от преподавания истории русской религиозной мысли в связи с тем, что согласно «Изменениям, внесенным в положение о духовных учебных заведениях» из программы была устранена история философии.

³⁹ Данный эпизод глубоко запечатлелся в памяти рассказчика, который в другом месте своих воспоминаний писал о том, что Ведерников был уволен «совсем, срочно, даже по телефону. Уволил Местоблюститель по доносу архиеп. Григория, кажется, из Сочи, где в то время лечился Местоблюститель. По какой причине и за что — нам неизвестно».

⁴⁰ Алексей Иванович Георгиевский (14 января 1904 г. — 4 декабря 1984 г.), российский богослов и филолог. Родился в семье псаломщика (затем ставшего диаконом) Ильинской церкви в Черкизово. Окончил Перервинское духовное училище (1918), единую трудовую школу (1922), Государственный институт слова со степенью кандидата словесности. До 1943 г. преподавал русский язык и литературу в средних и высших учебных заведениях. С 1943 г. — член комиссии по подготовке и открытию духовных школ в Москве. С 1944 г. — доцент кафедры литургики и ученый секретарь Богословского института. «Алексей Иванович подарил институту свою личную библиотеку, содержащую лучшие богословские и святоотеческие сочинения» (*Трофимчук 2005*. С. 13). С 1958 г. — профессор, с 1974 г. — заслуженный профессор Московской духовной академии по кафедре литургики и стилистики русского языка. В 1948 г. выступил с докладом о церковном календаре на Советании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Поддержал сохранение в Церкви юлианского календаря, критиковал григорианский календарный стиль. Был членом совета и правления Московской духовной академии. В 1950–1953 гг. — и. о. ответственного секретаря редакции ЖМП. В 1954–1959 гг. — член Отдела внешних церковных сношений. См.: *Пушков 2002*. С. 46–51.

стоял к митрополиту Николаю⁴¹. Всегда любящий, никогда я не видел его злобным.

Прот. Вениамин Васильевич Платонов⁴². Полный веселый человек, прекрасный преподаватель Св<ященно> Писания Нового Завета, настоятель церкви Всех святых, в земле русской просиявших. Умер от рака. Я помню, он на Совете сделал демонстрацию: прекратил разговор и вышел из собрания. Человек с темпераментом. Больше о нем <никто> ничего не помнит.

Прот. Н. Ф. Колчицкий⁴³. Протопресвитер. Был у нас немного. С ним у нас связана неприятная история. О. протопресвитер, нужно сказать, был большой знаток литургики и имел большой опыт по практическому руководству. Он увлекался этими предметами и к тому же был прекрасным оратором. Его слушать было приятно. В то время дело <возрождения духовных школ> было в руках церковных верхов, а дипломаты, решавшие этот вопрос, были под всецелым влиянием верхов. Тогда боролись две точки зрения на возрождающуюся школу: точка зрения большинства стояла за школу по форме старую, а меньшинство — за школу реформированную (Т. Д. Попов, архиеп. Григорий и др.). Это положило <начало> разделению, которое <продолжалось некоторое время> и, кажется, влияло и на другие вопросы. <...>⁴⁴ Так в этот

⁴¹ Николай (Ярушевич) (31 декабря 1891 г. — 13 декабря 1961 г.), митрополит Крутицкий и Коломенский. Проповедник и богослов. Первый по времени председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (с апреля 1946).

⁴² Вениамин Васильевич Платонов (1883–1948), протоиерей, русский православный экзегет. Род. в Белгороде в семье священника. Окончил Харьковскую духовную семинарию (1903). После рукоположения во иереи служил в приходских храмах. В 1910 г. окончил МДА и был назначен законоучителем Елизаветинского института. В 1917 г. за работу «Повествование Евангелия Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены-грешницы» (СП, 1916) получил звание магистра. С 1945 г. до конца дней был настоятелем московской церкви Всех Святых (близ которой он и погребен). См.: *Пушков 2002*. С. 35–37.

⁴³ Николай Федорович Колчицкий (17 апреля 1890 г. — 11 января 1961 г.), священник Русской Православной Церкви, протопресвитер (с 1945 г.). Настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове (с 27 декабря 1924 года); управляющий делами Московской Патриархии (1941–1945). Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 18–20.

⁴⁴ Следуют зачеркнутые слова: «А. В. <Ведерников> в частных беседах с нами проводил ту мысль».

момент подготавливалась замена профессора по кафедре Пастырского богословия, которую занимал, кажется, Ветелев и на которую подал о. Колчицкий. <...>⁴⁵ А. В. В<едерников> с нами вел частную беседу по этому вопросу и настойчиво проводил ту мысль, что Местоблюститель митрополит Алексей <Симанский> не выражает желание, чтобы такой ценный в церковном управлении человек, как протопресвитер Колчицкий, был утерян для управления. Его не следует на Совете избирать, так хотел митрополит Алексей. Я лично и многие другие недоумевали и недоумевают по этому поводу. Мы думали, что это самая обычная безобидная вещь. Так и сделали. Из 20 голосов положительный был только один. Тут-то поднялась целая буря. Провал же первого протоиерея во всей РПЦ! Помню, как-то был прием у Патриарха, где случайно в саду мы встретились — Колчицкий, Ведерников, Доктусов и я. Поздоровались. О. Протопресвитер начал в раздраженном духе, обращаясь к Ведерникову, что его провал — дело рук его, Ведерникова. Он отрицал, указывал на нас, что это дело не его, а Совета. Разговор был крупный, не знаю только, чем он закончился. Он всю жизнь хранил эту обиду, но ничего худого не делал. Бывал на экзаменах и так <же> приезжал в качестве ревизора, когда состоял председателем Учебного комитета. Иногда он бывал раздраженным и шумел на ректора и др<угих>. Однажды (это было в 1956 году, когда обнаружили дело инспектора архим. Леонида <Полякова>⁴⁶ в связи его с перепечаткой листка из сочинения Светлова⁴⁷) о<тец> протопресвитер собрал корпорацию преподавателей и профессоров и прямо обратился к архим. Леониду с резким укором, стуча кулаком по столу: «Я за вас стоял в Ленинград-

⁴⁵ Следуют зачеркнутые слова: «Он сам добровольно ушел».

⁴⁶ Леонид (в миру Лев Львович Поляков) (1913—1990), митрополит Рижский и Латвийский, доктор церковной истории.

⁴⁷ Павел Яковлевич Светлов (1861—1945), протоиерей, выпускник МДА, профессор. Православный публицист и богослов. Неизвестно, какое именно сочинение Светлова имеется в виду. По устному свидетельству помощника секретаря Совета МДА о. Николая Глебова известно, что в сер. 1950-х гг. в архив МДА было передано 9 машинописных томов П. Я. Светлова, которые в скором времени были конфискованы органами КГБ. Описываемый инцидент мог привлечь внимание к данным материалам и косвенно способствовать их изъятию.

ской академии при защите диссертации⁴⁸, и вы должны знать цену этой защите, и вы же меня здесь скомпрометировали». Мы все молчали. Мы все более или менее знали картину защиты⁴⁹ какой-то безграмотной диссертации, которую Ленинградская академия хотела провалить. Мы все сочувствовали протопресвитеру в его горячей деятельности за диссертацию, в которую он сам не верил, а действовал, как указали ему свыше, где тоже знали цену ей, но так было, очевидно, нужно по ходу церковной жизни. Много зависело от его болезни, которая его мучила и заставляла страдать. Он скончался летом 1961 года. Богослужение он совершал истово и был любим народом.

Священник Константин Иванович Карчевский⁵⁰. Хромал, <в прошлом> был «земгусар<ом>»⁵¹. Ранняя его биография мне неизвестна. Он был здесь в Москве учителем, кажется, ботаники, хорошо знаемый Ведерниковым. Священство получил в Академии. Закончил образцов<ание> в МДА в 20-х годах, когда она, по сути дела, не существовала. Представил в нашу Академию на соискание ученой степени кандидата богословия что-то, кажется, о Посошкове, Петровском времени⁵². Хотел быть оригинальным, но плохо выходило. Преподавал в

⁴⁸ Имеется в виду магистерская диссертация иером. Леонида (Полякова) «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературно-переводческая деятельность» (Кн. 1, 2, 3. Ленинград, 1956. 350 с.; 351–518 с.; 332 с.), который уже будучи инспектором МДА приехал защищать ее в ЛДА. Диссертацию иером. Леонида никак нельзя назвать безграмотной, хотя в силу своего слишком обзорного характера она не могла решить серьезных научных задач. По устным воспоминаниям преподавателя МДС прот. Алексия Ширинкина, который оказался одним из многочисленных очевидцев защиты иером. Леонида (как учащийся 1-го класса МДС), на защите основным оппонентом о. Леонида выступил Н. Д. Успенский. Стал разгораться бурный диспут, который, к сожалению, был резко пресечен о. Николаем Колчицким, который заявил, что «все уже решено» в пользу защищавшегося. Все печально разошлось... Очевидно, что автор воспоминаний писал по слухам и сам данную диссертацию подробно не изучал.

⁴⁹ Слово «защиты» надписано над зачеркнутым «бестактичной».

⁵⁰ Константин Иванович Карчевский (1886 — 21 апреля 1965), протоиерей. См.: Пушков 2002. С. 152–153.

⁵¹ «Земгусар» — ироническое и пренебрежительное определение служащих снабженческих общественных организаций — Союза земств и Союза городов. Получив право на ношение офицерской формы (без погон), они не призывались в действующую армию.

⁵² Карчевский К. И. Мирозерцание крестьянина Посошкова Ивана Тихоновича. М., 1945. 109 с. (машинопись, имеется в библиотеке МДА).

Семинарии, стремился в Академию, но кто-то задерживал. Назначен инспектором Киевской семинарии, потом уволен. Теперь в Москве неизвестно где.

Вл<адимир> Семенович Вертоградов⁵³, проф. Св<ященного> Писания Ветхого Завета в Академии, окончил Казанскую духовную академию, хорошо эрудированный профессор, глубоко верующий и преданный Церкви человек. Активный. С. В. Савинский называл его «наш Савонарола». Он был другом ректора Академии прот. Т. Д. Попова. Помню, в самом начале деятельности нашей Академии ленинградский профессор, теперь отступник Осипов⁵⁴, представил в нашу Академию диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия⁵⁵. Дали читать Вл<адимиру> Семеновичу. Чуть ли не на другой день Вл<адимир> Сем<енович> приезжал в Академию, шумно возмущался нахальством автора и, не дочитав диссертации, дал отрицательный отзыв. Диссертация долго валялась в архиве секретариата и перемешивалась с архивными делами. Потом он был инспектором и даже и. о. Ректора. Болезнь глаз заставила его уйти на пенсию. Он отличался кипучим характером, но не имел системы, поэтому его инспекторство и ректорство не ярко. Можно только напомнить его столкновение с инспектором о. Всеволодом Шпиллером⁵⁶, который сам установил себе выходной день и уезжал в Москву к Святейшему для информации или еще чего-либо. Это нервировало Вл. Сем<еновича>. Кроме этих неприязненных отношений с Вл. Сем<еновичем> были

⁵³ Владимир Семенович Вертоградов (1888–1964). Профессор Московской духовной академии, церковный историк. См.: *Пушков 2002*. С. 140–144.

⁵⁴ Александр Александрович Осипов (10 ноября 1911 — 25 октября 1967), отступник, бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии. См. о нем подробнее в публикации, опубликованной ниже: «“Богословский вестник” 1945 г.: новая находка на пути от дореволюционного к современному академическому журналу».

⁵⁵ В рукописи зачеркнуто: «Помню, как шумел в кабинете ректора Вл. Сем<еновича>, возмущенный еретическим...», — затем сверху надписано: «Представил в нашу Академию диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия».

⁵⁶ Всеволод Дмитриевич Шпиллер (1902–1984), протоиерей. Клирик Болгарской Православной Церкви, с февраля 1950 года — Русской Православной Церкви; известный духовник и проповедник. См.: *Шпиллер И. В. Воспоминания об отце Всеволоде Шпиллере*. М., 1993; *Пушков 2002*. С. 150–151.

и другие, которые в общей своей сложности повлияли на увольнение Шпиллера.

Николай Петрович Доктусов⁵⁷ — это целая эпоха в нашем маленьком мире. Окончил Казанскую духовную академию, был там стипендиатом. Потом преподавателем в гражданских гимназиях. Человек со светским уклоном. В военное время был на юге, в местах своей службы. В Новороссийске был членом правления Университета или просто преподавателем. В Москве читал логику и русский язык квалифицированным ответственным работникам. Что побудило его возвратиться опять в духовное ведомство — не знаю. Он был из старых преподавателей в возрожденной школе: поступил вместе со мной. Это человек прекрасно эрудированный и легко ориентирующийся в административном отношении. Он сделал много проектов для учебных заведений. Мы с ним близко сдружились. В нем заметна была дипломатия. Он умел учитывать события в связи с общей политикой. И хорошо применялся к ней. Так например, он не был на Совете, когда здесь голосовали против Колчицкого. Я думаю, что он учел ситуацию и ее последствия. Это дало ему право потом открыто и смело говорить о неправильности провала протопресвитера РПЦ.

⁵⁷ Николай Петрович Доктусов (20 февраля 1883 — 27 июля 1959). В 1907 г. закончил Казанскую духовную академию, кандидат богословия. В 1907–1908 г. прослушал курс лекций на филологическом факультете Казанского университета. С 1908 г. начал преподавать в гимназиях г. Царицына, в 1919–1923 гг. — преподаватель Новороссийской гимназии. В 1923–1933 гг. преподавал в средних школах и на рабфаках, а затем до 1944 г. — в вузах г. Москвы. Основные преподававшиеся им предметы филологической направленности — русский язык и литература, а также старославянский язык и палеография. В МГУ защитил диссертацию на тему «Язык оригинальных русских повестей XVII века». В Богословском институте сначала преподавал гимнологию, затем — Новый Завет. В 1950 г. защитил магистерскую работу на тему «Армянская Церковь (История ее взаимоотношений с Церковью Вселенской. Ее вероучение и обряды сравнительно с православными)». С этого времени — профессор, секретарь Совета Московской духовной академии, до 1955 г. — инспектор Московской духовной академии и Семинарии. С 15 сентября 1955 г. в связи с назначением на должность секретаря Учебного комитета при Св. Синоде и заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии прекратил административную и преподавательскую деятельность в Академии. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 52–58.

После Шпиллера он был назначен инспектором Академии и проводил с честью эту службу в течение нескольких лет. Как по наружному облику, так и по внутреннему настроению это был типичный инспектор православной семинарии времен расцвета школы. Каждый день он вставал к утренней молитве, всегда примерно одетый, выбритый, величавый. В церкви у него был порядок, ученики расставлялись по рядам, назначенные читать в церкви шли точно по расписанию. Каждый день он бывал за ученическим обедом, делал словесные объявления; он интересовался жизнью учеников, обходил ночью спальни. Всегда был в курсе дела. Он никогда не ссорился с ректором. Они с богослужения всегда шли вместе. Это было так торжественно и приятно. Секретарем Совета был я. Бывало, перед ними вставали разные вопросы, которые решались с последующим сообщением Совету, ошибались редко. Зимними долгими вечерами мы частенько собирались вместе (мы тогда жили в одном здании, я иногда по долгу службы оставался на несколько дней) и проводили товарищескую веселую беседу. Он ушел на пенсию примерно в 1957 г.

О себе я пропускаю. Пусть обо мне напишет друг летописца⁵⁸.

Иван Николаевич Аксенов⁵⁹, учитель пения, преподавал ранее в Духовном училище. Сухой человек, фанатичный любитель пения. Человек простого происхождения, в молодости был, кажется, сапожником. В преподавании был педантом. Он поставил хоровое пение в Академии образцово. Теперь он умер.

<Борис Васильевич> Вадковский⁶⁰ — племянник известного митрополита С<анкт>-Петербургского Антония. Преподавал греческий язык. Он в духовной школе не учился⁶¹, а потому не знал метода препода-

⁵⁸ Биографические сведения об авторе воспоминаний см. выше во вступительной статье, с. 858—864.

⁵⁹ Иван Николаевич Аксенов (1880—1958). Родился в г. Торопце Тверской губернии. В 1909 г. окончил двухгодичные курсы при Московском синодальном училище. С 1945 г. стал преподавать церковное пение в МДА. См.: *Пушков 2002*. С. 66—69.

⁶⁰ В рукописи после фамилии стоят точки.

⁶¹ Ошибочные сведения. Борис Васильевич Вадковский в МДАиС преподавал не только греческий, но и латинский язык. Возможно, однако неизвестно, в какой именно семинарии он учился (в докладной записке на имя архиепископа Саратовского и Сталинградского Григория он писал: «Греческий язык я изучал в духовной семинарии

давания в Семинарии. Вследствие этого его ученики или слабо знали, или просто ничего не знали. Латинский язык по совместительству преподавался Н. П. Доктусовым.

Зав<едующий> канцелярией⁶² был пожилой человек, окончивший Киевскую духовную академию, Василий Алексеевич Ивановский. В мирное время⁶³ он служил секретарем консистории и при приеме на службу полагал, что это ему поможет поставить канцелярию хорошо. Но несмотря на свою самоотверженность в работе, ему не удалось поставить канцелярию отлично. Даже до настоящего времени она здорово хромает. Василий Алексеевич — человек очень хороший, благочестив, услужливый, по штатской иерархии — высококультурный и грамотный. После него был кое-кто, Сергей Александрович Волков⁶⁴. Окончил МДА самого последнего выпуска. Преподавал в Загорской гимназии. Хорошо знал русский и французский языки. Канцелярию страшно не любил; имел побочные уроки по французскому яз<ыку> с иностранцами. Очень любезный человек, но неудержимо разговорчивый.

Помощников инспектора было много. Из них первый, который обратил на себя внимание, был Гаревский (и. о. забыл)⁶⁵. Этот надзира-

и гимназии» // Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 1). Подробнее о нем см. в статье игум. Дионисия (Шленова), опубликованной выше: «Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах» (С. 585–593).

⁶² В рукописи зачеркнуто слово «Библиотекарь», затем сверху надписано «Зав<едующий> канцелярией».

⁶³ Имеется в виду время до начала первой мировой войны.

⁶⁴ Сергей Александрович Волков (19 февраля 1899 — 21 августа 1965), обучался в МДА (1917–1920). С 1964 г. служил в МДА заведующим канцелярией и библиотекарем. В архиве МДА хранятся воспоминания С. А. Волкова об Академии (*Волков С. А. Московская Духовная Академия в 1917–1920 годах. Воспоминания бывшего студента Академии. Т. 1, 2. Загорск, 1965. 352 с., 312–511 с.*), большая часть которых была опубликована (см. последнее изд.: *Волков С. Возле монастырских стен. М., 2000*). См.: *Пушков 2002. С. 257–258*.

⁶⁵ Владимир Васильевич Гаревский (род. 20 сентября 1898 г.), выпускник Пермской духовной семинарии (1917 г.), по окончании которой был учителем в деревне Заболотье Пермского уезда (до 1919 г.). С 1923 по 1944 г. работал педагогом-воспитателем в лечебно-профилактических учреждениях г. Москвы. Был уволен из Академии через четыре года работы в ней в должности надзирателя (которая соответствует должности

тель очень активный; жил все время с учениками. Под конец спился и неизвестно как кончил жизнь. Второй <нрзб.> человек благочестивый, гуманный и интеллигентный. Ушел во священники⁶⁶.

4. РЕКТОРЫ

Поговорим о ректорах. Не сразу занялись эти должности. После о. <Николая> Чепурина (о нем было сказано выше) на ректорскую должность был назначен о. Тихон Дмитриевич Попов⁶⁷, магистр богословия, окончил Казанскую духовную академию, в это время он был

дежурного помощника в настоящее время). С юности заболел хроническим заболеванием легких; в 1945 г. при зачислении в Академию был инвалидом 2 группы (Архив МДА. Личное дело В. В. Гаревского. С. 1).

⁶⁶ Скорее всего, имеется в виду Александр Васильевич Руднев (род. в 1883 г.), выпускник Астраханской духовной семинарии (1905 г.). После краткосрочной работы в Астраханской мужской гимназии в должности помощника классного наставника (1905–1906 гг.) в течение многих лет (1906–1931 гг.) служил священником в Астраханской епархии. Затем работал в советских учреждениях в должности бухгалтера. С 1 января 1947 г. зачислен на должность педагога-воспитателя в МДС (Архив МДА. Личное дело В. В. Гаревского. С. 13). В таком случае фраза «ушел во священники» означает возвращение к священнослужению.

⁶⁷ Тихон Дмитриевич Попов (25 июня 1876 — 9 августа 1962), протоиерей. С 1913 г. — профессор богословия Воронежского сельскохозяйственного института. Избирался в члены 4-й Государственной Думы. С 1918 г. — приходской священник, затем настоятель кафедрального собора в Воронеже. Арестован Воронежским ЧК (1920), освобожден. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1922–1931 гг. — член Воронежского епархиального управления. В 1931 г. — член президиума обновленческого «Священного Синода». С декабря 1932 г. — «епископ Орехово-Зуевский, vicарий Московской епархии». С 1934 г. — «архиепископ Тульский». С 1936 г. — «управляющий Московской митрополией», «митрополит Московский». Арестован 2 июля 1938 г., приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан. В 1944 г. принес покаяние, принят в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея. Назначен ректором Московского Богословского института, в дальнейшем профессор МДА. Н. И. Муравьев в своих воспоминаниях несколько раз упомянул о полуслепом или слепом состоянии прот. Тихона, который окончательно ослеп в 1947 г. Незадолго до этого именно из-за угасания зрения он был освобожден от обязанностей ректора указом Святейшего Патриарха Алексия I от 23 октября 1946 г. А в 1951 г. прот. Т. Д. Попов был освобожден и от преподавания. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 13–17.

<почти> слепым, <...>⁶⁸ перешедший из обновленцев, где он был митрополитом. Он, слава Богу, жив и здоров сейчас и недавно мне прислал сочувствующее письмо по поводу скончавшейся моей дорогой Леленьки. Этот человек умный с большой практической мудростью.

В то время Академия занимала в Новодевичьем монастыре Лопухинский корпус, подсобное помещение при трапезной Церкви. Ректор и канцелярия размещались на верхнем этаже Лопухинского корпуса. Здесь же была большая аудитория, где в настоящее время значится приемная комната митрополита Крутицкого, и сзади ректорской комнаты — маленькая аудитория, на первом этаже — кухня и столовая. В помещениях при церкви размещались остальные классы и спальни общежитий. <...>

<После того, как в 1945 г. Институту был передан Успенский храм>, о. Тихон Дмитриевич Попов усердно в храме проповедовал, призывал верующих к активному участию по восстановлению храма, <говорил> о смысле церковной жертвы свечами, о благоговейном отношении к храму и т. д. Церковь сливалась со школой. Почти вся школа принимала участие в богослужении за исключением некоторых учащихся, которые иподиаконствовали у Местоблюстителя патриаршего престола, у митрополита Крутицкого (вчера 13 декабря 1961 года скончался в Боткинской больнице. Упокой, Господи, со страждущими его душу). Это было время реформ духовной школы и самой жизни. <...>.

Нельзя без волнения вспоминать, с какой стойкостью переносили <учащиеся> текущие трудности жизни, топки, дежурства за хлебом! Полуголодные, полухолодные, они все же серьезно относились к урокам и учились, учились упорно. Чистим помещения, чистим снег сами. Так среди церковных служб, среди самообслуживания росла духовная школа. Дисциплина на уроках и вне уроков была примерная. Она и сейчас неплохая.

Инспектором в данное время был А. В. Ведерников. Я не знал крупных столкновений у него с учащимися. А. В. <Ведерников>, по моему, тяготился мелкими происшествиями с учащимися: ему нрави-

⁶⁸ В рукописи в скобках написано: «темная вода». О прот. Т. Д. Попове см. примеч. 67.

лось больше принципиальное теоретическое⁶⁹ занятие по воспитанию (кабинетное). С ректором отцом Тихоном у него были нелады. На какой почве, точно не могу сказать. Мне казалось, что А<натолий> Вас<ильевич> <Ведерников> слишком прислушивался к мнению верхних слоев духовной власти, где о. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов>, кажется, рассматривался больше обновленцем. О. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов> раздражался на А. В. <Ведерникова> за то, что последний как будто превышал свою власть, не считался с ним как ректором. А. В. <Ведерников> не любил о. Т. Д. <Попова> как некоего «консерватора», особенно в злободневном тогда школьном вопросе, какую именно форму должна получить современная духовная школа. Было два мнения. Одни видели идеал школы в старой последних времен Духовной академии. К этой партии примыкал и Местоблюститель, потом патриарх Алексей, но только с большой оговоркой — изжить светскость в Академии: профессора все должны были быть в сани, церковность должна глубоко проникнуть в быт учащихся. Другое мнение, которое отразилось в проекте о. Т<ихона> Дм<итриевича> <Попова>, заключалось в том, что при определении формы Духовной школы необходимо исходить из реальности: молодые люди поступают неподготовленные, <из> разнообразных слоев населения. Их требуется еще воспитывать и подготавливать к восприятию богословских наук. К тому же жизнь требовала скорейшего выпуска кандидатов священства⁷⁰. Большинство стояло за первый вариант реформы. О. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов> остался почти один со своим проектом. Он докладывал о нем на заседании Совета, где он также не прошел.

События с течением времени все развивались, и ожесточение между ректором и инспектором нарастало. Стычек между ними как будто бы не было, но их развели. О. Т<ихона> Дм<итриевича> <Попова> сняли с должности ректора, а инспектора Ведерникова уволили⁷¹.

⁶⁹ В рукописи зачеркнуто слово «обще» и сверху подписано «теоретическое».

⁷⁰ Н. И. Муравьев делает внизу «вставку» карандашом: «Второй вариант реформы, как мне помнится, заключался в том, что Семинария состоит из 2-х классов и Институт тоже из 2-х классов. Преподавать упрощенное».

⁷¹ Подробнее см. выше с. 879–880.

На ректорское место был назначен епископ Казанский Гермоген (Кожин)⁷². Он закончил Казанскую духовную академию в 1916 г. со степенью магистра богословия. Он показал удостоверение о магистер-

⁷² Гермоген (Кожин), епископ (1880–1954), митрополит Алеутский и Северо-Американский. Родился в станице Кумылженской (Кумыжленской) нынешней Волгоградской области, в семье псаломщика. Окончил Усть-Медведицкое духовное училище, Донскую духовную семинарию. В 1907 г. по окончании семинарии рукоположен во диакона, в 1908 г. — во священника. В течение пяти лет священствовал в казачьих станицах на Дону. Учился в Казанской духовной академии (1912–1916), которую закончил со степенью кандидата богословия. В 1917 г. защитил диссертацию на тему «Русская ультрамонтанская литература в защиту папской системы в сопоставлении с учением христианского откровения и голосом Вселенской Церкви» и получил ученую степень магистра богословия. Преподавал в Новочеркасском политехническом институте богословие и Закон Божий в мужской гимназии. В 1917 г. избран членом Поместного Собора Русской Православной Церкви, а в 1918–1920 гг. состоял членом Донского епархиального совета. Затем переехал в Кубанскую епархию, где священствовал на разных приходах. После 1922 года уклонился в обновленческий раскол. 21 сентября 1931 года, будучи в брачном состоянии, хиротонисан во епископа Темрюковского, викария Кубанской епархии, затем 7 марта 1932 г. — епископ Моздокский. С 7 марта 1932 г. — епископ Кубанский. 13 апреля 1932 года возведен в сан архиепископа. С марта 1934 г. — архиепископ Терский, управлял Северо-Кавказской митрополией. 5 декабря 1935 года возведен в сан митрополита Северо-Кавказского и Ставропольского. По отзывам о нем в каталоге обновленческих архиереев епископа Сергия (Ларина), «был злейшим обновленцем». Писал тезисы, направленные против Русской Православной Церкви, боролся с монашеской идеологией и из своей епархии изгонял православное духовенство. В 1943 году получил вторую панагию. Пребывал в обновленческом расколе до 1945 года. Принят чрез покаяние в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея. Овдовел в 1945 году. Пострижен в монашество с именем Гермогена в 1945 году и вскоре возведен в сан архимандрита. 16 февраля 1946 г. в зале заседаний Св. Синода наречен во епископа Казанского и Чистопольского. 18 февраля 1946 года рукоположен в Воскресенской церкви в Брюсовом переулке во епископа Казанского и Чистопольского. Хиротонию совершали Святейший Патриарх Алексий, епископы Можайский Макарий и Кировоградский Сергей. Одновременно назначен временно ректором МДАиС. Здесь он читал курс истории западных исповеданий. В 1948 году на Пасху возведен в сан архиепископа. С 8 по 18 июля 1948 года был участником церковных торжеств по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Соучаствовал в совещаниях патриархов и представителей Автокефальных Православных Церквей по предложенным Московской Патриархией вопросам: а) Ватикан и Православная Церковь, б) Экуменическое движение и Православная Церковь, в) Об англиканской церковной иерархии, г) О церковном календаре. По совокуности трудов Преосвященного Гермогена Совет Московской духовной академии

ской степени, кажется, без защиты⁷³. Он был тоже бывший обновленец, но раскаявшийся. Человек с широким кругозором, с широким размахом. При нем Академия была переведена из Новодевичьего монастыря в Лавру, в Загорск. Он был хороший администратор, заботливый к служащим и к педагогическому персоналу. С учащимися он был демократичен. Он умел сохранять свое достоинство во всех случаях жизни. Осведомленность у него была изумительная. Он был больной человек. Он страдал диабетом, какой-то у него был свищ. В виду этого распорядок дня у него был сложным; он жил где-то в Лосиноостровском, на квартире, и каждый день ездил на машине. Вел заседание Совета мастерски. Как ректор он с самого начала предложил видным преподавателям работать над научными работами на предмет получения ученых степеней. Н. В. Доктусову <он дал> (не помню, какую) тему, а мне — «Взаимоотношения Константинополя и Русской Церкви за последние 30 лет». На эту тему мне не удалось писать. Митрополит Крутицкий Николай, к которому я обратился за материалами, сказал мне, что тема в настоящих условиях церковной жизни будет сложная, по данной теме составлялся доклад от Патриархии, здесь требуется какая-то церковная политика. А он (митрополит Николай) был назначен на должность начальника Отдела церковных сношений. Я рассудил и отказался и избрал другую.

Недостаток в его управлении замечался в том, что он после занятий садился в машину⁷⁴ и уезжал домой до следующего дня. За ним уезжал также инспектор Владимир Семенович. Т<аким> обр<азом> Академия и Семинария были оставлены на дежурного по инспекции.

В биографии этого знаменитого ректора епископа Гермогена значится один случай, который я считаю фактом отеческого отношения

присудил ему в 1949 году ученую степень доктора богословия. 19 октября 1949 года перемещен на кафедру Краснодарскую и Кубанскую. Последним этапом церковного служения была его поездка в Соединенные Штаты Америки для устройства церковных дел Патриаршего Экзархата в связи с кончиной Экзарха митрополита Макария. 19 мая 1954 года возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Алеутским и Северо-Американским. Скончался 3 августа 1954 года от инфаркта миокарда. 6 августа 1954 года погребен в каменной усыпальнице в правом пределе кафедрального собора города Краснодара. См.: *Пушков 2002*. С. 127–133.

⁷³ Сведения неверные. См. предыдущее примеч.

⁷⁴ В рукописи после слова стоят точки.

ко мне. Я был тогда секретарем Совета. Принимая во внимание мою работу, он сам дал мне из ректорского фонда 3000 рублей на лечение. Летом, узнав, что мы с Лелей собираемся в Кисловодск, он заранее снял там для нас квартиру очень хорошую. Это было для него легко, потому что он сам в Кисловодске имел свою дачу. Вообще, он оказал нам с Леленькой незабываемое внимание. Теперь они оба: и митрополит Гермоген, и Леленька — покойники... Упокой, Господи, в местах светлых, в селениях праведных их любвеобильные души!

<Однако значительно более значимым оказался> другой случай — представление его докторской диссертации. Тему его диссертации точно не помню, примерно <она такова>: «Критика соч<инения> Вл. С. Соловьева “Вселенская Церковь и Православие”»⁷⁵. Как он нам докладывал, диссертация у него не была закончена. Святейший потребовал ее незаконченной. Сначала Совет избрал читающих диссертацию для отзыва. Избраны были я и, конечно, Н. П. Доктусов и В. С. Вертоградов. Диссертация в большинстве случаев состояла из критических выдержек по этому вопросу, но они приведены были в систему и отвечали существу критически-полемического сочинения. Мы дали положительный отзыв. Неожиданно диссертацию отправили в Ленинградскую духовную академию, где ее разобрали по косточкам и признали плагиатом. Мы защищали ректора. Нас вызвал Святейший к себе и беседовал с нами. Мы горячо защищали. В результате этого, уже после того, как ему дали архиепископа и перевели на желаемую им Краснодарскую кафедру, его утвердили доктором богословия. При этом, очевидно, приняли во внимание его труды против Папы⁷⁶, которые стали заметны <и> за границей.

⁷⁵ Более точное название диссертации: «Критический разбор книги В. С. Соловьева “Россия и Вселенская Церковь”: опыт историко-канонического и догматического исследования». Ч. 1, 2, 3. Каз., 1949. 361, 162, 316 с. (машинопись).

⁷⁶ Архиеп. Гермоген был известен своим современникам как эрудированный богослов, неоднократно выступавший против папского примата Римо-Католической церкви. В библиотеке МДА сохранился сборник фундаментальных статей и публикаций Пьера Батифоля под общим названием «Престол св. Петра. Исследования по древней истории Церкви» (Краснодар, 1952. 594 с. (машинопись)), переведенный с франц. Н. И. Снежко под редакцией архиепископа Краснодарского и Кубанского Гермогена. Данный сборник состоит из трех частей: 1. Папы. Факты и вопросы возникновения

Помню, как он сильно волновался, когда во время отпуска в Кисловодске ему сообщили отставку ректорскую и назначение в Краснодар! Опять без меня меня уволили! В это время его известили, кому сдать дела, именно протоиерею Новокузнецкой Николаевской церкви о. Александру Павловичу Смирнову.

О. Александр Павлович Смирнов⁷⁷ был природный приходской прогрессивный батюшка-агитатор. Он любил говорить, и подолгу. Иногда слушаешь, слушаешь, да и потеряешь начало. Начнет про одно, конча-

папства. 2. Некоторые из титулов римского первенства. 3. Римский престол и Восток. Выбор именно данного автора был, несомненно, обусловлен его последовательной антимодернистской позицией. П. Батифоль († 13 января 1929 г.), будучи ректором Парижского католического института, в нач. XX в. решительно выступил против модернизма: «...история зарождения Церкви была самым лучшим вопросом, который можно было противопоставить смущающей критике Евангелия модернизмом» (из вступительной статьи автора). Быть может, участие в подготовке данного труда было своеобразным «покаянием» архиеп. Гермогена за свою многолетнюю принадлежность к обновленческому расколу. См. выше примеч. 72.

⁷⁷ Александр Павлович Смирнов (16 августа 1888 г. — 19 сентября 1950 г.), протоиерей. Родился в селе Криуши Корсунского уезда Симбирской губернии. Отец — священник этого села Павел Иванович Смирнов. Позже семья переселилась в село Игнатовка (Игнатово) Сенгальского уезда. Окончил Симбирское духовное училище. В 1909 г. поступил в СПбДА, в которой защитил кандидатское сочинение «Религиозно-этические вопросы в русской художественной литературе для пастыря Церкви». В 1913 г. — преподаватель латинского языка и гражданской истории в Симбирском духовном училище. Женится на дочери священника Поликарпа Виноградова Антонине. С декабря 1913 по 1918 г. — священник церкви святого мученика Никиты на Кузнецкой улице в Москве. Одновременно законоучитель одной из Московских женских гимназий. Когда о. Александр был переведен в Москву, он с женой поселился в маленьком домике возле храма святого мученика Никиты. В семье родились две дочери: Елена и Зоя. 6 ноября 1918 о. Александр был призван на военную службу в Красную Армию в тыловое ополчение, которое фактически было почти концентрационным лагерем. В 1920 г. был переведен по военной службе в город Симбирск. С 1921 г. — в заключении в советском концлагере. С 1928 по 1935 г. — протоиерей, настоятель Николо-Кузнецкого храма в Москве. В 1935 г. протоиерей Александр Смирнов вновь арестован, но через две недели освобожден. С 1935 по 1941 г. продолжил настоятельское служение в Николо-Кузнецком храме. По освобождении из Бутырской тюрьмы о. Александр поехал в Кремль с «двухдцаткой» храма за ответом на петицию, и ему вручили документ, подписанный И. В. Сталиным, что разрешают оставить храм. С 1941 по 1943 г. находился в эвакуации в Симбирске вместе с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием. С 1943 г. и до конца жизни — вновь настоятель

ет про другое. Кроме того, он любил вести в церкви вечером в воскресенье беседу с волшебным (проекционным) фонарем. Беседы шли по календарю, т<ак> ч<то> народ хорошо знал, какой день настоящий и что св<ятая> Церковь помнит в этом дне. В церкви собиралось много народа. Также дни беседы он вел в будний вечер в Академии, и вел их аккуратно. Однажды он, уезжая куда-то, поручил мне провести беседу на тему о мучениках первохристианской Церкви. Я это сделал весьма удачно.

Приехал он в Лавру вступать в должность ректора в будничнйй день. День был солнечный, теплый. Мы встретили его в палисаднике на улице. Он, видимо, не ожидал этого и был доволен. Очевидно, он боялся холодного приема. Он был хорошим ректором, но своеобразным, мягкотелым и малодисциплинированным. Тоже каждый день ездил в свой приход, от которого не отказывался. При нем начал действовать инспектор протоиерей Вс<еволод> Шпиллер. Уже с самого начала у Ал<ександра> Павл<овича> и Шпиллера начался раздор. Это было видно из ремонта квартиры ректора и инспектора. Этот ремонт шел еще в старом корпусе над столовой. Шпиллер к этому времени жил в Загорске и был заинтересован в жилплощади. Он мастерам все указывал прихватить к его квартире еще одну комнату, а Ал<ександр> Павлович, хотя не имел в этом нужды, отстаивал в свою пользу комнату. К сожалению, скоро Ал<ександр> Павл<ович> скончался скоропостижно от сердечной болезни. После А. П. Смирнова (Царство ему Небесное и вечный покой) Патриарх, по докладу арх. Григория, назначил телеграммой с юга временно исполняющим обяз<анности> ректора Вл. Сем. Вертоградова, а инспектором <назначил> прот. Вс<еволода> Шпиллера.

Николо-Кузнецкого храма в Москве. Также с 1943 по август 1949 г. — ответственный секретарь редакции ЖМП. С 15 августа 1949 по 19 сентября 1950 г. — ректор Московской духовной семинарии (там же преподаватель Священного Писания и Нового Завета) и и. д. ректора Московской духовной академии. Погребен на Даниловском кладбище в Москве. См.: Пушков 2002. С. 134–139.

5. БУДНИЧНЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Параллельно описанным выше событиям (1945—1947 гг.) шла кропотливая работа очищения от загрязнения комнат и актового зала старой Духовной академии в Лавре, в Загорске. Опять под управлением студента Павла Голубцова. Студенты Академии на подмостках проделали скрупулезную работу очищения летних потолков, стен мелкими скальпелями. Работа пыльная и трудная. Окончилась удачно. Вообще же реставрация шла с соблюдением документальных данных. Сначала фотографировали положение настоящее, а потом, после реставрации, — результат. Состояние здания до реставрации было ужасное. Здесь было общежитие: печки переносные, мусор и проч. Кроме того, там был одно время лазарет, а центрального отопления не было. Картина разрушения исторического здания. Но воодушевленная студенческая братия все преодолела и восстановила здание, которое красуется до сего дня.

Летопись бы не была полной, если бы не сказать о времени 1947—1949 гг. с другой стороны. Одновременно с подготовлением переезда Академии в Загорск, в Лавру, по-новому, оживленно протекала церковная жизнь. Шла подготовка к 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. По мысли Патриарха, Его Святейшества Алексия должен быть Собор Поместный, а получился больше чем Поместный Собор, почти что Вселенский Собор. Но официально это был Поместный Собор в присутствии всех Патриархов. Некоторым из нас поручили сделать доклады на Соборе. Мне было поручено написать и доложить юбилейную речь о 500-летнем юбилее РПЦ <и> о монофизитской Коптской церкви. Последний доклад за неимением времени был снят с повестки еще до заседания Собора. Напечатан был один доклад в виде брошюрки⁷⁸ и переведен на иностранные языки. По словам нашего корреспондента, брошюра за границей имела успех. Жаль только, <что> при произнесении речи покойный теперь митрополит Николай, будучи секретарем Собора, торопил меня, и я второпях выкинул из доклада целые страницы. Собор проходил в Воскресенской

⁷⁸ *Муравьев Н. И.* Пятисотлетний юбилей Автокефалии Святой Русской Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии, 1948. 43 с.

церкви в Сокольниках. На Соборе присутствовали патриархи — Московский, Александрийский (представитель), Антиохийский, представитель Иерусалимской <Церкви>, представитель Константинопольского <патриарха>, Грузинский, Болгарский, Румынский, Сербский и много других митрополитов. Результат работы изложили в двух томах «Деяний совещаний глав и представителей автокефальных Православных Церквей»⁷⁹. Стало быть, это историческое явление было не Собором Поместным, а совещанием Поместных Церквей.

На это время падает улучшение нашего снабжения. Нам выдали, кажется, рабочие карточки, и в определенных магазинах по ним снабжали. Леля была в восторге от этого положения. Но зато она, получая эти продукты, надорвалась от тяжести. Я об этом из ее слов узнал после. Все это сказало на современном ее положении и повело к могиле. Как я плачу от этого! Впрочем мы никогда не продумываем дела. А вообще — Божья Воля!

Это время падает на ректорство епископа Гермогена и А. П. Смирнова — начинающее восхождение Академии. С каждым годом все увеличивалось желание поступить в духовно-учебные школы. С этим росла потребность в расширении классов. Совет по делам Церкви, возглавляемый Г. Г. Карповым⁸⁰, был лоялен. Все члены Совета были доступны и не имели в себе того зверского отношения, каково заключается в настоящих вражески настроенных членах Совета. Мы отдавали Божье — Богови, а Кесарю — Кесарево⁸¹. Было хорошее настроение и отношение и в настоящее время, несмотря на искусственно созданный барьер в отношении к нам.

После длительного перерыва снова хочу писать о недавнем прошлом. Смерть моей милой и дорогой Леленьки оставила глубокий след как на физическом здоровье, так и на душевном. На физическом — болезнь сердца, а на душевном — слабость памяти. О всем этом можно судить

⁷⁹ Полное название: Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 года. Т. 1, 2. М., 1949. 447 с., 463 с.

⁸⁰ Георгий Григорьевич Карпов (7 июня 1898 г. — 18 декабря 1967 г.), председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

⁸¹ Ср.: Мф. 22, 21; Мк. 12, 17; Лк. 20, 25.

по почерку руки. В предыдущих листках я остановился на известии о 500-летнем юбилее РПЦ и некоторых событиях этого периода. Продолжаем. Съезд состоялся в 1948 году. В это время Академией управлял архиеп. Казанский Гермоген. Краткая характеристика его мною дана выше. Он жил где-то в Лосиноостровске и никого не приглашал к себе. Каждый день ездил на машине от Лавры и обратно. Однажды, помнится, он заехал ко мне на квартиру. Это, кажется, были дни лета или осени; я был болен, а он был в пиджаке. Я был удивлен и первоначально думал, что он пришел навестить меня как больного; он был демократ. Царство ему Небесное по духу. Оказалось, он заехал по делу. Мы, говорит, решили предоставить вам написать речь на заседании юбилейном. Я согласился, несмотря на то, что кафедра Истории Русской Православной Церкви была в руках И. Н. Шабатина⁸². С этого времени я начал работать и закончил ее вовремя, к началу июля месяца, и получилось, кажется, хорошо. Торжества юбилея проходили в Москве, в Загорске еще не закончена была реставрация Академии, да и Лавра тоже была не в порядке...⁸³

Вступительная статья архим. Платона (Игумнова),
публикация текста и примечания Редакции

⁸² «Профессор Иван Никитич Шабатин (1898—1972) занимал кафедру по истории Русской Церкви. К сожалению, он постоянно отвлекался к тематике, для нас не нужной. Мы его ценили не как преподавателя, а как писателя — церковного историка. В «Журнале Московской Патриархии» появлялись написанные им статьи, прикрытые псевдонимом «Никита Волнянский». Даже супруга его не знала, что за этим именем стоит ее муж. Обнаружила она это случайно, когда в память о нем была устроена в вестибюле чертогов выставка, где представлялись и труды профессора И. Н. Шабатина» (Скурат К. Е. Воспоминания и труды по патрологии. Яхрома, 2006. С. 52). Подробнее см.: Пушков 2002. С. 105—115, а также выше статью архим. Макария (Веретенникова) «Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин».

⁸³ Воспоминания обрываются.

К. Е. СКУРАТ

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МУРАВЬЕВА

«О зданиях училищ заботьтесь, а о внутреннем их устройстве — больше...» Так писал в январе 1833 г., еще на заре своего святительского служения, святой митрополит Московский Филарет (Дроздов), поздравляя Преосвященного Тверского Гавриила с «приращением имени» (то есть с саном архиепископа). И продолжал: «Зачем с новым Ректором переменяется порядок в Семинарии, и Вы не знаете, к лучшему ли? Никакая перемена в Семинарии не должна производиться в действо, прежде нежели Вы рассмотрите, к лучшему ли она»¹. И в конце земной жизни (декабрь 1861 г.) Святитель в письме ректору Московской духовной академии архимандриту Савве выражает радость, что Духовная школа сохраняет свой внутренний стержень, и надеется, что так будет и впредь: «Приятно мне думать, что я в долгое служение мое, прилагая посильное попечение, чтобы Академия всегда сохраняла дух, свойственный духовному учреждению, то же расположение и в том же направлении согласное действие начальствующих и наставников я встречал и встречаю. Господь да сохранит — и Вы, и наставляемые Вами сохраните мне сие утешение, не ради меня, но ради блага Святой Церкви»².

Подобное говорил нам, так поступал и мой учитель в Московской духовной академии профессор Николай Иванович Муравьев (1891—1965), выпускник Киевской духовной академии. Главное для него было — сохранить дух «старой» Академии, утвердить его, отнести-

¹ *Филарет (Дроздов), свт. Письма к Высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888. С. 66.*

² Там же. С. 175.

ся к нему бережно, даже со своего рода благоговением, с любовью; в студентах воспитать то, что в сугубом смысле может быть свойственно только духовному учреждению, возрастить и утвердить их в православной церковности. Этим объясняется и строгость профессора, и отеческая доброта. Мудрое соединение первого со вторым приносило плод во сто крат: в тяжелейшие времена для Святой Церкви на служение ей выходили из Духовной школы самоотверженные служители Божии, готовые идти на путь не только исповедничества, но и мученичества за святую православную веру — и за Родину, ибо подлинная духовность от нее неотделима...

Первая памятная встреча с профессором Н. И. Муравьевым произошла в сентябре 1951 г. на вступительных экзаменах в МДА. Вот что я писал о сем пять лет тому назад в своих «Воспоминаниях»: «По Общей церковной истории запомнился экзамен потому, что принимали его два светлейших человека — отец Димитрий Боголюбов (1869–1953) и Николай Иванович Муравьев. Первый — почтенный старец, митрофорный протоиерей, известный в прошлом миссионер и профессор, второй — глубокий историк и ученый секретарь Академии. Принимали они экзамен спокойно, не торопясь, ставя один вопрос за другим и ожидая полных ответов»³.

Преподавал в Академии Н. И. Муравьев историю древней Церкви. Лекции читал спокойно, довольно медленно — не торопясь, сидя. За его спиной на стене висела карта, на которой были отмечены упоминаемые им места. Но профессор никогда не спускался с кафедры и не подходил к карте. Как правило, он поворачивался и пальцем указывал на карту, а иногда и, не поворачиваясь, делал это через плечо несколько согнутым большим перстом. Опрос студентов проводил строго, даже очень строго.

Если видел уклонение студента от прямого ответа, происходил такой диалог: «Вы читали?» — «Читал, Николай Иванович, читал!» — «Нужно не читать, а учить!» И ставил двойку, которую исправить было нелегко⁴.

³ Скурлат К. Е. Воспоминания и труды по Патрологии (I–V века). Яхрома: Троицкий собор, 2006. С. 39.

⁴ Там же. С. 52.

Как ученый секретарь профессор во время заседаний Совета Духовных школ сидел за отдельным столиком напротив ректора — председателя. Весь стол был покрыт стопками бумаг. Видимо, в их расположении был какой-то порядок, но почему-то почти всегда для извлечения очередного документа секретарю требовались поиски. Продолжались они долговато, с неторопливыми движениями, словно в замедленной съемке. Члены Совета невозмутимо ждали... Во время дискуссий, — а они были, и иногда «жаркими», — секретарь никогда не повышал голоса, не перебивал спорящего, не врывается в речь выступающего: как к его «поискам» относились терпеливо, так и он являл не меньшее терпение. Во всех его диалогах присутствовали вежливость, корректность, уважение к собеседнику. Вот она, «старая» интеллигенция!

Было в труде Ученого секретаря и такое, что в профессорско-преподавательской корпорации вызывало диаметрально противоположное отношение: одни приветствовали и радовались, другие возражали и скорбели, третьи просто недоумевали. Николай Иванович считал, что в общественных монографиях и даже диссертациях не нужны заключения, в которых бы автор делал выводы к своему сочинению. Присутствие выводов, по его мнению, есть свидетельство слабости работы, ее неясности, а значит — ненужности. Сочинитель, опасаясь такого восприятия его пера, торопится подвести желательный для него итог, чтобы утвердить в нем читателя, точнее навязать ему свое мнение, развить которое и вразумительно показать, доказать он не смог в своем громоздком труде. Диссертация должна быть написана так, чтобы подавляющее большинство читателей легко, свободно, даже приятно сделало единые, однообразные выводы! Так думал профессор и так поступал. — Свою магистерскую диссертацию, успешно защищенную в Московской духовной академии, он представил в Ученый Совет без заключения и без выводов (она имеется в библиотеке МДА). — На упреки рецензентов Николай Иванович Муравьев ответил твердым стоянием в своем мнении, чем вызвал дружную поддержку аудитории.

В быту профессор был прост. Приезжал на лекции из Москвы электричкой вместе с супругой, неизменным его спутником и помощником. Жена его Ольга Сергеевна заботилась о его здоровье, питании, отдыхе...

Останавливались они в небольшой комнате, расположенной на теперешнем административном этаже. Частенько их можно было видеть гуляющими в академическом садике. Внимание супругов одного к другому являло нам пример доброй семейной дружбы. А пример всегда оказывает значительно большее действие, чем много-много слов!

В любое время и даже в любом месте: в учебном корпусе, на академическом дворе, в электричке — можно было беспрепятственно подойти к профессору и нужное спросить. Он не спешил «на электричку» или в собственную машину (ее попросту и не было)... Так свободно, непринужденно подходили ученики к своему наставнику, как и в древней Церкви — к великим ее учителям, когда тепло христианской веры согревало души и вопрошающих, и отвечающих!..

Правильно, когда и руководители Академии, и ее профессора своей верой, жизнью, знанием напоминают (а лучше — повторяют) древних учителей Церкви. И снова вспоминаются размышления великого и мудрого святого иерарха Русской Православной Церкви Филарета Московского: «Когда в Церкви оскудели Учители, тогда явились доктора, профессора и бакалавры. Дух Евангельский, подобно как спирт, стали измерять градусами, то есть учеными степенями и званиями»⁵.

Вместо этих измерений более подходящим «служителям духовного просвещения надлежит относиться к заботливому помышлению о том, довольно ли стараются они приобретать учению своему внешнюю силу против силы преисподней? Довольно ли оно глубоко проникает в души наставляемых? Довольно ли переходит в жизнь? С сими помышлениями прибегнуть к Богу и стараться усилить в себе благу ревность было бы, конечно, справедливо, полезно и угодно Богу»⁶. Не надо поддаваться прихотям греховной плоти, «иначе сии гости вытеснят хозяев... Надобно господам ученым честнее жить»⁷.

⁵ Филарет (Дроздов), свт. Письма к другу, священнику Г. Г. Пономареву // МЦВ. 1907. № 49. С. 1513.

⁶ Филарет (Дроздов), свт. Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 9.

⁷ Филарет (Дроздов), свт. Письма к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. Т. 1. М., 1877. С. 22.

ДИАКОН Н. ВИНОГРАДОВ

ПАМЯТИ ЦЕРКОВНОГО ИСТОРИКА
ГОРОДА МОСКВЫ ПРОТОИЕРЕЯ
Н. А. СКВОРЦОВА

В портфеле дореволюционного «Богословского вестника» сохранился ряд материалов, некоторые из которых не публиковались в силу своего недостаточно высокого уровня, а другие — в силу внешних обстоятельств революционного времени. К числу неизданных материалов в основном относятся статьи или переводы — в 172 фонде МДА (НИОР РГБ) выявлено, по крайней мере, 27 публикаций, из которых опубликован только один перевод на страницах юбилейного «Богословского вестника» (см. выше в 1-м отделе)¹. Диапазон подачи статей достаточно широкий — начиная с 1890-х гг. вплоть до 1917 г. включительно. Из наиболее ранних материалов отметим статью Е. А. Оболенского «Богословские вопросы и ответы св. Анастасия Синаита и значение их в истории развития древнерусской письменности» (НИОР РГБ. Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 14). В 1917 г., насколько можно судить по описи 172 фонда, в редакцию поступили следующие материалы:

1. *Безобразов С. С.* Феодор Мопсуетский и пелагианство. 27 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 63)².

2. *Прокофьев Н. П.* Богоборец. (С сопроводительным письмом от 23 марта 1918 г.) 60 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 17).

3. *Виноградов В.* Исторический грех русской проповеди перед русской общественностью. Очерк первый — проповедь митрополи-

¹ *Свт. Герман, патриарх Константинопольский.* Слово в Неделю Крестопоклонную (пер. с древнегреч. Н. Я. Бойкова, вступ. ст. и примеч. М. В. Венедикова) (С. 101–122).

² Готовится к публикации редакцией «Богословского вестника».

та московского Филарета в 20 и 30-х годах прошлого столетия. 15 л. (Ф. 172. К. 84. Ед. хр. 68).

4. *Металлов В.* История русского церковного пения в отжившем понимании. 28 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 11)³.

5. *Нечаев П.* Религиозное воспитание как условие выработки нравственного характера. 40 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 13).

6. *Кобраков Е.* Перевод на русский язык Ὑποτύλωσις прп. Афанасия Афонского в издании Meuser'a с примечаниями текстуального, филологического и исторического характера. 14 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 5).

7. *Р[омашков?] Д.* Празднование двадцатипятилетия выпуска студентов 47 курса Московской Духовной Академии. 10 л. (Ф. 172. К. 85. Ед. хр. 18).

8. *Виноградов Н.,* диакон. Памяти церковного историка Москвы и Московской епархии протоиерея Н<иколая> А<лексеевича> Скворцова. 12 л. (Ф. 172. К. 84. Ед. хр. 69).

Из них первые пять — научные статьи, последние три представляют разные жанры — перевод, хронику и некролог соответственно. Предлагаем вниманию читателей некролог, посвященный протоиерею Николаю Скворцову (1861—1917), жизнь которого трагически оборвалась в начале лета 1917 г.⁴ Данный некролог ставит перед собой особую

³ Готовится к публикации редакцией «Богословского вестника».

⁴ См.: *Скворцов Н. А.* Автобиография (НИОР РГБ. Ф. 275. Папка № 3. Ед. хр. 2. 7 об. л.); *Миллер Н. П.* Николай Алексеевич Скворцов. Доклад на 128-м заседании «Старой Москвы» от 29 июня 1922 г. (ОПИ ГИМ Ф. 134. Ед. хр. 194. 4 л. Автограф).

28 июня 2007 г. в Москве состоялся «Вечер памяти московеда, священника Николая Алексеевича Скворцова (1861—1917)», организованный кафедрами региональной истории и краеведения и москвоведения Историко-архивного института при Российском гуманитарном государственном университете и Историко-краеведческим приходским обществом при храме Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами. На вечере выступили семь докладчиков:

1) В. Ф. Козлов с докладом на тему «Отец Николай Скворцов — священник и церковный краевед. Материалы к биографии»;

2) А. Г. Смирнова — «Труд Николая Скворцова “Археология и топография Москвы: курс лекций” (М., 1913)»;

3) Н. С. Gladkova — «Места служения о. Николая Скворцова: храмы Св. Георгия на Красной Горке, Тихвинской в Малых Лужниках, Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище»;

задачу — выявить вклад прот. Николая в церковно-историческую науку — и тем самым является не просто некрологом, а своеобразной историографической статьёй, имеющей важнейшее значение для церковного краеведения. Так, изданный в 1913 г. его курс лекций «Археология и топография Москвы» стал, по сути дела, первым учебником по москвоведению⁵. Незаурядная личность выпускника Московской духовной академии прот. Николая, который совмещал в себе пастырскую самоотверженность с глубоким профессионализмом высокоэрудированного ученого, могла бы стать добрым примером для подражания и для нынешних пастырей, а также для студентов духовно-учебных заведений, готовящихся к принятию священного сана.

Некролог написан диаконом Николаем Петровичем Виноградовым (1873 — не ранее 1928)⁶, который был одним из ближайших учеников, сотрудников и продолжателей Н. А. Скворцова, став с июня 1917 г. вместо секретаря ЦАО ОЛДП его председателем. Он продолжал заниматься историей московских храмов, предпринял попытку создать словарь московских краеведов, которая, к сожалению, так и не осуществилась. Дьякон Николай служил в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках на Сретенке (уже в 1914 г. был в этом храме

4) Т. П. Рукавчук — «Н. А. Скворцов — автор исторического описания храма Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами»;

5) Н. Житова — «Работа Н.А. Скворцова об уничтоженных храмах Московского Кремля»;

6) Н. Брусиловский — «Работа Н. А. Скворцова об уничтоженных храмах Китай-города»;

7) М. Денисов — «Н. А. Скворцов — историк храмов Московской епархии».

⁵ См.: *Авишаров Е. Г.* Материалы по истории Москвы и Московской области в личных фондах Н. А. Скворцова и М. И. Александровского // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 294–299. На первых двух страницах данной публикации описывается фонд прот. Н. А. Скворцова, хранящийся в РГБ (НИОР РГБ. Ф. 275. 204 ед. хр.) и в ГИМе (Отдел письменных источников. Ф. 465 (фонд М. И. Александровского. 13 ед. хр.)). В составе фонда — рукописи-автографы неопубликованных статей, докладов. В конце статьи (с. 298–299) прилагается список опубликованных работ прот. Николая, составленный по материалам его фонда.

⁶ Среди выпускников МДА не значится. См. о нем: *Голубцов С., протоиерей.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М., 1999. С. 127, 128, 130, 143, 146, 156.

псаломщиком). В 1917–1921 гг. он занимал должность секретаря Церковного отдела Комиссии по делам музеев и охраны памятников при Моссовете, требовавшую немало мужества и самоотверженности. В марте-апреле 1922 г. его арестовали по «делу об изъятии церковных ценностей», однако 13 декабря 1922 г. оправдали за недоказанность преступления. Его дальнейшая судьба и год кончины нам в точности неизвестны.

В редакцию журнала поступил автограф автора, о чем имеется особая пометка на титульном листе: «Автограф <нрзб.> Получен 3 сент. 1917». При публикации сохранены все прописные буквы оригинала. Библиография трудов автора, носившая черновой характер, была унифицирована согласно общим библиографическим нормам «Богословского вестника». Некоторые библиографические описания были перенесены в подстрочный аппарат, в котором все дополнительные примечания помечены указанием *Ред.*

ПАМЯТИ ЦЕРКОВНОГО ИСТОРИКА МОСКВЫ
И МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ ПРОТОИЕРЕЯ
Н<ИКОЛАЯ> А<ЛЕКСЕЕВИЧА> СКВОРЦОВА:
НЕКРОЛОГ ДЛЯ «БОГОСЛОВСКОГО ВЕСТНИКА»

15 июня в Москве в своей квартире был убит⁷ один из лучших представителей московского духовенства, председатель Церковно-археологического отдела при Обществе Любителей Духовного Просвещения и преподаватель Московского Археологического Института протоиерей Николай Алексеевич Скворцов, известный⁸ своими трудами по церковной истории и археологии Москвы и Московской епархии.

Трагическая кончина бывшего питомца Московской Духовной Академии, его далеко незаурядная личность, ученые труды и общее к нему уважение побуждают сказать несколько слов об этом ученом⁹ труженике и истинном мученике нашего времени.

⁷ Прот. Н. А. Скворцов был убит грабителем. — *Ред.*

⁸ Зачеркнуто: «56 лет известный...». — *Ред.*

⁹ Слово «пастыре-» исправлено на «ученом». — *Ред.*

Покойный — сын псаломщика Введенской, на Лубянке, церкви, учился в Перервинском Духовном Училище (1871—1876 гг.), Московской Духовной Семинарии (1876—1883 гг.) и, наконец, в Московской Духовной Академии, где слушал лекции по историческому отделению и окончил курс со степенью кандидата богословия в 1887 г. (42 курс)¹⁰. По словам одного из его товарищей, на академической скамье покойный отличался трудолюбием, и это трудолюбие характеризует всю его жизнь. Природа вложила в его душу особый дар Божий: в нем горела особая искра — это любовь к памятникам старины вещественным и письменным, стремление к их изучению, исследованию, разработке¹¹.

19 января он поступил во священники к Московской Тихвинской, в Малых Лужниках, церкви близ Новодевичьего монастыря¹². В этом материально необеспеченном месте началась его бескорыстная усердная деятельность. Изыскав средства, он 31 августа 1889 г. в своей квартире открывает церковно-приходскую школу для мальчиков и девочек, отделив для того сначала одну, а потом и другую комнату¹³. В этом маленьком приходе, где служб было мало, а треб еще меньше, он, по собственному признанию, почувствовал пустоту жизни и решил ее чем-нибудь наполнить. Молодой, полный сил и энергии, очутившись на каком-то обширном пустыре, где стояла церковь с церковным домом да кое-где, как оазис, избушки огородников, — пустыре, заливаемом почти ежегодно весной Москвою-рекою, — он задался вопросом, почему здесь, на таком неудобном месте построена церковь, не было ли здесь когда-нибудь более обширного поселения, не была ли и самая местность прежде другою. Ответов на эти вопросы в церковных доку-

¹⁰ Николай Алексеевич Скворцов (из Московской епархии), 49-й кандидат 42 курса (1883—1887 гг.). — *Ред.*

¹¹ Далее зачеркнутый текст: «Хотя в Академии он слушал лекции по историческому отделению, но желая работать специально по русской истории не получал и свое кандидатское сочинение писал по Священному Писанию Ветхого Завета “О книге пророка Захарии”, где нет элемента исторического, а только символы, образы, пророчества. Тем не менее, нельзя до известной степени отрицать значения и академической подготовки». — *Ред.*

¹² В 1955 г. церковь была снесена для строительства на ее месте Центрального стадиона имени Ленина. — *Ред.*

¹³ МЦВ. 1892. № 49.

ментах он не нашел и решил обратиться к архивным изысканиям, тем более что не так далеко находился Архив Министерства Юстиции, куда библиотекарем поступил один из его товарищей по Академии. Плодом занятий о. Николая был первый печатный труд — о Тихвинской церкви, появившийся в 1893 г. в журнале «Чтения в Обществе Истории и Древностей при Московском Университете», когда автор уже служил (с 23 марта 1892 г.) при Георгиевской, на Красной Горке, церкви, близ Университета. Здесь, в центре Москвы, близ Кремлевских святынь, близ архивов и библиотек получив больше удобств для ученых занятий, о. Н<иколай> А<лексеевич> развернул свою деятельность. В то время только что был открыт Комитет по историко-статистическому описанию Московской епархии, и представителем его тогдашним митрополитом Леонтием был назначен известный духовный археолог, протоиерей М. С. Боголюбский. Узнав, что последний собирает печатные издания по истории Московской епархии, о. Н<иколай> А<лексеевич> Скворцов послал ему свой труд и успокоился. Через несколько времени маститый председатель приглашает его к себе, просит принять участие в трудах Комитета и дает ему поручение заняться историей церковей уничтоженных, надеясь, что историей существующих церковей займутся сами их настоятели. Вместе с тем ему был предоставлен свободный доступ в Архив Московской Святейшего Синода Конторы. Прот. М. С. Боголюбский познакомил своего нового сотрудника с известным издателем «Русского Архива» П. И. Баретневым, предложившим о. Н<иколаю> А<лексеевичу> быть его сотрудником. «И я, — признается покойный, — с удовольствием начинающего писателя и со страхом пред критиками по настоятельному убеждению названных двух лиц напечатал в “Русском Архиве” послесловие к статье В. К(ожевникова): “Плач церковей московских”, потом “Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья в Московском Кремле” и несколько лет печатал без подписи и только за право получать журнал “Указатель исторических статей в епархиальных ведомостях”».

В продолжение 22 лет службы при Георгиевском храме день о. Н<иколая> А<лексеевича> большею частью проходил так. Утром — богослужение в храме, затем — молитва и урок в местной

церковно-приходской школе, после того, если нет приходских треб, ученые занятия в архивах и библиотеках, вечером — домашняя работа, занятия с детьми, участие в заседаниях ученых обществ и др. Вторник и четверг неизменно посвящались Архиву Московской духовной Консistorии, членом Комитета которой он состоял с 13 марта 1896 г. Не ограничиваясь механической проверкой обычно выдаваемых архивных метрических справок, о. Н. А. Скворцов обстоятельно изучил документы Консistorского архива, к некоторым по собственной инициативе составил оглавления и указатели, из многих и важнейших (например, по 1812 г.) сделал для себя обширные выписки по всей епархии. Поэтому для архива он был человеком крайне необходимым, даже незаменимым. Не раз приходилось ему или отыскивать дела, или делать справки по требованию правительственных учреждений, ученых и высокопоставленных лиц.

Сделавшись известным своими трудами, он стал получать от некоторых священников просьбы составить описания их храмов, а от ученых лиц и учреждений — приглашения принять участие в их работах. В 1902 г. был приглашен В. Н. Смольяниновым к участию вместе с ним в составлении второго тома сборника «XVIII век», издававшегося кн. Ф. А. Куракиным. В этом томе о. Н. А. Скворцов поместил историко-археологические очерки 53-х Княже-Куракинских церквей, для чего ему пришлось пересмотреть дела фамильного архива кн. Куракиных и разобрать присланный из Орловского имения князя Б. А. Куракина — села Куракина, Малоархангельского уезда — в количестве нескольких десятков тысяч номеров рукописный материал. Эта работа дала возможность принять участие в издании «Московский Некрополь» и здесь исправить и дополнить сведения о князьях Куракиных. По приглашению кн. Н. В. Голицына работал в «Русском биографическом Словаре» (на букву Е), по приглашению И. Э. Грабаря на основании дел Архива Московской духовной Консistorии и <нрзб.>ных церковных давал сведения об архитекторах московских церквей и времени их построения для издания «Истории русского искусства». С 14 января 1902 г. покойный трудился в Комиссии по разработке и описанию древних антиминсов, хранящихся в Синодальной (Патриаршей) Ризнице, и составил описание взятой им на себя части,

а с 30 января 1909 г. — в Комитете по описанию той же Ризницы, причем прежде всех представил свое описание избранной им группы предметов: евангелий, сосудов, крестов. Ему же принадлежит и план научного описания древних икон той же Ризницы, данный Комитетом в руководство образованной¹⁴ для того Комиссии. Был секретарем Комиссии по празднованию юбилеев 1612, 1613, 1812, 1861 гг. и входил в состав особой подкомиссии для собирания, исследования и издания исторических данных, преимущественно церковного характера, относящихся к эпохе 1812 г. Должно отметить, что в 1894—1896 гг. он состоял наблюдателем церковно-приходских школ во 2-м отделении Никитского сорока г. Москвы, законоучителем и заведующим церковно-приходских школ (1889—1914 гг.) и последние десять лет — членом Ревизионной Комиссии Кирилло-Мефодиевского Братства.

Когда в Москве открылся Археологический Институт, то покойный Николай Алексеевич по своей глубокой любви к археологии поступил туда в число «действительных слушателей» и находил время исправно посещать лекции и отлично сдать экзамены, а затем 13 декабря 1909 г. защитил диссертацию на звание ученого археолога, каковое он и получил за представленное печатное свое сочинение «Княже-Куракинская Николаевская церковь в Москве у Красных ворот при Странноприимном доме кн. Куракиных». История храма изложена, главным образом, на основании материала, извлеченного из фамильного архива князей Куракиных и архивов Московской духовной Консистории и Московской же Конторы Святейшего Синода. Рассматривавший сочинение директор Института А. И. Успенский в своем отзыве отметил «весьма добросовестное исполнение исторической части сочинения и умение пользоваться архивными данными», а самого автора назвал опытным и известным работником на церковно-археологическом поприще и главным в Москве представителем ученого духовенства, работающего по обследованию памятников церковной старины¹⁵. Связь его с Институтом не порывалась и по окончании курса в нем сделалась еще теснее,

¹⁴ Зачеркнуто: «составленной». — *Ред.*

¹⁵ Отчет о состоянии Московского Археологического Института в 1909—1910 г. М., 1911. С. 18—19.

когда после смерти И. Е. Забелина здесь возник вопрос об учреждении в память его особой кафедры археологии и топографии Москвы и когда занять эту кафедру было предложено о. прот. Н. А. Скворцову как зарекомендовавшему себя солидными работами по изучению Московской церковной старины и как добросовестному и усердному труженику. После двух прочитанных им лекций — одной по собственному избранию на тему «Важность изучения истории и археологии Москвы» (19 янв. 1912 г.) и другой по назначению Совета Института «Начало и рост г. Москвы» (28 того же января) — единогласно был избран на означенную кафедру¹⁶. Выбор темы для своей пробной лекции он уяснил себе так: «Открытие всякой кафедры вызывается какими-нибудь достаточными побуждениями. Было время, когда москвичи говорили известному справщику XVII в. ключарю Успенского собора Ивану Наседке, укорившему их за то, что они не хранят важных для истории Отечества документов и бумаг: “Что за 40 лет делалось, то и вчера делалось, нечего то и памятовать”. Это время давно прошло, теперь письменные и вещественные памятники сохраняются и изучаются; история и археология нашего отечества деятельно разрабатываются. Настало время выделить в особый курс историю и археологию Москвы. Задача моя будет исполнена, если мне удастся мое внутреннее убеждение в пользе и необходимости отдельного и всестороннего изучения истории и археологии Москвы передать слушателям».

На вечере, устроенном Институте в память И. Е. Забелина, о. Н. А. Скворцов читал доклад «И. Е. Забелин как историк Москвы». На археологическом съезде, устроенном Институте в 1913 г., в секции истории искусства он читал доклад «Книга об избрании на царство Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича и ее археологическое значение»¹⁷. Институт избрал его в свои почетные члены.

Прот. Н. А. Скворцов состоял членом нескольких ученых обществ, стараясь принимать в них то или другое участие, а не числясь только в их списках. Так, 12 сентября 1902 г. был избран в члены Комиссии по осмо-

¹⁶ Отчет за 1911–1912 г. М., 1914. С. 45–50.

¹⁷ Отчет за 1912–1913 г. М., 1914. С. 124–125.

тру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, усердно посещал заседания, являлся на осмотры церквей и монастырей, составлял их описания. 18 февраля 1908 г. во внимание к ученым трудам и деятельности избран в члены-соревнователи, а 18 марта 1912 г. — в действительные члены Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Некоторое время заведовал продажей изданий Общества и по его поручению составил отзыв об одном представленном на премию сочинении. Затем он был почетным членом Московского Общества по исследованию памятников древностей, членом Комиссии по изучению Старой Москвы при Московском Археологическом Обществе и ученых архивных комиссий Витебской и Нижегородской. Самое же ближайшее участие покойный о. протоиерей принимал в Обществе Любителей Духовного Просвещения и, главным образом, в его Церковно-Археологическом Отделе.

Как член Общества (с 1892 г.) он заведовал складом изданий¹⁸, был одним из заведующих отделами Епархиальной Библиотеки¹⁹, Казначеем (в 1903—1905 гг.)²⁰, членом Совета и исполнял различные поручения: в 1894 г. участвовал в Комиссии по составлению программы журнала «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения»²¹, в 1895 г. потрудился в разборке изданий Общества²², принимал участие в составлении «Воскресных бесед», читал доклады (29 декабря 1897 г. — «О некоторых вопросах пастырской практики»²³) и даже целые лекции с диапозитивами (по Отделу публичных чтений 8 декабря 1910 г. — «Архитектура старинных церквей г. Москвы»²⁴).

Сделавшись членом Церковно-Археологического Отдела при самом его возникновении, прот. Н. А. Скворцов был сначала его казначеем

¹⁸ См., напр.: Отчеты Общества за 1895—1904 гг.

¹⁹ Отчет за 1895 г.

²⁰ См.: *Извков Н. Д.* Исторический очерк полувековой деятельности Общества Любителей Духовного Просвещения. М., 1913. С. 32.

²¹ Там же. С. 73.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 76.

²⁴ Там же. С. 187.

(1900–1909 гг.), а затем²⁵ единогласно был избран в председатели Отдела (20 января 1909 г.), каковым и состоял до своей трагической кончины. Деятельность его в качестве председателя заслужила общее уважение членов Отдела. С большим тактом относясь к людям различных взглядов и направлений в жизни и науке, он умело и интересно вел заседания Отдела, старался объединить всех в одно целое, основанное на взаимном доверии и уважении, стремился создать около себя ученую семью. Вместе с членами Отдела любил посещать московские храмы для изучения их древностей и даже предпринимал для того целые экскурсии в уезде. Заботился об увеличении средств, о приращении библиотеки и Церковно-Археологического Музея, о печатании новых изданий и т. п. Вообще, он вкладывал душу в археологическую семью, жил, дышал ее радостями и заботами²⁶. Как председатель он присутствовал на всех заседаниях²⁷. Неоднократно выступал и со своими рефератами, часто вызываемыми какими-либо современными текущими явлениями или событиями в жизни научной или церковной. Всех рефератов им было прочитано 13, а именно: «Уничтоженный Троицкий в Березниках монастырь», «Об иконе св. Иоанна Златоуста в церкви Покрова в Кудрине» (оба 24 янв. 1901 г.), «Храм св. великомученика Георгия на Красной Горке, его история и древности» (22 янв. 1904 г.), «Жития преп. Саввы Сторожевского» (к 500-летию со дня кончины; 28 нояб. 1907 г.), «Костромской край — труд П. С. Троицкого», «Рукопись свящ. В. И. Лебедева: Краткое описание происшествий, бывших при Похвальской, в Башмакове, церкви в 1812 г.» (оба 3 марта 1909 г.), «О св. благоверной княгине Анне Кашинской» (12 июня 1909 г.), «О четвертом областном археологическом съезде в Костроме в июне 1909 г.» (18 сент. 1909 г.), «К вопросу о постройках шатровых церквей» (25 янв. 1911 г.), «Знаменская, у Петровских ворот, церковь, ее история, архитектура, древности» (30 марта 1911 г.), «Крест Ивана

²⁵ Далее зачеркнуто: «после избрания прот. Н. Д. Извекова в председатели Общества». — Ред.

²⁶ Далее зачеркнуто: «И добрые отзывы о деятельности Отдела (например), со стороны митрополита Владимира, мартовского съезда духовничества сего 1917 г.) глубоко удовлетворяли покойного о. Н. А.». — Ред.

²⁷ Далее зачеркнуто: «кроме двух по крайней неотложной нужде». — Ред.

Великого» (20 сент. 1911 г.), «О способах увековечения в прежнее время русских побед и памяти павших на брани воинов» (11 марта 1915 г.), «Преп. Герасим Болдинский» (к истории канонизации святых в Русской Церкви; 7 марта 1916 г.). Восемь из перечисленных рефератов были напечатаны в разных изданиях.

В большую заслугу покойного должно поставить и ту готовность, с какой он шел на встречу всем, желавшим поработать по части истории и археологии и обращавшимся к нему за содействием: он не только с большою любовью и охотою делал свои авторитетные указания, но и снабжал книгами и даже теми выписками из архивных материалов, которые для себя извлекал с громадной затратой времени и труда. Глубоко уважая и ценя всякого серьезного работника науки, он, однако, скромно смотрел на свои труды и вполне искренно говорил в своей речи пред защитой диссертации в Археологическом Институте, что «работал добросовестно, тщательно изучал материалы и, если где допустил ошибки, неправильные выводы, догадки, то ненамеренно, не для того, чтобы вводить в заблуждение, а по незнанию, к которому прошу отнестись снисходительно».

Печатные труды прот. Н<иколая> А<лексеевича> Скворцова относятся, главным образом, к истории Москвы и Московской епархии. Их можно разделить на три отдела: самостоятельные (оригинальные) статьи и исследования, издания материалов и критические и библиографические заметки.

К первому роду принадлежат:

1. Послесловие к: *Кожевников Е. А. Плач церквей московских* // РА. 1893. № 6. С. 298–299.

2. *Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья* // РА. 1893. № 8. С. 439–448; № 9. С. 5–35.

3. <Московская церковная старина>. Уничтоженные в московском Китай-городе церкви // МЦВ. 1895. № 26, 29, 33, 35, 42, 46, 49. Отд. оттиск: <М., 1895.> 44 с.

4. Уничтоженные церкви в местностях Пречистенского²⁸, Никитского²⁹,

²⁸ МЦВ. 1896. № 4, 7, 9, 16–19, 21, 23, 24, 26, 29.

²⁹ МЦВ. 1897. № 8, 9, 18, 22–25, 27.

Сретенского³⁰, Ивановского³¹ и Замоскворецкого³² сороков.

5. Уничтоженные в Богородском уезде церкви // МЦВ. 1901. № 33–38. Отд. оттиск: <М., 1901>. 33 с.

6. Уничтоженные в Московском уезде церкви // МЦВ. 1903. № 4, 18, 19, 22, 24, 39, 40, 42, 44, 50; 1904. № 8, 16, 18; 1905. <Отд. оттиск: М., 1905. 100 с.>

7. Уничтоженные в Серпуховском уезде церкви // МЦВ. 1905. № 33; 1906. № 6–8.

8. Уничтоженный Троицкий в Березниках монастырь (реферат в Церковно-Археологическом Отделе) // МЦВ. 1901. № 10. Отд. оттиск: 1901. № 9, 10. <8 с.>

9. Об иконе св. Иоанна Златоуста в церкви Покрова в Кудрине (реферат в Церковно-Археологическом Отделе) // МЦВ. 1901. № 11. Отд. оттиск: 1901. № 8, 11.

10. О святых мощах блаженного Максима // МЦВ. 1898. № 32.

11. Восемнадцатый век. Исторический сборник, изд. кн. Ф. А. Куракиным под ред. В. Н. Смольянинова. Т. 2: Княже-Куракинские церкви и поместья. Историко-археологический очерк / Сост.: Н. А. Скворцов, В. Н. Смольянинов. М., 1905. — Из общего числа 550 стр <аниц> Н<иколаю> А<лексеевичу> принадлежит 295, между которыми находится статья: Княже-Куракинская Николаевская церковь в Москве у Красных ворот при Странноприимном Доме князей Куракиных. 91 стр. + 2 фототипии. Отз<ыв> на обложке <журнала>: РА. 1905 г. № 2.

12. Московская Тихвинская, что в Малых Лужниках за Новодевичьим монастырем, церковь. <Историческое описание> // ЧОИДР при Московском Университете. 1893. Кн. 2. Отд. оттиск: 109 с. Рец.: Прот. С. В. Страхов. Библиографическая заметка // МЦВ. 1893. № 28. С. 375–377.

13. Храм Рождества Христова в Кудрине. М., 1898. 214 с. + 7 фото-т<ипий>.

14. Церковь во имя Нерукотворенного Образа Спасителя на Божедомке в Пречистенском сороке, более известная по приделу св. великомуч<еницы>

³⁰ МЦВ. 1897. № 38, 41, 50.

³¹ МЦВ. 1898. № 1–3.

³² МЦВ. 1898. № 3.

Параскевы-Пятницы // Труды Комиссии... Т. 1. М. 1904. Ст. V, 5 с. + 3 табл. рис. Отд. оттиск: <М., 1904>.

16. Храм³³ св. великомученика Георгия на Красной Горке <в Москве> // Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 1. Ст. XV, 15 с. + 3 табл. рис. Отд. оттиск.

17. Церковь св. Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной // Там же. Т. 1. Ст. XVII, стр. 7 + 3 табл. рис. Отд. оттиск: <М., 1904>.

18. Храм Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами в Никитском сороке г. Москвы. С рис. // Труды ЦАО при ОЛДП. В<ып>. 1. М., 1911. Отд. оттиск: 34 с.

19. Можайский уезд Московской губернии (существующие и уничтоженные сельские церкви) // Труды Комиссии... Т. 4. М., 1911. Ст. V. Отд. оттиск: <М., 1907>. 45 с.

20. Археология и топография Москвы. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте <имени Императора Николая II-го> в 1912/13 году. М., 1913. 493, II с.

21. Костромские церковные древности // ЧОЛДП. 1910. Январь. С. 46–58. Отд. оттиск: 14 с.

22. О кресте с Ивана Великого // Новое время. Сентябрь. 1912. № 21–22. — Номера представляют изложение рефератов, читанных автором в ЦАО ОЛДП.

23. Памятники русских побед и память о павших на брани воинов: реферат в ЦАО // Христианин. 1915. Апрель. Отд. оттиск: СП. 7 с.³⁴

Материалы прот. Н. А. Скворцовым были изданы след<ующие>:

1. Переписная книга домово́й патриаршей казны, составленная при патриархе Иоасафе I в 1634 г. С предисловием // Труды ЦАО при ОЛДП. Вып. 1. М., 1911. С. 108–139. Отд. оттиск: <нрзб.> + 30 с.

2. Материалы для истории церквей Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 г. Церкви г. Москвы Китайского и Ивановского сороков

³³ В рукописи: «Церковь». — *Ред.*

³⁴ К этой же группе сочинений относится: Церковь во имя святителя Николая Чудотворца, в Голутвине, Замоскворецкого сорока в Москве. М., 1903. 132 с. — *Ред.*

// Труды ЦАО при ОЛДП. Вып. 1. М., 1911. С. 192–225. Отд. оттиск: 36 с.

3. О состоянии церквей и причтов Пречистенского сорока г. Москвы после неприятельского нашествия в 1812 г. // ЧОЛДП. 1911. Апрель. С. 304–310.

4. Архив Московской Св. Синода Конторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII в. (ЧОИДР при Московском Университете. Вып. 1. Кн. 4. М., 1911). Отд. оттиск: VIII, 811 с. — Оба³⁵ удостоены Обществом истории и древностей российских премии имени А. П. Бахрушина. Отзыв в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

5. Московские пожары 1629 и 1688 г. // ЧОЛДП. 1911. Сентябрь. С. 606–615. Отд. оттиск: 11 с.

6. Лебедев В. И., *свящ.* Краткое описание происшествий, бывших при Похвальской, что в Башмакове, церкви в 1812 г. / Авт. предисл. и прим. <Н.А. Скворцова> // ЧОЛДП. 1914. № 3. С. 54–73. Отд. оттиск: 20 с.

7. Духовенство Московской епархии в XVII в. (по рукописным источникам) // ЧОЛДП. 1915. Январь–март. С. 67–71; Апрель–июнь. С. 121–168; Июль–сентябрь. С. 213–268. Отд. оттиск с указателем: СП, 1916. 126 с.

К трудам с критическим и библиографическим характером принадлежат:

1. Труды Московского Отдела Военно-Исторического Общества. Т. 1: Росписной список г. Москвы 1638 г. / Под ред. И. С. Беляева // ЧОЛДП. 1911. Май–июнь. С. 390–395. Отд. оттиск: 6 с. Ср.: Там же. Июль–август. С. 502–506.

2. Летопись церкви Живоносной Троицы, что в Странноприимном Доме графа Шереметева в Москве // МЦВ. 1897. № 48.

3. Н. Н. Ушаков. Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913 // МЦВ. 1913. № 214.

4. Указатель исторических статей в епархиальных ведомостях // РА. 1894–1895.

³⁵ Скорее всего, имеются в виду материалы под № 3 и 4. — Ред.

Было еще несколько небольших статей и заметок в разных периодических изданиях.

Кроме того, после Николая Алексеевича осталось в рукописях немало статей и собранных им разного рода архивных материалов. Все они, а также и часть его довольно большой библиотеки переданы наследниками в собственность Церковно-Археологического Отдела при ОЛДП³⁶.

Такова в кратких чертах была жизнь и деятельность этого одного, несомненно, из лучших воспитанников Московской Духовной Академии, одного из достойных ее сынов. Служитель Церкви и науки, видимо, не искал материальных себе выгод от своего труда, и его труд не мог давать ему достаточного обеспечения. Его работа была бескорыстная, идейная. И не только в храме, в богослужении, но и своими церковно-археологическими трудами, изучением священной старины преследовал одну цель — прославление Бога, как справедливо выразился в своем надгробном слове товарищ председателя Церковно-Археологического Отдела протоиерей Н. И. Соколов. Прошедшее и настоящее у покойного — можно сказать словами нашего русского мыслителя Н. Ф. Федорова — сливаются в общем понятии Христовой Церкви³⁷. В лице прот. Н. А. Скворцова ушла великая культурная сила, как выразился протоиерей С. В. Страхов в своей речи на заседании Отдела 30 июня по священной памяти покойного³⁸.

Лишь незадолго (9 августа 1914 г.) до смерти Н<иколай> А<лексеевич> перешел на несколько более обеспеченное место к церкви Лазаревского кладбища и немало огорчился, что имеет недостаточно времени для своих излюбленных занятий. Здесь близ церкви вместе с

³⁶ Далее зачеркнуто автором статьи: «Как выдающуюся черту деятельности и личного характера покойного должно отметить также и то, что он с большой охотой делился своими собранными с немалым трудом материалами, снабжал книгами, делал указания каждому, кто обращался к нему, желая поработать по избранному вопросу и нуждался в опытном руководителе. А такие обращения к нему были нередки». — *Ред.*

³⁷ РА. 1905. № 2.

³⁸ Из доклада, прочитанного на заседании Церковно-Археологического Отдела 30 июня после панихиды, совершенной по о. прот. Н. А. Скворцову по древнему чину при пении хора Троицкой Единoverческой церкви в храме Епархиального дома в Москве. На этом же заседании прот. С. В. Страховым была произнесена речь о трудах покойного по истории Москвы и Московской епархии.

супругой он нашел себе вечное упокоение. Над их могилой благодарные прихожане поставили красивый, дорогой, мраморный памятник. Но еще более прекрасным памятником о Н. А. Скворцову будут служить оставленные им труды, особенно же собранные им материалы по Москве и Московской епархии³⁹.

В заключение приведем несколько воспоминаний о почившем со стороны людей, знавших его и имевших с ним деловые сношения.

Так, проф. И. П. К. пишет к одному из членов Отдела: «Я лично знал Н. А.<ексееви>ча 13 лет, и знакомство мое с ним было исключительно идейным. В первый раз я посетил Н. А.-ча зимою 1904 г. Мне нужно было получить сведения о судьбе А-го монастыря, и А. И. Успенский сказал мне, что эти сведения может дать о. Н. А. Скворцов, изучавший вообще историю московских церквей. Я пошел к Н.<иколаю> А.<лексеевичу>. Внимательно выслушав меня, он полез в свои шкафы и на полки и стал вынимать одно за другим старинные редкие издания рукописи, свои собственные выписки и заметки. Скоро предо мною лежала кучка книг и рукописей весьма внушительного размера. Меня это смутило. Я был уверен, что Н.<иколай> А.<лексеевич> даст мне (в лучшем случае) два-три литературных указания. Увидев размеры всего представленного моему вниманию, я смущенно заявил ему, что этот материал я не смогу просмотреть менее, чем за целый вечер, а стеснять его таким продолжительным визитом я не решаюсь. Между тем, завтра я должен уехать и сделать просмотр всех этих книг и рукописей в несколько посещений я не могу. На это Н.<иколай> А.<лексеевич> ответил приблизительно следующее: “Я думаю, что лучше всего Вам будет взять весь этот материал к себе в гостиницу. Вы за вечер успеете его использовать, а завтра, как будете ехать на вокзал, завезете мне”. Я положительно остолбенел. Всякому занимающемуся наукой известно, с какой трудностью можно незнакомому человеку выпросить самую обыкновенную книжку у ученого; здесь же незнакомому, да вдобавок — на другой день уезжающему провинциальному учителю ученый доверяет по крайней мере 5 редких изданий, 2–3 старинные рукописи и кипу собственных выписок и заметок! Впечатление от

³⁹ Далее зачеркнуто карандашом: «Вечная ему память!!» — *Ред.*

этого случая было так сильно, что я в течение 13 лет не мог его забыть и часто напоминал о нем Н<иколай> А<лексееви>чу, который неизменно отвечал: “Да ведь человека-то видно”. Все данное им я, конечно, возвратил, проработавши над этим материалом с 8 часов вечера до 2 час. ночи. После этого во всякий мой приезд в Москву я аккуратно навещал Н<иколая> А<лексееви>ча, менялся с ним печатными трудами, делился результатами научных занятий».

Н. Р-в в № 21 «Московского церковного голоса» говорит: «Это был усердный работник на избранном им ученом поприще и в то же время человек весьма скромный, не превозносившийся своими познаниями. Сам будучи постоянно занят в свободные часы от своих священнических обязанностей вопросами археологии, он с большою охотою помогал и всякому любителю этой науки, указывая всякому желающему источники и пособия по разным вопросам археологии. А его деятельность как председателя Церковно-Археологического Отдела при Общ<естве> Л<юбителей> Д<ревностей> Пр<освещения> стяжала ему в кругу членов этого Отдела и даже за пределами его заслуженное уважение».

Директор Нежинского Института, проф. И. П. Козловский, получив известие о кончине о. Н. А. Скворцова, писал Отделу: «Потрясенный до глубины души его смертью, трагические подробности которой мне известны из газет, я испытываю и до конца моей жизни буду испытывать чувство глубокой скорби о том, что и наука, и общество, и мы, друзья покойного, понесли такую тяжкую утрату».

Публикация иером. Тихона (Зимина)

«БОГОСЛОВСКИЙ ВЕСТНИК» 1945 ГОДА:
НОВАЯ НАХОДКА НА ПУТИ ОТ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
К СОВРЕМЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ

В архиве Московской духовной академии среди авторских рукописей сохранилась папка с рукописными или машинописными материалами выпуска академического журнала 1945 г., оглавление которого вместе со вступительной статьей составителей будет впервые представлено вниманию читателя в данной публикации. На титульном листе, переделанном вчерне из титульного листа дореволюционного журнала, значится:

Год двадцать седьмой
Богословский вестник,
издаваемый Московскою Духовною Академиею
Ответственный редактор Николай, митрополит Крутицкий
Председатель редакционной коллегии Ректор Академии
проф. прот. Т. Д. Попов
Члены коллегии проф. Савинский С. В., проф. прот. В. Платонов и др.
Ответственный секретарь редакции доцент А. И. Георгиевский.
№ 1
Москва
1945.

Редакция возрожденного журнала полагала возможным продолжить линию своего дореволюционного предшественника после 27-летнего перерыва. Местом издания становится Москва, его авторами — профессорско-преподавательский коллектив недавно созданного в Новодевичьем монастыре Богословского института. В списке редакционной коллегии указан митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) (31 декабря 1891 — 13 декабря 1961), а также группа инициативных лиц: прот. Тихон Дмитриевич Попов (1876—1962),

Сергей Васильевич Савинский (1877—1954, с 1947 г. в священном сане), который много публиковался еще в дореволюционную эпоху, прот. Вениамин Васильевич Платонов (1883—1948), специалист по экзегетике Священного Писания, и самый молодой Алексей Иванович Георгиевский (14 января 1904 — 4 декабря 1984), литературовед и литургист¹, который впоследствии сделал единственное упоминание о данном издании².

Насколько удалось установить, ни в официальных печатных источниках, ни во внутренних журналах Совета Академии, ни в неофициальных воспоминаниях разных лиц данное издание не упоминается. Такое молчание или замалчивание вполне закономерно, если вспомнить общий настрой последующих лет. После долгожданной победы в Отечественной войне вместо ожидаемой свободы продолжал усиливаться тоталитарный контроль, при котором свободный научно-богословский печатный орган едва ли был возможен. Достаточно вспомнить, как быстро «Византийский временник», едва возродившись в 1947 г. как органичное продолжение дореволюционного, был быстро перелицован под общий стандарт эпохи³. Профессорам Академии ничего не оставалось делать, как потихоньку забыть о своем так и несостоявшемся издании.

Однако в последующее время в Академии продолжали разрабатываться подобного рода проекты. Летом 1953 г. в Московской духовной академии и параллельно — в Ленинградской стала обсуждаться идея собственного академического журнала. В то время были живы все основные участники первого проекта МДА 1945 г. (за исключением прот. Вениамина), у которых — после смерти И. В. Сталина (5 марта

¹ См. о каждом из них более подробные сведения в воспоминаниях Н. И. Муравьева «Московская духовная академия в лицах (1943—1948)», опубликованных выше.

² При обсуждении проекта издания периодического сборника в 1953 г. «доцент А. И. Георгиевский дал справку о том, что аналогичное отдельное эпизодическое издание предполагалось в Московской Духовной Академии еще в 1946—1947 гг. и что оно было временно отложено» (ЖС МДА № 5 от 29 декабря 1953 г. С. 16).

³ См.: *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения: итоги столетия // Исторические записки. 3 (121). 2000. С. 30—47, особо с. 38.

1953 г.) — должно быть, стала теплится надежда на активизацию научно-богословской жизни Академии. Первоначально планировали осуществить самый скромный вариант: «Издание предполагается не типографское, а в машинописи тетрадками...»⁴.

О проекте ЛДА 1953 г. известно следующее. Его инициатором стал проф. прот. Александр Осипов⁵, который предложил Совету ЛДА издавать «Труды Ленинградской Духовной Академии». В резолюции от 22 сентября 1953 года Святейший Патриарх Алексей I, в частности, написал о данном проекте: «Читал. Это дело полезное и, пожалуй, даже нужное, но с нашими наличными силами может ли оно быть обеспечено успехом». Кроме того, он опасался, что «забота о пересмотре материала, о корректуре и проч<ее>... отвлечет намеченных лиц от их прямого дела...»⁶. В ЛДА на заседании Совета, состоявшемся 29 сентября 1953 г., мнения профессоров разделились. Помимо прот. А. Осипова за издание «Трудов» высказывались проф. прот. В. Верюжский, свящ. П. Гнедич, иером. Леонид, против — ректор Академии доцент прот. Михаил Сперанский, доцент А. Ф. Шишкин, проф. Л. Н. Парийский, доц. Г. П. Миролюбов. С одной стороны, отмечалось, что издание «Трудов ЛДА» «будет стимулировать нашу научную работу и выведет нас из тупика» (прот. А. Осипов) и что «без ученой работы академическая работа невозможна» (свящ. П. Гнедич), а с другой — говорилось об утопичности проекта и о недопустимости распыления научных сил (Л. Н. Парийский) или даже об отсутствии каких-либо научных тру-

⁴ Из доклада свящ. П. Гнедича на заседании Совета ЛДА от 29 сентября 1953 г. См. протокол заседания: К вопросу об издании научных трудов, предложенному ЛДА // Архив МДА. Материалы И. Н. Шабатина. Папка № 4. Машинопись. С. 6 (далее — К вопросу об издании ЛДА). Слова П. Гнедича, что «проект о. Александра Осипова совпадает с проектом Московской Духовной Академии», подтверждают существование в МДА своего собственного издательского проекта летом 1953 г.

⁵ Александр Александрович Осипов (10 ноября 1911 г. — 25 октября 1967 г.), протоиерей и профессор ЛДА, в 1959 г. снял с себя сан и стал пропагандистом атеистических идей. Один из авторов многократно издававшейся в СССР «Настольной книги атеиста». См.: Фирсов С. Л. Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004.

⁶ К вопросу об издании ЛДА. С. 1.

дов, достойных публикации (А. Ф. Шишкин)⁷. При этом оставался открытым вопрос о статусе издания — будет ли оно издаваться силами Ленинградской духовной академии или совместно с Московской.

Скорее всего, в ближайшие месяцы Святейший Патриарх, неуверенный в достаточности научно-богословских сил каждой взятой по отдельности Академии, инициировал или поддержал идею совместного научно-богословского печатного органа. С вопросом о целесообразности данной идеи в конце декабря 1953 г. в МДА пришла резолюция митрополита Ленинградского и Новгородского Григория⁸, на которую должно было ответить. При этом мнения также разделились как по поводу реальности или нереальности издания в принципе, так и по вопросу о «совместном» или «отдельном» издании. Дискуссию начал С. В. Савинский, который полагал, что «для периодического регулярного издания едва ли хватит сил, почему следует признать более возможным издание эпизодических сборников»⁹. Н. П. Доктусов значительно более пространно описал разницу в постановке ученой работы между профессорами дореволюционной Академии и нынешней, где они перегружены учебной нагрузкой, переездами из Москвы и пр. В связи с этим для «строго периодического журнала» «не хватит ни материалов, ни времени. Издание научных трудов можно организовать только в виде “сборников”, выходящих по мере накопления материала при условии его тщательного отбора и отшлифовки»¹⁰. «Для сотрудничества в “сборниках” нужно привлечь не только профессоров и преподавателей Академий, но и работников семинарий, а также посторонних лиц, заявивших себя компетентными в вопросах богословской науки»¹¹. И. Н. Шабатин предложил перейти к конкретным мерам по сбору и

⁷ «Нельзя делать сравнения с работой прежних академий. Мы за все время существования наших духовно-учебных заведений не имеем никаких научных трудов...» (Там же. С. 11). Конечно, данные слова чрезмерно самокритичны и не в полной мере соответствуют действительности. Подробнее о проекте издания «Трудов ЛДА» см.: Там же. С. 1–12.

⁸ ЖС МДА № 5 от 29 декабря 1953 г. С. 17.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 14.

обработке материала — «не снижая уровня журналов прежних Духовных Академий»¹². Прот. А. А. Ветелев более реалистично предлагал двум Академиям самостоятельно начать работу на местах с тем, чтобы общим результатом стали хотя бы машинописные сборники¹³. В. И. Талызин предложил каждой Академии выпускать свой отдельный сборник¹⁴, но А. И. Иванов счел такое предложение нецелесообразным распылением сил¹⁵. После еще более пространной дискуссии, в которой в основном повторялись уже означенные позиции, Совет МДА вынес постановление в виде следующих трех пунктов: «1. Поручить доценту А. И. Георгиевскому и библиотекарю преподавателю иеромонаху Афанасию учесть имеющийся годный для печати материал. 2. Поручить профессору Н. П. Доктусову составить обстоятельный доклад об итогах работы корпорации Московской Академии. 3. Почтительнейше просить Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия о всемерном содействии в деле осуществления вышеназванного академического дела и возможности ходатайства перед Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР о разрешении приступить к организации указанного издания»¹⁶. Таким образом, Совет МДА, хотя большая часть его членов были сторонниками «отдельного» издания, не вынес окончательного решения о характере издания, оставив его на усмотрение Святейшего Патриарха Алексия.

В начале следующего года стало очевидно, что участие в совместном издании трудноосуществимо. Побуждаемые примером Ленинградской духовной академии, члены Совета МДА решили издавать свой собственный независимый журнал и приняли следующее постановление: ходатайствовать об утверждении избранной комиссии «по изданию ученых трудов... в следующем составе: Председатель комиссии Ректор

¹² «Имеет смысл предпринимать издание журнала в количестве нескольких сот экземпляров» (Там же. С. 14).

¹³ «Трудно рассчитывать на возможность печатного издания, но чтобы разрешить вопрос о печатании академических трудов, первоначально можно удовлетвориться хотя бы машинописью» (Там же. С. 15).

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 18.

Академии протоирей К. И. Ружицкий. Члены: проф. Н. П. Доктусов, проф. прот. А. А. Ветелев, доценты: Н. М. Лебедев, Н. И. Муравьев, диакон К. В. Нечаев»¹⁷. Однако и на этот раз не было предпринято никаких дальнейших шагов для реализации проекта.

В начале 1958/59 уч. г. инспектор Академии архим. Леонид вынес следующее предложение: «О необходимости организации издания Богословских трудов Академии. Издание вызывается отсутствием печатного органа при Московской Духовной Академии. На это часто обращают внимание иностранные делегации, посещающие Академию». Ректор прот. Ружицкий поддержал предложение: по его словам, он неоднократно говорил Святейшему Патриарху Алексию, что «на этот вопрос мы не можем дать никакого ответа». В защиту выступил и доцент А. Д. Остапов. В результате постановили: «Почтительнейше просить Учебный комитет возбудить ходатайство перед Его Святейшеством о разрешении при Московской Духовной Академии организовать издание Сборника богословских трудов и для осуществления этого дела утвердить Комиссию в составе следующих лиц: архимандрита о. Леонида, профессора И. Н. Шабатина, профессора А. И. Георгиевского, доцента А. Д. Остапова и доцента М. А. Старокадомского»¹⁸.

Ни в 1953/54, ни в 1958/59 уч. г. издание журнала не состоялось. Если сравнить состав трех редакционных комиссий: 1945–1946 и двух, приходящихся на 1950-е гг., можно выявить двух лиц с опытом работы в нескольких комиссиях: А. И. Георгиевского (в 1-й и 3-й) и Н. И. Муравьева (в 1-й и 2-й). К сожалению, в воспоминаниях Н. И. Муравьева, которые публикуются на страницах юбилейного «Богословского вестника»¹⁹, не сказано ни слова об этих издательских проектах. Впоследствии в истории Академии неоднократно создавались и другие редакционные комиссии для создания юбилейных сборников²⁰.

¹⁷ ЖС МДА № 6 от 3 марта 1954 г. С. 8.

¹⁸ ЖС МДА № 11 от 14–16 июня 1958 г. С. 70–71.

¹⁹ См. выше, с. 865–898.

²⁰ Так, было решено подготовить сборник материалов, отражающих 25-летие деятельности Московской духовной академии и семинарии (1944–1969 гг.). Для подготовки сборника была создана комиссия в следующем составе: доцент еп. Питирим, проф. прот. А. Остапов (председатель) и А. И. Георгиевский, преподаватели

С 1960 г. при Издательском Совете Русской Православной Церкви стали выходить «Богословские труды», которые и стали общим научно-богословским периодическим журналом, где печатались по преимуществу труды представителей двух Академий. Естественным путем «победила» точка зрения Святейшего Патриарха Алексия, притом что «Богословские труды» стали еще более широким печатным органом, в редколлегию которого помимо избранных представителей двух Академий вошли представители от редакции ЖМП и от ОВЦС²¹. Таким образом, предыстория периодических академических органов одновременно оказывается и предысторией «Богословских трудов», которые долгое время наряду с ЖМП были единственным серьезным периодическим изданием Русской Православной Церкви.

Следует отметить и то, что профессура 1950-х гг., ратуя за периодический орган, вместо традиционного названия «Богословский вестник» предлагала назвать его «Трудами» Академии или «Сборником» ее научных работ. Тем значимее оказывается самый первый, наименее известный и наиболее законченный издательский проект, в результате которого предполагалось не только сохранить название дореволюционного журнала, но и его лучшие традиции.

В настоящей публикации читателю предлагается содержание «Богословского вестника» 1945 г. и вступительная статья, написанная, скорее всего, коллективно при непосредственном участии ответственного секретаря А. И. Георгиевского.

Поставленный во вступительной статье акцент на внутренней свободе издания, хоть и был очень далек от реальности, весьма значим для характеристики эпохи возрождения Московских духовных

А. М. Осипович, Б. Н. Пушкарь и диакон В. Смирнов (ЖС МДА № 2 от 13 ноября 1969 г. С. 9).

²¹ В состав 1-й редколлегии «Богословских трудов», утвержденный решением патриарха Алексия от 6 октября 1960 г., вошли: еп. Подольский Никодим (Ротов) (председатель); от МДА: ректор прот. Константин Ружицкий, инспектор архим. Питирим (Нечаев), доц. В. Д. Саовичев; от ЛДА: ректор прот. Михаил Сперанский, проф. Н. Д. Успенский и проф. А. И. Иванов; от редакции ЖМП: отв. ред. А. Ф. Шишкин и секретарь А. В. Ведерников; от ОВЦС: прот. Виталий Боровой. Подробнее см.: *Полицук Е. С. Богословские труды // ПЭ 5. 2002. С. 521–525.*

школ, полных сил и надежд. Исключительным своеобразием данного выпуска по сравнению как с предшествующими, так и с последующими выпусками журнала оказывается его рубрикация по отделам, напоминающая дореволюционную, но в то же время совершенно иная, созданная, с одной стороны, в ответ на нужды времени, а с другой — с учетом «слабости» богословского потенциала, несопоставимого с дореволюционным. Первые три отдела — богословский, пастырско-миссионерский и церковно-исторический — соответствуют трем академическим кафедрам. До революции материалы данных отделов были бы включены во второй отдел с научными статьями. 5-й и 6-й — критико-библиографический и информационный — отделы соответствуют 4-му и 5-му отделам дореволюционного журнала. Совершенно новым оказался научно-методический отдел, в котором предполагалось публиковать «учебные программы, статьи по вопросам преподавания отдельных дисциплин, курсы лекций и пр.». В более ранней редакции текста данный отдел так и именовался «Отделом церковного образования». В публикуемом ниже оглавлении журнала все материалы перечисляются без указания на их принадлежность к тому или иному отделу, хотя общая структура журнала с пятью последовательными отделами прослеживается.

Случайная находка, скорее всего, единственного экземпляра «Богословского вестника» 1945 г.²² в академическом архиве оказывается не только значимой, но и своевременной. В настоящее время, когда перед духовными учебными заведениями Русской Православной Церкви Святейшим Патриархом Кириллом был поставлен ряд серьезных задач по совершенствованию учебного процесса и научно-богословской деятельности, очень важен пример и опыт организаторов возрожденной Академии, которые с самых первых шагов наряду с необходимыми

²² А. Георгиевский указал 1946–1947 г., но на титульном листе проектировавшегося издания указывался 1945 г. Для датировки *post quem* имеет значение время написания одной из статей сборника, которую ее автор А. Ветелев датировал 9 ноября 1945 г. Возможно, что издание создавалось постепенно, поскольку, по крайней мере, статья еп. Гермюгена датируется 1946 годом. Важен неопровержимый факт, что данное издание было подготовлено до возвращения Академии в Троице-Сергиеву Лавру в 1948 г.

мерами по созданию материальной базы не забывали — как выяснилось — и о внутренней научно-богословской составляющей.

В публикуемых ниже текстах были исправлены грамматические ошибки; при этом сохранены все прописные буквы оригинала. Хотелось бы надеяться, что в ближайшем будущем все материалы «Богословского вестника» середины 1940-х гг. будут опубликованы.

СОДЕРЖАНИЕ²³

1. Статья от журнала «Богословский Вестник». 4 с. [Публикуется ниже].

2. *Н. Успенский*. Чин воздвижения Креста (историко-литературная справка). 4 с.²⁴

3. *Неизвестный*. Идея любви в Православно-христианском Богословии (без окончания). 8 с.

4. *Прот. Г. Мозолевский*. Книжники и фарисеи. 11 с.

5. *Еп. Гермоген*. Памятники Православного Богослужения у болгар и сербов (X—XV вв.). 26 с.

6. *Архиеп. Варфоломей*. Слово в день памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. 12 с.

7. *Архиеп. Лука*. Слово в день памяти Святителя Питирима, Тамбовского чудотворца. 8 с.

8. *Неизвестный*. Из истории литургического движения. 3 с.

9. *А. Ветелев*. Проповедь и проповедник (машинопись, 30 с.; рукопись, 22 с.; отдельные листки, 8 с.)

10. *Еп. Феофан*. Письма еп. Феофана, Вышенского затворника, протоиерею И. Г. Переверзеву (машинопись, 13 с.; рукопись, 11 с.)

11. *Н. Муравьев*. Учение о церковной иерархии (рукопись; машинопись, 10 с. и два заглавных листа.)

12. *Иером. Иоанн*. Псалом 92 «Господь воцарися, в лепоту облеченя». 11 с.

²³ Вложено в папку отдельно как опись содержащихся в ней архивных материалов.

²⁴ Статья была издана: *Успенский Н. Д.* Чин воздвижения Креста (историко-литургический очерк) // ЖМП. 1954. № 9. С. 49–57.

13. *Прот. В. Платонов*. Обучение религии в условиях Советского государства (письмо к другу) (рукопись, 50 с.)

14. *И. М. Стаховский*. Великий русский педагог К. Д. Ушинский (рукопись, 10 с.)

15. *Прот. Д. Боголюбов*. Любопытный сектантский тип (по автобиографии Т. А. Зайца) (рукопись, 14 с.)

16. *Прот. В. Платонов*. Поучение в неделю о слепом. 7 с.

17. *Прот. Т. Попов*. Этика (рукопись, 7 с.; машинопись, 8 с.)

18. *Архим. Варфоломей*. О богословствовании Святейшего Патриарха Сергия (рукопись, 24 с.)

19. *Прот. Д. Боголюбов*. Сектантство по своей сущности (машинопись, 21 с.)

20. Разрозненные листки о статьях «Богословского Вестника». 8 с.

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с преобразованием Православного Богословского Института в Московскую Духовную Академию естественно возник вопрос о возобновлении издания академического журнала «Богословский Вестник». Вытекая из исторической преемственности, необходимость этого издания подтверждается высоким положением возрожденной Академии в Православном мире, в котором она является почти единственным рассадником высшего богословского образования. А славное прошлое Московской Академии, воспитавшей целый ряд выдающихся деятелей Церкви и богословской науки, при наличии огромного тяготения к Русской Церкви зарубежных православных церквей, возлагает на Академию высокую миссию быть средоточием научно-богословской мысли всего мирового Православия.

В свете этой миссии задачи «Богословского Вестника» трудно мыслить вне той просветительной деятельности, к которой призвана возрожденная Московская Духовная Академия. Поэтому журнал, будучи органом Академии, в первую очередь намеревается отражать жизнь и развитие богословской науки, способствуя верующему разуму осуществлять свое право и способность «углубляться в тайны мира духовного и возвышаться к познанию Божественной Истины под руководством Отцов Церкви». Вместе с тем «Богословскому Вестнику» надлежит

освещать на своих страницах вопросы строительства средней и высшей духовной школы, уделяя особенное внимание разработке учебных программ, обмену педагогическим опытом и методологии отдельных дисциплин. А печатание лекций по важнейшим семинарским и академическим курсам сообщит журналу значение авторитетного и незаменимого пособия для духовно-учебных заведений.

Как возрожденная высшая духовная школа является по духу и силе преемницей прежней Духовной Академии, так и «Богословский Вестник» на 27-м году своего существования должен возродить свои лучшие традиции прежних лет: церковность, научную строгость и православный дух. И тогда, в согласном действии этих трех начал, неизбежно проявит себя та красота и сила духовного просвещения, или духовной мудрости, о которой Апостол Иаков говорит: «Яже свыше премудрость — первое убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна» (Иак. 3, 17).

Ради столь великих даров истинной мудрости «Богословский Вестник», в лице Редакции и своих сотрудников, полагает в основу своей деятельности прежде всего «ревность и безбоязненное проповедание и исповедание Истины с убеждением в Ее силе», используя печатное слово как «могущественное средство для распространения здоровых и благотворных понятий и нравственных начал на благо человечества»²⁵ (еп. Амвросий (Ключарев)).

Начиная свою просветительную деятельность в эпоху самых разнообразных суждений о свободе мысли, слова и печати, «Богословский Вестник» будет осуществлять свои задачи в духе той единственной и неотъемлемой свободы, которая основана на обладании живой Истиной Христа. «Вся история Церкви, — говорит А. С. Хомяков, — есть история просвещенной благодатью человеческой свободы, свидетельствующей о Божией Истине. Но в этом подвиге свободы нужно различать две формы одной и той же силы. В Церкви, в ее целостности, является <...> свобода, сознающая себя всегда непогрешимую, в настоящем,

²⁵ Амвросий (Ключарев), еп. Два публичных чтения о свободе печати с точки зрения Православной Церкви. (В зале Городской думы 17–18 марта 1882 г.). М., 1882.

как и в прошедшем, и уверенная всегда в себе самой и в дарах Духа Божия. В отдельном лице является смирение свободы христианина, который, будучи силен убеждением, что для Церкви заблуждение невозможно, приносит свою дань в общее дело, почитает себя всегда ниже своих братьев, покоряет им свое собственное мнение и просит у Бога только сподобить его послужить органом веры всех. Такова та свобода, которой благословение Божие не покидает никогда»²⁶.

Воспитание в читателях-христианах этой внутренней свободы и составляет важнейшую задачу нашего духовно-академического журнала, на знамени которого начертаны слова Христа: «*Аще убо Сын вы свободит, воистинну свободни будете* (Ин. 8, 36), *уразумеете Истину, и Истина свободит вы*» (Ин. 8, 32). В духе этой истинной свободы и должны обсуждаться на страницах нашего журнала все вопросы богословской науки, православного мировоззрения и церковной жизни. При этом не знание ради знания, не самоуслаждение глубокой богословских построений должно лежать в основе печатных высказываний, а назидательный интерес к богословской науке и живое отношение к церковной действительности. И тогда ясно определится научно-богословское направление журнала, состоящее в положительном раскрытии христианских истин, достоинству и силе которых более всего удовлетворяет отсутствие полемической страсти и враждебного тона по отношению к иномыслию.

Можно надеяться, что «Богословский Вестник» привлечет к себе²⁷ внимание церковной общественности Православного Востока, Балканских и других стран. В меру этого внимания Редакция намеревается печатать в журнале такой материал, который поможет ему стать выразителем идей и чаяний Вселенского Православия, наиболее полезных Христовой Церкви и нашему Отечеству.

В духе изложенных пожеланий и должна осуществляться следующая программа «Богословского Вестника»:

²⁶ Хомяков А. С. Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях, по поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры // Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1886. С. 252–253.

²⁷ Слово «большое» зачеркнуто.

1. БОГОСЛОВСКИЙ ОТДЕЛ журнала объединяет статьи и исследования по Священному Писанию, по вопросам догматики, нравоведения, христианской апологетики, сравнительного богословия, литургики, гомилетики, патристики, агиологии, включая сюда и весь круг вопросов практического пастырства в современных условиях.

2. ПАСТЫРСКО-МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ дает место статьям противосектантского содержания, в которых должны раскрываться методы борьбы с различными заблуждениями в понимании истин веры и с их антицерковными извращениями.

3. ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ помещает статьи, освещающие отдельные проблемы истории Христианской Церкви и русской церковной истории. К этому же отделу должна примыкать история русской религиозной мысли, впервые введенная в учебный план Академии²⁸.

4. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ²⁹ помещает учебные программы, статьи по вопросам преподавания отдельных дисциплин, курсы лекций и другие учебно-методические материалы, необходимые для семинарий и академий.

5. КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ печатает отзывы об учебниках, книгах, диссертациях и разрабатывает вопросы научной библиографии по важнейшим отраслям богословской науки.

6. ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ должен отражать жизнь и деятельность Духовной Академии, помещая журналы заседаний Совета, годовые отчеты и освещая отдельные вопросы академического быта.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия руководство журналом поручено Высокопреосвященнейшему Николаю, Митрополиту Крутицкому и Коломенскому, который является Председателем редакционной коллегии в следующем составе: Ректор Московской Духовной Академии (главный редактор) проф. С. В. Савинский (Богослов-

²⁸ В конце документа сохранилась более ранняя редакция текста со следующим вычеркнутым разделом: «4. Отдел церковного обозрения печатает корреспонденции, освещающие жизнь епархий и приходов нашего Отечества и зарубежных стран».

²⁹ В более ранней редакции текста именовался «Отделом церковного образования».

ОТДЕЛ III. ИЗ ПОРТФЕЛЯ «БОГОСЛОВСКОГО ВЕСТНИКА»

ский отдел), проф. прот. Д. И. Боголюбов (Пастырско-Миссионерский отдел), доцент Н. И. Муравьев (Церковно-исторический отдел), проф. прот. В. В. Платонов (Научно-методический и Критико-библиографический отделы), доцент А. В. Ведерников (Информационный отдел) и доцент А. И. Георгиевский (отв. секретарь)³⁰.

Публикация *игум. Дионисия (Шленова)*

³⁰ Согласно первоначальному плану, митрополит Николай назначался на должность ответственного редактора, а ректор прот. Т. Д. Попов — на должность главного. Отдел церковного образования поручался доценту В. С. Вертоградову, но в силу неизвестных причин в конце концов решили оба отдела поручить проф. прот. В. В. Платонову.

ПАМЯТИ УСОПШИХ

АРХИМАНДРИТ МАТФЕЙ (МОРМЫЛЬ)

(5 МАРТА 1938 г. — 15 СЕНТЯБРЯ 2009 г.)

Ясным осенним утром 15 сентября 2009 года звон большого лаврского колокола возвестил братии Троице-Сергиевой Лавры, наставникам и учащимся Московских духовных школ, окрестным жителям Сергиева Посада и приехавшим в Лавру паломникам об отшествии ко Господу одного из старейших насельников обители Сергиевой, бессменного регента знаменитого лаврского хора, заслуженного профессора литургики Московской духовной академии, известного всей православной России мастера регентского искусства и учителя церковного пения архимандрита Матфея (Мормыля).

Весть о кончине архимандрита Матфея вызвала обостренное чувство невосполнимости понесенной утраты, особенно ощутимой для осиротевшего лаврского хора; печалью и скорбью отозвалась эта весть в сердцах всероссийской паствы, ее иерархов и пастырей. Но вместе с тем эта весть несла в себе частицу вечного христианского упования и отблеск сокровенного светлого торжества, ибо *блаженны мертвые, умирающие в Господе*¹. В сознании сослужителей, учеников, друзей и почитателей архимандрита Матфея в новом восприятии, в новом видении, озаренном таинственным смыслом вечности, обозначилось и оформилось возросшее до своих подлинно исполинских масштабов величие его гениально одаренной, богатой творческой личности, являвшейся на протяжении многих десятилетий живым и одухотворенным олицетворением высоты и изящества церковного певческого искусства, живым эхом прогремевшей по всей Европе славы русского мужского монашеского хорового пения.

Архимандрит Матфей был человеком яркой судьбы, он был регентом по дару, регентом по призванию. Сила и мощь его творческого гения

¹ Откр. 14, 13.

раскрылись во всей своей полноте в исполнении возложенного на него служения, которое он исполнял до самых последних дней, всецело отдаваясь ему своей пламенной и энергичной натурой, своим вдохновением и творчеством, ежедневно принося себя в жертву своему любимому, высокому и священному жизненному предназначению. Больше всего на свете он любил Лавру преподобного Сергия и не представлял себе никакой другой жизни, кроме иноческого жития в сонме ее избранных учеников, никакого другого послушания, кроме славословия Господа, воссылаемого Ему в искусстве ниспосланного регентского дарования, никакого другого служения, кроме служения Академии, преподаванию в которой он отдал целые сорок пять лет, во исполнение слов Евангелия: *кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном*².

Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в послании, направленном на имя наместника Лавры Высокопреосвященнейшего архиепископа Феогоста в связи с кончиной архимандрита Матфея, отметил высокие нравственные достоинства почившего пастыря и его выдающиеся заслуги на славном и спасительном поприще церковного регентства как одной из форм современного христианского свидетельства миру о драгоценных сокровищах православного литургического предания. «Отец Матфей, — отмечается в послании, — на протяжении многих десятилетий нес послушание в стенах обители преподобного Сергия, не словом, но самим делом являя пример Христоподражательного подвига терпения, любви и твердости в вере. Заботами почившего пастыря братский хор Лавры получил поистине мировую известность, став еще в советские годы ярким свидетельством преемства монашеского подвига, соединенного с творческим осмыслением традиций церковного регентства и хорового исполнительского мастерства. В эпоху гонений на веру и Церковь это было одной из самых действенных форм проповеди православной веры как в нашем Отечестве, так и по всему миру»³.

Архимандрит Матфей (в миру Лев Васильевич Мормыль) родился 5 марта 1938 г. на Северном Кавказе, в бывшей Терской области, в ка-

² Мф. 5, 19.

³ <http://www.patriarchia.ru/db/text/742222.html>.

заче́й станице Архонская, пригороде Владикавказа, в благочестивой православной семье потомственных певчих. В том же году 15 апреля был крещен в храме св. пророка Божия Илии в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Как сам он рассказывал в одном из последних интервью, происходил он из казачьей семьи, немало пострадавшей во время репрессий 30-х годов: «Дедушка по отцу был взят в 30-е годы на Беломоро-Балтийский канал и не вернулся. Мы за него молимся как за исповедника в неделю после Крещения, когда поминаются все исповедники, чтим своего дедушку, Максима Константиновича, глубоко религиозного человека. Он был членом двадцатки нашей церкви. А второй дедушка был расстрелян. Дедушка этот по маме, Троценко Лев Григорьевич. Он был Леонтий, но звали его Львом из-за прекрасного баса. Он прошел школу Шаляпина по постановке голоса, учился у Сатова в Тбилиси, очень певучий был дедушка. Я его не застал, его расстреляли за несколько месяцев до моего рождения, в 1937 году в возрасте 49 лет, на второй день праздника Рождества Богородицы. По описаниям бабушки и мамы я знал о том, как это происходило. Лишь после перестройки появилась возможность навести справки. Действительно, был расстрелян 22 сентября 1937 года. Но как мама рассказывала, со слов кладбищенского сторожа, его закопали живым. Выстрелили в него, он упал, но еще был жив»⁴. «Мама моя и бабушки сделали всё, чтобы поддержать религиозность в нашей семье. Папа вместе с тремя своими братьями ушёл на фронт, и никто из них не вернулся. В семье у нас было много слёз, особенно слёз бабушки, матери отца»⁵. Были в семье и монашествующие, в частности, сестра дедушки Льва Григорьевича — монахиня София, насельница монастыря св. вмч. Георгия на р. Куре, близ г. Георгиевска. По отцовской линии в роду тоже были монашествующие. «В моем роду я представляю уже четвертое поколение певчих»⁶, — с любовью вспоминал батюшка. Отца, Василия Максимовича, погибшего в Великую Отечественную

⁴ <http://www.bogoslov.ru/text/406168.html>.

⁵ <http://www.pravmir.ru/arximandrit-matfej-mormyl-na-chuzhom-osnovanii-nikogda-nichego-ne-stroil/>.

⁶ Там же.

войну, о. Матфей совсем не помнил. Во всех формулярных списках у него значится только «сын крестьянина», что в стране «рабочих и крестьян» избавляло от слишком пристального внимания «рабоче-крестьянской» власти. С особой теплотой он всегда отзывался о своей маме, Анне Леонтьевне, которая до глубокой старости пела на клиросе. «В отношении пения я, можно сказать, избалован музыкой, — делился своими воспоминаниями о. Матфей. — У нас был в церкви хор, который от дореволюционного времени остался и сохранился до 80-х годов. И мамочка моя пела в этом хоре, у нее был очень хороший второй альт. Она выручала теноров и всех мужчин. В 2000 году, за несколько дней до её смерти, совершалась Преждеосвященная Литургия, последняя, в среду, и вот уже началась вечерня, надо петь *Да исправится*, а мамочка моя очень встревожена — не пришло трио. И вот она подошла к левой двери алтаря и в щелочку говорит: “Батюшка, девчата не пришли”. А девчатам за 90! Отец Евгений обратился к ней и говорит: “Анна Леонтьевна, пропойте сами, одна *Да исправится*”. Она зашла на клирос, взяла часословчик, встала с палочкой на середину и последний раз в жизни *Да исправится* пела одна. Что можно сказать — человек всю жизнь пропел»⁷. Первые уроки церковного пения будущий регент получил в домово́й церкви, устроенной в небольшом станичном молитвенном домике, где ежедневно пел хор из слепых певчих. «Как прекрасно они вели клирос»⁸, — с нескрываемым восторгом говорил батюшка. Более всего его захватывал стиль монастырского пения слепых певчих, которые в 20-е годы пели с монахинями бывшего Владикавказского монастыря. Многому научился он у двоюродной сестры бабушки своего Максима Васильевича — матушки Ирины Руденко (схимонахини Иерофеи), одной из главных певчих Покровского монастыря во Владикавказе. Был в храме и праздничный хор, где пели те, кого учил дедушка, Лев Григорьевич, а в их числе и мама о. Матфея, Анна Леонтьевна. Названный в честь бабушки Львом, маленький Лев в семь лет уже прислуживал в алтаре и помогал слепым певцам на клиросе. До конца жизни с бла-

⁷ <http://www.bogoslov.ru/text/406168.html>.

⁸ Там же.

говеиной любовью и благодарностью о. Матфей вспоминал своего первого духовника иеромонаха Иоасафа (Бунделева), настоятеля храма в станице Архонская. Непросто было совмещать прислуживание в алтаре с занятиями в общеобразовательной школе, где сверстники смеялись над его религиозностью и обзывали «попом». «Я не переставал удивляться, — вспоминал батюшка, — казалось бы, комсорги, комсомольцы должны были служить примером воспитания, поведения. Среди них были и очень хорошие ребята, но некоторые... Как-то после одной из антирелигиозных лекций я пришел домой с шишкой (один из активистов в фуражку вложил камень и ударил меня по голове из-за палисадника)»⁹. После окончания средней школы в 1955 году юноша хотел сразу поступить в семинарию, но возраст не позволял: не хватало одного года. Поэтому до достижения 18 лет Лев прослужил год псаломщиком в храме. Однако за этот год он так изучил весь богослужебный круг, что заложил теоретическую основу для всей своей будущей творческой, научной и преподавательской деятельности. В 1956 году Лев поступает сразу во второй класс Ставропольской духовной семинарии, где ему особенно запомнились уроки по Новому Завету Николая Феодоровича Тропольского и незабываемые беседы о. Николая Лукьянова из Полтавской семинарии, принимавшего участие в церковных комиссиях, которые описывали события с обновлением икон в Полтавской епархии перед войной. В Ставропольской семинарии юноша накапливает багаж для своего будущего служения: обучается в классе церковного пения В. П. Пестрицкого — регента, знатока и любителя обиходных мелодий, последователя традиции певческой школы знаменитого хорового дирижера и педагога К. К. Пирогова (1876—1962); на рядовых богослужениях в семинарском храме и на архиерейских службах Великим постом в кафедральном соборе Ставрополя приобретает первый опыт управления хором. Именно в это время формируется у него названный им впоследствии «очень важным» навык работы: «готовить стихиры, расписывать, пропеть» богослужебные тексты. После первого года обучения в Семинарии,

⁹ <http://www.pravmir.ru/archimandrit-matfej-mormyl-na-chuzhom-osnovanii-nikogdaniego-ne-stroil/>.

летом 1957 г., Лев Мормыль несет послушание псаломщика и регента левого клироса в Никольском храме в г. Эссентуки и здесь встречается с известным тогда на Северном Кавказе диаконом Павлом Звоником († 1964 г.), регентом правого клироса, обладавшим особенным музыкальным чутьем, чьи певческая интонация и произношение проникали в душу и вызывали у слушателей необыкновенное умиление. Незабываемые впечатления от пения о. Павла повлияли на формирование собственного регентского стиля молодого семинариста.

Закончив в 1959 году по первому разряду Семинарию, Лев Васильевич Мормыль поступает затем в Московскую духовную академию, где сразу же знакомится с местным обиходом, а на втором курсе погружается в чтение аскетической литературы. Окунувшись в жизнь обители преподобного аввы Сергия и Академии у Троицы, молодой человек выбирает для себя монашеский путь. Из преподавателей и духовных наставников на него особо сильное влияние оказали протоиерей Иоанн Козлов, архимандрит Тихон (Агриков), профессор М. А. Старокадомский и ректор протоиерей Константин (Ружицкий). С о. Тихоном был связан интересный случай, о котором о. Матфей помнил до конца жизни: «Случилось так, — делился своими воспоминаниями об этом событии батюшка, — рано утром на Николин день в 5 часов утра мы встали и пришли под Успенский собор в Лавре. Смотрим, наш отец Тихон ведёт исповедь. Мы постояли, он провёл исповедь, а потом исчез куда-то. Мы немножко растерялись, потому что не знали технологии исповеди батюшкиной (оказывается, он разводил богомольцев по духовникам!). Потом он вернулся, мы прошли исповедь. И я на исповеди сказал отцу Тихону о своем заветном желании, что хочу в монастырь пойти. Он как держал у меня епитрахиль на голове, так постучал рукой по голове несколько раз: “Ну, ничего, брат Лев, года через три всё Господь управит”. Достал из своего кармашка небольшую книжечку, смотрю — Святое Евангелие..., и туда вложена икона Владимирской Божией Матери. “Вот, брат Лев, молись”. И получилось так, что ровно через 3 года, в 1962 году, в этот же день, Господь меня сподобил принять постриг... Что тут сказать — влиял отец Тихон или не влиял? Всё случилось ровно через 3 года. Великие люди всегда

есть и будут»¹⁰. Весной 1961 года Лев Васильевич Мормыль подает прошение в Лавру с просьбой принять его в число братии монастыря, и 21 июня того же года он становится послушником, продолжая обучение в Академии; несет послушание регента, а затем старшего регента и уставщика лаврского хора. В декабре 1962 года послушник Лев принимает монашеский постриг с именем Матфей (в честь св. апостола и евангелиста Матфея). 30 марта 1963 года он был рукоположен в иеродиакона, а 29 марта 1964 г. — в иеромонаха. К этому времени о. Матфей уже преподавал литургику в Московской духовной академии¹¹, которую он успешно окончил в 1963 г., защитив кандидатскую диссертацию на тему «Воскресение Христово в изложении русских богословов-апологетов».

В 1968 г. иеромонах Матфей был возведен в сан игумена, а в 1971 г. — в сан архимандрита. В марте 1984 г. архим. Матфей был удостоен звания доцента, в январе 1988 г. утвержден в звании профессора, а в августе 2004 г. ему было присвоено звание заслуженного профессора Московской духовной академии.

Отдавая все силы души служению любимому делу, о. Матфей практически восстанавливает заново то, что имела Лавра до закрытия: он по крупицам собирает нотную библиотеку лаврского хора, расспрашивая тех, кто еще помнил старые лаврские песнопения в гармонизации иеромонаха Нафанаила (Бочкало). Ежедневный кропотливый труд и полная самоотдача — вот прежде всего главный секрет его успеха. «Поначалу ведь ничего же не было, — вспоминал о. Матфей. — Я по такой системе работаю: каждое определенное песнопение переписываю, расписываю партии, а потом уже кладу отдельно. Взял, пропел и опять поставил на то же место. Составлять отдельные песнопения в сборники — сложно, объемно, громоздко. И для работы неудобно. Видите, у меня мозоли на руках. Это след от перьевой ручки, которой я пишу. Царство небесное Александру Ефимовичу Мирошниченко, моему школьному учителю, который вел у нас уроки чистописания. Если

¹⁰ Там же.

¹¹ См. статью выше статью архим. Матфея (Мормыля) «Литургическая наука в Московской духовной академии».

я, бывало, не так ручку держал, то мне линейкой по руке попадало. Зато — урок на всю жизнь»¹².

Получив мировое признание во время заграничных выступлений концертного хора, о. Матфей никогда не терял чувства принадлежности церковного пения храму. В этой связи будут весьма интересны его свидетельства о тех ощущениях, которые приходилось переживать ему и возглавляемому им хору на концертах за рубежом: «Очень важно, как преподнести материал, чтобы оцерковить слух и сердце слушающего, чтобы лицо Церкви показать в тех условиях, когда нет икон, когда интерьер совершенно другой. Я это на собственном опыте особенно остро почувствовал 12 февраля 1988 года во время нашего участия в торжествах, проходивших в Париже в здании ЮНЕСКО, в ознаменование 1000-летия Крещения Руси. Предстоял концерт. Мы начали репетировать в пустом зале. Я просто не мог найти звучание хора, как будто его подменили. Здание ЮНЕСКО — это же не храм. К концу нашей репетиции староста Елоховского собора Николай Семенович Капчук принес эмблему 1000-летия — хоругвь с изображением св. князя Владимира. Как только он поставил на сцену хоругвь и вокруг нее расположился хор, он сразу преобразился. Все пошло! Песнопения зазвучали! Принимали нас тепло, с пониманием»¹³.

Самым счастливым днем в своей жизни о. Матфей считал тот, когда впервые под сводами храма прозвучали знаменитые ныне слова стихирь всем русским святым: «Первый раз мы пели “Русь святую” со смешанным хором в 1963 году на престольном празднике Русским святым, под Успенским собором, там, где находится храм в честь русских святых. Знаете..., для меня это был один из самых счастливых моментов в жизни. Хор сделал то, что мне хотелось. И весь хор от умиления плакал»¹⁴. «В этих словах дорогого нашего Батюшки, — отмечает заслуженный профессор Московской духовной академии К. Е. Скурат, — разгадка того мощного церковного воздействия руководимого им хора на любого вошедшего в Божий храм. Кто-то из

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

хорошо знавших благодатного регента сказал: у него “музыка была с духовным восприятием”. Она согревала душу хора, двигала его к Небесному звучанию, доходила до сердец молящихся, окрыляла их души, отрывала от всего земного, подымала к миру вечной Любви, потому что сам Батюшка был глубоко духовен — он не просто исполнял послушание, а горел, горел ярко и светло! И таким он был везде: и в Божием храме, и в стенах московских духовных школ, и в быту, — все делалось им от сердца, а то, что сердца, — доходит, и непременно, до сердец других. Даже черствый человек чувствовал силу, величие духовности Приснопамятного. Подражать батюшке можно и должно, но повторить его невозможно!..»¹⁵

Приснопамятный архимандрит Матфей был очень талантливым ученым в области церковного пения и литургики. По свидетельству господина Клауса-Юрген Репке, представителя Евангелической церкви Германии, пригласившего о. Матфея принять участие в международном научном симпозиуме в г. Туцинге по поводу 1000-летия «обряда крещения Руси», имя о. Матфея значится в одном ряду с известными учеными богословами того времени: И. Мейендорфом, А. Поппе, Т. Шпидликом, Г. Кречмаром, Р. Мюллером и др. Многолетнее, многотрудное и плодотворное служение архимандрита Матфея Святой Церкви по достоинству отмечено многочисленными церковными наградами: он трижды награжден Патриаршими грамотами — в 1964, 1973 и 1985 г., в 1968 г. удостоен ордена Святого Креста Иерусалимской Церкви и ордена св. равноап. кн. Владимира III степени; в 1976 г. — ордена св. равноап. кн. Владимира II степени; 19 марта 1987 г., в связи с 650-летним юбилеем основания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, награжден орденом прп. Сергия II степени; 9 июня 1988 г., в связи с 1000-летием Крещения Руси, удостоен права ношения второго креста; 6 марта 1998 г., в связи с 60-летием со дня рождения, награжден орденом св. благ. кн. Даниила Московского III степени; 2 мая 2008 г. за многолетние усердные труды и в связи с 70-летием со дня рождения награжден орденом святителя Макария, митрополита Московского,

¹⁵ Из примечаний к настоящему некрологу проф. К. Е. Скурата. При цитации сохранена авторская орфография.

ОТДЕЛ III. ПАМЯТИ УСОПШИХ

II степени. Но, пожалуй, самой главной и наиболее дорогой наградой для архимандрита Матфея была и остается любовь к нему его учеников, которая выражалась в лаконичном наименовании его «Батей» — именно так, скупно, по-мужски, но с большой буквы. В характеристике, данной студенту 4 курса Московской духовной академии монаху Матфею (Мормылю), содержатся две, на первый взгляд, взаимоисключающие оценки: «Характер вспыльчивый, настойчивый. Отношения с окружающими ровные, дружественные». Сохранять дружественные отношения с окружающими, имея взрывной характер, можно только при наличии доброго, широкого и любящего сердца, отдавая всего себя любимому делу и любимым ученикам. И только такая любовь не умирает, но продолжает жить в тех, кого она озарила своим горением. Свидетельство одного из осиротевших учеников почившего наставника, епископа Гатчинского Амвросия, ректора Санкт-Петербургской духовной академии, в полной мере выражает то смешанное чувство скорби и радости о почившем, которое переполняет сердца всех, чья жизнь соприкоснулась с подвигом высокого служения Богу и Святой Церкви приснопамятного архимандрита Матфея: «Скорблю об утрате, но и радуюсь о том, что служение отца Матфея, плоды его трудов стали частью жизни Церкви Христовой и ее достоянием. С непостыжающей надеждою обращаюсь ко Господу об упокоении архимандрита Матфея в Его вечных селениях с сонмом святых и праведников, послуживших нашему Спасителю!»

Совет Московской духовной академии и семинарии

АРХИМАНДРИТ ВЛАДИМИР (КУЧЕРЯВЫЙ)

(5 ИЮНЯ 1940 г. — 8 ЯНВАРЯ 2010 г.)

8 января 2010 года, в праздник Собора Пресвятой Богородицы, почил о Господе архимандрит Владимир (Кучерявый), в прошлом многолетний преподаватель МДАиС, ее проректор, заведующий библиотекой и благочинный Покровского храма.

Несмотря на то что с сентября 2000 года архимандрит (тогда еще протоиерей) Владимир Кучерявый уже не состоял в профессорско-преподавательской корпорации Академии, многие преподаватели, сотрудники и студенты знали о. Владимира как настоятеля Успенского (Никольского) храма в Сергиевом Посаде, а затем — как насельника Николо-Бабаевского монастыря Ярославской епархии. В истории Академии, в памяти своих учеников и сослуживцев архимандрит Владимир оставил памятный след. Все свои силы и щедро данные Богом таланты этот добрый пастырь отдавал родной школе, в стенах которой он прослужил более 35 лет.

Архимандрит Владимир (Кучерявый) родился 5 июня 1940 года в селе Александровка Хмельницкой области в семье крестьян. Его отец, Григорий Порфирьевич Кучерявый, погиб на фронте в первые дни войны, отойдя всего 50 километров от села, и мать, Эмилия Павловна, осталась с маленьким сыном одна. Эта сильная женщина сумела вырастить сына верным чадом Церкви Христовой. Отец Владимир часто вспоминал эпизод из своего детства, о котором ему, уже взрослому, рассказывала мать. Когда маленький Володя сильно заболел и почти не было надежды на выздоровление, его мать обратилась к Богу с молитвой: «Господи, если он будет служить Тебе, исцели его, а если он будет Твоим гонителем, заведи его сейчас». Такое материнское упование на Бога и верность Ему соделали из маленького мальчика доброго богобоязненного юношу. Закончив в 1954 году семилетнюю школу, будущий пастырь три года работал на стройке до достижения положенного для поступления в семинарию возраста. Поступлению в семинарию пред-

шествовало и пребывание Владимира в течение нескольких месяцев в скиту Почаевской Лавры. В 1958 году юноша поступил в Киевскую духовную семинарию. После ее закрытия в 1960 году Владимир Кучерявый продолжил свое дальнейшее обучение в Одесской духовной семинарии. С 1960 по 1963 год служил в рядах Советской Армии (в строительных войсках, где получил навыки работы на экскаваторе). По возвращении он продолжил свое духовное образование. В 1965 году Владимир закончил Одесскую семинарию «по первому разряду», что означало «пятерки» по всем предметам.

По окончании семинарии будущий пастырь решил продолжить учебу и с этой целью приехал в Загорск (так тогда назывался Сергиев Посад) для поступления в Московскую духовную академию. Поступив на первый курс, Владимир усердно учился, показывая только хорошие и отличные результаты по всем предметам. Еще будучи студентом, помимо отличной учебы он проявлял большой интерес к церковному пению, был регентом хора, занимался в регентском кружке, а также с воспитанниками 1-го класса семинарии, проходящими ежедневную практику в академическом храме. Много времени будущий пастырь уделял самообразованию: много читал, изучал английский язык, занимался игрой на фортепиано, всегда принимал участие в общеакадемических концертах и тематических вечерах, за что получал благодарности, даже с занесением в личное дело. Владимир Кучерявый пользовался неизменным уважением своих соучеников, преподавателей и сотрудников Академии.

В 1967 году Владимир вступил в брак с Людмилой Михайловной Борисковой, жительницей Сергиева Посада. 10 сентября 1967 года Преосвященным епископом Дмитровским Филаретом (Вахромеевым) Владимир был рукоположен в сан диакона, а 19 января 1968 года — в сан иерея. Уже во время учебы на IV курсе Академии священник Владимир Кучерявый был назначен благочинным академического Покровского храма. Начиная со студенческого времени и в последующее время (до середины 80-х годов) о. Владимир не упускал возможности петь на клиросе в составе хора архимандрита Матфея (Мормыля), с которым они были очень дружны. Очень любил о. Владимир испол-

нять соло в «Величании» преподобному Сергию Додонова, всегда находил возможность сделать это, даже будучи в должности проректора. В 1969 году он закончил МДА со степенью кандидата богословия, защитив курсовую работу на тему «Преподобный Антоний Великий, его аскетические подвиги и духовные наставления». По окончании МДА Владимир Кучерявый был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата и преподавателя церковно-славянского языка в семинарии. Хорошее знание церковно-славянского языка впоследствии позволило ему развить в себе талант гимнографа и участвовать в работе богослужебной синодальной комиссии.

В 1970 году иерей Владимир был назначен заведующим библиотекой МДА. В этой должности он проработал около 13 лет. За это время в библиотеке была проделана большая работа. В целях улучшения качества работы залы с книжным фондом были закреплены за конкретными сотрудниками, была проведена инвентаризация фонда библиотеки с использованием учетных карточек (которая длилась целый год), составлены алфавитный и систематический каталоги, выделен и систематизирован фонд литературы на иностранных языках (работа над этим велась в течение почти пяти лет). Также во время работы о. Владимира в библиотеке был произведен капитальный ремонт, заменены все оконные блоки, прослужившие к тому времени более ста лет, проведена реконструкция стеллажей, установлены охранный и пожарная сигнализации, было найдено помещение для запасного фонда и организован сам этот фонд. В то же время была открыта переплетная мастерская (ранее эта работа производилась в Москве, куда вынуждены были ездить студенты для оформления своих работ, туда же отвозились и книги, требующие ремонта). Для облегчения работы сотрудников были устроены два подъемника. За время работы о. Владимира фонд библиотеки увеличился примерно на 40 тысяч экземпляров книг. Силами сотрудников библиотеки проводились многочисленные вечера и конференции на общеакадемическом уровне, посвященные творчеству А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, В. И. Даля, И. С. Никитина и других русских классиков. Фонды библиотеки позволяли проводить интересные выставки, например, выставку книжных миниатюр, вы-

ставку книг с автографами. Во время проведения кропотливой работы по инвентаризации и составлению каталогов, на протяжении ремонтов библиотека не прекращала обслуживание студентов и преподавателей, что требовало от сотрудников и заведующего особых усилий (о. Владимир вспоминал, что во время устройства подъемников для защиты книг от пыли пришлось буквально «пеленать» стеллажи специальной пленкой. Но и в такой ситуации обслуживание читателей никогда не прекращалось).

В 1971 году священник Владимир Кучерявый был удостоен сана протоиерея, и ему было поручено ведение уроков по догматическому богословию. Свой предмет он очень любил и всегда тщательно готовился к урокам. По каждой теме он делал большое количество выписок из творений святых отцов, иллюстрирующих тот или иной тезис. К сожалению, нехватка времени не позволила оформить ему эти записи в полноценный учебник. У о. Владимира было очень внимательное и чуткое отношение к слову — написанному или сказанному. От своих учеников он требовал прежде всего точности формулировок. Его любили студенты за равнодушное отношение к предмету, за понимание и уважение к каждому, кого он перед собой видел. Он мог за небольшое количество времени на уроке опросить большое количество студентов, и каждый получал именно ту оценку, которую заслуживал. Он был терпеливым и мудрым педагогом: всегда давал возможность исправить оценку, если видел, что человек настроен на учебу и получение знаний. О. Владимир искренне огорчался, если видел, что студент явно ленится, если видел при проверке сочинение компилятивного характера, в котором совершенно отсутствовала самостоятельная мысль. Ему, начавшему свое образование всего лишь с семи классов школы, было непонятно, как можно не использовать богатейшую возможность обучения в стенах Духовных школ. Немалое количество его студентов, уже став впоследствии священниками на приходах, поздравляли его с праздниками, приглашали в гости и приезжали к нему в гости сами.

В 1983 году протоиерей Владимир Кучерявый был утвержден в должности помощника ректора МДА по представительской работе. По отзывам сослуживцев, на каждом своем посту о. Владимир про-

являл все свои лучшие личные и профессиональные качества: умение организовать работу коллектива, такт, доброжелательность, внимание к нуждам каждого, требовательность прежде всего к себе, а потом уже к другим.

Все, порученное ему, он выполнял с должным усердием и радостью сердца. Во время его пребывания на посту проректора дверь его кабинета была всегда открыта в знак того, что любой может туда зайти. Этот этап его работы пришелся на непростое время — произошло падение «железного занавеса». В Лавру хлынул поток гостей, в том числе из-за рубежа. Всех их нужно было встретить, принять на должном уровне, ответить на многочисленные и далеко не всегда доброжелательные вопросы. Отвечать нужно было так, чтобы не погрешить против истины, но и не повредить репутации духовных школ, Церкви, притом соблюсти вежливость, а это зачастую было очень непросто.

На своем ответственном посту протоиерей Владимир принимал активное участие в представительской работе Русской Православной Церкви в целом, ему часто приходилось выезжать за рубеж в качестве представителя Московских духовных школ, участвовать там в различных встречах, богословских собеседованиях, церковных и общественных конференциях. Ему довелось побывать в США, Индии, Болгарии, Польше, Чехословакии.

О. Владимир очень любил служить, причем служил неторопливо, чинно, говорил прекрасные проповеди. К 1990 году в нем созрела и укрепилась мысль о том, что нужно искать приложение именно этому дарованному Богом таланту. «Я хочу умереть у Престола, а не за зеленым сукном», — часто говорил он своим близким. В июле 1990 года протоиерей Владимир Кучерявый взялся за восстановление сильно разрушенного Успенского (Никольского) храма, находящегося на Клементьевском поселке Сергиева Посада. В этом некогда великолепном храме XVIII века в советское время был устроен хлебозавод, потом склад, а к 90-му году этот разоренный храм стал пристанищем бомжей и местом для подростковых, далеко не всегда безобидных, игр. С этого самого момента начался новый этап в жизни о. Владимира — создание общины храма, первые молебны в руинах, первые прихожане.

Желание как можно быстрее возобновить литургическую жизнь в храме побудили протоиерея Владимира оставить сначала представительскую, а затем и преподавательскую работу в МДАиС. Однако связи о. Владимира с духовными школами не прерывались. Многие из его собратьев по преподавательской корпорации, бывшие ученики с великой радостью сослужили ему в возрождающемся храме. 19 декабря 1990 года, в день святителя и чудотворца Николая, о. Владимиром была отслужена первая после начала восстановления храма Литургия. Одна из прихожанок храма, ведущая летопись, подсчитала, что за 10 лет в нем совершили Литургию более ста священников.

С сентября 1992 года протоиерей Владимир вернулся в стены Академии для преподавания сначала догматического богословия в Семинарии, а затем катехизиса в Иконописной школе.

Восстановлению приходской жизни, ревностному служению, преподавательской деятельности, как и прежде, о. Владимир отдался всецело. За те 10 лет, что о. Владимир прослужил в Успенском храме, им были проведены большие восстановительные работы: заделаны проломы в стенах, восстановлен пол, разобраны перекрытия, печи внутри храма и пристройки, кровля покрыта медью, восстановлена колокольня, подведены все коммуникации, установлен писаный иконостас, пол покрыт мрамором. Трудami о. Владимира и руководимой им общины были организованы воскресная школа, библиотека при храме, стала выходить в свет газета «Благовест Радонежья». При храме был организован детский хор. Архимандрит Кирилл (Павлов), посетив в 1994 году Успенский храм, сказал: «Вам, отец Владимир, надо “героя” дать!»

В октябре 1999 года состоялось освящение возрожденного храма.

Кроме трудов по восстановлению храма с марта 1996 года протоиерей Владимир участвовал в работе синодальной Богослужебной комиссии. Его любовь к слову, к церковно-славянскому языку помогали ему писать вдохновенные гимны новопрославленным святым, ревность к точному звучанию и четкому изложению мыслей заставляла его вновь и вновь обсуждать тот или иной термин, ту или иную грамматическую форму. Протоиерей Владимир Кучерявый составлял сам и принимал участие в написании служб святителю Тихону, священномученику

Владимиру (Богоявленскому), святителю Агафангелу, прав. Матроне Московской, прп. Антонию Радонежскому, прп. Кириллу и Марии Радонежским, прп. Роману Киржачскому. Также его перу принадлежит тропарь прп. Амфилохию Почаевскому, рассказы о котором он помнил с детства, со времени своих первых паломничеств на святую Почаевскую гору. Особое отношение к этому святому у архимандрита Владимира сформировало и пребывание в далекой юности в скиту Почаевской Лавры, где за несколько лет до этого подвизался преподобный Амфилохий. Тропарь св. прп. Амфилохию о. Владимир написал во время своего визита на родину, воодушевленный посещением могилки старца. Буквально сразу же этот тропарь был пропет о. Владимиром епископу Тернопольскому Сергию (Генсицкому) и одобрен как очень удачный вариант. Чуть позже появился и кондак.

Земли Волинския преславна подвижника и обители Почаевския достойно насельника людей православных изрядна целителя яви тя Церкви Своей Христос Бог наш, преподобне отче Амфилохие, Ему же усердно молися от навет вражиих свободитися и спастися душам нашим (тропарь преподобному Амфилохию Почаевскому, глас 4).

Яко веры православныя ревнитель и благочестнаго жития учитель, в болезнех и скорбех изрядный помощник и защититель, пред Господом предстоиши, преподобне Амфилохие, сего ради вопием ти: сохрани обитель, в ней же подвизался еси, и спасай нас молитвами твоими, отче блаженнее (кондак, глас 3).

Поздравляя о. Владимира с 60-летним юбилеем в июне 2000 года архиепископ Евгений Верейский, ректор МДАиС, написал следующее: «Ваш достославный юбилей Вы встречаете в начале четвертого десятилетия Вашей преподавательской деятельности в Московских духовных школах. В течение целых трех десятилетий Вы ревностно трудились на поприще подготовки к церковному служению многих поколений пастырей нашей Святой Православной Церкви, которые теперь с благодарностью хранят, как некую драгоценную жемчужину, память о Ваших уроках. Церковная жизнь ставила перед Вами множе-

ство задач, и все эти задачи Вы всегда успешно разрешали. На какие бы ступени церковного служения Вас ни поставлял Промысл Божий: заведование академической библиотекой, служение в должности помощника ректора по представительской работе, заграничные командировки — Вы всегда с честью оправдывали всякое Ваше назначение. За все понесенные Вами труды примите, Ваше Высокопреподобие, нашу общую глубокую признательность, нашу сердечную благодарность!»

Ревностное отношение протоиерея Владимира к своему служению, его открытость, любовь к людям были постоянным примером для всех, кто его окружал.

В августе 2000 года с глубоким сожалением протоиерей Владимир написал прошение об освобождении от должности преподавателя МДС в связи с ухудшением состояния здоровья. Любя Академию, но понимая ограниченность своих сил, о. Владимир писал в своем прошении: «Пишу эти слова со внутренним содроганием сердца, так как значительная часть моей жизни (35 лет) отдана родной духовной школе. Но надо (хотя в этом случае не очень хочется) быть реалистом. Спаси вас Господи за все доброе. Прошу у Вас и всего преподавательского коллектива прощения за все, кого чем-нибудь и когда-нибудь обидел».

В октябре 2003 года дальнейшее ухудшение здоровья заставило о. Владимира оставить и настоятельские труды, но не сломило в нем духа пастыря-труженика. Годом раньше ушла из жизни его верная спутница жизни на протяжении 35 лет матушка Людмила. Приняв все, что было ниспослано Богом, безропотно, протоиерей Владимир решился оставить мир и принять монашеский постриг. Он был пострижен в рясофор 2 октября 2003 года в Екатерининском храме Свято-Екатерининского мужского монастыря г. Видное Московской области епископом Видновским Тихоном (Недосекиным), викарием Московской епархии, с оставлением прежнего имени.

Местом своих уединенных подвигов он избрал Николо-Бабаевский монастырь в Ярославской епархии. Этот монастырь был выбран им по совету и приглашению своего сомолитвенника и старшего коллеги по работе в духовных школах митрополита Симона (Новикова), находящегося в этом монастыре на покое. Духовно поддержал решение

о. Владимира и архимандрит Кирилл (Павлов): «Поезжайте туда, владыка Симон вас утешит», — сказал он. В стенах этой святой обители состоялся постриг о. Владимира в мантию. Вот как рассказывал об этом он сам: «27 марта 2004 года в день Похвалы Божией Матери состоялся мой постриг в мантию в Николо-Бабаевском монастыре. Владыка (Ярославский и Ростовский. — *Ред.*) Кирилл (Наконечный) для этого прибыл из Ярославля с большим мужским хором; также приехали с игуменьей Варварой некоторые монахини Толгского монастыря. Постриг совершал сам Владыка Кирилл. Мелодичное и хорошо исполняемое “Объятия Отча” вызывало благоговейные и умиленные чувства: хотелось кричать, чтобы небо слышало, чтобы Господь отверз Отчие объятия. От дверей храма к алтарю меня подвели архимандрит Вениамин, секретарь епархиального управления, и игумен Борис — настоятель монастыря. С любезного согласия Владыки Кирилла при постриге мне оставлено прежнее имя, но только уже не равноапостольного князя Владимира, а священномученика, митрополита Киевского. После облачения священной одежды митрополит Симон (Рязанский и Коломенский) сказал вдохновенное слово».

Почти шесть лет о. Владимир пребывал вдали от мирской суеты, пастырским словом утешая и мудрым словом наставляя всех приезжающих и проходящих к нему. Он любил и жалел людей. Часто говорил: «Как мне всех жалко!»

Пока позволяли силы, он говорил проповеди, пел на клиросе. Зачастую хор, который митрополит Симон в шутку называл «архиерейским», состоял всего из трех человек. Во время жизни в монастыре отец Владимир смиренно, как и подобает иноку, принимал новые испытания. Ему вскоре пришлось принять как волю Божию полную невозможность пения и чтения на клиросе: последние годы жизни он почти ничего не видел, да и передвигался только в инвалидной коляске. Но и в этом состоянии о. Владимир не оставлял любимого дела — гимнографии. Он диктовал сочиненные им тропари, кондаки, стихиры своей верной помощнице, прихожанке возрожденного им Успенского (Никольского) храма В. И. Еремеевой. В монастыре о. Владимир составил службу рождеству святителя Николая, акафист и молитву преподобно-

му Пахомию Нерехтскому, многое осталось в набросках и черновиках, например, канон преподобному Никону Сушкинскому, местнотимому святому рязанской земли. Акафист и молитва преподобному Пахомию очень порадовали сестер Нерехтского монастыря, часто навещающих о. Владимира и принимавших его в своем монастыре. Ниже приводится текст молитвы преподобному Пахомию Нерехтскому:

О пречудный и предивный отче Пахомие, древо плодovitое, в земли Владимирстей взращенное, в пустыни же Костромския земли добрый плод принесшее! О земный ангеле, Небесный человеце и теплый от нас пред Богом молитвенниче!

Ты, мирскаго мятежа удалився, в житии твоём благочестно пожил еси и, благоприятно Христу Богу угодив, дары Духа Святаго стяжал еси. Сего ради и Бог прослави тя и яви нам всечестныя мощи твоя, яко бесценное сокровище. Сия же ныне лобызающе и, яко жива ты суща ведуще, усердно молим тя: призри милостивно на нас, грешных, и твоим благоприятным ходатайством испроси у Господа Бога прощение согрешений наших, преспеяние в вере и благочестии и вся потребная для спасения души. Огради нас от козней диавольских и избави вечныя муки, да твоим ходатайством и заступлением сподобимся Богу угодити и Небесное Царство улучити, идеже вкупе с тобою сподобимся прославляти пречестное имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Во время пребывания о. Владимира в монастыре он был возведен сначала в сан игумена (28 марта 2006 года), а затем — в сан архимандрита (20 апреля 2009 года).

Пребывая в обители, архимандрит Владимир снискал истинную любовь братии и прихожан. Начав свое служение Церкви в скиту Почаевской Лавры, он и завершил его также в монастырских стенах. Архимандрит Владимир искренне радовался возрождению Николо-Бабаевского монастыря, любил его и в последние годы жизни считал своим домом. Часто говорил своей верной помощнице Валентине Ивановне: «Как нам здесь хорошо, нигде не будет так хорошо, как здесь. Я без храма жить не могу, а тут все рядом».

Его кончина была вполне мирной и светлой — той, о которой каждый человек молит Бога. Причастившись накануне, в праздник Рождества Христова, Святых Христовых Тайн, рано утром 8 января он тихо отошел ко Господу. Такая тихая мирная кончина явилась достойным завершением жизненного пути о. Владимира. 9 января в храме свят. Николая, где был поставлен гроб с телом усопшего, совершил Литургию архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл. По окончании Литургии была совершена панихида.

Отпевание новопреставленного архимандрита Владимира состоялось 10 января в Успенском (Никольском) храме Сергиева Посада. Храм был весь полон прихожанами, духовными чадами, учениками и сослуживцами почившего пастыря. В чине отпевания принимали участие более 20 священников. Из Ярославской епархии приехали наместник Спасо-Яковлевского монастыря игумен Савва (Михеев) и игумен Борис (Долженко), наместник Николо-Бабаевского монастыря. Попрощаться с новопреставленным пришли архиепископ Евгений, ректор МДАиС, глава Сергиева Посада Н. В. Маслов. После чина отпевания и последнего целования было совершено обхождение вокруг храма с гробом почившего. Архимандрит Владимир был похоронен на новом городском кладбище рядом со своей супругой.

Поминальная трапеза состоялась в МДАиС, в стенах которой о. Владимир трудился на протяжении многих лет. В слове, сказанном детьми покойного, прозвучала мысль о том, что о. Владимир был не только неустанным тружеником на церковном и общественном поприще, но и добрым семьянином, прекрасным отцом, сумевшим создать в своем доме удивительную атмосферу любви, защищенности и подлинной свободы во Христе.

За свои неустанные труды на благо Церкви архимандрит Владимир был удостоен следующих наград:

- 1968 год — право ношения набедренника,
- 1969 год — право ношения камилавки, наперсного креста,
- 1971 год — удостоен сана протоиерея,
- 1977 год — право ношения палицы,
- 1978 год — право ношения креста с украшениями,
- 1980 год — орден св. кн. Владимира III степени,

ОТДЕЛ III. ПАМЯТИ УСОПШИХ

1982 год — право ношения митры,

1985 год — право совершения Литургии с отверстыми Царскими вратами до «Херувимской песни»,

1989 год — право совершения Литургии с отверстыми Царскими вратами до «Отче наш»,

1990 год — орден св. кн. Даниила Московского III степени,

1997 год — орден св. прп. Сергия Радонежского III степени.

Вечная память архимандриту Владимиру, усердному и многолетнему труженику Московских духовных школ, доброму пастырю и наставнику. Да упокоит Господь душу его в селениях праведных!

Совет Московской духовной академии и семинарии

АРХИМАНДРИТ АНДРЕЙ (СУХОРУКОВ)

(14 ФЕВРАЛЯ 1937 г. — 12 ФЕВРАЛЯ 2010 г.)

В день празднования памяти великих вселенских учителей и святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста — 12 февраля 2010 г. окончил путь своего церковного и монашеского служения наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Андрей (Сухоруков). В течение многих лет, в период ректорства Высокопреосвященного архиепископа Дмитровского Александра, архимандрит Андрей состоял в профессорско-преподавательской корпорации Московских духовных школ и трудился в должности эконома объединенного хозяйства Лавры и Академии. В это непростое и ответственное служение архимандрит Андрей вложил свои обширные профессиональные знания, полученные в государственных вузах страны, и ревностно подвизался на поприще благоустройства Академии, полагая на ее священный алтарь плоды своего многотрудного послушания. Памятником хозяйственной деятельности архимандрита Андрея является большой академический актовый зал, построенный им в 1985 г. к 300-летию Московской духовной академии. Величайшей заслугой архимандрита Андрея следует признать успешное осуществление им широкой комплексной программы реставрационных работ в учебном корпусе Семинарии с храмом преподобного Иоанна Лествичника — бывшего больничного корпуса Лавры — после выселения из его обветшавших помещений центральной районной больницы города Сергиева Посада. В последние годы преподаватели и студенты Московских духовных школ видели архимандрита Андрея в Троицком соборе Лавры при исполнении священного лаврского послушания: архимандрит Андрей служил молебны с чтением акафиста — наизусть — преподобному Сергию и с истинной монашеской кротостью и любовью благословлял всех подходивших к нему учащихся и учащихся родной для него *alma mater*.

Архимандрит Андрей, в миру Иван Васильевич Сухоруков, родился 14 февраля 1937 г. в селе Дорогощь Борисовского района Белгород-

ской области в семье крестьянина Василия Прокофьевича и Екатерины Михайловны. Брат о. Андрея тоже принял монашеский постриг с именем Антоний, в сане архимандрита он проходил церковное служение на родине.

В 1957 г. окончил 10 классов.

С 1957 по 1962 г. обучался в Харьковском институте механизации и электрификации сельского хозяйства.

В 1962 г. работал инженером-механиком в колхозе «Россия» Ново-должанского района Харьковской области.

С 1963 по 1965 г. работал на Харьковском моторостроительном заводе инженером-технологом.

С 1964 по 1967 г. обучался на вечернем отделении Харьковского политехнического института без отрыва от производства. В 1965 г. переведен в Государственное специальное конструкторское бюро по двигателям, где работал инженером-конструктором, а затем ведущим инженером-конструктором. Одновременно состоял преподавателем Харьковского машиностроительного техникума. В эти же годы окончил университет технического прогресса (народный) и Курсы по изучению единой системы конструкторской документации. В этот период неоднократно награждался почетными грамотами и получил звание «Ударник коммунистического труда».

В 1974 г. поступил в Московскую духовную семинарию. Иерей Дмитрий Исаев в рекомендации, требовавшейся для поступления в Семинарию, писал: «Знаю его как человека-христианина, искренно нравственной жизни... Имеет стремление и страх Господень к соблюдению заповедей Господних и правил, установленных Святой Православной Церковью».

По окончании первого класса Семинарии он сдал экзамены и за второй и в связи с отличной успеваемостью был переведен на 3 курс МДС, которую полностью окончил по первому разряду в 1977 г. Единственные четыре «четверки» он получил по русскому, церковно-славянскому и греческому языкам, а также по письменным работам.

В 1981 г. окончил МДА и защитил кандидатскую работу по кафедре Пастырского богословия на тему «Учение о пастырстве по книге Деяний святых апостолов и апостольским посланиям». В отзыве до-

цента МДА архим. Иоанна (Маслова) отмечено, что «работа выполнена автором добросовестно, читается легко, с интересом и оставляет благоприятное впечатление». Интерес к теме пастырства появился у отца Андрея еще на первом курсе Академии, о чем свидетельствует сочинение-эссе на тему «Культура пастыря», в котором он, в частности, писал: «Главным источником культуры пастыря является Священное Писание и культура Церкви, непременно восполняемая огромным культурным богатством своего народа». По окончании Академии Иван Сухоруков исполнял обязанности помощника инспектора.

С 1978 по 1982 г. нес послушание экскурсовода в Церковно-археологическом кабинете МДА.

В 1981 г. утвержден в должности преподавателя Семинарии по сектору заочного обучения.

20 января 1982 г. пострижен в монашество с именем Андрей в честь святого апостола Андрея Первозванного: день ангела он отмечал 13 декабря.

15 февраля 1982 г. рукоположен во иеродиакона, а 7 апреля 1982 г. — во иеромонаха с возложением наперсного креста.

В 1982 г. был назначен временно исполняющим обязанности заведующего Церковно-археологическим кабинетом.

В 1983 г. утвержден в должности эконома объединенного хозяйства Лавры и Академии с освобождением от и. о. заведующего ЦАКом.

В июне 1983 г. возведен в сан игумена.

С 1983 г. преподавал литургику в Семинарии.

В 1984 г. награжден крестом с украшениями.

В 1985 г. возведен в сан архимандрита.

В 1986 г. награжден орденом преподобного Сергия III степени.

1 декабря 1986 г. освобожден от обязанностей эконома объединенного хозяйства Троице-Сергиевой Лавры и МДА в связи с разделением хозяйства.

1 февраля 1987 г. освобожден от работы в Московских духовных школах и направлен на пастырское служение в Харьковскую епархию.

25 июня 1988 г. назначен заместителем ректора по строительству и 27 августа восстановлен в должности преподавателя по Сектору заочного обучения.

В 1989 г. ко дню Святой Пасхи награжден правом служения Литургии с открытыми Царскими вратами до «Отче наш».

24 ноября 1996 г., к 100-летию Семинарского храма прп. Иоанна Лествичника, награжден орденом преподобного Сергия II ст.

6 июня 2001 г. архим. Андрей был освобожден от обязанностей заместителя ректора по строительству в связи с упразднением должности и переведен в число братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Служение архимандрита Андрея в Московских духовных школах совпало с периодом ректорства Высокопреосвященного архиепископа Дмитровского Александра. Этот период был ознаменован чредой юбилеев и важных событий в жизни Академии и всей Русской Церкви. На плечи архимандрита Андрея была возложена основная тяжесть и груз административной ответственности за проведение Академией строительных и реставрационных работ, а также забота по материальному и техническому обеспечению проводившихся в Лавре и Академии общецерковных торжеств. В июле 1985 г. Русская Православная Церковь торжественно отмечала 75-летие со дня рождения ее Предстоятеля Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. В праздник Казанской иконы Божией Матери, 21 июля 1985 г., архимандрит Иларион (Форкавец) в присутствии Высокопреосвященного архиепископа Александра и членов администрации Академии совершил освящение сооруженного неусыпными трудами отца Андрея большого академического актового зала, а 23 июля того же года в этом зале состоялся юбилейный торжественный акт: Священный Синод Русской Православной Церкви, представители государственной власти и общественных организаций чествовали Святейшего Патриарха Пимена в связи с его знаменательным юбилеем. В декабре 1985 г. Академия праздновала 300-летие своего основания в Москве. Юбилейное торжественное собрание в большом актовом зале Академии возглавил Святейший Патриарх Пимен.

В связи с подготовкой к общецерковному празднованию 1000-летия Крещения Руси и проведением в Академии грандиозных строительных и реставрационных работ была учреждена должность заместителя ректора по строительству. Первым в этой должности состоял бывший

эконом хозяйства Лавры и Академии, а затем наместник Московского Даниловского монастыря профессор архимандрит Евлогий (ныне архиепископ Владимирский и Суздальский). После назначения архимандрита Евлогия на должность первого проректора Академии в должности заместителя ректора по строительству был назначен отозванный из Харьковской епархии архимандрит Андрей. Под непосредственным руководством архимандрита Андрея был осуществлен огромный комплекс реставрационных работ в здании бывшей центральной районной больницы после передачи этого здания в распоряжение Академии. Находившееся в эксплуатации в течение многих десятков лет здание вследствие своего крайне запущенного состояния нуждалось в длительном капитальном ремонте, требовавшем по предварительной смете огромных денежных средств. Однако, вопреки прогнозам экспертов, отец Андрей при самом ничтожном расходе академических денежных средств и в минимально короткие сроки подготовил бывший больничный корпус к проведению учебных занятий, а помещение находившейся в этом корпусе церкви преподобного Иоанна Лествичника — к проведению постоянных утренних и вечерних богослужений.

Несмотря на свои заслуги перед Академией, которые были по достоинству оценены ректором Академии Высокопреосвященным архиепископом Верейским Евгением, представившим архимандрита Андрея к высокой церковной награде — ордену преподобного Сергия II степени — в связи с празднованием в 1996 г. 100-летия семинарского храма преподобного Иоанна Лествичника, отец Андрей всегда был тих, скромный, незаметен, всегда приветлив, корректен, доброжелателен, учтив и любезен. Никто не видел его в состоянии аффекта злобы, гнева или раздражительности, никому он не сказал грубого или обидного слова, никогда не появлялся он на больших церковных торжествах, никогда не носил дорогих одежд и украшений, никогда не имел служебного или личного автомобиля. Истинное монашеское смирение и терпение, украшавшие архимандрита Андрея, были отмечены наместником Лавры Высокопреосвященнейшим архиепископом Сергиево-Посадским Феоностом в надгробном слове перед отпеванием в Трапезном храме Лавры в Прощеное воскресенье, совпавшее в 2010 г. с празднованием

ОТДЕЛ III. ПАМЯТИ УСОПШИХ

Сретения Господня. «Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою *лучше* завоевателя города»¹. В смиренном и кротком облике отца Андрея, презревшего и отвергшего богатство, комфорт, славу и почести века сего и возлюбившего вольную нищету Христову, как будто таинственно просматриваются знаки сокровенных харизматических дарований, достоинство которых не мог увидеть и оценить оставленный им мир. Похоронен архимандрит Андрей на лаврском монашеском кладбище в селе Деулино. Вечная ему память и блаженное упокоение со святыми в небесных обителях Царя славы Христа!

Совет Московской духовной академии и семинарии

¹ Притч. 16, 32.

В. П. ОВСЯННИКОВ

СЛОВО ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА)¹

*Блаженны мертвые, умирающие в Господе;
ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих
и дела их идут вслед за ними*

(Откр. 14, 13)

14 июля 1994 года, в четверг, то есть в будний день (память святых бессребреников Космы и Дамиана), в Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре в Москве было необычно многолюдно. Так многолюдно, как бывает здесь только в большие церковные праздники. В тот яркий солнечный день монастырь-мученик, монастырь-исповедник принимал в свою землю светлые останки еще одного мученика, исповедника: обитель впервые после ее открытия в 1991 году совершала чин погребения — она хоронила одного из своих братьев, архимандрита Иннокентия, человека чистой души, высоких и творческих дарований.

Архимандрит Иннокентий (в миру Анатолий Иванович Просвирнин) скончался 12 июля — в день памяти святых правочерных апостолов Петра и Павла. Накануне отец Иннокентий служил в обители всенощное бдение. Наутро он готовился совершать позднюю Божественную Литургию. В самый праздник, выполнив обычное молитвенное правило, он вышел около семи часов утра из келлии, чтобы, как он сказал, пойти причастить одного больного. Внезапно на монастырском

¹ Данное слово, написанное вскоре после кончины архим. Иннокентия, осталось неопубликованным. В редакцию журнала «Богословский вестник» слово передано Константином Христовичем Мейханидисом (Афины, Греция), находившимся в близких дружеских отношениях и с митроп. Питиримом, и с архим. Иннокентием. Все примечания принадлежат редакции.

дворе ему стало плохо. Один из послушников, оказавшийся рядом, бросился к нему на помощь. Уже на лестнице, ведущей на второй этаж наместничьего корпуса, где находилась его келья, архимандрит Иннокентий потерял сознание и упал... Отца Иннокентия осторожно отнесли наверх, вызвали скорую помощь. Но «скорая» прибыла уже после того, как таинство смерти свершилось...

Кончина отца Иннокентия была удивительной, поистине безболезненной, непостыдной, мирной — как о том мы молимся за каждой Божественной Литургией и за каждым Всенощным бдением. В жизни он горел светлым и чистым огнем и скончался — словно бы ярко вспыхнул и тотчас сгорел... Сгорел быстрее, чем сгорает обычная церковная свеча. Кончина была почти мгновенной. Так уходят из жизни люди с чистой совестью и незамутненной душой.

Таким он всегда и был, таким его знали в Москве, в Издательском отделе Московского Патриархата, в подмосковном Сергиевом Посаде, где находится Троице-Сергиева Лавра и Московские духовные академия и семинария, и во многих других городах и селениях России и за ее пределами, в ближнем и дальнем зарубежье.

* * *

В Москву Анатолий Просвирнин приехал в 1958 году со своей родины, из Омска, после школы-десятилетки поступать в Московскую духовную семинарию. Тогда Семинария находилась в стенах Лавры и в тех же корпусах, в которых была Академия. Его приняли во второй класс (в Семинарии, в отличие от Академии, не курсы, а классы). Его теоретическая и практическая подготовленность была для того более чем достаточной. В Семинарии он сразу обратил на себя внимание не только высоким ростом, густой копной темно-русых волос и синими глазами. Привлекали к нему его серьезность, искренность, рассудительность, глубокое знание церковных правил и традиций, а также церковной службы, в том числе архиерейской; ему были присущи доброта, открытость, преданность избранному делу и предстоявшему служению.

Он родился 5 мая 1940 года в традиционно верующей православной семье Ивана Демьяновича и Марии Михайловны Просвирниных,

ныне покойных. Его мать незадолго до своей кончины приняла великую схиму с сохранением прежнего имени.

До поступления в Семинарию Анатолий был алтарником, затем иподиаконом сначала у епископа Венедикта (Пляскина; † 30 апреля 1976 г.) в Омске, позже у епископа (впоследствии архиепископа) Вениамина (Новицкого; † 14 октября 1976 г.) также в Омске, а потом и в Иркутске.

Через год после поступления в Семинарию Анатолий был призван в Советскую армию. Три года служил в Азербайджане. Свой гражданский долг он выполнил на отлично. От воинских начальников получил много благодарностей: и выраженных формально, и высказанных по-человечески просто и сердечно. После армии он вернулся в Семинарию.

Ему, как и всем другим нашим семинаристам, призванным в армию в те же годы, в конце 50-х и в 60-е, пришлось выдержать на своих юношеских плечах тяжелый груз оголтелой хрущевской атеистической, а точнее — антицерковной пропаганды, доведенной в Советской армии до абсурда. Статья 58-я тогдашнего УК РСФСР уже не применялась огульно по отношению к верующим и к деятелям Церкви, но принадлежность к Церкви тем не менее считалась признаком неблагонадежности. Так называемая «хрущевская оттепель» в то время принесла Церкви новые неисчислимые беды. Именно в 50-е—60-е годы и позже тысячи храмов, десятки монастырей, множество различных церковных учреждений были насильственно закрыты или отобраны у Церкви. За Церковь в целом и за отдельными ее деятелями был установлен тотальный надзор. Церковь была поставлена в унижительное положение хитроумно отделенной от государства организации, фактически без серьезных прав на существование. И все же Церковь жила и в этих невероятных условиях. И выжила! Другое дело — чего ей это стоило!

Тяготы воинской службы морально и духовно закалили будущего воина Христова. Но здоровье подорвали: образовалась язва в желудке, позже и сердце стало беспокоить — начались постепенно углублявшиеся приступы стенокардии.

1963 год оказался для Анатолия переломным.

23 мая 1963 года, в праздник Вознесения Господня, была совершена хиротония ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандрита Питирима (Нечаева) во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Одновременно на епископа Питирима были возложены, согласно патриаршему и синодальному определению, обязанности Председателя Издательского отдела Московского Патриархата. В тот же день за Божественной Литургией Анатолий Просвирник стал иподиаконом преосвященного Питирима и тогда же начал свои труды в Издательском отделе и в редакции «Журнала Московской Патриархии». Этим трудам он отдал 30 лет, то есть больше половины своей не столь долгой, но прекрасной жизни.

Это были годы тесного, доброго, искреннего и многополезного сотрудничества двух безусловно талантливых людей, всецело посвятивших себя Церкви. Анатолий (а потом Иннокентий) весьма много воспринял от владыки Питирима (впрочем, не он один). Все лучшие задатки отца Иннокентия, все таланты его души и его сердца раскрылись под умелым водительством этого щедро одаренного Богом архиерея: это особо бережное отношение к святыне; благоговейная строгость и мерность при совершении богослужений; любовь к порядку и чистоте во всем, наипаче в том, что касается храма и совершаемых в нем служб; умение видеть проблему и правильно, своевременно ее решить; редкий дар общения с людьми; умение находить прекрасное даже в малом; талант терпения, способность проявить в нужный момент выдержку; умение ждать и не форсировать событий, а с другой стороны, быть быстрым и энергичным; умение быть одновременно и бережливым, и щедрым хозяином-руководителем; это любовь к иллюстрации и умение в совершенстве владеть фотоаппаратом и другой техникой журналиста; профессиональное видение текста и исключительная способность работать с текстом быстро и весьма качественно... Отец Иннокентий снимал прекрасно, на высоком уровне. И, в частности, одну из последних своих съемок он сделал за несколько месяцев до кончины — на горе Синай. Позже в своей келье он показал автору этих строк слайд-фильм о том месте на Синае, где пророк Моисей принял Скрижали Завета — Десять Заповедей Божиих.

Духовное возрастание Анатолия совершалось под влиянием семьи Нечаевых, к которой принадлежал владыка Питирим. Глава этой большой семьи, протоиерей Владимир Нечаев, был потомственным священником: по духовной линии род Нечаевых насчитывает 300 лет. Отец Владимир — новомученик Церкви Российской: в 30-е годы он был репрессирован и сослан в длительную ссылку. Мать семейства, Ольга Васильевна, была дочерью священника. После ареста отца семья оказалась на бесправном, а потому особенно страшном в то время положении семьи «врага народа». В семье следовали исконно русским православным традициям и обычаям. Братьев и сестер Нечаевых, также как и отца, и мать, отличали широкая образованность, общая высокая культура. Анатолий был принят в дом Нечаевых — в дом владыки Питирима — как родной и прожил в нем несколько лет.

После Семинарии была Академия. Научные интересы Анатолия определились еще до Академии. Монашество, старчество, миссионерство, церковные архивы, издательская деятельность Церкви, книжность на Руси с древнейших времен. Его призвание как историка Русской Православной Церкви выявилось с очевидностью. Церковным архивам он придавал особое значение, считая их, по справедливости, первоисточниками и обращенность к ним — важнейшим делом для историка. Это определяло и планы его научной и редакционно-издательской деятельности: работу в библиотеках, музеях, по возможности — в архивах, творческие поездки по стране и за рубеж. Из своих поездок он всегда привозил ценнейшие материалы, что составило, в свою очередь, уже его личный, по существу бесценный и необъятный архив.

Свою первую солидную научную работу — курсовое сочинение (или диссертацию) — он посвятил Оптиной Введенской пустыни и по окончании Академии был удостоен за нее степени кандидата богословия. Он был оставлен в Московских духовных школах преподавателем истории Русской Православной Церкви².

² О научных занятиях архим. Иннокентия см. также выше в статье Д. В. Сафонова «Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период» (С. 634).

Это было в 1968 году. А двумя годами раньше, 1 апреля 1966 года, он был назначен редактором, заведующим двумя отделами (проповеди и богословским) «Журнала Московской Патриархии». В конце 1975 года, в бытность его протоиереем, он был введен в состав редколлегии ежегодного сборника «Богословские труды». Позже, в конце 1976 или в начале 1977 года, он был назначен заместителем главного редактора по научной работе.

С приходом нового редактора заметно изменилось лицо журнала. На еженедельные редакционные совещания он приносил горы интереснейших материалов, которых всегда хватало более чем на целый номер, а иногда и на несколько номеров. Интенсивной была и его авторская работа: статьи, библиографические исследования, публикации преимущественно исторического, историко-археологического, литургического характера. Некоторые статьи и материалы были опубликованы под псевдонимом А. Вольгин. В основу псевдонима было положено имя Ольга — имелась в виду святая равноапостольная великая княгиня Российская Ольга, которую отец Иннокентий очень чтит и посвящал ей статьи на страницах журнала.

4 февраля 1970 года, в день памяти апостола Тимофея и в день 25-й годовщины интронизации Святейшего Патриарха Алексия I, Анатолий Просвирнин был рукоположен преосвященным Питиримом во диакона, а 22 февраля того же года, в день празднования обретения мощей святителя Иркутского Иннокентия, — во пресвитера. 27 декабря 1977 года отец Анатолий был пострижен в Троице-Сергиевой Лавре в монашество с именем в честь святителя Московского Иннокентия († 31 марта 1879 г.), одного из великих российских подвижников-миссионеров, апостола Америки и Сибири, прославленного в лике святых 23 сентября/6 октября того же 1977 года. Постриг совершил одноклассник отца Иннокентия по Семинарии, наместник Лавры архимандрит Иероним (Зиновьев). Так отец Иннокентий был принят в братство обители Сергиевой. В 1978 году он был возведен в сан игумена, в 1981 удостоен сана архимандрита.

Помимо журнала и «Богословских трудов» он участвовал в работе над многими изданиями, так же отдавая этой работе всего себя, всю свою энергию, все таланты и силы своей души. Полностью перечис-

лить все, что было сделано отцом Иннокентием, здесь не представляется возможным — в итоге получится не слово, не статья, а книга. Ибо необходимо упоминать не только о том-то и о том-то, но непременно анализировать все им сделанное и обязательно отмечать в проделанной работе то оригинальное и новое, что можно назвать счастливыми находками отца Иннокентия — талантливого редактора, автора, историка, археографа, агнографа, архивиста...³ Отметим лишь наиболее значительное в его работе.

Во-первых, это подготовка к печати Библии издания 1968 года (фактически Библия вышла в свет в 1969 году). С его участием были подготовлены вклады с иконами и картами, отработан список сокращенных названий книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Была проделана и другая работа. Одной из его интересных находок был древний новгородский крест, помещенный впервые на обложке и титульном листе этой Библии и затем воспроизводившийся практически на всех изданиях, выпускавшихся Издательским отделом (разумеется, там, где необходимо было помещать крест). Этот крест в Издательском отделе нередко называли иннокентьевским. Особенность этого креста — его пропорциональность.

Издание Нового Завета 1976 года также осуществлялось с его участием: вычитка всего текста, выверка параллельных мест, подготовка оригинальных иллюстраций на форзацы...

Значителен вклад отца Иннокентия в многотомное издание «Настольной книги священнослужителя», прежде всего — это том 2-й и том 3-й, содержащие месяцеслов житий святых Православной Церкви. В «Журнале Московской Патриархии» (1979, № 6) в библиографической заметке, посвященной выходу в свет 2-го тома (о 3-м томе, к сожалению, нет публикации в журнале), говорилось: «Работу над книгой выполнили преподаватели и студенты Московских Духовных школ и сотрудники Издательского отдела Московского Патриархата под руководством игумена Иннокентия (Просвирника)». В предисло-

³ См. ниже интервью Д. В. Сафонова с Н. Л. Лисовым: «Долг неоплатный» (С. 982–1006). В этом интервью дается целостный и живой взгляд на многогранную деятельность архим. Иннокентия.

вии ко 2-му тому отмечалось, что в месяцеслове учтены все основные достижения русской агиографии (на конец 1970-х годов). В числе этих достижений — творческие находки и отца Иннокентия.

Особо следует сказать об издании богослужебных Миней (или месячных Миней), предпринятом по инициативе архиепископа Волоколамского Питирима в связи с 1000-летием Крещения Руси. Для подготовки этого издания была создана творческая рабочая группа, называвшаяся «Минейной группой».

Отец Иннокентий проделал большую работу над месячными Минейми. Ему принадлежала идея включения служб русским святым в корпус месячных Миней, и он сам выполнил всю работу над этими службами. Правда, сначала отец Иннокентий выступил с предложением издать отдельно собрание служб русским святым. Но на одном из расширенных редакционных совещаний его участники говорили о том, что на клиросах в храмах неудобно пользоваться двумя разными книгами, намного удобнее будет, если службы русским святым окажутся включенными в одну книгу — в традиционную Минею. Так и было сделано.

В связи с выходом в свет первых двух — сентябрьской и октябрьской — Миней (соответственно в сентябре 1979 и июле 1980 года) игумен Иннокентий рассказал в «Журнале Московской Патриархии»⁴ о подробностях этой чрезвычайно обширной работы.

И если месячные Минеи по праву можно назвать делом всей жизни отца Иннокентия, то тем более это определение приложимо к другой грандиозной работе — к 10-томной «Русской Библии», или «Иллюстрированной Библии» (восемь томов собственно Библии и два тома приложений и научных комментариев). Работа над этим уникальным изданием продолжалась, как говорил отец Иннокентий, 20 лет, в том числе 7 лет подготовки собранного материала к печати. При жизни отца Иннокентия свет увидели только два тома, 7-й и 8-й, включающие в себя все книги Нового Завета.

«Русская Библия» состоит из двух параллельных текстов. Основной текст — это Библия 1499 года. Обычно ее называют «Геннадий

⁴ *Иннокентий (Просвирнин), игум.* К юбилею Русской Церкви // ЖМП. 1980. № 9. С. 80.

евской» по имени святителя Геннадия, архиепископа Новгородского († 1505 г.), хотя более точно следовало бы назвать эту Библию «Геннадиево-Иосифовской», ибо в работе над ней принимал участие просвещеннейший муж — преподобный Иосиф Волоцкий († 1515 г.), друг и сподвижник святителя Геннадия.

Библия 1499 года — это первый полный свод библейских книг на Руси. До названного времени на Руси имели хождение лишь отдельные книги Святой Библии или части книг, включавшиеся в различные сборники, предназначенные для духовно-назидательного чтения.

Безусловная ценность этой Библии в том, что она является прототипом целого ряда впоследствии издававшихся Библий на Руси: Острожской (1581), Елизаветинской (1751) и иных — тех, что мы называем Библией на церковнославянском языке и книги которой используются у нас за богослужением. Эта Библия явилась также основным, базовым текстом для Библий всех славяноязычных стран.

Второй, параллельный текст — это всем нам хорошо известный синодальный перевод Библии на русский язык, заверченный к 1876 году и опубликованный в 1877. Работа над этим переводом была начата в 1860 году большой группой профессоров — ученых, богословов, а также студентов четырех духовных академий под руководством и при участии великого российского иерарха, митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова, † 1867 г.). 4 декабря 1994 года Архиерейским Собором он прославлен в лике святых.

Русская Библия отца Иннокентия богато иллюстрирована книжными миниатюрами и орнаментами, взятыми из библейских книг русской рукописной традиции с X по XX век. Митрополит Питирим назвал это издание Библии антологией русской книжной миниатюры и каллиграфии.

Мало кто знает о том, сколько сопровождало эту неповторимую работу трудностей, проблем, препятствий: финансовых, организационных, производственных и иных — и сколько невероятных усилий потребовалось отцу Иннокентию приложить к тому, чтобы все их преодолеть... Об этом знают лишь его помощники по работе (в их числе — Ольга Курочкина), некоторые родственники (например, Виктор Казанцев, кандидат богословия) и ближайшие друзья... Во всяком слу-

чае, поразительная научная интуиция и духовное видение отца Иннокентия оказались на редкость точными, верными во всех отношениях. И не только потому, что здесь соединены вместе две русские Библии разных времен (каждая из них по-своему является первой), не только потому, что это издание вновь напоминает нам о величайших в нашей российской истории именах, но и потому, что этот труд дает всем нам редкую возможность как бы прикоснуться к нашим духовным, священным корням...

Значительной была доля участия отца Иннокентия в совместном с издательством «Аврора» изданиях Евангелий Апракос — Остромирова и другого, несколько более позднего по времени его создания, Мстиславова — с научным сопровождением.

В жизни и работе он был первооткрывателем, особенно в церковной науке и в редакционном послушании. Он заново как бы открывал то, чего мы просто не знали, или что-то основательно забыли, или на что был наложен конъюнктурный запрет советской властью, но о чем мы, люди церковные, должны помнить и что мы обязаны знать или на что мы обязаны по-новому взглянуть. Это — Оптина Введенская пустынь и Русский Пантелеимонов монастырь на Святой Горе Афон, Троице-Сергиева Лавра и обитель преподобного Иосифа Волоцкого (к слову, книга-альбом о Сергиевой Лавре, выпущенная отцом Иннокентием в 1987 году и посвященная им 1000-летию Крещения Руси, остается непревзойденной да и, наверное, останется таковой в ряду подобных изданий). Это — святая равноапостольная княгиня Ольга, святой равноапостольный архиепископ Японский Николай и святой митрополит Московский Иннокентий; это — святители Сибирские: Тобольский Иоанн, Иркутский Софоний, Иркутский Иннокентий I; это — епископ Чигиринский Порфирий (Успенский), викарий Митрополита Киевского, и архимандрит Макарий (Глухарев), архимандрит Леонид (Кавелин) и архимандрит Антоний (Капустин); это — священник Павел Флоренский и многие, многие другие российские подвижники духа, подвижники науки, миссионеры, новомученики, имена и труды которых он прекрасно знал и кого он глубоко и молитвенно чтит. Это также — Куликовская битва и Великая Отечественная Война 1941—1945 годов...

Он был историком в буквальном смысле этого слова (греческое *ιστορία* означает «исследование, расспрос»). Отец Иннокентий воспринял идею русской святости, идею особого значения святых в истории Церкви через Василия Осиповича Ключевского, через Митрополита Московского Макария (Булгакова), через архиепископа Харьковско-го Филарета (Гумилевского) и других отечественных православных историков: история Церкви — это история ее святости, это история ее святых. Святитель Московский Филарет (Дроздов) говорил: «Церковная история — это общее святилище, питающее не ум только, но и сердце». Свидетельства такой истории, свидетельства святости отец Иннокентий искал всегда и везде находил их. В этом смысле он остался верен себе до конца. И в Московских духовных семинарии и академии, где отец Иннокентий был преподавателем, а затем доцентом, он учил именно такой истории. Об этом было сказано в одном из слов в его память в день его погребения.

Диапазон научной и общественной работы отца Иннокентия был весьма широк. Он активно участвовал в деятельности ряда фондов, комитетов, комиссий, в частности, был членом Археографической комиссии Академии наук СССР (теперь Российская Академия наук). Его не сразу туда приняли: в те застойные годы такое было практически невозможно: монах, священник — в Академии наук! И все-таки приняли. И потом давали ему самые высокие оценки, самые прекрасные характеристики и как ученому, и как человеку, и даже как священнику. Его постоянно приглашали на различные конференции, симпозиумы, диспуты как в нашей стране, так и за ее пределами.

Чрезвычайно важное значение отец Иннокентий придавал тому, кто назначался на ту или иную церковную должность в Издательском отделе, кому поручалась та или иная редакторская или авторская работа. На редакционных совещаниях, если начиналось новое дело, он всегда спрашивал: «Чьими руками это будет делаться?», — имея в виду то, что всякое церковное дело должно выполняться человеком церковным, а это значит — с руками добросовестными и с чистым сердцем.

Как архимандрит он нес череду служения в домово́й церкви преподающего Иосифа Волоцкого в Издательском отделе. Его ти́анием, его

трусами был приобретен для этого храма прекрасный старинный колокол, в который звонили перед началом Божественной Литургии (совершавшейся в храме еженедельно), за Литургией к «Достоинно...» и перед всяким другим богослужением в том же храме.

За церковные заслуги архимандрит Иннокентий был удостоен Священноначалием высоких наград — орденов святого князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского II степени.

Сделано было отцом Иннокентием чрезвычайно много. Когда и как он все успевал? К сожалению, многое осталось незавершенным, нереализованным.

Не удалось завершить и издать книгу-альбом «Афон» — совместную работу Академии наук и Издательского отдела (по результатам научной экспедиции группы под руководством отца Иннокентия на Святую Гору Афон незадолго до празднования 1000-летия Крещения Руси).

Им был собран материал для книги «Русская Православная Церковь. 1941—1945 гг. (Вклад Русской Православной Церкви в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне)». Не хватило времени и сил, а также главного, что требовалось для этой книги, — архивных материалов, доступа к которым отец Иннокентий в то время, в 80-е годы, не получил.

Не успел он издать⁵ полностью имевшиеся у него деяния и труды Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. Первые два тома из намеченной серии изданы уже после его смерти Новоспасским монастырем.

Он возглавлял работу группы ученых-архивистов над многотомной серией под общим названием «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России (аннотированный справочник-указатель)». При его жизни вышел из печати только 1-й том этого ценнейшего для историка труда (издание Новоспасского монастыря).

⁵ Архим. Иннокентий готовил переиздание, а не первое издание, так как Деяния уже были изданы сразу после Собора (Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. 1. М., 1918; кн. 2, 3. Пг., 1918).

Им был подготовлен к печати, но не увидел свет интереснейший «Месяцеслов» — своеобразный труд известного историка и богослова, архиепископа Казанского и Свияжского Дмитрия (Самбикина; † 1908 г.)⁶. Причина была прозаической: началась инфляция и не нашлось денег на оплату бумаги и типографских расходов. Мы же лишились возможности получить талантливо выполненную работу, содержащую жития святых Православной Церкви, многочисленные и оригинальные сведения о церковных обычаях в связи с церковными праздниками, пояснения церковных терминов и трудных для понимания слов. Акцент в этой самобытной работе сделан на житиях святых, в том числе и местночтимых, на праздниках и Богородичных иконах Русской Православной Церкви.

Несбывшейся мечтой отца Иннокентия осталась патрология отечественных святых — святых Русской Православной Церкви. Но материалы для этой уникальной патрологии, каковой не было и пока нет еще на Руси, он собирал на протяжении многих лет. В последние годы он планировал издать отдельно труды своего Небесного покровителя — святителя Московского Иннокентия.

Сравнительно недолгое время (два или три года) отец Иннокентий состоял в братстве Успенского ставропигиального монастыря преподобного Иосифа Волоцкого, что примерно в 25 километрах от Волоколамска, и занимался там хозяйственными и восстановительными работами. Там же он трудился и в научном центре — Музее Библии, учредителем и основателем которого был митрополит Питирим. Среди экспонатов Музея — издания Библии и библейских книг разных времен и на многих языках, литература по библейской науке, работы по Библии предыдущих лет и многое другое, что связано со Святой Библией.

Произволением Божиим именно в этой обители с архимандритом Иннокентием случилась трагедия, которая, по-видимому, ускорила его кончину. Между 2-м и 3-м часами ночи 1 апреля 1993 года в настоятельском корпусе на него напали двое — уголовники, бандиты.

⁶ Этот труд впервые был издан в конце XIX в.: Месяцеслов святых, всей Русской Церковью или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и святых угодников Божиих в нашем Отечестве. Вып. 1—4. Тамбов, 1878—1883.

Они каким-то диким способом связали отца Иннокентия, вывернув ему руки и ноги, перетянули шею электрическим шнуром, так что он едва не задохнулся, и затем били — долго, зло и жестоко. «Били на смерть», — как сказал потом отец Иннокентий. Они требовали выдать им ценности (которых, естественно, не было), а с другой стороны, они вершили злобный акт мести. Дело в том, что незадолго до этой трагедии они просились в монастырь рабочими, и отец Иннокентий принял было их на испытательный срок. Но эти двое начали бесчинствовать в обители, о чем, как сказал бы святой апостол Павел, *и глаголати срамно еств*⁷, и на что этим двоим и было указано. Но они не унимались и продолжали свое. Отец Иннокентий отчислил их, так и не успев принять в штат рабочими.

О происшедшем в монастыре избиении отец Иннокентий подал подробный рапорт игумену монастыря высокопросвященному митрополиту Питириму. Но одновременно отец Иннокентий отказался от судебного преследования тех двоих. И в этом, как мы полагаем, он последовал примеру преподобного Серафима Саровского, также подвергшегося нападению со стороны двух разбойников и жестоко ими избитого. Для отца Иннокентия все происшедшее было серьезным испытанием его веры, его православного чувства, и, по нашему убогому разумению, он его достойно выдержал.

Господь сподобил отца Иннокентия в год его кончины особой милости: он провел некоторое время в древнем и знаменитом Киккском монастыре на Кипре, совершил паломничество в дни праздников Рождества Христова и Богоявления, Крещения Господня, во Святую Землю и молился на Голгофе и у Гроба Господня, побывал на священной горе Синай, в монастыре святой великомученицы Екатерины.

* * *

Он в чем-то походил на своих первых наставников и учителей — епископа Венедикта (Пляскина) и архиепископа Вениамина (Новицкого) — стойкостью характера, мужеством, честностью и многими другими качествами.

⁷ Еф. 5, 12.

Это были архипастыри совершенно разные по характеру, по их взаимоотношениям с людьми. Епископ Венедикт, как говорят, был жестче и менее терпелив, чем владыка Вениамин, который был мягок и добр. Но оба они испили полную чашу страданий в этой земной юдоли. Владыка Венедикт (в то время священник), как сказано в его биографии, составленной в наши застойные времена, с 1936 по 1941 год работал в гражданских учреждениях (читай: в лагерях) в Тюмени, а затем более года находился на одном из фронтов Великой Отечественной войны. В биографии владыки Вениамина был пропуск в отношении периода 1945 — конца 1956 года. Эти ничем не отмеченные в формуляре 12 лет он находился в советской тюрьме (тогда еще он не был епископом).

И вот что удивительно: пребывание в советских лагерях и тюрьмах не озлобляло церковных людей — узников совести и мучеников за веру Христову. Об этом говорили и они сами, и те, кто находился с ними в местах заключений. Они терпеливо несли на себе невероятно тяжкий груз несправедливого суда, несправедливого приговора и незаслуженных страданий. Несли, не взывая к отмщению и не требуя наказать своих мучителей,

Общение с такими архипастырями наложило отпечаток на характер отца Иннокентия, укрепило его православное мировоззрение, углубило его серьезность, вдумчивость, чувство ответственности за порученное дело, хотя сам он по природе был жизнерадостен, доброжелателен, обладал тонким чувством юмора.

Позже, будучи сотрудником Издательского отдела и редакции «Журнала Московской Патриархии» — редактором и издателем в церковном сане, — он много путешествовал по нашему Отечеству и посетил немало бывших мест заключений (в подобные действовавшие места священников тогда, в 60-е — 80-е годы, не пускали). Он взял себе за правило и придерживался его неуклонно: в каждом посещаемом городе или селении прежде всего бывать в храме и на кладбище и непременно посещать места, где похоронены узники совета и веры... Там он обязательно служил заупокойную литию и поминал поименно всех, кого знал, а об иных возносил общую молитву.

Впоследствии отцу Иннокентию довелось встречаться с очень многими церковными деятелями разных достоинств и положений, прошед-

шими через подобные горестные испытания. Из них назовем здесь два имени: бывшего оптинского инокa, богомудрого старца схиархимандрита Севастиана (Фомина; † 19 апреля 1966 г.), служившего в казахстанской Караганде, и митрополита Тетрицкарройского Зиновия (Мажуги; † 8 марта 1985 г.), иерарха Грузинской Православной Церкви, глубокого молитвенника и подвижника, окормлявшего паству русского Александрo-Невского храма в Тбилиси.

Отец Иннокентий проявлял особый интерес к братской православной Грузии, к грузинскому монашеству и старцам Грузии, к грузинским святыням и подвижникам. Он много раз бывал в Грузии, работал там с книгами и архивами. Несколько полок одного из стеллажей в его рабочем кабинете «на Погодинке» занимали книги на грузинском языке: творения отцов Грузинской Церкви, житийные, исторические, архивные и другие материалы.

Автору этих строк спустя 48 дней после кончины отца Иннокентия довелось встретиться и побеседовать с Предстоятелем Грузинской Православной Церкви — Святейшим и Блаженнейшим Католикосом-Патриархом Илией II. Было это в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 28 августа 1994 года, в Армении на похоронах Патриарха и Католикоса Васгена I. На вопрос, знает ли он о кончине архимандрита Иннокентия, Святейший Илия ответил: «Да, знаю. И Грузия знает. — Молитесь, Святейший Владыка, о упокоении усопшего брата нашего Иннокентия. — Грузия любит его, помнит и молится о нем!» — таков был ответ патриарха Илии.

Но о нем молилась не только Грузия. О нем молились во Святой Земле и на Священном Синае, на Кипре и в Лондоне, в Афинах и на Святой Горе Афон, о нем молилась Москва и Московская область, Беларусь и Украина, Алма-Ата и Караганда, Санкт-Петербург и многие другие города и веси европейской части России, о нем молились Сибирь и Дальний Восток... О нем помнили и молились в Норильске. Этот город с короткой, но исполненной трагизма историей отец Иннокентий посетил дважды. Первый раз в декабре 1988 года для участия в праздновании городом 1000-летия крещения Руси. Отец Иннокентий внес посильный вклад в решение непростого вопроса открытия право-

славного Скорбященского прихода — первого прихода в этом заполярном городе стратегического значения. Норильчане нарекли архимандрита Иннокентия крестным отцом своего города.

* * *

Нелегко писать в прошедшем времени о человеке, с которым соприкасался на протяжении 36 лет практически ежедневно, без которого не представлял себе ни обыденной жизни, ни работы повседневной, совет которого воспринимал как чистое дуновение, как освежающий глоток чистой воды, ибо это были советы истинного монаха и пастыря и светлой души человека. У него было редкое по нашим меркантильным временам качество — доверие к людям, подлинно христианское, а значит искреннее послушание — подчинение властям и гражданским, и церковным. Но он постоянно сталкивался с мелочной расчетливостью, с равнодушием, даже с враждебностью и завистью. Против кого враждовали и чему завидовали?

Тому, что он работал до изнеможения почти круглые сутки, не зная выходных и отпусков? Или тому, что он работал последние несколько лет, будучи серьезно болен? Может быть, тому, что он многое в своей работе делал бескорыстно, нередко вкладывал в служебные, скажем так, дела свои же средства, порой оставаясь без денег и беря эти самые деньги в долг?

Неудачи последних лет отнюдь не содействовали укреплению здоровья отца Иннокентия и не прибавляли ему сил. Отчисление из Московских духовных школ, выселение из Водяной башни Троице-Сергиевой Лавры (в этой башне после ее ремонта за счет Издательского отдела он создал церковный научно-исследовательский центр), затем — отчисление из самой Лавры, дикое избиение двумя преступниками в Иосифо-Волоцкой обители... Не много ли для одного человека на протяжении всего лишь нескольких лет?!

В Новоспасском монастыре в Москве, где наместником является его ученик и друг архимандрит Алексей (Фролов)⁸, отец Иннокентий поселился в келье епископа Порфирия (Успенского; † 19 апреля 1985 г.).

⁸ Ныне архиепископ Костромской.

Большую часть времени отец Иннокентий проводил в келье лежа, много ходить он не мог, а если и ходил, то опираясь на палку.

Конечно, все мы знаем слова из Евангелия от Луки: *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас и будут поносить, и понесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах...*⁹. Но в жизни мы не всегда бываем готовы должным образом воспринять эти священные слова. Верим, что они сбылись на брате нашем Иннокентии. Не случайно он не раз говорил своим ближайшим друзьям: «Не живи как хочется, а живи, как Бог велит».

Его отпевание было совершено тридцатью священниками разных достоинств во главе с архимандритом Алексием и с участием нескольких диаконов. Проститься с почившим к началу Божественной Литургии в обитель прибыл ее Священноархимандрит — Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сопровождении своего викария епископа Истринского Арсения. За Божественной Литургией, а затем и на отпевании молился Высокопреосвященный митрополит Питирим, председатель Издательского отдела Московского Патриархата¹⁰. Он воздал последнее целование останкам своего ученика и сороботника. После отпевания торжественная погребальная процессия обошла с гробом вокруг Спасского собора и остановилась у открытой могилы напротив алтарной абсиды. Могильный холм был увенчан большим деревянным крестом и весь усыпан и уставлен цветами. На могиле были зажжены свечи.

Теперь всякий входящий в монастырь и идущий в Спасский собор непременно увидит и могилу, и крест на ней — могила оказывается по правую руку идущего в храм. И это прекрасно, ибо не только братия монастыря и те, кто знал отца Иннокентия, но и не знавшие его могут поклониться его могиле и вознести о нем молитву.

При жизни отец Иннокентий был постоянно окружен людьми: в Московских духовных школах это были семинаристы и студенты, профессора и преподаватели, в храме и монастыре — прихожане и братия,

⁹ Лк. 6, 22–23.

¹⁰ Скончался 4 ноября 2003 г.

в Издательском отделе — сотрудники и посетители. Бывали дни, когда поток посетителей к нему в его редакционный кабинет не прерывался ни на минуту. И он сам многих посещал — близких, друзей, особенно больных и немощных — как пастырь, как духовный наставник, а иных — как редактор и издатель, как общественный деятель. Паства его была весьма значительна, круг лиц, общавшихся с ним, был очень широк. После него остались не только его труды, осталась любовь к нему и память о нем в сердцах человеческих. Любовь самая глубокая, память самая искренняя, которую мы соединяем с молитвой и которую возглашаем как «вечную память».

ДОЛГ НЕОПЛАТНЫЙ

(БЕСЕДА Д. В. САФОНОВА С Н. Н. ЛИСОВЫМ,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ДОЦЕНТА МДА
АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТИЯ (ПРОСВИРНИНА))¹

— Николай Николаевич, сегодня, в день нашей с вами беседы, 12 июля, исполняется ровно 15 лет со дня преставления архимандрита Иннокентия. Не могли бы вы поделиться своими воспоминаниями об этом человеке? Я знаю, что когда вы с ним познакомились, вы были молодыми людьми, хотя отец Иннокентий был на 6 лет старше. Он родился в 1940 году. Расскажите о знакомстве и сотрудничестве с ним.

— Отец Иннокентий, в миру Анатолий Иванович Просвирнин, — сибиряк. Родился в Омске, с 10 лет алтарничал в храме, то есть был мальчиком-алтарником. Потом иподьяконом. Был иподьяконом и в Иркутске, у владыки Вениамина (Новицкого)², и в каком-то смысле

¹ Интервью было дано 12 июля 2009 г. Все примечания к тексту интервью подготовлены Д. В. Сафоновым.

² Вениамин (Новицкий Сергей Васильевич; 4 сентября 1900 г. — 14 октября 1976 г.), архиепископ Чебоксарский и Чувашский. В 1914 г. окончил Слуцкое ДУ, поступил в Воронежскую ДС, через год перешел в Минскую ДС, где учился до ее закрытия в 1919 г. В 1925—1929 гг. был студентом православного богословского факультета Варшавского университета. В августе 1928 г. вступил в число братии Почаевской в честь Успения Пресвятой Богородицы Лавры, где 15 сентября того же года был пострижен в монашество, на следующий день рукоположен во иеродиакона, 25 декабря — во иеромонаха. В 1941 г. решением Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и Священного Синода Вениамину определено быть викарием Вольнской епархии. Архиерейскую хиротонию во епископа Гинского и Полесского 15 апреля 1941 возглавил митрополит Николай (Ярушевич). После оккупации Украины немецкими войсками вошел в юрисдикцию канонической автономной Украинской Православной Церкви (УПЦ), выступал против автокефалистских и националистических тенденций, поддерживаемых фашистским командованием. 18 мая 1944 г. арестован в Почаеве «за сотрудничество с оккупантами», был приговорен к 15 годам ИТЛ. 15 августа 1955 г. епископ Вениамин был освобожден из Севлага в Магаданской области. 22 ноября 1956 г. назначен епископом Омским и Тюменским. 20 февраля 1958 г. переведен в сан архиепископа. 21 февраля 1958 г. переведен на Иркутскую и Читинскую

он может быть назван его духовным сыном, потому что архиепископ Вениамин оказал на него, конечно, большое влияние.

Архиепископ Вениамин сам по себе был очень интересный человек. Это один из участников автономной православной Церкви Украины во время войны, которую организовал архиепископ Алексий (Громадский)³. И, собственно, насколько я понимаю, к тому времени, когда мы общались с владыкой Вениамином, он, в общем-то, единственный и уцелел из всей этой автономной Украинской Церкви. В свое время он окончил теологический факультет Варшавского университета. В то время, когда у него стал иподьяконом отец Анатолий (будущий отец Анатолий, тогда еще Толя Просвирнин), владыка сравнительно недавно освободился из лагеря. В 60–70-е годы это был единственный из наших архиереев безбородый. Потому у него голова была, как в старину говорили, «лысая, как коленка». Все волосы и на голове, и на бороде у него просто вылезли. Он был замечательный человек и глубокий богослов, носитель традиций еще довоенного епископата. И именно он благословил Толю Просвирнина пойти учиться в Семинарию, учиться в Академии, идти по богословскому пути. Соответственно, как тогда было положено, Толя поступил в семинарию⁴. По-моему, с

кафедрой с поручением временного управления Владивостокской и Хабаровской епархий. В конце 60-х гг., во время очередного объезда епархии, подвергся радиоактивному облучению, после чего у него началась лучевая болезнь, вследствие чего выпали волосы. 31 мая 1973 г. был назначен архиепископом Чебоксарским и Чувашским. См. подробнее: *Липаков Е. В.* Вениамин (Новицкий) // ПЭ 7. 2004. С. 641–642.

³ Алексий (Громадский Александр Якубович) (1882–1943), митрополит. С 1918 г. в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. Епископ Гродненский и Новогрудский, член Синода автокефальной Православной Церкви в Польше (1923). В 1940 г. возвратился в юрисдикцию Московского Патриархата. Архиепископ Ровенский и Кременецкий (1941). После установления режима немецко-фашистской оккупации не признал юрисдикции митрополита Варшавского Дионисия (Валединского) на Украине и предпринял меры по установлению канонически правомерного церковного управления. В августе 1941 г. созвал в Почаевской Лавре епископское совещание, на котором было принято решение о восстановлении автономного статуса УПЦ в юрисдикции Московского Патриархата. В ноябре 1941 г. избран Экзархом Украины. Позднее возведен в сан митрополита Вольнского и Житомирского. Убит по дороге из Кременца в Луцк украинскими националистами.

⁴ В 1958 г. Анатолий Просвирнин поступает во второй класс МДС.

первого или со второго курса его взяли в армию⁵. Он отслужил в армии, вернулся в семинарию, закончил ее⁶. Закончил Академию⁷, и когда мы с ним познакомились, он уже работал в редакции у владыки Питирима, в редакции «Журнала Московской Патриархии», и был иподьяконом у владыки Питирима.

Познакомились мы с Толей ровно 40 лет назад — весной 1969 года: тоже можно отметить юбилей. Все это время отец Иннокентий, или Толя Просвирнин, присутствует в моей жизни — но последние 15 лет только в молитвах и в памяти. Познакомились же мы таким образом. Владыка Питирим задумал издать (у него была такая заветная идея: издать для широкого, а значит, к сожалению, западного читателя, потому что тогда широкого советского читателя для богословской литературы еще никак не предполагалось) — издать для широкого читателя хорошую книгу о Русской Православной Церкви, которая была бы свидетельством и ее современного состояния, в том числе ее современной богословской мысли. А для этого, естественно, нужно было попытаться реализовать весь тот богословский потенциал, который с 1917 года и до нашей встречи в 1969 году пребывал в известном смысле в забвении, у нас в стране во всяком случае.

Надо сказать, что отцу Иннокентию очень посчастливилось с духовными наставниками. Я уже говорил о выдающихся духовных и богословских качествах владыки Вениамина. Владыка Питирим тоже был в этом смысле совершенно замечательный человек. По моим воспоминаниям, это был, наверное, один из самых широких и образованных наших иерархов-богословов. Руководил он не только «Журналом Московской Патриархии», но и всем Издательским отделом Московской Патриархии и сумел заручиться благословением, покровительством и постоянной поддержкой сначала Святейшего Патриарха Алексия I, который его и назначил руководителем отдела, а затем — Святейшего Патриарха Пимена. Владыка Питирим сумел сделать из Издательского отдела небольшой научно-исследовательский институт, лабораторию

⁵ Службу в Советской армии А. Просвирнин проходил в 1959–1962 гг.

⁶ А. Просвирнин поступил в МДА в 1964 г.

⁷ А. Просвирнин закончил в МДА в 1968 г.

по истории русской богословской мысли и по истории Русской Церкви. Журнал тогда был вообще единственным богословским изданием, которое было доступно нашему читателю. В журнале публиковались и лучшие памятники церковного красноречия наших проповедников XVIII—XIX вв., и отдельные работы собственно богословского характера, причем богословов современных. Владыка Питирим считал необходимым привлекать не только преподавателей, профессоров Духовных академий, но и светских авторов. Довольно естественно, что по обстоятельствам времени эти светские авторы часто не публиковались под своими фамилиями. Не знаю, с чем это связано, но в тот период бывало так, что и церковные авторы публиковались в журнале не под своими фамилиями. Например, самый известный мне случай, это когда профессор Шабатин⁸ публиковался в ЖМП под псевдонимом Никита Волянский. Иван Николаевич Шабатин был замечательный профессор и историк Церкви, а под собственной фамилией в журнале его не публиковали. Может быть, именно в силу того, что он был мирянин. Если бы он был в сане, он мог бы печататься и под своим именем. Ну, не знаю в чем там дело, во всяком случае, про нас — светских людей — заранее было ясно, поскольку журнал не имел права публиковать светских авторов.

И вот именно в таком ключе, когда владыка Питирим задумал выйти на зарубежного читателя с большой книгой о Русской Православной Церкви, он попытался привлечь светских авторов. В то время были очень известны и популярны молодые тогда еще авторы, так называемые московские неославянофилы. Прежде всего, это был Вадим Кожин⁹ и Петр Палиевский. Внимательно следя за литературой, владыка Питирим, конечно, отметил их и попытался обоих привлечь.

Насколько я понимаю, в то время с Вадимом Валерьяновичем Кожинным у него не получилось публикаций и совместных работ в силу

⁸ Иван Никитич Шабатин (1898—1972). Подробнее см. о нем выше статью архим. Макария (Веретенникова) «Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин».

⁹ Вадим Валерьянович Кожин (1930—2001), литературовед, публицист, историк. См. о нем: Лисовой Н. Н. «Душа верна». (Памяти В. В. Кожина) // Московская перспектива. 6 февраля 2001. № 5. С. 4.

ряда обстоятельств, а Петр Васильевич Палиевский рекомендовал владыке обратиться к более молодым авторам. Под «более молодыми» он имел в виду своего племянника — Мишу Палиевского — и меня, грешного, Николая Лисового. Нам тогда было по 22–23 года. И вот с такой рекомендацией мы весной 1969 года пришли к владыке Питириму. Сначала это была общая ознакомительная беседа — кто, что, чем занимается. Тогда и прозвучала фраза, которую я всегда вспоминаю с улыбкой. Сорокатрехлетний владыка Питирим, оглаживая свою чуть-чуть начинавшую сесть бороду, с важностью сказал: «Ну, мне уже поздно заниматься богословской наукой, теперь ваше время». Эта фраза была сказана в присутствии тоже еще молодого 28-летнего Толи Просвирнина, потому что, когда мы пришли к владыке Питириму, он тут же пригласил для участия в разговоре и своего ближайшего помощника, который тогда еще не был заместителем главного редактора, но уже был ближайшим помощником владыки, — Толю Просвирнина¹⁰. Вот так состоялось наше знакомство. И, по существу, первые наши разговоры шли именно вокруг того проекта написания очерка истории Русской Православной Церкви, который потом был напечатан и в немецкой книге о Русской Православной Церкви¹¹ в серии «Die Kirche der Welt». И был даже по-русски напечатан очерк «Истории Церкви» — очерк не богословской науки, но именно истории Церкви. В таких тонких зеленых выпусках «История Русской Православной Церкви», которая вышла к 1000-летию крещения Руси, в 1988 году¹². Понятно, что нам нужна была литература.

У Толи Просвирнина была отличная библиотека. Он пригласил нас к себе в Лавру, где он тогда жил. Показал свою библиотеку. Как раз недавно перед этим кто-то из профессоров скончался¹³, и его вдова хотела

¹⁰ В 1963 г. А. Просвирнин начал работу в Издательском отделе Московского Патриархата, с 1968 г. — литературный редактор и заведующий Отделом богословия и проповеди.

¹¹ Die russische Orthodoxe Kirche. В., N. Y., 1985.

¹² Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 1. I–XIX вв. М., [1990.]. На титульном листе год издания: 1988; Русская Православная Церковь: 988–1988. Очерки истории. Вып. 2. 1917–1988. М., 1988.

¹³ Вероятно, профессор-протоиерей Иоанн Стефанович Козлов (1887–1971).

продать библиотеку. Но она хотела продать ее целиком. И вот Толя Просвирнин, совсем еще молодой и не очень имущий человек, как-то поднапрягся, собрал деньги, занял где-то и купил себе эту библиотеку. Это была хорошая, действительно, библиотека, в которой содержались и издания дореволюционные, и издания 1920-х годов. Я помню, что там были и работы Л. П. Карсавина, и свящ. Сергия Булгакова, и книги каких-то других авторов, не входившие в официальную обойму положенного и одобренного чтения.

А отец Иннокентий тогда как раз начинал преподавать. Я помню, что сентябрь 1969 года был первый год, когда он стал преподавать историю Русской Церкви в Духовной семинарии, готовился к своему первому курсу, собирал книги, советовался. Он с самого начала хотел студентов приучать к книге. Это была его заветная мечта и отличительная черта. Вместо того, чтобы просто авторитарно с трибуны или из-за преподавательского стола вещать какие-то истины и просто говорить, что там почитайте то-то и то-то, он всегда, с первого дня, приносил в аудиторию с собой книги, расставлял их, показывал, объяснял и так далее. Старался приобщить студентов к традиции.

Одно, кстати, из любимых его речений было речение старца Паисия (Величковского) «спасение по книгам». Что наша эпоха? Это время спасения по книгам. Не всем доведется найти старца, не всем доведется найти руководителя. В том числе с точки зрения богословского образования не всем посчастливится найти научного руководителя или слушать курсы хороших лекторов, а книги есть. И если ты умеешь и знаешь, где их взять и как их читать, ты имеешь возможность получить хорошее богословское образование и соответствующее духовное назидание от книг. Это была любимая идея тогда еще Толи Просвирнина, которую он, очевидно, унаследовал и от владыки Вениамина Иркутского, и от владыки Питирима.

И вот с того времени, с весны 1969-го года, мы с ним дружили. Если я не ошибаюсь, весной 1971-го года или еще в конце 1970-го он стал священником, принял сан¹⁴. Он принял сначала целибат. Святей-

¹⁴ 4 февраля 1970 г., в день 25-летия со дня интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, рукоположен в Успенском храме в Новодевичьего

ший Патриарх Алексий I благословлял молодых священников на celibat, хотя это не вполне привычно. Не скажу, что не канонично, но не вполне привычная форма для русского священнического служения. Но по обстоятельствам эпохи Святейший Патриарх Алексий считал, что это приемлемо.

И вот отец Анатолий¹⁵ продолжал работать в редакции «Журнала Московской Патриархии» и в Издательском отделе, продолжал преподавать Русскую Церковную историю в Московской Духовной Семинарии¹⁶. И довольно быстро он стал крупным и признанным ученым, историком Церкви. Все это, конечно, за счет дарования, за счет работоспособности, за счет собственного таланта, за счет самоотверженного труда, часто ночного. Кто-то может сказать, что я буду неправ, но все-таки я бы назвал отца Иннокентия, тогда еще Анатолия, самородком. Безусловно, самородок. И в высоком смысле автодидактом. Отец Анатолий кроме духовной школы ничего не кончал, а она, конечно же, не давала достаточного уровня образования ни в собственно богословских науках, ни, тем более, в необходимых для историка таких дисциплинах, как палеография, история литературы, история русской книжности, что как раз было всегда сильной стороной отца Иннокентия.

Его идея была простой. Для того, чтобы сегодня быть полноценным православным богословом, нужно подключиться к высокой традиции русской патристики.

В те годы мы и не знали, что такое русская патристика. Я думаю, что кроме отца Иннокентия такого слова вообще никто не говорил. Понятно, что патристика — это изучение святых отцов, и патристика преподавалась в наших духовных школах, правда, тогда еще не переиздавались труды самих святых отцов. Но они были достаточно хорошо изданы нашей дореволюционной духовной школой. Большие собрания сочинений святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Григо-

монастыря епископом Волоколамским Питиримом во диаконы, 22 февраля того же года — в священники.

¹⁵ 27 декабря 1977 г. прот. Анатолий Просвирнин принял монашеский постриг с именем Иннокентий.

¹⁶ В 1984 г. ему было присвоено звание доцента МДА.

рия Богослова. И блаженный Иероним был переведен, и блаженный Августин. Практически вся классика. Конечно, на уровне науки XIX века, хотя этот уровень был достаточно хороший. Собственно говоря, наши Духовные Академии именно и занимались тем, что переводили и издавали труды святых отцов. Но эта была патристика греческая и латинская. Это была патристика переводная. Что такое русская патристика, разговора тогда еще не возникало. Соединение вселенской традиции с нашей русской традицией является основой богословского ведения. Эта идея и возникла по-настоящему в XX веке. Конечно, изучались отдельные авторы, изучались труды и послания прп. Иосифа Волоцкого с его «Просветителем», прп. Нила Сорского, даже более древних авторов начиная со слова «О законе и благодати», которое впервые было издано тоже в XIX веке. В том числе даже знаменитый старец Филофей с его посланиями, с его пророчеством о третьем Риме: «Москва — третий Рим». Они однако не стали достоянием богословской мысли и широкой богословской культуры. Они оставались книжными, библиографическими редкостями, кто-то их знал, кто-то не знал. И можно было быть богословом, и можно было писать и издавать книги, не зная и не ссылаясь на эти произведения. Более того (сейчас трудно в это поверить), без этого можно было даже быть великим историком Русской Православной Церкви, каким был, например, Евгений Евстигнеевич Голубинский. Замечательный историк, и мы несколько не будем пытаться умалить его трудов. Но, тем не менее, вот, можно было быть академиком Голубинским, церковным профессором, профессором Московской Духовной Академии, воспитавшим учеников и написавшим огромную фундаментальную историю Церкви, и считать на полном серьезе, что никакого духовного образования, никакой высокой богословской книжности в древней Руси просто не было. И, наоборот, доказывать все время, что в древней Руси были только начатки образования. Хотя теперь мы смотрим на «Слово о законе и благодати» как на жемчужину русской литературы, она раздергана на цитаты. Там кого только из святых отцов не находят, даже тех, кого там нет. И подозревают, что Иларион читал даже тех святых отцов, которые тогда и в славянском переводе не существовали, что он знал

греческий язык. А тут недавно на одной конференции была высказана идея, что он, вообще, и образование в Константинополе получил. Понимаете разницу? А, тем не менее, Голубинский считал, что это такое вот школьное сочинение — ничего выдающегося. И за весь период до XVI, XVII и XVIII веков ничего этот замечательный профессор и историк не находил в русской богословской мысли.

— Николай Николаевич, чтобы проиллюстрировать вашу мысль, насколько опережал свое время отец Иннокентий. Только в прошлом году у нас, в Московской Духовной Академии, начал читаться курс русской патристики. Но не нашлось человека, который мог бы его читать целиком. Его разделили, раздробили на периоды. Несколько специалистов начали его читать, и была проведена первая конференция в декабре прошлого года «Русская патристика». У нас только сейчас всерьез был поставлен вопрос о возобновлении традиции преподавания собственно русской патристики. Вот, на 30 лет с лишним отец Иннокентий опередил время.

— Совершенно верно. На 30 и больше лет. У него это была заветная идея. И была большая картотека. Прямо в углу кабинета стояло несколько библиографических картотечных ящичков, в которых он собирал материалы для будущей русской патристики. Причем, русская патристика у него понималась достаточно широко. В нее включались труды самих русских святых отцов и вся традиция самых ранних веков. Вся традиция славянского и древнерусского перевода святых отцов. И это тоже важный момент, ибо — что греха таить! — наш современный менталитет устроен таким образом, что переводы XIX века для нас уже архаика, к которой мы относимся с пренебрежением и противопоставляем новейшие переводы, которые сплошь и рядом уступают старинным нашим переводам с точки зрения понимания церковного стиля, духовного облика самих слов, самих переводов. Хотя они, может быть, и лучше с точки зрения хорошего знания греческого языка, может быть они и точнее в чем-то. Я не буду входить тут в какие-то богословские, филологические тонкости и проблемы. Скажу только, что отец Иннокентий, в отличие от многих других наших специалистов, работающих

в области русского богословия, истории Русской Церкви, с уважением относился к авторам предшествующих веков. Это очень важные вещи. Сегодня у нас на полном серьезе появляются статьи, в которых «развенчиваются», и обличаются, и «исправляются» ошибки авторов даже начала XX века: «Ах, они этого не знали. Ах, они издали не так. Ах, они перевели не так». В отличие от этого отец Иннокентий всегда и своих студентов учил, и сам работал, прежде всего, на авторитете традиции. Это тоже очень важная вещь. Еще к этому можно добавить, что в те времена, когда работал отец Иннокентий, то есть начиная с 1969-го года, когда я с ним познакомился, никто тогда еще не только в духовных школах, не только в богословско-издательской области не предпринимал таких труднейших и серьезнейших научно-издательских проектов, но даже и в светской области этого не было.

Иногда приходится удивляться, откуда возникали эти, буквально фонтанировавшие в нем, идеи. Он привлекал к себе огромное количество людей. Я на сегодняшний день среди моих знакомых, друзей, приятелей, просто людей, которые работают в той же области, практически никого не знаю, кто не был бы знаком, как и я, с отцом Иннокентием. Кого бы отец Иннокентий ни попытался привлечь, с кем ни попытался работать, у всех остались о нем самые хорошие и самые серьезные воспоминания. Я могу привести несколько примеров. Например, известный сегодня религиозный философ С. С. Хоружий. В начале 1970-х годов мы с ним сотрудничали, когда С. С. Хоружий готовил к изданию работы Павла Флоренского и работал над предисловием к ним. Отец Иннокентий дал ему рукопись, попросил подготовить, прокомментировать и написать предисловие. Так были опубликованы знаменитые экклезиологические материалы свящ. Павла Флоренского в 17 выпуске «Богословских трудов»¹⁷. Со многими современными историками, археологами, филологами мы познакомились и подружились именно у отца Иннокентия. Я могу назвать бесспорно выдающегося нашего современного филолога Евге-

¹⁷ Из богословского наследия священника Павла Флоренского // БТ 17. С. 85–248.

ния Михайловича Верецагина¹⁸, лучшего специалиста по славянской Библии, по кирилло-мефодиевским переводам. Мы познакомились с ним в редакции «Журнала Московской Патриархии» в 1974 году. С замечательным нашим историком-византинистом, последние годы преподававшим и заведовавшим кафедрой в Свято-Тихоновском Богословском университете, Игорем Сергеевичем Чичуровым¹⁹, мы познакомились то ли в 1985-м, то ли в 1986-м году у отца Иннокентия и подружился. Отец Иннокентий обладал особым даром, харизмой привлекать людей, организовывать их на какое-то дело и сдружить между собой. Я очень благодарен отцу Иннокентию лично, потому что те 25 лет нашей дружбы до 1994 года, до года его смерти, — самые наполненные и самые яркие годы в моей жизни. Но, помимо этого, я благодарен ему, что он познакомил и сдружил меня со многими людьми, с которыми я с тех пор и дружил, работал и продолжал отчасти то самое дело, которое мы когда-то с отцом Иннокентием начинали. Должен сказать, что иногда в руках у отца Иннокентия идея, даже вполне нормальная, стандартная приобретала характер совершенно нового начинания. Нового историко-богословского издательского проекта. Так было, например, с изданием служебных Миней, которые нужно было переиздавать²⁰. Задача была поставлена священноначалием. Взяли служебные Минеи XIX века издания, 1912 года издания, другие издания, посмотрели их и решили, что можно просто взять и переиздавать. Хотя были все же некоторые сомнения относительно того, а не надо ли что-то поновить в языке служебных Миней. Исходили при этом из опыта святителя Афанасия (Сахарова)²¹,

¹⁸ Евгений Михайлович Верецагин (род. в 1939 г.), языковед, исследователь церковно-славянского языка, главный научный сотрудник Института русского языка им. акад. В. В. Виноградова РАН.

¹⁹ Игорь Сергеевич Чичуров (1946—2008), ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, зав. каф. Истории древней Церкви ПСТГУ, д.и.н.

²⁰ Минея служебная («месячная»): Минея: В 12 т. М., 1978—1989.

²¹ Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 2 июля 1887 г. — 28 октября 1962 г.), еп. Ковровский, священноисповедник. В 1956 г. возглавлял действовавшую при Патриархе Календарно-богослужебную комиссию. Ему удалось найти и исправить более 200 служб, в большинстве своем неопубликованных. Результатом этой работы стали материалы к дополнительным русским Минеям, а также том сентябрьской Минеи, ко-

который проделал большую работу и все 12 томов служебных Минеи карандашиком отредактировал, поисправляя²². Что же делает из этого отец Иннокентий, который оказывается во главе проекта? Он сразу превращает это в мощнейшую, интереснейшую работу по выявлению всей служебно-минейной традиции прежних веков, всех рукописных служб, которые были найдены впервые. Издаются все рукописные службы русским святым, которые никогда не включались в Минеи, а те, которые включались, исправляются по множеству новых списков, уточняются. Иногда публикуется по несколько версий, когда это были совершенно разные варианты службы святому. И получилась в историко-богословском и в историко-литургическом смысле интереснейшая работа. Конечно же, зеленые Минеи тоже носят «родимые пятна» своего времени. Конечно, все это было сделано недостаточно последовательно, все-таки у отца Иннокентия не было богословского института, который можно было бы посадить и делать это, как делают веками, например, отцы-болландисты на Западе. Поэтому довольно естественно, что зеленые Минеи, как их иногда называют, остались в рабочем состоянии, это всего лишь рабочая ступень. Но все, что можно было сделать в условиях 1978 года, когда они начали выходить, и в 1980-е годы — все было сделано. И сотрудники Издательского отдела под руководством отца Иннокентия работали в полную силу, и это осталось очень ценным памятником историко-литургического творчества Русской Православной Церкви. Они же, собственно, тогда и были задуманы к 1000-летию Крещения Руси.

Обратите только внимание на постоянную ориентированность отца Иннокентия на живое движение истории, он уже заранее помнил, всегда знал и думал, строил проекты к тысячелетию крещения Руси, а шли еще 1970-е годы. И, действительно, к 1000-летию крещения Руси служебные Минеи были изданы, как и другое многотомное со-

который был подготовлен целиком владыкой Афанасием. Еп. Афанасий входит в Собор святых МДА. См. ниже публикацию игум. Луки (Головкова) «Собор святых Московской духовной академии: материалы к истории создания нового иконописного образа». № 19 (С. 1073—1074).

²² Архив свт. (Сахарова) Афанасия хранился у архим. Иннокентия, в настоящее время хранится в ЦИА ПСТГУ, а также в библиотеке МДА.

брание — «Настольная книга священнослужителя»²³. Абсолютно понятное, стандартное церковно-практическое издание. В Московской Духовной Академии были до революции и недавно возобновлены богословское отделение, церковно-историческое и церковно-практическое. Все это идет по церковно-практическому отделению. То есть всего лишь церковно-практическое издание. Чего тут, казалось бы, мудрить, да и более того — даже когда в Совет по делам религий была подана заявка, что, вот, хотим переиздать «Настольную книгу священнослужителя», проблем не было. Естественно, что даже цензоры из Совета по делам религий решили: пускай сделают вот такой справочник. А что сделал в результате отец Иннокентий? По благословению владыки Питирима огромное восьмитомное издание, которое называется «Настольная книга». Восемь настольных томов. Причем, например, второй и третий тома составляют месяцеслов. То есть заново были написаны житийные справки всех святых, входящих в наш русский православный месяцеслов. Это тоже была достаточно большая, серьезная работа. Я хорошо это помню, потому что я тоже принимал в ней участие, писал статьи о русских святых, в том числе о русских благоверных князьях — о Владимире²⁴, об Ольге²⁵ и о некоторых других.

— Вы упомянули святую благоверную Ольгу, действительно ли она иначе именовалась? Именно отец Иннокентий вписал «святая равноапостольная княгиня Ольга»?²

— Да, совершенно верно. Отец Иннокентий был в свое время удивлен и огорчен, что, действительно, писалось самым разным образом, писалось — «блаженная княгиня Ольга», писалось просто — «великая княгиня Киевская Ольга», «святая княгиня Ольга». «Равноапостольная» — практически не писалось, хотя по чину она равноапостольная, однако в практику издания месяцесловов, в сам текст месяцеслова ввел эту формулировку отец Иннокентий. Он писал о святой княгине Ольге,

²³ Настольная книга священнослужителя. В 8 т. М., 1977–1994.

²⁴ Св. равноап. князь Владимир // Настольная книга священнослужителя. Т. 3. Месяцеслов. Март-август. М., 1979. С. 576–583.

²⁵ Св. равноап. Княгиня Ольга // Там же. С. 553–563.

очень почитал ее. Специально ездил по ольгинским местам в Псковщине, много фотографировал.

Отец Иннокентий был ориентирован на книжность, на рукопись, на письменный текст и был хорошим специалистом в этой области. До сих пор во всех отделах рукописей, во всех древлехранилищах нашей страны помнят его. Помню, как он работал, не так, как некоторые — приходят, одно-два дела откроют и диссертации делают. А отец Иннокентий и диссертации не делал²⁶, а просто приходил, работал с рукописями, готовил их к печати. Очень большое значение придавал созданию фотографического фонда рукописей. Им было лично отснято и создано на цифровой съемке огромное количество ценнейших рукописей. В частности то, что потом было им самим использовано в практической работе. Я имею в виду проект Геннадиевской Библии. Кроме этого, именно им была проведена огромная работа по Лицевому своду. Он мечтал издать или, по крайней мере, сделать копийный фонд всех лучших русских рукописей. В том числе ценнейших рукописей и древних миниатюр. И он делал все это сам и помогал музеям это делать. Он делал это не с корыстными целями, а именно для того, чтобы в музее были эти фотокопийные материалы с древнейших русских рукописей и лучших иллюминированных кодексов. Вообще он очень любил и умел пользоваться современной фотографической техникой. Отца Иннокентия, хотя он был вроде бы таким книжным человеком, всегда влекло к технике. Он пытался также освоить компьютерную технику. Не помню, правда, удалось ли ему это в полной мере. Вроде бы компьютер стоял в углу кабинета, так почти и неиспользуемый. Но все, что касалось другой оргтехники, то есть фотоаппарат, камера, звукозапись — все, что можно было использовать, он активно использовал в своей церковной работе. Еще тогда, в конце 1960-х годов, он всегда, если куда-то ездил

²⁶ Заканчивая Московскую духовную академию, он написал кандидатскую диссертацию «Оптина Пустынь в истории русского монашества». До последних дней своей жизни архимандрит Иннокентий работал над магистерской диссертацией «Русская Патристика. Научная классификация славянских источников». О научно-богословской деятельности архим. Иннокентия, зафиксированной в его личном деле, см. выше в статье Д. В. Сафонова «Обзор архивных источников по истории Московских духовных школ в послевоенный период» (С. 634).

(а он много ездил по стране, по древним монастырям, в том числе пребывавшим тогда в развалинах, в запустении), то всегда ездил с фотоаппаратом. В 1969 году ему удалось сделать уникальный снимок — взрыв Ольгинского моста в Пскове. Старый мост, который старожилы называли Ольгинский, стоящий на том месте, где по преданию Ольга встретила с Игорем. Его взорвали, построили сейчас через р. Великую новый мост. Как раз момент взрыва случайно удалось заснять отцу Иннокентию, потому что он тогда оказался там, рядом, в Пскове. И для него это было грустным и впечатляющим символом отношения к истории, отношения к русской святости. Святая Ольга для него была началом того самого проекта — русская патристика, о которой мы с вами говорили. Потому что, действительно, все начинается в России, все сходится к княгине Ольге, к ее крещению в Царьграде. К ее первому строительству деревянной еще церкви Святой Софии в Киеве. Это очень интересовало и очень привлекало отца Иннокентия. Ольга была действительно среди его любимых исторических персонажей. О ком он любил писать, о ком он думал, о ком он хотел издавать свои книги и церковно-исторические, и богословские.

— *Какие еще проекты осуществлял о. Иннокентий?*

— Мы сказали о двух проектах: о «Настольной книге» и о служебных Минеях. Среди проектов, безусловно, имеющих и сегодня огромное значение, несмотря на их незавершенность, был, конечно, проект «Русской Библии». Когда мы говорим «Русская Библия» — более четко и более понятно становится, что имел в виду отец Иннокентий, когда говорил о русской патристике. Что такое русская Библия? По существу, русская Библия имеет свое начало в 1876 году, когда вышло полное синодальное издание, синодальный перевод Библии. Но на самом деле отец Иннокентий в понятие «Русская Библия» включал всю историю Библии на Русской земле. Начиная с древних переводов, с их бытования сразу же в эпоху после Крещения на Руси. Начиная с тех цитат из Священного Писания, которые встречаются у того же свт. Илариона и у других наших святых отцов, включая, конечно, кульминацию русской Библии. Кульминацию русской Библии отец Иннокен-

тий видел в Геннадиевском своде, Геннадиевской Библии. Это первая церковно-славянская Библия, собранная на русской земле в 1499 году святителем Геннадием Новгородским, полный свод. Геннадиевская Библия и должна была, по его мысли, лечь в основу научно-издательского проекта «Русская Библия». Естественно, отец Иннокентий понимал, что для широкого читателя все-таки недостаточно понятен древний церковно-славянский и древнерусский текст. Поэтому текст Геннадиевской Библии параллельно шел со стандартным современным славянским текстом, как он сегодня используется в церковном обиходе. Текст был щедро оснащен иллюстративным рядом. Все доступные миниатюры, иконы, фрески, которые имели отношение к текстам Библии, отец Иннокентий бережно собрал, осуществил цифровую съемку, подготовил к печати. При жизни отца Иннокентия были изданы всего только два тома. Вышел Новый Завет: первый том, Евангелия, и второй том Апостолов, до Откровения Иоанна Богослова включительно²⁷. И отец Иннокентий говорил, что если даже и не удастся больше ничего, главное-то сделано. Главный текст, важнейший христианский текст в руки современному русскому читателю дан. Это была его идея. Потом была издана еще Псалтырь дополнительным томом, уже после его кончины²⁸. Также была издана еще коллекция зрительного материала: икон, миниатюр, просто, можно сказать Библия в русской изобразительной церковной традиции²⁹. Основной текст ветхозаветный так и остался не издан. Прежде всего потому, что начало проекта совпало с тяжелейшим периодом в нашей истории. В начале 1990-х годов не только не до издания Русской Библии было, но и вообще рухнула держава, рухнула ее экономика, рухнула ее культура. И то, что в этих условиях, в 1992—1994 годах отец Иннокентий все-таки сумел издать эти великолепные по полиграфическому качеству, по художественному решению книги, это, конечно, огромная его заслуга и огромная уда-

²⁷ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 7: Господа нашего Иисуса Христа Св. Евангелие. М., 1992; Т. 8: Деяния св. Апостолов. Послания св. Апостолов. Апокалипсис. М., 1992.

²⁸ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 4: Псалтырь. М., 1997.

²⁹ Библия 1499 г. и Библия в синод. переводе. Т. 9: Прил.; Научное описание. М., 1998.

ча. Этим он навсегда вписал свое имя в историю русской библеистики. И как часто бывает, как раз в это время появилась возможность создания различных библейских комиссий, проведения различных библеистических конференций. И отца Иннокентия на них не стали приглашать, он вдруг оказался никому не нужен. Со своими проектами, со своими идеями. Он оказался не у дел.

— Действительно, мы не будем представлять полную картину его жизни, если не коснемся ее трагических сторон. Некоторые знавшие его говорят: «Чудак был человек. Странный был человек». Студенты, которые приходят к нам из Семинарии в Академию, часто ничего не слышали о нем. Я свой курс «Источниковедение и архивоведение» всегда начинаю с имени отца Иннокентия, с рассказа о нем. Приходится писать на доске правильно имя и фамилию, потому что почти никто из студентов даже не слышал его имени. Почему такое наследие до сих пор полностью у нас не востребовано?

— Хороший вопрос. И печальный вопрос. Я бы сказал так, что отец Иннокентий был трагической фигурой в нашей церковной истории последних десятилетий. Я не хочу сказать, что вообще быть церковным ученым — это мед и пирожки. Это всегда трудно. И история русской церковной науки XIX века и начала XX полна подобными трагическими историями. Сейчас не будем о них говорить и не будем даже приводить примеров. Можно открыть, почитать мемуары, например, замечательные воспоминания архиепископа Никанора (Бровковича) о русском ученом монашестве, что русское ученое монашество — это самое трагическое сословие, даже среди церковного духовного сословия. Самая тяжелая судьба выпадала именно носителям и создателям церковной науки. Конечно, сложность испытывали почти все, даже великие. Даже те, про которых сегодня мы бы сказали — успешные. Достаточно привести пример святителя Филарета Московского³⁰. Сейчас

³⁰ Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (26 декабря 1782 г. — 19 ноября 1867 г.), митр. Московский, свт. В 1812 г. определен ректором СПбДА; с 1817 г. — епископ Ревельский, викарий Петербургского митрополита; в 1819 г. на-

мы говорим, и справедливо — «великий Филарет», «эпоха Филарета». И практически все, что происходило в Русской Церкви между 1821 и 1867 годом, — все под Филаретом. Ничто не прошло мимо Филарета. А поставьте вопрос перед собой: а что осталось из его богословского наследия? Ведь, по существу, нет богословского наследия Филарета, мы по кусочкам собираем его канонические суждения из его резолюций, из его мнений и отзывов. Человек все время писал какие-то мнения, какие-то отзывы, которые издавались в пяти, в шести томах и так далее. Он все время писал докладные записки, присутствовал в Синоде, пока его мантия, как он сам шутил, не стала цепляться за шпоры обер-прокурора Протасова³¹. А что осталось? Вот ведь трагедия! Для меня это трагедия: один из самых замечательных церковных мыслителей и ученых, который руководил деятельностью всех наших научных духовных учреждений, всех наших духовных академий, а самое что написал? И другой пример — протоирей Александр Горский³². Откройте любую книгу, откройте любые воспоминания, все скажут: «Самое огромное влияние на меня оказал отец Александр Горский». Да, он был самый замечательный русский церковный историк, поднял то, поднял это, да он ни одного студента, который ставил перед собой какую-то тему, не оставил своим вниманием и заботой. Сам ходил в библиотеку, приносил каждому студенту прямо в его комнату кипы книг, опекал студентов, некоторые работы за студентов написал сам, мы и это знаем. Некоторые студенты стали потом выдающимися и богословами, и церковными деятелями, и так далее. А что от него осталось? Где его история Церкви? Ее нет. Были изданы позже какие-то записки студентов по его лекциям. Были потом достаточно сухие, абсолютно без личного мнения, без выводов его статьи, почитайте его

значен на Тверскую кафедру с возведением в сан архиепископа; в 1820 г. переведен на Ярославскую кафедру, 3 июля 1821 г. — на Московскую кафедру. В 1826 г. возведен в сан митрополита.

³¹ Николай Александрович Протасов (1799–1855), граф, генерал от кавалерии, член Государственного Совета, в 1836–1855 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.

³² Александр Васильевич Горский (1812–1875), протоирей. Церковный историк, археограф, член-корреспондент Петербургской АН (1857). Ректор Московской духовной академии (с 1864).

статьи в «Прибавлениях к творениям святых отцов». Никакого личного мнения, никакого научного отношения, никакой критики текста, ничего нет. Куда что делось? Не трагедия? Трагедия. А вы спрашиваете про трагедию отца Иннокентия. Такие примеры были — Филарет, отец Александр Горский или, например, епископ Иоанн Смоленский³³, талантливейший, ярчайший человек. Для меня он один из любимых авторов в истории русского богословия XIX века, блестящий проповедник. Его догматические лекции издал отец Иоанн Кронштадский, будучи его учеником; он дал денег на издание, потому что считал, что это замечательный фонд, лучшее, главное. В 50 лет епископ Иоанн умер, никому не нужный и гонимый. И тот же самый обер-прокурор Протасов именно про него сказал: «Этого человека нужно мять-мять, тереть-тереть». И замяли и затерли. И, страшно сказать, но так почти со всей русской богословской мыслью.

А что же говорить про отца Иннокентия, который пытался что-то делать и пытался работать в условиях 1960–1980-х годов? Конечно, ни один лаврский батюшка не мог понять и до сих пор не может понять и разведет руками: «Зачем ему это было надо?» Да, действительно, для большинства он так и остался неким чудачком, который фонтанировал какие-то никому не нужные и неподъемные фантастические идеи. Но русская наука всегда жила и работала тем, что ставила перед собой высокую планку, которую очень трудно достичь. И отец Иннокентий тоже ставил не только перед собой, но и перед другими эту планку. Можно ли было это простить? Ему никак нельзя было этого простить! Талантливому человеку, яркому и нестандартному, вообще его таланты и нестандартность не прощаются ни в какой системе! А, извините, в такой, мягко скажем, консервативной системе, как среда духовная, в том числе духовно-учебная среда, тоже такая яркость и нестандартность никогда не прощается. И, действительно, отец Иннокентий на себе испытал все стадии и все возможные формы гонения и пренебрежения. Он был уволен из Московской Духовной Академии. Он был отчислен из братства Троице-Сергиевой Лавры. Он в последний год своей жизни ушел даже из «Журнала Московской Патриархии»,

³³ Иоанн (Соколов) (1818–1869), епископ Смоленский, канонист.

где проработал 30 лет. Он отовсюду ушел. И от бабушки ушел и от бабушки ушел...

Последний год своей жизни после того, как произошли трагические обстоятельства в Волоколамском монастыре, когда он был почти до смерти избит и чудом избежал смерти и остался жив, он уехал лечиться на Кипр и попытался даже там остаться. У него была мечта остаться там, он писал об этом прошение, заявление Священноначалию и так далее. Ему не разрешили, его заставили вернуться. Он вернулся весной 1994-го года для того, чтобы через три месяца после этого умереть.

Он не был в числе братства никакого монастыря. Когда отец Алексей, нынешний владыка Алексей (Фролов)³⁴, доложил Святейшему, что он просит включить в братство отца Иннокентия, Святейший благословил ему жить в Новоспасском монастыре, но не благословил включить его в братство. То есть человек, всю жизнь прослуживший Церкви (я уже говорил о том, что с 10 лет он был алтарником в православном храме) и всю жизнь отдавший церковной науке, абсолютный бесребреник, который все, что имел, отдал Церкви, — тем не менее умирает почти персоной нон-грата. Только и не сказать, что не вне закона.

Да, мы знаем, монашеский путь сложен и труден. Монашеский путь — это добровольное взятие на себя Креста Господня. Но вот до такой степени и на наших глазах, именно в наше время, это все-таки исключительный случай! Я думаю, что проблема здесь была именно в том, что церковная наука и церковная среда все-таки совсем не готовы были к восприятию тех самых идей и того самого размаха мышления, которое было у отца Иннокентия. Отчасти это относится, кстати, и

³⁴ Епископ Алексей (в миру Анатолий Степанович Фролов) род. 27 июля 1947 г. в Москве. В 1972 г. будущий владыка Алексей поступил в МДС, а в 1974 г. — в МДА, которую окончил в 1979 году со степенью кандидата богословия. С 1980 по 1992 г. был преподавателем МДС. 25 марта 1979 г. пострижен в монашество с именем в честь Алексия человека Божия. В 1989 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, в домовом храме в честь Владимирской иконы Божией Матери архиепископом Зарайским Алексием рукоположен во иеромонаха, возведен в сан архимандрита. В 1991 г. архим. Алексей (Фролов) был назначен наместником Новоспасского ставропигиального мужского монастыря в Москве. 19 августа 1995 г. состоялась хиротония архим. Алексия во епископа Орехово-Зуевского. В 2009 г. переведен на Костромскую кафедру.

к владыке Питириму. Ведь что греха таить, владыку Питирима тоже не совсем любили. Ни в Синоде не любили, нигде... И тоже только потому, что был он излишне самостоятелен. Ну, кто же любит самостоятельных людей? Основной принцип у нас не высовываться. Однако владыка Питирим, отец Иннокентий... И вдруг, вместо такого вот «смирения», прости Господи, — яркие взлеты, идеи какие-то, умение работать с людьми, серьезное вхождение в европейское и в российское научное сообщество, вхождение на равных.

Мнение отца Иннокентия до сих пор авторитетно в наших ученых кругах. Однако в основном в светских ученых кругах. А в духовных, даже и ученых кругах, действительно, забвение, попытка вычеркнуть вообще из истории весь этот период. Вычеркнуть это имя вообще. Говорят: «Да нет, ничего не сделано». Да, дорогие мои, да, ничего не сделано! Но тут хочется парадоксально сказать: как «не сделано»! Да не сделано так то, что вам сделать никогда не удастся! Дело то было поднято и задумано такое, которое и не могло, наверное, быть сделано. И уж, во всяком случае, не могло быть сделано безо всяческой помощи и поддержки.

У отца Иннокентия было любимое выражение. Когда в очередной раз он приходил от Священноначалия и я у него спрашивал, ну что, как, одобрили: «Ну, как же, — говорит, — мордой об стол». Это вот «мордой об стол» — отношение даже со стороны тех людей, которые его уважали, которые его знали и понимали его значение, его высочайший уровень. И все равно «мордой об стол». Просто потому, что по-другому не положено. Это трагично и напоминает эпоху владыки Филарета и отца Александра Горского и других еще более трагических фигур в русской богословской науке.

А что касается личных особенностей отца Иннокентия, кто-то, может быть, скажет, «чужак, странный» и так далее. Да, конечно, у каждого человека есть свои странности. Особенности, которые кому-то могут казаться странностью со стороны. Да, бывал отец Иннокентий и резок с людьми, но резок справедливо. Мог быть несправедливо резок. Мог быть в чем-то справедлив, а в чем-то несправедлив. Более того, замечательный тандем, о котором я сказал, владыка Питирим и отец Иннокентий, тоже давал трещины. Хотя владыка Питирим мне прямо

однажды сказал, что за 30 лет преподавания в Московской Духовной Академии встретил только одного талантливого ученика, отца Иннокентия. Это, извините, тоже статистика и достаточно выразительная. Потому что и владыка Питирим был «ис полла эти деспота», то есть «деспот» во всех смыслах слова, и умел быть «деспотом». Но и отец Иннокентий был не простым человеком, но тоже подчас достаточно сложным в общении. И кончилось тем, что они расстались. Владыка Питирим мне рассказывал, что, когда отец Иннокентий на костылях пришел к нему и подал заявление об уходе, он просил только разрешения вывезти с собой из своего кабинета все, что там у него было: и библиотеку, и рукописи, которые он за многие годы наработал, — и владыка сказал: «Мне ничего не оставалось: “Да забирай все”». И он вывез все. Вечером владыка Питирим прошел в его кабинет и попросил уборщицу вытереть пыль. Ничего не осталось. В Издательском отделе, где человек проработал 30 с лишним лет, ничего не осталось, никакой памяти не осталось об отце Иннокентии. Он сам так захотел. Безусловно, внутренние сложности были, и то, что так сложились отношения у этих двух замечательных и друг друга достойных людей, — это красноречивый показатель.

Отец Иннокентий сам о себе иногда в шутку говорил: «Я не человек, а ходячая антиномия». Если по-настоящему говорить, то любой человек в этом смысле есть ходячая антиномия. А человек в Церкви — это уж антиномия в квадрате. И с этой точки зрения, судьба отца Иннокентия, по существу, это судьба всякого талантливого церковного человека. Я другой ее и не вижу и не знаю. Наверное, так и должно быть. Да Господь и не обещал, что будет хорошо. Господь не обещал, что будет легко. Он сказал наоборот: «Кто не возьмет креста своего и не пойдет вслед за Мною, не достоин Меня»³⁵. Вот в этом смысле отец Иннокентий был подлинным христианином, подлинным учеником Христовым.

— Однако многие с благодарностью вспоминают отца Иннокентия, проходили конференции к пятилетию и десятилетию со

³⁵ Мф. 10, 38.

дня кончины. Издана книжка воспоминаний о нем³⁶. Недавно вышел фильм «Ревнитель православного благочестия»³⁷. Ученица о. Иннокентия О. В. Курочкина недавно опубликовала вашу беседу с о. Иннокентием, которая состоялась в 1991 г. Правда, со ссылкой на архивный фонд о. Иннокентия³⁸ и без указания на то, что в том же 1991 г. беседа была издана в газете «Домострой»³⁹. Что было причиной того, что в августе 1991-го года состоялась ваша беседа с архимандритом Иннокентием о митрополите Сергии?

— Беседа о митрополите Сергии (Страгородском) — это очень простая, достаточно понятная вещь. Накануне, в 1990-м году была переиздана книга архимандрита Сергия (Страгородского), будущего Патриарха Сергия, «Православное учение о спасении». Это была одна из любимых книг отца Иннокентия. И мы мечтали ее издать еще тогда, когда сидели в Лавре и в Издательском отделе в 1969–1970 годах. Когда она вышла, то возникла идея: нужно бы поговорить именно о богословском наследии Святейшего Патриарха Сергия. Тем более что в это время уже начинались разговорчики о «сергианстве», и вообще фигура владыки Сергия (Страгородского) становилась фигурой все более пререкаемой, по-библейски говоря. На самом деле, конечно, ни для меня, ни для отца Иннокентия, ни для владыки Питирима это было не так.

Фигура Сергия (Страгородского) бесспорна. Я думаю, что со временем Русская Православная Церковь канонизирует Патриарха Сергия, и это будет всего лишь восполнение и восстановление церковной и духовной справедливости. Я понимаю, что канонизация сводится не

³⁶ Архимандрит Иннокентий в воспоминаниях духовных детей и учеников. М., 1998.

³⁷ В рамках программы «Видеоархив — Память России» студия «Эковидеофильм» в 2007 г. подготовила документальный фильм «Ревнитель православного просвещения», в центре которого — история жизни и деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина).

³⁸ См.: Курочкина О. В., Соломина О. Л. Обзор архива архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (НИОР РГБ. Ф. 862) // ПСТГУ. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2006. Т. 1.

³⁹ Лисовой Н. Н. Русское спасение. Беседа с архимандритом Иннокентием (Просвирнинным) о Патриархе Сергии и его духовном наследии // Домострой. 10 сентября 1991. № 35. С. 11–12.

только к признанию заслуг и значения того или иного лица, но тем не менее мы знаем, что чин святителей важен именно и более всего той ролью и тем значением, которое тот или иной святитель имел в истории Православной Церкви. Так вот, роль и значение Святейшего Патриарха Сергия не сравнима ни с чем другим в истории русского XX века. Вот об этом мы и попытались тогда поговорить. И отец Иннокентий, и я думали и считали (да я и сейчас так думаю), что это очень актуально для нашей современной церковной жизни. Современной церковной жизни и современному Священноначалию есть о чем подумать и есть чему учиться у Святейшего Сергия и его соратников, которые окормляли Русскую Церковь в труднейшие десятилетия XX века.

Хотел бы еще для сравнения сказать, что примерно тогда же, в конце 1960-х — начале 1970-х годов, была у нас еще одна заветная идея — издать труды учителя Сергия (Страгородского) и Антония (Храповицкого) — епископа Михаила (Грибановского)⁴⁰. Собственно говоря, это единая школа — епископы Михаил (Грибановский), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский)... Иларион (Троицкий)⁴¹ — младший их ученик. Это одно из самых замечательных явлений в истории русской богословской мысли конца XIX — начала XX века. И у истоков стоял, конечно, владыка Михаил (Грибановский). У меня хранится 30-й том «Богословских трудов», где была переиздана диссертация Михаила (Грибановского) «Истина бытия Божия»⁴², с дарственной надписью отца Иннокентия. В этой его дарственной надписи, одной из последних, говорится: «С благодарностью за идею, поданную 20 лет назад». С тех пор прошло еще 15 лет, идея-таки не реализована до сих пор. Надеюсь, что в этом году в издательстве Московской Па-

⁴⁰ Михаил (Грибановский) (1856–1898), с 6 августа 1894 г. — епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии; с 30 ноября 1895 г. — епископ Каширский, викарий Тульской епархии; с 19 января 1897 г. — епископ Таврический и Симферопольский. См.: *Михаил (Грибановский), еп.* Над Евангелием / Публ. и послесл. Н. Н. Лисовой // Домострой. 1992. № 25–38, 41, 43–47; 1993. № 1, 2, 4–12, 14, 16, 17–20, 25, 26, 45.

⁴¹ См. о нем: Сафонов Д. В. Иларион (Троицкий) // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 2. И–Н / Гл. ред. С. О. Шмидт. М., 2008. С. 40.

⁴² *Михаил (Грибановский), иеромонах.* Истина бытия Божия // БТ 30. М., 1990. С. 5–82.

триархии выйдет, наконец-то, книга трудов епископа Михаила (Грибановского), где я значусь составителем и автором предисловия, которую тоже можно было бы посвятить памяти отца Иннокентия. Точно так же, как я посвятил его памяти свою работу, опубликованную в «Богословских трудах», по истории русского богословия, которая готовилась и делалась еще в 1975—1976 годах. По-немецки она была издана в книге «Русская Православная Церковь»⁴³, а по-русски издана только в 2002 году⁴⁴. Я посвятил эту работу совершенно справедливо, как я считаю, памяти отца Иннокентия. Думаю, что если доведет Бог и дальше что-то делать в этой области, то почти все мои задумки и продолжающиеся и незавершенные работы тоже можно будет посвятить памяти отца Иннокентия, с которым нас связывало так многое за те 25 лет, которые мы дружили на этой земле.

— Николай Николаевич, последний вопрос. Сейчас стало модно говорить в среде духовенства, что нужно осудить советскую эпоху, нужно осудить духовенство, которое якобы пресмыкалось перед властью. Некоторые объявляют патриотизм нецерковным понятием. Как реагировал отец Иннокентий на такие вещи, ведь это не сегодня появилось, это тогда уже появилось?

— Отец Иннокентий реагировал на это крайне отрицательно. Отец Иннокентий всегда был большим патриотом и Русской Церкви, и России. Он считал и был убежден, что и XX век нельзя вычеркивать из истории России и из истории Русской Церкви. Да, трудная эпоха, да, кровавая эпоха. Но, одновременно, славная эпоха, великая эпоха. Эпоха подвига наших дедов, которые в условиях антирелигиозного геноцида отстаивали православную веру и отстаивали Русскую Церковь. Эпоха наших отцов, которые в Великой Отечественной Войне отстаивали Россию, отстаивали русское имя и русскую землю.

⁴³ Die russische theologische Wissenschaft // Die russische Orthodoxe Kirche. В., N. Y., 1985 (Die Kirche der Welt. 19).

⁴⁴ Лисовой Н. Н. Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // БТ 37. 2002. С. 5—127.

СЛОВА И ПРОПОВЕДИ

АРХИЕПИСКОП ВЕРЕЙСКИЙ ЕВГЕНИЙ

СЛОВО ПЕРЕД НАЧАЛОМ 2010/11 УЧЕБНОГО ГОДА¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие преподаватели и учащиеся, отцы, братья и сестры!

Часто люди ставят перед собой те или иные цели, которые они стремятся исполнить. Один стремится к богатству, другой — к почестям, третий — к карьере. Однако в жизни каждого человека могут произойти события, по причине которых все его планы могут не исполниться и рухнуть. Особенно тогда, когда эти события происходят неожиданно, их результат непредсказуем и часто плачевен. Но бывают события, которые оказываются закономерными и заранее прогнозируемыми. Православные христиане долго вымаливают то, что, если и происходит с ними, происходит не по их заслугам, а по милости Божией.

Сегодня здесь, в Покровском академическом храме, в большинстве своем собрались те, кто к сегодняшнему событию стремился, может быть, длительное время вымаливал его, и даже не один год. Позади экзаменационная сессия, бессонные ночи, неуверенность в своих силах и, возможно, счастливое ощущение того, что нас спросили о том малом, что только мы и знали. После ряда испытаний в число студентов Московских духовных школ влились новые и свежие силы. Для любого учащегося учебный год — это путь в неизведанное и неизвестное. По поговорке, «каково начало, таков и конец». Особо трудно начинать, но еще труднее заканчивать. Для кого-то это первый учебный год, и впереди все еще новое, неизведанное. Для кого-то это завершающий

¹ Произнесено 1 сентября 2010 г. после Божественной Литургии в Покровском академическом храме перед началом молебного пения.

учебный год, и человек думает о том, как он будет проходить дальнейшее служение в лоне Матери-Церкви. Да и тем, для кого это очередной учебный год и кто еще окончательно не задумался о том, где, как и кем он будет проходить свое служение, следовало бы не терять целеустремленности и целеполагания, продолжать жить так трепетно, как живет тот, кто начинает что-то делать впервые.

Все здесь собравшиеся должны четко осознавать, что призвание священнослужителя исключительно высоко. Отец Небесный изволил из камней воздвигнуть Себе верных чад², Божественный Сын Пастыреначальник отправился на поиск заблудшей овцы³, Дух Святой собрал нас, как замерзших птенцов⁴, под Свое крыло милосердия. И теперь мы, единой духовной семьей населяя обитель Пресвятой и Живоначальной Троицы, призваны образовывать себя по образу Божественного Троиинства в любви, единомыслии и взаимопонимании.

Знаменательно, что дата 1 сентября, отправная точка любого учебного года, совпадает с периодом попразднства Успения Пресвятой Богородицы. Как апостолы со всех концов вселенной силой Божественной благодати на облацах легцах были собраны в дом любимого ученика Христова, впоследствии названного Богословом, так и вы, поступившие в Духовную школу, оказываетесь собранными в ее стенах ради усвоения богословия. Как Божия Мать недавно полагалась во гроб и погребалась для того, чтобы восстать и превечно пребывать во славе Божества, так и вы вступаете на поприще, находясь на котором, невозможно обойтись без духовного и интеллектуального смирения, дабы стать причастниками *Божией Силы и Божией Премудрости*⁵. Подобно тому как Божия Мать «во Успении не оставила мира»⁶, так и богослов живет не для себя, но для того, чтобы просветить и преобразить прежде всего себя, а затем и окружающий его мир.

² Ср.: Мф. 3, 9.

³ Ср.: Мф. 18, 12; Лк. 15, 4.

⁴ Ср.: Мф. 23, 37; Быт. 1, 2.

⁵ 1 Кор. 1, 24.

⁶ Тропарь праздника Успения Пресвятой Богородицы // Минея. Август. Ч. 2. М., 1989. С. 39.

Мы должны откликнуться всей своей душой на это призвание Божие, хотя ощущение призвания сродни получению дара, который даётся далеко не всем. Но взявшийся за плуг да не оборачивается назад⁷. Просящему даётся⁸. Талант труждающегося умножится⁹, если возгревать в своей душе ревность, а не оставаться в плену собственной лени и нерадения. Каждый из нас, православных христиан, должен четко осознавать, что цель его жизни, по словам преподобного Серафима Саровского, в стяжании Духа Святого Божиего. Так святой говорил о духовном человеке, сравнивая его с тем, для кого единственными ориентирами остаются *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская*¹⁰. Будущие пастыри в небрежении об этой высшей цели не имеют никакого оправдания. Преподобный Серафим, продолжая свою мысль, поясняет, что «и стяжание Духа Божия — это <...> капитал, но только благодатный и вечный»¹¹.

Многие молитвы, пощения, бдения — это подлинные средства для достижения высшей и главной цели дела спасения. Одним из таких средств является и получение богословского образования в смысле определенного багажа информации, сведений и навыков. В современном мире много говорят об образовании и действительно очень высоко ценят образование как таковое, утверждая, что без образования современный человек ни на что не годен. Да, действительно, это так. Но если только мы всю свою цель поставим образовывать себя интеллектуально, мы, по сути дела, не достигнем ничего. Ибо помимо образования ума требуется воспитание сердца и души. Мы всегда говорим, что получение образования в духовной школе — это двуединый процесс: получение знаний в виде вышеуказанного багажа и приобретение духовного опыта. Несомненно, что здесь, в стенах Троице-Сергиевой Лавры, такая возможность имеется. Святитель Григорий Богослов

⁷ Ср.: Лк. 9, 62.

⁸ Ср.: Мф. 7, 7; 21, 22; Мк. 11, 24; Лк. 11, 9.

⁹ Ср.: Мф. 25, 29; Мк. 4, 25; Лк. 19, 26.

¹⁰ 1 Иоан. 2, 16.

¹¹ О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым / Обработка рукописи и примечания свящ. Н. П.<отапова>. СП, 1914.

задается вопросом и сам на него отвечает: «Хочешь ли когда-нибудь стать богословом и достойным Божества? Соблюдай заповеди и не высту- пай из повелений. Деятельность — это ступень к созерцанию. Будь трудолюбив телом для души»¹². Из этой мысли святителя каждый из нас получает первое в этом учебном году наставление: жить по послушанию согласно Божественным заповедям.

Между тем святитель Филарет, митрополит Московский, говорит: «То правда, что не всем предназначен дар и долг учительства, что и Апостол не желает *многих учителей*¹³, и Церковь не многих удостоила имени Богословов. Однако ж никому не позволено в Христианстве быть вовсе не ученым и оставаться невеждою». Далее святитель продолжает, что Сам Спаситель именовал Себя Учителем, а Своих последователей именовал учениками до того времени, когда они стали именоваться христианами. Однако, если христианин отказывается от учительства, он оказывается лжеучеником: «Если ты не хочешь учить и вразумлять себя в Христианстве, то ты не ученик и не последователь Христа: не для тебя посланы апостолы; ты не то, чем были все христиане с самого начала христианства; я не знаю, что ты такое и что с тобою будет»¹⁴. Так вполне определенно говорит святитель Филарет Московский, понуждая нас не только не стесняться, но всеми силами стремиться к получению знаний, которые, не противореча духовному опыту, в то же время не всегда тождественны с ним.

Мы должны заниматься в Духовной школе как образованием, возможным на базе знаний, так и самообразованием или самопознанием, возможным на основании духовного опыта. Господь призвал нас в стены Академии и Семинарии для того, чтобы мы стали по-настоящему образованными людьми. Образование осуществляется с помощью учителей-педагогов и рекомендуемых ими книг. А самообразование происходит тогда, когда учащийся постоянно сам понуждает себя и самостоятельно впитывает в себя определенные знания и духовный опыт,

¹² Ср.: *Свт. Григорий Богослов*. Слово 20, о поставлении епископов и о догмате Святой Троицы 12 // Творения. Т. 1. М., 2007. С. 259.

¹³ *Иак.* 3, 1.

¹⁴ *Филарет (Дроздов)*, свт. Слова и речи. Т. 4. М., 1882. С. 151–152.

который он будет использовать в дальнейшем. Без самообразования невозможно образование, как без опыта келейной молитвы — молитва храмовая. Но и наоборот, ибо процесс обучения — это многогранный процесс, самым главным элементом которого оказывается ученичество и смирение пред волей Божией.

В Церкви все построено на послушании. Дерево, насажденное Богом в раю, называлось *древом познания добра и зла*¹⁵, но именно его плоды Творец запретил вкушать человеку. Данный запрет относился не к познанию добра и зла в общепринятом сегодня смысле, но к опытному уразумению всего, к некоей вседозволенности и разнузданности. И так, запрещалось и запрещается не интеллектуальное богословствование и даже не внешняя мудрость, но то лже-знание, которое рождает в человеке гордость, когда Сам Бог, как тебе представляется, должен действовать по твоим эгоистичным установкам. Да избавит нас Господь от такого познания-помрачения, которое тоже является духовным опытом, только опытом отрицательным.

Конечно, в итоге вещей истинное знание и просвещение даруется единственно лишь Богом, Самой Премудростью, Истиной и Жизнью, в той мере, в какой мы сами будем готовы его разумно и осознанно воспринять. Но это высшее знание даруется чудом, открывается святым, а всякий новобранец, стремясь к нему, должен понимать свои пределы и с любовью относиться к простому школьному знанию, которое, тем не менее, при добросовестном усвоении может стать своеобразным мостиком для продвижения в сторону вечности.

Каждый православный человек, приступая к какому-либо важному делу, всегда испрашивает Божие благословение. Сегодня первый учебный день в Московских духовных школах, который мы проводим не в учении, а в молитве. Мы все молились за Божественной Литургией, а сейчас мы помолимся о том, чтобы каждый из нас смог понести нелегкие труды как по образованию духовному, так и по образованию себя духовно. И чтобы эти труды были благодатными и богоугодными, испросим Божье благословение в специальном молебном пении. Аминь.

¹⁵ См.: Быт. 2, 9.

ИГУМЕН ГЕРАСИМ (ДЬЯЧКОВ)

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ 20-ю
ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ
ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ДЕСЯТИ ПРОКАЖЕННЫХ¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

В сегодняшнем евангельском чтении, дорогие отцы, братья и сестры, повествуется об исцелении Господом нашим Иисусом Христом десяти прокаженных. В древние времена проказа была одной из самых страшных болезней: она разрушала, въедалась в тело человека, так что не оставалось ни одного здорового места. Этот недуг считался почти неизлечимым: беспрестанные гноетечения сопровождалась невыносимым запахом, и тело страждущего человека покрывалось струпьями, как бы чешуей и глубокими язвами. По слову пророка Иеремии, у такого страдальца *от подошвы ноги до темени головы нет здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем*². Физическую боль усиливали душевные муки: прокаженные изгонялись за пределы города, не могли общаться с семьей, не могли участвовать ни в храмовом богослужении, ни в общественной жизни. Ветхозаветное постановление, возвещенное пророком Моисеем израильскому народу от лица Господа Бога, содержит такие строгие указания: *у прокаженного... должна быть разодрана одежда, и голова его должна быть не покрыта, и до уст он должен быть закрыт и кричать: «Нечист! Нечист!»*³.

Существовали целые поселения, где были слышны только стоны и вопли от боли и безысходности. Одно из таких селений находилось

¹ Проповедь произнесена за Божественной Литургией в Покровском академическом храме 21 декабря 2008 г.

² Иер. 1, 6.

³ Лев. 13, 45.

между Самарией и Галилеей. Господь шел в Иерусалим, и вот на пути Ему встретились десять прокаженных. Они знали о чудесах, совершаемых Иисусом Христом, знали о Нем как о великом Учителе и стали издали кричать: «Иисусе, Наставниче, помилуй нас!» Заметим, что они не обратились к Нему просто «Учителю», а именно «Наставниче», подчеркивая свою веру в то, что Он для них Господь, Заступник и Покровитель. Они не попросили Спасителя исцелить их от своей болезни — проказы, но сокрушились пред Богом с воплем: «Помилуй нас», — поскольку уповали и знали, что Господь по Своей милости дарует им только благо. Христос отвечает им: «Пойдите, покажитесь священникам». Обратим внимание, что всемогущий Господь не исцеляет их тотчас, поскольку желает испытать веру каждого человека. И когда прокаженные шли, то, как повествует св. евангелист Лука, очистились. Так проявилась Божественная сила истинного Мессии: достаточно одного слова Господа и испытанной веры страждущих — и еще до прихода к священникам они стали здоровы. Иным было исцеление прокаженного Немана пророком Елисеем в ветхозаветные времена: для исцеления больному требовалось окунуться в реке Иордане⁴. То чудо праведника — это прообраз нового, которое совершил уже не человек, а Сам Бог. Что же мы видим? Только один из спасенных, самарянин, возвратился к Иисусу Христу, *громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его*. Он выразил не только благодарение, но и глубокую рассудительность, а лучше сказать — благообразие. «Где же остальные, как они не возвратились воздать славу Богу?» Так Христос изобличает не самих неблагодарных людей, а их безрассудность и своенравие. Иноплеменнику же сказал: «*Вера твоя спасла тебя*», — показывая, что его вера отличается от веры остальных девяти, поскольку те получили только физическое исцеление, а он еще положил начало и своему духовному спасению⁵.

Дорогие отцы, братья и сестры! Сегодня, когда мысли наших ученых и первооткрывателей исследуют глубины мироздания, по-прежнему, как и в евангельские времена, главным остается вопрос о челове-

⁴ См.: 4 Цар. 5, 10.

⁵ Лк. 17, 11–19.

ской душе, ее исцелении, освящении, преображении. Сегодня в мире свирепствуют различные болезни, но есть одна, которой по охвату и всеобщности нет равных. Эта болезнь поражает не только тело, но и ум, и волю человека — это грех, это недостойное отношение к Богу и ближним, к самому себе и к окружающему миру. Поэтому прп. Петр Дамаскин и дал такое горькое определение: «Человек есть не иное что, как только малое и скоро исчезающее зловоние»⁶. Мы становимся прокаженными из-за неразумных страстей своей души, здравие же и спасение получаем при благоразумном духовном состоянии. Грех вторгается в жизнь, разрушает дружбу, упраздняет любовь, восстанавливает детей на родителей, производит ссоры и войны, разрушает семью и общественные отношения.

Как же бороться с этой проказой? Как ее преодолеть? Как от нее избавиться? Свт. Игнатий Брянчанинов выразительно отвечает на этот вопрос: «Грех — родитель плача и слез; и он... умерщвляется своими чадами — плачем и слезами»⁷. А свт. Иоанн Златоуст мудро поучает нас: «Грех происходит от того, что люди хотят быть мудрее законов Божиих и не хотят учиться так, как Он заповедал; потому они ничему и не научаются»⁸.

Каждый из нас испытал благотворное действие заповедей Божиих в своей жизни. Там, где при решении вопросов общественной, государственной и семейной жизни руководствуются заповедями Божиими, — там мир и любовь, там порядок и единомыслие. Заповеди — это еще одно благодеяние роду человеческому, охраняющее человека и общество от хаоса и распада. Однако соотнесение нашей повседневной жизни с заповедями Божиими показывает, как далеко мы отстоим от Господом заповеданного устройства нашей жизни. Заповеди Божии проливают свет на нашу жизнь и обнаруживают те состояния падшего человека, которые подробно перечисляются в последовании общей исповеди. Горделивые раздоры, ссоры, гнев, ненависть, злопамятство,

⁶ *Петр Дамаскин, прп.* Творения. Кн. 1. М., 1874. С. 40.

⁷ *Игнатий Брянчанинов, еп.* Сочинения. Т. 5. Приношение современному монашеству. СПб., 1905. С. 390.

⁸ *Иоанн Златоуст, свт.* Творения в рус. пер. Т. 10. СПб., 1904. С. 42.

сребролюбие — все эти страсти свт. Афанасий Великий называет душевной проказой⁹, и каждый из нас нуждается в исцелении от нее. Для очищения от скверны, для просветления ума необходимо родиться заново, ведь *если кто не родится свыше, тот не может увидеть Царствия Божия*¹⁰. Рождение свыше, по слову святого апостола Петра, — это покаяние, или изменение¹¹, это очищение *старой закваски, чтобы быть новым тестом*¹², это совлечение *прежнего образа жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях*¹³, упразднение тела греховного, дабы нам не быть уже рабами греху¹⁴. Святой апостол Павел призывает нас *совлечься ветхого человека с делами его и облечься в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его: а если Христос в нас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности*¹⁵.

Господь даровал нам возможность, будучи еще здесь на земле, вкушать радость свободы от власти греха и родиться заново. Где же совершается наше возрождение? Как для телесного рождения человека по закону природы необходима матерняя утроба, — говорит святитель Филарет, митрополит Московский, — так и для духовного его рождения необходимо матернее лоно, в котором совершалось бы его возрождение от Духа Святого. Такое духовное матернее лоно и сокровищница духовной жизни для возрождения человека есть святая Церковь Христова¹⁶.

Каждому из нас явлены бесчисленные благодеяния Божии. Бог сотворил мир, украсил его и ввел в него человека. Когда же человек отпал от Бога, то Бог не отступил от него: посылал пророков, даровал заповеди, наконец, *отдал Сына Своего Единородного, дабы*

⁹ Ср.: *Athan. Alex. Ep. ad Castorem* [Sp.] 6. PG 28, 857B:8–14. — *Ред.*

¹⁰ Ин. 3, 3.

¹¹ См.: Евр. 6, 6; Рим. 2, 4.

¹² 1 Кор. 5, 7.

¹³ Еф. 4, 22.

¹⁴ Рим. 6, 6.

¹⁵ Кол. 3, 9–10.

¹⁶ *Филарет (Дроздов), свт. Слово по освящении храма Святого Духа в Рождественском монастыре // Он же. Творения. Слова и речи. Т. 4. 1836–1848. М., 1882. С. 515.*

всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную¹⁷. Сын Божий стал человеком и воспринял все свойства человеческого существования: радость рождения и ужас смерти, труд ремесленника и ответственность учителя, горечь предательства и счастье любви. Все это испытал наш Милосердный Спаситель, устрояя дело нашего спасения, «дондеже нас на небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее»¹⁸. Как пишет прп. Макарий Египетский, «истинный Христос, Первосвященник будущих благ¹⁹, склоняясь к нашим душам, прокаженным из-за греха и призывающим Его, входит в обитель нашего тела, и исцеляет, и врачует страсти. И таким образом душа теперь может войти в небесную Церковь святых истинного Израиля, поскольку Она, сама будучи непорочной и чистой, ищет такие же чистые и непорочные души»²⁰.

Достоинно и справедливо, чтобы Бог воспевался нами, чтобы человек благодарил и поклонялся Ему везде и всегда. Но вместе с тем признаем свою немощь и будем взывать Даровавшему нам всякое благо Зиждителю и Спасителю: «Душа наша не в состоянии принести Тебе, Господи, столько же великий дар, сколько велик Ты. Да умиловит Тебя, Господи, чудная смерть Твоя»²¹. За эти и другие благодеяния: те, которые явны, и те, которые мы не замечаем, явленные нам и те, которые нам еще будут ниспосланы Промыслом Божиим, — Святая Церковь благодарит Бога²², совершая Святую Евхаристию, и приносит Ему славословие и Святые Дары — хлеб и вино. Господь приемлет дары и возвращает их нам Своею Плотью и Кровью ради нашего освящения, ради оставления грехов, общения со Святым Духом, исполнения Царства Небесного и спасения от осуждения или гибели»²³.

¹⁷ Ин. 3, 16.

¹⁸ Евхаристический канон на Божественной Литургии свт. Иоанна Златоуста.

¹⁹ Евр. 9, 11.

²⁰ Ср.: Макарий Египетский, прп., *Духовные беседы, послание и слова*. М., 1998. С. 284 (перевод уточнен по: Мас. М. *Hom. spirit.* 44:56–61, 64–65 / Ed. H. Dörries, E. Klostermann, M. Krüger. В., 1964. TLG 2109/2. — Ред.).

²¹ Ефрем Сирийский, прп. Творения. Ч. 4. ТСЛ., 41900. С. 216.

²² Евхаристический канон.

²³ Молитва священника на ектенью «Вся святые помянуше».

Святой апостол Павел призывает и нас принести в дар Богу свою волю и жизнь, ответить на Божии благодеяния исполнением заповедей Божиих. *«Братия моя, возмогайте о Господе и в державе крепости Его»*²⁴.

Приведем святоотеческий поучительный пример того, как пагубно приобщаться Святых Христовых Таин в прокаженном, не очищенном от греха состоянии, и как велика сила нашего раскаяния и молитвы пред милостивым и вселюбящим Богом. Однажды некий пресвитер Пиаммон, принося Бескровную Жертву Господу, увидел около престола ангела Господня, который держал книгу и записывал в нее имена приступавших к Причащению иноков. Старец внимательно замечал, чьи имена были пропущены. После Литургии он призывал к себе порознь каждого из пропущенных ангелом и спрашивал, нет ли у него какого-либо тайного греха. Оказалось, что каждый из них был повинен в смертном грехе. Тогда старец убеждал их раскаяться и сам, вместе с ними повергаясь пред Господом, день и ночь молился со слезами. Вскоре он вновь увидел ангела, который, записав всех приступающих к Святым Таинам, стал по именам называть каждого, приглашая приступить к престолу для примирения с Богом — Господь принял их раскаяние²⁵.

Следование воле Божией, исполнение заповедей — дело нелегкое. Апостол Павел говорит, что на этом узком и многотрудном пути спасения христианину придется столкнуться с *духами злобы поднебесной, с кознями диавольскими*, а момент искушения называется *днем лютым*. Подобно воину, христианину необходимо облечься *во вся оружия Божия, препоясать чресла истиной, облечься в броню праведности, обути ноги в готовность благовествовать мир, взять щит веры, и шлем спасения, и меч духовный, т. е. слово Божие*²⁶. И св. Антиох Палестинский, монах Лавры св. Саввы Освященного, продолжая апостольскую мысль, опытно поучает нас: *«Если отдашь всего себя в жертву Богу, только тогда очистишься от проказы скверных страстей и станешь жертвенником и храмом святого Духа»*²⁷.

²⁴ Еф. 6, 10.

²⁵ См.: Руфин, пресв. Жизнь пустынных отцев. ТСЛ, 1898. С. 112.

²⁶ Ср.: Еф. 6, 11–17.

²⁷ *Antioch. Monach.* Hom. 120. De primitiis. PG 89, 1809A:1–4.

ОТДЕЛ III. СЛОВА И ПРОПОВЕДИ

Дорогие отцы, братья и сестры! Мы, источающие смрад греховной проказы, своей гордыней удалившие себя от Творца, непостоянные на добро и правду, будем со слезами и сокрушением взывать Спасителю: «Помилуй нас!». Будем просить нашего Избавителя умножить, укрепить нашу веру, и не забудем возблагодарить Его за все то, что с нами было, происходит или случится. Наконец, прославим Того, Который в нищете и поругании стучит в покрытую струпьями дверь нашей души, словесными восхвалениями и милостыней — добрыми делами. Будем чаще приобщаться и воспринимать внутрь себя Самое Тело и Кровь Христовы в Таинстве Святой Евхаристии, внимательно приготавливая себя к этому бесценному Дару очищением от греха, да исцелит Он, Создатель наш, ум и волю, всю нашу жизнь, чтобы и нам стать сожителями святых, гражданами небесного Иерусалима — грядущего Царства Божия. Аминь.

М. В. ВЕНЕЦКОВ

СЛОВО НА ВЫПУСКНОМ АКТЕ МДАиС¹

Ваше Высокопреосвященство,
уважаемые члены профессорско-преподавательской корпорации,
дорогие гости!

Будто только вчера мы, сегодняшние выпускники Семинарии, с томительным волнением наполняли этот зал, желая услышать свои фамилии в списке поступивших, но и в нынешний день наши сердца замирают с еще большим трепетом, осознавая огромную ответственность церковного служения. В названии нашей школы особенной нотой звучит слово «духовная». Дух Святой обильно орошает колосающую ниву церковной науки, питает алчущие души воспитанников и просвещает святой алтарь нашей *almae matris*. Еще в древней пифагорейской школе был такой девиз: «Ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь»². Но кто может зажечь? Не тот ли только, кто сам обладает или является пламенем?! Отрадно, что многие из наших наставников и учителей были подобны этим пылающим факелам, которые смогли и нас зажечь. Пифагорейцы могли лишь издали увидеть отблески истины, а православное исповедание Христа, вочеловечившего Бога, дает возможность просветиться Самим *непрístupным Светом*³ и стать соучастниками *великой благочестия тайны*⁴.

Нам выпало учиться на стыке эпох двух предстоятелей Русской Православной Церкви — Святейшего Патриарха Алексия II и Святейшего Патриарха Кирилла — при ректорстве Вашего Высокопре-

¹ Произнесено в актовом зале МДА 11 июня 2010 г.

² Этот девиз первой пифагорейской Академии скорее всего принадлежит греческому философу и моралисту Плутарху (родился до 50 г. — умер после 120 г.).

³ 1 Тим. 6, 16.

⁴ 1 Тим. 3, 16.

освященства. Это время по праву можно назвать периодом реформ. В Древнем Китае, желая человеку всяческих неприятностей, говорили: «Чтоб тебе жить в эпоху перемен!» Однако все в этом мире способно к переменчивости и изменению, согласно пророку Амосу, который говорил Господу: «Твори́й вся и претвори́й»⁵. Человек как свободное создание Божие реализует себя в движении, не замыкающемся в самом себе, но динамически устремленном к преобразению личности, исполнению Божественной воли и уподоблению образу своему Первообразу. Нынешняя эпоха напоминает эпоху небесного покровителя Святейшего Патриарха Кирилла — св. равноапостольного просветителя славян Константина-Кирилла. Это время сева, время осолоненного слова, время просвещения и приобщения духовным истокам, время вызовов, время миссии, требующее от миссионера, по слову апостола, стать *всем для всех, чтобы спасти по крайней мере некоторых*⁶.

Выпускной день — символ Воскресения, которое невозможно без крестного страдания. Семинарская жизнь — это своеобразная Голгофа, на которой всякий ученик утверждается в добре через интеллектуальный и физический труд, отсечение своей воли, уничтожение; и без упования, преданности и любви ко Христу этот путь непреодолим. В самом деле, истинен Тот, Кто сказал: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»⁷. Ваше Высокопреосвященство, низкий Вам поклон и бесконечное благодарение за то, что Вы личным примером несения креста ректорского служения вдохновляли и нас, в процессе получения духовного образования, на жертвенный подвиг самоотдачи, молитвы и смиренного умножения Богом данных талантов. Ваши слова о том, что всякая деятельность в Духовной школе — это послушание, т. е. слышание Бога и Церкви, золотыми буквами навсегда запечатлены в наших сердцах.

Выпускной день — символ святой Пятидесятницы, в день которой свт. Иоанн Златоуст восклицает: «Как в древности языки разделили вселенную и расторгли злое согласие, так ныне языки соединили все-

⁵ Ам. 5, 8.

⁶ 1 Кор. 9, 22.

⁷ Мф. 11, 12.

ленную и бывшее разделенным привели в единомыслие»⁸. Мы просим прощения у Бога и у всех вас за то, что на протяжении своей учебы мы скорее напоминали строителей Вавилонской башни, чем единомышленных учеников Христовых. Но сегодня в келье преподобного Сергия под покровом Царицы Небесной мы все, «как струны лиры»⁹, составляем единую семью, единое сердце и единый дух¹⁰. Мы верим, что даже и тогда, когда мы разлетимся по разным уголкам света, мы не перестанем быть верными чадами обители Пресвятой и Живоначальной Троицы. И пусть Божественная благодать всегда будет той созидательной силой, которая соединит нас друг с другом по слову Спасителя: «*Да будут все едино, как, Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе*»¹¹.

Выпускной день — это символ конца света и начала новой жизни. Сегодня разгибаются дипломы, в которые вписаны полученные за учебу оценки, а в эсхатологической перспективе разогнутся книги рукописаний всей нашей жизни. Мы призваны исполнить завет Христа Бога: «*Посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве... Я послал вас жать*»¹². В наш постмодернистский век с его глобализацией и плюрализмом, когда провозглашается вседозволенность, рушится система нравственных ценностей и при кажущейся свободе человек становится рабом зла, — мы обязаны предложить обществу не какое-то квазиабсолютное экзистенциально-персоналистическое учение, не просто схоластически изложить богословско-догматические истины, но, в первую очередь, светить миру незапятнанной верой и добрыми делами¹³. Пусть девизом нашего служения будут слова свт. Григория

⁸ «...ὡσπερ γὰρ τότε τὸ παλαιὸν γλῶσσαι τὴν οἰκουμένην κατέτεμον, καὶ τὴν κακὴν συμφωνίαν εἰς διαίρεσιν ἤγαγον· οὕτω καὶ νῦν γλῶσσαι τὴν οἰκουμένην συνῆψαν, καὶ τὰ διεστῶτα εἰς ὁμόνοιαν συνήγαγον». *Jo. Chrys. De sancta Pentecoste*. Пом. 2. PG 50, 467:38—41. Цит. по рус. пер.: Беседа вторая на Пятидесятницу 2 // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1899. С. 518.

⁹ «ὡς χορδαὶ κιθάρα». *Ignat. Antioch.* Ep. 1.4, 1:3—4 / Ed. P. T. Camelot. Paris, 1969. SC 10. P. 72.

¹⁰ Ср.: Деян 4, 32.

¹¹ Ин. 17, 21.

¹² Ин. 4, 35.38.

¹³ Ср.: Мф. 5, 16.

Богослова: «У нас цель всякого слова и дела — вести к совершенству тех, которые нам вверены»¹⁴. Неслучайно наша школа именуется «Семинарией»: такое название происходит от латинского слова *semen*, что значит «семя, рассада, потомок». Созрев в парниковых условиях школы, из семян мы преобразились в отрасль, и теперь наш долг — насадить новые семена Небесного Царствия в почву земного града, чтобы он заблагоухал ароматом райских цветов.

Мы вновь и вновь благодарим Бога, Его Пречистую Матерь, преподобного Сергия, предстоятеля нашей Церкви, Ваше Высокопреосвященство, дорогих проректоров и весь сонм многоуважаемой профессорско-преподавательской корпорации, сотрудников Духовной школы и Лавры:

Благодарим, обитель-школа,
За узкий и тернистый путь —
Ты впредь у горнего Престола
Сынов своих не позабудь.

Благодарим, смиренный авва:
Сердца едины у мощей;
Жива здесь Троичная слава —
Благослови своих детей!

Благодарим, Всевышний Боже,
Кто был душою здесь согрет.
Так неужель затмить кто сможет
Любви Твоей бессмертный Свет?!

¹⁴ «...τοῦτο ἡμῖν ἐν παντί καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ σπουδάζεται καταρτίζειν οὐς ἐπιστεύθημεν». *Greg. Naz. In laudem sororis Gorgoniae (oratio 8)*. PG 35, 792D:1–2. Ср. рус. пер.: *Свт. Григорий Богослов. Слово 8. Надгробное Горгонии, сестре св. Григория Назианзина // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского*. Ч. 1. М., 1843. С. 270.

ОТДЕЛ IV

КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ, ЗАМЕТКИ, БИБЛИОГРАФИЯ ПО БОГОСЛОВСКИМ НАУКАМ

Г. М. КЕССЕЛЬ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНИЙ ПРП. ЕФРЕМА СИРИНА, ПЕРЕВЕДЕННЫХ С СИРИЙСКОГО ЯЗЫКА В СЕРИИ ТСО¹

Данная роспись представляет собой список тех сочинений прп. Ефрема в переводе Московской духовной академии, которые были переведены с сирийского² и занимают около половины от общего объема собрания его сочинений. Актуальность составления такого библиографического указателя определяется тем обстоятельством, что со времени публикации данных переводов (начиная со второй половины XIX в.) достигнут значительный успех в изучении наследия одного из самых почитаемых святых сирийского христианства. И прежде всего здесь следует указать на критическое издание большей части сочинений, приписываемых в рукописной традиции прп. Ефрему, и находку (с последующей публикацией) оригинального сирийского текста «Толкования на Диатессарон». Помимо этого, конечно, была проведена достаточно обширная работа по изучению богословского учения аутентичных памятников, а также их литературных особенностей.

Перевод сирийских текстов был произведен бакалавром МДА прот. А. К. Соколовым († 1884 г.) с так называемого «Римского издания»

¹ Составитель выражает свою глубокую признательность А. Г. Дунаеву за внимательное (и неоднократное) прочтение текста и многочисленные замечания, способствовавшие его усовершенствованию.

² Включая также переводы с армянского тех текстов, для которых сирийский оригинал отсутствовал (частично отсутствует и по настоящее время).

(*Editio romana*) сочинений прп. Ефрема, состоящего из двух — греческого³ и сирийского⁴ — блоков по три тома каждый. Издание греческих текстов было подготовлено Иосифом Симоном Ассемани, тогда как над изданием сирийского трехтомника работали Петр Бенедикт и Стефан Эводий (племянник Иосифа Симона Ассемани). Несмотря на то, что сирийский трехтомник был первым изданием обширного количества сирийских текстов, приписываемых прп. Ефрему, его довольно посредственное качество (выражавшееся, прежде всего, в вольном и невнимательном обращении с оригинальными текстами) заслужило ему плохую славу, и поэтому, начиная с XIX в. сирийские тексты, вошедшие в «Римское издание», переиздавались еще раз, но уже на более высоком уровне.

Таким образом, в данном указателе предпринята попытка представить тексты, переведенные в серии ТСО с сирийского языка по «Римскому изданию», в свете современного состояния изучения наследия прп. Ефрема. Указатель следует росписи сочинений сирийского отца, опубликованной в предыдущих томах БВ³, и содержит: название (в круглых скобках добавлены указания количества глав), номер текста в росписи БУ ТСО, местонахождение русского перевода, источник русского перевода, параграф в библиографии Ден Бизена⁶ с приведением используемого в ней (и призванного быть стандартным) названия текста, современное (критическое) издание данного текста, рукописные списки (с их датировкой)⁷, современный(е) перевод(ы)

³ Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ὑμῶν Ἐφραίμ Σύρου τὰ εὐρισκόμενα πάντα. Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa [Opera graeca]. T. 1–3. R., 1732, 1743, 1746.

⁴ Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa. [Opera syriaca]. Vol. 1–3. R., 1737, 1740, 1743.

⁵ БУ ТСО.

⁶ Biesen 2002. 383 С.

⁷ Указываются только те рукописи, которые были использованы в изданиях. «Римское издание» зависело исключительно от фондов Ватиканской библиотеки. Если это специально не оговорено, список исчерпывающий (следует, однако, иметь в виду, что для ряда текстов, изданных Беком, в недавнее время исследователями найдены дополнительные свидетели; в нашем указателе они не приводятся). Полный список сирийских рукописей, содержащих тексты, приписываемые прп. Ефрему Сирину, на сегодняшний день отсутствует.

(выполненный(е) на основе критического издания), основные исследования по данному тексту, примечания об особенностях и составе русского перевода, а также сведения об аутентичности сочинения. Приводимые библиографические сведения не претендуют быть исчерпывающими, для более подробной библиографии по определенному тексту можно воспользоваться указанным справочником Ден Бизена.

При составлении данной описи помимо самих изданий сочинений прп. Ефрема использовались: библиография Ден Бизена⁸, указатели изданий⁹ и текстов¹⁰ Ефрема Сирина, а также каталоги сирийских рукописей.

Согласно мнению исследовательницы корпуса «Ephraem graecus» Д. Эммерденже-Илиаду, только для нескольких¹¹ греческих текстов могут быть установлены сирийские оригиналы (как правило, соответствие имеет весьма отдаленный характер лишь с частями определенных сирийских текстов, которые к тому же в греческом переводе существенно обработаны). И только для одного подлинного сирийского текста существует полная греческая версия (см. ниже № 583 и 612).

Одним из основных критериев подлинности текстов, приписываемых Ефрему Сирину, является рукописная традиция¹². Благодаря 14 рукописям¹³, датируемым V–VI вв., до нас дошли¹⁴ «Толкование на

⁸ В настоящее время автор готовит второе (расширенное, дополненное и исправленное) издание своего справочника.

⁹ Brock S. A brief guide to the main editions and translations of the works of Saint Ephrem // Saint Ephrem: Un poète pour notre temps (Patrimoine Syriaque, Actes du Colloque XI). Antélias, Liban, 2007. P. 281–307.

¹⁰ Brock S. Index of first lines of Mimre // Ibid. P. 311–314; *Idem*. Index of the first words of Madroshe in CSCO and Lamy // Ibid. P. 315–327.

¹¹ Hemmerdinger-Iliadou D. Ephrem (les versions): 1. Ephrem Grec // DS. 1960. T. 4. Col. 800–815. В СРГ сирийские оригиналы указаны для № 3909, 3950, 4025, 4054, 4082.

¹² Более подробно об этом см.: Брок С. Ефрем Сирин // ПЭ 19. 2008. С. 79–94.

¹³ Vatican. syr. 110, syr. 111, syr. 112, syr. 113; Dublin, Chester Beatty Ms. 709; British Library Add. 12176, Add. 14570, Add. 14571, Add. 14572, Add. 14574, Add. 14623, Add. 14627, Add. 14635, Add. 14656.

¹⁴ О наличии этих текстов в «Римском издании» см. ниже приложение «Подлинные сочинения Ефрема, не приведенные в серии ТСО» (С. 1056–1057).

книгу Бытия», «Толкование на книгу Исход», «Толкование на Четвероевангелие», «Мемра о Господе нашем», поэтические циклы «О Церкви», «О Распятии», «О вере», «О посте», «Против ересей», «О Рождестве», «О Нисивине», «О рае», «Против императора Юлиана», «О Воскресении», «Об опресноках», «О девстве». Некоторые из указанных текстов существует только в единственном списке; нередко собрания сохранились неполностью.

К иной группе рукописной традиции сочинений, приписываемых прп. Ефрему, относится большое количество поздних, преимущественно литургических, рукописей. Хотя анализ таких текстов весьма затруднителен (особенно при отсутствии более древних свидетелей текста), как показывают исследования, рукописи данного рода также могут содержать аутентичный материал¹⁵.

Таким образом, степень подлинности ряда текстов, существующих только в поздних списках, на сегодняшний день не установлена. Поэтому для тех из них, которые были изданы лишь в «Римском издании» (и переведены на русский), мы не можем привести никаких новых сведений.

За неимением возможности провести доскональное сопоставление русского перевода с оригинальными сирийскими текстами для того, чтобы, во-первых, определить его качество, и, во-вторых, установить возможную зависимость от латинского перевода, сопровождающего издание, нами осуществлена контрольная сверка нескольких текстов, в результате которой можно прийти к следующим выводам.

Как было замечено в отечественной патрологии еще архиеп. Филаретом (Гумилевским), латинский перевод сирийских текстов «оказывается слишком свободным, а иногда и ошибочным»¹⁶. Русский же перевод достаточно близко и точно следует сирийскому тексту, иногда все же предпочитая более описательные конструкции. В целом, пожалуй, не будет ошибочным заключение, что данный перевод является хоро-

¹⁵ Brock S. The Transmission of Ephrem's Madrashe in the Syriac Liturgical Tradition // *StPatr.* 1997. Vol. 33. P. 490–505.

¹⁶ Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 2. СПб., 1859. С. 109, сноска 40.

шим образчиком дореволюционной школы переводов патристических сочинений. Следуя распространенной в то время практике, в русском переводе не передается стихотворная форма гимнов (*мадраш*¹⁷) Ефрема Сирина, организованных в виде строф, состоящих из двестишестидесяти по 7 слогов¹⁸.

Сравним один из первых параграфов «Толкования на Бытие»:

ТСО 22. Кн. 4. С. 243	Editio Romana Syr. I. P. 1	Перевод, приближенный к сир. оригиналу
<p>Моисею поводом к написанию книги Бытия служило следующее. В умы людей первобытных Творцем вложено было ясное о Нем ведение, и твари до столпотворения были почитаемы тварями; даже по столпотворении проповедание истинного учения не прекращалось у сынов Симовых до Моисея. Впрочем, потомки Авраамовы, со времени переселения во Египет, начинали, подобно целому миру, терять ведение о Боге, удалялись от добрых законов, напечатленных в природе, сотворенное из ничего стали почитать</p>	<p>Mosis suo in hoc opere is scopus et finis fuit. Quod etsi Universi molitor Deus prisci temporis hominibus perspicuam claramque sui notionem impresserat, ut nemo Mundum a Deo factum diffiteretur; hanc tamen de Mundi origine rerumque effectione opinionem omnium, ut dixi, mortalium animis insitam evulsit, novamque inseruit posterior aetas, quae Babylonicae Turris molitionem proxime consecuta est, et usque ad Mosis tempora duravit. Enim vero etsi apud Semi nepotes non defuere, qui veterem de Deo disciplinam retinerent, aliique persuadere niterentur; occasione tamen Aegyptiacae servitutis, humani generis communis error, Abrahae quoque posteritatem invasit, adeo ut, repudiata veri Dei religione, ipso naturae instinctu repugnante, rebus non multo pridem factis aeternitatem</p>	<p>Причиной написания [книги Бытия] Моисеем было следующее. Творец был открыт разумению первых поколений, и до дней [Вавилонской] Башни тварям было проповедуемо, что они твари; и от [Вавилонской] Башни до Моисея не перевелись проповедники сего среди сынов Сима. Блудодействуя¹⁹ же в Египте, сыны Авраама заслужили быть без Бога вместе со всем миром. Они удалились от добрых законов, скрепленных с нашей природой, и существа, созданные из ничего, стали считать существующими [вечно], а тварей, сотворенных в начале,</p>

¹⁷ Сир. *madrāšā*, pl. *madrāšē*.

¹⁸ На сегодняшний день отсутствует детальное изучение сирийского стихосложения. Основные данные могут быть найдены в: Brock S. Poetry and Hymnography (3): Syriac // The Oxford handbook of early Christian studies / edited by S.A. Harvey and D.C. Hunter. Oxford, 2008. P. 657–671

¹⁹ Сир. глагол Т҆҆҆ имеет значения: «блуждать, странствовать, заблуждаться, забывать» и в Библии может соответствовать двум евр. глаголам: לָטָה (LXX ἐχπορεύω) и עָפַח (LXX ἐπιλάθομαι).

вечным, тварей, недавно получивших бытие, именовать Богом. Посему-то Бог восхотел чрез Моисея научить истине заблуждающихся современников его, чтобы на все веки не распростерлось зло, перешедшее к ним по преданию.

divinitatemque affingerent. Huic ergo superstitioni, per id tempus maxime grassanti, Deus Mosen objecit; jussitque mentes hominum, variis opinionibus confusas, verae religionis praeceptis imbueret; vitiumque per successiones traditum excindere, ne in omnes aetates ac tempora proserperet.

стали называть «богом». Тогда Бог решил через Моисея исправить то, что смешалось в поколении Моисея, чтобы это злая преемственность не перешла всему миру.

Данный пример наглядно демонстрирует специфику русского перевода. Прежде всего, можно наблюдать отсутствие дословного следования латинскому переводу, который действительно отличается чрезмерной вольностью и описательностью по отношению к оригинальному тексту. Тем не менее, в определенных, порой непростых для передачи, местах переводчик, скорее всего, опирался на него²⁰. Сопоставление русского перевода с оригинальным сирийским текстом однозначно свидетельствует в пользу того, что переводчик весьма хорошо владел сирийским языком. Можно отметить, что смысл повествования передан достаточно точно, хотя и не всегда можно согласиться с интерпретациями, предложенными переводчиком. Наиболее существенным искажением оригинального текста является замена толкования на Быт. 1, 2 соответствующим местом из западносирийского (монофизитского) экзегетического компендия²¹.

Ниже приводится указатель сочинений прп. Ефрема Сирина, переведенных в серии ТСО. Сочинения прп. Ефрема, не переведенные на русский язык, вынесены в отдельное приложение.

²⁰ Ср. «вложено было ясное о Нем ведение» и «sui notionem impresserat», тогда как в тексте стоит вторичная форма от глагола GLY, имеющего значение «быть открытым, явным»; «научить истине» и «verae religionis praeceptis imbueret», тогда как в тексте стоит только глагол TRŞ со значением «исправлять».

²¹ См. № 655.

СОЧИНЕНИЯ ПРП. ЕФРЕМА СИРИНА,
ПЕРЕВЕДЕННЫЕ В СЕРИИ ТСО

1. ТЕКСТ: О покаянии (гл. 1–76).

НОМЕР РОСПИСИ: 564–565.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 16. Кн. 3. С. 172–416 (IV, 122–345).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 367–561.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 36 (Paraenesis).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 11 (1261 ann.), syr. 93 (823 ann.), syr. 111 (522 ann.), syr. 117 (X saec.), syr. 120 (VII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: главы 1, 75–76 идентичны гимнам 34, 29–30 из цикла «Гимны о Церкви».

АУТЕНТИЧНОСТЬ: часть глав определенно неаутентична.

2. ТЕКСТ: Беседа на слова: «Положи Господи хранение устом моим, и дверь ограждения о устах моих» (Пс. 140, 3).

НОМЕР РОСПИСИ: 566.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 16. Кн. 4. С. 416–425 (IV, 345–353).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 330–336.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 118 (Mēmṡā on Ps. 140, 3).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: не определена.

3. ТЕКСТ: Беседа на слова: «Сыне, моей премудрости внимай, к моим же словесем прилагай ухо твое» (Притч. 5, 1).

НОМЕР РОСПИСИ: 567.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 16. Кн. 4. С. 425–429 (IV, 353–357).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 336–338.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 119 (Mēmrā on Prov. 5, 1).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: определено установить невозможно.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: не определена.

4. ТЕКСТ: Беседа на слова: «*Вся суетство и крушение духа*» (Еккл. 1, 14).

НОМЕР РОСПИСИ: 568.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 16. Кн. 4. С. 430–438 (IV, 357–366).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 338–344.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 87 (Mēmrā on what Qohelet said: “All is vanity and affliction”).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970a*. P. 58–66.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970a*. S. 80–91.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Strothmann W.* Das Buch Kohelet und seine syrischen Ausleger // *Erkenntnisse und Meinungen*. Bd. I / Hrsg. Von G. *Wießner*. Wiesbaden, 1973. S. 189–238 (Göttinger Orientforschungen I/3).

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек относил данный текст к неподлинным из-за значительных расхождений в содержании (суд над душой сразу следует за телесной смертью) и стиле (малосодержательные повторения и высказывания) с определенно аутентичными сочинениями прип. Ефрема. Штротманн указал на присутствие в тексте цитаты из Ин. 14, 27, следующей переводу Фомы Гаркельского (VII в.).

5. ТЕКСТ: Надгробные песнопения.

НОМЕР РОСПИСИ: 578.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 2. С. 5–186 (IV. С. 366–533).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 225–359.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 33 (*Necrosima, seu Funebres Canones*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: определено установить невозможно.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: глава 5 содержит строфы из цикла «Гимны о старце Юлиане», гимны 1–4; глава 24 является сокращенным вариантом 18 гимна из того же цикла.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: часть текстов определено неаутентична.

6. ТЕКСТ: Беседа против иудеев, говоренная в неделю: Осанна.

НОМЕР РОСПИСИ: 579.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 2. С. 187–210 (V. С. 3–24).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 209–224.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 63 (Mēmrā on the Holy Feast of the Hosanna).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970b*. P. 55–78.

РУКОПИСИ: British Library Add. 12165 (1015 ann.), Vatican. syr. 117 (XII saec.), syr. 118 (X saec.) и др.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970b*. S. 72–98.

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек относил данный текст к неподлинным по причине отсутствия древних свидетелей текста (все имеющиеся списки относятся ко второму тысячелетию), а также из-за отсутствия характерных для аутентичных сочинений прп. Ефрема приемов развития данного сюжета.

7. ТЕКСТ: О свободной воле человека (гл. 1–4).

НОМЕР РОСПИСИ: 580.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 2. С. 210–221 (V, 24–33).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 359–366.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 4–7, 7–10, 32–34, 15–17.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 111 (522 ann.), British Library Add. 14571

(519 ann.), Add. 14574 (V–VI saec.) и ряд рукописей литургического содержания, содержащих только отдельные гимны.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. P. 4–7, 7–9, 34–37, 15–17.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Brock S. The Transmission of Ephrem's Madrashe in the Syriac Liturgical Tradition // StPatr. 1997. Vol. 33. P. 490–505.*

ПРИМЕЧАНИЯ: главы идентичны следующим гимнам из цикла «Гимны о Церкви»: глава 1 = гимн 2, глава 2 = гимн 3, глава 3 = гимн 13, стихи 1–6 и 19, глава 4 = гимн 6.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

8. ТЕКСТ: На слова Исаии: «*Да возмется нечестивый, да не видит Славы Господни*» (Ис. 26, 10).

НОМЕР РОСПИСИ: 581.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 223–233 (V, 33–42).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 344–350.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 72 (Mēmra on what Isaiah said: «Let the sinner be eliminated»).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970a*. P. 80–95.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.), syr. 155 (1515 ann.), British Library Add. 14615 (X–XI saec.), Dublin B 5.19 (1625 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970a*. S. 108–126.

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: в поздних списках текст значительно расширен по сравнению с более древними.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек считал, что в основе данного текста может лежать подлинный материал Ефрема Сирина, однако в своем настоящем виде он должен быть отнесен к неподлинным по причине значительных отличий в стиле (механическое употребление библейских примеров) и развитии темы.

9. ТЕКСТ: На слова Иеремии: «*Горе нам, яко согрешихом*» (Плач 5, 16).

НОМЕР РОСПИСИ: 582.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 233–246 (V, 42–54).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 350–359.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 49 (*Sermo de admonitione I*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970a*. P. 66–80.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.), syr. 464 (1234 ann.), syr. 566 (1472/3 ann.), British Library Add. 14611 (X saec.), Add. 17172 (830 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970a*. S. 91–108.

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек относит данный текст к неподлинным по причине существенных содержательных и стилистических расхождений с аутентичными сочинениями прп. Ефрема, характеризующимся издателем как преувеличения, вызванные потребностями проповеди; отличает данный текст также радикальное самообличение, отсутствующее в подлинных сочинениях сирийского отца.

10. ТЕКСТ: На слова пророчества Ионы: «*Восстани и иди в Ниневию <...>*» (Ион. 3, 2.3).

НОМЕР РОСПИСИ: 583.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 247–289 (V, 54–92).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 359–387.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 79 (*Sermo de Ninive et Jona*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970b*. P. 1–40.

РУКОПИСИ: British Library Add. 14573 (VI saec.), Vatican. syr. 117 (XII ann.), Dublin B. 5.18 (1625 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970b*. S. 1–53.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Brock S. Ephrem's verse homily on Jonah and the Repentance of Nineveh: notes on the textual tradition // Philohistôr. Miscellanea in honorem Caroli Laga / Ed. A. Schoors, P. van Deun. Louvain, 1994. P. 71–86 (OCA 60); De Halleux A. A propos du sermon éphremien sur Jonas et la pénitence des Ninevites // Lingua Restituta Orientalis: Festgabe für A. Assfalg / Ed. R. Schulz, M. Görg. Wiesbaden, 1990. S. 155–160 (Ägypten und Altes Testament 20).*

ПРИМЕЧАНИЯ: единственный подлинный сирийский текст, для которого существует полный греческий перевод (CPG 4082; изд.: *Hemmerdinger-Iliadou D. St. Éphrem le Syrien: Sermon sur Jonas // Le Muséon. 80. 1967. P. 47–74*).

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

11. ТЕКСТ: На слова: «*И сия рек, гласом великим воззва: “Лазарь, гряди вон”*» (Ин. 11, 43).

НОМЕР РОСПИСИ: 584.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 289–301 (V, 92–103).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II. P. 387–395*.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 120 (Mēmra on Joh. 11, 43).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: не определена.

12. ТЕКСТ: Песнопения на Рождество Христово.

НОМЕР РОСПИСИ: 585.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 302–363 (V, 103–156).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II. P. 396–436*.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 32 (Hymns on the Nativity).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1959. P. 1–143* (цикл из 28 гимнов).

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 112 (551 ann.), British Library Add. 14506 (IX saec.), Add. 14571 (519 ann.) и ряд более поздних рукописей литургического содержания.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1959. S. 1–130; Cassingena-Trévedy 2001; McVeу 1989. P. 61–218; Св. Ефрем Сирин. Гимн (Мадраша) на Рождество / Пер. с сир., вступ. статья прот. Л. Грилихеса // БВ. 5–6. 2005–2006. С. 17–41* (пер. гимна 1).

ИССЛЕДОВАНИЯ: *De Halleux A. Le comput ephrémien du cycle de la Nativité // The Four Gospels: Festschrift Frans Neiryneк / Ed. F. Van*

Segbroeck, C. M. Tuckett, G. Van Belle, J. Verheyden. Leuven, 1992. P. 2369–2382 (BETL 100).

ПРИМЕЧАНИЯ: гимн 7 по «Римскому изданию» был опущен в русском переводе; соответствие с изданием Бека: 1 = 1; 2 = 3; 3 = 4; 4 = гимн 5, строфы 1–3, 6–24 + гимн 6, строфы 1–13; 5 = 7; 6 = гимн 8, строфы 1–12, 18–21, 13–17 + гимн 9, строфа 1; 7 = гимн 10, строфы 2–12 + гимн 11 + гимн 13; 8 = 14; 9 = 15; 10 = 16; 11 = 17; 12 = 18; ядром цикла являются гимны 5–20 (по изданию Бека), скорее всего, именно в таком виде написанные прп. Ефремом; к VI в. к ним были добавлены подлинные гимны 1–4 схожего содержания, а к VIII в. — гимны 21–28.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичны (за исключением гимна 28).

13. ТЕКСТ: На Рождество Христово.

НОМЕР РОСПИСИ: 586.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 364–368 (V, 156–161).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III.* P. 599–602.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 32 (Hymns on the Nativity).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1959.* P. 13–18.

РУКОПИСИ: см. № 585.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1959.* S. 12–17.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 585.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст соответствует гимну 2, 1–20 издания Бека; т. 2 «Римского издания» содержит цикл «Гимны на Рождество» (с. 396–436), из них второй (данный) гимн был издан отдельно в разделе «De diversis sermones» 3-го тома.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

14. ТЕКСТ: Страдание и Воскресение Христово.

НОМЕР РОСПИСИ: 587.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 369–371 (V, 161–163).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III.* P. 603–604.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960.* P. 130–133.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 126–128.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: гимны из цикла «Гимны о Церкви» были изданы раздельно в двух томах «Римского издания»; данный текст соответствует гимну 51 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

15. ТЕКСТ: Похвальная песнь Божией Матери.

НОМЕР РОСПИСИ: 588.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 371–376 (V, 163–168).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 604–608.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 66 (*Sermones duo de Genetrice Dei*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1975*. P. 39–42.

РУКОПИСИ: *Vatican. syr.* 117 (XII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1975*. S. 49–55.

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: издание Бека содержит две мемры о Богородице; данный текст соответствует второй мемре.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: первая мемра определенно неподлинна, и, как было показано Беком, зависит от мемры на Рождество западносирийского автора V в. Иакова Сругского; вторая содержит явные характеристики, которые позволяют отнести ее написание ко времени после прп. Ефрема.

16. ТЕКСТ: Размышление о домостроительстве нашего спасения.

НОМЕР РОСПИСИ: 589.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 376–382 (V, 168–173).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 608–612.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (*Hymns on the Church*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 58–65.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 60–65.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимнам 26 и 27 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

17. ТЕКСТ: О правде и благодти Божией.

НОМЕР РОСПИСИ: 590.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 382–385 (V, 173–175).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 613–615.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 12–15.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 12–15.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 5 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

18. ТЕКСТ: Почему Бог одни прошения приемлет, а другие отвергает.

НОМЕР РОСПИСИ: 591.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 385–389 (V, 175–179).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 615–618.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 54–58.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 55–60.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 25 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

19. ТЕКСТ: Бог все устрояет к спасению человека.

НОМЕР РОСПИСИ: 592.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 390–392 (V, 179–182).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 618–620.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 133–136.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 129–131.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 52 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

20. ТЕКСТ: Временные блага удаляют от благ вечных.

НОМЕР РОСПИСИ: 593.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 393–395 (V, 182–183).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 620–622.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 76–79.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 75–77.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 31 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

21. ТЕКСТ: О непостоянстве человеческой воли.

НОМЕР РОСПИСИ: 594.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 395–397 (V, 184–186).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 622–624.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 9 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 79–81.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 77–79.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 32 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичен.

22. ТЕКСТ: Об укрощении худых пожеланий.

НОМЕР РОСПИСИ: 595.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 397–401 (V, 186–189).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 624–627.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 66–70.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 65–69.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 28 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

23. ТЕКСТ: О хранении ока и языка.

НОМЕР РОСПИСИ: 596.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 401–403 (V, 189–191).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 627–629.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 81–84.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 79–81.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: данный текст соответствует гимну 33 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

24. ТЕКСТ: Адам и Ева.

НОМЕР РОСПИСИ: 597.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 404–416 (V, 191–202).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 318–325.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 113–128.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 109–124.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: в «Римском издании» текст отнесен к разделу экзегетических сочинений; данный текст соответствует гимнам 45–49 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

25. ТЕКСТ: Адам и Енох.

НОМЕР РОСПИСИ: 598.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 417–418 (V, 202–204).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 325–326.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 128–130.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 124–126.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: в «Римском издании» текст отнесен к разделу экзегетических сочинений; данный текст соответствует гимну 50 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

26. ТЕКСТ: Мария и Ева (в трех главах).

НОМЕР РОСПИСИ: 599.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 419–423 (V, 204–208).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 327–329.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 19 (Hymns on the Church).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1960*. P. 87–93.

РУКОПИСИ: см. № 580.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1960*. S. 84–90.

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 580.

ПРИМЕЧАНИЯ: в «Римском издании» текст отнесен к разделу экзегетических сочинений; данный текст соответствует гимнам 35–37 издания Бека.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичен.

27. ТЕКСТ: Иисус — свет мира.

НОМЕР РОСПИСИ: 600.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 18. Кн. 4. С. 423–424 (V, 208–209).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 330.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 117 (Mēmra on Ps. 96, 11).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: —

АУТЕНТИЧНОСТЬ: не определена.

28. ТЕКСТ: О страннической жизни.

НОМЕР РОСПИСИ: 610.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 2. С. 1–3 (V, 209–211).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 650–651.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 107 (Mēmṛā on the solitariness of the solitaries and the destitute life of the monks, of the dwellers in the caves, on the mountains, in hollows, in the rocks, and in the clefts of the ground).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1973*. P. 1–16.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 566 (1472/3 ann.), Borgia syr. 10 (1583 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1973*. S. 1–21.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Vööbus A. Untersuchungen über die Authentizität einiger asketischer Texte, überliefert unter dem Namen «Ephraem Syrus»*. Pinneberg, 1947 (Contributions of the Baltic University 25); *Vööbus 1958*; *Idem. Ein neuer Text von Ephrem über das Mönchtum // OrC 42*. 1958. P. 41–43.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст, изданный в «Римском издании» является фрагментарным.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Выбус считал текст подлинным, отождествляя описания монашеской жизни со временем прп. Ефрема; Бек относил данный текст к неподлинным по причине существенных отличий в стиле («неясный» язык; сложный, подчас запутанный строй предложений, отсутствие четкого развития темы) и содержания (указания на более развитые формы монашества) с аутентичными сочинениями Ефрема Сирина (мнение Бека считается на сегодняшний день общепринятым).

29. ТЕКСТ: Об отшельничестве.

НОМЕР РОСПИСИ: 611.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 2. С. 3–7 (V, 209–211).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 652–654.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 106 (Mēmṛā on solitaries and monks and desert dwellers).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Lamy 1902*. P. 147—186²².

РУКОПИСИ: определено установить невозможно.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Bou Mansour T.* Les écrits ascétiques ou «monastiques» d'Isaac dit d'Antioche // *JEastCS*. 59. 2007. P. 49—84; *Vööbus A.* Beiträge zur kritischen Sichtung der asketischen Schriften, die unter dem Namen Ephraem des Syrers überliefert sind // *OrC* 39. 1955. P. 48—55; *Vööbus 1958*.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст, изданный в «Римском издании», соответствует § 2—5 издания Лами.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: текст приписывается в рукописной традиции Ерему и Исааку Антиохийскому; Выбус считал текст подлинным; Бу Мансур убедительно выявляет авторство Исаака Антиохийского.

30. ТЕКСТ: О братском вразумлении друг друга.

НОМЕР РОСПИСИ: 612.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 2. С. 8—57 (V, 215—258).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 654—687.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 89 (*Sermo de reprehensione II*).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1970a*. P. 12—49.

РУКОПИСИ: *British Library Add. 14573* (VI saec.), *Vatican. syr. 117* (XII saec.), *Paris. syr. 189* (XVII saec.), *syr. 196* (XIV saec.), *Dublin B 5.19* (1625 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1970a*. S. 17—65.

ИССЛЕДОВАНИЯ: —

ПРИМЕЧАНИЯ: существующий греческий текст «*De morbo linguae et grauis affectibus*» (CPG 3950) содержит несколько в большей и меньшей степени переработанных фрагментов из данного сирийского текста.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек считал, что текст, скорее всего, подлинный.

31. ТЕКСТ: О рае (в 12 частях).

НОМЕР РОСПИСИ: 613.

²² Издание устарело. Новейшее критическое издание отсутствует.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 2. С. 58–102 (V, 258–297).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. III*. P. 562–598.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 35 (Hymns on Paradise).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1957b*. P. 1–54.

РУКОПИСИ: British Library Add. 14506 (XI saec.), Add. 14571 (519 ann.), Add. 17141 (519 ann.), Vatican. syr. 111 (522 ann.), syr. 112 (551 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1957b*. S. 1–50; *Brock 1990*. P. 77–168; *Lavenant 1968*. P. 33–63; От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1987. С. 176–189 (пер. гимнов 8 и 11).

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Botha P. J.* The significance of the senses in St. Ephrem's description of Paradise // АРВ. 5. 1994. P. 28–37; *McVey K.* Images of Joy in Ephrem's Hymns on Paradise: Returning to the Womb and the Breast // Journal of the Canadian Society for Syriac Studies 3. 2003. P. 59–77.

ПРИМЕЧАНИЯ: издание Бека содержит текст 15 гимнов; текст «Римского издания» соответствует гимнам 1–12 издания Бека; остальные 3 на русский не переведены.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено аутентичный.

32. ТЕКСТ: Предсмертное завещание.

НОМЕР РОСПИСИ: 620.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 2. С. 201–220 (V, 297–317).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Gr. II*. P. 395–410.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 173 (Ephrem's «Testament»).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Beck 1973*. P. 43–69.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 117 (XII saec.), Borgia syr. 45 (XVI–XVII saec.), British Library Add. 14582 (816 ann.), Add. 14624 (VII–VIII saec.), Add. 14666 (VII–VIII saec.), Berlin, Sachau 72 (XVI–XVII saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Beck 1973*. S. 53–80.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Vööbus 1958*.

ПРИМЕЧАНИЯ: сохранилось также в греческом (СРГ 3947) и армянском переводах.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек считал текст определенно неподлинным по причине существенно расхождения с аутентичными сочинениями прп. Ефрема в языке и реалиях.

33. ТЕКСТ: Толкование на книгу пророка Исаии.

НОМЕР РОСПИСИ: 621.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 4. С. 221–352 (V, 317–424).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 20–97.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 133 (Commentary on Isaiah).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.), British Library Add. 12144 (1081 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Bundy D.* The Peshitta of Isaiah 53, 9 and the Syrian commentators // *Orc* 67. 1983. P. 32–45; *Haar Romeny 2004*; *Haar Romeny 2008*; *Kruisheer 1998*.

ПРИМЕЧАНИЯ: «Римское издание» было дополнено Лами, издавшим толкование на главы 43–66 (*Lamy 1886*. P. 105–214) по рукописи British Library Add. 12144; обе указанных рукописи являются списками (различия между ними позволяют говорить о двух редакциях) так называемых «Катен Севера» (*Catena Severi*) — экзегетической компиляции, составленной в 861 г. западносирийским монахом Севером и зависящей от толкований Ефрема Сирина, западносирийского богослова Иакова Эдесского († 708 г.) и дополнительного материала.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Банди не исключает подлинности текста; Круишир и Хаар Ромени допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

34. ТЕКСТ: Толкование на книгу пророка Иеремии.

НОМЕР РОСПИСИ: 622.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 4. С. 353–470 (V, 424–519).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 98–162.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 134 (Commentary on Jeremiah).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX—X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Haar Romeny 2004*; *Haar Romeny 2008*; *Kruisheer 1998*.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

35. ТЕКСТ: Толкование на некоторые места Плача Иеремии.

НОМЕР РОСПИСИ: 623.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 20. Кн. 4. С. 471—473 (V, 519—520).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 163—164.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 135 (Scholia on Lamentations).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Lamy 1886*. P. 215—228²³.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX—X saec.), British Library Add. 12144 (1081 ann.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621; текст, опубликованный в «Римском издании», охватывает только 3 главы, тогда как текст Лами — пять.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

36. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Иезекииля.

НОМЕР РОСПИСИ: 646.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 1—56 (VI, 5—51).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 165—202.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 136 (Commentary on Ezekiel).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX—X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

²³ Издание устарело. Новейшее критическое издание отсутствует.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

37. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Даниила.

НОМЕР РОСПИСИ: 647.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 57–103 (VI, 51–90).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 203–233.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 137 (Commentary on Daniel).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Botha P. J.* The Interpretation of Daniel 3 in the Syriac Commentary ascribed to Ephrem the Syrian // АРВ. 16. 2005. P. 29–53; *Idem.* The reception of Daniel chapter 2 in the commentary ascribed to Ephrem the Syrian Church Father // АРВ. 17. 2006. P. 119–143; *Idem.* The relevance of the book of Daniel for fourth-century Christianity according to the commentary ascribed to Ephrem the Syrian // Die Geschichte d. Daniel-Auslegung in Judentum, Christentum u. Islam. B. [u. a.], 2007. S. 99–122; *Idem.* A comparison between the comments on Daniel in the Syriac commentary on the Diatessaron and the Syriac commentary on Daniel // АРВ. 18. 2007. P. 1–13; см. также № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Круишир и Хаар Ромени допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария; Бота считает, комментарий мог быть написан либо самим прп. Ефремом, либо кем-то, близко следовавшим его школе толкования.

38. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Осии.

НОМЕР РОСПИСИ: 648.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 105–130 (VI, 90–112).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 234–248.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 138 (Commentary on Hosea).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

39. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Иоия.

НОМЕР РОСПИСИ: 649.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 131–141 (VI, 112–121).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II. P. 249–254.*

БИБЛИОГРАФИЯ: § 139 (Commentary on Joel).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

40. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Амоса.

НОМЕР РОСПИСИ: 650.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 142–164 (VI, 121–140).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II. P. 255–268.*

БИБЛИОГРАФИЯ: § 140 (Commentary on Amos).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

41. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Авдия.

НОМЕР РОСПИСИ: 651.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 165–169 (VI, 140–144).

Источник: *Editio Romana Syr. II*. P. 269–271.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 141 (Commentary on Obadiah).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

42. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Михея.

НОМЕР РОСПИСИ: 652.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 170–192 (VI, 144–163).

Источник: *Editio Romana Syr. II*. P. 272–284.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 143 (Commentary on Micah).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

43. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Захарии.

НОМЕР РОСПИСИ: 653.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 193–235 (VI, 163–199).

Источник: *Editio Romana Syr. II*. P. 285–311.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 148 (Commentary on Zachariah).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

44. ТЕКСТ: Толкование на книгу Пророчества Малахии.
НОМЕР РОСПИСИ: 654.
РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 2. С. 236–242 (VI, 199–205).
ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. II*. P. 312–315.
БИБЛИОГРАФИЯ: § 149 (*Explanatio in Malachiam Prophetam*).
СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —
РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —
ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.
ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.
АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

45. ТЕКСТ: Толкование на книгу Бытия.
НОМЕР РОСПИСИ: 655.
РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 4. С. 243–402 (VI, 205–338).
ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. I*. P. 1–115.
БИБЛИОГРАФИЯ: § 121 (*Commentary on Genesis*).
СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Tonneau 1955*. P. 3–121.
РУКОПИСИ: Vatican. syr. 110 (VI saec.).
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Mathews-Amar 1994*. P. 57–213.
ИССЛЕДОВАНИЯ: *Hidal 1974*; *Jansma T.* Ephraems Beschreibung der ersten Tages der Schöpfung. Bemerkungun über den Charakter seines Kommentars zur Genesis // *ОСР*. 37. 1971. P. 295–316; *Idem.* Ephrem on Genesis XLIX, 10: An enquiry into the Syriac text forms as presented in his Commentary on Genesis // *ParOr*. 4. 1973. P. 247–256; *Jansma 1974*; *Kofsky A., Ruzer S.* Justice, Free Will, and Divine Mercy in Ephrem's Commentary on Genesis // *Le Muséon*. 113. 2000. P. 315–332; *Kronholm T.* Motifs from Genesis 1–11 in the Genuine Hymns of Ephrem the Syrian. Lund, 1978.

ПРИМЕЧАНИЯ: в случае толкования на Быт. (*и Дух Божий נושא-шея верху воды*) перевод сделан не с оригинального (аутентичного) сирийского текста, а заимствован из «Катен Севера». Замена подлинного текста на фрагмент из западносирийского (монофизитского) экзегетического трактата может быть объяснена как попытка «исправить»

мнение прп. Ефрема, утверждавшего, что в данном стихе подразумевается ветер, а не Святой Дух (сир. *rūḥā* может иметь оба значения)²⁴.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определенно аутентичный.

46. ТЕКСТ: Толкование на книгу Исход.

НОМЕР РОСПИСИ: 656.

²⁴ Перевод оригинального текста (*Tonneau 1955*. P. 11–12): «Сказав о том, что тьма была распостерта над бездною, [Моисей] еще сказал: “*rūḥā d-allāhā* носился над водою”. Из-за того, что он называет его *rūḥā d-allāhā*, утверждая, что он “носился”, некоторые полагают, что [речь идет] о Святом Духе, и считают (из-за написанного), что Он [Дух] причастен делу творения. Однако верующим это не представляется правдоподобным, и они не связывают его [подобным образом]. Но, исходя из того, что истинно говорится о нем, считают его причастным природе, так как его описание не позволяет им полагать, что Дух был творцом, ведь сказано: “дух Божий [*rūḥā d-allāhā*] изнурял Саула” (1 Цар. 16, 14). О сказанном “носился” [мы должны спросить], что появилось из воды в первый день, когда он носился над водой? Если в тот день, о котором написано “носился над водой”, ничего не появилось, на пятый же день вода породила пресмыкающихся и птиц, но не написано, что дух над водой “носился”, то как же тогда возможно говорить, что он причастен делу творения? Хотя Писание и говорит, что он “носился”, но ничего не сказано о том, чтобы что-то появилось в тот день, когда он носился. Равно как через служение облаков (что есть тень первой ночи) мы постигаем сотворение облаков в первый день, так же через служение ветра [*rūḥā*], который дул, хотел Моисей указать нам на его сотворение. Ведь как облака не существуют без тени, так же и ветра нет без дуновения. Благодаря им [облакам и ветру] мы постигаем то, чего не можем постигнуть. Итак, ветер [*rūḥā*] дул, потому что для того он и был сотворен. После того как он подул и явил свое сотворение через свое служение в первую ночь, он опять стал спокоен в первый день, подобно тому как и облака опять рассеялись в первый день». Следует добавить, что, скорее всего, такая позиция Ефрема была апологетической реакцией на учение секты Бардайсана (154–222 г.), считавшей, что существует пять несотворенных элементов (воздух, вода, огонь, свет и тьма). А. Гийомон убедительно показал, что Ефрем, следуя библейскому повествованию, стремился опровергнуть данную концепцию, подчеркивая, что в начале были сотворены небо и земля и только затем такие элементы, как вода («бездна»), тьма, свет и воздух [*rūḥā*] (*Guillaumont A. Genèse 1, 1–2 selon les commentateurs syriaques // In Principio: Interprétations des premiers versets de la Genèse. Paris, 1973. P. 115–132 (Collections des Études Augustiniennes. Série Antiquité 38)*; более подробно об интерпретации данного стиха в сирийской традиции см.: *Brock S. The ruah elohim of Gen. 1, 2 and its reception history in the Syriac tradition // Lectures et relectures de la Bible: Festschrift P.-M. Bogaert / Ed. J.-M. Auwers, A. Wénin. Leuven, 1999. P. 327–349 (BETL 144)*).

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 4. С. 403–459 (VI, 338–386).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. I.* P. 194–235.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 123 (Commentary on Exodus).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: *Tonneau 1955.* P. 122–155.

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.), syr. 110 (VI saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Mathews-Amar 1994.* P. 215–265.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Hidal 1974; Jansma T.* The provenance of the last sections in the Roman Edition of Ephrem's commentary on Exodus // *Le Muséon.* 85. 1972. P. 155–169; *Idem.* Ephrem's Commentary on Exodus: some remarks on the Syriac text and the Latin translation // *Journal of Semitic Studies* 17. 1972. P. 203–212; *Jansma 1974.*

ПРИМЕЧАНИЯ: оригинальный текст толкования не сохранился полностью и обрывается на Исх. 32; следующие главы (33–34, 37, 36, 27–30, 34, 40) были заимствованы из «Катен Севера».

АУТЕНТИЧНОСТЬ: определено подлинный текст до Исх. 32, последующий текст может также содержать аутентичный материал.

47. ТЕКСТ: Толкование на книгу Левит.

НОМЕР РОСПИСИ: 657.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 4. С. 461–479 (VI, 386–402).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. I.* P. 236–249.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 124 (Commentary on Leviticus).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

48. ТЕКСТ: Толкование на книгу Чисел.

НОМЕР РОСПИСИ: 658.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 4. С. 480–506 (VI, 402–424).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. I.* P. 250–268.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 125 (Commentary on Numbers).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

49. ТЕКСТ: Толкование на книгу Второзакония.

НОМЕР РОСПИСИ: 659.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 22. Кн. 4. С. 507–538 (VI, 424–450).

ИСТОЧНИК: *Editio Romana Syr. I. P.* 269–291.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 126 (Commentary on Deuteronomy).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: Vatican. syr. 103 (IX–X saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

ИССЛЕДОВАНИЯ: см. № 622.

ПРИМЕЧАНИЯ: текст входит в состав «Катен Севера», см. № 621.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи допускают присутствие подлинного материала Ефрема в тексте комментария.

50. ТЕКСТ: Толкование на Послания св. апостола Павла.

НОМЕР РОСПИСИ: 1181–1194.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 60. С. 1–63.

ИСТОЧНИК: S. Ephraemi Syri commentarii in epistolas divi Pauli nunc primum ex Armenio in Latinum sermonem a patribus Mekitaristis translati. Venetiis, 1893²⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ: § 154 (Commentary on the Letters of Paul).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: —

РУКОПИСИ: —

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: —

²⁵ Латинский перевод восходит к изданию Srboyn Efremit horin suri Matenagrut'iwnk. Vol. 3. Venice, 1836. Новое издание армянской версии отсутствует.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Bundy D.* The Pseudo-Ephremian «Commentary on Third Corinthians»: A study in exegesis and anti-bardaisanite polemic // After Bardaisan: Studies on continuity and change in Syriac Christianity in honor of Professor Han J. W. Drijvers / ed. by G. J. Reinink and A. C. Klugkist (Orientalia Lovaniensia Analecta 89). Leuven, 1999. P. 51–63; *Hovhannessian V.* Armenian manuscripts of the commentaries on the Letters of the Apostle Paul attributed to Saint Ephrem the Syrian // The Harp. 24. 2009. P. 311–327; *Klijn A.F.J.* A Note on Ephrem's Commentary on the Pauline Epistles // Journal of Theological Studies 5. 1954. P. 76–78; *Molitor J.* Der Paulustext des Hl. Ephräm: Aus seinem Armenisch erhaltenen Paulinenkommentar untersucht und rekonstruiert. Rom, 1938 (Monumenta Biblica et Ecclesiastica 4).

ПРИМЕЧАНИЯ: перевод выполнен с современного латинского перевода армянской версии; оригинальный сирийский текст на сегодняшний день не найден.

АУТЕНТИЧНОСТЬ: исследователи согласны в том, что данные толкования переведены с сирийского (о чем свидетельствует, прежде всего, анализ библейского текста); Банди, сравнивая текст комментария на апокрифические послания «К Коринфянам» с подлинными текстами прп. Ефрема, делает вывод о его неаутентичности; Ованнисян, изучив рукописную традицию корпуса комментариев прп. Ефрема на Послания, а также сравнив их стиль и содержание с оригинальными текстами, утверждает, что данный корпус если и не восходит к самому Ефрему Сирину (что, впрочем, также не исключено), то принадлежит его ближайшим ученикам.

51. ТЕКСТ: Толкование на Четвероевангелие.

НОМЕР РОСПИСИ: 1202.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ТСО 61. С. 11–354.

ИСТОЧНИК: *Evangelii Concordantis expositio facta a Sancto Ephraemo, doctore Syro, in latinum translata a R. P. Ioanne Baptista Aucher, Mechitarista, cuius versionem emendavit, adnotationibus illustravit et edidit Dr. Georgius Moesinger. Venetiis, 1876.*

БИБЛИОГРАФИЯ: § 150 (Commentary on the Diatessaron).

СОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ: (оригинальный сирийский текст): *Leloir 1963, Leloir 1990*.

РУКОПИСИ: Chester Beatty Ms. 709 (V saec.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД: *Lange 2008; McCarthy 1993*.

ИССЛЕДОВАНИЯ: *Beck E. Der syrische Diatessaronkommentar zu Jo. I, 1–5 // OrC 68. 1983. P. 1–31; De Halleux A. L'adoration des Mages dans le commentaire syriaque du Diatessaron // Le Muséon. 1991. P. 251–264; Lange C. A View on the Integrity of the Syriac on the Diatessaron // JECS. 56. 2004. P. 129–144; Lange C. The Portrayal of Christ in the Syriac Commentary on the Diatessaron. Leuven, 2005 (CSCO 616; Subsidia 118); Lange C. Ephrem, His School and the Yawnaya: Some Remarks on the Early Syriac Versions of the New Testament // The Peshitta: Its Use in Literature and Liturgy. Papers read at the Third Peshitta Symposium / Ed. by ter R. B. Haar Romeny. Leiden, 2006. P. 159–176; Petersen W. L. Some Remarks on the Integrity of Ephrem's Commentary on Diatessaron // StPatr. 1989. Vol. 20. P. 197–202.*

ПРИМЕЧАНИЯ: русский перевод выполнен с латинского перевода армянской версии; до середины XX в. текст толкования был известен практически исключительно только по полной армянской версии. В 1963 г. Лелуа издал часть оригинального сирийского текста по рукописи VI в., а в 1990 г. существенно дополнил его новонайденную часть той же рукописи. Несмотря на обнаружение еще нескольких фрагментов из той же рукописи, некоторые части комментария до настоящего времени остаются утерянными (около одной четверти от общего объема текста).

АУТЕНТИЧНОСТЬ: Бек не считал возможным признать вест текст комментария подлинным; Де Аллэ нашел определенные противоречия с аутентичными текстами; Ланге провел детальное исследование и заключил, что данный текст, скорее всего, является результатом обработки лекций прп. Ефрема, выполненной одним из его учеников в конце IV в.

* * *

Проведенная роспись показывает, что все тексты издания МДА, переведенные с сирийского (а, следовательно, исключая толкования на Послания апостола Павла и на Диатессарон) имеют своим источником

«Римское издание». Из 64 текстов²⁶, содержащихся в трехтомнике, был переведен 50.

Остались непереуведенными: а) толкование на Бытие из «Катен Севера» (*Editio Romana Syr. I. P. 116–193*), б) на Иисуса Навина (*Editio Romana Syr. I. P. 292–307*), в) Судей (*Editio Romana Syr. I. P. 308–330*), д) 1–4 Царств (*Editio Romana Syr. I. P. 331–391, 392–438, 439–516, 517–567*), е) на Быт. 1, 27 (*Editio Romana Syr. II. P. 316–318*), ф) цикл «Против ересей» (*Editio Romana Syr. II. P. 437–560*), г) цикл гимнов (*Editio Romana Syr. III. P. 1–164*) и и) гомилий (*Editio Romana Syr. III. P. 164–208*) «О вере», и) «О страхе Божьем» (*Editio Romana Syr. III. P. 629–638*), к) «О посте» (*Editio Romana Syr. III. P. 638–643*), л) «О смиреннии и гордости» (*Editio Romana Syr. III. P. 644–650*), — что составляет 694 страницы, т. е. приблизительно одну треть от общего объема трехтомного издания (1814 р.).

Из текстов, переведенных по «Римскому изданию», аутентичность 4-х на сегодняшний день не определена²⁷, 7 являются безусловно неподлинными²⁸, а 15 ветхозаветных толкований входят в состав западносирийского (монофизитского) экзегетического компендия²⁹, степень аутентичности которого на сегодняшний не установлена. Таким образом, можно констатировать, что использование этих 26 текстов для изучения богословия прп. Ефрема весьма затруднительно.

При пользовании русскими переводами следует также иметь в виду, что некоторые тексты являются только отчасти подлинными, другие были изданы ненадежно в «Римском издании», а третьи — как показывает современное критическое изучение корпуса сочинений Ефрема — не являются самостоятельными произведениями, а входят в состав циклов.

²⁶ Сравнение имеет условный характер, считая как небольшой текст, так и цикл за единицу.

²⁷ № 566, 567, 584, 600.

²⁸ № 568, 579, 581, 582, 588, 610, 620.

²⁹ № 621–623, 646–654, 657–659.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Подлинные сочинения прп. Ефрема Сирина,
не переведенные в серии ТСО³⁰*

Художественная проза (мемры):

1. *Мемра о Господе нашем (§ 158, *Beck 1960*)
2. *Мемра на пролог Иоанна (§ 152, *Lamy 1886*. P. 511–516)
3. *Послание к Публию (§ 172, *Brock 1976*)

Ритмическая проза (мемры):

4. *Мемра о карах египетских (§ 111, *Overbeck 1865*. P. 88–94)
5. Мемры о вере, VI (§ 64, *Beck 1961*)
6. *Послания к Ипатию, V (§ 163–166, *Mitchell 1912*)
7. *Мемры против Мани, Маркиона и Бардайсана (§ 167–171, *Mitchell 1921*)
8. *Обличительные мемры, II (§ 88, 90, *Beck 1970a*. P. 1–12, 49–58)
9. *Мемра о монахах и пустынниках (§ 105, *Beck 1973*. P. 16–28)

Поэзия (гимны-мадраши):

10. *Мадраши об Аврааме Кидунском, XV (§ 17, *Beck 1972*. P. 1–35)
11. Мадраши о Церкви, LII (§ 19, *Beck 1960*)
12. *Мадраши об исповедниках, VI (§ 20, *Beck 1975*. P. 1–19)
13. *Мадраши о Распятии, IX (§ 21, *Beck 1964b*. P. 42–78)
14. *Мадраши о Богоявлении, XII (§ 22, *Beck 1959*. P. 144–188)
15. Мадраши о вере, LXXXVII (§ 23, *Beck 1955*)
16. *Мадраши о посте, X (§ 24, *Beck 1964a*)

³⁰ Из списка исключены только те тексты, аутентичность которых была однозначно отвергнута. Сомнительные тексты, о степени аутентичности которых нет общепризнанного мнения, а также неподлинные тексты в составе циклов — указываются. Сначала приводится номер по библиографии Ден Бизена (*Biesen 2002*), затем — новейшее издание. Римская цифра служит для обозначения количества текстов в цикле. Звездочкой указываются сочинения, отсутствующие в «Римском издании». Мы следуем общепринятому делению сочинения Ефрема на жанры.

17. Мадраши против ересей, LVI (§ 25, *Beck 1957a*)
18. *Мадраши о старце Юлиане, IV (§ 27, *Beck 1972*. P. 36–87)
19. *Мадраши о Нисивине, LXXVII (§ 34, *Beck 1961b*, *Beck 1963*)³¹
20. *Мадраши против императора Юлиана, IV (§ 27, *Beck 1957b*. P. 71–91)³²
21. *Мадраши о Воскресении, V (§ 37, *Beck 1964b*. P. 78–94)
22. *Мадраши об опресноках, XXI (§ 38, *Beck 1964b*. P. 1–41)
23. *Мадраши о девстве, LII (§ 39, *Beck 1962*)

К этому списку следует добавить, что из 52-х гимнов «О Церкви» переведена только половина³³; кроме того, в «Римском издании» отсутствует ряд гимнов из цикла «О Рождестве».

Объем не переведенного на русский язык материала составляет приблизительно 2000 страниц печатного сирийского текста³⁴, что при публикации русского перевода (без комментариев) может соответствовать десяти томам. Смеем надеяться, что с течением времени хотя бы малая часть из подлинных сочинений Ефрема Сирина, которые отсут-

³¹ Русский перевод 10 гимна: От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., пред. и коммен. С. С. *Аверинцева*. М., 1987. С. 172–176. Рус. перевод гимнов 36 и 41: *Иларион (Алфеев)*, игум. Христос — победитель ада: Тема сошествия во ад в восточно-христианской традиции. СПб., 2001. С. 385–401 (Византийская библиотека. Исследования). Рус. перевод гимнов 3 и 36–41: *Преподобный Ефрем Сирин (Мар Афрем Нисибинский)*. О Воскресении, Смерти и Сатане / Пер. с франц. *Д. Гаврос*. М.: Никея, 2009 (*Smaragdus Philocalias*) [перевод выполнен по франц. переводу: *Saint Ephrem. Les chants de Nisibe / Trad. par P. Féghali, C. Navarre*. Paris: Cariscrypt, 1989 (*Antioche chrétienne 3*)].

³² Рус. перевод: *Мар Афрем Нисибинский (прп. Ефрем Сирин)*. Юлиановский цикл / Пред., пер. с сир., коммен., указ. *А. В. Муравьева*. М.: Фонд «Наследие Православного Востока», Братство святителя Григория Паламы, Издательство «Инферос», 2006 (*Smaragdus Philocalias*).

³³ № 564–565, 580, 587, 589–599.

³⁴ Данный приблизительный подсчет включает также непереведенные аутентичные тексты из «Римского издания» (замененные впоследствии критическими изданиями Бека), которые составляют около одной четверти (500 с.) от общего объема непережденного на русский материала.

ствуют в дореволюционном издании в серии ТСО³⁵, станет доступной в русском переводе.

ЛИТЕРАТУРА³⁶

- Beck 1955* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Fide* / Ed. E. Beck. Louvain, 1955 (CSCO 154–155; Syr. 73–74).
- Beck 1957a* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen contra haereses* / Ed. E. Beck. Louvain, 1957 (CSCO 169–170; Syr. 76–77).
- Beck 1957b* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Paradiso und Contra Julianum* / Ed. E. Beck. Louvain, 1957 (CSCO 174–175; Syr. 78–79).
- Beck 1959* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Nativitate (Epiphania)* / Ed. E. Beck. Louvain, 1959 (CSCO 186–187; Syr. 82–83).
- Beck 1960* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Ecclesia* / Ed. E. Beck. Louvain, 1960 (CSCO 198–199; Syr. 84–85).
- Beck 1961a* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Sermones de Fide* / Ed. E. Beck. Louvain, 1961 (CSCO 212–213; Syr. 88–89).
- Beck 1961b* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Carmina Nisibena* / Ed. E. Beck. Louvain, 1961 (CSCO 218–219; Syr. 92–93).
- Beck 1962* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Virginitate* / Ed. E. Beck. Louvain, 1962 (CSCO 223–224; Syr. 94–95).
- Beck 1963* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Carmina Nisibena* / Ed. E. Beck. Louvain, 1963 (CSCO 240–241; Syr. 102–103).
- Beck 1964a* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Hymnen de Ieiunio* / Ed. E. Beck. Louvain, 1964 (CSCO 246–247; Syr. 106–107).
- Beck 1964b* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Paschahymnen: De Azymis, de Crucifixione, de Resurrectione* / Ed. E. Beck. Louvain, 1964 (CSCO 248–249; Syr. 108–109).
- Beck 1966* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Sermo de Domino nostro* / Ed. E. Beck. Louvain, 1966 (CSCO 270–271; Syr. 116–117).
- Beck 1970a* — *Des Heiligen Ephraem des Syrrers Sermones I* / Ed. E. Beck. Louvain, 1970 (CSCO 305–306; Syr. 130–131).

³⁵ Нет сомнений, что и имеющиеся переводы нуждаются в пересмотре, хотя бы из-за пренебрежения в последних стихотворной формой многих сочинений Ефрема.

³⁶ В изданиях CSCO первый том содержит издание оригинального текста, второй том — перевод.

- Beck 1970b* — *Des Heiligen Ephraem des Syrsers Sermones II* / Ed. E. Beck. Louvain, 1970 (CSCO 311–312; Syr. 134–135).
- Beck 1972* — *Des Heiligen Ephraem des Syrsers Hymnen auf Abraham Kidunaya und Julianos Saba* / Ed. E. Beck. Louvain, 1972 (CSCO 322–323; Syr. 140–141).
- Beck 1973* — *Des Heiligen Ephraem des Syrsers Sermones IV* / Ed. E. Beck. Louvain, 1973 (CSCO 334–335; Syr. 148–149).
- Beck 1975* — *Nachträge zu Ephraem Syrus* / Ed. E. Beck. Louvain, 1975 (CSCO 363–364; Syr. 159–160).
- Biesen 2002* — *Den Biesen K. Bibliography of Ephrem the Syrian*. Giove in Umbria, 2002.
- Brock 1976* — *Brock S. Ephrem's Letter to Publius* // *Le Muséon*. 89. 1976. P. 261–305.
- Brock 1990* — *St. Ephrem. Hymns on paradise* / *Introduct., transl. S. Brock*. Crestwood, N. Y., 1990.
- Cassingena-Trévedy 2001* — *Éphrem de Nisibe. Hymnes sur la Nativité* / Ed. F. Cassingena-Trévedy. Paris, 2001 (SC 459).
- Editio Romana Gr. II* — Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ὑμῶν Ἐφραίμ Σύρου τὰ εὐρισκόμενα πάντα. Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa [Opera graeca]. T. II. R., 1743.
- Editio Romana Syr. I* — ܘܨܝܢܐ ܕܥܦܪܝܡ ܕܫܝܪܝܐ ܕܩܝܣܝܢܐ ܕܢܝܨܝܒܐ. Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa. T. I. R., 1732.
- Editio Romana Syr. II* — ܘܨܝܢܐ ܕܥܦܪܝܡ ܕܫܝܪܝܐ ܕܩܝܣܝܢܐ ܕܢܝܨܝܒܐ. Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa. T. II. R., 1743.
- Editio Romana Syr. III* — ܘܨܝܢܐ ܕܥܦܪܝܡ ܕܫܝܪܝܐ ܕܩܝܣܝܢܐ ܕܢܝܨܝܒܐ. Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomes distributa. T. III. R., 1746.
- Jansma 1974* — *Jansma T. Weitere Beiträge zur Berichtigung einzelner Stellen in Ephraems Kommentare zu Genesis und Exodus* // *OrC* 58. 1974. P. 121–131.
- Hidal 1974* — *Hidal S. Interpretatio Syriaca: Die Kommentare des heiligen Ephräm des Syrsers zu Genesis und Exodus*. Lund, 1974.

- Kruisheer 1998* — *Kruisheer D.* Ephrem, Jacob of Edessa, and the Monk Severus: An Analysis of Ms. Vat. Syr. 103, ff. 1–72 // VII Symposium Syriacum, 1996. R., 1998 (OCA 256). P. 599–605.
- Lamy 1886* — *Lamy T. J.* Sancti Ephraem Syri Hymni et Sermones. Vol. II. Mechliniae, 1886.
- Lamy 1902* — *Lamy T. J.* Sancti Ephraem Syri Hymni et Sermones. Vol. IV. Mechliniae, 1902.
- Lange 2008* — *Ephraem der Syrer.* Kommentar zum Diatessaron / Übersetzt von C. Lange. Turnhout: Brepols, 2008 (Fontes Christiani 54/1–2).
- Lavenant 1968* — *Ephrem de Nisibe.* Hymnes sur le paradis / Trad. du syriaque par R. Lavenant, introduct., notes par F. Graffin. Paris, 1968 (SC 137).
- Leloir 1963* — *Saint Éphrem.* Commentaire de l'Évangile concordant: Texte syriaque (Ms. Chester Beatty 709) / Ed. par L. Leloir. Dublin, 1963.
- Leloir 1990* — *Saint Éphrem.* Commentaire de l'Évangile concordant; text syriaque; folios additionnels (Manuscrit Chester Beatty 709) / Ed. par L. Leloir. Leuven: Peeters, 1990.
- Mathews-Amar 1994* — *St. Ephrem the Syrian.* Selected Prose Works / Transl. by E. G. Mathews Jr., J.P. Amar. Washington, 1994 (The Fathers of the Church 91).
- McCarthy 1993* — *Saint Ephrem's Commentary on Tatian's Diatessaron / An English Translation of Chester Beatty MS 709 with Introduction and Notes by C. McCarthy.* Oxford, 1993 (Journal of Semitic Studies Supplement 2).
- McVey 1989* — *Ephrem the Syrian.* Hymns / Transl. by K. McVey. N. Y., 1989.
- Mitchell 1912* — *S. Ephraim's Prose Refutations of Mani, Marcion and Bardaisan / Ed. and transl. by Ch.W. Mitchell.* Vol. 1. London, 1912.
- Mitchell 1921* — *S. Ephraim's Prose Refutations of Mani, Marcion and Bardaisan / Ed. and transl. by Ch.W. Mitchell.* Vol. 2. London, 1921.
- Overbeck 1865* — *Overbeck J. J.* Sancti Ephraemi Syri, Rabulae episcopi Edesseni, Balei aliorumque opera selecta. Oxonii, 1865.
- Haar Romeny 2004* — *Haar Romeny R. B., ter.* The Identity Formation of Syrian Orthodox Christians as Reflected in two Exegetical Collections: First Soundings // ParOr. 29. 2004. P. 103–121.
- Haar Romeny 2008* — *Haar Romeny R. B., ter.* Ephrem and Jacob of Edessa in the Commentary of the Monk Severus // Malphono w-Rabo d-Malphone:

УКАЗАТЕЛЬ СОЧИНЕНИЙ ПРП. ЕФРЕМА СИРИНА

- Studies in Honour of Sebastian P. Brock / Ed. G. A. Kiraz. Piscataway, N.J., 2008. P. 535–557.
- Tonneau 1955* — *Sancti Ephraem Syri* In Genesim et in Exodum commentarii / Ed. R. Tonneau. Louvain 1955 (CSCO 152–153; Syr. 71–72).
- Vööbus 1958* — *Vööbus A.* Literary, Critical and Historical Studies in Ephrem the Syrian. Stockholm, 1958 (Papers of the Estonian Theological Society in Exile 10).

ОТДЕЛ V

ХРОНИКА И ОТЧЕТЫ

СОБОР СВЯТЫХ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ: МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НОВОГО ИКОНОПИСНОГО ОБРАЗА

Московская духовная академия — первая высшая богословская школа России — воспитывала и обучала своих выпускников как теоретически, так и практически, причем теория, вопреки сложившимся стереотипам, очень часто подтверждала практику. Доказательством жизненности порой чрезмерно теоретических истин стал подвиг Новомучеников и исповедников Российских, в сонм которых органично входят и представители Академии — в высоком научном звании профессора или просто как ее выпускники. В эпоху возрождения во многом прерванных традиций серьезного духовного образования очень важно иметь перед глазами сонм святых, научно-богословская подготовка которых, должно быть, способствовала их высокому, чаще всего исповедническому или мученическому, подвигу.

Собор святых МДА формировался постепенно. В Академии еще и до прославления особо стал почитаться выпускник и преподаватель Троицкой семинарии святитель Филарет Московский. Будучи митрополитом Московским, он попечительствовал Московской духовной академии: без его ведома в Академии не совершалось ни одного важного дела. Без Святителя сейчас не представить МДА. После прославления двух святых, переживших излом революционного времени, святителя Илариона Верейского и мученика Иоанна (Попова), началось их почитание и поминовение в Академии. Кроме того, за богослужением в храмах МДА литургически выделяется выпускник Академии святитель Афанасий (Сахаров) Ковровский, а также священномученики Игнатий Скопинский и Платон Баянлукский.

Кроме них были прославлены и другие святые, учившие и учившиеся в МДА¹. В 1805 году в лике святых был прославлен святитель Иннокентий Иркутский († 1731), который преподавал в Славяно-греко-латинской академии в 1710—1719 гг., а в 1717—1719 гг. был также ее префектом. В 2000 г. прославлен в лике святых святитель Иннокентий Пензенский († 1819) — выпускник, преподаватель (1805—1812) и префект (1809—1812) Троицкой семинарии. Два святителя, почившие в Бозе в XIX в., — Филарет Киевский (Амфитеатров) и Филарет Черниговский (Гумилевский) — были прославлены местно. Митрополита Киевского прославили как Сибирского святого в 1984 г., но почитание его разрослось и шире: в Украинской Православной Церкви и Оптиной пустыни. В 2005 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия II имя митрополита Филарета внесено в месяцеслов для общецерковного почитания. Архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский)², который отдал науке всю свою жизнь и внес для науки в МДА неоценимый вклад, был прославлен на Украине в 2009 г. Некоторые святые выпускники и преподаватели Академии, прославленные общецерковно, особо почитаются, изучаются в Московской духовной школе, но о многих известно мало.

В созданном Иконописной школе диске «Новый сводный иконописный подлинник» (2008 года выпуска) святым Академии уделено особое внимание: в список включили 27 святых МДА. О некоторых святых на тот момент было недостаточно информации, а потому они были опущены.

Кроме того, специально просматривались «Жития Новомучеников и исповедников Российских XX века» игумена Дамаскина, «Жития Ново-

¹ В список святых МДА не включены выпускники МДС, находившиеся в Москве и Вифанской духовной семинарии, располагавшейся в Сергиевом Посаде, многие из которых пополнили (по предварительным подсчетам — ок. 40 человек) сонм Новомучеников и исповедников Российских. Напр., Николай (Заболотский) прот., сщмч. (24.4.1876—15.12.1937), который в 1895 г. окончил Вяземское ДУ и поступил в МДС, однако в 1899 г. перешел в Вифанскую ДС (выпускник 1902 г.). Прославлен ПСС (25.3.2004), день памяти 2/15 декабря.

² Получил свою вторую фамилию Гумилевский (от лат. humilis — смиренный) за свои скромность и малый рост во время учебы в Тамбовской ДС. Исходная фамилия Конобевский.

мучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии», труды протодиакона Сергия Голубцова, первые тома «Православной энциклопедии», различные справочники и сборники житий новомучеников. Так был составлен пополняющийся список Собора святых Академии, большинство из которых — святые, пострадавшие в XX веке.

Итак, к настоящему времени установлено 65 прославленных святых, имеющих непосредственное отношение к Московской духовной академии. Среди них — ректоры Академии святители Филарет Киевский (ректор МДА 1816—1819) и Филарет Черниговский (1835—1841), инспекторы священномученики Анатолий Одесский (Грисюк) и Иларион Верейский (Троицкий). Причислены к лику святых и другие представители администрации и профессорско-преподавательской корпорации: священномученик Петр Крутицкий (Полянский), святитель Николай Алма-Атинский (Могилёвский), архиепископ Серафим Смоленский (Остроумов), епископы Игнатий Скопинский (Садковский) и Никита Орехово-Зуевский (Делекторский), протоиереи Александр (Туберовский), Димитрий (Лебедев), Илья (Громогласов), Иоанн (Артоболевский)³, Иоанн (Смирнов), Сергей (Голощапов) и мученик Иоанн (Попов).

Закончили Московскую духовную академию многие выдающиеся новомученики XX века не только Русской Церкви. Священномучеником Сербской Церкви является святой Платон Банялукский (Соколович), окончивший МДА в 1901 г. Выпускниками Академии являются святитель Агафангел Ярославский (Преображенский) и священномученик Евгений Нижегородский (Зернов). Священномученики Фаддей Тверской (Успенский), Андроник Пермский (Никольский), Павлин Могилевский (Крошечкин), Александр Семипалатинский (Щукин), Димитрий Можайский (Добросердов), Николай Владимирский (Добронравов), Сергей Елецкий (Зверев), Василий Прилукский (Зеленцов), Вениамин Романовский (Воскресенский), Серафим Дмитровский (Звездинский), Дионисий Измаильский (Сосновский) — также выпускники Академии у Троицы, как и исповедники Афанасий Ковровский (Сахаров) и Вассиан Тамбовский (Пятницкий).

³ Отец известного советского ученого академика И. И. Артоболевского.

Большинство монашествующих выпускников Академии пострадали в святительском сане — образование МДА всегда ценили, и каждый выпускник был на счету. На сегодняшний день лишь два святых монаха учившихся, но не закончивших Академию в связи с ее закрытием известны как скончавшиеся не епископами (один — архимандритом, другой — иеромонахом). Это исповедник преподобный Леонтий Михайловский (Стасевич) и преподобномученик Серафим (Тьевар).

Целый ряд выпускников пострадали за Христа, будучи протоиереями, иереями. Ряд святых МДА, пострадавших на Бутовском полигоне, возглавляют три святителя: Димитрий Можайский, Никита Орехово-Зуевский и Николай Владимирский. В Бутово пострадали и Александр (Левитский), Димитрий (Лебедев), Зосима (Трубачёв), Иоанн (Артоболевский), Иоанн (Кесарийский), Николай (Виноградов), Парфений (Грузинов), Сергей (Голощапов), Феодор (Алексинский). Остальные новомученики МДА страдальчески завершили свой жизненный путь в разных районах России.

В списке выявленные святые МДА, число которых на данный момент составляет 65 человек, разделены на 8 групп по церковному сану:

1. Митрополиты — 7.
2. Архиепископы — 11.
3. Епископы — 10.
4. Архимандриты — 1.
5. Протоиереи — 21.
6. Иеромонахи — 1.
7. Иереи — 12.
8. Миряне — 2.

Из них большая часть была прославлена на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. (ЮАС 2000) — 40. Ряд святых был прославлен согласно отдельным постановлениям Священного Синода начиная с 27 декабря 2000 г., один — на Архиерейском Соборе 1992 г. (АС 92). Эти святые подобны ветвям разросшегося дерева, которое первоначально представляло собой всего одного святого, прославленного до 1917 г. Особое место занимает Платон (Соколович), еп. Баянлукский,

прославленный Сербской Православной Церковью на Архиерейском Соборе 1998 г.

Конечно, состав Собора академических Святых еще будет пополняться. Ректор МДА архиепископ Феодор (Поздеевский), епископ Арсений (Жадановский) и многие другие пострадавшие от безбожников выпускники и преподаватели Академии еще ждут прославления. Верим, что в свое время будет прославлена подвижница благочестия, выдающийся иконописец, преподаватель иконописного кружка МДА монахиня Иулиания (Соколова), как и другие подвижники благочестия уже возрожденных Духовных школ. Недавно на юге России в Ставропольской епархии стал почитаться⁴ выпускник МДА 1842 г. еп. Кавказский и Екатеринодарский Феофилакт (Губин) (март 1818 — 11 мая 1872)⁵, чьи останки были торжественно помещены в кафедральном соборе митрополитом Гедеоном († 21 марта 2003). Однако, даже официальная местная канонизация епископа Феофилакта пока не состоялась.

После объединения Русской Православной Церкви с Церковью Зарубежной встал вопрос согласования прославленных святых. Пока комиссия по согласованию не собиралась. И если священномученик Дионисий Измаильский (Сосновский) был включен в Собор одесских святых и в Одесский патерик⁶, то вопрос прославления чтимых РПЦЗ митрополита Иосифа Петроградского (Петровых), архиепископа Феодора (Поздеевского)⁷ и епископа Андрея (Ухтомского) всей Русской Церковью пока не решен.

⁴ Днем памяти определена дата 28 апреля/11 мая.

⁵ См. о нем: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. Т. 12. М., 1912. С. 336—339, 343.

⁶ См.: Яцый А. М. Одесский патерик. Одесса, 2006. С. 132—133.

⁷ Иосиф (Петровых), митр. Петроградский (15 декабря 1872 — 20 ноября 1937). Выпускник МДА 1899 г., до 1900 г. профессорский стипендиат, магистр богословия (1903). Прославлен РПЦЗ (в 1981 г.), которая празднует его память в неделю Новомучеников. См.: Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 1. С. 6—13а.

Феодор (Поздеевский), еп. Волоколамский (21 марта 1876 — 23 сентября 1937). Ректор МДА (1909—1917). Прославлен РПЦЗ (1981 г., память 10/23 октября). См.: Голубцов 2002. Кн. 4. С. 108—129.

* * *

В Академии писались иконы святых выпускников и преподавателей. Еще монахиня Иулиания неоднократно работала над образом святителя Иннокентия Иркутского. В Иконописной школе писали иконы священномучеников Илариона Верейского⁸ и Андроника Пермского⁹, святителей Афанасия Ковровского¹⁰ и Николая Алма-Атинского¹¹, священномучеников Николая (Толгского)¹² и Василия (Надеждина)¹³, мученика Иоанна¹⁴. Образы святителей Филарета Киевского и Филарета Черниговского были написаны в росписях святых врат Святогорской лавры¹⁵. Дважды писались иконы святителя Филарета с житием¹⁶, а в 2006 г. с житием написана икона преподобного Леонтия Михайловского¹⁷. В иконе Собора шуйских новомучеников был представлен

⁸ Сотрудницы школы Н. В. Масюкова и Л. Н. Улович († 24 ноября 2003) в 2000 г. для Вереи и ризницы Покровского академического храма написали образ святого. Учащийся школы А. Александров (иеродиакон ТСА Онисим) написал образ в Эстонии.

⁹ Сотрудница школы В. С. Глазовская в 1998 г. для местной канонизации Перми написала образ святителя Андроника, хранящийся в Пермском Успенском женском монастыре. В 2003 г. она написала еще одну икону святого для Киото, где он служил как викарий святителя Николая Японского.

¹⁰ Преподаватель школы Н. Е. Алдошина в 2000 г. написала образ на канонизацию, Н. В. Масюкова в 2000 г. написала образ святого на иконе трех святых к перенесению обретенных мощей святителя. Сотрудница школы В. С. Глазовская в 2002 г. написала икону для большого почитателя святителя архимандрита Матфея (Мормыля), а в 2003 г. еще одну икону святого для духовного чада святого. Были написаны еще несколько образов.

¹¹ Сотрудница школы С. В. Вергилес в 2006 г.

¹² Учащаяся школы А. Малышева в 2004 г. написала икону для родственников святого.

¹³ Выпускница школы М. О. Глебова около 2003 г.

¹⁴ М. Бородавкина в 2008 г.

¹⁵ Преподавателем школы А. Н. Солдатовым в 2006 г.

¹⁶ Дипломные работы В. Молотка и К. Бамбизы (Девятовой) для МДА и Святогорской лавры. Кроме того, над образом святителя работали преподаватель школы С. Л. Тарасова (1994), сотрудница школы В. С. Глазовская (1990-е), учащаяся школы Е. Харламова (1997).

¹⁷ Дипломная работа О. Шашиной (Черных) 2006 г. для Ивановской епархии. В это же время выпускник школы послушник ТСА А. Исаков (иеромонах Никифор) написал небольшой образ святого.

священномученик Павел Шуйский (Светозаров)¹⁸. Н. В. Масюкова в 2002 г. изобразила целый ряд святых МДА на иконе Собора Новых мучеников и исповедников Российских¹⁹.

Несколько лет назад возникла идея написать образ всех святых, связанных годами учебы и преподавания с Академией. Иконы Соборов святых — древняя практика. В Русской Церкви написаны не только Соборы епархиальных святых, городов, но и обителей. В 2003 г. написана икона святых МГУ: четверо выпускников Университета со святителем Филаретом Московским изображены у храма св. мученицы Татьяны. Написание иконы Собора святых МДА оттягивалось по разным причинам, в том числе и потому, что после 2000 г. почти на каждом заседании Священного Синода к Собору Новомучеников и исповедников Российских добавлялись новые и новые святые, в том числе и выпускники, преподаватели МДА. Подготовка к празднованию 325-летия Академии подвигнула на написание иконы к дням торжества, над созданием которой выразила желание потрудиться иконописец мастерской Иконописной школы Наталья Валерьевна Масюкова. Она много работает над созданием образов святых нового времени и Соборов святых. Некоторые ее иконы стали широко известны. Например, Наталья Валерьевна писала икону Собора святых, прославленных летом 2000 года, где изображен и святитель Иннокентий Пензенский. Икона Собора святых Московской духовной академии должна быть закончена к празднику Покрова 2010 года. На ней изображен Покровский храм Академии и Троице-Сергиева Лавра, рядом — святые митрополиты, архиепископы и епископы, а ниже изображены монашествующие, иереи и миряне.

При обсуждении иконы прозвучала мысль об установлении дня памяти Собора, который может быть приурочен ко дню возрождения

¹⁸ Сотрудницы школы А. В. Мельниковой для Шуйского собора (2005 г.).

¹⁹ Икона написана для храма святителя Тихона поселка (ныне города) Московский Видненского р-на Московской области, что рядом с аэропортом Внуково. На иконе представлены: свт. Агафангел Ярославский и Афанасий Ковровский, сщмчч. в епископском сане: Анатолий Одесский, Андроник Пермский, Димитрий Можайский, Иларион Верейский, Николай Владимирский, Павлин Могилевский, Петр Крутицкий, Серафим Дмитровский, Фаддей Тверской и сщмчч. пресвитеры: Иаков Бежецкий (Бойков) и Илья Тверской (Громогласов).

духовной школы 14 июня (дню памяти мученика Иустина Философа) или к празднику Покрова, памяти святителя Филарета Московского.

Образ и возможный праздник Собора поможет всем начальствующим и учащимся осознаннее почитать святых родной Академии, воспринять их опыт жизни во Христе, прочувствовать святость стен *almae matris*.

Особую благодарность выражаю преподавателю МДА Г. Е. Кольванову за помощь в выявлении святых Академии среди множества прославляемых Новомучеников и исповедников, а также Региональному общественному фонду «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Заведующий Иконописной школой
архим. Лука (Головков)

СОБОР СВЯТЫХ МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

МИТРОПОЛИТЫ

1. **Агафангел (Преображенский), митр. Ярославский, свт.** (27.9.1854–16.10.1928). Выпускник МДА 1881.

Прославление: ЮАС 2000.

День памяти: 3/16 октября; воскресенье после 25 января/7 февраля (Собор Новомучеников и исповедников Российских) (*далее* — нвмч.); 23 мая/5 июня (Ростово-Ярославские свв.); 18 ноября/1 декабря (Эстонские свв.).

Библиография: *Дамаскин*. Кн. 2. С. 370–400.

2. **Анатолий (Грисюк), митр. Одесский, сщмч.** (19.8.1880–23.1.1938). Э.-орд. профессор и инспектор МДА в 1912–1913.

ЮАС 2000.

10/23 января; нвмч.

За Христа. С. 78–79; *Дамаскин*. Кн. 4. С. 5–27; *Голубцов 1999б*. С. 7–9; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 1. С. 21–28.

3. **Евгений (Зернов), митр. Нижегородский, сщмч.** (17.1.1877–20.9.1937). Выпускник МДА 1902.

ЮАС 2000.

7/20 сентября; нвмч.; воскресенье после 26 августа/8 сентября (Нижегородские свв.).

Дамаскин. Кн. 1. С. 221–223.

4. **Николай (Могилёвский), митр. Алма-Атинский, свт.** (9.4.1877–25.10.1955). Выпускник МДА 1911, пом. инспектора.

ЮАС 2000.

12/25 октября; нвмч.; 20 сентября/3 октября (Брянские свв.).

Голубцов 1999б. С. 86; см. дополн. библиогр.: *Голубцов 1999* (сотрудники).

5. **Петр (Полянский), митр. Крутицкий, сщмч.** (28.6.1862–10.10.1937). Выпускник МДА 1896, пом. инспектора.

АС 1997.

27 сентября/10 октября; нвмч.; 5/18 октября (Московские свт.).

Дамаскин. Кн. 2. С. 341–369; *Голубцов 1999б*. С. 23–26; *Голубцов 1988*. С. 172–174в.

6. **Филарет (Амфитеатров), митр. Киевский, свт.** (17.4.1779–21.12.1857). Инспектор с 1814, ректор с 1816 до 1819. В схи-ме — Феодосий.

8 декабря 2005 г. его имя было внесено во всероссийский месящеслов по благословению патриарха Алексия II.

21 декабря/3 января; 20 сентября/3 октября (Брянские свв.); 23 мая/5 июня (Ростово-Ярославские святые); 10/23 июня (Сибирские и Рязанские свв.); 28 августа/10 сентября (преподобные отцы Киево-Печерские, в Дальних пещерах почивающие).

Голубцов 1987. С. 139–146; 174–178.

7. **Филарет (Дроздов), митр. Московский, свт.** (26.12.1782–19.11.1867). Выпускник и преподаватель Троицкой семинарии. Автор

проекта 1814 г. «О преобразовании Московской Духовной Академии». В 1815—1821 гг. осуществил 4 ревизии МДА. С 1821 по 1867 г. — митр. Московский, в ведении которого находилась Академия.

АС 1994.

19 ноября/1 декабря; 5/18 октября (Московские свт.); Неделя 3-я по Пятидесятнице (Санкт-Петербургские свв.); 23 мая/5 июня (Ростово-Ярославские свв.).

Библиография по истории МДА. № 575—587 // Юбилейный том, посвященный 325-летию СГЛА. Ч. 1. М., СП, 2010 (в печати).

АРХИЕПИСКОПЫ

8. **Александр (Щукин), архиеп. Семипалатинский, сщмч.** (13.5.1891—30.10.1937). Выпускник МДА 1915.

ЮАС 2000.

17/30 октября; нвмч.; 19 июля/1 августа (Курские свв.).

За Христа. С. 49—50; *Дамаскин*. Кн. I. С. 155—160.

9. **Андроник (Никольский), архиеп. Пермский, сщмч.** (1.8.1870—20.6.1918). Выпускник МДА 1895.

ЮАС 2000.

7/20 июня; нвмч.; Неделя 3-я по Пятидесятнице (Санкт-Петербургские свв.).

За Христа. С. 87—88; *Дамаскин*. Кн. 2. С. 82—112.

10. **Вассиан (Пятницкий), архиеп. Тамбовский, свт.** (10.3.1879—27.12.1940). Выпускник МДА 1917.

ЮАС 2000.

14/27 декабря; нвмч.; 10/23 июня (Рязанские свв.).

За Христа. С. 232.

11. **Димитрий (Добросердов), архиеп. Можайский, сщмч.** (22.1.1864—21.10.1937). Выпускник МДА 1898.

ЮАС 2000

8/21 октября; 23 января/5 февраля (Костромские свв.); Суббо-

та 4-я по Пасхе (Новомученики, в Бутово пострадавшие) (далее — нвмч. Бутово).

За Христа. С. 375; Жития. Сентябрь-октябрь. С. 129–149; Салтыков А., прот. // МЕВ. 2001. № 1–2. С. 40–42, 44.

12. Иларион (Троицкий), архиеп. Верейский, сщмч. (13.9.1886–28.12.1929). Выпускник МДА 1910, профессор по кафедре Нового Завета с 1913, инспектор с 1913 по 1917, и.д. ректора в 1917, проректор с 1917.

ЮАС 2000 (местночтимый — с 10.5.1999)

15/12 декабря; нвмч.; воскресенье перед 26 августа/8 сентября (Московские свв.); Неделя 3-я по Пятидесятнице (Санкт-Петербургские свв.).

Жития. Декабрь. С. 69–155; За Христа. С. 492–494; Дамаскин. Кн. 4. С. 378–445; Голубцов 1999б. С. 18–19; Голубцов 2002. Кн. 1, пол. 2. С. 404–435е.

13. Николай (Добронравов), архиеп. Владимирский и Суздальский, сщмч. (21.11.1861–10.12.1937). Выпускник МДА 1885. ЮАС 2000.

27 ноября/10 декабря; нвмч.; нвмч. в Бутово.

Жития. Ноябрь. С. 265–273; Дамаскин. Кн. 5. С. 427–435; МЕВ. 2001. № 3. С. 15–18.

14. Павлин (Крошечкин), архиеп. Могилевский, сщмч. (19.12.1879–3.11.1937). Выпускник МДА 1916.

ЮАС 2000.

21 октября/3 ноября; нвмч.; Неделя 3-я по Пятидесятнице (Белорусские свв.); 19 июля/1 августа (Курские свв.).

Акты. С. 877.

15. Серафим (Остроумов), архиеп. Смоленский, сщмч. (6.11.1880–8.12.37). Выпускник МДА 1904, доцент, но лекций не читал. ПСС (17.7.2001).

25 ноября/8 декабря; нвмч.; 20 сентября/3 октября (Брянские свв.); воскресенье перед 28 июля/10 августа (Смоленские свв.).

Голубцов 1999. С. 111.

16. **Сергий (Зверев), архиеп. Елецкий, сщмч.** († 20.11.1937).
Выпускник МДА 1899.

ЮАС 2000.

7/20 ноября; нвмч.

Акты. С. 894.

17. **Фаддей (Успенский), архиеп. Тверской, сщмч.** (12.11.1872—31.12.1937). Выпускник МДА 1896 г.

АС 1997.

18/31 декабря; нвмч.

Дамаскин. Кн. 3. С. 481—565.

18. **Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский, свт.** (23.10.1805—9.8.1866). Выпускник МДА 1829, профессор по кафедре Священного Писания с 1832, по кафедре Нравственного и пастырского богословия — с 1833. Доктор богословия (с 1860). С 1833 — инспектор, с 1835 — ректор МДА.

14.4.2009 г. УПЦ причислила его к лику местночтимых святых Черниговской епархии.

9/22 августа.

Вениамин (*Яковенко*) // ЖМП. 1966. № 10. С. 47—56; *Корсунский И. Н. Филарет (Гумилевский), архиеп.* // Русский биографический словарь. Т. 21. 1901. С. 80—83; *Листовский И. С. Филарет архиеп. Черниговский. М., 1887* (там же приведен список трудов Ф.); *Голубцов 1987. С. 147—165.*

ЕПИСКОПЫ

19. **Афанасий (Сахаров), еп. Ковровский, сщисп.** (2.7.1887—28.10.1962.) Выпускник МДА 1912.

ЮАС 2000.

15/28 октября; нвмч.; воскресенье перед 26 августа/8 сентября (Московские свв.); 23 мая / 5 июня (Ростово-Ярославские свв.).
За Христа. С. 120–122.

20. **Василий (Зеленцов), еп. Прилукский, сщмч.** (8.3.1876–7.2.1930 Ваганьково). Выпускник МДА 1900.

ЮАС 2000.

25 января/7 февраля; нвмч.; Неделя 3-я по Пятидесятнице (Санкт-Петербургские свв.); 10/23 июня (Рязанские свв.).

Дамаскин. Жития. Январь. С. 317–337.

21. **Вениамин (Воскресенский), еп. Романовский, сщмч.** (15.1.1871–5.10.1932). Выпускник МДА 1892.

ЮАС 2000.

22 сентября/5 октября; нвмч.; 23 мая/5 июня (Ростово-Ярославские свв.).

За Христа. С. 237; Новомученики Яросл. С. 27–41.

22. **Дионисий (Сосновский), еп. Измайльский, сщмч.** († 4.2.1918). Выпускник МДА 1892. Пострижен в МДА в 1892.

Прославлен РПЦЗ в 1981 г. как священномученик.

22 января/4 февраля.

Одесский патерик. С. 132–133; Преосвященный Дионисий, епископ Челябинский // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 40–41; *Польский М., протопресв.* Новомученики российские: Собр. материалов. Ч. 2. 1949; Акты. С. 972, 1053; *Боже В. С., Колюченко А. И.* Дионисий (Сосновский П. И.) // Челябинск: Энциклопедия / Сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 238.

23. **Игнатий (Садковский), еп. Скопінский, сщмч.** (21.10.1887–9.2.1938). Выпускник МДА 1907, помощник библиотекаря.

ПСС (17.7.2002).

28 января/10 февраля; нвмч.; 10/23 июня (Рязанские свв.).

Дамаскин. Жития. Январь. С. 369–398; За Христа. С. 486; *Голубцов 1999б.* С. 17; *Были верны.* С. 71–81; *Голубцов 2002.* Кн. 1, пол. 2. С. 401–403.

24. Иннокентий (Кульчицкий), еп. Иркутский, свт. († 26.11.1731). Преподаватель в 1710–1719, префект в 1714–1719.

Прославлен 1.12.1804.

26 ноября/9 декабря; 9/22 февраля (в честь обретения мощей, 1805 г.); 10/23 октября (Вольинские свв.); Неделя 3-я по Пятидесятнице (Санкт-Петербургские свв.); 10/23 июня (Сибирские свв.).

Дроздов И., свящ. Св. Иннокентий, еп. Иркутский. Иркутск, 1903; *Пономарев Н. А., прот.* Православие в Сибири: Иркутская епархия и ее архипастыри. Б. м., 1949 (машинопись).

25. Иннокентий (Смирнов), еп. Пензенский и Саратовский, свт. (1784–1819). Выпускник, преподаватель и префект Троицкой семинарии.

ЮАС 2000.

10/23 октября.

Жмакин Б. Иннокентий, еп. Пензенский и Саратовский. Биографический очерк. СПб., 1885; *Бриллиантов А.* Иннокентий, еп. Пензенский и Саратовский. Биографический очерк. СПб., 1912.

26. Никита (Делекторский), еп. Орехово-Зуевский, сщмч. (22.12.1876–19.11.1937). Выпускник МДА 1915, руководитель хора, пом. секретаря Совета.

ЮАС 2000.

6/19 ноября; нвмч. в Бутово.

Жития. Ноябрь. С. 77–82; *Дамаскин.* Кн. 5. С. 337–340; *Голубцов 1999б.* С. 22–23; МЕВ. 2001. № 3. С. 18–20; *Голубцов 2002.* Кн. 1, пол. 2. С. 337–339.

27. Платон (Соколович), еп. Банялукский, сщмч. († 5.5.1941). Выпускник МДА 1901.

Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви 1998.
22 апреля/5 мая.
Црква. Календар Српске Православне Патријаршије за просту
2003 годину. Београд, 2003. С. 13.

28. **Серафим (Звездинский), еп. Дмитровский, сщмч.**
(7.4.1883—26.8.1937). Выпускник МДА 1909.
ЮАС 2000.
13/26 августа; нвмч.
Жития. Июнь-август. С. 126—151; Акты. С. 889—890.

АРХИМАНДРИТЫ

29. **Леонтий (Стасевич), архим. Михайловский, прп.** (20.3.
1884—9.2.1972). Учащийся МДА в 1917—1919 гг.
ЮАС 2000.
28 января/10 февраля; нвмч.; 7/20 июня (Ивановские свв.).
Дамаскин. Жития. Январь. С. 405—436.

ПРОТОИЕРЕИ

30. **Александр Заозерский, прот., сщмч.** (20.7.1879—после
30.5.1922). Выпускник МДА 1903.
ЮАС 2000.
13/26 мая; нвмч.
Голубцов 1999а. С. 160—161; *Дамаскин*. Жития. Май. С. 76, 96—
122; Жития. Январь-май. С. 243—268; ПЭ 1. 2000. С. 476—477;
Дамаскин. Кн. 2. С. 62—66, 79.

31. **Александр Зверев, прот., сщмч.** († 1937). Выпускник
МДА 1909.
ПСС (6.10.2001).
3/16 ноября; нвмч. в Бутово.
Пэнэжко 2005. С. 124; *За Христа*. С. 453; *Голубцов 1999а*.
С. 161.
32. **Александр Левитский, прот., сщмч.** († 9.10.1937). Вы-
пускник МДА 1900.

ПСС (27.12.2005).

26 сентября/9 октября; нвмч. в Бутово.

Жития 4. С. 186—191.

33. **Александр Туберовский, прот., сщмч.** († 23.12.1937). Выпускник МДА 1907, э.-орд. проф. по кафедре Догматического богословия с 1917.

ЮАС 2000.

10/23 декабря; нвмч.; 10/23 июня (Рязанские свв.).

Барицкий 2005; Голубцов 1999б. С. 58—59; Голубцов 2002. Кн. 4. С. 81—96; Были верны. С. 134—140.

34. **Андрей Воскресенский, прот., сщмч.** (2.10.1884—31.10.1937). Выпускник МДА 1908.

ЮАС 2000.

18/31 октября; нвмч. в Бутово.

Жития. Сентябрь-октябрь. С. 173—177; За Христа. С. 281—282; *Дамаскин. Кн. 5. С. 313—320.*

35. **Борис Назаров, прот., сщмч.** († 17.2.1938). В 1907 сдал экзамены по богословским предметам в МДА.

ПСС (17.7.2002).

4/17 февраля; нвмч. в Бутово.

Дамаскин. Жития. Февраль. С. 75—77.

36. **Василий Соколов, прот., сщмч.** († после 30.5.1922). Выпускник Вифанской ДС 1888. Выпускник МДА 1910.

ЮАС 2000.

13/26 мая; нвмч.

Дамаскин. Жития. Май. С. 76—122; Жития. Январь-май. С. 243—268; Дамаскин. Кн. 2. С. 54—81; Пэнэжко 2005. С. 142.

37. **Димитрий Лебедев, прот., сщмч.** († 27.11.1937). Выпускник МДА 1898. Канд. богословия (1904 г.), э.-орд. проф. (с 1916 г.). В Академии служил до ее закрытия в начале 1920-х гг.

ЮАС 2000.

14/27 ноября; нвмч. в Бутово.

Жития. Ноябрь. С. 138–143; *Дамаскин*. Кн. 6. С. 341; *Голубцов 1999б*. С. 45–48; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 1. С. 143–153.

38. **Ефрем Долганев, прот., сщмч.** (1874–1918). Выпускник МДА 1897.

ЮАС 2000.

16/29 июня; нвмч.

ПЭ 19. 2008. С. 51.

39. **Зосима Трубачёв, прот., сщмч.** (24.12.1893–26.2.1938). Выпускник МДА 1918.

ЮАС 2000.

13/26 февраля; нвмч. в Бутово.

Дамаскин. Жития. Февраль. С. 241–248; *Дамаскин*. Кн. 5. С. 62–70.

40. **Илия Громогласов, прот., сщмч.** (19.7.1869–4.12.1937). Выпускник МДА 1893, э.-орд. (1904) проф. по кафедре Истории и обличения русского раскола старообрядчества с 1894 по 1911. В 1917 восстановлен в звании сверхштатного э.-орд. проф. по кафедре Церковного права.

ЮАС 2000.

22 ноября/5 декабря; нвмч.

За Христа. С. 345–346; *Дамаскин*. Кн. 3. С. 410–420; *Голубцов 1999б*. С. 42–45; *Голубцов 2002*. Кн. 1, пол. 2. С. 312–328е.

41. **Илия Четверухин, прот., сщмч.** (14.1.1886–18.12.1932). Выпускник МДА 1911.

ПСС (12.3.2002).

5/18 декабря; нвмч.

Жития 2. С. 240–268.

42. **Иоанн Артоболовский, прот., сщмч.** (9.1.1872—17.2.1938).
Выпускник МДА 1896, пом. секретаря Совета.

ЮАС 2000.

4/17 февраля; нвмч. в Бутово.

Дамаскин. Жития. Февраль. С. 65—71; Жития. Январь-май. С. 52—58; За Христа. С. 111; Дамаскин. Кн. 6. С. 24—29; Голубцов 1999б. С. 33—37; Голубцов 1988. С. 16—18а.

43. **Иоанн Смирнов, прот., сщмч.** (25.1.1879—10.12.1937).
Выпускник МДА 1911, преподавал на кафедре Церковнославянского и русского языков с палеографией с 1914 по 1919, с 1918 — э.-орд. сверхштатный проф.

ПСС (17.7.2002).

27 ноября/10 декабря; нвмч. в Бутово.

Жития 2. С. 204—207; Голубцов 1999б. С. 53—55; Голубцов 2002. Кн. 3. С. 92—99.

44. **Мирон (Ржепик), прот., сщмч.** (21.4.1885—13.9.1937).
Выпускник МДА 1910.

ПСС (6.10.2006).

31 августа/13 сентября; нвмч.

45. **Николай Беневоленский, прот., сщмч.** (30.5.1877—16.5.1941 в Караганде). Выпускник МДА 1902. Ок. 1918 в СП, с 1933 — прот. в Вознесенской ц., с 1939 в Ильинской ц. СП до ареста в 1940.

ЮАС 2000.

13/16 мая; нвмч.

Дамаскин. Жития. Май. С. 13—31; За Христа. С. 156.

46. **Николай Виноградов, прот., сщмч.** (21.4.1876—27.11.1937). Выпускник МДА 1901.

ЮАС 2000.

14/27 ноября; нвмч. в Бутово.

Жития. Ноябрь. С. 138—143; Дамаскин. Кн. 6. С. 337—341.

47. **Николай Толгский, прот., сщмч.** († 27.8.1927). Выпускник МДА 1911. Священный сан принял после окончания Академии.

ЮАС 2000.

14/27 августа; нвмч.

Толгская Н. В. Имена в поминании. М., 1998.

48. **Павел Добромыслов, прот., сщмч.** († 2.2.1940). Выпускник МДА 1901.

ЮАС 2000.

20 января/2 февраля; нвмч.; 10/23 июня (Рязанские свв.).

Дамаскин. Жития. Январь. С. 187–198; Были верны. С. 100–112.

49. **Павел Светозаров, прот., сщмч.** († 10.5.1922). Выпускник МДА 1891.

ЮАС 2000.

27 апреля/10 мая; нвмч.; 7/20 июня (Ивановские свв.).

Жития. Апрель. С. 267–288; *Дамаскин (Орловский), игум.* // МEB. 2010. № 5–6. С. 168–171.

50. **Сергий Голощапов, прот. Можайский, сщмч.** (6.6.1882–19.12.1937). Выпускник МДА 1908, преподавал в 1908–1914 на кафедре философии, в 1921 возглавил кафедру Систематической философии в Богословской академии (Москва), организованной профессорами МДА.

ПСС (27.12.2000).

7/20 декабря; нвмч. в Бутово.

Жития. Декабрь. С. 46–62; *За Христа.* С. 323–324; *Голубцов 1999б.* С. 38–41; *Голубцов 2002.* Кн. 1, пол. 2. С. 445–449.

ИЕРОМОНАХИ

51. **Серафим (Тьевар), иером., прмч.** († 6.12.1931). Учился в 1920–1923 в Богословской академии (Москва), организованной профессорами МДА.

ПСС (30.7.2003).

23 ноября/6 декабря; нвмч.

Деев 2004; Дамаскин. Жития 3. С. 199–206; Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1949. Т. 1. С. 201.

ИЕРЕИ

52. **Алексий Никольский, прот., сщмч.** (10.2.1877–8.3.1938).

Выпускник Вифанской ДС 1898, выпускник МДА 1902.

ЮАС 2000.

23 февраля/8 марта; нвмч.

Дамаскин. Жития. Февраль. С. 399–400; Погребняк Н., прот. // МЕВ. 2002. № 11–12. С. 49–50.

53. **Алексий Никонов, иерей Зарайский, сщмч.** (15.10.1881–29.10.1938). Выпускник МДА 1910.

ПСС (25.3.2004).

16/29 октября; нвмч.

Жития III. С. 142–148.

54. **Василий Малахов, иерей, св.** (30.1.1873–24.3.1937). Выпускник МДА 1898.

ПСС (27.12.2005).

11/24 марта; нвмч.

Дамаскин. Жития. Март. С. 128–143, Жития 4. С. 56–73.

55. **Василий Надеждин, иерей Кемский, сщмч.** (12.1.1895–19.2.1930). Студент МДА 1916–1920.

ЮАС 2000.

6/19 февраля; нвмч.

Дамаскин. Жития. Февраль. С. 154–161; Жития. Январь-май. С. 97–105.

56. **Евгений Васильев, иерей, сщмч.** (20.12.1892–24.11.1937). Студент МДА (до закрытия Академии в 1919).

ПСС (25.3.2004).

11/24 ноября; нвмч.

Жития III. С. 174–177.

57. **Иаков Бойков, иерей, сщмч.** (8.6.1896–19.4.1943) Студент МДА (с 1917 до закрытия Академии в 1919).

ЮАС 2000.

6/19 апреля; нвмч.

Дамаскин. Кн. 3. С. 103–129; *Дионисий (Шленов), игум.* Вступительная статья к: *Сщмч. Яков Бойков.* Страницы из «Академического дневника» за 1919 г. (опубл. выше, с. 819–826).

58. **Иоанн Кесарийский, иерей, сщмч.** (30.1.1878–16.11.1937). Выпускник МДА 1903.

ЮАС 2000.

3/16 ноября; нвмч. в Бутово.

За Христа. С. 563; *Дамаскин.* Кн. 6. С. 280–282, 286–287, *Жития.* Ноябрь. С. 51–58.

59. **Ипполит Красновский, иерей, сщмч.** (3.8.1883–1.6.1938). Выпускник МДА 1909.

ЮАС 2000.

19 мая/1 июня; нвмч.

Дамаскин. *Жития.* Май. С. 184–192, 228; *Дамаскин.* Кн. 4. С. 216–219, 220.

60. **Константин Любомудров, иерей, сщмч.** (27.7.1879–19.11.1937). Студент МДА в 1917–1919 гг.

ПСС (27.12.2005).

6/19 ноября; нвмч.

Жития 4. С. 210–215.

61. **Парфений Грузинов, иерей, сщмч.** (30.1.1874–26.2.1938). Выпускник Вифанской ДС 1896, выпускник МДА 1900.

ПСС (12.3.2002).

13/26 февраля; нвмч. в Бутово.

Дамаскин. *Жития.* Февраль. С. 254–256; *Жития* 1. С. 69–72;

За Христа. С. 347; Максимов М., *свящ.* // МЕВ. 2004. № 3. С. 65–66.

62. **Феодор Алексинский, иерей, сщмч.** (21.10.1875–15.12.1937). Выпускник МДА 1900.
ПСС (17.7.2002).
2/15 декабря; нвмч. в Бутово.
Жития II. С. 231–235.

63. **Христофор Надеждин, иерей, сщмч.** († после 30.5.1922).
Выпускник МДА 1897.
ЮАС 2000.
13/26 мая; нвмч.
Жития. Январь-май. С. 243–268.

МИРЯНЕ

64. **Иоанн Попов, мч.** (17.1.1867–8.2.1938). Выпускник МДА 1892, профессор по кафедре Патрологии с 1893. Доктор богословия (с 1917).
ПСС (30.7.2003).
26 января/8 февраля; нвмч.
Дамаскин. Жития. Январь. С. 339–367; Жития 2. С. 24–55; Голубцов 2002. Кн. 3. С. 1–27; Деев 2004.

65. **Николай Варжанский, мч.** (1881–1918). Выпускник МДА 1907. Миссионер.
ЮАС 2000.
23 августа/5 сентября; нвмч.
Жития. Июнь-август. С. 173–183.

СОКРАЩЕНИЯ

АС	Архиерейский Собор
ПСС	Постановление Священного Синода
ЮАС 2000	Юбилейный Архиерейский Собор 2000 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты — Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти. 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
- Были верны — Были верны до смерти. Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских XX века. Т. 1. Рязань, 2002.
- Деев 2004 — Деев Н. Путь крестной славы // Встреча. 2004. № 2 (18). С. 42—46.
- Барицкий 2005 — Барицкий С. Воскресение Христово видееше. Умозрение и подвиг Александра Туберовского // Встреча. 2005. № 3 (21). С. 33—36.
- Голубцов 1987 — Голубцов С. А., протоиак. Московская Духовная Академия дореволюционного периода Т. 2. Кафедры и личный состав Академии. Ч. 2. Биобиблиографический словарь сотрудников Академии в 1814—1870 гг. М., 1987. 210 с. (машинопись).
- Голубцов 1988 — Голубцов С. А., протоиак. Московская Духовная Академия дореволюционного периода. Т. 2. Кафедры и личный состав Академии. Ч. 3. Биобиблиографический словарь сотрудников Академии в 1870—1900 гг. М., 1988. 334 с. (машинопись).
- Голубцов 1999а — Голубцов С. А., протоиак. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917—1922 гг.: Церковно-общественные движения 1917—1918 гг. (Московская епархия и Синод). Антицерковные судебные процессы 1919—1922 гг. Лидеры и герои, мученики и исповедники. М., 1999.
- Голубцов 1999б — Голубцов С. А., протоиак. Профессура Московской Духовной Академии в сетях Гулага и ЧеКа: мученики и исповедники из корпорации дореволюционной Московской Духовной Академии в эпоху большевизма: по материалам архивов и публикаций: обзор и исследование. М., 1999.

СОБОР СВЯТЫХ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

- Дамаскин*. Кн. 1—7. — *Дамаскин (Орловский)*, иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 1—7. Тверь, 1992, 2001, 2000, 2002.
- Дамаскин*. Жития. Январь—май — *Дамаскин (Орловский)*, игум. Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Январь—май. Тверь, 2005, 2006, 2007.
- Жития. Январь—май — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Январь—май. Тверь, 2002.
- Жития. Сентябрь—октябрь — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Сентябрь—октябрь. Тверь, 2003.
- Жития. Ноябрь — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Ноябрь. Тверь, 2004.
- Жития. Декабрь — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Декабрь. Тверь, 2004.
- Жития 1 — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Доп. том 1. Тверь, 2005.
- Жития 2 — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Доп. том 2. Тверь, 2005.
- Жития 3 — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Доп. том 3. Тверь, 2005.
- Жития 4 — Жития новомучеников и исповедников Российских XX в. Московской епархии. Доп. том 4. Тверь, 2006.
- За Христа — За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917—1956. Кн. 1. А—К. М., 1997.
- Новомученики Яросл. — Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч. 2—3. Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2000.
- Одесский патерик — *Яций А. М.* Одесский патерик. Одесса, 2006.
- Пэнэжко 2005* — *Пэнэжко Олег, прот.* Храмы г. Александрова и окрестностей. Владимир, 2005.

БОГОСЛОВСКИЙ ВЕСТНИК

№ 11–12 · 2010

Юбилейный выпуск

Корректоры *М. В. Венецков,*
М. Г. Калинин

Верстка *И. А. Пичугин*

Подписано в печать 27.09.2010. Формат 60 × 84 1/16

Гарнитура «Академическая». Усл. печ. л. 68

Тираж 3000 экз. Заказ №

141300, Московская обл., г. Сергиев Посад,
Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Академия.
vestnik@mpda.ru

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6